

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Star 176.25

Bd. June, 1887.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

Received *1 Feb. - 1 March, 1887.*

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. ШИШОВЪ

4. 282/610

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1887.

Стр

I.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ Н. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ.—I.—П. В. Липенкова . . .	5
II.—МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.—VII.—Портной Грешка.—И. Щедрина . . .	30
III.—ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.—I-IV.—Изъ посмертныхъ бу- магъ П. П. Костомарова . . .	61
IV.—НЕДДА.—Разсказъ Д. Верга.—Съ итальянскаго.—В. Крестовскій (Псевдонимъ). . .	105
V.—ПОЛИТИЧЕСКИЯ ТЕОРИИ АББАТА МАВЛИ.—Изъ исторіи публицистики XVIII-го вѣка.—В. П. Герье . . .	124
VI.—ИЗЪ НОВЫХЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая.—I-VI.—П. Д. Баборынина . . .	153
VII.—ДВА ЧУРЬКОВОДНИКА.—Стих. А. М. Жемчужникова . . .	223
VIII.—СОДЕРЖАНІЕ И ФОРМА ВЪ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.—Сборники стихотвореній А. Н. Алухтина, С. А. Андреевскаго, С. Надсона и С. Г. Фруга.—Б. К. Арсеньева . . .	226
IX.—ЗЛОЙ ГЕНИЙ.—Семейная исторія, У. Коллива.—Прологъ и часть первая.— I-III.—А. Э.	245
X.—ВОДИЗАТВА.—Стих. Д. С. Мережковскаго	300
XI.—ТЕНДЕНЦИОЗНАЯ ЭТНОГРАФИЯ.—А. Н. Пынина	303
XII.—ЛЕРМОНТОВЪ НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.—По подлиннымъ докумен- тамъ.—П. А. Висковатого	320
XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Итоги минувшаго года. Смѣшанный характеръ важнѣйшихъ законодательныхъ дѣлъ.—Виды на будущее.—Во- просъ о „значеніи“ и „независимости“ нашей печати.—Фабричный бытъ въ отчетахъ фабричной инспекціи.—Проектируемыя постановленія о шанталжѣ и о наказуемой несостоятельности.—По поводу отчета государственнаго кон- троля объ исполненіи росписи 1885 года	248
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общая характеристика минувшаго года.—Уси- леніе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи.—Мини- стерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ.—Оппозиція въ Германіи военному законопроекту.—Правительственное сообщеніе по вѣн- ской полтицѣ, 3-го (15) декабря.—Волгарскія дѣла	378
XV.—БУКОВИНА И РУСИНЫ.—Письма съ дороги.—А. Ки	388
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Histoire de l'art Byzantin, par N. Kondakoff. —Дрепности Минусинскаго музея. Сост. Д. Клеменць.—А. В.	405
XVII.—НОВЫЕ ТОМЫ СОЧИНЕНІЙ Н. С. АБСАКОВА.—А. В.—въ	413
XVIII.—ЗАМѢТКА.—Новый журналъ сравнительной исторіи литературы.— Александра Веселовскаго	431
XIX.—ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г-на ГОЛОВАЦКАГО.—А. Н. Пынина	440
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Трудность уловить современное настро- еніе русскаго общества, и ироничная причина перемены въ немъ.—Свобода печати, и загробное свидѣтельство въ ея пользу.—Признаки времени въ дѣя- тельности земства и въ другихъ сферахъ.—Отвѣтъ г. Модестову.—Post-scriptum . . .	444
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Совѣта Петровскаго Общества исследователей Астрахан- скаго драг.—II. Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Е. Д. Кавелина . . .	459
XXII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Материалы для исторіи академіи наукъ, т. III.—Исторія города Рима, Грегоровіуса, т. V.—Черезъ дебри и пустыни, Ворисгофера.—Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гальтъ.—Афраїа, изъ ром. Мюгге.—Тисяча и одна ночь.—Сказки З. Тонеліуса.—Иллюстриро- ванный словарь, др-ра А. Симонова	

ОБЪЯВЛЕНІИ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1887 г. см. ниже, на оберткѣ.

28-423

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

— ТОМЪ ССХС-П. — 1/2 ЯНВАРЯ, 1887.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,   на Вас. Остр., Академич. переулочъ,
№ 7.   № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1887

~~13154~~

~~Slav 30.2~~

P Slav 176.25

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

СЪ

И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ

въ 60-хъ годахъ *).

I.

Пятнадцать лѣтъ (1862—1877 г.), протекшія между появленіемъ въ свѣтъ „Отцовъ и Дѣтей“ и „Новью“, составляютъ особый, третій періодъ въ дѣятельности И. С. Тургенева. Критики и толки, вызванные „Отцами и Дѣтьми“, долгое время производили удручающее впечатлѣніе на Тургенева. Еще въ апрѣлѣ 1862 г., онъ писалъ по возвращеніи изъ Лондона въ Парижъ:

„...Хотѣлъ бы я вамъ рассказать все-что о моей лондонской поѣздкѣ, но лучше отложить все это до близкаго свиданья. Одно

---

*) Въ февральской книгѣ журнала 1884 г. (стр. 449—478), вскорѣ послѣ смерти Тургенева, была помѣщена переписка съ нимъ П. В. Анненкова, изъ самой первой эпохи литературной дѣятельности Тургенева, до появленія „Рудина“ (1840—1856); статья носила заглавіе: „Молодость Тургенева“. Только годъ спустя, въ мартѣ 1885 г. (стр. 5—41), П. В. Анненковъ, отмеченный обширною работою по разбору бумагъ Тургенева, принадлежащихъ г-жѣ Віардо, могъ напечатать вторую часть своей переписки съ Тургеневымъ („Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ, 1856—1862 г.“). Болѣзнь, постигшая вскорѣ затѣмъ автора, долгое время препятствовала ему довести до окончанія начатый трудъ, и только теперь явилась возможность помѣстить продолженіе переписки Тургенева съ его старымъ другомъ, изъ третьяго и предпоследняго періода литературной дѣятельности Тургенева, между появленіемъ „Отцовъ и Дѣтей“ и „Нови“ (1862—1877 г.).—*Ред.*

скажу, что—охъ, какая безжалостная мельница—жизнь!—Такъ людей и превращаетъ въ муку—спросите вы?—Нѣтъ, просто въ соръ. Но все это иносказательно.—Я ни за какую работу пока не принимался—чувствую, что теперь въ теченіе года могу писать только сказки. Я одну задумалъ, и даже началъ. Сказками я называю личные, какъ бы лирическія, шутки, въ родѣ „Первой любви“. Но все это впереди...

Очевидно, и поѣздка въ Англію не совѣмъ развлекла Тургенева: онъ возвратился въ такомъ же настроеніи, какъ и уѣхалъ изъ Парижа. Въ этомъ отношеніи много любопытнаго представляетъ письмо, писанное Тургеневымъ незадолго до этой лондонской поѣздки, 26-го марта (6-го апрѣля) 1862 г., изъ Парижа, вскорѣ же выходямъ въ свѣтъ книжки „Русскаго Вѣстника“ съ новымъ романомъ—„Отцы и Дѣти“:

„Спасибо за письмо, любезнѣйшій другъ П. В., и за извѣстія, которыя въ немъ заключаются. — До васъ, писали мнѣ о моей вещи („Отцы и Дѣти“) Писемскій, который ею недоволенъ, и Достоевскій и Майковъ, которые, напротивъ, чрезвычайно довольны. Изъ Москвы я не получилъ ровно никакихъ извѣстій—ни экземпляровъ обѣщанныхъ, ни денегъ, ни писемъ—такъ что я улице-зрѣлъ собственное дѣтище только по милости кн. Трубецкаго, ссудившаго мнѣ книжку „Русскаго Вѣстника“. Опечатокъ отыскалось много, а именно около 50, изъ которыхъ штукъ 15 жестовыхъ—я послалъ списочекъ Каткову. Ну, а теперь лодка спущена, потонетъ или поплыветъ—это ужъ ея дѣло, а мнѣ толковать больше объ этомъ не для чего. Хотѣлось бы мнѣ только знать, что Тютчева—такого же невыгоднаго мнѣнія о моей повѣсти, или смягчилась?

„Дѣла происходятъ у васъ, въ Петербургѣ—нечего сказать! Отсюда это кажется какой-то кашей, которая пучится, кипитъ—да, пожалуй, и вблизи остается впечатлѣніе каши. Освистанный Дюбре-Дюминиль-Костомаровъ, — а тамъ Чичеринъ-доктринеръ и Аксаковъ со своимъ „Днемъ“, и Никита Безрыловъ, и тоже освистанный Ч—ій. Все это крутится передъ глазами, какъ лица макабрской пляски, а тамъ внизу, какъ черный фонъ картины, народъ-сфинксъ, и т. д. Хочется взглянуть на все это собственными глазами, хоть напередъ знаешь, что все-таки ничего не поймешь. Я отсюда выѣзжаю черезъ три недѣли; не хочу думать, что я васъ не застаю въ Петербургѣ—это было бы безобразно. Вѣдь мы въ послѣднее время почти не видались. Послѣ-завтра

я ѣду въ Лондонъ на нѣсколько дней. Ахъ, Павелъ Васильевичъ, не мнѣ бы это говорить, не вамъ бы слушать: но если бы вы знали, какъ я состарѣлся, отяжелѣлъ и опустился!—Послѣднія 15 лѣтъ промелькнули какъ сонъ; я никакъ не могу понять, какимъ образомъ мнѣ вдругъ стало 43 года, и какъ это я отутѣлся наемъ-то, почти чужимъ мнѣ самому, старикомъ? Новые чувства—новые ощущенія даже невозможны; остается пережевывать старую жвачку, а политической искры, въ сожалѣнью, во мнѣ нѣтъ.—Состарѣвшійся художникъ—какъ потерявшая голосъ пѣвица: ну, на что торчать?.. Впрочемъ, не буду продолжать въ этомъ тонѣ; что за охота жаловаться на горе, которому помочь нельзя. Надѣюсь, что наша дружба извинитъ мое хныканье. Я изрѣдка получаю письма изъ Рима отъ (В. П.) Боткина; онъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ вѣчномъ городѣ; вѣроятно, мы вмѣстѣ вернемся въ Россію. Здѣсь я вижу только съ Ханьковымъ, да еще съ Кавелинымъ, который ужъ очень бранитъ французовъ.

„До свиданья, милый П. В. Повлонитесь вашей женѣ и всѣмъ добрымъ друзьямъ и примите дружеское рукопожатіе отъ вашего старика, И. С. Тургенева.

„P. S. У насъ здѣсь сирень въ полномъ цвѣту. А у васъ?“

Я собирался уже повидать Малороссію, когда вдругъ получилъ письмо изъ Спасскаго—сельской резиденціи Тургенева, писанное 12-го іюля 1862 г.

„Милый П. В., видно, письма изъ полтавской губерніи въ орловскую ходятъ дольше, чѣмъ изъ Мадрида въ Калькутту, потому что ваше, „пущенное“, какъ говорится—отъ 19-го іюня, только третьяго дня, т. е. 9-го іюля, достигло, наконецъ, до нашихъ мирныхъ палестинъ. Это тѣмъ болѣе неутѣшительно, что заставляетъ полагать, что и мое пойдетъ такимъ же раковымъ ходомъ, и что, слѣдовательно, пока мы успѣемъ перекинуться двумя, тремя посланіями, наступитъ зима. Но намъ не впервые съ вами поворота въ печальной необходимости, особенно въ нынѣшнемъ году—стало быть, толковать нечего. Жалѣю я только объ одномъ, что намъ и въ нынѣшнемъ году не удастся увидѣться; а поговорить было бы о чемъ. Даже если бы вы не отложили вашего намѣренія посѣтить меня въ Спасскомъ, я бы самъ вамъ это отсовѣтовалъ, такъ какъ я остаюсь здѣсь гораздо меньше, чѣмъ предполагалъ, и въ половинѣ августа уже уѣзжаю за-границу. Авось свадьба моей дочери развяжетъ мнѣ руки, и я хотя въ

началу 1863 года буду свободенъ. Здѣсь дѣла идутъ, скрывается и трещина, какъ намазанная тѣста—но все-таки впередъ, и я убѣждаюсь, что въ будущей веснѣ всѣ земли (съ необходимыми исключеніями) будутъ выкуплены, что бы ни говорили гг. крѣпостники и другіе ejusdem farinae.

„А тяжелъ пришелся Россіи ея 1000-й годъ! Но хоть и за то спасибо, что многое выяснилось и опредѣлилось. Никогда еще я, такой темный и тайный приверженецъ правительства, какъ вы знаете—съ такимъ волненіемъ не глядѣлъ издали на нашего Государя, отъ котораго, можно сказать, теперь все зависитъ. Дай Богъ ему удержаться неизменно на единственно-спасительномъ пути!..

„Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи „Современника“. Вспомнилось его основаніе, Бѣлинскій и многое... Мнѣ кажется, Головинъ поторопился. Неизвѣстность о томъ, дѣйствительно ли участвовали „агитаторы“ въ поджогахъ—мучительна; темные намеки, попадающіеся въ газетахъ, раздражаютъ и волнуютъ еще болѣе. Это—безуміе, это—безсмысленное самоистребленіе, это—преступленіе, наконецъ. Право, я не могу теперь безъ трепета распечатывать ни одного пакета съ журналами. Вотъ до чего мы дожили, вотъ куда должна была придти неизбѣжная реакція противъ 30-ти-лѣтней тьмы! Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное отъ почвы, закружилось, какъ перо, какъ гѣбна; теперь оно готово отхлынуть или отлетѣть за тридевять земель отъ той точки, гдѣ недавно еще вертѣлось; а совершается ли при этомъ, хотя неловко, хотя косвенно, дѣйствительное развитіе народа, этого никто сказать не можетъ. Будемъ ждать и прислушиваться.

„Что касается до моего послѣдняго произведенія: „Отцы и Дѣти“, я могу только сказать, что стою самъ изумленный передъ его дѣйствиемъ; и не то что радуюсь—радоваться тутъ особенно нечему—а въ первый разъ серьезно доволенъ своимъ дѣломъ, хотя мнѣ иногда сдается, что я тутъ—сторона, а всю эту штуку выкинулъ какой-то другой, которому это было нужно, и которому я съ моимъ романомъ попался подъ-руку. Но и это счастье. „Отцы и Дѣти“ скоро появятся въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ (Кетчеръ за это взялся), съ посвященіемъ Бѣлинскому. Новаго я пока ничего не предпринималъ—и въ головѣ вертятся одніи сказки. Фетъ еще здѣсь; Боткинъ (В. П.) уѣхалъ“.

1-го января 1863 (20-го декабря 1862). Rue de Rivoli, 210.

„Пишу вамъ, какъ говорятъ англичане — a few lines, — чтобы благодарить васъ и за помѣщеніе моего письма, и за сдѣланный выпускъ. Все это умно, разсудительно, однимъ словомъ, хорошо. Надѣюсь на васъ и впередъ. Вы мнѣ скажете, если нужно будетъ, что сдѣлать, а нападеній я не боюсь. Фактовъ они не опровергнуть (встати, Некрасовъ предлагалъ мнѣ 8000 р. за „Наканунъ“, въ присутствіи А. Н. Островскаго и Е. Я. Колбасина — и письмо его хранится у меня), а все остальное — пустяки. Сообщенные вами факты всё до крайности интересны — и Боткинъ слушалъ чтеніе вашего письма, облизываясь. Я непремѣнно самъ напишу Писемскому, а вы пока поклонитесь ему отъ меня — и скажите, что я жажду прочесть его романъ, предчувствуя заранѣе, что буду хохотать и любоваться мастерствомъ. Островскаго вѣнь тоже меня интересуеетъ, хотя я нѣсколько охладѣлъ къ изображеніямъ добродѣтельныхъ людей въ дегтарныхъ тулупахъ и съ суконымъ языкомъ.

„Вы, можетъ быть, пожелаете имѣть какія-нибудь свѣденія о моей дѣятельности. Увы, мой почтенный другъ, она прекратилась и едва ли скоро возобновится. Я долженъ вамъ сказать (но это между нами), что я сильно и глубоко потрясенъ. То, что я давно подозрѣвалъ, теперь оказалось несомнѣннымъ: Ройе (здѣшній извѣстный докторъ) открылъ у меня давно таившуюся, застарѣлую болѣзнь, и я не въ состояніи оторваться отъ мысли объ этой неизлечимой болѣзни, которая лишаетъ меня силъ, состарила меня и готовитъ мнѣ самую печальную будущность. Тутъ уже не до сочинительства, не до творчества, какъ выражаются гг. эстетики и критики. А издатели журналовъ, словно сговорившись, бомбардируютъ меня письмами.

„Вотъ, любезный П. В., какимъ я унылымъ концомъ завершилъ мое письмо. Дѣлать нечего — надо покориться“.

Къ печальнымъ мыслямъ, навѣяннымъ притомъ невѣрнымъ докторскимъ диагнозомъ., вскорѣ присоединились новыя тревоги для Тургенева, какъ то видно изъ его писемъ, полученныхъ вскорѣ за предыдущимъ:

Парижъ, 7-го (19-го) января 1863. Rue de Rivoli, 210.

„Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ.

Вызывать меня теперь (въ сенатъ), послѣ „Отцовъ и Дѣтей“, послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія именно теперь, когда я окончательно—чуть не публично—разошелся съ лондонскими изгнанниками, т.-е. съ ихъ образомъ мыслей,—это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ,—никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ на дняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду—смѣшно даже прибавлять: съ спокойной совѣстью; одно мнѣ будетъ неприятно—зимняя поѣздка, которая, при моемъ нездоровьѣ, не представляетъ ничего отраднаго; ну, да и дочь мою здѣсь оставить не совсѣмъ весело. Но до сихъ поръ я ничего ни отъ кого не слышалъ, и надѣюсь, что это все окажется puffomъ. А все-таки имѣю самонадѣянность думать (экой галлицизмъ!), что мой образъ мыслей долженъ быть извѣстенъ и Государю, и правительственнымъ лицамъ у насъ.

„А если придется ѣхать, такъ и то меня утѣшаетъ, что я васъ увижу и другихъ добрыхъ друзей. Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишете, я за собой не знаю; вся моя жизнь какъ на ладони, и скрывать мнѣ нечего.

„До свиданія, если не теперь, такъ въ апрѣлѣ“.

Письмо, полученное вслѣдъ за этимъ изъ Парижа, отъ 19-го (31-го) января 1863 г., показываетъ, что Тургеневъ продолжалъ не вѣрить въ справедливость слуховъ о вызовѣ его въ Петербургъ и колебался установить рѣшеніе, согласно полученному приказу, хотя я получалъ свои свѣденія изъ очень достовѣрнаго источника, и сомнѣваться въ точности и справедливости извѣстія не предстояло никакой возможности.

Парижъ, 19-го (31-го) января 1863. Rue de Rivoli, 210.

„Любезнѣйшій П. В., прошло двѣ недѣли слишкомъ съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы сообщили мнѣ распространившіеся обо мнѣ слухи. Я съ тѣхъ поръ имѣлъ личную бесѣду съ нашимъ посланникомъ, барономъ Будбергомъ, и, какъ говорится, —ни слуху, ни духу,—что подтверждаетъ окончательно мои первоначальныя впечатлѣнія насчетъ неправдоподобности самаго факта. Вы все-таки были бы очень любезны, если бы написали мнѣ нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ.

„Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о самомъ себѣ—и, какъ водится, дамъ нѣсколько порученій. Слова будутъ слѣдующаго

содержанія: здоровье мое нѣсколько улучшилось, и я, хотя вяло, но принялся за работу. Лекціи о Пушкинѣ я все-таки не могу выслать, или, лучше сказать, я могу ихъ выслать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были напечатаны послѣ вещи, которую я оканчиваю для „Времени“ и которая также пойдетъ черезъ ваши руки—для замѣчаній, критикъ, и пр., какъ я это постоянно дѣлалъ до сихъ поръ. Это вамъ не должно, однако, помѣшать взять у Корша, въ счетъ будущихъ благъ, 100 руб., которые вы отдайте Захару, когда онъ явится къ вамъ съ письмомъ отъ меня, за чтѣ я вамъ заочно въ ножки кланяюсь. Вѣдь я, кажется, еще ничего не бралъ у Корша?

„Порученіе состоитъ въ покорнѣйшей просьбѣ—немедленно выслать мнѣ, по книгопродавческому пути, книгу Костомарова: „Сѣверныя народоправства“, и книгу Бѣляева: „Домашній бытъ русскихъ царей“. Я видѣлъ объявленіе о нихъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, единственномъ журналѣ, аккуратно доходящемъ до Парижа; изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ пришелъ только одинъ 9-й номеръ, а „Московскія“ вовсе не пришли. Миленькая перспектива! Мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось получать „С.-Петербургскія Вѣдомости“, что вы въ нихъ участвуете. Вы бы очень были великодушны, еслибъ обратили вниманіе на наше сиротство. Съ другой стороны, именно теперь, при разрушеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п., это трудно, но вѣдь всѣ мы надѣемся, что эти беспорядки долго продолжаться не могутъ.

„Здѣсь все идетъ потихоньку; я присутствовалъ на трехъ чтеніяхъ Диккенса, и пришелъ въ совершенно телячій восторгъ. Передъ этой гениальностью всѣ наши чтецы: Писемскій, Островскій, превращаются въ нѣчто менѣе мухи. Какая веселость, сила, грація и глубина! Этого передать невозможно. Даже (В. П.) Боткинъ расколыхался и готовитъ въ нашъ журналъ статью.

„Мы здѣсь съ Віардо перевели „Онѣгина“, и онъ будетъ напечатанъ.

„Поклонитесь отъ моего имени Писемскому и скажите ему, что я жажду прочесть его романъ; если онъ напечатаетъ его въ январской книжкѣ „Б. для Чт.“, то я умоляю его прислать мнѣ оттискъ по почтѣ, на мой счетъ“.

Черезъ шесть дней, именно 25 января (6 февр.) 1863 г., явился отъ него новое письмо изъ Парижа, болѣе успокоительнаго характера. Тургеневъ, наконецъ, убѣдился, что слухъ о вызовѣ вѣрнъ.

Парижъ, rue de Rivoli, 210. 25-го янв. (6-го февр.) 1863.

„Любезный другъ Павелъ Васильевичъ, слухи, которые вы мнѣ сообщали и которыми я, по ихъ неправдоподобности, не хотѣлъ вѣрить, оказались справедливыми. Меня дѣйствительно требуютъ назадъ въ Россію. Немедленно я ѣхать не могу—семейныя дѣла этому препятствуютъ, а потому, съ одобренія нашего здѣшняго посланника, написалъ письмо Государю, въ которомъ прошу его сдѣлать мнѣ милость и велѣть выслать мнѣ допросныя пункты, на которые я отвѣчу съ совершеннымъ чистосердечіемъ. Задача эта будетъ нетрудная, потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себя представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я—писатель, какъ я это представилъ самому Государю,—писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель,—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ со своимъ „тайнымъ приверженцемъ“, какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ я совершенно спокоенъ и буду спокойно ожидать отвѣта; не могу также не сообщить вамъ, что баронъ Будбергъ (нашъ посолъ) показалъ себя въ этомъ дѣлѣ съ самой лучшей стороны.

„То, что вы пишете мнѣ о переменѣ къ лучшему, замѣтной въ нашемъ обществѣ, очень меня радуетъ. Дай Богъ, чтобы оно было такъ! Хотя, напримѣръ, выходъ сочиненій г. Всеволода Крестовскаго, разомъ въ двухъ изданіяхъ, великолѣпномъ и народномъ, мало свидѣтельствуетъ въ пользу вкуса публики. Кстати, я съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ вашу статью объ Успенскомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Извѣстія изъ Польши горестно отразились и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы... Когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней?! Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія этого безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши.

„Мое здоровье по прежнему мало удовлетворительно, и за работу я принимаюсь вяло. Вы, напротивъ, я вижу, молодецъ и находитесь въ полной дѣятельности. Хороша ли подписка на „С.-Петербургскія Вѣдомости“?

Со слѣдующаго письма и вплоть до конца года мы переписывались съ Тургеновымъ о многомъ, но, въ сущности, было одно дѣло, которое насъ особенно занимало, именно: вызовъ его въ Петербургъ.

Баденъ-Баденъ. 27-го (15-го) сентября 1868.

„Дорогой П. В., прежде всего благодарю за ваше письмо. Я и безъ него зналъ, какъ крѣпка и неизбежна наша, какъ вы говорите, четверть-вѣковая дружба, но такого рода подтвержденія всегда пріятны. Все, что вы говорите, весьма умно и дѣльно, и я рѣшился послѣдовать вашему совѣту; но я желалъ бы сдѣлать это въ ноябрѣ (т.-е. пріѣхать въ Петербургъ). Я уже объ этомъ писалъ въ Русскую Миссію въ Парижъ, отъ которой недавно получилъ приглашеніе возвратиться въ Россію на непродолжительное время, если состояніе моего здоровья или дѣль мнѣ это позволяетъ. Съ ноября успѣю перебраться въ Парижъ, основать тамъ мое маленькое семейство, и я поѣду тогда въ Россію не на нѣсколько дней, а на нѣсколько недѣль. Я увѣренъ, что это замедленіе не можетъ имѣть вліянія на ходъ самаго процесса, тѣмъ болѣе, что мнѣ не придется слова прибавить къ отвѣтамъ, весьма подробнымъ и полнымъ, которые я послалъ нынѣшней весной. Благодарите добраго Ковалевскаго за его радужное предложеніе и передайте мой поклонъ г. Карніоліну-Пинскому, котораго я знавалъ въ мои молодые годы. Повторяю: поѣздка теперь въ Петербургъ, хотя на нѣсколько дней, для меня невозможна; въ ноябрѣ я ей буду очень радъ и съ удовольствіемъ останусь въ Петербургѣ до конца января или даже до февраля. Душевно желаю, чтобы это намѣреніе мое было одобрено вами и другими лицами, принимающими во мнѣ участіе.

„Теперь скажу нѣсколько словъ о прилагаемой фантазіи, которая вотъ уже второй мѣсяцъ лежитъ у меня переписанная. Прошу васъ прочесть этотъ вздоръ со вниманіемъ и рѣшить: стоитъ ли въ теперешнее время печатать эту штуку, или лучше отложить до болѣе спокойныхъ дней? Если вы рѣшите, что печатать можно, то подумайте, какъ это сдѣлать. Я общалъ эти „Призраки“ редакціи „Времени“, но съ тѣхъ поръ само „Время“ стало призракомъ. Достоевскій (который на дняхъ посѣтилъ меня въ Баденѣ) просилъ меня подождать до октября, въ надеждѣ, что, быть можетъ, его журналъ опять разрѣшатъ; въ такомъ случаѣ, разумѣется, моя вещь должна появиться у него. Если же этого разрѣшенія не послѣдуетъ, то куда ее сунуть?

„Я „Русскому Вѣстнику“ долженъ 300 р., и онъ бы принялъ

„Призраки“ охотно, но мнѣ какъ-то не хочется печататься у Каткова. Впрочемъ вы на мѣстѣ лучше все сообразите и рѣшите, и я даю вамъ *carte blanche*. Только вотъ чтó: уже если печатать, то нельзя ли получить побольше денегъ, въ коихъ я весьма нуждаюсь. Въ „Призракахъ“, вѣроятно, немного болѣе двухъ печатныхъ листовъ—и 1000 рублей... (я краснѣю отъ стыда и прячу носъ подъ мышку)—было бы не худо. Словомъ, распорядитесь какъ знаете, только извѣстите меня поскорѣе: 1) о прибытіи этого грузнаго письма; 2) о вашемъ впечатлѣніи и рѣшеніи.

„За симъ, заранѣе благодарю васъ за всѣ ваши хлопоты, дружески кланяюсь вашей женѣ и всѣмъ добрымъ пріятелямъ и крѣпко жму вамъ руку.

„Ив. Тургеневъ.

„P. S. Что такое романъ Писемскаго?

„Чуть было не забылъ главнаго. По милости банкротства „Времени“ и недошедшаго письма къ дядѣ, мой долгъ все еще вамъ не уплаченъ. Запродавши „Призраки“ (которыхъ печатаніе, вѣроятно, отложится до моего прибытія), вы немедленно должны удержать слѣдующія вамъ деньги. На дняхъ выплню вамъ несчастныя лекціи о Пушкинѣ“.

Бадень-Бадень. 10-го октября (28-го сентября) 1863.

„Спасибо, старый и добрый другъ мой П. В., за скорую отписку. Что касается до пріѣзда въ Питеръ, то—vous r̄êchez un converti: въ ноябрѣ тамъ—если только живъ буду. Что касается до фантазіи, то я даже дрогнулъ, прочтя слово: „автобиографія“, и невольно подумалъ, что когда у добраго лягаваго пса носъ чутковъ, то ни одинъ тетеревъ отъ него не укроется, въ какую бы онъ ни забился чащу. Тетеревъ, разумѣется, я. Мнѣ пріятно, что вамъ эта вещь понравилась, а до остальныхъ, т.-е. до массы—мнѣ, право, дѣла мало. Я ея не обвиняю, она совершенно права, ей нужны другія кушанья; но я—поваръ стараго покроя, и не умѣю на нее готовить. Довольно—однако же—то былъ тетеревъ, теперь—поваръ! Результатъ всего этого—что „фантазію“ мы прибережемъ до личнаго свиданія. Я самъ полагаю, что нѣтъ никакой нужды пускать ее по литературной братіи. Пріятелямъ—другое дѣло. Я бы желалъ знать мнѣніе о ней Александры Петровны (кстати, поклонитесь отъ меня Тютчевымъ).

„Я не могу писать къ вамъ, не давая вамъ комиссій; вотъ и теперь даю:

„1) Увѣдомьте меня, чтó за человекъ П. Д. Боборыкинъ, но-

ный издатель „Библиотеки для Чтенія“, и каковъ этотъ журналъ подъ его редакціей.

„2) Узнайте, пожалуйста (это очень нужно), не были ли переведены съ польскаго и помѣщены въ какомъ-либо журналѣ— „Письма съ Киргизской степи“, Адольфа Янушевича.

„3) Г-жа Viardo положила на музыку (по мнѣнію всѣхъ зна- токовъ—превосходно) 15 стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Фета. Мы издаемъ ихъ здѣсь въ Карлсруэ съ нѣмецкимъ и рус- скимъ текстомъ. Узнайте же, захочетъ ли Бернардъ (музыкальный торговецъ) купить нѣсколько сотъ экземпляровъ? Я ихъ, вѣроятно, привезу съ собой.

„4) Кто такой В. Слѣпцовъ, авторъ разсказа: „Питомки“, помѣщеннаго въ июльской книжкѣ „Современника“? За симъ еще разъ спасибо и до свиданія“.

Баденъ-Баденъ. 1-го (13-го) октября 1863.

„Драгоценный Павелъ Васильевичъ, въ дополненіе къ по- слѣднему письму, прошу васъ убѣдительно немедленно выслать мнѣ сюда все, что появилось изъ записокъ „Объ университетской жизни“ Д. Писарева. Это напечатано въ „Русскомъ Словѣ“. Въ случаѣ надобности, подпишитесь на мой счетъ на одинъ экземп- ляръ, вырѣжьте листы и подъ бандеролью пришлите мнѣ сюда. Это мнѣ до крайности нужно, и я вамъ буду весьма обязанъ. Другого пова прибавлять нечего—будьте здоровы и благоден- ствуйте“.

Баденъ-Баденъ. 4-го (16-го) октября 1863.

„Любезнѣйшій П. В. Вотъ вы скажете: человекъ молчалъ, молчалъ—да вдругъ и пронесло его письмами! Но дѣло въ томъ, что есть на свѣтѣ обстоятельства, другъ Гораціо, и т. д. Я вамъ писалъ о намѣреніи нашемъ напечатать здѣсь въ Карлсруэ аль- бомъ 15-ти (не 12-ти) русскихъ стихотвореній, съ нѣмецкимъ переводомъ Боденштедта, положенныхъ на музыку г-жей Віардо. И вдругъ, единственный работникъ въ типографіи, умѣющій печатать, т. е. набирать музыку, занемогаетъ опасно и надолго. Оказывается необходимость перемѣны дирекціи. А потому, будьте такъ великодушны, спросите Бернарда (такъ какъ онъ—лучшій из- датель музыки въ Петербургѣ),—согласенъ ли онъ купить право изданія этого альбома (г-жа Віардо удовлетворилась бы 2,000 франковъ) въ Россіи; если согласенъ, то согласенъ ли онъ также посылать сюда корректуры подъ бандеролью; это не будетъ ни хлопотно, ни дорого, потому что весь альбомъ, состоящій изъ

15 пьесъ, — невеликъ. Однимъ словомъ, узнайте его условія и сдѣлайте одолженіе, извѣстите меня немедленно, за что я вамъ премного буду благодаренъ.

„Я надѣюсь, что вы уже выслали мнѣ статью Писарева, о которой я просилъ васъ.

„Вотъ стихотворенія, положенныя на музыку г-жею Влардо: Пушкина — „Для береговъ отчизны дальней“, „На холмахъ Грузіи“, „Завлинаніе“, „Цвѣтокъ“, „Мой голосъ для тебя и ласковый“ и т. д. „Послѣдняя туча“, „Птичка“; Лермонтова — „Колыбельная пѣсня“, „Когда печаль слезой невольной“; Фета — „Шопотъ“, „Психея“, „Звѣздная ночь“, „Полуночные образы“, „Я долго стоялъ неподвижно“, „Какая ночь“; — и вашего покорнаго слуги одно стихотвореніе же подъ заглавіемъ: „Синица“.

„Пожалуйста, отвѣчайте поскорѣе, и да благословитъ васъ Всевышній“.

Парижъ, rue de Rivoli, 210. 13-го (25-го) ноября 1863.

„Дорогой Павелъ Васильевичъ, это письмо пишется мною на случай, если другое письмо мое, адресованное В. П. Боткину, какъ-нибудь не дойдетъ до него. Я адресовалъ ему въ гостинницу „Франція“, близъ Полицейскаго моста. — Пожалуйста, поѣзжайте къ нему тотчасъ и, если онъ получилъ мое письмо, прочтите его вмѣстѣ. Дѣло въ томъ, что, по милости дяди, или Фета, или банкира Ахенбаха въ Москвѣ, я безъ копѣйки, и не имѣю рѣшительно средствъ выѣхать. И въ Парижъ-то я прибылъ для прощанія съ дочерью, взявъ въ долгъ, и оставилъ мои вещи въ залогъ хозяйкѣ. Я прошу Боткина дать объ этомъ тотчасъ знать Фету въ Москву, которому дядя поручилъ 3,500 р. сер., для пересылки мнѣ. Пусть онъ, не теряя ни минуты, напишетъ мнѣ въ Баденъ, Schillerstrasse, 277 — что сдѣлалось съ этими деньгами — если онъ не вышлетъ мнѣ секундъ-веселей.

„Я черезъ недѣлю выѣзжаю изъ Парижа обратно въ Баденъ и буду ждать этого письма, чтобы пуститься въ Петербургъ. До свиданія — вашъ Ив. Тургеневъ“.

Парижъ. 1-го декабря (19-го) ноября 1863.

„Любезный П. В., плачевная исторія съ моими деньгами разыгралась, наконецъ, хотя не безъ значительнаго ущерба моимъ бокамъ. А именно: лирической поэтъ Фетъ, получивъ деньги отъ моего дяди, долгое время не посылалъ ихъ, все разсуждая, какъ бы ихъ лучше доставить въ Баденъ — такъ какъ прямо на Баденъ банкировъ нѣтъ. (Это историческое изреченіе принадле-

жить глубокомысленной конторѣ Ботвиныхъ въ Москвѣ.) Дѣйствительно, на Баденѣ нѣтъ банкировъ, но въ Баденѣ есть ихъ цѣлая дюжина, которая съ жадностью караулитъ каждый вексель, будь онъ на Вальпарайзо—не только на Парижъ. Въ разсужденіяхъ своихъ, доходившихъ до Гордіева узла и до Сезостриса (собственные слова его письма, которое я вамъ покажу),—онъ остановился было на Франкфуртѣ... но тамъ флорины... это, молъ, Тургеневу, можетъ быть, неприятно... (ей Богу!) Такъ проходили дни—я изнывалъ,—а въ Петербургѣ курсъ возьми да лопни. Тогда лирическій поэтъ Фетъ, совершенно потерявъ голову, бросился къ какому-то банкиру, по имени Воганъ или Вогау (на обоихъ векселяхъ написано разное)—и, павъ ему въ ноги, умолилъ его взять 100 р. въ 350 фр. (такой курсъ не былъ и въ крымскую войну!), на чтѣ тотъ согласился, такъ какъ въ то самое мгновеніе Ахенбахъ и другіе банкиры давали по 367—и послалъ мнѣ деньги, à trois mois de date, назвавъ меня при томъ Фюргюхеневымъ—(m-g Furguheneff). Результатомъ всѣхъ этихъ Сезострисовыхъ соображеній—была чистая потеря. Все это было бы смѣшно—когда бы не стоило денегъ. Впередъ наука—не поручать денежныхъ дѣлъ лирическимъ поэтамъ. Одно утѣшеніе—материалу прибавилось для комической картины состоянія россійскаго общества. Прочтите это (В.) Боткину—онъ посмѣется.

„Быть можетъ, до прибытія этого письма, явится въ Петербургъ Ханьковъ; онъ вамъ скажетъ, что я собираюсь свакать за нимъ. Къ сожалѣнію, я простудился на прощальномъ обѣдѣ, данномъ тому самому Ханькову—и три дня просидѣлъ въ комнатѣ—вслѣдствіе этого я тремя днями позднѣе прибуду въ Петербургъ. Я послѣ-завтра ѣду въ Баденъ, заберу тамъ свои вещи, и, пробывши 2, 3 дня, отправлюсь въ Петербургъ, куда думаю прибыть до 30-го ноября. Итакъ, до скорого свиданія, но вотъ вамъ еще двѣ просьбы.

„Всѣ письма, деньги, etc., которыя вы получите отъ дяди на мое имя, храните до моего приѣзда. Поблагодарите отъ меня Тютчева за его хлопоты насчетъ Захара и за снабженіе сего смертнаго 110 руб. Это было очень любезно съ его стороны; я ихъ отдамъ ему немедленно по возвращеніи. Да, вотъ, еще пунктъ. И Тютчевъ, и многіе другіе пріятели не совѣтуютъ мнѣ печатать „Призраки“—попросите Достоевскаго (если онъ этого еще не сдѣлалъ) не выставлять ихъ въ своей программѣ и не говорить, что, молъ, явится такая-то штука такого-то. Приѣхавши въ Петербургъ, я посоветуюсь—и тамъ увидимъ“.

Бадень-Бадень. 5-го декабря (28-го ноября) 1868.

„Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, вы, вѣроятно, вмѣсто этого письма, желали бы видѣть собственную мою особу—и это удовольствіе (видите, какъ я самонадѣянъ!) не замедлится. А именно, прошу васъ сходить къ г-ну Карніолину-Пинскому, презусу комиссіи, которая меня будетъ допрашивать, и доведите до его свѣденія, отъ моего имени, что я весьма желалъ бы, чтобы сенатъ, назначившій мѣсяцъ ноябрь—срокомъ моего возвращенія въ Россію, прибавилъ мнѣ всего двѣ недѣли. Я даю честное слово, что, если только буду живъ, въ 15-му (27-му) декабря явлюсь въ Петербургъ.

„Въ надеждѣ скоро увидѣть васъ, не распространяюсь болѣе; но мнѣ было бы пріятно получить два слова въ отвѣтъ. Я выѣзжаю отсюда—10-го (22-го) декабря—черезъ двѣ недѣли,—и вашъ отвѣтъ застанетъ меня еще здѣсь“.

Бадень-Бадень. 9-го (21-го) декабря 1868.

„Любезнѣйшій П. В., не знаю въ точности, повѣрите ли вы мнѣ (но надѣюсь, что повѣрите), когда скажу вамъ, что едва ли въ жизни моей я испыталъ болшую непріятность, чѣмъ именно теперь. Я не могу вернуться въ Россію! У меня сдѣлалась какая-то гадость на правой ногѣ, которая грозитъ продержатъ меня въ комнатѣ, можетъ быть въ постели, на неопредѣленное время. Докторъ называетъ это—*ébranchement de synovie*—спросите брата Боткина (С. П.), что это такое;—но дѣло въ томъ, что нога у меня распухла, болитъ, и я ступить не могу на нее. Я ждалъ, могу сказать, до послѣдняго дня, и сдался только передъ невозможностью. Съ нынѣшней же почтой я посылаю Пинскому (черезъ васъ) свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ посланникомъ; пусть поступаютъ со мной по закону, безо всякой снисходительности. Я не измѣняю своего твердаго намѣренія выѣхать въ Петербургъ, какъ только мнѣ позволитъ эта проклятая нога,—но сказать, когда это будетъ—совершенно для меня невозможно. Дайте знать объ этомъ Боткину; да попросите, кстати, Достоевскаго не печатать „Призраковъ“ до моего приѣзда. Я, можетъ быть, многое передѣлаю, а по всему видно—лучше подождать. Весьма можетъ случиться, что черезъ нѣсколько дней я поправлюсь и уѣду; но объ этомъ, пока, я и говорить не хочу“.

Бадень-Бадень. 18-го (26-го) декабря, пятница 1868.

„Любезнѣйшій П. В., я, вѣроятно, уже наскучилъ вамъ со всѣми моими порученіями, просьбами и т. д. Но дѣлать нечего:

терпѣли до сихъ поръ, терпите дальше. Прежде всего о моей ногѣ (что у кого болитъ, и т. д.). Мнѣ лучше,—и докторъ обнадеживаетъ меня возможностью выѣхать черезъ десять дней. Какой бы ни былъ результатъ моего невольнаго замедленія, я прибуду въ Петербургъ при первой возможности: развѣ въ гробъ меня положить. Я говорю это весьма серьезно—и надѣюсь, что вы принимаете мои слова такъ же.

„Вы бы очень меня обязали, еслибы сообщили мнѣ (при поспѣшности съ вашей стороны, ваше письмо меня еще здѣсь застанетъ), — какое основаніе имѣетъ недѣльный слухъ, сообщенный вчера телеграфической депешей въ нѣмецкихъ газетахъ. (Выписку вамъ прилагаю въ оригиналѣ.)

„Что касается „Призраковъ“, то я получаю отовсюду столько увѣщаній ихъ не печатать, что я самъ начинаю думать, что появленіе сего продуэта моей музы было бы крайне неумѣстно; а потому, если возможно, уговорите Достоевскаго повременить и во всякомъ случаѣ не печатать до моего приѣзда, потому что я намѣренъ (и уже сдѣлалъ) дѣлать нѣкоторые поправки. Пожалуйста, добрый П. В., не полѣнитесь исполнить эту—для меня важную—просьбу. Полѣнитесь—это я дурное слово употребилъ и къ вамъ неподходящее — я долженъ былъ бы сказать: не безрезгайте.

„Жду отъ васъ письма и опять жму вамъ руку крѣпко и говорю: до свиданія.

„Вотъ вышеупомянутая недѣлѣйшая телеграмма, сообщенная въ нѣмецкой газетѣ:

„Nach Berichten aus St.-Petersbourg wurden dort in den letzten Tagen an 300 Personen der vornehmern Klassen verhaftet, darunter der bekannte Schriftsteller Turgeneff, welcher längere Zeit Paris bewohnte“.

Бадень-Бадень. 1-го января 1864 (20-го декабря 1863).

„Любезнѣйшій другъ П. В., поздравивши васъ съ басурманскимъ новымъ годомъ, начинаю оный изъявленіемъ благодарности вамъ за ваше письмо. Вы рѣшительно какъ скала среди тревоженій: на васъ всегда опереться можно. Мнѣ было очень пріятно узнать, что на меня не взираютъ сурово въ с.-петербургскомъ сенатѣ—и путешествіе мое, которое, я надѣюсь, совершится скоро, представляется мнѣ въ болѣе розовомъ цвѣтѣ. Мнѣ нечего прибавлять, что, кромѣ самыхъ дружелюбныхъ чувствъ, я никогда ничего не пыталъ въ отношеніи къ вамъ.

„Ногѣ моей лучше—т.-е. опухоль почти пропала, но ходить

я все-таки еще не могу,— и отъ негоризонтальнаго положенія она вся ноетъ, какъ большой зубъ. Докторъ мнѣ, въ одно и то же время, подаетъ надежду и рекомендуетъ терпѣннѣе.

„Что касается „Призраковъ“ —я сознаю въ своей глупости, которая состоитъ въ томъ, что, поручивши однажды вамъ участь этой вещи, мнѣ нечего было заботиться о ней. И потому снова повторяю вамъ: поступайте, какъ знаете; заранѣе подписываюсь обѣими руками и одобряю все, что вы ни сдѣлаете. Завтра я вамъ вышлю небольшой списочекъ поправокъ (въ случаѣ, если вы скажете: печатать), и прошу васъ съ низкимъ поклономъ поддержать корректуру. Все это, разумѣется, въ томъ случаѣ, если печатанье начнется безъ меня.

„Передайте, встати, мой поклонъ Достоевскому, и прошу его не сердиться на меня“.

Кончилось, дѣйствительно, тѣмъ, что Тургеневъ, наконецъ, явился въ Петербургъ, и, какъ надобно было ожидать, дѣло въ сенатѣ весьма недолго задержало его, такъ что онъ могъ весною же снова возвратиться за границу, вслѣдствіе чего возобновилась и наша переписка. Тургеневъ, по возвращеніи изъ Петербурга, заѣхалъ въ Баденъ на самое короткое время, и затѣмъ отправился въ Парижъ, откуда и писалъ мнѣ.

Парижъ. 24-го (12-го марта) 1864.

„Дорогой П. В., я только вчера вечеромъ прибылъ сюда, и потому ранѣе не могъ отвѣтить на ваше любезное письмо. Меня въ Баденѣ задержали переговоры и хлопоты по изданію, которое будетъ отлично, но гораздо дороже, чѣмъ я ожидалъ. Отвѣчаю, для скорости, по пунктамъ.

„1) За статью о Шекспирѣ засяду немедленно — и если не занемому или не окачурюсь — черезъ 10 дней она полетитъ въ милый сердцу моему домъ Шландера. Вы ее примите къ свѣденію и пустите въ ходъ.

„2) Насчетъ выкупныхъ свидѣтельствъ, нечего дѣлать, будемъ ждать у моря погоды и — какъ вы говорите — сплещемся.

„3) 100 руб. я дѣйствительно занялъ у Ковалевскаго и, по легкомыслию своему, забылъ отдать. Мнѣ совѣстно просить васъ заплатить за меня — но я не знаю, какъ бы это сдѣлать. Развѣ вотъ что: Достоевскій остался мнѣ долженъ за „Призраки“ 300 р.; не дать ли онъ вамъ эти 100 или уже встати всѣ 150 руб. (50 р. я вамъ былъ долженъ)? Покажите ему это письмо и скажите, что я былъ бы ему весьма благодаренъ. Кстати, я на-

дѣлся найти здѣсь № „Эпохи“ — но, видно, она еще не вышла; пожалуйста, не забудьте распорядиться ея высылкой.

„4) Много смѣшныхъ вещей я видалъ и слышалъ на своемъ вѣку; но (В. П.) Боткинъ, сурово вкладывающій персты въ раны общества, и стрѣляющій Леонтьевъ — достигаютъ уже почти высокаго въ комизмѣ.

„5) Статейку объ альбомѣ г-жи Виардо для „Journal de St-Petersbourg“ я вамъ вышлю, но, кажется, достаточно будетъ сказать нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

„Nous nous empressons de faire savoir à nos lecteurs une bonne nouvelle: l'illustre (ou la célèbre) cantatrice P. V. vient de publier un album, и т. д. А подъ конецъ: Nous ne doutons pas que le public ne fasse bon accueil и т. д. — Всего какихъ-нибудь 15 строкъ.

„Прощайте пока. Я здѣсь остаюсь отъ пяти до шести недѣль. Дѣла и хлопотъ бездна. Обнимаю васъ, вашу жену, кланяюсь всѣмъ пріятелямъ и остаюсь —

„Васъ любящій И. Тургеневъ.

„P. S. „Искра“ меня еще не продернула?

„Зайдите, отецъ родной, въ музыкальный магазинъ Югансена, на Невскомъ — и спросите его, получилъ ли онъ мое письмо и поступилъ ли по оному?“

Парижъ. 5-го апрѣля (24-го марта) 1864.

„Любезный другъ П. В., вы, вѣроятно, вмѣсто тоненькаго письма ожидали толстое — со вложеніемъ рѣчи въ Шекспировскому празднику. И рѣчь эта почти кончена, и была бы уже совершенно кончена теперь, еслибы не случилось со мной страннаго обстоятельства, а именно: вдругъ на меня нашелъ какой-то стихъ — и я, какъ говорится, не пимши, не ѣмши — сидѣлъ надъ небольшимъ рассказомъ, который сегодня вончилъ и сегодня же прочелъ въ маленькомъ русскомъ обществѣ, причемъ получилъ необыкновенный успѣхъ. Вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось сообщить эту штуку вамъ; но для этого надо ее переписать, а на переписку потребно время, котораго уже и такъ немного осталось для рѣчи. Нечего дѣлать, это только заставитъ меня поскорѣе отдѣлаться отъ этой рѣчи, которая, между нами сказать, пишется далеко не съ тѣмъ рвеніемъ, съ какимъ писался вышеупомянутый рассказъ. Названіе ему довольно странное — а именно: „Собака“. — Вы получите его тотчасъ послѣ рѣчи.

„А теперь опять коммиссія. А именно: я слишкомъ двѣ недѣли тому назадъ написалъ Кожанчикову, что, вслѣдствіе затрудненія,

встрѣчаемаго при заготовкѣ бумаги, сроки поставки моего изданія должны быть отдалены, а именно, вмѣсто августа и ноября, я назначилъ сентябрь и январь. Я просилъ его также написать объ этомъ въ Москву Салаеву—и требовалъ немедленнаго отвѣта; но отвѣтъ не воспослѣдовалъ. Сходите, пожалуйста, въ нему и узнайте, въ чемъ дѣло. Можете ему сказать, что я готовъ прибавить и этотъ послѣдній разсказецъ не въ счетъ абонемента, такъ какъ онъ, вѣроятно, явится въ какомъ-нибудь журналѣ до января. Я не могу предполагать, чтобы Салаевъ захотѣлъ мнѣ дѣлать неприятности, но все-таки спокойнѣе имѣть отвѣтъ. Будьте благодѣтелемъ, освѣдомьтесь. — Да, кстати, спросите Югансена, отчего онъ мнѣ не отвѣчаетъ на мое письмо къ нему? Дайте ему мой адресъ, если онъ его затерялъ. — Ламанскій не подаетъ знака жизни. Гончаровъ мнѣ пишетъ, что „Эпоха“ еще не появлялась; какая причина сему замедленію? — Напишите мнѣ, какіе ходятъ теперь политическіе и литературные слухи въ нашей сѣверной столицѣ? — Прочелъ я вторую часть „Марева“ и удивился безперемонности автора: вѣроятно, вы, не хуже моего, узнали буквы, поставленныя подъ цитированными письмами. А бойко написано и интересно, хотя немного жидко.

„Я здѣсь почти никого не видалъ и не увижу: мнѣ теперь не до французовъ. Былъ въ театрѣ: хваленый *Marquis de Villemer* мало мнѣ понравился; все это „съ печатью тлѣнія на челѣ“! — Въ новой оперѣ *Гуно* есть вещи прелестныя, и нестерпимыя; это далеко не „*Фаустъ*“.

„P. S. А первый № „Эпохи“ все-таки приплите, какъ только онъ выйдетъ,—на мой счетъ, разумѣется. Неутомимый г. Боборыкинъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ проситъ моей рѣчи въ „Б.“, для чего и хочетъ узнать это черезъ васъ. Скажите ему, что я съ большимъ удовольствіемъ согласенъ“.

Парижъ. 1-го (13-го) апрѣля 1864.

„Любезнѣйшій П. В., сегодня—только нѣсколько словъ. Вслѣдствіе разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, я выѣзжаю изъ Парижа скорѣе, чѣмъ предполагалъ — а именно черезъ недѣлю; и потому, если вы, до полученія моего письма, не выслали мнѣ денегъ (въ случаѣ продажи свидѣтельствъ), то я прошу васъ выслать ихъ уже въ Баденъ, по моему адресу: *Schillerstrasse, 277*. Это разъ. Второе: я кончилъ перепиской мою новую повѣстуху; но такъ какъ я при переписываньи много прибавилъ и передѣлалъ, то немедленно вамъ послать не могу; я общалъ умирающему старику Шлетневу прочесть ему эту бездѣлку. —

Особаго спѣху нѣтъ; я вамъ ее вышлю дней черезъ пять. Но вотъ штука: гдѣ ее напечатать (если вы ее одобрите)? Я Каткову долженъ 300 руб., но я рѣшительно не хочу у него печататься, и, нечего дѣлать, вышлю ему деньги; въ ежедневной газетѣ—неловко, въ другихъ петербургскихъ журналахъ—тоже не хочу.—Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ Салтыковъ говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ издать „Альманахъ“ и просилъ моего сотрудничества; узнайте отъ него, пожалуйста, не переѣхалъ ли онъ своего намѣренія? Вся вещь въ 1¹/₂ печ. листа.—Впрочемъ вы все это лучше меня рѣшите. Я, ей Богу, ей Богу, какъ только приѣду въ Баденъ, займусь статьей о Пушкинѣ и пришлю вамъ до вашего отъѣзда изъ Петербурга. Мнѣ самому не хотѣлось бы, чтобы это пропало даромъ“.

Баденъ-Баденъ. 25-го апрѣля (7-го мая) 1864.

„Обрадовали вы и удивили меня, любезный П. В., своимъ письмомъ: обрадовали тѣмъ, что выѣхали и къ намъ приблизились, и удивили тѣмъ, что такъ рано выѣхали. Но теперь главный вопросъ: что вы намѣрены дѣлать? Ѣхать въ Кельнъ—мнѣ кажется такъ же страннымъ, какъ ѣхать въ Царево-Кокшайскъ; я понимаю это какъ иносказательный оборотъ—вмѣсто: ѣхать въ Парижъ. Теперь, дѣйствительно, Парижъ хорошъ—и если вы хотите показать его вашей женѣ до леченія—то я васъ благословляю. Но гдѣ вы будете воды пить? Въ Эмсѣ или въ Богеміи? Во всякомъ случаѣ, раньше іюня леченіе не начинается. Я передаю вамъ всѣ эти соображенія собственно съ цѣлью узнать, когда можно надѣяться увидѣть васъ обоихъ въ Баденѣ. Здѣсь теперь рай земной воочию совершается, и тепло стало. Напишите мнѣ объ этомъ тотчасъ. Еслибъ вы ѣхали не на Кельнъ, а на Франкфуртъ—какъ то дѣлаютъ многіе русскіе люди,—я бы къ вамъ выѣхалъ. Я никакъ не полагалъ, что вы выѣдете раньше 23-го, и потому телеграммы вамъ не послалъ изъ Парижа, а послалъ письмо съ довѣренностью Макарову, которое бы вамъ слѣдовало получить; но, по вашимъ словамъ, все хорошо устроилось и такъ, и я сейчасъ же спишусь съ Макаровымъ. Насчетъ денегъ—я могу ждать. Недѣлю тому, назадъ вамъ выслалъ „Собаку“ но, съ свойственной мнѣ предусмотрительностью, выставилъ на оберткѣ, что, въ случаѣ вашего отъѣзда, передается письмо Н. Н. Тютчеву. Я ему напишу, чтобы онъ хранилъ эту штуку впредь до распоряженія. Хотѣлось бы мнѣ прочесть ее вамъ. А потому прошу васъ, до выѣзда изъ Берлина, напишите мнѣ, въ короткихъ словахъ, вашъ маршрутъ

и ваши планы. Я поселился здѣсь надолго. Живу, пока, въ двухъ комнатахъ въ томъ же № 277, Schillerstrasse, а квартиру свою отдалъ дочери г-жи Вiардо, которая здѣсь родила и чуть не умерла отъ родовъ, но теперь поправляется и черезъ шесть недѣль выѣзжаетъ въ Южную Африку, гдѣ ея мужъ назначенъ консуломъ. Если бы вы теперь пріѣхали въ Баденъ, вы бы застали сезонъ въ самомъ только началѣ и всѣ отели пустыми—но, впрочемъ, все зелено и цвѣтеть. И такъ—*pour me résumer*: напишите мнѣ немедленно, какія ваши намѣренія, а главное, примите мои поздравленія съ отъѣздомъ изъ *compatria*. Кланяюсь дружески вашей женѣ и васъ обнимаю. Преданный вамъ—Ив. Тургеневъ.

„P. S. Еслибъ вы рѣшились ѣхать на Франкфуртъ, то дайте знать письмомъ или телеграммой, съ какимъ вы поѣздомъ отправитесь, когда придете и въ какомъ отелѣ остановитесь“.

Баденъ-Баденъ. 23-го мая 1864.

„Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ: я вчера вечеромъ получилъ ваше письмо—а третьяго дня я вамъ писалъ на-удачу въ Эмсъ, звалъ васъ сюда, но не знаю, получили ли вы это письмо.—Вчерашній же день я получилъ письмо отъ Боткина, который пріѣзжаетъ сюда завтра вечеромъ (24-го) и, по его словамъ, остается въ Баденѣ только одинъ день—ну, это вздоръ. Если вы расположены теперь пріѣхать въ Баденъ, т.-е. до окончанія курса леченія вашей жены, то вотъ случай—такъ какъ вы не прочь, по вашимъ словамъ, пожертвовать денькомъ, другимъ. Я по книжечкѣ желѣзныхъ дорогъ вижу, что если вы выѣдете утромъ въ 8 часовъ изъ Эмса, то будете въ Баденѣ въ 3 ч. 20 м.; насчетъ квартиры не беспокойтесь—вы остановитесь у меня. Вашъ пріѣздъ будетъ пріятный сюрпризъ для Боткина, а для меня—истинный праздникъ. Итакъ, въ ожиданіи скораго свиданія, жму вамъ вѣрнѣе руку“.

Баденъ-Баденъ. 2-го іюня 1864.

„Любезнѣйшій П. В., я только-что собрался писать къ вамъ, какъ пришло ваше письмецо. Прежде всего скажу вамъ, что мысль ваша—сѣѣхаться во Франкфуртъ—очень хороша, и что я знаю только одну еще лучше: пріѣхать къ намъ въ Баденъ.—Взды вамъ немного больше, квартира у меня первый сортъ, и мѣста пропасть—да и, кромѣ того, вамъ это нисколько не мѣшаетъ пріѣхать потомъ съ вашей женой—напротивъ! Но, чтобы доказать вамъ мое желаніе видѣться съ вами (въ которомъ, я на-

дѣюсь, вы не сомнѣваетесь), я готовъ въ началѣ будущей недѣли, отправиться во Франкфуртъ, и если до вторника не получу отъ васъ отгѣны — во вторникъ же напишу вамъ, когда я выѣду и съ какимъ поѣздомъ. Отлагаю до личнаго свиданія описаніе пребыванія Василя Петровича (Боткина) здѣсь, чтеніе „Собаки“, и пр. — Скажу вамъ только, что Боткинъ здѣсь замиралъ и таялъ отъ нѣги, что не помѣшало ему съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоявшій ему 1,500 руб. сер.! — Вотъ человѣкъ — осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска поженетъ и гонить съ мѣста на мѣсто.

„Почиталъ бы я статью Антоновича: то-то, я думаю, потѣшается! По всѣмъ извѣстіямъ, „Призраки“ потерпѣли общее фіаско. — А все-таки, мнѣ здается, недурной человѣкъ быть покойникъ.

„Я получилъ письмо отъ Н. Н. Тютчева; они будутъ въ Швальбахѣ около 15-го іюня; это недалеко отъ васъ“.

Баденъ-Баденъ. 26-го іюля 1864.

„Что же это вы, любезнѣйшій П. В., точно воды въ ротъ набрали и никакой вѣсточки не даете о себѣ? Между тѣмъ, третьяго дня, является телеграмма слѣдующаго содержанія. „Baden, maison Viardot, Annenkoff. Pouvez-vous venir me voir quelques heures, Frankfort, 28? Conduire jusqu'à Oos 29? Bloudoff. — Собразивъ, что подъ этимъ „Bloudoff“ скрывается графиня Антонина Блудова, я отвѣчалъ на ея имя во Франкфуртъ, что Анненковъ-де уѣхалъ и находится, вѣроятно, на берегу Комскаго озера, въ Тремеццо. Сегодня я получаю письмо на ваше же имя, которое при семъ прилагаю. Изъ всего этого я могъ бы заключить, что вы имѣли намѣреніе остаться въ Баденѣ долгое время — но что моя зубная боль и скверная погода заставили васъ обратиться въ бѣгство. Зубная боль у меня, слава Богу, прекратилась, но скверная погода продолжается: въ эту самую минуту дождь льетъ какъ изъ ведра, и барометръ упалъ совершенно. Не знаю, какова у васъ погода въ Италіи, но желаю отъ всей души, чтобы вы были счастливѣе тамъ, чѣмъ здѣсь. — Впрочемъ всѣ здѣсь здоровы и вспоминаютъ о васъ. Я на дняхъ ѣздилъ въ Вильдбадъ и видѣлъ тамъ Гончарова, который тоже собирается въ Баденъ. — Наши вниги и стаканъ ждуть васъ, и докторъ Гаусъ также. Повеселяйтесь въ „bella Italia“ и пріѣзжайте отдохнуть и полечиться сюда. Дружески жму вамъ руку и усердно кланяюсь вашей милой женѣ“.

Парижъ, Passy, rue Vasse, 10. 24-го (12-го) ноября 1864.

„Вотъ я, наконецъ, попалъ въ Парижъ, дорогой П. В.; но васъ давно уже и слѣдъ простылъ, и я адресу свою письмо въ извѣстную и любезную мнѣ квартиру на Итальянской, куда вы уже, вѣроятно, теперь прибыли. Я прѣхалъ сегодня поздно и на короткое время; черезъ нѣсколько дней я опять забиваюсь въ свое милое баденское гнѣздо и остаюсь тамъ до конца января. Очень мнѣ жалко, что мнѣ не удалось васъ увидѣть въ Парижѣ; я надѣюсь, что все это путешествіе отзовется самымъ лучшимъ образомъ на вашей женѣ.

„Теперь—двѣ-три просьбы: безъ этого не бываетъ письма отъ меня въ вамъ. 1) Возьмите, пожалуйста, у Островскаго процензурованный экземпляръ и контрактъ и храните всю эту благодать у себя до востребованія. 2) Возьмите также у него или у Макарова—(не знаю, у кого эта штука находится) мою „Собаку“, сохраните ее подъ спудомъ, не давая никому читать. Изъ всеобщихъ отзывовъ и изъ собственнаго моего чувства я заключаю, что эта „Собака“ не удалась, и что лучше обречь ее на уничтоженіе. Во всякомъ случаѣ, мнѣ надобно либо продолжать молчать, либо выступить съ тѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Пожалуйста, не оставьте этой просьбы безъ вниманія. 3) Скажите Боткину, что я благодарю его за хлопоты о справкѣ по моему выкупу—онъ уже знаетъ, что я хочу сказать—и что я очень сожалѣю о его нездоровьѣ и, вернувшись въ Баденъ, напишу ему. 4) Если можно, достаньте мнѣ статью Григорьева о Григоровичѣ (въ „Эпохѣ“) и пришлите ее во мнѣ. Разумѣется—адресъ мой: Baden, Schillerstrasse, 277. Вообще, прошу не оставлять меня въ невѣденіи о томъ, что вы дѣлаете и что дѣлается вокругъ васъ“.

Баденъ-Баденъ. 2-го декабря (20-го ноября) 1864.

„Любезнѣйшій Анненковъ, сіе кратчайшее письмо пишется вамъ собственно для того, чтобы: во-1) увѣдомить васъ о моемъ сюда возвращеніи и намѣреніи пробить здѣсь безвыѣздно шесть недѣль; во-2) чтобы узнать, гдѣ вы и что вы; въ-3) чтобы предварить васъ, что, весьма вѣроятно, вы получите отъ моего дяди (если уже не получили) выкупныя свидѣтельства и 5% процентные билеты на сумму 10.400 руб; въ-4) чтобы попросить васъ, немедленно по полученіи означенныхъ бумагъ, распорядиться ихъ самовыгоднѣйшею продажей и переслать вырученныя деньги сюда. Я уже писалъ вамъ объ этомъ изъ Парижа,

no bis repetita placent! За симъ лобызаю васъ въ уста сахарныя, а вашу жену -- въ бѣлыя руки, и желаю вамъ обоимъ и всѣмъ прочимъ пріятелямъ всего хорошаго. Глафира Александровна, вы уже были въ „Фаустъ“? И каково ваше здоровье?“

„P. S. Скажите В. П. Боткину, что я получилъ статью Григорьева и благодарю его. Какъ онъ поживаетъ?“

Баденъ-Баденъ. (2-го) 14-го декабря 1864.

„Добрѣйшій другъ П. В., отвѣчаю немедленно на ваше письмо. Сообщенное вами извѣстіе о паденіи 5⁰/₀ процентныхъ и выкупныхъ билетовъ не можетъ не быть для меня чувствительнымъ — такъ какъ я рассчитывалъ на эти деньги и нуждаюсь въ нихъ вслѣдствіе нѣсколько необдуманно затѣянной постройки дома. Но вотъ что я имѣю вамъ сообщить: первая уплата моя не будетъ произведена раньше конца января новаго стиля, т.-е. черезъ шесть недѣль. Она не будетъ превышать 3.000 руб. Вторая затѣмъ уплата, тоже въ 3.000 руб., производится въ концѣ марта. Нельзя ли, — если эти бумаги такъ понизятся въ цѣнности, — занять подъ ихъ залогъ соотвѣтствующую сумму, за которую я охотно далъ бы отъ 8 до 10 процентовъ? Въ доказательство моей solvabilité — прилагаю вамъ письмо, которое прошу васъ переслать къ дядѣ (орловской губерніи, въ городъ Мценскъ, Николаю Николаевичу Тургеневу). Изъ его отвѣта вы увидите, что мои дѣла находятся въ хорошемъ положеніи, и, кромѣ казеннаго долга, который долженъ исчезнуть при выкупѣ, никакого на мнѣ долга нѣтъ. Это можетъ служить успокоеніемъ для желающихъ дать мнѣ денегъ въ займы, — хоть бы для В. П. Боткина. Словомъ: постройка дома мнѣ обойдется въ 50.000 франковъ — и я очень былъ бы радъ занять эту сумму на выгодныхъ условіяхъ. Можете вы помочь мнѣ?“

„Данныя мною вамъ деньги мнѣ раньше января будущаго года не нужны. Вы мнѣ тогда пришлите ихъ — а если облигаціи до того времени поднимутся (онѣ теперь стодятъ 290 франковъ), то я увѣдомлю васъ о разницѣ — и вы мнѣ это доплате, также какъ проценты (онѣ приносятъ 5⁰/₀). Сумма эта, во всякомъ случаѣ, будетъ незначительная.

„Увѣдомьте меня, пожалуйста, какъ только вы получите отъ дяди свидѣтельство и билеты. Это письмо такъ наполнено всякаго рода финансовыми соображеніями, что я не имѣю охоты говорить о чемъ-нибудь другомъ. Попрошу васъ, именемъ нашей четверть-вѣковой дружбы, не оставлять меня извѣстіями о томъ,

что кипитъ и гремитъ вокругъ васъ. Что касается меня, то я по прежнему здоровъ, ѣзжу на охоту, и вамъ можетъ быть только пріятно будетъ услышать, что переводъ моихъ вещей, сдѣланный Боденштедтомъ, пользуется успѣхомъ; мнѣ то и дѣло присылаютъ вырѣзки изъ журналовъ съ самыми любезными рецензіями.

„Жму вамъ крѣпко руку и низко кланяюсь вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ. Віардо благодарятъ за память и всегда вспоминаютъ о васъ съ дружескимъ участіемъ. Преданный вамъ—И. С. Тургеневъ“.

Баденъ-Баденъ. 15-го (27-го декабря), 1864.

„Дорогой П. В., я сію минуту получилъ отъ моего дяди письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что, за проволочкой тамбовскаго казначейства, онъ еще не имѣетъ въ рукахъ этихъ несчастныхъ свидѣтельствъ и, слѣдовательно, выслать ихъ вамъ еще не могъ. Это неприятно, тѣмъ болѣе, что свадьба моей дочери, о которой я вамъ только намекалъ, уже улажена и совершится въ концѣ февраля. Я былъ бы въ большомъ затрудненіи насчетъ натраченныхъ мною денегъ изъ ея приданого; но, къ счастью, друзья Віардо пришли мнѣ на помощь и ссужаютъ меня этими деньгами; несмотря на это, я буду васъ просить распорядиться высылкой денегъ, какъ только онѣ будутъ въ вашихъ рукахъ: вѣдь придется же отдать Віардо, да и постройка моего дома потребуеть много капитала. Что же касается до предположенія займа, то эту мысль слѣдуетъ отложить до моего возвращенія въ Петербургъ, которое совершится тотчасъ послѣ свадьбы дочери, т.-е. въ мартѣ. Присутствіе мое въ Россіи необходимо: дядя старѣетъ и путаетъ мои дѣла; непростительныя проволочки влекутъ за собой убытки, и т. д. А потому я, вмѣсто займа, прошу васъ убѣдительно заняться другимъ, не менѣе затруднительнымъ дѣломъ, а именно, пріисканіемъ мнѣ молодого, честнаго и дѣятельнаго человѣка, которому я бы могъ поручить управленіе моимъ имѣніемъ. (Кстати, извѣстите меня, получили ли вы отчетъ о моей фортунѣ отъ дяди.) Не можетъ ли кто-нибудь изъ вашихъ сотоварищей или сопомѣщиковъ по клубу дать путное указаніе? И. И. Масловъ не поможетъ ли въ этомъ дѣлѣ? Хлопочите, батюшка, и будьте увѣрены въ моей безграничной благодарности. Если я буду живъ, я непременно въ концѣ марта явлюсь въ Петербургъ—это самый поздній срокъ. Я послѣ-завтра ѣду въ Парижъ на нѣсколько дней для устройства свадьбы, контракта, и т. д. Я вамъ оттуда напишу результатъ. Женихъ моей дочери

— молодой, очень хорошій человекъ, администраторъ большого хрустального завода, и т. д. Подробности я вамъ пришлю изъ Парижа. Поклонитесь отъ меня почтенному старцу Василю Петровичу Боткину и скажите, чтобы онъ съ половины марта велѣлъ топить мою комнату. — Любящій васъ — Ив. Тургеневъ“.

Среди такого рода мелкихъ житейскихъ тревоженій встрѣчалъ Тургеневъ новый, 1865-й годъ, но уже безъ того мрачнаго настроенія, какое прежде овладѣло имъ, по поводу опасеній о здоровьѣ, внушенныхъ ошибочнымъ діагнозомъ парижскаго врача.

II. АННЕНКОВЪ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

VII.—Портной Гришка.

Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ его въ нашемъ городѣ звали, и онъ не только не оставался безотвѣтенъ, но стремглавъ бѣжалъ по направленію зова. На вывѣсѣ, прибитой къ разваленному домишкѣ, въ которомъ онъ жилъ, было слѣпыми и размытыми дождемъ буквами написано: „Портной Григорій Авенировъ—военный и партикулярный съ Москвы“.

Происхожденіемъ былъ онъ изъ дворовыхъ людей и отданъ съ десятилѣтняго возраста въ ученіе къ славившимся тогда московскимъ портнымъ Шиллингу и Тѣпферу. Здѣсь онъ долгое время присматривался: таскалъ утюги, бѣгалъ въ трактиръ за выпяткомъ для настоящихъ портныхъ, терпѣлъ потасовки, учился сквернымъ словамъ, пилъ потихоньку вино и т. д. Словомъ сказать, продѣлалъ всю школу ученика. Пятнадцати лѣтъ, ему дали иглу въ руки, и онъ, глядя на другихъ, учился шить на доскуткахъ. Сшивалъ, распарывалъ и опять сшивалъ, покуда, наконецъ, не дали ему подметывать. А черезъ годъ—посадили на верстакъ, и изъ него образовался уже настоящій портной. Только кроить онъ не умѣлъ (это дѣлали сами хозяева фирмы), и лишь впоследствии самоучкой отчасти дошелъ до усвоенія этого искусства.

Наружность, признаться сказать, онъ имѣлъ неблаговидную. Громадная не по росту, вурчавая голова съ едва прорѣзанными, неповойно бѣгающими глазами, съ мягкимъ носомъ, который всякій считалъ долгомъ покомѣать; затѣмъ, приземистое тѣло на короткихъ ногахъ, которыя, отъ постоянного сидѣнья на верстакѣ, были выгнуты колесомъ, мозолистыя руки—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало его фигуру похожею на клубокъ, усѣянный узлами.

Когда этотъ клубокъ катился по улицамъ (Гришка постоянно отыскивалъ работишки), то цѣплялся за встрѣчныхъ, и терѣлъ отъ нихъ не мало колотушекъ. Ежели прибавить къ этому замѣчательную неопрятность и вѣчно присущій запахъ перегорѣлой сивухи, которымъ, казалось, было пропитано все его тѣло, то не покажется удивительнымъ, что прекрасный полъ сторонился отъ Гришки.

Въ нашемъ городѣ, гдѣ онъ устроился тотчасъ послѣ крестьянскаго освобожденія, онъ былъ лучший портной. Но городъ нашъ—бѣдный, и обыватели его только починались, рѣдко прибѣгая къ заказамъ новаго платья. Одинъ исправникъ неизмѣнно заказывалъ каждый годъ новую пару, но и тутъ исправничиха сама покупала сукно и весь прикладъ, призывала Гришку и приказывала кроить при себѣ.

— И хоть бы она на минутку отвернулась или вышла изъ комнаты,—горько жаловался Гришка:—все бм я хоть на картузь себѣ лоскутокъ выгадалъ. А то глазъ не спустить, всякій обрѣзокъ обереть. Да и за работу выбросятъ тебѣ зелененькую—тутъ и въ пиръ, и въ миръ, и на пропой, и за квартиру плати; а вѣдь коли пьешь, такъ и закусить тоже надо. Недѣлю за ней, за этой парой, просидишь, изъ-за трехъ-то цѣлковыхъ!

Одинъ только разъ ему посчастливилось: прѣхавшій въ городъ на ревизію губернаторъ зацѣпился за гвоздь и оторвалъ по цѣлому мѣсту фалду мундира. Гришка, разумѣется, такъ затачалъ, что лучше новой разорванная фалда вышла, и получилъ пять цѣлковыхъ.

— Вотъ вавай это господинъ!—разсказывалъ онъ потомъ:—слова не сказалъ, вынулъ бумажникъ, вытащилъ за ушко вотъ эту самую синенькую—„вотъ тебѣ, братецъ, за трудъ!“ Гдѣ у насъ такихъ господъ сыщешь!

Я зналъ Гришку въ самый моментъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. У меня было подгородное оброчное имѣніе, и такъ какъ въ немъ не существовало господской усадьбы, то я, поневолѣ, поселился на довольно продолжительное время въ городѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ и устраивалъ сдѣлки съ крестьянами. Жилъ я, впрочемъ, не сплошь, а въ теченіе двухъ лѣтъ, повуда длилось мое дѣло, то уѣзжалъ, то возвращался. Въ новой одеждѣ я не нуждался, но „починиваться“, отъ времени до времени, все-таки приходилось, и Гришка довольно часто навѣщалъ меня, и по дѣлу, и безъ дѣла.

Жилъ онъ со своими стариками, отцомъ и матерью, которыхъ и содержалъ на свой скудный заработокъ. Старики были пьянень-

кіе и частенько-таки его поколачивали. Вообще, онъ очень жаловался на битье, которое составляло главное содержаніе и язву его жизни. Колотили его и дома, и внѣ дома; а ежели не колотили, то грозили поколотить. Онъ торопливо перебѣгалъ на другую сторону улицы, встрѣчая городничаго, который считалъ какъ бы долгомъ погрозить ему пальцемъ и промолвить:— „погоди! не убѣжишь! вотъ ужъ!“ Исправникъ — тотъ не грозился, а прямо приступалъ къ дѣлу, приговаривая: — „вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!“ и даже не объясняя законныхъ основаній. Даже купецъ Повалыевъ, имѣвшій въ городѣ каменные хоромы, — и тотъ подводилъ его къ зеркалу, говоря: „Ну, посмотри ты на себя! какъ тебя не бить!“

И затѣмъ ухватывалъ жирными пальцами его за носъ и вомгалъ.

— И кабы я въ чемъ-нибудь былъ причиненъ! — негодовалъ Гришка:—ну, тогда точно... ну, стюю того, такъ стюю... А то, повѣрите ли, всякій мальчишка-клопъ, и тотъ норовить дать тебѣ мимоходомъ туза! Спросите: за что?

Какъ я уже сказалъ выше, во мнѣ онъ ходилъ часто. Сначала посидитъ въ стряпущей съ прислугой, а потомъ незамѣтно проберется въ мою комнату и стоитъ, притаившись, въ дверяхъ, пока я самъ не заговорю.

— Ну, что новенькаго?—спросишь его.

— Да вотъ, работишки бы...

— Радъ бы, да нѣтъ.

— Я и самъ думалъ, что нѣтъ. Прислали бы, кабы была. А какъ бы я живо! Да что, сударь, я пожаловаться вамъ хочу...

И начнетъ, и начнетъ. И почти всегда битье составляло главную тѣму его разсказней. Такимъ образомъ, помаленьку, урывками, разсказалъ онъ мнѣ свое горевое житіе съ самыхъ младенческихъ лѣтъ.

— Вы какъ думаете, кто былъ мой отецъ?—говорилъ онъ: —старшимъ садовникомъ онъ былъ у господина Елпатьяева. Кабы вина не пилъ, такъ озолотилъ бы его — вотъ какой это былъ человекъ! Какія у насъ ранжереи были! сколько фрухтовъ, цвѣтовъ! и все онъ причиною! Бывало, призоветъ его баринъ: „чтобъ были у меня, Дементьичъ, на Ивана Крестителя—онъ 24-го іюля именины праздновалъ—персики!“ —И были-сь. Большая, сударь, тутъ наука нужна. Раньше ставни въ ранжереѣ открыть, раньше протапливать начать, да чтобы не засушить или не залить—вотъ тогда и будутъ ранніе персики! А потомъ барыня Наталья Кирилловна призоветъ: „чтобъ были у меня 26-го августа вишни!“ И были-сь! У другихъ объ вишняхъ ужъ и забыли, а у насъ Дементьичъ въ концѣ августа, бывало, подастъ столько, что господа

сбѣдутся да только ахаютъ. Отца-то моего у господина Елпатьяева князь одинъ торговалъ, тысячу рублей посулилъ да поварѣнка въ придачу,—такъ баринъ даже на такія деньги не польстился. А теперь вотъ и даромъ пришлось отпустить...

— Такъ отчего же бы старикъ не остаться у прежняго помещика?

— И сами теперь объ этомъ тужимъ, да тогда, вишь, мода такая была: всё вдругъ съ мѣста снялись, всей гурьбой пошли къ мировому. И что тогда только было—страсть! И не кормить-то баринъ, и бѣгать-то! Всю, то-есть, подноготную разомъ высказали. Пастухъ у насъ жилъ, въ родѣ какъ безъ разсудка. Болона у него на лбу выросла, такъ онъ на нее все указывалъ: болить! А господинъ Елпатьяевъ на разборку-то не явился. Ну, посредникъ и выдать всёмъ разомъ увольнительныя свидѣтельства.

— А били-таки васъ?

— Это такъ точно-съ. Да вѣдь и теперь, вашескорodie, управато на нашего брата одна... По крайности, какъ были крѣпостные, такъ знали, что свой господинъ бѣгать, а нынче всякій, кому даже не къ лицу, и тотъ тебѣ скулу своротить норовить. А сверхъ того и голодомъ донимаютъ: питаться нужно, а работы нѣтъ. Ушелъ бы въ Москву, да куда я со стариками, съ своей слабостью, тамъ поспѣлъ! Мы ужъ и сами потомъ хватились, что не про всёхъ мѣстовъ припасено,—да поздно. Шибко разсердился тогда Иванъ Савичъ на насъ; кои потомъ и прощенья просили, такъ не простилъ: „сгиньте, говорить, съ глазъ моихъ долой!“ И чтожь бы вы думали? какія были „заведенія“—и ранжереи, и теплицы, и грунтовые сараи—всѣ собственной рукой сжегъ! „не доставайся,—говорить,—ни чорту, ни дьяволу!“ А наконецъ, велѣлъ заложить коляску, забралъ семейство—только его и видѣли!

— Вы-то сами гдѣ жили, когда объявили волю?

— Я въ Москвѣ по оброку ходилъ. Да что моя, сударь, за жизнь—только слава! Съ малыхъ лѣтъ все въ колотушкахъ да въ битѣхъ. Должно быть, несуразный я отъ роду вышелъ, что даже отецъ родной—и тотъ меня не жалѣлъ. Матушка еще по началу сколько-нибудь снисходила, а потомъ и она—видитъ, что всё бьютъ—и она стала бить. Оттого и росту у меня настоящаго нѣтъ. Сколько разъ меня господинъ Елпатьяевъ въ рекруты ставилъ—не принимаютъ да и шабашъ! Приказчикъ у насъ былъ,—такъ тотъ, бывало, позеленѣетъ весь, какъ меня изъ рекрутнаго присутствія обратно привезутъ, и первымъ долгомъ—колотить.—За чтожь, молъ, вы, Ефимъ Семенычъ, меня бьете? Развѣ я причиненъ?

Я даже съ радостью въ солдатахъ послужить готовъ! — „Тебя-то, — говорить, — не бить! да тебя, какъ клопа, раздавить нужно!“

Высказавши все это, онъ на минуту закручинится, и опять начнетъ:

— А я все-таки барскую ласку помню. Понадобится, бывало, барину новая пара или барчукамъ мундирчики новые — сейчасъ: выписать изъ Москвы Гришку! И шью, бывало, мѣсяцъ и два, и три, спины не разгибаю, покуда весь домъ не обошью. Со всякимъ лоскуткомъ все во мнѣ; даже барыня: „спей, Гришеа, мнѣ кальсоны!“ и не стыдилась, при моихъ глазахъ примѣривала. „Ты, — говорить, — Гришеа, и не человѣкъ совсѣмъ; при тебѣ и стыдиться нельзя“ ... Такая, сударь, у насъ барыня была — бѣдовая! верхомъ по-мужски на лошади ѣдила! Кончу свое дѣло, зачтутъ что слѣдуетъ въ оброкъ, полтинникъ въ зубы на дорогу и ступай на всѣ четыре стороны. А въ Москвѣ, между тѣмъ, мѣсто твое уже занято. Шляешься недѣлю-другую, насилу устроишься!

— Въ чемъ же тутъ ласка была?

— Какъ же, сударь, возможно! все-таки... Зналъ я, по крайней мѣрѣ, что „свое мѣсто“ у меня есть. Непозадачится въ Москвѣ — опять къ барину: рѣжьте меня на куски, а я оброка добыть не могу! И не чтѣ подѣлають. „Ахъ ты, расподлая твоя душа! выпоротъ его!“ только и всего. А теперь я къ кому явлюсь? Тогда у меня хоть церква своя, Спасъ-Преображенъа, была — пойду въ воскресенье и помолюсь.

— Все-таки, по моему, на волѣ вамъ лучше живется!

— Извѣстно, какъ же возможно сравнить! Рабъ или вольный! Только, доложу вамъ, что и воля волѣ рознь. Теперьча я что хочу, то и дѣлаю; хочу — лежу, хочу — хожу, хочу — и таеъ посижу. Даже задавиться, коли захочу — и то могу. Встанешь эта утромъ, смотришь въ окошко и думаешь: теперь палишь, Ефимъ Семеновъ, рукой меня не достанешь! теперь я самъ себѣ господинъ. А нутво ступай, „самъ себѣ господинъ“, побѣгай по городу, не найдется ли гдѣ дыра, чтобы заплату поставить, да хоть двугривенничекъ на ѣду заполучить!

— Неужто до того дошло?

— А какъ бы вы, сударь, думали? Мудреное это дѣло — воля! Кабы дали мнѣ волю, да при семъ капиталъ — и я бы распорядиться сумѣлъ! А то вышли мы въ тѣ поры, дворовые, на улицу; и направо, и налѣво глядимъ, а что такое случилось — понять не можемъ. Снялись со стараго мѣста, идемъ впередъ, а впереди-то все не наше, ни до чего коснуться нельзя. Вамъ, сударь, и денька прожить не приводилось, чтобъ въ свое время

вы не позавтракали, не пообедали, чайку не накушались,—а мы цѣлый мѣсяць Христовымъ именемъ колотились, покуда, наконецъ, вой-какъ да воё-какъ не пристроились.

— Да вѣдь въ такомъ большомъ дѣлѣ и всегда такъ. Не вы одни терпѣли, а и крестьяне, и помѣщики...

— Это что говорить! Знаю я и помѣщиковъ, которые... Позвольте вамъ доложить, есть у насъ здѣсь въ околотѣхъ баринъ, Федоръ Семенычъ Заозерцевъ прозывается, такъ тотъ еще когда радоваться-то началъ! Еще только слухи объ волѣ пошли, а онъ уже радовался! „Теперь,—говорить,—вольный трудъ будетъ, а при вольномъ трудѣ земля самъ-десять родить станетъ“. И что же, напримѣръ, случилось! вольный-то трудъ пришелъ, а земля и совсѣмъ родить перестала—разомъ онъ въ какихъ-нибудь полгода прогорѣлъ!

— Такъ вотъ видите ли! Я и говорю, что не вы одни...

— Только онъ, не будь простъ, сейчасъ же въ Петербургъ уѣхалъ, къ тетенькѣ, да къ дяденькѣ, да къ сестрицамъ—тѣ ему живо мѣсто оборудовали. Жалованье хорошее, а впереди ждетъ еще лучше—жить да посвистываетъ. Эхъ, кабы мнѣ кто-нибудь жалованье положилъ—кажется, я бы по смерти тому человѣку половину отдавалъ...

Вдоволь нажаловавшись, онъ уходилъ, съ тѣмъ, чтобъ через короткое время опять воротиться и опять начать цѣлую серію жалобъ. Видимо, это облегчало его, наполняя праздное время и давая пищу праздному уму. Когда обида составляетъ единственное содержаніе жизни, когда она преслѣдуетъ человѣка, не давая ни минуты отдыха, тогда она, безъ всякой съ его стороны преднамѣренности, проникаетъ во всѣ закоулки сердца, наполняетъ всѣ помыслы. Языкъ не можетъ произносить иныхъ словъ, кромѣ жалобы, какъ будто самое формулированіе этой жалобы уже представляетъ облегченіе.

— А вотъ позвольте мнѣ рассказать, какъ меня въ мальчишкѣ били,—говаривалъ онъ мнѣ:—поступилъ я съ десяти лѣтъ въ ученье, и съ первой же, можно сказать, минуты началъ терпѣть. Видѣть меня никто не могъ, чтобъ не надругаться надо мной. Съ утра до вечера все въ работѣ находишься: уюги таскаешь, воду носишь, за пять верстъ съ ящиками да съ корзинами бѣгаешь—и все угодить не можешь. Хозяева ременной плетью бьютъ; мастера всякія тиранства выдумываютъ. Бывало, позоветъ мастеръ: „давно я у тебя, Гришка, масла не ковирялъ!“—поймаетъ это за волосы, и начнетъ ногтемъ большого пальца въ

головѣ ковырять! Голова, уши, носъ—завсегда въ болячкахъ были... Даже теперь голову ломить и въ ухахъ звонъ стоитъ, коли въ погодѣ... И все-таки живъ-съ!

— Ну, чтѣ объ этомъ вспоминать... вѣдь зажило!

— Нѣтъ-съ, не зажило, и не можетъ зажить... Ахъ, кабы мнѣ... вотъ хоть бы чуточку мнѣ засилія... кажется бы, я...

Онъ не досказывалъ своей мысли и умолкалъ.

— Ничего бы вы не подѣляли, да и подѣлать не можете. Вотъ кабы вы пить перестали—это было бы дѣльнѣе.

— И этому я еще въ ученикахъ научился. Принесешь, бывало, мастерамъ полштофъ, первымъ дѣломъ: „цѣпнемъ, Гришка!“ И хоть отказывайся, хоть нѣтъ, разожмутъ зубы и вольютъ сколько имъ на потѣху надобно. А со временемъ и самъ своей охотой началъ потихоньку цопать. Цопаль-цопаль, да и дошелъ до сихъ мѣстъ, что и пересилить себя не могу.

— А вы пересилите; скажите себѣ: съ нынѣшняго дня не буду пить—и баста!

— Говорить-то по пустому все можно. Сколько разъ я себѣ говорилъ: надо, братъ Гришка, съ колокольни спрыгнуть, чтобы званія, значить, отъ тебя не осталось. Такъ вотъ не прыгается, да и все тутъ!

— Зачѣмъ съ колокольни прыгать. Мы жизнью своею расправляться не вольны. Это, любезный другъ, и въ законахъ предусмотрено!

— А что же со мной законъ сдѣлаетъ, коли отъ меня только ключья останутся? Мочи моей, сударь, нѣтъ; казнить меня на каждомъ шагу—пожалуй, ежели въ пьяномъ видѣ, такъ и вправду спрыгнешь... Да вотъ что я давно собираюсь спросить васъ: большое это господамъ удовольствіе доставляетъ, ежели они, напримѣръ, бьютъ...

— То-есть, какъ же это „бить“?

— Да вотъ, напримѣръ, какъ при крѣпостномъ правѣ бывало. Призоветъ господинъ Елпатьевъ приказчика: „кто у тебя цѣлую ночь пѣсни оралъ?“ — И сейчасъ его въ ухо, въ другое... А приказчикъ, примѣрно, меня призоветъ. „Ты, чортъ несуразный, пѣсни ночью оралъ?“ — И не дождавшись отвѣта, тоже—въ ухо, въ другое... Сладость, что ли, какая въ этомъ битѣ есть?

— Не думаю. Битье вообще не удовольствіе; это движеніе гнѣва, выраженное въ грубой и отвратительной формѣ—и только. Но почему же вы именно о „господахъ“ спрашиваете? вѣдь не одни господа дерутся; полагаю, что и вы не безъ грѣха въ этомъ отношеніи...

— Известно, промежду себя... Да вѣдь одно дѣло драться, другое—бить. Напримѣръ, господинъ бьетъ приказчика, приказчикъ—меня... Мнѣ-то кого же бить?

— Зачѣмъ же вамъ бить? вообще, это северно... И что это вамъ вдругъ вздумалось завести этотъ разговоръ?

— Да такъ-съ. Признаться сказать, вступить иногда этакая глупость въ голову: всѣ, молъ, кого-нибудь бьютъ, точно лѣстница такая устроена... Только тотъ и не бьетъ, который на послѣдней ступенькѣ стоитъ... Онъ это и есть настоящій горюнь. А, впрочемъ, и то сказать: съ чего мнѣ вдругъ взбрелось... Такъ, значить, починиться не желаете?

— Нечего чинить-то.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. А я вотъ еще что хочу васъ спросить: можетъ ли меня городничій безъ причины колотить? Есть у него право такое?

— Ни безъ причины, ни съ причиной колотить не дозволяется. Городничій можетъ подъ судъ отдать, а тамъ какъ ужъ судъ посудить.

— Стало быть, и съ причиной бить нельзя? Ну, ладно, это я у себя въ трубѣ помеломъ запишу. А то, призываетъ меня намеднись: „Ты,—говорить,—у купца Бархатникова жилетку укралъ?“ —Нѣтъ, говорю, я отроду не воровалъ.— „Ахъ! такъ ты еще за-пираться!“—И началъ онъ меня чесать. Причесывалъ-причесывалъ, инда слезы у меня градомъ полились. Только, на мое счастье, въ это самое время старшій городской человѣка привелъ: „вотъ онъ—воръ, говорить, и жилетку въ кабакъ сбыть хотѣлъ“... Такъ вотъ какимъ нашего брата судомъ судять!

— Ну, и что же потомъ?

— Помилуйте! даже извинился-съ!— „Извини, говорить, голубчикъ, за другой разъ вачту!“—Вотъ онъ добрый какой! Такъ меня это обидѣло, такъ обидѣло! Иду отъ него и думаю: непременно жаловаться на него надо—только куда?

— Какъ куда? Купите листъ гербовой бумаги, да и пошлите губернатору просьбу.

— Вотъ оно какъ: гербовый листъ купить надо, а гдѣ я купило-то взялъ? да кто мнѣ и просьбу-то напишетъ... вотъ кабы вы, сударь!

— Нѣтъ, мнѣ неловко. Я вѣдь бываю у городничаго, въ карты иногда вмѣстѣ играемъ... Да и вообще... На „писателей“—то, знаете, не очень дружелюбно посматриваютъ, а я здѣсь человѣкъ прїѣзжій. Кончу дѣло и уѣду отсюда.

— Это такъ точно-съ. Кончите и уѣдете. И въ городни-

чему въ гости, между прочимъ, ѣздите—это тоже... На дняхъ онъ имянинникъ будетъ—цѣлый день по этому случаю пированье у него пойдетъ. А мнѣ вотъ что на умъ приходитъ. Гдѣ же правду искать? Неужто только на гербовомъ листѣ она написана?

— Гербовый листъ—самъ по себѣ, а правда—сама по себѣ. Гербовый листъ—это пошлина. Не на правду пошлина, а чтобы казнѣ доходъ былъ. Кабы пошлины не было, со всякими бы пустяками начальство утруждали, а вотъ какъ теперь шесть гривенокъ надо за листъ заплатить—ну, иной и задумается.

— Шесть гривенъ! гдѣ это мѣсто денегъ взять! А все-таки правду хотѣлось бы сыскать. Намеднисъ господинъ Поваляевъ мять-мять мнѣ носъ, а я ему и говорю:—вотъ вы мнѣ носъ мнете, а я отъ васъ гривенника никогда не видаю—гдѣ же, молъ, правда, Василий Васильевичъ?—А онъ въ отвѣтъ: „Такъ вотъ оно ты объ чемъ, бубновый валеть, разговаривать сталъ! Правды захотѣлось... ахъ! Да знаешь ли ты, что тебя за такой разговоръ въ тартарары сослать надо!“—да пуще, да пуще! Мы, вапескородіе, когда не хмельны, такъ соберемся иногда—старики мои, я да вотъ хозяинъ нашъ—и все объ правдѣ говоримъ. Была же она когда-нибудь на свѣтѣ, коли слово такое есть. Хотъ при сотвореніи міра, да была. Должно быть, и теперь есть, только чиновники ее въ шкапъ заперли. Отдай шесть гривенъ—шкапъ пріотворять,—смотришь, а тамъ пусто!

— Не говорите такъ. Неравно услышать—нехорошо будетъ.

— Чего мнѣ худого ждатель! Я ужъ такъ худъ, такъ худъ, что теперь со мной что хочешь дѣлай, я и не почувствую. Въ самую, значить, центру попалъ. Однажды мнѣ городничій говоритъ: „въ Сибирь,—говорить,—тебя подлеца надо!“—А что, говорю, и ссылайте, коли ваша власть; мнѣ же лучше: новыя страны увижу. Пропонтирую пѣшкомъ отселѣ до Иркутска—и чего-чего не увижу. Сколько разъ въ бѣгахъ набѣгаюсъ! Изловять—вздуютъ:—„влѣпить ему!“—все равно какъ здѣсь.

— Однако, вы-таки отчаянный!

— Не отчаянный, а до настоящей точки дошелъ. Идти дальше некуда, все равно гдѣ ни быть. Начальство бьетъ, родители бьютъ, красныя дѣвушки глядѣть не хотятъ. А вѣдь я, сударь, худъ, худъ, а къ дѣвушкамъ большое пристрастіе имѣю. Кабы полюбила меня эта самая Ѳеклинья, хозяйна нашего дочь—ну, кажется, бы я... И пить бы пересталъ, и все бы у меня по хорошему пошло, и заведеннице бы открылъ... Только ничего отъ нея я другого не слышу, окромя: „уйди ты, лохматый

чортъ, съ моихъ глазъ долой!^.. А впрочемъ, надоѣлъ я, должно быть, вамъ своей болтовней?..

— Ничего. Только мнѣ идти надо.

— Къ городничему-съ? Счастливо оставаться, сударь! дай Богъ любовь да совѣтъ! въ карточка-съ играете—съ выиграшемъ поздравить приду!..

Однажды онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ величайшемъ волненіи.

— Хочу я васъ спросить, сударь, — сказалъ онъ:— есть такія права, чтобы взрослаго человѣка розгами наказывать?

— Говорилъ ужъ я вамъ, что такихъ правъ давно не существуетъ.

— А меня, между прочимъ, даже сегодня наказали. Мнѣ объ Рождествѣ тридцать-пять лѣтъ будетъ, а меня высѣкли.

— Кто же?—за что?

— Родитель высѣкъ. Привелъ меня — а самъ пьяный-распьяный—къ городничему: „я, говорить, родительскою властью желаю, чтобы вы его высѣкли!“ — Можно, говорить городничій:— эй, вахтеръ! розогъ!—Я было туда-сюда: за что, молъ? „А за неповиновеніе,—объясняется отецъ,—за то, что онъ насъ, своихъ родителей, на старости лѣтъ не кормить“. И сколь я ни говорилъ, даже кричалъ—разложили и высѣкли! Есть, вашескорodie, въ законѣ объ этомъ?

— Не знаю, право. Человѣкъ въ какой-то особенный; только съ вами такія дѣла и случаются. Никакой законъ не подходитъ къ вамъ.

— И то особенный я человѣкъ, а я что же говорю! Бьютъ меня—вся моя особенность тутъ! Побѣжалъ я отъ городничаго въ кабакъ, снялъ штаны:—православные! засвидѣтельствуйте! — а кабатчикъ меня и оттолкъ въ шею вытолкалъ. Побѣжалъ домой—не пускаютъ!

— И домой не пускаютъ?

— Да, и домой. Сидятъ почтенные родители у окна и водку пьютъ: „проваливай! чтобы ноги твоей у насъ не было!“ А квартира, между прочимъ—моя, вывѣска на домъ—моя; за все я собственныя деньги платилъ. Могутъ ли они теперича въ чужой квартирѣ дебоширствовать?

Я рѣшительно недоумѣвалъ. Можетъ ли городничій выпороть совершеннолѣтняго сына по просьбѣ отца? Можетъ ли отецъ выгнать сына изъ его собственной квартиры?—все это представлялось для меня необыкновеннымъ, почти похожимъ на сказку.—Конечно, ничего подобнаго не должно быть, говорилъ здравый

смысль, а внутреннее чувство, между тѣмъ, подсказывало: отчего же и не быть, ежели въ натурѣ оно есть?..

— И добро бы я не зналъ, на какія деньги они пьютъ!— продолжалъ волноваться Гришка; — есть у старика деньги, есть! Еще когда мы вѣрными были, онъ припрятывалъ. Бывало, нарветъ фруктовъ, да ночью и снесетъ къ сосѣдямъ, у кого ранжерей своихъ нѣтъ. Кто гривенничекъ, кто двугривенничекъ пожертвуетъ... Развѣ я не помню! Помню я, даже очень помню, какъ онъ гривенники обиралъ, и когда-нибудь все на свѣжую воду выведетъ! Ахъ, сдѣлай милость! Сами пьютъ, а мнѣ не только не поднесутъ, даже въ собственную мою квартиру не пускаютъ!

Гришка съ каждой минутой все больше и больше свирѣпѣлъ. Какъ на грѣхъ, въ это время совсѣмъ неожиданно посѣтилъ меня городничій. У Гришки даже налились кровью глаза при его появленіи.

— Вотъ и господинъ говорить, — бросился онъ къ нему: — что вы не только безъ причины, а и съ причиной драться не смѣете! А вы, между прочимъ, высѣли меня! ахъ!

И вдругъ онъ, къ моему ужасу, началъ насканивать на городничаго. Прыгаетъ кругомъ, словно совсѣмъ и страха лишился, такъ что добрый старикъ даже сконфузился.

— Вонъ! — крикнулъ онъ, потрясая палкой, на которую опирался по причинѣ раны въ ногѣ: — м-м-мерзавецъ!

— Нѣтъ, я не „вонъ“ и не „мерзавецъ“, а вы вотъ при господинѣ объясните, какое такое право имѣли вы меня высѣчь?

— Отецъ высѣкъ, — не я. Отецъ все надъ тобой сдѣлать можетъ: въ Сибирь сослать, въ солдаты отдать, въ монастырь заточить... Ты его не кормишь, расподлая твоя душа!

— Такъ тѣ по суду! въ судъ онъ долженъ подать на меня, въ судъ! Что присудитъ судъ, то и долженъ я исполнить — вотъ и господинъ это самое говорить. Въ Сибирь, такъ въ Сибирь; на ваторгу, такъ на ваторгу — по суду мнѣ вездѣ хорошо! А то, вишь, вѣдь какія права наши! заманили на свѣжую, разложили и выпороли! Нѣтъ, нынче ужъ и мы... нынче и у насъ спина... не всякій тоже... Отецъ!.. ишь вѣдь какія права наплиси! такъ чтожъ что отецъ! Онъ меня сотворилъ — это такъ! но чтобы... Вотъ, ей Богу, сейчасъ пойду, листъ гербовой бумаги куплю! не пожалѣю шести гривенъ — прямо къ губернатору!

Положеніе мое было критическое. Старикъ городничій судорожно сжималъ лѣвый кулакъ, и я со страхомъ ожидалъ, что онъ не выдержитъ, и въ присутствіи моемъ произойдетъ одно-сторонній маневръ. Я долженъ, однакожъ, сознаться, что коле-

блса недолго; и на этотъ разъ, какъ всегда, я рѣшился выйти изъ затрудненія, разрубивъ узелъ, а не развязывая его. Или, короче сказать, пожертвовалъ Гришкой въ пользу своего собрата, съ которымъ велъ хлѣбосольство и игралъ въ карты...

— Да не бейте вы его, ради Христа!—обратился я къ городничему, когда Гришка исчезъ.

— Его-то?—изумился старикъ.

— Да, его. У него вѣдь свои права...

— У него-то... права!

— Права. Хотя маленькія, но права.

— Да вѣдь я его по желанію отца высѣлъ...

— И отъ отца вы не въ правѣ были принимать такихъ заявленій, а обязаны были обратитъ его къ суду.

— Стало быть, и родительская власть...—Позвольте, я вамъ что расскажу. Я самъ—вотъ какъ видите—я самъ въ молодости такой прожженный негодяй былъ, что днемъ съ огнемъ поискать. И карты, и пьянство, и дебошъ—всего было! Бился-билса отецъ, вызвалъ меня изъ полка въ отпускъ, и не успѣлъ я еще въ домъ родительскій путемъ войти, какъ окружили меня въ лавейской, спустили штаны, да три пучка розогъ и обломали объ мое поручище тѣло... Съ тѣхъ поръ—какъ съ гуся вода! Въ карты—по маленькой; водки—только передъ обѣдомъ рюмка... баста! Такъ вотъ оно что значить родительская-то власть! Помилуйте! да ежели бы я Гришку не училъ, такъ онъ и городъ-то у меня давно бы спалилъ!

Это воспоминаніе прошлаго совершенно успокоило моего гостя. Я занкнулся—было возразитъ ему, но языкъ не поворотился передъ такою невозмутительностью. На-встрѣчу всѣмъ возраженіямъ шла самая обыкновенная оговорка: сила вещей. Нигдѣ она не написана, ниѣмъ не утверждена, не заклемена, а идетъ себѣ напроломъ и все на пути своемъ побѣждаетъ. Одинъ расскажетъ, какъ его сѣли, другой расскажетъ, какъ съ него шкуру спустили—и всѣ убѣдятся, что иначе не можетъ и быть. Каждый пороется у себя въ памяти, и непременно какое-нибудь сѣченье да найдетъ... Тутъ и родители, и заступающіе ихъ мѣсто, и попечители, — словомъ сказать, всѣ, которые и сами были сѣчены, которыхъ праотцы были сѣчены, и которые ни за что не повѣрятъ, услыхавъ, что сыновья и внуки ихъ не пожелаютъ быть сѣченными. До такой степени не повѣрятъ, что хоть внезапно, ерадучись, а все-таки или себя поволать, на старости лѣтъ, высѣчь, или сами кого-нибудь высѣ-

кутъ... И не по злобѣ, а такъ, ради выполненія освященнаго вѣками педагогическаго принципа.

Въ другой разъ, Гришка прибѣжалъ еще болѣе взволнованный.

— А у меня сегодня палатскій чиновникъ былъ!—объявилъ онъ мнѣ.

— Неужели опять про битые будете рассказывать?

— Нѣтъ, этотъ не билъ, а пришелъ и говорить: „Я присланъ здѣшніе торги провѣрить; вывѣска эта ваша?“—Моя, говорю.— „Вы одинъ занимаетесь мастерствомъ? безъ учениковъ?“—Одинъ.— „А имѣется у васъ свидѣтельство на мѣщанскіе промыслы?“—Какое свидѣтельство?— „А вотъ, смотрите!—Вынулъ изъ портфеля листъ, а на немъ написано: цѣна 2 р. 50 к.— „Уплатите,—говоритъ,—деньги и возьмите свидѣтельство; на первый разъ я васъ не штрафую!“—Я такъ и ахнулъ!—Помилуйте! гдѣ же я эка мѣсто денегъ возьму?— „А это, говоритъ, меня не касается; я законъ выполнить долженъ, а вы какъ знаете“.—А ежели я да не возьму свидѣтельства?— „Тогда я инструментъ вашъ запечатаю“... —Позвольте у васъ спросить, сударь: можетъ онъ такъ со мной поступить?

— Не знаю, можетъ быть, законъ таковъ есть. Много нынче новыхъ законовъ пишутъ—и не услѣдишь за всѣми! Стало быть, вы теперь съ обновкой?

— Помилуйте! гдѣ я столько денегъ возьму? Постоялъ—постоялъ этотъ самый чиновникъ: „такъ не берете?“—говоритъ.—Денегъ у меня и въ заводѣ столько нѣтъ.— „Ну, такъ я приступлю“... Взялъ, что на глаза попалось: кирпичъ истыканный, нитокъ клубокъ, игловокъ пачку, положилъ все въ ящикъ подъ верстакомъ, продѣлъ черезъ столъ веревку, запечаталъ и уѣхалъ.— „Вы,—говоритъ,—до завтра подумайте, а ежели и завтра свидѣтельства не возьмете, то я протоколъ составлю, и тогда ужъ вдвойнѣ заплатите!“ Вотъ, сударь, коммерція у меня какова!

— Чтожъ, дѣлать нечего; приходится взять.

— И я вижу, что приходится, да денегъ нѣтъ. По его, значить, я руки сылавши сидѣть долженъ... Гдѣ это слыхано! человекъ работаетъ, а ему говорятъ: не смѣй работать, ступай въ кабакъ! Потому что куда-жъ мнѣ теперь, окромя кабака, идти?

— Да — но согласитесь сами, что и государство съ своей стороны... У государства есть потребности: войско, громадная орава чиновниковъ—нужно все это оплатить! Вотъ оно и изыскиваетъ предметы... И предметы сіи называются предметами обложения. Пора бы вамъ, кажется, знать.

— И то пора. Только, вотъ, какъ ни живешь, а все завтрашняго

предмета не угадаешь. Сегодня, десять предметов—думаешь: будеть!—а нѣ завтра—одинадцатый! И все по затылку да по затылку — хлобысь! А мы бы, вѣшескорodie, и безъ предметовъ хоропохонько прожили бы.

— Вѣрю вамъ, что безъ предметовъ удобнѣе, да нельзя этого, любезный. Во-первыхъ, какъ я ужъ сказалъ, казнѣ деньги нужны; а во-вторыхъ, наука такая есть, которая только тѣмъ и занимается, что предметы отыскиваетъ. Сначала по наружности чело-вѣка осмотритъ—одни предметы отыщеть, потомъ и во внутренности заглянетъ, а тамъ тоже предметы сидятъ. Разыщеть наука, что слѣдуетъ, а чиновники на усь, между тѣмъ, мотаютъ, да, какъ наступитъ пора, и начнутъ по городамъ развѣзжать. И какъ только запримѣтатъ полезный предметъ—сейчасъ протоколъ!

— И сколько съ насъ этихъ сборовъ сходитъ—страсть! И на думу, и на мѣрское управленіе, и на повинности, а потомъ пойдутъ портомойныя, банныя, мостовыя, училищныя, больничныя. Да нынче еще мода на монаменты пошла... Мѣсяца не пройдетъ, чтобъ мѣщанскій староста не объявилъ, что вопѣйки три-четыре въ годъ новаго схода не прибавилось. Платишь-платишь—и вдругъ: отдай два съ половиной!

— И отладите.

— Безпремѣнно это купецъ Бархатниковъ на меня чиновника натравилъ. Недаромъ онъ намеднись смѣялся: „вотъ ты работаешь, Гришка, а правовъ себѣ не выправилъ“. Я, признаться, тогда не понималъ: это вамъ, брюхачамъ, говорю, права нужны, а мы и безъ правовъ проживемъ!—А теперь вотъ оно что оказалось! Безпремѣнно это его дѣло! Такъ, стало быть, завтра въ протоколъ меня запишутъ, а потомъ прямой дорогой въ кабазъ!

Однако-жъ, на другой день онъ навѣстилъ меня уже съ обновкой. Купецъ Поваляевъ далъ ему, одинъ за другимъ, сто щелчковъ въ носъ, и за это внесъ требуемую пошлину.

И тутъ, стало быть, дѣло не обошлось безъ битья.

Одинъ только разъ Гришка пришелъ ко мнѣ благодушный, какъ будто умиротворенный и совсѣмъ трезвый. Онъ только-что воротился изъ „своего мѣста“, куда ходилъ на престольный праздникъ Спаса Преображенія.

— Ушли мы отсюда наканунѣ праздника, чуть свѣтъ,—разсказывалъ онъ мнѣ: — косушку вина взяли, калачей, колбасы. Отойдемъ версты три—отдохнемъ и закусимъ. Сорокъ-то верстъ отвалать—не поле перейти! У Троицы на половинѣ дороги соснули, опять косушку купили. Только къ вечеру ужъ, часамъ къ

семи, видимъ: нашъ Спасъ-Преображенья изъ-за лѣсу выглянуть! Стоитъ на горкѣ, ровно какъ на картинкѣ, весь въ солнышкѣ. Слышимъ—и ко всеюнощной ужъ благовѣстятъ. Ну, мы сняли съ себя одежду, почистились, умылись въ канавѣ, и пошли. Отошла всеюнощная—ужъ темно. Пошли къ тетенькѣ Афимѣ Егоровнѣ—накормила насъ, въ сарайчикѣ спать уложила. А въ сарайчикѣ-то сѣно новое—таково ли пахнетъ! И что-жъ, сударь, усталъ я съ дороги, а никакъ не усну! Ворочаюсь съ боку на бокъ, и все думаю: скоро ли свѣтъ? И чуть только побѣдло, я изъ сарая вонь! Вышелъ, смотрю: Господи, ты, Боже мой! благодать! И солнышко-то тамъ не по здѣшнему встаетъ! Здѣсь, встанешь утромъ, посмотришь въ окошко — солнце какъ солнце! А тамъ словно змѣйками огненными сначала брызнетъ, и начнетъ потомъ дальше да пуще разливаться... Дохнуть боишься, повуда оно, значить, солнце-то, однимъ краешкомъ словно изъ воды выплывать начнетъ! А кругомъ—тишина, ни одна вѣточка, ни одинъ листъ не шелохнется—точно и деревья-то заснули, ждуть, пока солнышко не пригрѣетъ. Стоялъ я такимъ манеромъ одинъ, а тамъ, слышу, ужъ и по деревнѣ зашевелились. Бабы печи затоплять стали, стадо въ поле погнала, къ заутренѣ зазвонили. Отстояли мы заутреню, потомъ обѣдню. Приходъ у насъ котъ маленький, а все же для праздника дьякона сосѣдняго пригласили. Послѣ обѣдни, даже не закусилъ путемъ,—прямо на барскій дворъ побѣжалъ... ахъ, хорошо! Домъ-то, правда, съ заколоченными ставнями стоитъ, зато въ саду—и не вышелъ бы! кусты, кусты, кусты—такъ и обступили со всѣхъ сторонъ.. И на дорожкахъ, и на клумбахъ—ездѣ, все въ одинъ большущій вустъ сплелось! И сирень тутъ, и вишня, и акаціа, и тополь! И весь этотъ вустъ большущій поетъ и стрекочетъ! А кругомъ саду—березы, липы, тополи—и глазомъ до верхушки не достанешь. Давно ли, важется, я каждое дерево наперечетъ зналъ, а тутъ, какъ садъ-то заросъ, и я запутался. Стоять, сердечныя, и шапками покачиваютъ, словно отпѣванье кругомъ идетъ. Ходилъ-ходилъ я одинъ-одинехонекъ, да и думаю: хорошо, что надумалъ одинъ идти, а то безпремѣнно бы мнѣ помѣшали. Нагулявшись до сыта, пошелъ въ другой садъ, гдѣ у стараго барина фруктовое заведеніе было — и тамъ все спуталось и сплелось. Ягодныя кусты одичали; гдѣ гряды съ клубникой были—мелкая поросль березовая словно щетка стоитъ; гдѣ ранжерей и теплица были—тамъ и сейчасъ головешки не убраны. Только яблони еще цѣлы, да и у тѣхъ вѣтки, ради Преображеньева дня, деревенскіе мальчишки, вмѣстѣ съ яблочками, обломали. Смотрю: и родитель мой, ужъ выпивши,

около ранжерей стоять. „Вотъ, говорить, ходилъ-ходилъ, кровъ-потъ проливалъ, а что осталось!“

Наконецъ, уезъ почти передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ города, Гришка пришелъ ко мнѣ и какъ-то таинственно, словно боялся, что его услышатъ, объявилъ, что онъ женится на хозяйской дочери, Ѳеклиньѣ, той самой, о которой онъ упоминалъ не разъ и въ прежнихъ собесѣдованіяхъ со мною.

— Ахъ, хороша дѣвица! — хвалилъ онъ свою невѣсту: — и изъ себя хороша, и скромница, и стирать бѣлье умѣетъ. Я буду портняжничать, она — по господамъ стирать станетъ ходить. А квартира у насъ будетъ своя, бесплатная. Проживемъ, да и какъ еще проживемъ! И стариковъ прокормимъ. Вино-то я ужъ давно собираюсь бросить, а теперь—и ни Боже мой!

— Стало быть, она согласилась?

— Да съ какою еще радостью! Только и спросила: „Ситцевыя платья будете дарить?“ — Съ превеликимъ, говорю, моимъ удовольствиемъ! — „Ну, хорошо, а то папаша меня все въ затрапезѣ водить — передъ товарками стыдно!“ — Ахъ, да и горевое же, сударь, ихнее житье! Отецъ — старикъ, работать не можетъ, да и запибается; матери нѣтъ. Одна она и заработаетъ что-нибудь. Да вотъ мы за квартиру три рубля въ мѣсяцъ отдадимъ — какъ тутъ разживешься! съ хлѣба на квасъ — только и всего.

— Смотрите же, сдержите ваше слово, бросьте пить!

— И ни-ни! Вчера послѣднюю косушку выпилъ. Сегодня съ утра мутитъ, да авось перемогусь. Нельзя мнѣ, сударь, пить, ни коимъ манеромъ нельзя. Жена, старики, а тамъ, благослови Господи, дѣти пойдутъ. Всѣмъ пропитанье я достать долженъ, да и Ѳеклиньюшку свою побережь. Стирка да стирка... руки у нея — кабы вы видѣли!.. даже ладони, всѣ въ мозоляхъ! Ну, да отдохнетъ и она за мужининымъ хребтомъ! И какъ мнѣ теперь весело, кабы вы знали — точно нутро мое все перемѣнили! Только вотъ старики на радостяхъ шибко горланять, да, небось, устанутъ же когда-нибудь!

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо начать новую жизнь...

Затѣмъ я скоро совсѣмъ уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не видалъ Гришки. Однако-жъ кое-что случайно слышалъ о немъ, и это слышанное рѣшаюсь передать читателю уже не въ качествѣ дѣйствующаго лица, а въ качествѣ повѣствователя.

Свадьба состоялась на-славу. Начать съ того, что глядѣть на жениха и невѣсту сбѣжался въ церковь весь городъ; всѣмъ было любопытно видѣть, каковъ будетъ Гришка подъ вѣнцомъ. Затѣмъ, на дворѣ лиль сентябрьскій проливной дождь—это значило, что молодымъ предстоитъ жить богато. Наконецъ, за свадебнымъ пиромъ всѣ перепились, а это значило, что молодые будутъ жить весело.

Гришка былъ совсѣмъ трезвъ, и смотрѣлъ почти прилично. За двѣ недѣли до свадьбы онъ пересталъ пить, а купецъ Поваляевъ сжалился надъ нимъ и за многія прежнія претерпѣнія далъ двадцатипяти-рублевую на свадьбу. Были и другія пожертвованія, да отецъ заглянулъ въ кубышку, такъ что собралось рублей пятьдесятъ. А чего не достало, то въ долгъ взяли, такъ какъ Гришка продолжалъ питать радужныя мечты насчетъ собственнаго заведенія, а также и насчетъ того, что Оеклинья будетъ ходить по господамъ и стирать бѣлье.

Но на другой же день онъ уже ходилъ угрюмый. Когда онъ вышелъ утромъ за ворота, то увидѣлъ, что послѣднія вымазаны дегтемъ. Значить, по городу уже ходила „слава“, такъ что еслибъ онъ и хотѣлъ скрыть свое „безчестье“, то это былъ бы только напрасный трудъ. Поэтому онъ приволотилъ жену, потомъ тестя, и, пошатываясь какъ пьяный, полѣзъ на верстаекъ. Но отъ бабака все-таки воздержался.

Оеклинья была шустрая мѣщаночка лѣтъ двадцати-трехъ, давно извѣстная всѣмъ мѣстнымъ купеческимъ сыновьямъ. Особенной красотой она не обладала, но была востроглаза, бѣла, но не расплывчива, хотя уже слегка расположена къ дебелисти. Это послѣднее качество, сопряженное съ молодой задорливостью, въ особенности нравилось. И ходила она какъ-то задорно, и глазами подмигивала, точно невѣсть что сулила! Въ цѣломъ городѣ одинъ Гришка, по наивности и одичалости своей, не зналъ, что у нея уже сложилась прочная и очень некрасивая репутація.

Въ углу на столѣ кипѣлъ самоваръ; домашніе всей семьей собрались около него и пили чай. Оеклинья съ заплаканными глазами щелкала кусокъ сахару; тестъ дулъ въ блюдечко и громко ругался. Гришка сидѣлъ неподвижно на верстаекѣ и безъ всякой мысли смотрѣлъ въ окошко.

— Садись пить чай,—звала его мать:—все равно не поправишь. А я ужъ пойду, нагрѣю воды да отмою деготь.

Но Гришка не позволилъ отмывать.

— Не тронь! пускай всѣ знаютъ, въ какомъ я интересѣ

нахожусь! — злобѣще прорычалъ онъ: — нынче смеешь, завтра опять вымажутъ.

— И поймать озорниковъ можно. Ужъ такъ бы я отколошматила, кабы попался!

— Стоить изъ-за нея безпокойство принимать... паскуда! У меня своя вывѣска, у ней—своя. Уйду въ Москву; пускай она вась своими трудами кормить!

Такъ онъ и не притронулся въ чаю. Просидѣлъ съ часъ на верстаѣ и пошелъ на улицу. Сначала смотрѣлъ встрѣчнымъ въ глаза довольно нахально, но потомъ вдругъ застыдился, точно онъ гнусное дѣло сдѣлалъ, за которое на немъ должно лечь несмываемое пятно,—точно не его кровно обидѣли, а онъ всѣмъ, и знакомымъ, и незнакомымъ, нанесъ тяжкое оскорбленіе.

— Съ праздникомъ! — крикнулъ съ балкона купецъ Поваляевъ, завидѣвъ его.

— Съ семейнымъ счастьемъ! дай Богъ совѣтъ да радость! — подхватилъ съ другого балкона купецъ Бархатниковъ.

Онъ шелъ, не поднимая головы, покуда не добрался до конца города. Передъ нимъ разстилалось неоглядное поле, а у дороги, близъ самой городской межи, притаилась небольшая рощица. Деревья уныло качали разбухшими отъ дождя вѣтками; земля была усѣяна намокшимъ желтымъ листомъ; изъ середины рощи слышалось слабое гудѣнье. Гришка вошелъ въ рощу, легъ на мокрую землю и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни серьезно задумался.

„Всю жизнь провелъ въ битвѣ, и теперь срамъ насталъ, — думалось ему: — куда дѣваться? Остаться здѣсь невозможно — не выдержишь! Съ утра до вечера эта паскуда будетъ передъ глазами мыкаться. А ежели ей воли дать — глазъ никуда показать нельзя будетъ. Безъ работы, безъ хлѣба насидишься, а она все-таки на шеѣ висѣть будетъ. Колотить ежели, такъ жаловаться станеть, заступку найдеть. Да и обтерпится, пожалуй, такъ что самому надоѣсть... Ахъ, мочи нѣтъ, тяжело!“

Мысль бѣжать въ Москву неотступно представлялась его уму. Бѣжать теперь же, не возвращаясь домой, — встать у него въ карманѣ лежала зелененькая бумажка. Въ Москвѣ онъ найдеть мѣсто; только вотъ съ паспортомъ какъ быть? Тайкомъ его не получишь, а узнаютъ отецъ съ матерью — не пустать. Развѣ безъ паспорта уйти?

„Въ Москвѣ и безъ паспорта примутъ, или чистый добудутъ, — говорилъ онъ себѣ: — только на заработкѣ прижмутъ. Ну, да одна голова не бѣдна! И какъ это я, дурагъ, не дога-

дался, что она гулящая? одинъ въ цѣломъ городѣ не зналъ... именно несуразный!"

Пролежалъ онъ такимъ образомъ, покуда не почувствовалъ, что пальто на немъ промоело. И все время, не переставая, мучительно спрашивалъ себя: „что я теперь дѣлать буду? какъ глаза въ люди покажу?“ Въ сущности, вѣдь онъ и не любилъ Θεκλινѣи, а только, наравнѣ съ другими, чувствовалъ себя неловко, когда она, проходя мимо, выступала задорною поступью, поводила глазами и сквозъ зубы (острые, какъ у бѣлки) цѣдила: „ишь, чортъ лохматый, пялы-то выпучил!“

Вставши съ земли, онъ зашелъ въ подгородную деревню и тамъ поѣлъ. „Въ Москву! въ Москву!“ — вертѣлось у него въ головѣ. Однако, на этотъ разъ, онъ окончательнаго рѣшенія не принялъ, но и домой не пошелъ, а когда настали сумерки, вышелъ изъ крестьянской избы и колеблющимися шагами направился въ „свое мѣсто“. Всю ночь онъ шелъ, терзаемый сознаниемъ безвыходности своего положенія, и только къ заутренѣ (встати, былъ праздникъ) достигъ цѣли, и прямо зашелъ въ церковь. Церковь была совсѣмъ пуста. Громко раздавались подъ сводами возгласы священника и унылое пѣніе тенориста-пономаря. Ожесточеніе въ Гришкѣ мало-по-малу утихло; усталость и церковный миръ сдѣлали свое дѣло. Онъ всталъ на колѣни и началъ молиться; полились слезы. Онъ чувствовалъ, что его начинаютъ душить рыданія, что сердце въ немъ пухнетъ, разорваться хочетъ, и выбѣжалъ изъ церкви къ теткѣ Афимѣ. Тамъ онъ прямо объявилъ о своемъ „безчестьѣ“ и жадно съѣлъ большой ломоть хлѣба. Часъ-другой побурлилъ, но въ концѣ концовъ какъ будто остепенился.

— Мнѣ бы, тѣнька, денька три отдохнуть, а потомъ я и опять... — сказалъ онъ: — чтожъ такое! въ нашемъ званіи почти всѣ такъ живутъ. Въ нашемъ званіи какъ? — скажетъ тебѣ паскуда: „я пока мыть нанялась“, дойдетъ до угла — и слѣдъ простылъ. Гдѣ была, какъ и что? — лучше и не допытывайся! Вечеромъ принесетъ двугривенный — это, дескать, поденьщина — и бери. Жениться не слѣдовало — это такъ; но если ужъ грѣхъ попуталъ, такъ ничего не подѣлаешь; не пойдешь къ попу: „развѣнчайте, моль, батюшка!“

Старуха охала, но соглашалась, что теперь ничего не подѣлаешь. Жить надо — только и всего. А стыдъ — не дымъ, глаза не выѣсть.

— Кабы ты что дурное сдѣлала — тогда точно... передъ людьми нехорошо! — говорила она резонно. — Поучи ее какъ слѣдуетъ — небось по стрункѣ станетъ ходить!

Онъ прожилъ въ деревнѣ три дня, бродя по окрестностямъ и преимущественно по господскому саду. Съ наступленіемъ осени, садъ какъ будто порѣдѣлъ и казался еще унылѣе. Дорожки совсѣмъ заросли и покрылись толстымъ слоемъ листа, такъ что даже собственныхъ шаговъ не было слышно. Громадныя березы тоскливо раскачивали вершины изъ стороны въ сторону; въ сирени, которыми были обсажены куртины, въ акаціяхъ и въ вишенѣ раздавался неумолкаемый шелестъ; столѣтняя липа, посаженная сбоку дома, скрипѣла отъ старости. Все намокло, разбухло, оголилось, точно иззябло. Кое-гдѣ виднѣлись поломанныя скамейки; посредию круга, обсаженнаго липами, уцѣлѣли остатки бесѣдки; тынъ изъ толстыхъ, заостренныхъ кольевъ, окружавшій садъ почти повсемѣстно, обвалился. Запустѣніе было полное, но Гришкѣ именно это и было нужно.

Онъ самъ какъ будто опустѣлъ. Садился на мокрую скамейку, и думалъ, и думалъ. Какъ ни резонно рѣшили они съ теткой Афимьей, что въ ихъ званіи завсегда такъ бываетъ, но срамъ до того былъ осязателенъ, что давилъ ему горло. Временами онъ доходилъ почти до бѣшенства, но не на самый срамъ, а на то, что мысль о немъ неотступно преслѣдуетъ его.

— Забыть я о немъ не могу! — жаловался онъ теткѣ: — ну, срамъ, такъ срамъ — что же такое? а вотъ ходить онъ за мной по пятамъ, не даетъ забыться — и шабашъ! Ъсть сяду — срамъ; спать лягу — срамъ; проснусь — срамъ. Извѣстно, потому буду жить, какъ и прочіе, да теперь — мочи моей нѣтъ. Мое дѣло рабочее: цѣлый день или на верстахъ, или въ бѣготнѣ. Куда ни придеши — вездѣ срамъ. Придетъ время, когда и прямо рога показывать будутъ — и то ничего. Да, видно, еще не пришло оно. И прежде срамная моя жизнь была — не привыкать бы стать! — и теперь срамная, только срамъ-то новый, сердце еще не переболѣло отъ него.

— Ничего, переболить! — утѣшала Афимья.

— Ворочусь домой и прямо пойду въ Бархатнивову шутки шутить. Комедию сломаю — онъ двугривенничекъ дастъ. Къ веселому рабочему и давальцы ласковѣе. Иному и починиваться не нужно, а онъ, за „представленіе“, старую жилетку отыщеть: „на, братъ, почини!“

Дѣйствительно, онъ черезъ три дня ушелъ отъ тѣтки, воротился домой.

— Гдѣ, лохматый чортъ, шлялся? Съ голоду, что-ли, мы подохнуть должны? — встрѣтилъ его старикъ-отецъ.

Жена заревѣла и бросилась ему въ ноги.

— Что, паскуда, ревешь?—крикнулъ онъ на нее:—иди, не мотайся у меня на глазахъ!

И, обратившись къ прочимъ членамъ нетерпѣливо ожидавшей его семьи, сказалъ:

— Теперь я шутки шутить буду. Смотрите! Коли не полегчить мнѣ, такую я съ вами шутку сыграю, что непоздоровится!

Пошелъ онъ къ куцу Поваляеву и сразу началъ шутки шутить.

— Что же, ваше степенство, не поздравляете? — спросилъ онъ:—вѣдь я съ орденомъ!

И, сдѣлавъ рукой рога, обратилъ ихъ по направленію къ своей головѣ.

— Ворота-то вымыли?—спросилъ Поваляевъ.

— Вымыли, да я опять вымазать хочу... пушай всѣ проздравляютъ!

— Ишь ты, веселый какой! Стало быть, и вправду Феклинья сладка? воторый день тебя на улицѣ не видать—все съ молодой женой колобродите?

— Ужъ такъ-то сладка, такъ-то сладка... персикъ! Или, вотъ, какъ въ старину пирожники въ Москвѣ выкрикивали: „съ лучкомъ, съ перцемъ, съ собачимъ съ сердцемъ! Возьмешь пирога въ ротъ—самъ собой въ горло проскочить“.

— Э! да ты, парень, веселый! Выпьемъ?

— Сегодня же зарокъ выполняю. А завтрашній день что покажетъ.

— Выпьемъ—пустяки! Я самъ сколько разъ зарокъ давалъ, да, видно, это не нашего ума дѣло. Водка для нашего брата пользительна, отъ нея мокроту гонить. И сколько ей однихъ названій: и соколигъ, и пташечка, и канареечка, и маленькая, и на дорожку, и съ дорожки, и посощдѣ, и сиволдай, и сиводрало... Стало быть, разлюбезное дѣло эта рюмочка, коли всякій ее по своему приголубливаетъ.

— Въ Москвѣ одинъ господинъ „опрокидонтомъ“ ее называлъ.

— „Опрокидонтъ“!.. ха-ха! по ваковски же это?

-- На Бостанжогловскомъ, говорить, языкѣ.

— Отлично! „опрокинулъ“—и правъ! выпьемъ!

— Зарокъ далъ, не могу. Я лучше вамъ про Феклиньку свою расскажу.

И рассказалъ. За это Поваляевъ пирогомъ его угостилъ да двугривенный на чай далъ, да двѣ жилетки разомъ починить отдалъ, три двугривенныхъ посулилъ.

— За что ласкаете, ваше степенство?—благодарить Гришка.

— За то, что ты веселый! Люблю я веселых! А то куется человек—самъ не знаетъ, съ чего! У него жена гуляетъ, а онъ куется!

— Вотъ я на нее хомутъ надѣну, да по улицѣ...—началь было Гришка, но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поперхнулся—точно сдавило ему горло—и убѣжалъ.

— Эй, ты!—крикнулъ ему Повалевъ: — къ завтраму чтобы были готовы жилетки, да и зарокъ, чтобы снять. Въ настоящемъ видѣ чтобы...

Такимъ образомъ прожилъ онъ мѣсяцъ, переходя отъ Повалева къ Бархатникову, отъ Бархатникова къ Падчерицыну и т. д. Его уже не били, а видѣли въ немъ только развеселаго малаго, съ которымъ, пожалуй, и театровъ не надо. Даже городничій съ исправникомъ—и тѣ шутили, спрашивали, сладка ли Фекляня, часто ли она дома сидитъ, много ли съ поденщины денегъ носить. Двугривенные такъ и сыпались на него и за работу, и за покладливость. Появились даже крупные заказы, такъ что онъ и шилъ, и кроилъ, и шутилъ—на все находилъ время. Даже деньги завелись.

— Скоро, пожалуй, и настоящее заведенье откроешь, ученика возьмешь,—поощрялъ его Повалевъ:—нашему брату и въ Москву обшиваться ѣздить не придется:—свой портной будетъ! А все-таки, другъ любезный, елей и вино разрѣшить нужно—тогда во всей формѣ мастеровой сдѣлаешься!

Однако онъ продолжалъ упорствовать въ трезвости. Надѣялся, что „шутка“ и безъ помощи вина поможетъ ему „угорѣть“. Шутить да шутить,—смотришь, подъ конецъ такъ испугается, что и совсѣмъ не человѣкомъ сдѣлается. Тогда и легче будетъ. И теперь мальчишки, при его приходѣ, рога показываютъ; но онъ уже не тотъ, что прежде: ухватить перваго попавшагося озорника за волосы, и такъ отволошматить, что любо. И старики не претендуютъ, а хвалятъ его за это.

Вообще ему стало житья легче съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился шутить. Жену онъ съ утра прибьетъ, а потомъ цѣлый день ея не видитъ и не интересуется знать, гдѣ она была. Старикамъ и въ усь не дуется; самъ поѣсть, какъ и гдѣ попало, а имъ денегъ не даетъ. Ходилъ отецъ къ городничему, опять просилъ сына высѣчь, но времена уже не тѣ. Городничій—и тотъ полюбилъ Гришку.

Тѣмъ не менѣе, Гришка понималъ, что однимъ шутковствомъ, безъ вина, ему не обойтись. Правда, онъ уже чувствовалъ, что

все глубже и глубже опускается въ пропасть, и что, быть можетъ, недалеко время, когда онъ нащупаетъ самое дно. Человѣческій образъ всегда былъ у него въ умаленіи, но мало-по-малу онъ и вовсе утратилъ его. Прежде онъ отдавалъ на общее поруганіе свой носъ, свое лицо, свое тѣло; теперь поруганіе проникло въ самое его нутро. Дома былъ адъ, на улицѣ—адъ, куда ни придетъ—вездѣ адъ. Такимъ образомъ, дойдешь, пожалуй, до того, что на работу руки подниматься перестанутъ. „Паскуда“ прямо смѣется надъ нимъ; онъ ее за косу ухватить хочетъ, а она убѣжитъ. Станетъ онъ спрашивать: гдѣ была?—а она въ отвѣтъ: „гдѣ была, тамъ меня ужъ нѣтъ“. И такъ нахально скалитъ при этомъ свои острые бѣличьи зубы, что онъ всѣмъ нутромъ застонетъ и ляжетъ плашмя на верстакъ. Но все-таки до конца „угорѣть“ ему не удалось; все-таки онъ что-то еще понимаетъ, чѣмъ-то мучится. Надо какой-нибудь рѣшительный толчокъ, чтобъ окончательно „угорѣть“, не понимать и не мучиться. Не выпить ли?

Надежда, что современемъ онъ обтерпится, что ему не будетъ „стыдно“, оправдалась лишь настолько, насколько онъ самъ напускалъ на себя безстыжестъ. Самъ онъ, пожалуй, и позабылъ бы, но посторонніе такъ безцеремонно прикасались къ его язвѣ, что не было возможности не страдать. „Ахъ, эта паскуда!“—рычалъ онъ внутренно, издали завидѣвъ на улицѣ, какъ Оеглинья, нарумяненная и набѣленная, шумя крахмальными юбками и шевеля бедрами, стремится въ пространство.

— Ишь, жена-то отъ тебя улепетываетъ!—хохоталъ ему въ лицо Поваляевъ:—это она къ Бархатниковскому приказчику поспѣшаетъ! Совсѣмъ опутала молодца. Прежде честный и твердый былъ, а теперь и попивать, и поворовывать началъ.

— Ахъ! не говорите мнѣ, ради Христа!—стонялъ Гришка въ такія минуты, когда путешествие на время повидало его.

— Чего не говорить! Васъ, шельмовъ, изъ города выслать надо. Только народъ мутите. Деньги-то она тебѣ, что-ли, отдаетъ?

— Начну-ка опять пить... или нѣтъ, еще погожу!—твердилъ себѣ Гришка, колеблясь между двумя альтернативами: — инъ, лучше въ Москву убѣгу!

— Дайте вы мнѣ пачпортъ на всѣ на четыре стороны!—настаивалъ онъ у стариковъ:—я и повинности заплачу, и вамъ высылать на прожитое буду.

— Уйдешь, и слѣда отъ тебя не останется—ищи тогда! Добро, и дома посидишь!

— Чего мнѣ дома сидѣть, скоро вѣдь и работать я совсѣмъ

не буду. Да и не одобровать мнѣ. Убью я когда-нибудь эту паскуду, убью!

Однажды, поздно ночью, Оеклинья пришла домой пьяная. Гришка еще не спалъ и до того разсвирѣпѣлъ, что на этотъ разъ она струсила.

— Гдѣ была? — кричалъ онъ на всю улицу, сверкая нали-
тыми кровью глазами и поднося къ ея лицу сжатые кулаки.

Она созналась, что была у самого Поваляева.

Онъ выбѣжалъ стремглавъ на улицу и помчался по направ-
ленію къ дому Поваляева. Добѣжавши, схватилъ камень и пустилъ
его въ окно. Стекло разбилось въ дребезги; въ домѣ поднялась
суматоха; но Гришка, въ свою очередь, струсиль и спасся бѣг-
ствомъ.

Дома разсказать о своемъ подвигѣ, умолялъ не разглашать
о немъ и встать сдѣлать новое открытіе.

— Что ты натворилъ, чортъ лохматый! — упрекали его ста-
рики: — развѣ она въ первый разъ? Каждую ночь ворочается
пьяная. Смотри, какъ бы она на тебя доказывать не стала, какъ
будутъ завтра разыскивать.

Оеклинья, полуобнаженная, спала въ это время на лавкѣ и
тяжко металась.

— Убью я ее! убью! — злобно шепталъ Гришка... — Отпустите
вы меня, ради Христа! Видите, что мнѣ здѣсь не жить! Убью
я... лопни моя утроба, ежели не убью!

— Врешь, проживешь и здѣсь! И не убьешь — и это ты
свралъ. Всѣ въ нашемъ званѣ такъ живутъ, и ты живи. Ишь,
убиватель нашелся!

На другой день начались розыски. Оеклинья, дѣйствительно,
явилась доказчицей.

— Некому, окромя его! — говорила она, всхлипывая: — онъ
и въ меня, чортъ лохматый, не однажды камнемъ бросалъ —
какъ только Богъ спасъ!

— Не знаемъ! можетъ и онъ, — на-двое свидѣтельствовали
родители.

Гришку выдержали недѣлю въ кутузкѣ, и Поваляевъ окон-
чательно разсердился. Теперь, съ этой стороны, и на заработокъ,
и на шутовство, надежда была плохая.

Жить становилось невыносимо; и шутовство пропало, не
лѣзло въ голову. Ужъ теперь не онъ билъ жену, а она, не
однажды, замахивалась, чтобъ дать ему раза. И старики начали
держатъ ея сторону, потому что она содержала домъ и кормила

всѣхъ. — „Въ нашемъ званіи всѣ такъ живутъ“, — говорили они: — „а онъ корячится... вельможа нашелся!“

Мысль о побѣгѣ не оставляла его. Нѣсколько разъ онъ пытался ее осуществить, и дня на два, на три скрывался изъ дома. Но исчезновеніи его не замѣчали, а только не давали разрѣшенія настоящимъ образомъ оставить домъ. Старикъ отецъ заявилъ, что сынъ у него непутный, а онъ, при старости, отвѣчать за исправную уплату повинностей не можетъ. Разумѣется, еслибъ Гришка не былъ „несуразный“, то могъ бы настоять на своемъ; но жалобы „несуразнаго“ развѣ есть резонъ выслушивать? Въ кутузку его — вотъ и рѣшеніе готово.

Однако, въ одно прекрасное утро, Гришка исчезъ.

Дорогой въ Москву ему посчастливилось. На ночлегѣ кто-то помѣнялся съ нимъ пальто. У него пальто было не казисто, а досталось ему совсѣмъ кудое и рваное; но зато въ карманѣ пальто онъ нашарилъ паспортъ. Предъявитель былъ дмитровскій мѣщанинъ, и звали его тоже Григорьемъ, по отчеству Петровымъ; примѣты были схожія: росту средняго, носъ средній, ротъ умѣренный, волосы черные, глаза сѣрые, особыхъ примѣтъ не имѣется.

— Вотъ и славно! — говорилъ себѣ Гришка: — пальто на толкучкѣ другое куплю, а паспортъ готовъ. Не забыть бы только, что я не Авенировъ, а Петровъ, дмитровскій мѣщанинъ.

Москва оживила его. Еще версть за шесть, подходя къ ней по Дмитровкѣ и обоняя тотъ особый запахъ, который присущъ подмосковной окрестности, онъ почувствовалъ неудержимый восторгъ.

— Иванъ-то великій! Иванъ-то великій! Ахъ, Боже ты мой! — восклицалъ онъ: — и малый Иванъ тутъ же притулился... Спась-то, Спась-то! такъ и горить куполомъ на солнышкѣ! Ахъ, Москва — золотыя маковки! Слава тѣ, Господи! привелъ Богъ!

Онъ истово перекрестился на всѣ четыре стороны и инстинктивно прибавилъ шагъ.

Переночевавши на постояломъ дворѣ у Бутырской заставы, онъ вмѣстѣ съ зарею побѣжалъ прямо въ городъ полюбоваться на Москву. За три-четыре года, которые онъ прожилъ въ своемъ городѣ, Москва порядочно измѣнилась. Вмѣстѣ съ началомъ реформъ, произошелъ толчокъ и во внѣшности первопрестольнаго города. Москва стала люднѣе, оживленнѣе; появились, хоть и наперечетъ, громадныя дома; кирпичныя тротуары остались достояніемъ переулковъ и захолустій, а на большихъ улицахъ уже

сплошь уложены были неширокимъ плитнякомъ; мѣстами, въ видѣ заплатъ, выступалъ и асфальтъ. Тверская улица какъ будто при-
смирѣла, Кузнецкій Мостъ—тоже, но зато въ „городѣ“, на Ильинѣхъ, на Никольской, съ ранняго утра была труба нетолчен-
ная отъ воевъ. Дома на этихъ улицахъ стояли сплошной стѣной
и были испещрены блестящими вывѣсками. Въ довершеніе всего,
старья, знаменитыя фирмы портныхъ или исчезли, или скромно
ступевывались, уступивъ мѣсто новымъ знаменитостямъ, должен-
ствующимъ внести кургузость и шикъ въ старозавѣтную москов-
скую солидность. Тѣмъ не менѣе, экипировавшись за-ново на тол-
кучѣхъ, Гриша разыскалъ кой-кого изъ хозяевъ, у которыхъ онъ
прежде жывалъ. Къ одному изъ нихъ онъ явился.

Хозяинъ былъ не изъ важныхъ. Нашествіе вѣстниковъ шика
значительно на него подѣйствовало. Онъ постарѣлъ, растерялъ
давальцевъ, сократилъ на половину число мастеровъ и учениковъ,
добрую часть квартиры отдавалъ въ наймы подъ мастерскую жен-
скихъ модъ, но никакъ не соглашался перемѣнить вывѣску, на
которой значилось: „Иванъ Дѣевъ, военный и партикулярный
портной“, и по-французски: „Jean Déiéff, tailleur militaire et par-
ticulier“.

— А! Авенировъ! видно, по Москвѣ стосковался!—восклик-
нулъ онъ, увидѣвъ Гришку.

— Петровъ-съ,—не сморгнувъ, отвѣчалъ Гришка.

— Помнится, Авенировымъ тебя величали, а впрочемъ... пас-
портъ есть?

— Такъ точно-съ.

Дѣевъ взглянулъ на паспортъ. Оказалось: Петровъ, носъ сред-
ній, ротъ умѣренный, волосы черные, курчавые, глаза сѣрые...

— Ничего, мѣсто найдется. Кстати, сегодня я одному подлецу
разсчетъ далъ. Съ завтрашняго же дня—съ Богомъ! только вѣдь
ты, помнится, пить не дуракъ.

— Заровъ далъ-съ.

— И прекрасно. У меня, впрочемъ, расправа короткая. Пер-
вый разъ пьянъ—прощаю; второй разъ—скулу сворочу; въ третій
разъ—паспортъ въ зубы и аллѣ-машіръ. А за прогулъ по три
рубля въ сутки штрафу—это само собой. Такъ?

— Обнаковенно. Какъ прочіе, такъ и я.

На другой день возобновилось для Гришки старинное москов-
ское житье. Онъ былъ счастливъ; работа немногимъ достается
такъ легко и скоро. Черезъ мѣсяць, онъ уже вполнѣ втанулъ
въ прежнюю бездомовую жизнь, съ трактирами, портерными и

тою вѣжущоюся сытостью, которую даетъ скудный хозяйскій харчъ. Гришка, впрочемъ, не выдержалъ и, по слову Поваляева, далъ себѣ разрѣшеніе на вино и елей. Вино восполняло недостатокъ питанія. Онъ уже неоднократно дѣлалъ прогулы, являлся въ мастерскую пьяный, и хозяинъ не разъ „поправлялъ“ ему то одну, то другую скулу, но выгонять не рѣшался, потому что руки у Гришки были золотыя. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ мѣсяца, при расчетѣ, въ распоряженіи его оставалась самая малость.

Представить себѣ жизнь мастераго въ Москвѣ—очень легкое дѣло. Это не жизнь, а что-то недостойное имени, недоступное для опредѣленія. Тутъ и полное отсутствіе опрятности, и отвратительное питаніе, и загулъ, и спанье на голомъ верстакѣ. Все это перемежается какой-то судорожной, угорѣлой работой. Послѣдняя сама по себѣ была бы неизнурительна, но, въ совокупности съ непрерывной сутоловой, она представляетъ своего рода каторгу. Нужно именно поступиться доброй половиной человѣческаго образа, чтобъ не сознавать тѣхъ нравственныхъ терзаній, которыя должны влечь за собой такого рода существованіе, чтобы разъ навсегда пронивнутъ мыслью, что это не послѣдняя степень паденія, а просто „такая жизнь“. Еслибъ лучъ сознанія хоть на мгновеніе освѣтилъ этотъ мракъ, онъ принесъ бы съ собою громадное несчастіе. Онъ изгналъ бы улыбку изъ этого темнаго царства, положилъ бы запретъ на самую рѣчь человѣческую. Но, къ счастью или къ несчастью, этого луча нѣтъ, и мастерскія кипятъ веселостью, говоромъ и смѣхомъ. Правда, веселость вымученная, говоръ и смѣхъ—циничные, но все-таки ихъ достаточно, чтобъ не дать вконецъ замереть этимъ придавленнымъ людямъ. Замазанный, тощій, чуть живой ученикъ, распѣвая, скачетъ на одной ножкѣ по тротуару и уже позабылъ о только-что вытерпѣнной трепкѣ. Онъ бѣжитъ за кипяткомъ въ трактиръ, за косушкой въ кабакъ; онъ радуется, что ему можно проскакать на одной ножкѣ извѣстное пространство, задѣтъ прохожаго, выругаться, пропѣтъ циническую пѣсню. Когда онъ приходитъ въ возрастъ и садится на верстакъ, наравнѣ съ мастеравыми, онъ уже кончилъ всю школу. Мальчикомъ онъ былъ получеловѣкъ, и вступилъ въ возрастъ получеловѣкомъ же. Въ какомъ качествѣ онъ умретъ?

Такая жизнь не была для Гришки новостью, и онъ вполне подчинялся ей. Онъ боялся только одного: чтобъ не открылся его паспортный подлогъ. Не разъ случалось ему встрѣчаться въ трактирахъ съ земляками, и онъ предпочиталъ говорить имъ, что живетъ совсѣмъ безъ паспорта, не можетъ найти мѣста и ша-

тается по ночлежнымъ домамъ. Но родные, повидимому, уже знали, что онъ въ Москвѣ, и даже наказывали черезъ земляковъ воротиться домой. Съ часу на часъ онъ ожидалъ розыска, и рѣшился чаще перебивать мѣста. Одинъ мѣсяць его видѣли на Тверской, другой—на Арбатѣ, третій—у Никитскихъ воротъ. Это дало ему репутацію непосѣдливаго человѣка и повредило заработку. Въ концѣ концовъ, онъ уже съ трудомъ находилъ себѣ мѣста, и дѣйствительно цѣлыми недѣлями шатался по ночлежнымъ домамъ, держа себя случайною поденною работою.

Между тѣмъ дѣло о розыскѣ портного Григорья Авенирова уже назрѣвало. Нѣсколько мѣсяцевъ оно находилось въ участіи и постепенно округлялось. Разыскивали неутомимо; посылали запросы въ прочіе участки, прибѣгали къ помощи телеграфа. Когда, наконецъ, переписка достаточно округлилась и уже намѣревались писать отвѣтъ, что портного Авенирова въ Москвѣ не обрѣтается, кто-то изъ земляковъ случайно узналъ о розыскѣ и донесъ, что Авенировъ живетъ въ мастеровыхъ на Плющихѣ у портного Ухабина, къ которому, безъ замедленія, и направилъ свои стопы околоточный.

— Кто здѣсь мастеръ Григорій Авенировъ?—кликнулъ онъ, входя.

Гришка понялъ, что дѣло его не выгорѣло, дрогнувъ слегка, но назвалъ себя.

— Паспортъ? Ага! Какимъ же образомъ ты значишься въ немъ Петровымъ? Э, голубчикъ, да тутъ пахнетъ кражей и подлогомъ.

Хозяинъ, разумѣется, выдалъ Гришку съ головой.

Гришка высиждалъ шесть мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи и потомъ судился (судебная реформа только-что была введена). Онъ увѣрялъ на судѣ, что не укралъ, а нашелъ паспортъ въ карманѣ вымѣняннаго пальто, и при этомъ откровенно разсказалъ свою мученическую жизнь. Но прокуроръ не вѣрилъ ему, доказывалъ, что иначе дѣло не могло произойти, какъ съ участіемъ кражи, а подлогъ былъ ясенъ самъ собой. Что же касается до розсказней подсудимаго о жизненныхъ неудачахъ, то это—обычная уловка негодяевъ, употребляемая съ цѣлью смягченія присяжныхъ. Назначенный судомъ защитникъ сказалъ всего нѣсколько словъ вало, нѣхотя, словно во снѣ веревки виль. Присяжные обвинили Гришку только въ томъ, что онъ воспользовался чужимъ паспортомъ, и при этомъ дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ его на двухъ-мѣсячную высылку.

Вся эта процедура, вмѣстѣ съ шатаньемъ по Москвѣ, длилась слишкомъ годъ, такъ что, когда, послѣ высадки, препроводили Гришку по этапу въ родной городъ, настала уже глубокая осень.

Оеклинья бросила и отца, и домъ. Она выстроила на выгздѣ просторную избу и поселилась тамъ съ двумя другими „дѣвушками“. Въ избѣ цѣлыя ночи напролетъ свѣтились огни и шло пированье. Старуха, Гришкина мать, умерла, но старики, отецъ и тесть, были еще живы и перебивались Христовымъ именемъ.

Вошелъ Гришка въ родной домъ и растянулся плашмя на верстаѣ. Ни отца, ни тестя не было въ это время дома; двери стояли открытыя, потому что и украсть было нечего. Въ неметенной и нетопленной комнатѣ отдавало сыростью и прѣлью; вмѣсто домашней утвари стояли два деревянныхъ чурбана, такъ что и жилого вида комната не имѣла; даже нищенской рвани не валялось на полу. Гришка лежалъ неподвижно, обезсилѣвшій, снѣдаемый недугомъ, приобрѣтеннымъ во время скитаній. Голова его горѣла подъ тяжестью мучительныхъ думъ. На работу рассчитывать, разумѣется, было нельзя; но предстояло „жить“, и эта мысль рвала ему сердце.

Осень приближалась къ концу; грязь на улицахъ застыла; мѣстами, гдѣ было мало ѣзды, виднѣлись уже полосы снѣга. Надъ городомъ нависъ темный октябрьскій вечеръ.

Гришка крадется по главной улицѣ, по направленію къ собору. Предчувствія его относительно работы сбылись. Въ теченіе недѣли, онъ обѣгалъ своихъ прежнихъ давальцевъ, но вездѣ встрѣтилъ суровый отказъ, а купецъ Поваляевъ даже пообѣщалъ спустить на него собаку, ежели онъ въ другой разъ явится. Къ тому же, въ его отсутствіе, въ городѣ появился другой портной, Федоръ Купидоновъ, уже прямо изъ „Петербурга“ и совсѣмъ веселый. Гришка ни разу порядкомъ не поѣлъ, а питался обшарпанными, черствыми объѣдками, которые приносилъ домой отецъ. Ежели удавалось старикамъ набрать нѣсколько мѣдныхъ пятаконъ, то покупали водки и сообща пили.

Приходилось и самому протягивать руку, но покуда горе настолько еще укрѣпляло его нравственныя силы, что мысль о милостынѣ пугала его. Вотъ когда и горе пройдетъ, когда онъ окончательно обтерпится, тогда, вѣроятно, и рѣшимость явится. Она придетъ сама собой. Будетъ онъ ходить, приплясывая, по улицамъ, будетъ пѣть скверныя пѣсни, коверкаться, представлять

юродиваго—и на него посыплются гроши. Старики и милостыни просить не умѣютъ: стоять, какъ истуканы, на перекрестѣ съ протянутыми руками,—оттого имъ и подають одни объѣдки. А онъ сьумѣетъ; онъ еще въ поргныхъ выучился юродствовать и прихисывать. Чего добраго, вѣщимъ челоуѣкомъ между купчихами прослыветъ; стануть чаемъ его поить, гривенниками одѣлять, тайнаго смысла въ его бормотаньѣ доискиваться: „скажи, батюшко, скажи!“ Конечно, не миновать ему и кутузки за эти продѣлки, но въ кутузѣ все-таки теплѣе, чѣмъ дома, да и шей дають. Пожалуй, кутузка-то еще за „претергѣніе“ ему сочтется: „истязаютъ тебя, касатиѣ, замучить хотятъ!“—будуть въ одинъ голосъ говорить вучихи.

Къ несчастью, горе до того впилося въ него, что отдаляло перспективу юродства на неопредѣленное время. Онъ мучился день и ночь, самъ не сознавая—отчего. Вѣроятно, въ этой формѣ сказывались общіе результаты жизни. О Фекинѣ онъ и не вспоминалъ, даже все прошлое почти позабылъ, и уже не возвращался къ его подробностямъ, а сидѣлъ дома, положивъ голову на верстакъ, и стоналъ. Именно, результаты прошлаго сказывались разомъ, скопились они и переполнили сердце тоскою. Дѣваться некуда отъ тоски,—точно она одна и осталась. Тоска безпредметная, сама себя питающая, почти осязаемая...

Онъ дошелъ до собора; тамъ служили всенощную, и третій звонъ еще не отошелъ. Когда онъ вошелъ въ церковь, читали евангеліе и загудѣли колокола. Онъ сталъ въ темномъ углу, началъ вслушиваться, но ничего не понималъ. Онъ былъ какъ бы въ забытѣ и трясся всѣмъ тѣломъ. Простоявши минутъ десять, вышелъ на паперть и началъ колеблющимися шагами взбираться на колокольню. Взбирался инстинктивно, не сознавая, что тамъ, наверху, ожидаетъ его разрѣшеніе загадки жизни. Никакихъ опредѣленныхъ намѣреній въ его головѣ не шевелилось, никакого предвидѣнія: все это замѣнилось непреодолимой силою рока. Тянетъ, влечетъ—только и всего.

Наконецъ, онъ дошелъ до самаго верха, надъ колоколами, и оглянулся. Городъ лежалъ окутанный мглою; огней сквозь осенній туманъ не было видно. Рѣшетка въ этомъ ярусѣ была такая низенькая, что опереться на нее было нельзя, а ограниченность пространства не допускала разбѣга. Однако кончить все-таки было нужно, кончить теперь же, сейчасъ, потому что завтра, упаси Богъ, онъ и впрямъ юродствовать начнетъ.

Онъ невольно перекрестился и поклонился на всѣ стороны.

Никто ничего не слыхалъ. Но минутъ черезъ десять, когда служба кончилась, дьячокъ, выходя изъ церкви, встрѣтилъ на пути своемъ препятствіе.

— На человѣка наткнулся!—крикнулъ онъ:—ишь, пьяница растянулся!

Стали тормошить „пьяницу“—не встаетъ. Принесли фонари, и опознали Гришву.

— Ахъ, расподлая твоя душа!—крикнулъ кто-то въ собравшейся толпѣ.

Н. Щедринъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

Историческій очеркъ ¹⁾.

І. Цесаревна Елисавета.

Дѣтство Елисаветы.—Красота ея.—Воспитаніе.—Плани видать ее въ замужество за французскаго короля или за французскаго принца крови.—Епископъ Любскій.—Отношенія Елисаветы къ Петру Второму.—Елисавета при избраніи Анны Ивановны.—Жизнь цесаревны въ царствованіе Анны Ивановны.—Елисавета во время регентства Бирона и правительницы Анны Леопольдовны.—Приготовленія къ перевороту.—Маркизь Де-ла Шетарди и докторъ Лестокиъ.

Елисавета родилась въ селѣ Коломенскомъ, 18 декабря 1709 г. День этотъ былъ днемъ торжественнымъ: Петръ въѣзжалъ въ Москву; за нимъ везли шведскихъ плѣнныхъ. Государь намѣревался тотчасъ праздновать полтавскую побѣду, но, при вступленіи въ столицу, его извѣстили о рожденіи дочери. „Отложимъ празднество о побѣдѣ и поспѣшимъ поздравить съ восшествіемъ въ міръ дочь мою, яко со счастливымъ предзнаменованіемъ вожделѣннаго мира“,—сказалъ онъ. Въ Успенскомъ соборѣ отслужено было благодарственное молебствіе; прослушавши его, царь отправился въ село Коломенское, гдѣ находилось его семейство. Онъ нашель Екатерину и новорожденнаго младенца здоровыми, и на радостяхъ устроилъ пиръ. Коломенскій дворець, хотя деревянный, былъ очень обширенъ и заключалъ въ себѣ 270 покоевъ

---

¹⁾ Изъ посмертныхъ бумагъ покойнаго Н. И. Костомарова.

съ тремя тысячами оконъ: было гдѣ собраться большому стеченію гостей. Къ пиру приглашены были привезенные царемъ шведскіе плѣнники. Въ дворца угощали нижнихъ чиновъ и народъ; имъ выкатили нѣсколько бочекъ съ виномъ и поставили на столахъ закуски.

Будучи только восьми лѣтъ отъ роду, принцесса Елисавета уже обращала на себя общее вниманіе своею красотою. Въ октябрѣ 1717 года, царь Петръ возвращался изъ путешествія за границую и вѣзжалъ въ Москву. Обѣ царевны — Анна и Елисавета — встрѣчали родителя, одѣтыя въ испанскихъ нарядахъ. Тогда французскій посолъ замѣтилъ, что меньшая дочь государя казалась въ этомъ нарядѣ необыкновенно прекрасною.

Въ слѣдующемъ, 1718 году введены были ассамблеи, и обѣ царевны являлись туда въ платьяхъ разныхъ цвѣтовъ, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, въ головныхъ уборахъ, блиставшихъ брилліантами. Уже тогда принцесса Елисавета обратила на себя вниманіе въ танцахъ. Въ то время, въ ассамблеяхъ въ ходу были танцы: англійскій кадрилъ, менуэтъ и польскіе танцы. Елисавета, кромѣ легкости въ движеніяхъ, отличалась находчивостью и изобрѣтательностью, безпрестанно выдумывая новыя фигуры. На ряду съ нею славились въ танцахъ ея сверстницы по лѣтамъ, дѣвочки: Головкина, княжны — Черкасская, Кантемиръ и Долгорукая — будущая невѣста Петра II-го. Но изъ нихъ преимущество всѣ отдавали Елисаветѣ: такъ рѣшали шведскіе офицеры, учившіе танцевальному искусству; такъ говорилъ французскій посланникъ Леви, замѣтившій, что Елисавета могла бы назваться совершенною красавицею, еслибы у нея волосы не были рыжеваты. По обычаямъ того вѣка, танцы начинались въ 3 часа по полудни и продолжались до ночи. Въ ассамблеяхъ посѣтители не стѣснялись присутствіемъ дамъ и дѣвицъ; въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ танцовали, пожилые люди играли въ карты и въ шахматы, курили табакъ, пили вино, закусывали, шумѣли, а иногда и бранились между собою. Въ слѣдующіе затѣмъ годы, обѣ царевны являлись въ публикѣ на прогулкахъ, зимою въ саняхъ, а лѣтомъ — на Невѣ, въ лодкахъ, одѣтыя въ нарядъ сардинскихъ корабельщиковъ — въ канифасныхъ кофтахъ, красныхъ юбочкахъ и небольшихъ круглыхъ шляпахъ. У обѣихъ на спинѣ были крылышки: такъ въ обычаѣ было одѣвать дѣвочекъ до ихъ совершеннолѣтія.

Воспитаніе царевны Елисаветы не могло быть особенно удачнымъ, тѣмъ болѣе, что мать ея была совершенно безграмотная. Но ее учили по-французски, и мать ей твердила, что есть

важныя причины на то, чтобъ она лучше другихъ предметовъ обученія знала французскій языкъ. Рассказываютъ, что однажды, заставши дочь свою за чтеніемъ французскихъ книгъ, Петръ сказалъ: „вы счастливы, дѣти; васъ въ молодыхъ лѣтахъ приучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ, а я въ своей молодости лишень былъ и книгъ, и наставниковъ“. Царю Петру пришла мысль и засѣла въ головѣ на многіе годы—отдать дочь Елисавету за французскаго короля. Мысль эта зародилась у него въ 1717 году, когда онъ посѣщаль Францію и видѣлъ малолѣтнаго Людовика XV-го. Онъ тогда уже сообщалъ близкимъ къ себѣ людямъ предположеніе, какъ было бы встать отдать за французскаго короля свою среднюю дочь. Первый разъ русскій царь, черезъ посредство князя Куракина, заявилъ объ этомъ французскому посланнику въ Гаагѣ, Шатонёву; но тогдашній регентъ королевства французскаго, руководимый своимъ первымъ министромъ Дюбоа, искалъ союза съ Англіею и опасался, родственнымъ союзомъ съ Россіею, причинить неудовольствіе англійскому королю. Въ послѣдующіе затѣмъ годы, когда шведскій министръ Герцъ хотѣлъ устроить примиреніе двухъ ожесточенныхъ враговъ—Петра I-го и Карла XII-го—съ планами, клонившимися къ ущербу Англіи и Австріи, регентъ Франціи еще болѣе сблизился съ англійскимъ королемъ и уклонился отъ союза съ Россіею. Послѣ Ништадтскаго мира, заключеннаго Россіею со Швеціею въ 1721 году, Петръ снова занялся мыслью отдать Елисавету за французскаго короля, но тутъ узналъ, что Людовика XV-го собрались сочетать бракомъ съ испанскою принцессою; тогда у Петра возникла мысль сочетать Елисавету съ какимъ-нибудь другимъ лицомъ французскаго королевскаго дома, и сначала онъ предлагалъ посланнику французскому, Кампредону, отдать ее за герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго, а по случившейся скоро кончинѣ самого этого герцога—за герцога Бурбонскаго Кондэ, который, по смерти регента, герцога Орлеанскаго, сталъ первымъ министромъ во Франціи. Въ намѣреніи навязать Елисавету французскому королю укрѣпляло Петра то, что испанская принцесса, намѣченная въ жены Людовику XV-му, была удалена въ Испанію. Но Петръ умеръ въ январѣ 1725 года—и Елисавета, достигавшая шестнадцатилѣтнаго возраста, провожала прахъ родителя въ могилу.

Мысль отдать Елисавету за французскаго короля преслѣдовалась и преемницею Петра, Екатериною Первою, и Меньшиковъ, отъ имени своей государыни, заявилъ объ этомъ желаніи Кампредону. Онъ указывалъ на старинный примѣръ родственной

связи французскихъ королевъ съ русскими государями, когда король Генрихъ I-й сочетался бракомъ съ дочерью великаго князя Ярослава кievскаго; Меньшиковъ представлялъ важныя выгоды, какія получить Франція отъ союза съ Россіею, указывалъ, что, женивши короля на русской принцессѣ, можно будетъ дочь Станислава Лещинскаго отдать за герцога Бурбонскаго и, при содѣйствіи Россіи, посадить его на польскомъ престолѣ; наконецъ, Меньшиковъ общалъ, въ силу союза съ Франціею, военную помощь со стороны Россіи во всякомъ дѣлѣ, касающемся Франціи. Кампредонъ, съ своей стороны, посылалъ въ своихъ депешахъ изъ Петербурга извѣстія, клонившіяся въ пользу союза съ Россіею. Но въ предположеніи, что выдать Елисавету за Людовика XV-го не удастся, и король обратится въ другую страну за невѣстою, Екатерина, между прочимъ, изъявила завѣстное согласіе отдать Елисавету за герцога Бурбонскаго и доставить ему польскую корону. Всѣ эти предположенія развѣялись какъ по вѣтру. Герцогъ Бурбонскій вѣжливо отклонилъ отъ себя родственныя связи съ Россіею, а французскій король вступилъ въ бракъ съ дочерью Станислава Лещинскаго, проживавшаго изгнанникомъ въ Германіи. Такимъ образомъ, прекратились попытки выдать Елисавету за французскаго короля или за какого-нибудь принца французской королевской крови. Пришлось искать для нея жениховъ въ другихъ странахъ.

Въ октябрѣ 1726 года, прибылъ въ Петербургъ принцъ Карлъ-Августъ, носившій титулъ епископа Любскаго, двоюродный братъ герцога Голштинскаго, только-что женившагося на старшей дочери Петра I-го, царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Императрица Екатерина стала прочить этого пріѣзжаго принца въ женихи своей второй дочери, Елисаветѣ. Между тѣмъ Остерманъ составилъ смѣлый, и, можно сказать, дикій планъ иначе устроить судьбу Петровой дочери. Онъ заявилъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта мысль сочетать принцессу Елисавету съ племянникомъ ея, Петромъ Алексѣевичемъ. Но, сознавая, что такая мысль противна православной церкви, Остерманъ прибѣгнулъ къ такому извороту: „супружеское сіе обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, можетъ касаться только до однихъ подданныхъ, живущихъ подъ правительствомъ, но не до высокихъ государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предковъ своихъ законы, но оныя по своему изволенію и волѣ отмѣнять свободную власть и силу имѣютъ, особенно когда отъ того зависитъ благополучіе

толь многихъ миллионѣвъ людей“¹⁾). Государыня приказала узнать мнѣніе святѣйшаго синода: можетъ ли племянникъ вступить въ бракъ съ теткою? Синодъ отвѣчалъ, что это не можетъ быть дозволено ни божескими, ни человѣческими законами. Для успокоенія совѣсти, думали было отнестись съ такимъ вопросомъ ко вселенскимъ патріархамъ, но тутъ Екатерина умерла. Послѣ ея смерти открыто было ея (сомнительное) завѣщаніе, въ которомъ она, оставляя престоль сыну казеннаго царевича Алексѣя, Петру, и назначая правителемъ государства, во время его малолѣтства, Меншикова, обѣимъ дочерамъ, кромѣ приданого въ триста тысячъ рублей и единовременной выдачи по миллиону рублей, опредѣлила во все время ихъ пребыванія въ Россіи, выдавать имъ ежегодно на содержаніе по сто тысячъ рублей, а Елисавета, по волѣ матери, должна была сочетаться бракомъ съ принцемъ епископомъ Любскимъ.

Но епископъ Любскій умеръ въ Петербургѣ въ іюнь 1727 г., а въ слѣдующемъ году скончалась старшая дочь Петра I-го, герцогиня голштинская, Анна Петровна, и Елисавета Петровна осталась одна, безъ близкихъ родныхъ и руководителей; — ей было 18 лѣтъ. Двое знатныхъ жениховъ искали руки ея — Морицъ, принцъ саксонскій, и Фердинандъ, герцогъ курляндскій, человѣкъ уже очень старшій для такой женитьбы. Елисавета отказала имъ обоимъ.

Молодой Петръ II нѣкоторое время былъ дружески расположенъ къ своей теткѣ, и Елисавета было совершенно овладѣла его сердцемъ. Англійскій посолъ Рондо писалъ, что Елисавета умѣла показать любовь ко всему, что правилось царю; такимъ образомъ, Петръ пристрастился ко псовой охотѣ — и Елисавета также интересовалась этого рода забавою. Но скоро князь Алексѣй Долгорукій и сынъ его, Иванъ, успѣли охолодить взаимную привязанность между теткой и племянникомъ. Молодой камергеръ Бутурлинъ приобрѣлъ особенное расположеніе Елисаветы. Сначала Петръ самъ полюбилъ его и пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генераль-маіора, но потомъ ему представили въ дурномъ свѣтѣ отношенія Бутурлина къ принцессѣ, и Петръ возненавидѣлъ его. Онъ сталъ обращаться съ Елисаветою холодно. Когда, въ сентябрѣ 1728 года, Елисавета праздновала свои именины, царь не прибылъ къ обѣду, не дождался бала и уѣхалъ прочь. Тогда всѣ замѣтили, что царь сердитъ; но Елисавета, казалось, не обращала на это вниманія, весь

¹⁾ Баяншъ-Каменскій, т. IV, стр. 68.

вечеръ танцевала и была отъменно весела. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года, прусскій посолъ, Вратиславскій, предложилъ Елисаветѣ бракъ съ Карломъ, маркграфомъ бранденбургскимъ. Петръ отказалъ ему, не сносаясь даже съ тетвою. Весною слѣдующаго 1729 года, Петръ повончилъ съ Бутурлинымъ, отправивши послѣдняго въ Украину съ полками.

Елисавета проживала въ селѣ Покровскомъ, теперь уже вошедшимъ въ черту города Москвы, но по временамъ ѣздила въ село Измайлово къ царевнѣ Евкатеринѣ Ивановнѣ, которая тамъ усердно занималась женскимъ хозяйствомъ: подъ ея наблюденіемъ ткались холсты, вышивались церковныя облаченія. Что касается до Елисаветы, то ея любимымъ занятіемъ было собирать сельскихъ дѣвушекъ, заставляя ихъ пѣть пѣсни, водить хороводы, и сама она принимала въ нихъ участіе съ своими придворными фрейлинами; зимою она каталась по пруду на воньбахъ и ѣздила въ поле охотиться за зайцами. Она ѣздила часто также въ Александровскую слободу и полюбила это мѣсто, извѣстное въ русской исторіи тѣмъ, что тамъ Иванъ Васильевичъ Грознаго совершалъ большую часть своихъ мучительствъ. Елисавета приказала тамъ себѣ построить два деревянныхъ дворца на каменномъ фундаментѣ, одинъ зимній, другой лѣтній; близъ лѣтняго у воротъ была построена церковь во имя Захарія и Елисаветы, гдѣ Елисавета Петровна часто слушала богослуженіе. Проживая въ Александровской слободѣ, она занималась соколиною охотою и ѣздила въ пригородное село Курганиху, гдѣ былъ большой лѣсъ; тамъ производили ей въ забаву травлю волковъ. О масляницѣ собирались къ ней слободскія дѣвушки кататься въ салазкахъ, связанныхъ между собою ремнями; Елисавета заставляла ихъ пѣть пѣсни и угощала цареградскими стручками, орѣхами и маковою сбиною. У нѣкоторыхъ жителей она воспринимала дѣтей отъ св. купели, и были такіе, что ей въ угоду перемѣняли свои родовыя прозвища. Елисавета развела тамъ фруктовый садъ, и то мѣсто, гдѣ былъ этотъ садъ, теперь уже застроенное домами, до сихъ поръ носитъ названіе Садовни. За пять верстъ кругомъ слободы, царевна потѣшалась охотою на лосей и оленей, и долго глубокіе старики вспоминали о житьѣ-бытьѣ въ этомъ тихомъ пріютѣ.

Въ эпоху воцаренія на русскомъ престолѣ Анны Ивановны, Елисавета Петровна, по словамъ иностранныхъ источниковъ, жила въ совершенномъ отчужденіи отъ современныхъ политическихъ дѣлъ. Но въ ту самую ночь, когда умеръ Петръ II-й, ей было искушеніе предъявить свои права на корону. Былъ у нея

придворнымъ врачомъ Лестоку. Онъ былъ уроженецъ изъ Ганновера, вступилъ въ русскую службу при Петрѣ I-мъ и былъ имъ за что-то сосланъ въ Казань, а при Екатеринѣ I-й возвращенъ и опредѣленъ къ ея дочери, Елисаветѣ. Какъ врачу, по его специальности, ему былъ всегда открытъ доступъ къ особѣ цесаревны. И вотъ, въ два часа ночи, вошелъ онъ къ ней въ спальню, разбудилъ и совѣтовалъ ѣхать въ Москву, показаться тамъ народу и заявить о своихъ правахъ на престолъ. Елисавета знать ничего не хотѣла; повидимому, ее тогда не увлекало еще обаяніе царствовать, а между тѣмъ у нея тогда уже была большая партія. Правда, знатные вельможи не слишкомъ ее уважали, припоминали увлеченія и, кромѣ того, считали ее незаконною дочерью, не имѣвшею права ни на какое наслѣдіе послѣ того, кого почитала она своимъ родителемъ. Но многіе гвардейскіе офицеры не смотрѣли на это, видѣли въ ней плоть и кровь Петра Великаго и толковали, какъ было бы встать возвести Елисавету на престолъ, устранивши Анну Ивановну съ ея курьяндскими друзьями. Елисавета считалась русскою по душѣ и по сердцу, — и всѣ, которые ненавидѣли иноземщину и стояли за русскій духъ, находили въ ней своего идола. Еслибъ Елисавета послушалась этого голоса ея сторонниковъ, то, конечно, Аннѣ Ивановнѣ не пришлось бы царствовать. Но цесаревна не сдѣлала тогда ни малѣйшаго шага въ свою пользу, и Анна Ивановна воцарилась. Эта государыня не терпѣла Елисаветы; Елисавета это знала, и первые годы царствованія Анны Ивановны продолжала удаляться отъ двора и проживала въ своей подмосковной. Только по волѣ императрицы она должна была переселиться въ Петербургъ, гдѣ у нея было два дворца — одинъ лѣтній загородный, близъ Смольнаго, другой зимній, въ срединѣ города ¹⁾. Она должна была являться на балы и вуртаги императрицы, и тамъ блистала она, какъ необыкновенная красавица. Когда китайскому послу, первый разъ прибывшему во дворецъ, сдѣлали вопросъ — кого онъ находитъ прелестнѣе всѣхъ женщинъ, онъ прямо указалъ на Елисавету. По описанію видѣвшей ее часто жены англійскаго посланника, лэди Рондо, у нея были превосходные каштановые волосы, выразительные голубые глаза, здоровые зубы, очаровательныя уста. Говорили, правда, что ея воспитаніе отзывалось небреженіемъ, но, тѣмъ не менѣе, она обладала наружными признаками хорошаго воспитанія: она превосходно говорила по-французски, знала

¹⁾ По однимъ источникамъ, онъ находился на Царицыномъ Лугу, близъ Павловскихъ казармъ, по другимъ — на Садовой, гдѣ нынѣ пажескій корпусъ.

также итальянскій языкъ и немного по-нѣмцѣи, изящно танцовала, всегда была весела, жива и занимательна въ разговорахъ. Какъ въ своемъ отрочествѣ, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ, она, при первомъ своемъ появленіи, поражала всѣхъ красотою, особенно когда одѣта была въ извѣстной „робѣ“ съ накрахмаленнымъ газовымъ чехломъ, усѣяннымъ вышитыми серебромъ цвѣтами. Ея роскошные волосы не обезображивались пудрою по тогдашней модѣ, а распускались по плечамъ локонами, перевитыми цвѣтами. Когда императрица угощала у себя плѣнныхъ французовъ, которые были привезены изъ Гданска, Елисавета Петровна очаровала ихъ всѣхъ своею любезностію, непринужденною веселостію и знаніемъ французскаго языка. Рѣшительно неподражаема была цесаревна въ русской пляскѣ, когда, въ веселые часы, забавлялась императрица съ своими шутами и шутихами въ отечественномъ пошибѣ. Императрица всегда обращалась съ цесаревною вѣжливо и любезно, но отъ Елисаветы не укрывалось, что Анна Ивановна не терпитъ ея, какъ своего тайнаго врага. Приближенные Елисаветы, въ особенности ея лейбъ-хирургъ Лестокъ, постоянно твердили о ея правахъ на престолъ, и хотя она уклонялась отъ всякихъ заявленій, съ своей стороны, въ этомъ родѣ, но ея невольно должна была усвоиваться мысль, что Анна Ивановна царствуетъ неправильно, и корону слѣдовало бы возложить на голову дочери Петра I-го. Притомъ, обращеніе съ нею императрицы Анны стало отзываться высокомеріемъ, такъ что Елисавета уже неохотно являлась во дворецъ ея, и когда хотѣла туда ѣхать, то прежде посылала справиться, пожелаютъ ли принять ее. Когда у императрицыной племянницы, Анны Леопольдовны, родился сынъ, принцъ Иванъ Антоновичъ, еще прежде своего рожденія предназначенный быть наслѣдникомъ престола, съ Елисаветою случилось событіе, которое должно было утвердить ее въ мысли, что русскіе люди ее любятъ болѣе своего правительства. Елисавета, по обычаю, должна была сдѣлать подарокъ родильницѣ. Она послала своихъ придворныхъ въ гостинный дворъ купить вазу для этого подарка. Купцы, узнавши, что ваза покупается для цесаревны, не взяли денегъ и предложили отъ себя ей въ подарокъ требуемую вазу: Елисавету считали руководительницею русской національной партіи и полагали на нее надежду возрожденія Руси ¹⁾.

Въ послѣднее время царствованія Анны Ивановны насту-

¹⁾ Вейдемейеръ: „Обзоръ“, т. II, стр. 127—140. — „Русская Бесѣда“ 1857 г., т. I, стр. 6.—Записки Желабужскаго, стр. 213.

шло для Россіи сближеніе съ Франціею. Долгое время эти державы находились въ непріязненныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Но послѣ того, какъ французскій посланникъ въ Турціи, Вильнёвъ, принялъ на себя посредство заключенія мира Турціи съ Австріею и Россіею, императрица Анна Ивановна возобновила дипломатическія сношенія съ Франціею и отправила въ Парижъ посланникомъ князя Кантемира, а Франція назначила своимъ посланникомъ въ Петербургъ маркиза Де-ла Шетарди. Это былъ типъ французскаго аристократа XVIII вѣка, какъ бы самой природой созданный быть посланникомъ въ Россіи. Врожденная французамъ любезность въ обращеніи была въ немъ развита воспитаніемъ и, съ дѣтскихъ лѣтъ, салонами высшихъ круговъ; остроумный, щедрый до расточительности, всегда изящно одѣтый, напудренный—куда только онъ ни являлся, вездѣ оставлялъ по себѣ самое пріятное впечатлѣніе. Онъ особенно годился для тогдашняго высшаго русскаго общества, которое легкомысленно увлекалось наружностію и способно было сразу принять ее за внутреннее содержаніе. Онъ былъ отправленъ не столько официальнымъ посломъ, сколько агентомъ и наблюдателемъ; во Францію доходили слухи, что въ Россіи существуетъ національная партія, недовольная управленіемъ Россіею въ рукахъ нѣмцевъ; Де-ла Шетарди долженъ былъ узнать о ней въ точности, сблизиться съ ея главными вожаками и настроить ихъ къ произведенію переворота, который бы свергнулъ нѣмецкое господство и установилъ другое, благопріятное для Франціи. Де-ла Шетарди, въ январѣ 1740 года, въ первый разъ представился императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а затѣмъ цесаревнѣ. При свиданіи съ послѣднею, оба произвели другъ на друга пріятное впечатлѣніе. Французскій посланникъ открылъ у себя въ отелѣ самое широкое гостепріимство. Но нѣмцы, вездѣ не любившіе французовъ, какъ чуждую и, по характеру, противоположную имъ расу, старались внушить недовѣріе русскимъ сановникамъ; тѣ, зная, что при царскомъ дворѣ не люблявають вообще французовъ, держали себя осторожно по отношенію къ Де-ла Шетарди, и не мало труда и терпѣнія стоило ловкому дипломату побѣдить такую къ себѣ недовѣрчивость. Онъ успѣлъ, однако, настолько, что въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія уже сама Анна Ивановна лично склонялась на сторону Франціи.

Но умерла Анна Ивановна, съ которою, въ день смерти ея, Елисавета просталась какъ сестра. Наступило короткое время регентства Бирона. Регентъ назначилъ принцессѣ Елисаветѣ на содержаніе по пятидесяти тысячъ въ годъ. Онъ часто къ ней

ѣздили и бесѣдоваль съ нею. Однажды, въ присутствіи другихъ, Биронъ произнесъ, что если принцесса Анна Леопольдовна сдѣлаетъ какую-нибудь попытку къ перевороту правленія — онъ выплететь ее вонъ изъ Россіи вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ и пригласить голштинскаго принца, внука Петра Великаго. Толковали тогда, будто у Бирона въ головѣ вертѣлась иная мысль — женить сына своего Петра на Елисаветѣ и доставить ей престолъ.

Но Биронъ былъ низвергнутъ; правленіе перешло въ руки Анны Леопольдовны и ея супруга, и не перестало по прежнему быть нѣмецкимъ. Гвардейцы не любили принца Антона; офицеры кричали: „когда низверженъ былъ Биронъ, мы думали — нѣмецкому господству приходитъ конецъ, а оно и до сихъ поръ продолжается, хотя съ другими особами“. Составлялись и расходились соблазнительные анекдоты о правительницѣ, насчетъ ея дружбы съ саксонскимъ посланникомъ Линаромъ; рассказывались также анекдоты о высокогнѣрномъ обращеніи нѣмцевъ-начальниковъ съ подчиненными-русскими, сожалѣли объ униженіи Россіи, вспоминали съ сочувствіемъ времена Петра Великаго и обращались сердцемъ къ дочери его, лаская свое воображеніе надеждою, что съ ея воцареніемъ настанутъ иныя, лучшія времена. И войско, и народъ, забывали на время тягости Петрова царствованія и любили дочь суроваго, но умнаго царя; а Елисавета вела себя такъ, чтобы заставить любить себя и надѣяться отъ нея всякаго добра. Она не пряталась въ глубину царскихъ палатъ, какъ Анна Леопольдовна; она то и дѣло, что каталась по городу въ саняхъ и верхомъ, и повсюду встрѣчала знаки восторженной, непритворной любви къ себѣ. Въ ея дворцѣ былъ открытъ доступъ не только гвардейскимъ офицерамъ, но и рядовымъ; она сама ѣздила въ казармы, воспринимала у солдатъ дѣтей при крещеніи, при этомъ щедро ихъ обдаривала, хотя такая щедрость была для ней не легкимъ дѣломъ, и она входила въ долги. Лестоувъ продолжалъ трубить ей въ уши свою одну и ту же многолѣтнюю пѣсню, что слѣдуетъ ей заявить свое право на наследственный престолъ. Этотъ ревностный сторонникъ цесаревны явился въ домъ французскаго посольства, выпросилъ свиданіе съ Де-ла Шетарди, открылъ ему, что гвардія и народъ расположены къ цесаревнѣ, и есть возможность возвести ее на престолъ, а брауншвейгскую династію, со всѣми преданными ей нѣмцами, прогнать; цесаревна, ставши императрицей, войдетъ въ союзъ съ Франціею и всегда будетъ готова къ услугамъ этой державы, тѣмъ болѣе, что она сохранила сердечное воспоминаніе о томъ дѣтскомъ времени, когда родители готовили ее быть супругою французскаго

короля; хотя она никогда не видала въ глаза Людовика XV, но тяготѣла къ нему душою, какъ къ давнему другу юности. Узнавши объ этомъ отъ Лестока, Де-ла Шетарди сообразилъ, что для него теперь самъ собою отъкрывается путь осуществить переворотъ, о которомъ ему сдѣланъ былъ намекъ въ инструкціи, въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ. Надобно, во что бы то ни стало, посадить Елисавету на престоль, и тогда легко можно будетъ французскому королю заключить съ нею дружескій союзъ, и, такимъ образомъ, оторвать Россію отъ политическаго союза съ прирожденнымъ врагомъ Франціи—Австріею и образовать новый союзъ Франціи съ Россіею, Пруссіею и Швеціею противъ ненавистнаго Габсбургскаго дома.

Не смѣя идти далѣе въ своихъ замыслахъ, безъ указанія свыше, Де-ла Шетарди говорилъ, что посланникъ безъ инструкціи походить на незаведенные часы. Онъ отнесся къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, сообщилъ о слышанномъ отъ Лестока и о подмѣченномъ имъ самимъ въ Россіи и просилъ болѣе точныхъ указаній своему дѣлу. Въ отвѣтъ на свое представленіе, онъ получилъ порученіе увѣрить принцессу Елисавету въ готовности французскаго короля помочь ей. Тогда Франція задумала втянуть Швецію въ предпріятіе въ пользу Елисаветы. Швеція была уже наканунѣ разрыва съ Россіею, управляемою брауншвейгскою династіею. Въ Россіи образовалась партія, желавшая низвергнуть брауншвейгскую династію и возвести на престоль Елисавету Петровну; поэтому не было ничего естественнаго, какъ Швеціи объявить войну съ цѣлью доставить престоль Елисаветѣ Петровнѣ, а Елисавета Петровна должна будетъ за то уступить Швеціи часть земель, завоеванныхъ отцомъ ея. Такой проектъ, отъ имени Франціи, тогда представленъ цесаревнѣ, но она отвергла его: „лучше,—сказала она,—я не буду никогда царствовать, чѣмъ куплю корону такую цѣною“. Услышавши такую рѣчь, французскій посланникъ не настаивалъ болѣе, оставляя времени и обстоятельствамъ содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса.

Вскорѣ послѣ того Де-ла Шетарди получилъ отъ своего правительства двѣ тысячи червонцевъ (22.423 франка), при посредствѣ дяди, служившаго при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, нѣкоего Магя (Magne). Изъ этой суммы Лестоку выдалъ двумъ нѣмцамъ, Грюнштейну и Шварцу, часть для раздачи гвардейскимъ солдатамъ отъ имени цесаревны ¹⁾. Первый изъ нихъ служилъ солдатомъ въ гренадерской ротѣ преображенскаго полка,

¹⁾ Вандаль: Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 146.

второй былъ прежде придворнымъ музыкантомъ, а теперь занималъ какую-то должность въ академіи наукъ за небольшое жалованье. Они сразу набрали тридцать преображенскихъ гренадеровъ, готовыхъ хоть въ огонь, хоть въ воду, „за матушку цесаревну Елисавету Петровну“. Обо всемъ этомъ сообщилъ Лестоку французскому посланнику при свиданіяхъ, устраиваемыхъ въ рошѣ, сосѣдней съ дачею, на какомъ-то изъ петербургскихъ острововъ, гдѣ посланникъ нанималъ себѣ лѣтнее помѣщеніе.

Слухъ объ этихъ затѣяхъ преждевременно дошелъ, однако, до зимняго дворца. Польско-саксонскій посланникъ, Линарь, котораго тогда правительница собиралась женить на своей любимицѣ, Юліаніи фонъ-Ментденъ, совѣтовалъ правительницѣ не церемониться съ Елисаветою, арестовать и заточить въ монастырь. „Никакой пользы изъ этого не произойдетъ“, — сказала Анна Леопольдовна: — „развѣ не останется чертенокъ, который намъ не будетъ давать покоя?“ Она разумѣла принца голштинскаго, сына Анны Петровны, старшей дочери Петра Перваго. Тогда Линарь совѣтовалъ арестовать и выслать изъ Россіи французскаго посланника, который заводитъ всѣ пружины противъ брауншвейгскаго дома. И на это не согласилась Анна Леопольдовна. Кто-то изъ прислуги подслушалъ этотъ разговоръ, его передали Елисаветѣ Петровнѣ, а Елисавета Петровна, разумѣется, предупредила маркиза Де-ла Шетарди. Тогда французскій посланникъ вооружилъ всю свою посольскую прислугу, пожегъ бумаги, какія могли повредить ему при обыскѣ, и готовился выдерживать ночное нападеніе. Никто, однако, къ нему не явился. Утромъ онъ былъ у Елисаветы, отъ нея поѣхалъ въ зимній дворецъ, весь вечеръ тамъ веселился, любезничалъ, шутилъ и уѣхалъ на новое ночное свиданіе съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Лестоку, мало сдержанный на языкъ, гдѣ-то проболтался и высказалъ ожиданіе, что скоро цесаревна сдѣлается императрицей. Вѣсть объ этомъ дошла до Остермана. Остерманъ поѣхалъ объясняться съ правительницею; но Анна Леопольдовна, желая устранить толки о грядущихъ опасностяхъ, сказала: „все это сплетни, мнѣ давно уже извѣстныя“. Тотчасъ она стала показывать Остерману платица, спитыя для малолѣтняго императора.

Не болѣе вниманія у правительницы имѣли представленія отъ супруга ея, который совѣтовалъ арестовать Лестова и замѣтилъ при этомъ, что гвардейскіе офицеры смотрятъ на него, принца, какъ-то исподлобья, а между тѣмъ оказываютъ уваженіе и любовь къ Елисаветѣ, и солдаты величаютъ ее „матушкою“. И на эти предостереженія Анна Леопольдовна махнула

рукой. Тогда послѣдовало еще одно предостереженіе. Графъ Левенвольдъ, собираясь ужинать, получилъ отъ кого-то свѣденія о замыслахъ цесаревны и ея приверженцевъ, записалъ полученные свѣденія на бумагѣ, и, хотя было уже поздно, поспѣшилъ въ зимній дворецъ. Правительница уже легла спать. Левенвольдъ передалъ записку ея камеръ-юнгферъ и поручилъ довести ее до свѣденія правительницы. Камеръ-юнгфера вошла въ спальню со свѣчею и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробѣжала ее и произнесла: „спросите графа Левенвольда, не сошелъ ли онъ съ ума?“ Левенвольдъ воротился домой въ отчаяніи, а на утро поѣхалъ къ правительницѣ и сталъ уговаривать не пренебрегать грозящею опасностію. „Все это пустая сплетня“, — сказала правительница: — „мнѣ самой лучше, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстно, что цесаревны боятся намъ нечего“¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, между правительницею и цесаревною господствовало полное согласіе и нѣжнѣйшая родственная дружба. Въ день рожденія цесаревны, въ декабрѣ 1740 года, правительница послала ей въ подарокъ дорогой браслетъ, а отъ лица малолѣтняго императора — осыпанную камнями, золотую табакерку съ гербомъ, и тогда же, къ довершенію вниманія къ дѣламъ цесаревны, указано было изъ соляной конторы выдать сорокъ тысячъ рублей на уплату долговъ цесаревны. Когда у правительницы родилась дочь, воспріемницею ея при св. крещеніи была цесаревна, вмѣстѣ съ герцогомъ мекленбургскимъ, отцомъ правительницы, котораго особу, за отсутствіемъ, представлялъ при совершеніи обряда князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій.

Между тѣмъ открылись въ Финляндіи военныя дѣйствія между русскими и шведами. Вначалѣ выгоды были на русской сторонѣ: фельдмаршалъ Ласси одержалъ надъ шведами побѣду и овладѣлъ крѣпостію Вильманстрандомъ. Но Де-ла Шетарди, услыша объ этомъ, послалъ вурьера къ шведскому главнокомандующему, Левенгаупту, съ проектомъ манифеста въ такомъ смыслѣ, что Швеція предприняла войну съ цѣлью освободить Россію отъ господства ненавистныхъ для нея нѣмцевъ и доставить престолъ дочери Петра Перваго. Левенгауптъ издалъ такой манифестъ. Правительница читала его — и все-таки придавала болѣе вѣры наружному дружелюбію Елисаветы, чѣмъ явно угрожающимъ ей обстоятельствамъ. Этого мало. Графъ Головинъ уговорилъ правительницу на смѣлый и опасный шагъ — объявить себя императрицей. Анна Леопольдовна легкомысленно приняла этотъ совѣтъ и стала гото-

¹⁾ Вейдемейеръ: „Обзоръ“, т. II, стр. 80.

виться къ торжеству, которое было назначено на день именинъ правительницы, 9-го декабря. Но и сама Елисавета не слишкомъ торопилась въ своемъ предпріятіи, и отложила его до 6-го января будущаго, 1742 года. Тогда предполагала она явиться предъ гвардейцевъ во время крещенскаго парада на льду Невы-рѣки и тамъ заявить свои права.

Французскій посланникъ, узнавши о такомъ колебаніи и откладываніяхъ, понялъ, что если люди, затѣвая что-нибудь важное, начнутъ откладывать свое предпріятіе на дальніе сроки, то могутъ, охладѣвши къ своему предпріятію, покинуть его вовсе. Де-ла Шетарди спѣшилъ объясниться съ цесаревной. Онъ пріѣхалъ къ ней во дворецъ въ то время, когда она воротилась съ прогулки въ саняхъ. Это было 22-го ноября.

— Я — сказалъ французскій посланникъ — пріѣхалъ васъ предупредить объ опасности. Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что васъ хотятъ упрятать въ монастырь. Пока это намѣреніе отложили, но не надолго. Теперь же наступаетъ пора дѣйствовать намъ рѣшительно. Положимъ, что успѣха не будетъ вашему предпріятію. Вы въ такомъ случаѣ рискуете подвергнуться ранѣ той участи, какая неизбѣжно васъ постигнетъ мѣсяцемъ или двумя позже. Разница въ томъ, что если вы теперь ни на что не рѣшитесь, то лишите смѣлости друзей вашихъ на будущее время, а если теперь покажете съ своей стороны рѣшимость, то сохраните къ себѣ расположеніе друзей, и, въ случаѣ первой неудачи, они отомстятъ за нее и могутъ поправить дѣло.

— Если такъ, — произнесла Елисавета Петровна: — если ужъ ничего не остается, какъ приступить къ крайнимъ и послѣднимъ мѣрамъ, то я покажу всему свѣту, что я — дочь Петра Великаго.

II. Достиженіе престола.

Вечернее свиданіе цесаревни съ Анной Леопольдовной. — Предостереженіе принца Антона-Ульриха. — Лестокъ въ трактирѣ. — Осмотръ оконъ въ зимнемъ дворцѣ и въ палатахъ вельможъ. — Сборъ приверженцевъ Елисаветы въ ея дворцѣ. — Поѣздъ къ спасскимъ казармамъ. — Шествіе къ зимнему дворцу. — Арестованіе брауншвейгской фамиліи. — Арестованіе вельможъ. — Прізваніе Елисаветы императрицей. — Милости новой государыни. — Судъ и расправа надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими приверженцами брауншвейгской династіи.

23-го ноября, цесаревна отправилась въ зимній дворецъ въ гости къ правительницѣ. Былъ вуртагъ. Вечеромъ гости усѣлись за карточные столы; цесаревна тоже стала играть въ карты.

Вдругъ Анна Леопольдовна вызвала Елисавету Петровну изъ-за картючнаго стола, пригласила въ другую комнату, сказала, что получила изъ Бреславля письмо; ее предостерегаютъ, извѣщая, что цесаревна, съ своимъ лейбъ-хирургомъ Лестокомъ, при содѣйствіи французскаго посланника, замышляетъ произвести переворотъ; ей совѣтуютъ немедленно арестовать Лестока. Цесаревна показываетъ видъ изумленія, увѣряетъ, что ей въ голову не приходило ничего подобнаго, что она ни за что не нарушить клятвы въ вѣрности, данной малолѣтнему императору, что Лестокъ ни разу не бывалъ у французскаго посланника, что, если угодно, могутъ его арестовать, и черезъ то выяснится только ея невинность. Цесаревна расплакалась, бросилась къ правительницѣ въ объятія; Анна Леопольдовна, по своему добродушію, расплакалась сама и разсталась съ цесаревною при взаимныхъ увѣреніяхъ любви и преданности ¹⁾).

Утромъ 24-го ноября, въ 10 часовъ, явился Лестокъ къ Елисаветѣ Петровнѣ и засталъ ее за туалетомъ. Онъ показалъ ей два сдѣланныхъ имъ карандашемъ рисунка: на одномъ представлена была цесаревна съ короною на головѣ, на другомъ—та же цесаревна въ монашеской рясѣ, а кругомъ нея—орудія казни. „Желаете ли“,—спросилъ онъ,—„быть на престолѣ самодержавною императрицею, или сидѣть въ монашеской кельѣ, а друзей и приверженцевъ вашихъ видѣть на плахахъ?“

Въ зимнемъ дворцѣ принцъ Антонъ-Ульрихъ возобновилъ, въ послѣдній разъ, свои предостереженія супругѣ, и просилъ ее приказать разставить во дворцѣ и около дворца усиленные караулы, а по городу разослать патрули, однимъ словомъ, принять мѣры насчетъ опасныхъ замысловъ Елисаветы. „Опасности нѣтъ“,—отвѣчала Анна Леопольдовна:—„Елисавета ни въ чемъ невинна; на нее напрасно наговариваютъ, лишь бы со мною поссорить. Я вчера съ нею говорила; она поклялась мнѣ, что ничего не замышляетъ, и когда увѣряла меня въ этомъ, то даже плакала. Я вижу ясно, что она невиновна противъ насъ ни въ чемъ“.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Лестокъ собралъ своихъ единомышленниковъ на сѣдѣку, назначивъ трактиръ савояра Берлина, находившійся неподалеку отъ дворца цесаревны, а между тѣмъ далъ приказаніе вѣхать во дворъ ея дворца двумя санямъ. Въ трактирѣ Лестокъ встрѣтилъ какаго-то подозрительнаго человѣка, зазвалъ его играть на билліардѣ, чтобъ занять время, пока со-

¹⁾ La Cour de la Russie il y a cent ans, стр. 85—95.—Вейдемейеръ: „Обзоръ“, т. II, стр. 69,—80.—Записки Манштейна, стр. 251.—Пекарскій: „Маркизь Де-ла Шетарда“, стр. 398.

берутся его единомышленники. Когда одинъ изъ послѣднихъ вышелъ, Лестоуъ переглянулся съ нимъ, оставилъ своего партнера и вышелъ изъ трактира съ пришедшимъ; кажется, то былъ Де-Вальденкуръ, секретарь маркиза Де-ла Шетарди, передававшій Лестоуку червонцы для раздачи гвардейцамъ ¹⁾. На улицѣ встрѣтили они еще двоихъ господъ своего кружка, и Лестоуъ отправилъ одного въ дому Остермана, другого въ дому Миниха—осмотрѣть, что тамъ дѣлается, а самъ пошелъ къ зимнему дворцу, осмотрѣлъ съ улицы окна, гдѣ, по его соображеніямъ, должны были находиться опочивальни правительницы и принца, нашель, что вездѣ уже темно, встрѣтилъ на площади возвращавшихся изъ домовъ Остермана и Миниха, и узналъ отъ нихъ, что въ этихъ домахъ также все темно, и всѣ тамъ спятъ покойно.

Тогда Лестоуъ отправился къ цесаревнѣ—объявить, что никто въ городѣ не предвидитъ настоящей тревоги и пришло время дѣйствовать. Елисавета не ложилась. Было два часа ночи. Она молилась на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, прося благословенія своему предпріятію, и тутъ-то, какъ говорятъ, дала обѣтъ уничтожить смертную казнь въ Россіи, если достигнетъ престола. Въ ея дворцѣ собрались уже всѣ главные приверженцы и знать: любимецъ Разумовскій, камеръ-юнкеры Шуваловы—Петръ, Александръ и Иванъ, камергеръ Михайло Илларионовичъ Воронцовъ, принцъ гессенъ-гомбургскій съ женою, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, дядя покойной Анны Ивановны и тѣмъ самымъ близкій къ ея роду, но въ числѣ первыхъ перешедшій на сторону Елисаветы. Были здѣсь и другія особы, знавшія о заговорѣ, и въ томъ числѣ родственники Елисаветы, попавшіе изъ крестьянъ въ графы—Свавронскіе, Ефимовскіе, Гендриковы. Лестоуъ, явившись къ цесаревнѣ, замѣтилъ, что она какъ-то опускается духомъ, сталъ ободрять ее и подаль ей орденъ св. Екатерины и серебряный крестъ; она возложила на себя то и другое и вышла изъ дворца. У подъѣзда стояли приготовленныя для нея сани. Елисавета Петровна сѣла въ сани; съ нею помѣстился Лестоуъ; на запяткахъ стали Воронцовъ и Шуваловы. Въ другихъ саняхъ помѣстились Алексѣй Разумовскій и Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ; три гренадера преображенскаго полка стали у нихъ на запяткахъ. Сани пустились по пустыннымъ улицамъ Петербурга въ сѣвжей преображенскаго полка, гдѣ нынѣ церковь Спаса Преображенія. Тамъ были казармы, которыя строились не такъ, какъ теперъ: тогда это были деревянные домики, исключительно

¹⁾ Позье, Записки. „Русская Старина“ 1870 года, т. I, стр. 87.

назначенные для помѣщенія рядовыхъ; офицеры жили не въ казармахъ, а въ обывательскихъ домахъ, по квартирамъ.

Когда сани подкатили къ сѣзжей, стоявшій тамъ на караулѣ солдатъ ударилъ въ барабанъ тревогу, увидя неизвѣстныхъ приѣзжихъ; но Лестоку соскочилъ съ саней и распоролъ кинжаломъ кожу на барабанѣ. Тридцать гренадеровъ, знавшихъ заранѣе о заговорѣ, бросились въ казармы скликать товарищей именемъ Елисаветы. На этотъ зовъ многіе бѣжали къ сѣзжей избѣ, сами не зная, въ чемъ дѣло. Елисавета, выступивъ къ нимъ изъ саней, произнесла:

— Знаете ли, чья дочь я? Меня хотятъ выдать насильно замужъ или постричь въ монастырь! Хотите ли идти за мною?

Солдаты закричали:—Готовы, матушка! всѣхъ ихъ перебьемъ!

Елисавета произнесла:—Если вы такъ намѣрены поступать, то я съ вами и не иду!

Это охолодило порывъ солдатъ. Елисавета подняла крестъ и произнесла:

— Клянусь умирать за васъ, и вы присягните за меня умирать, но не проливать напрасно крови.

— На томъ присягаемъ!—завопили солдаты.

Арестовали дежурнаго офицера, иностранца Гревса. Всѣ солдаты подходили къ Елисаветѣ Петровнѣ и цѣловали крестъ, который она держала въ рукѣ; наконецъ, она произнесла:—Таетъ пойдѣте же!

Всѣ двинулись за нею въ числѣ трехсотъ-шестидесяти человекъ черезъ Невскій проспектъ на зимній дворецъ. Лестоку отдѣлили четыре отряда, каждый въ 25 человекъ, и приказалъ арестовать Миниха, Остермана, Левенвольда и Головкина. Шествіе тянулось черезъ Невскій проспектъ, а въ концѣ этой улицы, уже у Адмиралтейской площади, Елисавета почему-то вышла изъ саней и рѣшилась остальную дорогу до зимняго дворца пройти пѣшкомъ, но не успѣла за гренадерами. Тогда ее взяли на руки и донесли до зимняго дворца ¹⁾).

Прибывши ко дворцу, Елисавета неожиданно вошла въ караульную и сказала:

— И я, и вы всѣ много натерпѣлись отъ нѣмцевъ, и народъ нашъ много терпитъ отъ нихъ; освободимся отъ нашихъ мучителей! Послужите мнѣ, какъ служили отцу моему!

— Матушка! — закричали караульные: — что велишь — все сдѣлаемъ!

¹⁾ Вандаль, *ibidem*. 157.

По однимъ извѣстіямъ ¹⁾, Елисавета вошла во внутренніе покои дворца, прямо въ спальню правительницы, и громко сказала ей:—Сестрица! пора вставать!

По другимъ извѣстіямъ, цесаревна не входила сама къ правительницѣ, а послала гренадеровъ: тѣ разбудили правительницу и ея супруга, потомъ вошли въ комнату малолѣтняго императора. Онъ спалъ въ колыбелькѣ. Гренадеры остановились передъ нимъ, потому что цесаревна не приказала его будить прежде, чѣмъ онъ самъ не проснется. Но ребенокъ скоро проснулся; кормилица понесла его въ караульную. Елисавета Петровна взяла младенца на руки, ласкала и говорила: „Бѣдное дитя! ты ни въ чемъ невинно; виноваты родители твои!“ И она понесла его къ санямъ. Въ одни сани сѣла цесаревна съ ребенкомъ; въ другія сани посадили правительницу и ея супруга. Антонъ-Ульрихъ, нѣсколько времени послѣ того какъ его разбудили, былъ какъ ошеломленный, а потомъ сталъ приходить въ себя и началъ выговаривать супругѣ—зачѣмъ не слушала его предостереженій.

Елисавета возвращалась въ свой дворецъ Невскимъ проспектомъ. Народъ толпами бѣжалъ за новой государыней и кричалъ „ура“. Ребенокъ, котораго Елисавета Петровна держала на рукахъ, услышавъ веселые крики, развеселился самъ, подпрыгивалъ на рукахъ у Елисаветы и махалъ рученками. — „Бѣдняжка!“ — сказала государыня:— „ты не знаешь, зачѣмъ это кричитъ народъ: онъ радуется, что ты лишился короны!“ ²⁾.

Въ то же время арестовали въ своихъ домахъ и помѣщеніяхъ: Остермана, фельдмаршала Миниха, его сына, Левенвольда, Головкина, Менгдена, Темиряева, Стрѣшневыхъ, принца Людвигъ брауншвейгскаго — брата Антона (котораго прочли въ мужья цесаревнѣ), камергера Лопухина, генераль-маіора Альбрехта и еще нѣкоторыхъ другихъ ³⁾. Остерманъ потерпѣлъ отъ арестовавшихъ его солдатъ оскорбленія за то, что сталъ было обороняться и позволилъ себѣ неуважительно отозваться о цесаревнѣ Елисаветѣ. Говорили также, что съ Минихомъ обошлись грубо, а также съ Менгденомъ и его женою. Всѣхъ ихъ привезли во дворецъ Елисаветы Петровны, а въ 7 часовъ утра отправили въ крѣпость. Людвигъ Брауншвейгскаго не сажали въ крѣпость, предполагивши заранѣе выслать его за границу.

Тотчасъ по возвращеніи Елисаветы Петровны къ себѣ во дворецъ, Воронцовъ и Лестоковъ распорядились собрать знатнѣйшихъ

¹⁾ Записки фельдмаршала Миниха, стр. 82.

²⁾ Chantereau. Voyage fait en Russie, 1794 г., т. II, стр. 75—76.

³⁾ Де-ла Шетарди, стр. 401.

военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и съ разсвѣтомъ стала являться тогдашняя знать на поклоненіе восходящему свѣтилу; показались — генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, кабинетъ-секретарь Бревернъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ... О фельдмаршалѣ Ласси сохранилось такое извѣстіе: на разсвѣтѣ разбудилъ его посланный отъ цесаревны и спрашивалъ: „Къ какой партіи вы принадлежите?“ — „Къ нынѣ царствующей“ — былъ отвѣтъ. — Такой благоразумный отвѣтъ избавилъ его отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ тотчасъ отправился къ новой императрицѣ. Онъ поступилъ, какъ прилично было поступить иностранцу въ чужой землѣ. Другой иностранецъ, генералъ принцъ гессенъ-гомбургскій, какъ уже выше было сказано, применувшій къ заговорщикамъ заранѣе, до такой степени приобрѣлъ довѣріе новой императрицы, что она поручила ему завѣдывать военными силами столицы и охранять въ ней порядокъ. Не такъ поступилъ тогда Петръ Семеновичъ Салтыковъ, бывшій дежурнымъ генералъ-адъютантомъ въ ночь переворота. Онъ зналъ о замыслахъ Елисаветы, но не былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, и потому не присталъ открыто, а сохранилъ видимую вѣрность правительницѣ. Его арестовали и доставили во дворецъ Елисаветы: онъ упалъ предъ нею на колѣни. Его родственникъ, Василій Ѳеодоровичъ, уже прежде заявившій свою вѣрность новой государынѣ и сидѣвшій въ саняхъ съ Разумовскимъ во время похода къ зимнему дворцу, сказалъ ему: „вотъ ты теперь на колѣняхъ, а вчера глядѣть бы не захотѣлъ на насъ и всякое зло готовъ былъ намъ сдѣлать“. Елисавета Петровна приказала замолчать Василю Ѳеодоровичу; она не намѣрена была дѣлать попрековъ за медленность тѣмъ, которые, хотя не такъ рано, какъ другіе, покорились ей. Тогда графъ Бестужевъ занялся составленіемъ манифеста отъ имени государыни и присяжнаго листа. Сенатъ, синодъ, генералитетъ въ полномъ составѣ собрались во дворцѣ цесаревны и принесли по этому листу присягу на вѣрность. Новая государыня, надѣвъ на себя андреевскій орденъ, вышла на балконъ. Внизу, передъ дворцомъ, топились народъ, горѣли костры, возлѣ которыхъ грѣлись люди. Тутъ Елисавета Петровна приняла присягу отъ конногвардейцевъ и другихъ гвардейскихъ полковъ. Воротившись въ свои внутренніе покои, государыня принимала пріѣхавшихъ къ ней съ поздравленіемъ знатныхъ дамъ, и на принцессу гессенъ-гомбургскую собственноручно возложила орденъ св. Екатерины.

Въ началѣ третьяго часа по полудни, Елисавета Петровна

ѣла въ сани и поѣхала въ зимній дворецъ. Кругомъ ея саней бѣжали, какъ и прежде, толпы народа съ радостными восклицаніями. Въ придворной церкви дворца отправлено было благодарственное молебствіе при пушечныхъ выстрѣлахъ, а потомъ прочитанъ былъ, составленный наскоро Бестужевымъ, манифестъ, отпечатанный на шести листахъ довольно сѣрой бумаги. Это былъ, такъ сказать, манифестъ предварительный, за которымъ долженъ былъ послѣдовать другой, полнѣйшій. Въ немъ, отъ имени новой императрицы, объявлялось во всеобщее свѣденіе, что „всѣ духовные и мірскіе чины, вѣрные подданные, особливо лейб-гвардіи полки, для пресѣченія всѣхъ происходившихъ и впередъ опасаемыхъ безпокойствъ и беспорядковъ, просили насъ, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческій престолъ воспріять изволили“.

Тогда гренадеры преображенскаго полка просили императрицу принять на свою особу санъ капитана ихъ роты. Елисавета Петровна не только соизволила на это, но даровала дворянское достоинство всѣмъ состоящимъ въ ея ротѣ и въдобавокъ обѣщала надѣлать всѣхъ ихъ населенными имѣніями. Вся эта рота, состоявшая тогда въ числѣ трехсотъ-шестидесяти человекъ, наименована лейбъ-компанією.

Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ къ присягѣ всѣхъ чиновъ людей во всей имперіи и о передѣлѣ въ всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ печатей. По всѣмъ городамъ имперіи приказано было въ церквахъ, съ утра до вечера, приводить къ присягѣ народъ всѣхъ сословій, кромѣ нашенныхъ крестьянъ. Надъ совершеніемъ обряда присяги посланы были наблюдать штабъ-и оберъ-офицеры гвардіи; имъ вмѣнялось въ особенную обязанность смотрѣть, чтобъ духовнаго чина люди непременно были приведены къ присягѣ, а о неприсягнувшихъ, какого бы они званія ни были, приказано было доносить.

Тогда послѣдовали разныя награды. На однихъ были возложены ордена, иные были повышены въ чинахъ. Вызваны были на свободу предъ новую государыню опальные прежняго царствованія Анны Ивановны, князя Долгорукіе — фельдмаршалы Василій и Михайло Владиміровичи; томившіеся долго въ шлиссельбургскихъ казематахъ, потомъ отправленные въ Соловки, они привезены были въ Петербургъ еще по повелѣнію Анны Леопольдовны, а явившись къ Елисаветѣ, по ея воцареніи, получили прежніе ордена и почести. Тогда повелѣла императрица возвратить изъ ссылки и возстановить въ ихъ правахъ князей Долгорукихъ: Николая, лишеннаго языка, Алексѣя и Александра, сосланныхъ въ Камчатку и Березовъ; кромѣ того, приглашены были

во двору: бывшая невѣста Петра II-го, княжна Екатерина Долгорукая, и Наталья Борисовна, вдова казненнаго Ивана Алексѣевича князя Долгорукаго. Первая выдана была за генерала Брюса; послѣдняя отеклась отъ чести быть при дворѣ и воспользовалась освобожденіемъ только для того, чтобы удалиться въ Кіевъ и поступить тамъ въ монастырь. Императрица освободила изъ заточенія несчастнаго кіевскаго митрополита Ванатовича, томившагося десять лѣтъ въ кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ за то, что, по незнанію, не отслужилъ молебствія въ годовщину вступленія на престолъ Анны Ивановны. Тогда же освободили Скорнякова-Писарева, графа Девіера, сосланныхъ въ Охотскъ Меншиковымъ въ 1727 году; Девіеръ снова сдѣланъ былъ генералъ-полицеймейстеромъ. Возвращены были также Сиверсъ и Флѣкъ, сосланные въ Сибирь за то, что не шли за здоровье Анны Ивановны, не получивши вѣрнаго свѣденія о ея вступленіи на престолъ; возвратили свободу также и Соймонову, бывшему оберъ-прокурору сената, пострадавшему по дѣлу Волынскаго и сосланному въ Охотскъ. Не безъ труда нашли одного опальнаго временъ Анны Ивановны—человѣка очень близкаго новой императрицѣ. То былъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, сержантъ гвардіи, цальмейстеръ Елисаветы Петровны въ тѣ годы, когда она была цесаревной. При дворѣ Анны Ивановны стали говорить, будто онъ былъ любимцемъ цесаревны, и Анна Ивановна приказала сослать его въ Сибирь. По кончинѣ Анны Ивановны, Елисавета, будучи еще цесаревной, стала стараться о его освобожденіи, и по ея настоянію послѣдовало о томъ два указа—одинъ отъ курляндскаго герцога, въ короткое время его регентства, другой—отъ правительницы. Но долго не могли отыскать, гдѣ Шубинъ находился; наконецъ, по приказу, подписанному Минихомъ, его нашли гдѣ-то въ Камчаткѣ. Надобно было промѣрять 15.000 верстъ, пока Шубинъ успѣлъ бы воспользоваться своимъ освобожденіемъ и прибыть въ столицу. Но тогда уже совершился переворотъ: императрицею стала Елисавета. Онъ былъ принятъ привѣтливо, назначенъ маіоромъ гвардейскаго семеновскаго полка и генералъ-маіоромъ по арміи. Лестоку былъ очень недоволенъ появленіемъ этого человѣка при дворѣ, потому что Лестоку не былъ безгрѣшенъ по отношенію къ Шубину въ ту пору, когда Анна Ивановна наводила справки о Шубинѣ, съ намѣреніемъ отправить его въ ссылку. Но теперь Елисавета не могла относиться къ Шубину, какъ прежде. Притомъ, и Шубинъ былъ уже не прежній: онъ одичалъ за нѣсколько лѣтъ житія въ камчатской пустынѣ, хотя и сохранилъ еще слѣды прежней вра-

соты. Украшенный орденомъ Александра Невскаго, награжденный пожалованными ему имѣніями въ нижегородской губерніи, онъ уѣхалъ туда на покой, уразумѣвши, что ему нечего больше ждать при царскомъ дворѣ ¹⁾. Въ концѣ 1741 года, послано предписание возвратитъ изъ ссылки герцога курляндскаго Бирона; императрица назначила ему жить, вмѣсто Пельма, въ Ярославлѣ, опредѣливъ ему содержаніе въ 8.000 рублей въ годъ; было приказано возвратитъ ему право на владѣніе имѣніями въ Силезіи, отобранными у него во время ссылки и отданными Миниху. Братья герцога курляндскаго, Густавъ и Карлъ, сначала помѣщены были съ нимъ вмѣстѣ на житье, но вскорѣ потомъ Густавъ получилъ дозволеніе вступить на службу, а Карлъ—жить въ своихъ имѣніяхъ въ Курляндіи.

Сыпались милости на изгнанниковъ и опальныхъ прежнихъ царствованій, но на смѣну имъ послѣдовало осужденіе другихъ опальныхъ, бывшихъ сторонниковъ и дѣятелей царствованія Анны Ивановны. Брауншвейгской фамиліи—Антону-Ульриху, супругу его, Аннѣ Леопольдовнѣ, и дѣтямъ ихъ, въ числѣ которыхъ находился и бывший малолѣтній императоръ Иванъ Антоновичъ, обѣщана была полная свобода и отпускъ за границу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено въ царскомъ манифестѣ 28 ноября. Въ этомъ манифестѣ слагались всѣ вины—какъ на главнаго возла отпушенія—на Остермана: онъ сочинилъ опредѣленіе о престолонаслѣдіи и поднесъ подписать императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, бывшей уже въ крайней слабости; онъ, вмѣстѣ съ Минихомъ, Головкинымъ и другими, побудилъ мекленбургскую принцессу взять незаконно въ свои руки правительство, и ей внушаемо было намѣреніе, при жизни сына своего, сдѣлаться императрицею всероссійскою. Императрица Елисавета, „не хотя причинять принцессѣ и ея семейству никакихъ огорченій, по своей природной милости, съ надлежащею имъ честью, предавъ всѣ ихъ предосудительные поступки крайнему забвенію—всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить всемилостивѣйше повелѣла“. Провожать отъѣзжающихъ до границы долженъ былъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ. Ему секретно приказано ѣхать медленно, и онъ привезъ брауншвейгскихъ принцевъ только 9 марта въ Ригу. Здѣсь неожиданно получено было новое распоряженіе: открылось свѣденіе, что принцесса Анна Леопольдовна, будучи правительницею, хотѣла заключить въ монастырь принцессу Елисавету—и за это велѣно было задержатъ ихъ за карауломъ. Затѣмъ изъ Риги при-

¹⁾ Helbig. Russische Günstlinge. 221—22.

слали донесеніе императрицѣ, будто принцесса Анна Леопольдовна собиралась изъ Риги убѣжать въ крестьянскомъ платьѣ; тогда императрица послала приказаніе всѣхъ ихъ посадить въ крѣпость и никуда не выпускать оттуда.

Послѣ того опала постигла Остермана, Миниха, Левенвольда, Головкина, Менгдена и второстепенныхъ лицъ, арестованныхъ въ одно время съ первыми. Остерманъ, арестованный въ своемъ домѣ у Исаакіевскаго собора, по отвозѣ въ крѣпость, былъ помѣщенъ тамъ очень дурно: бѣдный хилый старикъ, постоянно страдавшій болью въ ногахъ, заболѣлъ еще чѣмъ-то въ родѣ горячки. Императрица, какъ бы сжалившись надъ нимъ, приказала перевезти его въ зимній дворецъ и содержать тамъ подъ строжайшимъ карауломъ. Надъ ними надъ всѣми учреждена была слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Никиты Трубецкаго. Остермана обвинили въ цѣломъ рядѣ преступленій. Важнѣйшими изъ нихъ были: зачѣмъ, по кончинѣ Петра Второго, содѣйствовалъ вступленію на престолъ герцогини курляндской Анны Ивановны, а не цесаревны Елисаветы Петровны; зачѣмъ былъ главнымъ виновникомъ казни Долгорукихъ въ Новгородѣ; зачѣмъ подалъ проектъ учинить правительницею государства герцогиню мекленбургскую, а нынѣшнюю императрицу предлагалъ засадить въ монастырь и устранить отъ наслѣдства молодого герцога голштинскаго. Остерманъ на все это отвѣчалъ только одно, что онъ былъ связанъ долгомъ и присягою соблюдать интересы существовавшаго правительства и предпочитать ихъ всему на свѣтѣ. Князь Трубецкой обвинялъ Миниха и, между прочимъ, ставилъ ему въ вину большую трату людей во время веденныхъ имъ войнъ; Минихъ приводилъ въ свое оправданіе свои донесенія, сохранившіяся въ военной коллегіи, и укорялъ себя только въ томъ, что не повѣсилъ за казнокрадство Трубецкаго, бывшаго во время турецкой войны главнымъ кригсъ-коммиссаромъ и уличеннаго въ похищеніи казеннаго достоинства. Императрица Елисавета присутствовала на допросѣ, сидя за ширмами, и, услышавши слова Миниха, приказала тотчасъ отвести его въ крѣпость и прекратить засѣданіе.

Остермана и Миниха присудили къ жестокой карѣ: Остермана — колесовать, Миниха — четверговать; прочихъ осудили на вѣчное заточеніе въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Когда Остерману поднесли обвинительный актъ, онъ сказалъ: „Я ничего не стану представлять въ свое оправданіе. Несправедливо было бы требовать измѣненія приговора надъ собою: повинуюсь волѣ государыни“.

Въ день, назначенный для исполненія приговора, 18-го января

1742 года, на Васильевскомъ Острове, близь зданія двѣнадцати коллегій (гдѣ нынѣ университетъ), устроены были эшафотъ. Шесты тысячъ солдатъ гвардіи и армейскій астраханскій полкъ составили каррэ для удержанія толпы. Привезли на крестьянскихъ дровняхъ больного Остермана. Позади его шли пѣшкомъ восемнадцать осужденныхъ; при каждомъ изъ нимъ—по солдату со штыкомъ. Всѣ они имѣли печальный видъ; одинъ Минихъ между ними шелъ бодро, щеголемъ, былъ выбритъ, напудренъ; на немъ былъ сѣрый кафтанъ, а сверху красный фельдмаршальскій плащъ, въ которомъ его видѣли не разъ въ походахъ.

Четыре солдата внесли Остермана на эшафотъ и положили его на-земь. Сенатскій секретарь прочиталъ приговоръ; палачи подтащили осужденнаго въ плахѣ, какъ вдругъ тотъ же секретарь вынулъ изъ кармана другую бумагу и громко произнесъ: „Богъ и великая государыня даруютъ тебѣ жизнь“. Палачъ грубо оттолкнулъ Остермана ногой. Старикъ упалъ; солдаты снесли его съ эшафота и посадили въ извозчичьи сани.

За Остерманомъ Миниха взвели на возвышеніе. Готовясь къ смерти, онъ отдалъ провожавшему его унтеръ-офицеру кошелекъ съ червонцами. Но и ему объявили пощаду, и онъ, вмѣстѣ съ прочими, возвращался съ мѣста казни въ крѣпость такъ же спокойно и беззаботно, какъ шелъ на казнь.

Остермана сослали въ Березовъ—мѣсто заточенія Меншикова. Онъ прожилъ до 1747 года. Его сыновья, Федоръ и Иванъ, бывшіе при отцѣ подполковниками гвардіи, были удалены Елисаветою капитанами въ армію. Впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, одинъ былъ сенаторомъ, другой получилъ должность канцлера. Дочь сосланнаго Остермана была выдана Елисаветою за подполковника Толстого, и ихъ дѣти положили начало фамиліи Остермановъ-Толстыхъ.

Левенвольда сослали въ Соликамскъ, оттуда, въ 1752 году, перевели въ Ярославль, гдѣ онъ и умеръ. О немъ сохранились противорѣчивыя извѣстія: по однимъ—онъ показалъ себя трусомъ, по другимъ—онъ переносилъ свое несчастіе со стоическимъ терпѣніемъ. Также и о нравственныхъ качествахъ этой личности говорятъ различно. Дюкъ-де-Лирія называетъ его коварнымъ и корыстолюбивымъ, Манштейнъ—человѣкомъ честнымъ.

Михайло Головкинъ сосланъ въ Германскъ (?)—такъ сказано въ манифестѣ; но какъ такого мѣста нѣтъ, то одни полагаютъ, что это—Горынская слобода, туринскаго уѣзда, въ шестидесяти верстахъ отъ Пельма. По другому толкованію ¹⁾, его со-

¹⁾ Хмыровъ. Историческія статьи. Примѣчанія, стр. 398.

слали въ Собачій Острогъ, якутской области (нынѣ Средне-колымскъ). Менгдена увезли въ мѣсто, которое у Галема и у Бюшинга названо Алимю. Объясняютъ, что это долженъ быть Нижнеколымскъ. Тамъ и умеръ Менгденъ; тамъ умерли его жена и дочь, а сынъ былъ возвращенъ и явился въ Петербургъ уже въ царствованіе Екатерины II. О другихъ осужденныхъ извѣстно, что Тимирязева послали въ Сибирь, безъ обозначенія мѣста, куда именно; бывшего секретаря кабинета, Яковлева, разжаловали въ гарнизонъ, въ писаря. Миниху судьба благопріятствовала болѣе прочихъ. Протомившись двадцать лѣтъ въ чрезвычайно тяжеломъ заточеніи, онъ, будучи уже глубокимъ старикомъ, съ восшествіемъ на престолъ преемника Елисаветы, былъ возвращенъ къ прежнему почету и прожилъ нѣсколько лѣтъ на свободѣ.

Кромѣ сосланныхъ въ Сибирь, были еще лица, потерпѣвшія вслѣдствіе близости съ обвиненными. Таеъ, капитанъ гвардіи Остенъ-Сакенъ былъ разжалованъ рядовымъ въ ревальскій батальонъ и тамъ, черезъ тринадцать лѣтъ, умеръ безъ повышенія на службѣ,—за то, что пользовался расположеніемъ Миниха. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный при Петрѣ Великомъ своимъ посольствомъ въ Константинополь, во время случившагося переворота, управлялъ Малороссією, и былъ вызванъ за то, что находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Остерманомъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой хотѣлъ-было спроводить его въ Сибирь, въ ссылку, но Елисавета Петровна отправила его въ оренбургскій край, гдѣ онъ потомъ сдѣланъ былъ правителемъ.

III.—Эпоха силы и вліянія Лестока.

Пріѣздъ въ Россію голштинскаго принца, будущаго наследника престола.—Поѣздка государыни въ Москву.—Коронованіе императрицы.—Пребываніе двора въ Москвѣ.—Шведская война.—Визитальство Даніи.—Абовскій миръ.—Пребываніе ангальт-дербстской принцессы съ дочерью.—Донухинское дѣло.—Лестокъ и Бестужевъ.—Высылка Де-ла Шетарди изъ Россіи.—Высылка принцессы ангальт-дербстской.

Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Елисавета пригласила изъ Голштиніи молодого племянника, Карла-Ульриха, сына герцогини голштинской, царевны Анны Петровны. Въ день его пріѣзда въ Петербургъ, на него возложили орденъ св. Андрея Первозваннаго; императрица подарила ему дворецъ въ Ораніенбаумѣ и нѣсколько богатыхъ помѣстій въ Россіи. Преподаваніе закона божія и приготовленіе къ принятію православія поручено было отцу Симеону Тодорскому; обученіе русскому языку—Ивану

Петровичу Веселовскому, исправлявшему при Петрѣ I разные секретныя порученія; а профессоръ академіи Штелинтъ назначенъ былъ преподавать принцу математику и исторію. 15-го февраля, нареченнаго наслѣдника престола возили въ академію, гдѣ Ломоносовъ поднесъ ему оду въ 340 стиховъ, написанную по случаю дня его рожденія.

Объявлено было во всенародное свѣденіе, что въ будущемъ апрѣлѣ въ Москвѣ будетъ отправлено священное коронованіе государыни — и 23-го февраля императрица со всѣмъ дворомъ выѣхала изъ Петербурга въ Москву. Начальства городовъ и сельъ высылали рабочихъ людей на дорогу, по которой должна была слѣдовать государыня, и эти рабочіе разставляли по обѣимъ сторонамъ пути елки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивали изъ нихъ подобіе проѣзжихъ воротъ. На ночь зажигались смоляныя бочки. Въ Новгородѣ, Валдаѣ, Торжкѣ, Твери и Клинѣ разставляли по пути императрицы обывателей — по правую сторону мужского, по лѣвую — женскаго пола. Съ приближеніемъ государыни, проѣзжавшей черезъ эти города, они должны были падать ницъ. Въ такомъ торжественномъ шествіи Елисавета доѣхала 26-го февраля до Всесвятскаго, а 28-го февраля былъ ея торжественный въѣздъ въ старую столицу прародителей; устроили пять триумфальныхъ воротъ: у Земляного города, на Тверской, на Мясницкой, въ Китай-городѣ и на Яузѣ, у дворца императрицы. Государыня ѣхала въ каретѣ, запряженной восемью породистыми лошадьми; по бокамъ кареты слѣдовали ея вѣрные лейбъ-компанцы, и за ними — вереница камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, служителей и гайдуковъ. За государыней вслѣдъ ѣхалъ наслѣдникъ престола, за нимъ — придворный штатъ.

Приходилось до Кремля ѣхать посреди еще свѣжихъ слѣдовъ пожара, нанесшаго Москвѣ страшное опустошеніе въ 1737 году: еще много домовъ и церквей стояли безъ крышъ. У кремлевской рѣшетки встрѣтилъ государыню преосвященный архіепископъ Амвросій съ духовенствомъ; въ привѣтственной рѣчи онъ восхвалялъ Елисавету Петровну, какъ возстановительницу попораннаго православнаго благочестія, и напомнилъ, что до ея вступленія на престоль „не токмо учителей, но и ученіе и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и отворить уста было опасно“. Послѣ обычнаго хожденія высочайшей особы по церквамъ и поклоненія кремлевской святынѣ, государыня уѣхала въ свой яузскій дворецъ, гдѣ наступили балы, куртаги, маскарады, а по вечерамъ зажигались потѣшные огни.

Скоро затѣмъ наступилъ великій постъ. Прекратились веселости. Запрещено было даже быстро ѣздить, и если у кого замѣчали слишкомъ горячихъ лошадей, то ихъ отбирали на царскую конюшню. Государыня проживала не въ одномъ яузскомъ дворцѣ, но иногда въ кремлевскомъ, а иногда въ своемъ селѣ Покровскомъ. Въ продолженіе великаго поста она посѣщала то одну, то другую церковь. Праздникъ Пасхи встрѣтила государыня въ Покровскомъ селѣ, въ новой церкви, только-что оконченной постройкою. 23-го апрѣля, переехала императрица въ кремлевскій дворецъ, а 25-го совершилось коронованіе по общепринятому чину. Тогда послѣдовало множество производствъ въ чины, пожалованій орденами, а родственники императрицы по матери — графскимъ достоинствомъ. При покойной государынѣ Аннѣ Ивановнѣ они были въ большомъ загонѣ: имъ запрещалось даже владѣть имѣніями. Двоюродный братъ Елисаветы, Скваронскій, человѣкъ безъ малѣйшаго воспитанія, назначенъ ею въ камергеры; двоюродная племянница государыни, Гендрикова, выдана была за Чоглокова, и этимъ бракомъ сразу подняла фамилію мужа. Бутурлинъ, бывшій еще при жизни Петра II-го любимцемъ Елисаветы, произведенъ въ полные генералы и посланъ управлять Малороссією, хотя, кромѣ внѣшности, въ немъ никто не замѣчалъ никакихъ достоинствъ. 29-го апрѣля, императрица помѣстилась въ яузскомъ дворцѣ, и съ того дня пошли тамъ ежедневно парадные балы и маскарады. Гости являлись туда по билетамъ, и выдавалось каждый день по девятисотъ входныхъ билетовъ.

Въ Москвѣ праздникъ Пасхи прошелъ спокойно и весело, но въ Петербургѣ произошелъ беспорядокъ. Гвардейскіе солдаты за что-то повздорили на улицѣ съ армейскими; офицеры стали ихъ разнимать, и одинъ унтеръ-офицеръ изъ нѣмцевъ толкнулъ гвардейца; тотъ началъ скликать товарищей. Узнавши, что толкнувшій гвардейца былъ нѣмецъ, ожесточенные солдаты ворвались въ домъ, куда скрылся унтеръ-офицеръ, застали тамъ собравшихся офицеровъ-нѣмцевъ и ни за что избили ихъ. Начальствовавшій столицею, въ отсутствіе верховной власти, фельдмаршалъ Ласси усмирилъ волненіе и послалъ донесеніе императрицѣ; она дала приказаніе наказать своевольниковъ, но очень слабо; отъ этого своеволие гвардейцевъ усилилось, и Ласси принужденъ былъ, для удержанія порядка въ Петербургѣ, разставить по городу пикеты изъ армейскихъ солдатъ. Жители Петербурга нѣсколько дней были въ большомъ страхѣ, боялись отпирать свои дворы, а иные стали даже покидать свои дома и выбираться изъ Петербурга.

Къ гвардейцамъ, и особенно гренадерамъ, преображенскаго полка благоволила государыня, потому что имъ обязана была своимъ вступленіемъ на престолъ; и когда Лестоуъ сталъ было говорить императрицѣ о крайней необходимости обуздать лейбъ-компанцевъ, Елисавета Петровна раздосадовалась даже на Лестока ¹⁾. Скоро, однако, своевольство отозвалось злою выходкою, направленною противъ личности самой государыни. Въ іюнѣ 1742 г., камеръ-лакей Турчаниновъ, преображенскаго полка прапорщикъ Ивашкинъ и измайловскаго полка сержантъ Сновидовъ, составили заговоръ умертвить Елисавету Петровну, а съ нею и наслѣдника престола, голштинскаго принца, и возвести снова на престолъ Ивана Антоновича. Дѣло странное, тѣмъ болѣе, что заговорщики были русскіе, а между тѣмъ въ низверженіи брауншвейгской династіи русское національное самолюбіе играло главную роль. По дѣлу, производившемуся надъ ними въ декабрѣ, оказалось, что они признавали Елисавету Петровну незаконнорожденною и, слѣдовательно, неправильно овладѣвшюю престоломъ. Ихъ наказали кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, а у Турчанинова, кромѣ ноздрей, отрѣзали еще и языкъ, и всѣхъ сослали въ Сибирь ²⁾.

Весь 1742-й годъ императрица проживала въ Москвѣ, которая была ей ближе къ сердцу, чѣмъ кому-либо изъ царствовавшихъ особъ, потому что тамъ она провела лучшіе годы своей молодости. Между тѣмъ въ Финляндіи велась война со шведами. Въ мартѣ этого года, посылая туда свои войска, Елисавета Петровна обнародовала манифестъ, въ которомъ оправдывала себя въ настоящей войнѣ и обѣщала финляндцамъ относиться къ нимъ дружелюбно, если они, съ своей стороны, не будутъ показывать вражды къ русскому войску. Кромѣ того, если финляндцы пожелаютъ освободиться отъ владычества шведовъ и организовать въ независимое государство, то Россія будетъ этому содѣйствовать и охранять ихъ своими военными силами; если же финляндцы не примутъ такого мирнаго предложенія русской государыни и станутъ помогать шведскому войску противъ русскихъ, то императрица прикажетъ разорать страну ихъ огнемъ и мечемъ. Шведскимъ войскомъ командовалъ Левенгауптъ, сынъ извѣстнаго сподвижника Карла XII-го, воевавшего въ Россіи, человѣкъ вполнѣ бездарный. 28-го іюня (1742 г.) русскіе взяли городъ Фридрихсгамъ. Шведы бѣжали. Изъ нѣкоторыхъ финляндскихъ волостей къ русскому главнокомандующему явились депу-

¹⁾ Негманн, т. V, стр. 185.

²⁾ Негманн, т. V, стр. 23.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 200.

таты съ просьбою принять ихъ въ подданство Россіи ¹⁾. Но то были единичные случаи. Въ большинствѣ, финляндцы оставались вѣрны Швеціи и въ концѣ 1742 года затѣвали учинить рѣзню надъ русскими войсками, размѣстившимися въ ихъ краѣ. Между тѣмъ въ Швеціи, гдѣ государство раздиралось враждебными другъ другу политическими партіями, возникла мысль заключить миръ съ Россією, предоставивъ, послѣ недавно умершей королевы Ульрики - Елеоноры, престоль ея мужу, а наслѣдникомъ ему избрать на шведскій престоль голштинскаго принца, племянника русской императрицы. Предложеніе это сдѣлано было первый разъ шведскимъ генераломъ Лагеркраною, пріѣзжавшимъ для этого нарочно въ Москву, а по возвращеніи двора въ Петербургъ, снова съ этою цѣлью отправлена была туда шведская депутація; но голштинскій принцъ, въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, 7-го ноября 1742 года, принялъ православіе и нареченъ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, а тѣмъ самымъ лишился своего права на шведскій престоль, такъ какъ, по кореннымъ шведскимъ законамъ, шведскій король долженъ былъ исповѣдывать лютеранскую вѣру. Впрочемъ самое соединеніе русской короны со шведскою, въ видахъ европейской политики, ни для кого не было желательно. Такимъ образомъ, шведское посольство уѣхало, не достигши своей цѣли, а Елисавета Петровна предложила въ короліи шведскіе другого принца голштинскаго, Адольфа - Фридриха, носившаго титулъ любскаго епископа, брата того, который умеръ въ Россіи, бывши женихомъ Елисаветы Петровны. За этого принца въ Швеціи образовалась многочисленная партія, но тамъ явился и другой кандидатъ на шведскую корону — сынъ датскаго короля Христіана VI-го, Фридрихъ, датскій кронпринцъ (наслѣдникъ). И у него въ Швеціи явилось не мало сторонниковъ, особенно въ Далекарліи, гдѣ за него было крестьянское населеніе. Партія голштинскаго принца, покровительствуемая Россією, взяла верхъ, потому что, въ случаѣ выбора принца голштинскаго, императрица обѣщала Швеціи возвратить часть Финляндіи, захваченной русскимъ оружіемъ. 27-го іюня 1743 года, принцъ Адольфъ-Фридрихъ избранъ былъ наслѣдникомъ шведскаго престола, а въ августъ того же года въ городѣ Або заключенъ былъ миръ съ Россією, по которому Россія приобрѣла въ Финляндіи крѣпости: Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ, Нислотъ съ провинцією Кименегердскою, приходъ Пильтенъ и всѣ мѣста при устьѣ рѣки Кимене, съ островами въ

¹⁾ „Петербургскія Вѣдомости“ 1742 г.

югу и западу отъ этой рѣки. Затѣмъ, во всемъ остальномъ, съ обѣихъ сторонъ положено хранить условія Ништадтскаго мира ¹⁾).

Датскій дворъ долго еще не оставлялъ своихъ притязаній. Датскій кронпринцъ опирался на довольно значительную партію въ Швеціи. Поэтому русская императрица, охраняя права избраннаго, по ея желанію, кронпринца Адольфа-Фридриха, отправила флотилію съ десантомъ, ввѣренную генералу Кейту. Русскія войска вступили на шведскій берегъ и расположились въ Зюдерманландіи и Остроботніи, занявши самый Стокгольмъ. Такъ стояло русское войско, готовое дѣйствовать оружіемъ противъ датчанъ и противъ шведовъ, не покорившихся новоизбранному будущему королю, пока, наконецъ, въ февралѣ 1744 года, датскій кронпринцъ отказался отъ притязаній на шведскую корону, и Данія признала права Адольфа-Фридриха.

Торжество принца голштинскаго, получившаго шведскую корону, было противно намѣреніямъ вице-канцлера Бестужева, который держался датской стороны и старался о предпочтеніи датскаго кронпринца голштинскому. Но онъ не могъ побѣдить родственнаго расположенія Елисаветы Петровны, находившейся въ дѣлахъ политики подъ сильнымъ вліяніемъ Лестока. Миръ со Швеціею на абовскомъ конгрессѣ заключенъ былъ по стараніямъ Лестока, который хотя лично тамъ не былъ, но заправлялъ всѣмъ дѣломъ изъ Россіи. Лестокъ прежде находился въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ; рекомендаціи Лестока Бестужевъ былъ обязанъ своимъ вторичнымъ возвышеніемъ при Елисаветѣ; но дружба ихъ скоро охлаждалась, чему содѣйствовали различныя ихъ направленія по отношенію къ виѣшней политикѣ. Первый разъ столкнулись они въ датско-шведскомъ вопросѣ. Еще болѣе разъединило ихъ то, что Лестокъ былъ сторонникомъ Франціи и, какъ домашній врачъ, имѣлъ всегда доступъ къ государынѣ; пользуясь этимъ, онъ постоянно твердилъ ей о выгодности союза Россіи съ Франціею, — это не мѣшало, однако, тому же Лестоку получать пенсіонъ отъ Англіи, находившейся въ то время въ войнѣ съ Франціею. Бестужевъ былъ сторонникомъ Австріи и Англіи, ненавидѣлъ прусскаго короля, ненавидѣлъ и Францію, и, ссылаясь на депешу русскаго посланника при французскомъ дворѣ, князя Кантемира, старался увѣрить императрицу, что Франціи довѣрять ни въ чемъ не слѣдуетъ. Бестужевъ вооружалъ противъ Лестока любимца государыни, Разумовскаго, Воронцова и нѣкоторыхъ духовныхъ санов-

¹⁾ Her mann, т. V, стр. 62.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 273.

никовъ. Лестоку, съ своей стороны, высккивалъ случая насолить Бестужеву и его роднымъ. Таковой случай Лестову скоро представлялся.

Кирасирскій поручикъ Бергеръ, родомъ курляндецъ, получилъ назначеніе находится въ качествѣ пристава надъ Левенвольдомъ, пребывавшимъ въ ссылкѣ въ Соликамскѣ. Узнавши объ этомъ, придворная дама Лопухина, бывшая нѣкогда въ близкихъ отношеніяхъ съ Левенвольдомъ, поручила своему сыну, бывшему камеръ-юнкеромъ при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, передать черезъ Бергера, что графъ Левенвольдъ не забыть своими друзьями и не долженъ терять надежды, что не замедлятъ наступить для него лучшія времена. Бергеръ сообщилъ объ этомъ Лестову, а отъ послѣдняго получилъ приказаніе извѣдать подробнѣе, на чемъ это Лопухины основываютъ надежды, что участь Левенвольда перемѣнится къ лучшему. Тогда Бергеръ, вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ, капитаномъ Фалькенбергомъ, завали молодого Лопухина въ трактиръ, напоили — и у Лопухина развязался языкъ. Онъ началъ говорить о государынѣ: „она ѣздитъ въ Царское Село и беретъ съ собой дурныхъ людей... любить она чрезвычайно англійское пиво. Ей не слѣдовало быть наследницею на престолѣ; она вѣдъ незаконнорожденная—родилась за три года до вѣнчанія своихъ родителей. Нынѣшніе правители государственные—всѣ дрань, не то что прежніе—Остерманъ и Левенвольдъ; одинъ Лестоку только проворная каналія у государыни. Императору Іоанну прусскій король пособить, а рижскій гарнизонъ, что стережетъ императора и мать его, очень расположенъ къ императору Ивану Антоновичу. Нынѣшней государынѣ съ тремя стами каналами лейбъ-компанцевъ что сдѣлать? Скоро, скоро будетъ перемѣна! Отецъ мой писалъ къ моей матери, чтобъ я никакой милости у нынѣшней государыни не искалъ“.

— Нѣтъ ли тутъ кого побольше?—спросилъ Фалькенбергъ.

— Австрійскій посоль, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель,—отвѣчалъ Лопухинъ.

Поставленный къ допросу предъ генераловъ Ушакова, Трубецкого и Лестока, Лопухинъ во всемъ повинился. Онъ оговорилъ мать свою, что къ ней въ Москвѣ пріѣзжалъ маркизъ Ботта и сказывалъ, что будетъ оказана помощь принцессѣ Аннѣ, и король прусскій также общался.

Приведенная къ допросу Наталья Федоровна Лопухина оговорила Анну Гавриловну, жену Михаила Бестужева, урожденную Головкину, бывшую прежде вдовою Ягужинскаго. Бестужева во всемъ повинилась, что на нее наговорили Лопухина и сынъ

послѣдней, Иванъ. Призвали къ допросу отца Иванова, Степана Лопухина; онъ показавъ, что маркизь Ботта говорилъ: „было бы лучше и покойнѣе, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала“. Сознавался и самъ Степанъ Лопухинъ, что и ему самому было желательно, чтобы принцесса по прежнему была правительницею, потому что онъ недоволенъ государынею за то, что оставленъ безъ награжденія чиномъ; онъ сознался и въ томъ, что говорилъ: „государыня-де рождена до брака“, и прочія непристойныя слова произносилъ.

Подвергали пыткѣ на дыбѣ Степана Лопухина, жену его, сына ихъ Ивана и Бестужеву. Къ этому дѣлу привлечено было еще нѣсколько лицъ, обвиненныхъ въ томъ, что слышали непристойныя рѣчи и не доносили.

Учрежденное въ сенатѣ генеральное собраніе, съ участіемъ трехъ духовныхъ сановниковъ, постановило такое рѣшеніе: всѣхъ троихъ Лопухинныхъ колесовать, предварительно вырѣзавши имъ языки. „Лицъ, слышавшихъ и не доносившихъ—Машкова, Зыбина, князя Путятина и жену камергера Софію Лиліенфельдъ—казнить отсѣченіемъ головы; нѣкоторыхъ же, менѣе виновныхъ—сослать въ деревни. Императрица смягчила тягость кары, опредѣливъ—главныхъ виновныхъ, Лопухинныхъ и Бестужеву, высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, сослать въ ссылку, другихъ—также высѣчь и сослать, а все ихъ имущество конфисковать. Софія Лиліенфельдъ была беременна. Государыня приказала дать ей время разрѣшиться отъ бремени, а потомъ высѣчь плетми и сослать. По поводу Софіи Лиліенфельдъ Елисавета Петровна собственноручно написала: „плутофъ наипаче желѣтъ не для чего, лучше чтобъ и вежъ ихъ не слыхать, нежели еще отъ нихъ плодофъ ждатель“¹⁾.

Но такъ какъ въ это дѣло вмѣшались иностраннаго посла, то приходилось обвинять его передъ иностранною державою. Императрица поручила своему послу Лончинскому представить венгерской королевы о непростительномъ поведеніи ея посла и просить учинить надъ нимъ взыскаііе. Марія-Терезія нѣсколько времени защищала Ботту, указывая на его прежнюю, вѣрную и добросовѣстную службу, но потомъ, въ угоду російской императрицы, нуждаясь, притомъ, въ добромъ согласіи съ нею, приказала отправить Ботту въ Грацъ и держать тамъ подъ карауломъ. Спустя годъ послѣ того, російская императрица сообщила венгерской королевы, что совершенно довольна правосудіемъ,

¹⁾ Соловьевъ, т. XXI, стр. 291.—„Лопухинское дѣло“, см. „Русская Старина“, т. XII, годъ 1874, сент., стр. 1—42.—Негманн, т. V, стр. 66, 72.

униженнымъ надъ Боттою, и не желаетъ для него строжайшаго наказанія, предоставляя волѣ венгерской королевы прекратить его заточеніе, когда ей то будетъ угодно. Прусскій король Фридрихъ II, у котораго Ботта былъ посланникомъ отъ венгерской королевы, узнавши, что русская императрица обвиняетъ Ботту въ коварныхъ противъ Россіи замыслахъ, далъ Боттѣ совѣтъ самому оставить свой постъ въ Берлинѣ, а чрезъ бывшаго при немъ російскаго посла Чернышева приказать сообщить императрицѣ Елисаветѣ дружескій сосѣдскій совѣтъ: для предотвращенія на будущее время зловредныхъ затѣй, удалить изъ Риги куда-нибудь подальше вглубь имперіи низложеннаго императора Ивана Антоновича и всю его фамилію. По этому совѣту послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести брауншвейгскую фамилію въ Ораніенбургъ, городъ, принадлежавшій тогда къ воронежской губерніи, а нѣсколько времени спустя, въ 1744 году, лѣтомъ, указано было отправить ее въ Холмогоры и тамъ содержать Ивана Антоновича отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи. Черезъ два года послѣ того скончалась бывшая правительница Анна Леопольдовна; тѣло ея привезено было въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Императрица присутствовала при ея погребеніи и плакала.

Причины, побудившія Фридриха II-го такъ отнестись къ брауншвейгской фамиліи, связанной съ нимъ родственными узами, состояли въ томъ, что Фридрихъ хотѣлъ отвратить отъ себя опасность союза Россіи съ Маріей-Терезіей и, напротивъ, предупредить это и войти самому въ союзъ съ російской государыней; онъ думалъ укрѣпить этотъ союзъ бракомъ какой-нибудь преданной ему принцессы съ наслѣдникомъ русскаго престола. Фридрихъ, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, Мардефельда, подвинулъ бывшаго при великомъ князѣ въ качествѣ воспитателя Брюммера и лейбъ-медика Елисаветы Петровны, Лестока, чтобъ они старались отклонить бракъ великаго князя съ савсонскою принцессою Маріанною, чтд хотѣлъ тогда устроить Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Фридрихъ II-й предложилъ тогда въ супруги преемнику Елисаветы дочь находившагося у него на службѣ, въ качествѣ коменданта города Штетина, князя ангальт-цербстскаго, пятнадцатилѣтнюю принцессу Софію-Августу-Фридриху. Кстати, мать этой принцессы, Иоанна-Елисавета, была урожденная голштинская принцесса, сестра шведскаго кронпринца, которому покровительствовала Елисавета Петровна, и другого принца, умершаго нѣкогда въ Россіи женихомъ цесаревны. Эта родственная близость служила однимъ изъ побудительныхъ средствъ

расположить Елисавету къ этому брачному союзу. Третій братъ принцессы ангальтъ-цербстской, Фридрихъ-Августъ, пріѣхалъ въ Россію по рекомендаціи прусскаго короля и привезъ портретъ своей племянницы. Изображеніе очень понравилось Елисаветѣ, и когда Бестужевъ все еще думалъ расположить ее къ мысли женить наслѣдника на саксонской принцессѣ, она объявила ему, что находить лучшимъ избрать для наслѣдника російскаго престола невѣсту не изъ знатнаго владѣтельнаго дома: тогда съ невѣстою пріѣхало бы въ Россію много иностранцевъ, которыхъ не долюбиваютъ русскіе. Императрица говорила, что не знаетъ болѣе подходящей невѣсты своему племяннику, какъ дочь принцессы ангальтъ-цербстской. Такъ счумѣлъ настроить Елисавету Лестоковъ. Бестужевъ долженъ былъ замолчать. Въ февралѣ 1744 г., прибыла въ Россію принцесса ангальтъ-цербстская съ дочерью и получила приглашеніе ѣхать въ Москву, куда, въ началѣ 1744 г., переѣхала императрица съ дворомъ своимъ. Пріѣхалъ въ Россію снова и Де-ла Шетарди, пробравшись въ Петербургъ черезъ Швецію и Финляндію.

Принятая любезно, по родственному, императрицею, молодая невѣста будущаго ея преемника отдана была, для приготовленія къ принятію православной вѣры, отцу Симону Тодорскому, а учить ее русскому языку приглашенъ былъ профессоръ академіи Одауровъ. Де-ла Шетарди, приглашенный въ Москву, былъ принятъ такъ же ласково, какъ и прежде. Съ нимъ были документы, подававшіе ему право объявить себя уполномоченнымъ посломъ Франціи; но ему дана была секретная инструкція поудержаться съ выступленіемъ на оффиціальное поприще и нѣкоторое время оставаться простымъ посѣтителемъ Россіи, чтобы, пользуясь расположеніемъ императрицы, вывѣдать пути, какими можно было бы сломить противника союза съ Франціею, вице-канцлера Бестужева. Повидимому, Лестоковъ успѣлъ приготовить для французскаго посланника поле дѣйствія. Лопухинское дѣло, въ которое замѣшана была невѣстка вице-канцлера, направлено было во вредъ обоимъ Бестужевымъ: вице-канцлеру Алексѣю Петровичу и его брату Михаилу. Однако вышло не такъ, какъ бы хотѣлось Лестоку. Императрица не усомнилась въ вѣрности братьевъ Бестужевыхъ и считала ихъ обоихъ людьми умными и въ дипломатической сферѣ незамѣнимыми. Притомъ, когда противъ Бестужева былъ вліятельный у императрицы ея лейбъ-медикъ, за вице-канцлера стояли горю любимецъ государыни Разумовскій и Михайло Иларіоновичъ Воронцовъ, которому государыня оказывала все болѣе и болѣе довѣренности. Проницательный дипломатъ

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ расчелъ, что главный его врагъ — Де-ла Шетарди, и потому на него долженъ быть направленъ главный ударъ. Легкомысленность и неосторожность француза помогли интригѣ вице-канцлера. Въ Россіи вошло тогда въ обычай, занятый отъ прусскаго короля, перехватывать на почтѣ и просматривать корреспонденціи, дѣлая это такъ ловко, чтобъ не навлекать никакого подозрѣнія. На официальномъ языкѣ это носило названіе „перлюстраціи“. Вице-канцлеръ прибѣгнулъ къ такому средству; онъ вскрылъ депеши, отправляемыя Де-ла Шетарди изъ Россіи во Францію, и въ нихъ нашелъ, что французскій посланникъ отзывается неуважительно объ императрицѣ и обо всѣхъ ея правителяхъ. „Мы здѣсь — писалъ Де-ла Шетарди — имѣемъ дѣло съ женщиною, на которую ни въ чемъ нельзя положиться. Еще будучи принцессою, она не желала ни о чемъ бы то ни было мыслить, ни что-нибудь знать, а сдѣлавшись государынею — только за то хватается, что, при ея власти, можетъ доставить ей пріятность. Каждый день занята она различными шалостями: то сидитъ передъ зеркаломъ, то по нѣскольку разъ въ день переодевается, — одно платье скинетъ, другое надѣнетъ, и на такіе ребяческіе пустяки тратитъ время. По цѣлымъ часамъ способна она болтать о понюшкѣ табаку или о мухѣ, а если кто съ нею заговоритъ о чемъ-нибудь важномъ, она тотчасъ прочь бѣжитъ, не терпитъ ни малѣйшаго усилія надъ собою и хочетъ поступать во всемъ необузданно; она старательно избѣгаетъ общенія съ образованными и благовоспитанными людьми; ея лучшее удовольствіе — быть на дачѣ или въ купальнѣ, въ кругу своей прислуги. Лестокъ, пользуясь своимъ многолѣтнимъ на нее вліяніемъ, много разъ силился пробудить въ ней сознаніе своего долга, но все оказалось напрасно: — чтò въ одно ухо къ ней влетитъ, то въ другое прочь вылетаетъ. Ея беззаботность такъ велика, что если сегодня она какъ будто станеть на правильный путь, то завтра опять съ него свихнется, и съ тѣми, которые у нея вчера считались опасными врагами — сегодня обращается дружески, какъ со своими давними совѣтниками“. Изъ тѣхъ же депешъ оказывалось, что прусскій посолъ Мардефельдъ сообщилъ ему, Де-ла Шетарди, внушеніе своего короля работать для сверженія Бестужева, вмѣстѣ съ принцессою цербстскою, которая дала въ томъ обѣщаніе Фридриху II передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина въ Россію. Де-ла Шетарди въ своей депешѣ писалъ, что Лестокъ преданъ ему душою, и для того, чтобъ Лестока болѣе подогрѣть, онъ выпросилъ у Дальона (французскаго официального посла въ Россіи) сдѣлать Лестоку прибавку въ 2.000 руб.

къ годичному пенсіону, получаемому отъ Франціи. Еще писалъ Де-ла Шетарди, что во вниманіе къ госпожѣ Румянцевой, преданной принцессѣ ангальтъ-цербстской, нужно давать ей пенсіонъ въ 1.200 рублей, а кромѣ нея — госпожѣ Шуваловой, въ 600 рублей. Де-ла Шетарди находилъ, что полезно было бы подкупить знатнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и духовника императрицы. Доставши эти депеши, Бестужевъ представилъ копию съ нихъ на воззрѣніе государыни. Елисавета сначала не повѣрила и произнесла: „Это ложь, это выдумка враговъ его, изъ нихъ же вы первый“. Но Бестужевъ тутъ же показалъ ей подлинники, — и государыня ничего не могла возразить. Бестужевъ подаль ей совѣтъ поступить съ Де-ла Шетарди какъ съ простымъ иностранцемъ, совершившимъ преступленіе, а отнюдь не такъ, какъ съ полномочнымъ лицомъ отъ французскаго короля, потому что онъ не предъявлялъ своихъ довѣрительныхъ писемъ. Воронцовъ, случившійся тутъ же, принялъ мнѣніе Бестужева. Государыня, взволнованная и оскорбленная, ничего не сказала, отошла прочь, но черезъ сутки дала приказаніе выпроводить Де-ла Шетарди изъ Россіи въ 24 часа. По приказанію императрицы, 6-го іюня, въ 6 часовъ утра, явился къ Де-ла Шетарди генераль Ушаковъ съ нѣсколькими другими особами и объявилъ ему высочайшій приговоръ. Де-ла Шетарди сталъ было объясняться, но ему показали экстрактъ изъ его депеши. Тутъ онъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать. Его немедленно увезли, къ большой радости Бестужева и англійскаго посланника Тироули, которому вниманіе россійской императрицы къ французскому дипломату стояло костью въ горлѣ ¹⁾.

Къ дѣлу о Де-ла Шетарди явилась прикосновенною принцесса ангальтъ-цербстская. Ея не влюбила съ перваго прїѣзда императрица, не полюбили ея вообще русскіе люди, да, какъ кажется, и собственная дочь ея не очень нѣжно ее любила. Послѣ высылки Де-ла Шетарди изъ Россіи, Елисавета вела съ нею наединѣ крупный разговоръ, послѣ котораго принцесса вышла отъ императрицы съ заплаканными глазами, и всѣ подумали тогда, что ей придется теперь убираться изъ Россіи; подозрѣвали даже, какъ бы такая же участь не постигла ея дочь-невѣсту, и тѣмъ болѣе, когда замѣтили, что нареченный женихъ ея, великій князь, относится къ ней довольно холодно. Однако этого не случилось. 21-го августа 1745 года совершена была свадьба великаго князя

¹⁾ Vandal, Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 191—196.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 834.

Петра Федоровича съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ и роскошью. Торжество продолжалось десять дней; но послѣ свадьбы, въ сентябрѣ того же года, принцессу цербстскую попросили уѣхать за границу. Послѣдній случай, побудившій къ ея высылкѣ изъ Россіи, было несогласіе между ея братьями. Одинъ изъ нихъ былъ кронпринцъ шведскій; онъ жилъ въ Швеціи, но не оставался безъ участія въ дѣлахъ, хотя еще живъ былъ король, котораго онъ считался преемникомъ. Подъ влияніемъ жены своей, сестры прусскаго короля, онъ перешелъ къ партіи, не расположенной къ Россіи и искавшей союза съ Франціею и Пруссіею. Другой его братъ, Августъ, пріѣхалъ въ Россію искать мѣста администратора въ Голштиніи. Дать это мѣсто ему или кому другому зависѣло отъ наслѣдника русскаго престола—настоящаго герцога и владѣтеля Голштиніи. А это мѣсто до сихъ поръ временно занималъ братъ Августа, шведскій кронпринцъ. Принцесса ангальтъ-цербстская, расположенная болѣе къ брату-кронпринцу, чѣмъ къ Августу, приняла послѣдняго худо, а между тѣмъ Бестужевъ перехватилъ переписку между принцессою и кронпринцемъ; изъ нея видно было, что принцесса выражала недовольство милостями російской императрицы и ея дарами. 20-го сентября того же 1745 года, выпроводили принцессу ангальтъ-цербстскую, давши ей на дорогу 50.000 рублей и два сундука съ разными драгоценностями, а великій князь отъ себя послалъ подарки тестю. Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ удалилъ многихъ голштинцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію вслѣдъ за великимъ княземъ. Удаленъ былъ (въ 1746 году) и принцъ Августъ, впрочемъ добившись своего и получившій мѣсто администратора въ Голштиніи, ради чего онъ и пріѣзжалъ въ Россію.

IV. — Могущество Бестужева.

Бестужевъ — великій канцлеръ. — Вице-канцлеръ Воронцовъ. — Причины довѣрія императрицы къ Бестужеву. — Великій князь и великая княгиня. — Два двора въ Россіи — старый и молодой. — Два направленія тогдашней политики. — Договоръ Россіи съ Австріею и Англіею. — Походъ русскаго войска въ Европу. — Заключеніе Ахенскаго мира. — Удаленіе Воронцова. — Бестужевъ дѣйствуетъ противъ Лестока. — Охлажденіе Елисаветы къ Лестоку. — Неосторожный поступокъ Лестока. — Арестъ, пытка и ссылка Лестока. — Сила Шуваловыхъ.

Бестужевъ просилъ объ опредѣленіи Воронцова въ прежнее свое званіе вице-канцлера, самъ получивши отъ государыни званіе великаго канцлера. Бестужевъ надѣялся найти въ немъ полезнаго сотоварища, такъ какъ Воронцовъ, издавна близкій къ государынѣ,

какъ камергеръ двора ея и содѣйствовавшій вступленію ея на престолъ, могъ съ нею чаще видѣться и подавать ей доклады. Но Воронцовъ, давно уже расположенный къ Франціи, которую Бестужевъ ненавидѣлъ, долженъ былъ на дипломатическомъ полѣ, рано или поздно, стать противникомъ Бестужева; однако видимая размолвка между ними еще не наступила. Бестужевъ достигъ полнаго могущества въ Россіи. Нельзя сказать, чтобъ императрица любила этого человѣка и находила пріятность въ бесѣдѣ съ нимъ. Онъ держался въ силѣ при Елисаветѣ единственно только тѣмъ, что государыня, преданная забавамъ и удовольствіямъ, была довольна, что находился человѣкъ, способный взять на себя всю тяготу долго думать о важныхъ дѣлахъ и тѣмъ самымъ освободить ее отъ этого бремени. Знвшіе близво тогдашній дворъ и образъ жизни государыни сообщаютъ согласно, что проходили цѣлые мѣсяцы, пока министръ могъ быть допущенъ къ докладу; но и тогда государыня, бросаясь на иностранныя депеши, искала, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь любопытнаго или интереснаго; иногда оставляла важныя бумаги у себя и обѣщала повнимательнѣе прочесть ихъ, — на самомъ же дѣлѣ никогда не читала и даже забывала про нихъ. Каждый вторникъ устраивался во дворцѣ маскарадъ, въ которомъ, для забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины — мужчинами; въ другіе же дни игрались спектакли: императрица очень любила французскія комедіи и итальянскія оперы. Всѣ имѣвшіе доступъ во дворецъ, хотя бы и не занимавшіе должностей по военной и гражданской службѣ, обязаны были являться въ маскарадныя вторники, и когда однажды государыня замѣтила, что гостей у нея что-то мало, то разослала гофъ-фурьеровъ — узнать, что за причина такого отсутствія, и приказала замѣтить, что за подобное невниманіе виновные будутъ обложены пеней 50 рублей съ персоны.

Если въ комъ Бестужевъ могъ встрѣтить себѣ опасное соперничество, то развѣ въ молодой великой княгинѣ, которая отличалась необыкновеннымъ умомъ, неподражаемымъ искусствомъ со всѣми уживаться и всѣмъ вокругъ себя управлять. Ея супругъ, великій князь, наслѣдникъ русскаго престола, капризный до наивности и человѣкъ ума чрезвычайно мелкаго, принужденъ былъ, самъ того не сознавая и не желая, находиться во власти жены своей. Съ дѣтства воспитанный въ лютеранской религіи, онъ принялъ православіе по крайней необходимости, въ качествѣ преемника російской императрицы на престолѣ, но въ своей наивной откровенности не удерживалъ передъ другими своихъ

мыслей и чувствованій, и позволялъ себѣ часто отзывать ся съ пренебреженіемъ объ обрядахъ православной церкви; сверхъ того, встати и не встати, твердилъ о превосходствѣ нѣмцевъ передъ русскими. Когда онъ услышалъ о кончинѣ стараго шведскаго короля, котораго престолъ долженъ былъ занять кронпринцъ Адольфъ-Фридрихъ, онъ передъ русскими съ соболѣзнованіемъ вспоминалъ, какъ шведскіе чины хотѣли-было избрать будущимъ королемъ его, Петра Федоровича, и громко жалѣлъ, что не удалось ему быть королемъ въ цивилизованной странѣ, вмѣсто того чтобы изнывать въ Россіи, гдѣ онъ постоянно чувствуетъ себя какъ бы въ неволѣ. Совсѣмъ не такова была его супруга. Принявши православіе, конечно также по необходимости, она вела себя такъ, что никто не осмѣливался говорить, что она приняла его неискренно. Она не только не показывала, подобно своему супругу, презрѣнія къ русской народности—напротивъ, основательно ввучилась русскому языку, любила говорить и писать на этомъ языкѣ; все русское ее занимало; все, что было хорошаго въ Россіи, было для нея мило и любезно. Она какъ будто вся переродилась въ русскую женщину, и уже въ ту пору просвѣчивалась въ ней та могущественная Екатерина, которою стала она впоследствии въ глазахъ всего міра.

Образовалось въ Россіи два царскихъ двора: одинъ—императрицы, носившій названіе стараго или большого; другой—называемый малымъ или молодымъ—дворъ наслѣдника престола, а на самомъ дѣлѣ—его супруги. Бестужевъ сначала принадлежалъ къ большому двору и былъ какъ бы противникомъ великой княгини. Но Екатерина была такъ умна и такъ хитра, что способна была провести десять Бестужевыхъ, при всей ихъ дипломатической тонкости. Никто, подобно ей, съ такою сдержанностію и самообладаніемъ, не умѣлъ, когда нужно, скрывать свои чувствованія и находить удобное время, когда можно проявить ихъ. Современемъ, какъ мы увидимъ, Екатерина совершенно овладѣла старымъ канцлеромъ и сдѣлала его своимъ поворнымъ слугой.

Два направленія тогдашней политики раздѣляли государственныхъ людей на двѣ стороны: одни желали союза Россіи съ Австріею и Англіею; другіе наклонны были къ союзу съ Франціею, и даже съ Пруссіею, находившеюся тогда съ Франціею въ союзѣ. Бестужевъ принадлежалъ къ первой сторонѣ; Воронцовъ и Лестоковъ—къ послѣдней. Бестужевъ въ ту пору подружился съ австрійскимъ посланникомъ и въ то же время находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ во всѣмъ представителямъ Англіи, которые въ Петербургѣ смѣнялись быстро одинъ другого. Бестужевъ представлялъ

императрицѣ о выгодахъ предпочесть всякимъ другимъ союзамъ союзъ съ Австріею и Англіею, и на ту пору взялъ верхъ: Россія въ 1747 году заключила оборонительный договоръ съ Австріею и Англіею, и російская императрица обязалась отправить тридцать тысячъ вспомогательнаго войска на помощь венгерской королевѣ противъ прусскаго короля, Франціи и Испаніи. Это войско снаряжено было въ Лифляндіи и вступило въ Германію подъ главною командою князя Репнина. Походъ этотъ не ознаменовался военными подвигами, но имѣлъ то важное значеніе, что содѣйствовалъ скорѣйшему заключенію Ахенскаго мира, прекратившаго въ Европѣ войну за австрійское наслѣдство, которая широко уже разыгралась не только въ Европѣ, но и въ отдаленныхъ краяхъ Новаго Свѣта.

Бестужевъ, поставивши на своемъ въ дѣлахъ внѣшней политики, сталъ всемогущимъ человѣкомъ въ Россіи, и захотѣлъ удалить отъ государыни и отъ вліянія на дѣла Воронцова и Лестока. Воронцова устранили на время очень деликатно: онъ получилъ дозволеніе путешествовать по Европѣ съ цѣлью довершить свое образованіе; то было давнее его собственное желаніе. Съ Лестокомъ у Бестужева расправа была рѣзче: Бестужевъ не забылъ, какія неприятели учинилъ Лестоку близкимъ роднымъ канцлера по Лопухинскому дѣлу. Сначала Бестужевъ сумѣлъ подѣйствовать на императрицу такъ, что она, вообще очень измѣнчивая въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ людямъ, стала обращаться съ Лестокомъ холоднѣе прежняго, и такъ мало цѣнить его, что, когда Бестужевъ доложилъ ей, что Лестоку получаетъ пенсіонъ отъ Франціи, Елисавета Петровна насмѣшливо сказала: „вольно французамъ тратить деньги по пустому; Лестока я совсѣмъ не слушаю, да и говорить себѣ слишкомъ много не позволяю“. Когда же ей донесли, что Лестоку часто видится съ прусскимъ посланникомъ и получаетъ отъ него пенсіонъ, императрица приказала надзирать за Лестокомъ, но все-таки не рѣшалась придаться къ нему безъ явныхъ уликъ. Тогда Бестужевъ прибѣгнулъ къ другой уловкѣ: онъ представилъ государынѣ, что считаетъ небезопаснымъ оставлять при высочайшей особѣ, въ качествѣ врача, человѣка, способнаго сдѣлать ей вредъ. Императрица не разсердилась за это на канцлера, но не придала ему и полной вѣры, а только сказала ему, что будетъ съ большою осторожностію принимать лекарства отъ Лестока. Къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Лестока канцлеръ все еще не могъ побудить императрицу: видно, воспоминаніе о прежнихъ услугахъ Лестока останавливало ее. Наконецъ, самъ Лестоку неожиданно подалъ противъ себя поводъ.

20-го декабря 1748 года, Лестоковъ, вмѣстѣ съ третьею своею женою, Анною Менгденъ (сестрою Юліаны Менгденъ) былъ въ гостяхъ у одного прусскаго купца. Тамъ же были гостями: секретарь Лестока капитанъ Шапюздъ, шведскіе послы при петербургскомъ дворѣ, Волькенстерна и Генкенъ, и жена прусскаго посла, графиня Финкенштейнъ. Послѣ обѣда, въ наступающія зимнія сумерки, Шапюздъ вышелъ изъ дома и примѣтилъ одѣтаго дурно, въ ливреѣ, неизвѣстнаго ему человѣка; уже нѣсколько дней Шапюздъ замѣчалъ, что этотъ человѣкъ постоянно бродитъ около дома. Шапюздъ, угрожая ему шпагою, принудилъ его войти съ собою въ домъ того купца, гдѣ находился Лестоковъ съ другими гостями. Лестоковъ предложилъ неизвѣстному 50 рублей, если онъ откровенно скажетъ, кто онъ такой и что его посылаетъ шпионить. Неизвѣстный упорствовалъ и увѣрялъ, что ни отъ кого не получалъ порученія шпионить. Лестоковъ приказалъ позвать изъ своего караула унтеръ-офицера и гренадера и хотѣлъ заставить батогами неизвѣстнаго открыть — кто онъ такой. Тогда неизвѣстный объявилъ, что онъ — человѣкъ какого-то гвардейскаго офицера, который поручилъ ему наблюдать за каждымъ шагомъ Лестока и Шапюзда. Лестоковъ тотчасъ поѣхалъ во дворецъ, упалъ къ ногамъ императрицы, увѣрялъ въ своей всегдашней вѣрности и преданности и просилъ удовлетворенія за оскорбленіе. Елисавета выслушала его ласково, просила потерпѣть и обѣщала изслѣдовать дѣло. Успокоенный Лестоковъ отправился отъ государыни въ домъ того же прусскаго купца, гдѣ оставилъ другихъ собесѣдниковъ, и пробылъ тамъ до полуночи.

Между тѣмъ Елисавета дала приказаніе арестовать и отвезти въ крѣпость Шапюздъ и четырехъ служителей Лестока, о которыхъ предполагалось, что они могутъ сообщить свѣденія о поведеніи Лестока. Императрица говорила своимъ приближеннымъ, будто считаетъ преступнымъ уже то, что эти господа взяли на себя роль судей надъ чужимъ человѣкомъ, и если они совершенно невинны, то нечего имъ страшиться шпионства надъ собой. 22-го декабря Лестоковъ попытался еще разъ явиться къ государынѣ, но его не допустили, а 24-го декабря, въ 11-ть часовъ утра, генералъ Апраксинъ со ста-пятидесятью солдатами явился въ домъ Лестока и объявилъ ему арестъ въ его домѣ, причемъ удалили отъ него употребленіе ножа и всякаго остраго орудія. Жена Лестока была въ церкvi и въ тотъ день причащалась; по возвращеніи домой, и она получила приказаніе оставаться въ своемъ домѣ подъ арестомъ. Въ этотъ самый день при дворѣ устраивалась помолвка фрейлины Салтыковой; государыня была отиѣнно весела, а самъ

Лестоко́къ былъ назначенъ въ числѣ шаферовъ невѣсты, но, разумѣется, теперь не явился. Наконецъ, 26-го декабря, императрица оставила столицу и переехала въ Царское Село, а Лестоко́къ, того же дня вечеромъ, вмѣстѣ съ женою, былъ отвезенъ въ крѣпость. Александръ Шуваловъ, замѣнившій недавно умершаго Ушакова въ начальствѣ тайною канцеляріею, велъ допросъ надъ Лестокомъ и его участниками. Къ Шувалову приданъ былъ графъ Апраксинъ, большой пріятель Бестужева. Лестоко́къ съ необычайнымъ терпѣніемъ нѣсколько дней отказывался отъ пищи, позволяя себѣ глотать только немного минеральной воды; на дѣлаемые ему вопросы — не отвѣчалъ ничего. Но Шапюзо́, въ виду пытокъ, которыми его стали пугать, объявилъ, что Лестоко́къ получалъ отъ прусскаго короля пенсіонъ и велъ ночныя бесѣды съ посланниками прусскимъ и шведскимъ; назвалъ, кромѣ того, пріятелями Лестока вице-канцлера графа Воронцова, генералъ-прокурора князя Трубецкаго и генерала Румянцева, но о смыслѣ бесѣдъ ихъ между собою отозвался незнаніемъ, говоря, что Лестоко́къ давно уже не показываетъ къ нему откровенности. Елисавета, не допросившись ничего отъ Лестока и Шапюзо́, приказала прибѣгнуть къ пыткамъ, какъ къ неизбѣжному въ тѣ времена средству доискаться правды, въ случаѣ заpiresательства обвиняемаго. Лестока вздернули на дыбу. Этотъ человекъ, уже одиннадцать дней не принимавшій никакой пищи, съ равнымъ присутствіемъ духа вынесъ мученіе на дыбѣ и показалъ столько духовной крѣпости, что, снятый съ дыбы, самъ пошелъ въ свой казематъ. Онъ отрицалъ все, въ чемъ думали обличить его, и клялся, что ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ государыни. „Все мое несчастіе“, — говорилъ онъ, — „сталося по злобѣ великаго канцлера. Но придетъ время — правда всплыветъ наверхъ, и государыня начнетъ сожалѣть, что оказывала довѣренность этому человеку“.

Къ нему подослали жену его, научивши ее убѣждать мужа сознаться, и обѣщали пощадить и возвращеніе милости государыни. „Кто разъ побывалъ въ катовскихъ (палача) рукахъ, тотъ уже не можетъ желать никакой къ себѣ милости“, — отвѣчалъ Лестоко́къ.

Лестоку не трудно было заpiresаться. Послѣ того какъ арестовали Шапюзо́, у Лестока оставалось еще четыре свободныхъ дня; въ это время онъ успѣлъ передать всѣ компрометтировавшія его бумаги шведскому послу Волькенстьерну, а тотъ съ ними уѣхалъ тотчасъ въ Стокгольмъ, и во время процесса, производившагося надъ Лестокомъ, невозможно было отыскать никакихъ письменныхъ доказательствъ къ его обвиненію. Тѣмъ не менѣе, процессъ надъ нимъ затянулся болѣе чѣмъ на годъ и окончился

уже въ 1750 году. Все имущество его было конфисковано; изъ него взято на судебныя издержки такъ много, что на одни письменныя матеріалы выставлена была неимоверная сумма—800 рублей. Его домъ въ Петербургѣ подаренъ былъ графу Апраксину, производившему надъ нимъ слѣдствіе вмѣстѣ съ Шуваловымъ. Лестока сослалъ въ Угличъ и тамъ содержали очень строго и скудно, а въ 1753 году, въ видѣ облегченія, перевели въ Устюгъ-Беликій и дозволили жить съ нимъ его женѣ. Тамъ пробылъ онъ до кончины Елисаветы.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка (приблизительно въ 1747 году), въ жизни императрицы произошла перемѣна, отразившаяся на дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. До сихъ поръ вліятельнѣйшимъ лицомъ при Елисаветѣ Петровнѣ былъ Алексій Григорьевичъ Разумовскій. Онъ былъ сынъ простаго казака въ селѣ Лемешахъ, кievскаго полка, близъ города Козельца. Убѣжавши мальчикомъ отъ пьянаго и драчливаго отца въ село Чемеры, онъ проживалъ тамъ у дьячка, учился грамотѣ и пѣлъ на клиросѣ. Проѣзжавшій полковникъ Вишневскій, по дорогѣ въ Венгрію покупать для двора вина, заѣхалъ въ церковь, услышалъ прекрасный голосъ Алексія и взялъ его съ собою въ Петербургъ для придворнаго хора пѣвчихъ. Это было въ 1730 году. Въ томъ же году цесаревна Елисавета, посѣтивши церковь въ зимнемъ дворцѣ, упросила оберъ-гофмейстера Левенвольда уступить Алексія для ея придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексій Разумовскій понравился цесаревнѣ. По восшествіи своемъ на престолъ, Елисавета Петровна, по убѣжденіямъ духовника своего Дубянскаго, сочеталась тайно бракомъ съ Разумовскимъ въ селѣ Перовѣ, близъ Москвы, и вслѣдъ затѣмъ немедленно осыпала его богатствами и почетомъ. Изъ ничтожнаго казака, до того бѣднаго, что мать его собиралась просить подаенія подъ окнами, Разумовскій, по знатности положенія своего и по громадному богатству, сталъ первымъ вельможею въ Россіи и принималъ лъстивыя поклоненія отъ родовитыхъ особъ. Изъ благоволенія къ нему, императрица вывела въ знать всю близкую родню его; матери его оказывала она большое почтеніе; меньшого брата, Кирила, отправила для образованія за границу, а по возвращеніи—назначила президентомъ академіи, и потомъ приказала избрать гетманомъ въ Малороссіи. Елисавета ревниво оберегала честь этого возвышеннаго ея рода. Въ архивахъ сохранилось множество дѣлъ, производившихся въ тайной канцеляріи по распространенію отзывовъ, оскорбительныхъ для любимца государыни и для его родичей. Всѣ разбирательства по этимъ дѣламъ оканчивались трагически—застѣнкомъ, дыбою,

кнутаомъ, плетьюми, батогами, шпидрутенами и, наконецъ, ссылкойю на ваторгу ¹⁾. Но самъ Алексѣй Разумовскій ничему этому не былъ причастенъ. По единогласнымъ извѣстіямъ современниковъ, это былъ человекъ въ высшей степени добросердечный, прямодушный, хотя подчасъ и вспыльчивый, но никакъ не заносчивый, не спѣсивый, и потому всѣми любимый, несмотря на то, что его низкое происхожденіе должно было возбуждать у однихъ зависть, а у другихъ—досаду. Много лѣтъ провела императрица въ невозмутимомъ согласіи съ Разумовскимъ. Но вотъ государыня приблизила къ себѣ новое лицо—то былъ молодой и лучше воспитанный, чѣмъ Разумовскій, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Вся семья Шуваловыхъ принадлежала къ родовому русскому дворянству и возвысилась только при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. Одинъ изъ Шуваловыхъ, Петръ Ивановичъ, женился на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, большой любимицѣ Елисаветы Петровны—и это былъ первый шагъ къ подъему фамиліи Шуваловыхъ. Братъ Петра, Александръ, сдѣланъ былъ начальникомъ тайной канцеляріи по кончинѣ генерала Ушакова. Рекомендація и ходатайство той же Мавры Егоровны возвысили родственника Петра и Александра Шуваловыхъ, Ивана Ивановича: онъ получилъ при дворѣ сначала званіе камеръ-пажа, потомъ камеръ-юнкера, наконецъ, камергера. Разумовскій не утратилъ милости государыни и не только не показывалъ огорченія, но относился дружелюбно къ Шувалову. Возвышеніе, или, какъ тогда говорилось, „случай“ Шувалова возымѣлъ то важное послѣдствіе, что съ этихъ поръ онъ самъ, а съ нимъ и прочіе Шуваловы, составили при дворѣ партію съ большимъ вліяніемъ на дѣла имперіи, тогда какъ прежде скромный, мало развитой Алексѣй Григорьевичъ и вся его родня, на которой слишкомъ рѣзко выказывались признаки простонароднаго происхожденія, почти никакихъ дѣлъ не касались, исключая брата Алексѣева, Кирила, получившаго образованіе за границею.

Н. Костомаровъ.

¹⁾ Васильичевъ. Семейство Разумовскихъ, т. I. стр. 706.

НЕДДА

РАССКАЗЪ Д. ВЕРГА.

Съ итальянскаго.

Мнѣ всегда казалось, что слова: „домашній очагъ“ — риторическая фигура, годная, какъ рамка, для изображенія тихихъ, ясныхъ привязанностей, какъ „лунный свѣтъ“ для поцѣлуевъ, — но мнѣ всегда бывало смѣшно, когда каминный огонь называли „другомъ“. Пожалуй, другъ, — но ужъ слишкомъ необходимый, подчасъ несносный, навязчивый, готовый схватить за руки, за ноги, утащить въ свою дымную берлогу и тамъ расцѣловать предательски. Я не понималъ занятія вознею въ дровахъ и наслажденія, когда вдругъ обдастъ отблескомъ пламени; не понималъ рѣчей полѣна, когда оно, разсердясь, трескается, или, разгораясь, ворчитъ; мои глаза были непривычны къ страннымъ узорамъ искръ, перебѣгающихъ по чернымъ головнямъ, въ фантастическимъ образамъ нагроможденнаго раскаленнаго угля, — въ полусвѣту, переживамъ, отгѣнеамъ краснаго и сизаго огня, который то робко лизеть, то граціозно ласкается, то вдругъ безстыдно, дерзко вспыхиваетъ... Но, посвящаясь въ таинства каминныхъ щипцовъ и раздувальнаго мѣха, я восторженно влюбился въ наслажденія предкаминной лѣни. Погружаюсь въ мягкое кресло, предоставляю пламени заботу согрѣвать мою кровь и оживлять бѣненіе моего сердца; поднимаю тучу искръ — онѣ вьются, какъ влюбленные бабочки; слѣжу за ними, не сводя глазъ — и такъ же прихотливо кружатся мои мысли. Видѣть собственную мечту, которая летаетъ кругомъ, надъ вами, вдругъ оставляетъ васъ и уносится далеко, вдругъ забрасываетъ въ душу какія-то струи,

отъ которыхъ и сладко, и больно... это невыразимо увлекательно... Сигара гаснетъ, глаза смыкаются, щипцы выпадаютъ изъ усталой руки; душа уходитъ далеко, переносится чрезъ страшныя пространства; по нервамъ пробѣгаютъ тѣки какаго-то другого, неизвѣданнаго воздуха; не трогаясь съ мѣста, не шевеля пальцемъ, улыбаясь, человѣкъ испытываетъ тысячи ощущеній... отъ которыхъ могутъ посѣдѣть волосы и нарѣзаться морщины...

Дрова трещали, мысль летала далеко, и мнѣ вдругъ вспомнился,—привидѣлся,—огонь на огромномъ очагѣ фермы Пино, на склонахъ Этны. Шелъ дождь; вылъ сердитый вѣтеръ. Десятка два-три женщинъ, обиравшихъ оливки на фермѣ, сушили у печи свои платья, измоченныя дождемъ. Веселія (то-есть, тѣ, у которыхъ были деньги) или влюбленныя—пѣли пѣсни. Другія толковали объ урожаѣ оливокъ (урожай былъ плохъ), о свадьбахъ въ приходѣ, о дождѣ, отнимавшемъ заработокъ, то-есть хлѣбъ насущный. Старая надсмотрщица, хозяйка, прала; не даромъ же горѣтъ лучернѣ, привѣшенной надъ очагомъ. Большая собака, волчьей масти, лежала, вытянувъ лапы и морду къ огню и поднимая уши на всякій порывъ вѣтра. Покуда варилась похлебка, пастухъ вздумалъ играть разныя горныя пѣсни, отъ которыхъ не сидѣлось на мѣстѣ; дѣвушки принялись плясать на изломанномъ каменномъ полу дымной кухни, а собака ворчала отъ страха, что ей отдавать хвостъ. Весело развѣвались лохмотья; прыгали и бобы въ горшкѣ, закипая среди пѣны, которая бѣжала и шипѣла.

Дѣвушки устали; послѣ пляски слѣдуетъ пѣть.

— Недда! Недда!—звали онѣ.—Куда ты дѣвалась?

— Здѣсь я, — отозвался рѣзкій голосъ изъ самаго темнаго угла, гдѣ дѣвушка сидѣла, прижавшись, на вязанкѣ дровъ.

— Чтѣ ты тамъ дѣлаешь?

— Ничего.

— Почему ты не плясала?

— Устала.

— Спой хорошенькую пѣсенку.

— Нѣтъ; пѣть не хочу.

— Что это ты?

— Ничего.

— У нея мать помираетъ,—сказала одна изъ подругъ, такъ просто, будто пожаловалась, что зубы болятъ.

Дѣвушка сидѣла, уткнувъ подбородокъ въ колѣни; она подняла

на говорившую свои черные, блестящие, но равнодушные, почти туше, глаза, и опять принялась смотреть на свои босые ноги.

В ней подошли два-три подруги. Другия болтали вздоръ всѣ разомъ, какъ сороки, когда найдутъ кормъ и обрадуются.

— Зачѣмъ же ты ушла отъ матери?

— Работать надо.

— Ты откуда?

— Изъ Виагранде, но мы живемъ въ Равенузѣ.

Тогда одна умница, дочь надсмотрщика, та, что была со-
сватана за третьяго сына Массаро Джакомо (свадьба на Пасху),
и у которой на шеѣ былъ прекраснѣйшій золотой крестикъ, —
только спиной повернулась.

— Равенуза? э, недалеко! Случись бѣда—вѣсть и воробей
донесетъ.

Недда бросила ей вслѣдъ взглядъ, похожій на тѣ, которые
собака бросала на башмаки, грозившіе ея хвосту.

— Нѣтъ, за мной пришелъ бы дядя Джованни!—вскричала
она, будто сама себя отвѣчала.

— Кто это—дядя Джованни?

— Изъ Равенузы, дядя Джованни. Его всѣ такъ зовутъ.

— Слѣдовало тебѣ сколько-нибудь у него взаймы взять, а
матери не оставлять,—сказала другая дѣвушка.

— Дядя Джованни небогатъ, а мы и безъ того ему десять
луръ должны. Да еще лекаръ! Да лекарство! Да хлѣбъ всякій
день! Легко сказать!.. — продолжала Недда, качая головой и въ
первый разъ выражая будто жалобу въ своемъ грубомъ, почти
дикомъ голосѣ. — А какъ смотришь — солнце заходить, а на
полѣ нѣтъ хлѣба, въ лючернѣ нѣтъ масла, на завтрашній
день нѣтъ работы... очень это горько, когда тамъ, на постели,
лежитъ бѣдная, старая, больная...

Она замолчала и все повачивала головою, ни на кого не
глядя; сухіе, воспаленные глаза выдавали такое безконечное горе,
какого не выразятъ никакіе глаза, привычные къ слезамъ.

— Дѣвушки, чашки давайте! — закричала хозяйка, съ тор-
жествующимъ видомъ снимая крышку съ котелка.

Всѣ столпились около очага, гдѣ хозяйка скупно, терпѣливо
раздавала похлебку изъ бобовъ. Недда дождалась послѣдняя,
держа свою чашку подъ мышкой. Наконецъ, могла подойти и
она. Пламя очага освѣтило ее всю.

Это была смуглая, бѣдно одѣтая дѣвочка, робкая и грубо-
ватая отъ нищеты и отчужденности. Она, можетъ быть, была бы
красива, если бы истощеніе и постоянная усталость не отняли у

нея не только женственной привлекательности, но почти подобія женщины. У нея были черные волосы, густые, включенные, едва связанные веревочкой; зубы бѣлые, какъ слоновою кость; крупныя линіи губъ дѣлали привлекательной ея улыбку. Глаза огромныя, черныя, будто тонули въ лазури бѣла; царица позавидовала бы бѣдной дѣвочкѣ, прижатой на послѣдней ступенькѣ человѣческой лѣстницы! Но красота этихъ глазъ затемнялась недовѣрчивой робостью нищеты; они казались безсмысленными отъ постоянной тяжкой покорности. Ея члены, придавленные тяжелыми ношами или неестественно развитыя непомѣрными усилями, огрубѣли, не сдѣлавшись здоровѣе. Она работала съ каменщицами, а не то — сворачивала и таскала каменя съ полей, когда распахивали новыя, носила за другихъ тяжести въ городъ. Брала всякую трудную работу, которая въ тѣхъ мѣстахъ считается не-мужскимъ дѣломъ. Жатва, сборъ винограда, сборъ оливокъ — это для нея были праздники, забава, ничегонедѣланье, а не трудъ. Правда, что эти дни и приносили только половину того, что зарабатываетъ каменщикъ въ хорошій лѣтній день: тотъ день даетъ цѣлыхъ тринадцать солид!.. Лохмотья безобразно жалкой одежды смѣшно уродовали то, что составляетъ прелесть женщины. Самое живое воображеніе не могло бы представить себѣ, что эти руки, осужденныя тяжело трудиться каждый день, грубѣть на холодѣ или въ горячей землѣ, выносить царапины и раны, что эти ноги, привычныя босикомъ бѣгать по снѣгу и по раскаленнымъ знойнымъ утесамъ, по кремнямъ и терновнику, — что онѣ когда-нибудь могли быть красивы. Никто не могъ бы опредѣлить, сколько лѣтъ этому созданію; нищета съ дѣтства придавила ее всѣмъ, что искажаетъ тѣло, душу и разумъ... То же было съ ея матерью, съ ея бабушкой; то же будетъ и съ ея дочерьми; — а ея ближнимъ довольно того, что въ ней еще остается смысла, чтобъ понимать приказания, и силъ, чтобъ исполнять самыя трудныя, унижительныя услуги.

Недда подала свою чашечку; хозяйка налила, сколько оставалось бобовъ въ котелѣ, — очень немного.

— Зачѣмъ приходишь послѣдняя? Вѣдь знаешь, что послѣднему всегда остатки! — сказала хозяйка въ видѣ вознагражденія.

Дѣвушка потупила глаза на черную похлебку, которая дымилась въ ея чашѣ, и отошла тихонько, чтобы не расплескать.

— Я бы тебѣ свою отдала, — сказала одна подруга, по добрѣе другихъ: — но если опять дождь... право!.. и день рабочій пропадетъ, да, кромѣ того, весь свой хлѣбъ поѣшь.

— Я этой бѣды не боюсь, — отвѣчала Недда, печально смѣясь.

— Какъ не боишься?

— Со мной своего хлѣба нѣтъ. Что было немножко хлѣба и деньжонокъ, я мамѣ оставила.

— Такъ ты и жива одной похлебкой?

— Привыкла, — просто отвѣчала Недда.

— Провлятый дождице, день отнял! — бранилась другая.

— Возьми у меня изъ чашки.

— Я сыта, — отрывисто сказала Недда, въ видѣ благодарности.

— Вотъ, ты дождь ругаешь, который Господь посылаетъ, а сама тоже развѣ хлѣба не ѣшь? — обратилась хозяйка къ той, что жаловалась на погоду: — не знаешь развѣ: мокрая осень — урожайный годъ!

Общій голосъ подтвердилъ ея слова.

— Да, а вашъ мужъ все-таки вычтетъ за три полдня изъ недѣльной платы!

Новыя одобренія.

— А ты развѣ эти три полдня работала? Такъ тебѣ за нихъ и платить? — возразила, торжествуя, старуха.

— И то правда... — заговорили другія, по инстинктивному чувству справедливости, всегда сильному въ массѣ, хотя бы справедливость была и тяжела для каждаго по-одиночкѣ.

Хозяйка взяла четки, забормотала молитвы, прерывая ихъ зѣвками. За литаніями — поминовенія живыхъ и усопшихъ. Глаза Недды были полны слезъ; она забыла даже отвѣчать: „аминь“.

— Это что еще: аминь не говорить? — строго спросила старуха.

— Я думала о своей мамѣ... такъ она далеко, — робко проговорила Недда.

Хозяйка пожелала всѣмъ „святой ночи“, взяла лючерну и ушла. Въ кухнѣ и вокругъ очага живописно устроивались постели; послѣднее пламя бросало дрожащій отблескъ на группы лежащихъ. Ферма была хорошая; хозяинъ — не то что другіе хозяева — не жалѣлъ ни бобовъ на похлебку, ни дровъ, ни соломы на подстилку. Женщины спали въ кухнѣ, мужчины — на сѣновалѣ. Если случится, что хозяинъ скупъ или ферма невелика, мужчины и женщины спятъ вмѣстѣ, гдѣ случится, — въ конюшнѣ, въ хлѣвахъ, на соломѣ, на лохмотьяхъ; тутъ же и дѣти. Если отецъ богатъ и есть свое одѣяло, онъ имъ покрываетъ свою семью. Кому холодно — жметъ къ сосѣду, или суетъ ноги въ теплую золу, или завертывается въ солому, — кто какъ можетъ. Цѣлый день намаяться, да впереди такой же день — сонъ и вѣршокъ,

точно самодуръ-благодѣтель. И хозяинъ не щеголивъ насчетъ морали; развѣ-развѣ откажетъ въ работѣ двѣдушѣ, когда ей станетъ ужъ не подѣ-силу работать десять часовъ въ сутки.

Еще до зари, самыя заботливыя выходили посмотреть, что погода. Дверь, ежеминутно скрипя на петляхъ, выбрасывала на спящихъ потоки дождя и порывы холоднаго вѣтра. На разсвѣтѣ хозяинъ распахнулъ эту дверь и будиль лѣнивицъ, потому что вѣдь несправедливо обсчитывать хозяина даже на минуту изъ десяти-часового дня, за который онъ платитъ своими деньгами, случается, три карлина (это шестьдесятъ - пять центе-зимовъ, — не угодно ли!), да еще — похлебка...

— Дождь!

Это слово досадно облетѣло всѣхъ. Недда, прислонясь къ двери, печально смотрѣла на свинцовыя тучи; ихъ мертвенный отблескъ падалъ на нее, будто сумерки. Холодный, туманный день; сухой листъ съ шумомъ срывается съ вѣтокъ, кружится, падаетъ на грязную землю; ручей превратился въ болото; въ немъ съ наслажденіемъ возятся свиньи; коровы высовываютъ черныя морды чрезъ загородку запертаго хлѣва и задумчиво смотрятъ на дождь; воробьи прижались за черепицами, у отлива, и жалко пищать...

— Вотъ и еще день ни за что пропалъ! — сказала одна изъ двѣдушекъ, закусывая большой кусокъ чернаго хлѣба.

— Тамъ, къ морю, тучи расходятся, — сказала Недда, показывая рукою: — въ полудню, можетъ быть, и разгуляется.

— Все равно, этотъ мошенникъ-хозяинъ заплатитъ только за треть дня.

— Все-таки!

— Да, „все-таки“! а хлѣбъ свой мы даромъ поѣдимъ.

— А самому хозяину ваково, что его оливки никуда не будутъ годны, да еще въ грязи пропадутъ?

— Правда! — сказала другая.

— А попробуй, поди, подними хоть одну оливку, — онѣ и всѣ-то черезъ полчаса пропадутъ! — подними да съѣшь съ своей сухой борзой, тогда и послушаешь, что тебѣ хозяинъ скажетъ!

— И подѣломъ! Оливки не наши!

— Да вѣдь земля ихъ съѣстъ, — онѣ не ея!

— Да сама земля хозяйская! — возразила Недда, торжествуя своей логикой, такъ что ея глаза засвѣтились.

— И то правда! — подтвердила подруга, не зная, что и сказать.

— Ну, по мнѣ, ужъ лучше пускай весь день дождь льетъ,

чьмъ полдня возиться—подбирать въ грязи въ такую непогоду, за три-четыре сольда!

— Тебѣ три-четыре сольда нипочемъ!—сказала Недда.

Въ субботу вечеромъ сводились счеты за недѣлю; на столѣ передъ хозяиномъ было пропасть бумажекъ, записокъ и столбиками сольди. Буянамъ-работникамъ заплатили сейчасъ, потомъ—женщинамъ, которыя побойчѣ; наконецъ,—съ придирками,—робкимъ и безсильнымъ. Когда хозяинъ свелъ счетъ, Недда узнала, что, за вычетомъ двухъ съ половиною дней, пропавшихъ по-неволѣ, отъ непогоды, ей оставалось получить сорокъ сольди.

Она не смѣла ничего сказать,—только заплакала.

— И еще реветъ, плакса!—закричалъ фермеръ, какъ настоящій фермеръ, отстаивая деньги своего хозяина.—Тебѣ платятъ равно какъ другимъ, а ты всѣхъ меньше, всѣхъ бѣднѣ! Я тебѣ за твой день то даю, чего тебѣ не дастъ ни одинъ владѣлецъ во всемъ Педара, въ Николози, въ Тревастанье! Три карлина, кромѣ похлебки!

— Я не жалуясь, — робко отвѣчала Недда, пряча сольди, которыя фермеръ, чтобъ ихъ больше казалось, размѣнялъ на четверти.—Бѣда, что погода стояла дурная, и потому я не получила того, на что надѣялась.

— Ну, и взыскивай съ Бога!—грубо сказалъ фермеръ.

— Ахъ, какъ можно!.. Сама я виновата: бѣдна...

— Заплати бѣдной дѣвочкѣ за всю недѣлю,—вступился сынъ владѣльца, который пришелъ посмотреть на сборъ оливокъ.— Вся разница—какихъ-нибудь нѣсколько сольди.

— Я плачу ей по справедливости.

— А если я тебѣ приказываю?

— Всѣ сосѣди поднимутся: сважутъ—вы новости заводите.

— Пожалуй, что такъ,—сказалъ хозяйскій сынъ.

У него было много земли и много сосѣдей.

Недда собрала кое-какіе свои пожитки и просталась съ по-другами.

— Идешь въ Равенузу? Такъ поздно!

— Мать больна.

— И не боишься?

— Боюсь, потому — деньги со мною, но мать больна; теперь, какъ меня ужъ тутъ работа не держитъ, я ночь не усну, если останусь.

— Хочешь, я провожу?—спросилъ, подшучивая, пастушокъ.

— Со мной Господь и Богородица, — просто отвѣчала дѣвушка и, потушивъ голову, пошла въ поле.

Солнце ужъ зашло, и тѣни быстро поднимались къ вершинамъ горъ. Недда шла, спѣша, и, когда стало все темнѣе, принялась пѣть, какъ запуганная птичка. Пройдя десятокъ шаговъ, она оглядывалась; скатывался ли камень со стѣны, размытой дождемъ, вѣтеръ ли обдавалъ брызгами съ мокрыхъ деревьевъ, — она останавливалась вдругъ, вся дрожа, какъ заблудившаяся козочка. Съ дерева на дерево нѣсколько времени скавала снитирь, жалобно напѣвая; она такъ была рада этому товарищу, что подликала его, боясь, что онъ соскучится и отстанетъ. Проходя мимо часовенки у воротъ какой-нибудь фермы, она останавливалась на минуту, шептала молитву, сторожа, какъ бы не выскочила собака, которая неистово лаяла за заборомъ, потомъ бѣжала бодрѣе, оглядываясь на огонекъ лампадки, который горѣлъ предъ образомъ и, между тѣмъ, свѣтилъ фермеру, когда тотъ возвращался съ поля. Этотъ огонекъ будто утѣшалъ ее; она думала о своей матери. Минутами сердце вдругъ сжималось неожиданно, до боли; она пускалась бѣжать, пѣла громко, чтобы забыться; вспоминала веселые дни, когда собирался виноградъ, — лѣтніе вечера, когда, при чудесномъ лунномъ свѣтѣ, шли гурьбой съ Піаны, и впереди весело звенѣла волынка... Но мысль вѣчно возвращалась все туда, къ бѣдной постели ея больной. Она спотынулась на осколокъ лавы, острый, какъ бритва, и разрѣзала ногу. Было такъ темно, что, на поворотахъ дороги, дѣвочка натывалась на стѣны, на кусты, начала теряться, не знала, куда идти. Вдругъ она услышала: часы въ Пунтѣ били девять, и такъ близко, будто надъ головою. Недда обрадовалась, — будто среди чужихъ ее окликнулъ свой человѣкъ.

Весело побѣжала она по улицѣ селенія, во все горло распѣвая свою прекрасную пѣсню и прижимая карманъ фартука, гдѣ лежали ея сорокъ солиди.

Проходя мимо аптеки, она заглянула: аптекаръ и нотариусъ, закутанные, сидѣли, играли въ карты. Потомъ встрѣтился бѣденный идиотъ, который всегда шатается изъ стороны въ сторону по улицѣ, руки въ карманы, и годовъ двадцать все поетъ одну и ту же пѣсню, и ночью зимой, и въ жару лѣтомъ. По дорогѣ въ Равенузу, у первыхъ деревьевъ, она встрѣтила пару воловъ; они тихонько шли и жевали.

— Ау, Недда! — крикнулъ знакомый голосъ.

— Это ты, Іану?

— Я. Хозяйскихъ воловъ гоню.

— Ты откуда? — спрашивала Недда, не останавливаясь.

— Изъ Піаны. Къ вамъ въ домъ заходилъ. Мать тебя дожидается.

— Чтò она?

— Да какъ всегда.

— Ахъ, благослови тебя, Господи!—вскричала дѣвушка, какъ будто ждала хуже, и побѣжала еще скорѣе.

— Прощай, Недда!—закричалъ ей вслѣдъ Іану.

— Прощай,—выговорила издали Недда.

Ей показалось, будто звѣзды засвѣтили какъ солнце; будто всѣ деревья, одно за другимъ, протягивали вѣтки, охраняя ее; будто всѣ каменья ласкали ея измученныя ноги...

На другой день было воскресенье; пришелъ докторъ; онъ отдавалъ больнымъ тотъ день, когда не надо было присматривать за работами въ полѣ. Невеселое посѣщеніе. Въ домѣ Недды не было прихожей, не было пріятельницы, гдѣ бы и кому сообщить объ истинномъ положеніи больной, а докторъ не имѣлъ привычки церемониться.

Въ теченіе дня совершился еще печальный обрядъ: пришелъ патеръ въ ризѣ, пономарь съ священнымъ муромъ; двѣ-три кумушки бормотали молитвы. Колокольчикъ пономаря рѣзко звенѣлъ въ полѣ, и подвозчики, слыша его, останавливали муловъ и снимали шапки. Когда услышала Недда шаги по кремнистой дорогѣ, она сняла съ больной изорванное одѣяло, чтобы не видѣли люди, что у нихъ нѣтъ бѣлья, и постлала свой лучший бѣлый фартукъ на хромую скамью, подпертую каменьями. Пока патеръ совершалъ обрядъ, Недда стала на колѣни за дверью, машинально читая молитвы и глядя на камень у порога, гдѣ старушка обыкновенно садилась грѣться на мартовскомъ солнышкѣ,—разсѣянно слушая кругомъ привычные звуки, глядя на народъ, который проходилъ мимо, по своимъ дѣламъ, безъ печали. Патеръ ушелъ; ушелъ и пономарь, напрасно дожидавъ, что ему подадутъ, какъ водится, милостыню для бѣдныхъ.

Поздно вечеромъ, дядя Джованни увидѣлъ, что Недда бѣжала по дорогѣ въ Пунта.

— Эй, куда такъ поздно?

— За лекарствомъ; докторъ прописалъ.

Дядя Джованни любилъ побранить и поворчать.

— Опять лекарство! Святымъ муромъ помазали, да за лекарство! Дѣлятся они съ аптекарями, право,—бѣдныхъ людей оби-

рають. Послушайся меня, Недда, побереги деньги да воротись къ матери.

— А ей, можетъ быть, отъ этого полегчаетъ? — печально возразила дѣвочка и прибавила шагу.

Дядя Джованни заворчалъ, потомъ крикнулъ ей вслѣдъ.

— Эй, Недда!

— Что?

— Я за тебя схожу въ аптеку; скорѣй тебя схожу, не безпокойся. А ты покуда свою одну не оставляй.

У дѣвочки навернулись слезы.

— Ахъ, благослови васъ Господи!

Она хотѣла положить ему деньги въ руку.

— Это ужъ послѣ, — грубо сказалъ онъ и зашагалъ, будто молодой.

Дѣвочка воротилась къ матери.

— Пошелъ дядя Джованни, — сказала она тихо.

Умирающая слышала, какъ въ карманѣ Недды зазвенѣли деньги, и взглянула, будто спрашивала.

— Сказалъ, что послѣ возьметъ, — отвѣчала дочь.

— Заплати ему Господь за его добро! — прошептала больная: — ты хоть безъ денегъ не останешься.

— О, мама...

— Сколько мы должны дядѣ Джованни?

— Десять лиръ. Ты не бойся, мама, я заработаю.

Мать долго смотрѣла на нее потухающими глазами, потомъ обняла ее, не говоря ни слова.

На другой день пришли носильщики, пономарь и сосѣдки. Недда убрала мать въ гробу въ свое лучшее платье, дала ей въ руки гвоздичку, которая расцвѣла въ разбитомъ черепѣ, и прядь своихъ волосъ. Сторожемъ, носильщикамъ она отдала что оставалось у нея денегъ, чтобы они все какъ слѣдуетъ сдѣлали и несли бы покойнику осторожно, не трясли по каменной дорогѣ на кладбище. Затѣмъ она убрала постель, убрала домъ, поставила наверхъ, на полку, стекляночку съ послѣднимъ лекарствомъ, и пошла, сѣла на камень у порога, глядя на небо.

Снигирекъ, забкая ноябрьская птичка, принялся пѣть въ терновникѣ, надъ стѣной противъ порога; онъ скакалъ между колючками и вѣтвями и лукаво смотрѣлъ на дѣвочку блестящими глазами, будто что хотѣлъ сказать. Недда вспомнила, что наканунѣ мать слушала, какъ онъ пѣлъ. Въ сосѣднемъ саду на землѣ валялись оливки, и сороки слетались ихъ клевать; Недда прежде гоняла ихъ камнями, чтобы умирающая не слышала ихъ злобщаго крика;

теперь она смотрѣла на нихъ равнодушно и не двинулась съ мѣста. По дорогѣ ѣхали два торговца, — одинъ съ бобами, другой съ виномъ, — и громко разговаривали, перекрикивая скрипъ своихъ телегъ и звонки своихъ муловъ. Недда подумала, называя ихъ: это — тотъ-то, а это — такой-то. Зазвонили въ вечернѣ, зажглась первая звѣзда. Недда вспомнила, что не надо идти за лекарствомъ въ Пунта. Шумъ по дорогѣ затихалъ, тьма застилала садъ. Она подумала, что больше огня зажигать не нужно.

Дядя Джованни такъ и засталъ ее у порога.

Она вскочила, услыша, что идутъ по дорогѣ, потому что никого не ждала.

— Чтѣ ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ дядя Джованни.

Она пожала плечами, не отвѣчая. Старикъ сѣлъ подлѣ нея на порогъ и молчалъ тоже.

— Дядя Джованни, — сказала, наконецъ, дѣвушка: — теперь у меня нѣтъ никого, я могу ходить далеко на заработки. Пойду въ Рочелла, — тамъ еще собираютъ оливки, — а какъ ворочусь, отдамъ вамъ все, чтѣ должна.

— Я къ тебѣ не за деньгами твоими пришелъ, — сердито отозвался дядя Джованни.

Она ничего не сказала; оба тихо слушали, какъ пѣлъ сигирекъ. Недда думала: „это, можетъ быть, тотъ самый!“ — и сердце у нея сжималось.

— А работа есть? — спросилъ, наконецъ, дядя Джованни.

— Нѣтъ. Найду какую-нибудь добрую душу; можетъ быть, дадутъ.

— Слышалъ я, что въ Ачи-Катена нанимаютъ женщинъ заворачивать въ бумагу апельсинны; платять по лирѣ въ день, безъ похлебки. Я тотчасъ о тебѣ подумалъ. Ты этимъ дѣломъ по веснѣ занималась, наловчилась. Пойдешь?

— Еще бы!

— Надо бы тебѣ для этого завтра, чтѣмъ свѣтъ, придти въ садъ Мерло, на поворотѣ проселка, чтѣ ведетъ въ Санта-Анну.

— Могу сегодня въ ночь пойти... Мама, видно, не хочетъ, чтобъ я отдыхала.

— Дорогу знаешь?

— Знаю. И спросить могу.

— Спроси у хозяина гостинницы на большой дорогѣ въ Вальверде, что за каштановой рощей налѣво. Такъ и спроси: Массаро Виниранну, и скажи — я прислать.

— Пойду, — отвѣчала бѣдная дѣвочка.

— Я еще подумалъ: хлѣба у тебя на недѣлю не будетъ, —

сказалъ дядя Джованни, вытащилъ изъ своего глубокаго кармана большой черный хлѣбъ и положилъ на скамейку.

Недда покраснѣла, будто сама сдѣлала доброе дѣло; потомъ, помолчавъ, сказала:

— Если бы завтра патерь отслужилъ по мамѣ обѣдню... я бы ему, какъ стануть бобы убирать, два дня отработала.

— Я ужъ заказалъ обѣдню, — отвѣчалъ дядя Джованни.

— О, мама за васъ помолится! — прошептала дѣвочка, залившись слезами.

Наконецъ, когда ушелъ дядя Джованни и вдали затихъ шумъ его тяжелыхъ шаговъ, Недда заперла дверь и зажгла свѣчку. Тутъ ей повезлось, что она во всемъ свѣтѣ одна, и стало страшно заснуть на постели, гдѣ она обыкновенно ложилась рядомъ съ мамою...

На деревнѣ дѣвушки осудили ее за то, что она пошла работать, только-что мать скоронила, и не надѣла чернаго платья. Патерь разбранилъ ее; въ слѣдующее воскресенье, онъ увидѣлъ — она сидѣла на порогѣ и перешивала себѣ фартукъ, который отдавала выкрасить въ черное. Только и было у нея траурнаго. Священникъ взялъ этотъ случай въ примѣръ для проповѣди, какъ люди забываютъ день субботній и не чтутъ праздниковъ. Чтобъ отпустился ей этотъ великій грѣхъ, бѣдная дѣвочка отработала два дня у священника въ полѣ и въ первый понедѣльникъ каждаго мѣсяца заказывала обѣдню по мамѣ. По воскресеньямъ, въ церкви, дѣвушки, всѣ нарядныя по праздничному, разсаживались на скамейкахъ и смѣялись надъ нею, а молодежь, при выходѣ, говорила всякія грубыя шутки. Она куталась въ свою изорванную накидочку, потуплялась, прибавляла шагъ, но ни одна горькая мысль не возмущала ее чистой молитвы. Она говорила себѣ, будто заслуженный упрекъ: „Я такъ бѣдна“, а взглянувъ на свои крѣпкія руки, прибавляла: „слава Тебѣ, Господи, что это даль!“ — и уходила домой веселая.

Разъ вечеромъ, — она только-что погасила свѣчку, — ей слышалось, на дорогѣ кто-то поетъ во все горло; голосъ знакомый, печальный напѣвъ, крестьянская пѣсня на „восточномъ“ нарѣчьи: „Лети къ моей милой, къ милой моей...“

— Это Іану... — сказала она про себя. Сердце у нея упало; она закуталась съ головою.

На другой день, открывъ окно, она увидѣла Іану. Онъ былъ

весь въ новомъ, въ нанеовомъ казакинѣ и старался засунуть свои черныя, загрубѣлыя, рабочія руки въ карманы. Изъ одного кармана кокетливо выглядывалъ яркій новенькій шелковый платочекъ. Іану нѣжился на прекрасномъ апрѣльскомъ солнышкѣ, прислонясь къ стѣнѣ сада.

- Это ты, Іану?—закричала она, будто и не ждала.
- Кланяемся!—отвѣчалъ юноша, смѣясь во весь ротъ.
- Зачѣмъ ты здѣсь?
- Пришелъ изъ Піаны.

Дѣвушка улыбнулась и смотрѣла на жаворонковъ, которые раннимъ утромъ еще скакали по травѣ.

- Прилетѣлъ съ жаворонками?
- Жаворонки ищутъ зерна, а я ищу хлѣба.
- Какъ-такъ?
- Хозяинъ меня расчелъ.
- За что?

— Лихорадку я тамъ схватилъ; могъ только черезъ день работать.

— Это видно... бѣдненькій Іану!

— Проклятая эта Піана!—сказалъ Іану, грозясь кулакомъ на долину.

- А мама... знаешь?—сказала Недда.
- Сказывалъ мнѣ дядя Джованни.

Она ничего не прибавила и смотрѣла на садъ и за стѣну. Съ сѣрыхъ каменьевъ поднимался паръ; капли росы сверкали на всякой травинкѣ. Миндальныя деревья тихо шептались, роняя на крышу домика свои бѣло-розовые душистые цвѣты. Воробей, задорный и вмѣстѣ встревоженный, кричалъ, что было силъ, на жолобъ, угрожая Іану, который, съ своимъ озабоченнымъ лицомъ, казалось, покушался на цѣлость гнѣзда, откуда между черепиць торчали нескромныя соломенки... Благовѣстили къ обѣднѣ.

— Весело свой волоколъ слышать,—сказалъ Іану.

— Я ночью твой голосъ узнала,—сказала Недда, краснѣя и окапывая кусочкомъ черепава землю въ своемъ горшкѣ съ цвѣтами.

Онъ повернулся къ ней и закурилъ трубку, какъ слѣдуетъ мужчинѣ.

— Прощай, иду къ обѣднѣ,—вдругъ сказала Недда, послѣ долгаго молчанія, отходя отъ она.

— На,—я, вотъ, принесъ тебѣ изъ города,—сказалъ малый, доставая свой прекрасный шелковый платочекъ.

— Ахъ, какая красота! Нѣтъ, куда это мнѣ!

— Почему? Вѣдь тебѣ достается даромъ, — возразилъ онъ, по-крестьянски, логично.

Она покраснѣла, какъ будто дорогой подарокъ далъ ей понять чувство молодого человѣка; улыбаясь, взглянула на него и ласково, и пугливо, спряталась въ домъ, и только когда послышались тяжелые шаги по дорогѣ, взглянула посмотрѣть, ушелъ ли Іану.

За обѣдней деревенскія дѣвушки насмотрѣлись на прекрасный платочекъ Недды; на немъ были напечатаны розы („такъ бы и съѣлъ ихъ!“), и солнце такъ весело свѣтило на нихъ изъ длинныхъ окошекъ церкви. Выходя, Недда прошла мимо Іану. Онъ стоялъ у перваго кипариса въ оградѣ, прислонясь къ стѣнѣ, и курилъ изъ отличной рѣзной трубки. У Недды лицо разгорѣлось, сердце билось; она пошла скоро-скоро. Молодой человѣкъ курилъ и шель слѣдомъ, глядя, какъ она шла, стройненькая, не оборачиваясь, въ новомъ бумазейномъ платицѣ, — складки такія пышныя, тяжелыя, — новые башмачки и мантилька съ иглочки... Бѣдная труженица съ тѣхъ поръ, какъ мама ушла къ Богу и больше не стоила заботъ, успѣла заработать кое-что на себя, приодѣться... Можетъ быть, самое ужасное изъ несчастій нищеты — именно, вотъ, это облегченіе послѣ потери тѣхъ, кто былъ всего дороже.

Сама не зная — со страхомъ или съ удовольствіемъ, — Недда слышала за собою шаги молодого человѣка и на бѣлой пыли дороги, залитой солнцемъ, видѣла другую тѣнь, которая время отъ времени сливалась съ ея тѣнью. Вдругъ, завидя свой домъ, она пустилась бѣжать, какъ влюбленная лань. Іану догналъ ее. Она прислонилась къ двери, и смѣясь, и краснѣя, и ударила его кулакомъ въ спину.

— Вотъ тебѣ!

Онъ отвѣчалъ тѣмъ же, съ любезностью кавалера.

— Ты что заплатилъ за него, за платокъ? — спросила Недда, снимая его съ головы, чтобъ приберечь отъ солнца, и разглядывая съ восхищеніемъ.

— Пять лиръ, — отвѣчалъ Іану, немножко гордо.

Она улыбнулась, не оборачиваясь, аккуратно сложила платочекъ по прежнимъ складкамъ и напѣвала пѣсенку... Она ужъ давно забыла, какъ поютъ.

Въ разбитомъ горшкѣ на подовонникѣ было много гвоздикъ, но все бутончики.

— Досада какая: ни одинъ не расцвѣлъ! — сказала Недда, сорвала самый крупный и подала Іану.

— На что-жь его, когда онъ не расцвѣлъ? — сказалъ тотъ, не понимая, и бросилъ цвѣтокъ.

Недда отвернулась.

— Куда же ты теперь пойдешь работать? — спросила она чрезъ нѣсколько минутъ.

Онъ пожалъ плечами.

— А ты куда завтра пойдешь?

— Въ Бонджардо.

— Работу я найду, лишь бы опять не привязалась лихорадка.

— То-то и не слѣдуетъ расцвѣвать по ночамъ подъ окошками, — сказала она, краснѣя, и покачивалась, прислонясь къ двери.

— Не хочешь, такъ не буду.

Она дала ему щелчокъ и убѣжала въ домъ

— Эй, Іану! — закричалъ съ дороги дядя Джованни.

— Иду, — отвѣтилъ Іану, и сказалъ Неддѣ: — завтра приду и я въ Бонджардо, если меня возьмутъ.

— Молодецъ! — сказалъ дядя Джованни, когда оба вышли на дорогу: — у Недды теперь никого нѣтъ, и ты малый хороший, но вмѣстѣ вамъ быть не слѣдуетъ. Понялъ?

— Понялъ, дядя Джованни, но, если Богу угодно, вотъ, какъ хлѣбъ уберутъ, накоплю деньжонокъ, и вмѣстѣ заживемъ отлично.

Недда это слышала за стѣной, и, хотя никто ея не видѣлъ, — покраснѣла.

На другой день, чѣмъ свѣтъ, только-что она отворила дверь, хотѣла уходить, передъ нею Іану, съ узелкомъ на палкѣ.

— Куда ты?

— А въ Бонджардо, искать работы.

Воробы проснулись на человѣческой голосъ и запищали въ гнѣздѣ. Іану вдѣлъ на свою палку узелокъ Недды, и оба живо отправились. На горизонтѣ небо окрашивалось первымъ пламенемъ дня; вѣтерокъ свѣжѣлъ...

Въ Бонджардо было дѣло для всякаго, кто бы ни захотѣлъ. Вино вздорожало, и богатый владѣлецъ распахивалъ множество участковъ подъ виноградники. Эти участки бобами и оливками приносили 1.200 лиръ въ годъ; виноградомъ, чрезъ пять лѣтъ, они дадутъ 12 или 13 тысячъ лиръ. На это надо затратить тысячъ десять лиръ; но продажа оливковыхъ деревьевъ на срубъ

—покроетъ половину расхода. Это была отличная спекуляція, и владѣлец охотно платилъ рабочимъ, которые распахивали—тридцать сольди мужчинъ и двадцать женщинъ, въ день, безъ похлебки. Правда, работа была трудновата, и на ней отрепывались бѣдные лохмотья, которыя народъ надѣваетъ въ трудовые дни, — но Недда не привыкла зарабатывать всякій день по двадцати сольди.

Надсмотрщикъ замѣтилъ, что Іану, собирая камни въ корзинки, всегда давалъ относить самую легкую Неддѣ, и погрозилъ прогнать его. Бѣдный малый, чтобъ совсѣмъ не лишиться хлѣба, долженъ былъ перейти съ тридцати на двадцать сольди.

Бѣда еще была въ томъ, что въ неустроенной фермѣ не было помѣщенія, и мужчины, и женщины спали повалкой въ сараѣ безъ дверей. Ночи, большею частью, были холодныя. Іану было всегда жарко; онъ отдавалъ Неддѣ покрываться своей нанковъй казавинъ. По воскресеньямъ, весь народъ расходился, каждый въ свою сторону.

Іану и Недда ушли проселкомъ, чрезъ каштановый лѣсокъ, болтая, смѣясь, распѣвая, звеня мѣдными деньгами въ карманѣ. Солнце было горячо, какъ въ іюнѣ; вдали поля ужъ начинали желтѣть, деревья смотрѣли празднично, трава зеленая, пышная, вся въ росѣ.

Въ полдень они присѣли подѣ тѣнью и ѣли свой черный хлѣбъ съ бѣлымъ лукомъ. У Іану было еще вино, славное винцо изъ Маскали, и онъ, не жалѣя, угощалъ Недду. Дѣвочка не привыкла; у нея языкъ вязало, голова тяжелѣла. Время отъ времени они взглядывали другъ на друга, и сами не знали, чему смѣялись.

— Будь мы мужъ и жена, всякій бы день вмѣстѣ хлѣбъ ѣли и вино пили, — сказалъ Іану съ полнымъ ртомъ, а Недда потупилась, потому что онъ посмотрѣлъ какъ-то особенно.

Наступила глубокая полуденная тишина; листь не шевелился, тѣни выпрямлялись; глаза съ наслажденіемъ смыкались въ повоѣ, въ теплѣ, подѣ жужжанье насѣкомыхъ. Иногда вдругъ съ моря пробѣгала въ воздухѣ свѣжая струя и верхушки каштановъ шептались.

— Славный годъ будетъ и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, — сказалъ Іану. — Богъ дастъ, послѣ жатвы, отложу деньжонокъ, и... если ты будешь меня любить...

Онъ подавалъ ей фляжку.

— Нѣтъ, я больше не хочу, — отвѣчала она, вся румяная.

— Что такъ раскраснѣлась? — спросилъ онъ, смѣясь.

— Не скажу.

— Выпила лишнее?

— Нѣтъ.

— Такъ потому, что меня любишь?

Она ударила его кулакомъ по плечу и засмѣялась.

Вдали, слышалось, ревѣлъ осель, обрадовавшись зеленой травѣ.

— Знаешь, отчего ослы ревутъ?—спросилъ Іану.

— А ты знаешь? такъ говори.

— Знаю. Значить—влюблены,—отвѣчалъ онъ грубо, смѣясь, и посмотрѣлъ на нее.

Она зажмурилась, будто передъ нею что вспыхнуло, будто все выпитое вино поднялось ей въ голову, будто весь дневной жаръ, какъ желѣзо, проникъ въ ея жилы.

— Пойдемъ отсюда!—вскричала она нетерпѣливо, встряхивая отуманенной головою.

— Что съ тобой?

— Не знаю. Пойдемъ.

— Любишь меня?

Она наклонила голову.

— Хочешь быть моей женою?

Она ясно посмотрѣла на него, сжала въ своихъ загорѣлыхъ ругахъ его грубую руку, но поднялась на колѣни, спѣша уйти. Онъ удержалъ ее за платье, взволнованный, говорилъ непонятное, не понимая, что дѣлалось.

Недалеко, на фермѣ прогѣли пѣтухи. Недда вдругъ вскочила, испуганно оглядываясь.

— Пойдемъ, пойдемъ!—вскричала она.

На углу, предъ своимъ домомъ, она остановилась на минуту, вся дрожа, будто боясь увидѣть мать на порогѣ, гдѣ ея полгода уже не было...

Пришла Пасха, полевой праздникъ, съ веселыми огнями, съ крестными ходами по зеленымъ лугамъ, подъ сводами цвѣтущихъ деревьевъ; домики всѣ въ вѣнкахъ, дѣвушки—въ новыхъ лѣтнихъ нарядахъ. Видѣли, что Недда плакала, идя отъ исповѣди. Между дѣвушками, стоявшими на колѣняхъ предъ причастиемъ,—ея не видали; съ этого дня, уже ни одна честная дѣвушка съ нею не заговаривала. За обѣдней, для нея не было мѣста на скамейкѣ, и ей приходилось всю службу стоять на колѣняхъ. Когда она плакала, за нею подозрѣвали Богъ знаетъ какіе грѣхи—и отвращались. А тѣ, что давали ей работу, пользовались этимъ, чтобы ее обчитывать.

Она ждала жениха. Тотъ ушелъ жать въ Пиану, чтобъ набрать денегъ, обзавестись домою и заплатитъ патеру.

Разъ, вечеромъ, она пряха; слышитъ—на дорогѣ остановилась телѣга, запряженная быками, и вошелъ Іану, весь блѣдный; узнать его нельзя.

— Что это ты?—спросила она.

— Боленъ. Опять въ проклятой Пиане одолѣла лихорадка. Недѣлю не работалъ; что было денегъ, за это время проѣлъ.

Она побѣжала, распоролла своей соломенной тюфякъ, хотѣла дать ему, что было, немножко денегъ, запряганныхъ въ чулѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не надо. Завтра пойду въ Маскалуча, подчищать ользковья деревья. Тамъ ничего мнѣ не надо. А послѣ подчистки обвѣнчаемся.

Онъ говорилъ это печально и стоялъ, опираясь о дверь; онъ глядѣлъ на Недду пылающими глазами.

— Да вѣдь у тебя лихорадка.

— Да. Но здѣсь она пройдетъ. И безъ того она бываетъ теперь ужъ только на третій день.

Она глядѣла, не говоря ни слова. Такой блѣдный, худой. Сердце у нея сжималось.

— Какъ ты на высокое дерево полѣзешь?—сказала она.

— Все Богъ!—отвѣчалъ Іану.—Прощай. Меня подвезъ извозчикъ изъ Пианы. Ждать ему нельзя. Скоро свидимся.

Онъ долго еще не уходилъ; наконецъ, она проводила его до большой дороги и смотрѣла ему вслѣдъ, безъ слезъ,—только, казалось ей, что онъ ушелъ навѣки, только сердце какъ-то особенно, неожиданно встрепенулось. Онъ еще окликнулъ ее, на поворотѣ...

Черезъ три дня на улицѣ поднялся шумъ и говоръ. Недда выглянула чрезъ стѣну и увидѣла среди кружка крестьянъ и кумушекъ Іану, лежащаго на носилкахъ, блѣднаго, какъ полотно, съ разбитой головою; платокъ весь былъ залитъ кровью. Дорогой, куда несли его въ домъ, Іану держалъ руку Недды и рассказывалъ, что, ослабѣвъ отъ лихорадки, упалъ съ самой верхушки дерева—и вотъ какъ себя отдѣлать.

— Видно, твое сердце предчувствовало, — договорилъ онъ, печально улыбаясь.

Она слушала, широко раскрывая глаза, такая же блѣдная, какъ онъ, все держа его за руку. На другой день онъ умеръ.

Неда почувствовала, что въ ней встрепенулось то, что этотъ мертвый оставилъ ей на память. Она побѣжала въ церковь помолиться за него Богородицѣ. На оградѣ она встрѣтила пагера. Онъ зналъ ея стыдъ. Она закрыла лицо своей мантилькой и убѣжала, отверженная.

Теперь ужъ, когда она просила работы, надъ нею въ глаза смѣялись, не потому, чтобы осуждали виноватую дѣвчонку, но потому что бѣдная мать не могла по прежнему работать. Выслушавъ первый отказъ и первыя насмѣшки, она ужъ больше не шла просить и затворилась въ своемъ домѣ, какъ раненая птица прячется въ своемъ гнѣздѣ. Нѣсколько солиди, зашитыхъ въ чулкъ, скоро ушли одно за другимъ, а тамъ и новое платье, и прекрасный шелковый платочекъ. Дядя Джованни помогалъ ей, сколько могъ, утѣшалъ, заботился, не читая угрожающей сухой морали — и не далъ ей умереть съ голоду. Родилась дѣвочка, худенькая, истощенная; Недда заплакала, что не мальчикъ, заплакала, какъ въ тотъ день, когда заперла домъ, проводивъ гробъ мамы, оставшись одна, — и ни за что не хотѣла отдать дитя въ воспитательный домъ.

— Дѣвочка моя! Пусть ужъ какъ можно дольше не знаетъ, каково на свѣтѣ мучиться!

Кумушки звали ее безстыдницей за то, что она не лицемѣрила и не была безчеловѣчна. Дѣвочкѣ недоставало молока, потому что у матери не бывало хлѣба; она чахла. Недда напрасно подносила пустую грудь къ ея голодному ротуку. Зимнимъ вечеромъ, — солнце заходило, на крышу сыпалъ снѣгъ, вѣтеръ хлопалъ разбитой дверью, — крошка, бѣдная, холодная, сжимая ручки, оставила стеклянные глаза въ пламенные глаза матери, вздрогнула и больше не шевельнулась.

Неда встряхнула ее, дико, порывисто прижала къ груди, грѣла своимъ дыханіемъ, грѣла поцѣлуями, убѣдилась, что она умерла, и тихо положила ее на постель, гдѣ уснула мама. Затѣмъ сама стала на колѣни, безъ слезъ, только страшно раскрывая глаза.

— О, счастливицы вы, что умерли!.. Слава тебѣ, Пресвятая Мадонна, что взяла мою дѣвочку... не будетъ она такъ, какъ я, мучиться!

В. Крестовскій
Псевдонимъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ АББАТА МАБЛИ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Одна изъ самыхъ интересныхъ историческихъ проблемъ заключается въ вопросѣ: почему Франція, быстро миновавъ конституціонную монархію, отъ абсолютизма перешла въ республикѣ? Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что видную роль въ этомъ дѣлѣ играли политическія теоріи XVIII-го вѣка; однако, до сихъ поръ, вліяніе этихъ теорій недостаточно изслѣдовано и не вполне правильно оцѣнено. Справедливость этого замѣчанія легко подтвердить, между прочимъ, указаніемъ на судьбу политическихъ сочиненій аббата Мабли. Несмотря на свою громкую репутацію, какъ политика и законодателя въ XVIII-мъ вѣкѣ, Мабли совершенно забытъ политической литературой нашего времени. Историки знаютъ его, благодаря тому, что знаменитый Огюстенъ Тьерри отвелъ ему мѣсто въ своемъ блестящемъ очеркѣ французской историографіи; но ни они, ни публицисты, не считаютъ нужнымъ страхивать густой слой пыли, которымъ покрыты въ бібліотекахъ его объемистыя сочиненія. А между тѣмъ, когда заходитъ рѣчь о политическихъ теоріяхъ XVIII-го вѣка, аббату Мабли принадлежитъ мѣсто наряду съ Монтескье и Руссо. Составляя его съ этими общеизвѣстными писателями, мы не думаемъ утверждать, чтобы его можно было сравнивать съ ними по оригинальности или глубинѣ мысли, по силѣ литературнаго таланта или хотя бы даже по количеству читателей и непосредственному вліянію въ XVIII-мъ вѣкѣ; мы хотимъ только указать

на значеніе его сочиненій для изученія политическихъ понятій и убѣжденій той среды, которая подготовила французскую революцію. Мы скажемъ прямо, что именно Мабли формулировалъ въ своихъ сочиненіяхъ тотъ средній политическій тонъ, который былъ осуществленъ революціей 1789 года и въ общихъ чертахъ донныѣ сохранился въ учрежденіяхъ Франціи. Монтескьё былъ во французскомъ обществѣ провозвѣстникомъ принципа политической свободы и вполнѣ вѣрно держался убѣжденія, что этотъ принципъ лучше всего осуществляется и примѣняется конституціонной монархіей. Имѣя въ виду ~~свободу~~, Монтескьё не заботился о равенствѣ, и совершенно послѣдовательно признавалъ аристократію необходимымъ условіемъ конституціонной монархіи. Что же касается до Руссо, то онъ былъ страстнымъ проповѣдникомъ равенства, и потому идеализировалъ ту политическую форму, которая допускаетъ крайнее проявленіе равенства въ ущербъ свободѣ и другимъ высшимъ интересамъ чловѣчества, — демократическую республику съ непосредственно властвующимъ и законодательствующимъ народомъ; страсть Руссо къ равенству шла такъ далеко, что заставила его отрицать идею представительства и видѣть во всякомъ представительствѣ народа политическое порабощеніе его. Мабли уклонился отъ Монтескьё своимъ увлеченіемъ идеей равенства, а съ Руссо — существенно расходился въ томъ, что относился съ крайнимъ недоувѣріемъ къ непосредственной демократіи, въ античномъ смыслѣ этого слова, — къ законодательству толпы, и ~~считалъ собраніе~~ народныхъ представителей необходимымъ органомъ правильного и цѣлесообразнаго ~~законодательства~~. Во время французской революціи идеи, которыя проводилъ Мабли, взяли верхъ надъ доктриной Монтескьё и Руссо: законодатели Франціи хотѣли осуществить свободу наравнѣ ~~съ равенствомъ~~; но, увлекаясь равенствомъ, они отступили отъ программы Монтескьё, отвергли аристократическій принципъ, и потому были не въ силахъ основать ~~конституціонную монархію~~; съ другой же стороны, Франція, несмотря на авторитетъ Руссо и вообще поклоненіе ему, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, совершенно отступила отъ его доктрины непосредственнаго народовластія и законодательства толпы. Мы этимъ не хотимъ сказать, что національное собраніе руководилось именно ученіемъ Мабли и его осуществляло, — мы указываемъ на фактъ, чтобы выяснитъ интересъ и значеніе политическихъ теорій писателя, составляющаго предметъ нашего изслѣдованія.

Недостаточное знакомство съ публицистикой XVIII-го вѣка должно было, конечно, породить и невѣрную оцѣнку тѣхъ поли-

тическихъ теорій, которыя были распространены въ то время во французскомъ обществѣ. Это особенно относится къ либеральной или конституціонной теоріи. Современемъ никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что самый характеръ французскаго либерализма и вытекавшія отсюда ошибочныя представленія о жизненныхъ условіяхъ и необходимыхъ гарантіяхъ конституціонныхъ учрежденій—были одной изъ существенныхъ причинъ того, что во Франціи не удержалась конституціонная монархія. Утверждать это, конечно, еще не значитъ отрицать или ослаблять значеніе другихъ причинъ, содѣйствовавшихъ такому результату. Не одни заблужденія и предразсудки французскаго либерализма способствовали паденію монархіи и торжеству радикализма; все это обуславливалось также историческою ролью самой монархіи во Франціи, личностью послѣднихъ ея королей и ихъ совѣтниковъ, наконецъ, трагическимъ положеніемъ монархіи Бурбоновъ: она была тѣсно связана въ борьбѣ за свое существованіе съ исходомъ другой борьбы, которую королевская власть не была въ состояніи ни устранить, ни разрѣшить, ни направить въ своемъ интересѣ: мы разумѣемъ борьбу противъ ультрамонтанства. Кромѣ этихъ независимыхъ отъ конституціонной теоріи обстоятельствъ, нужно принять въ расчетъ и то, что и самый характеръ французскаго либерализма объясняется его происхожденіемъ и историческими условіями, его воспитавшими; но, какъ бы то ни было, французскій либерализмъ носилъ въ самомъ себѣ зародыши недуга, обрекавшаго его на безсиліе. Его несостоятельность обуславливалась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ конституціонномъ идеалѣ французовъ рано стали появляться черты, несомѣстимыя съ существованіемъ монархіи, и что оппозиція, во имя либеральнаго порядка, рано начала принимать республиканское направленіе.

Эта особенность французскаго либерализма чрезвычайно ярко выступаетъ въ сочиненіяхъ аббата Мабли. Его конституціонная программа рѣзко отличается отъ идеала Монтескье именно республиканскимъ оттѣнкомъ; но сравненіе политическихъ теорій этихъ двухъ писателей показываетъ, до какой степени уже конституціонный идеалъ самого Монтескье заключалъ въ себѣ зародыши республиканскаго переворота. А съ другой стороны, знакомство съ сочиненіями Мабли можетъ послужить въ объясненію того, какъ быстро на почвѣ французскаго либерализма стали развиваться эти зародыши и въ какой мѣрѣ французское общество, подъ видомъ конституціонныхъ принциповъ, стало усваивать себѣ республиканскія тенденціи.

Изъ высказанныхъ до сихъ поръ замѣчаній о политическихъ

сочиненіяхъ Мабли слѣдуетъ, что они имѣютъ въ настоящее время двойкій интересъ — во-первыхъ, потому, что имъ принадлежитъ видная роль въ исторіи конституціонныхъ идей во Франціи; во-вторыхъ, въ виду торжества демократическихъ принциповъ во Франціи, особенное значеніе приобретаетъ вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ Мабли на демократію и какое мѣсто онъ отводилъ ей въ политической жизни. Такимъ образомъ, и наша задача будетъ разпадаться на двѣ части: въ первой намъ, по поводу Мабли, придется коснуться конституціонной теории Монтескьё; во второй части мы должны будемъ выяснитъ существенное различіе между непосредственной демократіей Руссо и той демократической доктриной, которую проводилъ Мабли и которая, въ главныхъ своихъ чертахъ, осуществилась во Франціи.

Какъ это, повидимому, ни странно, — социальному утописту, поклоннику абсолютнаго равенства и общенія имуществъ, принадлежитъ видная роль въ распространеніи конституціонныхъ понятій, въ агитаціи путемъ печати въ пользу либеральныхъ, политическихъ реформъ во Франціи. Монтескьё, правда, уже положилъ основаніе французскому либерализму своимъ сочувственнымъ анализомъ англійскихъ политическихъ учреждений и приучилъ поклонниковъ свободы смотрѣть на Англію какъ на идеалъ конституціонной монархіи. Но читателямъ Монтескьё извѣстно, какъ тщательно этотъ писатель отклонялъ отъ себя подозрѣніе, будто онъ считаетъ желательнымъ примѣненіе англійскихъ учреждений къ другимъ монархіямъ, или недоволенъ долей свободы, которой надѣлено его отечество. Свое восхваленіе англійской свободѣ онъ заключаетъ увѣреніемъ, что „не имѣлъ при этомъ намѣренія унижить другія правительства или утверждать, что крайняя политическая свобода, какая существуетъ въ Англии, должна озлоблять тѣхъ (*mortifier*), кто пользуется только умѣренной свободой“. „Какъ могъ бы я это утверждать, — восклицаетъ онъ, — когда я полагаю, что даже излишество разума не всегда желательно, и что люди почти всегда лучше уживаются съ умѣренными порядками, чѣмъ съ крайностями“¹⁾.

¹⁾ Монтескьё, даже, говорилъ, имѣя въ виду свое отечество, что „есть монархіи, которыя болѣе заботятся о славѣ государства и государя, чѣмъ о свободѣ; но что эта слава порождаетъ своего рода духъ свободы (*un esprit de liberté*), который въ этихъ государствахъ способенъ доставитъ столько же величія, а можетъ быть, столько же содѣйствовать счастью, какъ и самая свобода“. „Духъ Зап.“, кн. XI, гл. 7). Этой мыслью воспользовалась Екатерина Великая, въ своемъ Наказѣ: „Самодержав-

Точно также и Руссо, несмотря на крайній радикализмъ своихъ общихъ теорій о происхожденіи общества и о государствѣ никогда не позволялъ себѣ никакихъ намековъ на примѣнене, ихъ къ современной ему Франціи. Рѣзкость теоретическихъ убѣжденій, напротивъ, сопровождалась у него замѣчательной мнительностью и крайнимъ пессимизмомъ относительно возможности политическихъ реформъ. Авторъ „Общественнаго договора“ выступилъ даже защитникомъ историческаго порядка противъ умѣренныхъ требованій Бернадэна де Сенъ-Пьера и совѣтовалъ относиться съ уваженіемъ къ результатамъ тринадцати-лѣтней исторіи.

Совсѣмъ другое мы видимъ у Мабли: ему ни отвлеченныя теоріи, ни порожденныя фантазіей утопіи, не мѣшаютъ думать о современной дѣйствительности, и почти всѣ его сочиненія написаны съ явною цѣлью критиковать существовавшій тогда порядокъ и взывать къ кореннымъ измѣненіямъ. Съ такою цѣлью и приступилъ Мабли къ разработкѣ французской исторіи. Никогда, можетъ быть, ученый трудъ и изслѣдованія археологическаго свойства не служили такъ наивно и беззащитно политической пропагандѣ, какъ въ его „Наблюденіяхъ надъ исторіей Франціи“. Прямой задачей этого сочиненія было доказать, что демократія, т.-е. политическое владычество массы, была исконной и законной формой правленія во Франціи, что всѣ дальнѣйшія измѣненія въ политическомъ устройствѣ ея были только слѣдствіемъ узурпаціи со стороны аристократіи и княжеской власти. Эта исторія Франціи вышла въ 1765 году; Мабли довелъ ее, на первый разъ, до XIV-го вѣка—эпохи образованія генеральныхъ-штатовъ и установленія того политическаго порядка, возвращеніе къ которому, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, авторъ считалъ желательнымъ для Франціи. Для того, чтобы политическій урокъ, извлекаемый изслѣдователемъ изъ исторіи своего отечества былъ еще яснѣе, Мабли прямо формулировалъ его и вложилъ его въ уста самому величественному и популярному изъ древнихъ властителей Франціи. Прославляя Карла Великаго, какъ завоевателя и администратора, какъ законодателя и цивилизатора, Мабли облекъ его, кромѣ того, легендарнымъ блескомъ либеральнаго государя,

нихъ правленій намѣреніе и конецъ (по-французски: le but d'un gouvernement monarchique) есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходятъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ прозвести столько же великихъ дѣлъ и столько способствовать благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность“ (П. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. XVIII. № 12,949. § 15—16).

постигшаго правду и пользу конституціонной теоріи и потому добровольно отрекшагося отъ власти. Въ интересахъ своей теоріи, Мабли, съ большою смѣлостью, возможной при полномъ отсутствіи всякой критики въ тогдашней исторической наукѣ, ссылается на авторитетъ самого императора и приписываетъ его „великому и мощному генію“ убѣжденіе, что, „пока законодательная власть будетъ находиться въ рукахъ одного человѣка, законодательство не можетъ не быть исполнено недостатковъ“ (viciopse). Карлъ Великій разсуждаетъ у Мабли, что правитель никогда не можетъ положиться на донесенія довѣренныхъ лицъ; никогда не можетъ быть увѣренъ, что они его не обманываютъ; что они въ своихъ совѣтахъ руководятся не предрасудками и личными интересами; „что такъ какъ у гражданъ всѣхъ разрядовъ свои страсти и потребности, свои предрасположенія и разнорѣчивые интересы, то они только въ общемъ народномъ собраніи въ состояніи правильно разобрать свои права, преимущества и взаимныя притязанія, сблизиться между собой и примириться ради общаго блага“. „Только одна нація,—восклицаетъ, будто бы, императоръ,—можетъ знать, что ей полезно“¹⁾.

Мабли, однако, не довольствовался такою косвенной пропагандой, въ которой писатель можетъ укрываться за старинные факты или за авторитетъ историческихъ лицъ: Мабли былъ первымъ изъ политическихъ писателей своего времени, который открыто заявилъ, что абсолютизмъ во Франціи долженъ уступить мѣсто конституціи, и который, еще при Людовикѣ XV, настаивалъ на созваніи генеральныхъ-штатовъ. Для доказательства этого мы не станемъ ссылаться на его сочиненіе: „Права и обязанности гражданина“, такъ какъ оно хотя и было написано еще въ 1759 году, но вышло въ свѣтъ только тридцать лѣтъ спустя, наканунѣ самой революціи. Зато весьма знаменательно въ этомъ отношеніи руководство къ изученію исторіи, которое было написано тѣмъ же аббатомъ Мабли для бурбонскаго принца Фердинанда, инфанта пармскаго, и напечатано въ общемъ собраніи учебниковъ, составленныхъ Кондильякомъ для своего воспитанника²⁾. Всѣ разсужденія,

¹⁾ Мы не станемъ здѣсь подробнѣе касаться политическаго направленія историческихъ сочиненій Мабли, такъ какъ объ этомъ шла уже рѣчь въ нашемъ изслѣдованіи о наказахъ 1789 года. См. „Понятіе о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года“. Москва, 1884 г.

²⁾ Это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ разсужденіе Мабли, самое интересное для читателя его времени, было, вѣроятно, написано около 1767 года. Такъ можно думать потому, что Мабли въ немъ ссылается на свое сочиненіе: „Бесѣды Фокіона“, появившееся въ 1768 году, съ другой же стороны,—говорить въ немъ о предстоящей въ скоромъ времени самостоятельности своего воспитанника—un jour viendra

• которыя заключаетъ въ себѣ этотъ очеркъ исторіи древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ, сводятся въ одному заключенію, что просвѣщенный правитель, въ интересахъ своей славы и для блага своего народа, ограничиваетъ свою власть. Въ этомъ поученіи для будущаго герцога пармскаго, предназначавшемся, конечно, не для этого только члена бурбонскаго дома, открыто заявляется, что тѣ правители, которые довольствовались частными реформами, оказывали своей странѣ только преходящую и очень кратковременную пользу. Политическій менторъ прямо говорить своему ученику: „правдивость можетъ дать вамъ, ваше высочество, одинъ только совѣтъ: соберите сословія вашего государства и примите, чтобы сдѣлать ихъ полезными, такія же мѣры, какія принимались другими государями, чтобы унижить, уронить въ общественномъ мнѣніи и погубить тѣ величественныя собранія, которыя извѣстны подъ названіемъ сеймовъ или генеральныхъ-штатовъ“.

Обозрѣвая судьбу народовъ древняго и новаго міра, Мабли останавливаетъ вниманіе своего ученика на постоянныхъ, многочисленныхъ бѣдствіяхъ, которыя происходили оттого, что правители и исполнители законовъ, сановники и магистраты, злоупотребляли своимъ положеніемъ и своею властью къ ущербу, а иногда къ полной гибели народа. Противъ этого роковаго зла существуетъ только одно коренное лекарство, и Мабли обращается къ

et il n'est pas loin, monseigneur, qu'abandonné à vous même etc. Инфантъ Фердинандъ (род. въ 1751 г.) сдѣлался, по смерти своего отца, донъ-Филиппа, герцогомъ пармскимъ въ 1765 году, но до 1768 г. находился подъ опекой. Мабли замѣчаетъ также, что со времени учрежденія постоянного сейма въ Регенсбургѣ прошелъ вѣкъ,—il y a actuellement un siècle (стр. 163),—а начало сейма относится къ 1667 г. Такимъ образомъ, это разсужденіе Мабли было написано еще въ царствованіе Людовика XV. Напечатано оно также еще при этомъ королѣ, и его судьба представляетъ любопытный эпизодъ въ исторіи книжнаго дѣла. Гриммъ пишетъ, —1 янв. 1774 г.,—что Кондильякъ, по окончаніи воспитанія принца пармскаго, получилъ разрѣшеніе напечатать различныя сочиненія, составленныя имъ для этой цѣли: „уже шесть толстыхъ томовъ были напечатаны, какъ вдругъ все изданіе исчезло; Кондильяку, ничего не подозревавшему о причинѣ и поводѣ конфискаціи, не оставили ни рукописи, ни одного полного экземпляра его изданія, и ему не удалось узнать, по распоряженію кого изданіе было арестовано“ („Sorgear. Lit“. Втор. серія. Т. 3). Гримму случайно попались въ руки три тома этого изданія, въ числѣ которыхъ было и разсужденіе Мабли. По смерти Людовика XV, въ Пармѣ снова было приступлено къ печатанію „Курса“ Кондильяка; но изданіе опять было задержано по требованію испанскаго правительства (король испанскій былъ дядя инфанта Фердинанда). Хотя запрещеніе не было снято до 1782 г., однако тайныя изданія многотомнаго собранія, помѣченныя Цвейбрюкеномъ и Женевою, 1780, стали свободно ходить въ публикѣ. Въ 1778 г. появился нѣмецкій переводъ учебниковъ Кондильяка, предпринятый Забюсницомъ, а въ томъ же году вышло и разсужденіе Мабли отдѣльнымъ изданіемъ.

своему царственному воспитаннику съ увѣщаніемъ рѣшиться на него: „Отдѣлите законодательную власть отъ исполнительной, и тогда эти власти не будутъ вредить и ставить другъ другу препятствія, а, напротивъ, станутъ оказывать другъ другу взаимную помощь. Если вы хотите быть великимъ человѣкомъ, то забудьте, что вы—правитель“¹⁾.

Нельзя было яснѣе формулировать теорію о „королѣ-гражданинѣ“, которая, нѣсколько лѣтъ спустя, восторжествовала во Франціи. Мавли, притомъ, можно сказать, предугадалъ и вполнѣ усвоилъ себѣ самый тонъ тѣхъ чувствительныхъ рѣчей, которыя произносились въ то время, когда національное и законодательное собранія постепенно развѣчивали правнука Людовика XIV. „Вы ничего не потеряете, ваше высочество, если будете держаться въ предѣлахъ ограниченной власти. Отовсюду вамъ будутъ нести на-встрѣчу заявленія почета и уваженія. Любовь вашихъ подданныхъ предоставитъ вамъ большій авторитетъ, чѣмъ былъ тотъ, которымъ вы пожертвуете. Вы упрочите благоденствіе вашихъ преемниковъ. Великая слава будетъ вашей наградой. Всѣ сосѣдніе народы будутъ завидовать счастью ваши подданныхъ“, и т. д. и т. д.

Все это очень знаменательно для характеристики зарождающагося тогда во Франціи либерализма. Желаніе вернуться къ политическимъ порядкамъ, нѣкогда существовавшимъ во Франціи, видѣть ~~восстановленіе влганія и власти генеральныхъ штатовъ~~ было совершенно естественно въ эпоху Людовика XV; но замѣчательно то, что историкъ Франціи по этому поводу ничего не имѣлъ сказать своимъ соотечественникамъ, кромѣ фразъ самаго банальнаго оптимизма; что онъ изъ трехъ-вѣковой исторіи генеральныхъ штатовъ не извлекъ болѣе существенныхъ и практическихъ выводовъ относительно ихъ цѣли и условій успѣшной дѣятельности ихъ.

Въ историческомъ поученіи у Мавли выступаетъ еще и другой недостатокъ политическихъ писателей, а потомъ и дѣятелей конца прошлаго вѣка—чисто отвлеченное понятіе о представительныхъ собраніяхъ, какъ объ универсальной панацее, безъ отношенія къ времени и условіямъ дѣятельности. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ сужденіе Мавли объ исторической роли Петра Великаго.

Впечатлѣніе, которое великій преобразователь Россіи произвелъ на своихъ современниковъ, очевидно, было глубоко, а знакомство съ дѣйствительными проявленіями его дѣятельности такъ

¹⁾ L'Etude de l'Histoire, p. 317.

поверхностно, что рѣдкій изъ писателей XVIII вѣка не взывалъ въ его памяти для подтвержденія своей любимой теоріи. Такъ, для Гельвеція примѣръ Петра Великаго служилъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что благоденствіе и самая нравственность народовъ зависятъ исключительно отъ формы правленія и отъ законодательства.

Объясняя, почему этика, несмотря на свое великое значеніе для человѣчества, имѣла такъ мало благотворнаго вліянія, Гельвецій говоритъ, что, „подобно ваятелю, который изъ одного бревна можетъ сдѣлать изображение божества или простую скамейку, законодатель, по своему произволу, вызываетъ на свѣтъ героевъ, геніевъ и добродѣтельныхъ людей“, и въ подтвержденіе этихъ словъ Гельвецій указываетъ на „москвитовъ, которыхъ Петръ Великій преобразилъ въ людей“ ¹⁾.

Съ противоположной точки зрѣнія смотрѣлъ на дѣятельность Петра Великаго—Руссо, какъ мы уже имѣли случай упомянуть. Раздѣляя нерасположеніе Руссо къ современной цивилизаціи, съ ея роскошью и неравенствомъ, Мабли, подобно ему, упрекаетъ преобразователя Россіи въ томъ, что онъ заимствовалъ у западной Европы не то, что бы слѣдовало. Но главный укоръ, который Мабли дѣлаетъ, съ своей точки зрѣнія, первому русскому императору, заключается въ томъ, что онъ не установилъ въ Россіи правильнаго раздѣленія властей. Представивши до-Петровскую Россію въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, въ видѣ „почти-что пустыни, населенной людьми, едва заслуживавшими это названіе“,—Мабли рассказываетъ, какое вліяніе имѣлъ на молодого государя, замѣчательно умнаго и твердаго, женевецъ Лефортъ, человѣкъ неглупый, но полный предрасудковъ и привыкшій относиться къ европейскимъ учрежденіямъ съ суетвѣрнымъ подобострастіемъ. Этотъ Лефортъ и далъ энергіи Петра совершенно ложное направленіе. „Думая только о подражаніи другимъ государямъ, Петръ исправляетъ и улучшаетъ существующія у нихъ учрежденія, превосходитъ ихъ всѣхъ и представляетъ имъ въ своемъ лицѣ образецъ, которому, однако, способны слѣдовать только монархи, столь же великіе духомъ и силой воли, какъ онъ самъ“.

Въ виду такого, по мнѣнію Мабли, заблужденія, въ какое впалъ Петръ, авторъ сѣтуетъ о томъ, что, наряду съ совѣтникомъ изъ Женевы, не было въ Россіи другого Лефорта, который могъ бы научить царя, что существуетъ на свѣтѣ политика болѣе возвышенная той, которая произвела чудеса Петербурга, и объяснить

¹⁾ De l'Esprit. Disc. II, chap. 22.

ему, что, „думая совершить великія дѣла, онъ совершалъ только рядъ ошибокъ“.

Этому „другому Лефарту“ Мабли влагаеть въ уста слѣдующее патетическое обращеніе къ Петру:

„Государь, вы приобрѣли безсмертную славу; вы уподобились тѣмъ сынамъ боговъ, которые нѣкогда собрали въ общество людей, блуждавшихъ по лѣсамъ, и построили имъ города. Вы уподобились тому Прометею, который похитилъ съ неба огонь, чтобы одухотворить имъ грубую глину. Но это волшебное величіе, которое вы создали, можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ вами, и потомство найдетъ, можетъ быть, въ самыхъ принципахъ вашего управленія причины его паденія и гибели.“

„Можетъ быть, вы оказали слишкомъ большую честь Европѣ, взявши ее за образецъ; конечно, развивать въ своей странѣ богатства и дѣлать завоеванія можетъ дать извѣстное удовлетвореніе, но, въ силу каковаго же чуда, корысть и честолюбіе, погубившія столько государствъ, способны составить благоденствіе Россіи? Можетъ быть, та политика, которой вы подражаете, есть лишь одно сумасбродство въ глазахъ разумныхъ людей?“

„Можно ли сказать про васъ, что вы начали вашу реформу именно съ того, что всего болѣе нуждалось въ реформѣ? Вы образовали матросовъ, строителей, солдатъ, торговцевъ, артистовъ, но вы не научили ихъ быть прежде всего гражданами!“

По мнѣнію Мабли, Петръ Великій не сумѣлъ извлечь настоящихъ уроковъ изъ тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ. Міръ ожидалъ отъ него не свѣденій плотника, а познаній законодателя. Не умѣнье строить корабли онъ долженъ былъ усвоить себѣ въ Голландіи, а разумѣніе причинъ, которыя ослабили значеніе Голландіи; въ Англии ему слѣдовало бы не изучать средства, съ помощью которыхъ она расширила и довела до процвѣтанія свою торговлю, а убѣдиться, что богатства, доставленныя ей торговлей, уже пошатнули ея учрежденія и, можетъ быть, подорвать, вмѣстѣ съ свободой, и самую торговлю. Щегольство, тонкій вкусъ и легкій нравъ, которые императору хотѣлось перенести изъ Франціи въ Россію, — говоритъ Мабли, — можетъ быть, окажутся только пріятными пороками, несогласными съ истинной политикой.

Мабли отдаеть справедливость искусству, съ которымъ Петръ Великій организовалъ у себя войско и флотъ; онъ преклоняется передъ величественной отвагою, которую Петръ сохранялъ среди пораженій, смѣнившихъ блестятельными успѣхами; но, — спрашиваетъ онъ, — „что можетъ выиграть Россія отъ этого често-

любія, раздражающаго ея сосѣдей и внушающаго подозрѣніе къ ней во всей Европѣ? Къ чему Россіи эти завоеванія, пока у нея еще столько пустынныхъ областей, нуждающихся въ заселеніи? Какое ей дѣло до того, что происходитъ у ея сосѣдей, если у нея дома такъ много еще дѣла?“

За этими укорами, которые, вѣроятно, были внушены Мабли современной ему политикой Екатерины II, относительно Польши и Турціи, слѣдуютъ другіе, касающіеся внутренней дѣятельности преобразователя. Мабли находить, что надо было начать реформу съ того, чтобы внушить подданнымъ любовь къ законамъ, къ порядку и общественному благу. „Что дѣлали вы, — вопрошаетъ Мабли Петра Великаго, — для того, чтобы уменьшить удручающій страхъ, который сопровождаетъ вашу власть и можетъ дѣлать изъ подданныхъ только наемниковъ или рабовъ? Вы всегда только приказывали, и даже въ мелочахъ вы никогда не старались добровольно привлекать людей къ исполненію долга“.

Такъ Мабли постепенно подходитъ къ заключенію, что вся дѣятельность Петра ~~останется напрасной, если его подданные и впредь будутъ нуждаться~~ именно въ такихъ царяхъ, которые бы непременно на него походили, и что поэтому законодатель долженъ такимъ образомъ обставить управленіе, чтобы государство могло обойтись безъ выходящихъ изъ ряда людей, и не страшиться ни отсутствія гениальности, ни даже пороковъ своихъ руководителей. „Развѣ вы не опасаетесь, — говоритъ Мабли, обращаясь къ Петру Великому, въ качествѣ „другого Лефорта“, — что могущество Россіи погибнетъ вмѣстѣ съ вами, такъ какъ вы — душа вашего государства и слишкомъ необходимы для него? Вы учредили сенатъ, который не имѣетъ никакого авторитета, и поэтому не можетъ оказать вашимъ преемникамъ никакой помощи. Развѣ же вы не видѣли въ различныхъ государствахъ сеймовъ или національныхъ собраній? Вмѣсто того, чтобы перенести эти учрежденія въ вашу страну и посвятить тамъ сѣмена свободы, благороднаго уваженія къ общественному благу и патриотизма, вы ограничились тѣмъ, что призвали чужеземцевъ, повинувшихъ отечество, чтобы привязаться къ вамъ; съ ними-то, а не съ вашими подданными, вы думаете совершить великія дѣла! Если вы хотите воздвигнуть вѣчный памятникъ вашему имени, съ успѣхомъ преобразовать Россію, упрочить въ ней законъ и дѣйствительно пересоздать народъ, то вы должны начать съ преобразованія вашей власти“.

Такова была завѣтная мысль, которую французскій теоретикъ думалъ поддерѣпить исторіей одного изъ величайшихъ государей.

Однако, въ вѣкъ просвѣтительнаго деспотизма, идея великаго законодателя, который, въ силу своего личнаго авторитета, пересоздаетъ государство и народъ, была такъ естественна и популярна, что мы встрѣчаемъ ее у самыхъ рѣшительныхъ противниковъ абсолютизма, и потребность политической свободы нерѣдко сталкивается у такихъ публицистовъ съ ихъ сочувствіемъ къ коренному преобразованію, произведенному путемъ высшей власти.

Въ такое противорѣчіе съ самимъ собой впадаетъ и Мабли: а именно, вслѣдъ за осужденіемъ Петра Великаго за то, что онъ не отрезалъ отъ власти, Мабли отдаетъ монархіямъ предпочтеніе передъ свободнымъ государствомъ—за болшую ихъ способность къ существеннымъ реформамъ.

„Если, — говоритъ онъ, — народы свободные такъ трудно исправляются, если они такъ рѣдко усовершенствуютъ свои законы, то исторія монархій, не впадшихъ въ тотъ крайній деспотизмъ, который заглушаетъ всякое сознаніе добродѣтели, отечества и общественнаго блага, представляетъ, наоборотъ, нѣсколько примѣровъ удачныхъ преобразованій. Это происходитъ оттого, что подданные еще сохранили въ нихъ извѣстную душевную теплоту и восприимчивость къ личному вліянію своего государя (*leur maître*). Монархъ, который умѣетъ пользоваться этимъ преимуществомъ, можетъ, если захочетъ, создать изъ нихъ новый народъ“.

Разсмотримъ теперь, какаго же рода опредѣленіе власти заключалъ въ себѣ политическій идеалъ Мабли. — Исходнымъ пунктомъ либерализма и конституціонныхъ теорій XVIII-го вѣка во Франціи служила извѣстная теорія о раздѣленіи власти, съ тѣхъ поръ, какъ Монтескьё, заимствовавъ ее у Лока, перенесъ ее на французскую почву. Однако эта теорія раздѣленія власти встрѣтила сильный отпоръ не только у приверженцевъ стараго порядка, но и со стороны поклонниковъ демократическаго радикализма; ее, на примѣръ, рѣзко отвергъ, въ „Общественномъ договорѣ“, Руссо во имя абсолютнаго, или деспотическаго, народовластия. По его теоріи, какъ извѣстно, верховная власть должна непосредственно принадлежать народной массѣ, или суммѣ избирателей; эта власть должна состоять въ исключительномъ правѣ законодательствовать; она должна быть нераздѣльна, неотчуждаема, непогрѣшима; должна простирается безусловно на имущество, на жизнь и на религиозную совѣсть гражданъ. Правительство, по этой теоріи, каково бы ни былъ его составъ—монархическій, аристократическій

или демократическій, — не что иное, какъ слѣпой исполнитель воли, высказанной народомъ, — это агентъ, который можетъ быть во всякое время смѣщенъ и замѣненъ по произволу большинства избирателей, представляющаго общую волю.

Мабли не присоединился къ такому отвлеченному радикализму. Пять лѣтъ по напечатаніи „Общественнаго договора“, въ которомъ теоретики раздѣленія власти были уподоблены японскимъ фовусникамъ, Мабли выступилъ горячимъ защитникомъ этой самой теории въ своемъ опроверженіи упомянутой нами книги фізіократа Мерсье де-ла Ривьера: „О нормальномъ устройствѣ человеческого общества“. Какъ и другіе фізіократы, Мерсье де-ла Ривьеръ былъ приверженецъ „просвѣтительнаго абсолютизма“. Фізіократамъ была нужна сильная власть, способная устранить препятствія, мѣшавшія въ феодальной Франціи процвѣтанію земледѣлія и осуществленію столь необходимыхъ для нея податныхъ реформъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, фізіократы мечтали о власти, которая была бы въ состояніи усвоить себѣ выводы ихъ экономической науки и руководиться ими. По ихъ мнѣнію, эти условія соединяла въ себѣ та форма правленія, которую они называли *le despotisme légal*, т.-е. наслѣдственная полновластная монархія. Экономическая наука, — говорили они, — имѣетъ цѣлью раскрытіе истинныхъ интересовъ народа, а неограниченный монархъ необходимо будетъ слѣдовать указаніямъ этой науки, такъ какъ этого требуетъ его собственная выгода. „Интересы государя, — говорилъ Мерсье де-ла Ривьеръ, — царствующаго по наслѣдственному праву, по самому рожденію своему облеченнаго верховною властью (*propriétaire né de la souveraineté*), тождественны съ интересами народа“. Поэтому немислимо, чтобы такой монархъ могъ сознательно (*en connaissance de cause*) поступать во вредъ народу. Абсолютный монархъ, интересы котораго неразрывно связаны съ интересами народа, во главѣ котораго онъ стоитъ, конечно, будетъ стараться доставить ему всѣ преимущества, которыхъ можно ожидать отъ этого образа правленія. Высшее благоденствіе самого государя (*le meilleur état possible du souverain*) можетъ быть основано только на самомъ высокомъ преуспѣяніи націи. Вотъ признакъ, по которому можно распознать священныя черты естественнаго порядка (*de l'ordre naturel*), который носитъ на себѣ эта правительственная форма; ибо сущность этого порядка состоитъ въ томъ, чтобы удерживать всѣхъ членовъ общества въ такой взаимной зависимости, чтобы никто изъ нихъ не могъ дѣйствовать въ собственномъ интересѣ, не содѣйствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, общему интересу. Противъ возраженія, что, однако, какъ

то доказываетъ опытъ исторіи, деспотическіе государи нерѣдко поступали во вредъ интересамъ народа,—экономисты утверждали, что это было возможно только вслѣдствіе варварства и отсутствія просвѣщенія въ прежнія времена; подобное нарушеніе порядка могло происходить только „среди невѣжественныхъ народовъ, еще не достигнувшихъ до общаго и яснаго пониманія естественнаго порядка обществъ“; но съ тѣхъ поръ, какъ сущность этого порядка стала вполнѣ извѣстна, самая очевидность (*évidence*) опредѣляющихъ его положеній не допустить, чтобы относительно его могли возникнуть какія-нибудь недоразумѣнія.

Экономисты придавали большое значеніе „очевидности“ своихъ научныхъ выводовъ и на ней основывали невозможность ошибокъ со стороны правительства. Они не допускали мысли, чтобы правитель могъ быть незнакомъ съ „очевидными“ истинами фізіократіи, чтобы онъ могъ призвать совѣтниковъ несвѣдущихъ или же несогласныхъ между собой, относительно требованій этой науки. Спокойные на этотъ счетъ, фізіократы заботились только о „силѣ“ власти; съ этой точки зрѣнія, они рѣшительно возставали противъ раздѣленія ея и глумились надъ тѣми, что они называли „хищнической системой контрфорсовъ“, т. е. надъ идеей равновѣсія между властями.

Эта идея равновѣсія властей явилась въ XVIII вѣкѣ, какъ дальнѣйшій выводъ изъ теоріи раздѣленія власти; для того, чтобы раздѣленіе государственной власти между нѣсколькими отдѣльными правительственными органами могло на дѣлѣ существовать и продолжаться, казалось необходимымъ предоставить каждому изъ этихъ органовъ настолько самостоятельности и независимости, чтобы дать имъ возможность поддерживать между собою извѣстное равновѣсіе. Такъ понималъ свою теорію раздѣленія власти Монтескьё; хотя онъ и не говоритъ о равновѣсіи властей, — однако, прямо выставляетъ основнымъ условіемъ свободы, чтобы одна власть могла останавливать другую. Въ виду этого Монтескьё предоставляетъ исполнительной власти право не только временно распускать и, по своему усмотрѣнію, собирать законодательную власть, но и налагать запрещеніе на ея постановленія; законодательному же собранію Монтескьё предоставляетъ право отдавать подъ судъ и наказывать отвѣтственныхъ совѣтниковъ правительства. Что слѣдствіемъ такого порядка вещей должно было быть именно извѣстное равновѣсіе властей — доказываетъ извѣстное мѣсто, въ которомъ авторъ „Духа законовъ“ старается предупредить упрекъ, будто предлагаемая имъ система, въ которой одинъ органъ власти связанъ другими, мо-

жетъ привести къ приостановкѣ дѣятельности государственной власти ¹⁾).

Отстаивая, въ своей полемикѣ съ экономистами, теорію раздѣленія власти, Мабли, повидимому, вполне усвоиваетъ себѣ конституционную теорію Монтескьё. По крайней мѣрѣ, онъ прямо говоритъ о равновѣсіи властей и защищаетъ такое требованіе противъ нападокъ Мерсье де-ла Ривьера. Ссылаясь на „очевидность“ выводовъ своей науки, послѣдній отвергалъ необходимость ограниченія правительственной власти. Онъ говорилъ, что правительственные принципы или очевидны, — и въ такомъ случаѣ всякая государственная власть будетъ ими руководиться, и система противоположенія и равновѣсія силъ (*les contreforces*) не имѣетъ смысла; или же эти принципы не очевидны, а въ этомъ случаѣ всякое равновѣсіе бесполезно. „Изъ опасенія, чтобы государь не впалъ въ ошибку, ему противопоставляютъ собраніе людей, которые сами не знаютъ, чѣмъ руководиться, и это-то называютъ системой равновѣсія!“ „Нечего сказать, — восклицаетъ Мерсье де-ла Ривьеръ: — плохая это выдумка“, и онъ недоумѣваетъ, какимъ это образомъ у людей могло сложиться убѣжденіе, будто невѣденіе (*l'ignoçance*) можетъ служить полезнымъ противовѣсомъ противъ невѣденія. Опровергая подобный взглядъ, Мабли находитъ, что нѣтъ ничего страннаго въ такомъ распредѣленіи государственной власти, при которомъ ничто не можетъ быть узаконяемо безъ тщательнаго предварительнаго обсужденія:

„Почему же бы ради этого и не установить въ государствѣ такого соперничества властей, чтобы онѣ могли дѣйствовать только по общему соглашенію?“

„Подобная организація правительства могла бы быть полезна для такого народа, который еще не достигъ полной политической зрѣлости, ибо заставила бы его вдумываться въ общественную жизнь и приобретать опытность; но она представляла бы не менѣе преимущества и народу вполне просвѣщенному, препятствуя ему впадать въ умственную апатію и невѣжество... Наконецъ, почему же, — спрашиваетъ Мабли, — противники равновѣсія дѣлаютъ видъ, какъ будто забываютъ о существованіи на свѣтѣ страстей, управляющихъ міромъ и болѣе опасныхъ, чѣмъ невѣжество? — и онъ отвѣчаетъ: — „раздѣленіе государственной власти, слѣдствіемъ котораго является система равновѣсія силъ или смѣ-

¹⁾ Ces trois puissances devraient former un repos ou une inaction. Mais comme par le mouvement nécessaire des choses elles sont contraintes d'aller, elles seront forcées d'aller de concert.

шанный образъ управленія (gouvernement mixte) потому именно и необходимо, что мѣшаетъ управителямъ предаваться своимъ страстямъ или слабостямъ, безпечности, тщеславію и т. п.; установленіе контръ-форсовъ противъ властей нужно обществу для того, чтобы не дѣлаться жертвой невѣденія и страстей своихъ управителей (des magistrats)“.

Мабли указываетъ на то, что система уравновѣшиванія властей принесла свои плоды въ Римѣ, что она лежитъ въ основаніи политической организаціи многихъ европейскихъ государствъ; особенно же онъ настаиваетъ на томъ, чтобы противники равновѣсія обратили вниманіе на ея послѣдствія въ Англіи. Благодаря этой системѣ, — говоритъ Мабли, — „тамъ ни одно сословіе не можетъ получить преобладанія надъ закономъ и подавить остальные; она сдерживаетъ, до извѣстной степени, страсти короля, вельможъ, депутатовъ, и послѣдствія ея были бы еще выгоднѣе для націи, если бы равновѣсіе властей было основано на болѣе мудромъ распредѣленіи ихъ“.

Мерсье де-ла Ривьеръ признавалъ равновѣсіе силъ химерой, въ виду того, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить напередъ настоящіе размѣры каждой изъ этихъ силъ, и что поэтому нельзя быть увѣреннымъ, что онѣ сохранятъ отведенное имъ положеніе. Развитие каждой изъ этихъ общественныхъ силъ зависитъ отъ различныхъ нравственныхъ предрасположеній въ народѣ, которыя не могутъ быть въ точности угаданы, а потому всякая основная организація этихъ силъ, всякая — какъ мы бы теперь выразились — конституціонная хартія, по мнѣнію этого экономиста, не что иное какъ смѣшная забава общественнаго мнѣнія. Мабли на это возражаетъ, что система равновѣсія силъ вездѣ организована сообразно съ національнымъ духомъ народа и служитъ ему опорой. „Развѣ намъ извѣстны, — спрашиваетъ онъ, — внезапныя, рѣзкія измѣненія національнаго духа и нравовъ? Я взываю къ опыту исторіи; если законы и подвергались въ ней различнымъ переворотамъ, то развѣ мы не находимъ, что подъ развалинами стараго порядка всякій разъ сохранялись устои прежняго духа? Какъ неумѣстна бываетъ метафизика въ вопросахъ нравственныхъ! Завтра національный духъ Англіи будетъ тѣмъ же, какимъ онъ намъ представляется сегодня; это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что завтра снова взойдетъ солнце“.

Уже Мерсье де-ла Ривьеръ выставялъ противъ системы равновѣсія силъ въ государствѣ то возраженіе, на которое особенно валагали критики Монтескьё въ началѣ нашего вѣка. „Если бы, — говоритъ онъ, — при осуществленіи этой странной затѣи, можно

было установить двѣ власти совершенно равнoсилъныя, то резуль-
татъ ихъ взаимодѣйствія оказался бы равенъ нулю“.

Мабли возражаетъ на это, что равновѣсiе силъ имѣется въ виду не для того, чтобы мѣшать обѣимъ сторонамъ дѣйствовать. Развѣ можно представлять себѣ нравственныя силы на подобiе физическихъ, въ родѣ, наприм., двухъ равныхъ привѣсковъ, положенныхъ на обѣ чаши вѣсовъ и удерживающихъ ихъ въ неподвижномъ равновѣсiи? Если бы такое равновѣсiе было возможно въ политикѣ,—ни одинъ законодатель и никакой народъ не были бы такъ безразсудны, чтобы завести его у себя. Система равновѣсiя, или контръ-форсовъ, устанавливается въ политикѣ не для того, чтобы лишить законодательную или исполнительную власть той свободы движенiя, которая имъ свойственна и необходима, но для того, чтобы ихъ движенiя не были ни судорожны, ни опрометчивы, ни слишкомъ быстры. Соперничающiя между собой власти устанавливаются для того, чтобы законы имѣли больше силы, чѣмъ исполнители ихъ, и чтобы всѣ сословiя въ обществѣ находили покровителей, на которыхъ они могли бы разсчитывать. Смѣшанный образъ правленiя устанавливается съ тою цѣлью, чтобы никто не былъ занятъ одними своими частными интересами, но чтобы всякiй, будучи поставленъ въ необходимость согласовать свои интересы съ частными интересами другихъ, содѣйствовалъ по-неволѣ общественному благу.

„Въ области физической, тѣло, превосходящее силой другое тѣло, уничтожаетъ его сопротивленiе; но не то совершается въ области нравственной и политической; здѣсь мы ежедневно видимъ, что если одна сила начинаетъ получать преобладанiе надъ той, которая поставлена ей противѣсомъ, то это иногда служитъ предвѣстникомъ ея пораженiя. Усиливаясь и возрастая въ мощи, она вызываетъ такой же отпоръ противъ себя и, такимъ образомъ, какъ будто сообщаетъ подобную же мощь своей соперницѣ; оттого мы часто видимъ, что въ то самое время, когда одинъ общественный элементъ, повидимому, уже близокъ къ гибели, онъ вдругъ пробуждается, приходитъ въ волненiе и, въ свою очередь, становится грозной силой; такимъ образомъ, во многихъ государствахъ гнѣть порождаетъ свободу. Именно потому, что невозможно съ точностью разсчитать впередъ дѣйствiя нравственныхъ силъ, зависящихъ отъ тысячи страстей и случайныхъ событiй,—эти силы однѣ въ состоянiи удерживать другъ друга въ равновѣсiи“.

Въ подтвержденiе своей теорiи, Мабли ссылается на примѣръ Англiи. „Въ Англiи,—говоритъ онъ,—король не можетъ издать

ни одного закона безъ парламента, — также и наоборотъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ Англіи не существовало законовъ; король, пэры и депутаты общинъ, принуждены придти къ соглашенію между собой для того, чтобы билль получилъ силу закона; ни одинъ изъ этихъ трехъ членовъ законодательной власти не потерпитъ, чтобы его принесли въ жертву другимъ; а вслѣдствіе этого само правительство становится прочнѣе, и нація получаетъ непристрастные законы, одинаково благоприятныя королевской прерогативѣ, достоинству пэровъ и свободѣ народа“.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно бы было заключить, что Мабли былъ приверженцемъ дѣйствительнаго равновѣсія политическихъ силъ въ государствѣ; что онъ стоялъ за конституціонную или, какъ онъ выражается, за умѣренную монархію (*temperée*), какъ за такой порядокъ, при которомъ монархическій элементъ такъ же твердо обезпеченъ, какъ и народное представительство, и каждому изъ нихъ отведена свойственная ему сфера дѣятельности. Но, по мѣрѣ того, какъ конституціонная теорія становилась популярна во Франціи, она стала быстро принимать все болѣе и болѣе республиканскую окраску, т.-е. въ понятіяхъ приверженцевъ мнимо-конституціонной теоріи верховная власть все болѣе и болѣе отождествлялась съ властью народнаго представительства, а королевская власть постепенно нивводилась на степень простой республиканской магистратуры.

Зародыши этого направленія можно отмѣтить, какъ мы сѣдали, уже у Монтескьё. Уже у него, несмотря на все желаніе установить твердое равновѣсіе, теоретическое и нравственное основаніе монархическаго элемента опредѣлено слишкомъ узко, сравнительно съ основаніемъ, изъ котораго выведена идея народнаго представительства, и сфера дѣятельности, отведенная монархіи, слишкомъ ограничена. Теоретическое основаніе, которое Монтескьё даетъ палатѣ депутатовъ, заключаетъ въ себѣ начало безграничныхъ требованій для авторитета этого политическаго органа. Законодательную власть палаты депутатовъ Монтескьё выводитъ изъ положенія, что „въ свободномъ государствѣ всякій человекъ, въ которомъ можно предположить свободную душу (*qui est censé d'avoir l'âme libre*), долженъ управляться самъ собою“, и только вслѣдствіе практическихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ такимъ всеобщимъ самоуправленіемъ, Монтескьё это право всѣхъ передаетъ нѣкоторымъ, т.-е. избраннымъ представителямъ.

Отмѣтимъ, прежде всего, логическую ошибку, которая кроется

въ этомъ умозаключеніи знаменитаго публициста. Нельзя не согласиться съ положеніемъ, что „каждый человѣкъ, въ которомъ можно предположить свободную душу, долженъ управлять самъ собой“, но изъ этого еще не вытекаетъ сдѣланный выше выводъ. Человѣку съ душой свободной должна быть предоставлена власть надъ собой, но отсюда не слѣдуетъ, что ему должна быть предоставлена власть надъ другими, столь же свободными лицами; а государственная власть есть именно—власть управлять другими. Въ умозаключеніи Монтескьё, понятіе самоуправленія, относившееся къ личности, незамѣтно было замѣнено другимъ понятіемъ, которое заключаетъ въ себѣ уже притязаніе личности, наряду съ другими, управлять обществомъ. Такая подмѣна понятій была неизбежна, потому что Монтескьё исходилъ въ политикѣ изъ индивидуалистическаго принципа, усвоеннаго имъ отъ англійскихъ публицистовъ, а на этомъ принципѣ нельзя было построить, безъ натяжекъ, понятія о государствѣ съ правомъ принудительной власти.

Какъ скоро натяжка была допущена, основное положеніе, принятое авторомъ „Духа законовъ“, давало ему полный просторъ для построенія той политической теоріи, которой онъ сочувствовалъ. Если естественное право самоуправленія своею личностью можетъ быть превращено въ право управлять другими, то и это послѣднее становится естественнымъ, т.-е. всеобщимъ, безусловнымъ правомъ; и если признано, что это всеобщее, безусловное право, ради практическихъ удобствъ, должно быть предоставлено нѣкоторымъ лицамъ, посредствомъ избранія, то это право нѣкоторыхъ также становится безусловнымъ и, рядомъ съ ихъ властью, не можетъ существовать другой, ограничивающей ее, власти.

Мотивировавъ такимъ безусловнымъ способомъ власть народнаго представительства, Монтескьё уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи равносильнаго мотива для внесенія монархическаго элемента въ конституціонную теорію. Монтескьё не воспользовался для этого даже тѣми доводами, на которые должна была бы навести его собственная его аргументація въ пользу предоставленія законодательной власти собранію депутатовъ.

Очевидно, что если избранные мѣстные представители могутъ служить необходимой замѣной невозможнаго, по признанію Монтескьё, всеобщаго самоуправленія, то въ такой же степени это можно связать объ избранной національной династіи. Но у Монтескьё нигдѣ нѣтъ указанія на такое значеніе монархіи. Онъ совершенно упускаетъ изъ вида, что, наряду съ избранными по

областямъ и на сродъ представителями, монархъ въ конституціонномъ государствѣ также можетъ быть признанъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, представителемъ націи въ ея цѣломъ составѣ и въ ея исторической жизни. Не прибѣгнувъ къ этому объясненію роли монарха, Монтескьё не былъ въ состояніи выяснить національнаго призванія монархіи, и это призваніе выпадаетъ у него исключительно на долю палаты депутатовъ.

Политическій мотивъ, который самъ Монтескьё приводитъ въ пользу существованія монархіи, ничѣмъ не разнится отъ основанія, изъ котораго вытекаетъ республиканская магистратура: необходимость имѣть въ государствѣ особый органъ для исполненія законовъ. Преимущество наследственной монархіи, сравнительно съ республиканской магистратурой, въ глазахъ Монтескьё, заключается только въ томъ, что исполнительная власть почти всегда нуждается въ мгновенномъ дѣйствіи, и потому успѣшнѣе въ рукахъ (*est mieux administrée*) одного лица, нежели нѣсколькихъ. На это ему могли замѣтить, что отсюда еще отнюдь не вытекаетъ необходимость монархіи, ибо единство административной власти можетъ быть обезпечено и пожизненными или срочными президентами.

Подобно тому, какъ самое основаніе народнаго представительства въ теоріи Монтескьё гораздо шире, чѣмъ основаніе монархической власти, такъ и относительно цѣли и назначенія въ государственной жизни обѣихъ этихъ властей—значительный перевѣсъ выпадаетъ у Монтескьё на долю народнаго представительства. Это выражается уже въ самыхъ названіяхъ. По приѣму Лока, Монтескьё усвоилъ за монархіей по-просту названіе исполнительной власти, предоставивъ палатѣ депутатовъ названіе власти законодательной. Неточность и, можно сказать, невольное пристрастіе этой терминологіи тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что въ конституціонной теоріи Монтескьё за королемъ признается рѣшающее вліяніе на законодательство; ему предоставлено безусловное право отвергать всѣ законопроекты, предложенные палатами. Монархъ, котораго имѣетъ въ виду Монтескьё, вовсе еще не поставленъ въ положеніе короля въ парламентарной монархіи, который не иначе можетъ управлять, какъ посредствомъ министровъ, взятыхъ изъ парламентскаго большинства. Монархъ, по теоріи Монтескьё, совершенно независимъ въ законодательныхъ вопросахъ и въ выборѣ министровъ отъ народнаго представительства. Тѣмъ менѣе къ нему идетъ безличный и заключающій въ себѣ понятіе подчиненности терминъ исполнительной власти. Однако, терминъ этотъ пустилъ корни во фран-

пузскомъ обществѣ и значительно содѣйствовалъ тому, что самостоятельное въ государствѣ значеніе, которое Монтескьё, въ известной степени, еще признавалъ за монархіей, было забыто приверженцами его конституціонной теоріи.

Нужно, впрочемъ, сказать, что уже у самого Монтескьё это вліятельное положеніе монархіи имѣло болѣе теоретическій характеръ, на практикѣ же существенно ограничивалось и подрывалось. Мы удовольствуемся двумя указаніями. Хотя Монтескьё считалъ необходимымъ признавать за монархомъ право отвергать законопроекты депутатовъ для того, чтобы пріостанавливать возможное превышеніе и злоупотребленіе власти со стороны законодательнаго органа,—въ его теоріи, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно уже большое недовѣріе къ роли монархіи въ области законодательства. „Если бы,—говоритъ Монтескьё,—монархъ имѣлъ непосредственное участіе въ законодательствѣ (*par la faculté de statuer*), то свободѣ наступилъ бы конецъ“¹⁾. Это значитъ, что Монтескьё считалъ уже несомнѣстнымъ съ свободой въ конституціонной монархіи право правительства видоизмѣнять или исправлять законопроекты, прошедшіе черезъ палаты. Мало того: онъ даже требуетъ, чтобы правительство вовсе не участвовало, въ лицѣ министровъ, въ обсужденіи дѣлъ въ палатахъ (*dans le débat des affaires*).

Съ другой стороны, недовѣріе Монтескьё къ монархіи высказывается въ тщательныхъ предосторожностяхъ, которыя онъ совѣтуетъ принимать относительно арміи: армія должна быть подъ начальствомъ исполнительной власти, но при этомъ находится въ полной зависимости отъ законодательнаго органа. Солдаты должны жить разсѣянно между гражданами; въ странѣ не должно быть ни особыхъ лагерей, ни казармъ, ни гарнизоновъ; нужно, чтобы законодательная власть имѣла возможность, по своему усмотрѣнію, тотчасъ совершенно распустить (*casser*) армію.

У Монтескьё подобныя принципы, подрывавшіе въ его конституціонной теоріи монархическое начало, до нѣкоторой степени, уравновѣшивались гарантіями, которыми онъ старался обставить гармоническое отношеніе властей и предотвратить чрезмѣрное усиленіе законодательнаго органа. Монтескьё требуетъ, чтобы этотъ органъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты, чтобы онъ не имѣлъ права самостоятельно собираться и самъ опредѣлять продолжительность своихъ засѣданій, не имѣлъ права принимать такихъ

¹⁾ J'appelle faculté de statuer,—поясняетъ Монтескьё свою мысль:—le droit d'ordonner par soi-même ou de corriger ce qui a été ordonné par un autre. L. XI, ch. 6. Поэтому Монтескьё считаетъ возможнымъ предоставить правительству только право veto, или la faculté d'empêcher.

постановлений, въ которыхъ заключалось бы вмѣшательство въ правительственную дѣятельность (*des résolutions actives qui demandent quelque exécution*), наконецъ, чтобы законодательному органу не было предоставлено право суда надъ главой исполнительной власти, такъ какъ при такихъ условіяхъ конституціонная монархія превратилась бы въ несвободную республику. Но увлеченіе оппозиціоннымъ духомъ побуждало французское общество обращать гораздо меньше вниманія на гарантіи конституціоннаго равновѣсія и предостереженія Монтескье, чѣмъ на принципы, которые вели къ крайнему ограниченію монархической власти. Это постепенное видоизмѣненіе конституціонной теоріи Монтескье, въ болѣе оппозиціонномъ смыслѣ, наглядно проявляется въ сочиненіяхъ и на теоріи Мабли. Такъ, Мабли, напримѣръ, въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ отстаивалъ систему контрфорсовъ и хвалилъ умѣренную монархію, уже обнаруживаетъ большую наклонность къ совсѣмъ иному порядку вещей, совѣтуя „брать въ примѣръ хорошо управляемыя республики, а не государства, въ которыхъ произвольное и случайное раздѣленіе власти поддерживаетъ постоянныя смуты и разжигаетъ страсти, не направляя ихъ“ ¹⁾.

Раздѣленіе власти нужно Мабли не столько какъ гарантія противъ захватовъ и увлеченій со стороны всѣхъ органовъ власти вообще, сколько какъ средство стѣснить исполнителей закона и удерживать ихъ на пути законности. Поэтому, когда онъ говорить о необходимомъ согласіи властей, онъ разумѣетъ подъ этимъ такое положеніе дѣла, въ силу котораго исполнительная власть принуждена точно исполнять постановленія другой ²⁾. „Какъ скоро вы допустите два законодательныхъ авторитета въ странѣ, вы создадите двѣ враждебныхъ партіи въ государствѣ, и магистраты, всегда виновные въ глазахъ одной изъ этихъ партій, не будутъ въ состояніи ни знать своихъ обязанностей, ни исполнять ихъ, и будутъ считаться тираннами“.

Съ этой точки зрѣнія, Мабли не только не заботится о томъ, чтобы исполнительной власти было предоставлено хотя бы право *вето* въ законодательствѣ, но безусловно полемизируетъ противъ мнѣнія Мерсье де-ла Ривьера, что „тотъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи вооруженную силу, долженъ непремѣнно обладать законодательною властью“ ³⁾. Этотъ экономистъ утверждалъ, что право издавать законы не можетъ существовать безъ физической

¹⁾ Doutes, p. 244.

²⁾ Doutes, p. 195.

³⁾ Doutes, p. 136.

силы, необходимой для того, чтобы заставить повиноваться имъ, и потому никогда не можетъ быть отдѣляемо отъ права распоряжаться общественной силой; вслѣдствіе этого, кто бы ни былъ главой (le dépositaire) или распорядителемъ этой силы, законодательная власть должна быть его первымъ атрибутомъ. „Если бы,—спрашивалъ Мерсье де-ла Ривьеръ,—были установлены двѣ власти, и одной изъ нихъ поручено законодательство, а другой—распоряженіе физической силой страны, то которой же нужно было бы повиноваться въ томъ случаѣ, когда бы законы одной и приказанія другой оказались въ противорѣчій?“ Мабли считаетъ возможнымъ выйти изъ такого затрудненія съ помощью простаго здраваго смысла, который, по его мнѣнію, разрѣшилъ его уже много вѣковъ тому назадъ. „Ясно какъ день,—говоритъ Мабли,—что для этого достаточно установить законъ, что граждане должны повиноваться магистратамъ, а магистраты, въ свою очередь, законодательной власти, подъ страхомъ отвѣтственности и наказанія за вредъ, ими причиненный“.

Мерсье де-ла Ривьеръ далѣе замѣчаетъ, что, какія бы ухищренія ни были придуманы при раздѣленіи властей, такая система непременно приведетъ къ тому, что обѣ власти соединятся и сольются въ одну; что законодательная власть сдѣлается исполнительной властью, или же исполнительная—законодательной. Въ своемъ отвѣтѣ на это возраженіе, Мабли видитъ только одну сторону дѣла, а именно,—возможность узурпаціи со стороны исполнительной власти. Онъ соглашается, что исторія всѣхъ народовъ указываетъ на постоянныя попятныя исполнителей органовъ выступить изъ отведенныхъ имъ предѣловъ и захватить законодательную власть. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не отчаивается въ возможности найти такія комбинаціи, которыя вполне обезпечили бы торжество системы. Предлагаемыя имъ мѣры сводятся къ дробленію и ослабленію исполнительной власти. „Искусство состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить исполнительную власть на столько различныхъ отраслей, сколько различныхъ потребностей у общества“. Мабли предлагаетъ взять образцомъ римлянъ, которые постоянно дробили свою правительственную власть на болѣе мелкія магистратуры; онъ забываетъ, что это раздробленіе властей кончилось централизаціей ихъ въ одной рукѣ. Что же касается до возможности захватовъ со стороны законодательнаго органа насчетъ исполнительнаго, то объ этомъ у него нѣтъ рѣчи.

Итакъ, по убѣжденію Мабли, все дѣло только въ томъ, чтобы поставить исполнительную власть въ полную зависимость отъ законодательной. Законы будутъ соблюдаться въ странѣ, по

его мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если граждане будутъ припуждены повиноваться магистратамъ, а магистраты—въ той же мѣрѣ повиноваться постановленіямъ законодательнаго органа. Полное раздѣленіе власти и точное распредѣленіе функцій между элементами правительства сводятся къ тому, „чтобы исполнительная власть была органомъ и служителемъ законодательной власти“¹⁾. Отсюда Мабли выводитъ необходимость строгаго контроля законодательнаго органа надъ исполнительными и отвѣтственность послѣднихъ. Если,—говоритъ онъ,—не хотятъ, чтобы магистраты пользовались полновластіемъ и отняли у народа право повиноваться только законамъ, имъ самимъ постановленнымъ, то, конечно, нужно, чтобы законодательная власть, постановившая и уполномочившая магистраты, могла бы требовать отъ нихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Развѣ не устанавливалась самая удручающая тиранія во всѣхъ государствахъ, гдѣ магистраты не подлежали отвѣтственности за свой образъ дѣйствія предъ законодательной властью?²⁾

Всѣ эти требованія получаютъ особенную силу и особый отъенокъ, вслѣдствіе общаго недовѣрія въ исполнительной власти, которое проходитъ черезъ все сочиненіе Мабли; онъ не перестаетъ доказывать, что всегда и при всякомъ образѣ правленія исполнительная власть дѣлала постоянныя усилія, чтобы сломить иго законодательной власти и захватить ея права³⁾.

Итакъ, уже въ сочиненіи, направленномъ противъ „дегальнаго деспотизма“, Мабли искалъ гарантіи конституціоннаго порядка не столько въ системѣ контръ-форсовъ или точномъ равновѣсіи властей, сколько въ возможно полной зависимости исполнительной власти отъ законодательной. Еще полнѣе обнаруживается это стремленіе Мабли—въ его политическомъ руководствѣ для инфанта пармскаго, такъ что становится здѣсь основаніемъ для совершенно иного отношенія къ англійской конституціи. Вмѣсто того, чтобы выставлять ее, какъ прежде, образцомъ равновѣсія властей, Мабли подвергаетъ ее, именно съ этой точки зрѣнія, самой строгой критикѣ.

Изложивъ своему ученику ходъ политической исторіи Англій и ея результаты, выразившіеся въ ея конституціи, Мабли заявляетъ: „Вотъ что Англія называетъ своимъ основнымъ закономъ. Вы видите, что королевской власти предписаны очень точные

¹⁾ Doutes, p. 141.

²⁾ Ibid., 190.

³⁾ Doutes, p. 144.

предѣлы, и если король будетъ уважать ихъ,—народъ, конечно, будетъ свободенъ; но чѣмъ же гарантированъ народъ, что король дѣйствительно будетъ подчиняться закону? Нѣкоторые писатели, и между ними авторъ „Духа законовъ“, авторитетъ котораго такъ великъ, расточали этой конституціи безконечныя похвалы,—но развѣ можно, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, не убѣдиться въ томъ, что дѣло свободы въ ней только намѣчено въ самыхъ грубыхъ очертаніяхъ? Три власти—говорятъ—король, верхняя палата и депутаты общинъ—держатъ другъ друга въ равновѣсіи, взаимно умѣряютъ себя, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи злоупотребить своей силой. Но я это отрицаю: въ самомъ дѣлѣ, какія же серьезныя мѣры приняты англичанами, чтобы обезопасить правительство отъ всякаго покушенія со стороны короля? Можно, наоборотъ, сказать, что они нарочно предоставили королю столько могущества, чтобы постоянно возбуждать въ немъ надежду сдѣлаться еще сильнѣе. Можно сказать, что они стѣсняють его страсти только для того, чтобы ихъ раздражать. Если равновѣсіе различныхъ властей упрочено въ Англіи справедливымъ распредѣленіемъ силъ, то откуда же эти постоянно возникающія тревоги въ націи? почему эти непрерывныя жалобы?

„Въ Англіи признается принципомъ, что король не можетъ совершить никакой вины, что его нельзя привлечь ни въ какому трибуналу и что никакой законъ не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы произнести надъ нимъ приговоръ; но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы поставить короля въ такое счастливое положеніе, которое сдѣлало бы для него дѣйствительно невозможнымъ совершить вину (*d'être coupable*); слѣдовало бы, вмѣсто того, чтобы открыть настежь двери всѣмъ злоупотребленіямъ, которыя влечетъ за собой безнаказанность, направить всѣ страсти короля къ общественному благу, устранить отъ него всѣ искушенія и воспрепятствовать тому, чтобы у него не оказалось интересовъ, различныхъ отъ интересовъ его подданныхъ. Минѣ возразятъ на это: развѣ министры не отвѣчаютъ за его поведеніе своей головой? Они будутъ его сдерживать въ кругу его обязанностей! Однако, какое же это жалкое средство и можно ли на него полагаться? Если король не знаетъ надъ собой судьи, онъ всегда будетъ располагать средствами, чтобы спасти своихъ пособниковъ и орудія своего честолюбія. Его министры станутъ угождать всѣмъ его страстямъ, потому что отъ него будетъ зависѣть ихъ благоденствіе. Однимъ словомъ, ваше высочество,—заключаетъ Маблі, обращаясь къ внуку Людовика XV:—нельзя

не признавать чрезмѣрными силу и авторитетъ короля, имѣющаго подъ своимъ начальствомъ постоянную армію, обладающаго, притомъ, громадными доходами, съ которыми онъ можетъ покупать себѣ приверженцевъ, и располагающаго государственными должностями и почестями, посредствомъ которыхъ онъ можетъ развратить (соггопрге) добродѣтель, законы и правосудіе“.

Итакъ, неотвѣтственность короля, его неподсудность трибуналамъ, составленнымъ изъ его подданныхъ, — вотъ первый поводъ къ сѣтованіямъ Мабли противъ англійской конституціи; второй поводъ — зависимость, въ которую поставлено отъ короля народное представительство.

„Если бы въ англійской конституціи, — говорить Мабли, — не существовало ни одного изъ тѣхъ промаховъ, которые сосредоточиваютъ высшую власть въ рукахъ короля, то уже достаточно предоставленнаго ему права созывать, отсрочивать и распустить по своему произволу парламентъ, чтобы уничтожить всякое равновѣсіе между нимъ и палатами. Король можетъ сдѣлать многое безъ парламента; парламентъ же, наоборотъ, ничего не въ состояніи постановить безъ короля; гдѣ же тутъ на самомъ дѣлѣ то равновѣсіе, которому приписываютъ такое спасительное значеніе? Король можетъ пріостановить дѣятельность парламента; парламентъ же не можетъ заставить короля дать свое согласіе на билль, который онъ ему представляетъ, — гдѣ же равенство между ними? Какъ скоро эти власти неравны между собой, то самая сильная изъ нихъ непремѣнно должна ежедневно увеличивать свои права насчетъ болѣе слабой. Правда, въ силу правительственной организаціи, нельзя заставить англичанъ повиноваться закону, который не ими изданъ; но нужно признаться, что они и не властны (*ne sont pas les maîtres*) издать тѣ законы, которые бы они пожелали имѣть; а развѣ это не полусвобода? Пусть лица, такъ расхваливающія англійскую конституцію, отвѣтятъ мнѣ, можетъ ли такое подчиненное положеніе законодательной власти, которая должна быть душой правительства, не быть пагубнымъ для государства? Наконецъ, предположимъ, что король подвергнетъ опасности общественную свободу, не созывая парламента, или подкупая его, чтобы сдѣлать изъ него орудіе своей воли, — какой же, въ такомъ случаѣ, законный путь открыть англичанамъ, чтобы противодѣйствовать затѣямъ своего короля? Если у нихъ нѣтъ противъ этого другихъ средствъ, кромѣ петицій и адресовъ, то это громадный недостатокъ въ ихъ конституціи, который, рано или поздно, погубитъ ее. Если они не прибѣгнутъ къ силѣ, они, наконецъ, будутъ поработены

какимъ-нибудь энергичнымъ королемъ, неспособнымъ поддаваться разумнымъ доводамъ; но чтобы употребить въ дѣло силу, для этого необходимо возбудить мятежь, революцію, междоусобную войну, т.-е., чтобы придти на помощь конституціи, нужно будетъ нарушить одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ общества.

„Не странно ли, что англичане, которые такъ давно и такъ часто упрекали своихъ королей въ томъ, что ихъ интересы противоположны интересамъ націи, предоставили имъ, однако, долю въ законодательной власти? Не изумительно ли то, что они не приняли ни одной существенной мѣры, чтобы удержатъ исполнительную власть въ предписанныхъ ей предѣлахъ, т.-е., чтобы заставить ее повиноваться законамъ съ такимъ же послушаніемъ, какъ имъ повинуются граждане?“

Такое высокоумѣнное осужденіе англійской конституціи весьма странно въ устахъ французскаго публициста эпохи Помпадуръ и Дюбарри. При объясненіи этого факта нельзя не допустить предположенія, что пессимизмъ Мабли насчетъ политической свободы у англичанъ обуславливался извѣстными явленіями тогдашней парламентской жизни Англіи. Георгъ III, первый „англичанинъ“ изъ ганноверской династіи, вздумалъ возстановить авторитетъ королевской власти, утраченный его предшественниками, и осуществить на дѣлѣ тѣ права прерогативы, которыя принадлежали королѣ въ силу англійской конституціонной теоріи, такъ опредѣленно сформулированной въ то время знаменитымъ Блэкстономъ. Намѣреніе короля вызвало большое волненіе и сильное противодѣйствіе со стороны виговъ, которые утратили власть, принадлежавшую имъ съ полъ-вѣка. Никогда еще, по крайней мѣрѣ, со времени первой революціи, оппозиціонный духъ въ парламентскихъ рѣчахъ и въ памфлетахъ не доходилъ въ этой странѣ до такого страстнаго паэоса, до такого злобнаго ожесточенія, какъ въ первые годы новаго царствованія. Судя по возгласамъ ораторовъ и выходкамъ памфлетистовъ, дѣйствительно, можно было думать, что Англія находится на краю неминуемой гибели отъ тиранніи. Еще не улеглось возбужденіе, вызванное въ парламентскихъ кругахъ попыткой Георга III управлять помимо вождей парламентскихъ партій, какъ началось пресловутое дѣло Уилкса, давшее возможность человѣку съ самой плохой репутаціей разыграть роль патріота и мученика свободы. А во время самаго разгара процесса противъ Уилкса, вызвавшего серьезное столкновеніе между парламентомъ и избирателями, стали появляться въ теченіе трехъ лѣтъ, одно за другимъ, анонимныя письма Юніуса, —этотъ знаменитый образецъ памфлета, въ кото-

ромъ общіе политическіе вопросы искусно дебатировались при помощи небывало-рѣзкихъ нападокъ на личныя свойства и частную жизнь правительственныхъ лицъ, а изящный слогъ и художественный пафосъ облекали политическую страсть и личную злобу блесвомъ благороднаго негодованія и патріотическаго рвенія. Французскому литератору, привыкшему у себя дома только къ самымъ отвлеченнымъ декламаціямъ противъ деспотизма и лишенному всякой опытности въ политической жизни, простиительно было заблуждаться насчетъ истиннаго характера политической полемики по ту сторону канала; ему простиительно было затеряться въ лабиринтѣ незнакомой ему конституціонной теории и по-своему истолковывать воинственный крикъ соперничавшихъ партій. Онъ могъ не понять, что самая рѣзкость и необузданность политической оппозиціи въ Англіи свидѣтельствовали не объ опасности, грозившей свободѣ, а, напротивъ, о ея просторѣ и прочности, которые служили залогомъ дальнѣйшихъ для нея гарантій.

Эти замѣчанія, впрочемъ, только отчасти оправдываютъ Мабли; онъ писалъ не въ качествѣ памфлетиста, а какъ ученый политикъ, который специально изучалъ государственныя учрежденія разныхъ странъ и имѣлъ подъ рукою обильный матеріалъ для своихъ сужденій. И именно около этого времени французы получили возможность составить себѣ болѣе правильное представленіе объ англійской конституціи. Въ самый разгаръ политическихъ страстей въ Англіи, туда прибылъ молодой женевецъ Делольмъ и, скоро познакомившись съ положеніемъ дѣла, напечаталъ на французскомъ языкѣ (въ 1771 году) свое замѣчательное изображеніе англійскаго политическаго устройства. Делольмъ такъ вѣрно понималъ сущность этого государственнаго порядка, что къ сочиненію молодого иностранца съ уваженіемъ отнеслись политики самыхъ различныхъ направленій, и даже суровый Юніусъ ссылаясь съ сочувствіемъ на его авторитетъ. Въ противоположность Мабли, Делольмъ видѣлъ въ организаціи и роли исполнительной власти, — въ ея единствѣ подъ руководствомъ короля и въ предоставленномъ ей вліяніи, — краеугольный камень англійской конституціи и великое преимущество политическихъ учреждений Англіи передъ республиканскими.

Тѣмъ не менѣе, заблужденія Мабли относительно недостатковъ англійской конституціи чрезвычайно поучительны. Они являются интересными симптомами политическаго настроенія во Франціи и того переворота, который произошелъ тамъ со времени Монтескье въ понятіяхъ о конституціи. Именно то, что

Монтескьё выставлялъ необходимымъ условіемъ правильнаго отношенія и равновѣсія властей, Мабли теперь считаетъ коренными недостатками англійской конституціи: право исполнительной власти созывать и распускать палаты, законодательное „вето“ монарха и неотвѣтственность или неподсудность короля. Не случайны и не мимолетны были эти отступленія отъ теоріи Монтескьё; критикуя англійскую конституцію, Мабли начертываетъ, не сознавая того, принципы будущей французской конституціи и закладываетъ основаніе будущей республики. Принципы, провозглашенные аббатомъ Мабли, получили, немного лѣтъ спустя, громкій отголосокъ въ его отечествѣ. Принципъ полной автономіи законодательнаго органа, который собирается собственною властью и самъ опредѣляетъ срокъ и время своихъ засѣданій, былъ усвоенъ почти всѣми наказами 1789 г., большею частью безъ яснаго сознанія неминуемыхъ его послѣдствій; устраненіе короля отъ всякаго участія въ законодательствѣ хотя и не требовалось наказами, но косвенно заключалось въ томъ понятіи о народовластіи, отъ котораго многіе изъ нихъ исходили, и потому скоро было осуществлено; а мрачный и фанатическій принципъ личной отвѣтственности короля нашелъ свое примѣненіе въ возмутительной драмѣ, разыгравшейся 21-го января 1793 г. на площади Согласія и такъ грубо разорвавшей иллюзію конституціонной монархіи во Франціи.

Эти крайности революціоннаго увлеченія объясняются тѣмъ, что къ теоретическимъ заблужденіямъ относительно условій политической свободы присоединился фанатизмъ. Поэтому интересно отмѣтить, что такого рода соединеніе встрѣчается еще задолго до 1789 года въ отвлеченныхъ трактатахъ публицистовъ; такъ, напр., и Мабли, который, въ качествѣ моралиста, проповѣдывалъ смиреніе страстей, въ политикѣ явился пламеннымъ защитникомъ фанатизма. Разсуждая объ историческихъ судьбахъ Англій и высказывая сожалѣніе о томъ, что она лишилась плодовъ революціи при Карлѣ I, Мабли, между прочимъ, говоритъ: „если справедливо, что въ революціяхъ необходимо имѣть энтузіастовъ, стремящихся превзойти цѣль, для того, чтобы мудрые и благоразумные люди были въ состояніи до нея достигнуть, — англичане должны быть признательны пуританамъ, этой сектѣ, желавшей безъ всякаго снисхожденія къ епископамъ и королю одновременно разрушить, какъ епископаты, такъ и королевскую власть. Прослѣдите съ нѣкоторымъ вниманіемъ исторію дома Стюартовъ, написанную Юомомъ, и вы увидите, что фанатизмъ и любовь къ свободѣ всегда придають другъ другу взаимную силу. Они поддер-

живають другъ друга, и безъ ихъ двойной помощи англичане нѣкогда бы не добились свободы“.

Распространяя подъ видомъ мнимо-конституціонныхъ идей республиканскіе принципы, Мабли не довольствовался критикой англійскихъ учреждений, но и выставлялъ передъ своими соотечественниками настоящій, по его мнѣнію, образецъ конституціоннаго государства.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мабли, отступивъ отъ Монтескье, сдѣлалъ своимъ политическимъ лозунгомъ, вмѣсто равновѣсія властей, недовѣріе къ исполнительной власти, идеаломъ свободнаго государства стала служить для него Швеція. Въ этой странѣ сильная монархическая власть нѣсколько разъ смѣнялась господствомъ аристократіи или преобладаніемъ сейма, составленнаго изъ представителей четырехъ сословій — крестьянъ, горожанъ, духовенства и дворянъ. Но никогда еще реакція противъ королевской власти въ Швеціи не была сильнѣе, какъ послѣ смерти воинственнаго Карла XII, доведшаго страну своимъ упрямствомъ до полнаго разоренія. Шведская аристократія, ослабленная безпощадными конфискаціями коронныхъ земель при Карлѣ XI, снова захватила власть, по смерти его сына, и воспользовалась переходомъ престола къ женщинѣ, чтобы возстановить свое господство при помощи политическихъ формъ, которыя можно назвать почти республиканскими. Новая свобода была куплена Швеціей дорогою цѣной. Настала печальная эпоха „борьбы между шляпами и шапками“; всѣ интересы страны были поглощены соперничествомъ двухъ партій, которыя, какъ и въ тогдашней Польшѣ, искали опоры у иностранныхъ державъ и, находясь у нихъ на жалованьѣ, служили орудіемъ ихъ политикѣ. Несмотря, однако, на явную несостоятельность тогдашнихъ учреждений Швеціи, Мабли такъ восторгался ими, что едва ли можно привести болѣе любопытный примѣръ доктринерства и теоретическаго фанатизма изъ богатой этими чертами литературы XVIII вѣка, какъ изображеніе у Мабли шведской конституціи.

„Это цвѣтъ совершенства современнаго законодательства, — восклицаетъ онъ: — даже самые знаменитые законодатели древности не отреклись бы отъ конституціи (*ne désavoueroient*), въ которой права челоуѣчества и равенства гораздо болѣе приняты въ уваженіе, чѣмъ можно было бы ожидать въ жалкое время, въ которое мы живемъ. Въ ней все содѣйствуетъ одной цѣли, все взаимно поддерживается и служитъ опорой цѣлому. Каждой изъ

властей отведены предѣлы, такъ строго разграничивающіе ихъ, что онѣ никогда не могутъ вредить другъ другу. Все направлено къ тому, чтобы поставить законъ выше его исполнителей и въ то же время снабдить послѣднихъ властью, достаточной для того, чтобы заставить свободныхъ гражданъ имъ повиноваться“.

Въ шведской конституціи 1720 года Мабли могъ отмѣтить нѣсколько чертъ, которыя, конечно, сдѣлали бы честь всякому законодательству: намѣреніе ввести самый строгій контроль надъ сохранностью и правильнымъ употребленіемъ государственныхъ средствъ; стараніе обезпечить за всѣми и каждымъ защиту со стороны закона и охрану противъ неправильнаго примѣненія его; желаніе предотвратить, посредствомъ искуснаго сочетанія органовъ государственной власти, принятіе поспѣшныхъ, несправедливыхъ къ кому-либо или вредныхъ для цѣлаго мѣръ. Еще ближе подходили къ любимымъ теоріямъ Мабли нѣкоторыя попытки шведскихъ законодателей поддержать въ ихъ бѣдной отъ природы странѣ простоту нравовъ и потребностей, предохранить ее отъ искушеній дорого стѣящей иностранной роскоши. Но ничто такъ не прельщало Мабли въ шведской конституціи, какъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто, отведенное въ ней королевской власти. Относящіяся сюда положенія этой конституціи, превозносимыя Мабли, и его комментаріи къ нимъ въ высшей степени любопытны въ виду приложенія, которое они отчасти нашли въ первой французской конституціи.

„Шведскій сеймъ,—какъ поясняетъ Мабли:—болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть. Онъ не испрашиваетъ согласія короля; всѣ постановленія сейма—не что иное, какъ приказанія, обращенныя къ монарху. Но мало того: опасаясь, чтобы эта власть не ускользнула изъ ихъ рукъ, шведы были настолько осторожны, что не предоставили исполнительной власти одному королю. По закону 1723 года, король обязанъ исполнять все, что постановилъ сеймъ, на сенатъ возложена обязанность блюсти за этимъ, и поэтому, въ отсутствіи короля или если король слишкомъ долго медлитъ подписаться подъ ожидаемымъ закономъ, сенатъ публикуетъ законъ, замѣнивъ подпись короля своей печатью.

„Если бы сеймъ не принялъ, — говорить по этому поводу Мабли,—благоразумной мѣры предосторожности, чтобы обойтись безъ подписи короля, послѣдній, при нѣкоторомъ упрямствѣ, пользовался бы такой же прерогативой, какъ и англійскій король, т.-е. могъ бы лишить значенія законодательный органъ, обойти силу закона, для него неблагопріятнаго, и стать съ каждымъ

днемъ могущественнѣе. Сеймъ, впрочемъ, не ограничился тѣмъ, что обезпечилъ себя относительно вѣрности своего перваго савонника. Конституція напоминаетъ королю, что надъ нимъ есть судья, и что онъ не можетъ нарушить своихъ обязанностей, не подвергая себя всей суровости законовъ: „Мы симъ объявляемъ, — сказано въ постановленіяхъ учредительнаго сейма, — что тотъ, кто тайными интригами или открытой силой попытается облечь себя произвольной властью, долженъ быть лишенъ престола и признанъ врагомъ королевства“.

„Поручая наслѣдственному королю, — говоритъ далѣе Мавли, — охрану законовъ и все внѣшнее и внутреннее управленіе, Швеція должна была опасаться, что на престолъ можетъ взойти король или съ слишкомъ слабымъ характеромъ, или слишкомъ энергичный, и что, въ такомъ случаѣ, пружины исполнительной власти будутъ слишкомъ натянуты или слишкомъ ослаблены.

„Чтобы противодѣйствовать подобнымъ злоупотребленіямъ, неизбежнымъ въ Англии, Швеція обставила новыми преградами честолюбіе своихъ королей“. По конституціи 1720 года, исполнительная власть собственно была поручена сенату изъ 16 членовъ, а король, въ сущности, сдѣланъ его предсѣдателемъ; онъ имѣлъ только два голоса, и потому могъ дать перевѣсъ своему мнѣнію въ сенатѣ лишь при самыхъ рѣдкихъ обстоятельствахъ. Однако второй конституціонный король Швеціи, родившійся въ странѣ, и потому болѣе популярный и болѣе увѣренный въ себѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ отказывался уступить большинству сената, ссылаясь на то, что совѣсть не дозволяетъ ему подписываться подъ распоряженіемъ, которое онъ считаетъ несправедливымъ или опаснымъ. Тогда сеймъ 1755 года постановилъ, что „просвѣщенная совѣсть“ короля шведскаго должна побуждать его подписывать все, что постановлено въ сенатѣ большинствомъ голосовъ, потому что онъ долженъ управлять, руководясь мнѣніемъ сената; что его подпись подъ указомъ сената не есть выраженіе одобренія, и что если бы его совѣсть служила руководствомъ для законодательства, то этимъ былъ бы установленъ деспотизмъ“. Въ силу этого, „изъ снисхожденія, — какъ выражается Мавли, — въ робкой совѣстливости монарха“, было постановлено, чтобы впредь, въ случаѣ отказа со стороны короля подписать распоряженіе или указъ сената, подпись короля должна быть замѣнена „гравированнымъ изображеніемъ ея“.

Мавли — въ восторгъ отъ этого средства: превращеніе королевской власти въ королевскій вензель, который прикладывается противъ воли самого короля, по распоряженію большинства се-

ната, представляется французскому публицисту идеалом конституціонной теоріи. За это онъ безусловно восхваляетъ шведскую конституцію, въ которой „все дѣлается именемъ короля; личность же короля или его частная воля ничего не значать. Онъ не что иное, какъ частный человѣкъ, когда перестаетъ быть органомъ сената, образъ дѣйствія котораго подверженъ разсмотрѣнію и суду сейма“. Съ этой точки зрѣнія, Мабли вполне одобряетъ стѣсненія королевскаго авторитета даже въ той области управленія, которая составляетъ самую естественную прерогативу королей. Всѣ военные чины, отъ полковника до фельдмаршала, и всѣ соотвѣтствующія этимъ чинамъ гражданскія должности, шведскій король долженъ былъ раздавать въ сенатѣ, который представлялъ ему для каждаго назначенія трехъ кандидатовъ.

Съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ Мабли текстъ нѣкоторыхъ постановленій шведскаго сейма, дышавшихъ желаніемъ унижить короля въ глазахъ страны и переносящихъ читателя въ эпоху дебатовъ въ національномъ собраніи. Такъ, напр., „блескъ и великолѣпіе, которыми обставленъ престолъ въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, предписаны закономъ гораздо болѣе въ виду достоинства государства, чѣмъ въ интересахъ того лица, которое служить ему представителемъ, болѣе ради иностранцевъ, чѣмъ для подданныхъ. Между тѣмъ этотъ церемоніаль до сихъ поръ всегда подавалъ поводъ къ злоупотребленіямъ и служилъ политическому высокомерію средствомъ для того, чтобы внушать населенію уваженіе къ личности короля и страхъ передъ нимъ, а черезъ это—почтительность къ самой королевской волѣ. Такимъ способомъ распространялся среди подданныхъ рабскій духъ и они приучались къ игу“. Подобныя разсужденія могли бы служить образцомъ для постановленій французскаго законодательнаго собранія 1791 г., когда оно пыталось ввести въ конституціонную монархію республиканскія формы.

Шведскіе законодатели предупредили французскихъ также и своей заботой о воспитаніи наслѣдника престола въ республиканскихъ нравахъ: „Принцы должны быть охраняемы отъ подводныхъ скаль, опасныхъ для добродѣтелей и слишкомъ часто встрѣчаемыхъ при дворѣ. Ихъ слѣдуетъ приучать къ скромному образу жизни относительно одежды и пищи, для того, чтобы ихъ бережливость служила примѣромъ подданнымъ, что чрезвычайно полезно для народа бѣднаго, но свободнаго“.

Восхваляя шведскую конституцію, Мабли предвидѣлъ тотъ самый вопросъ, который можно было потомъ сдѣлать французскому національному собранію: къ чему же было при республикан-

скихъ формахъ и принципахъ сохранять королевскую власть? Мабли отвѣчалъ на это, что, какъ скоро Швеція допустила у себя различія въ сословіяхъ и почестяхъ, для нея становилось выгоднымъ имѣть у себя привилегированный родъ, который носилъ бы корону. Что же касается до французскаго національнаго собранія, то оно, уничтоживши аристократію и отмѣнивши всякое неравенство, основанное на происхожденіи или на государственныхъ отличіяхъ, не могло, конечно, привести въ свое оправданіе и этого довода.

Мабли находить, впрочемъ, нѣкоторые недостатки въ современной ему шведской конституціи; по его мнѣнію, королю не слѣдовало бы предоставлять право жаловать графскій и баронскій титулы, награждать орденами безъ согласія сейма или сената; еще болѣе существенный недостатокъ конституціи заключался, по словамъ Мабли, въ томъ, что званіе сенаторовъ было пожизненнымъ, а не краткосрочнымъ. Этой ошибкѣ Мабли приписываетъ то, что „Швеція не сдѣлала при новой конституціи тѣхъ успѣховъ, которыхъ можно было отъ нея ожидать; что законы никакъ не могли упрочиться, что одинъ сеймъ часто отмѣнял то, что было постановлено прежнимъ“. Однако на этихъ недостаткахъ Мабли недолго останавливается; они исчезаютъ передъ главнымъ и несомнѣннымъ, въ его глазахъ, достоинствомъ шведской конституціи, заключавшемся въ томъ, что „королевская власть не могла болѣе внушать шведамъ ни малѣйшаго страха“, такъ какъ они приняли всѣ мѣры, чтобы помѣшать королямъ „совершать насилія“ надъ законами и присвоить себѣ законодательство. Случившійся въ Швеціи, въ 1756 году, заговоръ въ пользу восстановления королевской власти не возбуждалъ у Мабли никакихъ опасеній; онъ даже признавалъ этотъ неудавшійся заговоръ „милостью судьбы, такъ какъ такое событіе должно было сдѣлать народъ болѣе внимательнымъ къ свободамъ“. Мабли любилъ въ этомъ отношеніи противопоставлять Швецію Англи; послѣдняя находилась, по его мнѣнію, на краю деспотизма; онъ пророчилъ неминуемое ниспроверженіе англійской свободы, которая, по его словамъ, должна была погибнуть вслѣдствіе того, что королю было предоставлено участіе въ законодательной власти; Швеція же, по утвержденію Мабли, лишивъ короля, согласно съ принципомъ правильнаго раздѣленія властей, всякой власти, навсегда обезпечила у себя свободу.

Однако въ 1772 году случилось именно то, чего не допускалъ Мабли; тотчасъ по смерти своего отца, 26-лѣтній король Густавъ III, пользуясь всеобщимъ неудовольствіемъ и разстрой-

ствомъ дѣлъ, вызваннымъ конституціей 1720 года, отмѣнили ее и замѣнили новой, предоставлявшей монархическому элементу болѣе простора ¹⁾. Переворотъ совершился безъ всякаго сопротивленія, безъ всякой политической злобы и вары, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ ареста, которымъ подверглись во время переворота главные противники короля. Новый порядокъ сочувственно былъ принятъ всѣмъ населеніемъ. Но ни легкость, съ которой совершилась эта революція, ни полное равнодушіе шведскаго народа къ конституціи 1720 года, не разубѣдили Мабли. Книга, въ которой Мабли предсказывалъ, что англійская конституція не продержится и десяти лѣтъ, а власть шведскаго сената вѣчно будетъ прочна, долгое время не печаталась вслѣдствіе цензурныхъ препятствій. Когда она, наконецъ, вышла въ свѣтъ, — хваленой аббатомъ шведской конституціи уже не существовало. Но это нисколько не смутило политическаго теоретика. Тѣмъ, которые указывали ему на его неудачное пророчество, онъ съ сердцемъ отвѣчалъ: „король шведскій властенъ измѣнить конституцію своей страны, но не мою книгу“ ²⁾.

В. ГЕРЬЕ.

¹⁾ Новая конституція была весьма либеральна, хотя и не въ духѣ Мабли. За сеймомъ сохранялась законодательная власть; никакой новый законъ не могъ быть изданъ, никакой прежній законъ отмѣненъ безъ согласія сейма; но королю представлялось право созывать сеймъ по своему усмотрѣнію, устанавливать программу для его занятій и т. п.

²⁾ Cérutti: „Mémoire pour le peuple français“, 1787.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Передъ желтой колоннадой Англійскаго дворца, по лужайкѣ, со стороны желѣзной дороги, разбрелись парусинныя блузы и фуражки мальчиковъ-пѣвчихъ. Нѣкоторые сошли къ рѣчкѣ и удили. Вдали, на перекресткѣ, лучъ свѣта отражался мигающей точкой на чемъ-то металлическомъ у конвойнаго казака, верхомъ, въ бараньей шапкѣ на затылокѣ, съ ружьемъ въ козьемъ, мохнatomъ чехлѣ. Свѣтло-гнѣдая его лошадь вышла головой и всею грудью изъ-подъ свода аллеи: можно было разглядѣть, какъ она мотаетъ головой и вся переминается отъ мухъ и оводовъ.

Утро стояло теплое, но не сухое, съ чуть замѣтнымъ паромъ въ воздухѣ. Разбросанное вдоль дороги къ Березовому домику сѣно слало пахучую струю до самаго моста. Кумачныя рубахи и бѣлыя фуражки кавалерійскихъ солдатъ — они разметывали сѣно—выступали на фонѣ дерна и деревьевъ свѣтлыми пятнами.

Къ мосту, что около Березоваго домика, приближалась замедленной походкой, подъ большимъ чернымъ японскимъ зонтомъ, Зянанда Мартыновна Ногайцева.

Лицо—безъ румянца, нѣсколько изжелта-бѣлое, отъ тепла прозрачное, смотрѣло спокойно, и непривѣтливо, сухимъ взглядомъ своихъ черныхъ, болѣе длинныхъ, чѣмъ крупныхъ глазъ. Носъ съ тонкими ноздрями прекраснаго рисунка; немного сдвинутыя, не очень густыя брови; полусжатый ротъ; заостренный

подбородокъ; губы—цвѣта жидкой крови; на высокомъ и узковатомъ лбу—городки волосъ, темнорусыхъ и лоснящихся: всѣ ея черты установились и застыли, какъ будто она хотѣла ихъ передать пластинкѣ фотографа. Радостное утро не играло на ея лицѣ, да и свѣтъ не попадалъ подъ широкій японскій зонть и борта высокой, очень модной соломенной шляпы, съ пучкомъ искусственныхъ полевыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ весь передъ тули; макъ и маргаритки перемѣшивались въ этомъ букетѣ.

Зинаида Мартыновна шла нескоро, но не расслабленной походкой; она ступала широко и не такъ, какъ у насъ ходятъ свѣтскія дамы и взрослые дѣвушки. Въ лѣвой рукѣ она держала книжку въ яркой желтой оберткѣ. Ея фигура подалась впередъ, опять на особый ладъ. Туалетъ даже и тутъ, въ Петергофѣ, въ июль, говорилъ объ особенномъ уходѣ за собой, о суровомъ соблюденіи моды, не той, что переѣхала изъ Парижа съ хозяйками лучшихъ мастерскихъ въ Свѣтлому Празднику, т. е. опоздала уже на цѣлый сезонъ, а о той модѣ, которая установилась и тамъ, въ Булонскомъ лѣсу, только въ день „Grand Prix“—въ первыхъ числахъ іюня, не больше мѣсяца назадъ.

Станъ ея скрасилъ бы, впрочемъ, всякую моду, даже и запоздалую. Въ такой шляпѣ Зинаида Мартыновна была выше женщины хорошаго роста. Довольно длинная шея ушла въ высокій, мужского покроя, воротникъ кофточки съ разрѣзомъ для бѣлаго, уже совершенно мужского жилета. Свѣтлый галстухъ, съ булавкой англійскаго образца, переходилъ въ полотняный стволъ воротничка; батистовый платокъ торчалъ цвѣтными каймами изъ бокового кармана; складки кретонаваго цвѣтнаго платья падали спереди и подъ турнюрой одна въ одну и лежали недвижно; изъ-подъ короткаго подола выступали длинноватые, но подъемистыя ноги въ лаковыхъ башмакахъ и дымчатыхъ чулкахъ.

Она была и не суха тѣломъ, и не роскошна. Талию стягивала корсетъ очень низко; ниже, чѣмъ вообще у русскихъ женщинъ, обозначалась, слегка волнуясь, и линія груди.

Все остальное на Зинаидѣ Мартыновнѣ: лайковыя перчатки съ широкимъ шитьемъ, грубоватые на видъ, но тогда обязательныя по своей новизнѣ; духи—запахъ ихъ поднимался изъ складовъ платка; серьги, браслеты на правой рукѣ—ихъ было нѣсколько; кружева, оборки бѣлой юбки, вещи, хранившіяся въ карманахъ: часы, портмонэ и маленькій sagnet, — отзывались не простой, случайной, непродуманной, невыношенной нарядностью, а чѣмъ-то уже сложившимся въ особаго рода ученіе. Такъ въ это утро во всемъ Петергофѣ и дальше, въ Ораніен-

баумъ навѣрное никто не одѣтъ, кромѣ ея кухни, съ этимъ именно отпечаткомъ, съ подобною вѣрностью указаніямъ того, что англичанки, говоря съ русскими барышнями на водахъ, называютъ: „good style“.

Трудно было опредѣлить: замужня она или дѣвушка. По туалету — ни въ какомъ случаѣ, развѣ по походеѣ и ясности суроватаго взгляда, по тому, какъ она несла свою грудь и довольно широкія плечи — иной, бывалый человекъ призналъ бы въ Зинаидѣ Мартыновнѣ дѣвушку.

Ей пошелъ двадцать-четвертый годъ; она зимой смотрѣла не старше, но никакъ и не моложе своихъ лѣтъ, и хорошо это знала. Лѣтній воздухъ, а еще болѣе свѣтлый туалетъ скорѣе моложавили ее.

Перешла она мостъ съ перилами изъ березовыхъ бревенъ и повернула налѣво, по дорожкѣ къ мыску, гдѣ подъ развѣсистымъ деревомъ удѣлана круглая скамья, обхватывающая стволъ, дошла и сейчасъ же сѣла. Она не любила ходить безъ цѣли. Мечтательности Зинаида Мартыновна не знала. Но въ эту минуту, подъ ея мало-подвижной, величавой маской, съ сухимъ взглядомъ черныхъ глазъ, шла внутренняя работа. Сердце у нея не билось, кровь не приликала къ прозрачнымъ желтоватымъ щекамъ. Только къ правому виску приступала легкая боль, точно начало мигрени: такъ всегда случалось, когда ее что-нибудь тревожило, когда она принуждена думать о неприятныхъ вещахъ или придти къ рѣшенію не по своей охотѣ, не для своего удовольствія.

Взглядъ, вправо и влѣво, послала она, не мѣняя положенія. Сидѣла она прямо, съ живописнымъ наклономъ головы, безъ умшленной рисовки. Вообще, все, что только „жантильно“, безпощадно гнала отъ себя Зинаида Мартыновна. Движенія и позы она уже давно установила и приспособила къ своему росту и къ тому тону, какой она себѣ выработала.

Посмотрѣла она на книжку, взяла ее со скамьи, заглянула въ нѣсколько страницъ, поправила на лбу одинъ изъ городковъ, взглянула и на часы, спрятанные не въ жилетѣ, а въ кофточкѣ.

Они показывали сорокъ-пять минутъ десятаго. Со стороны Березоваго дома нивого она не видѣла, кромѣ сторожа, укрывшагося въ будкѣ, до прихода дежурнаго лакея. По ту сторону рѣки шли двѣ дамы и дѣвочка прыгала черезъ веревочку. Красныя и бѣлыя пятна на сѣновосѣ то собирались въ группы, то расходились...

Но вотъ она выпрямилась еще замѣтнѣе и кивнула своей высокой шляпкой. Маки и маргаритки встрепенулись.

Къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, спѣшилъ мужчина, весь въ чесунчѣ, со шляпой въ рукахъ, отдуваясь немного; можно было видѣть, какъ онъ запыхался и машетъ платкомъ въ другой рукѣ.

— Простите моему окаянству, Зинаида Мартыновна!—крикнулъ онъ еще съ моста.

Ей не очень понравилось то, что онъ называлъ ее во весь голосъ на такомъ разстояніи. Она не любила своего имени и отчества, не жаловала и того, чтобы ее громко звали по-русски; плохо мирилась и съ именемъ „Zizi“: такъ звали ее только дома.

Мужчина въ чесунчѣ подбѣжалъ и сейчасъ же крѣпко пожалъ ея перчатку своею широкою кистью съ золотистыми волосками на суставахъ.

— Простите,—коллега тутъ, полковой врачъ, встрѣлся... — заговорилъ онъ высокимъ теноровымъ голосомъ, простымъ, почти простонароднымъ звукомъ. — Затащилъ на минутку въ аптеку, —тамъ на шоссе, противъ кадетскаго лагеря...

Зинаида Мартыновна повела по немъ глазами, какъ бы пожелала остановить его... И сидя, она была развѣ на одинъ или на два вершка ниже его. На видъ лѣтъ подь тридцать, съ крестьянскимъ лицомъ, русыми волосами на головѣ и въ бородѣ, полный, красивый, веснучатый, онъ прिवѣтствовалъ ее своими желтоватыми, карими глазами и улыбкой широкаго свѣжаго рта, откуда бѣлые рѣдкіе зубы выглядывали совсѣмъ по-дѣтски.

— Здравствуйте, докторъ,—сказала Ногайцева, безъ всякаго выраженія.

— Можно присѣсть, Зинаида Мартыновна?.. Уморился!

— Садитесь.

Она была скупа на слова, не потому, что хотѣла быть съ нимъ нелюбезной: вообще русскій разговоръ стѣснялъ ее, да и по-французски или по-англійски она не умѣла или не хотѣла говорить тирадами; предпочитала смѣлыя замѣчанія и готовые ловкіе отвѣты.

Докторъ Лукашинъ сѣлъ на скамью, поджалъ подь нее свои вороткія ноги, отеръ лобъ платкомъ и надѣлъ шляпу, послѣ чего чуть слышно вздохнулъ: „ну вотъ, молю, я теперь совсѣмъ готовъ и ожидаю вашихъ приказаній“.

Взглядъ вбоѣ далъ ему знать, что Зинаида Мартыновна не желаетъ, не считаетъ для себя ловкимъ самой начинать разговоръ.

— Это я понимаю,—началъ онъ самымъ простымъ тономъ, точно продолжалъ прерванную пріятельскую бесѣду:—прекрасно

я понимаю, Зинаида Мартыновна; вчера вамъ, при всѣхъ этихъ барыняхъ и господахъ, да и при Софьѣ Германовнѣ, не хотѣлось меня... къ себѣ, что ли, уводить... Такъ вѣдь?

Она отвѣтила наклоненіемъ головы.

— Прекрасно, я смекнулъ... да и зачѣмъ же себя нудить?.. Особенно со мной.—Глаза его улыбнулись необычайно добро.— Ужъ со мною-то нечего... цирлихъ-манирлихъ... Ну, вотъ-съ и поговоримъ ладномъ... Кажется, нивакихъ барышень съ книжками сюда не направляется... Папиросочку позволите?

— Курите,—сказала она и поглядѣла, не идетъ ли кто въ ихъ сторону.

— А если помѣшаютъ... мы вонъ туда въ домикъ... какъ будто для осмотра Евтерининскихъ памятниковъ...

Она понимала, что Лукашинъ прикрываетъ болтовней некое чувство: по своей добротѣ—она это признавала и говорила даже, что онъ „stupidement bon“—докторъ оттягивалъ то, что онъ ей сообщить сейчасъ, для чего она его вызвала въ паркъ передъ своимъ обычнымъ утреннимъ визитомъ къ княгинѣ Трубчевской.

— Скажите,—ускорила она сама:—все это правда, что Сосѣ привезла изъ Москвы?—Голосъ ея звучалъ пріятно, но слова она произносила слишкомъ отчетливо.

— Насчетъ папѣ вашего?

— Да...

— Видите, Зинаида Мартыновна...—Лукашинъ подвинулся къ ней, а папиросу взялъ огнемъ книзу:—я самъ не видалъ... вашего папѣ... Мартынъ Лукичъ, кажется?

— Да,—почти нѣхотя подтвердила она.

— Такъ самъ лично я не могъ его видѣть... Но тотъ врачъ, у кого онъ на рукахъ... мы съ нимъ одного выпуска... изъ академіи; послѣ онъ душевными занялся, и теперь вотъ какъ въ Москвѣ гремитъ!.. Малый чудесный, даже Крафтъ-Эбингъ...

Лукашинъ остановился: почувствовалъ на себѣ ея взглядъ.

— Извините, Зинаида Мартыновна... Я только къ слову. Во всей этой учености... не силенъ. Но папѣ вашъ—въ прекраснѣйшихъ рукахъ. И вотъ Улановъ—это психіатра фамилія—подтвердилъ мнѣ, что теперь состояніе Мартына Лукича весьма тихое... и онъ совершенно здраво разсуждаетъ. Васъ онъ очень бы желалъ видѣть, и даже мнѣніе Уланова таково, что это на него хорошо подѣйствуетъ. То же онъ сказалъ, должно быть, и Софьѣ Германовнѣ. Вы ей можете въ этомъ повѣрить.

Она не сразу откликнулась. Лукашинъ могъ бы слышать

ея дыханіе, ноздрями, при сжатомъ ртѣ; онъ застучалъ каблукомъ о щепень площадки и ничего не слышалъ.

— Хорошо, — отвѣтила она такъ, какъ говорить, когда не желаютъ дать согласіе.

— Ужъ вы на меня не пеняйте! — продолжалъ Лукашинъ, взглянувъ ей подъ шляпку, съ новой усмѣшкой и рта, и глазъ: — Софья Германовна, по своей добротѣ, часто навѣщала вашего папѣ... тамъ, въ заведеніи... Улановъ вошелъ въ его душевную жизнь... не такъ, какъ другіе... только плати имъ за содержаніе... Нѣтъ, чудеснѣйшій, рѣдкій паренъ—вы можете вѣрить...

Опять взглядъ безъ словъ пригласилъ его сократить. Лукашинъ разсмѣялся надъ самимъ собою.

— Простите!.. Не могу кратко. Да я при васъ еще больше путаюсь. Вотъ подите: вѣдь помните, за границей, еще дѣвочкой васъ зналъ... почти-что въ короткихъ платьяхъ, бакфингъ были, а теперь внушаете...

— Что же этотъ Улановъ... вы не хотите мнѣ сразу рассказать...

— Это точно!..

Лукашинъ расхохотался.

„Quel idiot!“ — назвала она его про себя.

— Зинаида Мартыновна, — началъ онъ уже безъ смѣха, почти съ серьезной миной, и голосъ его дрогнулъ: — вы — дѣвушка безъ всякихъ, сколько мнѣ извѣстно, предразсудковъ. И лѣта ваши такіе... вы ихъ не скрываете... Стало — я буду по-просту. Папа вашъ... заслужилъ передъ вами, все сдѣлалъ, хоть и на послѣдяхъ... имя, законное положеніе... и состояніе такое. А если остались въ прошедшемъ какія зацѣпки... какъ же съ этимъ быть?...

— Я ни въ чемъ не виню отца, — твердо выговорила она.

— И чудесно! Но маменька ваша...

— Какая? — вдругъ спросила она съ поворотомъ головы, и въ ея глазахъ заострились двѣ иголки. — Я не знаю моей матери... Если она и живетъ до сихъ поръ... насколько мнѣ извѣстно, то и отца она...

Зинаида Мартыновна искала слова.

— Покинула? хотите вы, что ли, сказать?.. Такъ вѣдь это когда же случилось? И папенька тоже пожилъ; небось, не одинъ романъ у него былъ? Какъ же все это разобрать теперь... давность прошла!

Онъ тихо разсмѣялся. Ее чрезвычайно непріятно задѣвали всѣ эти рѣчи простодушнаго доктора. Она считала ихъ безтакт-

ными, и еслибъ ей не хотѣлось узнать все до конца, она бы прекратила первая разговоръ.

— И что же? — спросила она какъ, что Лукашинъ почти оторопѣлъ.

— Да вы не волнуйтесь, Зинаида Мартыновна. Я въ двухъ словахъ...

— Будто? — остановила она его такимъ тономъ, какимъ озадачивала въ салонѣ плохонькихъ молодыхъ людей.

— Это точно!.. Словообиліе у меня варварское! Я васъ держу безъ толку; пора вамъ въ той, къ книгинѣ...

— Да, пора.

— Такъ вотъ-съ... — Онъ набрался духу: — папа вашъ, когда сталъ приходить въ себя, обратился сердцемъ... въ своей давнишней подругѣ...

„Подруга, — повторила въ головѣ Зинаида Мартыновна: — та мѣге, excusez du peu!..“

— Все забылъ, все простилъ и пожелалъ видѣть ее... А она оказалась больная... съ хроническимъ недугомъ... но все-таки была у него... Все это при Улановѣ.

„Какъ трогательно!“ — чуть не вслухъ выговорила Зинаида Мартыновна.

— А остальное-то само собою разумѣется. Улановъ мнѣ передалъ это, отчасти и Софьѣ Германовнѣ. Только съ ней ваша... маменька — выговорилъ онъ вполголоса — не видалась.

— А видѣлась съ вами, — досказала Ногайцева и встала.

Этого движенія Лукашинъ не ожидалъ. Онъ еще не кончилъ, и у него было въ карманѣ пальто — самое важное. Но онъ не двигался и скороговоркой досказалъ:

— Да-съ... Это точно... И маменька ваша достойна жалости... объ васъ спрашивала... плакала... я не скрою... А вотъ и письмо.

Письмо онъ выхватилъ изъ бокового кармана, протянулъ его Ногайцевой и тогда только всталъ.

Ея лѣвая рука была уже занята — держала книжку, а въ правой былъ зонтикъ. Она немного даже отступила. Лукашинъ стоялъ передъ ней съ письмомъ, красный, улыбающійся, сконфуженный и такой же заразительно простодушный, какъ и въ началѣ этого объясненія.

— Возьмите, — сказалъ онъ тихонько: — вамъ жалко станеть, барышня...

Это слово: „барышня“ — вырвалось у него такой нотой, что и она тотчасъ же мягко улыбнулась.

— Подержите, — сказала она ему и подала книжку.

Лукашинъ взялъ книжку въ правую руку, а лѣвой отдалъ ей письмо.

Однимъ взглядомъ проглотила она адресъ. На конвертѣ большого формата стояло твердой мужской рукой: „Ея Высокоблагородію Зинаидѣ Мартыновнѣ Ногайцевой, въ собственные руки“.

— Это ея рука?

Вопросъ былъ недоувѣрчивый.

— Нѣтъ, это я написалъ по ея просьбѣ... Ужъ мнѣ каяться за одно: семь бѣдъ!.. Вы прочтите вотъ тутъ, по дорогѣ, въ тишинѣ, знаете, барышня, безъ всякихъ этакихъ щекотливостей. Если жалко станетъ — это главное... какъ Богъ на душу положить — такъ и ладно. А за симъ прощенія прошу. Сегодня вѣдь я званъ къ вамъ къ обѣденному столу.

— Будете?

Она спросила это глухо и задумавшись. Рука ея съ письмомъ опустилась. Лицо было наполовину прикрыто зонтикомъ.

— Буду... Только знаете, Зинаида Мартыновна, меня ваша сестрица зоветъ всегда въ родѣ какъ за-границей — помните — отца Веніамина посольскаго, когда онъ бывало пріѣдетъ требу справлять. Она вѣдь и меня считаетъ изъ духовныхъ; а этой крови во мнѣ нѣтъ!..

Неопредѣленной усмѣшкой отвѣтила она ему и покачнулась немного станомъ; но не сказала ему: „прощайте“.

— Я, впрочемъ, — не унимался Лукашинъ: — не одинъ буду... Иванъ Альфонсычъ приглашенъ... Вы рады его видѣть, Зинаида Мартыновна: вѣдь онъ вашъ бывший менторъ?

— Блэзо?.. — переспросила она. — Онъ уменъ.

Тутъ она кивнула ему головой и пошла скорѣе, чѣмъ двигалась къ мѣсту ихъ встрѣчи. Лукашинъ частыми шажками догналъ ее и духомъ выговорилъ:

— Повѣрьте, у меня и въ помышленіи не было васъ разстроить, Зинаида Мартыновна.

— Вѣрю, вѣрю.

Она отвѣтила это на ходу и не обернулась къ нему.

Такъ дошли они до поворота. Лукашинъ снялъ шляпу, махнулъ ею въ воздухъ и побѣжалъ къ желѣзной дорогѣ.

Одна — Ногайцева замедлила шаги и повернула въ аллею влѣво. Ей нужно было походить еще хоть пять минутъ въ тѣни, передъ тѣмъ, какъ идти къ княгинѣ, привести въ порядокъ свои мысли, спросить хорошенько о главномъ самомъ себя.

Этотъ „идіотъ“ Лукашинъ приготовилъ ей самую нелѣпую неожиданность!.. До двадцати-трехъ лѣтъ дожила она, и никогда

не задумывалась о своей матери. Сначала ее воспитывали такъ, точно будто она сирота. Очень рѣдко кузина отца, ея названная „мама“, или ея мужъ, или Сосѳ, упоминали про Москву, вообще про Россію... Она сама давнымъ-давно свыклась съ той мыслью, что жизнь ея всегда пройдетъ за границей. Дѣвочкой, лѣтъ двѣнадцати, увидала она, въ первый разъ, отца... Мамап сказала ей за недѣлю:

— Твой отецъ прійдетъ. Ты должна любить его.

Отецъ явился такой... ненарядный, нерашливый, обрюзглый, съ краснымъ носомъ, съ пятнами на щекахъ и лысиной, беззубый, все что-то такое болталъ хриплымъ голосомъ, разсказывалъ анекдоты; за столомъ смѣялись его дурачествамъ, но она и тогда уже поняла, что на него смотреть какъ на шута; поняла она и то, что онъ совсѣмъ прожился и у кузины прійхалъ погостить и поиграть въ рулетку... Онъ и проигралъ послѣднія деньжонки; а все ходилъ каждый день въ игорную залу, — домой возвращался только ѣсть... Узнала она, что онъ и кельнерамъ, и лакеямъ при рулеткѣ, остался долженъ... Полюбить его она не могла, да и не хотѣла, такъ-таки сознательно не хотѣла, особенно черезъ годъ, когда она вдругъ поняла — это она.

„Je suis une batarde“, — выговорила она тогда, и озлилась. Она увидала, что у нея даже фамиліи нѣтъ, что она — просто „Zizi“, что отецъ у нея „незаконный“, прожившійся баринъ, почти нищій, состоитъ при родственницахъ да при богатыхъ купцахъ — прихлебателемъ. Все это она прекрасно сообразила, и не только любить, но и жалѣть его не хотѣла. Да онъ и не показывался года три-четыре. Гдѣ онъ жилъ — она не знала, и сама никогда про него не спрашивала. „Тамъ, гдѣ-то... въ Россіи“. И вся-то Россія уже и тогда представлялась ей зловѣщей далью... Оттуда шла главная ея обида, то клеймо, какое лежало на ней. Воспитательница, мужъ ея, дочь, обращались съ ней какъ съ родной, и даже всѣ посторонніе считали ее за вторую дочь madame Kuhn. Она скоро стала преобладать надъ своей кузиной Сосѳ, вызвала въ ней настоящую къ себѣ слабость и даже имѣла тонъ ея старшей сестры. Но она смотрѣла впередъ, предвидѣла, какъ черезъ три года, когда она будетъ невѣстой, окажется, что она — нищая и безъ имени, побочная дочь разорившагося барина и неизвѣстно какой женщины.

„De mère inconnue“, — повторяла она тогда безпрестанно фразу, вычитанную въ какомъ-то уголовномъ отчетѣ.

И, узнавъ совершенно случайно изъ разговора старшихъ, что

„эта женщина“ была „фигурантка“ или „корифейка“ (такъ, кажется, они называли), она еще сильнѣе вознегодовала.

Лучше бы было просто родиться отъ „femme du peuple“, о которой никто никогда бы и не упомянулъ.

А подошелъ ей уже восемнадцатый годъ. Тетка вела ихъ съ Сосѳ одинаково. Обѣ онѣ усвоили себѣ „высшій стиль“ дѣвицъ того заграничнаго общества, у котораго нѣтъ ни отечества, ни національности, съ совершенно особенной повадкой. И Англія, и Америка, и Парижъ, и Трувиль, и нѣмецкія воды, и Ницца, и Монако, надѣлили ихъ своими вкладами. Ни въ чемъ она не уступала кузинѣ—ни въ строгости соблюденія моды, ни въ малѣйшихъ отгѣнкахъ походави, разговора, мимики, ни въ усиленной преданности всякаго рода спорту: на скачкахъ, на гонкахъ, на крокетѣ, на игрѣ въ мячъ и въ кавалькадахъ. Съ шестнадцати лѣтъ у нея стали появляться признаки малокровія—мигрени, сердцебиеніе, катарральное недомоганіе. Она боролась съ этими „sales infirmités“ (она ихъ сама такъ называла), скрывала ихъ, не лечилась, чтобы никто изъ тѣхъ, кто могъ выбрать ее себѣ въ жены, ни отъ кого не услыхалъ, что она болѣзненная. Только цвѣтъ лица выдавалъ ее; но онъ многимъ нравился.

Однако, ни лордъ, ни герцогъ, ни даже банкиръ или русскій дипломатъ, или золотопромышленникъ, не являлись. Значить, всѣмъ было извѣстно, кто она... Побочная дочь... Да это еще полбѣды въ теперешнемъ свѣтѣ; главное — у нея нѣтъ ничего; тетка сдѣлаетъ приданое, но капитала не дастъ. Вотъ тогда-то ее и охватила жажда денегъ. — Безъ всякихъ внушеній и проповѣдей исполнилась она благоговѣнія къ этой силѣ. Будь у нея—ну, хоть сто тысячъ рублей—она купила бы себѣ и мужа, да и этого не нужно: создала бы себѣ жизнь, гдѣ каждый фибръ ея существа испытывалъ бы удовлетвореніе, на полной свободѣ, въ привычкахъ „высшаго стила“, въ томъ кругу истинныхъ царей Европы, въ сосредоточіи того, что зовется „la haute gomme“ — съ выраженіемъ зависти — тѣми, кто самъ туда никогда не попадетъ.

Только это и грызло Зинаиду Мартыновну — ее уже такъ звали тогда нѣкоторые русскіе: священникъ, камердинеръ дяди, псаломщикъ, докторъ Лукашинъ, домашній врачъ дяди, кое-кто изъ знакомыхъ мужчинъ. Только это... Борьбы съ собой, самоосужденія, уколовъ совѣсти, исправленія себя по какимъ-нибудь книжкамъ или собственнымъ настроеніямъ—она не знала. Ея начитанность, — она читала пѣходя всякія книжки, даже и по

философскимъ вопросамъ, и по физиологии — все, что она находила „drole“ — рано создала ей особую теорію самооправданія:

— Такая у меня натура!

Эту фразу стала она повторять на четырехъ языкахъ, и никогда въ ней не ватеплился — самъ собою или подъ внезапнымъ душевнымъ ударомъ — огонекъ, который растопилъ бы твердую глыбу ея особенной положительности.

И вдругъ — отецъ получаетъ наслѣдство, заочно усыновляетъ ее, собрался къ ней, но не доѣхалъ, отдѣливъ ей двѣсти тысячъ и черезъ полгода сошелъ съ ума. Его сажаютъ. Онъ безнадеженъ. Вѣхать къ нему туда было совершенно „невстати“.

Прошло еще четыре года. Отецъ „все въ томъ же положеніи“. Она бы ни за что не поѣхала въ Россію, даже на мѣсяць, еслибъ не эта Сосѳ, съ своимъ разводомъ и желаньемъ навѣстить старика Куна, переѣхавшаго въ Москву. Четыре года прошли у Зинаиды Мартыновны по ея программѣ. И все у нея было, все: имя, настоящее, законное, старо-дворянское, и свое состояніе. Разомъ пропало у нея всякое желаніе идти замужъ. Пускай наивные люди — есть такіе и въ ея средѣ — толкуютъ, что она не хочетъ разстаться съ своей кузиной и до смерти будетъ состоять при ней... „Quelle bourde!“ Она свыкла съ Сосѳ, ей съ ней ловко; въ ея домѣ ей будетъ всегда удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Пока еще придетъ старость, а дѣвушкой, одной — все-таки „не то“, потому что не создашь себѣ совершенно такой же матеріальной обстановки. А не сойдется она съ новымъ мужемъ Сосѳ — тогда устроится иначе.

Да, четыре года жила она съ такимъ захватывающимъ чувствомъ своей свободы и силы, съ такимъ пользованіемъ всѣмъ, что для нея жизнь... Не знала она ни одного щевотливаго вопроса, никакого запрета... Дѣла ей не было до того, что про нее говорятъ за глаза. Никто никогда не позволилъ себѣ самаго невиннаго намека... Да и кто же посмѣлъ бы сказать, что вотъ такой-то погубилъ ея репутацію?.. Она — дѣвушка на самомъ дѣлѣ, а не номинально. Цѣлый рядъ всякихъ формъ flirt'a проходитъ въ ея воспоминаніяхъ — и никогда она не боялась за себя... Если было „drole“ — она шла на сближеніе... А „pas drole“ — осаживала сразу. И съ каждымъ годомъ убѣждалась Зинаида Мартыновна въ томъ, что мужчина и женщина насколько не созданы для взаимнаго влеченія, что они, напротивъ, — враги. „Завлекать“ — такого слова она не признавала, даже и не дѣлала никогда себѣ никакихъ упрековъ. Тѣ мужчины, всего чаще женатые, что искали съ ней романа, она знала — какой

это народъ; она говорила всегда, что они и не могутъ быть другими. Она ничего отъ нихъ и не требовала, какъ только той игры, которой занимались уже многія дѣвушки „высшаго стили“.

Объ одномъ она искренно сожалѣла, что не проходить у нея мигрени, и должна она каждое почти лѣто ѣздить то въ Крейцнахъ, то въ Франценбадъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ у нея ния и состояніе, она не скрывала своихъ „sales infirmités“, которымъ, впрочемъ, не особенно вѣрили и ея интимные друзья, видя, какъ она всегда на бреши, во всѣхъ видахъ спорта, какъ она пьетъ и ѣсть.

Такъ и уехали четыре года, и Зинаида Мартыновна не видѣла конца своему безпробудному довольству, какъ вдругъ... эта поѣздка съ Сосѳ на лѣто въ Россію, московскія вѣсти, временное возвращеніе къ разсудку отца и открытіе матери...

Еще за границей, когда она помирилась съ „памятью“ отца, была уже дворянкой и богатой невѣстой, она — послѣ смерти тетки — узнала отъ ея мужа нѣкоторыя подробности... Эта „корифейка“ давнымъ-давно бросила отца и была „подругой“ другихъ вивѣровъ тамъ, въ Москвѣ!.. А тутъ они помирились, и „идіотъ“ докторъ взялся быть посредникомъ; да и Сосѳ, съ тѣхъ поръ, какъ опять влюблена — въ который разъ! — и позируетъ на счетъ искренности и сердечности, тоже надѣлала разныхъ безтактностей...

Прошло не пять, не десять минутъ, — цѣлыхъ тридцать, а Зинаида Мартыновна все еще прохаживалась взадъ и впередъ, вдоль одной изъ аллей, влѣво отъ Англійскаго дворца...

И, быть можетъ, въ первый разъ она ни въ чему не пришла сама. Надо будетъ попросить совѣта у княгини Трубчевской и говорить ей о своей матери, — стало быть, опять „mettre sur le tapis“ свое незаконное происхожденіе.

Ѣхать въ Москву? Или просто махнуть рукой и поступить по-своему? Эта поѣздка была для нея нѣчто такое, что могло повлечь за собою неисчислимныя послѣдствія, выбить ее изъ колеи, заставить пройти черезъ ощущенія, которыхъ она боялась не менѣе смерти. Не слѣдуетъ ей — Зинѣ Ногайцевой — идти на это. Не должна она измѣнять всему своему существованію, своей судьбѣ, той твердыни пользованья жизнью, какою она себя устроила.

Но... она попала сюда, въ эту странную землю, въ общество, уже не то, что тамъ, въ международныхъ мѣстахъ, гдѣ блестятъ и царить „high-life“. Пова она здѣсь, при Сосѳ, нельзя

такъ рѣзко освобождать себя отъ дочерняго долга. Не годится. Уже Сосѳ сказала ей вчера:

— Cela ne se fait pas, Zizi!..

Отець у нея теперъ законный. Она не можетъ же не исполнить его какъ бы предсмертной воли: не повидаться съ нимъ.

Тутъ еще этотъ психіатръ— „чудеснѣйшій малый“! Онъ наболталъ Сосѳ, что такое свиданіе поправить больного окончателно. Все это—докторская „vanité“; но Сосѳ сразу убѣдилась и разрюмилась. Вѣдь Мартынь Луквичъ—ея дядя, хоть и не родной, но она очень любила считать себя „вогненной, столбовой“ по матери, чтобы прикрыть происхожденіе отъ нѣмца-коммерсанта, получившаго за благотворительность чинъ статскаго совѣтника, уже на старости, послѣ того, какъ женился на дѣвицѣ Ногайцевой.

Словомъ, въ этой странѣ—она связана. Не убѣжать ли ей? сейчасъ взять паспортъ, и прямо—на воды или на купанье? И будь она одна, она бы, вѣроятно, такъ и сдѣлала.

Княгиня Трубчевская, до сихъ поръ, для нея—живая книга свѣтской мудрости, высокой характеръ и авторитетъ, примѣръ того: какъ умъ и умѣнье пользоваться своимъ положеніемъ все покрываютъ и все пересиливаютъ. Она и съ Сосѳ-то согласилась побѣхать на сезонъ въ Петергофъ потому, что княгиня тоже тамъ жила; а прежде нѣсколько зимъ провела безвыѣздно за границей. Дѣвицей Ногайцевой, уже дворянкой и приданницей, Зинаида Мартыновна поставила себя подъ патронатъ княгини. Она сама предложила ей себя въ чтицы—и почти каждый день, передъ обѣдомъ, ходила къ ней, и зимой, и лѣтомъ. Все прошлое княгини, хроника ея побѣдъ, а подъ старость—и просто приобрѣтеній тѣхъ, кто шелъ на это, разумѣется, не даромъ, ея отношенія къ мужу, множество слуховъ и анекдотовъ, одинъ другого цвѣтистѣе,—все это было ей извѣстно до того дня, когда она сѣла около кушетки княгини и начала ей читать какую-то статью изъ „Revue“,—такъ по-парижски называла та журналъ Бюлова, безъ прибавленія: „des deux mondes“.

Ничто ея во всемъ этомъ не смущало, какъ не смущало и ея кузину Сосѳ, уже вышедшую въ это время замужъ. Онѣ еще дѣвочками-подростками прекрасно все это знали. Тетка любила ухаживанья, и мужчины, въ курортъ, гдѣ не перебирали знакомыхъ труднѣе, чѣмъ въ столицѣ, не стѣснялись присутствіемъ подростковъ и пространно рассказывали о прошедшемъ и настоящемъ княгини.

Но та же тетка отправлялась въ княгинѣ, какъ въ особѣ

высшаго разряда, и Зизи, каждый разъ, на Promenade впивалась въ ея фигуру, тонъ, манеру говорить по-французски, умѣнье заставить замолчать всѣхъ или разговаривать о томъ, что ей пріятно. Это поклоненіе было не восторженное, — рассчитанное, дѣловое. Она ее изучала и тогда, а еще болѣе когда сдѣлалась ея добровольной чтицей.

Ей, такъ долго страдавшей оттого, что она „побочная“, безъ имени, захотѣлось, у кушетки княгини Трубчевской, наверстать время своего незаконнаго положенія въ high-life, изъ прямого источника получать все, что могло додѣлать для нея стиль жизни, приѣмовъ, взглядовъ, всей ея философіи...

II.

Княгиня Трубчевская занимала дачу въ Старомъ Петергофѣ, нанятую на сезонъ. Дача принадлежала разбогатѣвшему доктору. Больше одного лѣтняго сезона княгиня и не рассчитывала прожить въ Россіи. Она пріѣхала по какому-то дѣлу одна: князь былъ за границей. Да они и никогда почти не оставались вмѣстѣ.

Зинаида Мартыновна вошла въ цвѣтникъ дачи ровно въ одиннадцать часовъ, — опоздала, по крайней мѣрѣ, на двадцать минутъ, и это ее серьезно безпокоило. Княгиня не знала, чтó такое кого-нибудь ждать, и даже любила повторять историческую фразу „короля-солнца“: „J'ai failli attendre!“

Необходимо было тѣмъ прямѣе сказать, что заставило ее опоздать — и просить совѣта.

Дача выходила въ цвѣтникъ своимъ узорчатымъ фасадомъ въ русскомъ вкусѣ, съ пѣтушками и полотенцами и двумя вышками съ металлической облицовкой крыши. Цвѣтникъ смотрѣлъ довольно голо. Солнце плоско падало на него, и ни на одной дорожкѣ не было тѣни. Ногайцева пересѣкла его ускореннымъ шагомъ и, поднимаясь на довольно высокую террасу, также дышала ноздрями со сжатымъ ртомъ, какъ и въ паркѣ, въ промежуткахъ разговора съ Лушашинымъ.

Чтеніе происходило, обыкновенно, передъ завтракомъ; его подавали около часу, въ темной, прохладной гостиной, оббитой некрашенымъ деревомъ и съ такою же мебелью. Княгиня, навѣрное, сидитъ уже въ глубинѣ, противъ двери на террасу, и вышиваетъ.

— C'est vous, mon enfant? — раздался сухой и глуховатый голосъ княгини, когда Зинаида Мартыновна была еще на предпоследней ступенькѣ.

Разговоръ пошелъ только по-французски. Княгиня не употребляла смѣси и всегда зло смѣялась надъ этимъ. Русскія фразы, и очень своеобразнымъ языкомъ, она пускала иногда за границей, на прогулкѣ, когда садилась подъ дерево, „дѣлала кругъ“ и принимала на воздухѣ поклоны и привѣтствія прїѣзжихъ русскихъ барынь, разныхъ нѣмокъ и англичанокъ.

Ногайцева извинилась и сѣла; она немного запыхалась. На лицѣ княгини она ничего не прочла: ни недовольства, ни особаго привѣта. Въ полутъмѣ гостиной оно выдѣлялось своимъ оваломъ, все—точно изъ папье-маше, но искусно стяннутое въ вискамъ, съ ровно наложеннымъ слоемъ восметикъ и пудры, подъ парикомъ изъ свѣтло-русыхъ волосъ, посыпанныхъ также пудрой. Черты были у нея въ молодости мелкія и милевидныя, въ особенности ротъ и носъ; теперь все это отекло и обмякло. Умѣнье и споровеа держали въ равновѣсіи одраблѣвшія мышцы. Выраженіе было безстрастно-довольное, совсѣмъ еще не старушечье. Въ своемъ питомѣ бѣломъ капотѣ княгиня держалась прямо и не лишена еще была талии. Ногайцева знала, чего ей стоило такъ держаться. Ходить безъ поддержки она почти уже не могла—не отъ старости: ей пошелъ всего пятьдесятъ-четвертый годъ, а отъ изнурительной хронической болѣзни. Но этого посторонніе не знали, и въ столовую она шла всегда, ни на чью руку не опираясь. Руки сохранились молодыя—полныя и бѣлыя, съ ямочками и длинными пальцами, что вмѣстѣ встрѣчается рѣдко.

— *Quelle chaleur! une étuve,* — сказала снисходительно княгиня и добавила, что ей жаль Ногайцеву, и что онѣ могутъ и погнѣться: „*faire l'école buissonnière*“.

Никакой тревоги или озабоченности въ лицѣ Ногайцевой она не захотѣла примѣтить.

Въ первый разъ кровь прилила къ щекамъ Зинаиды Мартыновны—она отъ этого подурнѣла. Тотчасъ же, передъ чтеніемъ, рѣшилась она заговорить о себѣ.

Ей это было гораздо труднѣе, чѣмъ она думала. Тутъ только почувствовала она, до какой степени выше ея интересовъ стояла эта „свѣтлѣйшая“, ушедшая вся въ сохраненіе своего тона и въ поддержаніе развалинъ нераскаяннаго тѣла. Не отъ нея ждать теплаго пожатія, слезы или просто ласковаго, ободряющаго звука. Но вѣдь этого ей и не надо; ей надобенъ приговоръ высшаго эксперта: какъ она скажетъ, такъ и надо поступить, и никакія Сосѣ, никакіе „идіоты“, не собьютъ ея; она имъ и рта не позволитъ раскрыть,—разъ она получить санкцію княгини.

Довольно твердымъ голосомъ и въ короткихъ словахъ—кня-

гиня не выносила многословія — рассказала она про отца, безъ всякихъ, конечно, отступлений къ прошедшему.

Княгиня кивнула раза-два головой, и когда Ногайцева дошла до того, что у него теперь „une période lucide“, — выговорила съ небрежной миной рта:

— Il est condamné!.. C'est passager, mon enfant.

И это уже было по-сердцу Зинаидѣ Мартыновнѣ. Стало, княгиня не вѣрить такому выздоровленію; стало, нечего торопиться въ Москву. Тонъ княгини показывалъ ясно, что ей все давно извѣстно, и она признаетъ законность теперешняго положенія Ногайцевой. Въ глазахъ ея не трудно было прочесть такое мнѣніе:

„О чемъ же тутъ распространяться? Безпутный игрокъ-отецъ прекрасно сдѣлалъ, что получилъ прогрессивный параличъ, послѣ того, какъ усыновилъ тебя, моя милая, и записалъ тебѣ приданое въ двѣсти тысячъ“.

Но Зинаида Мартыновна не сказала тутъ же: „какъ вы мнѣ совѣтуете, княгиня, ѣхать или нѣтъ?“ Та ждала еще чего-то.

Признаніе о матери далось труднѣе. Но она еще кратче объяснила „это обстоятельство“. Матери никогда не знала, вдругъ теперь та свалилась съ неба. У отца съ матерью была „сентиментальная“ сцена. А потомъ, глупый докторъ Лукашинъ — княгиня видала его за границей — и только...

Раза-два повела головой княгиня, и опять мина рта дала знать, что все это „ne vaut pas un souge liard“, — ея любимая поговорка. Только она для самой себя кончила болѣе серьезной миной, съ отгѣнкомъ мягкаго покровительства.

Письмо лежало у Зинаиды Мартыновны за жилетомъ. Тамъ, въ англійскомъ паркѣ, она два раза прочла его. Выраженія, ошибки правописанія, самый почеркъ, чернила, бумага — вызывали въ ней брезгливое чувство. Внутри у нея ничего не дрогнуло. И теперь ей стало неловко, — уже не за то, что у нея мать „Богъ знаетъ кто“, а за это „смѣшное“, полуграмотное письмо. Вдругъ какъ княгиня пожелаетъ сама взглянуть на него!

Съ рѣшимостью, какая схватываетъ васъ, когда вы отдаетесь зубному врачу въ руки, она вынула конвертъ, а изъ него — надвое сложенный листъ дешевой почтовой бумаги, купленной, вѣроятно, въ мелочной лавочкѣ.

— Voilà, — раздался голосъ княгини. — Lisez-moi ça, petite.

Слова „petite“ никогда еще не употребляла княгиня. Въ немъ былъ новый отгѣнокъ — точно пренебрежительнаго снисхожденія.

Невольно закусила Ногайцева губы и тоже въ первый разъ озлилась на эту „свѣтлѣйшую“, но все-таки преклонилась заново передъ ея тономъ. Вотъ этотъ тонъ все освѣщаетъ и покрываетъ собою. Что за бѣда, что за границей, тамъ, гдѣ Зизи воспиталась, каждая нѣмеца-контрощица, любой оберъ-вѣльнеръ разскажутъ вамъ „ужасныя исторіи“ про княгиню изъ недавняго времени, изъ того, что бывало всего какихъ-нибудь лѣтъ десять-пятнадцать назадъ. И плѣнные французы-офицеры, и годовой докторъ нѣмецъ, и какой-то заѣзжій піанистъ венгерець, да и не перечтешь! Когда ей стукнуло уже сорокъ, и она, боясь старости, не знала себѣ мѣры въ своихъ вкусахъ, эта самая женщина способна была на бѣшенныя выходки публично. Уже дѣвочками-подростками Зизи и Сосѣ слышали, какъ мужчины повторяли ея знаменитую фразу про соперницу—не французскую, а русскую фразу, которую она пустила при всѣхъ:

— Да, эта дрянъ отбила у меня капиталъ!..

Но все это было, и тонъ, высшая школа, недостижимый стиль покрываютъ то, что способно было бы уронить до общаго и полнаго презрѣнія всякую заурядную барыньку. И вотъ она, Зизи Ногайцева, сидитъ передъ своимъ судьей на табуретѣ, побурѣла отъ смущенія, обиды, злобнаго чувства, и не смѣетъ встать, положить письмо въ карманъ и уйти. Она будетъ его читать и поступить такъ, какъ ей продиктуютъ.

— Vous, —повторила княгиня и перемѣнила позу.

Все лучше: не нужно показывать почерка и „кухарочныхъ ошибокъ“.

„Милая дочка“...

Эти два слова Зинаида Мартыновна хотѣла-было проглотить и не смогла.

„Извините меня (знаковъ, кромѣ точекъ, не было никакихъ) столько лѣтъ были неизвѣстны мы и вотъ Богъ привелъ. Папенька теперь опять пришелъ въ себя, такъ я въ сердцѣ своемъ носила... и въ болѣзняхъ своихъ, чтобы Господь привелъ увидеть тебя, Зинушка моя сердечная. Извините, что такъ называю. Не надѣюсь я долго жить... пова теперь у тебя отъ папеньки и фамилія и хорошія средства — и такъ меня это радуетъ, и соберетесь ли, хоть глазкомъ поглядѣть бы къ намъ въ Москву. Да папенькѣ будетъ великая радость.

„Извините, я отъ всей души и что въ моихъ поступкахъ было—право, еслибъ моя воля, никогда бы я свое дите не оставила. Да и все это уже позади. Радость — дочка моя. Не дай мнѣ умереть безъ благословенія тебя на вѣки—

„Мать ваша“.

Голосъ Зинаиды Мартыновны не падалъ и не поднимался; онъ скользилъ по словамъ. Она читала сама со знаками и измѣнила разъ пять безграмотность окончаній. Но уже той брезгливости, что была у нея въ аллеѣ парка, она не испытывала — только еще больше горькій стыдъ и желаніе поскорѣе, поскорѣе конца этой операціи.

— Elle signe? — спросила княгиня.

— „Людмила Разшивина“.

— Une danseuse? — переспросила княгиня, но не тономъ настоящаго вопроса.

— Oui, princesse, — отвѣтила Зинаида Мартыновна и громко перевела духъ.

Любь ея былъ влаженъ.

Она не позволила себѣ ни вопроса, ни возгласа, никакихъ словъ душевной тревоги. Она ждала.

Княгиня опять перемѣнила позу, вытянула ноги, перевела губами и сдѣлала ими что-то въ родъ: — Пхе!

Послѣ чего сейчасъ же скороговоркой рѣшила:

— Mon enfant, il n'y a pas de quoi fouetter un chat!

И потомъ, не торопясь, бросая фразы легко и вѣско („какъ умно!“ — повторяла про себя Ногайцева), мягко и снисходительно разобрала она этотъ „cas de conscience“.

Отцу Зина должна быть все-таки благодарна, и можно бы было поѣхать къ нему, тѣмъ болѣе, что это „ne tire pas à conséquence“. Но внезапное появленіе этой матери... „Une mère est toujours une mère, mon enfant“, — но надо знать хорошенько: нѣтъ ли подъ этимъ примиреньемъ съ отцомъ какой-нибудь интриги? Это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Можетъ быть, у него есть еще часть капитала — не успѣлъ прокутить передъ своимъ сумасшествіемъ. Да это — ихъ дѣло, но ей, молодой дѣвушкѣ, хотя все-таки „avec un certain détail dans le passé“, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ летѣть прямо на какое-то подозрительное семейное свиданіе и рисковать очень многимъ.

Княгиня не пояснила подробно, чѣмъ именно; но Зинаидѣ Мартыновнѣ сейчасъ же представились всѣ возможности этого риска. Никто лучше бы не отвѣтилъ на ея сокровенныя думы.

А Сосѡ?.. Вся эта болтовня въ теперешнемъ ея чувствительно-благородномъ настроеніи?

На это ей отвѣтили, что съ Сосѡ спорить не слѣдуетъ, безтактно было бы рѣзко упирается: — надо сказать, что она не прочь ѣхать и поѣдетъ, когда убѣдится, что сдѣлать такъ будетъ „достойно ея теперешняго положенія“.

Эту фразу: „digne de votre condition actuelle“, она быстро схватила и уложила въ своей головѣ, какъ нѣчто разрѣшающее ей все.

На чтеніе романа оставалось всего около двадцати минутъ. Княгиня, ласковѣ обыкновеннаго, сама разрѣшила Ногайцевой не читать, — только спросила ее: ознакомилась ли она хоть немножко съ содержаніемъ книги; это былъ новый романъ, изданія Шарпантье. Просмотрѣть его Ногайцева не успѣла, что ее также раздосадовало на самое себя: обыкновенно она это дѣлала. У княгини не было никакихъ любимыхъ писателей. Она слушала все; ея чтіе пошелъ двадцать-четвертый годъ, и имъ обѣимъ уже не пристало стѣсняться другъ передъ другомъ.

Отъ княгини Зинаида Мартыновна выучилась фразѣ насчетъ того, что „drôle“ и что — „pas drôle“. Вкусу ея она довѣряла безусловно, и въ три года ей пришлось выслушать сотни короткихъ, всегда толковыхъ, часто злыхъ отзывовъ. О безнравственности романистовъ княгиня никогда не говорила и выслушивала до конца самыя смѣлыя мѣста. Иногда скажетъ:

— C'est d'une crudité inutile.

Не спускала она никому изъ новыхъ писателей — „des bêtises“, т. е. невѣрныхъ описаній, выдумокъ, фактовъ изъ третьихъ рукъ. Ногайцева помнила въ особенности четыре ея приговора. Всѣ четыре припали на долю романовъ Золя. Сцены при дворѣ Наполеона въ Компьенѣ, изъ „Son Excellence Eugène Rougon“, княгиня разобрала по ниточкѣ и рассказала, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, въ качествѣ приглашенной. Въ „la Faute de l'abbé Mouret“ она подсмѣялась надъ авторомъ, за то, что онъ заставилъ искать въ одно время года и ландышей, и картофеля, чего въ природѣ не случается. Про подробности родовъ изъ „Pot-bouille“ она объявила, что такихъ точно ощущеній никогда не испытывала; а у нея были очень трудные роды — дѣти не жили. Въ „la Joie de vivre“ нашла, что постоянное оранье подагрика дяди „est tiré pas les cheveux“.

— Mon frère avait la goutte, — припоминала она: — ma tante, la comtesse Wladykine, de même, mon père en souffrait terriblement, et personne ne hurlait comme chez monsieur Zola!

Зинаида Мартыновна еще разъ попросила извиненія: она не успѣла проглядѣть книгу. Когда взятая ими книги оказывались слишкомъ скучными или слабыми, княгиня слегка стыдила ее, говорила обыкновенно:

— Non, c'est de la bouillie!.. Abrégeons!

Онѣ прошли немного по террасѣ, княгиня сильно опира-

лась о руку Зинаиды Мартыновны, но ставъ держала прямо. Горничной она никогда не звала для этого; а какъ войдетъ посторонній,—сейчасъ же садилась и вела разговоръ съ высокоподнятой головой и выпрямленною грудью.

Она спросила ее про Сосó Дрозень, про ея разводъ; сказала, что разводиться, тратить большія деньги за тѣмъ только, чтобы опять женить на себѣ какого-то заграничнаго „paltoquet“ — великая глупость, и добавила:

— *J'espère, mon enfant, que vous vous passerez bien du divorce...*

Сосó она не терпѣла за многое; всего же больше за ея свѣ-жестъ и ту шумную бойкость, на которую мужчины идутъ гурьбой, даже и безъ всякихъ заднихъ мыслей... Она знала, что у Сосó всѣмъ удобно и весело.

— *On y entre comme dans un moulin!*—часто выражалась княгиня.

Отъ Зинаиды Мартыновны она уже слышала, что здѣсь въ Петербургѣ чета Ожиговыхъ и французъ Блэзо.

— *Monsieur Blaisot, qui blaise?..* — съострила она и не улыбнулась.

Ногайцева знала давно, что княгиня не любитъ Блэзо, не потому, чтобы возмущалась его прошедшимъ „непримиримаго“ и коммунара, а по другой причинѣ. Одно время, когда онъ давалъ уроки Зизи, она принимала его, восхваляла его, искала ему занятій. Потомъ вышелъ рѣзкій поворотъ... Тамъ, въ курортѣ, гдѣ это все происходило, такую рѣзкую переменъ въ княгинѣ объясняли очень понятно,—и Зизи слышала эти объясненія.

Княгиня все-таки освѣдомилась: зачѣмъ Блэзо пріѣхалъ. Онъ женился на русской, и у него дѣла по ея наслѣдству. Это вызвало у нея злое замѣчаніе насчетъ его теорій „коллективиста“, но больше она ничего не сказала и перешла къ Ожиговымъ.

Эти улизнули, конечно, отъ долговъ; что-нибудь еще продать и поюхать— „*flairer*“,—нельзя ли здѣсь опять пристроиться, не помирятся ли съ ними „*en haut lieu*“? Но это они — напрасно. Ихъ пѣсенка спѣта, и ходу больше не будетъ. Да и не туда теперь дуетъ вѣтеръ.

— *Le vent est au moujik et aux vertus de famille,*—сказала княгиня и остановилась на ходу, вскинула головой на фасадъ дачи съ пѣтушками, косяками и полотенцами изъ крашеной сосны.—*Vous voyez, ma chère,*—указала она на эти орнаменты:—*voilà les emblèmes décoratifs du moment.*

И безъ словъ она, своей миной, дала почувствовать Зинаидѣ Мартыновнѣ, уже не въ первый разъ, что у нея, у княгини Трубчевской, ея ума, тона невозмутимой увѣренности въ себѣ, ничто не отнять; что она—другой эпохи, той, которая отошла безвозвратно, и не желаетъ она поддѣлываться подъ разныя нынѣшнія „piaiseries“. Это всего больше дѣнила въ ней Зинаида Мартыновна. На ея глазахъ разрушалась эта женщина, но со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ стояло: „какъ мы прожили—не вашего ума дѣло“.

Коньки, пѣтушки, полотенца и „l'engoûment du prostoi“—острота княгини—перевели разговоръ еще на нѣсколько знакомыхъ лицъ. Не сплетничество видѣла въ этомъ ученица,—да и, въ самомъ дѣлѣ, княгиня не была сплетницей,—а поводъ въ безпощадной, не вздорной оцѣнкѣ людей. Ей стояло только хорошенъко слушать и запоминать,—и у нея накопится такой запасъ знаній того свѣта, гдѣ она хочетъ оставаться до смерти, какъ ни у кого. За это княгиня ничего не требовала, даже лести или подлаживанья.

— Et Ruine?

Этотъ вопросъ княгиня сдѣлала съ блуждающей улыбкой, и тотчасъ же приняла серьезный видъ.

Разговоръ показывалъ, что Рынинъ интересуется ихъ нѣсколько болѣе остальныхъ. Онъ наканунѣ былъ съ визитомъ у княгини и много говорилъ о Ногайцевой. Сегодня онъ будетъ обѣдать у Сосѣ. Княгиня, точно про себя, вымолвила:

— Voilà un garçon... qui a toutes les ambitions. Et une volonté de fer! Il arrivera!..

Никакого оживленія не показывалось на лицѣ Ногайцевой. Она сказала съ пренебрежительной миной и совершенно искренно:

— No good style!

— C'est un masque, petite...

И княгиня пояснила, почему. Въ немъ есть многое, что нужно именно теперь. Опять съ улыбкой поглядѣла она на орнаменты дачи. Рынинъ бѣденъ, но хорошей фамилии, учился мальчикомъ за границей, и сталъ теперь не даромъ такимъ... „fagouche“ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ: „slavophile, chauvin et, avant tout, roublard“,—закончила княгиня.

Зинаида Мартыновна всѣ эти слова схватила на-лету: они ей могли пригодиться очень скоро.

Четверть часа ходьбы утомили княгиню. Что-то такое у нея заболѣло внутри, сразу; она подавила гримасу, потемнѣла въ лицѣ, попросила отвести себя къ кушеткѣ и отпустила Ногай-

цеву. Завтракать она ея не удерживала, потому что къ ней будетъ „un homme de loi“ изъ города, она поѣстъ наскоро и отдохнетъ немного.

На вопросъ Ногайцевой о ея здоровьѣ, княгиня выговорила со скопченнымъ ртомъ:

— Je vais claquer, mon enfant, d'ici—deux ans!.

Она легла на кушетку, закрыла глаза: видно было, что у нея очень сильныя боли.

— Je ne vous retiens pas!—повторила она два раза.

Зинаида Мартыновна беззвучно сошла съ террасы.

III.

Жаръ спустился прозрачной дымкой надъ взморьемъ, вдоль дороги въ Ораніенбаумъ. Шель пятый часъ. По верхнему шоссе облака пыли безпрестанно поднимались отъ экипажей. Тѣни падало мало. Изрѣдка прохлада доходила только до садовъ и цвѣтниковъ дачъ. Всего больше ея было вокругъ „государевой“ дачи: и наверху, гдѣ подъ густою зеленою липъ выстроились въ два ряда гипсовыя сухощавыя фигуры на пьедесталахъ, и по ту сторону, въ цвѣтникѣ и въ извилистыхъ аллеяхъ, на дорожкахъ съ подъемами и спусками. Особенно пріятна была прохлада на террасѣ.

На одномъ изъ желѣзныхъ дивановъ террасы сидѣла Зинаида Мартыновна, все съ той же книжкой, которую носила утромъ къ княгинѣ. Она провела цѣлыхъ четыре часа совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно. Всего чаще княгиня оставляла ее завтракать. Тогда у княгини не очень ей нравилась: она любила покушать основательно, знала толкъ въ гастрономіи, имѣла слабость къ русскимъ закускамъ и разнымъ блюдамъ, вкуснымъ и опаснымъ,—за что и платилась частымъ нездоровьемъ; только русскія „comestibles“ да кулебяки и ботвиньи и нравились ей изъ всего національнаго. Княгиня сидѣла на діетѣ. Но все-таки она охотно оставалась у нея завтракать. За столомъ княгиня бывала всегда разговорчивѣе, острѣе; съ визитомъ къ ней являлись только люди „très stylés“, или такіе, къ которымъ недурно было при-
смотреться, на всякій случай.

Сегодня Зинаида Мартыновна и дома позавтракала дурно, одна, кое-чѣмъ. Сосѣд уѣхала съ утра въ городъ, все къ своему адвокату по бракоразводнымъ дѣламъ; прислуга думала, что барышня останется завтракать у княгини. Никогда она такъ дурно

не ѣла, какъ сегодня. И не хотѣлось ей сидѣть одной и ждать визитовъ. Она этого и вообще не любила. Когда ее кто-нибудь занималъ и было это „drôle“, она уходила съ нимъ преспокойно гулять, по горамъ. А здѣсь она ни на комъ не останавливала своего выбора, да, вѣроятно, и не остановитъ до возвращенія за границу.

Взяла она книжку и послѣ завтрака пошла ее просматривать къ взморью. Она уже нѣсколько разъ заходила на „государеву“ дачу, раза два осматривала комнаты и чувствовала себя въ нихъ по заграничному. Отдѣлку салоновъ, будуара, столовой, картинки Ватто, Ванъ-Лоо, Бушэ, общій характеръ виллы—террасы и садъ — находила она въ „стиль“ и отдыхала на всемъ глазами. Ей было тутъ уютно; даже, на особый ладъ, ново: точно она совсѣмъ не въ Россіи, не въ этомъ довольно-таки безвкусномъ для нея Петергофѣ.

Русскій дворецкій (Coco привезла еще изъ-за границы грума и valet de pied — англичанъ) доложилъ ей, когда она уходила, что Софья Германовна вернутся скоро и поѣдутъ съ гостями куда-то кататься, — кажется, на Бабій-Гонь, — такъ угодно ли Зинаидѣ Мартыновнѣ, чтобъ за ними заѣхать на государеву дачу?

Она приказала сказать Софьѣ Германовнѣ, что просить заѣхать за ней, когда они будутъ возвращаться назадъ, домой, передъ самымъ обѣдомъ.

Вотъ теперь она и ждала ихъ. Съ кѣмъ заѣдетъ Coco? Наверное съ пріателемъ своимъ, Теняшевымъ, можетъ быть и съ Ожиговыми. Рынинъ будетъ только къ обѣду. Ей вспомнился разговоръ о немъ у княгини. Да, онъ, конечно, „goublard“, но въ немъ есть еще что-то, мужское, какое-то особое „себѣ на умѣ“, худо скрываемое пренебреженіе къ женщинѣ и легкое отношеніе къ тому, что она, Зина Ногайцева, считаетъ хорошимъ стилемъ. И все-таки онъ трется же около ея общества. Ей ничего не надо: она карьеру свою сдѣлала; а ему, видимо, надо очень многого добиться. Къ такимъ мужчинамъ, какъ этотъ Рынинъ — некрасивымъ, безъ граціи и дурачливости, съ которыми не чувствуешь себя по-товарищески и не хочешь „пофлѣртировать“, сейчасъ же является враждебность: вовсе не та враждебность, какую въ старомодныхъ книжкахъ представляли какъ перевернутую любовь, переходящую прямо во взрывъ страсти... Пустяки! Просто, такой „мужчинка“, какъ говорить Coco съ Теняшевымъ — (только та этого не чувствуетъ) — врагъ. Видишь насквозь его желаніе: взять тебя, всего чаще безъ всякой любви, и принизить; если и страсть на обоихъ нахлынетъ — она понимала

это только въ идеѣ—такъ все же они чужды одинъ другому, два звѣря, которымъ надо разгрызть одну и ту же кость. А сколько же такихъ паръ—ихъ сотни тысячъ!—гдѣ вся жизнь показываетъ, какіе мужчина и женщина прирожденные враги, и ничего у нихъ общаго нѣтъ и быть не можетъ въ томъ, что составляетъ ихъ коренную природу, въ чемъ они сами по себѣ.

Перелистывала она новый романъ, взятый съ собой—завтра она начнетъ его у княгини—и эти мысли переплетались со сценами любовной исторіи. Авторъ этого не говорить; но она-то видитъ, что такъ было на самомъ дѣлѣ.

Ее этотъ выводъ—она его сдѣлала не на дняхъ, давно уже—особенно ободряетъ; придастъ смѣлость и прямоту тому, какъ она будетъ поступать въ каждомъ обстоятельствѣ: ихъ только разные сентиментальныя кривляки и дуры—„des cruches“—считаютъ „щекотливыми“. Она, здѣсь, на террасѣ, перебрала всѣ заключенія княгини насчетъ ея „cas de conscience“, и теперь у нея нѣтъ никакихъ колебаній: она знаетъ, какъ ей говорить и какъ оттянуть безъ всякихъ объясненій то, чего ей не слѣдуетъ дѣлать, что не „digne de sa condition actuelle“.

Ей послышались голоса позади дачи; экипажъ только-что остановился передъ воротами, на верхнемъ шоссе.

„Это они“,—подумала Зинаида Мартыновна, встала и пошла къ нимъ на-встрѣчу.

На дорожкѣ, около воротъ, со стороны задняго фасада, къ ней подбѣжала Сосѣ Дрозенъ, ея кузина. За нею шли двое мужчинъ, штатскій и военный. Штатскій былъ Теняшевъ, ихъ давнишній заграничный пріятель, лѣтъ за тридцать. Пухлое, смуглое лицо, борода, развалистая походка, мягкая шляпа, небрежность лѣтнаго туалета, пестрый, далеко не изящнаго выбора галстухъ, дѣлали его по виду мало подходящимъ товарищемъ и фаворитомъ обѣихъ кузинъ; не больше подходили и къ его службѣ за границей, требующей представительности. Военный, на цѣлую голову выше Теняшева ростомъ, двигался жесткой походкой, не сгибалъ колѣнъ. На немъ форменно сидѣли: бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ, китель и кавалерійскія рейтузы. Лицо буро-красноватое, нечистое, старообразное, съ жидкими усами, бритое, и очень короткіе темнорусые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ:—наружность Рынина не привлекала къ нему. При всемъ томъ онъ казался порядочнѣе Теняшева, и на блѣдномъ, широкимъ ртѣ съ сжатыми, довольно толстыми губами, лежала улыбка извѣстнаго рода увѣренности; сѣрые узкіе глаза щурились подъ

удлиненными рѣсницами. Въ правой рукѣ—безъ перчатки—онъ держалъ прутикъ, сорванный дорогой.

Сосѣ налетѣла на Зинаиду Мартыновну шумливо, и потокъ словъ запрыгалъ и затрещалъ, какъ мѣра гороху, высыпанная на гладкій каменный полъ. Эта коротенькая молодая женщина—она на два года была старше Ногайцевой—полная, съ таліей въ рюмочку, бѣлокурая, причесанная по рисунку, въ красномъ кумачнаго цвѣта платьѣ и бѣломъ жилетѣ, съ палвой-зонтикомъ въ рукахъ, съ огромной турнюррой,—засѣменила передъ ней ножками, заперстрила своимъ платьемъ, огромной шляпой съ отвороченными бортами, ухидившей подъ цѣлый каскадъ перьевъ и лентъ, красной вуалеткой, всѣми своими „bijoux“. Лицо ея раскраснѣлось, щеки даже лоснились немного отъ яркаго румянца, а пышный ротъ выпускалъ гортанною нотою слова съ веселымъ и дѣловымъ выраженіемъ—оно было у нея обычное—и тонъ ея картаваго, рѣзковатаго, высокаго голоса съ иностраннымъ акцентомъ на всѣхъ языкахъ звучалъ также какой-то дѣловитостью: точно будто она распоряжается сложной церемоніей или устраиваетъ спектакль, или подготавливаетъ трудное практическое дѣло. Зинаида Мартыновна и Теняшевъ, и всѣ ея старые пріатели, давно знали, что Софья Германовна Дрозенъ ни о чемъ иначе не можетъ говорить, ни по другому держать себя.

— Et bien, quoi?—осадила ее Ногайцева, какъ всегда.

— Monsieur Rynine te salue, Zizi, — потише сказала та ей въ сторону.

— Je vois,—отвѣтила спокойно Зинаида Мартыновна и отдала поклонъ военному однимъ наклоненіемъ головы, на русскій манеръ: такъ она пріучилась кланяться еще за границей.

Теняшевъ пожалъ ея руку по-пріятельски и сейчасъ же расхохотался.

— Вы что?

Она съ нимъ почему-то говорила по-русски.

— Ха, ха, ха!... Зина-то—онъ обратился къ Сосѣ—Зина-то цѣлый день съ книжкой... знаете, пьесу я такую видѣлъ у нѣмцевъ... кажется, „Нардиссъ“ называется; такъ тамъ чтица есть у маркизы де Помпадуръ (онъ выговорилъ: дуръ), тоже все съ книжкой... вотъ какъ наша Зинаида Мартыновна, добровольная мученица; въ этакую-то духоту и къ завтрашнему сеансу готовится!

И его смѣхъ опять раздался,—довольно добродушный, но не умный.

Въ другое бы время она сама улыбнулась; а тутъ ей захотѣлось высунуть ему языкъ или дать окрикъ, какъ на дурака.

— Да, охота пуще неволи!—выговорила Сосб; ей тоже захотѣлось перейти къ русскому языку. Она вѣдь была „столбовая“, да и въ Петергофѣ это „assez bien porté“.

Но она тотчасъ же перешла къ другому сюжету. Заѣхала она за Зизи отъ Ожиговыхъ, которыхъ отвозила; а всѣ пятеро они были на Бабьемъ-Гонѣ, гдѣ устроили чудесный „lawn-tennis“, и она очень жалѣла, что Зизи не дождалась. У нея были билеты для входа во всѣ эти мѣста. Теперь она заѣхала за ней; хочеть она, чтобы ее довели домой, или она еще подождетъ немного? А Сосб нужно на минутку съ Теняшевымъ въ оранжерею, выбрать фруктовъ. Онъ видѣлъ какіе-то восхитительные персики и дыни...

Зинаида Мартыновна отказалась ѣхать.

— Какъ же ты одна? — спросила Сосб. — Хочешь, я тебѣ оставлю Рынина? Вотъ билетъ,—подала она ему карту.

Отказаться было неловко. Но Рынинъ понялъ, что она не особенно восхищена будетъ такимъ tête-à-tête, и самъ сказалъ съ улыбкой:

— Mademoiselle Zina любить уединеніе. Зачѣмъ же ей навязывать меня?

Голосъ его звучалъ деревянно и слова выходили съ нѣкоторымъ усиліемъ.

Это: „mademoiselle Zina“ съ продолженіемъ рѣчи на русскомъ языкѣ—взбѣсило Зинаиду Мартыновну. Она нарочно сказала кузинѣ очень вѣжливо и кротко:

— Merci, Сосб, prends-le, — и указала рукой на Теняшева.

Рынину слѣдовало остаться.

— Ёдемъ,—скомандовала Сосб, взяла Теняшева подъ-руку и побѣжала съ нимъ къ экипажу.

— Не опоздай!—крикнула она отъ экипажа.—Мы въ семь часовъ ровно... Il faut changer de toilette! Nous avons du monde!

— Успѣю!—отвѣтила Зинаида Мартыновна по-русски и повернула къ дачѣ.

— Вамъ угодно остаться одной?—услышала она сзади голосъ Рынина. — Вы не стѣсняйтесь... Я уйду... И мнѣ надо переодѣться. Софья Германовна просила меня къ обѣду.

Его тонъ рѣшительно мучилъ ее. Не было ничего въ немъ дерзкаго, говорилъ онъ самыя обыкновенныя вещи, но во всемъ сквозило пренебреженіе къ ней. Онъ ей явно показывалъ, что она для него—ровно ничего!..

А Рынинъ шелъ за ней, и его сѣрые, недобрые глаза медленно обглядывали, и во всѣхъ деталяхъ, ея станъ, походку,

давно усвоенное ею позачиванье на бедрахъ, лѣвую руку, лежащую вдоль бедра, каблукъ ея лаковыхъ башмаковъ.

„По послѣднему фасону“, — не спѣша, острить онъ мысленно. „Непохожа на нашихъ—заурядныхъ, но что-то въ ней есть— не Faubourg St. Germain... Лицо напоминаетъ красивыхъ мѣщановъ“.

Это онъ рѣшилъ, когда, на дняхъ, въ первый разъ, оглядѣлъ ее, сидя въ гостиной у Сосѣ, наискосокъ отъ Зинаиды Мартиновны, которая все время молчала.

Она сдержала свое сердце и подумала, что это банально, точно въ плохомъ романѣ, когда герой и героиня начинаютъ со взаимныхъ пикировокъ.

— Вы меня проводите до насъ, — сказала она и обернулась къ нему въ полголовы.

— Сейчасъ прикажете?

— Нѣтъ, еще жарко. Здѣсь въ цвѣтникѣ и на террасѣ — хорошо.

Она выговаривала по-русски безъ того акцента, какой былъ у Сосѣ, хотя обѣ онѣ воспитывались вмѣстѣ. Но она лучше училась, одно время любила болтать, то съ „батькушкой“, то съ „Лукашинымъ“, а всего больше съ Теняшевымъ; онъ повѣрялъ ей свои супружескія и всякія другія тайны всегда по-русски. Говоръ ея былъ даже очень русскій.

И его отмѣтилъ Рынинъ и сказалъ про себя:

„Ну да, голубушка, и говоришь ты, вагъ наши дѣвицы изъ кордебалета“.

— Ровоко! — указалъ онъ на окна дачи.

Онъ подаль свой билетъ лакею на крыльцѣ и сказалъ ему, что осматривать комнату не будетъ.

Они спустились по дорожкѣ и остановились на мостикѣ. Тамъ обдавало свѣжестью, и запахъ цвѣтовъ относилъ туда легкій вѣтерокъ съ моря.

Рынинъ поглядѣлъ на желтый томикъ въ ея лѣвой рукѣ.

— Вы— я слышалъ отъ Софьи Германовны—ходите читать книжки Трубчевской.

— Да.

Ей захотѣлось прибавить: „а вамъ чтó до этого за дѣло?“ Она почувствовала, что вопросъ былъ не проста.

— И давно?

— Давно...

— Изучаете эту бонапартистку?

Такого слова она рѣшительно не ожидала. „Бонапартистка“ — это еще что?

Стоить передъ ней, въ некрасивой, жесткой позѣ, у перилъ, офицеръ; сухой, съ солдатскимъ лицомъ, даже на гвардейца мало похожъ, голосъ какъ у динстмана (сравненіе съ писаремъ не могло ей придти), безъ всякаго „стиля“, и вдругъ съ улыбочкой — зубы показавъ при этомъ желтые — называетъ княгиню Елену Романовну Трубчевскую — „бонапартисткой“!

„Что же это? Сарказмъ, волкость „камуфлетъ“, какъ любить выражаться Сосѳ, въ такихъ случаяхъ, или это какой-то неизвѣстный ей терминъ?“

Она рѣшилась вывѣдать.

— Почему „бонапартистку“?

Она даже ничего больше и не прибавила.

— А какъ же? Вѣдь она того времени... Старая гвардія... княгиня Меттернихъ... и тѣ еще двѣ модницы, Галифѣ-Пурталесъ...

Точно нарочно онъ выговорилъ на русской ладъ, съ мягкой буквой „е“: „Галифѣ-Пурталесъ“.

Тутъ она поняла, что это все — „камуфлетъ“, и стала совсѣмъ бѣлая. Но оборвать его сразу было бы уже совершенно не въ „стиль“.

— Не знаю, — отвѣтила она, но не такимъ звукомъ, что онъ долженъ бы былъ замолчать или переменить разговоръ.

— Галифѣ-Пурталесъ, — продолжалъ онъ, — Наполеона интриговали на маскированныхъ балахъ. Еще онъ одной-то изъ нашихъ такихъ бонапартистокъ сказалъ, что ей въ политику пузаться нечего: скорбна главой.

— Я не понимаю этого... moi!

— Скорбна главой — значить: la comprenette difficile...

— Вы это про княгиню? — спросила она и пожала плечами. — Вы, значить, не имѣете о ней понятія, а, кажется, бываете у нея... У нея — comprenette difficile! Ха, ха!

Она искренно разсмѣялась. Что за идиотъ! И княгиня же находить, что онъ выйдетъ въ люди. Смѣхъ подѣйствовалъ. Онъ покраснѣлъ и выпрямился.

— Я знаю, что она умна...

— Вы вѣдь бываете у нея, — не дала она ему кончить: — тоже для изученія?

— Точно такъ, — отвѣтилъ онъ, и дерзко, и серьезно.

— Пригодится?

Она видѣла, что разговоръ переходитъ въ пивировку, а у нея нѣтъ силы дать ему другой оборотъ.

— Мнѣ пригодится... знаете: всякое льво въ строку. А за-
нимательно бы было узнать: какъ она тамъ, за границей, у себя,
въ своемъ Монрепо?

Зинаида Мартыновна вопросительно вскинула на него рѣсни-
цами, изъ-подъ шляпки.

— Вы не знаете, что такое Монрепо?

— Понимаю.

— Нѣтъ, вотъ въ петербургскомъ смыслѣ?

— Не понимаю. Но,—она не могла удержаться:—я думаю—
она начала искать русскихъ выражений:—вы слышали, monsieur
Рынинъ, что я близка къ княгинѣ... и вашъ тонъ, все, что вы
сейчасъ себѣ позволили—ее сильно затрудняли русскія фразы, а
надо было кончить по-русски:— я нахожу лишнимъ... Это не gentle-
manlike!..—выговорила она англійское слово.

Рынинъ не сразу отвѣтилъ. Въ это время они подошли опять
къ террасѣ.

Онъ обернулся въ ней лицомъ, снялъ свою фуражку съ длин-
нымъ козырькомъ, согнулъ шею, въ видѣ поклона, и даже при-
щелкнулъ шпорами. Она подумала-было, что онъ продолжаетъ
свой дерзкій „камуфлетъ“.

— Вы правы,—выговорилъ онъ, уже по другому. — Мнѣ
даже весьма пріятно, что вы меня осадили.

— Пріятно?

— Да, у насъ, въ Россіи, вездѣ, и въ самомъ избранномъ
обществѣ (слово: „избранный“, онъ сказалъ иронически), полнѣй-
шая распущенность по этой части. Подходя оскорбляютъ людей,
завѣдомо вамъ близкихъ. И никто не заставитъ уважать свои
отношенія...

— Вы меня хотѣли испытать?—остановила его Зинаида Мар-
тыновна и тихо разсмѣялась.

— Можетъ быть. Вы, значить, съ характеромъ. Нынче это
рѣдкость между нашими барышнями.

— Я не люблю этого слова.

— Слушаюсь. Но почему же вы думаете, что я хотѣлъ
только испытать васъ?.. А, быть можетъ, я хотѣлъ васъ предо-
стеречь?

— Предостеречь?

Она остановилась. Сталь и онъ. Они были уже по ту сто-
рону дачи.

— Вы скажете, конечно, съ какой стати, по какому праву?
Повѣрьте, не изъ того, чтобы васъ поймать на благородныхъ чув-

ствахъ. Я не настолько добръ, чтобы зря протягивать руку. Но... вы позволите присѣсть... и быть съ вами откровеннымъ?..

Зинаида Мартыновна, въ видѣ отвѣта, сѣла на одинъ диванъ съ нимъ, подъ дерево.

Съ крыльца смотрѣлъ на нихъ лакей въ сѣромъ короткомъ пальто, обшитомъ галунами. Барышню онъ уже зналъ, офицера видѣлъ въ первый разъ.

— Вы, кажется, взяли себѣ идеаломъ эту... не бойтесь, я не назову ея еще разъ... вамъ это неприятно. А вѣдь это напрасно. Одно изъ двухъ: или вы про нее ничего не знаете... и тогда вы...

— *Je suis une dure?*—досказала она и такъ на него посмотрѣла, что онъ помолчалъ и выговорилъ:

— А если вамъ все извѣстно, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ... *cela dépasse ma comprenette à moi*,—добавилъ онъ по-французски.

— Вы хотите сказать: въ такомъ случаѣ я... *un monstre de perversité?*

— Позвольте,—выговорилъ онъ живѣе и болѣе простымъ тономъ:—нотацій я вамъ не могу читать, проповѣдей—точно также; какая вы есть, такая и будете... Вы—дѣвушка на полной волѣ и, кажется, безъ всякихъ уже иллюзій. Отчего же и не быть такой?.. Но вы теперь живете здѣсь. Будемте говорить, какъ бы двое мужчинъ. Одинъ знаетъ хорошо то мѣсто, гдѣ оба живутъ, а другой только-что пріѣхалъ. Здѣсь не нѣмецкій курортъ, гдѣ все сойdetъ... Здѣсь—родина ваша...

— Я знаю,—выговорила она спокойнѣе. Она его слушала почти съ интересомъ, но безъ всякаго добраго чувства.

— Я хочу оказать вамъ простую услугу, *mademoiselle Zina*. Не понимаю только, какъ *madame Дрозень* или этотъ Теняшевъ—вѣдь онъ вашъ пріятель—не скажутъ вамъ, что вамъ ходить, каждый день, читать въ Трубчевской, прослыть ея воспитанницей... ея, такъ сказать, духовной дочерью, нѣтъ никакого расчета...

— Это все?—спросила она и опять встала.

Поднялся и Рынинъ.

— Одинъ вопросъ,—остановилъ онъ ее:—вы знаете, зачѣмъ пріѣхала въ Россію княгиня?

— По дѣлу.

— По какому?

— Это до меня не касается...

— Ну, такъ я вамъ скажу, по какому: она хлопочетъ отдать мужа подъ опеку. А князь,—вы вѣдь его, навѣрное, видѣли, тамъ,

въ курортѣ, — ни въ чемъ неповиненъ .. Онъ любитъ кутнуть, но это не резонъ, чтобы отнимать у него состояніе... и пускать въ ходъ самые неблаговидные каналы.

— Кто же это доказалъ?

Больше она ничего не прибавила и пошла усвоеннымъ шагомъ къ воротамъ. Рынинъ подбѣжалъ къ лавею, опустилъ ему что-то въ руку и догналъ ее на шоссе.

— Вамъ угодно, чтобы я васъ проводилъ? — спросилъ онъ уже прежнимъ тономъ.

— Благодарствуйте.

Это „благодарствуйте“ звучало совершенно такъ, какъ за обѣдомъ, когда Зинаида Мартыновна благодарила Егора, дворецкаго.

Молча спустились они внизъ и пошли по шоссе, держась лѣвой тропинки; жаръ уже спадалъ.

— Вы, можетъ быть, устали?

Она, дѣйствительно, насилу шла.

— Угодно мою руку?

Не принять было нельзя. Они пошли въ ногу. Идти съ нимъ было ловко.

— L'incident est clos, — сказалъ онъ, не заглядывая къ ней подъ зонтикъ. — Вы стоите за свою... княгиню. Это прекрасно. Я васъ предупредилъ... Мы можемъ и встрѣтиться у нея.

— Значить, она вамъ нужна! — живѣе выговорила Зинаида Мартыновна.

— Мнѣ всё одинаково нужны, и никто въ частности. Ей Богу! Вѣдь я не оттого вамъ такъ высказался, что на нее сердить. Ея взглядъ на меня я знаю.

— Знаете?

Это ее заинтересовало.

— Добрый человекъ пересказалъ.

— И что же?

— Slavophile, chauvin et roubleard.

„Она и другимъ то же“, — подумала Ногайцева, и у нея мелькнуло въ головѣ: не умнѣ ли этотъ прищавый офицеръ, въ бѣломъ сюртукѣ, княгини Елены Романовны?

— Вѣдь такъ? Безъ увертокъ.

— Да, это ея слова.

Ей не слѣдовало признаваться. Но она сдѣлала это машинально; съ этой минуты, какъ онъ держалъ ее подъ руку и она шла съ нимъ въ ногу, она точно стала гораздо моложе его, почти дѣвочкой; а онъ владѣетъ собою лучше ея, несравненно лучше, и уже говорить съ ней въ родѣ какъ ловкій гувернеръ, послѣ

хорошей головойки. Она готова была выдернуть руку и крикнуть ему:

— Не нужно мнѣ васъ, идите своей дорогой! намъ съ вами не бывать даже простыми пріятелями.

И ее переполнило знакомое ей чувство естественной вражды къ мужчинѣ, въ настоящему, вотъ такому, какъ этотъ „goublard“, сухому, долговязому, отъ котораго идетъ особый запахъ—смѣсь одеколона съ испареніями кожи отъ его рейтузъ и вылощенного утюгомъ бѣлаго кителя.

Но рука его прижимала ее руку плотно, жестко, авторитетно.

Она задыхалась отъ всѣхъ этихъ чувствъ, когда Рынинъ раскланялся съ ней, доведя до дому.

IV.

Рынинъ ночевалъ у пріятеля, въ зданіяхъ дворца. Онъ пріѣхалъ на одни сутки изъ лагеря подъ Краснымъ. Ко дворцу взялъ онъ извозчика, туда и назадъ, и поторговался съ нимъ, чего его сослуживцы и вообще кавалеристы почти никогда не дѣлаютъ. Но онъ зналъ, когда и гдѣ соблюсти экономію. Тратить зря онъ не любилъ, да и не могъ. Считаая съ жалованьемъ—оно у него шло въ счетъ—могъ онъ проживать, не дѣлая долговъ, тысячи четыре на самый большой конецъ. Лошадей упряжныхъ, разумѣется, не держалъ. Верховая стояла въ эскадронѣ. У него не было даже „подъѣзда“, а одинъ только „парадеръ“, но добрая лошадь, купленная по случаю, очень дешево. Въ полкъ онъ вернулся всего полгода назадъ. Его служба, почти съ самой турецкой войны, прошла внѣ поля; поэтому онъ такъ и запоздалъ въ производствѣ: былъ всего еще штабсъ-ротмистръ, когда его товарищи уже командуютъ эскадронами въ гвардіи и полками, въ армейской кавалеріи. Ему пошелъ тридцатый годъ.

Но Рынинъ смотрѣлъ на свой полкъ, на строевую службу вообще, только какъ на временную, выжидательную станцію. Его не туда влекло.

На тряскомъ извозчикѣ онъ сидѣлъ, высокій и сухой, немного согнувшись, въ фуражкѣ съ удлиненнымъ козырькомъ, и въ немъ не было ничего не только ухарскаго, но даже и той особенной развалистости, какой держится почти каждый молодой офицеръ-кирасиръ. Онъ и не желалъ поддѣлываться подъ тотъ жанръ, что установился въ полку за послѣднее время: жанръ этотъ мѣняется каждыя пять лѣтъ, а то и чаще. Если бы онъ

выпячивалъ грудь покрупче да былъ поплечистѣе—его манера держаться, когда онъ стоялъ и ходилъ, похожа бы была скорѣе на выправку офицера-пруссака, а еще ближе—нѣмецкаго чиновника въ мундирѣ.

Нѣмецкое воспитаніе прошло по немъ. Въ южной Германіи, въ шволѣ, онъ учился года четыре, а потомъ и въ университетѣ два года былъ „корбуршемъ“ въ корпораціи.

Пришлось отбывать повинность. Война, славяне, наплывъ идей, къ которымъ онъ сразу получилъ наклонность и по-своему воспользовался ими,—вотъ что выяснило ему самого себя. Онъ унтеръ-офицеромъ состоялъ въ ординарцахъ при одномъ легендарномъ генералѣ, отлично его понималъ и изучилъ, остался тамъ за Балканами, въ видной, но недоходной должности. Когда онъ въ мундирѣ, у него грудь въ иностранныхъ, больше всего—славянскихъ крестахъ. Но выше онъ не могъ подняться: время настало тугое; случались и настояція недоразумѣнія съ тамошнимъ высшимъ русскимъ начальствомъ. Онъ предпочелъ вернуться въ полкъ и ждать.

Рынинъ любилъ женщинъ, какъ охотникъ любитъ дичь; слабости къ нимъ не имѣлъ никакой; когда-то водился и съ кокетками, и считался въ ихъ кругу дерзкимъ и часто циничнымъ до крайности. Француженки звали его „*prince-sans-rigé*“, потому что онъ выпучивалъ и ихъ компанію съ безстрастнымъ выраженіемъ лица. Его боялись. У него не было ни одной дуэли, даже и въ ту пору, когда онъ участвовалъ въ попойкахъ и славился своей крѣпостью. Теперь онъ пьетъ только красное вино, не любитъ шампанскаго, и циническихъ вещей, ни злыхъ, ни шутиливыхъ, не говорить изъ принципа.

Въ Петербургѣ онъ началъ бывать вездѣ, гдѣ держатся нѣкоторыхъ взглядовъ въ „русскомъ“ направленіи. Двѣ-три вліятельныя дамы принимали его не какъ простаго кавалера для танцевъ, а съ особеннымъ оттънкомъ: точно онъ агентъ кого-то, какой-то особы; этой дымки онъ не разсѣвалъ вокругъ себя и, гдѣ можно было, говорилъ всегда вовсе не какъ строевой военный, а скорѣе какъ дипломатъ въ мундирѣ, на особый манеръ. Многіе замѣчали, что онъ начитанъ—и не такъ, какъ другіе. Почти каждая брошюра и книга по славянскимъ вопросамъ, все, что касается нѣмцевъ, ихъ замысловъ, будущей войны съ ними, видовъ на Константинополь и на „Эгейское“ море, все это ему было извѣстно. Въ одной гостиной онъ развернулъ даже какой-то южно-славянскій листокъ, и дамы попросили его прочесть нѣсколько строкъ, чтобы послушать, какъ это звучитъ. Одна раз-

смѣялась: Рынинъ сейчасъ же прекратилъ чтеніе. Все это хорошо его ставило и въ женскомъ обществѣ. Но до сихъ поръ и послѣ своего возвращенія въ Россію онъ ни къ одной свѣтской женщинѣ не ѣздилъ „съ намѣреніями“.

Зинаиду Ногайцеву увидалъ онъ сначала на музыкѣ, въ Нижнемъ Саду. Кое-что слыхалъ онъ о ней и за границей, и ему припомнилось даже что-то о ея „исторіи“. Эта статная дѣвица „высшей школы“ (такъ онъ ее, по-кавалерійски, называлъ) звала въ немъ, въ первый же разъ, чувство, какое является у берейтора при видѣ чужой выдрессированной манежной лошади, которая выдѣлываетъ свои упражненія, не обращая на него вниманія; другой ее вышколилъ, а его бича она не испугается. И онъ сказалъ себѣ: „я съ ней познакомлюсь и погляжу, чтъ подѣ такой школой имѣется“. Въ ней ему все-таки понравилась эта „школа“. Петербургскихъ дѣвицъ, въ массѣ, онъ называлъ про себя весьма нелестнымъ терминомъ,—до такой степени онъ казался ему „жидки“ во всѣхъ смыслахъ. Онъ въ большинствѣ ихъ не находилъ ничего ни „славянскаго“, ни даже „хорошаго“ нѣмецкаго. Жениться на одной изъ нихъ онъ допускалъ развѣ изъ расчета, и то только если избѣжать „этого“ нельзя будетъ.

Познакомиться съ Сосѣ Дрозенъ не было никакой трудности. И раскусить ее—также. Въ Сосѣ школа рѣзче была видна, чѣмъ на Ногайцевой. Она выкладывала ее, кромѣ внѣшняго облика, въ своемъ неумолкаемомъ „bagout“, въ своемъ „montant“—ея любимыя выраженія. Для него, очень бывалаго, обѣ кузины попали въ разрядъ сначала дрессированныхъ, модныхъ „дѣвочекъ“ (онъ произносилъ иногда это слово и безъ уменьшительнаго окончанія). Только у нихъ все было поновѣе, особенно здѣсь, въ Петергофѣ. И Рынинъ не встрѣчалъ еще такихъ отрѣшпныхъ отъ своей родины русскихъ женщинъ, да и отъ всего, кромѣ ихъ моднаго толка. Въ немъ презрительное чувство смѣшивалось еще съ любопытствомъ и съ желаніемъ осаживать „этихъ бабѣнокъ“, показывать имъ, при случаѣ, когда онъ присмотрится къ нимъ, какія онѣ „шутихи гороховыя“. Онъ вполне искренно поглядѣлъ на нихъ такимъ именно образомъ, а вовсе не изъ одной зависти, что вотъ онъ, Рынинъ, долженъ облизываться, глядя на то, какъ такая Софья Германовна Дрозенъ живетъ, сколько она тратитъ, какава у нея обстановка. Его не покидала увѣренность, что и у него все это будетъ, и не это одно, а власть, возможность заставлятъ прыгать по своей дудкѣ тѣхъ, кто теперь проходитъ мимо него, не спрашивая: кто этотъ длинный, прыцаваго лица, офицеръ, въ бѣлой фуражкѣ и кавалерійскихъ рейтузахъ?

Въ Петергофѣ домъ Сосѣ Дрозентъ былъ для него „куръёвнѣ“ другихъ: онъ тоже начиналъ уже испытывать, послѣ жизни за границей, вялость и тусклость общаго тона и въ гостиныхъ, и въ дѣловыхъ кабинетахъ, и въ базармахъ...

Въ десять минутъ, Рынинъ на квартирѣ пріятеля былъ готовъ, умылся, велѣлъ себя почистить и перемѣнилъ китель на сюртукъ, который онъ носилъ длиннымъ, на три вершка длиннѣе, чѣмъ носили тогда: при его ростѣ, модный короткій сюртукъ дѣлалъ бы его фигуру смѣшной. На обратномъ пути онъ улыбнулся про себя, когда сталъ перебирать въ головѣ всѣ маленькіе эпизоды и фразы, ихъ стычки въ цвѣтникѣ, на террасѣ и подъ деревомъ, на дворѣ „государевой“ дачи. Нечего тутъ и сомнѣваться: она „спасовала“. Онъ вышелъ изъ перваго опыта съ полнымъ успѣхомъ. Такъ должно пойти и дальше. Такой типъ женщинъ всегда ему нравился. Малорослыхъ („карапузиковъ“), вотъ такихъ, какъ Сосѣ, съ грушевиднымъ бюстомъ, на короткихъ ножкахъ, чего-то похожаго на хорошенькую „Spritz-mamsell“, гдѣ-нибудь въ Вѣнѣ или Пештѣ, въ бюсетѣ съ содовой водой, онъ не признавалъ. Даже и чувственность его требовала совсѣмъ не того. Ему нужны были болѣе чистыя линіи, драпировка, падающая вдоль стройныхъ бедръ, величавый подъемъ головы, походка съ ритмомъ, такая есть у Зины Ногайцевой,—матовость кожи, строгость профиля, высвѣтъ лобъ. Все это у нея имѣлось и все-таки на какой-то „славянской подкладкѣ“, что ему было, опять-таки, пріятно...

„Она повыше сортомъ очень многихъ,—думалъ онъ, на обратномъ пути въ дачѣ Сосѣ Дрозентъ,—повыше, хотъ и набита всякимъ обезьянствомъ“.

Почуялъ онъ въ стычкѣ сегодня передъ обѣдомъ и то, что въ Зинѣ Ногайцевой есть какая-то, мало-попадающаяся и за границей, бывалость. Мужчины ея не волновали. Точно будто она чрезъ все уже прошла. Въ ея непорочность онъ ни малѣйшимъ образомъ не вѣрилъ: вѣдь она что-то въ родѣ питомицы княгини Трубчевской.

„Но изъ такой, вышкোলившей самое себя по доброй волѣ, особы въ хорошихъ рукахъ можетъ выйти нѣчто?..“

Усмѣшка сошла съ губъ его, и онъ задумался отъ этого вопроса. Извозчикъ ѣхалъ очень тихо; онъ на него не кричалъ, а обыкновенно бывалъ съ извозчиками—и вообще съ народомъ—жестокъ и даже золь.

Сегодня тамъ, на Бабьемъ Гонѣ, во время игры въ мячъ—

„lawn-tennis“, какъ они всѣ называли — съ нимъ разболтался этотъ Теняшевъ, по всѣмъ признакамъ — ихъ давнишній пріятель, сталъ ему сначала, ни съ того, ни съ сего, рассказывать, какихъ у него жена „дѣловъ“ надѣлала: прогремѣла на всю Европу, и карточки ея вездѣ продаютъ; а онъ, по добротѣ ея „жалѣючи“, далъ ей разводъ и взялъ все на себя, почему онъ „въ этихъ дѣлахъ“ и опытенъ, и руководить теперь хлопотами Софьи Германовны: устроилъ такъ, что ей больше не грозятъ родственники мужа, а прежде они хотѣли ея „цапъ-царапъ“, какъ только она носъ поважетъ въ Россію для совѣщаній съ адвокатомъ, который ѣздилъ уже два раза къ ней въ Берлинъ, да все это сдѣлалось „дьявольски дорого“.

Онъ слушалъ Теняшева, а самъ оглядывалъ его и удивлялся, какъ такой „Алексѣй коридорный“ могъ занимать за границей постъ, отъ котораго на первыхъ порахъ онъ, Рынинъ, не отказался бы. Что у этого „коридорнаго“ ходило въ головѣ, ему трудно было рѣшить: какія идеи и соображенія насчетъ національной политики? Не безъ удовольствія узналъ онъ, что его изъ Европы переводятъ куда-то далеко, чуть не на Тихій океанъ...

Но Теняшевъ отъ Сосѳ перешелъ сейчасъ же къ „другу“ своему — Зинѣ; онъ такъ просто и называлъ: „Зина“, и говорилъ о ней съ причмокиваньемъ, какъ дѣлаютъ виноторговцы, предложивъ вамъ на пробу вина: „лучше, моль, за эту цѣну не найдете, да и дороже будетъ, а все не то“. Рынинъ не ставилъ сначала никакихъ серьезныхъ вопросовъ. Это было бы „жениховствомъ“. Онъ свободно уловилъ тонъ, въ которомъ всего лучше говорить о Зинѣ съ ея пріятелемъ; только онъ не могъ не удивиться, какъ же это она сошлась съ такимъ, ужъ совсѣмъ не высшаго стила, соотечественникомъ? Должно быть, ей ловко съ нимъ, стѣсняться не нужно; она, должно быть, смотритъ на него не какъ на мужчину, а больше какъ на наперсника, безъ пола...

Теняшевъ, все подмигивая, видалъ фразы не то въ хвалебномъ тонѣ, не то въ такомъ, что вотъ, моль, у насъ теперь какія дѣвицы водятся. Тутъ было всего: и — „се на кривой не объѣдешъ“, и — „принцевъ крови объѣзжала“, и возгласъ: „порода какова! и вправду хорошо русская печь печеть“, и разное другое, въ такомъ же вкусѣ.

А въ антрактѣ между двумя партіями, тотъ же Теняшевъ щелкнулъ языкомъ и сказалъ ему, точно по секрету:

— Такихъ у васъ отроковицъ нѣтъ: на всей своей волѣ, въ родѣ какъ королева амазонокъ, и двѣсти тысячъ чистоганчикомъ

отъ безпутнаго тятеньки; этакій выигрышъ не часто бываетъ, хоть бы и перваго сентября.

Рынинъ, не разспрашивая его, самъ узналъ про то, что отецъ Зины „въ домикѣ сидитъ“, послѣ чего послѣдовала, шутка насчетъ того, что на такой дѣвицѣ жениться тогда было бы опасно, еслибъ у нея дѣти пошли.

— А у Зины не будетъ, за это ужъ я вамъ ручаюсь. — Теняшевъ на ухо сказалъ ему, потомъ уже совсѣмъ за панибрата: — Да она и въ морганатическія въ сіамскому королю не пойдетъ... Чтѣ ей?.. Для нея мы, мужички, такъ что-то въ родѣ динстмановъ и лон-лакеевъ.

На первый разъ Рынину было достаточно. Но запанибратство Теняшева не мѣшало ему въ знакомствѣ съ обѣими кузинами. Онъ зналъ теперь, кто ихъ приближенные.

Сосѣд сказала ему, что къ обѣду у нея будутъ, кромѣ четы Ожиговыхъ, домашній врачъ ея отца, „un bon diable“ — изъ „вѣчныхъ студентовъ“, какъ пояснилъ Теняшевъ, и французъ Блэзо — бывшій учитель Зины, „un communaire muselé“ — по опредѣленію хозяйки дома.

Мужа и жену Ожиговыхъ, которыхъ они завозили съ Бабьяго Гона къ нимъ на дачу, Рынинъ встрѣчалъ когда-то, еще до войны. Тогда они шли въ гору, и потомъ разомъ спотенулись. Онъ зналъ — на чемъ, и смотрѣлъ на „Мишку“ Ожигова — такъ его звали въ кутящихъ компаніяхъ — какъ на пустѣйшаго бабника, мотыгу и переметную суму; теперь же къ этому взгляду присоединилось и брезгливое чувство къ его „недоразумѣнію“, какъ вездѣ повторяла его жена, старавшаяся увѣрить каждаго, что ея мужъ оклеветанъ. Для Рынина такіе люди, какъ Ожиговъ, были всегда особенно ненавистны, хотя онъ ни однимъ звукомъ не выказывалъ этого, а, напротивъ, отзывался о нихъ слегка, какъ о сотнѣ другихъ баръ, чиновниковъ или военныхъ. Его возмущала глубоко, непримиримо, возможность того, что подобные „Мишки“ бываютъ „взысканы“, могутъ попадать наверхъ; бѣсило то, что выше ихъ, да и туда, гдѣ они сидятъ, не забратъся и такимъ, какъ онъ, если бабушка не поворожитъ. Когда онъ раздумывалъ объ этомъ, то считалъ въ себѣ оскорбленнымъ „лучшаго сына родины“; мечталъ даже иногда, какъ онъ, добившись власти, способенъ будетъ сажать „въ лужу“ всякое такое дрянцо, не достойное ни наслѣдственнаго состоянія, ни имени: Ожиговы были графы.

Впрочемъ онъ считалъ себя весьма родовитымъ, родовитѣе хоть бы таковаго Мишки Ожигова, прадѣду котораго былъ пожа-

лованъ титулъ графа „римской имперіи“, что, какъ онъ выражался, „не жирное кушанье“. Смѣло носилъ онъ и свое, не для гостинныхъ и будуаровъ выбранное, крестное имя. Его звали Парменій, или, по-просту: Пармень. Но онъ печаталъ на карточкахъ: „Парменій Никитичъ Рынинъ“ и поставилъ бы: „Шираевскій“;—онъ толковалъ указъ о дворянскихъ вольностяхъ такъ, что каждый старшій въ родѣ, владѣющій родовымъ имѣніемъ, можетъ прибавлять къ фамилии имя своей вотчины. Но „Шираевымъ“ онъ теперь не владѣлъ. Оно пошло съ молотка, за долги отца. Парменіемъ его звали вездѣ почтительно; и у Сосѣ онъ заставилъ, въ русскомъ разговорѣ, выговаривать отчетливо свое имя и отчество—первую Зину. Имя Пармень въ родѣ его отца—стародавнее, какъ въ родѣ его матери значилось двадцать Лукьяновъ—тоже имя не очень модное, зато весьма звучное по-французски. Себя онъ не позволялъ и думать звать на французскій ладъ, и всегда почти замѣчалъ:

— Надо бы говорить: Парменидъ, да я въ философы не мѣчу...

И многіе отъ него узнавали, въ первый разъ, что былъ такой древній мыслитель.

Когда извозчикъ, протащившій его отъ дворца болѣе четверти часа, завернулъ на дворъ дачи Софьи Германовны Дрозенъ, Рынинъ подумалъ, не безъ удовольствія, что личности, окружающія Зину Ногайцеву, мѣшать ему не могутъ.

Мѣшать—въ чемъ? Онъ еще не отвѣтилъ на это; но его уже подмывало охотничье чувство къ безкровной красавицѣ. Еще разъ остановился онъ мыслью на томъ ощущеніи, съ какимъ онъ вель ее сегодня вотъ сюда же, въ этой дачѣ съ двумя башенками, построенной навѣрное нѣмцемъ-банкиромъ.

И въ этомъ онъ не ошибся. Дачу строилъ отецъ Сосѣ—Германъ Францовичъ Кунъ, когда разбогатѣлъ въ Петербургѣ. На ней Сосѣ и родилась. Но до нынѣшняго года дача ходила въ наймы.

До обѣда оставалось двадцать минутъ; на дворѣ, гдѣ, между палисадникомъ и широкимъ подъѣздомъ, желтѣла площадка, не стояло ни одного экипажа. Рынинъ подѣхалъ на своемъ, очень невзрачномъ, извозчикѣ прямо къ крыльцу. И въ этомъ онъ любилъ оставаться самимъ собою, выказывая даже нѣкоторое франтовство, когда нужно было.

Дамы еще не выходили въ гостиную; ихъ туалетъ могъ затянуться до семи часовъ, если не зайти за срокъ обѣда.

Въ прихожей, въ видѣ большого, полутемнаго корридора, съ витой лѣстницей налѣво и дверью прямо — въ расписанныхъ, готическихкихъ стеклахъ — Рынина встрѣтилъ лакей, высокій, молодой, бритый, но съ крошечными бабенбардами, въ короткомъ ливрейномъ фракѣ, свѣтло-голубого сукна, при темномъ бархатномъ воротникѣ, въ шелковомъ полосатомъ жилетѣ, штіблетахъ и воротничкахъ, какіе можно видѣть на прислугѣ только въ Гайдъ-Паркѣ.

Рынинъ уже зналъ, что этотъ лакей — англичанинъ, и ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, не говоритъ. Мальчикъ — грумъ, тоже англичанинъ — его не было въ передней, — говорилъ по-французски. Софья Германовна „обожала“ Англію и увѣряла всѣхъ, что никакой другой страны и общества не признаетъ.

Воздухъ и полусвѣтъ передней, драпировки изъ восточныхъ матерій, громадное японское блюдо для карточекъ, такой же фонарь — дѣлали изъ лакейской пріятную галерею. Гость согласился, что эта русско-нѣмецкая англоманка довольно сильна въ декоративномъ стилѣ.

По-англійски Рынинъ не говорилъ свободно, какъ и большинство русскихъ мужчинъ; но онъ все-таки отвѣтилъ, что было нужно, когда лакей предложилъ ему пройти въ салонъ.

Тамъ уже дожидался Теняшевъ, все въ томъ же неряшливомъ сьютѣ, и незнакомые Рынину двое мужчинъ: Лукашинъ и Блэзо. И въ гостиной стоялъ полусвѣтъ отъ спущенной на балконѣ большой маркизы и японскихъ сторъ на окнахъ. Она была вся въ букетахъ и цвѣточныхъ горшкахъ. Въ одномъ изъ угловъ — два почти шарообразныхъ куста крупныхъ живыхъ маргаритокъ, только изъ цвѣтовъ, составленные вмѣстѣ, казались полукруглымъ, высокимъ диваномъ. Обои и мебель, желтаго штофа съ бѣлымъ лакомъ, набрасывали на всѣ предметы золотисто-палевый колоритъ. Комната ушла вся въ бронзу, плюшевые столики и этажерки, переполненные фарфоромъ, и въ старыя матеріи, набросанныя на пъянино; на мебель, со стѣны, смотрѣли два венеціанскихъ зеркала; за картинами хозяйка не гналась.

Всѣ „bibelots“ она привезла изъ-за границы на одно лѣто.

Теняшевъ познакомилъ Рынина съ обоими мужчинами.

Ихъ видъ удивилъ его: Лукашинъ замѣнилъ свое пальто изъ чесунчи визиткой кофейнаго цвѣта, а Блэзо былъ въ черной сюртучной парѣ, купленной въ „готовыхъ платьяхъ“. Небольшого роста, немного выше доктора, узкоплечій, съ впалой грудью,

скорѣе темнорусый, чѣмъ черноволосый, съ маленькимъ, желтымъ, немного веснушчатымъ лицомъ, очень напоминающимъ русскаго мастерового изъ Москвы или Тулы, съ шершавой бородкой рыже-вато-черной—онъ держался совсѣмъ не по-свѣтски, какъ грамотный рабочій, наборщикъ или часовщикъ, надѣвшій свою черную праздничную пару. Онъ еще менѣе Лукашина подходилъ къ стѣнамъ *bouton d'or*, японскимъ *rotiches* и цѣлому морю розъ, незабудокъ, лилій, геліотроповъ, петуній и маргаритокъ. Его зеленоватые глаза съ крапинками, подъ густыми бровями, смотрѣли на всѣхъ слишкомъ серьезно для такого мѣста; но ротъ улыбался—не особенно, впрочемъ, ласково: въ углахъ его сидѣла складка челоуѣва, много пережившаго и съ большой выдержкой.

Такимъ онъ показался Рынину, которому Блэзо ничего не сказалъ, никакой обычной фразы француза, даже простого: „*Eh-chanté!*“ Она бы къ нему и не пошла. Рынину это понравилось; а присутствіе такого француза въ салонѣ *Sosé Дрозенъ* онъ началъ себѣ объяснять ея „милымъ“ гостепримствомъ, должно быть, унаслѣдованнымъ отъ русской матери... Разумѣется, такого точно вида русскаго учителя или литератора она бы къ себѣ не позвала обѣдать; а этотъ французъ—„*avec un passé*“—побывалъ, какъ слышно, въ коммунарахъ или, по малой мѣрѣ, въ казихъ-нибудь „коллективистахъ“.

Все это было довольно забавно и обставляло для него, на неожиданный ладъ, личность и фигуру Зины Погайцевой.

Изъ-за портьеры—со стороны внутреннихъ комнатъ—высочила собачка-Трифонъ—и подбѣжала прямо къ Рынину.

— Съ ней надо не иначе, какъ по-англичанински,—заговорилъ Теняшевъ и началъ ее звать:—Тоби, Тоби!

Но грифонъ прыгалъ около Рынина.

— Другого языка не знаетъ?—обратился тотъ къ Теняшеву.

— Не знаетъ... Ахъ, жаль, что здѣсь нѣтъ моего гончаго смычка.

— Вы охотникъ?—спросилъ Теняшевъ Рынина и, не дожидаясь его отвѣта, продолжалъ:—Борька и Зорька у меня... тавсы... знаете, кривоножки? Въ норку кротовую заркоутся такъ, что готовы подохнуть, если не вытащить.

Лукашинъ погладилъ Тоби; поглядѣлъ на него и Блэзо, но ничего не сказалъ.

— А Зинаиды Мартыновны пѣсикъ гдѣ?—спросилъ докторъ у Теняшева.

— За границей остался. Ему операцию будутъ дѣлать... по всѣмъ правиламъ хирургіи.

— А что у него?

— Грыжа... кажется.

— C'est le vieux Dizzy? — присталъ къ разговору и Блэзо.

Рынинъ увидалъ, что онъ понимаетъ русскій разговоръ, и нашель не лишнимъ спросить его, давно ли онъ знаетъ Россію?..

За него отвѣтилъ ему докторъ.

— Иванъ Альфонсовичъ почти-что нашъ. Онъ только стѣсняется немножко, а по-русски чисто говорить. Вѣдь онъ въ Россіи лѣтъ пять учительствовалъ и даже, кажется, немножко практиковалъ — такъ ли, коллега?.. Вы ужь не запирайтесь. Вы вѣдь тоже докторъ, хоть и не пишете этого на карточкахъ.

Разговоръ пошелъ и дальше по-русски. Но Блэзо больше кивалъ головой, и на прямыя обращенія Рынина отвѣчалъ чрезвычайно кратко, но не мѣняя своей полусерьезной мины и безъ всякаго подлаживанья.

Это не укрылось отъ Рынина и скорѣе понравилось ему. Всѣ четверо стояли по срединѣ гостиной и разговаривали вполголоса; но никто изъ нихъ не былъ стѣсненъ. И Рынинъ видѣлъ, что не только Теняшевъ, но и докторъ, и Блэзо, держатся совсѣмъ не такъ, какъ держали бы себя въ настоящемъ высокопоставленномъ салонѣ, передъ выходомъ хозяйки.

Ему и сегодня, на „государевой“ дачѣ, хотѣлось уже осадить Зину Ногайцеву и по этой части: показать ей, на первый разъ, хоть въ видѣ намековъ, что ни на нее, ни на ея кухню, не смотреть такъ, какъ бы ей, вѣроятно, хотѣлось. „Школа“ въ нихъ есть, какъ есть она въ актрисахъ, модисткахъ, наѣздницахъ, танцовщицахъ — для наружныхъ приемовъ, а настоящаго барства все-таки нѣтъ, и этому Зину не научила даже и ея „бонапартистка“; у той оно въ крови.

Онъ оглядѣлъ гостиную и потомъ опять обвелъ взглядомъ своихъ собесѣдниковъ, и въ немъ самомъ поднялось чувство увѣренности, что онъ только и есть — настоящаго тона гость для такой гостиной. Пускай эта самая Зина считаетъ его конюхомъ и „malappris“, послѣ ихъ сегодняшняго разговора. Самый, по своему, порядочный человекъ былъ, все-таки, по его оцѣнкѣ, французъ. Передъ тѣмъ, что онъ про него уже слышалъ, Рынинъ совсѣмъ не преклонялся, но чуялъ въ немъ натуру, сродни своей...

Францію онъ считалъ почти-что погибшей страной, а французовъ — „прозглой“ націей. Не однѣ московскія передовыя статьи повліяли на него. Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, но презиралъ еще болѣе „французишекъ“ за то, что они дали себя побить и, навѣрное, будутъ, по его мнѣнію, и въ другой разъ побиты, если

вздумають мечтать о „реваншѣ“. Во Франціи онъ жываль, вхожь былъ, одно время, въ официальные сферы—и военныя, и штатскія, и въ частныя политическія кружки.

„Людишки, а не люди“, — повторялъ онъ часто, и былъ убѣжденъ, что Франціей овладѣла „дѣвва“, „la fille“, что „паскудствомъ“ пропахли тамъ рѣшительно всѣ. Онъ не любилъ „французить“ ни въ полку, ни въ свѣтѣ.

Дверь изъ передней полуоткрылась; громъ, одѣтый такъ же, какъ и лакей, только въ короткомъ камзолѣ, вмѣсто фрака, выговаривалъ съ акцентомъ и очень громко:

— Madame la comtesse, monsieur le comte Ogigoff.

Всѣ мужчины обернулись. Первой вошла жена, уже отцвѣтающая, крупная женщина, съ несвѣжимъ цвѣтомъ лица, въ красномъ платьѣ, но другого цвѣта, чѣмъ то, какое было днемъ на Сосѣ; въ шляпѣ, — что Рынинъ сейчасъ отмѣтилъ. За ней, немного въ припрыжку, — забѣгая сбоку, — показался мужъ съ узко-разрѣзанными глазами и плоскими свѣтлорусыми волосами, жидкими и прилизанными. На всемъ его лицѣ лежалъ жирный глицець. Онъ былъ во фракѣ и даже въ бѣломъ галстухѣ. Усы его торчали въ нитку и подъ выдавшейся нижней губой сидѣла борода.

Ожиговъ узналъ Рынина и далъ ему „шекэндс“, покачнувшись на-бокъ, съ широко-раскрытымъ ртомъ и короткимъ смѣхомъ...

„Все такой же болванъ“, — выбранился про себя Рынинъ, и сейчасъ же былъ представленъ графинѣ. Онъ ее встрѣчалъ когда-то, и напомнилъ ей объ этомъ.

— Онѣ не готовы!.. Разумѣется! — сказала она лѣниво, низкимъ голосомъ, и пошла, переваливаясь, къ дивану.

Графъ жалъ по-очереди руки остальнымъ мужчинамъ и смѣялся короткимъ смѣхомъ.

Манера графини — и говорить, и держать себя — была Рынину давно и отлично извѣстна. Все это сложилось здѣсь, въ Петербургѣ, въ Царскомъ, въ Павловскѣ, на островахъ, въ томъ кутящемъ кружкѣ, гдѣ „Мишка“ еще не такъ давно всѣхъ угощаль и задавалъ пиры въ загородныхъ трактирахъ и у себя. Его жена приобрѣла въ этомъ кружкѣ — къ нему принадлежало и нѣсколько другихъ барынь — особый кутильно-актерскій тонъ разговора и всей повадки. Онъ и ихъ называлъ „доморощенными бонапартистами“. Было время, когда три-четыре такія барыни вводили въ Петербургъ нравы второй имперіи, ѣздили однѣ, безъ мужчинъ, кутить въ рестораны, слушать цыганъ, держали себя со-всѣми по-мужскъ.

Отъ этого времени въ Ожиговой осталась, — когда прошла свѣ-

жестъ, — привычка ярво одѣваться, полуночничать, держать у себя баккара и говорить по-русски, какъ говорятъ актрисы и старыя танцовщицы; а молодымъ людямъ давать бранныя прозвища, почти всѣхъ называть „лягушками“.

Съ той поры, какъ ея „Мишка“ сошелъ со сцены, она за границей постоянно и со всѣми говорила о немъ и убѣждала его, часто болѣла, кормила у себя русскихъ, отличалась богомольностью и особенную страсть выказывала къ покойникамъ, даже къ обмыванію ихъ, къ похоронамъ и похороннымъ хлопотамъ. Ея мужъ безпрестанно ѣздилъ то въ Парижъ, то въ Россію, и его репутація неразборчиваго любителя женщинъ не остывала. При женѣ онъ держался мальчикомъ и былъ aux petits soins. Его невѣрностей жена какъ бы не признавала, и между мужчинами, еще не такъ давно, считалась совсѣмъ не строгой.

— Идутъ, идутъ! — вскрикнулъ и вскочилъ Теняшевъ. Онъ уже присѣлъ къ графинѣ и что-то такое началъ ей разсказывать „нецензурное“.

Кузины появились разомъ; впереди Сосѳ — немного торопливой походкой, и говорила еще въ дверяхъ. Обѣ онѣ были одѣты въ разные цвѣта, но по одному рисунку, изъ легкой, мелкими бубетами тафты, съ кружевными рубашками корсажей и юбками съ шитьемъ и густыми буффами. Въ волосахъ — по цвѣтку: у Сосѳ — роза, у Зины — лилія.

„Подъ кадрель!“ — замѣтилъ про себя Рынинъ, любившій такіа солдатскія сравненія.

Туалеты были дѣйствительно „first-rate“, но Рынинъ привынулъ обѣихъ кузинъ къ линяющей и грубовато-одѣтой Ожиговой, и нашелъ, что она, все-таки, русская барыня, хоть и актерскаго тона, а онѣ — двѣ высшаго покроя „пробиръ-мамзели“, тѣ, что цѣлый день стоять передъ трюмо и на нихъ навидываютъ пальто, юбки, кофточка и sorties de bal. Этотъ контрастъ даже особенно рѣзко выяснился передъ нимъ.

— Bonjour! — видала Сосѳ, тряся всѣхъ по-очереди за руку, уже вполнѣ на британскій манеръ: — мы не опоздали... Зизи меня напугала... Ah, monsieur Blaizot, votre élève me rend la vie bien dure... Tobby! — крикнула она на собачку: — go one! Докторъ, у Зизи опять ея мигрень; это несносно; пропишите ей что-нибудь... Monsieur Ruine... отчего вы не въ бѣломъ... какъ это называется?.. ки... ки...

— Китель, — подсказалъ Теняшевъ.

Сосѳ, не переводя духа, продолжала:

— Графъ, не правда ли, какъ мы васъ отдѣляли въ lawn-tennis? А послѣ обѣда надо немножко въ крокетъ...

Она говорила больше по-русски, картаво и напряженно— изъ вниманія къ доктору: Лукашинъ и за границей не выучился, какъ слѣдуетъ, ни одному иностранному языку.

— Madame est servie!—объявилъ грумъ, сталъ у дверей и поддерживалъ портьеру.

Сосо дала руку графу, Теняшевъ повелъ графиню. Рынинъ подошелъ къ Зинѣ.

Она поклонилась ему, когда входила, рѣзливо, но очень сухо, и теперь просунула лѣвую руку, а правой поправила на ходу цѣтокъ, что онъ счелъ явнымъ признакомъ невниманія.

— Иванъ Альфонсовичъ, вашу руку!

Лукашинъ повелъ француза и что-то ему шепнулъ на ухо. Блэзо выговорилъ только:

— Dame!

Столовая была отдѣлана въ стилѣ Louis XIII, съ дубовой обшивкой, металлическихкими блюдами по стѣнамъ, съ обоями изъ cuir bouillé. Два старинныхъ портрета голландскихъ мастеровъ, въ черныхъ рамахъ, глядѣли съ двухъ противоположныхъ стѣнъ. Каминъ темнаго мрамора заставлялъ экранъ въ старомъ нѣмецкомъ вкусѣ. Высокіе поставцы и полки пестрѣли майоликой и фарфоромъ. Серебряныхъ вещей почти не было видно. Цвѣтныя стекла пропускали въ столовую двойственный свѣтъ, но на дворѣ солнце стояло еще высоко.

Дворецкій Егоръ, бывший курьеръ, ѣздившій много за границу, всталъ у входа около одного изъ рѣзныхъ поставцовъ, въ бѣломъ жилетѣ, съ брюшкомъ и чистенькой лысиной, въ черномъ фракѣ, но въ чулкахъ и башмакахъ.

Закуски не сервировались на отдѣльномъ столѣ или буфетѣ— Сосо находила это „par trop traktir“—и ихъ подавали по иностранному: послѣ супа. Но Теняшевъ пользовался привилегіей рюмки водки передъ супомъ и кусочка селедки.

На этотъ разъ Сосо обратилась, садясь, къ мужчинамъ:

— Графъ не пьетъ, Лукашинъ—также, monsieur Blaizot... также.

— Но я пью,—замѣтилъ о себѣ Рынинъ, нарочно, хотя совсѣмъ не имѣлъ этой привычки.

— Нашего полку прибыло!—крикнулъ Теняшевъ, и указалъ на него рукой дворецкому, съ шутливой миной.

Всѣ разсмѣялись, кромѣ Зинаиды Мартыновны. Она сѣла аккуратно, накрыла салфеткой волѣни, оправила городокъ на лбу,

немного придвинула къ себѣ солонку, отрѣзала корочку и густо посыпала ее солью.

У нея начинался припадокъ невралгіи въ правомъ ухѣ и вискѣ.

V.

Обѣдъ открыла ботвинья—на шампансомъ; Теняшевъ обратилъ на это вниманіе всѣхъ. Графъ разсмѣялся и что-то сказавъ, наклонившись близко къ Сосѣ. Сидѣлъ онъ вправо отъ нея, за нимъ—Теняшевъ, подлѣ него Ожыгова, потомъ Лукашинъ. Зина помѣщалась между Рынинымъ и Блэзо.

Съ первыхъ глотковъ Рынинъ уже слѣдилъ за ней. Его занимало, какъ она будетъ ѣсть, и не откроетъ ли онъ въ типѣ ея лица, въ чемъ-нибудь неуловимомъ—того, что для него будетъ не бесполезно принять къ свѣденію? Въ високъ ей уже сильно кололо и грозило перейти и во всю правую половину черепа, но она ѣла старательно и при этомъ чуть замѣтно посапывала—отъ привычки дышать ноздрями. Это не ускользнуло отъ Рынина: онъ не сдержалъ даже мимолетной усмѣшки. Ему казалось, что въ томъ, какъ Зина ѣсть,—молча, сосредоточенно, точно выполняетъ обрядъ,—было что-то простонародное, мѣщанское. И ея профиль съ городками изъ волосъ на лбу отдавалъ для него русскимъ кордебалетомъ. Въ ней онъ рѣшительно находилъ родовое сходство съ разными Мареушами, Онечками, Липочками, Марьями Николаевнами и Надеждами Вассіановнами, какихъ знавалъ, когда поступилъ въ полкъ вольноопредѣляющимся.

Она, повидимому, вполне освободила себя отъ обязанности занимать его. Ему это было даже пріятно.

„Позлись, голубушка,—думалъ онъ, когда глоталъ ботвинью:—отъ этого у меня не убудетъ, а у тебя ничего не прибудетъ“.

Съ Блэзо она обмѣнилась двумя фразами очень тихо и поглядѣла на Теняшева, когда тотъ кивнулъ на нее и перекинулъ ей какую-то глупость черезъ столъ, продолжая „врать“ съ Ожыговой.

Сервизъ шелъ своимъ чередомъ, въ образцовомъ порядкѣ. Дворецкій Егоръ подавалъ вина уже налитыми въ большія и малыя рюмки; взрослый англичанинъ обносилъ блюда, а грумъ перемѣнялъ тарелки. Меню—наполовину изъ русскихъ, довольно тяжелыхъ, но прекрасно приготовленныхъ, кушаній—показывало, что обѣ кухни смотрятъ на ѣду какъ на очень серьезное дѣло. О кушаньяхъ и шелъ почти весь разговоръ; онъ ожи-

вился въ особенности, когда подали фаршированные бѣлыми грибами помидоры.

Зина отвѣдала сначала съ кончика вилки и одобрительно кивнула головой, потомъ глазами, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ:

— *C'est exquis!*

Всѣ стали хвалить; графъ попросилъ еще; попросила и Зина; она ѣдой боролась обыкновенно съ приступами мигрени, и увѣряла, что ей часто это удается.

— Вы не подражаете нашимъ барышнямъ, — сказалъ, наконецъ, Рынинъ безъ усмѣшки: — на обѣдъ смотрите основательно.

— А вы? — спросила она безстрастно и провела по немъ сухой взглядъ.

— Я долженъ ѣсть мясо, но не люблю его; вкусы у меня самые мужицкіе: щи, каша, огурцы.

— *Par genre ou par conviction?* — окликнула его Сосѣ, и продолжала разговоръ съ сосѣдомъ по лѣвую руку.

Блѣзо опять заговорилъ съ Зиной, и она наклонилась къ нему голову довольно внимательно. Рынинъ схватывалъ ея фразы. На какой-то вопросъ француза, — онъ не могъ разслышать, какой, — Зина выговорила между двумя кусками, основательно разжеванными:

— *J'aime à être plutôt assise que debout, plutôt couchée qu'assise. Vous savez, que je suis dolente...*

Первую половину фразы Рынинъ слыхалъ уже давно, и ему захотѣлось сказать своей сосѣдкѣ, что она пускаетъ въ ходъ чужія „*mots*“, но онъ воздержался и подумалъ:

„Иначе не можетъ быть: все чужое, какъ ихъ обезьянство туалета, сервировки, тона, англomanіи, всего“...

И чѣмъ дольше онъ сидѣлъ за этимъ длиннымъ обѣдомъ, съ четырьмя отдѣленіями, съ семью сортами винъ и тонкостями сервировки, онъ все больше убѣждался въ томъ, что бывшіе тутъ русскіе, считая и хозяйку, принадлежатъ къ сборному, въ сущности, мало порядочному обществу, съ которымъ ни бороться, ни считаться, ни даже разсчитывать въ чемъ-нибудь — для него, Рынина, серьезномъ — нечего. Одна только вотъ эта дѣвица съ восковымъ лицомъ, городками на лбу и бѣлой лиліей въ глянце-витыхъ волосахъ, стѣбитъ, быть можетъ, чтобы ею занялись.

Щеки Зины — еѣ жареному — стали розовѣть. Рынинъ отмѣчалъ, что она не отказывалась ни отъ какого вина: ни отъ мадеры, ни отъ лафита, ни отъ шато-неэма. Это ему напомнило два-три большихъ, званыхъ обѣда, въ Англии, въ городѣ и въ Ричмондѣ, гдѣ его сажали между молодыми дѣвушками, и онъ также

пробовали отъ каждаго вина, а въ концу обѣда дѣлались гораздо разговорчивѣе.

Подали маседуанъ изъ тѣхъ „сверхъестественныхъ“ фруктовъ,—такъ называлъ ихъ Теняшевъ,—за которыми Сосѳ ѣдила передъ обѣдомъ.

Сосѳ, красная, почти плающая, попала на свою тѣму и говорила быстро-быстро, громко, картаво и увѣренно, почти сердито, что жизнь есть одна—въ замкѣ, въ Англіи и Шотландіи, весь годъ, кромѣ конца „season“. Гонять лисицъ „chasse-à-course“, стрѣлять, дѣлать экскурсію въ горы, ѣздить на яхтѣ, зимой устраивать праздники въ замкѣ, и чтобы все это было широко, по-барски. Какое же сравненіе съ глупой жизнью въ Парижѣ, гдѣ всѣ топчутся въ нѣсколькихъ комнатахъ, и непременно blague, и „всякія гадости“, и сплетни, и духота въ театрахъ, и всѣ другъ друга ненавидать... „et des jougnaux rognographiques“!

И пошла, и пошла...

Ее остановилъ графъ вопросомъ:

— Хорошъ Парижъ?

А Теняшевъ крикнулъ, подражая раешнику:

— Приѣдешь—угоришь!

Противъ Парижа Сосѳ говорила еще минутъ десять, и такъ порывисто и связно, что не было никому никакой возможности вставить хотя одно слово. Зину не смущалъ этотъ потокъ; она слышала все это уже много разъ.

— Вы согласны съ кузиной вашей?—спросилъ ее Рынинъ.

— Почти.

А Сосѳ обратилась даже къ поддержкѣ Блэзо и потребовала, чтобы онъ согласился, до чего Парижъ—„une horrible bastingue“.

Онъ снисходительно улыбнулся и кивнулъ головой.

— Мы, — продолжала все такъ же пылко Сосѳ, и указала энергическимъ жестомъ на Зину:—мы съ Zizi воспитались на любви къ Англіи, это нашъ языкъ, мы любимъ только англійскія книги, мы думаемъ на этомъ языкѣ. И моя мечта—жить тамъ всегда, всегда, и эту мечту я лелѣю.

Она даже придавила своимъ круглымъ кулачкомъ скатерть.

— Прикажете запѣть „God save the queen“?—спросилъ Теняшевъ и поднялся со стаканомъ.

— Вы все глупости!—Сосѳ почти разсердилась:—я серьезно, я очень серьезно говорю...

— И убѣждены,—остановилъ ее Рынинъ, сначала шутивно:—что въ васъ сидитъ настоящая британская женщина?

Зина подумала: „она у меня и „ког'генная“, „столбовая“, когда ей захочется, чтобъ ее считали „стаг'гой г'гусской“, „фамиліи“.

— Не съ молокомъ ли матери,—все еще шутливо продолжалъ Рынинъ:—вы выбрали это? Матушка ваша была русская дворянка...

— C'est égal, mais tous nos principes...

— Полноте!—выговорилъ Рынинъ и выпрямился.

Зина поглядѣла на него.

— Полноте,—повторилъ онъ:—ничего въ васъ англійскаго нѣтъ, настоящаго, тѣмъ держится Англія...

— Vous me donnez un démenti, monsieur Rynine?

— Oui, madame, je vous le donne,—отвѣтилъ онъ, и еще разъ повторилъ, что ничего онъ настоящаго, серьезно-англійскаго не видитъ въ ней, да и въ кузинѣ тоже. Воспитаны онъ русской барыней, хоть и за границей, и ни на кого, кромѣ какъ на самихъ себя, не похожи.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Теняшевъ.

— C'est ça!—откликнулся и графъ.

Графиня обратилась къ Сосѣ, со словами:

— Чтѣ, ударъ-то не дуренъ?

Незамѣтно подали десертъ. Рынинъ перешелъ въ Англію и перебралъ разные, чисто британскія стороны жизни и нравовъ; не забылъ сап'а, ханженства, спѣси и тайной слабости англичанокъ къ графинчигу съ коньякомъ или хересомъ.

Все это было не ново; но мужчины смѣялись; даже Блэзо повторялъ: „с'est ça, с'est ça!“ а докторъ не вытерпѣлъ,—пустилъ фразу Расплюева о „просвѣщенныхъ мореплавателяхъ“.

— Молодецъ!—одобрила Рынина Ожигова возгласомъ полковой командирши.

— Il n'y a que Paris!—крикнулъ ея мужъ французю.

Теняшевъ всталъ со стаканомъ и провозгласилъ:

— За здоровье побѣжденной и побѣдителя!

Сосѣ не захотѣла пить и всѣмъ винула фразу:

— Vous n'y êtes pas!.. Il faut être né pour cela!

Зина поглядѣла на нее довольно строго. Пробиравшійся румянецъ красилъ ее. Глаза блестѣли. Рынинъ подумалъ:

„Должно быть, голубушка, ты изъ англійскихъ-то обычаевъ придержишься слабости къ напиткамъ“. И прибавилъ кавалерійскимъ терминомъ: „Вотъ онъ—феллеръ-то“.

Еслибъ онъ чувствовалъ себя по-злѣе, онъ кончилъ бы тѣмъ, что сталъ бы жестоко выпучивать Сосѣ, и довелъ бы ее до слезъ.

Новый „стиль“ этого дома былъ передъ нимъ уже на ладонѣхъ. Больше ему не нужно было ничего обглядывать.

Разговоръ, однако, не прекратился и перешелъ въ споръ, который покрывали несмолкаемыя рѣчи Софьи Германовны.

Сигналь вставать подала не хозяйка, а Зина, — и повела мужчину въ курильню, небольшую комнату налѣво, обставленную старинной рѣзной мебелью, съ широкимъ, какъ двѣ кровати, диваномъ. Сейчасъ принесли туда кофе съ пятью сортами ликеровъ. Ожигова закурила; Сосб пила сельтерскую воду; Зина присѣла къ столу и стала каждому мужчинѣ, по-очередно, предлагать ликеръ, а себѣ налила рюмочку виски. И Рынина она спросила дѣловымъ тономъ, точно это было весьма важное дѣло:

— Vous pronostegai-je de la fine?..

Она даже не прибавила: „champagne“.

Такой тонъ, по части ликеровъ, шелъ къ ней, дополняя для него физиономію этой дѣвушки. Точно будто она совершала во всемъ какой-то обрядъ: такъ одѣвалась, такъ обѣдала, такъ угощала либерами и водками и сама отъ нихъ не отказывалась. Ея лицо говорило ему:

„Всѣ вы мнѣ одинаково ненужны и неинтересны; но вы — случайность программы дня въ томъ домѣ, гдѣ я живу, гдѣ на мнѣ не лежитъ обуза хозяйки, но гдѣ я привыкла получать весь необходимый для меня комфортъ“.

Послѣ виски, Зина проглотила чашку кофе залпомъ и сдѣлала замѣтное движеніе языкомъ. Все это было ей вкусно, и она не скрывала своего чувственного удовольствія.

— Ваша голова прошла? — спросилъ ее Рынинъ, и подселъ къ ней поближе, въ позѣ стараго знакомаго.

— А вы какъ знаете, что у меня болѣла голова?

— Догадался. Вы, вѣроятно, лечитесь ѣдой и напитками?

— Вы угадали.

Она была съ нимъ поласковѣе, но въ ея меньшей сухости участвовалъ обѣдъ и кофе съ либерами; онъ ни минуты не обманывался на этотъ счетъ. Ему все-таки хотѣлось поговорить съ ней иначе, сказать, что имъ не пристало смотрѣть другъ на друга „comme deux chats de faïence“.

Но подошелъ Теняшевъ и началъ говорить вздоръ съ намеками, которыхъ Рынинъ не понималъ. Онъ видѣлъ только, что съ Зиной ея пріятель обходится совсѣмъ уже не какъ съ дѣвушкой, и что ей можно все рассказывать, позволять себѣ шуточки весьма легкаго содержанія.

„Что же я-то, дурень, деремонюсъ?“ — выбранилъ онъ себя,

и собрался-было сейчас же показать ей это, да Сосѡ пригла-сила его въ садъ устроить кровать.

— Смилуйтесь!—крикнулъ ей Теняшевъ:— сейчас послѣ всѣхъ яствъ и питій!

— Да, да, сейчас! Графъ, вы не пойдете съ нами?

— Позвольте докурить.

— Курите...

Курила и графиня—и совсѣмъ лежала на низкомъ и широ-чайшемъ восточномъ диванѣ. Она была сегодня не въ ударѣ. Ей сильно нездоровилось, да и ничего не выходило такъ, какъ она рассчитывала для ея „Миши“.

Сосѡ послала въ садъ и доктора съ Блэзо. Они повиновались безъ всякаго протеста, и были уже внизу, когда хозяйка дома только еще вошла съ Рынымъ на балконъ.

— Вы злой,—заговорила Сосѡ,—и ваши идеи... *c'est bien porté!*.. теперь я знаю; но я не согласна, рѣшительно произ-несла она.

— А небось не станете увѣрять, — возразилъ онъ уже со-всѣмъ фамиллярно, — что неправда насчетъ англійскихъ нравовъ —пристрастїе къ рѣшительнымъ напиткамъ у женскаго пола? А?

Онъ стоялъ надъ ней, наклонившись, и смотрѣлъ, съ высоты своего роста, точно на собачку, — курчавую, раздушенную и шу-струю болонку.

— Ça... *c'est vrai*, — созналась Сосѡ—и даже остановилась. Она уже спустила-было ногу съ первой ступеньки лѣстницы.— Чтожь!.. я скажу, что вотъ и у Зизи уже есть эта... англійская привычка.

— Ah, bah!—шутливо изумился Рынинъ.

— Да, ей нужно три раза въ день... *des liqueurs fortes!*.. Она увѣряетъ, что безъ этого... она не проживетъ... *Elle souffre d'anémie et des migraines atroces!*..

— И что же... Зинаида Мартыновна аккуратно, въ извѣст-ные часы, принимаетъ... это лекарство?

Рынинъ продолжалъ иронически, а Сосѡ говорила все съ той же серьезной возбужденностью.

Она тихонько сходила въ садъ, гдѣ докторъ съ Блэзо уже начали устроить кровать.

— Да,—говорила Сосѡ, точно она рассказываетъ про то, какой порядокъ заведенъ у нихъ насчетъ ѣды: послѣ завтрака она выпиваетъ виски...

— И послѣ обѣда,—подсказалъ Рынинъ.

— И послѣ обѣда... А ночью, въ постель, ей надо brandy.

— Коньячку, значить?

Онъ сдѣлалъ вопросъ трактирнымъ звукомъ, но Сосѣ не за-
мѣтила.

— Да, грогъ... съ теплой водой...

— Ну, совершенно по-англійски, по всѣмъ правиламъ.

— Puisque cela lui fait du bien!

— Только, — продолжалъ шутить Рынинъ: — вы, кажется, вѣдь
совсѣмъ собираетесь переселяться въ Англію?

— Непремѣнно.

— Когда же это?

— Послѣ... — Она немного остановилась. — *Après mon divorce...*

— Такъ Зинаида-то Мартыновна какъ бы тамъ, въ туман-
номъ Альбионѣ, не усилила бы своей порціи?

— *Espérons qu'il n'en sera rien* — все такъ же серьезно от-
вѣтила Сосѣ.

— Вы что же: — вдвоемъ или втроемъ?

— *Comment l'entendez-vous?*

— Съ мужемъ... или съ другомъ?

Она не покраснѣла — Сосѣ и безъ того была очень красна, —
а только снова остановилась на дорожкѣ, передъ газономъ, гдѣ
мужчины вволачивали дуги для кровета.

— *Vous savez*, — заговорила Сосѣ, еще скорѣе, точно вытвер-
женный урокъ: — *moi, je suis pour l'amour libre...*

— Оно и удобнѣе.

Рынинъ уже не считалъ нужнымъ стѣсняться.

— *Oui, absolument libre!*

Она перемѣнила почему-то французскій языкъ на русскій,
отвѣла Рынина къ кусту, за уголъ, и продолжала:

— Такъ гораздо лучше, болѣе... честно, чѣмъ когда мужъ
и жена... постоянно нѣжности... вотъ какъ Ожиговы, напримѣръ.
Я имъ это въ глаза говорю... „Миша... Миша!“ — она передразнила
манеру графини — и невѣрности à perte de vue... Я разошлась
съ мужемъ — вы вѣдь это знаете — я его не обманывала. Онъ
согласенъ на разводъ...

— А потомъ, поди, сейчасъ и опять выскочите за кого-
нибудь?..

— Такъ нужно... *J'accepte l'usage, mais je suis pour l'amour
libre!.. Allons!..* Ахъ, онъ совсѣмъ не такъ... Лукашинъ!.. *Monsieur
Blaisot!* Вы Богъ знаетъ что дѣлаете... Рынинъ, позовите
остальныхъ, тамъ... въ *fumoir*...

Ему не очень понравилось, что Сосѡ назвала его просто „Рынинъ“.

Онъ этимъ воспользовался и полу-шутя вынулъ ей, поднимаясь на террасу.

— Меня зовутъ Парменій Никитичъ.

— Какъ?

— Парменій Никитичъ. Вы вѣдь знаете.

— C'est trop compliqué!.. и похоже на пармезанъ... ха, ха, ха!

Сосѡ убѣжала. Рынинъ съжился и зашагалъ по лѣстницѣ черезъ двѣ ступеньки.

Онъ нашелъ Зину на диванѣ подлѣ Ожиговой; около нея, на полу, сидѣлъ Теняшевъ, а графъ развалился на валькѣ дивана и положилъ голову на широкое ребро подушки.

Всѣ смѣялись, когда Рынинъ вошелъ. Онъ пригласилъ ихъ въ садъ.

— Мучительница, Софья Германовна!—крикнулъ Теняшевъ.
— Барынямъ не хочется...

— Я пойду,—отозвалась Зина.

Во всякихъ играхъ—хоть ей совсѣмъ было не до крокета, голова все еще болѣла—она считала обязательнымъ участвовать: это входило въ „стиль“ избранной ею жизни.

— А тѣ „лягушки“ тамъ?—лѣниво спросила Ожигова.

— Какіе?—переспросилъ Рынинъ.

— Докторъ и тотъ... саньютотъ? Зачѣмъ Сосѡ пригласила ихъ?—обратилась она къ Зинѣ и Теняшеву.

— Для счету,—отвѣтилъ тотъ и сgrimасничалъ.

— C'est ça,—подтвердила Зина и преспокойно зѣвнула.

— Покойной ночи!—сказалъ ей Рынинъ.

— Это заразительно!—вскричалъ Теняшевъ и всталъ на ноги...—Дѣлать нечего:—мать-командирша приказала.

— Миша!.. подними, я одна не встану!..

Мужъ и жена никакой охоты не имѣли играть въ крокетъ; но они ухаживали за Сосѡ: вѣроятно, хотѣли произвести у нея перехватку денегъ до осени; на дняхъ они собирались въ деревню; здѣсь имъ больше нечего было дѣлать; они уѣзжали, „не солоно хлѣбавши“, какъ выражался даже незлобивый докторъ. Всѣ поплелись въ садъ. Зину и Ожигову повелъ графъ и заставилъ ихъ обѣдать по лѣстницѣ съ взвизгиваньемъ.

Теняшевъ взялъ Рынина подѣ руку и задержалъ его на террасѣ.

Онъ поглядѣлъ на него такими глазами, точно хотѣлъ ему сказать:

„Ну, теперь, баринъ, вы нашихъ барынь разглядѣли. Каковы „статья“ — то у Зины?“

Рынинъ позволилъ даже взять себя за талию, и когда спустился въ цвѣтникъ, то прошелся съ Теняшевымъ въ сторонѣ, по дорожкѣ, за кусты, мимо давно отцвѣтшей сирени.

Кто-то ихъ окликнулъ; Теняшевъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Сейчас!

И они углубились въ липовую аллею, вдоль забора, очень тѣнистую, усыпанную краснымъ пескомъ.

Рука Теняшева все еще держала офицера за длинную талию.

Безъ всякихъ подходовъ со стороны Рынина, онъ самъ завелъ разговоръ объ обѣихъ кузинахъ.

— Знаете, въ „Периколѣ“, кажется, есть кабачокъ „zu drei Kusinen“... я въ Вѣнѣ видѣлъ... а у насъ...

— Тоже кабачокъ?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... Зачѣмъ обижать ихъ! Онѣ добрейшія... особенно Софья Германовна... да и Зина... только вѣдь напускаетъ на себя это какое-то истуганство... въ иностранномъ вкусѣ. Надо знать всю ея исторію.

И точно Рынинъ просилъ его объ этой „исторіи“, Теняшевъ рассказалъ ему все—и во второй разъ,—про отца, про мать, про узаконеніе, про наследство и про то, какъ теперь вотъ Зина находится въ смущеніи: Софья Германовна тащить ее въ Москву, а она никогда своей матери не знала, да не вѣрится Теняшеву, чтобы и тотъ, „Мартынъ-то многогрѣшный“—онъ такъ звалъ Ногайцева—пришелъ въ себя какъ слѣдуетъ. А упираться ей все-таки не пристало:—вѣдь „какъ ни какъ“—двѣсти тысячъ записалъ. Да тутъ еще—„всякія лихія болѣсти“, отъ которыхъ „самое бы вѣрное средство—замужство, а она и слушать не хочетъ!“

О Зинѣ Теняшевъ говорилъ съ замѣтнымъ и безкорыстнымъ участіемъ, хотъ и выдавалъ ее безъ всякой надобности чужому человѣку.

Также точно, отъ себя и по собственной охотѣ, сталъ онъ почти жаловаться на Сосѣ.

— Этакое положеніе... пятьдесятъ тысячъ дохода... за границей вилла—полная чаша, должна бы угодниковъ славить за то, что мы ее распутаемъ съ мужемъ—пятнадцать тысячъ это будетъ стоять, да-съ!—и что же: за стривулиста какого-то сейчасъ же выходить, какъ только утверждать разводъ.

— Кто же онъ? — полюбопытствовала, однако, Рынинъ.

— Да, по нынѣшнему выражаясь, растакуэръ какой-то! — знаете, нынче такое званіе въ Парижѣ выдумали. Не то англичанинъ, не то голландецъ, не то швейцарецъ... Неизвѣстно какого званія. Ноги какъ у журавля. Вотъ, видите ли, у него двадцать паръ исподняго платья и столько же гарусныхъ жилетокъ! Ахъ, бабье! бабье!

Теняшевъ даже вздохнулъ и выговорилъ: — Что дѣлать, что дѣлать! — съ нотой сокрушенія.

Послѣ этого онъ круто пережѣнилъ разговоръ и спросилъ Рынина:

— Вы, я думаю, тяготитесь строевой службой?

Рынинъ только пожалъ плечами.

— Что дѣлать, что дѣлать! — повторилъ Теняшевъ той же нотой. — Вотъ и меня поплюютъ аих diables, аих petits coulikis!.. Это я такъ русскую пословицу перевелъ. Я буду тамъ чуть не на Мадагаскарѣ, а супружница моя — т.-е. эвсъ-супружница — изволить свою фотографію на всѣхъ водахъ выставлять... вмѣстѣ съ опереточными королевами... и съ professional beauties. А вѣдь мнѣ ее жалко! — выговорилъ онъ, заглянувъ Рынину въ глаза, и трахнулъ на особый ладъ головой. — Ей Богу, жалко!

„А вотъ тебя, мой милый, ни чуточку не жалко“, — отвѣтилъ мысленно Рынинъ.

Теняшевъ даже задумался-было, но острый, пронзительный окликъ Софьи Германовны вывелъ его изъ грустнаго настроенія.

Надо было идти играть въ кровать.

— У этихъ дамъ, — сказалъ по дорогѣ Рынинъ, — игры и уходъ за тѣломъ — въ родѣ какой-то религіи... Это совсѣмъ новая черта.

— Истину глаголете! Тамъ, въ Европѣ-то, изъ обезьянства англичанамъ и англичанкамъ, просто всѣ въ какихъ-то эквилибристовъ и жонглеровъ обратились. Весь день въ фуфайкахъ, съ голыми руками, въ шапочкахъ, знаете, такими кружечками? въ трико и въ башмакахъ: настоящіе жонглеры. Вы, навѣрное, читали: въ Парижѣ-то, циркъ устроили себѣ!.. Самые, что ни на есть, отчаянные гоптеух, и двое никакъ наѣздницами, въ юбочкахъ, стоя, на лошадяхъ, разныя пѣ выдѣлывали. Я ужъ на-шимъ-то барынямъ и говорю: не лучше ли бы имъ въ циркъ поступить прямо? Зина-то вѣдь какъ больна бываетъ, а чтобы когда-нибудь отказаться отъ игры, охоты, скачки — ни! Боже мой! Умреть на мѣстѣ, а не откажется!

Игра уже началась. Сосѣ сама ихъ размѣстила и сдѣлала

выговоръ. Для нея это дѣйствительно было дѣло. И докторъ, и Блэзо, играли довольно неуклюже, слушались ее и очень старались. Лукашинъ находилъ, что такая игра, послѣ обѣда съ разными „финзербами“, очень полезна. Онъ никогда не возстаивалъ на спортсменскія наклонности Софьи Германовны, и Зинъ частенько говаривалъ за границей, что ей всякая такая штука полезна, кромѣ верховой ѣзды вскачь и на сильныхъ рысяхъ; а она и не признавала никакой другой ѣзды, какъ вскачь, за лисицей, позади стаи англійскихъ гончихъ.

Ожиговы играли вяло и только изъ угожденія хозяйкѣ. Рынинъ принялся за дѣло старательно и стоялъ около Зины; у нея лицо опять было блѣдно-желтоватое, а глаза ушли въ землистые круги. Она замѣтно похудѣла въ лицѣ, въ одинъ день. Онъ невольно заглядѣлся на нее. Въ своемъ, нѣжныхъ цвѣтовъ, платьѣ, съ извилистой линіей талии и спины и красивымъ наклономъ головы—съ его стороны была воткнута и бѣлая лилія—она облокотилась о палку и смотрѣла вдаль, точно не замѣчая даже его присутствія.

Внутреннее чувство подсказало ему: „нѣтъ, ты ее еще не осадилъ; ты для нея еще не существуешь; она не поддается тебѣ ни въ чемъ; ты для нея—ни герой, ни женихъ, ни другъ, ни руководитель“.

Онъ былъ слишкомъ уменъ и строгъ къ себѣ, чтобы не сознаться во всемъ этомъ. И она ему нравилась, какая бы она ни была: порочная, пустая, чванная, глупая, съ привычкой къ виски, со смѣшной, въ его глазахъ, „религіей“ моднаго обезьянства, дочь „ерыги“ и какой-то корифейки... навѣрное изъ мѣщанокъ. Такихъ онъ все-таки не встрѣчалъ ни въ Петербургѣ, ни за границей. Одна, владѣть собой—на рѣдкость, какъ въ ней ни придирайся, все-таки же съ блестящимъ свѣтскимъ воспитаніемъ, съ прекрасными своими средствами... Гдѣ же такія невѣсты? Да и вообще „стоющія“ женщины?..

Рынинъ такъ задумался, что Сосѣ оклинула его и чуть не лишила его очереди.

„Глупо будетъ ничего ей не сказать“, укоризненно подумалъ онъ и, приблизившись къ Зинѣ, выговорилъ почти вполголоса:

— Mademoiselle Zina... вы вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, съ огромной выдержкой... Я вижу, что вы еле на ногахъ стоите, а все такъ же вѣрны спорту...

Онъ задумалъ это сказать довольно искренно, а вышло у него въ нехорошемъ, вызывающемъ тонѣ.

Зина обернулась въ нему въ полголовы и твердо, мужскимъ звукомъ, отвѣтила ему:

— Вамъ играть!

Онъ закусилъ губу и до конца партіи не проронилъ ни слова.

Сосѣ хотѣла-было и вторую, да Ожиговы торопились на музыку. Дамы разомъ засуетились—оправить туалетъ; Теняшевъ и графъ были ихъ кавалерами; Рынинъ извинился: онъ долженъ былъ ѣхать въ Красное. Для доктора и Блэзо въ брѣжѣ не было мѣста, и они пошли подъ руку.

Сосѣ простилась съ Рынинымъ по-пріятельски и сказала ему:

— Ne vous oubliez pas!

Съ Зиной онъ раскланялся молча и даже ждалъ, чтобы она первая подала ему руку. Она это сдѣлала и потрясла его руку, совершенно такъ-же, какъ Лукашину и французу.

Сказать ей что-нибудь на прощанье, что-нибудь злое и мѣткое—онъ не хотѣлъ, можетъ быть и не смогъ бы, потому что онъ не на шутку злился.

„Очень нужно!“—повторялъ онъ, шагая по шоссе. Впередъ ему видѣлись докторъ съ Блэзо. Они уже спускались съ горы къ мосту, около гранитной фабрики. Подумалъ-было онъ:

„А недурно бы разспросить этого доктора про болѣзни той недотроги-царевны?“

Но быстрый жестъ правой рукой показалъ, что онъ тотчасъ же отказался отъ такой мысли.

На перекресткѣ, у казармъ, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ прямо ко дворцу.

VI.

Два пріятеля, которыхъ Рынинъ увидѣлъ на пути въ Нижній Садъ, шли не спѣша. Они были почти одного роста. Лукашинъ держалъ француза подъ руку, на спускѣ придерживалъ его и раза два сказалъ ему:

— Смотрите, Иванъ Альфонсычъ, здѣсь крутенъко.

Онъ давно ладилъ съ Блэзо; въ минуты же особенно-благодушнаго настроенія, переходилъ на ты, звалъ его въ шутку „Ива Альфонсычъ“ и даже просто—„Ивушка“. Настоящія имена того были: Ивъ-Феликсъ-Франсуа; но онъ самъ себя придумалъ для русскихъ имя и отчество: Иванъ Альфонсычъ, по отцу.

Вотъ уже болѣе шести лѣтъ, какъ Лукашинъ знакомъ съ Блэзо. Они сошлись за границей, гдѣ Блэзо временно проживалъ, переселившись изъ Швейцаріи, по пути въ Россію. Тогда онъ, одно время, давалъ уроки Зинѣ Ногайцевой, а Лукашинъ около десяти лѣтъ безсмысленно состоитъ домашнимъ врачомъ при отцѣ Софьи Германовны и часто переѣзжаетъ съ нимъ изъ Москвы за границу и обратно.

По-французски Лукашинъ понималъ, но свободно изъясняться не могъ; съ тѣхъ поръ, какъ Блэзо, пробивъ въ Россіи цѣлыхъ пять лѣтъ, сталъ не только прекрасно понимать по-русски, но даже и порядочно говорить, ихъ бесѣды уже не были затруднены. Обыкновенно Лукашинъ говорилъ по-русски, а его пріятель — вообще не словообильный и на своемъ языкѣ — выражалъ по-французски только то, что ему еще не давалось по-русски.

Не по сходству натуръ или взглядовъ сблизились они; сдѣлали это мягкость, безобидность, прилипчивая доброта Лукашина, казавшаяся французу, на первыхъ порахъ, почти „еретинизмомъ“. Лукашинъ сначала сильно побаивался его, считалъ „кровожаднымъ“ и думалъ, что онъ не мало „душъ загубилъ“ и отправилъ на гильотину. Политикой докторъ, также какъ и литературой, совсѣмъ не занимался, и ему казалось, что „коммуна“ пукала сначала въ ходъ настоящую гильотину, а потомъ пошла уже „скрозь“ разстрѣливать. Когда онъ примѣнился къ Блэзо, то сказалъ ему, еще за границей:

— Иванъ Альфонсычъ, повинись мнѣ, милый человѣкъ: сколько ты душъ загубилъ изъ-за своей проклятой политики?

Тотъ расхохотался — такъ задушевно было это сказано — и далъ Лукашину честное слово, что онъ никого рѣшительно не разстрѣливалъ и не посылалъ на гильотину, которая и не дѣйствовала „въ революціи 18-го марта“, и что никогда онъ тамъ не былъ членомъ коммуны, а „коммунаромъ“ его ославили русскія барыни потому только, что ему, дѣйствительно, нельзя было еще вернуться во Францію и онъ ждалъ амнистіи, въ которую онъ и тогда уже твердо вѣрилъ, а съ паденія министерства „16-го мая“ — ждалъ со дня на день.

Но все-таки для Лукашина онъ былъ „великій бунтарь“; гдѣ докторъ слышалъ же отъ него рассказъ, какъ Блэзо шелъ со своимъ „легиономъ“ національной гвардіи въ Hôtel de Ville, и какъ тамъ держали они нѣсколько часовъ въ плѣну главнаго генерала и главнаго министра.

Нѣсколько разъ онъ заставлялъ его показывать, въ какой позѣ генералъ сидѣлъ, привязанный къ стулу.

— Да вѣдь ты какъ есть штафирка, — говорилъ Лукашинъ, ласково оглядывая его: — учителемъ былъ и тамъ у себя дома, и какимъ же легиономъ могъ ты командовать? Это только у римлянъ были легионы.

Иванъ Альфонсычъ снисходительно улыбался этимъ славянскимъ „наивностямъ“; но, по взгляду его глазъ, по движенію бровей и рта, по всѣмъ линиямъ его сухого, нервнаго тѣла, докторъ смутно чувствовалъ, что такой человѣкъ можетъ командовать, и его будутъ слушаться, и пойдутъ за нимъ, и самъ онъ не побойтся полѣзть на баррикаду.

Только Лукашинъ не могъ понять: какъ это человѣкъ всю свою жизнь все стремится къ торжеству какой-то тамъ „программы“ и до самой своей смерти не уймется. „По прочему, рассуждалъ онъ: — Иванъ Альфонсычъ — человѣкъ солидный, тихій, аккуратный, что твой почтовый экспедиторъ, честнѣйшій на расплату, да и никогда у пріятели даже не займетъ пяти рублей; и всѣ приличія, насчетъ хоть бы визитовъ, строжайше соблюдаетъ. Пять лѣтъ, — шутка сказать, — въ Россіи мѣста хорошія занималъ, и никакого соблазна не поселялъ, а передъ тѣмъ въ Швейцаріи, худо ли, хорошо ли, докторскій дипломъ получилъ; теперь, вотъ, женился по любви и за женой взялъ состояньице, и дѣтки есть... Чего бы, вѣзется, лучше? Такъ нѣтъ, все его эта „программа“ мучить, и онъ изъ-за политики будетъ умирать, выборы какіе-то устраивать и афишки печатать, говорить о своей „sainte cause“ съ блескомъ въ глазахъ, а случись что — и опять легионъ, и пойдетъ какого-нибудь генерала привязывать къ стулу“.

Зналъ Лукашинъ и то про своего пріятели, что кличка „коллективистъ“ — ее наши же барыни пустили — тоже къ Ивану Альфонсычу не относится. Блѣзо ему объяснялъ, какіе такіе водятся тамъ, въ Парижѣ, „коллективисты“, но самъ онъ къ нимъ не принадлежитъ. Чего ему хочется, для человѣчества вообще и у себя дома, то и Лукашинъ считаетъ „правильнымъ“, и даже иначе и представить себѣ не можетъ, чтобы на свѣтѣ, гдѣ люди „любъ крестятъ“, можно было жить, не попирая правды; но все-таки же дѣлу не поможешь тѣмъ, что генерала къ стулу бичевой привяжешь или дюжину-другую человѣческихъ душъ загубишь. Не могла незлобивая и недѣятельная натура Лукашина признать такого вѣчнаго напряженія, стойкости принциповъ, силы негодованія, чувства возмездія и страстныхъ потугъ для побѣды надъ тѣми, кого считаешь врагами свободы, равенства, прогресса, демократіи.

Всѣ эти слова Лукашинъ признавалъ, считалъ ихъ „хоро-

ними вещами“, и все-таки между ними и „Ивой Альфонсычемъ“ лежала пропасть. Тотъ на него не сердился, даже не стыдилъ его, а только спрашивалъ, когда у нихъ бывали такіе разговоры, — какъ же онъ науку-то уважаетъ? Вѣдь и ее надо водворять борьбой, а то обскуранты, изувѣры, гасильники, отодвинуть все назадъ, на тысячу лѣтъ, если ихъ не держать въ страхѣ.

Спорить Лукашинъ былъ не мастеръ; повторялъ только:

— И безъ легионовъ вашихъ пойдетъ наука... Нашимъ-то отцамъ, сейчасъ, въ тифѣ, руду пускали, отъ блѣдной немочи — учили марену давать, потому что она краснаго цвѣта; а вотъ насъ — стали же учить по другому, по настоящему...

Теперь, въ ихъ послѣднее свиданіе, они уже не спорили; все общее было переговорено между ними. Лукашинъ много разъ казался Ивану Альфонсычу, что его мало чтò интересуетъ даже и въ „вашемъ хваленомъ Парижѣ“... Въ палату или на сходку какую его не залучить. Книжекъ философскихъ онъ не читаетъ, а романы — только дорогой, да и то больше уголовные... Пойдетъ онъ охотно въ „Ипподромъ“ или въ „Эденъ-Театръ“, любитъ смотрѣть на разныя „штуки“, только чтобы не очень опасныя для самого „штукаря“... Что-жъ дѣлать! Голова у него не такая, а сердце живетъ доставленіемъ душевнаго и тѣлеснаго довольства, хоть какой-нибудь маленькой пріятности — всѣмъ тѣмъ, это обоюдо него.

Частенько, бывало, Блэзо говаривалъ ему, что онъ, докторъ Лукашинъ, все-таки долженъ имѣть „демократическія чувства“: вѣдь онъ пролетарій по рожденію; ближе стоитъ къ народу, а онъ мирится съ барствомъ, съ разжившейся „плутократіей“, не возмущается всѣми этими паразитами, которымъ онъ, по доброй волѣ, отдаетъ свой трудъ, находясь у нихъ въ услуженіи. Это допустимо — надо же на что-нибудь жить, — но не тѣ чувства слѣдуетъ имѣть къ міру враждебному всякимъ рабочимъ вплоть до поденщиковъ умственнаго труда.

Лукашинъ не особенно защищался, а какъ-то незамѣтно привелъ своего пріятеля къ тому, что большаго съ него и требовать нельзя. Чѣмъ же было бы лучше, если бы онъ „вгонялъ себя внутрь“ демократическія чувства?

— Печень разбухнетъ, — говаривалъ онъ: — а ничего я не исправлю. Пойти на вазенную службу — тамъ еще гаже: плутовать придется; частной практикой заняться — надо шарлатанить. Старикъ мой — отецъ Софьи Германовны — право, еще ничего: добраго сердца, веселый и въ дочери души не слышитъ. А остальные до меня не касаются.

Но и на „остальныхъ“ Лукашинъ смотрѣлъ всегда точно на дѣтей, которымъ надо сунуть въ руку или въ карманъ курточка леденецъ, винную ягоду, кусочекъ шоколада.

Такъ и танулось пріятельство этихъ двухъ натуръ. Нервная страстность кельта и все растворяющая мягкость лѣниваго славянина кончили тѣмъ, что пришли къ полному ладу въ своихъ отношеніяхъ.

Заря переходила въ свѣтлыя сумерки, когда Лукашинъ съ Блэзо миновали мостикъ, у швейцарскаго сторожеваго домика, и пошли вдоль пруда, по дорожкѣ, около самой воды; засвѣбло очень скоро, и въ саду началъ подниматься чуть примѣтный туманъ.

Отъ площади, гдѣ играло въ этотъ день два хора музыки, передъ памятникомъ Петру, доносились послѣдовательныя, низкія волны духовыхъ инструментовъ. Били всѣ фонтаны, и въ широкихъ бассейнахъ, обставленныхъ съ двухъ сторонъ полуокруглыми бесѣдами, по главной аллеѣ, и всѣ водоjetsы Самсона. Журчаніе, блескъ и брызги воды сливались съ разнообразнымъ гуломъ отъ ѣзды, музыки, голосовъ, конскихъ копытъ въ кавалькадахъ. Дворецъ Марли глядѣлся въ недвижныя воды пруда; зеленые четырехугольники, дорожки, идущія вдоль и поперекъ, своды аллей, желтая краска зданій, просторъ и вмѣстѣ подчищенность, скванность всѣхъ прогулокъ, одинаково, на этотъ разъ, настраивали и Лукашина, и Блэзо.

На музыку они не спѣшили и, не доходя до того мѣста, гдѣ стоятъ золоченыя статуи, сѣли на скамейку. Въ этой части сада было почти безлюдно. Все уже прошло и пробѣжало на музыку, толпилось на площади между двумя хорами и расплзлось по садикъ и террасѣ Монплезира, гдѣ только-что потухъ послѣдній оранжевый отблескъ зари.

Лукашинъ радъ былъ тому, что Сосѣ пригласила Блэзо на обѣдъ, черезъ него. Онъ любилъ, чтобы Ивану Альфонсычу оказывали уваженіе. Вѣдь всѣ эти барыни побаиваются его. И прекрасно! Но ему хотѣлось поговорить съ Блэзо о Зиной. Ему сдавалось, что французъ былъ къ ней когда-то не совсѣмъ равнодушенъ, а потомъ точно махнулъ на нее рукой и справлялся, бывало, про нее точно для очистки совѣсти.

Какъ только они присѣли, Лукашинъ сейчасъ же сообщилъ Блэзо свой разговоръ съ Зиной утромъ, въ Англійскомъ паркѣ; она навѣрное была тронута, хотя и не высказала этого, и поѣдетъ въ Москву.

— Ужь какъ тебѣ угодно, Иванъ Альфонсычъ, — сказалъ онъ

радостно:—исковеркана,—это точно; а все же русская въ ней душа. А исковеркали кѣмъ же и чѣмъ? Все вашей хваленной Европой.

Блэзо не вѣрилъ въ то, что у этой дѣвушки,—„chez cette fille“—могло явиться „un mouvement spontané“.

— Да ты видѣлъ, въ какомъ она состояніи была за столомъ, Ома невѣрный!

У нея начинался мигрень и съ сосѣдомъ не ладился разговоръ, вотъ и все: Блэзо изучилъ ее достаточно. Для него Зина была крайнимъ примѣромъ того, до какихъ предѣловъ можетъ дойти безпринципнѣ свѣтскаго эгоизма въ русской барынь или барышнѣ—все равно:—„elle n'est vierge que formellement“—рѣшилъ онъ въ скобкахъ:—въ обществѣ безъ всякой національной и политической окраски. Онъ сталъ медленно и въ короткихъ афоризмахъ развивать ту мысль, что въ Парижѣ, да и нигдѣ въ Европѣ, даже въ Америкѣ—Америка была для Блэзо ненавистнѣе всѣхъ странъ—такая „gommeuse“ не можетъ дойти до подобнаго крайняго извращенія, какъ русская, созданная средой, въ которой выросла и сложилась „cette écoeuvante Zina!“—довончилъ онъ, не возвысивъ голоса.

— Да ты, Ивушка, разсуждаешь, какъ наши почвенники. Я хоть и мало газетъ читаю, а знаю, что такіе водятся.

Блэзо на это усмѣхнулся. Лукашину не хотѣлось съ нимъ спорить, особенно сегодня, давно не видавшись, а ему надо на дняхъ назадъ въ Москву и опять, быть можетъ, годъ цѣлый, а то и больше, не увидятся. Но что-жъ дѣлать? Все-таки въ себѣ онъ чувствовалъ, въ эту минуту, „русака“, да и про Блэзо зналъ, что и тому у насъ совсѣмъ не плохо жилось, что онъ, въ своемъ хваленомъ Парижѣ, частенько скучаетъ по русскимъ пріятелиамъ. Это онъ отъ его жены слышалъ самъ.

— Иванъ Альфонсичъ,—Лукашинъ наклонился къ его плечу:—какъ, голубчикъ, ручаться за русскую барышню?!.. хотя бы вотъ и такую, какъ наша Зинаида Мартыновна... никакъ нельзя!.. Теперь она вся въ фалбалы свои да въ крокеты ушла... а вдругъ, глядишь... и очутится гдѣ-нибудь... хотя бы въ твоёмъ же легионѣ... Примѣры-то бывали... И ужъ ты, какъ хочешь тамъ, а у нашихъ дѣвушекъ—я не больно ихъ одобряю за разные выкрутасы,—геройства побольше, чѣмъ у вашего женскаго пола... Ась?..

Блэзо, въ знакъ своего недовѣрія, покачалъ головой.

— Опять же, больная она... Я ужъ это превосходно знаю, да и ты тоже... Вѣдь у нея припадки какіе! Страсть! Крови въ

недочетѣ ведра на два, по малой мѣрѣ, чуть не до каталепсид дѣло доходило, а каждый день—точно какъ на инспекторскій смотръ гвардейцы готовятся. Вѣдь это тоже, Ива Альфонсычъ, доказываетъ натуру... Жалко, искры еще никто не зажечь въ ней,—вотъ какъ надо говорить. Опять тѣ возьми—замужъ совсѣмъ не хочетъ. Вѣдь съ какими фертми за границей зналась! Да и здѣсь. Сегодняшній-то офицеръ—изъ сурьезныхъ—тоже не спроста появился... А грибъ съѣсть.

— *Vicieuse et lâche!*—выговорилъ Блэзо на всѣ эти доводы пріятеля.—*Elle veut jouir, elle craint la maternité!*

Лукашинъ почувствовалъ въ короткомъ приговорѣ француза что-то сильно похожее на правду, и примолкъ, даже задумался. Они посидѣли молча. Туманъ сталъ обволакивать золоченныя статуи и уходилъ въ даль аллеи длинной полосой. Музыка въ засырѣвшемъ воздухѣ стала слышнѣе. Кругомъ совсѣмъ опустѣло.

Блэзо глядѣлъ на плоскую панораму уходящихъ въ взморью дорожекъ, съ правильными линиями деревьевъ, и его мысль, въ эти минуты, возбужденная разговоромъ съ пріятеlemъ, витала воеругъ общей идеи—онъ всегда такъ думалъ—этого пестраго, чудного, хаотическаго и способнаго „на все“ русскаго общества... Развѣ Зина Ногайцева не подходила всего больше вотъ въ этому саду, съ его голландско-французской отдѣлкой, золочеными крышами, желтой штукатуркой, мостивами, фонтанами, монплезирами, садомъ, скульптурой рококо? Со всей его чужой, краденой, изломанной граціей, нарядностью и съ внутренними ботѣзнями въ видѣ тумана, сырости, обѣлесоватой, хлоротической ночи?..

— *Quel calme plat!*—вырвалось у него, и онъ повелъ рукой по воздуху.

— Это точно!—понялъ его по своему Лукашинъ.—И я всей этой подмалеванной Ингерманландіи не жую.

Но мысль его пріятеля пошла дальше. Онъ почти соглашался съ Лукашинымъ, только не насчетъ Зины Ногайцевой. Не она, такъ десятокъ другихъ, такъ же воспитанныхъ, неспособныхъ, казалось бы, на высокіе порывы, вдругъ преображаются... *et les voilà martyres!*.. И ничего нельзя предвидѣть, и ко всему нужно готовиться, всего ждать. Пять лѣтъ выжилъ онъ среди русскихъ, знавалъ много народу, особенно между молодежью; а можетъ ли онъ уложить въ своей головѣ, раздѣлить на параграфы, клѣтки, группы общіе признаки движенія этого общества, этой націи? Заставъ его написать руководящую статью или этюдъ... Онъ не выберется изъ отрывочныхъ фактовъ, одинъ другого чуднѣе; а

если станетъ обобщать—непремѣнно надѣлаетъ своихъ соображеній, а не настоящихъ выводовъ.

Зина похожа на этотъ садъ—да; но вся-то русская жизнь, насколько ему, иностранцу, удалось даже въ одномъ большомъ городѣ схватить ее, развѣ не похожа? А между тѣмъ все это вывелъ тотъ русскій человѣкъ, что стоитъ тамъ, откуда доносится музыка, коренной „москвитинъ“, буйный, порочный, жестоко-звѣрскій и безгранично широкій. А былъ же онъ влюбленъ въ голландскую ограниченность, въ буржуазную домовитость, жилъ вонъ тамъ, черезъ прудъ, съ своей женой, какъ достаточный шенперъ, тѣшилъ себя, обучаясь всякой заграничной выдумкѣ? И французская стриженная садовая природа прельщала его; цѣликомъ переносилъ онъ ее сюда, и находилъ, вѣроятно, что необходимы его націи эти кастраты-деревья, эти полураздѣтыя пастушки изъ мрамора и алебаstra—вся эта нестерпимо-подражательная, декоративная природа. Но остался до смерти тѣмъ же русскимъ, способнымъ на все: на гениальныя идеи и на ужасающія, жестокія выходки.

— Ау!—нарушилъ Лукашинъ думу пріятеля.

— Eh quoi?—окликнулъ его тотъ и взялся за часы.

Перешло уже за половину десятаго.

— Такъ-то, Ива Альфонсычъ... „не увяися, что будемъ“... То же можно сказать и о дѣвицѣ Зинаидѣ, да и вообще.

Блэзо не понялъ изреченія Лукашина, и вопросительно взглянулъ на него.

— Не увяися... Это въ писаніи такъ говорится... То-есть, значить, всего слѣдуетъ ожидать.

— Оуі,—съ улыбкой, но искренно выговорилъ Блэзо, отлично понимая, на этотъ разъ, мысль Лукашина.

— Пора уходить... На машину!..

Они возвращались вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ Лукашинъ остановился у товарища, на Выборгской; несмотря на приглашеніе Софьи Германовны жить у нея—ему такъ удобнѣе было... Блэзо долженъ былъ остаться въ Петербургѣ около мѣсяца по дѣламъ своей жены—очень неприятнымъ дѣламъ, съ запутанными взысканіями; а Лукашинъ надѣялся проводить въ Москву Зинаиду Мартыновну, ему нельзя было ждать: старикъ Кунъ съ неохотой отпускалъ его и не могъ безъ него остаться дольше недѣли.

Когда пріятели встали и повернули къ выходу, начался уже развѣздъ. По аллеѣ замелькали между деревьями коляски, а по обѣимъ дорожкамъ потянулись пѣшеходы. Музыка доигрывала послѣдній нумеръ. Сырость проникла подъ платье, и туманъ

сталь все явственнѣе подниматься отовсюду: съ каналовъ, съ пруда, съ лужаекъ, изъ плоскихъ аллей и подъёмовъ, укрывшихся подъ своды деревьевъ. Всѣ спѣшили точно съ обязательнаго парада или церемоніи; никому не захотѣлось оставаться въ саду лишнихъ пять минутъ.

Спѣшили и Лукашинъ съ Блэво. Имъ хотѣлось дойти до станціи пѣшкомъ.

Опустѣлъ Нижний Садъ. Только вдоль главной аллеи; въ медленныхъ волнахъ тумана двигались плотныя фигуры полицейскихъ въ пальто и фуражкахъ.

Тамъ, гдѣ два хора музыкантовъ, за полчаса передъ тѣмъ, держали всю массу публики на скамейкахъ и въ проходѣ между обоими кіосками, не было уже никого. А подалеже, наверху, на перекресткѣ, впереди двухъ фонтановъ, на высокомъ пьедесталѣ, закинулась назадъ, опираясь на палку, еоренастая фигура въ треугольной шляпѣ, въ кафтанѣ съ широкими рукавами и въ большихъ походныхъ сапогахъ, вылитая изъ бронзы, только слегка потерявшая блескъ металла.

Туманъ обволакивалъ ее нѣжно, вверхъ по гранитному пьедесталу, извивался вокругъ мощныхъ ногъ и поползъ по смѣло отвиннутой скульпторомъ богатырской спинѣ. Плечи еще выдвигались изъ дымчатаго пара и заломъ головы, увѣренно, молодецки смотрящей на свою стихію—близкое взморье, на свое добро, на всѣ свои затѣи, кругомъ. Вся несокрушимая сила, схваченная художникомъ, перешла теперь въ этотъ заломъ головы, посаженной вбокъ.

Но плечи утонули въ волнѣ тумана, а за ними и шея, и затылокъ, и одинъ уголь шляпы, а тамъ и вся голова... Внизу часть пьедестала темнѣла еще пятномъ, да палецъ, да сапогъ еще не были окутаны.

Послѣдній звукъ экипажа донесся сверху, съ дороги передъ дворцомъ. Бѣлесоватая ночь слилась съ туманомъ, и на всемъ стояла свѣтлая мгла, а сквозь нее то золоченая статуя, то скалы мраморныхъ плитъ, то шпицы, то бассейнъ—мелькнуть и скроются.

Небо не слало ничего: ни мерцанья звѣздъ, ни болѣе мрачнаго покрова грозовыхъ тучъ. Въ воздухѣ стояла мягкая, недвижная влага,—и деревья, травы, цвѣты, кустарники, все притихло и точно застыло въ густой млечной печенѣ.

П. БОВОРЪКИНЪ.

ДВА ГРѢХОВОДНИКА

Когда я слышу и читаю,
Съ чѣмъ, за послѣдній рядъ годинъ,
Идетъ, на зовъ, къ родному краю
Нашъ одичалый гражданинъ;
Что изъ былого имъ забыто;
Что сохранить бы онъ желалъ;
Какой общественнаго быта
Имъ возлелѣянъ идеалъ;—
Тогда, ему противорѣча,
Моя душа возмущена,
И вспоминается одна
Мнѣ живо уличная встрѣча.
О, еслибъ мой рассказъ о ней
Могъ быть урокомъ и уликой!

„Широкой масляницы дней
Смѣнилъ безумство постъ великій.
Церковный благовѣстъ пресѣкъ
Тотъ пиръ, что дни и ночи длился,—
И въ кабацѣ перекрестился
Скотоподобный человѣкъ.
Онъ одуренъ хмельнымъ угаромъ,
Но ужъ внимаешь, въ смутномъ снѣ,
И улицъ трезвой тишинѣ,
И мѣрнымъ въ колоколъ ударамъ.
Пора замаливать свой грѣхъ!
Тому, кто ищетъ въ буйствѣ пьяномъ
Душѣ скучающей утѣхъ;

Кто на землѣ живеть обманомъ;
 Кто сердцемъ золь и горделивъ,
 Кто волей слабъ, кто духомъ боленъ, —
 И всѣмъ намъ грѣшнымъ съ воловоленъ
 Звучить задумчивый призывъ...

„Я шелъ близъ церкви. Двери входа
 Открыты были въ этотъ часъ,
 И много всякаго народа
 Входило, набожно вкрестясь.
 И натолкнулся я невольно
 На одного изъ тѣхъ гулякъ,
 Которымъ позывъ богомольный
 Помогъ забыть родной кабакъ.
 Сюда являсь оттуда прямо,
 Хотѣлъ и онъ войти, но вотъ —
 Остановясь въ преддверьи храма,
 Застылъ, не двигаясь впередъ...
 Тамъ дымъ кадила благовонный
 Волнами ходить вверхъ и внизъ;
 Тамъ смотреть на лкдей иконы
 Изъ золотыхъ вѣнцовъ и ризъ;
 Тамъ ангелы и херувимы
 Глядятъ изъ купола на нихъ;
 Тамъ силъ небесныхъ сонмъ незримый
 Въ мольбахъ участвуетъ людскихъ!..
 Хотъ, правда, входъ во храмъ священный
 И обднякамъ открытъ, но тамъ
 Всѣ люди чисты, всѣ степенны
 И свѣчи ставятъ къ образамъ;
 А онъ бы нищенгѣ сосѣдней
 Не смѣлъ похлопать по плечу,
 Чтобъ чрезъ нее, на грошь послѣдній,
 Послать Спасителю свѣчу.
 Въ одномъ, безъ пуговиць, „пенджакъ“,
 Съ висящей спереди полой,
 Оторванной въ кабачной дракѣ;
 Въ штанахъ дырявыхъ съ бахрамой;
 Въ калошахъ на босую ногу,
 Въ которыхъ онъ приобрелъ, скользя...
 Хотъ такъ молиться можно Богу,
 Но только стѣя у порогу,
 Такъ въ Божій домъ войти нельзя!

А про лицо, про образъ божій
 Какъ и подумать безъ стыда?
 Съ такой подбитой, пьяной рожей
 Не входить въ церковь никогда...
 И онъ, бѣднякъ, дрожа отъ стужи,
 На томъ же мѣстѣ все стоитъ;
 Все въ дверь стеклянную, снаружи,
 За службой тщательно слѣдить.
 Дойдетъ ли возгласъ іерея,
 Раздастся-ль пѣвчихъ стройный хоръ, —
 Его все глубже, все больнѣе
 Тревожить совѣсти уворъ;
 Но, не ища себѣ покою,
 Межъ тѣмъ, какъ бѣгетъ его ознобъ,
 Усердно грязною рукою
 Онъ креститъ свой разбитый лобъ...“

Съ моимъ гулякою, пожалуй,
 Удобно можетъ быть сравненъ
 Тотъ гражданинъ нашъ одичалый,
 Сынъ блудный нынѣшнихъ временъ; —
 Но не съ молившимся у храма;
 Не въ день возмездья; не тогда,
 Какъ, чужа гнетъ грѣховъ и срама,
 Весь изнывалъ онъ отъ стыда.
 О, торжествующій межъ нами,
 Покрытъ и срамомъ, и грѣхами,
 Нашъ современникъ не таковъ!
 Онъ, гордо лобъ закинувъ мѣдный,
 Предъ алтаремъ отчизны бѣдной
 Священнодѣйствовать готовъ.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ И ФОРМА

ВЪ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

- Стихотворенія А. Н. Апухтина. Спб., 1886.
  - Стихотворенія С. А. Андреевскаго. Спб., 1886.
  - Стихотворенія С. Надсона. Изданіе четвертое, Спб., 1886.
  - Думы и пѣсни С. Г. Фруга. Спб., 1887.
-

Русская поэзія, точно соскучившись слушать жалобы на ея оскуденіе, настойчиво напоминаетъ намъ, въ послѣднее время, о своемъ количественномъ богатствѣ. Поэты минувшей эпохи, только что сошедшіе со сцены или не покинувшіе ея и до сихъ поръ, являются передъ нами во всеоружіи своей многолѣтней работы; спѣшать подвести итоги и представители другихъ поколѣній, едва свершившихъ половину жизненнаго пути или недавно тронувшихся съ мѣста. Параллельно съ полными собраніями сочиненій А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго выходятъ въ свѣтъ или готовятся къ печати стихотворенія Тургенева, Ивана Аксакова, Мея. А. Н. Апухтинъ, пишущій уже болѣе двадцати лѣтъ, выступаетъ въ первый разъ съ сборникомъ стихотвореній. Такой же сборникъ, обнимающій собою восемь лѣтъ (1878 — 85), издается поэтомъ сравнительно молодымъ, С. А. Андреевскимъ. Стихотворенія С. Надсона достигаютъ, въ полтора года, четвертаго изданія; за первымъ томомъ стихотвореній С. Г. Фруга быстро слѣдуетъ второй, озаглавленный: „Думы и пѣсни“. Насталъ удобный моментъ

для продолженія этюда, начатаго нами года три тому назадъ — этюда, посвященнаго поэзіи и поэтамъ нѣсколькихъ поколѣній ¹⁾).

„Русская поэзія, — замѣтили мы по поводу поэтическихъ новиннокъ, появившихся въ свѣтъ въ началѣ 1884 г., — давно уже не находила новыхъ дорогъ, новаго содержанія. Съ одной стороны, она продолжаетъ работу, начатую Некрасовымъ, не принимаясь выше учителя, почти ничего не прибавляя къ завѣщанному имъ наслѣдству; съ другой стороны, она вдохновляется Пушкинымъ, не замѣчая, что неисчерпаемымъ и этотъ источникъ вдохновенія названъ быть не можетъ“. Обновленіе и расширеніе содержанія поэзіи — вотъ что казалось намъ необходимымъ для поднятія ея на прежнюю вышину, для возвращенія утраченной ею силы. Ожидать этого результата отъ одного совершенства формы, безъ соотвѣтствующей значительности содержанія, мы считали невозможнымъ, какъ потому, что выѣшнее изящество стиха давно перестало быть чѣмъ-то рѣдкимъ, трудно достижимымъ, такъ и потому, что опасной соперницей стиха, въ этомъ отношеніи, явилась проза, достигшая небывалой прежде музыкальной и пластической красоты. Подтвержденіе нашей мысли мы находимъ въ необыкновенномъ успѣхѣ стихотвореній г. Надсона. Пальма первенства, — еслибы рѣчь шла только о звучности стиха, о богатствѣ образовъ, о новизнѣ техническихъ приѣмовъ, — была бы отдана, по всей вѣроятности, не ему, но онъ одинъ побѣдилъ, рѣшительно и сразу, равнодушіе, ставшее удѣломъ нашихъ поэтовъ, одинъ завоевалъ читающую публику. Ему не помогала критика, въ большинствѣ случаевъ относившаяся къ нему скорѣе съ снисходительнымъ поощреніемъ, чѣмъ съ горячимъ сочувствіемъ, а теперь пытающаяся иногда взять назадъ даже тѣ скромныя похвалы, которыя достались на его долю. Не помогъ ему, конечно, и академическій вѣнокъ, только-что возложенный на его голову; наше общество не привыкло прислушиваться къ голосу учрежденія, стоявшаго и стоящаго въ сторонѣ отъ большой литературной дороги. Единственнымъ союзникомъ г. Надсона явилось непосредственное чувство читателей. Его слово нашло отголосокъ въ сердцахъ, потому что оно вылилось прямо изъ сердца. Пережитое, перечувствованное молодымъ поэтомъ было пережито и перечувствовано, до него и вмѣстѣ съ нимъ, многими другими; онъ далъ форму глухому безпокойству, неотвязной тоскѣ, смутному ожиданію лучшаго будущаго. Его настроеніе не было ни поверхностнымъ, ни случайнымъ; измѣни-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“: 1883 г., № 12; 1884 г., № 5; 1885 г., № 10.

вое въ подробностяхъ, оно было цѣльнымъ въ своей основѣ, — основѣ широкой, вѣрно связанной съ однимъ изъ главныхъ теченій современной дѣйствительности. Стоило только почувствовать эту связь, чтобы полюбить искреннаго, горячаго искателя жизненной правды.

„Окрыленнымъ мечтой, сладкозвучнымъ стихомъ,
Никогда не игралъ я отъ скуки;
Только то, что грозой пронеслось надъ челою,
Выливалъ я въ покорные звуки.
Какъ недугомъ, я каждую пѣсней болѣлъ,
Каждой творческой думой терзался,
И нерѣдко пѣвца благодатный удѣлъ
Непосильнымъ крестомъ мнѣ казался;
И нерѣдко клялся я навѣкъ замолчать,
Чтобъ съ толпою въ забвеніи слиться,—
Но Эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнамъ ея мчится,
И невластенъ весною гремучій ручей
Со скалы не свергаться въ долины,
Если солнце потоками жгучихъ лучей
Растопило снѣга на вершинахъ!..“

Такова характеристика поэта, сдѣланная имъ самимъ въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній ¹⁾. Она будетъ совершенно полна, если мы прибавимъ, что „недугъ“, которымъ была для поэта каждая его пѣснь, не былъ только личнымъ его недугомъ, коренился не въ однихъ только личныхъ разочарованіяхъ его и печаляхъ. И въ минуты надежды, въ минуты душевнаго подъема, послѣднимъ словомъ г. Надсона является не личное успокоеніе, не личное счастье. Передъ нимъ проходятъ тогда другія картины — картины „свѣтлаго возрожденія“ („Весенняя сказка“), „отрадной дали грядущаго“ („Грезы“), „возвращенія любви“ („Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ“).

„Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,
Въ миръ придетъ она въ силѣ и славіи своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна;
Оглянись,—аю вокругъ черезчуръ ужъ гнететь,

¹⁾ Изд. 4-ое, стр. 18.

Ночь вокругъ черзачуръ ужъ темна!
 Міръ устанеть отъ мукъ, захлебнется въ крови,
 Утомится безумной борьбой,—
 И подниметь къ любви, къ беззаветной любви
 Очи, полныя скорбной мольбой!¹⁾

„Старая пѣсня!“ — могутъ воскликнуть одни; „громкія, безсодержательныя фразы“, — могутъ сказать другіе. Едва ли это такъ. Не нова, конечно, надежда на лучшее будущее—но та форма, въ которую ее облакаетъ г. Надсонъ, соответствуетъ именно мечтамъ настоящей минуты. Эти мечты не всегда устойчивы, часто переплетены съ противоположнымъ настроеніемъ—но онѣ находятъ отголосокъ въ тысячахъ сердець; поэтъ, ими увлеченный—если онъ поэтъ не только по имени—легко увлекаетъ своихъ слушателей. Мы далеки отъ мысли, чтобы призваніе поэзіи исчерпывалось возбужденіемъ подобныхъ увлеченій; несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, лишь сила, заимствуемая ею изъ созвучій съ лучшими полетами современной мысли. Въ истинной поэзіи нѣтъ мѣста для фразы—но развѣ можно считать фразой всякій смѣлый порывъ впередъ и вдалъ, всякое невольное преувеличеніе, всякое несбыточное ожиданіе? Нельзя подходить къ поэту съ мѣркой, выработанной практическимъ скептицизмомъ, съ требованіями, свойственными усталому, чисто разсудочному взгляду на жизнь. Единственнымъ правильнымъ критеріемъ кажется намъ здѣсь искренность самого поэта. У г. Надсона она чувствуется въ каждомъ словѣ; не даромъ же онъ сталъ любимцемъ молодежи, враждебной всему фальшивому, дѣланному, натянутому. „Кружковый писатель“, какимъ иногда выставляютъ г. Надсона, не могъ бы пріобрѣсти такъ скоро такую широкую популярность, въ особенности при полномъ отсутствіи кружковой рекламы, систематически-дружескихъ восхваленій. Мы продолжаемъ думать, что г. Надсона нельзя назвать даже поэтомъ тенденціознымъ. Ему чужда односторонность, чуждо намѣренное, упорное возвращеніе къ однѣмъ и тѣмъ же излюбленнымъ, предвзятымъ темамъ. Между новыми стихотвореніями его, какъ и между прежними, не мало такихъ, которыя вовсе не соприкасаются съ злобой дня — и они ничуть не уступаютъ остальнымъ. Такова, напримеръ, „Страничка прошлаго“; таковъ „Отрывокъ“; таковы слѣдующія прелестныя строки, написанныя авторомъ на берегу Средиземнаго моря:

¹⁾ Изд. 4-ое, стр. 87—88.

„Я приглядѣлся къ ней, къ нарядной красотѣ,
 Которой эта даль и этотъ берегъ полны,
 И для меня теперь онѣ уже не тѣ,
 Чѣмъ были нѣкогда, задумчивыя волны;
 Не тотъ и длинный рядъ снѣгьющихъ холмовъ,
 И пальмъ развѣсистыхъ зубчатыхъ короны,
 И мраморъ пышныхъ виллъ, и пятна парусовъ,
 И вокругъ руинъ—плюща узоры и фестоны.
 Я больше не дивлюсь, я къ нимъ уже привыкъ,
 Но чуть въ груди моей замолкло восхищенье,—
 Природы снова сталъ понятенъ мнѣ языкъ,
 И снова жизни въ ней услышалъ я бѣенье:
 Я не спѣшу теперь разглядывать ее,
 Какъ незнакомую красавицу при встрѣчѣ,
 Но, словно другъ, въ ея внимаю бытіе
 И слушаю давно знакомыя мнѣ рѣчи,—
 Тѣ рѣчи, что слыхалъ на родинѣ моей,
 Когда одинъ, съ ружьемъ, бывало, въ полдень мгlistый
 Бродилъ въ болотахъ я, терялся средь полей
 Иль лѣсомъ проходилъ, по просѣкѣ тѣнистой“.

Другой молодой поэтъ, на долю котораго быстро и легко выпала извѣстность—это г. Фругъ. И онъ, —думается намъ,—обязанъ этимъ преимущественно содержанію своихъ стихотвореній. Сначала онъ черпалъ его изъ Библии, рассматриваемой не столько въ качествѣ священной книги, сколько въ качествѣ хранилища преданій о славіи и страданіяхъ, о величіи и паденіи еврейскаго народа; онъ вдохновлялся прошедшимъ и настоящимъ своего племени, оплакивалъ его мученья, отзывался на его неугасимыя, неразрушимыя надежды. Все это было ново, искренно, сильно—и сразу произвело большое впечатлѣніе. Въ „Думахъ и пѣсняхъ“ библейскія тѣмы не играютъ болѣе господствующей роли. Само собою разумѣется, что мы не ставимъ этого въ вину автору; постоянное возвращеніе къ одному предмету свидѣтельствовало бы только о бѣдности поэтическаго творчества. Пересказы „библейскихъ мотивовъ“ составляютъ, на этотъ разъ, самую слабую сторону сборника г. Фруга; на прежнюю высоту онъ поднимается здѣсь только тогда, когда отклоняется отъ своего образца—когда влагаетъ, напримѣръ, въ уста „дочери Іефеая“ слова, продиктованныя собственнымъ его чувствомъ („что жизнь моя значить предъ долей народной? что смерть моя значить предъ нею?.. Отецъ мой, ты всѣхъ ли приводишь обратно, кого уводилъ ты съ собою? Одна ли погублена жизнь безвозвратно горячей, жестокой борьбою?“...). Въ другомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Пѣсни скорби“ или „Еврейскіе мотивы“, нота ярко и явно національная сливается на каждомъ шагѣ съ другими, ей

чуждыми, — и тѣмъ полнѣе это слияніе, тѣмъ выше вдохновеніе поэта. „Нѣмой міръ“, еще недавно наполнявшій фантазію, вѣдетъ на него теперь „пугливой, жуткой тьмой, могильной тишиною“; „могилы безмолвствуютъ, старое знамя — въ пыли, изъ гроба лишь порою раздастся стукъ костей“. „Племя Израіля“ является ему иногда въ образѣ „сѣдого инвалида, забросившаго знамя и щитъ, лежащаго въ старчески-смутной дремѣ“ и пробуждающаго только изрѣдка, ненадолго, „въ осеннія грозы, въ ливни, когда вскрываются старыя раны“. Это — не измѣна народу, не меньше прежняго родному и близкому для поэта; это — сознаніе, что нельзя ограничиваться одними сожалѣніями о невозвратно-минувшемъ, однимъ поклоненіемъ старинѣ, какъ бы она ни была свята и величава. Воспоминаніе можетъ служить не только опорой, но и помѣхой; его упорство, сталкиваясь съ неудержимымъ стремленіемъ къ новизнѣ, угрожаетъ разладомъ, внушившимъ г. Фругу одну изъ его „пѣсень скорби“: „Двѣ кары“. Когда миновалъ потопъ, Господь обѣщаль, что вторично онъ не достигнетъ землю; но таковаго обѣщанія не было дано послѣ смѣшенія языковъ, покаравшаго вавилонское столпотвореніе. И смѣшеніе повторяется — повторяется, въ особенности, среди еврейскаго народа.

„Едва въ душѣ твоей родится мысль благая,
Едва раздастся кличъ, сыновъ твоихъ съывая
На общій, дружный, славный трудъ, —
Глядишь, увы! Господній судъ,
Ужасный, грозный судъ свершился надъ тобою —
Все въ гулъ одинъ слилось и все покрылось тьмою;
Ни брата братъ, ни друга другъ
Найти, узвать не могутъ вдругъ...
И рушатся, и въ прахъ все надаетъ мгновенно,
И снова тотъ же мракъ упорно и безсмѣнно,
Съ толпой мученій и скорбей,
Царить надъ долею твоей“...

Въ нѣкоторыхъ „пѣсняхъ скорби“ („Въ судные дни“, „Осенью“) „еврейскій мотивъ“ является простой приставкой, которую можно отбросить безъ всякаго вреда для общаго эффекта; въ другихъ — онъ не слышится почти вовсе, и это не уменьшаетъ ихъ силы („Когда вечернею прохладой“, „Fata morgana“). Мечта поэта устремляется въ глубь временъ, не связанная традиціонными путями — и соприкасается здѣсь съ другою, уже знакомою намъ мечтою. „Fata morgana“ г. Фруга проникнута тѣми же вѣрованіями, какъ и „Грезы“ г. Надсона. Слава, которую смутно предвидитъ поэтъ —

„...не пламенемъ и сталью,
 Не силой куплена, жестокой и слѣпой:
 Въ скрижалахъ мудреца, въ созвучіяхъ поэта
 Великой вѣстницей добра, свободы, свѣта
 Является она предъ чуткою толпой.
 Вѣнокъ ея слетенъ не изъ цвѣтовъ могильныхъ,
 Не надъ обломками возносится она,
 Есть слуги у нея, но вѣтъ рабовъ безсильныхъ,
 Молитва есть безъ слезъ, веселье безъ вина...
 Не шуметь пиръ ея, но вольная дорога
 Ведетъ къ ея столу. Не спрашиваютъ тамъ:
 Гдѣ родина твоя? Въ какого вѣришь бога?
 Кому служилъ твой мечъ, курился еиміамъ?
 — Придите всѣ, кто жить, со зломъ и тьмою спора,
 Кто, къ истинѣ стремя всѣ помыслы свои,
 Хоть каплю счастья влилъ въ потокъ людского горя,
 Хоть малое свершилъ для правды и любви!..

Мы говорили до сихъ поръ только о „библейскихъ“ и „еврейскихъ“ мотивахъ—но они наполняютъ собою меньшую половину новой книги г. Фруга; въ остальныхъ стихотвореніяхъ его нѣтъ ничего исключительно-національнаго или племенного—и именно здѣсь слѣдуетъ искать лучшихъ его вдохновеній. Размахъ мысли, взлетѣнной грандіозными библейскими образами, остается широкимъ и внѣ первоначальной своей сферы. „Въ капищѣ“, „Сонъ Прометея“, „Мечты“, „Время“—все это можетъ быть поставлено на одинъ рядъ съ тѣми произведеніями молодого поэта, которые рѣшили успѣхъ перваго его сборника („Надъ Библіей“, „Легенда о чашѣ“, „Элегія“, „Старое горе“). Онъ умѣетъ вызывать тѣни прошлаго и пользоваться ими для неожиданныхъ, смѣлыхъ сопоставленій, бросающихъ яркій свѣтъ на настоящее и будущее. Это—его сфера; онъ чувствуетъ себя въ ней болѣе свободнымъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ въ области личной, сердечной жизни. Тоскуя и плача, вспоминая минувшія радости, стремясь къ утраченному душевному спокойствію, онъ слишкомъ часто затрогиваетъ однѣ и тѣ же струны, повторяетъ самого себя; впечатлѣніе отъ такихъ стихотвореній, какъ „Вернись“, какъ „Степного вѣтерка прохладная струя“—было бы гораздо болѣе глубокимъ, если бы намъ не вспоминались при этомъ прежнія его произведенія: „На родинѣ“, „Дума“, „Надъ Днѣпромъ“, — и на сторонѣ первоначальныхъ образцовъ не оказывалось бы, вдобавокъ, преимущество сжатости и простоты. Слишкомъ часто встрѣчается обращеніе поэта къ его родной, къ его подругѣ, къ его голубкѣ; появляясь уже въ первомъ сборникѣ стихотвореній („Привыкъ“), оно возвращается въ „Пѣсняхъ дѣтства“, въ „Чу-

жомъ пиру“, въ „Веснѣ“, въ „Пѣсняхъ минуты“, и звучить, наконецъ, какъ заученный пригѣвъ, утомительно-однообразный. Не всегда и не вполнѣ удается автору и прямое погруженіе въ дѣйствительность, прямой откликъ на ея запросы и тревоги. Въ „Чужомъ пиру“ („Ночь на новый годъ“) есть прекрасныя подробности, но въ цѣломъ эта поэма не задѣваетъ насъ за живое; филиппики противъ большого свѣта, какъ и заключительная молитва, звучать чѣмъ-то давно знакомымъ, и намъ невольно приходитъ на память Лермонтовское „Первое января“, — конечно, не къ выгодѣ для г. Фруга. То же самое, до извѣстной степени, можно сказать и о „Веснѣ“ — но нѣкоторая банальность начала и конца выкупается здѣсь превосходной картиной „простушеи-степенячки весны“, внезапно появляющейся среди блестящаго бала, и глубоко-ироническимъ изображеніемъ кортежа, знаменующаго пришествіе весны въ напущъ сѣверную столицу. Изъ двухъ стихотвореній, написанныхъ г. Фругомъ „на случай“, одно — „Памяти А. Н. Островскаго“ — положительно слабо и совершенно невѣрно освѣщаетъ фигуру умершаго писателя; зато другое — „Сибирь“ (на открытіе — увы, все еще не состоявшееся! — сибирскаго университета) — очень оригинально и красиво. Поэтъ сравниваетъ Сибирь съ нелюбимымъ членомъ семьи, съ „печальной и хилою малюткою“, которую долго считали „батрачкою безправной, рожденной для труда“, и „оставляли одну въ темномъ и сыромъ углу, выметая въ ея коморку и пыль, и соръ изъ всей избы“..!

„Но бѣдное дитя росло и выросло, —
И вотъ, созванія и силъ живыхъ полна,
Будя и радуя, мечтѣ моеи предстала
Разумная и гордая жена.
Изъ темныхъ тайгъ, съ равнинъ, снѣгами замеченныхъ,
Подъ вой холодныхъ, грозныхъ вьюгъ,
Идетъ она... Толпа сыновъ ея вокругъ,
При свѣтѣ факеловъ зажженныхъ,
Ей пролагаетъ путь по дебрямъ и снѣгамъ
Туда, гдѣ въ сумракѣ сверкаетъ дивный храмъ
И, заглушая вой угрюмой непогоды,
Звучитъ великій гимнъ познанья и свободы!“

Ошибочно было бы думать, однако, что фантазія г. Фруга находить для себя просторъ только въ сферѣ общихъ идей и жгучихъ вопросовъ. Ему удаются иногда и свѣжіе, безпритязательные эскизы какого-нибудь уголка природы („Старая осина“), и картины въ античномъ вкусѣ („Засуха“), и полу-сказочныя грезы („Пахари моря“), и мысли, облеченныя въ яркій образъ („Жизнь и надежда“), и отраженія мимолетной, тихой грусти

(„Художникъ“, „Блѣдный образъ дней минувшихъ“). Онъ пишеть, быть можетъ, слишкомъ быстро и слишкомъ много; но даже въ менѣе удачныхъ его стихотвореніяхъ рѣдко чувствуется что-либо вымученное, дѣланное—они грѣшатъ скорѣе нѣкоторою блѣдностью, водянистостью,—грѣшатъ повтореніями, о которыхъ мы уже говорили. Претензія, стремленіе къ новизнѣ во что бы то ни стало, исканіе „рѣдкихъ эпитетовъ“, небывалыхъ словосочетаній—всѣ эти недостатки, часто свойственные эпохѣ поэтическихъ эпигоновъ, встрѣчаются у г. Фруга только въ видѣ исключенія („Тамъ курчавится наизпую бѣлой струя“, „сонмъ свѣтилъ и радугъ перемежныхъ“); то же самое можно сказать и о грѣхѣ противоположнаго свойства—о риторической трескотнѣ въ Бенедиктовскомъ вкусѣ („бездонная глубина души“, „жгучій ядъ недуга, горящій гибельнымъ огнемъ“). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что форма дается г. Фругу легко, и что онъ, вслѣдствіе этого, не всегда работаетъ надъ нею съ достаточной энергіей и выдержкой. Въ большинствѣ случаевъ онъ слишкомъ увлекается содержаніемъ, чтобы заботиться о безукоризненности стиха. Въ такомъ отношеніи въ творчеству коренится, безспорно, извѣстная опасность для поэта; но мы должны признаться, что еще болѣе опасной кажется намъ другая крайность—излишнее увлеченіе формой.

Для двухъ поэтовъ, въ которыхъ мы теперь переходимъ, форма, безспорно, стоитъ на первомъ планѣ, но не въ одинаковой мѣрѣ. Главную силу г. Апухтина составляетъ изящество стиха, почти всегда мелодичнаго, льющагося плавно и свободно. Неровностей, шероховатостей, натяжекъ у него мало; есть цѣлыя пьесы, противъ которыхъ безоружна, съ этой точки зрѣнія, самая придирчивая критика. Погони за внѣшними эффектами не замѣтно нигдѣ; идеаль г. Апухтина — художественная простота, завѣщанная нашими великими поэтами. Выборъ тѣмъ остается въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, чѣмъ у гг. Надсона и Фруга, но не подчиняется одному, безусловно господствующему чувству. Въ настроеніи поэта преобладаетъ легкая меланхолія; воспоминаніе о прошломъ счастья, ощущеніе холода и тумана въ настоящемъ, предчувствіе еще большаго мрака, нависаго надъ будущимъ — эти мотивы звучатъ особенно сильно, часто, впрочемъ, уступая мѣсто другимъ, болѣе радостнымъ и свѣтлымъ. „Осенніе листья“, „О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта“, „Я ее побѣдилъ, роковую любовь“, „Истомилъ меня жизни безрадостный

сонъ“, „Къ молодости“, „Астрамъ“, „Май“, „Черная туча виситъ надъ полями“, „Памяти прошлаго“ — все это похоже на глубокой вздохъ, вылетѣвшій изъ усталой груди. Иногда вздохъ усиливается почти до вопля („Мухи“), иногда поэтомъ овладѣваетъ болѣзненный страхъ смерти („Встрѣча“) — но большею частью въ самой тоскѣ слышится что-то лелѣющее, успокоивающее душу; самая мысль о неизбежномъ концѣ является не страшной. „Ну что-жъ“, — говорятъ „осенніе листья“, —

„...пускай холодными руками
Зима окватитъ скоро насъ,—
Мы счастливы теперь, подъ этими лучами,
Нашъ жизнь милѣй въ прощальный часъ.
Смотри, какъ золотомъ облить нашъ паркъ печальный,
Какъ радостно цвѣты въ послѣдній разъ блестять,
Смотри, какъ пышно-погребально
Горить надъ рощами закаты!
Мы знаемъ, что какъ сонъ ненастье пронесется,
Что свѣгу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что все кругомъ проснется,
Но мы... проснемся ли опять?..
Помедли, смерть! Еще-бъ хоть день отрады...
А, можетъ быть, сейчасъ, клоня верхушки ивъ,
Сорветъ на землю безъ пошады
Нашъ вѣтра буйнаго порывъ...
Желтѣя, ляжемъ мы подъ липами родными...“

Столѣтніе дубы шепчутъ поэту: „съ жизнью простися безъ стоновъ и жалобъ“; они утѣшаютъ его тѣмъ, что „все клеветавшее тайно, незримо, все угнетавшее съ дивою силою въ мигъ разлетится какъ облако дыма надъ неповинною, свѣжей могилою“... Нигдѣ обаяніе тишины, забвенія, вѣчнаго покоя, смѣняемое страстной жаждой жизни, не выражено г. Апухтинымъ такъ образно и ярко, какъ въ небольшой поэмѣ, посвященной Венеціи.

„Венеція! Кто счастливъ и любимъ,
Чья жизнь лучемъ сочувствія согрѣта,
Тотъ, подойдя къ развалинамъ твоимъ,
Въ нихъ не найдетъ желаннаго привѣта.
Ты на призывъ не дашь ему отвѣта,
Ему покой твой слишкомъ недвижимъ,
Твой долгій сонъ безъ жалобъ и безъ шума
Его смутитъ, какъ тягостная дума.

Но кто усталъ, кто бурей жизни смятъ,
Кому стремиться и спѣшить напрасно,
Кого вопросы дня не шевелятъ,
Чье сердце спитъ безсильно и безгласно,
Кто въ каждомъ днѣ грядущемъ видитъ ясно

Одинъ безцѣльный повтореній рядъ, —
Того съ тобой обрадуешь свиданье...
И ты прошла! И ты — воспоминанье!..

Твой дождь пропалъ, твой Маркъ давно безъ дѣла,
Твой левъ не страшенъ, площадь не нужна,
Въ твоихъ дворцахъ пустынныхъ дышитъ тѣнь...
Вездѣ покой, могила, разрушенье...

Могила!.. да! Но отчего-жъ порой
Такъ хороша, плѣнительна могила?
Зачѣмъ она увядшей красотой
Забытыхъ снова такъ много воскресила,
Душѣ напомнивъ, что въ ней прежде жило?
Ужель обманчивъ такъ ея покой?
Ужели сердцу суждено стремиться,
Пока оно не перестанетъ биться?"

Такова почти всегда грусть нашего поэта; въ темноту пробивается лучъ свѣта, или, по крайней мѣрѣ, самая темнота не вовсе отнимаетъ ясность и спокойствіе духа. Въ „весеннихъ пѣсняхъ“ картинамъ улетѣвшей молодости и былого счастья противопоставляется жизненный отцвѣтъ — тяжелый, безотрадный; къ сердцу поэта, „какъ въ дверь тюрьмы, ужъ начала прокрадываться стужа, печальная предвѣстница зимы“. Что же, унываетъ ли поэтъ, отдается ли онъ весь безплоднымъ сожалѣніямъ? Нѣтъ; въ самомъ ожиданіи близкой ночи онъ находитъ источникъ бодрящаго чувства.

„Погибну-ль я въ борьбѣ святой и честной,
Иль просто такъ умру въ объятяхъ сна,
Явися мнѣ въ моей могилѣ тѣсной,
Красавица, волшебница весна!
Покрой меня травой и свѣжимъ дерномъ,
Какъ прежде, разукрась свои черты,
И надъ моимъ забытымъ трупомъ чернымъ,
Разсыпь свои любимыя цвѣты!..“

Мы сказали уже, что меланхолія — преобладающее, но не единственное настроеніе г. Апухтина ¹⁾. Ему удаются не только пѣсни любви похороненной, обманутой, разбитой, но и пѣсни любви едва распускающей свои крылья, ничего не требующей, счастливой немногимъ, спокойной и нѣжной („О, будь моей звѣздой“, „Дорожная дума“, „Странствующая мысль“, „Въ дверяхъ покинутого храма“, „Въ уютномъ уголѣ“). Онъ живо чув-

¹⁾ Стихотворенія г. Апухтина расположены, къ сожалѣнію, не въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что мы не имѣемъ возможности опредѣлить, измѣнилась ли господствующая нота его творчества, или постоянно оставалась одна и та же.

ствуешь русскую природу („Проселокъ“, „Ночь въ Монплезиръ“ — испорченная только резонерскимъ концомъ, — картина лѣса зимой въ поэмѣ: „Годъ въ монастыръ“, первый отрывокъ изъ поэмы: „Послѣдній романтикъ“); у него встрѣчается иногда не только Некрасовская манера („Гаданье“), но и Некрасовскій мотивъ („Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва“). Чрезвычайно интересны попытки г. Апухтина внести въ поэзію психологическій анализъ, нарисовать въ нѣсколькихъ строфахъ или на нѣсколькихъ страницахъ одно изъ тѣхъ сложныхъ душевныхъ состояній, надъ которыми съ особенною любовью останавливается современная беллетристика. Эти попытки не всегда одинаково успѣшны. „Старая цыганка“ — не болѣе какъ анекдотъ, рассказанный довольно сухо; „Письмо“ дышетъ страстью только мѣстами; горячему концу предшествуетъ масса стиховъ прозаичныхъ и вялыхъ. Гораздо сильнѣе — „Годъ въ монастыръ“, нѣсколько растянутый, но богатый отдѣльными красотами. Борьба съ невѣріемъ, съ сомнѣніями едва намѣчена — зато ярко освѣщена напрасная борьба съ тѣмъ чувствомъ, которое привело героя поэмы въ монастырь и опять вызываетъ его оттуда, вызываетъ на „тернистый путь“, на „вольное мученье“. Всего выше дарованіе поэта поднимается въ двухъ небольшихъ поэмахъ: „Позднее мщеніе“ и „Съ курьерскимъ поѣздомъ“, — особенно въ послѣдней. Нелегко было начертать въ такой сжатой формѣ такую законченную картину смѣняющихся настроеній. Переходъ отъ радостной тревоги къ разочарованію — безповоротному, послѣднему и именно потому жестокому разочарованію — не могъ бы быть изображенъ болѣе наглядно въ цѣлой главѣ аналитическаго романа. Любившіе другъ друга въ молодости, надолго разлученные судьбою, ожидаютъ встрѣчи, которая должна возратить имъ потерянное счастье — и встрѣчаются только для того, чтобы убѣдиться въ несбыточности своей надежды.

„Не даромъ злая жизнь ихъ гнула до земли,
Забрасывая ихъ слоями грязи, пыли...
Заботы на лицѣ морщинами легли,
И думы серебромъ ихъ головы покрыли!
И поняли они, что жалки ихъ мечты,
Что подъ туманами осенняго венастья
Они — поблекшіе и поздніе цвѣты —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вотъ, рука въ руку и взоры опустивъ,
Они стоятъ въ толпѣ, боясь прервать молчанье...
И въ глубь минувшаго, въ сердечный ихъ архивъ
Уже уходитъ прочь одно воспоминанье!“...

Мы говорили до сихъ поръ только о лучшихъ стихотвореніяхъ г. Апухтина; но въ небольшомъ сборникѣ не мало страницъ, которыя могли бы быть исключены изъ него безъ всякой потери для читателей. Сравнительная бѣдность мотивовъ неизбѣжно влечетъ за собою повторенія, не всегда свободныя отъ банальности. Есть пьесы, написанныя какъ бы специально съ цѣлью обращенія въ романы („Твоя слеза“, „День ли царитъ, тишина ли ночная“); есть другія, построенныя на слишкомъ знакомыхъ, слишкомъ заурядныхъ контрастахъ („Минуты счастья“, „Мнѣ не жаль, что тобою я не былъ любимъ“, „Я люблю тебя такъ оттого“, „На новый годъ“, „На балъ“, „Любовь“, „Два голоса“). Религиозные мотивы звучатъ у г. Апухтина сухо и холодно (начало „Реквіема“, „Моленіе о чашѣ“); историческая картина („Недостроенный памятникъ“) выходитъ у него натянутой и блѣдной; „Солдатская пѣсня о Севастополѣ“ является поддѣлкой, въ которой одинаково слаба и торжественность, и фамиллярность (враги такъ побѣдили, „что съ кислымъ лицомъ и съ разбитымъ отчалили носомъ“). Стихотворенія, внушенныя послѣднею восточною войною, выгодно (за исключеніемъ развѣ одного: „Равнодушный“) отличаются отъ многихъ другихъ, написанныхъ на ту же тѣму—но большаго въ ихъ похвалу сказать нельзя. Изъ остальныхъ „случайныхъ“ стихотвореній недурны обращенія къ А. Г. Рубинштейну и къ памяти Тютчева; совершенно слабъ—привѣтъ училищу правовѣденія, по случаю его пятидесятилѣтней годовщины. Такихъ тѣмъ поэту не слѣдовало бы и касаться, или, по крайней мѣрѣ, не выводить продиктованнаго ими изъ области юбилейныхъ торжествъ, имѣющихъ свои особыя требованія и свою особую мѣрку успѣха.

Въ поэзіи г. Андреевскаго меланхолическая нота звучитъ еще сильнѣе, чѣмъ у г. Апухтина. Эпитграфомъ стихотвореній г. Андреевскаго служатъ слова Поэ: „beauty is the sole legitimate province of the poem; melancholy is thus the most legitimate of all the poetical tones“ (красота—единственная законная область поэмы; меланхолія, такимъ образомъ—самый законный изъ всѣхъ поэтическихъ тоновъ). На односторонность, произвольность этой мысли было уже указано однимъ изъ критиковъ г. Андреевскаго (г. Боборыкинымъ, въ „Новостяхъ“); едва ли вѣрить въ нее всецѣло и самъ поэтъ—но не даромъ же онъ сталъ подъ ея знамя, не даромъ поставилъ ее во главу угла. Онъ нашель въ ней, очевидно, нѣчто созвучное его душевному строю, располагающему его смотрѣть на жизнь сквозь дымку безнадежности и грусти. Его печаль не знаетъ тѣхъ смягченій, съ которыми

мы встрѣчались у г. Апухтина; у него меньше покорности судьбѣ (résignation), меньше самозабвенія, меньше готовности слиться съ великимъ цѣлымъ. По справедливому замѣчанію критика, на котораго мы уже ссылались, въ меланхолиі г. Андреевскаго преобладаетъ сожалѣніе о недолговѣчности радостей жизни. Его гнететъ мысль—о тщетѣ надеждъ („Въ теплой тучѣ звѣздочка свѣтила“), о неминуемости разочарованій („Я сижу у проѣзжей дороги“, „Я часто вижу взоръ плѣнительныхъ очей“), о невозвратимости былого и невознаградимости утратъ („Даль прошлаго“, „Вотъ скоро сметутся наносы мятели“, „Май“, „Укорь“, „Помнишь лѣтнюю ночь“), о приближающейся старости („Дума“, „Я ревнивъ къ этой зелени нѣжной“, „Проснулся вновь, гляжу осиротѣлый“, „Въ началѣ жизненной дороги“, „Мимо возрастовъ“). Онъ скорбитъ о томъ, что „нельзя въ душѣ уврачевать ея старинныя печали“—но не утѣшаетъ его и скоротечность людского горя („Любимой подруги утрата“, „Слезы“). Всего полнѣе обычный взглядъ поэта выразился въ небольшой поэмѣ: „Мракъ“.

„Кого любить? во что мнѣ вѣрить?
 Къ чему трудиться до конца,
 Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
 Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
 Что мы уйдемъ, какъ и пришли —
 Плоды случайныя земли!..
 И эта язва тайно гложетъ
 Не только страстнаго пѣвца, —
 Она мыслителя тревожитъ
 И ранитъ бодрого дѣльца.
 Иной, подъ маской скомороха,
 Развязенъ съ виду; но приди —
 Его раздумье прослѣди:
 Не сдержитъ онъ большого вздоха
 Въ обезнадеженной груди!..

Богатъ и радушенъ тѣлесный нашъ уборъ...
 Но вспомнишь—для чего? Для чуждыхъ цѣлей міра—
 И время грабить насъ, какъ воръ!
 И мракъ въ душѣ... Но вотъ нынѣ всходятъ цѣли!
 Служеніе другимъ—работа на людей:
 Мудрецъ беретъ перо, и врачъ идетъ къ постели,
 Отецъ раститъ своихъ дѣтей,
 О благѣ лучшихъ дней поетъ, вздыхая, лира,
 Судья познанья лѣтъ влагаетъ въ приговоръ...
 Но вспомнишь—для чего?.. для чуждыхъ цѣлей міра,
 А насъ—долой метутъ, какъ соръ!“...

Итакъ, послѣднее слово поэта — бесплодность, безцѣльность жизни, служащей „чуждымъ цѣлямъ міра“. Не находя абсолютно

достовернаго отвѣта на свои вопросы: кого любить? во что вѣрить?—онъ спѣшитъ признать ихъ неразрѣшимыми, хотя каждый разрѣшаетъ ихъ по своему, хотя жизнь течетъ вокругъ него и въ немъ самомъ, течетъ изъ вѣка въ вѣкъ, замѣтая далеко не всѣ слѣды, далеко не все выбрасывая „какъ соръ“. Неудовлетворенность жизнью, основанная на вѣчной капризной смѣнѣ явленій, на невозможности сказать счастливой минутѣ: „verweile doch, du bist so schön!“, это—настроение, но не міросозерцаніе; нельзя безнаказанно замкнуться въ его рамки, навсегда отвернувшись отъ всего остального,—нельзя безнаказанно сдѣлать его основнымъ мотивомъ поэтическаго творчества. Горечь прерванныхъ наслажденій, ощущеніе надвигающагося холода и мрака—это не то отчаяніе, о которомъ говоритъ Мюссэ въ своей „Майской ночи“, не то отчаяніе, которое вызываетъ „дивныя пѣсни, похожія на плачь“; это не тотъ неистощимый источникъ, изъ котораго черпали Байронъ и Лермонтовъ, изъ котораго еще недавно заимствовала свою силу Аккерманнъ. Къ тѣмъ, излюбленной г. Андреевскимъ, прислушиваешься скоро; частое возвращеніе къ ней грозитъ однообразіемъ тона, у нашего поэта не слишкомъ замѣтнымъ только потому, что онъ умѣетъ выходить изъ очарованнаго круга. Чѣмъ бодрѣе онъ смотритъ на окружающій его міръ, чѣмъ полнѣе отдается свѣжему, чарующему впечатлѣнію минуты, тѣмъ красивѣе звучитъ его стихъ, тѣмъ цѣльнѣе образы, выходящіе изъ-подъ его пера. Лучшими стихотвореніями г. Андреевскаго кажутся намъ (какъ и г. Боборыкину) именно тѣ, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего меланхолическаго: „Первый слѣдъ“, „Бду въ сумерки“, первый отрывокъ „О погодѣ“, „На крышѣ коннаго вагона“, нѣсколько картинъ природы въ посланіи къ другу и въ поэмахъ: „На утрѣ дней“ и „Мракъ“. Особенно поразителенъ контрастъ между обѣими манерами поэта, когда онѣ соединены въ одномъ стихотвореніи. Какъ хороши, на примѣръ, слѣдующія строки („Май“):

„Изъ лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло и брызнулъ дождикъ Мая:
Какъ дымъ камильницы, пахучая листва
Деревья зимнія одѣла въ кружева;
На кленахъ—крылышки, сережки—на осинахъ;
Цвѣты на яблоняхъ, цвѣты на луговинахъ,
Цвѣтныя зонтики въ аллеяхъ золотыхъ,
Одежды свѣтлыя на торсахъ молодыхъ,
И слабый звонъ пчелы межъ крестиковъ сирени,
И трель пѣвца любви, пѣвца вечерней тѣни“...

Къ сожалѣнію, рядомъ съ поэтомъ стоитъ „печальный другъ“, котораго не веселитъ весна,—и вторая половина стихотворенія падаетъ въ минорный тонъ, краски блекнутъ, свободное теченіе стиха уступаетъ мѣсто натянутости содержанія и формы; на сцену является „взоръ очей, для счастья неживой“, который „отъ чуждыхъ“ радостей желалъ бы на покой“, — является „мода весной отогрѣвать прозябшую природу, вздымать могущій сокъ изъ потаенныхъ жилъ, затѣмъ, дабы на мигъ убравъ ее показнѣй, расчестъся за уборъ цѣной осеннихъ казней“. Четыре послѣдніе стиха опять прелестны, но общій эффектъ испорченъ непоправимо.

Нельзя сказать, чтобы г. Андреевскій никогда не затрогивалъ болѣе глубокихъ сторонъ современнаго пессимизма, чтобы онъ никогда не реагировалъ противъ унынія и безплодныхъ жалобъ; у него есть попытки и того, и другого рода, но ихъ очень мало, и успѣшными ихъ назвать нельзя. „Раскопки“ напоминаютъ тоску Аккерманнъ по разрушенномъ мірѣ вѣрованій и иллюзій — но это только мимолетный намекъ, и нѣсколько счастливыхъ штриховъ въ концѣ стихотворенія не выкупаютъ неудачной его середины („съ незаблѣмыхъ святынь покровы сняты прочь: открыты въ чудесахъ секретныя пружины; все взрыто, свергнуто; вездѣ зялетъ ночь, гдѣ прежде таяли волшебныя картины... И рѣзче все, черствѣй звучитъ недобрый смѣхъ утѣшенной попытки разрушенья“). Еще слабѣе „Пигмей“ и „Поученіе“, несмотря на всю симпатичность выраженныхъ въ нихъ мыслей. Даже въ посланіи къ другу вдохновеніе измѣняетъ поэту, какъ только онъ заводитъ рѣчь о томъ, что манитъ его на сѣверъ, въ разгаръ борьбы и жизненнаго дѣла. За поэтической картиной южнаго приволья и простора идетъ слѣдующая риемованная проза:

„Легко здѣсь можно приобрѣсть
Значенье видное, но честь—
Не въ этой славѣ, а въ заслугѣ:
Куда жь у васъ, въ обширномъ кругѣ
И силѣ, и поприщѣ всѣхъ родовъ,—
Возможно болѣе плодовъ
Принести полезныхъ и отрадныхъ!
Условій много непріятныхъ
У васъ для сердца и души,—
Зато задачи хороши!“...

Неровность, которой мы только-что привели примѣры, составляетъ, въ нашихъ глазахъ, главный недостатокъ стихотвореній г. Андреевскаго. Между ними мало выдержанныхъ съ начала до

конца; общему впечатлѣнію слишкомъ часто вредитъ та или другая неудавшаяся подробность. Приписать эти небрежности автору нельзя; онъ пишетъ, повидимому, мало—и много требуетъ отъ самого себя. Мы скорѣе расположены думать, что онъ впадаетъ въ противоположную крайность, что онъ слишкомъ усиленно заботится объ отдѣлкѣ стиха, объ оригинальности приѣмовъ, о новизнѣ эпитетовъ и сравненій. Отсюда неестественныя сочетанія образовъ, отсюда иногда невѣрность колорита или претенціозность тона. „Бальному воздуху“ не грозитъ опасность „заразиться безжизненною тьмою“ ночи; „влага слезъ ожигаетъ рѣсницы“; ткани трупа представляютъ собою „дѣвственный фарфоръ, таящій темную заразу“; „плачутъ хрустали богатыхъ льдовъ, треплется порфира сѣдыхъ полей“; рѣка „съ ревомъ грохочетъ вѣка, и все еще гнѣвомъ не сыта; брызги надъ пѣнной горой взметають вѣнцы, гранитъ выливаетъ изъ раны млечныя нити“ („Иматра“); „ужасныя слова для сердца гложутъ съ каждымъ годомъ“; душу мутитъ „близкій идъ грозной тѣни“; „дѣтство спадаетъ, разсѣваясь“. — „Клокъ соломы, слѣдъ муки, газетный листъ, несомый въ вращеньи вихря ледяномъ“ — всѣ эти „пятна, брызги дня“ пугаютъ (героя „Обрученныхъ“), „какъ видѣнья, едва доступнаго значенья, изъ свѣтлой бездны бытія“... „Стѣснилась грудь“ (мы продолжаемъ выписки изъ той же поэмы), „и долго силилась вздохнуть—и грѣлась подъ наплывомъ крови“. Онъ бросился назадъ, „туда, гдѣ зала со свѣчами за омраченными домами въ себѣ таила странный владѣ“. Въ подвѣздахъ дома зажглись фонари, „какъ будто въ немъ живые стоны не раздавались до зари“. „Рыдавшихъ постигла нѣмая истома—ихъ слабость друзья сторожать; но съ холодомъ въ членахъ и съ жаромъ въ зѣницахъ глядятъ они тупо вовругъ... И всѣмъ, точно призракъ, осилившій зрѣнье, мерещится въ саванѣ та, кто здѣсь, за стѣною вкусивъ усыпленье, исчезла, какъ въ небѣ мечта“... „Вашу дѣтскую спѣсь поневолѣ не одинъ опечалитъ сюрпризъ“,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ „дѣтямъ юности, беззавѣтно уносящимся въ даль“. Памятникъ Пушкину въ Москвѣ „застылъ на вѣчное бдѣнье въ златоглавой снѣнѣ“ (?)... Неясностью замысла, избытчанностью формы страдаютъ иногда цѣлыя пьесы („Небо“, „Укорь“, „Я вспомнилъ дѣтскіе года“, „Стансы“). Далекое не удачными кажутся намъ также попытки автора (ихъ, впрочемъ, немного) внести въ поэзію новомодный реализмъ, излишнюю точность или безусловную полноту описанія. „Мужчинъ качали на-подхватъ, расшиблись до крови иные, ихъ обмывали“ (заимѣтимъ мимоходомъ,

что рѣчь идетъ, въ данномъ мѣстѣ, вовсе не о характеристикѣ стариннаго деревенскаго быта, для которой, пожалуй, не лишней оказалась бы и такая подробность). „Тайный страхъ ему въ чудовищныхъ чертахъ представилъ смерть—и въ передрагѣ, придя къ подъѣзду подъ навѣсъ, онъ замеръ на послѣднемъ шагѣ“. Погоня за реализмомъ внушила г. Андреевскому, быть можетъ, и самый сюжетъ „Обрученныхъ“—и оказала ему, въ такомъ случаѣ, плохую услугу. Не споримъ, въ дѣйствительности, возможенъ и описанный здѣсь эксцентричный выборъ смерти—но, перенесенный въ поэму, онъ словно заразилъ ее своею вычурностью. Мы не промѣняемъ ни на „Обрученныхъ“, ни на „Мракъ“, тѣхъ небольшихъ стихотвореній г. Андреевскаго, въ которыхъ онъ, не стремясь за чѣмъ-то чрезвычайнымъ, далъ полную волю своему поэтическому чувству. Таковы—помимо жаннерадостныхъ пьесъ, названныхъ нами выше—„Два желанья“, „Мадригалъ“, „Дологова“, „Мимолетная дума“.

Чтобы подтвердить еще больше нашу мысль о неровности, слышномъ часто свойственной г. Андреевскому, остановимся на стихотвореніи, посвященномъ кончинѣ Тургенева. На двухъ страницахъ разсыпана здѣсь цѣлая масса контрастовъ; поэтическіе образы нѣсколько разъ смѣняются риторикой или тяжелыми, прозаическими оборотами. За банальнымъ началомъ („Тургеневъ! Есть ли имена намъ симпатичнѣе по звуку? И съ нимъ судили времена Россіи вѣчную разлуку!“) идутъ слѣдующіе прелестные стихи:

„Ударилъ громъ... и много гдѣтъ
Мы темной тучи не разгонимъ:
Погасъ нашъ тихій, вроткій свѣтъ—
Мы часть души своей хоронимъ..
Свободы вождь передовой,
„Изъ станъ славныхъ отсталой“,
Родныхъ кумировъ современникъ—
Онъ былъ для насъ—ихъ слѣдъ живой,
Ихъ кровный, подлинный преемникъ!“

Дальше опять начинается проза („онъ далъ впервые проводницу бойцамъ проснувшейся страны: на смѣлый трудъ изъ тишины онъ вызвалъ русскую дѣвицу“), и опять уступаетъ мѣсто поэзии („Родное поле, степь и лѣсъ, въ цвѣтахъ весны, въ одеждѣ свѣжой, подъ всѣми красками небесъ—онъ обезсмертилъ кистью нѣжной“). Въ концѣ стихотворенія, фразы о чудномъ перѣ и ненаглядныхъ сѣдинахъ предшествуютъ глубокому, сильному порыву („Ты къ намъ желалъ на сѣверъ дикій укрыться съ юга на покой; сойди же въ грудь земли родной, нашъ вѣчно милый и

великій! Здѣсь тишина... здѣсь лучший другъ—здѣсь все товарищи вокругъ“...)—но настроеніе читателя сейчасъ же расхолаживается неловкимъ, тяжеловѣснымъ финаломъ: „Сюда придуть, придуть безъ счета слагать вѣнки на этотъ сводъ, и чуть отъ церкви, съ поворота, къ тебѣ завидать узкій ходъ—вакое нѣжное волненье невольно каждый ощутить!“ Любопытно сравнить эту пьесу съ стихотвореніемъ г. Надсона, написаннымъ на ту же тему. Отдѣльныхъ красотъ у г. Андреевскаго несомнѣнно больше, но больше и недочетовъ, вслѣдствіе чего преимущество цѣльнаго впечатлѣнія остается на сторонѣ г. Надсона.

Большимъ мастерствомъ отличаются, вообще говоря, переводы г. Андреевскаго; въ этомъ отношеніи ему сильно уступаетъ г. Апухтинъ, остающійся значительно ниже подлинника и въ „Молодой узницѣ“ Андрэ Шенье, и въ посланіи къ „Нинѣ“, Альфреда Мюссэ. Нѣкоторые переводы г. Андреевскаго—настоящіе chefs-d'oeuvre; назовемъ, для примѣра, эпиграфю и „Майскую ночь“ Мюссе, „Врона“ Эдгара Поэ, „Сплинъ“ Шарля Боделэра, „Картинки“ Франсуа Коппе. Пятномъ среди чудесныхъ страницъ кажутся намъ лишь заключительныя строфы „Августовской ночи“, переданныя не только прозаично, но и невѣрно.

„И такъ, что стоитъ жизнь? Зачѣмъ же воздержанье?
Люблю, хоть блѣденъ я; люблю—хоть буду хилъ...
Да, муза; я люблю, и смѣло я рѣшился
Разгулу и страстямъ хваленіе воспѣть,
И буду повторять, чтобъ каждый веселился,—
Что былъ я цѣломудръ, но нынче замѣнился
И въ радостяхъ любви готовъ я умереть.
О, сердце гордое! Помѣху колебаній
Отбрось безъ горечи: раскрой свою любовь!
Красуйся, какъ цвѣтокъ, среди благоуханій!“¹⁾

Въ переводѣ не только не сохранилось сладкое очарованіе любви, согрѣвшей охладѣлое сердце—очарованіе, никогда, быть можетъ, не находившее болѣе поэтическаго выраженія, чѣмъ въ

¹⁾ „O, muse! que m'importe ou la mort ou la vie?
J'aime, et je veux pâlir, j'aime, et je veux souffrir...
J'aime, et je veux chanter la joie et la paresse,
Ma folle expérience et mes soucis d'un jour,
Et je veux raconter et répéter sans cesse,
Qu'après avoir juré de vivre sans maîtresse,
J'ai fait serment de vivre et de mourir d'amour.
Dépouille devant tous l'orgueil qui te dévore,
Cœur gonflé d'amertume, et qui t'es cru fermé,
Aime, et tu renaitras; fais-toi fleur pour éclore“...

этихъ стихахъ Мюссэ; переводчикъ прямо замѣняетъ одно настроеніе другимъ, существенно различнымъ, заставляя поэта, всецѣло поглощеннаго могучимъ чувствомъ, воспѣвать хвалу разгулу (!) и страстямъ. Нельзя не пожелать, чтобы эта ошибка была исправлена въ слѣдующихъ изданіяхъ стихотвореній г. Андреевскаго.

Сознавая свое искусство воспроизводить, въ поэтической формѣ, созданія чужого поэтическаго творчества, г. Андреевскій поставилъ себѣ задачу, рѣдко прельщающую поэта: онъ рѣшился переложить въ стихи одно изъ произведеній Тургенева— „Довольно“. Съ точки зрѣнія „побѣжденной трудности“, г. Андреевскій достигъ своей цѣли; его поэма является, вообще говоря, вѣрной копіей съ Тургеневской прозы. Но для чего понадобился ему этотъ *tour de force*? „Довольно“ Тургенева—это настоящее „стихотвореніе въ прозѣ“; перелажать его въ стихи—по меньшей мѣрѣ, совершенно излишне. Если сравнить переложеніе г. Андреевскаго съ подлинникомъ, то лучшими мѣстами перваго придется признать именно тѣ, которыя буквально повторяютъ послѣдній; прибавленія или перемѣны болѣею частью ослабляютъ впечатлѣніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. У Тургенева выводится на сцену старенькая московская церковь, въ которой теплится позабытая лампадка; у г. Андреевскаго забытой является уже самая часовня, вокругъ которой „стоитъ руиной каменная ограда, со всходами сорной травы“ (это въ Москвѣ-то!). „Увы! ты знаешь, что насъ разлучило“,—говоритъ Тургеневъ,— „но я не хочу теперь упоминать объ этомъ“. У г. Андреевскаго это передано такъ: „О горѣ давнишнемъ, что насъ разлучило, теперь вспоминать недосугъ“. У Тургенева: „я чувствую сладостное тяготѣніе твоей руки на моей склоненной головѣ“; у г. Андреевскаго— „и слышу я милой руки тяготѣнье надъ скорбной моей головой“. „Таинственные ключи“ обращены въ „источникъ“ пѣнно-игристый“, „беззвучный вѣтеръ“—въ „неслышные вѣтры“. Для полученія рими прибавляются, безъ всякой надобности, слова: „я невольно пишу торопливо“, „зимѣ будто близился часъ агоніи“. У Тургенева мы читаемъ: „въ заборѣ калитка чуть раскрылась; словно кто потянулъ ее нерѣшительной рукой“; у г. Андреевскаго— „калитка въ заборѣ немного раскрыта, какъ будто недавней рукою забыта“. У Тургенева: „стою, какъ птица, только-что сложившая крылья и готовая взвиться вновь“; у г. Андреевскаго— „стою, какъ птица, какъ будто готовый въ лазурь устремиться, взмахнувъ притаеннымъ крыломъ“. У Тургенева: „свѣтильня истощенной

лампады, вспыхнувъ послѣднимъ яркимъ пламенемъ, покрывается холоднымъ пепломъ"; у г. Андреевскаго — „фитиль истощенной лампы, встрѣчая повсюду горѣнью преграды, свергаетъ послѣднимъ лучомъ". Не ясно ли, что Тургеневскую прозу лучше оставить, какъ она есть, что къ ней ничего не можетъ прибавить ни размѣръ, ни приема?

Мы упомянули въ началѣ статьи о количественномъ богатствѣ современной русской поэзіи; теперь мы можемъ прибавить, что и качественно она далеко не бѣдна. Конечно, Россія все еще напрасно ждетъ великаго поэта, который сталъ бы для насъ тѣмъ, чѣмъ были Пушкинъ и Лермонтовъ для нашихъ отцовъ и дѣдовъ; конечно, незамѣненнымъ остается и мѣсто Некрасова—но развѣ счастливѣе насъ, въ этомъ отношеніи, наши западные сосѣди? Развѣ у нихъ есть преемники Шиллера, Гёте, Байрона, Альфреда Мюссэ, В. Гюго, или хотя бы преемники Гейне, Теннисона и Лонгфелло, Авкерманнъ и Барбье? Мы утверждаемъ только одно: русскіе діи *minores* нашего времени не уступаютъ такимъ же богамъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Сравнивая, годъ тому назадъ, лирику Я. П. Полонскаго съ стихотвореніями гг. Надсона и Фруга, мы пришли къ убѣжденію, что между первою и послѣдними нѣтъ существенной разницы уровня; то же самое мы можемъ повторить и теперь, присоединивъ къ обоимъ поэтамъ восьмидесятихъ годовъ старшихъ ихъ собратьевъ, гг. Апухтина и Андреевскаго. Каждый изъ четырехъ писателей, которымъ посвящена настоящая статья, сказалъ что-нибудь свое, что-нибудь новое и цѣнное—и нѣтъ причины думать, чтобы они не пошли еще дальше, не поднялись еще выше. Мы рѣшительно не понимаемъ пренебреженія, съ которымъ говорятъ иногда о новѣйшихъ русскихъ поэтахъ, и не можемъ объяснить его ни чѣмъ инымъ, какъ недостаточнымъ знакомствомъ съ ихъ произведеніями. Урокомъ для насъ, въ этомъ отношеніи, могутъ послужить французы; они не стараются унижить своихъ Коппе, Сюлли-Прюдоммовъ и Ришпэновъ, хотя и не ставятъ ихъ на одинъ пьедесталъ съ отшедшими въ вѣчность гигантами французской поэзіи.

Наша поэзія еще слишкомъ молода, чтобы ей были нужны искусственныя средства освѣженія и обновленія—искусственныя средства, заключающіяся въ экстраординарныхъ сюжетахъ или въ неслыханныхъ приемахъ творчества. И во Франціи будущее принадлежитъ, конечно, не такъ-называемымъ *décadents*, щего-

ляющимъ чудовищностью вымысла и формы; еще меньше мѣста для подобныхъ явленій на нашей почвѣ, представляющей столько невоздѣланныхъ цѣлинъ. Законному, необходимому стремленію къ красотѣ и образности стиха незачѣмъ переходить въ манію, граничащую съ аффектаціей или пуризмомъ; разнообразіе содержанія возможно и безъ насилванія фантазіи. Область поэзіи безконечно обширна, дорѣдъ въ ней много, есть и неизвѣданныя тропинки. Для нея, какъ и для романа, сохраняетъ полную силу безсмертный завѣтъ Гёте: „Greift nur hinein in's volle Menschenleben; ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt, und wo ihr packt's, da ist's interessant“.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

Соч. Уильяма Колинза.

ПРОЛОГЪ.

Воспитаніе миссъ Уэстерфильдъ.

I.—Судебный процессъ.

Господа присяжные удалились, чтобы постановить приговоръ. Старшина ихъ имѣлъ большое преимущество передъ своими товарищами: у него была самая свѣтлая голова и самый бойкій языкъ. Впрочемъ, какъ оказалось, каждый изъ нихъ былъ на своемъ мѣстѣ, а четверо даже отличались своеобразнымъ характеромъ. Присяжный, проголодавшійся, думалъ только объ обѣдѣ. Другой, разсѣянный—рисовалъ разныя фигуры на пропускной бумагѣ; нервный—страдалъ отъ судорогъ; молчаливый—онъ-то собственно и рѣшилъ впоследствии участь подсудимаго.

Изъ остальныхъ семи присяжныхъ, одинъ былъ маленькій, сонный человекъ, который никого и ничѣмъ не могъ стѣснить; другой—раздражительный, болѣзненный, а потому склонный протестовать противъ всего на свѣтѣ; послѣдніе пятеро представляли то огромное большинство населенія, которымъ управлять легко: оно болѣе или менѣе довольно своей судьбой и не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія.

Старшина занялъ мѣсто во главѣ стола. Присяжные усѣлись по правую и по лѣвую руку. И затѣмъ въ ихъ собраніи воца-

рилось молчаніе, котораго никогда не бываетъ въ женскомъ обществѣ—молчаніе, происходящее отъ нежеланія первому заговорить.

При такихъ обстоятельствахъ, прямая обязанность старшины была поступить съ своими товарищами—какъ поступаетъ часовщикъ съ часами, когда они остановятся, то-есть — завести ихъ.

— Господа,—началъ онъ,—надѣюсь, вы успѣли уже составить себѣ опредѣленное мнѣніе о дѣлѣ.

Нѣкоторые сказали: „да“, другіе сознались въ противномъ, а маленький, сонный человѣчекъ ничего не сказалъ. Раздражительный и болѣзненный присяжный закричалъ: „продолжайте!“ Нервный внезапно всталъ. Всѣ разомъ взглянули на него, подъ вліяніемъ тревожной мысли: не забрался ли въ ихъ среду ораторъ?! Но онъ былъ чрезвычайно деликатный господинъ, и потому успѣли ихъ успокоить:

— Пожалуйста, не пугайтесь, господа, я вовсе не собираюсь говорить рѣчи; я подверженъ судорогамъ. Поэтому извините, если я буду мѣнять иногда положеніе.—Голодный присяжный (который привыкъ рано обѣдать) поглядѣлъ на часы:—Половина пятаго,—сказалъ онъ:—ради Бога, кончимъ скорѣе.—Онъ былъ самый толстый изъ всѣхъ присутствующихъ, и служилъ моделью для разъяннаго присяжнаго, который рисовалъ фигуры на пропускной бумагѣ. Сосѣди его, по обѣ стороны, глубоко заинтересованные портретомъ, глядѣли ему черезъ плечо. Маленькій, сонный человѣчекъ вдругъ вздрогнулъ, проснулся и извинился передъ всѣми. Раздражительный и больной—сказалъ про себя: „всѣ вы болваны“. Наконецъ, старшина, уловивъ минуту, изложилъ дѣло.

— Подсудимый,—заговорилъ онъ,—ожидающій нашего приговора, господа—достопочтенный Родерикъ Уэстерфильдъ, младшій братъ лорда Лебаска. Онъ обвиняется въ томъ, что произвелъ нагѣренно кораблекрушеніе британскаго судна „Джонъ-Джернингъ“, находившагося подъ его командой, съ цѣлью получить мошенническимъ образомъ страховую премію, и, кромѣ того, въ утайкѣ бразильскихъ брилліантовъ, составлявшихъ часть груза. Вроче сказать, передъ нами—джентльменъ, принадлежащій къ высшему сословію и обвиняемый въ воровствѣ и мошенничествѣ. Прежде, нежели постановить приговоръ, мы хорошо сдѣлаемъ, если постараемся составить себѣ общее понятіе о характерѣ подсудимаго, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ, и прежде всего займемся отношеніями его къ благородной семьѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Надо сознаться, что свидѣтельскія показанія, въ

этомъ отношеніи, говорятъ противъ него. Будучи офицеромъ королевскаго флота, онъ оскорбилъ чувства своего семейства, женившись на трактирной служанкѣ.

Сонный присяжный, случайно проснувшись въ эту минуту, удивилъ старшину перерывомъ его рѣчи. — Кстати о трактирныхъ служанкахъ, — сказалъ онъ: — я знаю дочь пастора; она въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, и потому служить въ трактирѣ, гдѣ-то на сѣверѣ Англiи. Удивительнымъ образомъ названіе города выскочило у меня изъ головы, но если бы у насъ была карта Англiи...

Тутъ его рѣзко перервалъ одинъ изъ присяжныхъ:

— А позвольте спросить, по какому праву, — закричалъ именно голодный присяжный, раздраженный тѣмъ, что у него сосало подъ ложечкой: — по какому праву семья мистера Уэстерфильда смѣетъ предполагать, что трактирная служанка не можетъ быть вполне порядочной женщиной?

Услышавъ это, безпокойный присяжный (какъ разъ перемѣнившій положеніе) внезапно проявилъ интересъ къ тому, что происходило вокругъ него: — Извините, что я позволяю себѣ вмѣшаться въ разговоръ, — сказалъ онъ съ свойственной ему вѣжливостью: — но, какъ членъ общества трезвости, я рѣшительно долженъ протестовать противъ этихъ намековъ на трактирныхъ служанокъ.

— Какъ потребитель спиртныхъ напитковъ, — замѣтилъ раздражительный и болѣзненный присяжный: — я долженъ откровенно сказать, что самъ желалъ бы, чтобъ теперь передо мною предстала трактирная служанка съ бутылкой шампанскаго.

Пропустивъ мимо ушей весь этотъ эпизодъ, старшина невозмутимо продолжалъ:

— Какъ бы вы ни думали, господа, о женитьбѣ подсудимаго, но мы имѣемъ свидѣтельскія показанія, что, съ этого момента, его родные повернулись къ нему спиной, за исключеніемъ главы семейства. Лордъ Лебаскъ пустилъ въ ходъ свое вліяніе въ адмиралтействѣ и доставилъ своему брату (бывшему тогда безъ мѣста) командованіе кораблемъ. Всѣ свидѣтели единогласно показываютъ, что мистеръ Уэстерфильдъ превосходно зналъ свое дѣло. Если бы онъ умѣлъ сдерживать себя, то могъ бы достигъ высокихъ степеней во флотѣ. Его нравъ сгубилъ его. Онъ поспорилъ съ однимъ изъ начальствующихъ офицеровъ...

— Онъ былъ доведенъ до ссоры, но не былъ ея зачинщикомъ, — вмѣшался одинъ изъ присяжныхъ.

— Согласенъ, — допустилъ старшина: — но это не можетъ служить оправданіемъ въ нарушеніи дисциплины. Подсудимый

вызвалъ дежурнаго офицера на дуэль и, получивъ презрительный отказъ, свалилъ его ударомъ съ ногъ. Само собою разумѣется, мистеръ Уэстерфильдъ былъ преданъ военному суду и исключенъ изъ службы. Терпѣніе лорда Лебаска не было еще истощено. Купеческій флотъ давалъ послѣдній шансъ подсудимому исправить, до нѣкоторой степени, свое положеніе. Онъ годился для морской службы и ни для чего больше. Благодаря усиленнымъ просьбамъ милорда, владѣльца „Джона-Джерингмена“, совершавшаго рейсы между Ливерпулемъ и Рио-ди-Жанейро, приняли мистера Уэстерфильда въ качествѣ старшаго офицера; и, въ чести его будь сказано, онъ оправдалъ довѣріе своего брата. Во время бури, застигшей корабль у береговъ Африки, капитанъ былъ снесенъ волной съ палубы въ море, и старшій офицеръ принялъ командованіе надъ кораблемъ. Его искусство и мужество спасли корабль при такихъ опасныхъ условіяхъ, которыя парализовали усилія всѣхъ другихъ офицеровъ. Его утвердили, и весьма справедливо, въ командованіи кораблемъ. И до сихъ поръ — мы, конечно, будемъ правы, если скажемъ, что его характеръ рисуется намъ съ самой выгодной стороны.

Тутъ предсѣдатель умолкъ, чтобы собраться съ мыслями.

Нѣкоторые члены-жюри, руководимые тѣмъ присяжнымъ, которому хотѣлось обвѣдать, и поддерживаемые своимъ разсѣяннымъ товарищемъ, изобразившимъ корабль, гонимый бурей, а капитана — падающимъ за бортъ, — предложили оправдать подсудимаго безъ дальнихъ околнчностей. Но раздражительный и болѣзненный присяжный закричалъ: „глупости!“ — и пятеро присяжныхъ, восхищенные выразительной краткостью, съ какою онъ изложилъ свои мысли, закричали: „слушайте, слушайте, слушайте!“ Молчаливый присяжный, на котораго до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія, вдругъ теперь привлекъ на себя взгляды товарищей. Это былъ нѣтъликий господинъ, неопредѣленнаго возраста, въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и во все время совѣщанія не снимавшій перчатки. Когда раздался хоръ пяти присяжныхъ, онъ таинственно улыбнулся. Каждый дивился, что можетъ значить такая улыбка. Но молчаливый присяжный сохранилъ секретъ про себя. Съ этой минуты онъ сталъ оказывать скрытое вліяніе на остальныхъ. Даже старшина поглядывалъ на него, продолжая свою рѣчь.

— Послѣ извѣстнаго срока службы, въ продолженіе котораго подсудимый не совершилъ ничего дурнаго, — такъ говорилъ старшина: — онъ получилъ даже награду за свое хорошее поведеніе. Ему дали долю въ прибыли, приносимой кораблемъ, который

онъ командовалъ, въ прибавку къ его жалованью. Послѣ этого онъ отправился изъ Ливерпуля въ свое послѣднее плаваніе, въ Бразилію, и никто, не исключая его жены, не имѣлъ тѣни подозрѣнія, что онъ покидаетъ Англію при разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Свидѣтельство его кредиторовъ и другихъ лицъ, съ которыми онъ былъ знакомъ, ясно доказываетъ, что онъ проводилъ свободное время на берегу въ картежной игрѣ и на скачкахъ, гдѣ держалъ постоянныя пари. Послѣ необыкновенно продолжительнаго счастья, послѣднее ему измѣнилось. Онъ проигралъ значительныя суммы и былъ вынужденъ занимать деньги за очень большіе проценты, не имѣя надежды освободиться изъ рукъ кредиторовъ. Когда онъ оставилъ Ріо, чтобы вернуться домой, никто не сомнѣвался, что въ Англии его ждали кредиторы, съ которыми онъ не въ состояніи былъ расплатиться. Вотъ, господа, та особенная сторона его характера, которую мы можемъ назвать азартной, и на которую, какъ мнѣ кажется, судъ взглянулъ снисходительно.

Старшина, очевидно, собирался прибавить еще нѣсколько словъ, но непріятный болѣзненный присяжный перебилъ его.

— Говоря по-просту, безъ затѣй, — сказалъ онъ: — вы считаете подсудимаго виновнымъ.

— Говоря по просту, безъ затѣй, — отвѣчалъ старшина: — я отказываюсь отвѣчать на такой вопросъ.

— Почему?

— Потому что въ мою обязанность не входитъ стараться повліять на приговоръ.

— Вы старались повліять на приговоръ съ той самой минуты, какъ вошли въ эту комнату. Призываю въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ джентльменовъ.

Терпѣніе многострадальнаго старшины, наконецъ, лопнуло.

— Вы не услышите отъ меня ни единого слова, — сказалъ онъ: — до тѣхъ поръ, пока не рѣшите сами, виновенъ или невиновенъ подсудимый, и тогда я скажу вамъ, согласенъ ли я или несогласенъ съ вашимъ приговоромъ.

Онъ сложилъ руки и принялъ позу человѣка, который намѣренъ сдержать свое слово. Проголодавшійся присяжный отвинулъ на спинку кресла и громко вздохнулъ. Любитель-художникъ, который до сихъ поръ развлекался рисунками на пропускной бумагѣ, съ неудовольствіемъ сдѣлалъ то же и выронилъ перо. Вѣжливый джентльменъ, подверженный судорогамъ, попросилъ позволенія пройти по комнатѣ, и съ первыхъ же шаговъ разбудилъ соннаго присяжнаго и привелъ въ ярость раздражительнаго

скрипомъ своихъ сапогъ. Хоръ пятерыхъ присяжныхъ, болѣе чѣмъ когда-либо нерѣшительныхъ, взглянулъ на молчаливаго присяжнаго. Онъ опять таинственно улыбнулся и опять, не объяснивъ того, что думалъ, медленно повернулъ плѣшивую голову въ сторону предсѣдателя. Быть можетъ, онъ хотѣлъ этимъ выразить симпатію человѣку, который рѣшился быть такимъ же молчаливымъ, какъ и онъ самъ.

Нѣсколько минутъ ничего не говорилось и не дѣлалось. Безпомощное безмолвіе царило въ комнатѣ.

— Что же вы, чортъ возьми, молчите!—закричалъ болѣзненный присяжный:—Развѣ вы забыли свидѣтельскія показанія?

Этотъ вопросъ напомнилъ присяжнымъ то, къ чему ихъ обязывала присяга, если не чувство собственнаго достоинства. Нѣкоторые стали припоминать свидѣтельскія показанія въ одномъ смыслѣ, а другіе—въ другомъ, и каждый настаивалъ на своей отличной памяти и правильной точкѣ зрѣнія. Первый заговорившій объявилъ:

— Я настаиваю на оправданіи капитана, джентльмены. Онъ приказалъ спустить лодки и спасъ жизнь экипажа.

— А я—за то, чтобы признать его виновнымъ, потому что корабль наткнулся на подводный камень среди бѣлаго дня и при тихой погодѣ.

— Я согласенъ съ вами, сэръ. Свидѣтельскія показанія говорятъ, что корабль былъ слишкомъ круто направленъ къ берегу, и что такое направленіе ему далъ капитанъ.

— Полноте, полноте, джентльмены. Будемъ справедливы къ капитану. Защита доказываетъ, что онъ велъ корабль какъ слѣдуетъ, но что данное имъ направленіе было измѣнено, когда онъ сошелъ съ палубы. Что же касается погоды, то, говорятъ, онъ видѣлъ признаки приближающейся бури.

— Отлично, отлично, но вернемся къ фактамъ. Когда сообщили о кораблекрушеніи, бразильскія власти отрядили людей, въ надеждѣ спасти грузъ, и нѣсколько дней спустя корабль былъ найденъ какъ разъ послѣ того, какъ капитанъ и экипажъ его оставили.

— Не забывайте, сэръ, что брилліантовъ не нашли, когда стали осматривать корабль.

— Прекрасно, прекрасно; но гдѣ же доказательства, что капитанъ укралъ брилліанты? Прежде чѣмъ они спасли часть груза, налетѣла буря и разбила корабль, такъ что бѣдняга ошибся только во времени.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, джентльмены, что подсу-

димый былъ по уши въ долгахъ, и слѣдовательно имѣлъ интересъ украсть брилліанты.

— Пойдите, пойдите, сэръ. Будьте справедливы. Кто былъ дежурнымъ на палубѣ, когда произошло кораблекрушеніе?

— Младшій офицеръ.

— А что сдѣлалъ младшій офицеръ, когда услышалъ, что кораблевладѣльцы рѣшились начать процессъ? Онъ прибѣгнулъ къ самоубійству. Развѣ это не доказательство его виновности?

— Вы слишкомъ поспѣшны въ своихъ заключеніяхъ, сэръ. Прокуроръ призналъ, что младшій офицеръ убилъ себя въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства.

— Тихе, тихе! Намъ нѣтъ дѣла до того, что призналъ прокуроръ. Что сказалъ судья, когда резюмировалъ свою рѣчь?

— Чортъ побори судьбу! Онъ сказалъ то, что всѣ они говорятъ: „признайте подсудимаго виновнымъ, если считаете, что онъ виновенъ, и признайте его невиновнымъ, если считаете, что онъ невиновенъ“, — и затѣмъ ушелъ пить чай въ свой кабинетъ. А мы, вотъ, здѣсь умираемъ съ голода, и наши семьи обѣдаютъ безъ насъ.

— Говорите за себя, сэръ. У меня нѣтъ семьи.

— Поздравляю васъ съ этимъ, сэръ. А у меня двѣнадцать человѣкъ дѣтей, и жизнь для меня — бремя, потому что я не знаю, какъ свести концы съ концами.

— Господа, господа! мы опять удаляемся отъ предмета. Виновенъ или нѣтъ — капитанъ?

— Господинъ старшина, нѣкто изъ насъ не имѣлъ намѣренія васъ огорчить; скажите намъ свое мнѣніе.

Но старшина былъ вѣренъ данному слову.

— Рѣшите сами, — былъ его отвѣтъ.

При такихъ обстоятельствахъ, присяжный, подверженный судорогамъ, принялъ внезапно важное рѣшеніе. Ему пришла въ голову блестящая мысль.

— Попробуемъ рѣшить вопросъ при помощи поднятія рукъ. Господа, — предложилъ онъ: — кто находитъ подсудимаго виновнымъ, пусть подниметъ руку.

Три голоса были такимъ образомъ немедленно собраны, включая и голосъ старшины. Послѣ минутнаго сомнѣнія, хоръ пятерыхъ рѣшилъ послѣдовать тому же мнѣнію, которое было высказано тѣми тремя. Поэтому поднятыхъ рукъ въ осужденіе подсудимаго оказалось восемь. Повліяетъ ли таковой результатъ на нерѣшительное меньшинство остальныхъ четвертыхъ? Во всякомъ случаѣ, ихъ пригласили высказаться. Только три руки под-

нялись. Одинъ непостижимый человѣкъ не желалъ выразить своихъ чувствъ даже знаками. Нужно ли говорить — кто былъ этотъ человѣкъ? Тайственная перемѣна произошла теперь въ его наружности и сдѣлала его еще болѣе интереснымъ въ глазахъ другихъ. Непонятная улыбка исчезла съ его лица. Онъ сидѣлъ неподвижно съ закрытыми глазами. Размышлялъ онъ или просто спалъ? Догадливый старшина давно уже заподозрѣлъ, что онъ просто глупъ, но достаточно хитеръ, чтобы скрывать свою глупость, и держать языкъ за зубами. Остальные присяжные не пришли къ такому разсудительному заключенію. Необыкновенная торжественность его вида очень озадачивала ихъ, и они воображали, что онъ погруженъ въ размышленія, въ виду важнаго значенія приговора. Послѣ довольно оживленнаго спора, они рѣшили пригласить единственнаго независимаго члена своего собранія, который до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ томъ, что происходило, ясно высказать свое мнѣніе: — Какъ вы думаете, сэръ, виновенъ онъ или невиновенъ?

Глаза молчаливаго присяжнаго раскрылись медленно и торжественно и напомнили взглядъ совы. Поставленный въ необходимость произнести два слова или одно, онъ выбралъ — вѣрный своей молчаливой премудрости — послѣднее. „Виновенъ“, — сказалъ онъ, и снова закрылъ глаза, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: „вы мнѣ надоѣли“.

Всѣ присутствующіе вздохнули съ облегченіемъ. Вражда была позабыта, и присяжные дружелюбно взглянули другъ на друга. Разомъ поднялись они съ мѣста, чтобы вернуться въ залу суда. Судьба подсудимаго была рѣшена; приговоръ гласилъ: „виновенъ“.

II.—Приговоръ.

Глухой гулъ разговоровъ, происходившихъ въ залѣ суда, умолкъ, когда вернулись присяжные на свои мѣста. Любопытство теперь сосредоточилось на женѣ подсудимаго, которая все время присутствовала въ залѣ. Вопросъ минуты былъ: какъ она перенесетъ краткій промежутокъ времени, всегда предшествующій объявленію приговора?

На взглядъ толпы, мистриссъ Уэстерфильдъ была красивая женщина. Платье изъ темной матеріи хорошо сидѣло на ея высокой и стройной фигурѣ; густые свѣтлые волосы мелкими кудрями спускались на лобъ; черты лица были правильны, хотя нѣсколько рѣзки. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ волненія въ

ней не было замѣтно: смѣлые сѣрые глаза выдерживали любопытные взгляды безъ смущенія. Къ удивленію присутствующихъ женщинъ, она привела съ собою двухъ маленькихъ дѣтей. Старшій ребенокъ была хорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти; младшаго мальчика мать держала на колѣняхъ. Всѣми было замѣчено, что мистриссъ Уэстерфильдъ не обращала никакого вниманія на дѣвочку. Всѣ ея заботы сосредоточивались на мальчикѣ; его она ласкала, когда онъ выказывалъ скуку или утомленіе; но ни разу не случилось ей оглянуться на дѣвочку, чтобы видѣть, не устала ли и она. Судья занялъ свое мѣсто и отдалъ приказъ ввести подсудимаго, чтобы выслушать приговоръ. Наступила довольно долгая пауза. Публика, припоминая мертвенно-блѣдное лицо, съ какимъ онъ появился впервые передъ нею, толковала, что ему дурно, и не ошибалась. Тюремный докторъ показался на свидѣтельской скамьѣ и, будучи приведенъ къ присягѣ, далъ свое показаніе.

У подсудимаго была болѣзнь сердца, которую онъ запустилъ. Онъ лишился чувствъ отъ слишкомъ мучительнаго напряженія въ ожиданіи приговора. Обморокъ оказался такого серьезнаго свойства, что свидѣтель не ручается за послѣдствія, если произойдетъ вторичный обморокъ отъ волненія, которое непременно испытаетъ подсудимый, если будетъ теперь введенъ въ залу суда, чтобы выслушать приговоръ. При такихъ обстоятельствахъ, объявленіе приговора было формально отложено. Взгляды публики опять обратились на жену подсудимаго. Она встала, чтобы оставить залу. Въ случаѣ осужденія, ея мужъ просилъ позволенія проститься съ ней въ послѣдній разъ, и директоръ тюрьмы, посоветовавшись съ докторомъ, разрѣшилъ ему это свиданіе. Было замѣчено, когда она уходила, что она держала мальчика за руку, а дѣвочка шла сама по себѣ. Какая-то сострадательная дама, сидѣвшая рядомъ съ нею, предложила побыть съ дѣтьми въ ея отсутствіе. Мистриссъ Уэстерфильдъ холодно отвѣчала: „благодарю васъ, отецъ желаетъ ихъ видѣть“.

Подсудимый умиралъ; всякій, кто взглянулъ бы на него, принялъ бы это. Глаза его устало глядѣли, когда жена и дѣти подошли къ кровати, на которой онъ лежалъ, представляя изъ себя развалину человѣка, родившагося атлетомъ. Онъ тяжело дышалъ и съ трудомъ могъ выговорить нѣсколько словъ съ большими разстановками. „Я не спрашиваю тебя, каковъ приговоръ,—сказалъ онъ женѣ:—я читаю его на твоёмъ лицѣ“. — Безъ слезъ и молча стояла она у постели мужа. Онъ, впрочемъ, липъ вскользь взглянуть на нее: теперь все его вниманіе было сосредоточено

на дѣтяхъ. Дѣвочка стояла ближе въ нему, онъ взглянулъ на нее съ слабой улыбкой. Бѣдное дитя поняло его; жалобно плача, окватила она руками шею отца и подѣловала его. — Милый папаша, — сказала она: — поѣдемъ домой, я буду за тобой ухаживать.

Докторъ, наблюдавшій за лицомъ отца, увидѣлъ въ немъ перемѣну, которая не была замѣчена остальными присутствующими. Больное сердце не выдержало этого прощанія — и перестало биться.

— Удалите дѣтей, — шепнулъ докторъ матери. Около него стояла водка; онъ влилъ ее въ ротъ больному и пощупалъ пульсъ. Подъ вліяніемъ водки онъ чуть-чуть оживился. Больной на минутку ожилъ и глазами искалъ сына. — Мальчика... — прошепталъ онъ: — я хочу видѣть моего мальчика. — Когда жена поднесла ему ребенка, докторъ шепнулъ ей: — Если вамъ нужно сказать ему что-либо, то торопитесь. — Она вздрогнула и взяла его холодную руку. Ея прикосновеніе какъ будто сообщило ему новую силу. Онъ попросилъ ее нагнуться. — Они не позволяли мнѣ писать здѣсь, иначе какъ подъ условіемъ, что будутъ читать мои письма. — Онъ умолялъ, чтобы перевести духъ. — Приподними мою лѣвую руку, — шепнулъ онъ: — разстегни манжетку.

Она вынула записку изъ манжетки и на внутренней ея сторонѣ увидѣла слова, написанныя краснымъ, точно кровью: „посмотри подкладку въ моемъ чемоданѣ“.

— Зачѣмъ? — спросила она.

Угасающій взглядъ съ сомнѣніемъ остановился на ней. Губы его раскрылись, съ тщетнымъ усиліемъ сказать еще что-то. Его послѣдній вздохъ коснулся мудрей на ея лбу. Докторъ указалъ на дѣтей.

— Увезите этихъ бѣдняшекъ домой, — сказалъ онъ: — у нихъ нѣтъ больше отца.

Мистриссъ Уэстерфильдъ молча повиновалась. У нея были собственные причины спѣшить домой. Оставивъ дѣтей на рукахъ служанки, она заперлась въ комнатѣ покойника и вынула изъ чемодана остававшееся тамъ платье.

Подкладка чемодана, которую она тщательно оглядѣла, была изъ обычнаго полосатаго тика. Пальцы ея не были настолько нѣжны, чтобы прощупать что-нибудь подъ обивкой, когда она стала водить по ней рукой. Повернувъ пустой чемоданъ внутренней стороной крышки къ свѣту, она увидѣла на тикѣ тонкую, блестящую полоску — какъ будто отъ клея. Послѣ минутнаго раздумья она разрѣзала полоску перочиннымъ ножикомъ. Бѣлая бумажка показалась въ отверстіи. Она вынула и развернула ее.

То было письмо, написанное рукой ея мужа. Когда она раз-вертывала его, то на полъ упала небольшая бумажка. Она подняла ее. На ней стояли какія-то буквы, фигуры, крестики, представляя собой какую-то непонятную путаницу.

III.—Письмо.

Мистриссъ Уэстерфильдъ отложила въ сторону непонятную бумажку и обратилась къ письму. Тутъ снова ее взяло раздумье. Письмо было адресовано къ „мистриссъ Родерикъ Уэстерфильдъ“, и начиналось, безъ всякихъ обычныхъ обращеній, прямо съ дѣла. Не значило ли это, что ея мужъ сердился на нее, когда писалъ это? Это означало, что онъ не довѣрялъ ей.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ писалъ ей.

„Я пишу тебѣ прежде, нежели начнется мой процессъ. Если приговоръ окажется въ мою пользу, то я разорву то, что написалъ. Если меня признаютъ виновнымъ, то я предоставляю тебѣ сдѣлать то, что, въ противномъ случаѣ, сдѣлалъ бы самъ.“

„Незаслуженное несчастье, случившееся со мной, началось вмѣстѣ съ прибытіемъ моего корабля въ портъ Рио. Нашъ младшій офицеръ (отбывъ свое дежурство) отпросился на берегъ и не вернулся. Какіе мотивы побудили его дезертировать—я не знаю. Я желалъ замѣнить его лучшимъ морякомъ на моемъ суднѣ. Агенты моихъ хозяевъ переспорили меня и назначили человѣка по своему собственному усмотрѣнію.“

„Къ какой націи онъ принадлежалъ—я не знаю. Онъ объявилъ, что его фамилія Белль-Джемсъ, и говорили, что онъ разорившійся джентльменъ. Кто бы онъ ни былъ, его манеры и разговоръ были очаровательны, онъ всѣмъ очень понравился.“

„Послѣ двухъ бѣдствій—кораблекрушенія и пропажи брилліантовъ,—послѣдніе были оцѣнены въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—я вернулся въ Англію при первой же возможности, вмѣстѣ съ Белль-Джемсомъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я поселился въ моемъ домѣ въ Лондонѣ, меня частно увѣдомили, что кораблевладельцы рѣшили меня преслѣдовать судомъ, по обвиненію въ намѣренномъ крушеніи и въ пропажѣ брилліантовъ. Младшій офицеръ, который командовалъ кораблемъ въ то время, какъ онъ натолкнулся на камень, былъ обвиненъ вмѣстѣ со мной. Сознавая себя невиннымъ, я рѣшилъ, разумѣется, выдержать судъ. Я ломалъ себѣ голову, что сдѣлаетъ Белль-Джемсъ? Послѣдуетъ ли онъ моему примѣру, или постарается спастись бѣгствомъ?“

„Я бы считалъ, что дружескія отношенія обязываютъ меня предупредить его о томъ, что насъ ожидаетъ, еслибы зналъ, гдѣ найти его. Мы разстались съ нимъ, когда корабль вошелъ въ портъ Фальмутъ, въ Корнуэллѣ, и съ тѣхъ моръ не видѣлись. Я сообщилъ ему мой лондонскій адресъ, но онъ не послѣдовалъ моему примѣру.

„На возвратномъ пути, Белль-Джемсъ сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ наслѣдство: небольшой домикъ съ садомъ, въ Сентъ-Джонсъ Вудъ въ Лондонѣ. Въ ту самую минуту, какъ я вспомнилъ объ этомъ, мнѣ сказали, что прилично одѣтая пожилая женщина желаетъ меня видѣть. Оказалось, что это хозяйка дома, въ которомъ проживалъ Белль-Джемсъ, и что она пришла съ печальнымъ извѣстіемъ: Белль-Джемсъ умираетъ и желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ же къ нему отправился.

„Въ короткихъ словахъ, вотъ что я узналъ. Белль-Джемсъ услышалъ о готовившемся процессѣ. Какъ онъ узналъ—смерть помѣшала ему сообщить мнѣ это. Несчастный негодяй отравился, изъ страха ли передъ процессомъ, или отъ угрызений совѣсти— не мое дѣло рѣшать это. Къ несчастью для меня, онъ выслалъ изъ комнаты хозяйку и доктора и сообщилъ мнѣ, когда мы остались наединѣ, что онъ намѣренно перемѣнилъ направленіе корабля и укралъ брилліанты. Долженъ отдать ему справедливость, что онъ хотѣлъ меня спасти отъ бѣды, въ которую я попалъ по его винѣ.

„Облегчивъ свою душу признаніемъ, онъ далъ мнѣ ключокъ бумаги (шифрованный), который ты найдешь при этомъ письмѣ.

„— Вотъ замѣтка,—сказалъ онъ мнѣ,— о мѣстѣ, гдѣ спрятаны брилліанты.

„Къ числу невѣжественныхъ людей, не умѣющихъ разбирать шифрованную грамоту, принадлежу и я,—и я такъ ему и сказалъ. Я этимъ путемъ сохраняю свою тайну,—отвѣчалъ онъ:—пишите подъ мой диктантъ, и вы узнаете, что это значить. Сначала приподнимите меня.—Я сдѣлалъ то, что онъ просилъ, но онъ замоталъ головой, какъ бы въ припадкѣ боли; но указалъ все-таки на перо, бумагу и чернила, на томъ столѣ, на которомъ писалъ докторъ. Я отошелъ отъ него на минуту, чтобы придвинуть ближе столъ, но въ эту минуту онъ застоналъ и сталъ звать на помощь. Я бросился въ нижнюю комнату, гдѣ дожидался докторъ. Когда мы вернулись къ больному, то нашли его въ конвульсіяхъ. Черезъ нѣсколько секундъ его не стало.

„Юристы, принявшіе на себя мою защиту, пытались найти экспертовъ, какъ они называютъ, чтобы разобрать шифръ. Всѣ

эксперты отказались отъ этого. Они объявили, что, если ихъ призвуть въ свидѣтели, они должны будутъ сказать, что знаки на бумажкѣ не соответствуютъ ни одному изъ существующихъ шифровъ, разставлены зря и ничего не означаютъ.

„Что касается моего разсказа о сдѣланномъ мнѣ признаніи, — законъ отказываетъ мнѣ въ вѣрѣ, если я не представлю свидѣтеля. Я могъ бы доказать, что направленіе корабля было изменено, вопреки моимъ приказаніямъ, послѣ того, какъ я пошелъ отдыхать, если бы я могъ найти человѣка, который стоялъ въ то время за рулемъ. Но Богъ знаетъ, гдѣ находится этотъ человѣкъ.

„Съ другой стороны, заблужденія моей прошлой жизни и мои долги говорятъ противъ меня. Юристы, кажется, надѣются на знаменитаго адвоката, котораго пригласили защищать меня. Но я, съ своей стороны, иду подѣ судъ безъ всякой надежды на благопріятный исходъ.

„Если вердиктъ будетъ: „виновенъ“, и если тебѣ дорого мое доброе имя, то найди, непременно найди, кого-нибудь, кто бы разобралъ этотъ проклятый шифръ. Сдѣлай для меня то, чего я не могу самъ для себя сдѣлать. Найди брилліанты и, когда возвратишь ихъ по принадлежности, покажи владѣльцамъ это письмо. Поцѣлуй дѣтей за меня. Я желаю, чтобы они, когда подростутъ, прочитали эту мою защиту и узнали, что отецъ, который нѣжно любилъ ихъ, былъ невинный человѣкъ. Мой добрый братъ будетъ заботиться о васъ, ради меня. Я кончилъ.

„Родерикъ Уэстерфильдъ“.

Мистриссъ Уэстерфильдъ снова просмотрѣла шифръ. Она глядѣла на него такъ, какъ будто бы это было живое существо, которое ее дразнило. „Если я когда-нибудь буду въ состояніи прочитать эту чепуху, то я знаю, какъ я поступлю съ брилліантами“.

IV.—Чердакъ.

Годъ ровно спустя послѣ рокового дня, когда былъ осужденъ ея мужъ, мистриссъ Уэстерфильдъ (запершись въ святилищѣ своей спальни) праздновала свое освобожденіе отъ обязательства носить вдовій трауръ.

Условныя градаціи въ наружныхъ знакахъ горя, то-есть переходъ отъ чернаго платья въ сѣрому, не входили въ систему траура этой огорченной лѣди. Она положила свое лучшее синее платье и новую шляпку на кровать и отъ всей души любовалась ими. Траурное платье сброшено было на полъ. — Славу Богу, я покон-

чила съ тобой!—сказала она, и оттолкнула его ногой прочь съ дороги, идя къ камину, чтобы позвонить въ боловольчикъ.

— Гдѣ мой сыночекъ?—спросила она, когда вошла въ комнату квартирная хозяйка.

— Онъ со мной внизу, въ кухнѣ, сударыня. Я учу его дѣлать какъ изъ сливъ,—онъ такъ доволенъ. Я надѣюсь, что онъ теперь вамъ не нуженъ.

— Нисколько. Я попрошу васъ побыть съ нимъ, пока я не вернусь. Кстати: гдѣ Сидъ?

Старшій ребенокъ (дѣвочка) была названа „Сидни“, въ честь одной родственницы ея отца. Имя это не нравилось ея матери, которая сократила его въ „Сидъ“. Со взглядомъ, выразившимъ плохо скрытое негодование, хозяйка отвѣчала:— Она наверху, на чердакѣ, бѣдняжка. Говорить, что вы ее послали туда, чтобы она вамъ не мѣшала.

— Да, разумѣется.

— На чердакѣ нѣтъ печки, сударыня. Я боюсь, что дѣвочка тамъ простудится, и что ей скучно тамъ одной.

Просить за Сидъ было бесполезно, потому что мистриссъ Уэстерфильдъ не слушала. Ея вниманіе было поглощено ея собственными полными и хорошенькими ручками. Она ввела маленькую пилочку съ туалета и занялась своими ногтями.

— Пришлите мнѣ теплой воды, — сказала она, — я буду одѣваться.

Служанка, которая принесла ей теплую воду, была еще недавно въ домѣ. Послѣ того, какъ она помогла мистриссъ Уэстерфильдъ одѣться, хозяйка приказала ей пойти на чердакъ:— Тамъ вы найдете хорошенькую дѣвочку; скажите ей, что приведете ее ко мнѣ въ комнату тотчасъ, какъ уйдетъ ея мамаша.

Пренебреженіе, съ какимъ мистриссъ Уэстерфильдъ относилась къ своему старшему ребенку, было извѣстно всѣмъ въ домѣ; даже новая служанка слышала объ этомъ. Заинтересованная тѣмъ, что она, раскрывъ дверь на чердакъ, увидѣла, — она остановилась на порогѣ.

На чердакѣ стояло два старыхъ, полусгнившихъ сундука, сломанный стулъ и истрепанный томъ проповѣдей, въ четвертую — по старинному — долю листа. Полинялые обои, которыми были облечены стѣны, отсырѣли и мѣстами отставали, а мѣстами и совсѣмъ были оторваны. Въ плинтусѣ виднѣлись дырочки, и изъ одной изъ нихъ выглядывали ясные, хотя и застѣнчивые глазки единственнаго живого существа, раздѣлявшаго одиночество дѣ-

вочем на чердакѣ—мышки, которую она кормила крошками хлѣба, спрятаннаго за завтракомъ.

Сидъ подняла голову, когда мышка убѣжала въ норку, при стукѣ раскрываемой двери.—Лиззи, Лиззи,—сказала она серьезно:—зачѣмъ вы съ такимъ шумомъ входите? вы испугали моего малютку.

Добродушная служанка расхохоталась.—Что, у васъ большое семейство, миссъ?—спросила она въ шутиливомъ духѣ.

Сидъ не поняла шутки.—Только еще двое, — отвѣчала она и подняла съ пола двѣ старыя, истрепанныя и грязныя куклы.—Это мои двое старшихъ дѣтей,—продолжалъ странный ребенокъ, прислоняя куклы спиною къ пустымъ сундукамъ.—Старшая—дѣвочка, и ее зовутъ „Сидъ“; другой—мальчикъ, въ очень грязномъ платьѣ, какъ видите. Ихъ добрая мамаша не сердится, когда они капризничаютъ и покупаютъ имъ пони, чтобы они на нихъ катались, и всегда даетъ имъ чего-нибудь вкуснаго поѣсть, когда они голодны. Есть ли у васъ добрая мамаша, Лиззи? И очень ли вы ее любите?

Эти невинные намеки на пренебреженіе, которое было удѣломъ бѣдной дѣвочки, тронуло сердце служанки. Ей припомнились давно прошедшія времена, когда ее оставляли одну, голодную и холодную,—только она переносила это терпѣливо.

—О, моя милочка!—сказала она:—ваши бѣдныя ручонки совсѣмъ покраснѣли отъ холода! Подите ко мнѣ, я вамъ ихъ согрѣю.

Но живое воображеніе Сидъ лучше предохраняло ее отъ холода, чѣмъ средство, предложенное служанкой.—Вы очень добры, Лиззи,—отвѣчала она:—я не чувствую холода, когда играю съ моими дѣтьми. Я стараюсь, чтобы они дѣлали какъ можно больше моціона; мы идемъ гулять въ паркъ.

Она взяла за руку каждую куклу и медленно стала прохаживаться по чердаку, указывая на воображаемыхъ прохожихъ и проѣзжихъ.—Вотъ королева, моя милочка; ее везутъ въ золотой каретѣ, запряженной шестью лошадьми. Видите ли вы, вонъ торчатъ скипетръ изъ окна кареты? Она имъ управляетъ нащѣй. Поклонитесь королевѣ. А вотъ теперь посмотрите на это красивое озеро. Тамъ есть островъ, на которомъ живутъ утки. Утки—счастливыя созданія. Онѣ живутъ, какъ имъ хочется, и онѣ очень вкусны, когда умрутъ. По крайней мѣрѣ, онѣ бывали очень вкусны, когда у насъ были обѣды при жизни папаши. Я стараюсь позабавить бѣдняжекъ, Лиззи. Ихъ папаша умеръ! Я должна быть и папашей, и мамашей.—Вы озябли, мои милыя?—Ну, те-

перь поѣдемъ домой, — и привела куболь къ холодной печкѣ. — У меня въ домѣ всегда топится печка! — вскричало энергическое маленькое созданіе, весело потирая свои холодныя ручки передъ холодной печкой. Добродушная Лиззи не могла долѣе сдерживаться: — Если бы ребенокъ хоть пожаловался, — разразилась она: — все бы это было легче! О, какъ это ужасно, какъ это ужасно! — кричала она, въ удивленію маленькой Сидъ. — Пойдемте внизъ, моя душа, въ уютную, теплую комнату, гдѣ сидитъ вашъ братъ. Охъ, ужъ ваша матушка! Мнѣ все равно, если она насъ увидитъ. Я съ удовольствіемъ ей выскажу, что о ней думаю. Ну, неси вуклы, а я понесу тебя. О, бѣдняжка, какъ ей холодно! Ну, поцѣлуй меня!

Симпатія, выражавшаяся такимъ образомъ, была дѣломъ новымъ для Сидъ. Ея глаза, широко раскрывшись, выразили дѣтское удивленіе, но вдругъ съ дѣтскимъ ужасомъ закрылись, когда ея новая пріятельница-служанка, спускаясь внизъ по лѣстницѣ, прошла мимо дверей мистриссъ Уэстерфильдъ. — Если мамаша выгянетъ, — прошептала она: — мы притворимся, что ея не видимъ. — Но теплая комната приняла ихъ подъ свою защиту въ цѣлости и сохранности. Ни при какихъ обстоятельствахъ мистриссъ Уэстерфильдъ не стала бы торопиться съ своимъ туалетомъ. Прошло добрыхъ полчаса, прежде нежели входная дверь хлопнула, и добрая хозяйка, выгянувъ въ окно, сказала: — Ну, вотъ она и ушла. Теперь мы можемъ быть спокойны.

V. Въ трактирѣ.

Мистриссъ Уэстерфильдъ отправилась въ трактиръ, гдѣ она когда-то была служанкой. Войдя туда безъ колебаній, она послала хозяину свою карточку. Онъ самъ раскрылъ дверь пріемной и пригласилъ ее войти.

— Добро пожаловать! — сказалъ онъ, любуясь ею. — Вы пришли ко мнѣ, чтобы опять поступить въ служанки?

— Неужели вы думаете, что я доведена до этого? — отвѣчала она.

— Что-жъ, моя душа, случались вещи и болѣе невѣроятныя. Мнѣ говорили, что вы получали содержаніе отъ лорда Лебаска, а о его смерти было напечатано въ газетахъ, на прошлой недѣли.

— Стряпчій лорда продолжаетъ выплачивать мнѣ мое содержаніе.

Обрѣзавъ такимъ образомъ хозяина трактира, она не сочла нужнымъ прибавить, что лэди Лебаскъ, дававшая ей деньги на прожитокъ, по просьбѣ покойнаго мужа, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомила ее, что содержаніе прекратится, вѣкъ только мистриссъ Уэстерфильдъ выйдеть вторично замужъ.

— Вы счастливая женщина, — замѣтилъ хозяинъ. — Ну, что-жь? я радъ васъ видѣть. Чего желаете вы выпить?

— Ничего, благодарю васъ. Я желала бы узнать, не слышали ли вы чего въ послѣднее время о Джемсѣ Бельбриджѣ?

Хозяинъ былъ популярный человекъ въ своемъ кругу, и не привыкъ сдерживаться, когда онъ находилъ удобныя случаи пошутить.

— Вотъ такъ постоянство! — сказалъ онъ. — Она интересуется имъ, хотя и оставила его съ носомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ!

Мистриссъ Уэстерфильдъ встала.

— Я привыкла къ тому, чтобы со мной обращались почтительно, — сказала она: — прощайте!

Добродушный хозяинъ опять усадилъ ее въ кресло. — Не дурячьтесь, — сказалъ онъ: — Джемсъ — въ Лондонѣ и живетъ въ моемъ домѣ. Что вы на это скажете?

Смѣлые сѣрые глаза миссисъ Уэстерфильдъ выразили сильное любопытство и интересъ.

— Неужели онъ опять у васъ будетъ приказчикомъ?

— Нѣтъ, душа моя, куда намъ! Онъ сталъ джентльменомъ и покровительствуетъ моему дому.

Мистриссъ Уэстерфильдъ продолжала свои разспросы:

— Значить, онъ совсѣмъ бросилъ Америку?

— Нисколько. Джемсъ Бельбриджъ уѣзжаетъ назадъ въ Нью-Йоркъ, съ тѣмъ, чтобы открыть салонъ (какъ они это тамъ называютъ) въ сообществѣ съ другимъ человекомъ. Онъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Англію по дѣлу. По моему мнѣнію, онъ пріѣхалъ занять денегъ безъ отдачи. Они вѣдь тамъ ловкачи, въ Нью-Йоркѣ-то. Его единственный шансъ, дисконтировать свои векселя, это — провести за носъ своихъ деревенскихъ родственниковъ.

— Когда онъ ѣдетъ въ деревню?

— Онъ тамъ теперь.

— А когда онъ возвращается?

— Я вижу, что вы рѣшились съ нимъ повидаться. Онъ возвращается завтра.

— Что, онъ женатъ?

— Ага! вот оно что! Успокойтесь! Много женщинъ хотѣли поймать его на удочку, да до сихъ поръ не удалось. Передать ему вашу любовь?

— Да,—отвѣчала она холодно:—сколько хотите!

— Въ законномъ бракѣ? — спросилъ хозяинъ.

— И съ приданымъ,—прибавила мистриссъ Уэстерфильдъ.

— Денежки лорда Лебаска?

— Чортъ бы побралъ денежки лорда Лебаска!

— Ого! ваша рѣчь напоминаетъ теперь то время, когда вы были трактирной служанкой. Неужто вы хотите сказать, что у васъ есть свое собственное состояніе?

— Именно. Возьметесь вы передать объ этомъ Джемсу?

— Я все возьмусь сдѣлать для особы съ состояніемъ!

— Скажите ему, чтобы онъ пришелъ пить чай со своимъ прежнимъ другомъ завтра въ шесть часовъ.

— Онъ не придетъ.

— Нѣтъ, придетъ!

На этомъ разногласіи они разстались.

VI. Звѣрь.

Наступило „завтра“, и Джемсъ, вѣрный мистриссъ Уэстерфильдъ, оправдалъ ея довѣріе.

— О! Джемми, какъ я рада тебя видѣть! О, милый, милый человѣкъ, наконецъ-то я твоя!

— Это зависитъ, милэди, отъ того, нужны ли вы мнѣ, или —возьму ли я васъ? Подальше руки!

Мужчина, высказавшій такой протестъ противъ обаяній красивой женщины, былъ однимъ изъ тѣхъ человѣческихъ существъ, которыя превосходно произрастаютъ на англійской почвѣ. У него было жирное лицо, розовыя щеки, жесткіе голубые глаза, жидкіе желтые волосы, бессмысленная улыбка, широчайшія горло и плечи, громадные кулаки и ноги—комбинація, которую можно видѣть только въ Англии. Люди этой комплекціи обладаютъ нервной системой, не подозрѣвая этого; бывають больны, не чувствуя этого; проявляютъ мужество, не подозрѣвая о существованіи опасности; женятся безъ любви; ѣдятъ и пьютъ безмѣрно; и умирають (несмотря на свое богатѣйшее сложеніе), когда болѣзнь свалитъ ихъ, не дѣлая ни малѣйшаго усилія, чтобы остаться жить.

Мистриссъ Уэстерфильдъ отняла руки отъ буйволовой шеи сво-

его гостя, по его первому слову. Его нельзя было не слушаться — онъ былъ такъ грубъ — и невозможно было не восхищаться имъ — онъ былъ такой громадный!

— Неужто вы меня больше совсѣмъ не любите? — рѣшилась она спросить.

Онъ добродушно принялъ ея упрекъ.

— Люблю ли я васъ? — повторилъ онъ: — вотъ это мнѣ нравится! Такой вопросъ — послѣ того, какъ вы бросили меня для человѣка съ дворянскимъ именемъ! Какъ прикажете называть васъ? Миссисъ или милэди?

— Зовите меня своей милой... Чему вы смѣетесь, Джемми? Вы когда-то любили меня. Вы бы никогда не уѣхали въ Америку, когда я вышла за Уэстерфильда, если бы я не была вамъ дорога. О! если я въ чемъ-нибудь увѣрена, такъ въ этомъ! Вы бы не сердились на меня, мой милый, если бы знали, какъ жестоко я была разочарована.

Онъ вдругъ проявилъ интересъ къ тому, что она говорила: звѣрь сталъ веселъ и довѣрчивъ. — Итакъ, онъ былъ вамъ дурнымъ мужемъ, — сказалъ онъ: — билъ васъ кулаками и таскалъ за волосы?

— Вы ошибаетесь, мой другъ; онъ былъ бы очень хорошимъ мужемъ, если бы я любила его; но я никого не любила, кромѣ васъ. Меня не Уэстерфильдъ соблазнилъ выйти замужъ.

— Вы лжете.

— Нѣтъ, право, не лгу.

— Зачѣмъ же вы вышли за него замужъ?

— Почему я вышла за него замужъ, Джемми? Впереди были такія надежды, что я не могла не соблазниться. Подумайте: быть лэди Лебаскъ; жить въ чести до конца моей жизни, все равно, по смерти, какъ и при жизни моего мужа.

Для трактирнаго слуги ея слова звучали какой-то явной нелѣпницей. Трактирные возрѣвнiя подсказали ему единственное объясненiе.

— Мнѣ кажется, сударыня, что вы подвыпили?

Первымъ движенiемъ мистриссъ Уэстерфильдъ было — встать съ мѣста и съ негодованiемъ указать ему на дверь. Но ему стоило только на нее взглянуть, и она усѣлась съ покорнымъ видомъ.

— Вы не понимаете, какъ обстоятельства соблазнили меня, — кротко повторила она.

— Про какiя обстоятельства вы говорите?

— Про то, мой другъ, что я могла сдѣлаться матерью лорда.

Онъ все еще не понималъ, но понизилъ тонъ. Коренной бритъ инстинктивно пасовалъ передъ женщиной, которая провела его, когда она предстала передъ нимъ въ качествѣ матери лорда.

— Что вы хотите сказать, Марія?— вѣжливо спросилъ онъ.— Она ближе придвинула къ нему стулъ, послѣ того, какъ онъ, еще въ первый разъ сегодня, назвалъ ее по имени.

— Когда еще Уэстерфильдъ ухаживалъ за мной, — сказала она, — его братъ „милордъ“ былъ холостъ. Лэди — если только такую тварь можно назвать лэди — жила подъ его покровительствомъ. Онъ говорилъ Уэстерфильду, что очень привязанъ къ ней, и не можетъ подумать безъ ужаса о женитьбѣ. „Если у твоей жены родится мальчикъ, — сказалъ онъ моему мужу, — то онъ будетъ наслѣдникомъ титула и помѣстій, и я могу жить такъ, какъ жилъ до сихъ поръ“. — Мы женились мѣсяцъ спустя. Когда у меня родился первый ребенокъ, то онъ оказался дѣвочкой. Предоставляю вамъ судить, каково было мое разочарованіе. Милордъ (по уговору, какъ я подозреваю, той женщины, о которой я упоминала) рискнулъ подождать еще годъ, и затѣмъ еще годъ, только чтобы не жениться. И во все это время у меня, какъ нарочно, не было дѣтей. Милорду по-неволѣ пришлось жениться. О! какъ я ненавижу его жену! У нихъ въ первый же годъ родился мальчикъ, большой, здоровенный подлець-мальчишка, и черезъ полгода послѣ того родился мой бѣдный, дорогой мальчикъ. Только подумайте объ этомъ, и скажите мнѣ, Джемми, развѣ я не заслуживаю быть счастливой послѣ такого страшнаго разочарованія? Правда ли, что вы уѣзжаете назадъ въ Америку?

— Совершенная правда.

— Возьмите меня съ собой.

— Съ двумя ребятами-то?

— Нѣтъ, съ однимъ только. Другую я оставляю въ Англіи. Подождите отказываться. Вамъ нужны деньги?

— Если бы даже и нужны, — вѣдь у васъ ихъ нѣтъ!

— Женитесь на мнѣ, и я вамъ доставлю состояніе.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что она говоритъ серьезно.

— Что вы называете состояніемъ? — спросилъ онъ.

— Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, — отвѣчала она.

Онъ раскрылъ глаза, разинулъ ротъ и почесалъ въ головѣ. Оказалось, что даже его дубоватую натуру можно поразить.

— Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ! — Онъ слабымъ голосомъ попросилъ вапелъку водки.

У нея была для него на-готовѣ бутылка водки.

— Вы, вѣжета, совсѣмъ сражены, — замѣтила она.

Онъ былъ слишкомъ занятъ водкой, чтобы обратить вниманіе на это замѣчаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, то оказалось, что онъ не очень-то расположенъ вѣрить въ существованіе пяти тысячъ фунтовъ.

— Гдѣ доказательство этому? — мрачно спросилъ онъ. Она вытащила письмо мужа.

— Читали ли вы дѣло Уэстерфильда о кораблекрушеніи? — спросила она.

— Я слышалъ о немъ.

— Хотите прочесть это письмо?

— Оно длинное?

— Да.

— Ну, тогда лучше вы прочитайте мнѣ его.

Онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ то, что она читала ему. Мысль украсть брилліанты (+если только они будутъ найдены) ни мало не смущала ни того, ни другую. Это былъ рѣшенный вопросъ, по молчаливому соглашенію обѣихъ сторонъ. Но денежная стоимость драгоцѣнныхъ камней возбуждала сомнѣніе, которое глухо копошилось въ немъ.

— Вы увѣрены, что они стоѣтъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ? — спросилъ онъ.

— Да вѣдь Уэстерфильдъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ.

— Перечтите это мѣсто.

Она опять прочитала: „послѣ двухъ бѣдствій—кораблекрушенія и потери брилліантовъ,—они оцѣнены въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—я вернулся въ Англію“.

Удовлетворившись этимъ, онъ пожелалъ взглянуть на шифрованную бумажку. Она подала ее ему со словами:—Твоя, Джемми, въ тотъ день, какъ ты на мнѣ женишься.—Онъ положилъ бумажку въ карманъ.

— Теперь, когда она попала ко мнѣ,—сказалъ онъ,—предположимъ, что я оставлю ее у себя.

Женщину, которая была служанкой въ трактирѣ, не легко обойти.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала она:—я, во-первыхъ, призову полицію, а во-вторыхъ, телеграфирую въ Ливерпуль, къ судохозяевамъ, у которыхъ мужъ служилъ капитаномъ.

Онъ отдалъ бумажку назадъ.

— Я шутилъ,—сказалъ онъ.

— И я также, — отвѣчала она.

Они молча взглянули другъ на друга. Они стояли одинъ другого и сознавали это. Въ то же самое время Джемсъ крѣпко отстаивалъ свои интересы. Онъ указалъ на неразборчивость шифра. Эксперты пытались прочесть его и не могли.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчала она: — но другіе прочтутъ.

— Гдѣ вы ихъ найдете?

— Дайте мнѣ попытаться. Я прошу у васъ срока въ двѣ недѣли, съ сегодняшняго дня.

— Ну, хорошо, еще что?

— А еще вотъ что: теперь же распорядитесь огласить о нашей свадьбѣ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы я могла убѣдиться, что вы меня не обманете.

Онъ расхохотался.

— Что-жь, — сказалъ онъ: — это вовсе не такъ дурно, если я васъ возьму съ собой въ Америку. Вы, какъ разъ, того сорта женщина, какая намъ нужна въ нашемъ „салонѣ“. Я объявлю о свадьбѣ. Прощайте.

Когда онъ вставалъ, чтобы уходить, послышался легкій стукъ въ дверь. Маленькая дѣвочка, плохо одѣтая, вошла въ комнату.

— Что тебѣ здѣсь нужно? — рѣзко спросила мать.

Сидъ протянула маленькую, худенькую ручку съ письмомъ, служившимъ извиненіемъ ея прихода. Мистриссъ Уэстерфильдъ прочитала письмо и, смявъ, сунула въ карманъ.

— Какой-нибудь секретъ? — спросилъ Джемсъ: — что-нибудь о брилліантахъ?

— Подождите, пока будете моимъ мужемъ, — отвѣчала она: — и тогда разспрашивайте, сколько угодно.

Догадка ея любезнаго гостя была справедлива. Въ продолженіе всего истекшаго года она пыталась счастье между экспертами, но тщетно. Услышавъ объ одномъ иностранномъ экспертѣ, она написала ему, чтобы узнать о его условіяхъ. Въ отвѣтъ (только-что ею полученномъ) онъ не только оцѣнилъ свои услуги по безобразно-высокой цѣнѣ, но и задавалъ нѣсколько осторожныхъ вопросовъ, на которые неудобно было отвѣчать. Новая попытка была сдѣлана, чтобы разсвѣять тайну шифра, и не удалась.

У Джемса Бельбриджа бывали минуты хорошаго настроенія, когда его легко было разсмѣшить. Онъ поглядѣлъ на дѣвочку съ снисходительнымъ любопытствомъ.

— Вы, кажется, съ голоду ее морите? — сказалъ онъ: — нѣ, возьми, купи себѣ кусокъ хлѣба. — И онъ подаль пэнни Сидъ, въ

ту минуту, какъ та уходила изъ комнаты. — Помните, — обратился онъ къ матери: — что если я возьму васъ съ собой, то не желаю навязать себѣ на шею обоихъ дѣтей. Эту, что ли, дѣвочку вы оставляете въ Лондонѣ?

Мистриссъ Уэстерфильдъ кротко улыбнулась и отвѣтила: — да, мой милый.

УП.— Шифръ.

Объявленіе въ газетахъ, адресованное къ лицамъ, искусно разбиравшимъ шифръ, являлось теперь для мистриссъ Уэстерфильдъ единственнымъ шансомъ отыскать, гдѣ спрятаны брилліанты. Первый полученный ею отвѣтъ вознаградила ее нѣсколько за предыдущія разочарованія. Въ немъ предлагались такіе джентльмены, имена которыхъ, сами по себѣ, служили достаточной гарантіей. Тѣмъ не менѣе, она провѣрила рекомендаціи, и въ тотъ же день отправилась къ своему корреспонденту.

Его внѣшній видъ не говорилъ въ его пользу. Онъ былъ старъ и грязенъ, болѣзненъ и бѣденъ. Его жалкая комната была завалена растрепанными книгами. Комфортъ жизни и вѣжливость были, повидимому, ему одинаково чужды; онъ не поздоровался съ мистриссъ Уэстерфильдъ и не предложилъ ей сѣсть. Когда она попробовала войти съ нимъ въ объясненіе, касательно цѣли своего прихода, онъ грубо перебилъ ее: — Покажите мнѣ вашъ шифръ, — сказалъ онъ: — я обѣщаю разобрать его въ томъ случаѣ, если найду, что онъ того стоитъ.

Мистриссъ Уэстерфильдъ встревожилась.

— Вы хотите сказать, что вамъ нужно очень дорого заплатить? — сказала она.

— Я хочу сказать, что не трачу своего времени на прочтеніе легкихъ шифровъ, выдуманныхъ дураками.

Она положила кусочекъ бумажки на его конторку.

— Потратьте ваше время на это, — иронически произнесла она, — и скажите, какъ онъ вамъ понравится?

Онъ посмотрѣлъ на шифръ, сначала простыми глазами, а затѣмъ въ лупу, и, взглянувъ на мистриссъ Уэстерфильдъ, вдругъ спросилъ:

— Откуда вы это взяли?

— Это не ваше дѣло, — отвѣчала она.

— Другими словами, у васъ есть свои причины не отвѣтить на мой вопросъ?

— Да.

Выводы свои заключенія изъ этого отвѣта, онъ, странно ухмыльнувшись, показалъ свои три послѣднихъ зуба.

— Понимаю, — сказалъ онъ самому себѣ; онъ еще разъ взглянулъ на шифръ и задалъ еще вопросъ: — у васъ есть копія этого?

Ей не пришло въ голову снять копію. Онъ всталъ и показалъ ей на свой пустой стулъ. Его мнѣніе о шифрѣ было, по всей вѣроятности, вызвано извѣстіемъ, что копія не существуетъ.

— Знаете ли, что можетъ быть? — спросилъ онъ. — Единственный шифръ, который меня затруднилъ въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ, могъ быть украденъ, или потерянъ, или сожженъ, если бы въ домѣ случился пожаръ. Вы заслуживаете, чтобы васъ наказали за вашу безопасность. Сдѣлайте сами копію.

Это предложеніе (несмотря на его невѣжливую форму) произвело должное впечатлѣніе на мистриссъ Уэстерфильдъ. Ея замужство зависѣло отъ этого драгоценнаго влочка бумаги. Она утвердилась въ своемъ мнѣніи, что этотъ чрезвычайно непріятный человѣкъ, можетъ оказаться достойнымъ ея довѣрія.

— Долго ли вы будете разбирать то, что здѣсь написано? — спросила она, окончивъ переписку.

Онъ тщательно сравнилъ копію съ оригиналомъ и затѣмъ отвѣчалъ:

— Дни могутъ пройти, прежде нежели я найду ключъ. Я даже и пытаться не стану, если вы мнѣ не дадите, по крайней мѣрѣ, недѣли срока.

Она стала убѣждать его согласиться на болѣе короткій срокъ. Онъ холодно подалъ ей оригиналъ и копію.

— Обратитесь къ кому-нибудь другому, — холодно предложилъ онъ, и снова углубился въ свои книги. Мистриссъ Уэстерфильдъ съ сердцемъ согласилась и при этомъ спросила:

— Сколько вы съ меня за это возьмете?

— Я скажу вамъ, когда разберу шифръ.

— Это мнѣ неудобно. Я хочу знать впередъ.

Онъ вторично подалъ ей бумага. Мистриссъ Уэстерфильдъ еще никогда не встрѣчала такого независимаго бѣдняка. Сбитая съ толку, она опять сдалась. Онъ взялъ оригиналъ шифра и заперъ его въ своей конторѣ.

— Приходите на будущей недѣлѣ, — сказалъ онъ и углубился въ свою книгу.

— Вы не особенно любезны, — сказала она, выходя изъ комнаты.

— Во всякомъ случаѣ, я не мѣшаю людямъ, которые работаютъ, — отвѣчалъ онъ.

Недѣля прошла.

Повторивъ свой визитъ, мистриссъ Уэстерфильдъ нашла его снова за конторкою, окруженнымъ своими книгами, и такимъ же невѣжливымъ и невнимательнымъ къ дамѣ.

— Ну, что, — спросила она: — заработали вы свои деньги?

— Я нашель ключъ.

— Какой онъ? — закричала она: — скажите мнѣ сущность. Я не могу ждать, пока вы все прочитаете.

Онъ продолжалъ, не обращая никакого вниманія на ея слова.

— Но есть нѣкоторыя комбинаціи, которыя я еще долженъ разобрать, и потому прошу еще нѣсколько дней сроку.

Она положительно отказалась исполнить его требованіе.

— Напишите сущность того, что вы разобрали, — сказала она, — и скажите, сколько я вамъ должна.

Онъ, въ третій разъ, подалъ ей ея шифръ.

Женщину, которая могла бы сдержать свою досаду при такихъ обстоятельствахъ, такъ же трудно найти, какъ для математика — квадратуру круга, или для механика — *perpetuum mobile*. Съ яростнымъ взглядомъ, мистриссъ Уэстерфильдъ выразила свое мнѣніе о философѣ однимъ словомъ: „животное!“ — но это не произвело на него никакого впечатлѣнія.

— Мое дѣло, — сказалъ онъ, — должно быть сдѣлано хорошо, или его совсѣмъ не надо. Сегодня суббота, одиннадцатое число. Я дамъ окончательный отвѣтъ вечеромъ въ будущую среду.

Мистриссъ Уэстерфильдъ овладѣла собой настолько, чтобы сообразить, въ какомъ положеніи были ея сердечныя дѣла. Во вторникъ истекалъ срокъ, требуемый для ея бракосочетанія, когда послѣднее могло состояться. Въ пятницу, курьерскій поѣздъ могъ доставить пассажировъ въ Ливерпуль, какъ разъ во-время, чтобы отплыть, въ субботу, на пароходѣ, отходящемъ въ Нью-Йоркъ. Сдѣлавъ этотъ расчетъ, она сердито спросила: — самой ли ей нужно явиться въ среду вечеромъ?

— Нѣтъ, оставьте мнѣ ваше имя и адресъ. Я самъ пришлю вамъ шифръ съ поясненіями, въ восемь часовъ.

Мистриссъ Уэстерфильдъ положила одну изъ своихъ визитныхъ карточекъ на конторку и ушла.

VIII. — Бриллианты.

Слѣдующая недѣля была недѣлей, полной событій.

Въ понедѣльникъ утромъ, мистриссъ Уэстерфильдъ и ея вѣрный Джемсъ впервые поссорились. Она взяла смѣлость напомнить ему, не пора ли одѣлать оглашеніе въ церкви и занять каюту на пароходѣ, для нея и для ея сына. Въмѣсто того, чтобы отвѣтить на эти два вопроса, Джемсъ спросилъ, какъ идутъ дѣла у эксперта.

— Открылъ ли старикъ, гдѣ спрятаны бриллианты?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ мы подождемъ, пока онъ откроетъ.

— Вы вѣрите въ мое слово?—рѣзко спросила она.

Джемсъ Бельбриджъ отвѣчалъ съ римскимъ лаконизмомъ:

— Нѣтъ.

Это было оскорбленіе, и мистриссъ Уэстерфильдъ показала, что она къ нему чувствительна. Она встала и указала ему на дверь.

— Убѣжайте въ Америку, когда вамъ вздумается,—сказала она,—и ищите деньги, которые вамъ нужны, гдѣ хотите.

И въ доказательство, что она говоритъ серьезно, она вынула кошку шифра изъ-за лифа и бросила ее въ огонь.

— Оригиналъ безопасенъ въ рукахъ моего старика, — сказала она:—ступайте!

Джемсъ всталъ съ подозрительной поворностью и выпелъ вонь. У него были свои собственныя соображенія.

Полчаса спустя, къ старику явился человекъ наглаго и разбойничьяго вида, какого онъ никогда до тѣхъ поръ не видалъ.

Иностранецъ объявилъ себя женихомъ мистриссъ Уэстерфильдъ и потребовалъ (не особенно вѣжливо), чтобы ему показали шифръ. Его спросили, принесъ ли онъ письменный приказъ отъ своей невѣсты. Мистеръ Бельбриджъ, опершись кулаками на письменный столъ, отвѣчалъ, что онъ пришелъ посмотрѣть шифръ самъ отъ себя, и непременно требуетъ, чтобы ему его немедленно показали. — „Позвольте мнѣ сначала показать вамъ нѣчто другое“, — былъ отвѣтъ, полученный имъ. — „Знаете ли вы, что такое заряженный пистолеть, сэръ, когда его вамъ покажутъ?“—Дуло пистолета приставлено было, въ трехъ дюймахъ разстоянія, къ большой головѣ бывшаго трактирнаго приказчика, въ то время, какъ онъ стоялъ, опершись на конторку. Впервые въ жизни онъ былъ захваченъ врасплохъ. Ему никогда не приходило въ голову, что оффи-

ціальному эксперту довѣряють такія тайны, которыя могутъ подвергнуть его опасности и заставить принять мѣры предосторожности. Нивакая сила убѣжденія не можетъ сравниться съ силой заряженнаго пистолета. Джемсъ вышелъ изъ комнаты, выразивъ свои чувства словами, которыя еще не нашли мѣста въ англійскомъ лексиконѣ.

Но у него было два достоинства, когда онъ былъ спокоенъ духомъ: онъ сознавалъ, что оставался въ дуракахъ, и понималъ цѣну брилліантовъ. Когда мистрисъ Уэстерфильдъ увидѣла его снова на слѣдующій день, онъ пришелъ съ повинной. Оглашеніе въ церкви было сдѣлано и каюта для нея занята на пароходѣ.

Когда ея дѣла были такимъ образомъ устроены къ ея вѣщшему удовольствію, мистрисъ Уэстерфильдъ могла принять мѣры для того, чтобы бросить бѣдную Силь. Особа, къ помощи которой она обратилась, была ея старшая, незамужняя сестра, содержавшая дешевую школу для дѣвочекъ въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій. Эта лэди, которую звали миссъ Унггеръ, уже раньше предлагала взять Сидъ и приготовить изъ нея школьную учительницу себѣ въ подмогу. — „Я буду содержать дѣвчонку, — обѣщала миссъ Унггеръ, — пока она не будетъ въ состояніи окупить свой столъ и квартиру, занимаясь съ моимъ младшимъ классомъ. Когда она совсѣмъ выростетъ, то можетъ замѣнить собой классную даму, и такимъ образомъ я сберегу деньги, которыя я ей плачу“.

На это предложеніе, оставшееся пока безъ отвѣта, мистрисъ Уэстерфильдъ отвѣчала сестрѣ согласіемъ. — „Пріѣзжай сюда, писала она, въ будущую пятницу, до двухъ часовъ, и увези съ собою Сидъ. — Постскриптумъ: въ четвергъ моя свадьба, а въ субботу я увѣжаю вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ въ Америку“.

Письмо было отправлено на почту, и материнскія тревоги (употребляя ея собственное выраженіе) были успокоены.

Въ среду вечеромъ, по мѣрѣ того, какъ стрѣлка приближалась къ восьми, безпокойство мистрисъ Уэстерфильдъ не давало ей сидѣть на мѣстѣ. Она безпрестанно отворала дверь гостиною, выбѣгала на лѣстницу и прислушивалась. Безъ пяти минутъ восемь, у двери раздался звонокъ. Она побѣжала по лѣстницѣ, чтобы отворить дверь. Но служанка, случайно бывшая въ сѣняхъ, уже сдѣлала это. Въ слѣдующую минуту дверь снова заперлась.

Кто-нибудь пришелъ? — спросила мистрисъ Уэстерфильдъ.

— Никого нѣтъ, сударыня.

Это было странно. Неужели старый негодяй ее обманулъ?

— Загляните въ ящикъ для писемъ, — сказала она служанкѣ.

Служанка повиновалась и нашла письмо. Мистриссъ Уэстерфильдъ разорвала конвертъ, стоя на лѣстницѣ. Въ немъ лежалъ клочокъ простой писчей бумаги. На немъ стоялъ переводъ шифра въ слѣдующихъ словахъ: „Помни нумеръ 12-й Норбеъ-Родъ Сентъ-Джонсъ-Вудъ. Ступай въ бесѣдку въ саду за домою. Отсчитай четвертую доску въ полу, начиная отъ правой стѣны при входѣ въ бесѣдку. Приподними доску. Поройся въ мусорѣ и найдешь брилліанты“.

Ни слова въ поясненіе этихъ строкъ. Оригиналь шифра не былъ возвращенъ. Странный старикъ заработалъ деньги, но не потребовалъ ихъ и ни словечка не написалъ, куда и какъ ихъ ему доставить! Самъ ли онъ принесъ это письмо? Во всякомъ случаѣ „онъ“ или его „посланный“ ушелъ прежде, нежели отворили дверь дома!

Внезапное подозрѣніе обдало ее холодомъ. Не укралъ ли онъ брилліанты? Она готова была послать за кѣбомъ и ѣхать въ нему на квартиру, когда пришелъ Джемсъ, тоже нетерпѣливо желавшій узнать, полученъ ли переводъ. Скрывъ свои подозрѣнія, она извѣстила его только, что переводъ въ ея рукахъ. Онъ тотчасъ же захотѣлъ взглянуть на него, а она отказалась показывать, пока не станетъ его женой.

— Положи стамеску въ карманъ, когда мы завтра отправимся въ церковь!— вотъ единственное, что онъ отъ нея услышалъ. Достойная чета до конца не довѣряла другъ другу.

На слѣдующее утро, въ одиннадцать часовъ, они были соединены узами брака; хозяинъ и хозяйка трактира, въ которомъ они когда-то служили, были единственными свидѣтелями. Дѣтямъ не позволили присутствовать при церемоніи. Выйдя изъ церкви, молодые немедленно отправились въ Сентъ-Джонсъ-Вудъ. Грязный печатный билетикъ на разбитомъ окнѣ возвѣщалъ, что домъ отдается въ наймы, и сердитаго вида женщина объявила имъ, что они могутъ, если хотятъ, видѣть комнаты. „Молодая“ была въ наилучшемъ расположеніи духа. Она показывала новобрачному примѣръ, какъ слѣдуетъ соблюдать приличіе, и осматривала запущенный домъ. Послѣ того кротко сказала женщинѣ, приставленной за нимъ глядѣть: „Нельзя ли намъ посмотрѣть и садъ?“

Женщина дала странный отвѣтъ на эту просьбу.— Вотъ это любопытно,— сказала она.— Джемсъ впервые вмѣшался въ дѣло.— Что любопытно?— грубо спросилъ онъ.

— Изъ всѣхъ праздныхъ людей, которые приходили сюда,— сказала она,— только двое пожелали видѣть и садъ.

Джемсъ повернулся на каблукахъ и пошелъ въ бесѣдку, предоставивъ женѣ продолжать съ женщиной разговоръ, или идти, какъ она хочетъ. Она пожелала продолжать его.

— Я, конечно, одна изъ этихъ двухъ? — спросила она: — кто же другой?

— Старикъ приходилъ въ понедѣльникъ.

Веселая улыбка новобрачной пропала.

— Какого вида этотъ человекъ?

Сердитая женщина стала еще сердитѣе.

— О, почему я знаю! какое-то животное, вотъ и все!

Животное? То самое слово, которымъ молодая миссисъ Бельбриджъ назвала эксперта, когда онъ ее рассердилъ. Подозрѣніе перешло въ ней почти въ увѣренность, когда она пошла за муржемъ въ садъ.

Джемсъ уже послѣдовалъ ея инструкціямъ и пустилъ въ ходъ стамеску. Вынутая доска лежала на полу. Обѣими большими руками онъ выгребалъ мусоръ, и черезъ нѣсколько минутъ тайное хранилище открылось. Они заглянули въ него и затѣмъ взглянули другъ на друга. Хранилище было пусто: брилліанты исчезли.

IX. — Мать.

Мистрисъ Бельбриджъ поглядѣла на мужа, приготовясь къ страшному взрыву ярости. Онъ стоялъ молча и туно глядѣлъ въ пространство. Ударъ совсѣмъ оглушилъ его тупую голову. На время онъ сталъ идиотомъ, безсловеснымъ, безвреднымъ и безпомощнымъ.

Она положила назадъ мусоръ и доску на старое мѣсто и подняла стамеску.

— Пойдемъ, Джемсъ, — сказала она: — приди въ себя.

Но бесполезно было говорить съ нимъ. Она взяла его подъ руку и повела къ кэбу, ожидавшему у дверей.

Извозчикъ, помогавшій усаживать его, увидѣлъ листовъ бумаги на переднемъ сидѣннѣ. Объявленія часто бросаются въ открытыя окна экипажа. Извозчикъ готовился выбросить бумажку, но мистрисъ Бельбриджъ взяла ее у него изъ рукъ.

— Это писанная бумажка. — При ближайшемъ разсмотрѣннѣ она увидѣла, что это письмо, адресованное ей. Корреспондентъ, должно быть, послѣдовалъ за нею въ церковь, а затѣмъ въ Сентъ-Джемсъ-Будъ. Онъ величалъ ее тѣмъ самымъ именемъ, которое она перемѣнила сегодня утромъ, при содѣйствіи церкви и закона.

Вотъ что она прочитала: „Не безпокойтесь, судариня, о брилліантахъ; вы ошиблись и обратились не къ тому человѣку, какъ думали“.

И больше ничего. Но достаточно, конечно, чтобы оправдать заключеніе, что онъ укралъ брилліанты. Стоило ли ѣхать въ нему на квартиру? Они, однако, попытались. Экспертъ уѣхалъ по дѣлу, и никто не могъ сказать, куда именно.

Въ пятницу утромъ, принесена была, по обыкновенію, газета. Къ величайшему удивленію мистриссъ Бельбриджъ, она разсѣяла всѣ ея подозрѣнія насчетъ покражи брилліантовъ. Въ газетѣ была напечатана слѣдующаго рода статья:

„Новое доказательство тому, что дѣйствительность бываетъ иногда удивительнѣе романа, получено въ Ливерпульѣ. Одна почтенная фирма судовоязевъ этого города получила странное письмо въ началѣ этой недѣли. Корреспондентъ, предвѣрая, что имѣеть сообщить о весьма важномъ обстоятельстве, изложилъ слѣдующее: одинъ изъ его пріятелей—не чуждый литературы—увидѣлъ у него на конторкѣ карточку одной лэди, которая напомнила ему объ одномъ уголовномъ дѣлѣ, возбужденномъ въ свое время большой интересъ въ публикѣ, а именно: процессъ капитана Уэстерфильда, обвиненнаго въ намѣренномъ крушеніи корабля, находившагося подъ его командой. Никогда не слыжавъ объ этомъ процессѣ, корреспондентъ, по совѣту своего пріятеля, прочиталъ его въ старыхъ газетахъ, и узнавъ впервые, что коллекція бразильскихъ брилліантовъ, принадлежавшихъ ливерпульской фирмѣ, не была найдена на кораблѣ людьми, отряженными для его спасенія, и осталась неоткрытой до сего времени. Событія, о которыхъ онъ долженъ умолчать (такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ нарушилъ бы довѣріе, оказанное ему, какъ эксперту), открыли ему о существованіи тайнаго хранилища, гдѣ, по всей вѣроятности, спрятаны брилліанты. Обстоятельства поставили его въ необходимость, какъ честнаго человѣка, опередить лицъ, которыя (какъ онъ полагалъ) намѣревались украсть драгоцѣнные камни. Поэтому онъ принялъ ихъ подъ свою охрану до тѣхъ поръ, пока они не будутъ признаны и потребованы ихъ настоящими владѣльцами. Обращаясь къ вышеупомянутымъ джентльменамъ, онъ поставилъ условіемъ, чтобы ихъ требованіе было сдѣлано письменно и адресовано ему подъ извѣстными буквами въ одну изъ лондонскихъ почтовыхъ конторъ. Если они признаютъ въ этихъ брилліантахъ свою собственность, то онъ лично передастъ ихъ безъ всякаго вознагражденія лицу, уполномоченному фирмою, и которое должно

явиться въ определенное мѣсто, въ известный день и часъ. Всѣ эти условія были исполнены, и необыкновенное свиданіе состоялось. Корреспондентъ, котораго описываютъ, какъ стараго и бѣдно-одѣтаго человѣка, исполнилъ свое обязательство и ушелъ, не дожидаясь, чтобы его поблагодарили. Справедливость требуетъ прибавить, что когда брилліанты были пересчитаны, то всѣ они оказались въ наличности“.

Несчастные, хотя справедливо-несчастные новобрачные! Украденное состояніе, на которое они рассчитывали, проскользнуло у нихъ между пальцевъ. Какты на пароходѣ, отправлявшемся въ Нью-Йоркъ, были заняты. Джемсъ женился на женщинѣ безъ всякаго приданаго, кромѣ обузы въ формѣ мальчишка. Вечеромъ, въ роковой день свадьбы, когда онъ опаматовался послѣ открытія, сдѣланнаго въ бесѣдкѣ, его первой мыслью было получить обратно деньги, уплаченныя за проѣздъ, и, бросивъ жену и пасынка, удрать въ Америку на французскомъ пароходѣ. Онъ отправился въ ковтуру англійскаго парохода и предложилъ продать съ уступкой мѣста, взятыя имъ. Но время года было для него невыгодное; пассажирское движеніе между Европой и Америкой было самое ничтожное, и доходы пароходовъ выручались только съ фрахтовъ. Если онъ броситъ жену, то долженъ также пожертвовать и деньгами. Другая альтернатива была (какъ онъ самъ выражался) и выжать лимонъ, и взять съ этой цѣлью свою новопріобрѣтенную фамилію въ Нью-Йоркъ“. Онъ еще не рѣшилъ, какъ поступить, когда вернулся домой, вечеромъ того дня, когда совершилось его бракосочетаніе.

Но, въ этотъ критическій моментъ своей жизни, новобрачная оказалась на высотѣ своего положенія.

Если она будетъ такъ безразсудна, что дозволить Джемсу слѣдовать своимъ естественнымъ наклонностямъ, то ее, по всей вѣроятности, ожидаютъ двѣ вещи: или онъ ее приберетъ до смерти, или броситъ. Единственное спасеніе ея, въ томъ или другомъ случаѣ, это—обуздать своего мужа. Въ его отсутствіе она благо-разумно вооружилась всѣми неотразимыми обольщеніями своего пола. Никогда еще не видѣлъ онъ ее такой разодртой, и никогда еще ея великолѣпные сѣрые глаза не смотрѣли на него съ такимъ выраженіемъ. Ощущенія, къ которымъ онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ, заполонили этого избитнаго человѣка: онъ выпучилъ глаза на жену въ безпомощномъ изумленіи. Этимъ неопѣненнымъ моментомъ слабости какъ разъ и воспользовалась новая мистриссъ Бельбриджъ. Дивясь собственному превращенію, Джемсъ

оказался на другое утро сентиментально - читающимъ газету, охвативъ рукой талию жены.

Съ утонченной жестокостью ни слова не было сказано, чтобы приготовить маленькую Сидъ къ ужасной переи́нѣ въ жизни, ожидавшей ее. Бѣдная дѣвочка видѣла приготовленія къ отъѣзду, и пыталась подражать матери въ укладкѣ вещей. Она собрала немногія принадлежности своего стараго и истрепаннаго костюма и понесла ихъ наверхъ, укладывая въ одинъ изъ разломанныхъ ящичковъ, стоящихъ на чердакѣ, когда за ней прислали служанку, чтобы привести ее обратно въ гостиную. Тамъ, на кушеткѣ, возсѣдала какая-то чужая дама, и тамъ же, причесавъ за стулъ, съ нескрываеомой антипатіей къ гостѣ, находился и ея маленький братъ, Родерикъ. Сидъ робко взглянула на свою мать, а та ей сказала: „вотъ твоя тетка“.

Наружность миссъ Унггеръ могла бы сбить съ толку самого Лафатэра, когда этотъ самоувѣренный человекъ писалъ свою фізіономистику. Какія бы душевныя свойства ни выражало ея лицо въ ту отдаленную эпоху, когда она была молода, теперь оно окончателно запыло жиромъ и, въ соединеніи съ зелеными очками, содержало въ непроницаемой тайнѣ добродѣтели (или пороки) этой женщины, до тѣхъ поръ, пока она не раскрывала рта. Но стоило ей только заговорить, и истина обнаруживалась. Никто изъ слышавшихъ ея голосъ ни минуты не сомнѣвался, что видитъ передъ собой злую женщину.

— Сдѣлай книксенъ, дѣвочка, — сказала миссъ Унггеръ. Природа дала ей такой голосъ, что если бы не ея юбки, то ее непремѣнно приняли бы за мужчину.

Дѣвочка повиновалась, дрожа.

— Ты поѣдешь со мной, — продолжала школьная учительница, — и я сдѣлаю изъ тебя человека.

Сидъ, повидимому, не могла взять въ толкъ судьбу, которую ей готовили. Она искала утѣхища у своей безжалостной матери.

— Я поѣду съ вами, мама, — сказала она: — съ вами и съ Рикомъ.

Мать взяла ее за плечи и толкнула къ теткѣ.

Ребенокъ съ ужасомъ глядѣлъ на страшную женщину въ зеленыхъ очкахъ и съ мужскимъ голосомъ.

— Ты теперь моя, — сказалъ миссъ Унггеръ, и я возьму тебя съ собой. — При этихъ страшныхъ словахъ маленькая Сидъ задрожала съ головы до ногъ. — Она упала на колѣни съ крикомъ, который могъ бы тронуть и дикаря: — О, мама, мама, не бросайте меня!

Ея мать была себялюбивая и жестокая женщина, какую только можно себя представить, но и ея черствая душа дрогнула. Румяныя щеки поблѣднѣли. Она колебалась.

Миссъ Унгеръ замѣтила (сквозь свои зеленныя очки) материнскую нерѣшительность и убѣдилась, что пора ей выступить въ роли опытной воспитательницы юношества.

— Предоставь ее мнѣ, — сказала она сестрѣ: — ты никогда не умѣла и никогда не будешь умѣть обращаться съ дѣтьми.

Она выступила впередъ. Дѣвочка съ крикомъ бросилась на полъ. Длиныя руки миссъ Унгеръ схватили ее, подняли и принялись трясти. — „Молчи, молчи, дрянная дѣвчонка!“ — Но эта рекомендація была излишня. Маленькая кудрявая головка Сидъ безпомощно упала на плечо школьной учительницы. Сидъ была увезена въ изгнаніе безъ слова и безъ крика. Она была въ обморокѣ.

Х. Школа.

Время тихо движется, когда томительная жизнь проходить въ скучномъ мѣстѣ.

Годъ за годъ чередовался, нивѣмъ не признанный и не празднуемый, день рожденія Сидни Уэстерфильдъ, въ продолженіе шести-лѣтней мученической жизни въ школѣ. Въ этотъ долгій промежутокъ времени никакихъ извѣстій о матери, братѣ или отчимѣ не доходило до нея. Она не получала писемъ и никакихъ вѣстей. Безъ друзей и безъ всякихъ надеждъ въ жизни, дочь Родерика Уэстерфильда была — въ печальнѣйшемъ смыслѣ этого слова — одинока на бѣломъ свѣтѣ.

Стрѣлка на безобразныхъ старыхъ часахъ въ классѣ подвигалась въ тому часу, когда оканчивались утреннія занятія. Томительно ожидая минуты освобожденія, ученицы обрадованы были совершенно небывалымъ въ ихъ жизни событіемъ. Служанка дерзко просунула голову въ дверь и перебила миссъ Унгеръ, преподававшую школьную мудрость первому классу.

— Извините, миссъ. Пришелъ какой-то джентльменъ!... — но ее перебилъ грозный голосъ учительницы:

— Вѣдь я, кажется, запретила вамъ разъ навсегда соваться сюда во время класса. Убирайтесь!

Закаленная вѣчною бранью, которая сыпалась на нее съ утра до ночи, служанка храбро выдержала натискъ и не лишилась употребленія языка.

— Въ гостиной дожидается джентльменъ.

Миссъ Унгтеръ пыталась снова перебить ее.

— И вотъ его карточка, — завопила она такимъ голосомъ, что покрыла голосъ своей барыни.

Будучи простой смертной, школьная учительница была доступна проявленіямъ любопытства. Она вырвала карточку изъ рукъ дѣвушки.

„Мистеръ Гербертъ Линлей, Моунтъ-Морвенъ, Пертширъ“.

— Я не знаю этого человѣка, — объявила миссъ Унгтеръ. — Дрянъ ты этакая! ты впустила какого-нибудь вора въ домъ!

— Это джентльменъ, а не воръ, — отрѣзала служанка.

— Молчи!.. Чтѣ онъ меня спрашивалъ? — Что, ты не слышишь, что тебѣ говорить?

— Вы велѣли мнѣ молчать. Нѣтъ, онъ васъ не спрашивалъ.

— Такъ кого же ему нужно видѣть?

— Это стоитъ на его карточкѣ.

Миссъ Унгтеръ снова поглядѣла на карточку и увидѣла (написанныя карандашемъ) слѣдующія слова: — „чтобы видѣть миссъ С. У“.

Содержательница школы тотчасъ взглянула на миссъ Уэстерфильдъ. Миссъ Уэстерфильдъ встала съ своего мѣста.

Ученицы, удивленные такимъ смѣлымъ поступкомъ, уставились на учительницу — своего естественнаго врага, — на обязанности которой лежало пичкать ихъ скучными свѣденіями изъ ненавистныхъ книгъ. Мать-природа предназначала ученицѣ быть красавицей и побѣдительницей сердецъ мужчинъ всѣхъ вѣсовъ и возрастовъ. Но Сидни Уэстерфильдъ не даромъ прожила шесть мучительнѣйшихъ лѣтъ въ земномъ аду, содержимомъ миссъ Унгтеръ подъ названіемъ школы. Всякая красота, за исключеніемъ глазъ и волосъ, устоявшихъ въ этой жестокой борьбѣ, была убита въ зародышѣ жестокимъ обращеніемъ ея тетки. Щеки ея провалились. Красивыя губы были блѣдны. Жалкое платьишко висѣло точно на вѣшалкѣ. Наблюдательныхъ людей, встрѣчавшихъ ее, когда она гуляла съ дѣвочками, поражали ея темныя кроткіе глаза и терпѣливая печаль, выразившаяся на лицѣ.

— Какая жалость! — говорили они другъ другу: — она была бы хорошенькой дѣвушкой, если бы не казалась такой несчастной и не была бы такъ худа.

Сраженная дерзостью своей ученицы, которая смѣла встать съ мѣста, прежде чѣмъ распущенъ классъ, миссъ Унгтеръ, прежде всего, заявила свой авторитетъ въ двухъ словахъ: — „Извольте сѣсть“.

— Я хочу объяснить вамъ...

— Извольте сѣсть.

— Позвольте, миссъ Унгеръ, мнѣ объяснить вамъ...

— Сидни Уэстерфильдъ, вы подаете самый дурной примѣръ вашему классу. Я сама поговорю съ этимъ человѣкомъ. Извольте сѣсть!

И безъ того блѣдная, Сидни еще болѣе поблѣднѣла. Она повиновалась начальницѣ, въ великому удовольствію ученицъ. Безъ десяти минутъ двѣнадцать, ученицъ отпускали въ рекреационную залу, въ ожиданіи, пока накроютъ на столъ.

Тѣмъ временемъ, миссъ Унгеръ вошла въ свою гостиную. Едва кивнувъ головой, она взглянула на незнакомца сквозь зеленныя очки. Но даже и при этихъ невыгодныхъ для него условіяхъ незнакомецъ производилъ впечатлѣніе несомнѣннаго джентльмена. Служанка не ошиблась въ своей оцѣнкѣ. Мистеръ Гербертъ Линлей былъ настолько хорошо воспитанъ, что могъ скрыть всякое внѣшнее проявленіе, которое долженъ былъ испытывать, очутившись лицомъ къ лицу съ страшной особой, вошедшей въ комнату.

— Что вамъ угодно?—спросила миссъ Унгеръ.

Мужчины, животныя, зданія—старѣются съ годами и подчиняются своей тяжелой участи. Но время остается въ дуракахъ, если вздумаетъ сказать женщинѣ, что она тоже состарилась. Гербертъ Линлей сдѣлалъ поспѣшное заключеніе, что „молодая особа“, въ которой онъ пришелъ съ визитомъ, окажется молодой въ букввальномъ смыслѣ этого слова. Когда онъ и миссъ Унгеръ очутились лицомъ къ лицу, то, если бы дверь не была заперта, онъ съ удовольствіемъ бы ушелъ.

— Я взялъ смѣлость явиться,—сказалъ онъ:—по поводу объявленія... Позвольте узнать...—Онъ замолкъ и вынулъ газету изъ кармана своего пальто:—Я имѣю честь говорить съ той особой, о которой здѣсь упоминается?

Онъ развернулъ газету и указалъ на объявленіе.

Глаза миссъ Унгеръ остановились не на указанномъ мѣстѣ, а на перчаткѣ, обтягивавшей руку посѣтителя. Она сидѣла съ такимъ совершенствомъ, что наводила на мысль, что была спита по заказу. Онъ вѣжливо указалъ опять на объявленіе. Миссъ Унгеръ не обращая вниманія на газету, уставилась очками въ окно и увидѣла прекрасный экипажъ, ожидавшійся у дверей. (Деньги, очевидно, водились въ карманѣ посѣтителя, щеголявшаго въ такихъ чудныхъ перчаткахъ.) Съ невозмутимымъ терпѣніемъ Линлей указалъ въ третій разъ на объявленіе, и миссъ Унгеръ,

наконецъ, удостоила обратить на него вниманіе. Она прочитала объявленіе:

„Молодая особа желаетъ заняться воспитаніемъ маленькой дѣвочки. Будучи неопытной и занимавшись лишь въ качествѣ младшей учительницы въ школѣ, она предлагаетъ себя на испытаніе, предоставляя своимъ нанимателямъ уплатить ей такое жалованье, какого они сочтутъ ее достойной, если она получитъ постоянное мѣсто. Обратиться письменно къ С. У. 14, Дельта-Гарденсъ, Н. Е.“.

— Какая дерзость!—сказала миссъ Унгтеръ.

Мистеръ Линлей съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Повторяю: какая дерзость!—продолжала миссъ Унгтеръ.

Мистеръ Линлей попытался умиротворить эту страшную женщину.

— Право, это очень глупо съ моей стороны, но я боюсь, что не совсѣмъ понимаю васъ.

— Одна изъ моихъ учительницъ напечатала это объявленіе и дала мой адресъ, не посоветовавшись со мной. Понимаете ли вы меня теперь, сэръ?

Она опять поглядѣла на карету, когда назвала его: „сэръ“.

При всей своей сдержанности, Линлей не могъ скрыть удовольствія на своемъ просвѣтлѣвшемъ лицѣ, когда онъ открылъ, что особа, напечатавшая объявленіе, и особа, пугавшая его, были два разныхъ лица.

— Поняли ли вы меня теперь?—повторила миссъ Унгтеръ.

— Совершенно, сударыня. Но въ то же время—боюсь,—я долженъ сознаться, что объявленіе произвело на меня благопріятное впечатлѣніе.

— Не могу понять, почему,—замѣтила миссъ Унгтеръ.

— А потому, что въ этомъ объявленіи есть извѣстнаго рода искренность и прямота. Особа, предлагающая въ немъ свои услуги, повидимому, чрезвычайно скромна и внимательна къ чужимъ интересамъ. Я надѣюсь, что вы позволите мнѣ...—Но прежде, нежели онъ успѣлъ договорить: „видѣть эту молодую особу“,—дверь отворилась: молодая особа вошла въ комнату.

Не она ли—авторъ объявленія? Онъ былъ увѣренъ, что она, и только потому, что съ той минуты, какъ онъ взглянулъ на нее, она его заинтересовала. Самъ Линлей удивлялся этому интересу. Ничто въ дѣвушкѣ не могло вызвать его восхищенія: блѣдное, жалкое, хотя и юное созданіе, стоявшее у двери съ покорнымъ видомъ, могло возбудить только жалость. Бѣдная учительница заставила его вспомнить о счастливой, хорошенькой его женѣ, дождавшейся

его дома, и о хорошенькой маленькой дѣвочкѣ, его балованной дочкѣ. Онъ поглядѣлъ на Сидни Уэстерфильдъ съ искреннимъ состраданіемъ, которое дѣлало честь имъ обоимъ.

— Какъ вы смѣли сюда придти?—спросила миссъ Унггеръ.

Она отвѣчала криво, но не застѣнчиво. Тонъ, которымъ директриса школы заговорила съ ней, очевидно, не испугалъ ея.

— Я желала узнать,—отвѣчала она:—не угодно ли этому джентльмену видѣть меня, по случаю моего объявленія.

— Ваше объявленіе? — повторила миссъ Унггеръ: — миссъ Уэстерфильдъ, какъ смѣете вы просить о мѣстѣ, черезъ газету, безъ моего позволенія?

— Я дожидалась, прежде чѣмъ сообщить вамъ о томъ, что я сдѣлала,—будетъ ли отвѣтъ на мое объявленіе, или нѣтъ.

Она говорила такъ же спокойно, какъ и передъ тѣмъ, подчиняясь надменному авторитету директрисы, но съ твердостью, замѣчательной во всякой дѣвушкѣ, а тѣмъ болѣе въ такой, которая выдавала свою чувствительную натуру. Линлей подошелъ къ ней и сказалъ ей нѣсколько добрыхъ словъ, прежде нежели миссъ Унггеръ успѣла въ третій разъ проявить свою власть.

— Я боюсь, что сдѣлалъ неловкость, отвѣтивъ лично, а не письменно, на ваше объявленіе. Въ свое оправданіе я могу только сказать, что не имѣю времени переписываться; я живу въ Шотландіи, и долженъ сегодня же вечеромъ вернуться домой, съ курьерскимъ поѣздомъ.

Онъ умолялъ. Она глядѣла на него. Поняла ли она его?

Да, она поняла его. Впервые, за всѣ тяжкіе годы своей школьной жизни, она увидѣла взглядъ, выразившій симпатію къ ней. Несмотря на стоицизмъ, который долженъ былъ выработаться въ ней, благодаря материнскому пренебреженію и ежедневному преслѣдованію безжалостной тетки, она не выдержала перваго ласковаго взгляда отъ посторонняго человѣка. Голова ея опустилась! она вся задрожала съ головы до ногъ, и нѣсколько слезъ скатились изъ глазъ на жалкое платье. Она отчаянно пыталась сдерживать слезы.— „Извините, сэръ,—вотъ все, что она могла сказать:—я чувствую себя не очень хорошо“.

Миссъ Унггеръ хлопнула ее по плечу и сказала, указывая на дверь:

— Достаточно ли вы чувствуете себя хорошо, чтобы выйти вонъ?

Линлей повернулся къ извергу съ лицомъ, на которомъ боролось изумленіе съ отвращеніемъ.

— Боже мой! — сказалъ онъ: — чѣмъ же она заслужила такое обращеніе?

Ротъ миссъ Унггеръ раздвинулся до ушей, а лобъ открылся морщинами.

Говоря по-просту, безъ затѣй: — директриса разсмѣялась.

Когда мужчинѣ важно узнать настоящій характеръ женщины, на примѣръ, когда онъ думаетъ на ней жениться, — то единственный шансъ для него составить вѣрно о ней понятіе, это видѣть, какъ она сердится: если она въ такомъ случаѣ разгорячится, то онъ можетъ думать, что добрыя качества у нея превышаютъ недостатки. Если же, напротивъ того, она проявитъ необыкновенную сдержанность, то это — дурной знакъ, и пусть онъ это наматаетъ себѣ на усъ.

Въ настоящемъ случаѣ, миссъ Унггеръ побѣдила своею сдержанностью Герберта Линлея.

— Если бы вы были спокойнѣе, — отвѣчала она: — то я бы сказала, что не позволю вамъ превращать мой домъ въ контору для найма гувернантокъ. Но такъ какъ вы, я вижу, раздражены, то просто напоминаю вамъ, что ваша карета стоитъ у дверей.

Онъ сдѣлалъ единственное, что ему оставалось, — взялъ шляпу.

Сидни повернулась, чтобы выйти изъ комнаты. Онъ отворилъ ей дверь: — „Не унывайте! — шепнулъ онъ ей, когда она проходила мимо него: — вы услышите обо мнѣ“. — Сказавъ это, онъ поклонился директрисѣ. Миссъ Унггеръ знакомъ остановила его. Онъ подождалъ, удивляясь, что такое она собирается сдѣлать. Она позволила.

— Вы въ домѣ лэди, — объяснила она: — моя горничная провожаетъ посѣтителей, когда они уходятъ.

Въ комнатѣ послышался слабый запахъ мыла. Служанка появилась, вытирая мокрыя руки о передникъ.

— Проводи!.. Мое почтеніе!.. — были послѣднія слова миссъ Унггеръ.

Оставляя домъ, Линлей сунулъ золотую монету въ руку служанки.

— Я напишу миссъ Уэстерфильдъ; постарайтесь, чтобы она получила мое письмо.

— Будьте спокойны!

Его удивила готовность, съ которою дѣвушка отвѣчала ему. Не будучи тщеславнымъ человѣкомъ, онъ не подозрѣвалъ, какую цѣнность придавали его подарку его добрые темные глаза, его привѣтливыя манеры и свѣтлая улыбка. Красивый мужчина былъ осьмымъ чудомъ свѣта въ школѣ миссъ Унггеръ.

У первой табачной лавочки онъ остановилъ вaretу, вышелъ и написалъ письмо.

„Я буду очень радъ, если мнѣ можно будетъ предложить вамъ болѣе счастливое существованіе, нежели то, которое вы ведете теперь. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ этомъ. Сблаговолите прислать мнѣ адресъ вашихъ родителей, если они живутъ въ Лондонѣ, или кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, съ кѣмъ бы я могъ условиться объ испытаніи васъ въ качествѣ гувернантки моей маленькой дѣвочки. Я жду вашего отвѣта по сосѣдству. Если же что-нибудь помѣшаетъ вамъ отвѣтить мнѣ тотчасъ же, то я прилагаю адресъ отеля, въ которомъ остановился, чтобы вы мнѣ могли телеграфировать, прежде нежели я уѣду изъ Лондона“.

Мальчикъ изъ табачной лавочки, вдохновленный надеждой на полукрону, мигомъ слеталъ въ школу и вернулся съ отвѣтомъ:

„У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, и мнѣ только-что отказали отъ моего мѣста въ школѣ. Не имѣя никакихъ рекомендацій, я не могу воспользоваться вашимъ великодушнымъ предложеніемъ. Не облегчите ли вы мнѣ моего разочарованія позволеніемъ увидѣть васъ, всего лишь на нѣсколько минутъ, въ вашемъ отелѣ? Повѣрьте, сэръ, что я не забываю при этомъ то, къ чему меня обязываетъ уваженіе къ вамъ и къ самой себѣ. Я прошу позволенія объяснить вамъ, что я не вполне недостойна того участія, которое вы оказали мнѣ. С. У.“

Въ такихъ печальныхъ выраженіяхъ Сидни Уэстерфильдъ извѣщала своего новаго знакома, что воспитаніе ея окончено.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мы должны познакомиться съ мистриссъ Прести.

Недалеко отъ истоковъ знаменитой рѣки, которая вытекаетъ изъ горъ, возвышающихся между Лохъ-Катрейнъ и Лохъ-Ломондъ и раздѣляющихъ горную Шотландію отъ низменной, — туристы подъѣзжаютъ къ почтеннымъ сѣрымъ стѣнамъ Моунтъ-Морвена и, взглянувъ въ своего путеводителя, просятъ позволенія осмотрѣть замокъ.

Въ первомъ этажѣ помѣщаются внутренніе апартаменты владѣльцевъ замка. Большія сѣни, съ ихъ оригинальнымъ очагомъ,

и старинные покои нижняго этажа охотно показываються посѣтителѣмъ. Образованные путешественники высказываютъ разнообразныя мнѣнія о фамилныхъ портретахъ и рѣзныхъ потолкахъ. Необразованные—не утруждаютъ себя критикой. Но тѣ и другіе находятъ, что замокъ похожъ на крѣпость, и дивятся, какъ можно жить въ такомъ домѣ. Между тѣмъ, если бы они прошли во внутренніе апартаменты перваго этажа, то увидѣли бы весьма комфортабельные и по новѣйшему отдѣланные покои. Если бы ихъ ввели, на примѣръ, въ гостиную мистриссъ Линлей, они увидѣли бы весьма покойное, широкое кресло и въ немъ—пожелую, весьма обширныхъ размѣровъ лэди, которая не только спитъ, но и храпитъ, съ раскрытой книгой на колѣняхъ. Женатые мужчины среди туристовъ немедленно узнали бы въ ней тещу и на ципочкахъ выбрались бы изъ комнаты.

Лэди, на которую литература подѣйствовала такимъ снотворнымъ образомъ, была довольно значительная особа въ домѣ: мать хозяйки дома, мистриссъ Линлей—замѣчательная, съ другой стороны, тѣмъ, что была два раза замужемъ и пережила обоихъ мужей. Первый изъ этихъ джентльменовъ, достопочтенный Джозефъ Норманъ, былъ членъ парламента. Мистриссъ Линлей была его единственною дочерью. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, оставивъ своей красивой вдовѣ (которая была настолько моложе его, что годилась ему въ дочери, о чемъ она охотно упоминала) хорошее состояніе, такъ что она казалась завидной невѣстой для холостыхъ джентльменовъ, восхищавшихся крупными размѣрами женщинъ съ туго набитымъ кошелькомъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, мистриссъ Норманъ приняла предложеніе самаго некрасиваго и скучнаго человѣка изъ всѣхъ своихъ поклонниковъ. Почему она сдѣлалась женою мистера Прести (извѣстнаго въ коммерческихъ кругахъ торговца, обогатившагося продажей уксуса), она сама не была въ состояніи объяснить. Почему она оплакивала его со слезами искренней печали, когда онъ умеръ послѣ двухъ лѣтъ совмѣстной жизни, была тайна, удивлявшая ея ближайшихъ друзей и знакомыхъ. И почему, когда она предавалась (слишкомъ часто) воспоминаніямъ о своей прежней жизни, она ставила на одинъ уровень ничѣмъ незамѣчательнаго мистера Прести съ замѣчательнымъ мистеромъ Норманъ—былъ секретъ, котораго она никому не отрывала. Въ безпристрастныхъ разсказахъ вдовы характеры обоихъ мужей, въ силу контраста, представляли идеальныя мужей, то-есть: пороки мистера Нормана были добродѣтелями мистера Прести, а пороки мистера Прести—были добродѣтелями мистера Нормана.

Вернувшись въ гостиную, послѣ того какъ уложила спать свою дочку Китти, мистриссъ Линлей увидѣла, что мать ея спитъ, а книга готова сватиться съ ея колѣнъ, и прежде, нежели она успѣла ее подхватить, книга шлепнулась на полъ; мистриссъ Прести преснулась.

— О, мама, какъ мнѣ жаль! Я не успѣла подхватить книгу!

— Не бѣда, моя душа. Я опять засну, если начну читать этотъ романъ.

— Развѣ онъ такъ скученъ?

— Скученъ?!—повторила мистриссъ Прести:—ты, очевидно, незнакома съ новой литературной школой. Новая школа надѣляетъ публику успокоительными романами.

— Вы говорите серьезно, мама?

— Серьезно. Совершенно серьезно и съ благодарностью. Эти новые писатели очень пріятны для старухъ. Ихъ романы не разстроиваютъ нервовъ; въ нихъ нѣтъ ни неприличныхъ характеровъ, которые могли бы возмущать насъ, ни драматическихъ положеній, чтобы путать искусное описаніе деталей (какъ говорятъ критики въ журналахъ), и мастерской разборъ человѣческихъ мотивовъ, который... ну, я знаю, что я хочу сказать, моя душа, только не умѣю этого объяснить.

— Я думаю, что я это понимаю, мама. Мастерской разборъ человѣческихъ мотивовъ, который, самъ по себѣ, возбуждаетъ сонъ. Нѣтъ, я не прошу у васъ этого романа, — я еще не хочу спать. Я думаю о томъ, что дѣлаетъ Гербертъ въ Лондонѣ.

Мистриссъ Прести поглядѣла на часы.

— Твой мужъ больше не въ Лондонѣ, — объявила она: — онъ находится на обратномъ пути. Дай-ка мнѣ сюда „Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ“, и я сважу тебѣ, въ которомъ часу онъ пріѣдетъ сюда завтра. Ты можешь мнѣ повѣрить, потому что я никогда не ошибаюсь. Необыкновенная опытность мистера Прести послужила мнѣ въ пользу: я — единственное лицо въ домѣ, которое умѣетъ разобратся въ путаницѣ нашихъ желѣзно-дорожныхъ расписаній. Твой бѣдный отецъ, мистеръ Норманъ, никогда не могъ понять никакихъ расписаній и никогда не пытался скрыть своей безтолковости. У него совсѣмъ не было того тщеславія (невиннаго, разумѣется, тщеславія), которое заставляло бѣднаго мистера Прести высказывать самоувѣренно мнѣніе о такихъ предметахъ, въ которыхъ онъ ничего не смыслилъ, какъ, на примѣръ, картины и музыка... Что вамъ нужно, Малькольмъ?

Слуга, къ которому обращенъ былъ этотъ вопросъ, — отвѣчалъ:

— Телеграмма, сударыня.

Мистриссъ Линлей оттолкнула телеграмму, которую подалъ было ей слуга. Она была очень сдержанная особа, а потому чувство страха, внезапно охватившее ее, выразилось только блѣдностью.

— Что-нибудь случилось, — проговорила она слабымъ голосомъ: — какое-нибудь несчастье на желѣзной дорогѣ.

Мистриссъ Прести распечатала телеграмму.

— Если бы ты была женою члена кабинета, — сказала она своей дочери, — ты бы такъ привыкла къ телеграммамъ, что не боялась бы ихъ. Мистеръ Прести (который получалъ свои телеграммы въ конторѣ) несправедливо относился къ памяти моего перваго мужа. Онъ порицалъ мистера Нормана за то, что тотъ давалъ мнѣ читать свои телеграммы. Но въ натурѣ мистера Прести было много поэзіи, которой недоставало въ характерѣ мистера Нормана. Онъ считалъ женщинъ ангелами, и думалъ, что телеграммы и все дѣловое недостойны нашего призванія. Я, собственно говоря, хорошенъко не понимаю, въ чемъ заключается наше призваніе?..

— Мама, мама, Гербертъ раненъ?

— Глупости и пустяки! Никто не раненъ и никакого несчастья не случилось.

— Такъ почему же онъ телеграфируетъ мнѣ?

До сихъ поръ мистриссъ Прести только мелькомъ взглянула на телеграмму. Теперь она внимательно прочитала ее; лицо ея выразило мрачное недовѣріе; она покачала головой.

— Прочитай сама и припомни, что я говорила тебѣ, когда ты поручила мужу найти для моей внучки гувернантку. Я говорила тебѣ: ты не знаешь мужчинъ, какъ я ихъ знаю; я надѣюсь, что тебѣ не придется въ этомъ раскаяться.

Мистриссъ Линлей слишкомъ любила своего мужа, чтобы оставить это замѣчаніе безъ отвѣта.

— Почему мнѣ не довѣрять ему? — сказала она. — Онъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ въ Лондонъ, и это былъ отличный случай, чтобы нанять гувернантку.

Мистриссъ Прести только рукой махнула на такую слабую защиту и проговорила съ достоинствомъ:

— Прочитай телеграмму и суди сама.

Мистриссъ Линлей читаетъ:

„Я нанялъ гувернантку. Она поѣдетъ въ одномъ поѣздѣ со мной. Считаю нужнымъ предупредить тебя, что ты увидишь особу, какой не ожидала. Она очень молода и очень неопытна; совсѣмъ не похожа на обыкновенный типъ гувернантки. Когда ты

услышишь, какому жестокому обращенію подвергалась бѣдная дѣвушка, то, я увѣренъ, пожалѣешь ее, какъ и я“.

Мистриссъ Линлей съ улыбкой положила телеграмму.

— Бѣдный, милый Гербертъ!—нѣжно проговорила она: — мы уже восемь лѣтъ какъ женаты, а онъ все еще боится, что я буду его ревновать. Мама, отчего у васъ такое серьезное лицо?

Мистриссъ Прести беретъ телеграмму изъ рукъ дочери и читаетъ отрывки изъ нея съ негодующей высокопарностью въ голосѣ и манерахъ: „...ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ съ нимъ!.. Очень молада и очень неопытна!.. Онъ жалѣетъ ее!.. Я знаю мужчинъ, Катерина, я знаю!“

II.

Мистеръ Гербертъ Линлей прибылъ домой на слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ. Мистриссъ Линлей, сбѣжавъ въ нему навстрѣчу, увидѣла мужа одного, безъ всякой спутницы.

— Гдѣ гувернантка?—спросила она, поздоровавшись съ нимъ.

— Отправилась спать, бѣдняжка. Я поручилъ экономкѣ провести ее въ комнату, — отвѣчалъ Линлей.

— Что-нибудь заразительное, мой милый Гербертъ?—освѣдомилась мистриссъ Прести, появляясь въ дверяхъ столовой.

Линлей отвѣчалъ женѣ, а не тещѣ.

— Ничего серьезнаго, Катя. Просто устала отъ дороги. Мнѣ пришлось чуть не вынуть ее изъ кареты.

Мистриссъ Прести слушала съ величайшимъ интересомъ.

— Какая оригинальная гувернантка! — проговорила она: — Могу я узнать, какъ ее зовутъ?

— Сидни Уэстерфильдъ.

Мистриссъ Прести взглянула на свою дочь и улыбнулась сатирически. Мистриссъ Линлей съ упрекомъ замѣтила:

— Я надѣюсь, что вы не находите ничего дурного въ этомъ имени?

— У меня нѣтъ никакого мнѣнія въ этомъ случаѣ. Я не вѣрю, что это ея имя.

— О, мама, неужели вы подозреваете, что она явилась къ намъ подъ ложнымъ именемъ?

— Душа моя, я ни минуты въ этомъ не сомнѣваюсь. Могу я сдѣлать еще одинъ вопросъ, — продолжала старая леди, обращаясь къ Линлею: — это вамъ рекомендовалъ миссъ Уэстерфильдъ?

— Нѣто.

Мистриссъ Прести вскочила съ мѣста съ живостью молодой особы.

— Послѣдуй моему примѣру,—сказала она дочери:—и запри ящикъ съ твоими браслетами и серьгами!

Линлей вздохнулъ съ облегченіемъ, когда остался наединѣ съ женой.

— Отчего твоя мать такая непріятная сегодня? — спросилъ онъ.

— Она недовольна тѣмъ, что я предоставила тебѣ выбрать гувернантку для Китти.

— А гдѣ же Китти?

— Катается на пони... Но зачѣмъ ты прислалъ мнѣ телеграмму, Гербертъ, съ объясненіями насчетъ гувернантки? Неужели ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что я могу приревновать тебя къ миссъ Уэстерфильдъ?

Линлей расхохотался.

— Нѣтъ, такой идеи мнѣ и въ голову не приходило. Я знаю, что ты не изъ ревнивыхъ.

— Я, вонечно, не раздѣляю всего того, что говоритъ мать, — продолжала она:—но какъ ты рѣшился пригласить миссъ Уэстерфильдъ безъ всякой рекомендаціи?

— Или я очень ошибаюсь,—отвѣчалъ Линлей:—или ты сама поступила бы точно такъ же на моемъ мѣстѣ. Если бы ты видѣла эту ужасную женщину, которая преслѣдовала и оскорбляла ее...

Жена перебила его.

— Но какъ все это случилось Гербертъ? Кто первый представилъ тебѣ миссъ Уэстерфильдъ?

Линлей рассказалъ про объявленіе и описалъ свое посѣщеніе школы. Затѣмъ, объяснивъ, что миссъ Уэстерфильдъ сдѣлала ему лично визитъ, онъ рассказалъ въ общихъ чертахъ то, что она передала ему о печальной судьбѣ и кончинѣ своего отца. Заинтересовавшись всѣмъ, что слышала, мистриссъ Линлей требовала дальнѣйшихъ подробностей, но онъ предложилъ ей обратиться къ самой миссъ Уэстерфильдъ.—А теперь,—продолжалъ Линлей:—я хотѣлъ бы узнать, чтѣ дѣлается у насъ въ домѣ. Я до сихъ поръ не видѣлъ брата. Гдѣ Рандаль?

— Онъ отправился на ферму. Мы ожидаемъ его сегодня назадъ. Ахъ, Гербертъ, какъ мы много обязаны твоему брату! Право, его доброта безгранична. Послѣдняя изъ нашихъ бѣдныхъ горныхъ фамилій, эмигрировавшихъ въ Америку, получила отъ Рандала деньги на проѣздъ. Жена фермера написала мнѣ объ этомъ.

Мистриссъ Линлей продолжала передавать о всѣхъ событіяхъ мѣстнаго интереса, когда колоколь перебилъ ее, пробивъ часть дѣтскаго обѣда.

— Но отчего нѣтъ до сихъ поръ Китти?—Мистриссъ Линлей встала и позвонила въ колокольчикъ. Въ эту минуту, какъ разъ, дверь растворилась въ корридоръ, и показалась Китти, державшая за руку Сидни Уэстерфильдъ, которая застѣнчиво не рѣшалась войти въ комнату.

— Вотъ она, мама!—закричала дѣвочка: —но, кажется, она васъ боится. Помогите мнѣ втащить ее въ комнату.

Мистриссъ Линлей пошла на-встрѣчу гувернантѣ съ той неотразимой граціей и добротой, которыя очаровывали всѣхъ ея новыхъ знакомыхъ.

— О, мы уже подружились, — сказала Китти: — Сидъ мнѣ понравилась, а я понравилась Сидъ. Представьте себѣ, что она жила въ Лондонѣ съ злой барыней, которая не давала ей ѣсть сколько слѣдуетъ. Посмотрите, какая я добрая дѣвочка: я уже начала ее кормить.

Китти вынула изъ кармана коробочку съ конфетами и подала ее гувернантѣ, хлопнувъ по крышкѣ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ нюхальщикъ, подавая табакерку пріятелю.

— Милое мое дитя, ты не должна такъ говорить съ миссъ Уэстерфильдъ,—сказала мистриссъ Линлей:—пожалуйста, извините ее,—обратилась она съ улыбкой къ Сидни:—Я боюсь, что она очень надоѣдала вамъ въ классной.

Молчаливый отвѣтъ Сидни тронулъ материнское сердце: она поцѣловала своего маленькаго друга.

— Я надѣюсь, что вы позволите ей называть меня Сидъ,—кратко сказала она:—это напоминаетъ мнѣ о счастливомъ времени моей жизни.

Голосъ измѣнилъ ей; она не могла ничего больше сказать. Китти объяснила за нее, съ видомъ взрослой особы, ободряющей ребенка:

— Я знаю все, мама. Она говоритъ о томъ времени, когда былъ живъ ея папа. Папа ея умеръ, когда она была такой же маленькой, какъ я. Я ей не мѣшала; я только попросила позволенія посидѣть у нея на кровати. Она позволила, а потомъ я ей помогла одѣваться.

Мистриссъ Линлей посадила Сидъ на диванъ и остановила потокъ рѣчей своей маленькой дочки. Взглядъ, голосъ, манеры гувернантки понравились ей. Когда мужъ ея взялъ Китти за руку и выходилъ съ нею изъ комнаты, она шепнула ему:

— Ты хорошо сдѣлалъ; я больше въ этомъ не сомнѣваюсь.

Послѣ обѣда Сидни начала рассказывать мистриссъ Линлей исторію своихъ родителей и своего дѣтства; мистриссъ Прести незамѣтно провралась въ бібліотеку, которая была отдѣлена портьерой отъ гостиной, гдѣ сидѣла ея дочь съ гувернанткой. Когда рассказъ былъ оконченъ, она раздвинула портьеру и важно, торжественно вышла въ гостиную.

— Вы читали въ бібліотекѣ, мама?—спросила мистриссъ Линлей.

— Нѣтъ, Кэтъ,—хладнокровно отвѣчала мистрисъ Прести:— я просто подслушивала.

Мистриссъ Линлей взглянула на мать и сконфузилась.

— Познакомь меня съ миссъ Уэстерфильдъ,—продолжала мистриссъ Прести такъ же хладнокровно.

Мистриссъ Линлей колебалась. Чтѣ подумаетъ гувернантка объ ея матери? Ни мало не заботясь о томъ, чтѣ гувернантка подумаетъ, мистриссъ Прести перешла черезъ комнату и сама представилась гувернанткѣ.

— Миссъ Уэстерфильдъ, я—мать мистриссъ Линлей, и въ одномъ—замѣчательная женщина. Когда я составлю мнѣніе о комъ-нибудь, и увижу, что мнѣніе было ошибочно, то я нисколько не стыжусь измѣнить его. Я измѣнила мое мнѣніе о васъ. Позвольте пожать вашу руку.

Сидни почтительно поклонилась.

— Считайте меня, Сидни, своимъ другомъ; а теперь ступайте. Моя внучка, не привыкшая ждать чего бы то ни было съ самаго дня своего рожденія, ждетъ васъ обѣдать. Она въ эту минуту уже вопить, чтобы ей подали гувернантку, какъ нѣкогда король Ричардъ (я знаю Шекспира наизусть) вопилъ, чтобы ему подали коня. Горничная (вы узнаете ее по виду—это толстая особа, которая до того затягивается въ корсетъ, что едва можетъ дышать) дожидается около двери, чтобы провести васъ въ дѣтскую. *Au revoir*. Постойте! Я хочу слышать ваше французское произношеніе. Скажите мнѣ: „*Au revoir*“... Благодарю васъ.— Слаба во французскомъ, Катя!—объявила она дочери, когда дверь за гувернанткой затворилась:—да и чего можно ждать отъ бѣдняжки, послѣ той жизни, которую она вела! Ну, теперь мы одни, и я хочу поговорить съ тобой по душѣ. Миссъ Уэстерфильдъ будетъ, конечно, во многихъ отношеніяхъ, очень милая и пріятная гувернантка; но не могу скрыть, ни отъ тебя, ни отъ себя, что съ нѣкоторыхъ сторонъ она можетъ быть опасна.

— Опасна?—спросила мистриссъ Линлей:—я васъ не понимаю.

— Все равно, Катя, понимаешь ли ты меня, или нѣтъ, но мнѣ нужно знать дальнѣйшія подробности. Расскажи мнѣ, что передалъ тебѣ мужъ объ этой молодой особѣ.

Дивясь, какой демонъ любопытства овладѣлъ ея матерью, мистрисъ Линлей исполнила ея желаніе. Мистрисъ Прести выслушала съ величайшимъ вниманіемъ все, что она ей рассказала, и затѣмъ вывела изъ всего этого слѣдующую мораль.

— Первое препятствіе для ея нравственнаго развитія—это ея отецъ, котораго судили, признали виновнымъ и который умеръ въ тюрьмѣ.

Второе препятствіе—ея мать, безчувственная дрянь, бросившая родную дочь.

Третье препятствіе—сестра ея матери, такое же чудовище, хотя и въ иной формѣ. Люди поверхностные могутъ спросить: что мы выиграемъ, изслѣдуя прошлую жизнь миссъ Уэстерфильдъ? Мы выиграемъ то, что узнаемъ чего намъ ждать отъ будущаго миссъ Уэстерфильдъ.

— Я, тѣмъ не менѣе, — объявила мистрисъ Линлей: — ожидаю только хорошаго.

— Скажи, что она ангелъ отъ рожденія, и я не стану противорѣчить. Но, пожалуйста, выслушай, что мнѣ подсказываетъ моя опытность. Я помню, какую она жизнь вела, и спрашиваю себя: возможно ли выстрадать все, что выстрадала эта дѣвушка, и не испортиться? Среди этихъ мерзкихъ людей—прошу прощенія, моя душа, — мистеръ Норманъ иногда употреблялъ рѣзкія выраженія и приучилъ меня къ нимъ, — добрыя качества этой молодой особы должны были подвергаться не разъ страшному испытанію. Сто разъ она бывала вынуждена лгать, хотя бы отъ страха. Она оставалась безъ всякаго руководства (въ критическое время ея жизни, замѣть)... Я повторяю только то, что мистеръ Прести говорилъ своей родной племянницѣ, которую помѣстили въ гадкую школу, въ Парижѣ; я не только помню, какія именно выраженія употреблялъ этотъ краснорѣчивый человекъ, когда бывалъ взволнованъ, но я знаю, что я хочу сказать. Мнѣ нравится миссъ Уэстерфильдъ, и я надѣюсь, что она кончитъ добромъ. Но я не могутъ забыть, что ее здѣсь ждетъ совсѣмъ новая жизнь... Жизнь роскошная, душа моя, жизнь счастливая, и только одинъ Богъ знаетъ, что вырастетъ изъ скверныхъ сѣмянъ, посеянныхъ ея прошлой жизнью, при этихъ новыхъ условіяхъ. Говорю тебѣ, что мы должны быть внимательны. Говорю тебѣ, что мы должны глядѣть въ оба, и это ради ея блага, и ради нашего также.

Разумные совѣты мистриссъ Прести (хотя высказанные съ своей собственной этой дамѣ нелѣпой манерой) не произвели должнаго впечатлѣнія на ея дочь. Мистриссъ Линлей отвѣчала тономъ огорченной особы:

— О, мама, я нивогда не подозрѣвала, что вы можете быть такой несправедливой! Вы, вѣрно, хорошенько не разслушали того, что мнѣ говорила миссъ Уэстерфильдъ. Вы не знаете ея, какъ я ее знаю. Она такъ терпѣлива, такъ снисходительна, такъ благодарна Герберту...

— Такъ благодарна Герберту?!—Мистриссъ Прести поглядѣла на дочь въ нѣмомъ изумленіи. Очевидно, мистриссъ Линлей и въ голову не приходило, что могла произойти кабая-нибудь опасность изъ благодарности, питаемой чувствительной гувернанткой къ ея красивому мужу. При такомъ проявленіи простоты, послѣднее терпѣніе старухи лопнуло.

— У тебя прекрасное сердце, но что касается головы...

— Ну, что же съ моей головой?

— Она всегда бываетъ прекрасно причесана, моя милая, твоєю горничной.

Пустивъ такую стрѣлу на прощаніе, мистриссъ Прести ушла черезъ библіотеку. Почти въ ту же самую минуту дверь въ столовую растворилась, вошелъ молодой человѣкъ и крѣпко пожалъ руку мистриссъ Линлей.

III.

Фамильное сходство между Гербертомъ и Рандаемъ Линлей было очень велико, несмотря на то, что Гербертъ былъ гораздо красивѣе брата. Рандаль былъ не очень высокъ ростомъ и слегка горбился; но эти недостатки искупались выраженіемъ его глазъ и улыбки, въ которой было что-то неотразимое, и прелесть ея одинаково дѣйствовала на мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ въ домѣ и по сосѣдству любили Рандалья, не исключая и самой мистриссъ Прести.

— Замѣтили ли вы новое лицо, появившееся у насъ въ ваше отсутствие?—былъ первый вопросъ его невѣстки.

Рандаль отвѣчалъ, что видѣлъ миссъ Уэстерфильдъ. Затѣмъ послѣдовалъ неизбѣжный вопросъ: какъ онъ ее находитъ?

— Я скажу вамъ это черезъ недѣлю или черезъ двѣ,—отвѣчалъ Рандаль.

— Нѣтъ, скажите сейчасъ.

— Я не довѣряю своимъ первымъ впечатлѣніямъ; у меня нѣтъ дурной привычки спѣшить съ выводами.

— Сдѣлайте исключеніе, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Находите ли вы ее хорошенькой?

Рандаль улыбнулся.

— Ваша гувернантка, — отвѣчалъ онъ: — кажется, больна, и, можетъ быть, по этой причинѣ, я нахожу ее незамѣчательной и некрасивой. Посмотримъ, что сдѣлаютъ изъ нея здоровый воздухъ и привольная жизнь. Отъ такой молоденькой особы можно ждать всякихъ превращеній. Можетъ быть, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, мы всѣ будемъ восхищаться хорошенькой миссъ Уэстерфильдъ... А что, въ мое отсутствіе, были мнѣ письма?

Онъ пошелъ въ бібліотеку и вернулся съ письмами.

— Вотъ это позабавитъ Китти, — сказалъ онъ своей невѣстѣ, подавая иллюстрированную нью-іорескую газету.

Мистриссъ Линлей стала разсматривать картинки, но вдругъ вниманіе ея привлечено было однимъ извѣстіемъ въ газетѣ, и не успѣла она прочесть нѣсколькихъ словъ, какъ вскрикнула.

— Ужасная новость, касающаяся именно миссъ Уэстерфильдъ! Прочитайте, Рандаль.

Онъ прочиталъ слѣдующее:

„Въ списокѣ неисправныхъ торговыхъ должниковъ этой недѣли стоитъ имя одного англичанина, Джемса Бельбриджа, сохранившаго въ нашемъ городѣ „Салонъ“, пользовавшагося очень худой славой. Бельбриджа подозрѣваютъ, что онъ причинилъ смерть своей женѣ въ припадкѣ delirium tremens. Несчастливая женщина, на которой онъ женился, была въ первомъ бракѣ за английскимъ аристократомъ, достопочтеннымъ Родерикомъ Уэстерфильдомъ, котораго процессъ — въ намѣренномъ крушеніи корабля, находившагося подъ его командой — возбудилъ значительный интересъ въ Лондонѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Печальная сторона этого дѣла усложняется еще исчезновеніемъ въ день убійства маленькаго сына этой женщины отъ ея перваго мужа. Предполагаютъ, что бѣдный мальчикъ въ ужасѣ убѣжалъ изъ дома, и полиція тщательно его разыскиваетъ. Говорятъ также, что другой ребенокъ отъ перваго брака (дочь) находится въ Англии, но о ней ничего не извѣстно“.

— Развѣ есть у вашей гувернантки родственники въ Англии? — спросилъ Рандаль.

— Только одна тетка, которая обращалась съ ней самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

— Да, это важная новость, какъ вы говорите, — продолжалъ

Рандаль: — и, скажу, важная новость и для насъ. Вотъ теперь эта дѣвушка, значить, осталась на нашихъ рукахъ круглой сиротой. Что мы будемъ дѣлать, если вдругъ, современемъ, мы измѣнимъ о ней наше теперешнее мнѣніе?

— Ничего подобнаго не можетъ случиться, — объявила мистрисъ Линлей.

— Давай Богъ, — серьезно проговорилъ Рандаль.

Члены семейства въ Моунтъ-Морвенѣ предварительно обсудили вопросъ, нужно ли извѣщать Сидни Уэстерфильдъ объ исчезновеніи ея брата и смерти ея матери.

Прежде всѣхъ высказалъ свое мнѣніе Гербертъ Линлей, какъ глава дома. По своей природной добротѣ, онъ пугался оживить въ памяти Сидни печальныя обстоятельства ея домашней жизни.

— Къ чему разстроивать бѣдную дѣвочку, когда она только-что немного успокоилась въ нашемъ домѣ? Отдайте мнѣ газету, и я ее просто разорву.

Жена отодвинула газету подальше отъ него.

— Подожди, — сказала она спокойно: — не всѣ мы, быть можетъ, считаемъ себя въ правѣ скрыть отъ нея истину.

Вслѣдъ затѣмъ высказалась мистрисъ Прести. Къ удивленію всего совѣта, она согласилась со своимъ зятемъ.

— Кто-нибудь долженъ рѣшительно высказаться, — начала старая лэди: — и я намѣрена показать примѣръ. Говорить правду, — строго замѣтила она дочери: — болѣе сложная вещь, нежели тебѣ кажется. Конечно, это вопросъ нравственности, но въ семейныхъ кругахъ это бываетъ и вопросомъ приличія. Прилично ли волновать гувернантку моей внучки, какъ разъ въ то время, когда она только-что вступила въ должность? Разумѣется, нѣтъ! Господи, какое дѣло нашей юной пріятельницѣ Сидни до того, жива или нѣтъ ея безчеловѣчная мать? Гербертъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ поддерживаю ваше предложеніе разорвать газету.

Гербертъ, сидѣвшій возлѣ Рандала, дружески положилъ руку на его плечо.

— А ты, на нашей сторонѣ? — спросилъ онъ.

Рандаль колебался.

— Я готовъ согласиться съ вами, — сказалъ онъ Герберту. — Дѣйствительно, жестоко напоминать миссъ Уэстерфильдъ о несчастной жизни, которую она вела, и вдобавокъ при такихъ исключительно-тяжкихъ обстоятельствахъ. Но съ другой стороны...

— Не порти того, что сказалъ, выставляя другую сторону вопроса! — закричалъ его братъ. — Ты прекрасно высказалъ свое мнѣніе; останься при немъ.

— Съ другой стороны, — мягко настаивалъ Рандаль: — тѣ резоны, которые я слышалъ, не убѣдили меня въ нашемъ правѣ скрыть отъ нея то, что случилось.

Такое серьезное отношеніе къ спорному вопросу въ высшей степени забавляло мистриссъ Прести.

— Мнѣ нравится этотъ человекъ, — объявила она, указывая на Рандаля: — онъ всегда смѣшитъ меня. Поглядите на него теперь: онъ самъ не знаетъ, на чьей онъ сторонѣ.

— Онъ на моей сторонѣ, — объявилъ Гербертъ.

— Вовсе нѣтъ.

Гербертъ спросилъ брата: — какъ ты самъ скажешь?

— Не знаю, — отвѣчалъ Рандаль.

— Что я вамъ говорила! — воскликнула мистриссъ Прести.

Рандаль пытался объяснить свой странный отвѣтъ.

— Я хочу только сказать: — мнѣ надо время, чтобы подумать.

Гербертъ пересталъ спорить и обратился къ женѣ.

— Ты все еще держишь въ рукахъ американскую газету. Что ты намѣрена съ ней дѣлать?

— Показать ее миссъ Уэстерфильдъ.

— Вопреки моему мнѣнію, вопреки мнѣнію твоей матери? Неужели мы не имѣемъ на тебя никакого вліянія? Сдѣлай, какъ Рандаль: повремени, моя душа, и хорошенько подумай.

Она отвѣчала съ обычной спокойной манерой и кроткимъ тономъ:

— Я боюсь, что вы сочтете меня упрямой, но мнѣ не надо времени, чтобы думать. Мой долгъ для меня ясенъ.

Мужъ и мать слушали ее съ удивленіемъ. Слишкомъ кроткая, слишкомъ счастливая и, надо сказать, слишкомъ лѣнивая, чтобы выступать впередъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ семейной жизни, мистриссъ Линлей рѣдко выказывала, изъ какого металла она сдѣлана, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ скрытая твердость ея характера выступала наружу.

Гербертъ пытался урезонить ее: — Возможно ли, Кэтъ, что ты не понимаешь, какъ жестоко будетъ съ твоей стороны показать миссъ Уэстерфильдъ эту газету?

Но и этотъ аргументъ не подѣйствовалъ: — Довѣрьтесь мнѣ, — отвѣчала она: — я сообщу миссъ Уэстерфильдъ печальныя вѣсти изъ Америки со всею осторожностью, такъ, какъ бы сообщила своей дочери.

Услышавъ это, мистриссъ Прести спросила: — Когда же ты думаешь сказать ей это?

— Сейчасъ, мама.

Мистрисъ Прести встала съ мѣста.— Подожди, пока я уйду. Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы Гербертъ подалъ мнѣ руку и отвелъ къ себѣ? Раздирательныя сцены такъ же не въ его духѣ, какъ и не въ моемъ.

Мистрисъ Линлей не возражала.

Гербертъ охотно исполнилъ желаніе тещи, и они вышли подъ руку изъ гостиной.

Рандаль не послѣдовалъ ихъ примѣру. Онъ уже успѣлъ обдумать и сказалъ Катеринѣ:— Вы правы, а мы нѣтъ. Не могу ли я вамъ помочь?

Она отвѣчала: — Благодарю васъ. Я переговорю съ миссъ Уэстерфильдъ у себя въ комнатѣ. Подождите меня здѣсь.

Послѣ болѣе краткаго отсутствія, нежели ожидалъ Рандаль, мистрисъ Линлей вернулась.

— Что, очень было тяжело? — спросилъ онъ, видя слѣды слезъ на ея щекахъ.

— У этой бѣдной, обиженной дѣвушки благородное сердце, — отвѣчала она. — Ея первая мысль, когда она поняла мотивы моего поступка, была не о себѣ, а обо мнѣ. „Не бойтесь, что я буду небрежна въ исполненіи своихъ обязанностей, — сказала она мнѣ. — Вы завтра не замѣтите во мнѣ слѣдовъ отъ сегодняшняго сообщенія“. И попросила только, чтобы ей позволили провести остатокъ дня у себя въ комнатѣ. Главное ея горе — не по матери, безсовѣстно ее бросившей, а по бѣдномъ, несчастномъ братѣ, одинокомъ и беспомощномъ въ чужой странѣ. Не можемъ ли мы что-нибудь для него сдѣлать?

— Я напишу въ Нью-Йоркъ, къ одному стряпчему съ большою практикой.

— Именно! это какъ разъ то, что нужно. Напишите сегодня же.

Письмо было отправлено, но рѣшено было — и вполнѣ благо- разумно, какъ показали послѣдствія — ничего не говорить Сидни объ этомъ, пока не получится отвѣтъ. Корреспондентъ Рандалья отвѣтилъ ему въ самомъ непродолжительномъ времени. Онъ разузнавалъ о пропавшемъ мальчикѣ, но безуспѣшно. Мальчикъ пропалъ безъ вѣсти. Что касается Джемса Бельбриджа, то его заключили въ сумасшедшій домъ, какъ невзлечимо-помѣшаннаго.

А. Э.

БОДИЗАТВА

Онъ лежитъ подъ навѣсомъ пурпурнаго ложа
Въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ вечернихъ огней;
Молодого чела золотистая кожа
Оттѣняется мракомъ глубокихъ очей.
Смотритъ Будда, какъ дѣвы проносятся въ пляскѣ
И вино изъ кувшиновъ серебряныхъ льютъ;
Вызывающій взоръ — полонъ нѣги и ласки;
Ударяя въ тимпанъ, баядеры поютъ;
И зовутъ онъ въ радостямъ нѣги безпечной
Тѣхъ, кто молодъ, прекрасенъ, могучъ и богатъ.
Но, какъ звонъ погребальный, какъ стоишь безконечный,
Переливы тимпановъ для Будды звучать:

„Все стремится къ разрушенью, —
Всѣ міры и всѣ вѣка,
Словно близится къ паденью
Необъятная рѣка.
Все живое смерть погубитъ,
Все, что мило — смерть возьметъ.
Кто любилъ тебя — разлюбитъ,
Радость призракомъ мелькнетъ.
Нѣтъ спасенья! Слава, счастье,
И любовь, и красота —
Исчезаютъ, какъ въ ненастье
Яркой радуги цвѣта.
Духъ безумно къ небу рвется,
Плоть прикована къ землѣ;
Какъ пчела въ сосудѣ, бьется
Человѣкъ въ глубокой мглѣ!“

Передь ложемъ царя баядеры плясали,
 Но для Будды звучалъ тотъ же грустный напѣвъ
 Въ этихъ гимнахъ, что жизнь и любовь прославляли,
 Въ тихой музыкѣ струнъ, въ нѣжномъ голосѣ дѣвъ:

„Въ цвѣтѣ жизни, въ блескѣ счастья,
 Веругъ тебя—толпы друзей...
 Сколько мнимаго участя,
 Сколько ласковыхъ рѣчей!..
 Но—дохнетъ лишь старость злая,
 Розы юности губя,
 И друзья, какъ волчья стая,
 Къ новой жертвѣ убѣгая,
 Отшатнутся отъ тебя.
 Ты, отверженный богами,
 Будешь нищъ и одинокъ,
 Какъ покинутый стадами,
 Солнцемъ выжженный потокъ.
 Словно дерево въ пустынѣ,
 Опаленное грозой,
 Въ поздней, старческой кручинѣ
 Ты поникнешь головой.
 И погрянешь ты въ заботѣ,
 Въ тивѣ мелочныхъ обидъ,
 Словно дряхлый слонъ въ болотѣ,
 Всѣми брошенъ и забытъ.
 Что намъ дѣлать? Страсти, горе
 Губятъ тысячи людей,
 Какъ пожаръ траву степей,
 И печаль растетъ какъ море!
 Что намъ дѣлать? Меркнетъ умъ,
 И толпимся мы безъ цѣли—
 Такъ испуганныхъ газелей
 Гонить огненный самумъ!“

Баядеры поютъ про надежду и счастье,
 Но напрасно тимпаны и лютни гремятъ;
 Какъ рыдающій вѣтеръ въ ночное ненастье,
 Пѣсни полныя жизни для Будды звучатъ:

Близокъ страшный день возмездья:
 Задрожитъ земля и твердь,

И потушить всё созвѣзды
 Торжествующая смерть.
 Мiръ исчезнетъ, какъ зарница
 Въ полуденныхъ небесахъ;
 Все, что есть, намъ только снится,
 Вся природа—дымъ и прахъ!
 Наши радости—мгновенны,
 Какъ обманчивые сны,
 Какъ въ пучинѣ брызги пѣны,
 Какъ надъ моремъ блескъ луны.
 Всѣ желанія, какъ сѣти,
 Какъ свѣча для мотыльковъ:
 Мы ведаемъ, какъ дѣти,
 За видѣнемъ живыхъ сновъ.
 Страсти, нѣга, наслажденья—
 Никому и никогда
 Не приносятъ утоленья,
 Какъ соленая вода...
 Что намъ дѣлать? Гдѣ—спаситель?
 Какъ защитника найти?
 Бодизатва-Утѣшитель!—
 Пробилъ часъ,—пора идти!
 Въ этотъ пламень необъятный
 Музъ желаній и страстей
 Ты, какъ ливень благодатный,
 Слезы жалости пролей!..“

.....

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

ТЕНДЕНЦІОЗНАЯ ЭТНОГРАФІЯ

— Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. Przez Jana Baudouin'a de Courtenay. Kraków, 1886 (Газета „Kraj“, 1886, № 39—41, przegląd literacki: „Etnografja patriotyczna“).

— Ukrainizm w literaturze polskiej. J. T. Hodi (тамъ же, „Kraj“, № 41 и слѣд.).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ не однажды поминалось имя Духинскаго, какъ автора своеобразной исторической и этнографической теоріи, которая, ставя вопросъ славянскій и польскій, давала ему очень неожиданное и простое разъясненіе: оказывалось, что русскіе, т.-е. собственно великоруссы, которыми создана російская имперія, вовсе не принадлежатъ къ славянскому племени; что даже имя „русскихъ“ (или „россіянь“) присвоено ими себѣ неправильно; что они должны называться собственно „москали“ или „московиты“, и принадлежатъ они даже не къ арійскому, а къ туранскому племени, и только вполнѣ въ послѣдствіи приняли христіанство въ видѣ восточной схизмы и присвоили славянскій языкъ, испортивъ его туранскими примѣсами, — и вообще они лишь по внѣшности приняли нѣкоторыя славянскія черты, оставаясь, по происхожденію и по существу, туранцами; совершенно не похожи на нихъ племена малорусское и бѣлорусское; это — племена славянскія, тѣсно связанныя съ польскимъ. Такова была теорія. Понятно, что она была внушена не какимъ-нибудь подобіемъ науки, а лишь безграничной племенной ненавистью, которая прибѣгала по внѣшности къ научной формѣ, чтобы дать исходъ накопившейся враждѣ. Въ наукѣ эта теорія не могла, конечно, никогда занять мѣста, — хотя нашлись французскіе писатели, повторявшіе ее цѣликомъ по политической враждѣ къ Россіи и по совершенному ея незнанію, какъ напр.

извѣстный историкъ Анри Мартенъ, — и съ полной вѣрой и сочувствіемъ она встрѣчаема была въ значительной долѣ польскаго общества, потому что отвѣчала давнишнему враждебному настроенію. Многія сотни лѣтъ шла политическая борьба двухъ племенъ; цѣлое столѣтіе послѣ паденія государства питались надежды на возвращеніе утраченнаго, предпринимались къ этому отчаянныя попытки, бесплодность которыхъ, сопровождаемая тяжелыми жертвами, еще увеличивала раздраженіе. Между стремленіями и дѣйствительностью была цѣлая пропасть, которую приходилось наполнять мечтами; теорія Духинскаго, говорившая мнимо-научнымъ языкомъ, также хотѣла дать удовлетвореніе національному раздраженію и самообольщенію. Публика, къ которой онъ обращался, была толпа, неспособная къ какой-нибудь научной критикѣ, но съ радостью принимавшая все враждебное и ядовитое, что направлялось противъ національнаго врага. Эта теорія, имѣвшая притязаніе быть словомъ науки, была кульминаціоннымъ пунктомъ племенной вражды на мнимой почвѣ науки.

Происхожденіе теоріи прослѣдить не трудно. Первые зародыши взгляда, раздѣлявшаго поляковъ (со включеніемъ Руси западной и южной) отъ русскихъ (т.-е. великоруссовъ) на два совсѣмъ различныхъ племени, восходятъ къ той порѣ, когда особенно обострились политическія отношенія двухъ народовъ. — Нѣкогда, въ то время, когда Польша была государствомъ, поляки еще видѣли въ русскихъ народъ братскій. Такое отношеніе продолжалось и до новѣйшихъ временъ, когда наступали благопріятные повороты въ политическихъ отношеніяхъ, какъ напр. въ царствованіе Александра I, и когда между учеными и образованными людьми обоихъ народовъ завязывались даже дружескія личныя и литературныя связи. Но давно уже отношенія поляковъ и русскихъ представляли и другую сторону — полного взаимнаго непониманія, способнаго легко переходить въ отчаянную вражду, и это уже открывало дорогу для тенденціозныхъ перетолкованій исторіи. Вспомнили, что русскіе, которыми было создано и которымъ принадлежало сильное государство XVI—XVII вѣка, назывались въ тѣ времена по имени государства — московитами-москалями, тогда какъ имя „Руси“ оставалось (въ польскомъ употребленіи) за тѣми русскими великаго княжества литовскаго, которые принадлежали тогда къ составу самой Польши; притомъ у самихъ южныхъ и западныхъ русскихъ, русскіе московскаго государства слыли также москалями. Соображенія церковныя, которыя въ старыя времена, быть можетъ, были еще сильнѣе политическихъ, дѣлали московитовъ, въ глазахъ поляковъ, религіозными отщепен-

цами и, въ качествѣ таковыхъ, они, по ученію не въ мѣру усердныхъ католиковъ и особливо отцовъ іезуитовъ, были чуть не язычниками. Наконецъ, въ отношеніи культурномъ, которое измѣрялось тогда образованностью и свѣтскими нравами высшаго сословія, московиты считались гораздо ниже и были чуть не варварами; притомъ, Польша XVI—XVII вѣка могла справедливо хвалиться передъ Москвой своими учеными школами. Польская школа сохраняла это свое значеніе въ теченіе не только всего XVIII-го столѣтія, но даже въ первыя десятилѣтія XIX-го, и поляки, въ извѣстномъ кругѣ, привыкли считать себя людьми гораздо болѣе образованными, чѣмъ русскіе. Паденіе государства въ массѣ общества не было понято и не заставило критически отнестись, какъ къ своимъ домашнимъ, такъ и къ международнымъ дѣламъ, и не измѣнило этого, раньше составившагося, взгляда на русскій народъ и общество, и развѣ еще усилило его, хотя параллель начала очень сильно измѣняться. Разрушеніе государства приписано было одному коварству и насилію сосѣдей, и если поляки не рисковали на высокоумное отношеніе къ нѣмцамъ, то не переставали считать его возможнымъ относительно русскихъ. Правленіе Александра I-го не разъ поддерживало ихъ въ высокомъ мнѣніи о своемъ политическомъ и культурномъ значеніи. Новая политическая неудача 1831-го года была страшнымъ ударомъ, но не прибавила опыта: неудача опять приписана была одному превосходству силы, а національная исключительность еще возросла до послѣднихъ предѣловъ самообольщенія, которое въ особенности было развито и выражено въ литературѣ эмиграціи; польскій народъ былъ „народъ-мученикъ“: пораженіе не только уменьшило достоинства его стремленій, но осватило ихъ страданіемъ; явилось знаменитое ученіе о мессіанизмѣ польскаго народа, и проповѣдникомъ его сталъ величайшій національный поэтъ. Можно себѣ представить, какая роль оставалась государству и народу, которые были главнымъ прелатствомъ въ осуществленію этого грандіознаго посланничества и противъ которыхъ оно, конечно, должно было направиться прежде всего. Проповѣдь Мицкевича переходила въ крайнее мистическое возбужденіе, въ настоящій экстазъ, и понятно, что въ умахъ послѣдователей не было мѣста для спокойной практической мысли, для какой-нибудь научной критики. Успѣхъ извѣстнаго мистическаго ученія Товянскаго, которымъ увлекались первостепенные поэтическіе таланты польской литературы, дѣйствовавшей за границей, можетъ служить мѣркой экзальтированнаго состоянія, въ какомъ находились лучшіе умы націи. Велико было заблужденіе, велики были ошибки

политическія, въ которыхъ влекла эта экзальтація (ошибки, какъ, напр., историческое возвеличеніе Наполеона I-го и политическія надежды на Наполеона III-го, и т. п.), но должно по крайней мѣрѣ отдать справедливость той пламенной любви къ родиѣ, какая одушевляла польскихъ поэтовъ этой эпохи и поддерживала ихъ въ безотрадномъ изгнанничествѣ.

Этой эпохѣ страстнаго возбужденія, забывающаго о дѣйствительности и уходящаго въ отвлеченныя и мистическія построенія, принадлежитъ и происхожденіе теоріи Духинскаго,—съ тою разницею, что если поэтъ, забывая о дѣйствительности или неправильно понимая ее, вознаграждаетъ насъ восторженнымъ и высоко изящнымъ выраженіемъ чувства, то непозволительно насиловать правду дѣйствительности тому, кто берется говорить во имя науки. Духинскій, совершенно въ духѣ эмиграціоннаго возбужденія, хочеть представить русскихъ, которыхъ считаетъ за исконныхъ враговъ своего народа, не только варварами по культурѣ, но и варварами по происхожденію, и воображалъ, что можетъ говорить это въ качествѣ научнаго вывода; но научный приѣмъ имѣеть свои, очень простыя и категорическія, требованія: нужно знать факты и объяснять ихъ логически; но факты являются у него въ столь извращенномъ видѣ и толкованіе такъ произвольно, что теорія не выдерживаетъ никакой критики. Тѣмъ не менѣе, взгляды его нашли усердныхъ послѣдователей въ польскомъ обществѣ,—съ одной стороны, потому, что отвѣчали готовому настроенію, а съ другой—встрѣчались съ очень малымъ развитіемъ историко-филологическихъ изученій въ польской литературѣ, такъ что большинство не видѣло грубыхъ ошибокъ противъ элементарныхъ положеній филологіи и этнографіи.

Наконецъ, опроверженія этой теоріи являются въ самой польской литературѣ ¹⁾. Книжка, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ заслуженному ученому филологу, который счелъ, наконецъ, нужнымъ выступить противъ ученія Духинскаго, и уже не столько потому, что оно противорѣчитъ положеніямъ науки, сколько потому, что оно способно самымъ вреднымъ образомъ извращать у людей неопытныхъ ихъ общественныя и политическія понятія. Книжка г. Бодуэна де-Куртенэ вызвана была газетными извѣстіями о томъ, что справлялся пятидесятилѣтній юбилей ученой дѣятельности Духинскаго. Авторъ не считалъ даже нужнымъ подробно разбирать ученія Духинскаго въ самомъ ихъ

¹⁾ Въ русской литературѣ противъ нея писалъ уже Костомаровъ въ „Основѣ“ (1861—1862), а потомъ и другіе.

источникѣ; живя въ Дерптѣ, — говоритъ онъ, — онъ не могъ даже достать книгъ Духинскаго и считаетъ, что можетъ удовольствоваться извѣстными общими положеніями этой теоріи, повторенными въ другихъ книгахъ. Прежде всего авторъ ставитъ вопросъ — былъ ли это просто юбилей домашній, частный, устроенный кружкомъ личныхъ почитателей почтеннаго юбиляра, не имѣющихъ притязанія быть представителями народа, или этому празднованію данъ былъ характеръ общественный, народный, и этимъ способомъ чтились общественныя заслуги? Въ первомъ случаѣ никто не имѣетъ права протестовать, потому что каждому вольно выражать, тѣмъ или инымъ способомъ, свое уваженіе почитаемому имъ лицу. Но если юбилей справлялся „во имя народа“, въ такомъ случаѣ необходимо спросить: — какое право можетъ имѣть Духинскій на народную благодарность? Какія заслуги оказалъ онъ своему обществу?

Общественная дѣятельность Духинскаго, объясняетъ г. Боуэнъ, представляетъ двѣ стороны: научно-литературную и, тѣсно съ ней связанную, публицистично-политическую. Всѣ его этнографическіе труды носятъ, по преимуществу, характеръ политическій; поэтому, оцѣняя его, какъ человѣка общественнаго, должно отвѣтить на вопросы: 1) какую пользу принесъ онъ своему народу, какъ ученый, и 2) какіе плоды принесла народу политическая дѣятельность тенденціознаго этнографа?

„Уже самый политическій характеръ сочиненій Духинскаго дѣлаетъ довольно подозрительной ихъ строгую научность; невозможно служить въ одно время и съ одинаковой ревностью двумъ господамъ такого рода, какъ правда и политика. Либо та, либо другая должна быть пренебрежена. Ученый обязанъ стремиться только къ правдѣ, не заботясь о томъ, будутъ ли результаты этихъ стремленій пріятны или непріятны. Напротивъ, человѣкъ общественный, занимающійся политикой, имѣетъ совершенно другія цѣли и, желая успѣшно провести свое дѣло черезъ всѣ инстанціи „общественнаго мнѣнія“ и судовъ „международныхъ“, обыкновенно не затрудняется средствами и не стѣсняется правдой. Нашъ этнографъ также тенденціозно жертвовалъ правдой политикѣ, какъ это тотчасъ окажется изъ подробнаго разбора его положеній, его доводовъ, долженствующихъ подтвердить эти положенія, его методы и, наконецъ, его общихъ научныхъ понятій“.

Основное положеніе Духинскаго, та ось, на которой вертится все его ученое мышленіе, состояло въ томъ, что великороссіяне или, такъ называемые имъ, москали никакъ не могутъ быть причислены ни къ славянамъ, ни даже къ арійцамъ, но что они

принадлежать къ такъ-называемому „туранскому“ племени, наравнѣ съ другими народами монгольскими, татарскими, финскими, и т. д. „Москва“ — по этнографической терминологіи Духинскаго, т.-е. цѣлое собраніе странъ, населяемыхъ въ російской имперіи великоруссами и ихъ туранскими единоплеменниками — отличается отъ остального славянства и отъ всей арійской Европы, какъ небо отъ земли. Это — два въ существѣ различные міра, не имѣющіе ничего общаго, кромѣ развѣ врожденнаго и неодолимаго антагонизма. Географическими границами этихъ двухъ міровъ служатъ у Духинскаго то Днѣпръ и Двина, то Днѣпръ и „рѣчки Финляндіи“. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Бодуэнъ, будемъ отероветны и скажемъ, что границу міра туранскаго и арійскаго составляетъ по-просту восточная граница польской Рѣчи-Посполитой до 1772 года. Надобно только возстановить старую Польшу, и тотчасъ на картѣ и на земномъ шарѣ найдется очевидный раздѣлъ двухъ враждебныхъ міровъ, а западная Европа найдетъ прочную охрану отъ грозящей ей постоянно „туранской гидры“. Но чтобы, однако, не обидѣть остальныхъ европейцевъ, которымъ судьба велѣла поселиться на сѣверо-востокъ отъ границъ до-раздѣльной Польши, и чтобы найти для своей политической идеи какъ можно больше послѣдователей и союзниковъ, Духинскій причисляетъ также къ западной Европѣ Скандинавскій полуостровъ, Финляндію и всѣ балтійскія провинціи. Такимъ способомъ москаль-монголы еще радикальнѣе отталкиваются на востокъ, и отобраніе у нихъ Балтійскаго моря очень ихъ ослабляетъ. Совершенно простое дѣло, что финны и эсты будутъ принадлежать тогда къ западно-европейскому арійскому міру, а съ другой стороны не только малоруссы, но и бѣлоруссы окажутся племенемъ существенно различнымъ отъ „московскихъ кочевниковъ“. Конечно, малоруссами и бѣлоруссами слѣдуетъ считать только тѣхъ русиновъ, которые населяютъ восточные края старой Рѣчи-Посполитой. Чтò живетъ за Днѣпромъ, все носитъ на себѣ неизгладимое пятно туранства. Но Духинскій возстаетъ противъ предположенія, будто бы онъ считаетъ туранцевъ варварами. Боже сохрани! Они также способны къ цивилизаціи и культурѣ, но къ цивилизаціи и культурѣ особаго рода, не имѣющимъ ничего общаго съ культурой и цивилизаціей западно-европейской, симпатичной для всякаго истиннаго арійца. Однимъ словомъ, міръ арійскій и туранскій, Европа западная и Европа восточная, вмѣстѣ со всей Азіей, славяне и „москаль“, — это двѣ несоизмѣримыя величины, которыя никакъ не могутъ соединиться и обречены на вѣчную борьбу.

Г. Бодуэнъ не считалъ этой мысли новою; она не разъ появлялась у людей, отличавшихся наивнымъ незнаніемъ дѣла или племенной ненавистью и тщеславіемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Достоинство этой мысли осталось бы то же самое, если бы Духинскій былъ ея изобрѣтателемъ. Но какіе же доводы онъ приводилъ въ ея подтвержденіе? Между прочимъ, „московское туранство“ отличается отъ благородныхъ арійцевъ-славянъ слѣдующими чертами. Это — особенная, врожденная туранству форма правленія, коммунизмъ, кочеванье, чрезвычайно малое число городовъ, языкъ, и т. д. „Присмотримся ближе къ каждому изъ этихъ мнимыхъ доводовъ“, — говоритъ г. Бодуэнъ, и даетъ слѣдующее объясненіе. Особенной чертой туранства Духинскій считаетъ самодержавную форму правленія, которую онъ называетъ „царатомъ“; критикъ недоумѣваетъ, можетъ ли Духинскій указать какія-нибудь особенности „царата“, которыя не встрѣчались бы въ государствахъ западно-европейскихъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Формы правленія въ западной Европѣ были и есть весьма различныя, и въ числѣ ихъ была также и форма, приписываемая Духинскимъ исключительно туранству; мало того, если вѣрить безпристрастнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, то восточно-европейскій туранизмъ унаслѣдовалъ свою форму правленія у чистѣйшаго арійскаго государства, какимъ была византійская имперія. Въ Римѣ длинный рядъ цезарей представляетъ эту же самую форму; наконецъ, образчики ея являются и въ самой новѣйшей Европѣ, напримѣръ, во Франціи при до-революціонныхъ Бурбонахъ; наконецъ, и вездѣ въ извѣстныя эпохи бывали формы, весьма похожія на то, что Духинскій хочетъ приписать одному восточному туранству. Самое имя „царя“ (извѣстное у южныхъ славянъ и русскихъ) есть не что иное, какъ видоизмѣненіе латинскаго *Caesar*, изъ котораго вышелъ также и нѣмецкій *Kaiser*, *Kaiser*. Ни хановъ, ни шаховъ мы не встрѣчаемъ у туранцевъ восточной Европы, да и неизвѣстно, превышали ли чисто азіатскіе ханы деспотизмомъ такого чистаго „арійца“, какъ Наполеонъ I, или тотъ герой, которому поклонялся Духинскій: Наполеонъ III. Какъ другія явленія общественной жизни, такъ и форма правленія подлежатъ постепеннымъ измѣненіямъ и каждая форма возможна въ извѣстное время, при извѣстномъ состояніи общества, у важдаго народа, и племенное происхожденіе играетъ здѣсь, быть можетъ, наименьшую роль: венгры въ Азій и персы въ Европѣ имѣли бы, вѣроятно, совсѣмъ иную форму правленія, чѣмъ та, къ которой они теперь пришли. „При всемъ этомъ надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что парламенты

не составляютъ изобрѣтенія чисто западно-европейскаго или арійскаго и что не отъ нихъ только зависитъ спасеніе человѣчества. Какое важное значеніе имѣютъ иногда арійскіе парламенты, это всего лучше можно видѣть на нынѣшнемъ прусскомъ „ландтагѣ“ и на германскомъ „рейхстагѣ“, а благотѣльные результаты весьма патріотической дѣятельности славныхъ сеймовъ блаженной памяти Рѣчи-Посполитой чувствуются, кажется, достаточно на собственной шкурѣ“.

Другую туранскую черту, свойственную также „Москвѣ“, долженъ составлять—по Духинскому—„коммунизмъ“, тогда какъ арійцевъ отличаетъ собственность личная. „Если бы не важный тонъ сочиненій Духинскаго, можно бы подумать, что ученый нашъ шутилъ. Исслѣдовалъ ли онъ дѣйствительно въ этомъ отношеніи цѣлое русское общество во всѣхъ его слояхъ? Потому что обыкновенные смертные, которые хотя поверхностно присматривались бы въ „россійскому“ народу, находятъ нѣчто въ родѣ „коммунизма“ единственно только у сельскаго народа въ такъ-называемомъ общинномъ землевладѣніи; но, кромѣ бѣдныхъ крестьянъ, ни одинъ классъ великорусскаго населенія не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ коммунистическому общественному устройству. Не отличаются ли, можетъ быть, коммунизмомъ великорусскіе купцы, или духовенство, или дворянство, или исполняютъ этотъ коммунизмъ Духинскаго тѣ пивки, которыхъ называютъ кулаками, или владѣльцы учреждений, называемыхъ гласными кассами ссудъ? Надо было бы по истинѣ обладать творческимъ воображеніемъ, чтобы утверждать что-нибудь подобное. И не удивительно ли, что въ мѣстностяхъ, гдѣ великорусскій сельскій народъ живетъ рядомъ съ другими „туранцами“, въ родѣ татаръ, чувашъ, черемисъ, и т. д., именно эти послѣдніе имѣютъ личную собственность, между тѣмъ какъ коммунизмъ отличаетъ поземельное устройство „туранцевъ“, говорящихъ по-славянски. Если бы не ослѣпленіе и не упрямство, Духинскій могъ бы замѣтить, что этотъ аграрный коммунизмъ великоруссовъ на самомъ дѣлѣ есть остатокъ чисто славянскаго преданія, что нѣчто подобное, хотя въ другихъ размѣрахъ, мы еще встрѣчаемъ у сербовъ, болгаръ, и т. д., что даже чисто „арійскій“ народъ—польскій—до сихъ поръ считаетъ лѣсъ и пастбище за собственность коммунистическую, и т. д. Тѣ же самыя взгляды и тѣ же самыя учрежденія въ давнія времена свойственны были всѣмъ, безъ исключенія, народамъ. Мы имѣемъ, напримѣръ, неопровержимыя данныя о коммунизмѣ въ восточныхъ Индіяхъ, у древнихъ германцевъ, у племенъ кавказскихъ, и т. д. Условія жизни измѣни-

лись; измѣнилась также форма собственности и вообще социальнаго устройства. Такимъ образомъ, этотъ коммунизмъ вовсе не есть черта исключительно „туранская“, а просто есть извѣстная ступень общественнаго развитія, черезъ которую проходитъ каждый народъ. Жаль также, что Духинскій забылъ при этомъ случаѣ о коммунистическихъ теоріяхъ и стремленіяхъ у чистой крови арийцевъ западной Европы. Или, можетъ быть, тѣ только—арійцы, кто, охраняя собственность, владѣютъ капиталами и эксплуатируютъ двуногій рабочій скотъ, а остальные—парии хамскаго происхожденія?“

Духинскій серьезно противопоставляетъ туранцевъ, или народы кочевые и пастушескіе, арийцамъ, или народамъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ. Въ его глазахъ великороссіане или москали—хроническіе кочевники, а потому туранцы; они будто бы съ чрезвычайной легкостью переходятъ съ мѣста на мѣсто. Критикъ отвѣчаетъ, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съ величайшей легкостью переносятся съ мѣста на мѣсто только высшіе классы каждаго народа, особливо теперь, по изобрѣтеніи желѣзныхъ дорогъ; но этимъ всего больше отличаются арийцы чистѣйшей крови, именно англичане, и туранцы—москали значительно отстаютъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Что же касается до людей бѣдныхъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и не-осѣдлыхъ, то они обыкновенно покидаютъ родной уголь только по необходимости и по нуждѣ. Такъ, напр., переселеніе народовъ, если это были дѣйствительно народныя передвиженія, предпринималось не для удовольствія, а для отысканія лучшихъ пастбищъ или вообще для отысканія болѣе плодородныхъ земель. Такъ и въ послѣднее время, эмиграція нѣмцевъ, галицкихъ крестьянъ и т. д. въ Америку доказываетъ только, что у бѣдняковъ дома нечего ѣсть и что въ погонѣ за кускомъ хлѣба они не отступаютъ даже предъ такимъ далекимъ путемъ въ неизвѣстныя страны; и какой краснорѣчивый фактъ представляетъ прошлогоднее стремленіе крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей радомской губерніи къ переселенію въ Сибирь, на Амуръ и т. д., стремленіе, которое только съ большимъ трудомъ удалось остановить мѣстнымъ „туранскимъ“ властямъ. Неужели на основаніи этихъ постоянныхъ эмиграцій Духинскій причислитъ нѣмцевъ, галичанъ и крестьянъ радомской губерніи къ кочевымъ туранскимъ народамъ? Духинскій и его послѣдователи могутъ отвѣтить, что двѣ разныя вещи—такое переселеніе по нуждѣ и постоянное кочеванье по обычаю и для удовольствія; но и въ этомъ случаѣ онъ совершенно не знаетъ великоросскаго народа и условій его быта. Кочеванье по обычаю

встрѣчается у киргизовъ, башкиръ и иныхъ народовъ турецкаго племени въ Сибири, но уже татары, чуваша и другіе турецкіе или тюркскіе народы, и финны, живущіе ближе къ Волгѣ и Камѣ, уже не имѣютъ понятія о кочеваніи и занимаются земледѣліемъ и другими промыслами, принадлежащими народамъ осѣдымъ. О великорусскихъ номадахъ мы до сихъ поръ ничего не слышали, замѣчаетъ критикъ. Если для заработковъ русскіе толпами покидаютъ свои дома и идутъ иногда за нѣскольکو сотъ верстъ, то въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; покидаютъ потому, что гонить нужда. Это самое дѣлаетъ и дѣлалъ каждый народъ вездѣ и всегда. Если до сихъ поръ нѣтъ переселеній великороссіянъ въ Америку, то это потому, что въ Россіи, взятой въ цѣломъ, дѣло еще не дошло до переполненія населенія и Россія европейская и азіатская владѣтъ еще пространствомъ для гораздо большаго населенія.

Авторъ припоминаетъ, что въ прежнее время бывали переселенія иного рода, когда помѣщики, по своимъ соображеніямъ, переводили своихъ вѣрностныхъ изъ одного имѣнія въ другое; но эти переселенія, конечно, нельзя приписать къ кочевымъ вкусамъ самого народа, къ его собственному удовольствію. „Таковыми благородными операціями занимались не только помѣщики туранцы, но и чистѣйшіе аріицы, не только москалі, но и самыя несомнѣнные славяне (т.-е., напр., и помѣщики польскіе), тѣ и другіе — поствѣдователи Христовой религіи и ревностные ея распространители. Такія были времена, и никто не обвиняетъ ни этихъ туранцевъ, ни этихъ аріицевъ. Кромѣ того, подобному невольному кочеванію подвергались цѣлыя деревни по инымъ временнымъ поводамъ и, быть можетъ, еще не столько деревень „туранскихъ“, сколько польскихъ, литовскихъ и т. п.. И присутствовалъ ли когда-нибудь Духинскій при подобныхъ проявленіяхъ кочевой жизни, долженствующей характеризовать „московское туранство“ въ отличіе отъ „славянскаго аріиства“? Вѣроятно, нѣтъ, и потому онъ не можетъ сказать, не проливали ли при этомъ его „туранцы“ горькихъ слезъ отчаянія, не слышались ли при этомъ стоны, способные потрясти каждое человѣческое сердце, за исключеніемъ сердецъ затвердѣлыхъ плантаторовъ и ихъ помощниковъ... И туранецъ, и аріецъ, заброшенный далеко отъ родного дома, тоскуетъ о немъ въ теченіе цѣлой жизни“. Авторъ объясняетъ дальше, что если, быть можетъ, великорусскіе дѣйствительно легче покидаютъ свою родину, чѣмъ малорусскіе, полякы, литвинъ, то это объяснялось бы его особенными бытовыми условіями. У великороссіянъ гораздо менѣе развито личное крестьян-

свое землевладѣніе; земля менѣе обработана; въ другихъ краяхъ ему представляется больше простора; наконецъ, важнымъ обстоятельствомъ является то, что на громадномъ пространствѣ онъ встрѣчаетъ населеніе одного быта и языка. „Великорусь можетъ, напр., переселиться изъ окрестностей Петербурга въ окрестности Иркутска и вездѣ по дорогѣ найдетъ большія группы населенія, съ которыми тотчасъ можетъ говорить безъ всякаго труда. На такихъ огромныхъ разстояніяхъ онъ поэтому гораздо легче чувствуетъ себя дома, чѣмъ люди племени, заселяющаго гораздо меньшее пространство, какъ, напр., литвины, латыши, эсты, финны и даже малоруссы и поляки“. Критикъ напоминаетъ и то, что великороссіяне на громадномъ пространствѣ нынѣшней имперіи были колонизаторами, и трудъ колонизаціи еще до сихъ поръ не конченъ, но вообще „такое же самое „кочеваніе“, какъ у великороссіянъ, мы встрѣчаемъ у нѣмцевъ, цѣлыми массами покидающихъ свою первоначальную родину и заселяющихъ цѣлыя области въ чужихъ земляхъ. Вся нынѣшняя Америка заселена западно-европейскими кочевниками этого рода и именно арійскими, изъ племени романскаго и германскаго“.

Въ числѣ признаковъ, свидѣтельствующихъ о кочевой наклонности великоруссовъ, Духинскій указывалъ незначительность числа городовъ у великороссіянъ, въ сравненіи, напр., съ числомъ городовъ въ западныхъ провинціяхъ; города онъ представляетъ какъ „центральныя мѣста торговли и цивилизаціи“ и малочисленность этихъ „центральныхъ мѣстъ“ является очевиднымъ свидѣтельствомъ „туранства“ великоруссовъ. Критикъ приводитъ особенно два обстоятельства, — во-первыхъ то, что Духинскій по названію принимаетъ за „города“ въ губерніяхъ великорусскихъ — только административные пункты, а въ губерніяхъ западныхъ — всякія мелкія мѣстечки, которыя надо приравнять развѣ къ селамъ и слободамъ и которыя во всякомъ случаѣ смѣшно трактовать какъ „центральные пункты торговли и цивилизаціи“. Подобнымъ образомъ число „городовъ“, какъ административныхъ пунктовъ, невелико у сѣверныхъ итальянцевъ и у славянъ въ юго-западной Австріи, — и здѣсь Духинскому также можно было бы усмотрѣть „туранство“.

Загадка этого множества „городовъ и мѣстечекъ“ въ западныхъ губерніяхъ россійской имперіи объясняется очень просто. Этихъ городовъ и мѣстечекъ не основывали вовсе первоначальные жители этихъ земель, славяне и литовцы. Своимъ началомъ они обязаны частію нѣмцамъ, а главное — евреямъ. Польскія, литовскія и западно-русскія мѣстечки, совершенно не встрѣчаемыя

въ другихъ краяхъ, гдѣ нѣтъ такого большого числа евреевъ, созданы только для евреевъ и имъ также обязаны возможностью своего существованія. Устраните евреевъ, и эти „центральныя мѣста торговли и цивилизаціи“ превратятся въ самыя жалкія деревнишки“.

„Противъ только-что упомянутаго эпитета — центральныхъ мѣстъ торговли и цивилизаціи—я долженъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Называть такъ эти грязныя, вонючіе городишки, значитъ смѣяться надъ здравымъ смысломъ. Пусть г. Д. пройдетъ по этимъ мѣстечкамъ и убѣдится, что развѣ только изъ ироніи можно называть „торговлей“ мелкое торгашество и надуванье мѣстныхъ и пріѣзжихъ крестьянъ, или продажу булокъ и кусковъ сыра въ бѣдныхъ лавчонкахъ. Развѣ что г. Д. усматриваетъ обиталища цивилизаціи въ безконечномъ множествѣ шинковъ, которыхъ въ мѣстечкахъ этого рода бываетъ иногда больше, чѣмъ мѣстныхъ хозяевъ христіанъ. Водка, матеріальное разореніе и деморализація сельскаго населенія—вотъ цивилизующее вліяніе этихъ центровъ торговли и цивилизаціи. Пусть г. Д. и его послѣдователи положить руку на сердце и признають, что западные славяне (т.-е. поляки, малоруссы и бѣлоруссы), признаваемые ими за арійцевъ чистѣйшей пробы, не могутъ похваляться этими своими „городами и мѣстечками“.

Относительно языка, Духинскій утверждаетъ, что хотя „мосвали-туранцы“ говорятъ теперь нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ славянскихъ языковъ, но что это не есть ихъ живой, самобытно развитой и искусственно пріобрѣтенный языкъ. Эти туранскіе дикари говорили прежде какимъ-то другимъ языкомъ. Со введеніемъ христіанства они будто въ первый разъ приняли также языкъ церковно-славянскій, которымъ говорятъ до сихъ поръ, „натурально испортивши его по-турански“. Совсѣмъ иное — языки малорусскій и бѣлорусскій: это — языки, которые издавна принадлежать говорящимъ ими племенамъ, языки живые, свободные отъ искусственной пересадки и отъ чуждыхъ наростовъ.

„Утверждать что-нибудь подобное, — говоритъ г. Бодуэнъ, — можетъ только г. Д. и подобные ему „ученые“, которыхъ невинныя души остались не совершенно испорченными знаніемъ строенія славянскихъ языковъ и взаимныхъ отношеній родства между этими языками. Если бы эти господа знали хотя бы только начатки теоріи славянскихъ языковъ, имъ было бы извѣстно, что всѣ говоры великорусскіе (въ томъ числѣ и языкъ литературный) и бѣлорусскіе составляютъ особую группу въ отличіе отъ говорвъ малорусскихъ; но что обѣ группы вмѣстѣ, великорус-

ская и малорусская, должны быть соединены въ одну общую семью, въ противоположность къ остальнымъ славянскимъ языкамъ. Что великоруссы были туранцы, которые приняли языкъ церковно-славянскій, можетъ утверждать только тотъ, кто имѣетъ очень слабое и неясное понятіе какъ о строеніи славянскихъ языковъ, такъ и о томъ, какимъ способомъ и какого рода языки могутъ быть навязаны цѣлымъ народамъ. Подобныя чудесныя присвоенія языковъ могутъ имѣть мѣсто только въ сказкахъ г. Д., но нигдѣ въ дѣйствительности.

„Языкъ великорусскій (т.-е. русскій литературный языкъ вмѣстѣ со всѣми великорусскими говорами) есть языкъ чисто-славянскій по своему строенію со стороны звуковъ и морфологии и есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ и самостоятельныхъ славянскихъ языковъ. Есть въ немъ, правда, и чуждые налеты, чуждые элементы лексическіе, т.-е. чужія выраженія и категоріи выраженій. Есть въ немъ, напр., нѣсколько группъ выраженій, обязанныхъ своимъ звуковымъ характеромъ вліянію языка церковно-славянскихъ книгъ, берущихъ свое начало отъ славянъ южныхъ. Есть въ немъ также въ довольно большомъ количествѣ чужія слова, происхожденія не-славянскаго; но постояннаго чуждаго вліянія на живую фонетику или выговоръ, а также на морфологическое и синтаксическое строеніе языка, не находятъ даже самое старательное изслѣдованіе. Та же самая сумма чужихъ элементовъ найдется и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ особенности польскій языкъ, который кажется г. Д.-му наиболѣе славянскимъ, выдаетъ весьма существенное чужое вліяніе въ утратѣ первобытнаго славянскаго переноснаго ударенія, сохраненнаго, напр., цѣлой русской группой славянскихъ языковъ (въ томъ числѣ языкѣ великорусскимъ). На томъ же основаніи, какъ въ языкѣ польскомъ, можно бы допускать чужое вліяніе въ языкахъ лужицкихъ, въ языкѣ чешскомъ, словацкомъ и т. д. Дѣйствительно ли утрата подвижнаго ударенія и прикрѣпленіе ударенія къ извѣстному слогу (напр., въ польскомъ языкѣ къ предпоследнему, въ чешскомъ—къ начальному слогу и т. п.) были результатомъ чужого вліянія, этого невозможно рѣшить, хотя трудно не обратить вниманія на то обстоятельство, что подобное удареніе, неизмѣнно привязанное къ извѣстному слогу, характеризуетъ собственно языки „туранскіе“, финскіе и турецко-алтайскіе. Мы видѣли такимъ образомъ, что съ своимъ церковно-славянскимъ языкомъ, который будто бы вмѣстѣ съ христіанствомъ навязанъ былъ туранцамъ восточной Европы, г. Д. выступилъ очень не въ пору“.

Въ методѣ изложенія Духинскаго критикъ не находитъ тѣни научности, какъ можно судить и по приведеннымъ примѣрамъ. Духинскій ничего не можетъ доказать и хочетъ убѣдить своего читателя только тѣмъ, что сто разъ повторяетъ одно и то же, въ ожиданіи, что читатель, наконецъ, ему повѣритъ; но слово попоги, замѣчаетъ критикъ, въ наукѣ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Идеи Духинскаго и не имѣютъ ничего общаго съ наукой, ихъ источникъ чисто политическій, — „ихъ диктовала племенная политическая ненависть и желаніе адвокатствовать за Польшу „передъ Европой“, т.-е. передъ толпой дипломатовъ подозрительнаго свойства. Отсюда эта натяжка и извращенія этнографіи и географіи; отсюда возвышеніе Днѣпра и Двины и „рѣчекъ Финляндіи“ до значенія границъ двухъ міровъ. Отсюда эта огульность въ его опредѣленіяхъ и полное отсутствіе анализа частныхъ“.

Критикъ объясняетъ дѣйствительный племенной составъ русской имперіи, объясняетъ, что чисто-славянскіе элементы русскаго народа являются на мѣстахъ своихъ первыхъ поселеній въ такую же недоступную исторіи старину, какъ и у всякихъ другихъ славянъ, что съ распространеніемъ русскаго племени, съ его завоеваніями и колонизаціей, на дальнихъ пунктахъ, и въ отдѣльныхъ только случаяхъ, дѣйствительно происходило смѣшеніе, причемъ на дѣлѣ бывало совершенно обратное тому, что представляетъ себѣ Духицскій. Инородцы съ трудомъ усваивали русскій языкъ; въ случаяхъ преобладанія туземнаго элемента и гдѣ господствовали два языка, русскіе легче усваивали языкъ туземцевъ, чѣмъ наоборотъ. А что касается мнимаго до-историческаго образованія русскихъ славянъ изъ туранцевъ, то, — говорить г. Бодуэнъ, — ничто не мѣшало бы такимъ же образомъ говорить о до-историческомъ туранствѣ поляковъ, чеховъ, малоруссовъ и т. д. Разсужденія Духинскаго свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи общихъ научныхъ понятій: у него нѣтъ понятія о развитіи, о постепенныхъ переměнахъ и переходахъ отъ одного общественнаго положенія до другого, нѣтъ понятія о хронологіи, о вліяніи различныхъ условій на характеръ быта и т. д. Онъ не въ состояніи понять, что народы кочевые и пастушескіе, при измѣненіи условій, могутъ стать осѣдыми и земледѣльческими, и то, что есть только разница въ степени развитія, разница хронологическая, представляется ему какъ различіе основное, какъ непереходимая граница, дѣлящая человечество на два міра. Въмѣсто всякихъ подобныхъ соображеній объ историческомъ развитіи, о дѣйствительныхъ свойствахъ и отношеніяхъ племенъ,

Духинскій твердитъ только одно: арійство—туранство, славяне—москали, славянство—московство и т. д. „Выходитъ, какъ будто, варіація на тѣмъ сказаніи о Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, причѣмъ Іафетомъ, очевидно, является „аріецъ“, а Хамомъ „туранецъ“—этнографическая номенклатура, не болѣе счастливая, чѣмъ названіе шляхтича Іафетомъ, а хлопа—Хамомъ“.

„Нашъ этнографъ,—продолжаетъ г. Бодуэнъ,—проповѣдуетъ евангеліе все-арійской любви и по меньшей мѣрѣ равнодушія, если не ненависти, аріевъ въ міру туранскому. Но такъ какъ въ міру арійскому причислены всѣ европейскіе народы на западъ отъ Днѣпра и „рѣчекъ Финляндіи“, то, говоря безъ обиняковъ, рѣчь идетъ по-просту о коалиціи цѣлой „Европы“, вмѣстѣ съ арійской Польшей, съ цѣлью оттолкнуть на востокъ туранскую Москву“. Не говоря о томъ,—замѣчаетъ критикъ,—что подобная мораль очень напоминаетъ исключительную мораль еврейскую или мусульманскую, историческіе факты ни мало не подтверждаютъ такого соединенія арійцевъ въ одну взаимно себя любящую овчарню; критикъ напоминаетъ, что величайшимъ врагомъ польскихъ славянъ былъ архи-арійскій и архи-христіанскій орденъ меченосцевъ, который еще въ XIV столѣтіи возымѣлъ проектъ о раздѣленіи арійской Польши; и кто въ настоящее время изгоняетъ поляковъ цѣлыми толпами, какъ не аріецъ Бисмаркъ съ его германско-арійской прислугой, и какъ обращался съ поляками ихъ сердечный пріятель, аріецъ Наполеонъ I?

Критикъ отвѣчаетъ на эту проповѣдь все-арійской любви еще другими полновѣсными указаніями на исторію и современность этого арійскаго міра. Изъ исторіи самой Польши онъ припоминаетъ тѣ многіе случаи, когда польскіе арійцы вступали въ союзы съ турками и другими туранцами для угнетенія другихъ братьевъ арійцевъ. Онъ припоминаетъ, какъ сами братья славяне рѣзались между собою, какъ поляки рѣзались съ малоруссами, или какъ въ новѣйшее время сербы съ болгарамъ служили потѣхой для арійской христіанской Европы. Изъ старой и новой исторіи Европы онъ припоминаетъ, какъ арійство не помѣшало существованію инквизиціи, рабства и каннибальской политики. Чисто арійскимъ изобрѣтеніемъ онъ считаетъ идею двухъ родовъ нравственности: одной—частной, другой—общественной, и т. д. Критикъ находитъ, что если бы Духинскій припомнилъ эти факты, онъ могъ бы не проповѣдывать своей теоріи и могъ бы не засчитывать въ число арійцевъ такихъ очевидныхъ туранцевъ, какъ венгры и финны, и могъ бы не распространяться о великомъ значеніи венгровъ и басковъ для европейской цивилизаціи.

„И однако же выводы г. Д. принимались серьезно въ учебномъ мірѣ западной Европы. Онъ успѣлъ не только „убѣдить“, но даже фанатизировать въ своей „теоріи“ Анри Мартена и другихъ „важныхъ ученыхъ“ французскихъ, нѣмецкихъ и т. д. Это указываетъ только, въ какомъ жалкомъ положеніи находится еще методъ историческихъ наукъ“.

Опредѣливши такимъ образомъ научное значеніе теоріи, критикъ переходитъ къ ея практическимъ результатамъ, къ ея вліянію на умы, дѣйствія и судьбу его соотечественниковъ. Онъ приходитъ въ этомъ отношеніи къ самымъ печальнымъ заключеніямъ. Со времени окончательнаго политическаго упадка въ концѣ прошлаго столѣтія, — говоритъ авторъ, — полякамъ, лишеннымъ многихъ другихъ органовъ самостоятельной общественной жизни, оставалась, однако, наука, какъ одна изъ неоспоримыхъ ручательствъ и рычаговъ народной силы. Никто не могъ запретить работать на полѣ науки, стремиться къ истинѣ и открывать ее безъ всякихъ извращеній, натяжекъ и тенденцій. Такихъ образомъ на польскихъ ученыхъ лежала великая отвѣтственность, болѣе великая, чѣмъ у иныхъ народовъ, пользующихся государственною независимостью. Съ другой стороны, поляки находятся въ томъ болѣе „счастливымъ“, чѣмъ другіе народы, положеніи, что если только они откажутся отъ притязанія на невозможную реставрацію того, что потеряно, могутъ быть болѣе безпристрастны, могутъ болѣе исключительно стремиться къ истинѣ. У другихъ народовъ, ведущихъ политическую жизнь, являются во главѣ сильные люди, которые находятъ себѣ научныхъ прислужниковъ. У поляковъ не можетъ быть Бисмарка, и они не должны имѣть своихъ Гартмановъ; они не могутъ играть въ *grande nation*, и потому могутъ быть свободны отъ шовинизма: „тамъ, гдѣ шовинизмъ опирается на пушкахъ и штыкахъ, онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, реальное основаніе; но тамъ, гдѣ онъ ищетъ опоры только въ прошедшемъ и въ болѣзненныхъ созданіяхъ воображенія, онъ только глупъ и отвратителенъ. — Именно надъ развитіемъ такого шовинизма и вообще надъ ослѣпленіемъ поляковъ и работали, вѣроятно безсознательно, Духинскій и его послѣдователи“.

Уже самое опредѣленіе Дибпромъ и „рѣчками Финляндіи“ границы между Европой западной и восточной, — опредѣленіе, не оправдываемое ни исторіей, ни географіей, — неспособно было разъяснить понятій; еще вреднѣе дѣйствовало на умы то отсутствіе всякой критики и то политическое раздраженіе, которыми проникнуты всѣ творенія Духинскаго. Критикъ припоминаетъ, какъ дѣйствовали въ этомъ смыслѣ на молодые умы сочиненія

Духинскаго лѣтъ 25 тому назадъ, когда ими питалось политическое самообольщеніе и ненависть, и когда, въ порывахъ патриотизма, великороссіяны отождествляли съ монголами.

„Г. Духинскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ трудились надъ оглушѣніемъ польской интеллигенціи, надъ сбиваніемъ ея съ толку, надъ ея ослѣпленіемъ, надъ отвлоченіемъ ея вниманія отъ вещей необходимыхъ и существенныхъ и обращеніемъ его на мечты; слѣдствіемъ чего были политическія галлюцинаціи, а потомъ трата силъ на нищенское выпрашиваніе „интервенцій“, на навязываніе себя со своимъ „арійствомъ“ для устройства крестоваго похода противъ Россіи, для восстановленія старой Рѣчи-Посполитой, которая, бывъ нѣкогда обширной и многолюдной, сама не успѣла сохранить себя собственными силами.

„Слѣдствіемъ всего этого была въ концѣ концовъ безцѣльная политическая авантюра, имѣвшая единственно въ виду съ помощію „мученичества“ вызвать состраданіе въ Наполеонахъ и другихъ политическихъ шарлатанахъ и привести ихъ спасительную „интервенцію“,—и все это когда? Именно тогда, когда были всѣ данныя къ тому, чтобы развиваться по-польски свободно и всесторонне“. Авторъ приводитъ изъ личныхъ воспоминаній примѣры фантастическихъ мечтаній, гдѣ передѣлывалась карта Европы, гдѣ Польша простиралась отъ моря до моря, захватывая не только устье Днѣпра, но даже и Дона, и гдѣ сосѣдямъ (т.-е. русскимъ) оставлены были уголки, гдѣ они могли кое-какъ прозябать. Это была, —говоритъ онъ, —невинная дѣтская забава, въ родѣ постройки карточныхъ домиковъ и тому подобныхъ упражненій. Но другое дѣло, когда начинаетъ серьезно заниматься этимъ образованная часть общества, и надъ этимъ-то трудился Духинскій и его послѣдователи.

„Оставляя въ сторонѣ политическій утилитаризмъ, нельзя не обратить вниманія на вредное нравственное вліяніе подобныхъ „теорій“. Можетъ ли дѣйствовать облагораживающимъ и нравственнымъ образомъ это хроническое оглушѣніе, слѣпая племенная ненависть, замѣненіе анализа лживыми словами („царатъ“, „Москва“, „москалы“ и т. п.)? Отраженіе этой страсти подъ тѣмъ же угломъ не долго заставило себя ждать. Прежде всего она вызвала систематическій каннибальскій крестовый походъ русскихъ газетъ противъ поляковъ, а затѣмъ разныя практическія средства, продиктованныя главнымъ образомъ ненавистью; этимъ способомъ началась травля на поляковъ (Polenhetze), столь же отвратительная, какъ всѣ травли подобнаго рода, какъ Juden-

hetzen, Deutschenhetzen, Slavenhetzen и т. д., но въ результатѣ очень сильныя и приносящія горькіе плоды для племени, под-вергающагося травлѣ.

„Не менѣ вредны въ нравственномъ отношеніи были тѣ сбивающія людей съ толку ссылки на права „арійства“, права аристократическаго происхожденія поляковъ. Это отвратительный племенной аристократизмъ, осуждающій на варварство цѣлыя племена и массы племенъ только за ихъ низшее, не „арійское“ происхожденіе. Подобно тому, какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ прежнихъ сѣверо-американскихъ антропологовъ, негры должны быть осуждены на вѣчное рабство, такъ, по мнѣнію Духинскаго, различное происхожденіе, арійское или туранское, ставитъ между народами западной Европы ничѣмъ несокрушимую преграду“. — При этомъ случаѣ, — замѣчаетъ авторъ, — г. Д. дѣлаетъ маленькую непослѣдовательность, а именно, распространяясь о великомъ значеніи венгровъ и басковъ для арійско-европейской цивилизаціи, онъ тѣмъ самымъ причисляетъ ихъ къ избранному племени аріевъ. Съ точки зрѣнія г. Д. это было очень понятно: какъ же было бы иначе сохранить ненарушимымъ присловье: „Polak, Węgier — dwa bratanki“ и т. д. ¹⁾? А кромѣ того, венгерская шляхта, правящая теперь въ Австріи, имѣла не послѣднее значеніе въ монархіи Габсбурговъ, участіе которой въ аріо-европейскомъ концертѣ, долженствующемъ воскресить Польшу, казалось Духинскому неизбѣжнымъ. Что же касается басковъ, то имъ приписаны великія заслуги для европейской цивилизаціи и они причислены въ великую арійскую семью развѣ только для приличія и для круглаго счета. Между тѣмъ надо бы быть послѣдовательнымъ и всѣхъ не-арійцевъ, а слѣдовательно венгровъ, финновъ, басковъ выбросить изъ западной Европы за „Днѣпръ и рѣчки Финляндіи“.

„Ссылаясь въ литературѣ и при европейскихъ дворахъ на свое „арійство“, дающее само по себѣ право на политическую независимость, поляки этой категоріи производили впечатлѣніе пановъ-нищихъ или тунеядной золотой молодежи, ео ipso приписывающей себѣ право занимать первыя мѣста. Но при этомъ забыто о „правахъ“ человѣческихъ, забыто, что каждый человѣкъ, аріецъ или туранецъ — все равно, имѣетъ право требовать уваженія къ его языку, обычаямъ, убѣжденіямъ, религіи (въ самомъ широкомъ значеніи этого слова), чтобы не вторгались въ его

¹⁾ Это старинное присловье гласило:

Polak, Węgier—dwa bratanki
Tak do szabli, jak do szklanki.

дѣла семейныя, чтобы не заставляли людей умирать съ голоду и чтобы, наоборотъ, не запрещали человѣку отдыхать, свободно передвигаться, говорить и писать на родномъ языкѣ... Говорилось постоянно о шляхетскихъ правахъ на господство въ границахъ 1772 года, въ тѣхъ границахъ, которыхъ въ свое время не могли защитить своекорыстіе и продажность, и не придавалось значенія правамъ человѣческимъ“.

Вредныя практическія послѣдствія этихъ политическихъ галлюцинацій продолжаются до сихъ поръ, и авторъ думаетъ,—будутъ продолжаться еще долго. Такимъ послѣдствіемъ было невольное кочеванье самихъ поляковъ далеко за Днѣпръ и Двину, и на западъ, въ эмиграцію; таково и новѣйшее невольное кочеванье поляковъ по милости всемогущаго Бисмарка. „Всѣхъ этихъ кочеваній не было бы,—полагаетъ авторъ,—если бы не различныя сбивающія людей съ толку „теоріи“, выходящія въ послѣднія десятилѣтія собственно изъ лагеря этихъ западно-европейскихъ польскихъ кочевниковъ. Вдали отъ родной земли они не понимали ея нуждъ, занимаясь только распространеніемъ своихъ мечтаній и причиняя странѣ великій вредъ. Къ этому лагерю принадлежалъ также г. Духинскій. И его рука работала надъ тѣмъ, чтобы сталкивать страну въ еще большую пропасть. Что, однако, она трудилась безсознательно и съ наилучшей вѣрой, за это никто ея не осудитъ. Патриотическое ослѣпленіе и самое чистое безкорыстіе вполне выкупаютъ всѣ заблужденія эмигрантовъ съ точки зрѣнія нравственной отвѣтственности; но освобожденіе отъ нравственной отвѣтственности и отдаваніе почестей во имя народа—это двѣ вещи совершенно разныя“.

По словамъ автора, Духинскаго оправдываетъ еще то обстоятельство, что теоріи подобнаго же рода торжественно провозглашаются въ восточной Европѣ и пользуются признаніемъ ученыхъ профессоровъ и т. п. Авторъ разумѣетъ теоріи нашихъ славянофиловъ, которые, однако, по тому, что они пишутъ, кажутся ему не разъ скорѣе славянофдами. „Надо только передвинуть нѣсколько границу отъ востока на западъ, и сдѣлать небольшія перемѣны въ этнографической номенклатурѣ, и въ ученыхъ водахъ этой „школы“ легко будетъ открыть видоизмѣненную „теорію“ Духинскаго“. А именно, границей служить здѣсь черта, проведенная отъ Данцига до Триеста: что лежитъ на востокъ отъ этой линіи, и еще не вошло въ политическій составъ Россіи, то лишь временно находится въ рукахъ гнилой Европы, а нѣкогда должно волей-неволей войти въ составъ „шестой части свѣта“. Теорія Духинскаго опирается на воспоминаніяхъ прошлаго, на

фантастическихъ мечтаніяхъ и на убѣжденіи о высокомъ цивилизаторскомъ посланничествѣ Польши; славянофилы также утверждаютъ свою „теорію“ на созданіяхъ фантазіи, и также на убѣжденіи о высокомъ цивилизаторскомъ посланничествѣ славянъ вообще, и Россіи въ особенности, а вмѣстѣ на барской спѣси отдѣльныхъ лицъ, чувствующихъ за плечами государственную силу, пушки и штыки; а на такомъ фундаментѣ даже величайшій попсевелъ смотритъ гораздо важнѣе. Между тѣмъ за плечами Духинскаго стоитъ только горсть фанатиковъ и политическихъ нищихъ; поэтому и его „теорія“ производитъ гораздо болѣе мизерное впечатлѣніе“...

Газета „Крај“, отдавая отчетъ о книжкѣ г. Бодуэна-де-Куртена, съ своей стороны, такъ опредѣляетъ дѣятельность Духинскаго: „она довольно наглядно освѣщаетъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей (польской), по-раздѣльной исторіи — именно той, которую поколѣнія записали иллюзіями, столько же, быть можетъ, прекрасными въ своихъ источникахъ, сколько вреднѣйшими въ своихъ послѣдствіяхъ, теоретическихъ и практическихъ.“

„Люди больные и несчастные часто дѣлаются суевѣрными. Вмѣсто того, чтобы приступить къ радикальному леченію по указаніямъ добросовѣстнаго врача, они обращаются къ знахарямъ и ихъ средствамъ. Нѣчто подобное дѣлалось съ нашимъ обществомъ по утратѣ политической самодѣятельности въ концѣ XVIII-го вѣка. Вмѣсто того, чтобы взяться за трудъ надъ поднятіемъ себя изъ упадка нравственнаго и умственнаго, который былъ главной причиною нашихъ политическихъ пораженій, мы шли за совѣтомъ къ общественнымъ знахарямъ, которые, во имя сохраненія нашего индивидуальнаго быта, приглашали насъ беречь гнойныя язвы, болѣзненные наросты и общественные колтуны, угрожая, что съ удаленіемъ ихъ наступитъ неизбѣжная смерть. Однимъ изъ такихъ колтуновъ, безспорно, была брошенная въ несчастливую минуту идея, что мы — „народъ избранный“. Мы упивались ею, какъ гашишемъ, становились неспособными къ работѣ надъ собой, предпочитали ей обольстительные, оьяненные сны, разрушали свой общественный организмъ. Если возвышался трезвый голосъ, призывавшій къ прекращенію этой смертоносной вакханаліи, онъ долженъ былъ тотчасъ замолкать среди всеобщихъ жалобъ и раздраженія на смѣльчака, который не хочетъ или не умѣетъ почитать откровеній народныхъ „пророковъ“ и оставшихся отъ нихъ реликвій... Положеніе по истинѣ трудное!.. Этнографическая идея

г. Духинскаго не есть ядъ, но, конечно, это — наркотическое средство, ничѣмъ не уступающее наркотику „избранничества“ — и даже болѣе радикальное, сколько можно заключать о томъ изъ вліянія, какое имѣло на наше общество употребленіе этого патристическаго снадобья. Потому что въ то время, какъ идея „избранничества“ была только поэтической гиперболой, гипотеза Духинскаго, облеченная въ „догматическую“ форму и зачисленная людьми легковѣрными въ научныя истины, породила цѣлую народную этику съ послылками и заключеніями самыми фатальными“.

Францискъ Духинскій родился въ 1817 году, на Украинѣ, отъ родителей малорусскаго происхожденія, но съ польскими сочувствіями и стремленіями, и еще съ конца 30-хъ годовъ писалъ, по-русски и по-польски, какія-то сочиненія о первоначальныхъ отношеніяхъ Польши и Россіи. Удалившись въ эмиграцію, онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ приобрѣлъ немалую извѣстность публичными лекціями о польской исторіи, гдѣ развивалъ свою теорію о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ, и, по отзыву самихъ польскихъ біографовъ, эта извѣстность объясняется только незнакомствомъ съ славянскою исторіей у иностранцевъ и даже у поляковъ ¹⁾. Результаты своихъ изслѣдованій онъ печаталъ въ 1847—1848 гг. въ одномъ изъ польскихъ изданій въ Парижѣ. Онъ жилъ потомъ въ Итали, былъ въ Константинополѣ, былъ затѣмъ профессоромъ въ польской школѣ, въ Парижѣ, а въ послѣднее время находился хранителемъ польскаго музея въ Рапперсвилѣ, въ Швейцаріи. Главныя его работы явились въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ, по-польски и по-французски ²⁾.

Какое вліяніе имѣли эти писанія Духинскаго, мы видѣли изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. Ихъ можно было бы подтвердить множествомъ цитатъ изъ польской литературы эмиграціонной, познанской и галицкой. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ книжкѣ нѣкоего Безстроннаго, выпедшей во Львовѣ, въ 1882 году ³⁾, мнѣнія автора объ этнографическомъ составѣ русскаго

¹⁾ *Rys dziejów literatury polskiej*, Здановича-Совинскаго, т. IV, стр. 449—450.

²⁾ *Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich* (3 ч., Парижъ, 1858—61); *Treść lekcji historii polskiej wykładanych w Paryżu* (тамъ же, 1860); *Pologne et Ruthénie. Origines slaves* (тамъ же, 1861); *Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples Aryas-Européens et Tourans* (тамъ же, 1864); *Peuples Aryas et Tourans, agriculteurs et nomades* (1861).

³⁾ S. Bezstronny. *Przestroga Historji. Chronologiczny rys prześladowania Słowian przez Moskali od dawnych wieków do dni dzisiejszych. Dla południowych Słowian i pausławistów*. Lwów, 1882, IV и 129 стр.

народа находятся въ очевидномъ родствѣ съ теоріей Духинскаго, хотя съ нѣкоторыми варіаціями. Москаля, „происходящіе изъ разныхъ племенъ въ прошедшемъ“, составляютъ отдѣльную „московскую“ народность; надъ ними властвуютъ остзейскіе нѣмцы, татары, черкесы, чухонцы и т. д., „которые для собственной выгоды приняли общее оффиціальное названіе россиянь“.

„Жители имперіи, особой московской народности, не имѣли мужества называться тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности— не имѣли мужества назваться москалями: имъ казалось, что это оторветъ ихъ отъ Европы... Въ удивительномъ, смѣшномъ ослѣпленіи они думали, что имя москаля тождественно съ варваромъ (barbarzyńcem) и что названіе ихъ россиянами защититъ ихъ отъ уворовъ въ варварствѣ. Имъ казалось, что Европа не знаетъ, что дѣлается въ этой „Россіи“; а хотя бы и знала,—они лучше хотѣли быть варварами европейскими, чѣмъ достойнымъ свободнымъ народомъ московскимъ; хотѣли лучше угнетать и быть угнетаемыми, чѣмъ принять названіе москалей и признать себя финско-монгольскимъ племенемъ. Они назвались славянами“ и т. д. (стр. 33—34). Потомъ у этихъ финно-монголовъ явилась откуда-то „мысль завоеванія всей сосѣдней славянщины“; эта мысль оказывается „традиціонной“, причѣмъ остается неизвѣстно, откуда же шла эта традиція. Принять имя славянъ было для москалей тѣмъ удобнѣе, что объ этомъ предметѣ Екатерина II издала особый указъ. Далѣе оказывается, что изъ 90 милліоновъ жителей російской имперіи только „четвертая часть“ говорить „языкомъ російскимъ, т.-е. московскимъ“, и притомъ начала говорить имъ „не дальше, какъ лѣтъ сто тому назадъ“. Далѣе: „этотъ языкъ, происходящій отъ славянскаго языка, распространился вмѣстѣ съ религіей среди народовъ московскаго государства еще тогда, когда въ нихъ не было еще ни капли славянской крови“. Далѣе: „въ такихъ обстоятельствахъ (?) родилась идея панславизма, едва начинающая развиваться при Николаѣ I и вырастающая подъ правленіемъ Александра II. Такъ какъ изъ дѣйствительныхъ потомковъ славянъ наиболѣе были угнетены поляки, которые, вслѣдствіе своей давней государственности, имѣли наиболѣе силы духа и средствъ для нравственнаго сопротивленія противъ тенденціи псевдо-славянъ, то и возникла борьба, и съ нею непрерывающійся рядъ жестокостей, совершавшихся надъ Польшей“ (стр. 34—35). Было бы долго перечислять подробности такого же рода, переполняющія эту книжку: русскіе называются „такъ называемыми русскими“ (стр. 121); въ числѣ поляковъ находятся мазуры, лехиты и русины; у южныхъ сла-

ванъ перечисляются сербы, „илирійцы“, хорваты (стр. 122); Иванъ Ахсаковъ называется прямо татаринѣмъ (стр. 82) и т. д. Какъ будто все это писалось на смѣхъ, или въ сумасшедшемъ домѣ.

Разсудительные польскіе ученые давно относились критически къ учености Духинскаго, но, съ другой стороны, она и до сихъ поръ кажется авторитетной не только для такихъ писателей, какъ Безсторонный, но и для серьезныхъ историковъ литературы ¹⁾. Въ массѣ читателей и патриотовъ, особенно тѣхъ, которые совсѣмъ незнакомы съ русской исторіей, языкомъ, литературой, Духинскій, безъ сомнѣнія, еще и теперь играетъ ту роль, которую рисуетъ авторъ изложенной выше книжки. Категорическій протестъ важенъ былъ именно съ польской стороны, и при извѣстной исключительности польскаго патриотизма, не допускавшаго свободной критики прошедшаго и настоящаго, для этого нужно было имѣть нѣкоторую, можетъ быть, и значительную смѣлость; и газета „Край“ хотя находить форму г. Боуэна нѣсколько „терпкой“, видитъ въ его книжкѣ поступокъ хорошаго патриота (*czyn dobrego obywatela kraju*). Съ нашей стороны этотъ „поступокъ“ можетъ вызвать только полное сочувствіе, потому что одна здравая критика способна удалить вредныя заблужденія и открывать путь къ взаимному пониманію; надобно только желать, чтобы и съ нашей стороны фанатическая нетерпимость уступила мѣсто болѣе здоровому, спокойному и справедливому взгляду на между-славянскія отношенія.

Мы не очень удалимы отъ тѣмы нашей статьи, упомянувъ о замѣчаніяхъ той же польской газеты по поводу моей статьи о малорусско-польскихъ литературныхъ отношеніяхъ. Мы должны прежде всего устроить недоразумѣніе: критикъ ожидалъ въ моей статьѣ цѣльнаго изложенія упомянутыхъ отношеній—но я вовсе и не имѣлъ этого въ виду, и указалъ въ заглавіи, что намѣренъ

¹⁾ Напр., одинъ изъ такихъ историковъ говорить о немъ съ великимъ почтеніемъ: „передъ форумъ историческаго суда Духинскій вызывалъ не только историческіе факты, но геологію и статистику, и все, что только могло дать свидѣтельство о извѣстномъ на судъ прошедшемъ. Онъ указалъ, что поляне жили первоначально точно также на Дибирѣ, какъ на Вартѣ и Вислѣ; онъ разъяснилъ также положеніе россіянъ въ славянскомъ свѣтѣ. Эти свои приобрѣтенія, новыя для насъ, но не новыя въ прошломъ, Духинскій распространяетъ словомъ и перомъ и поучаетъ не только своихъ, но и чужихъ о настоящемъ положеніи вещей“. Adam Kułickowski, „Zarys dziejów literatury polskiej“. 3-е изд. Львовъ, 1884, стр. 486.

былъ дать только нѣкоторые „эпизоды“ изъ польско-малорусскихъ отношеній. Далѣе, критикъ соглашается, что въ моемъ изложеніи есть значительная доля безпристрастія, есть признаніе доброй воли и искренности въ разныхъ явленіяхъ польской литературы, есть защита противъ несправедливыхъ обвиненій,—но въ то же время критикъ остается въ недоумѣніи, какъ же слѣдуетъ полякамъ взглянуть на эти „польско-малорусскія отношенія“: „не видно, слѣдуетъ ли намъ совершенно отречься отъ нихъ, или мы сдѣлаемъ хорошо, если останемся нерушимо на мѣстѣ“. Въ моемъ, хотя эпизодическомъ, изложеніи фактовъ было, кажется, довольно ясно, что оставаться нерушимо на мѣстѣ нельзя,—не впадая въ старую историческую ошибку.

Изъ замѣчаній критика остановимся, для примѣра, на двухъ. Онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи я находилъ въ отношеніи польской литературы къ малорусскому народу извѣстный отбѣнокъ аристократизма, и считаетъ далѣе весьма естественнымъ, что польская поэзія выбирала въ польско-возацкой старинѣ только тѣ явленія, которыя были благопріятной для поляковъ стороной этихъ отношеній. Критикъ замѣчаетъ, что самъ божественный Одиссей не восторгался бы горами труповъ, испачканныхъ въ грязи, если бы это были трупы не враговъ, а его братьевъ; и требовалась бы очень сильная нервная организація, чтобы поэтъ могъ свою лиру „омочить въ крови своихъ“...

Относительно послѣдняго у меня было замѣчено, что трудно было бы и требовать отъ поэтовъ изображенія мрачныхъ воспоминаній своей исторіи, — но рѣчь идетъ не только о поэзіи. На старое „единство“ Малороссіи съ Польшей ссылаются историки и публицисты; но мрачныя событія XVII-го вѣка (отъ изображенія которыхъ можно уволить польскую поэзію) имѣли столь великое реальное значеніе, что положили между двумя народами историческую грань племенной вражды. Поэтому изображеніе однихъ благопріятныхъ сторонъ прошлаго (въ поэзіи или исторической публицистикѣ) является односторонностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и современное „единство“ является воображаемымъ. Критикъ полагаетъ далѣе, что по содержанію поэзія Богдана Залѣскаго глубже поэзіи Шевченка „или Кулиша“: я этого сравненія (особливо послѣдняго) не дѣлалъ; возможно, и даже вѣроятно, что по общему литературному образованію Залѣскій и превышалъ Шевченка; но относительно изображенія малорусской жизни между ними, конечно, не можетъ быть никакого сравненія. Не говоря о цѣнности языка, Залѣскому была доступна лишь одна доля малорусской жизни и исторіи, между тѣмъ какъ Шев-

ченко сливался съ народною жизнію сполна, во всѣхъ ея преданіяхъ и идеалахъ; безъ исключеній. Такъ или иначе, событія XVII-го вѣка имѣли такое народное значеніе, что миновать ихъ нѣтъ возможности, если идетъ рѣчь о малорусско-польскихъ отношеніяхъ. Ихъ можетъ не касаться поэзія, но ихъ должна разъяснить, съ обѣихъ сторонъ, исторія и общественное пониманіе. Что въ этомъ пунктѣ въ польской литературѣ есть неясности и односторонности, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—и отчасти это было указано въ моихъ „Эпизодахъ“. Поэтому, остаться нерушимо на томъ же мѣстѣ нельзя, или въ результатѣ будетъ оставаться тотъ же нуль.

Приведенными соображеніями объясняется и то, чт' мы говорили о польскомъ „аристократизмѣ“ въ отношеніи къ малорусскому народу. Нѣкогда, во времена политическаго „единства“, малорусскій народъ не наслаждался особенно „равноправностью“ и иногда добивался ея до нѣкоторой степени только съ оружіемъ въ рукахъ; вполнѣ равноправнымъ малорусъ (т.-е. малорусскій панъ) становился только тогда, когда сливался съ польскимъ шляхетствомъ по сословнымъ идеямъ, религіи, нравамъ и наконецъ языку, т.-е. совсѣмъ терялъ свою народность; въ массѣ полякъ издавна былъ паномъ, а малорусъ—хлопомъ, или—козавомъ. Когда въ новѣйшее время малорусская народность пошла въ моду, она все-таки представлялась какъ народность низшая: сближаясь съ нею, для поэта польскаго оставалось идеализировать какое-то неопредѣленное козачество, или идеализировать простоту сельскаго быта, съ нѣкоторымъ къ ней снисхожденіемъ. Критикъ напоминаетъ, что Мальчевскій представляетъ козака въ идеальномъ свѣтѣ, что онъ „wszód wiodącej go zgrai jak władca wygląda“: козакъ, человекъ ловкій, бывалый, боевой, конечно, и въ глазахъ самого пана былъ выше простаго двороваго, но это все-таки былъ слуга. Идеализація принимала иногда и демократическій характеръ, какъ на это указываетъ и критикъ, но во всякомъ случаѣ разладъ двухъ народностей остался непримиреннымъ даже и въ области поэзіи. Прибавимъ, что мы вовсе не считаемъ исторической старины какимъ-нибудь фатальнымъ рѣшеніемъ народныхъ отношеній; прошлое можетъ совсѣмъ отойти въ исторію и не смущать народовъ, нѣкогда ведшихъ кровавую борьбу, но для ихъ взаимнаго уразумѣнія и мирнаго сожительства нужно, чтобы въ ихъ отношенія вошелъ и укрѣпился въ нихъ новый нравственный элементъ, сила котораго могла бы загладить старую вражду и соединить людей въ новыхъ жизненныхъ интересахъ. Къ такимъ попыткамъ основать взаимное пониманіе принадлежала

украинская школа польской поэзіи и новѣйшая хлѣбоманія: мы старались указать, что эти попытки были далеко не совершенны.

Въ этомъ послѣднемъ могутъ убѣдить и слишкомъ многіе факты изъ новѣйшей польской литературы и изъ польско-русскихъ отношеній въ Галиціи. Оставляя политику и обращаясь только къ литературѣ, отмѣтимъ, напр., надѣлавшій въ послѣднее время столько шуму романъ Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ“. Авторъ этого романа—одинъ изъ первостепенныхъ польскихъ писателей въ настоящее время; успѣхъ романа былъ величайшій; а каковъ проникающій его взглядъ на малорусско-польскія отношенія, это было достаточно разъяснено въ статьѣ В. Б. Антоновича ¹⁾ и въ свое время понято критикою самой газеты „Кгај“. Новыя объясненія относительно украинской школы въ польской литературѣ даны были недавно въ другой статьѣ „Кіевской Старины“ ²⁾. Украинская школа была однимъ изъ фактовъ новѣйшаго народнаго романтизма и, какъ мы сказали, заключала въ себѣ и попытку единенія съ малорусскою народностью; но отличія между народностью польской и малорусскою распространялись такъ далеко—происхожденіе, религія, историческія преданія, языкъ, обычаи, общественныя условія такъ расходились, что упомянутые опыты, затрогивавшіе только одну небольшую долю малорусско-польскихъ отношеній, остались несовершенными, а нерѣдко по существу ложными, и новѣйшей польской литературѣ, если она желаетъ отстаивать это направленіе польской поэзіи и искать ему будущаго, „остаться нерушимо на мѣстѣ“ невозможно и бесполезно.

А. Пыпинъ.

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1885, май.

²⁾ 1886, апрѣль: „Михаэль Чайковскій и козакофильство“.

ЛЕРМОНТОВЪ

НА СМЕРТЬ

А. С. ПУШКИНА

По подлиннымъ документамъ ¹⁾.

Обстоятельства, приведшія къ роковой дуэли и гибели Пушкина, не разъ разсматривались въ печати. Потому напомнимъ только одно, — а именно, что въ 30-хъ годахъ общество раздѣлялось на два лагеря: одни обвиняли поэта, другіе защищали его. „Ходила молва, что Пушкинъ палъ жертвою тайной интриги, по

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разыскивая матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича Лермонтова, въ архивѣ военнаго министерства я видѣлъ „Дѣло о непроизвольныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовымъ“... Еще тогда я снялъ копии съ самыхъ интересныхъ бумагъ. Въ настоящее время „дѣло“ это находится въ „Лермонтовскомъ музеѣ“ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, откуда мнѣ весьма обязательно были переданы дополнительныя копии съ того, что я не успѣлъ списать въ свое время. Теперь, когда наступаетъ 50-лѣтняя годовщина смерти Александра Сергѣевича Пушкина, будетъ не безынтересно познакомиться съ подробностями обстоятельствъ, вызвавшихъ высылку изъ Петербурга на Кавказъ преемника Пушкинской славы, тогда еще 22-хъ-лѣтняго поэта, посвятившаго памяти великаго усопшаго горячее, ставшее затѣмъ знаменитымъ, стихотвореніе.

Основаніемъ для очерка, кромѣ указаннаго „дѣла“ и находящагося у меня еще незаданнаго матеріала, послужили статьи: А. И. Муравьева, „Знакомство съ русскими поэтами“, Кіевъ 1871; Біогр. очер. Ал. Сер. Пушкина, „Русск. Стар.“ 1890; Мих. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвард. одноклассн., „Русск. Арх.“ 1872; Пшнина, Біографія, при изд. сочин. Лермонтова 1873 года, и др.

П. В.

личной враждѣ, умышленно возбудившей его ревность; дѣятели же были люди высшаго слоя общества“. Эта молва, повидимому, была не лишена основанія. Дѣйствительно, существовала велико-свѣтская интрига, которая, и послѣ смерти Пушкина, имѣла въ высшемъ кругу своихъ партизановъ. Этимъ объясняется, почему на людей, открыто высказывавшихся за Пушкина и горячо прицавшихъ его противниковъ, было воздвигнуто гоненіе, и не одинъ Лермонтовъ сталъ его жертвою. Вотъ почему слѣдственная коммиссія по дѣлу о его стихахъ на смерть Пушкина обратила особенное вниманіе на записку А. А. Краевского къ Раевскому, написанную послѣ ареста Михаила Юрьевича Лермонтова. „Скажи мнѣ, что стало съ Л-р-вымъ? Правда ли, что онъ жилъ, или живеть еще теперь, не дома? Неужели еще жертва, закалаемая въ память усопшему? Господи, когда все это кончится!“

Извѣстенъ и выговоръ, сдѣланный г. Краевскому, по порученію министра народнаго просвѣщенія, попечителемъ петерб. учебнаго округа, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, за то, что г. Краевскій слишкомъ горячо говорилъ объ умершемъ Пушкинѣ.

— „Я долженъ вамъ передать, — сказалъ попечитель г. Краевскому, — что министр (гр. Сергѣй Семен. Уваровъ) крайне, крайне недоволенъ вами! Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія: „Солнце поэзіи...“ Помилуйте, за что такая честь? „Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего великаго поприща!“ Какое это такое поприще? Сергѣй Семеновичъ именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министр, государственный мужъ?! Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стихи — не значить еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить великое поприще! — Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ публикацій“.

„Впрочемъ, — прибавляетъ сообщающій этотъ фактъ г. Ефремовъ, — кн. Дондуковъ-Корсаковъ былъ добрый человѣкъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, передавая замѣчаніе Уварова, оставшагося смертельнымъ врагомъ Пушкина и послѣ его смерти, — едва ли въ душѣ раздѣлялъ мнѣніе о немъ министра“.

Для отношеній придворнаго круга къ Пушкину очень характеренъ отзывъ о немъ камергера, кн. Ц., еще въ 60-хъ годахъ.

Услышавъ выраженіе: „великій Пушкинъ“, князь замѣтилъ: „Чѣмъ онъ великъ?! Если вы говорите о камеръ-юнкерѣ Пушкинѣ, то я скажу вамъ, что онъ былъ препустой и заносчивый человѣкъ; мы его при дворѣ не любили“ („Русск. Стар.“, 1885 г., февр., стр. 477).

Вскорѣ послѣ смерти Александра Сергѣевича, Хомяковъ пишетъ Языкову: „ты уже, вѣроятно, имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и потому рассказывать не стану тебѣ розсказней. Одно, что тебѣ интересно будетъ знать, это—итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены (кажется, только вѣтренность) и гадость общества петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этого отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его приняли изъ милости...“

Мы выписываемъ эти нѣкоторыя показанія современниковъ, чтобы показать, какъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова вполне характеризовало общій взглядъ на дѣло дуэли Пушкина. Даже упрекъ Хомякова Пушкину за то, что онъ отвернулся отъ находящихся друзей, встрѣчаемъ мы въ стихотвореніи:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣтъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный, и т. д.

Лермонтова страшно поразила смерть Пушкина. Онъ благоговѣлъ передъ его гениемъ, и весьма незадолго до дуэли познакомился съ нимъ лично. Поэты встрѣчались въ литературныхъ кружкахъ. Пушкинъ интересовался задуманными А. А. Краевскимъ „Литературными Прибавленіями къ Русскому Инвалиду“, и для перваго нумера, выпедшаго 4-го января 1837 года, далъ стихотвореніе свое „Аквилонъ“, кажется, послѣднее, которое поэтъ видѣлъ напечатаннымъ незадолго до своей смерти. Влад. Серг. Глинка сообщалъ, какъ Пушкинъ въ эту же пору, прочитавъ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, призналъ ихъ „блестящими признавами высокаго таланта“.

Юрьевъ, родственникъ Михаила Юрьевича, рассказывалъ, что катастрофа и симпатія высшаго общества къ Дантесу, въ которому особенно благоволили великосвѣтскія дамы,—все это раздражало юнаго поэта. Всегда полный самаго деликатнаго вниманія къ своей бабушкѣ, Е. А. Арсеневой, поэтъ, жившій тогда у нея, съ трудомъ воздерживался отъ раздраженнаго отвѣта, когда старушка

утверждала, что Пушкинъ сѣлъ не въ свои сани и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ управлять лошадьми, помчавшими его, наконецъ, на тотъ сугробъ, съ коего велъ одинъ лишь путь—въ пропасть. Не желая спорить съ бабушкою, поэтъ уходилъ изъ дому. Елисавета Алексѣевна, замѣтя, какъ на внука дѣйствуютъ свѣтскіе толки о смерти Пушкина, стала избѣгать говорить о томъ. Но зато говорили другіе, говорилъ весь Петербургъ, и, наконецъ, все это такъ сильно повліяло на Михаила Юрьевича, что онъ захворалъ нервнымъ разстройствомъ. Ему приходило даже на мысль вызвать убійцу и мстить за гибель русской надежи. Это, впрочемъ, не удивительно:—было много пылкихъ людей, готовыхъ сдѣлать то же. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ, желая спасти Дантеса отъ грозившей ему опасности, наконецъ долженъ былъ выслать его за границу. Прежде всего Лермонтовъ далъ выходъ своему негодованію, написавъ стихотвореніе на смерть поэта и выставивъ въ немъ его противника искателемъ приключеній:

...издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока, и т. д.

Такой взглядъ на Дантеса сердилъ его защитниковъ. Онъ былъ принятъ въ общество; былъ приглашенъ на службу самимъ императоромъ, былъ офицеромъ перваго гвардейскаго кавалерійскаго (кавалергардскаго) полка—и вдругъ смѣтъ называть его пустымъ искателемъ приключеній!

Умы немного утихли, когда разнесся слухъ, что государь желаетъ строгаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновныхъ. Тогда-то эпиграфомъ къ стихамъ своимъ Лермонтовъ поставилъ:

Отмищенье, государь, отмищенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его, въ подвѣйшіе вѣка,
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи.)

Слова эти, очевидно, сочинены самимъ Лермонтовымъ, и потому совершенно неосновательно выброшены издатели изъ собранія его сочиненій. Въ экземплярѣ стиховъ, приложенномъ къ судному дѣлу надъ Лермонтовымъ, они находятся, и въ своемъ показаніи поэтъ признаетъ все своимъ произведеніемъ.

Извѣстно, что Лермонтовъ написалъ стихотвореніе сначала безъ заключительныхъ 16 строкъ, и что онѣ, прочтенныя госу-

даремъ и другими лицами, въ общемъ, удостоились одобренія. Рассказывали, что в. кн. Михайлъ Павловичъ сказалъ даже: „этотъ, чего добраго, замѣнить Россіи Пушкина!“ Жуковскій призналъ въ нихъ проявленіе могучаго таланта; князь Влад. Фед. Одоевскій, по адресу Лермонтова, наговорилъ комплиментовъ его бабушкѣ, Арсеньевой, встрѣтивъ ее въ собраніи. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на новаго поэта, и командиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка утверждалъ, что, не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ, онъ непременно послалъ бы вызовъ Лермонтову за эти ругательные стихи, но, впрочемъ, командиръ одобрилъ ихъ. Да и нельзя было иначе. Ходилъ слухъ, что самъ государь выразилъ, относительно стиховъ, довольство свое.

Такимъ образомъ, неудобно было не находить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нѣхотя принялъ его въ свою среду. Морщились отъ такихъ мѣстъ стихотворенія, гдѣ поэтъ говорить:

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрялъ онъ словамъ и ласкамъ лжнвымъ!

или:

...Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный чудный даръ...

Самъ поэтъ, нервно-больной, разстроенный, лежалъ дома. Бабушка его послала за лейбъ-медикомъ Арендтомъ, у котораго лечился весь великосвѣтскій Петербургъ. Онъ рассказалъ Михаилу Юрьевичу всю печальную эпопею двухъ съ половиною сутокъ — съ 27-го по 29-е января — которые протерпѣлъ Пушкинъ. Погруженный въ думу свою, лежалъ поэтъ, когда въ комнату вошелъ его родственникъ, братъ вѣрнаго друга поэта, „Монго-Столыпина“, камеръ-юнкеръ Николай Арвадьевичъ Столыпинъ. Онъ служилъ тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ Нессельроде и принадлежалъ къ высшему петербургскому кругу¹⁾. Такимъ образомъ, его устами гласила мудрость придворныхъ салоновъ. Онъ рассказалъ больному о томъ, что въ нихъ толкуется. Сообщилъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить

¹⁾ Н. А. Столыпинъ до послѣдняго времени занималъ постъ посланника въ Гагѣ и скончался въ 1884 году.

трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу, и т. п. Столыпинъ, какъ и всѣ, расхваливалъ стихи Лермонтова, но находилъ и недостатки и, между прочимъ, говорилъ, что „Мишель“ напрасно, обоготворяя Пушкина, слишкомъ нападаетъ на невольнаго убійцу, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться. „Nonneur oblige!“ Лермонтовъ отвѣчалъ на это, что чисто-русскій человѣкъ, не офранцузенный, не испорченный, снесъ бы со стороны Пушкина всякую обиду; снесъ бы ее во имя любви своей къ славѣ Россіи, — не могъ бы поднять руки своей на нее. Споръ сталъ горячѣе, и Лермонтовъ утверждалъ, что государь накажетъ виновниковъ интриги и убійства. Столыпинъ настаивалъ на томъ, что тутъ было дѣло чести, и что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что судить Дантеса и Гекерна по русскимъ законамъ нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могутъ быть судимы на Руси. Тогда Лермонтовъ прервалъ его, крикнувъ: „Если надъ ними нѣтъ закона и суда земного, когда они палачи генія, — такъ есть божій судъ“. Эта мысль вошла потомъ почти дословно въ послѣднія 16 строкъ стихотворенія. Запальчивость поэта вызвала смѣхъ со стороны Столыпина, который тутъ же замѣтилъ, что у „Мишеля слишкомъ раздражены нервы“. Но поэтъ уже былъ въ полной ярости; онъ не слушалъ своего свѣтскаго собесѣдника и, схвативъ листъ бумаги да сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро чертилъ по ней карандашомъ, ломая, по обыкновенію, одинъ за другимъ. Увидавъ это, Столыпинъ, полушопотомъ и улыбаясь, замѣтилъ: „La poésie enfante!“ Наконецъ, раздраженный поэтъ напустился на собесѣдника, назвалъ его врагомъ Пушкина и, осыпавъ упреками, кончилъ тѣмъ, что закричалъ, чтобы онъ сію же минуту убирался, — иначе онъ за себя не отвѣчаетъ. Столыпинъ вышелъ со словами: „Mais il est fou à lier!“ Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій съ полдюжины карандашей, прочелъ Юрьеву заключительныя 16 строкъ своего стихотворенія, дышащихъ силой и энергіей негодованія.

А вы, надменные потомки,
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправше обломки
Игрою счастья обиженныхъ родовъ! и т. д.

Въ негодованіи на всѣхъ защитниковъ Дантеса и противниковъ Пушкина, Лермонтовъ особенно язвилъ Столыпина, прадѣдъ котораго происходилъ далеко не отъ знатныхъ предковъ и обогатился на винныхъ откупахъ, слѣдовательно не совсѣмъ без-

упречными средствами, хотя и пользовался репутациею „благороднаго и честнаго человѣка“. Но тогда, да и позже, возрѣнія были своеобразны, и еще Гоголь дерзнулъ, въ лицѣ откупщика Муразова, во второй части „Мертвыхъ душъ“, выставить идеаль честности и правдивости. Пылкій поэтъ живо вспомнилъ приниженія отца его родомъ Столыпинныхъ, отца, принадлежавшаго къ древнѣйшимъ, хотя и захудалымъ родамъ Европы. Поэту, съ дѣтства страдавшему отъ этой явной несправедливости, были особенно ощутительны преслѣдованія Пушкина со стороны высочезъ аристократизма, „жадною толпою стоявшихъ у трона“. Въ гнѣвныхъ стихахъ Лермонтовъ облегчалъ наболѣвшую душу свою отъ собственнаго горя, отъ боли за русскаго павшаго поэта, которому онъ подражалъ въ дѣтствѣ, восторженно прислушиваясь къ чуднымъ пѣснямъ, передъ коимъ преклонялся, до котораго, полный уваженія и благоговѣнія, едва еще рѣшался поднять юношескій свой взоръ.

Извѣстность стиховъ Лермонтова на смерть великаго поэта быстро распространилась. Въ то время многіе почтили память усопшаго стихами на кончину его, но ни въ одномъ не звучало столько силы, таланта, любви и негодованія, ни одно стихотвореніе такъ полно не выражало чувствъ всей Россіи, за исключеніемъ самаго небольшого круга людей.

Съ Лермонтовымъ жилъ вмѣстѣ другъ его дѣтства и товарищъ по московскому университету, Святославъ Аванасьевичъ Раевскій, служившій въ военномъ министерствѣ и познакомившій поэта съ г. Краевскимъ и вообще съ литературнымъ кругомъ. Придя вечеромъ домой, Раевскій нашель вновь сочиненные 16 стиховъ. Онъ пришелъ въ восторгъ и, радуясь быстрой славѣ, пріобрѣтенной 22-лѣтнимъ поэтомъ, сталъ распространять и эти сильные стихи. Правда, ему, какъ и Лермонтову, приходило въ голову, что за эти 16 строкъ можно пострадать, что имъ можно легко придать весьма опасное толкованіе; но молодые люди утѣшали себя тѣмъ, что государь осыпалъ милостями семейство Пушкина, слѣдовательно—дорожилъ поэтомъ, изъ чего, какъ казалось имъ, вытекало само собою, что можно бранить враговъ поэта. Расточаемыя 22-хъ лѣтнему поэту похвалы льстили и ему самому, и другу его. Наконецъ, ихъ успокоивала мысль, что всѣ распространяемые и переписываемые экземпляры носили подпись: „Лермонтовъ“, и „высшая цензура давно бы остановила ихъ распространеніе, если бы считала это нужнымъ“.

Но молодые люди не сообразили, что со стихами происходило недоразумѣніе. Ходили по рукамъ двѣ редакціи: одна—снабженная

16-ю заключительными стихами, а другая — нѣтъ. Вотъ почему ни тогдашній начальникъ III-го отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи, Мордвиновъ, ни графъ Бенкендорфъ, которому Мордвиновъ доложилъ о стихахъ, ничего предосудительнаго въ нихъ не нашли. Но вотъ, на многолюдномъ раутѣ, если не ошибаемся, у графини Ферзенъ, А. М. Хитрово, богатая всевозможными сенсационными вѣстями, обратилась къ графу Бенкендорфу съ злобнымъ вопросомъ: „А вы читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ, въ которыхъ la crime de la noblesse отдѣливается, на чемъ свѣтъ стоитъ, молодымъ гусаромъ Лермонтовымъ?“ Она пояснила, какъ стихи, начинающіеся словами: „А вы, надменные потомки“, и пр., составляютъ оскорбленіе всей русской аристократіи, — и довела графа до того, что онъ увидѣлъ необходимость разузнать дѣло ближе. Тогда-то раскрылось, что ходили по рукамъ два списка. Графъ Бенкендорфъ зналъ и уважалъ бабушку Лермонтова, Арсеневу, бывалъ у нея; ему была извѣстна любовь ея къ внуку, и онъ искренно желалъ дать дѣлу благоприятный оборотъ. Говорили, что когда графъ явился къ императору, чтобы доложить о стихахъ въ самомъ успокоительномъ смыслѣ, государь уже былъ предупрежденъ, получивъ по городской почтѣ экземпляръ стиховъ съ надписью: „Воззваніе къ революціи“. Подозрѣніе тогда же пало на г-жу Хитрово. Не даромъ еще, въ то же утро, графъ Бенкендорфъ замѣтилъ А. В. Дубельту, говоря о слышанномъ на вечерѣ, что „если Анна Михайловна (Хитрово) знаетъ о стихахъ, то не остается ничего больше дѣлать, какъ доложить о нихъ государю“.

Вслѣдствіе большихъ связей бабушки Лермонтова, Арсеневой, поэтъ пользовался большими льготами. Онъ почти не жилъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ былъ расположенъ его полкъ, а проживалъ у бабушки въ Петербургѣ. Это обстоятельство усугубляло вину Лермонтова. Такъ какъ онъ формальнаго отпуска не получалъ, то непробываніе его въ мѣстѣ стоянки полка считалось „самовольнымъ отлученіемъ“. Начальникъ штаба, Веймарнъ, посланный въ Царское Село осмотрѣть тамъ бумаги поэта, нашелъ квартиру нетопленную, ящики стола и комодовъ пустыми. Долгое отсутствіе Лермонтова прикрыли внезапною болѣзью его, приключившеюся при посѣщеніи внукомъ престарѣлой бабки, и ограничились затѣмъ только выговоромъ ближайшему виновнику недосмотра, полковнику Соломирскому (приказъ по отд. гвард. корпусу, отъ 28-го февраля 1837 года, за № 33). Болѣзнь Лермонтова дѣлала, однако, необходимымъ разъясненіе, къмъ было распространено стихотвореніе. Главнымъ виновникомъ оказался Святославъ Аванасьевичъ

Раевскій. Онъ охотно рѣшился взять на себя добрую часть вины. Февраля 21-го, онъ былъ посаженъ подъ арестъ, по распоряженію графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Лермонтовъ же подвергнутъ домашнему аресту. Того же дня съ Раевского было снято показаніе. Отлично сознавая важность того, чтобы показаніе Лермонтова не рознилось съ его показаніемъ, онъ черновую, писанную карандашомъ, положилъ въ пакетъ и адресовалъ его на имя крѣпостного человѣка Михаила Юрьевича, искренно преданнаго своему господину. Адресъ на этомъ пакетѣ гласилъ:

„Противъ 3 Адмиралтейской части, въ домѣ вн. Шаховской. Андрею Иванову“.

Къ черновой приложена замѣтка:

„Андрей Ивановичъ!

„Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю (такъ звали Лермонтова въ домашнемъ кругу). Я подалъ записку министру. Надобно, чтобы онъ отвѣчалъ согласно съ нею, и тогда дѣло кончится ничѣмъ. А если онъ станетъ говорить иначе, то можетъ быть худо.

„Если самъ не сможешь завтра же по утру передать, то черезъ Аванасія Алексѣевича.

„И потомъ непременно съечь ее“.

Аванасій Алексѣевичъ Столыпинъ (братъ бабки поэта), скончавшійся въ 1866 году, былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ, и самъ былъ изъ немногихъ людей, привязанныхъ къ Михаилу Юрьевичу. Доставку этого пакета Раевскій препоручилъ одному изъ сторожей. Пакетъ былъ перехваченъ и не мало усугубилъ виновность Раевского передъ судьями.

Вотъ показаніе Раевского:

„Бабка моя, Кирѣева, во младенчествѣ воспитывалась въ домѣ Столыпинныхъ, съ дѣвицею Е. А. Столыпиною, впослѣдствіи по мужѣ Арсеньевою (дамою 64-хъ лѣтъ, родною бабкою корнета Лермонтова, автора стиховъ на смерть Пушкина).

„Эта связь сохранилась и впослѣдствіи между домами нашими; Арсеньева крестила меня въ г. Пензѣ въ 1809 году и постоянно оказывала мнѣ родственное расположеніе, по которому и потому, что я, видя отличныя способности въ молодомъ Лермонтовѣ, воротко сошелся—предложены были въ домѣ ихъ столъ и квартира.

„Лермонтовъ имѣетъ особенную склонность къ музыкѣ, живописи и поэзіи, почему свободные у обоихъ насъ отъ службы

часы проходили въ сихъ занятіяхъ, въ особенности послѣдніе три мѣсяца, когда Лермонтовъ, по болѣзни, не выѣзжалъ.

„Въ январѣ Пушкинъ умеръ. Когда эта новость была сообщена Лермонтову съ городскими толками о безымянныхъ письмахъ, возбуждавшихъ ревность Пушкина и мѣшавшихъ ему заниматься сочиненіями въ октябрѣ и ноябрѣ (мѣсяцы, въ которые, по слухамъ, Пушкинъ исключительно сочинялъ),—то въ тотъ же вечеръ Лермонтовъ написалъ элегическіе стихи, которые оканчивались словами:

„И на устахъ его печать“.

„Среди нихъ слова: „не вы ли гнали его свободный чудный даръ“—означаютъ безымянные письма, что совершенно доказывается вторыми двумя стихами:

„И для потѣхи возбуждали
„Чуть затаившійся пожаръ“.

„Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевского, который сообщил ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому, и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія, и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ его императорскому высочеству Государю Наслѣднику, и что онъ изъявилъ высочайшее свое одобреніе.

„Успѣхъ этотъ радовалъ меня по любви въ Лермонтову, а Лермонтову вскружилъ, такъ сказать, голову—изъ желанія славы. Экземпляры стиховъ раздавались всѣмъ желающимъ, даже съ прибавленіемъ 12 (16) стиховъ, содержащихъ въ себѣ выходку противъ лицъ, не подлежащихъ русскому суду—дипломатовъ и иностранцевъ, а происхожденіе ея есть, какъ я убѣжденъ, слѣдующее:

„Къ Лермонтову пріѣхалъ братъ его, камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ Лермонтовъ, будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью, неволью сдѣлался его партизаномъ, и по врожденной пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половина гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны шадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, несмотря на его дерзости, шадилъ два Государя, и даже осыпали милостями, и что затѣмъ о его строптивости мы не должны уже судить.

„Разговоръ шелъ жарче; молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ

сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры—и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому. Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: „Если надъ ними нѣтъ закона и суда земного, если они палачи Генія, такъ есть Божій судъ“.

„Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія; потомъ, по неосторожности, объявлено о его существованіи и дано для переписыванія; чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры.

„Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковать по желанію; но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполнѣ, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считала это нужнымъ, и что Государь Императоръ осыпалъ семейство Пушкина милостями, слѣдовательно—дорожилъ имъ,—положили, что, стало быть, можно было бранить враговъ Пушкина—оставили было идти дѣло такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями. потому что бабушку его, Арсеньеву, не знавшую ничего о прибавленіи, начали безповоить общіе вопросы о ея внугѣ, и что она этого пожелала.

„Вотъ все, что по совѣсти обязанъ я сказать объ этомъ дѣлѣ.

„Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и вида, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры. Политическихъ мыслей и, тѣмъ болѣе, противныхъ порядку, установленному вѣковыми законами, у насъ не было и быть не могло. Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви, ничего не остается желать—развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже моихъ родителей. Сверхъ того, оба мы—русскіе душою и, еще болѣе, вѣрно-подданные: вотъ еще доказательство, что Лермонтовъ не равнодушенъ къ славѣ и чести своего Государя. Услышавъ, что въ какомъ-то французскомъ журналѣ напечатаны клеветы на Государя Императора, Лермонтовъ въ прекрасныхъ стихахъ обна-

ружилъ русское негодованіе противъ французской безнравственности ихъ палатъ и т. п.; сравнивая Государя Императора съ благороднѣйшими героями древними, а журналистовъ—съ наемными клеветниками, онъ оканчиваетъ словами:

Такъ, въ дни воинственные Рима,
 Во дни торжественныхъ побѣдъ,
 Когда съ триумфомъ шелъ Фабрицій
 И раздавался по столицѣ
 Народа благодарный кликъ,
 Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
 Одинъ наѣмный клеветникъ ¹⁾.

„Начало стиховъ не помню, — они писаны, кажется, въ 1835 году,—и тогда я всѣмъ моимъ знакомымъ раздавалъ ихъ по экземпляру съ особеннымъ удовольствіемъ.

„Губернскій секретарь Раевскій.

„21-е февраля 1837“.

Между тѣмъ Лермонтовъ, 22-го февраля, съ своей стороны, далъ слѣдующее показаніе:

„Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу вѣсть о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями. Одни—приверженцы нашего лучшаго поэта—разсказывали съ живѣйшей печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и, наконецъ, принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дурень собою—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ, и прочее. Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера,—никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія.

„Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго имъ никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго;—и врожденное чувство въ душѣ не-

¹⁾ Это стихотвореніе начинается: „Опять, народные вѣтки...“ и невѣрно въ собраніи сочиненій приписывается 1831 году.

опытной—защищать всякаго невинно-осуждаемаго — зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнью раздраженныхъ нервовъ. Когда я сталъ спрашивать: на какихъ основаніяхъ такъ громко они встаютъ противъ убитаго? — мнѣ отвѣчали, вѣроятно, чтобы придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія. — Я удивился; надо мною смѣялись. — Наконецъ, послѣ двухъ дней безповойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ — и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое—утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность его поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества, увеличила въ моемъ воображеніи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; — но, тѣмъ не менѣе, я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежаціе къ высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ, — нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣвать разные, невыгодные для него, слухи. — Тогда, и вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе ошибочно могутъ принять на свой счетъ выраженія, вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вредномъ (какъ я прежде мыслилъ и нынѣ мыслю) для другихъ еще болѣе, чѣмъ для меня. Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ, — ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка. Прежде я писалъ разныя мелочи, быть можетъ, еще хранящіяся у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Одна восточная повѣсть, подъ названіемъ „Хаджи-Абрекъ“, была мною помѣщена въ „Библіотекѣ для чтенія“; а драма „Маскарадъ“, въ стихахъ, отданная мною въ театръ, не могла быть представлена по причинѣ (какъ мнѣ сказали) слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно награждена.

„Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина (что, въ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель, Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя

обвиненія и, по необдуманности, не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ, какъ новость, другому — и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія, произведеннаго ими, не могъ во-время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, — но отречься отъ нихъ, — хотя постигъ свою необдуманность, — я не могъ: правда всегда была моею святыней — и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ ней, какъ защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя и лицомъ Божиимъ.

„Корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка
„Михаилъ Лермонтовъ“.

Дополняемъ все это перечнемъ содержанія главныхъ бумагъ, составляющихъ „дѣло“, изъ котораго почерпнуты самыя показанія Раевского и Лермонтова.

ДѢЛО.

По секретной части.

Министерства военнаго.

Департамента военныхъ поселеній канцеляріи, № 22.

По запискѣ генераль-адъютанта, графа Бенкендорфа о не позволенныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовымъ и распространеніи оныхъ губернскимъ секретаремъ Раевскимъ.

Началось 23-го февраля 1837 года.

Кончилось 17-го іюня 1838 года. (На 44-хъ листахъ.)

1) 23-го февраля 1837 г., гр. Бенкендорфъ пишетъ секретно графу Петру Андреевичу Клейнмихелю, посылая объясненіе корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтова для сличенія съ таковымъ же объясненіемъ чиновника Раевского, а также и пакетъ съ бумагами Раевского. Причемъ сообщаетъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: дѣло о преданіи чиновника Раевского суду приостановить — и о послѣдствіяхъ, какія отъ Его Величества послѣдуютъ по сему предмету, графъ Бенкендорфъ лично сообщаетъ его превосходительству Петру Андреевичу.

2) Объясненіе губ. секрет. (Святополка Аванасьевича) Раевского о связи его съ Лермонтовымъ (собственноручная записка Раевского).

3) Письмо Раевского съ черновымъ объясненіемъ къ Андрею Иванову.

4) Объясненіе корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтова.

7) Записка о службѣ Раевского.

Изъ дворянъ саратовской губерніи. Окончилъ курсъ въ московскомъ унив., въ 1828 году. Началь службу въ министерствѣ финансовъ, а въ 1836 году переведенъ въ департаментъ военныхъ поселеній.

8) Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ 25-й день февраля 1837 г., по коему лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводится тѣмъ же чиномъ въ нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказъ), а губернскаго секретаря Раевского, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, отправить въ олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Подписано: Генераль-адъютантъ графъ Чернышовъ ¹⁾.

10) Затѣмъ, секретно, 26-го февраля 1837 года, за № 99, было предписаніе Клейнмихеля къ Мартынову, петербургскому коменданту, о томъ, чтобы продержать Раевского одинъ мѣсяцъ подъ арестомъ; „по минованіи же срока ареста покорнѣйше прошу г-на Раевского возвратить ко мнѣ“.

17) 26-го марта, генераль Мартыновъ при бумагахъ отправилъ Раевского къ Клейнмихелю.

19) 2-го апрѣля, Раевскому были отпущены прогоны на три лошади (83 р. 88 к.), и онъ, 5-го, отправился на службу въ олонецкую губ.

26) Раевскій былъ при губернаторѣ Андр. Дашковѣ чиновн. особ. поруч.; 29-го мая 1838 года, ему дается отпускъ въ Петербургъ и къ водамъ морскимъ въ Эстляндіи.

7-го декабря 1838 года, Раевскій былъ прощенъ и дозволено ему продолжать службу на общихъ основаніяхъ.

Мы говорили, что графъ Бенкендорфъ почиталъ бабушку поэта, Арсеньеву, благоволилъ сначала и къ Лермонтову. Позднѣе эти отношенія измѣнились, и отъ преслѣдованія графа Александра Христофоровича спасалъ поэта уже вел. кн. Михаилъ Павловичъ. Но это позднѣе. Что еще въ 1838 году Лермонтовъ продолжалъ состоять подъ покровительствомъ графа Бенкендорфа,

¹⁾ Это и есть то Высочайшее повелѣніе, которое приводитъ г. Ефремовъ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. 28, стр. 535), о которомъ сообщаетъ графъ Чернышовъ графу Бенкендорфу и на которомъ послѣдній сдѣлалъ замѣтку: „убрать“.

видно изъ слѣдующаго отношенія его къ военному министру, графу Чернышову:

О КОРНЕТЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ГРОДНЕНСКАГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА, ЛЕРМОНТОВЪ.

Височайше повелѣно спросить мнѣніе его высочества
Михаила Павловича.—27-го марта 1838 года.

Генераль-адъютантъ Адлербергъ.

№ 1145.

Корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовъ, за сочиненіе предосудительныхъ стиховъ на смерть Пушкина, въ февралѣ 1837 года, переведенъ былъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Впослѣдствіи, по моему ходатайству, Государь Императоръ, бывши въ закавказскомъ краѣ, изволилъ оказать Лермонтову помилованіе и повелѣлъ перевести его лейбъ-гвардіи въ гродненскій гусарскій полкъ ¹⁾.

Родная бабка его, вдова гвардіи поручика, Арсеньева, огорченная невозможностію непрерывно видѣть его, ибо, по старости своей, она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою, о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, дабы она могла въ глубокой старости (ей уже 80 лѣтъ) спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданности къ монарху, за оказанное уже ему благодѣяніе.

Принимая живѣйшее участіе въ просьбѣ этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содѣйствовать къ доставленію ей въ престарѣлыхъ лѣтахъ сего великаго утѣшенія и счастья видѣть при себѣ единственнаго внука своего, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство особенное, лично мнѣ, одолженіе испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи всемилостивѣйшее совершенное прощеніе корнету Лермонтову и переводъ его лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ.

Генераль адъютантъ, графъ Бенкендорфъ.

№ 1847.

24-го марта 1838.

С.-Петербургъ.

Его сіятельству военному министру, господину генераль-адъютанту и кавалеру, графу Александру Ивановичу Чернышову.

¹⁾ Высочайшимъ приказомъ отъ 11-го октября 1837 года, даннымъ въ Тифлисѣ.

Высочайшимъ приказомъ отъ апрѣля 9-го дня 1838 года, Лермонтовъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и изъ Новгорода вновь вернулся въ столицу. Товарищъ его по злополучному дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина, Раевскій, былъ возвращенъ позднѣе (7-го декабря). Лермонтовъ, черезъ бабуку свою, сильно о томъ хлопоталъ. Поэтъ не могъ примириться съ мыслью, что Святославъ Аѳанасьевичъ, такъ самоотверженно стремившійся облегчить его участь, все еще оставался въ изгнаніи.

Во время поисковъ за матеріалами для біографіи Лермонтова пришлось намъ проѣздомъ по моршанско-сызранской дорогѣ встрѣтиться съ сестрою Святослава Аѳанасьевича, Анной Аѳанасьевной Соловцовой, рожденной Раевской. Она помнила, какъ братъ ея вернулся изъ ссылки въ Петербургъ, какъ была обрадована старушка-мать, и какъ черезъ нѣсколько часовъ вбѣжалъ въ комнату Лермонтовъ и бросился на шею къ ея брату. „Я помню, какъ онъ его цѣловалъ и потомъ все гладилъ и говорилъ: „прости меня, прости меня, милый“. Я была ребенкомъ и не понимала, что это значило; но какъ теперь помню растроганное лицо Лермонтова и его большіе, полные слезъ, глаза. Братъ былъ тоже растроганъ до слезъ и успокаивалъ друга своего“.

Такъ закончилось дѣло о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина, стихахъ, положившихъ основаніе славѣ юнаго поэта и въ то же время ставшихъ лучшимъ украшеніемъ на посмертномъ вѣнцѣ, озарившемъ славное чело усопшаго 50 лѣтъ тому назадъ Александра Сергѣевича.

Въ заключеніе, приведемъ и самое стихотвореніе—въ томъ видѣ, какъ оно находится при „дѣлѣ“, отмѣчая курсивомъ, что въ немъ разнится противъ печатаемаго въ нынѣшнихъ собраніяхъ сочиненій Лермонтова:

НА СМЕРТЬ ПОЭТА.

*Отмишенье, Государь, отмишенье!
Паду къ ногамъ твоимъ;
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его, въ позднѣйшіе вѣка
Твоей правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.*
(Изъ трагедіи.)

Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
Паль, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
Повикнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта

Повора мелочныхъ обидъ,
 Возсталъ онъ противъ мнѣнiя свѣта
 Одинъ, какъ прежде—и убить...
 Убить!!! къ чему теперь рыданья,
Пустихъ похвалъ ненужный хоръ
 И жалкiй лепетъ оправданья?
 Судьбы *рѣшился* приговоръ.
 Не вы ль сперва такъ долго гнали
 Его свободный, чудный даръ
 И для потѣхи возбуждали
 Чуть затанвившiйся пожаръ?..
 Чтожъ? Веселитесь: онъ мученiй
 Последнихъ перенести не могъ;
 Угасъ, какъ свѣточъ, дивный генiй,
 Увялъ торжественный вѣнокъ.
 Его убiйца хладнокровно
 Навелъ ударъ: спасены нѣтъ.
 Пустое сердце бьется ровно,—
 Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ..
 И что за диво? Издалека,
 Подобно сотнѣ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
 Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой законъ и нравы;
 Не могъ падать онъ нашей славы;
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
 На чтó онъ руку поднималъ!..
 И онъ погибъ, и взять могилы,
 Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый и милый,
 Добыча ревности нѣмой,
 Воспитанъ имъ съ такою чудной силой,
 Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
 Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной,
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшiй людей?
 И, прежнiй снявъ вѣнокъ, *другой вѣнокъ*, терновый,
 Увитый лаврами надѣлъ на него;
 Но иглы тайныя сурово
 Явили славное чело;
 Отравлены его послѣднiя мгновенья
 Коварнымъ шепотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
 И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья
 Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!
 Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
 Не раздаваться имъ опять;

Пріють пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.

* * *

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игру счастья обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпою стоящіе у трона
Свободы, Генія и Славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнью закона:
Предъ вами судъ и правда, все молчи!...
Но *есть, есть* Божій судъ, наперсники разврата!
Есть грозный судъ: онъ ждетъ;
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла, онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью—
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

М. Лермантовъ.

28-го января 1837.

Надо замѣтить, что вездѣ въ этомъ „дѣлѣ“ поэтъ пишетъ свою фамилію черезъ „а“, какъ она и писалась официально; только подъ литературными своими произведеніями онъ писалъ ее черезъ „о“.

Пав. Висковатый.

Декабрь, 1836 г. Дерптъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января, 1887 г.

Итоги минувшаго года.—Смѣшанный характеръ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ.—Виды на будущее.—Вопросъ о значеніи и независимости нашей печати.—Фабричный бытъ въ отчетахъ фабричной инспекціи.—Проектируемыя постановленія о шантажѣ и о наказуемой несостоятельности.—По поводу отчета государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1885 года.

Подвести итоги минувшему году нетрудно: онъ не внесъ никакой существенной перемѣны ни въ характеръ теченій, обрисованныхъ нами при обзорѣ 1885-го года, ни во взаимныя ихъ отношенія. На чьей сторонѣ была сила, то усилилось и усиливается еще больше; что было слабымъ, то еще больше ослабѣло и ослабѣваетъ—вотъ единственное различіе между ближайшимъ прошлымъ и настоящей минутой. Ни одной „линіи“ не удалось еще взять абсолютнаго перевѣса надъ остальными—но рѣшительная побѣда извѣстныхъ направленій становится все болѣе и болѣе вѣроятной. Важнѣйшія законодательныя мѣры, помѣченныя 1886-мъ годомъ, носятъ еще на себѣ явные слѣды противоположныхъ стремленій. Законъ 18-го марта о семейныхъ раздѣлахъ положилъ начало усиленной опеки надъ крестьянами, составляющей заповѣдную цѣль публицистовъ „властной руки“—но въ подробностяхъ онъ пошелъ не такъ далеко, создалъ не столько стѣсненій, уклонился не такъ рѣзко отъ требованій жизни, какъ это предполагалось сначала. Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ ограничилъ, въ интересахъ крупной собственности, понятіе о чиншевомъ владѣніи, затруднилъ осуществленіе чиншевыхъ правъ, установилъ условія выкупа, чрезвычайно благопріятныя для помѣщиковъ, предоставилъ послѣднимъ право участія въ чиншевыхъ присутствіяхъ,—но все-таки обезпечилъ, такъ или иначе, земельное владѣніе одной категоріи сельскихъ обывателей. Законъ 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ возвелъ неисполненіе договора (со стороны рабочаго) на степень уголовнаго

проступка, сдѣлать хозяевъ судьями въ собственномъ дѣлѣ, существенно нарушилъ процессуальную равноправность сторонъ, — но отвергъ обязательность договорнаго листа и насильственное водвореніе рабочихъ, разочаровавъ, въ этомъ отношеніи, крайнихъ защитниковъ землевладѣльческаго интереса. Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ на пути охраны рабочихъ отъ опасныхъ и вредныхъ сторонъ фабричнаго труда, но оставилъ за фабрикантами значительный произволъ и еще болѣе значительный просторъ въ наложеніи штрафовъ, отнесся къ проступкамъ рабочаго (включая слода и самовольный отказъ отъ работы) съ несравненно болѣею строгостью, чѣмъ къ проступкамъ фабриканта, и—что, можетъ быть, всего важнѣе—затруднилъ успѣшную дѣятельность фабричной инспекціи, поставивъ между нею и министерствомъ финансовъ совершенно лишнюю инстанцію губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій.

Не случайностью, конечно, объясняется такой смѣшанный, двойственный характеръ всѣхъ этихъ постановленій. Одни изъ нихъ (законъ о чиншевникахъ, законъ о фабричной работѣ) были задуманы въ такое время, когда господствовали другія „вѣянія“, и сохранили на себѣ, отчасти, ихъ отпечатокъ; другія принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ, но и они не остались свободными отъ вліяній недавняго прошлаго. Въ болѣе чистомъ видѣ отблескъ этого прошлаго проникаетъ собою дѣятельность тѣхъ созданныхъ имъ учреждений, которымъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, ничто не мѣшало идти по первоначально опредѣленной для нихъ дорогѣ. Эти учреждения—крестьянскій поземельный банкъ и фабричная инспекція, къ которымъ, можетъ быть, примыкаетъ и податная инспекція. Говоримъ: можетъ быть—потому, что департаментъ окладныхъ сборовъ все еще, къ сожалѣнію, не обнаружилъ никакихъ свѣденій о результатахъ работы податныхъ инспекторовъ.

Чѣмъ одностороннѣе тенденція и чѣмъ ярнѣе попутный ей вѣтеръ, тѣмъ тягостнѣе для нея всякія уступки и преграды, тѣмъ непріятнѣе все задерживающее или ограничивающее ея побѣду. Полууспѣхъ, въ ея глазахъ, равносильнъ неудачѣ; ея послѣдняя цѣль—устранить самую возможность разномыслія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только вспомнить отношеніе реакціонной печати къ главнѣйшимъ законодательнымъ мѣрамъ 1886-го года. Она встрѣтила ихъ, болѣею частью, глубокимъ молчаніемъ, признавая ихъ, очевидно, слишкомъ нерѣшительными или недостаточно согласованными съ кружковымъ идеаломъ. Тѣмъ громче, зато, раздавалось порицаніе лицъ или коллекцій, виновныхъ въ непризнаніи этого идеала. Атака велась и ведется до сихъ поръ систематически и уверно. Требуется

достигнуть, во-первыхъ, полной гармоніи между исполнительными вѣдомствами, во-вторыхъ — полного единогласія между ними и высшими государственными учреждениями; требуется добиться такого положенія вещей, при которомъ всѣ законопроекты были бы окрашены въ одну краску и сохраняли бы ее вплоть до самаго конца законодательной процедуры, т.-е. до обращенія проекта въ дѣйствующій законъ. „Игра въ парламентъ, игра въ большинство и меньшинство, образованіе партій или коалицій,—обструкціонизмъ“—вотъ цѣлый арсеналъ „страшныхъ словъ“, пущенныхъ въ оборотъ для сокрушенія досадныхъ препятствій. Всѣми этими словами означается, въ сущности, только одно: независимость убѣжденія, съ которою никакъ не можетъ примириться нивелирующій духъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. Гладкое поле, по которому быстро катится шаръ „преобразованій наоборотъ“—вотъ на чемъ любовно останавливается ихъ мечта, съ негодованіемъ отвергая всякое уклоненіе отъ этой картины. Исправлять проектъ, удостоившійся ихъ одобренія—это неслыханная дерзость, за которую они слѣдуютъ покарать виновныхъ. Возраженія, „основанныя на доктринерскихъ сужденіяхъ и не имѣющія никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями государства“, возраженія, принятіе которыхъ „всегда служитъ во вредъ дѣлу“—такова формула, подъ которую подводится всякое самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Отъ совѣщательнаго учрежденія, поставленнаго на высшую ступень государственной іерархіи, ожидается простая регистрація законопроектовъ, регистрація „sans phrase“, въ родѣ той, которая производится почтовыми конторами по отношенію къ заказнымъ письмамъ.

Тѣми же побужденіями, какъ и походъ противъ „игроковъ въ парламентаризмъ“, объясняется непрерывная газетная агитація противъ министерства финансовъ. Оно мѣшаетъ желанной „типи и глади“, продолжая держаться „линіи“, вышедшей изъ моды; оно должно, слѣдовательно, *se soumettre ou se démettre*. Первая альтернатива была предложена ему въ началѣ года, когда „Московскія Вѣдомости“ обратилась къ Н. Х. Бунге съ незабвенными словами: „Пусть со всею энергіею оттолкнетъ онъ отъ себя эту партію (ту самую мнимую партію, которая фигурируетъ въ числѣ „страшныхъ словъ“), и онъ найдетъ въ насъ искреннихъ и усердныхъ во всемъ пособниковъ“. Призывъ не былъ услышанъ—и къ концу года была выдвинута вторая альтернатива, въ видѣ цѣлаго ряда статей о сахарномъ вопросѣ и о сліяніи общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ земельнымъ банкомъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что готовность допустить нормировку сахарнаго производства была большою ошибкой со стороны министерства финансовъ, но

для тенденціозныхъ нападеній противъ министра она послужила не причиной, а только предлогомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о сліяніи, упомянутомъ нами выше. Министерству финансовъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало предлагать такое рѣшеніе вопроса, которое было сопряжено съ убытками для казны и ничѣмъ не вызванными льготами для частныхъ лицъ ¹⁾; но не изъ-за этого, вѣдь, конечно, напали на него тѣ органы печати, которые еще недавно отстаивали льготный, въ ущербъ казнѣ, кредитъ для дворянъ-земле-владѣльцевъ. Настоящихъ мотивовъ ожесточенія, съ которыми реакціонная печать набросилась на проектъ сліянія, слѣдуетъ искать отчасти въ сословной исключительности (проектъ допускалъ недворянъ въ число заемщиковъ дворянскаго банка), отчасти — и въ гораздо большей степени — въ старинной враждѣ, воспитанной всѣмъ тѣмъ, что было и есть хорошаго въ дѣятельности министерства финансовъ.

Стараніе удалить или обезсилить элементы, не поддающіеся господствующему теченію, достигаетъ крайняго своего напряженія въ виду очередныхъ задачъ ближайшаго будущаго. Наступившему году суждено, кажется, увидѣть осуществленіе мѣстной административной — или, лучше сказать, судебно-административной — реформы. Чѣмъ смѣлѣе надежды, соединяемыя съ нею въ рядахъ сословно-бюрократической группы, тѣмъ понятнѣе усилія, направленные къ приготовленію для нея пути безмятежнаго и ровнаго, защиты единодушной и энергичной. Ширинѣ размаха соответствуетъ усиленная заботливость о его успѣхѣ. Перемѣна въ мѣстныхъ учрежденіяхъ задумана, повидимому, радикальная, хотя газетные защитники ея особенно усердно отвергаютъ, на словахъ, всякую мысль о ломѣѣ. Мировымъ судьямъ предстоить, быть можетъ, сдѣлаться администраторами, принять на себя, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, наслѣдство мировыхъ посредниковъ — и остаться судьями по имени, но не по духу. Этого мало: взаимнѣ мировыхъ судей, избираемыхъ безсословнымъ земствомъ и отвѣтственныхъ только передъ судомъ, могутъ явиться мировые судьи, избираемые земствомъ сословнымъ, изъ среды одного сословія, или мировые судьи, назначаемые и увольняемые администраціей. Не разбирая, на этотъ разъ, ни шансовъ принятія той или другой мѣры, ни сравнительнаго ихъ достоинства, спросимъ себя только одно: допустима ли, въ настоящую минуту, самая мысль о непрочности основныхъ началъ, введенныхъ въ нашу жизнь великимъ

¹⁾ Пониженія платежей, лежащихъ на членахъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, предполагалось достигнуть покрытіемъ нѣкоторой ихъ части изъ средствъ казны, на что пришлось бы тратить ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, отъ 1½ до 2 милліоновъ рублей.

законодательнымъ актомъ 1864 года? Угрожаетъ ли, можетъ ли угрожать имъ какая либо серьезная опасность?

Если вѣрить нѣкоторымъ органамъ нашей печати—преимущественно тѣмъ, которые тщетно стараются найти какую-то невозможную средину и колеблются между обими берегами, безпрестанно увлекаемые торжествующимъ потокомъ,—никакой опасности, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ, никто ни на что не посягаетъ, идеалъ закона и законности никѣмъ не оспаривается въ теоріи, никѣмъ не игнорируется на практикѣ. Благо тѣмъ, кто можетъ пребывать въ этой прекраснѣйшей увѣренности, кто можетъ не видѣть и не слышать происходящаго вокругъ, съ полнѣйшею безперемежностью и откровенностью. Итакъ, нападенія на „судебное самодержавіе“, на „судебную республику“, на несмѣлимость судей и неотсмѣлимость окончательныхъ судебныхъ рѣшеній—всѣ эти нападенія, говорятъ намъ, существуютъ только въ напуганномъ воображеніи друзей суда, или идутъ отъ небольшого, безсильнаго кружка политическихъ старовѣровъ? Хорошо, еслибы это было такъ; но не нужно быть пессимистомъ, чтобы придти къ совершенно иному заключенію. Оставимъ область газетныхъ криковъ, какъ они ни характеристичны для настоящей минуты, и обратимся къ официальнымъ актамъ. Въ государственномъ совѣтѣ недавно слушалось или скоро должно слушаться представленіе министерства юстиціи объ ограниченіи судебной гласности по дѣламъ уголовнымъ. Если бы оно было направлено только къ увеличенію числа случаевъ, въ которыхъ судебное засѣданіе должно происходить при закрытыхъ дверяхъ, или къ расширенію факультативной, въ этомъ отношеніи, власти суда, оно не имѣло бы принципиальнаго значенія и подлежало бы оцѣнкѣ исключительно съ точки зрѣнія цѣлесообразности отдѣльныхъ поправокъ, вносимыхъ имъ въ уставъ уголовного судопроизводства. Въ крайнемъ случаѣ, можно было бы допустить даже закрытіе дверей засѣданія не по распоряженію суда, рассматривающаго дѣло, а по опредѣленію кассационнаго сената, вызванному особенностями даннаго процесса. Представленіе министерства юстиціи, если вѣрить слухамъ, идетъ гораздо дальше: правомъ устранять гласность судебного разбирательства оно облакаетъ министра юстиціи. Несомнѣнность такого права съ однимъ изъ краеугольныхъ камней новаго судебного устройства не требуетъ доказательствъ. Правда, въ принципѣ гласности введены измѣненія узаконеніями объ усиленной охранѣ¹⁾, но эти узаконенія имѣли и имѣютъ временный характеръ,

¹⁾ Узаконенія эти уполномочиваютъ генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ требовать слушанія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное рассмотрѣніе которыхъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка.

и дискреціонная власть, ими созданная, не измѣняла, по крайней мѣрѣ, нормальныхъ отношеній между судомъ и судебной администраціей. Проектируемая мѣра грозитъ именно этимъ отношеніямъ, и именно потому можетъ стать „началомъ конца“—конца судебной независимости. Если гласность процесса сдѣлается объектомъ административнаго „усмотрѣнія“, то за этимъ легко можетъ послѣдовать цѣлый рядъ такихъ же „реформъ“, давно намѣченныхъ газетными реакціонерами. Когда основныя положенія 1862 г. провозгласили раздѣленіе властей, первая попытка нарушить это начало была сдѣлана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; его защиту и охрану взяло на себя министерство юстиціи. Повторится ли нѣчто подобное въ настоящее время?..

Полгода тому назадъ можно было думать, что миновала опасность, по крайней мѣрѣ, для одного изъ учреждений — для суда присяжныхъ. Законъ 15-го мая, предоставившій присяжнымъ дѣятельное участіе въ постановкѣ вопросовъ, служилъ какъ бы ручательствомъ въ томъ, что существованіе присяжныхъ перестаетъ быть спорнымъ вопросомъ, получаетъ новую санкцію со стороны законодательной власти. Оказывается, однако, что агитація не прекратилась; ея самоувѣренный тонъ доказываетъ, наоборотъ, что не уменьшились даже ея надежды на побѣду. За отсутствіемъ новыхъ оправдательныхъ приговоровъ, которые позволили бы возобновить кампанію 1883-го года ¹⁾, эксплуатируются теперь то пренія висбаденскаго юридическаго конгресса, то дѣло о подкупѣ присяжныхъ, разбиравшееся на дняхъ въ московской судебной палатѣ. Осужденіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ за взятку выставляется „осужденіемъ цѣлой системы“. Но если это такъ, то какая же система, какая отрасль государственной и общественной жизни остается у насъ не осужденной? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тифлисская судебная палата произнесла приговоръ надъ однимъ изъ закавказскихъ мировыхъ судей, признавъ его виновнымъ въ тяжкихъ служебныхъ преступленіяхъ; значитъ ли это, что осуждена „система“ правительственнаго назначенія судей ²⁾? Обнаруживаютъ ли процессы полицеймейстеровъ въ Кронштадтѣ и Николаевѣ абсолютную негодность всей нашей полиціи, или хотя бы только опасность комплектованія ея изъ среды морскихъ офицеровъ? Что сказали бы реакціонныя газеты, если бы процессъ владимірскаго губернскаго предводителя дворянства, рѣшенный сенатомъ въ 1871 г., былъ обращенъ въ аргу-

¹⁾ Непосредственный поводъ къ этой кампаніи былъ данъ оправданіемъ Островлевоу, Свиридова и дѣтей Мельницкаго.

²⁾ За Кавказомъ, какъ извѣстно, нѣтъ земства, а слѣдовательно нѣтъ и выборныхъ мировыхъ судей.

ментъ противъ всѣхъ вообще выборныхъ представителей дворянства? Какъ отнеслись бы онѣ къ попыткѣ доказать, съ помощью нѣсколькихъ процессовъ о злоупотреженіи родительскою властью, необходимость общаго ограниченія этой власти? Разницы между всѣми этими случаями нѣтъ никакой; изъ единичныхъ фактовъ нельзя выводить общаго заключенія. Нѣтъ такого порядка, который представлялъ бы безусловную гарантію противъ правонарушеній; нѣтъ учрежденія, непогрѣшимого въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ продолженіе двадцати лѣтъ было не больше десяти процессовъ по обвиненію присяжныхъ засѣдателей въ лихоимствѣ или маздоимствѣ—и не всѣ эти процессы окончились осужденіемъ подсудимыхъ. Что такое эта цифра въ сравненіи съ сотнями тысячъ дѣлъ, рѣшенныхъ при участіи присяжныхъ? А между тѣмъ подкупъ присяжныхъ вовсе не принадлежитъ къ числу преступленій хитросплетенныхъ, трудно обнаруживаемыхъ. Малѣйшее подозрѣніе становится здѣсь источникомъ молвы, въ повѣрствѣ которой всегда заинтересованъ прокуроръ, поддерживавшій отвергнутое обвиненіе. Самыя формы подкупа, какъ видно и изъ упомянутого нами дѣла, отличаются, болѣею частью, первобытною простотою и легко поддаются изслѣдованію; Ладилловъ и другіе обвиняемые не были даже допущены къ разбору процесса, по которому они взяли взятку. Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что оправдательный приговоръ, постановленный при участіи подкупленныхъ присяжныхъ, былъ бы, какъ выражается московская реакціонная газета, „непоправимымъ“; доказанный подкупъ судей составляетъ законный поводъ къ пересмотру рѣшеннаго ими дѣла... Процессъ Ладилова безспорно поучителенъ; только поученіе, вытекающее изъ него, не имѣетъ ничего общаго съ выводами реакціонеровъ. Прежде чѣмъ приступить къ подкупу присяжныхъ, родственники подсудимыхъ пытались найти для нихъ правильную защиту—и обратились къ преступнымъ средствамъ только тогда, когда не успѣли сойтись въ условіяхъ съ мѣстными адвокатами или „аблакатами“ (дѣло производилось въ Семеновѣ, одномъ изъ захолустныхъ городовъ нижегородской губерніи). Если бы при судѣ были налицо опытные защитники, обязанные вѣяться за дѣло безвозмездно, по назначенію председательствующаго, мысль о подкупѣ не явилась бы вовсе, и не было бы самого процесса, давашаго поводъ къ „осужденію системы“. Нужно надѣяться, что это новое доказательство въ пользу болѣе правильной организаціи защиты не пройдетъ незамѣченнымъ ни со стороны судебной администраціи, ни со стороны самихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

„Если бы на послѣднемъ конгрессѣ юристовъ въ Висбаденѣ“, восклицаетъ московская реакціонная газета, „явлены были протоколы

Ладилловскаго дѣла, какую подтвердительною иллюстрацію представили бы они въ единогласному отъѣзду юристовъ уголовного отдѣленія о судѣ присяжныхъ!“ Газета немножко „увлекается“; заключеніе уголовной секціи конгресса, неблагоприятное для присяжныхъ, вовсе не было единогласнымъ. Еще важнѣе то, что общее собраніе конгресса не согласилось съ мнѣніемъ большинства уголовной секціи. Чтобы судить о значеніи и роли суда присяжныхъ, о его достоинствахъ и недостаткахъ, не нужно быть специалистомъ, техникомъ; нужно только быть знакомымъ съ различными формами суда, съ ихъ прошедшимъ и настоящимъ, съ ихъ вліяніемъ на жизнь государства и народа. Криминалистъ по призванію слишкомъ часто расположенъ преувеличивать важность знаній, составляющихъ его личную силу; онъ слишкомъ склоненъ думать, что безъ нихъ невозможно ни правильное пониманіе дѣла, ни правильное рѣшеніе. Онъ не довѣряетъ здравому смыслу профановъ, не довѣряетъ ихъ способности разобратся въ фактическомъ матеріалѣ, отличить существенное отъ несущественнаго, сопоставить и взвѣсить доказательства pro и contra, доводы обвиненія и защиты. Чѣмъ обширнѣе его теоретическая подготовка, чѣмъ выше общій уровень его профессіи, тѣмъ вѣроятнѣе, съ его стороны, высокомѣрное отношеніе къ постороннему элементу, вводимому въ храмъ правосудія и допускаемому къ участію въ мистеріяхъ, понятныхъ для однихъ только посвященныхъ. Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать разгадку различія между нѣмецкими криминалистами, высказывающимися, въ большинствѣ, противъ суда присяжныхъ, и русскими, стоящими за него почти поголовно? И у насъ, впрочемъ, начинаютъ появляться отщепенцы, число которыхъ будетъ, по всей вѣроятности, расти, независимо отъ общихъ политическихъ теченій. Мы видимъ въ этомъ естественный результатъ спеціализаціи, въ Германіи достигшей своего апогея въ Россіи, только-что пускающей первые корни. Она имѣетъ много хорошихъ сторонъ, но имѣетъ и свои слабости, ярко выразившіяся въ преніяхъ уголовной секціи висбаденскаго конгресса. Члены другихъ секцій могли отнестись къ вопросу о присяжныхъ болѣе объективно, безъ предвзятой мысли—и подали голосъ за сохраненіе учрежденія, несимпатичнаго криминалистамъ. Нельзя допустить, чтобы теоретики и практики гражданскаго, государственнаго, административнаго права не знали дѣятельности суда присяжныхъ; многіе изъ нихъ стоятъ къ ней очень близко, наблюдаютъ ее почти постоянно—но наблюдаютъ ее какъ безпристрастные судьи, а не какъ сторона, заинтересованная въ дѣлѣ, и приходятъ, поэтому, къ противоположному выводу. Присяжные, въ ихъ глазахъ, не узурпаторы власти, не чернь, ворвавшаяся въ святилище, а просто люди изъ среды народа, способные

исполнить возложенную на нихъ задачу. Пора, слѣдовательно, перестать носиться съ одностороннимъ приговоромъ профессиональнаго самоопытія и выдвинуть на первый планъ общее заключеніе виобаденскаго конгресса: „судъ присяжныхъ долженъ быть сохраненъ, но съ исправленіемъ недостатковъ, свойственныхъ нижѣшнему его устройству“. Это заключеніе вполнѣ применимо и къ Россіи. Путь цѣлесообразныхъ реформъ указанъ закономъ 13-го мая; останется ли ему вѣрнымъ дальнѣйшее движеніе законодательства—на этотъ вопросъ отвѣтитъ время...

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что минувшій годъ окончился благоприятно для русской печати. Онъ принесть ей нѣчто въ родѣ аттестата зрѣлости, выраженного въ слѣдующихъ словахъ правительственнаго сообщенія 3-го декабря: „голосъ печати далеко не лишень значенія въ международныхъ отношеніяхъ“. Нѣкоторыя петербургскія газеты поспѣшили подчеркнуть эти слова, привѣтствуя ихъ какъ первое официальное признаніе той роли, которая давно уже принадлежитъ, *de facto*, русской политической печати. Не трудно замѣтить, однако, что признаніе сопровождается оговоркой существенно-ограничительнаго свойства: голосу печати придается значеніе въ отношеніяхъ международныхъ. Не явствуетъ ли отсюда, что въ области внутренней политики ей отводится по прежнему все то же, довольно скромное, мѣсто?.. Въ дѣлахъ междусударственныхъ или международныхъ имѣетъ вѣсь, съ нѣкоторыхъ поръ, та неорганизованная, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительная сила, которая называется общественнымъ мнѣніемъ. Для равенства шансовъ нельзя не желать, чтобы этой силѣ, насколько она проявляется у нашихъ западныхъ сосѣдей, противопоставлялась и у насъ величина, по возможности, однородная—и вотъ такой величиной признается русская печать. Въ дѣлахъ внутреннихъ потребность въ подобномъ эквивалентѣ не чувствуется и не создается—а слѣдовательно, нѣтъ и надобности въ соответствующемъ дополненіи аттестата. Все это совершенно понятно; спрашивается только: гдѣ тутъ поводъ для искреннихъ ликованій, для провозглашенія какой-то новой эры въ исторіи русской печати? Объ услугахъ, оказанныхъ русскою печатью въ области внѣшней политики, мы слышали въ первый разъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Каковы были эти услуги—это вопросъ, котораго намъ здѣсь незначѣмъ касаться; мы хотимъ только напомнить, что ссылка на „голосъ печати въ международныхъ отношеніяхъ“ не содержитъ въ себѣ ничего новаго (за исключеніемъ развѣ формы), что она была возможна даже при существованіи цензуры.

Гораздо дальше ликующихъ петербургскихъ газетъ пошли „Московскія Вѣдомости“; статья, посвященная ими русской печати, представляется, по истинѣ, явленіе единственное въ своемъ родѣ. „Россія“, по словамъ этой статьи, „обладаетъ своего рода политической свободой: она есть страна не менѣе другихъ конституціонная, только не такъ, какъ другія... Какъ и въ другихъ странахъ, въ Россіи есть законы; есть и законъ, которымъ печать учреждается и которымъ опредѣляется ея независимость. Печать въ Россіи и, быть можетъ, только въ Россіи, находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного органа иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться независимымъ. Въ такъ-называемыхъ конституціонныхъ государствахъ печать не есть выраженіе совѣсти, свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать успѣху своей партіи и заботится не о томъ, чтобы разъяснить и раскрыть дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ правительства печать въ Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ такомъ смыслѣ, въ какомъ все во всякой странѣ находится въ зависимости отъ преобладающей власти. Это правда, что специально установленныя правительственныя власти обязаны наблюдать за направленіемъ печати въ Россіи, но точно такъ же, какъ правительственныя же власти обязаны наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ на публичныхъ путяхъ и оградить общественную безопасность. Только въ такомъ общемъ смыслѣ печать въ Россіи зависима отъ правительства. Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія, то имѣетъ право высказываться и высказывается съ совершенною независимостью“.

Итакъ, печать всего цивилизованнаго міра зависима, а русская печать независима или, по крайней мѣрѣ, можетъ, если захочетъ, быть независимой. Разсмотримъ сначала первую часть этого удивительнаго тезиса. Зависимость западно-европейской печати состоитъ въ томъ, что она служитъ политическимъ партіямъ. Въ основаніи каждой партіи, достойной этого имени, лежитъ тождество или однородность взглядовъ и цѣлей; этимъ же обусловливается, со стороны каждаго члена партіи, и вступленіе въ ея среду, и вѣрность ея знамени. Измѣняются его мнѣнія, утрачивается чувство солидарности съ партіей—онъ выходитъ изъ ея рядовъ и примыкаетъ къ другой группѣ или остается нейтральнымъ. Случается, конечно, и другое: присоединеніе къ партіи или отдѣленіе отъ нея происходитъ не подѣ

вліяніемъ убѣжденія, а вслѣдствіе расчета—но это исключеніе, а отнюдь не общее правило. Спрашивается: „зависимъ“ ли отъ партіи тотъ членъ ея, который всей душой раздѣляетъ ея стремленія, сочувствуетъ ея программѣ? Очевидно—нѣтъ; свободно прикинувъ къ ней, онъ свободно продолжаетъ ея держаться. Быть можетъ, онъ уступаетъ ей иногда въ мелочахъ, подчиняется нѣкоторымъ второстепеннымъ ея требованіямъ, не вполне вѣра въ ихъ цѣлесообразность—но это стѣсненіе едва замѣтно, да и оно становится обязательнымъ развѣ въ парламентской дѣятельности; внѣ палаты управленіе партіей, вообще говоря, не существуетъ, а слѣдовательно нѣтъ и ничего похожего на дисциплину. Сказанное нами о членѣ партіи вполне применимо къ газетѣ, поддерживающей партію. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, эта поддержка можетъ быть купленной или своекорыстной—но гораздо чаще она объясняется просто согласіемъ жнѣй. „Назначеніе“ газеты, служащей органомъ партіи, заключается не въ томъ, чтобы способствовать, во что бы то ни стало, успѣху партіи, а въ томъ, чтобы способствовать успѣху дѣла или идеи. Для этого нѣтъ никакой надобности что-либо „запутывать“, „затемнять“; наоборотъ, чѣмъ искреннѣе и горячѣе вѣра въ правоту излюбленнаго дѣла, тѣмъ сильнѣе желаніе „раскрыть“ и „разяснить“ его, сдѣлать его понятнымъ для всякаго и увеличить, этимъ самымъ, число его приверженцевъ. Газетъ „независимыхъ“, въ лучшемъ смыслѣ слова, немало, поэтому, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ „такъ-называемыхъ конституціонныхъ“ государствахъ. Таковы, на примѣръ, „Temps“ и „Journal des Débats“, таковы „National Zeitung“ и „Daily News“. Отрицать самую возможность независимости для западно-европейской прессы, значить потерять всякое чувство мѣры, всякое уваженіе къ печатному слову.

Допустимъ, однако, что гдѣ есть партіи, гдѣ есть борьба противоположныхъ взглядовъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о „независимости“. Нужно, въ такомъ случаѣ, быть логичнымъ и произнести приговоръ, вмѣстѣ съ западной Европой, и надъ Россіей. Насъ увѣряютъ, что Россія „обладаетъ своего рода политической свободой“, что она „есть страна не менѣе другихъ конституціонная“. Если это такъ, то она не можетъ не имѣть и „своего рода“ партій, не можетъ не быть театромъ „своего рода“ борьбы. И дѣйствительно, какъ ни смотрѣть на вопросъ о существованіи или несуществованіи въ Россіи „конституціи“ и „политической свободы“, отвергать наличность русскихъ „партій“ никакимъ образомъ нельзя. Настолько же несхожія съ западно-европейскими, насколько различны всѣ остальные условія жизни по сю и по ту сторону нашей границы, онѣ появляются у насъ чуть ли не съ начала XVIII-го

вѣна и обрисовываются съ тѣхъ поръ все ярче и ярче. Можно называть ихъ какъ угодно—группами, кружками, мѣтніями, отгѣнками итѣи; сущность дѣла остается, во всякомъ случаѣ, одна и та же. Намъ могутъ замѣтить, что въ западной Европѣ партіи борются за обладаніе властью, а въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Но развѣ объектомъ борьбы германскихъ партій служитъ обладаніе властью? Власть, вотъ уже скоро двадцать-пять лѣтъ, остается тамъ неизмѣнно въ однихъ и тѣхъ же рукахъ; неизмѣняется только способъ пользованія властью, неизмѣняются задачи, къ которымъ она стремится; а такія перемѣны возможны вездѣ и всегда, и онѣ достаточно важны, чтобы изъ-за нихъ или вокругъ нихъ могла происходить борьба партій. Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ крѣпостники, безспорно, боролись у насъ съ защитниками освобожденія, хотя столь же безспорно, что они боролись не за „обладаніе властью“. Такъ или иначе, гдѣ есть борьба, тамъ есть и всѣ ея обычные спутники и результаты—есть, слѣдовательно, и „зависимость“, если только она принадлежитъ къ числу подобныхъ результатовъ: зависимость отъ увлеченій, отъ предрассудковъ, отъ предвзятыхъ идей—а иногда и отъ другихъ, болѣе конкретныхъ силъ. Неужели нужно жить въ „такъ-называемомъ конституціонномъ“ государствѣ, чтобы грѣшить наклонностью къ „затемнѣнію“ и „запутыванію“ того, что требуетъ „раскрытія“ и „разъясненія“? Предполагая эту наклонность только въ другихъ, не осуществляетъ ли московская газета поговорку о сучкѣ въ чужомъ глазу и бревнѣ въ своемъ собственномъ?.. Намъ поражаетъ, дальше, еще одно противорѣчіе. Газета, связывающая теперь понятіе о независимости съ отсутствіемъ партій и приписывающая это свойство специально русской печати, неоднократно упрекала своихъ домашнихъ противниковъ въ „затемнѣніи“ истины, въ зависимости отъ того или другого „вѣнія“. Что же это значитъ? Откуда являлась „зависимость“, развѣ что не было необходимаго ея условія—борьбы партій? Одно изъ двухъ: или московская газета ошибалась прежде, когда она обвиняла своихъ русскихъ собратій въ грѣхѣ, теперь вваливаемомъ на иностранную печать; или она ошибается теперь, когда признаетъ положеніе русской печати особенно благоприятнымъ для „чистой независимости“. Возможно, впрочемъ, еще третье предположеніе: подъ именемъ русской печати московская газета разумѣетъ, быть можетъ, исключительно себя и своихъ ближайшихъ единомышленниковъ. Это весьма вѣроятно,—но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же источникъ различія между праведниками и грѣшниками? Какимъ образомъ равенство условій могло привести къ столь различнымъ послѣдствіямъ? Что сдѣлалось причиной паденія одной части русской печати, и что

предохранило отъ паденія другую?.. Нѣтъ, въ Россіи правовѣнная независимость печати обезпечена; во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Все, что угрожаетъ ей тамъ, угрожаетъ ей и у насъ, хотя и не всегда въ тѣхъ же видахъ и формахъ. Пороги за успѣхомъ, желаніе угодить массѣ или отдѣльной группѣ, подлаживанье подъ господствующій вкусъ или минутную моду, ожиданіе выгоды для себя лично или для своего кружка—все это одинаково мыслимо и тамъ, и здѣсь, всему этому, и тамъ, и здѣсь, бывали, есть и будутъ примѣры. Убѣжденія, страсти, интересы существуютъ вездѣ; вездѣ возможна непоколебимая честность, непреклонная стойкость—вездѣ возможны и сдѣлки съ совѣстью, ослѣпленіе злобы, фанатическое упорство, переходъ изъ одного лагеря въ другой. Вездѣ встрѣчаются люди, скигающие то, чему прежде поклонялись, и вездѣ до крайности разнообразны побужденія, ведущія къ такому скиганію.

Отъ нравственной независимости, составляющей личное качество человѣка и не приуроченной ни къ какому политическому устройству, слѣдуетъ отличать внѣшнюю независимость, измѣряемую вѣдѣльствомъ и свойствомъ постороннихъ ограниченій. Если вѣрять московской газетѣ, такихъ стѣсненій для русской печати установлено немного: она не должна говорить только того, что противно законамъ и учрежденіямъ страны, что оскорбляетъ общественную нравственность или служить орудіемъ обмана и насилій. Въ такомъ случаѣ, мы желали бы знать, подъ какую изъ этихъ вышеупомянутыхъ рубрикъ можно подвести ту статью покойной „Руси“, за которую ей было дано годъ тому назадъ, первое предостереженіе? Акасакову былъ поставленъ въ вину „тошъ, несовѣстный съ истиннымъ патриотизмомъ“. Какими именно законами воспрещенъ подобный тонъ, и какими учрежденіями опредѣленъ „истинный патриотизмъ“?.. Подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно; они неизвѣстны, повидимому, только московской газетѣ, по мнѣнію которой внѣшняя независимость составляетъ безспорный удѣлъ русской печати. Аргументація, съ помощью которой получается столь неожиданный выводъ, слишкомъ проста: „въ Россіи есть законы о печати; ergo—русская печать независима“. Итакъ, независимость обусловливается не содержаніемъ закона, а однимъ его существованіемъ? Если въ законѣ будетъ сказано, что такой-то категоріи гражданъ запрещается выходить на улицу, запрещается читать, запрещается говорить, то мы должны, по логикѣ „Москов. Вѣдомостей“, признать этихъ гражданъ „независимыми“, потому что ихъ „права“ опредѣлены закономъ? „Независимыми“ окажутся и тѣ, которымъ законъ вѣдѣльничать въ обязанность испрашивать на каждый выходъ изъ дому предварительное разрѣшеніе? Но все это такъ очевидно, что нѣтъ

нивакой надобности въ дальнѣйшихъ толкованіяхъ и разъясненіяхъ вопроса: что такое зависимая и независимая печать?..

Мы вовсе не касаемся теперь вопроса о томъ, насколько правильно и целесообразно существующее у насъ законодательство печати, но желали бы только одного, — чтобы московскіе публицисты признали себя зависимыми хотя бы отъ здраваго смысла, и чернаго не называли бы бѣлымъ, бѣлаго — чернымъ. Пускай они доказываютъ въ печати необходимость строжайшаго обузданія мысли и слова — это ихъ право; но пускай они ничего не смѣшаютъ, утѣряя, что наша печать пользуется такою „независимостью“, какая неизвѣстна и западной печати.

Говоря, въ предыдущемъ обзорѣ, о дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ, мы успѣли познакомить читателей только съ одной ея стороною, касающеюся малолѣтнихъ рабочихъ. Между тѣмъ большинство отчетовъ заключаетъ въ себѣ массу свѣденій по другимъ особенностямъ фабричнаго быта, въ высшей степени важныхъ уже потому, что они доказываютъ настоятельную необходимость охраны и защиты для всѣхъ вообще фабричныхъ рабочихъ, какова бы они ни были возраста и пола.

Крайняя неудовлетворительность фабричнаго устройства, насколько отъ него зависитъ здоровье, благосостояніе, нравственность рабочихъ, была обнаружена уже земскими работами по описанію фабрикъ и блистательно подтверждена первыми отчетами первыхъ фабричныхъ инспекторовъ, гг. Янжула и Пескова. Теперь этотъ фактъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ и не можетъ больше подлежать никакому сомнѣнію. За включеніемъ двухъ отчетовъ, неполнота которыхъ была констатирована нами уже въ прошедшій разъ, всѣ остальные отводятъ мѣсто изслѣдованію условий, при которыхъ производится фабричная работа, и всѣ рисуютъ одну и ту же неутѣшительную картину. Мы приведемъ только главныя ея черты, заимствуя ихъ изъ разныхъ отчетовъ. Льняное производство — говоритъ владимірскій инспекторъ — представляетъ собою нѣсколько вредныхъ моментовъ. Выдѣляющаяся при обработкѣ льна пыль содержитъ въ себѣ кремнекислыя соединенія, весьма дурно дѣйствующія на легкія. Вмѣстѣ съ пылью летитъ иногда костра, которая, попадая въ глаза, сильно ихъ раздражаетъ; на двухъ льнопрядильныхъ фабрикахъ болѣе чѣмъ у четверти малолѣтнихъ рабочихъ оказалось воспаление вѣкъ. Мастерскія, гдѣ стоятъ такъ-называемые мокрые ватеры (т.-е. происходитъ смачиванье льна), наполнены гнилостными испареніями; съ вредными испареніями сопряжено также и бѣленіе льняной пряжи. „На табачныхъ фабрикахъ — читаемъ мы въ томъ же отчетѣ — мастерскія, гдѣ

крошится и сушится табакъ, до такой степени пропитаны ѣдкой пылью и испареніями никотина, что при входѣ въ эти мастерскія у меня всякій разъ дѣлались спазмы въ горлѣ и жженіе въ глазахъ, а при болѣе продолжительномъ пребываніи—головокруженіе“. Точно такъ же отзывается о махорочныхъ фабрикахъ харьковскій инспекторъ, прибавляя, что „всего ужаснѣе устроены сушильни, откуда рабочихъ вытаскиваютъ нерѣдко въ глубокомъ обморокѣ“. Вредное дѣйствіе фосфорныхъ паровъ всѣмъ извѣстно; но замѣчательно, что на спичечныхъ фабрикахъ оно, по наблюденію харьковскаго инспектора, еще сильнѣе, чѣмъ на фабрикахъ, гдѣ вырабатывается самый фосфоръ — и объясненіемъ этому служитъ помѣщеніе спичечныхъ фабрикъ въ зданіяхъ неудобныхъ и тѣсныхъ, съ плохую вентиляціей. На одной спичечной фабрикѣ изъ 77 рабочихъ, осмотрѣнныхъ владимірскимъ инспекторомъ, 14 оказалось съ признаками фосфорнаго отравленія. На сахарныхъ заводахъ кіевскаго и харьковскаго округа развивается особенная „профессіональная“ болѣзнь, обусловливаемая тѣмъ, что въ паточныхъ отдѣленіяхъ рабочіе, раздѣваясь, вслѣдствіе высокой температуры, почти до-нага, стоятъ босикомъ въ патокѣ и покрываются ею съ головы до ногъ; малѣйшая садина или царапина разѣдается и дѣло доходитъ до воспаленій, опухолей, язвъ, востойдъ, и т. п. Вывозкой отжимковъ, на тѣхъ же сахарныхъ заводахъ, рабочіе занимаются, „стоя по колѣно въ горячей массѣ, внѣ всякаго прикрытія отъ непогоды, днемъ и ночью, подъ дождемъ и въ жестокой морозѣ“. На суконныхъ фабрикахъ (въ харьковскомъ округѣ) особенно плохи такъ-называемыя „мокрыя“ отдѣленія; „это настоящіе подвалы, сырые и промозглые, а между тѣмъ полу-раздѣтыя работницы постоянно ходятъ туда изъ сушильни, гдѣ температура доходитъ до 40°“. Стекланная фабрики, въ кіевскомъ округѣ — это большіе сараи, съ плохо-устроенными стѣнами; раскрытая крыша надъ печью и двое распахнутыхъ настежь воротъ служатъ причиной постоянного сквозняка, особенно вредно отражающагося на малолѣтнихъ, такъ какъ они работаютъ обыкновенно въ крайне плохой одеждѣ и босикомъ. На одной изъ рогожныхъ фабрикъ воронежскаго округа рабочее помѣщеніе до того тѣсно, грязно и вонюче, что нельзя войти туда, не почувствовавъ тошноты. На кожевенныхъ заводахъ казанскаго округа, вслѣдствіе обильнаго выдѣленія амміачныхъ и другихъ газовъ, непривычному человѣку трудно пробыть даже нѣсколько минутъ. На фаянсовыхъ и химическихъ заводахъ того же округа — масса пыли, темнота и отсутствіе вентиляціи; мастерскія одной изъ писчебумажныхъ фабрикъ — „ветхія конурки, годныя развѣ къ сломкѣ, а не къ заводскому дѣйствію“.

Такова обстановка, при которой происходитъ работа; посмотримъ

теперь, при какой обстановкѣ отдыхаютъ рабочіе, если они живутъ на фабрикѣ или при фабрикѣ. На рогожныхъ фабрикахъ казанскаго округа рабочіе живутъ въ мастерскихъ, изъ которыхъ многія „отличаются недостаткомъ свѣта и походятъ скорѣе на помѣщенія, устраиваемыя для домашнихъ животныхъ, чѣмъ на человѣческія жилища“. На круподерныхъ, кожевенныхъ, кирпичныхъ заводахъ того же округа жилия помѣщенія рабочихъ — „какіе-то скотскіе загоны, да и тѣ въ благоустроенныхъ хозяйствахъ случается видѣть чище содержимыми“. На сахарныхъ заводахъ кievскаго округа рабочіе живутъ въ казармахъ, единственную мебель которыхъ составляютъ обыкновенно сплошныя нары, расположенныя въ два ряда; на нарахъ сплошь укладываются тюфяки, т.-е. мѣшки, набитые соломой, или просто солома, покрытая общимъ радномъ; другихъ постельныхъ принадлежностей нѣтъ. Солома или сѣно въ тюфикахъ мѣняется иногда разъ въ годъ, передъ началомъ производства. Надъ нарами, на шестахъ, развѣшиваются пожитки рабочихъ; здѣсь же сушатся грязныя ихъ онучи. На суконныхъ фабрикахъ харьковскаго округа нары почти всюду расположены въ два яруса; въ верхнемъ ярусѣ — сильнѣйшая духота. Щели наръ кишатъ паразитами. Даже мѣшки съ соломой выдаются не всегда; для подстилки служитъ, большею частью, собственная одежда рабочихъ. Число мѣстъ на нарахъ хватаетъ обыкновенно только для одной смѣны, гулевой; рабочая смѣна, возвращаясь въ казармы, „ложится на мѣста, еще влажныя отъ чужого пота“. На одной изъ спичечныхъ фабрикъ того же округа рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоеихъ половъ спятъ въ-появку на голомъ полу, прижавшись другъ къ другу; умываются они изъ гнилой лужи, вырытой передъ фабрикой.

Ограждены ли фабричныя рабочіе, по меньшей мѣрѣ, противъ несчастныхъ случаевъ, возможныхъ при работѣ? И на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Не соблюдаются, сплошь и рядомъ, даже мѣры предосторожности, прямо установленныя закономъ. Въ отчетѣ воронежскаго инспектора цѣлыя страницы наполнены перечнемъ подобныхъ нарушенийъ — нарушенийъ устава фабричнаго, устава строительнаго, устава врачебнаго, устава пожарнаго, однимъ словомъ — всѣхъ положеній, которыя только могутъ быть нарушены на фабрикѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Изъ пяти условій, которыми, на основаніи фабричнаго устава, должно соответствовать помѣщеніе котла паровой машины высокаго давленія, довольно исправно — и то не всегда, — соблюдается только одно; остальные игнорируются большинствомъ фабрикъ или даже повсемѣстно. Каменныхъ, чугунныхъ или желѣзныхъ лѣстницъ, требуемыхъ закономъ отъ огнедѣйствующихъ заводовъ, нѣтъ почти нигдѣ. Большею частью, нѣтъ на-лицо даже

такого простого анти-пожарнаго приспособленія, какъ чашы съ водою, оставленные на чердакахъ... Въ кіевскомъ округѣ рѣдко можно найти сахарный заводъ, на которомъ всё безъ исключенія машины были бы ограждены; обыкновенно огорожена только большая или меньшая ихъ часть. Объ одной изъ суконныхъ фабрикъ харьковскаго округа мы узнаемъ слѣдующее: „чтобы непасть въ помещеніе, гдѣ установлены чесальныя машины, нужно пролѣзть черезъ входное отверстіе, отстоящее отъ пароваго двигателя не болѣе какъ вершковъ на шесть или на семь; валы расположены на высотѣ ниже роста человѣческаго“. Понятно, что, при такихъ порядкахъ, число травматическихкихъ поврежденій, упадающихъ на долю рабочихъ, весьма велико. Его стараются держать въ тайнѣ, и получить о немъ хотя бы приблизительно точныя свѣденія для инспекціи не легко; харьковскому инспектору удалось, однако, собрать нѣкоторыя числовыя данныя, изъ которыхъ видно, что на сахарныхъ заводахъ изъ тысячи рабочихъ получаютъ поврежденія около шестидесяти, а на суконныхъ — около тридцати человѣкъ. Въ таблицѣ несчастныхъ случаевъ, составленной тѣмъ же инспекторомъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія отмѣтки: на селитроваренномъ заводѣ рабочий упалъ въ котель съ кипящей жидкостью и умеръ черезъ нѣсколько часовъ; причина — отсутствіе должнаго огражденія селитровареннаго котла. На сахарномъ заводѣ пять человѣкъ были облиты горячей патокой, вслѣдствіе разрыва аппарата; причина — плохой ремонтъ, въ виду близкаго окончанія срока аренды. На суконной фабрикѣ малолѣтняя работница была допущена къ работѣ на трепальной машинѣ, гдѣ и лишилась трехъ пальцевъ; причина — игнорированіе администраціей фабрики закона о малолѣтнихъ рабочихъ. Такихъ выписокъ мы могли бы привести еще много.

Увѣча рабочихъ и ставя ихъ въ анти-гигіеническую обстановку, доставляютъ ли имъ фабрики, вообще говоря, правильную и скорую медицинскую помощь? Нѣтъ; хотя устройство больницъ или приемныхъ покоевъ, при извѣстномъ числѣ рабочихъ, давно уже обязательно для фабрикантовъ въ силу закона. Въ харьковскомъ округѣ медицинская помощь организована весьма удовлетворительно въ четырехъ заведеніяхъ, удовлетворительно — въ двѣнадцати, фактивно — въ одиннадцати; въ остальныхъ шестистахъ-тридцати она не существуетъ вовсе, хотя изъ нихъ тридцать-два обязаны имѣть ее по закону. Нѣсколько болѣе утѣшительны цифры, относящіяся къ больницамъ при сахарныхъ заводахъ кіевского округа; и здѣсь, однако, изъ семнадцати заводовъ вполне хорошо устроено больничное дѣло только въ семи, а въ четырехъ — больницы существуютъ лишь для вида. Въ казанскомъ округѣ фабрикъ, обязанныхъ имѣть боль-

ницы, осмотрѣно сорокъ-два; исполненной эта обязанность оказалась только въ шестнадцать, исполненной удовлетворительно — только въ пяти.

Не зависить ли, однако, безотрадное положеніе фабрикъ отчасти отъ небрежности и беззаботности самихъ рабочихъ, отчасти отъ громадности расходовъ, необходимыхъ для улучшенія фабричныхъ порядковъ и фабричнаго быта? Данныя, собранныя инспекторами, не оставяютъ мѣста для подобныхъ оправданій. Если бы движенію впередъ мѣшали какія-либо непреодолимныя или трудно-преодолимныя обстоятельства, оно было бы одинаково невозможно для всѣхъ фабрикъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ совсѣмъ иное. Изъ льнопрядильныхъ фабрикъ владимірскаго округа одна въ значительной степени свободна отъ общихъ неудобствъ льняного производства, благодаря множеству приспособленій, уменьшающихъ пыль, предупреждающихъ мокроту и сырость. Эта образцовая фабрика — вовсе не самая крупная; число рабочихъ здѣсь съ небольшимъ шестьсотъ, а на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ, ничего или почти ничего не сдѣлавшихъ для здоровья рабочихъ, ихъ насчитывается болѣе тысячи, даже болѣе двухъ тысячъ. Очевидно, слѣдовательно, что затраты, сдѣланныя первою, были бы посильны и для послѣднихъ. Единственный сахарный заводъ кievскаго округа, въ которомъ оказался вентиляторъ и температура въ паточномъ отдѣленіи — умеренныхъ разиѣровъ, занимаетъ, по числу рабочихъ (513), восьмое мѣсто между четырнадцатью однородными заводами; два изъ нихъ имѣютъ болѣе девятисотъ, два — болѣе восьмисотъ рабочихъ. Въ пермской губерніи (казанскаго округа) образцомъ всякаго рода неустройствъ является кожевенный заводъ съ 150 рабочими; образцомъ (сравнительнымъ) чистоты и порядка — кожевенный заводъ съ 115 рабочими. То же самое слѣдуетъ сказать и о жилыхъ помѣщеніяхъ рабочихъ. Въ одномъ и томъ же (екатеринбургскомъ) уѣздѣ имѣются, напримѣръ, двѣ фабрики, одна — съ 609, другая — съ 125 рабочими; въ первой жиле рабочихъ несравненно хуже, чѣмъ во второй. Что касается до небрежности рабочихъ, то, конечно, русскій человѣкъ не особенно требователенъ относительно чистоты, опрятности, свѣжаго воздуха; весьма можетъ быть, что рабочіе, — какъ замѣчаетъ казанскій инспекторъ — довольно легко примираются съ самой тяжелой обстановкой — но развѣ это причина оставлять ихъ въ такой обстановкѣ, вполне устранимой, лишь бы на то была добрая воля фабриканта? Гдѣ администрація фабрики заботится о благоустройствѣ жилыхъ и рабочихъ помѣщеній, тамъ они и остаются благоустроенными, хотя въ нихъ работаютъ и живутъ такіе же люди, какъ и на сосѣднихъ, до невозможности безобразныхъ фабрикахъ.

Нельзя же утверждать, наконецъ, что русскій рабочий равнодушенъ въ самой безопасности своей, къ своему здоровью, что онъ съ наслажденіемъ глотаетъ пыль, вдыхаетъ ѣдкіе газы и пролѣзаетъ между машинами, грозящими его убить или изувѣчить. За отсутствіемъ правильныхъ мѣръ предосторожности, рабочіе сами придумываютъ имъ суррогаты, безъ сомнѣнія—крайне недостаточные. Такъ, наиримѣръ, на льнопрядильныхъ фабрикахъ владимѣрскаго округа рабочіе часто ограждаютъ себя отъ пыли „импровизированными респираторами“: берутъ длинный пучокъ расчесаннаго льна и накладываютъ его на ротъ, закидывая концы пучка съ обѣихъ сторонъ лица назадъ. На махорочныхъ фабрикахъ харьковскаго округа, вслѣдствіе отсутствія всякихъ приспособленій противъ пыли, рабочіе „туго заматываютъ себѣ ротъ грязными тряпками“ (1).

Итакъ, лучшее устройство фабрикъ, съ точки зрѣнія личной безопасности и гигиены, не только необходимо, но и возможно; намъ остается показать, чего достигла, въ этомъ отношеніи, фабричная инспекція. Если принять во вниманіе кратковременность ея дѣйствій и ограниченность ея власти, то нельзя не признать, что она сдѣлала не мало. Есть случаи, въ которыхъ улучшеніямъ мѣшаетъ не скупность, не упорство фабрикантовъ, а просто отсутствіе совѣтовъ и указаній, простыхъ и удобоисполнимыхъ. Въ такихъ случаяхъ, очень много значить одно слово инспектора, не сопровождаемое ни угрозами, ни понужденіями, „Вентиляціонныя приспособленія“, читаемъ мы въ виленскомъ отчетѣ, „до появленія инспекціи существовали только для формы. Инспекція, при осмотрѣ заведеній, постоянно обращала вниманіе владѣльцевъ на важное значеніе этой стороны санитарнаго устройства, и можетъ указать не мало случаевъ, гдѣ, по ея совѣту, не только устроены форточки въ окнахъ, вытяжныя трубы въ потолкахъ, но даже расширены тѣсныя помѣщенія или уменьшено въ нихъ число рабочихъ. По настоянію инспекціи, нѣкоторыя спичечныя, табачныя, шерстяныя фабрики, оставшіяся многіе годы нетронутыми не только кистью малара, но и простою шваброй, почищены и побѣлены... На двухъ гильзовыхъ фабрикахъ увеличены окна или рабочіе переведены въ болѣе свѣтлое мѣсто... Инспекціи приходилось давать даже такія простыя указанія, какъ постановка чистыхъ ушатовъ при водоемахъ, снабженіе водяныхъ насосовъ жестяными ковшиками или кружками на цѣпяхъ, что обыкновенно и исполнялось безъ возраженій“. Въ харьковскомъ округѣ, по совѣту инспектора, устроено до двадцати огражденных опасныхъ мѣстъ, заведена вентиляція въ тринадцати мастерскихъ или жилыхъ помѣщеніяхъ, три деревянныя лѣстницы замѣнены чугунными, на десяти фабрикахъ расширены спальни для рабочихъ, на трехъ—уничтожены

двухъ-арусныхъ нары и т. п. На мелкихъ слнчечныхъ фабрикахъ казанскаго округа устроены, по мысли инспекціи, навѣсы изъ листового желѣза надъ плитами и во многихъ мѣстахъ поставлены вентиляторы. На одномъ изъ самарскихъ заводовъ (воронежскаго округа) введены, по совѣту инспектора, напалечники или наперстники, для предупрежденія порѣзовъ, которымъ часто подвергались пальцы при работѣ на строгальномъ станкѣ. Весьма часто интересъ рабочихъ прямо совпадаетъ съ интересомъ фабрикантовъ; нужно только разъяснить послѣднимъ ихъ собственную выгоду, чтобы побудить ихъ къ улучшениямъ, полезнымъ для рабочихъ. Такъ, на примѣръ, одно и то же приспособленіе, примѣненное къ льнопрядильнымъ фабрикамъ (закрытіе кардъ особыми крышками), можетъ значительно уменьшить количество пыли—и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить сбереженіе фабрикантамъ, сохраняя самое тонкое и цѣнное льняное волокно, выбрасываемое и теряющееся теперь вмѣстѣ съ пылью. Въ казанскомъ округѣ двѣ крупныя слнчечныя фабрики были перестроены владѣльцами именно въ видахъ улучшения санитарныхъ условій, но затраты, ими сдѣланныя, оказались непроизводительными, потому что перестройка была произведена безъ всякаго рационально выработаннаго плана. Это не могло бы случиться, если бы въ распоряженіи фабрикантовъ была уже въ то время опытность фабричной инспекціи.

Мы говорили до сихъ поръ только о случаяхъ готовности фабрикантовъ исполнить совѣты и указанія инспекціи. Само собою разумѣется, что на такую готовность можно рассчитывать далеко не всегда, особенно при значительности затратъ, требуемыхъ необходимыми улучшениями. Теперь инспекція, въ случаѣ упорства фабрикантовъ, можетъ только довести о немъ до свѣденія полиціи или губернскаго начальства, если, притомъ, къ обстоятельствамъ дѣла примѣнимо одно изъ дѣйствующихъ постановленій, во многомъ недостаточныхъ и устарѣвшихъ. Болѣе нормальнымъ положеніе вещей сдѣлается лишь тогда, когда будутъ повсемѣстно введены въ дѣйствіе „особыя правила“ 3-го іюня 1886 г. Статья 5-ая этихъ правилъ возлагаетъ на губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, между прочимъ, изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которые должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ здавіяхъ, а также, въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ; статья 7-ая обязываетъ фабричную инспекцію наблюдать за исполненіемъ этихъ постановленій. Въ виду всего сказаннаго нами до сихъ поръ, цѣлесообразность новаго закона едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Опасаться можно только одного — недостатка энергіи со

стороны губернскихъ фабричныхъ присутствій, являющихся, по меньшей мѣрѣ, лишней слицей въ колесницѣ фабричнаго надзора.

„Особыя правила“ 3-го іюня устанавливаютъ контроль надъ фабричными лавками и надъ штрафами, налагаемыми на рабочихъ. Если необходимость такого контроля еще нуждалась въ доказательствахъ, они нашлись бы въ рассматриваемыхъ нами отчетахъ. Въ двухъ фабричныхъ лавкахъ харьковскаго округа товары продавались по цѣнѣ на 25—100% выше рыночной. Съ помощью фабричной лавки, одна фабрика выдала своимъ рабочимъ почти 20% рабочей платы не деньгами, а товаромъ; одинъ изъ рабочихъ показавъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ ни разу не было получено денегъ въ счетъ жалованья—оно все цѣликомъ шло въ фабричную лавку. На одной суконной фабрикѣ рабочіе покупаютъ даже сапоги черезъ посредство хозяина, за все взимающаго комиссіонные проценты. Нѣкоторыя фабричныя лавки выдаютъ рабочимъ, въ счетъ заработанныхъ денегъ, квитки или ярлычки на полученіе водки изъ кабака, принадлежащаго хозяину фабрики... Штрафы, въ харьковскомъ округѣ, взыскиваются съ рабочихъ, по выраженію инспекціи, „по всякому удобному и неудобному поводу“. Въ лучшемъ случаѣ размѣры штрафовъ опредѣляются заранѣе расчетной книжкой, а въ худшемъ — предоставляются всецѣло усмотрѣнію хозяина или приказчика. На нѣкоторыхъ фабрикахъ опоздавшій къ началу работъ прямо наказывается пеней отъ 75 коп. до трехъ рублей (при среднемъ дневномъ заработкѣ отъ 40 до 65 копѣекъ). Въ числѣ мотивовъ къ наложенію штрафовъ значатся, между прочимъ, ссоры, споры, неприличные рассказы, пѣсни, шумъ и свистъ. На сахарныхъ заводахъ кіевского округа штрафы, въ размѣрѣ до рубля, взимаются за „противорѣчіе“, за „худое качество“ (?), за распутство. Замѣчательно, что лучше всего вопросъ о штрафахъ оказывается поставленнымъ въ виленскомъ округѣ, гдѣ мало русскихъ фабрикантовъ; по словамъ инспектора, штрафы за прогулы, грубость, куреніе табаку, порчу инструментовъ или фабриката здѣсь не въ обычай, а если и практикуются, то патриархально, по обоюдному соглашенію сторонъ, безъ суровой регламентаціи большинства великорусскихъ фабрикъ... Нѣтъ такого безпорядка или злоупотребленія, съ которымъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, не встрѣтилась бы фабричная инспекція. Такъ, напримѣръ, въ одной трети фабричныхъ заведеній харьковскаго округа расплата съ рабочими производится „въ неопредѣленные сроки“. Есть заводы (также въ харьковскомъ округѣ), гдѣ потеря рабочимъ расчетной книжки влечетъ за собою утрату права на полученіе заработанныхъ денегъ. Въ кіевскомъ округѣ практикуется „приводъ“ рабочихъ на фабрику, мѣрами волостнаго правленія; при наймѣ рабочихъ огуломъ, черезъ волостныя

правления, послѣднія обязуются иногда поставить на заводъ, взаимѣ умершихъ до срока родственниковъ ихъ или односельцевъ (!). Рабочіе выписываются иногда издалека, а проходы или проѣзды ихъ въ мѣсто нахождения фабрики оплачивается далеко не сполна; на обратный путь они ничего не получаютъ. Продовольствіе, когда оно идетъ отъ завода, неудовлетворительно, болѣею частью, и по количеству, и по качеству.

Заключая въ себѣ полную картину настоящаго и оправдывая вполне регламентацію фабричной работы, предпринятую законами 1882, 1885 и 1886 года, отчеты фабричныхъ инспекторовъ не лишены полезныхъ указаній и относительно будущаго; но къ этой сторонѣ дѣла мы возвратимся въ другой разъ. Задачи фабричной инспекціи принадлежатъ къ числу тѣхъ, которымъ суждено расти и развиваться. Западно-европейское фабричное законодательство представляетъ много шаговъ впередъ и ни одного крупнаго шага назадъ; нужно надѣяться, что такова будетъ судьба и нашихъ молодыхъ фабричныхъ законовъ, несмотря на ожесточенную агитацію противъ нихъ, центромъ которой служитъ Москва, а главнымъ орудіемъ — нѣкоторыя московскія газеты.

Продолжаемъ начатый нами въ прошедшемъ году разборъ той части проекта уголовного уложенія, которая касается имущественныхъ посягательствъ ¹⁾. Къ числу такихъ посягательствъ редакціонная коммиссія присоединяетъ такъ-называемый шантажъ, т. е. вымогательство денегъ или иной имущественной выгоды, посредствомъ угрозы оглашенія чего-либо неблагоприятнаго для угрожаемаго лица. Случаи уголовного преслѣдованія за шантажъ встрѣчались у насъ, въ послѣднее время, нѣсколько разъ, но оно было до крайности затруднено отсутствіемъ закона, которымъ прямо предусматривалось бы это преступленіе. Подводилось оно обыкновенно подъ понятіе о мошенничествѣ, но это было сопряжено съ явной натяжкой; существеннымъ признакомъ мошенничества служитъ обманъ, о которомъ при шантажѣ, болѣею частью, нѣтъ и рѣчи. Болѣе правильно, хотя все-таки далеко не точной, была бы такая постройка обвиненія, которая рассматривала бы шантажъ, какъ принужденіе къ дачѣ обязательства (ст. 1686 уложенія о наказаніяхъ); если къ ней не прибѣгали у насъ на практикѣ, то это объясняется, по всей вѣроятности, крайней строгостью наказанія, назначеннаго за принужденіе (ссылка въ Сибирь на поселеніе). Новому проекту уложенія пред-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ ММ 10 и 11 „В. Европа“ за 1886 г.

стояло на выборъ или признать шантажъ—по образцу уложеній бельгійскаго и германскаго—однимъ изъ видовъ вымогательства путемъ угрозъ, или выдѣлить его—по образцу французскаго, венгерскаго, голландскаго законодательства — въ самостоятельное преступленіе. Редакціонная коммиссія остановилась на послѣднемъ, и поступила, какъ намъ кажется, совершенно основательно. Какъ ни гнусенъ шантажъ, съ уголовной точки зрѣнія онъ менѣе опасенъ, а слѣдовательно и менѣе наказуемъ, чѣмъ другія формы вымогательства. Самая угроза, съ помощью которой дѣйствуетъ шантажистъ, существенно отличается отъ обыкновенной угрозы; послѣдняя наводитъ страхъ ожиданіемъ такого зла, дѣйствительное причиненіе котораго составляетъ преступленіе (убійство, поджогъ, лишеніе свободы, нанесеніе ранъ или побоевъ); осуществленіе первой возможно безъ всякаго нарушенія уголовныхъ законовъ. Оглашеніе, которымъ пугаетъ шантажистъ, можетъ быть, само по себѣ, вовсе не наказуемо или даже похвально (если рѣчь идетъ, напримѣръ, о какихъ-либо злоупотребленіяхъ лица, облеченнаго довѣріемъ или властью); преступность угрозы обуславливается здѣсь исключительно корыстною цѣлью, къ которой стремится шантажистъ. У насъ специальное постановленіе о шантажѣ представляется особенно полезнымъ потому, что оно сразу устранитъ возможность сомнѣній относительно настоящаго характера дѣйствій, еще недавно не входившихъ въ сферу примѣненія уголовного закона.

Въ проектѣ редакціонной коммиссіи статья о шантажѣ (530-ая) изложена слѣдующимъ образомъ: „виновный въ принужденіи къ выдачѣ имущества или обязательства по имуществу, или къ отказу отъ права по имуществу, съ цѣлью доставить себѣ или другому имущественную выгоду, посредствомъ угрозы оглашеніемъ вымышленныхъ или истинныхъ свѣдѣній: 1) объ учиненіи принуждаемымъ, или членомъ его семьи, хотя бы умершимъ, дѣянія наказуемаго какъ преступленіе или проступокъ; 2) объ обстоятельствѣ, оглашеніе котораго позорно для женской чести члена семьи принужденнаго, хотя бы умершаго, или самой принужденной, — наказывается тюрьмою. Если виновный грозилъ огласить сіе въ печати, состоя редакторомъ, издателемъ или сотрудникомъ повременнаго изданія, то онъ наказывается исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ“. Самый спорный вопросъ, возбуждаемый этою редакціей, заключается въ томъ, правильно ли ограниченіе понятія о шантажѣ, въ первомъ пунктѣ статьи, уголовнымъ свойствомъ фактовъ, которые грозить огласить шантажистъ? Въ западно-европейскихъ законодательствахъ, цитируемыхъ редакціонною коммиссіей, мы такого ограниченія не встрѣчаемъ; достаточнымъ условіемъ наказуемости шантажа они при-

знаютъ угрозу огласить или разоблачить обстоятельства, поворящія угрожаемаго. Французскій законъ (изданный въ 1863 г.) говоритъ о *menace de révélation ou d'imputations diffamatoires*; венгерскій законъ—объ угрозахъ огласить *eine verleumdnerische oder ehrenrührige Behauptung*. Почему же наша редакціонная коммиссія не послѣдовала этому примѣру? „Угроза (оглашеніемъ) можетъ стать принужденіемъ“—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—„только тогда, если для угрожаемаго исполненіе ея представляеть серьезное зло. Было бы весьма широко придавать это значеніе боязни оглашенія всякаго безчестнаго дѣйствія и всякаго обстоятельства, позорящаго честь, тѣмъ болѣе, что этотъ признакъ, по его неопредѣлятельности, могъ бы создать на практикѣ значительныя затрудненія. Гораздо осторожнѣе въ постановленіи о такомъ дѣяніи, которое, нужно думать, будутъ доводить очень часто, особенно въ первое время уголовной реформы, до свѣденія судовъ, разложить это широкое понятіе на простѣйшія и указать для распознаванія ихъ возможно болѣе точныя, объективныя признаки въ самомъ законѣ“. Поименовавъ, затѣмъ, оба случая, указаннныя въ ст. 530-й, коммиссія прибавляетъ: „въ этихъ двухъ случаяхъ угроза оглашеніемъ, хотя бы для полученія чужого имущества, можетъ быть средствомъ ненаказуемаго побужденія къ выдачѣ имущества или обязательства, а отнюдь не средствомъ принужденія“.

Согласиться съ этими соображеніями коммиссіи мы никакъ не можемъ; намъ кажется, что они заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Исходная точка коммиссіи совершенно правильна. Безспорно, наказуемою угроза оглашеніемъ можетъ считаться только въ такомъ случаѣ, если исполненіе ея представляется для угрожаемаго серьезнымъ зломъ. Но развѣ этому условію не удовлетворяеть угроза огласить обстоятельство, позорящее честь угрожаемаго? Что страшнѣе—оглашеніе бытности подъ судомъ по обвиненію, наприжѣръ, въ легкомъ политическомъ проступкѣ, въ выходѣ на поединокъ, въ нанесеніи, подъ влияніемъ аффекта, неопасной раны, или оглашеніе такого поступка, какъ неплатежъ карточнаго долга, отказъ въ помощи близкому человѣку, обольщеніе дѣвушки, брошенной затѣмъ на произволъ судьбы? Не ясно ли, что въ случаяхъ второго рода шантажистъ имѣеть ничуть не меньше шансовъ успѣха, чѣмъ въ первыхъ, такъ что и здѣсь, и тамъ, одинаково оказывается налицо не побужденіе, а принужденіе? Опасность и преступность шантажа обуславливаются возможнымъ, вѣроятнымъ его влияніемъ на угрожаемаго—а это влияніе зависитъ не отъ одного только уголовного характера фактовъ, оглашеніемъ которыхъ грозитъ шантажистъ. Не трудно представить себѣ обстановку, при которой дѣй-

ствіе шантажа, не-преступнаго съ точки зрѣнія редакціонной комиссіи, является почти неотразимымъ. Такова, напримѣръ, угроза огласить спокойно перенесенную обиду и отказъ обиженнаго отъ поединка, если она направлена противъ офицера; такова угроза огласить безнравственный (не въ уголовномъ смыслѣ) поступокъ, если она направлена противъ жениха, за нѣсколько дней до свадьбы. Не слѣдуетъ забывать, что понятіе о шантажѣ обнимаетъ собою угрозу огласить вымышленные факты—и это вполне справедливо, потому что не всякій вымыселъ легко разоблачить, не всякое ложное обвиненіе легко опровергнуть. Иногда обстоятельства слагаются такъ, что впечатлѣніе отъ огласки неминуемо и почти непоправимо должно быть неблагопріятнымъ для лица, на самомъ дѣлѣ рѣшительно ни въ чемъ неповиннаго. Что сказать о шантажистѣ, который пользуется именно такою комбинаціей обстоятельствъ, въ одномъ изъ случаевъ, только-что нами приведенныхъ? Неужели его поступокъ менѣе отвратителенъ, менѣе преступенъ, чѣмъ угроза огласить дѣйствительно состоявшійся судебный приговоръ? Перевѣсь злой воли, какъ и перевѣсь объективнаго вреда, очевидно на сторонѣ того дѣянія, которое редакціонная комиссіа предлагаетъ оставить за чертою уголовного уложенія.

„Обстоятельство, позорящее честь“, комиссіа находитъ признакомъ слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы основать на немъ наказуемость шантажа; но вѣдь не остановились же передъ этимъ затрудненіемъ иностранныя законодательства, когда подводили подъ дѣйствіе правилъ о шантажѣ всякую *ehrentührige Behauptung*, всякую *imputation diffamatoire*. Не боится же сама редакціонная комиссіа, чтобы наши суды не сумѣли справиться съ понятіемъ объ „опозореніи“, когда они будутъ разсматривать его какъ самостоятельное преступленіе; на чемъ же основано опасеніе, что то же самое понятіе собьетъ ихъ съ толку въ дѣлахъ о шантажѣ? Какъ бы часто ни возникали подобныя дѣла послѣ уголовной реформы, нашимъ судамъ не трудно будетъ поставить ихъ на правильную дорогу, установить различіе между шантажемъ и не-преступными дѣйствіями, съ нимъ граничащими¹⁾; необходимо только одно—чтобы законное опредѣленіе шантажа не расходилось слишкомъ сильно съ тѣмъ, которое дала ему жизнь и у насъ, и за границей. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что угроза огласить преступленіе или проступокъ встрѣчается на практикѣ гораздо рѣже, чѣмъ угроза огласить безнравственное дѣйствіе. Если редакціонная комиссіа нашла возможнымъ охранить отъ шантажа женскую честь,

¹⁾ Таково, напримѣръ, вымогательство денегъ посредствомъ угрозы огласить обстоятельства, выставляющія угрожаемаго въ смѣшномъ видѣ.

въ спеціальному смыслѣ этого слова, то нѣтъ причины отказать въ той же охранѣ чести вообще, какъ одному изъ самыхъ драгоценныхъ благъ челоуѣка и гражданина.

Ограничивъ понятіе о шантажѣ, насколько оно зависитъ отъ предмета угрожаемой огласки, редакціонная коммиссія не сдѣлала никакого различія между способами оглашеніемъ. Другими словами, она не послѣдовала примѣру венгерскаго законодательства, которое признаетъ наказуемой только угрозу оглашенія путемъ печати. Хотя шантажъ этого рода представляется наиболѣе опаснымъ и заслуживаетъ строжайшаго наказанія, но и угрозы устнымъ или письменнымъ оглашеніемъ могутъ быть, по справедливому замѣчанію коммиссіи, весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ полученію имущественной выгоды; такова, на примѣръ, угроза сообщить тайну супругу, жениху, невѣстѣ, родителямъ, начальнику, товарищамъ угрожаемаго лица. Совершенно правильно разрѣшается коммиссіею и вопросъ о формѣ, въ которую можетъ быть облеченъ шантажъ; это обстоятельство признается безразличнымъ, т.-е. на одинъ уровень съ прямо выраженной, рѣзкой угрозой ставится легкій, мягкій намекъ, лишь бы только онъ былъ понятенъ угрожаемому и заключалъ въ себѣ ясную для него дилемму—или откупиться отъ шантажиста, или подвергнуться всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ огласки. Оконченнымъ шантажъ признается съ того момента, когда шантажистомъ приобретена имущественная выгода, составлявшая цѣль его дѣйствій; наказуемымъ покушеніемъ является самая угроза, заключающая въ себѣ признаки шантажа.

Чтобы покончить съ главными нововведеніями проекта—насколько они касаются квалифікаціи преступленій,—намъ остается еще бросить взглядъ на постановленія о банкрутствѣ. Мы встрѣчаемся здѣсь, прежде всего, съ нѣсколькими статьями, относящимися къ несостоятельности кредитныхъ установленій и акціонерныхъ обществъ. Первая двѣ статьи (511-ая и 512-ая) грозятъ тюрьмою завѣдывающему дѣлами общества, если онъ не сообщитъ, кому слѣдуетъ, о существованіи условій, требующихъ, по закону, объявленія несостоятельности общества, или скроетъ истину въ показаніяхъ своихъ объ имуществѣ, принадлежащемъ обанкротившемуся обществу; слѣдующая статья (513) запрещаетъ, подъ страхомъ заключенія въ исправительномъ домѣ, отчужденіе общественнаго имущества, разъ что общество прекратило платежи или объявлено несостоятельнымъ. Необходимость таковыхъ постановленій не подлежитъ никакому сомнѣнію, особенно въ виду закона 22-го мая 1884 г., допустившаго объявленіе несостоятельности юридическихъ лицъ, т.-е. акціонерныхъ обществъ и кредитныхъ установленій; замѣтимъ только, что наказаніе за отчужденіе имущества,

послѣ открытія или объявленія несостоятельности, слѣдовало бы установить одно и то же для завѣдывающихъ дѣлами обществъ и для частныхъ лицъ. По отношенію къ частнымъ лицамъ, проектъ комиссіи, какъ и дѣйствующее законодательство, различаетъ, съ одной стороны, несостоятельность торговую и не-торговую, съ другой—несостоятельность злостную и неосторожную (послѣднихъ выраженій комиссіи не употребляетъ, но отъ этого не измѣняется сущность дѣла). Несостоятельность неосторожная, какъ и въ настоящее время, признается наказуемою лишь въ такомъ случаѣ, если несостоятельнымъ является лицо, занимавшееся торговлей; по статьѣ 516-й проекта, „объявленный несостоятельнымъ должникомъ въ порядкѣ торговаго производства, виновный въ легкомысленномъ веденіи торговыхъ дѣлъ или въ расточительности, причинившихъ его несостоятельность, наказывается тюрьмою“. Эта статья возбуждаетъ въ насъ сомнѣнія двоякаго рода. „Легкомысленное веденіе торговыхъ дѣлъ“ — выраженіе слишкомъ неопредѣленное, слишкомъ эластичное; подъ дѣйствіе его подойдетъ и сознательно-рискованная спекуляція, вызванная необузданною погоней за наживой, и плохо-разчитанное предпріятіе, начатое съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, но разбившееся о препятствія, которыхъ, несмотря на всю ихъ неизбежность и очевидность, не замѣчалъ предприниматель. Въ первомъ случаѣ, уголовная отвѣтственность представляется вполне справедливою, потому что виновный предусматривалъ возможность, даже вѣроятность вреда, причиненнаго заимодавцамъ, и ставилъ на карту ихъ благосостояніе, лишь бы только не упустить случая обогатиться; во второмъ случаѣ все сводится къ ошибкѣ, къ недостатку сдержанности, смѣтливости и прозорливости, не требующему иной кары, кромѣ гражданскихъ послѣдствій несостоятельности. Съ другой стороны, если бы понятіе о легкомысленномъ веденіи торговыхъ дѣлъ уступило мѣсто понятію о сознательно-рискованной спекуляціи, то мы не видѣли бы причины, по которой ст. 516-ая проекта не могла бы быть распространена и на случаи не-торговой несостоятельности. Редакціонная комиссія ссылается на то, что торговцу оказывается кредитъ именно для торговли, и если онъ употребляетъ занятыя деньги на мотовство, то обманываетъ этимъ самымъ довѣріе кредиторовъ; но вѣдь и отъ должника не-торговаго званія, кредиторы въ правѣ ожидать—и болѣею частью, если заемъ не имѣетъ ростовщическаго характера, дѣйствительно ожидаютъ,—что данныя ими суммы не будутъ брошены въ окно или пущены на вѣтеръ, а получатъ болѣе или менѣе разумное употребленіе. Не убѣдительно и другое замѣчаніе комиссіи, состоящее въ томъ, что лицу не-торговаго званія кредитъ всегда можетъ быть оказанъ подъ условіемъ имущественнаго

обеспеченія; послѣднее возможно и въ дѣлахъ торговыхъ, да и довѣріе, оказанное должнику, не можетъ же быть рассматриваемо какъ обстоятельство, уменьшающее его вину. Весьма часто должникъ не-торговаго званія пользуется кредитомъ именно потому, что заимодавцы вѣрятъ въ серьезное отношеніе его къ дѣлу (напримѣръ, къ сельскому хозяйству, къ литературному предпріятію, и т. п.); если онъ не оправдываетъ ихъ довѣрія, то онъ виноватъ, при равенствѣ остальныхъ условій, ничуть не меньше купца, растрачивающаго полученные отъ постороннихъ лицъ капиталы на безумную роскошь или на азартную биржевую игру. Гораздо правильнѣе, кажется, съуздить какъ можно больше опредѣленіе уголовно-наказуемой неосторожной несостоятельности и затѣмъ распространить его одинаково на лицъ торговаго и не-торговаго званія — или ограничить разницу между ними одною лишь мѣрой наказанія, для послѣднихъ меньшею, чѣмъ для первыхъ. Если до сихъ поръ неосторожная несостоятельность могла имѣть уголовныя послѣдствія только для лицъ торговаго званія, то не слѣдуетъ забывать, что еще недавно существовало для всѣхъ сословій личное задержаніе за долги.

Еще меньше можно согласиться съ тѣмъ различіемъ между торговою и не-торговою несостоятельностью, которое устанавливается проектомъ по отношенію къ злостному банкротству (ст. 514 и 515). Возраженія наши относятся не столько къ различію въ степени ответственности, хотя и оно кажется намъ черезъ-чуръ большимъ ¹⁾, сколько къ различію въ самомъ опредѣленіи преступленія. Безусловно преступнымъ, независимо отъ торговаго или не-торговаго свойства несостоятельности, проектъ признаетъ (если доказано, притомъ, намѣреніе избѣжать платежа долговъ): 1) сокрытіе имущества при объявленіи несостоятельности, и 2) уменьшеніе, послѣ объявленія несостоятельности, конкурсной массы выдачею безденежныхъ обязательствъ, а также перекрѣпленіемъ или сокрытіемъ имущества. Выдача, съ цѣлью избѣжать платежа долговъ, безденежнаго обязательства или безденежное, съ тою же цѣлью, отчужденіе имущества, если то или другое предшествуетъ объявленію несостоятельности, признается преступнымъ, наоборотъ, только при несостоятельности торговой. Воздерживаться, до объявленія несостоятельности, отъ искусственнаго уменьшенія актива или искусственнаго увеличенія пассива обязаны, по мнѣнію редакціонной комиссіи, „только тѣ, кому кредитъ оказывается въ силу ихъ торговаго положенія, а не по лич-

¹⁾ Maximum наказанія при несостоятельности не-торговой — три года исправительнаго дома; minimum (при смягчающихъ обстоятельствахъ) — двѣ недѣли тюрьмы; maximum наказанія при несостоятельности торговой — восемь лѣтъ каторги; minimum (при смягчающихъ обстоятельствахъ) — полтора года исправительнаго дома.

ному довѣрiю; не-торговецъ, до объявленiя несостоятельности, сохраняетъ полную свободу распоряженiя своимъ имуществомъ, можетъ выдавать безденежныя обязательства и переводить предметы своего достоянiя на имя другихъ лицъ“. Фактически такая „свобода“ принадлежитъ одинаково и не-торговцамъ, и торговцамъ—юридически она не принадлежитъ и не должна принадлежать ни тѣмъ, ни другимъ. Разъ что выдача безденежнаго обязательства или фиктивное переукрѣпленiе имущества совершается съ цѣлью избѣжать платежа долговъ, и эта цѣль достигается посредствомъ мнимой несостоятельности, всё составныя части преступленiя имѣются на-лицо, все равно, кто бы ни былъ виновный: имѣется на-лицо умыселъ разбогатѣть на чужой счетъ, имѣется на-лицо обманъ, имѣется на-лицо вредъ, наносимый кредиторамъ, а черезъ нихъ и цѣлому обществу. Основанiемъ кредита—положенiе кредитующагося можетъ служить не въ одномъ только торговомъ мiрѣ; но если кредитъ и оказанъ лишь въ силу личнаго довѣрiя къ должнику, то это еще не причина для снисходительнаго отношенiя къ лицу, такъ злостно и нагло злоупотребляющему довѣрiемъ. Редакцiонная коммиссiя признаетъ, что фиктивная сдѣлка, заключенная, во вредъ кредиторамъ, до объявленiя не-торговой несостоятельности, можетъ быть уничтожена судомъ гражданскимъ—но при этомъ упускается изъ виду, что для гражданского суда установленiе фиктивнаго характера сдѣлки несравненно труднѣе, чѣмъ для уголовного. Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ можно считать преступленiемъ намѣренное необъявленiе должникомъ, кому слѣдуетъ, объ имуществѣ, ему принадлежащемъ (проектъ, статья 518-ая)—и оставлять безнаказанными дѣйствiя несравненно болѣе обдуманныя, болѣе безнравственныя и болѣе опасныя, въ родѣ мнимой переуступки имущества или выдачи „бронзовыхъ векселей“.

Безспорно хорошей стороной проектируемыхъ постановленiй о несостоятельности слѣдуетъ признать допущенiе уголовного преслѣдованiя прежде окончанiя конкурснаго производства, въ продолженiе котораго такъ легко могутъ исчезнуть слѣды преступленiя,—и уничтоженiе тѣхъ, чисто внѣшнихъ, признаковъ, которыми опредѣляется теперь, между прочимъ, юридическiй составъ злостнаго банкротства (таково, напримѣръ, неведенiе или поврежденiе торговыхъ книгъ).

Въ январской книгѣ „Вѣстника Европы“ читатели привыкли встрѣчать подробныя свѣденiя объ отчетѣ государственнаго контроля по исполненiю государственной росписи послѣдняго законченнаго смѣтнаго періода. Въ настоящемъ году намъ приходится отступить

отъ этого обмѣновенія, такъ какъ отчетъ объ исполненіи росписи за 1886 годъ опубликованъ гораздо позднѣе, нежели въ предшествовавшіе годы. Мы можемъ пока только привести вкратцѣ нѣсколько цифръ, отлагая подробности до слѣдующей книги.

По росписи 1885 года:

1) ожидалось къ поступленію обыкновенныхъ до- ходовъ	780.032,821 р.
2) въ дѣйствительности поступило	762.282,843 „

Менѣе предполагаемаго на . . . . . 17.749,978 р.

Обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ было исчислено по росписи 787.793,162; дѣйствительно израсходовано 806.614,346 р.— Въ общемъ результатъ оказался превышеніе расходовъ надъ доходами въ суммѣ 44.431,503 рублей.

Чрезвычайныхъ ресурсовъ исчислялось по росписи 84.760,642 р.; поступило же 71.618,480 р. Чрезвычайныхъ расходовъ произведено на 106.523,822 рубля.

Такимъ образомъ, общая сумма выполненныхъ и подлежащихъ выполненію по росписи 1885 года обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ (913.138,169 р.) превышаетъ общую сумму поступившихъ въ счетъ той же росписи обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ (837.028,860 р.) на 76.109,309 рублей.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такъ какъ чрезвычайныя поступленія—главнымъ образомъ—лишь реализація выпускаемыхъ въ обращеніе государственныхъ бумагъ, то, при сужденіи о выгодномъ или невыгодномъ исполненіи росписи, чрезвычайный бюджетъ не можетъ приниматься во вниманіе. Дѣйствительное значеніе имѣеть лишь приведенная выше цифра недобора по обыкновенному бюджету въ 44.431,503 р. Изъ этой суммы должно быть исключено 3.127,537 р. свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1881 года, и затѣмъ дѣйствительный дефицитъ по исполненію росписи 1885 года составитъ 41.203,966 рублей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января (19 декабря) 1887 г.

Общая характеристика минувшаго года.—Усиленіе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи.—Министерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ.—Оппозиція въ Германіи военному законопроекту.—Правительственное сообщеніе по внѣшней политикѣ, 3-го (15) декабря.—Болгарскія дѣла.

Въ началѣ истекшаго нынѣ 1886-го года, обозрѣвая событія его предшественника, 1885-го года, мы вынуждены были тогда заключить обозрѣніе словами: „Балканскій кризисъ не закончился еще и перешелъ по наслѣдству отъ истекшаго 1885 г. къ настоящему 1886 г., въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія европейскаго ареопага... Неопредѣленное положеніе между внѣшнимъ миромъ и всякими внутренними кризисами будетъ продолжаться, конечно, и въ 1886 году“; если бы мы тогда къ этому прибавили:—„и въ 1887 году“, то, и въ такомъ случаѣ, мы не ошиблись бы ни малѣйше. Новыя правительства, дѣйствовавшія въ истекшемъ году во Франціи и въ Англии, не измѣнили ничего въ общемъ ходѣ событій, и изъ нихъ одно—во Франціи—къ концу года успѣло уже распасться, съ выходомъ въ отставку Фрейсине, а другое—въ Англии—одновременно съ тѣмъ было поколеблено отставкою Черчилля. Центръ тяжести европейской политики тѣмъ болѣе потому сосредоточивался, какъ и прежде, въ средне-европейскихъ государствахъ, Германіи и Австро-Венгрии, гдѣ во главѣ правительства оставались тѣ же лица и преслѣдовались неизмѣнно и неуклонно тѣ же, прежнія цѣли. Отношенія Россіи къ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, установленныя еще въ предыдущіе годы личными свиданіями государей и, повидимому, не поколебленные переворотомъ 6-го сентября 1885-го года,—въ истекшемъ году нуждались, однако,—какъ то можно предполагать,—въ новой поддержкѣ, или иначе зачѣмъ могли бы понадобиться въ августѣ прошедшаго года свиданія министровъ трехъ имперій? Впрочемъ новый переворотъ въ Болгаріи, 9-го августа, повлекшій за собою сначала сверженіе князя болгарскаго, а затѣмъ и его отреченіе, придалъ особенно важное значеніе свиданіямъ въ Гастейнѣ и Франценсбадѣ; можно было думать, что такія неожиданныя событія не застали союзъ трехъ имперій совершенно врасплохъ, и что эпизодъ софійскій останется безъ всякаго вліянія на европейскій миръ, подобно тому, какъ другое военное „пронунціаменто“, свершившееся почти

одновременно на другомъ полуостровѣ, въ Испаніи, дало только, на нѣсколько дней, лишнюю работу телеграфамъ. Но вышло иначе,—и если истекшій годъ спасся самъ отъ фактическаго нарушенія мира, то этимъ онъ, конечно, обязанъ болѣе или менѣе вынужденному миролюбію тѣхъ, отъ кого зависѣлъ вопросъ о войнѣ,—а потому надобно думать, что и дальнѣйшій миръ Европы зависить вовсе не отъ того, что будетъ дальше съ Болгаріею; весь вопросъ, очевидно, сводится къ тому: будутъ ли продолжаться причины всеобщаго вынужденнаго миролюбія, или кто-нибудь найдетъ возможность развязать себѣ руки,—и кто прежде получитъ такую возможность?

Въ послѣдніе мѣсяцы европейская исторія болѣе походила на театръ, съ его быстрою и часто неожиданною переимѣною декорацій, дѣйствующихъ лицъ; точно также какъ и въ театрѣ, быстро видоизмѣнялись союзы; антипатіи уступали мѣсто симпатіямъ—и наоборотъ. Между такими *coups de théâtre*, которыми обозначилась исторія второго полугодія, первое мѣсто, конечно, занимаетъ паденіе министерства во Франціи—столь неожиданное, что оно, дѣйствительно, было принято за переимѣну театральныхъ декорацій, причемъ роль машиниста за кулисами чуть не серьезно была приписана князю Бисмарку: ему нужно, молъ, было разстроить сближеніе Россіи съ Франціею. Хотя, конечно, министерскій кризисъ во Франціи истекалъ прямо изъ хода внутреннихъ дѣлъ въ этой странѣ, о чемъ мы говорили мѣсяцъ тому назадъ, но, дѣйствительно, нельзя отрицать, что онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ имѣть—и дѣйствительно имѣлъ—существенное вліяніе на общій ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Вскорѣ послѣ того, съ нашей стороны, уничтожено было всякое сомнѣніе относительно твердости и прочности дружбы Россіи съ Германіею; всѣ газетные толки о союзѣ Россіи съ Франціею сдѣлались, до поры, до времени, излишними; но, съ другой стороны, тотъ же министерскій кризисъ во Франціи повредилъ официальной Германіи, послуживъ поводомъ оппозиціи тѣмъ настойчивѣе выступать противъ проектируемыхъ правительствомъ новыхъ расходовъ на усиленное вооруженіе страны. Нѣтъ поэтому сомнѣнія, что дальнѣйшій ходъ и окончательное разрѣшеніе министерскаго кризиса во Франціи будутъ имѣть большое значеніе при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, носящихъ на себѣ болѣе или менѣе общеевропейскій характеръ.

Павшее министерство Фрейсинѣ едва просуществовало одинъ годъ, между тѣмъ какъ предшествовавшее ему министерство Жюля Ферри продержалось цѣлыхъ два года. Послѣднее пало на вопросъ колониальной политики, такъ какъ она имѣла въ виду прежде всего не развитіе силъ страны, а укрѣпленіе, при помощи этой политики, престижа правительства внутри страны; для того, конечно, былъ необходимъ непре-

ривный успѣхъ, который не дозволилъ бы обращать вниманіе на то, чего этотъ успѣхъ стоить. Неудача въ колониальныхъ походахъ и новыя требованія милліоновъ на исправленіе такихъ неудачъ свергли министерство Ферри, считавшагося въ Европѣ прямымъ наследникомъ Гамбетты. Новое министерство Фрейсинэ увидѣло себя окруженнымъ и новою палатою, избранною на основаніи новаго избирательнаго закона во Франціи, въ силу котораго выборы должны были происходить не по отдѣльнымъ округамъ, какъ прежде, а по общимъ департаментскимъ спискамъ. При новой палатѣ, которая, вслѣдствіе новаго избирательнаго закона, болѣе вѣрно выразила общественныя стремленія страны, за утратою мелкихъ вліяній околотка на своихъ мѣстныхъ избирателей, новому министерству предстоило отыскать новыя пути къ упроченію правительственной власти и республиканскаго большинства, удовлетворяя его существеннымъ стремленіямъ къ экономическимъ реформамъ. Между тѣмъ социальныя недуги во Франціи въ истекшемъ году не нашли для себя пока никакого врачеванія и были врачуемы одною силою; съ другой стороны, къ числу мѣръ, долженствующихъ укрѣпить республиканское большинство, была отнесена та самая мѣра, которую употребляла павшая имперія для своего укрѣпленія: какъ она изгоняла людей опасныхъ ей, такъ и министерство Фрейсинэ удалило изъ Франціи принцевъ. Одновременно съ тѣмъ, стремленіе къ укрѣпленію „властной руки“ правительства выразилось въ размноженіи бюрократическихъ его силъ; такая мѣра, сопряженная съ увеличеніемъ расходовъ на административную машину, поглощавшую во Франціи и безъ того значительную часть бюджета, могла легко послужить орудіемъ для оппозиціи—и вотъ почему ничтожный по себѣ вопросъ о расходѣ на субпрефектовъ—могъ вызвать настоящій кризисъ, такъ какъ субпрефекты играютъ большую роль при выборахъ и могутъ являться, въ рукахъ даннаго правительства, удобнымъ орудіемъ для вліянія на выборы. Отказъ въ кредитъ на субпрефектовъ былъ понятъ министерствомъ, какъ вызовъ большинства палаты министерству противъ его внутренней политики. Затрудненія, какія встрѣтилъ президентъ республики, при составленіи новаго министерства Гоблэ, весьма характеристичны, такъ какъ они относятся именно къ портфелю министерства иностранныхъ дѣлъ: всѣ, такъ сказать, патентованные дипломаты отказались отъ этого почетнаго поста, такъ что пришлось вручить иностранную политику лицу совершенно другой спеціальности. Кромѣ отсутствія убѣжденія въ прочности самого министерства, иностранная политика во Франціи представляла и затруднительность выбора между политикою благоразумія, требующей мира, во что бы то ни стало, но осужденной впередъ на непопулярность, и политикою „возмездія“, требующей войны, во что бы

то ни стало, но съ тѣмъ же рискомъ, если не съ большимъ, съ какою Франція вступила въ войну 1870 года. Италія, по отношенію къ Франціи, занимаетъ теперь то же самое мѣсто, какое занимаетъ Франція по отношенію къ Германіи; Франція до сихъ поръ напрасно ждетъ отъ Германіи добровольнаго возвращенія ей Эльзаса и Лотарингіи, и она можетъ легко понять причину неохоты Германіи быть великодушною, такъ какъ и сама Франція не согласится охотно возвратить Италіи графство Ниццу и часть Савойи, взятая отъ нея, притомъ безъ всякой побѣды надъ нею: это было платою за благодѣянія, оказанныя имперіею Италіи. Въ 1870 г., Италія, оставленная въ тылу при борьбѣ Франціи съ Германіею, не представляла той величины, какую она представляетъ собою въ настоящее время, съ своей почти полумилліонной арміею мирнаго состава—и что еще важнѣе—съ такими финансами, какими могутъ похвастать весьма немногія государства въ Европѣ.

Смерть Мингетти, ближайшаго сотрудника основателя единства и независимости Италіи, Кавура, послѣдовавшая въ истекшемъ мѣсяцѣ, послужила поводомъ для истиннаго выраженія политическаго настроенія большинства въ Италіи. Независимо отъ личныхъ достоинствъ Мингетти, занимавшаго, между 1860—1870 гг., постъ—то министра внутреннихъ дѣлъ, то министра финансовъ, онъ извѣстенъ въ Италіи, какъ настоящій основатель анти-французской политики: въ 1873 г., когда Мингетти одновременно имѣлъ въ своихъ рукахъ портфель министерства финансовъ и въ то же время былъ президентомъ новаго министерства, составленнаго имъ,—онъ не только устроилъ памятное путешествіе короля въ Вѣну и Берлинъ, но и сопровождалъ его на этомъ пути; съ того времени создались и укрѣпились тѣ отношенія Италіи къ средне-европейскимъ государствамъ, которыя продолжаютъ и до-нынѣ, а всеобщія симпатіи, можно сказать—общественный трауръ, каковымъ сопровождалась смерть Мингетти, доказываютъ, что его дѣла цѣнятся и въ настоящую минуту, какъ они цѣнились дѣтъ 12 тому назадъ. Вотъ почему, если Германіи должно помнить, что въ тылу у нея находится Франція, то при этомъ Германія знаетъ, что въ тылу у Франціи находится Италія. Это же самое обстоятельство необходимо класть на вѣсы и тѣмъ, которые принимаютъ Францію въ расчетъ всякій разъ, когда хотятъ расчитывать на Францію, какъ на врага Германіи.

Въ послѣднее время, къ усиленнымъ вооруженіямъ первоклассныхъ государствъ присоединились подобныя же стремленія и со стороны такихъ второстепенныхъ государствъ, какъ Бельгія. Бельгія также въ свое время была облагодѣтельствована Франціею, подобно Италіи, и, подобно же Италіи, испытала и оборотную сторону медали

въ дѣлѣ политическихъ благодѣяній, а потому вооруженія Бельгій должны, въ своихъ конечныхъ результатахъ, беспокоить скорѣе Францію, нежели Германію. Дѣла въ Египтѣ еще менѣе даютъ поводъ думать о возможности сближенія Франціи съ Англіей, такъ что, принявъ въ соображеніе все окружающее Францію и ея внутреннее положеніе въ данную минуту, можно только удивляться той сверхъестественной предусмотрительности, съ какою Германія заботится о своей безопасности, и именно со стороны Франціи, а съ другой стороны—нельзя не удивляться тѣмъ требованіямъ новыхъ пожертвованій, какихъ требуетъ правительство у себя въ Германіи со стороны своего населенія для государственной безопасности, какъ будто ей что-нибудь угрожаетъ въ данную минуту. Такое противорѣчіе можно себѣ уяснить только тѣмъ, что Германія имѣетъ свои причины опасаться, что на этотъ разъ война не будетъ шестинедѣльною, какъ въ 1866 году, или трехмѣсячною, какъ въ 1870 году, а потому можетъ быть сопряжена и съ бѣльшимъ рискомъ, и съ бѣльшими потерями силъ; какъ при самыхъ громадныхъ тяжестяхъ, положенныхъ на противоположныя чаши вѣсовъ, все-таки перевѣсъ даетъ какой-нибудь лишній фунтъ, такъ и Германія, можно думать, при громадномъ развитіи своихъ военныхъ силъ, все-таки заботится о какихъ-нибудь лишнихъ десяткахъ тысячъ штыковъ, и настаиваетъ на томъ предъ палатою, какъ на предметъ самаго жизненнаго интереса для правительства.

Вопросъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи, о чемъ мы говорили подробнѣе мѣсяцъ тому назадъ, обсуждался въ спеціальной парламентской комиссіи, и, какъ извѣстно, комиссія не оправдала ожиданій правительства: большинство комиссіи уменьшило численность арміи на 18 тысячъ; 16 новыхъ батальоновъ разрѣшены лишь на годъ, а семилѣтній срокъ военнаго закона сокращенъ до трехъ лѣтъ; кромѣ того, и палата, вмѣсто того, чтобы признать неотложность обсужденія правительственнаго военнаго законопроекта, отложила свои засѣданія на 4-е января,—изъ чего прямо слѣдуетъ, что едва ли правительство получитъ большинство; а въ такомъ случаѣ легко можетъ повториться то, что было въ 60-хъ годахъ, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, т.-е. палата будетъ распущена; въ 60-хъ годахъ, ближайшія обстоятельства оправдали предусмотрительность правительства, казавшуюся излишнею, и какъ бы обнаружили близорукость палаты. Повторится ли это нынѣшній разъ? —въ этомъ именно и состоитъ весь вопросъ, интересующій уже не одну Германію, а всю Европу, такъ какъ для оправданія предусмотрительности имперскаго правительства нужно, чтобы и вонецъ 80-хъ годовъ представилъ собою повтореніе вонца 60-хъ годовъ, притомъ съ угрозою, что нынѣшній разъ война мѣстная можетъ легко перейти

во всеобщую европейскую войну, за очевидною невозможностью локализоваться, подобно войнамъ 1866 и 1870 годовъ.

Англія, подобно Германіи и Франціи, переходитъ, въ новый годъ, также въ состояніе кризиса, вслѣдствіе отставки лорда Чёрчилля, явившейся какъ бы внезапно. Конечно, не вопросы вѣшной политики вызвали такую перемѣну въ министерствѣ торіевъ, накануне самаго открытія парламентскихъ засѣданій, а потому вліяніе этой перемѣны можетъ получить европейское значеніе настолько, насколько удаленіе лорда Чёрчилля можетъ связать руки Англійи и ослабить ея вліяніе на ходъ международныхъ вопросовъ. Извѣстіе о томъ, что лордъ Гартингтонъ вступить въ министерство, взаимнѣ удалившагося лорда Чёрчилля, какъ будто обезпечиваетъ министерству Солсбери прежнее положеніе въ парламентѣ, а въ такомъ случаѣ необходимо будетъ по прежнему считаться съ вліяніемъ Англійи во всѣхъ дѣлахъ общеевропейскаго характера.

Взаимное отношеніе трехъ имперій, служившее, въ глазахъ политиковъ, лучшею гарантіею европейскаго мира, представляло въ теченіе истекшаго года различныя колебанія, свидѣтельствующія о его неустойчивомъ равновѣсіи. Последнее „правительственное сообщеніе“, имѣвшее въ виду примирить противорѣчіе съ дѣйствительностью, въ какое впали нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, при обсужденіи международныхъ отношеній Россіи и Германіи, — какъ будто усилило за границею сомнѣніе въ прочности тройственнаго союза, такъ какъ въ этомъ сообщеніи ничего не говорилось объ Австро-Венгріи. Вотъ самое содержаніе этого акта, который въ послѣдніе дни истекшаго года послужилъ исходною точкою для соображеній самаго различнаго свойства:

„Болгарскія событія, — говоритъ „Правительственный Вѣстникъ“, — вызвавшія въ русской публикѣ и печати вполне понятное возбужденіе, послужили, между прочимъ, поводомъ къ обсужденію въ нашихъ газетахъ политическихъ отношеній европейскихъ державъ къ Россіи. Не ограничиваясь оцѣнкою общезвѣстныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ, нѣкоторыя газеты прибѣгаютъ, для выясненія означенныхъ отношеній, къ догадкамъ и предположеніямъ, почему сужденія ихъ, основанныя на столь зыбкой почвѣ, не только уклоняются отъ безпристрастія, безъ котораго немислимо сколько-нибудь вѣрное пониманіе политическихъ вопросовъ, но и становятся иногда въ явное противорѣчіе съ дѣйствительностью.

„Такимъ характеромъ отличаются, между прочимъ, нѣкоторыя изъ появившихся въ послѣднее время статей, посвященныхъ германской политикѣ, и въ коихъ русской публикѣ внушается, что затрудненіями, препятствующими удовлетворительному разрѣшенію бол-

гарскаго вопроса, мы обязаны преимущественно негласному воздѣйствію Германіи, которая поэтому выставляется опаснымъ врагомъ Россіи, злоумышляющимъ противъ ея достоинства и безопасности.

„Нельзя не пожалѣть о подобныхъ неосновательныхъ увлеченіяхъ.

„Съ Германіею, какъ съ своимъ непосредственнымъ сосѣдомъ, Россія связана многочисленными жизненными интересами, благодаря которымъ отношенія между обѣими державами издавна упрочились и уже неоднократно выдерживали испытанія. Такія отношенія одинаково важны для благосостоянія обонхъ государствъ, что одинаково сознается ихъ правительствами, и нельзя не пожелать продленія этихъ отношеній на долгіе годы. Будучи твердо намѣрено по прежнему относиться съ должнымъ вниманіемъ къ собственно германскимъ интересамъ, императорское правительство имѣетъ полное основаніе быть увѣреннымъ, что и Германія, съ своей стороны, будетъ продолжать воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, могущихъ затронуть какъ достоинство Россіи, такъ и интересы, создавшіеся, вслѣдствіе историческихъ отношеній къ нашимъ восточнымъ единоувѣрцамъ, и что вліяніе ея будетъ направлено лишь къ поддержанію всеобщаго мира, въ которомъ нуждается Европа и который составляетъ, равнымъ образомъ, предметъ живѣйшихъ желаній Русскаго Царя и Его народа.

„Чѣмъ сложнѣе и щекотливѣе политическія обстоятельства, тѣмъ болѣе осмотрительности и хладнокровія требуется при ихъ оцѣнѣ и тѣмъ, слѣдовательно, менѣе можно оправдать опрометчивость и заносчивость сужденій, высказываемыхъ органами печати, голосъ которой далеко не лишень значенія въ международныхъ отношеніяхъ“.

Въ словахъ нашего официальнаго органа, конечно, всего болѣе важно выраженное въ немъ твердое намѣреніе нашего правительства относиться съ должнымъ вниманіемъ къ собственно германскимъ интересамъ. Одного этого было бы уже достаточно для полнаго обезпеченія европейскаго мира, если бы изъ этихъ самыхъ словъ не вытекало заключенія о томъ, что Германія можетъ имѣть, кромѣ собственно германскихъ интересовъ, и другіе интересы, не собственно германскіе, но, тѣмъ не менѣе — интересы весьма опредѣленные, и отрицать ихъ было бы крайне трудно. Къ числу такихъ интересовъ, не собственно германскихъ, надобно отнести прежде всего интересы Австріи. Если мы, по отношенію къ славянскимъ народностямъ, чувствуемъ за собою историческую миссію, то никто не удивится, если бы оказалось, что въ Германіи проникнуты аналогическимъ убѣжденіемъ объ исторической миссіи Германіи въ Австріи. Разъ

народы сходятъ на мистическую почву „миссій“,—нельзя имѣть никакой увѣренности въ будущемъ. Дѣйствительно, Россія связана многочисленными жизненными интересами съ Германією; но и затѣмъ остается вопросъ: не связана ли Германія еще болѣе жизненными интересами съ Австрією? Никогда наши отношенія къ Германіи не были столь искренне дружественны, какъ въ послѣднее царствованіе—при императорѣ Николаѣ I, Германія не представляла изъ себя вовсе серьезной силы, и сама была подъ нашимъ вліяніемъ—и тѣмъ не менѣе, все это не помѣшало Германіи усматривать въ 1875 г. помѣху съ нашей стороны ея враждебнымъ видамъ на Францію, а вскорѣ затѣмъ, въ 1878 г., на Вильгельмъ-штрассе, въ Берлинѣ мы потеряли многое изъ того, что приобрѣли на поляхъ битвъ за Дунаемъ и Балканами. Вотъ потому, не усматривая ничего неестественнаго въ близкихъ интересахъ Германіи, какіе она можетъ имѣть по отношенію къ Австріи,—мы изъ всего сказаннаго въ „правительственномъ сообщеніи“ считаемъ несравненно болѣе солидною гарантіей другое его увѣреніе, что всеобщій миръ „составляетъ, равнымъ образомъ, предметъ живѣйшихъ желаній Русскаго Царя и Его народа“¹⁾.

Хотя до самыхъ послѣднихъ дней истекшаго года въ иностранныхъ газетахъ не закрывался особый отдѣлъ телеграммъ: „Die Ereignisse in Bulgarien“, „Les affaires de Bulgarie“, и т. п., но вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ сообщенія изъ Болгаріи не представляютъ ни того обилія, ни того характера, какими они отличались прежде. По отъѣздѣ нашего дипломатическаго агента, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ явилась циркулярная депеша министерства иностранныхъ дѣлъ, свѣденія о которой, какъ оказывается, проникли въ иностранную печать еще до того времени; по отношенію будущей нашей политики министерство иностранныхъ дѣлъ заявляетъ, что, „вызывая всѣхъ своихъ агентовъ, императорское правительство вовсе не намѣрено нарушать связи, соединяющія Болгарію съ Россією. Прибѣгая къ этой мѣрѣ, оно

¹⁾ Последнее „правительственное сообщеніе“ подало поводъ иностраннымъ газетамъ къ весьма курьезному замѣчанію: одна изъ нихъ указала на тотъ фактъ, что значительная часть русскаго общества остается будто бы въ невѣденіи о существованіи этого „сообщенія“, такъ какъ „Московскія Вѣдомости“ не нашли возможности помѣстить его на своихъ столбцахъ. Газета рассуждала такъ, предпологая, будто „Московскія Вѣдомости“—самая распространенная газета въ Россіи. Но еще болѣе любопытно проницательное сравненіе, которое было сдѣлано, по этому же поводу, между „Московскими Вѣдомостями“ и „регентами болгарскими“. „Московскія Вѣдомости“—говоритъ газета—упрекали регентовъ за то, что они не дозволяли у себя помѣщать непріятныхъ имъ депешъ русскаго правительства, а теперь и московская газета сама сдѣлала то же самое.

хотѣло только заявить, что оно отказывается признать законность настоящаго порядка вещей, при которомъ ничтожное меньшинство, захватившее власть, считаетъ себя въ правѣ, по своему личному благоусмотрѣнію, распорядиться судьбою болгарскаго народа и обращать его въ орудіе революціонныхъ страстей, гибельно дѣйствующихъ на общественную нравственность“.

„Болгарскій народъ, — говорится далѣе въ циркулярѣ, — безспорно отличается мирными наклонностями и любовью къ труду. Въ этихъ качествахъ заключается залогъ его будущаго преуспѣянія, и благодаря имъ благосостояніе Болгаріи дѣлало уже быстрые успѣхи, когда филиппопольскій переворотъ 1885 года внезапно увлекъ страну на путь опасныхъ политическихъ приключеній, потребовавшихъ отъ нея тяжкихъ и совершенно напрасныхъ жертвъ. Настоящій порядокъ вещей составляетъ прямое послѣдствіе означеннаго переворота; въ случаѣ его продленія, Болгарія не только должна подвергнуться новымъ невгодамъ, но она не преминетъ обратиться въ очагъ анархїи и революціонныхъ страстей, которыя будутъ служить постоянною угрозою миру и спокойствію на Востокѣ.

„Считая своимъ долгомъ заботиться о сохраненіи этого спокойствія и оставаясь на почвѣ трактата, императорское правительство намѣрено по прежнему направлять свои усилія къ прекращенію таготяющаго надъ Болгаріею гнета и къ восстановленію въ странѣ этой законнаго порядка, который могъ бы служить надежнымъ залогомъ ея будущаго преуспѣянія и оправданіемъ тѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя понесла Россія. Будучи совершенно чуждо какихъ бы то ни было своекорыстныхъ замысловъ, императорское правительство не намѣрено изъяснять согласія ни на какую комбинацію, которая, подъ личиною законности, служила бы лишь къ упроченію ненормальныхъ условий, въ которыя нынѣ поставлена Болгарія“.

Такое категорическое заявленіе нашего правительства дѣлаетъ условнымъ всякое соображеніе относительно тѣхъ комбинацій, какія дѣлались въ послѣднее время, съ цѣлью того или другаго устройства Болгаріи. Выдвинутыя кандидатуры, подобныя кандидатурѣ принца гессенъ-кобургскаго, могутъ получить значеніе не иначе, какъ по заявленію согласія со стороны Россіи; совершенно въ такомъ же положеніи находится каждая кандидатура, какаѣ будетъ поставлена съ нашей стороны; таковы условія, созданныя берлинскимъ конгрессомъ: несогласія одного члена изъ „совѣта Европы“ вполне достаточно, чтобы остановить рѣшеніе дѣла — мирнымъ путемъ.

Въ Болгаріи, между тѣмъ, продолжается эпоха междуцарствія, пагубная для всякой страны, гдѣ бы она ни случилась; зато именно вслѣдствіе такого ненормальнаго положенія вещей, тамъ выигры-

застъ все болѣе и болѣе мысль о союзѣ балканскихъ государствъ. Судя по тону болгарскихъ газетъ, даже и тѣхъ, которыя опасаются нашего вліянія въ Болгаріи, — тамъ всё, безъ различія партій, ясно понимаютъ въ то же время, что онѣмеченіе страны есть весьма неудачное средство противъ страховъ предъ руссификаціею; можно сказать, что даже самыя враждебныя нашему правительству газеты и до настоящей минуты весьма искренно предпочли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, главенство Россіи, и если считаютъ его невозможнымъ, съ своей точки зрѣнія, то выражаютъ при этомъ сожалѣніе. Даже officialный органъ регентства, „Свобода“, еще недавно, высказывая свои соображенія о той пользѣ, какую приносятъ Италія и Англія, какъ противозвѣсь тѣмъ опасностямъ, какими угрожаетъ германизация, заключаетъ: „если мы говоримъ теперь о пользѣ для насъ Англіи и Италіи, которая вовсе неохотно увидѣла бы Австрію въ Салоникахъ (т. е. на пути къ Средиземному морю), и потому послужила бы намъ оплотомъ противъ натиска со стороны германизма, если мы имѣемъ въ виду балканскую конфедерацію, — то мы при этомъ всегда съ истинною душевною болью сожалѣемъ, что величайшее изъ славянскихъ государствъ, Россія, едва ли въ настоящее время согласилась бы занять свое мѣсто въ такомъ союзѣ“.

Мы приводимъ слова именно враждебнаго намъ органа, какъ лучшее доказательство того, что если, какъ мы видѣли, наше правительство вовсе не имѣетъ въ виду и теперь нарушить связи съ Болгаріей, то и въ Болгаріи едва ли возможна когда-нибудь полная утрата природенной симпатіи къ Россіи; если бы единство происхожденія оказалось недостаточнымъ, то изъ вышеизложенныхъ соображеній ясно можно заключить, что, при извѣстныхъ условіяхъ, въ Болгаріи предпочли бы видѣть насъ въ роли Англіи и особенно Италіи даже тѣ, которые думаютъ сегодня быть нашими противниками.

БУКОВИНА И РУСИНЫ.

Письма съ дороги.

I.

Микроскопическая, сравнительно съ пространствами, напр., нашихъ губерній, австрійская провинція—Буковина представляетъ для путешественника огромный интересъ во всѣхъ отношеніяхъ. На пространствѣ 190 географическихъ миль вы встрѣчаете здѣсь самую разнообразную природу, начиная отъ ровной бархатисто-зеленой степи и кончая голыми каменистыми скалами и поросшими прекрасными буковыми и хвойными лѣсами горными высотами до 5.700 футовъ.

Такое же разнообразіе представляютъ почва, климатъ, флора, фауна этой страны и ея обитатели. На пространствѣ 190 географ. миль едва ли наберется пять миль земли съ такою почвою, которую можно назвать бесплодною. Лѣсами занята почти половина Буковины; остальная площадь представляетъ плодороднѣйшія, хорошо обрабатываемыя поля, огороды и сады. Климатъ соотвѣтствуетъ поверхности страны: начиная отъ умѣренно-теплага, онъ постепенно переходитъ къ холодному, даже суровому. Орошаемая множествомъ горныхъ, частью значительныхъ рѣкъ, какъ напр. Днѣстръ, Прутъ, Бѣлый Черемошь, Золотая Быстрица, Буковина не знаетъ засухъ и такихъ неурожаевъ, послѣдствіемъ которыхъ бываеъ голодъ. Господствующія хлѣбныя растенія—пшеница, рожь, кукуруза—даютъ обильные урожаи.

Кто хочетъ, не ѣздивши за тридевять земель, увидѣть на небольшомъ пространствѣ разнообразіе въ царствѣ животныхъ, особенно птицъ, пусть отправится въ Буковину: здѣсь есть и горная коза, и наша украинская овца; бѣлоголовый орелъ—царь Карпатскихъ горъ, и пѣвчій лебедь; въ водахъ Днѣстра онъ встрѣтитъ сома, а воды Прута снабдятъ его стерлядьми и форелями. Природа надѣлила, сверхъ того, Буковину и минеральными богатствами (въ горахъ находится мѣдь, желѣзо; когда-то, говорятъ, было и золото) и горною солью, и многими цѣлебными минеральными источниками, напр. въ Полякъ-Буркутъ, и сѣрные источники въ Юкобенахъ.

Человѣкъ позаботился надѣлать Буковину хорошими путями сообщения: львовско-ясская желѣзная дорога перерѣзываетъ Буковину съ сѣвера на югъ; вѣтвь этой дороги изъ Черновець проходитъ до на-

шей границы у Новоселицы; масса шоссеиныхъ дорогъ, содержимыхъ въ образцовомъ порядкѣ, дѣлаеть сообщеніе въ Буковинѣ удобнымъ почти со всѣми главными пограничными пунктами.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, казалось бы, буковинскому населенію можно жить припѣваючи; но не то мы видимъ въ дѣйствительности: масса населенія живетъ бѣдно, часто экономически бѣдствуетъ. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ—недостатка въ краѣ индустрии и несоотвѣтственнаго распредѣленія земельной собственности. Природа сдѣлала буковинца пахаремъ „хлѣборобомъ“, но пахать ему почти нечего: всѣ почти земли составляютъ собственность или румыновъ-помѣщиковъ, или „православнаго религіознаго фонда“; кажется, послѣднему принадлежитъ едва ли не большая половина буковинскихъ земель. Лучшіе и самыя богатые горныя жѣзныя, желѣзные и др. рудники составляютъ собственность этого фонда. Извѣстно, что еще въ прошломъ вѣкѣ Буковина такъ изобиловала монастырями, что послѣднихъ было больше, чѣмъ городовъ и мѣстечекъ; при присоединеніи въ 1775 г. Буковины къ Австріи число православныхъ монастырей доходило до 24; монастыри эти далеко не соотвѣтствовали своему религіозному назначенію и занимались преимущественно любостязаніемъ. Стремясь къ постоянному приобрѣтенію недвижимой собственности, 24 православныхъ монастыря довели свои владѣнія до того, что почти вся Буковина оказалась монастырскою собственностью. Въ 1777 г. монастырямъ принадлежало на Буковинѣ до 270 недвижимыхъ имѣній. Многіе монастыри не имѣли даже монаховъ; „монастырь“ состоялъ изъ одного лишь „управителя монастырскимъ имѣніемъ“. Въ виду этого императоръ Іосифъ II распорядился въ 1788 г. закрыть въ Буковинѣ двадцать-одинъ монастырь. Принадлежавшія монастырямъ имѣнія перешли частію въ собственность государства, а большею частію остались въ распоряженіи православнаго духовенства, какъ фондъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей и для вспоможенія духовенству. Управление имуществомъ фонда находится въ рукахъ православной консисторіи, существующей въ Черновцахъ, при митрополитѣ. Такимъ образомъ, сельскому „хлѣбороду“ нѣтъ другого выхода, какъ брать въ аренду церковныя земли и платить довольно высокую арендную плату, и притомъ быть самоаккуратнѣйшимъ плательщикомъ, такъ какъ консисторскіе отцы не переносятъ просрочекъ и отсрочекъ платежей, и чуть только арендаторъ не внесъ въ опредѣленный срокъ аренды—консисторскіе пастыри не замедлятъ потянуть неисправнаго плательщика въ судъ. Мнѣ указывали примѣръ подобнаго иска въ 80 крейцеровъ (60 коп.). Судъ и законъ, конечно, неумолимы, какъ смерть,

и едва-едва не пришлось подвергнуть публичной продажѣ избу и „грунтъ“ арендатора на удовлетвореніе консисторскаго иска...

Крестьянское малоземелье и безземелье привело къ количественному уменьшенію скота и овецъ и, понятно, къ измельчанію самой породы. Мнѣ говорили, что на всю Буковину едва ли наберется болѣе полумилліона головъ рогатаго скота и овецъ.

Кустарная промышленность также неразвита, хотя нѣкоторыя издѣлія, напр., гончарныя, могли бы занять видное мѣсто и внѣ Буковины. Для развитія кустарной промышленности необходимы—деньги или ассоціаціи кустарей; но буковинскіе кустари, какъ и вездѣ кустари,—не имѣютъ ни капиталовъ, ни людей, которые поруководили бы ими при организаціи ассоціаціи для производства и сбыта кустарныхъ издѣлій...

Словомъ, несмотря на благодатныя природныя условія страны, буковинець-крестьянинъ, кто бы онъ ни былъ по національности, экономически бѣдствуетъ; земли у него или вовсе нѣтъ, или очень мало, и источниковъ для заработка внѣ земледѣлія также мало...

Еще болѣе, чѣмъ природа Буковины, разнообразно по національностямъ населеніе страны. Господствующее племя составляютъ русины, отличающіеся отъ галицкихъ русиновъ только вѣроисповѣданіемъ: первые—православные (между ними насчитываютъ до 20 тысячъ униатовъ), послѣдніе—униаты. Русины сплошною почти массою занимаютъ сѣверную и сѣверо-восточную часть края; оазами же встрѣчаются по всей Буковинѣ. Въ настоящее время число русиновъ въ Буковинѣ доходитъ до двухсотъ-пятидесяти тысячъ душъ. Второе мѣсто послѣ русиновъ занимаютъ румыны (православной религіи)—ихъ насчитываютъ до двухсотъ тысячъ; далѣе, по количеству, слѣдуютъ евреи—около шестидесяти тысячъ; нѣмцы—около сорока тысячъ; мадьяры—около двадцати тысячъ; поляки—не болѣе шести тысячъ; великороссы—до трехъ съ половиною тысячъ; армяне, словаки, цыгане не многочисленны. Чехи, поляки, нѣмцы—разбросаны по всей странѣ въ качествѣ чиновниковъ и ремесленниковъ.

Буковина, хотя и титулуется „воеводствомъ“, хотя имѣетъ свой сеймъ, состоящій изъ 30 депутатовъ, хотя она пользуется конституціонною австрійскою свободою и автономными учрежденіями, но по пространству и населенію она равняется какому-нибудь тремъ уѣздамъ нашей, напр., полтавской губерніи. И вотъ для образованія населенія этихъ „трехъ уѣздовъ“ Буковина имѣетъ прежде всего университетъ, впрочемъ—безъ медицинскаго факультета. Университетъ открытъ въ 1874 г.; преподавательный языкъ—нѣмецкій; число студентовъ доходитъ до 265; по національностямъ они распредѣляются такъ: нѣмцевъ и евреевъ—103, румыновъ—98; русиновъ—31. Сред-

нія учебныя заведенія: классическая гимназія въ Черновцахъ, основанная въ 1808 г.; въ ней воспитывается болѣе 690 учениковъ (пѣмцевъ — 369, русиновъ — 115, румыновъ — 106, поляковъ — 99); духовная семинарія, для приготовленія православнаго духовенства — съ 50 учащимися; высшее реальное училище, агрономическая и промысловая школа; учительскія семинаріи, мужская съ 109 и женская съ 97 учащимися; семиклассная женская гимназія, затѣмъ 6-ти-кл. и 4-хъ-классныхъ, разнаго рода, школь — до 20; элементарныхъ народныхъ школь — 225. Такимъ образомъ, мы видимъ, что австрійское правительство нельзя упрекнуть въ неудовлетвореніи образовательныхъ нуждъ буковинскаго населенія! Край, въ которомъ на 190 миль имѣется университетъ, гдѣ одно среднее учебное заведеніе приходится на каждыя 17.500 жителей, одна народная школа на 2.150 жителей (на одну милю 1,3 школы), — не дошелъ, конечно, еще, положимъ, до идеала, но все же далеко оставляетъ за собою тѣ образованные народы, у которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, приходится — одно среднее учебное заведеніе на 220 тысячъ населенія и одна элементарная школа на пять тысячъ душъ населенія. Въ прошломъ году въ народныхъ школахъ Буковины считалось 28,364 учащихся при 305 учителяхъ и 100 учительницахъ. Повторяю, что это еще не идеаль: изъ 74,696 дѣтей школьнаго возраста почти 60% не посѣщали школы; но все же если общее число всѣхъ учащихся въ Буковинѣ мы примемъ какъ минимальное въ 30,000, то окажется, что одинъ учащійся приходится на семнадцать душъ населенія!

Въ Австріи, какъ извѣстно, народное образованіе обязательно; за непосылку безъ законныхъ причинъ дѣтей въ школу родители подвергаются карѣ денежнымъ штрафомъ и личнымъ арестомъ. Сумма того и другого доходитъ до почтенныхъ размѣровъ; въ прошломъ учебномъ году общій итогъ наложенныхъ школьною радюю (совѣтомъ) штрафовъ составлялъ 7.000 гульденовъ и, сверхъ того, девятьсотъ-сорокъ-девять дней ареста. — Едва ли не большая доля того и другого выпала на долю русиновъ, которые, во избѣжаніе румынизации своихъ дѣтей, предпочитаютъ иногда платить штрафъ и подвергаться личному аресту, нежели отдавать дѣтей въ такія школы, въ которыхъ преподаваніе ведется не на народномъ (украинско-русскомъ) языкѣ. Русины, несмотря на приведенное выше количество учебныхъ заведеній, признаютъ, совершенно основательно, что этихъ заведеній недостаточно для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ русиновъ безъ посягательства на уничтоженіе русинской національности. И въ самомъ дѣлѣ, эта національная потребность не только не достаточно удовлетворена, но полное удовлетвореніе ея встрѣчаетъ противодѣйствіе, какъ со стороны мѣстныхъ властей, такъ

и со стороны нѣмецкаго и румынскаго интеллигентнаго общества, въ чемъ, какъ увидить читатель ниже, не мало виноваты и сами русины, — конечно, не народная ихъ масса. Въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ языкъ русиновъ—какъ образовательный органъ—почти не существуетъ; правда, для изученія украинско-русскаго языка и литературы учреждена особая кафедра; правда, и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (не во всѣхъ, впрочемъ) религиозное образованіе русинамъ должно преподаваться на ихъ родномъ языкѣ; но, во-первыхъ,—языкъ, изучаемый какъ предметъ, и языкъ какъ преподавательный органъ,—не одно и то же; а во-вторыхъ, и религиозное преподаваніе на русинскомъ языкѣ часто происходитъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ чистотѣ и синтаксису народнаго языка. Изъ всѣхъ низшихъ школъ едва ли наберется третья часть такихъ, въ которыхъ преподавательный языкъ—„русскій“; но, увы, что это за языкъ! Учителей, которые дѣйствительно знали бы народный языкъ русиновъ, быть можетъ, не насчитаете и 10⁰/. Такимъ образомъ—признаваемая конституціею Австріи полная равноправность украинско-русскаго языка на практикѣ низведена нѣмцами и румынами почти къ нулю. Въ народныхъ школахъ весьма недостаточно преподавателей, знающихъ языкъ русиновъ; преподаватели—въ выборѣ русскихъ школьныхъ книгъ, въ назначеніи количества времени для русскаго языка—допускаютъ полнѣйшій произволъ, во вредъ національнымъ желаніямъ русиновъ, и въ этомъ отношеніи правительственный контроль надъ преподавателями—едва ли можно признать существующимъ. Попадаются народныя школы съ такими преподавателями, которые, изъ усердія къ оѣмеченію или къ румынизациі русиновъ, и языкъ послѣднихъ обращаютъ въ предметъ для насмѣшки; на урокахъ, посвященныхъ изученію языка русиновъ, происходитъ глумленіе надъ послѣднимъ,—глумленіе въ формѣ не только оскорбительной для національнаго чувства русиновъ, но вообще неприличной со всякой чело-вѣческой точки зрѣнія. Впрочемъ, и то сказать,—ассимиляторы во всемъ свѣтѣ одинаковы: вездѣ они берутъ исключительно силою... Въ послѣднее время русины стали дѣйствовать энергичнѣе, и настоятельнѣе добиваются учрежденія въ городѣ Коцманѣ русско-гимназіи и улучшенія въ народныхъ школахъ преподаванія русскаго (т.-е. малорусскаго) народнаго языка. Надо надѣяться, что совершенно справедливое требованіе русинами объ учрежденіи въ Коцманѣ гимназіи будетъ въ непродолжительномъ времени удовлетворено; за это ручается давнишнее обѣщаніе императора и то, что объ учрежденіи этой гимназіи подписали петицію пятьдесятъ-три сельскихъ громады (общества). Вполнѣ игнорировать такое требованіе народа въ Австріи признается неудобнымъ.

II.

Когда родилось во мнѣ намереніе проѣхать въ Буковину, я, разумѣется, прежде отъѣзда началъ знакомиться съ Буковиною „по источникамъ“. Времени у меня было очень мало; поэтому пришлось ограничиться тѣмъ ничтожнымъ количествомъ „источниковъ“, которые оказались на-скоро подъ рукою. Какъ печатные, такъ и живые „источники“ предупреждали меня беречься „наглой эксплуатаціи евреями и „полудикими румынами“. По опыту я зналъ, что въ незнакомомъ краѣ, особенно въ большихъ его центрахъ, туристъ не можетъ обезпечить себя отъ эксплуатаціи даже въ цивилизованныхъ мѣстахъ. Разъ онъ туристъ, да еще русскій — его надо доить. Изъ того же опыта я зналъ, что и образованные берлинцы, и гуманные дрезденцы, и просвѣщенные москвичи, одинаково хорошо, самымъ цивилизованнымъ образомъ „доить“ туристовъ. Поэтому, въѣзжая въ Черновцы — столицу „полудикаго“ края, я былъ совершенно приготовленъ къ тому, что безъ надежнаго проводника меня на каждомъ шагу будутъ „доить“.

На дѣлѣ, однако, ничего подобнаго не случилось. Въ Черновцы я въѣзжалъ въ четвертомъ часу ночи, слѣдовательно въ самое удобное для эксплуатаціи извозчиками время. Я предполагалъ, что въ столицѣ „полудикаго“ края встрѣчу въ ночное время затрудненіе въ извозчикѣ и тѣму кромѣшную на улицахъ. Къ моему пріятному изумленію, городъ былъ прекрасно освѣщенъ газомъ: пароконный извозчикъ въ элегантномъ фаetonѣ отвезъ меня въ гостиницу „Чернаго Орла“ и за 40 минутъ ѣзды въ ночное время спросилъ съ меня всего-на-все... шестьдесятъ копѣекъ!.. Въ гостиницѣ мнѣ отвели чистый, свѣтлый, весьма большой и меблированный даже роскошно, со всѣми европейскими удобствами, номеръ, за 1 р. 20 к. (на наши деньги) въ сутки. Несмотря на позднее ночное время, прежде чѣмъ я улегся спать — кельнеръ позаботился узнать о моихъ привычкахъ, о времени, въ которое на утро меня разбудить, что приготовить: чай или кофе? и т. д. и т. д. Словомъ — на первыхъ же шагахъ я видѣлъ, что въ столицѣ „полудикаго“ края пахнетъ Европою, и что европейскій духъ проникъ сюда несравненно больше, чѣмъ я надѣялся, судя по „источникамъ“...

Черновцы — небольшой и новый городъ; во время присоединенія Буковины къ Австріи на мѣстѣ нынѣшняго города находилось десятка полтора лачугъ. Городъ расположенъ на живописныхъ холмахъ праваго берега рѣки Прута. Населеніе города не превышаетъ пятидесяти тысячъ; улицы города довольно широкія, хорошо вымощенныя,

но лучшее украшеніе города составляютъ его общественные сады и парки. Говоря вообще, городъ обстроенъ весьма удовлетворительно, имѣеть очень много прекрасныхъ публичныхъ зданій, между которыми по своей архитектурной красотѣ особенно выдѣляются православный соборъ, еврейская синагога, „резиденція“ (дворецъ) православнаго митрополита, городская ратуша и военный госпиталь. Дворецъ митрополита заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Постройка его производилась болѣе десяти лѣтъ и поглотила, какъ передавали мнѣ, около четырехъ милліоновъ гульденовъ — изъ религіознаго фонда. Хотя въ зданіяхъ „резиденціи“ помѣщаются православная консисторія, православная семинарія и семинарская церковь, замѣчательная по роскоши внутренней отдѣлки и еще болѣе по акустическимъ условіямъ, но, несмотря на все это, я отказываюсь судить о томъ, насколько постройка „резиденціи“ вызывалась дѣйствительными религіозными нуждами и насколько она удовлетворила и удовлетворяетъ послѣднія. Благодаря любезности и вниманію буковинскаго поэта и композитора, профессора семинаріи, отца Исидора Воробкевича (Данило Млака), я имѣлъ возможность довольно подробно осмотрѣть „резиденцію“; но изъ роскошныхъ, громаднхъ палатъ ея я вышелъ съ подавляющимъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ; вѣроятно потому, что при осмотрѣ „резиденціи“ въ моей головѣ, противъ моего желанія, невольно роились мысли о бѣдности буковинскаго крестьянина и его малоземельѣ и безземельѣ и о зависимости его экономического быта отъ „религіознаго фонда“. Въ послѣдніе годы въ зависимость отъ этого фонда стало, хотя и косвенно, возрожденіе русинской національности въ Буковинѣ, или, вѣрнѣе сказать — румынизация русиновъ... Но объ этомъ послѣ.

Я сказалъ уже, что въ столицѣ „полудикаго“ края вѣетъ европейскимъ духомъ, жизнью европейской общественности. Если бы читатель усомнился въ этомъ, я скажу ему, что въ городѣ съ пятидесяти-тысячнымъ населеніемъ, въ городѣ, которому едва исполнилось столѣтіе существованія, мы находимъ болѣе 20 различныхъ общественныхъ научныхъ, литературныхъ, художественныхъ и благотворительныхъ учреждений, созданныхъ частною инициативою и содержимыхъ на общественныя и частныя средства, безъ участія правительства, — развѣ это не признаки европейской жизни? Въ Черновцахъ находится общественная бібліотека, заключающая въ себѣ болѣе 15 тысячъ томовъ (вспомните, что, напр., Кіевъ существуетъ болѣе тысячи лѣтъ, а гдѣ его бібліотека?); далѣе — археологическій и зоологическій музей (небогатый, впрочемъ), два литературныхъ общества — русинское „Бесіда“ и румынское „Societatea“, общество врачей, общество народныхъ учителей, общества

стенографіи, музыки, пѣнія, гимнастики, и пр. и пр. Студенты университета и даже гимназисты имѣютъ свои официальные общества, первую цѣлью которыхъ — національное образование и развитіе. Въ какомъ изъ нашихъ городовъ, равныхъ по населенію съ Черновцами, вы найдете вольную пожарную команду, четыре прекрасно устроенныхъ госпиталя и подюжины обществъ, заботящихся о призрѣніи вдовъ, сиротъ, калѣкъ и вообще бѣдняковъ, лишенныхъ возможности содержать себя трудами рукъ своихъ? Я не говорю уже о десяткахъ ассоціацій, основанныхъ съ цѣлью увеселеній. Несомнѣнно, что возникновеніе и существованіе такого количества свободныхъ ассоціацій зависитъ не отъ однихъ экономическихъ условий, не отъ одной лишь высоты умственного и нравственного социальнаго горизонта; нѣтъ, тутъ наибольшее вліяніе оказываютъ центральныя и мѣстныя политическія учрежденія. Что ни говорите, а формула: „устройвай свою жизнь какъ тебѣ лучше; только не мѣшай жить другимъ“,—имѣетъ первенствующее значеніе, и она въ теченіе какихъ-нибудь 15 лѣтъ получила уже въ Австріи право гражданства, хотя болѣе успѣшное развитіе ея тормозится существующими еще адептами прежней формулы: *divide et impera*. Разумѣется, общественная жизнь столицы Буковины да и всего края сдѣлали бы еще несравненно большіе успѣхи, если бы тому не препятствовала борьба—съ одной стороны, за сохраненіе своей народности, съ другой—за поглощеніе ея. Но что будете дѣлать, когда эту борьбу создали историческія условія, и прекратится она лишь тогда, когда вообще человѣческое міровоззрѣніе расширится гораздо болѣе, и когда свѣтъ просвѣщенія и нравственно-социальнаго воспитанія проникнетъ и въ тѣ норы и щели, откуда въ настоящее время исходятъ смрадъ насилія и стремленія къ братоубійству.

III.

Едва ли возможно указать въ настоящее время на материкѣ Европы другой народъ, на который было бы обращено столько матеріальнаго и моральнаго насилія, какъ на буковинскихъ русиновъ, съ цѣлью уничтожить ихъ національныя особенности, денационализировать ихъ: румыны, нѣмцы, мадьяры и свои „твердые“ объединители, каждый, какъ умѣетъ и можетъ, не останавливаясь ни предъ какими средствами, старается превратить буковинскаго русина или въ нѣчто чуждое русину, или въ нѣчто эфемерное, несуществующее, выдуманное „твердыми“ головами, какъ напр. этнографическій типъ „общерусса“, обитающаго отъ Карпатъ до Берингова пролива. Было время, и не такъ еще давно, что и галицкіе русины находились въ такомъ

же положеніи, съ тою лишь разницею, что въ Галичинѣ, вмѣсто буковинскаго румына, насилуютъ русиновъ полякъ; но въ Галичинѣ борьба поляковъ съ русинами встрѣчала несравненно болѣе энергическій и стойкій отпоръ. И въ Галичинѣ, и въ Буковинѣ, противъ денационализировація русиновъ выступала на борьбу одна и та же сила, въ лицѣ духовенства; но разница тутъ была и есть та, что галицкое духовенство неизмѣримо выше буковинскаго по развитію и образованію; матеріально галицкое духовенство ни въ чемъ не зависѣло отъ римско-католической консисторіи или отъ какихъ-либо религіозныхъ фондовъ польскаго духовенства; наконецъ, въ Галичинѣ между русиномъ и полякомъ стояла и стоитъ раздѣляющая ихъ народности стѣна—въ формѣ религіи. Въ Буковинѣ такой стѣны нѣтъ; и румынъ, и русинъ—оба православнаго исповѣданія; буковинскимъ духовенствомъ обѣихъ народностей управляетъ одинъ митрополитъ, одна консисторія; поэтому здѣсь никакой религіозной борьбы нѣтъ; напротивъ, здѣсь религія и ея органы служатъ очень сильнымъ орудіемъ для румынизациіи, и это орудіе никонимъ образомъ не можетъ дѣйствовать обратно, вслѣдствіе матеріальной зависимости.

Въ борьбѣ за національность невѣжество всегда порождаетъ индифферентизмъ, пассивность, легко переходящіе въ полное подчиненіе. Эта истина красною ниткою проходитъ по всей исторіи буковинскаго православно-русинскаго духовенства. Индифферентизмъ и невѣжество духовенства, главнымъ образомъ, были причиною того состоянія, въ которомъ находятся нынѣ буковинскіе русины. Загляните въ исторію. Буковина почти постоянно переходила, какъ завоеванная область, изъ рукъ одного государства въ руки другого. Пробывъ почти цѣлое столѣтіе подъ властью Молдавіи, Буковина переходитъ къ владѣніямъ Седмиградія, но въ 1482 году ее обратно отвоевываетъ Молдавія, въ составѣ которой она оставалась до окончанія войны Россіи съ Турціею; послѣдствіемъ этой войны было, между прочимъ, присоединеніе въ 1769 году Буковины къ Россіи; но чрезъ пять лѣтъ Россія переступаетъ ее Австріи и, наконецъ, въ 1777 году, Буковина окончательно присоединяется къ Австріи. Весьма естественно, что при такихъ переходахъ никто и нигдѣ не заботится объ умственномъ и нравственномъ бытѣ переходящаго изъ рукъ въ руки народа. Такъ было и съ Буковиною. Только въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго вѣка австрійскіе императоры начали обнаруживать заботу о просвѣщеніи Буковины; но и то о просвѣщеніи православнаго духовенства вспомнили лишь въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда, въ 1825 году, былъ учрежденъ богословскій факультетъ. Такимъ образомъ, во времена переходовъ Буковины отъ одного государства къ другому—православное духовенство въ Буковинѣ, особенно бѣлое духовенство, по своему

образованію, мало чѣмъ стояло выше крестьянской массы; образование его ограничивалось умѣньемъ читать да писать; бывали примѣры, что рукополагались въ санъ священника люди, еле умѣющіе читать церковно-славянскую печать. Матеріальный бытъ православнаго духовенства былъ крайне жалокъ и также не отличался отъ быта крестьянскаго; единственнымъ рѣзкимъ отличіемъ попа отъ крестьянина была ряса перваго. Не получая опредѣленнаго содержанія и живя лишь платою,—крайне скудною, конечно,—за исполненіе религіозныхъ требъ, духовенство естественно развивало въ себѣ стремленіе къ приобрѣтенію; въ этомъ отношеніи дурнымъ примѣромъ для блага духовенства служила стяжательность монастырскихъ обитателей. При такихъ условіяхъ странно бы было ожидать какого-нибудь положительнаго вліянія духовенства на народъ, какой-нибудь заботливости и работы духовенства на поприщѣ просвѣщенія народа и національнаго развитія. Духовенство заботилось исключительно о хлѣбѣ насущномъ; о хлѣбѣ духовномъ, умственномъ, оно не только не могло заботиться, но едва ли имѣло объ этомъ и понятіе.

Новообразованный богословскій факультетъ не могъ сразу поставить такого количества образованныхъ поповъ, какое нужно было для Буковины; даже въ настоящее время этотъ разсадникъ, питая пятьдесятъ кандидатовъ на священническія мѣста (между питомцами не болѣе четвертой части русиновъ), выпускаетъ ежегодно 20—30 питомцевъ, а между тѣмъ въ Буковинѣ считается, кромѣ городовъ и мѣстечекъ, болѣе четырехсотъ-пятидесяти населенныхъ мѣстъ, и такъ какъ мало населенія православной религіи, то, по всей вѣроятности, для Буковины нужно не менѣе трехсотъ священниковъ. Очевидно, что ежегодный выпускъ образованныхъ священниковъ долгое время составлялъ каплю въ морѣ.

Образованіе на богословскомъ факультетѣ было, разумѣется, не иное, какъ мертвенно-схоластическое (теперь оно нѣсколько оживляется консисторскимъ бюрократизмомъ). Какія же положительныя услуги могли оказывать просвѣщенію и развитію народной массы 10—20 схоластически-образованныхъ поповъ?

Старые нравы духовенства и его „байдуличеть“ (равнодушіе) къ судьбѣ своего народа измѣнились очень медленно, особенно подъ гнетомъ „баховщины“ и „шмерлинговщины“; православные „вожди“ русинскаго народа продолжали не заботиться о просвѣщеніи этого народа; народъ продолжалъ оставаться въ невѣжествѣ, а румынизация и овѣмеченіе—хотя и медленными шагами, но шли впередъ. Таково было положеніе вплоть до начала 60-хъ годовъ, пока на политическомъ горизонтѣ Австріи не блеснуло нѣчто похожее на конституціонную эру, и пока, наконецъ, заря этой эры не взошла окончательно послѣ

Садовой и въ 1868—1869 г. засвѣтила для австрійскихъ славянъ свѣтомъ свободнаго національнаго возрожденія...

Къ сожалѣнiю, буковинскiе русины, собственно говоря—духовенство, менѣе всего приготовлены были къ принятiю реформированной политической жизни въ конституцiонныхъ формахъ ея. Къ сожалѣнiю, въ средѣ буковинскихъ русиновъ не оказалось людей, способныхъ понять, ясно и точно опредѣлить пути и средства, ведущiе къ національному возрожденiю буковинско-русскаго народа и къ сохраненiю его національности. Приходилось обратиться за примѣромъ къ своей родной, во всѣхъ отношенiяхъ, кромѣ религiи, сестрѣ—Галичинѣ; но тутъ, во-первыхъ, невѣжественное воображенiе рисовало буковинскимъ попамъ пугало: какъ бы галицкiй русинъ не внесъ религiозной пропаганды и соблазна къ переходу буковинскихъ русиновъ въ унию; а во-вторыхъ, какъ изъ Галичины, такъ и изъ-за границы Галичины—явился змѣй-обольститель въ формѣ „идеи“ литературнаго объединенiя и „облагороживанiя“ народнаго языка. Такимъ образомъ, изъ Галичины, вмѣсто разумнаго подражанiя, буковинскiе передовые дѣятели восприняли лишь ту пагубную для нихъ „идею“, которая незамѣтно для нихъ самихъ внесла въ среду ихъ тлетворныя мiазмы деморализацiи и сослужила великую службу дѣлу румынizaцiи...

Первымъ дѣломъ буковинскихъ русиновъ было учрежденiе такихъ обществъ, которыя, группируя возлѣ себя образованныхъ людей, служили бы органами образованiя русиновъ и содѣйствовали національному развитiю. Съ такой цѣлью и организовано первое литературное общество въ Черновцахъ — „Руска Бесiда“, открытое 18-го февраля 1869 года. Спустя полтора года, возникло другое, уже чисто-политическое общество—„Руска Рада“. Въ 1875 г., русины-студенты черновецкаго университета организовали свое общество — „Союзъ“; наконецъ, въ 1883 году возникло русинское „Драматичне“ общество, а въ 1884—общество „Народный домъ“. Чѣмъ же проявили свою дѣятельность всѣ эти общества, въ смыслѣ національнаго возрожденiя русиновъ?

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ появился буковинскiй поэтъ священникъ Ферлеевичъ; но, на бѣду, онъ, какъ и все почти духовенство того времени, не зналъ народнаго языка и не имѣлъ никакого здраваго понятiя о литературномъ движенiи въ Россiи и о разницѣ между народными языками велико-русскаго и украинско-русскаго народа. Но онъ слышалъ, что въ Россiи есть такiе же русины, какъ въ Буковинѣ, и, въ простотѣ душевной, языкъ нашихъ писателей XVIII в. принималъ за живой „русскiй“ языкъ и свои вирши старался писать этимъ языкомъ. Позднѣе Ферлеевича является дру-

гой буковинскій поэтъ, Проданъ. Вотъ что говоритъ профессоръ украинско-русскаго языка и литературы въ черновецкомъ университетѣ, г. Смалъ-Стоцкій, о поэзи и языкѣ Ферлеевича и Продана: „мертвое слово ихъ не могло никого разбудить и не могло найти для себя пріюту въ русскихъ домахъ. Оно было для русиновъ столь же чужимъ и чуждымъ, какъ и всѣ другіе языки. Если въ Буковину не залетѣли живые звуки народнаго живого языка изъ Украйны и Галичины, то мы сегодня (въ іюнѣ 1886) не были бы въ состояніи праздновать своего возрожденія“.

Очевидно, значить, что „Руской Бесіді“ нечего было и думать будить русиновъ Буковины мертвымъ „язычьемъ“, или „ублагородненнымъ языкомъ Ферлеевича и Продана“; нужны были „живые звуки живого народнаго языка“. Такіе именно звуки слышались уже, начиная съ 1861 года, изъ устъ буковинскаго же русина Осипа Федоровича въ его прелестныхъ художественныхъ повѣстахъ изъ быта духовинскихъ гуцуловъ. Слышались подходящіе звуки и изъ устъ другихъ буковинскихъ поэтовъ, братьевъ Исидора (Данила Млака) и еще болѣе Григорія (Наумъ Шрамъ) Воробкевичей¹⁾. Однако же „идея“ „ублагороженья“ народнаго языка такъ крѣпко засѣла въ „Руской Бесіді“, что общество это, приступивъ къ изданію своего „календаря“, долгіе годы наполняло его „ублагородненнымъ“, но недоступнымъ для народа языкомъ. „Руска Бесіда“,—говоритъ тотъ же профессоръ Стоцкій,—не только не помогала своими издѣліями распространять произведенія Федоровича и Воробкевичей, но избѣгала (цуралася) ихъ и издавала свой календарь дивоглядною (удивительною, до крайности странною) мертвою мовою (языкомъ)“. „Она (Бесіда) наивно думала такими книжечками, какъ ея изданія, просвѣтитъ народъ“!.. Возникшая вслѣдъ за „Бесідою“ и при ея участіи, газета „Буковинская Заря“ стремилась къ тому же, т.-е. посредствомъ „дивогляднаго объединеннаго язычія“ просвѣтитъ и породитъ буковинскихъ русиновъ; но взамѣнъ того, просуществовавъ едва 5 мѣсяцевъ, прекратила свое бытіе отъ истощенія; подписчиковъ у нея не было! Еще болѣе позорною смертію погибла другая „твердо“ объединяющая газета — „Родимой Листога“: эта имѣла всего-на-все пять подписчиковъ!..

Казалось, сама судьба указывала буковинцамъ путь и средства для возрожденія, но „идея“—ублагороженья и объединенія такъ ослѣпила глаза, что языковой споръ не прекращался и съ возникновеніемъ „Руской Рады“. Литературный споръ перешелъ на поле по-

¹⁾ Григорій Воробкевичъ скончался въ ноябрѣ 1884 г. въ селѣ Топоровцахъ, близъ Черновець. Тамъ онъ былъ приходскимъ священникомъ.

литики; началась игра въ „высокую“ политику, и вотъ что говорить о политикѣ русиновъ одинъ изъ буковинскихъ писателей: „русины шли съ централистами ко вреду славянъ и собственной народности; они помогали денационализировать народъ и дошли до того, что въ каждой народной русской школѣ преподавательнымъ языкомъ сдѣлался нѣмецкій. Молодежь не выучивалась чужому языку и уродовала свой родной“...

Но это далеко еще не всѣ результаты объединительнаго „языковаго“ спора. Послѣ процесса Ольги Граборъ, Ивана Наумовича, Венедикта Плющанскаго и др., въ числѣ конхъ находился и бывший редакторъ „Родимаго Листка“, буковинскіе, какъ и галицкіе, русины волей-неволей должны были оглянуться назадъ. Буковинцы должны были подвести итогъ „языковаго“ спора, и когда подвели, то сами испугались полученной — въ результатѣ спора и объединительной дѣятельности—огромной отрицательной величины! Они увидѣли, что вслѣдствіе „языковаго“ спора, вслѣдствіе „идейной“ дѣятельности на пути „языковаго“ объединения, вслѣдствіе „высокой“ политики, они своими многолѣтними трудами, не только ничего не приобрѣли для края и народа, но именно чрезъ эти труды край, народность и народъ много потеряли изъ того, что имѣли!...

Не только въ рейхсратѣ, но даже въ мѣстномъ сеймѣ, русины не имѣли ни одного представителя, тогда какъ поляки, будучи по количеству въ 25 разъ меньше, имѣли въ сеймѣ своего представителя. Мало того, когда „Руска Рада“ выставила своего кандидата-русина, человека просвѣщеннаго, честнаго и вполне достойнаго, то онъ не былъ избранъ въ депутаты сейма; въ наиболѣе русскомъ округѣ избиратели-русины подали голоса за избраніе румынскаго кандидата!.. Заглянули русины въ университетъ, гимназію, семинарію, — тутъ увидѣли пораженіе своей народности. Господствующая по количеству въ край народность, численностью своихъ представителей въ высшемъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, отходила далеко съ перваго плана. Въ селахъ, въ народѣ, посредствомъ шеолы и церкви румынизация царила при полномъ замахѣ ассимилирующихъ крыльевъ. Наполненная румынами консисторія, съ благословенія митрополита — упорнаго румынизатора, посылала священниками въ румынскія села русиновъ, едва понимающихъ, а то и вовсе не понимающихъ языка русиновъ. То же самое совершала и шеольная рада при опредѣленіи народныхъ учителей въ русинской школѣ; молодые румынизаторы-священники, дѣйствуя по данной велеино инструкціи, не стѣснялись въ выборѣ средствъ, и прибѣгали къ весьма непохвальнымъ, — къ самому возмутительному насилію надъ русинами, напр. отказываясь совершить обрядъ бракосочетанія, если брачущіеся не знаютъ молитвъ

по-румынски. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что бывали и есть примѣры ренегатства и русинскихъ священниковъ: изъ такихъ, какъ это всегда и вездѣ бываетъ съ ренегатами, вербуются адепты румынизациі, болѣе рьяные, нежели сами румыны.

IV.

Поворотъ буковинскихъ русиновъ отъ трупнаго періода на путь, ведущій дѣйствительно къ возрожденію, начался въ 1883 году, но реально и, такъ сказать, во всеуслышаніе онъ обнаружился лишь съ января 1885 года, когда начала выходить въ Черновцахъ, подъ редакціей Федоровича, газета „Буковина“, и когда катедру украинско-русинскаго языка и литературы занялъ въ буковинскомъ университетѣ ученикъ Миклошича, молодой ученый Стефанъ Смаль-Стоцкій. Благо-творное вліяніе послѣдняго уже и теперь замѣтно; но, разумѣется, оцутительныхъ плодовъ оно не могло дать въ столь короткое время на нивѣ, поросшей твердыми плевелами. Много уже значить то, что г. Стоцкій, и съ катедры, и въ печати, и въ обществѣ, смѣло заявляетъ свой символъ и честно порицаетъ „идею“ языковаго объединенія. Кто знаетъ, къ какимъ, весьма некрасивымъ, средствамъ прибѣгаютъ апостолы этой „идеи“ въ литературной и научной борьбѣ съ своими противниками, тотъ согласится, что публичное исповѣданіе вреда „идеи“ языковаго объединенія и деморализациі этой „идеи“ составляетъ, со стороны г. Стоцкаго, нѣкоторымъ образомъ, гражданскій подвигъ. Для лучшаго убѣжденія въ этомъ читателя, я скажу, что когда, въ 1884 году, происходила переписка между австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и черновецкимъ университетомъ о замѣщеніи катедры умершаго Онышкевича, то одинъ изъ мѣстныхъ столповъ объединенія утверждалъ официально, что „лучше закрыть совершенно эту катедру, нежели отдать ее такому,—слѣдовало цѣлый рядъ клеветнически-доносительныхъ „измовъ“,—какъ г. Стоцкій... Говорять, старикъ Миклошичъ дрожалъ отъ негодованія, читая такое мнѣніе „ученаго“ столпа...

Поворотъ русиновъ рѣзче всего замѣтенъ на литературномъ обществѣ „Руская Бесіда“. Выше я говорилъ, что „Бесіда“ отрещивалась отъ произведеній талантивѣйшаго буковинскаго кобзаря, Федоровича, цуралася его; но не далѣе, какъ въ іюнѣ текущаго года, эта самая „Бесіда“ устроила торжественное празднованіе 25-ти-лѣтняго литературнаго юбилея того же самаго Федоровича и избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Конечно, это лишь первые шаги „Бесіды“ на пути возрожденія; но они не робкіе, не дѣтскіе, а разумно твер-

дые и публичные. Безъ сомнѣнія, „Бесѣда“ въ своихъ литературныхъ изданіяхъ разъ навсегда отбросить „язычіе“ и приметъ живой народный языкъ.

Искренно желая полнаго успѣха буковинскимъ русинамъ въ борьбѣ ихъ за благо своей народности противъ румынизаци и всякихъ другихъ ассимиляцій, я не могу не указать на одну ошибку, допущенную нѣкоторыми народниками, къ счастью—весьма немногими, въ Галичинѣ; дѣлаю это для того, чтобы и буковинскіе народники не впади въ ту же ошибку. Я разумѣю стремленіе создать свой мѣстный литературный языкъ. Не только Буковина, но даже и Галичина не настолько богаты своими мѣстными талантами, своими мѣстными литературными, особенно беллетристическими, силами, чтобы могли создать свой литературный языкъ. Стремленіе поэтому было бы толченіемъ воды въ ступѣ и привело бы неизбѣжно къ новому „язычію“ со всѣми его печальными и крайне тяжелыми для народа результатами. Литературнымъ языкомъ для всего украинско-русинскаго 18-ти миллионнаго населенія долженъ быть одинъ народный языкъ, языкъ народныхъ пѣсней, думъ, сказокъ, въ особенности пословиць. Этотъ языкъ вошелъ въ произведенія Котляревскаго, Квитки, Шевченка, Шашкевича и Федоровича. Изъ этого же богатаго источника взять и научный языкъ „Исторической Библіотеки“ Александра Барвинскаго и „Исторіи Литературы“ профессора Огоновскаго. Эти же источники должны служить образцами и для буковинскихъ писателей. Къ сожалѣнію, даже въ послѣднихъ буковинскихъ изданіяхъ, не исключая и „Буковины“, которая, по языку, стоитъ выше всѣхъ прочихъ изданій, мы не замѣчаемъ чистоты языка. Особенно неприятно удивляетъ насъ языкъ „Библіотеки для молодежи“. По самому своему назначенію, эта „библіотека“ должна заключать въ себѣ образцовый языкъ. Подъ чистотою народнаго языка я разумѣю не одни слова, но—что гораздо важнѣе—народно-національный синтаксисъ. Его-то и не замѣчаемъ мы, или замѣчаемъ очень мало, у новѣйшихъ молодыхъ галицкихъ и буковинскихъ писателей. Причину этого недостатка я объясняю просто: начиная съ гимназій, а то и ранѣе еще, дѣтей русиновъ отвлекаютъ отъ оборотовъ родной рѣчи; они научаются коверкать родную рѣчь, чему не мало способствуютъ и составленныя умышленно съ этою цѣлью „твердыя“ учебно-вспомогательныя книги. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ русинскій языкъ преподается лишь какъ предметъ, преподаваніе его ведется формально. Такимъ образомъ, съ окончаніемъ образованія, у юноши улетучивается изъ головы народный синтаксисъ, улетучивается бессознательно, мимо воли и желанія. Не такъ легко управиться ассимиляторамъ съ лексическимъ матеріаломъ; слова роднаго языка не такъ скоро забываются, они остаются на всю жизнь. И вотъ, когда русинъ,

окончивъ школьную науку, беретъ за перо, онъ думаетъ и составляетъ фразы по-польски или по-нѣмецки; потомъ переводитъ ихъ на бумагу словами украинско-русинскаго языка; но синтаксисъ остается либо нѣмецкій, либо польскій, смотря по тому, въ какой гимназии учился нишущій. Я встрѣчалъ такіа курьезныя сочиненія: слова въ большинствѣ (рѣчь идетъ о научномъ предметѣ) великорусскія, фонетика украинская, синтаксисъ нѣмецко-польскій. Извольте читать!.. Конечно, не нужно добавлять, что такого рода сочиненія составляютъ трудъ „твердыхъ“ головъ...

V.

Какъ бы энергично и разумно ни боролись буковинскіе русины съ румынами за существованіе національныхъ особенностей своей народности, но они не должны забывать, что борьба предполагаетъ, раньше или позднѣе, усталость и требуетъ отдохновенія. Вотъ тутъ-то и является опасность, чтобы въ эти промежутки недремлющій врагъ національнаго развитія русиновъ опять не разбросалъ своихъ опасныхъ сѣмянъ, чтобы волкъ въ овечьей шкурѣ не залѣзъ къ русинамъ... Надо, слѣдовательно, подумать о такихъ средствахъ, при которыхъ появленіе такого врага было бы невозможно, чтобы онъ самъ сознавалъ безполезность своего появленія для анти-національныхъ эквилибрацій. Средства эти заключаются въ соединеніи и прииреніи русиновъ съ румынами.

Нужно, чтобы обѣ народности уразумѣли, что существуютъ, сверхъ частно-національныхъ, русинскихъ и румынскихъ нуждъ, нужды и потребности общія, буковинскія. Уяснить эти нужды и потребности, удовлетворить ихъ ради общей пользы, не посягая ни на чьи національныя права и особенности — возможно лишь при общей работѣ, при взаимномъ трудѣ всѣхъ народностей, населяющихъ Буковину. Государственными учрежденіями Австріи не только содѣйствуютъ этому, но требуютъ этого. Центры для такого взаимнаго пониманія и сближенія отчасти уже существуютъ, какъ — сеймъ, университетъ, — отчасти могутъ и должны быть организованы въ формѣ какихъ-либо общественныхъ буковинскихъ учреждений; наконецъ, для взаимнаго пониманія и сближенія народностей, и литература представляетъ вполне удобное поле. Вотъ въ этомъ именно направленіи и должны работать буковинскіе передовые люди: само собою разумѣется, что работа въ этомъ направленіи отнюдь не предполагаетъ приостановки начатой борьбы противъ румынизации.

Я предвижу, что мнѣ могутъ сдѣлать такое возраженіе: „да развѣ возможно какое-либо сближеніе съ румынами? — развѣ они желаютъ понять нужды русиновъ? — развѣ они желаютъ уважать естественныя

и конституціонныя права русиновъ, какъ народности?—развѣ вы не знаете свойствъ румына?“ На этомъ предполагаемомъ возраженіи надо остановиться. Правда, что румынъ—эгоистъ; правда, что онъ—шовинистъ до фанатизма; онъ презрительно относится ко всему, что нерумынское; но чѣмъ, какъ не невѣжествомъ румына, обусловлены всѣ эти свойства? Румынская масса такъ же невѣждественна, какъ и русинская; румынское духовенство только энергіею отличается отъ духовенства русинскаго,—во всемъ же остальномъ одно другому не уступить. Если между русинскими попами есть такіе, которые втихомолку обращаютъ взоры „къ бѣлокаменной матушкѣ“, или къ „златоглавому батюшкѣ“, то и между румынскими попами не мало посматривающихъ на „жестяной“ Буварештъ...

Русинская, буковинская интеллигенція и литература не отличаются широтою взглядовъ, хотя и та, и другая, находятся въ положеніи неизмѣримо лучшемъ для своего развитія, нежели галицко-русинская интеллигенція и литература. Извѣстно, что въ Румыніи слово и печать пользуются почти неограниченною свободою, и для буковинскаго румына нерѣдко приходятъ оттуда просвѣтительныя лучи свободнаго слова. Ничего подобнаго не можетъ приходить въ русинамъ ни въ Галичину, ни въ Буковину изъ-за предѣловъ Австріи; украинско-русинское слово не находится въ положеніи аналогичномъ съ румынскимъ.

Наконецъ, и то: національный характеръ и его свойства могутъ обостряться и притупляться въ ту или другую сторону; это зависитъ отъ того, какъ регулируютъ ихъ и куда направляютъ ихъ государственныя учрежденія. Тотъ самый турокъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ угнеталъ Болгарію и рѣзалъ болгарь, теперь, въ болгарскомъ народномъ собраніи, разсуждаетъ о благѣ и независимости Болгаріи, о личной имущественной безопасности болгарь... Народныя или національныя свойства—не болѣе, какъ матеріалъ, изъ котораго можно вылѣпить чтó угодно. Правда, существуетъ изреченіе: „каковы нравы, таковы и учрежденія“; но это изреченіе составляетъ истину въ примѣненіи къ націямъ господствующимъ и создающимъ учрежденія; ни румыны, ни русины, ни вообще славяне не принимали участія въ первоначальномъ созданіи существующихъ нынѣ въ Австріи учреждений; при томъ же учрежденія эти,—повторяю,—не заключаютъ въ себѣ сѣмянъ національнаго антагонизма; напротивъ, при нихъ только и возможно сближеніе національностей и взаимное пониманіе народами нуждъ и потребностей другъ друга.

Въ невѣжествѣ, главнымъ образомъ, лежатъ сѣмена всякихъ національныхъ раздоровъ и ассимиляціонныхъ побужденій.

А. Кн.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1887.

— Histoire de l'Art Byzantin, considéré principalement dans les miniatures, par N. Kondakoff, professeur, à l'université d'Odessa. Edition française originale, publiée par l'auteur, sur la traduction de M. Trawinski et précédée d'une préface de M. A. Springer, professeur à l'université de Leipzig. Tome premier, accompagné de 29 gravures. Paris, 1886 (Bibliothèque internationale de l'art).

Авторъ этого монументальнаго труда уже давно имѣетъ въ нашей художественно-археологической литературѣ извѣстность перво-степеннаго знатока византійскаго искусства. Еще десять лѣтъ тому назадъ, г. Кондаковъ издалъ по-русски „Исторію византійскаго искусства и иконографіи по миниатурамъ греческихъ рукописей“ (Одесса, 1876); такимъ образомъ въ настоящемъ трудѣ онъ возвращается къ давно изучаемому предмету, но съ новымъ запасомъ изслѣдованій и, какъ видно, въ гораздо болѣе широкомъ объемѣ. Не перечисляя другихъ трудовъ г. Кондакова, припомнимъ еще его книжку о „Древней архитектурѣ Гривин“, его любопытное „Путешествіе на Синай“ (въ 1881 году), имѣвшее опять цѣлію археологическія изслѣдованія; припомнимъ его практическія работы по археології въ Крыму, Константинополѣ, — мы увидимъ, что въ нашемъ ученомъ кругу не много найдется изслѣдователей, болѣе приготовленныхъ къ изложенію исторіи византійскаго искусства. Новѣйшій трудъ г. Кондакова есть, къ счастью, именно такая работа общаго характера, въ какихъ особенно нуждается наша научная литература въ этой области; до сихъ поръ она почти исключительно состояла изъ отдѣльныхъ частныхъ изслѣдованій, лишенныхъ опоры дѣльнаго историческаго обзора и поэтому мало восполнявшихъ потребность въ руководящемъ изложеніи основныхъ вопросовъ исторіи искусства. Жаль, конечно, что трудъ г. Кондакова является въ чужой литературѣ, но довольно понятно, что подобной книгѣ не такъ легко автяться въ литературѣ русской: художественныя изданія вообще до-

роги, а у насъ въ особенности; русское изданіе едва ли было бы поддержано русскими читателями, между которыми слишкомъ не великъ контингентъ людей, имѣющихъ серьезные интересы и способныхъ покрыть крупную затрату изданія; наконецъ, авторъ былъ въ полномъ правѣ желать для своего труда читателей въ болѣе широкомъ кругу людей, интересующихся предметомъ и способныхъ оцѣнить его значеніе. Редакція „Международной библіотеки искусства“ въ самомъ дѣлѣ приняла съ великимъ сочувствіемъ изслѣдованіе нашего ученаго, и извѣстный специалистъ по исторіи искусства, А. Шпрингеръ, признаетъ за трудомъ г. Кондакова великія достоинства перваго критически-обстоятельнаго изученія византійской миниатюры. Обширное введеніе, написанное Шпрингеромъ, ставитъ историческій вопросъ о предѣлахъ вліянія византійскаго искусства въ средніе вѣка; этотъ первостепенный вопросъ до послѣдняго времени былъ выясненъ очень мало, — одни слишкомъ распространяли сферу этого вліянія, другіе совершенно отвергали его и были невысокаго мнѣнія о самомъ содержаніи византійскаго искусства. Шпрингеръ старается указать положеніе дѣла фактами и, не раздѣляя крайностей обоихъ взглядовъ, значительно, однако, ограничиваетъ область византійскаго вліянія въ западно-европейскомъ искусствѣ, и тамъ, гдѣ видѣли его нѣкоторые изслѣдователи, находятъ иные источники — антично-романскіе и національные. Г. Кондаковъ не касается этого общаго вопроса; но, ограничиваясь миниатюрой, расширяетъ на ея основаніи такую широкую и жизненную картину византійскаго искусства, какой до сихъ поръ не далъ никто изъ прежнихъ изслѣдователей этого предмета. Дѣйствительно, хотя византійская миниатюра давно привлекала на себя вниманіе археологовъ искусства, но до сихъ поръ была изучаема слишкомъ отрывочно и анекдотически, такъ что ея дѣйствительный историческій смыслъ оставался очень мало понятнымъ. Во второй главѣ своей книги г. Кондаковъ дѣлаетъ обзоръ этихъ прежнихъ изслѣдованій византійской миниатюры: онъ указываетъ точку зрѣнія и приемы извѣстныхъ старыхъ археологовъ, какъ Монфоконъ и Дюванжъ; опредѣляетъ значеніе капитальныхъ работъ д'Аженкура, Дидрона, Лабарта; далѣе, нѣмецкой школы — Румора, Ваагена, Шнаазе, Унгера; указываетъ труды „русской школы“, въ особенности г. Буслаева, и развѣ только у нашего ученаго, ставившаго, впрочемъ, болѣе частные вопросы, нежели общій, находятъ широкій историческій приемъ, который стремится объяснять произведенія искусства (въ настоящемъ случаѣ, византійской миниатюры) въ связи съ идеальнымъ настроеніемъ вѣка и съ содержаніемъ литературы. Прежніе историки отчасти заняты были еще первоначальнымъ приведеніемъ

въ извѣстность самаго матеріала, и хотя доставили въ этомъ отношеніи высоко замѣчательные труды, какъ д'Аженкуръ, но далеко не владѣли запасомъ свѣденій, которыя освѣтили бы историческія связи произведеній искусства, необходимыя для объясненія ихъ характера и содержанія. У другихъ присоединялось къ этому тенденціозное предубѣжденіе (какъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ историковъ искусства), и въ результатъ доходило до того, что историки византійской миниатюры отрицали за ней всякое національное значеніе, считая ея произведенія дѣломъ личной фантазіи рисовальщиковъ и ставили ее въ этомъ отношеніи ниже мозаики, эмали, издѣлій металлическихъ, въ которыхъ все-таки видѣли общій, слѣдовательно національный стиль. Нашъ авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ подобную точку зрѣнія. Онъ, напротивъ, придаетъ византійской миниатюрѣ важное историческое значеніе, во-первыхъ, потому, что съ внѣшней стороны ея произведенія, представляющія почти непрерывную нить отъ IV-го вѣка до самаго паденія византійской имперіи, въ древнемъ періодѣ византійскаго искусства восполняютъ пробѣлъ въ нѣсколько столѣтій, отъ которыхъ не сохранилось произведеній монументальнаго искусства; во-вторыхъ, потому, что, со стороны внутренней, византійская миниатюра заключаетъ въ себѣ всѣ данныя настоящаго художественнаго развитія, тѣсно связаннаго съ національнымъ характеромъ и эпохой, представляющаго историческую послѣдовательность явленій и тѣсную связь съ содержаніемъ литературы. Свою исторію византійской миниатюры г. Кондаковъ обставляетъ рядомъ художественныхъ и культурныхъ соображеній, которыя вполне оправдываютъ его мысль. Начать съ того, что прежніе археологи, частью недостаточно знакомые съ византійской литературой и церковной жизнью, брали произведенія миниатюры въ отдѣльности и потому могли не усмотрѣть ихъ внутренняго значенія, т. е. именно того, что давало имъ національно-художественный смыслъ. Нашъ авторъ указываетъ, что прежде всего произведенія миниатюры должны разсматриваться въ ихъ естественной связи, и если сравнивать по группамъ и въ хронологической послѣдовательности миниатюры евангелій, миниатюры менологій, миниатюры псалтыри, миниатюры писаній отцовъ церкви, и т. д., онъ прежде всего представятъ извѣстную однородность, связь и развитіе, принадлежащее явленію типическому, и слѣдовательно никакъ не случайному и только личному. Съ другой стороны, миниатюра тѣсно связана съ исторіей самаго общества: она была по преимуществу церковная, какъ и въ дѣйствительности церковные интересы были въ тѣ вѣка господствующимъ элементомъ умственной и нравственной жизни общества. И въ этой области миниатюра вовсе не была

результатомъ поощреній двора, какъ нѣкоторые историки ея думали, но, напротивъ, самостоятельнымъ созданіемъ монастырскаго искусства, которое развивалось подъ вліяніемъ господствовавшихъ надъ обществомъ настроеній и имѣло свою дѣятельную роль,—такъ авторъ находитъ въ миниатюрѣ отраженіе борьбы православія противъ иконоборства и указываетъ особенное ея значеніе, какъ средства для популяризаціи христіанскаго ученія.

Очевидно, что исторія миниатюры, поставленная, такимъ образомъ, въ связь съ движеніемъ національной жизни, съ явленіями быта и культуры, съ подробнымъ изслѣдованіемъ ея типовъ и, наконецъ, техники, въ первый разъ даетъ истинное понятіе о развитіи этой отрасли искусства и объясняетъ ея смыслъ, котораго не откроетъ отрывочное наблюденіе ея памятниковъ. Въ упомянутомъ введеніи Шпрингеръ указываетъ эту заслугу г. Кондакова въ научной постановкѣ предмета. Особенную важность этотъ трудъ получаетъ для нашей археологической литературы. Византія, съ первой поры установленія русскаго христіанства, была у насъ источникомъ многообразныхъ вліяній бытовыхъ, литературныхъ и художественныхъ, и если, болѣе или менѣе, разъяснены церковно-бытовые и литературные факты этихъ вліяній, то ихъ сторона художественная до сихъ поръ нуждается въ опредѣленіи. Наша археологическая литература, какъ мы замѣтили, до сихъ поръ все еще не дала не только полной исторіи, но хотя бы цѣльнаго конспекта развитія древне-русскаго искусства въ его главныхъ періодахъ; между прочимъ остается не вполне опредѣленнымъ и объемъ вліяній византійскаго искусства. Сочиненіе г. Кондакова является однимъ изъ тѣхъ, которыя устанавливаютъ точные факты и къ которымъ могутъ примыкать дальнѣйшія изысканія развѣтвленной византійскаго искусства; въ числу послѣднихъ принадлежитъ и старое русское искусство. Надо желать, чтобы авторъ, окончивъ исторію миниатюры, не оставилъ безъ вниманія и другихъ отраслей византійскаго искусства, исторія которыхъ была бы опять важнымъ объясненіемъ русскою художественной старины. Авторъ обладаетъ такими обширными познаніями въ византійской исторіи и литературѣ, имѣетъ столь обширное знакомство съ монументальными произведеніями византійскаго искусства, что онъ, одинъ изъ немногихъ нашихъ ученыхъ, былъ бы въ состояніи предпринять трудъ, столь существенно необходимый для прочнаго установленія русскою археологіи.

Изданіе книги г. Кондакова исполнено, какъ обыкновенно французскія изданія такого рода, съ большимъ изяществомъ и украшено многими рисунками съ древнихъ византійскихъ миниатюръ и другихъ памятниковъ, а также большою гравюрой, изображающей внутрен-

ность святой Софіи въ Константинополѣ. Въ настоящемъ томѣ исторія миниатюры доведена до IX-го столѣтія.

- Древности Минусинскаго Музея.—Памятникъ металлическихъ эпохъ. Составилъ Д. Клеменцъ. Томскъ, 1884. мал. 8°.
- Древности Минусинскаго Музея. Атласъ. Больш. 8°. Томскъ, 1886. (То и другое —изданіе Ив. Кузнецова.)

Нельзя не встрѣчать съ большимъ удовольствіемъ книгъ, такъ названныхъ здѣсь „Древности Минусинскаго Музея“. Намъ вообще радуется появленіе серьезныхъ трудовъ по какой-либо отрасли науки или публицистики въ провинціальной литературѣ. Наша провинція, за исключеніемъ четырехъ университетскихъ городовъ, такъ обдѣлена средствами образованія, что отъ нея немислимо требовать сколько-нибудь значительной научной дѣятельности: отсутствіе книгъ и всякихъ иныхъ научныхъ пособій, отсутствіе людей съ научными интересами, способны убить всякую любознательность, всякій порывъ работать хотя бы въ тѣсныхъ предѣлахъ мѣстнаго изученія. И если тѣмъ не менѣе являюся изрѣдка труды подобнаго рода, они внушаютъ особое уваженіе, потому что для совершенія ихъ нужно много безкорыстной любви къ наукѣ, много нравственной выдержки въ неблагоприятныхъ условіяхъ провинціального захолустья, безъ опоры въ сочувственномъ кружкѣ, безъ общаго мысля съ товарищами по занятіямъ, часто при затрудненіяхъ матеріальныхъ. Такого рода впечатлѣніе произвела на насъ книга г. Клеменца, тѣмъ болѣе, что это трудъ совершенно специальный, рассчитанный на немногихъ специалистовъ и любителей, что не помѣшало автору исполнить свое дѣло съ видимою любовью и большою внимательностью.

Минусинскій музей существуетъ едва десять лѣтъ и представляетъ одно изъ пріятныхъ проявленій мѣстныхъ образовательныхъ интересовъ въ далекой провинціи. Какъ мы сказали, музей существуетъ едва десять лѣтъ, хотя западно-сибирскій край, гдѣ помѣщается Минусинскъ, давно уже возбуждалъ любопытство ученыхъ, натуралистовъ и археологовъ,—и характеромъ своей природы, и интересными остатками древности: такъ долго все это оставалось безъ вниманія на мѣстѣ и такъ недавно пробужденіе научнаго интереса, которое идетъ здѣсь, конечно, параллельно съ пробужденіемъ сознанія въ обществѣ. Въ краткомъ увѣдомленіи „отъ комитета минусинскаго музея“, г. Мартыяновъ, членъ этого комитета, даетъ нѣсколько свѣденій о возникновеніи этого учрежденія. Съ 1874 года г. Мартыяновъ сталъ собирать коллекціи различныхъ, преимущественно естественно-историческихъ, предметовъ того края. Онъ встрѣ-

тиль сочувствіе къ своему предпріятію во многихъ мѣстныхъ жителяхъ, и благодаря общимъ усиліямъ г. Мартыанова и лицъ, раздѣлявшихъ его интересы, а также участію городского общества, въ 1877 году открытъ былъ мѣстный минусинскій музей. Въ 1878 году при немъ устроена была бібліотека. Основатели музея не думали сначала о собираніи мѣстныхъ древностей; средства музея для этого были слишкомъ незначительны, но уже съ перваго года была пожертвована въ музей г. Кузнецовымъ небольшая коллекція древностей, затѣмъ стали поступать другія пожертвованія, и лица, управлявшія музеемъ, сочли необходимымъ продолжать дѣло. Денежныя траты были невелики: за шесть лѣтъ на покупку древностей истрачено было музеемъ всего 600 рублей, но въ настоящее время въ археологическомъ отдѣлѣ имѣется уже 3630 предметовъ, преимущественно металлическихъ, изъ мѣди, бронзы, золота, серебра и желѣза. Г. Мартыановъ справедливо полагаетъ, что, находясь среди мѣстности, богатой археологическими памятниками, минусинскій музей могъ бы оказать немалую услугу будущимъ изслѣдователямъ сѣверо-азиатской старины, но въ настоящее время музей нуждается еще во многомъ, напр. особенно въ пополненіи своей бібліотеки. „При нѣсколькихъ болѣе значительныхъ средствахъ можно бы вырвать изъ рукъ случайныхъ и часто невежественныхъ покупателей большое количество древностей. Кромѣ того, комитету музея необходимо было бы имѣть право на раскопку кургановъ и городищъ. Мы знаемъ много интересныхъ кургановъ на берегахъ рѣкъ, которые не сегодня—завтра будутъ снесены водой; мы знаемъ, что въ восточной части округа, населенной русскими крестьянами, курганы исчезаютъ подъ пашнями. Не имѣя права раскопокъ, мы не можемъ ничего сдѣлать для сохраненія научнаго матеріала“. Комитетъ проситъ лицъ, властвующихъ какими-либо минусинскими и алтайскими древностями, помочь ему привести въ извѣстность матеріалъ для изученія западно-сибирской старины; и если настоящее изданіе будетъ признано не бесполезнымъ, комитетъ намѣревается издать также описаніе предметовъ каменныхъ и костяныхъ, находящихся въ музеѣ.

Самъ составитель каталога минусинскихъ древностей заявляетъ въ своемъ предисловіи, что по недостатку свѣдѣній въ сравнительной археологій онъ отказывается отъ научной обработки собраннаго въ музеѣ матеріала и даетъ о немъ только описательныя свѣдѣнія, которыя сопровождаются изображеніемъ наиболее важныхъ предметовъ въ атласѣ. Этому описанію г. Клеменцъ предпосылаетъ топографическій очеркъ долины верхняго Енисея и описаніе археологическихъ памятниковъ этой мѣстности по своимъ личнымъ наблюденіямъ и отчасти по литературнымъ источникамъ, а также приводитъ

свѣденія о попыткахъ научнаго изслѣдованія мѣстныхъ древностей и нѣсколько данныхъ о народахъ, обитавшихъ въ древности въ минусинскомъ округѣ. Эта задача исполнена авторомъ весьма удовлетворительно. Очеркъ минусинскаго края изложенъ весьма наглядно; описанія топографическія сопровождаются характеристичной пейзажа, подробностями о флорѣ и фаунѣ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію памятниковъ древности, которые разсыпаны по всему округу и представляютъ обильный археологическій матеріалъ, ожидающій изслѣдованія и указывающій, что здѣсь былъ нѣкогда самостоятельный и совершенно изолированный центръ культуры. „Отъ великаго культурнаго очага древности, Китая, верхній Енисей отдѣлялся цѣлымъ рядомъ стѣней, населенныхъ кочевниками. Памятники, дошедшіе до насъ отъ древнихъ обитателей минусинскаго округа, заключаются, во-первыхъ, въ могилахъ, разсѣянныхъ по всему югу Енисейской губерніи, по сѣверной Монголіи, Алтаю и Западной Сибири; затѣмъ, въ остаткахъ древнихъ сооружений, земляныхъ валахъ и городищахъ, остаткахъ оросительныхъ каналовъ, каменныхъ изваяніяхъ, статуяхъ, камняхъ съ надписями, скалахъ, покрытыхъ рисунками и надписями, покинутыхъ копьяхъ и рудникахъ; кромѣ того, по всему югу енисейской губерніи постоянно находятъ на дашняхъ, въ сыпучихъ пескахъ, а иногда и при разработкѣ присковокъ, въ наносныхъ рѣчныхъ отложеніяхъ, древніе бронзовые, желѣзные, золотые, серебряные, а также каменные предметы“. Словомъ, здѣсь открывается обильная добыча для археологіи, которая, однако, до сихъ поръ едва тронута изслѣдователями; отсылая читателя къ трудамъ Попова, Радлова, Ядринцова, Аспелина, г. Клеменць съ своей стороны даетъ характеристику нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ по личному наблюденію, которое не всегда сходится съ мнѣніями, высказанными раньше въ литературѣ. Такъ авторъ, не довольствуясь классификаціей кургановъ, сдѣланной г. Радловомъ, дополняетъ ее новыми вариантами, хотя находить, что и до сихъ поръ изученіе этого предмета остается очень отрывочнымъ и неполнымъ. Авторъ сообщаетъ далѣе свѣденія о старыхъ и новѣйшихъ раскопкахъ кургановъ, могилъ и городищъ, и о предметахъ, какіе въ нихъ были находимы; о каменныхъ истуканахъ и другихъ изваяніяхъ, древнихъ письменахъ и рисункахъ; далѣе, о каменныхъ орудіяхъ и, наконецъ, о разнаго рода металлическихъ предметахъ. Составленный г. Клеменцомъ подробный каталогъ древностей минусинскаго музея обнимаетъ собственно только эти металлическіе предметы (прибавлено еще только описаніе нѣсколькихъ предметовъ изъ цвѣтнаго камня, изъ глины и могильныхъ камней и бабъ). Свѣденія, приводимыя въ каталогѣ, даютъ описаніе предмета, мѣсто его найденія, точные

размѣры, внутренніе и вѣшніе. Предметы довольно разнообразны. Это—главнымъ образомъ, бронзовые и мѣдные топоры и топорикъ разного вида, и форма для ихъ отливки; клинья въ видѣ топора, заступы, боевые топоры и молоты, долота, кинжалы разныхъ типовъ; ножи серповидные, прямые, кривые; ножики разнообразной формы и степени отдѣлки; наконечники стрѣлъ, иглы, шпильки; кистени; серьги, подвѣски, кольца, запястья, налечники для поясовъ, пряжки, застежки, пуговицы; бронзовые зеркала; конская сбруя; посуда; наконецъ, разные предметы домашняго обихода и предметы неизвѣстнаго употребленія; далѣе—предметы золотые, желѣзные, частью глиняные и каменные. Въ концѣ присоединенъ указатель мѣстностей, изъ которыхъ происходятъ описанные предметы. Довольно обширный атласъ даетъ рисунки главнѣйшихъ предметовъ, исполненные, впрочемъ, не въ Томскѣ, гдѣ сдѣлано изданіе, а въ Москвѣ.

Таковъ этотъ, если не ошибаемся, первый научный трудъ подобнаго рода, являющийся въ Сибири и своимъ характеромъ свидѣтельствующій, что при нѣскольکو болѣе благоприятныхъ условіяхъ можно было бы уже теперь ожидать на мѣстѣ сочувствія и поддержки серьезнымъ научнымъ предпріятіямъ по изученію края. Нечего говорить о томъ, какимъ благодѣтельнымъ дѣломъ было бы давно ожидаемое, и непонятно почему откладываемое, открытіе сибирскаго университета—можно было бы думать, что послѣ трехсотъ лѣтъ русскаго владѣнія Сибирью пора бы дать ученое учрежденіе громадному краю, занимающему треть Азии, съ нѣсколькими милліонами русскаго населенія, лишеннаго до сихъ поръ средствъ высшаго образованія, съ оригинальной природой и разнообразными племенами, изслѣдованіе которыхъ есть вопросъ науки, съ естественными богатствами, къ которымъ должно быть приложено техническое знаніе,—а университета все нѣтъ...—А. В.

НОВЫЕ ТОМЫ СОЧИНЕНИЙ И. С. АКСАКОВА.

- Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Томъ второй. Славянофильство и западничество. 1860—1886. Москва, 1886.
- Томъ третій. Польскій вопросъ и западно-русское дѣло. Еврейскій вопросъ. 1860—1886. Москва, 1886.

Изданіе сочиненій Ив. Аксакова быстро подвигается впередъ. Два вновь вышедшіе тома представляютъ опять статьи его изъ „Дня“, „Москвы“, „Москвича“ и „Руси“. Это, конечно, богатый матеріалъ для опредѣленія Аксакова какъ публициста, хотя вполне роль этихъ изданій выяснится цѣлымъ ихъ составомъ — не только статьями самого редактора, но и тѣми вкладками его сотрудниковъ, которые получали его санекцію. Редакторъ давалъ тонъ; ему (лишь съ немногими исключеніями) принадлежало указаніе общей точки зрѣнія; сотрудникамъ и корреспондентамъ оставались подробности, практическія примѣненія, сообщеніе фактовъ въ извѣстной окраскѣ, полемика по частнымъ вопросамъ и т. п. Самъ редакторъ, держась по преимуществу на общихъ положеніяхъ, оставался часто только общимъ и потому нѣсколько туманнымъ истолкователемъ теорій; корреспонденты, напротивъ, не однажды выдавали практическія ея послѣдствія, и должно сказать, что имъ не разъ случалось истолковывать славянофильскія идеи на практикѣ въ такой формѣ, которая дѣлала цѣлое ученіе мало привлекательнымъ. То, что въ теоріи закруглено въ довольно неопредѣленные идеалистическія разсужденія, здѣсь выдавалось со всей угловатостью, получавшей, конечно, одобреніе редакціи, которая, впрочемъ, и сама не однажды подавала примѣры.

По поводу перваго тома сочиненій въ „В. Е.“ было уже говорено объ основаніяхъ взгляда Аксакова. Статьи о славянофильствѣ и западничествѣ, статьи по вопросу польскому, бѣлорусскому, еврейскому, собранныя теперь, исходятъ, разумѣется, изъ тѣхъ же основаній. и нѣтъ надобности повторять ихъ. И здѣсь, какъ прежде, можно встрѣтить не мало такого, что можетъ быть съ полнымъ сочувствіемъ принято и людьми совсѣмъ иного направленія, какъ и много такого, что не возбуждало никакой симпатіи. Когда Аксаковъ, не вдаваясь въ свое исключительное ученіе, говорилъ объ общихъ потребностяхъ нашей общественной жизни, онъ не разъ весьма краснорѣчиво и смѣло высказывалъ мысли, которыя были вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительныхъ нуждъ нашего общества и къ которымъ присоеди-

нились бы вполне люди, нисколько не раздѣлявшіе его тенденцій. Таковы были его разсужденія о необходимости общественной самодѣятельности.

Въ 1861 году, въ разгаръ преобразованій прошлаго царствованія, онъ правдиво говорилъ о полной отвычѣ нашего общества отъ самостоятельной дѣятельности, такъ что, когда сама жизнь необходимо вызывала участіе общественныхъ силъ, это участіе или являлось неловкимъ, неумѣлымъ, или тотчасъ получало бюрократическій, канцелярскій характеръ.

„Въ большей части случаевъ,—писалъ Аксаковъ,—мы не додумываемъ или не договариваемъ послѣдняго слова, или вносимъ то же административное, государственное внѣшне-принудительное начало въ собственную дѣятельность. Проникнуты ли мы чувствами состраданія и желанія помощи ближнему—и у насъ какъ разъ заведется чуть-чуть не цѣлое министерство благотворительности, со всѣми бюрократическими порядками!.. Путемъ разныхъ умозаключеній доходимъ мы, на примѣръ, до сознанія необходимости живой миссіонерской проповѣди между раскольниками или иновѣрцами,—но не обрѣтая внимательнаго слуха въ сонномъ обществѣ,—дѣлать нечего—пишемъ проектъ, который и представляемъ по порядку службъ. Живая мысль, которой бы слѣдовало тотчасъ же, свободно, перейти въ живое дѣло, проходить, зашнурованная, занумерованная, чрезъ всевозможныя канцелярскія мытарства и, утративъ все живое и животворящее, становится бумагой, требующей очистки и, наконецъ, преобразуется въ какой-нибудь штатъ апостоловъ или миссіонеровъ. И скажемъ откровенно—было бы недобросовѣстно и несправедливо обвинять правительство въ неуспѣхѣ такого миссіонерства. Государство, какое бы оно ни было, самодержавное, конституціонное или республиканское, не можетъ, по самому существу своему, дѣйствовать и совершать свои отправленія иначе, какъ посредствомъ разныхъ бюрократическихъ формъ и порядковъ, захватывая область внѣшней правды, внѣшняго дѣйствованія и внѣшнихъ отношеній, и никакой указъ—императорскій, конституціоннаго короля, парламента или законодательнаго собранія республики, не въ силахъ создать апостола или проповѣдника!—Мы сильно хлопочемъ въ настоящее время о народномъ и общественномъ образованіи, придумываемъ тотъ или другой способъ устройства народныхъ школъ и высшихъ учебныхъ учрежденій,—и не находимъ другихъ средствъ осуществить наше предположеніе, какъ чрезъ принудительное распоряженіе правительства, —тогда какъ сами убѣждены, что принудительное распоряженіе не даетъ жизни и легко порождаетъ официальную ложь!.. Но какъ иначе достигнуть нашей цѣли, мы не знаемъ, не умѣемъ, не видимъ

ни путей, ни способов, ни средств. Мы такъ вжились въ официальные привычки и приемы, что почти всякое наше предположеніе и разсужденіе ложится въ форму проекта законодательной мѣры, проситъ параграфовъ и пунктовъ, удобоутверждаемыхъ, и рѣдко подходит на живое слово убѣжденія, обращенное къ живымъ силамъ самого общества.

„Какое печальное и, повидимому, безвыходное положеніе! Съ одной стороны жизнь даетъ смутно чувствовать потребность какихъ-то улучшеній и преобразованій, непрерывно встаютъ вопросы, вызываемые или дѣйствительною надобностью, или отвлеченными соображеніями, — но сама жизнь упорно, безотвѣтно молчитъ, не даетъ разрѣшенія, не облегчаетъ труда положительнымъ указаніемъ! Съ другой: постоянное, искусственное разрѣшеніе, налагаемое извнѣ, — искаженіе, часто невольное, государственнымъ началомъ свободныхъ отправленій этой безмолвной общественной жизни, постоянныя противорѣчія, разладъ съ жизнью и болѣзненное чувство всеобщей неудовлетворенности! Съ одной стороны — бедѣйствіе или испорченность, инерція организма, — съ другой невозможность его исправленія и оживленія — мѣрами принудительными, силою официальною, единою дѣйствующею неослабно и на просторѣ! Съ одной стороны — безсиліе, умѣющее только раздражаться, — отрицательно, пассивно противодѣйствовать, или же проявлять свое противодѣйствіе въ бесплодности, непроизводительности и безобразіи жизни; съ другой — сила, сила положительная, но неспособная, но существу своему, творить и созидать въ области духа, осужденная на производительность чисто внѣшнюю и на невольное искаженіе — внутренняго и живого!

„Мы полагаемъ, что въ болѣе ясномъ истолкованіи — слова наши не нуждаются, и что читателямъ сами могутъ дополнить картину нашего современнаго положенія...

„Намъ недостаетъ внутренней, общественной жизни, — продолжаетъ Аксаковъ, — недостаетъ глубокихъ убѣжденій, недостаетъ самостоятельности, недостаетъ силы, силы общественной, той силы, которая есть единственная могучая, нравственная, человѣческая сила, достойная человѣческаго общества, животворящая, всепобѣждающая, ведущая народы къ совершенію предназначеннаго имъ подвига въ исторіи человѣчества! Проснись, ее, эту силу, вызвать, ей поработать, ее созидать — вотъ къ чему мы должны стремиться, всё, всё въ обществѣ, отъ мала до велика, вотъ въ чемъ наше спасеніе и охрана, вотъ единственное условіе нашего развитія и преуспѣянія!.. (т. II, стр. 28—31).

Въ общихъ чертахъ тѣ же мысли высказывались тогда у писателей совсѣмъ иного направленія, — это было общее, безспорное и потому

вѣрное сознаніе лучшихъ людей о томъ, чего недоставало нашему обществу. Вопросъ былъ въ томъ, гдѣ крылись причины этой полной отвычки отъ общественной дѣятельности,—въ чемъ первыя задачи возникающей потребности и какъ надо понимать ея первыя проявленія?—Въ этомъ, взгляды уже въ то время рѣшительно расходились.

Въ 1863 году, когда, вслѣдствіе польскаго возстанія, одно время было опасеніе европейской войны, Аксаковъ говорилъ опять о необходимости общественнаго самосознанія, инициативы, и не находилъ ихъ. Въ виду войны онъ приглашалъ „Россію“ къ внутреннему суду своей общественной совѣсти, приглашалъ откинуть силы гнилыя и опереться на новыя, крѣпкія силы, которыя можно отыскать только тогда, когда всѣмъ сердцемъ и всѣми способностями желаешь отыскать истину.

„А всѣмъ ли сердцемъ, всѣми ли способностями своими домогается истины Россія? Не пронадеетъ ли у нея и до сихъ поръ—даромъ, бесполезно для правительства и для нея самой, умъ милліоновъ? Вполнѣ ли разверста ея слухъ для правды, вполнѣ ли свободны ея уста для вѣщанія правды? Воздаетъ ли она должное уваженіе Божиимъ дарамъ—уму и слову, цѣнить ли, какъ бы слѣдовало, святую независимость мысли? Уразумѣла ли важность общаго совѣта? Оградила ли слабыхъ—меньшихъ своихъ—отъ произвола и насилія сильныхъ? Очистилась ли отъ страшнаго развѣдающаго недуга лести и лжи? Отказалась ли отъ попытокъ подчинить свободу жизни—формализму виѣшняго закона, и органическія ея отправления замѣнить механизмомъ нѣмецкой администраціи? Создала ли, воспитала ли въ себѣ силы общественныя, кромѣ силы правительственной? Вполнѣ ли, наконецъ, отреклась отъ административныхъ преданій Петербургскаго періода нашей исторіи: вполнѣ ли признала права русской народности, вполнѣ ли Русью стала Россія?..“ (т. II, стр. 136).

Съ небольшими видоизмѣненіями эти слова опять могъ бы повторить, и въ тѣ годы, и теперь, писатель совсѣмъ не славянофильскаго взгляда на вещи, и, напр., писатель того направленія, на которое Аксаковъ постоянно ополчался и которое обличалъ, и правдами, а также и неправдами. Прибавка о петербургскомъ періодѣ, о нашей мнимо-„нѣмецкой“ администраціи, въ послѣдней цитатѣ, и замѣчанія о безразличіи государственныхъ формъ для роли общества въ первой выпискѣ составляютъ тотъ оттѣнокъ его мысли, который и въ свое время былъ, и теперь могъ бы быть предметомъ спора. Аксаковъ былъ совершенно правъ, когда жаловался на недостатокъ свободнаго почина и послѣдовательнаго труда въ нашемъ обществѣ; онъ справедливо жаловался на постоянное виѣшательство бюрократическихъ элементовъ, которые призывались, нако-

нецъ, и самимъ обществомъ; но онъ ошибался, когда думалъ приписать происхожденіе этой черты только „петербургскому періоду“ нашей исторіи, не видя здѣсь черты гораздо болѣе давней, а съ другой стороны, считагь эти обращенія къ бюрократической власти со стороны общества однимъ его произвольнымъ желаніемъ. Очевидно, что общественная дѣятельность—на поприщѣ ли филантропіи, или народнаго образованія, или какой бы то ни было другой области, гдѣ „общество“ хотѣло бы войти въ единеніе съ народомъ и принести свои силы въ его пользу—возможна лишь въ томъ случаѣ, когда бы общество получило на это какое-нибудь право—въ законѣ или въ обычаѣ, все равно. Этого права не было; тѣ разрозненныя проявленія общественной инициативы, какія Аксаковъ могъ имѣть въ виду въ началѣ 1860-хъ годовъ, были произведены тѣмъ самымъ общественнымъ чувствомъ, которое онъ старался внушить; но они падали именно вслѣдствіе того, что были только какъ бы случайно допущены бюрократіей и не были обезпечены ничѣмъ инымъ, кромѣ ея доброй воли въ данную минуту. Образчикомъ можетъ служить извѣстное дѣло воскресныхъ школъ, а позднеѣ и еще многихъ другихъ общественныхъ начинаній подобнаго рода.

Въ другомъ мѣстѣ, Аксаковъ говоритъ: „печать есть единственная арена, гдѣ при современномъ внѣшнемъ устройствѣ народнаго организма, можетъ раздаваться общественное слово“ (стр. 45); но на собственномъ примѣрѣ онъ могъ видѣть, что сама по себѣ „печать“, какъ ни велики ея отвлеченныя права, совершенно безсильна, если не опирается на такія условія общественности (учрежденія, степень общественнаго образованія, нравы), которыя даютъ ей возможность дѣйствовать, что, напротивъ, въ дурныхъ условіяхъ она можетъ утратить весь свой смыслъ, какъ выраженіе мысли и стремленій общества и народа.—Другіе способы выраженія общественной мысли, какія даются на западѣ представительными учрежденіями, какъ извѣстно, не пользовались сочувствіемъ славянофильской школы и въ томъ числѣ Аксакова: школа издавна отрицала такъ-называемыя „гарантіи“ и т. п. Аргументомъ противъ этихъ учреждений была полагаемая неизбѣжною односторонностью, неполнота всякаго представительства: по словамъ Ив. Аксакова, „часто случается, что рѣшеніе народныхъ представительныхъ собраній на западѣ не выражаетъ мнѣнія народа, находится въ противорѣчій съ нимъ“ (стр. 45). Но, не считая вовсе этихъ учреждений политической панацеей, можно думать, что они все-таки даютъ возможность хотя бы не совершенно полнаго выраженія общественныхъ направленій, но такого выраженія, которое, при публичности подобныхъ собраній, открыто для контроля, и при содѣйствіи печати (обыкновенно имѣю-

щей право говорить о дѣйствіяхъ подобныхъ учрежденіяхъ) можетъ быть доведено до значительной полноты. Наконецъ, ссылка на петербургскій періодъ и наши „нѣмецкія“ учрежденія не имѣетъ основанія потому, что то, что называется обществомъ, т.-е. группа людей, выдѣлявшихся изъ народной массы известной степенью образованія и болѣе или менѣе объединяемыхъ высшими интересами общественности, науки, литературы, искусства, появляется у насъ именно только въ петербургскомъ періодѣ и было его произведеніемъ. Что касается до „нѣмецкихъ“ учрежденій, то, какъ извѣстно, у самихъ „нѣмцевъ“ они не помѣшали совсѣмъ иному положенію общества и литературы...

„Петербургскій періодъ“ и теперь не одинъ разъ возвращается въ разсужденіяхъ Аксакова, съ тѣмъ же невниманіемъ къ исторіи и тѣмъ же противорѣчіями. Еще въ старомъ спорѣ двухъ школъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, Соловьевъ указывалъ въ славянофильскомъ толкованіи русской исторіи именно отсутствіе историческаго приѣма; онъ такъ и называлъ это направленіе „анти-историческимъ“. Дѣйствительно, если эта школа умѣла указать нѣкоторыя черты старой народной жизни, то не могла выработать цѣльнаго взгляда на весь ходъ русской исторіи. Ея система есть рядъ готовыхъ, такъ сказать, полемическихъ положеній, къ которымъ подгоняются факты безъ особаго вниманія къ ихъ происхожденію. Школа рѣшила, что Москва была истиннымъ выраженіемъ русскаго духа, Петербургъ—его отрицаніемъ, и этимъ было сказано все. „Москва“ могла, изъ всей русской исторіи, занимать господствующее положеніе только въ XV—XVII вѣкахъ; Россія могла существовать послѣ отпаденія московскаго царства цѣлыхъ два столѣтія; могло громаднымъ образомъ расширяться государство; могло создаться новое общество и цѣлая новая жизнь съ умственной и поэтической дѣятельностью, которая дала начало нашей литературѣ, нашимъ собственнымъ идеямъ и самому славянофильству—все равно: новая жизнь была „ложь“; школа не хочетъ знать, откуда она взялась и почему держалась. Выходило изумительное явленіе: существовалъ хорошій, какъ слѣдуетъ, народъ, съ глубокими идеями политической жизни, воплощенной въ землѣ и государствѣ, съ такими же глубокими основами жизни нравственно-бытовой, и вдругъ откуда-то взялась „реформа“, изуродовала то и другое, и народъ молча принялъ это нарушеніе его исконныхъ народныхъ началъ, а высшій классъ наполнился одними отщепенцами, которые, питаясь зловредными началами западнаго живаго просвѣщенія, произвели—Ломоносова, Новикова, Карамзина, Пушкина, Гоголя и пр. и пр., а наконецъ, въ сущности, и отрицающихъ реформу славянофиловъ. Но, что бы тамъ ни было, петербургскій

периодъ есть „ложь“: все истинно-народное (какъ оно представляется теперь) было создано и хранилось только въ Москвѣ. Одна „Москва, съ самаго своего начала, подняла знамя единства русской земли и государства, и сама явилась выраженіемъ и средоточіемъ этого единства“; это единство не есть новѣйшая централизація, а „духовная и внѣшняя цѣльность политическаго и земскаго организма“; Москва „не сглаживала самости областей и городов“ и т. д.: „на все это имѣются положительныя доказательства въ исторіи“ (стр. 78),—напр. въ исторіи Твери, Рязани, Новгорода. Послѣдній, какъ извѣстно, въ особенности сохранилъ свою „самость“—при Иванѣ III отъ стараго Новгорода не осталось ничего; Малороссія съ первыхъ же годовъ присоединенія къ Москвѣ почувствовала, что ея „самости“ придется очень плохо. Русская имперія, основанная Петромъ, есть „нѣмецкая государственная мечта о Россіи“; это — „самонадѣяность, деспотизмъ отвлеченной бездушной мысли, которая думаетъ замѣнить механическимъ снарядомъ свободную силу творчества и могущество жизненныхъ отправления“; это — не русская страна, а „Петровія“ (стр. 79).

Въ доказательство ненародности, національной „лжи“ и безсилія „Петровія“ приводится, между прочимъ, такое соображеніе. „Замѣтимъ кстати одно: всѣ приращенія русскаго государства, совершенныя Москвою, крѣпки и связаны съ нею органическими нитями: на примѣръ, Поволжье, Сибирь, Астрахань и проч. Казань, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія, является въ первомъ ряду городовъ, отстаивающихъ Москву и независимость Россіи во время междоусобицъ, уже живеть одною жизнью со всею Русью; земли колонизуются сами собою, безъ помощи ангальтъ-кеттенскихъ и швабскихъ колонистовъ. Вспомнимъ, что приобрѣли мы послѣ Петра и въ какомъ отношеніи находятся теперь эти приобрѣтенія къ Россіи, — и много ли успѣли мы съ новымъ способомъ колонизаціи“ (стр. 79).

Эта историческая ссылка не отличается точностью. Во-первыхъ, органическія нити, связавшія приобрѣтенія московскія, конечно, подчинили московской власти завоеванныхъ туземцевъ; но до нашего времени, больше чѣмъ черезъ триста лѣтъ по завоеваніи Казани, казанскій край остается переполненнымъ инородцами—татарами, чувашами, черемисами, башкирами и т. д.; магометанство не только продолжаетъ имѣть въ Казани одинъ изъ своихъ важныхъ центровъ, но еще такъ сильно въ умахъ, что, какъ извѣстно, производитъ даже отпаденія христіанъ-татаръ обратно въ магометанство. Послѣ Петра, приобрѣтены на югѣ и востокѣ громадныя степи южной Россіи и Новороссіи, которыя въ значительной степени только съ того вре-

мени и были заселены русскимъ народомъ, и надо полагать, что Новороссія, Крымъ, Черноморье, самый Кавказъ, покореніе котораго только-что довершено на нашей памяти, составляютъ достаточно прочное приобрѣтеніе русскаго государства. На нашихъ глазахъ совершилось завоеваніе необозримо громаднаго края въ Средней Азіи, и, сколько извѣстно, русскій элементъ утверждаетъ тамъ путемъ русскаго управленія и колонизаціи столь крѣпко, что, повидимому, не предвидится опасности его отпаденія. Далѣе, нельзя не обратить вниманія на то, что иное дѣло было завоеваніе казанскаго царства, которое и безъ того уже разрушалось давнимъ внутреннимъ распаденіемъ татарской орды, гдѣ пунктъ сопротивленія представлялъ собственно только одинъ городъ, а самая страна наполнялась полудикими разрозненными племенами, которыя Москва такъ же мало умѣла цивилизовать, какъ потомъ и Петербургъ; между тѣмъ, напр., въ Крыму и даже въ Средней Азіи русскимъ приходилось покорять племена съ гораздо болѣе упорной народностью, племена издавна независимыя и воинственныя; на Кавказѣ борьба шла съ племенами, „непокорность“ которыхъ доходила до величайшей степени, гдѣ надо было идти шагъ за шагомъ, завоевывать отдѣльно чуть не каждый аулъ, — между тѣмъ и здѣсь русская стихія, повидимому, дѣлаетъ весьма основательныя культурныя завоеванія, и на Кавказѣ русскіе все больше чувствуютъ себя дома. Другія приобрѣтенія послѣ-Петровской Россіи были на западѣ, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ народами уже очень непохожими на черемисъ и мещеряковъ. Польша, каковъ бы ни былъ ея политическій характеръ, была древнее государство съ сильно развитымся національнымъ чувствомъ, со всей силой сопротивленія, каковую придавала борьба католицизма съ православіемъ; притомъ Россіей приобрѣтена была только часть этого государства, тогда какъ другія его части вошли въ составъ иныхъ государствъ, и мѣстная устойчивость польскаго элемента противъ русскихъ вліяній находила равнообразную поддержку въ другихъ частяхъ племени. Подобнымъ образомъ не легко могъ быть ассимилированъ русскимъ государствомъ остзейскій край: засѣвшіе тамъ издавна нѣмцы еще менѣе были похожи на черемисъ и мещеряковъ...

Аксаковъ, впрочемъ, не былъ и склоненъ къ какому-нибудь хладнокровному разсужденію объ этихъ предметахъ. Одно имя Петербурга приводило его въ московско-патріотическое раздраженіе. Говорятъ очень утвердительно, что имя самой Москвы было не русское, а финское. Аксаковъ забывалъ объ „измѣнѣ“ народности со стороны тѣхъ, кто нѣкогда основалъ здѣсь русское княженіе подъ финскимъ названіемъ, и ополчался противъ Петра и его созданія, которое, для большей кolvости, называлъ „Санктъ-Петербургомъ“ и писалъ его латин-

своими литератами: „Sanktpetersburg“, хотя,—прибавляетъ онъ,—всего приличнѣе облекать эти нѣмецкіе звуки въ вполне соотвѣтственную имъ одежду готическихъ письменъ: „Sanktpetersburg“ (стр. 66). Что Аксаковъ хотѣлъ такимъ готическимъ изображеніемъ имени Петербурга (который, впрочемъ, народъ уже окрестилъ по-своему Питеромъ) „доѣхать“ Петра Великаго, это, конечно, забавно, какъ забавно и то, что онъ населяетъ Санктъ-Петербургъ особенными санктъ-петербургскими людьми, находитъ въ немъ санктъ-петербургскую литературу и даже забываетъ, наконецъ, что, напимѣръ, санктъ-петербургская бюрократія есть не что иное, какъ государственное управленіе всероссійской имперіи. Но, къ сожалѣнію, это забавное соединяется съ извращеннымъ представленіемъ русской исторіи и, слѣдовательно, сбиваніемъ людей съ толку, въ чемъ Аксаковъ во многихъ случаяхъ и уснѣвалъ.

Санктъ-петербургская литература (о которой двадцать разъ было объяснено, что это есть литература Ломоносова, Пушкина, Гоголя и т. д., что она ведется дѣятелями со всѣхъ концовъ Россіи, а въ томъ числѣ и москвичами, и наконецъ имѣетъ свой усердно-славянофильскій отдѣлъ) есть для Аксакова предметъ, можно сказать, ненависти; ему ничего не стоитъ, выписавши нелѣпость изъ какой-нибудь петербургской газеты (нелѣпость, подобная которой въ обиліи создаются и въ Москвѣ), обобщить ее на весь „Петербург“; иной разъ онъ не остановится и передъ совершенной неправдой. Напр., помнявши статью Вѣлинскаго „Петербургъ и Москва“¹⁾, онъ утверждаетъ, будто бы Вѣлинскій „доказывалъ въ то время преимущество Петербурга предъ Москвою тѣмъ, что въ Петербургѣ есть лакейскіе балы, которыхъ нѣтъ въ Москвѣ“ (стр. 84). Само собою разумѣется, что Вѣлинскій такой пошлости не говорилъ, и она составляетъ изобрѣтеніе Аксакова. Статья Вѣлинскаго даетъ весьма серьезныя указанія объ историческомъ различіи двухъ русскихъ столицъ, которое сопровождается и различнымъ бытовымъ складомъ ихъ населенія; какъ столица, Петербургъ привлекаетъ съ разныхъ сторонъ множество пришлаго люда, который здѣсь, конечно, не можетъ найти своей привычной почвы и легче принимаетъ различныя новизны, которыя у народа, между прочимъ, выражаются извѣстной, такъ-называемой трактирной и фабричной цивилизаціей. Въ шутливой формѣ Вѣлинскій даетъ примѣры этой новизны, проникающей въ народные нравы, и въ томъ числѣ—увеселенія дворни на манеръ господъ. Что подобныя нововведенія, какъ „лакейскіе балы“, расходятся теперь и гораздо дальше Петербурга, что въ самыхъ дерев-

¹⁾ Сочиненія Вѣлинскаго, т. XII, стр. 191—234.

нихъ начинаютъ плясать французскую кадрили (напр., подъ именемъ „чижика“) и пѣть вмѣсто пѣсенъ книжные романы (усердно собираемые именно въ московскихъ пѣсенникахъ), это — фактъ общеизвѣстный, и еще на-дняхъ мы читали объ изслѣдованіяхъ г. Истомина (исполнившего этнографическую экспедицію въ Заонежье, по порученію Географическаго Общества), что подобная новизна распространяется въ наше время даже въ глухіе углы самаго сѣвера, гдѣ она присосѣживается рядомъ къ древней эпической старинѣ ¹⁾.

Столь же мало правды въ томъ, что разсказывается Аксаковымъ (стр. 123—124) о нѣкоемъ Петрѣ Петровичѣ, идеи котораго сравниваются съ идеями „Современника“. Петръ Петровичъ — либеральный бюрократъ 1860-хъ годовъ (конечно, „санетъ-петербуржецъ“), полу-французъ, но большой „патріотъ“, которому, однако, очень не нравится славянофильство, „le patriotisme russe avec ses attributs — le православіе, le земство“ (о православіи онъ говоритъ даже: „ce damné православіе“); это, конечно — квинтъ-эссенція того, что Аксаковъ ненавидѣлъ въ Санетъ-Петербургѣ. Это — человѣкъ, до того оторванный отъ почвы и отъ народа, что неспособенъ понять никакихъ его интересовъ, — смѣшно говорить о томъ, чтобы у него могла быть кака-я-нибудь любовь къ родинѣ. Избравши этотъ типъ санетъ-петербуржца, Аксаковъ говоритъ самому Петру Петровичу: „вѣдь вы и „Современникъ“ — извините за выраженіе — одного поля ягоды“... съ различіемъ, конечно, степени либерализма. Эти слова, какъ выше слова о Бѣлинскомъ, продиктованы, разумѣется, не желаніемъ правдиво понять движеніе, совершавшееся въ умахъ общества, а однимъ слѣпымъ раздраженіемъ. Аксаковъ могъ знать, что Петръ Петровичъ, по тогдашнему, могъ бы быть союзникомъ и покровителемъ развѣ только „Вѣсти“, а „Вѣсть“ въ свое время одинаково писала доносы и на „Современникъ“, и на „День“. „Вѣсть“ въ этомъ случаѣ лучше понимала свойства направленій; она вѣрно угадывала своихъ враговъ. Приведенные примѣры крайней нетерпимости были, конечно, не случайнымъ проявленіемъ настроенія Аксакова; это была нераздѣльная черта всего его взгляда, которая, въ концѣ концовъ, и мѣшала ему

¹⁾ Вотъ что говорится въ газетныхъ отчетахъ о поискахъ экспедиціи г. Истомина, непродолжительной, но сдѣлавшей весьма любопытныя пріобрѣтенія. „Въ архангельской губерніи были встрѣчаются рѣдко, и старина сохранилась здѣсь, по преимуществу, въ свадебныхъ пѣсняхъ, точно такъ же, какъ въ вологодской губерніи она сказывается въ пѣсняхъ протяжныхъ. Духовные стихи и хороходныя пѣсни встрѣчаются на всемъ сѣверѣ, но число ихъ ограничено. Современное состояніе народной пѣсни свидѣтельствуетъ объ ея упадкѣ. Народъ перестаетъ интересоваться пѣсней, и истинное народное пѣснотворчество начинаетъ исчезать, уступая мѣсто новѣйшей пѣснѣ. Фабричныя пѣсни и городскія танцы нашамъ доступны и на сѣверѣ. Сами крестьяне сознаютъ это“...

правильно понимать положеніе вещей. Разсуждая вообще о состояніи русскаго общества, онъ понималъ, что ему нужна дѣятельность; для этой дѣятельности нуженъ просторъ, умственное и нравственное содержаніе, возможность двигаться; онъ съ сочувствіемъ и удивленіемъ говорилъ о широтѣ русскаго народнаго ума, который только скуднымъ образомъ обнаруживается въ дѣятельности общества; въ широкихъ политическихъ задачахъ, которыя предстояли въ тѣ года Россіи, онъ считалъ необходимымъ участіе живой общественной силы и печалился явнымъ ея отсутствіемъ; онъ писалъ краснорѣчивые призывы, — тѣмъ не менѣе, во всемъ этомъ была неопредѣленность, которая сдѣлала для Аксакова чуждыми многогія, несомнѣнно живыя и искреннія, проявленія общественной инициативы (только не сходившіяся съ его теоріями), и въ этомъ случаѣ поставила его рядомъ съ той самой „бюрократіей“, на которую онъ возставалъ. Первое условіе общественной инициативы, умственной самодѣятельности есть свобода критическаго мнѣнія, по этой свободѣ критическаго мнѣнія Аксаковъ какъ будто не понималъ — для тѣхъ, кто держался другого взгляда на вещи, чѣмъ онъ самъ. Мы приводили образчики этой нетерпимости; его союзники и сотрудники дѣйствовали въ томъ же смыслѣ, и газета Аксакова могла, напр., допустить тогда инсинуаціи противъ профессора Д. И. Каченовскаго, которыя были тѣмъ болѣе недостойны, что нападенія производились, по обычаю, во имя народнаго духа, народныхъ началъ, такъ что обвиняемый выходилъ чуть не измѣнникомъ. Аксаковъ никогда не хотѣлъ понять, что одно изъ тѣхъ направленій, съ которыми онъ воевалъ, по общимъ вопросамъ — общественной инициативы, защиты народно-бытовыхъ интересовъ, свободы печати, и т. п., — имѣло въ сущности тѣ же самыя стремленія, какъ онъ самъ: въ этихъ пунктахъ, достаточно важныхъ, онъ могъ идти рядомъ съ ними и работать для тѣхъ возрѣній, которыя еще не находили признанія не только въ глазахъ власти, но и большой массы самаго общества; онъ предпочиталъ враждебную нетерпимость, оставался неизмѣнно исключительнымъ, и, въ концѣ концовъ, самъ ограничивалъ область вліянія, какое было для него возможно въ широкомъ интересѣ общества. — Далѣе, хотя Аксаковъ постоянно обращался къ текущимъ вопросамъ нашей политической и общественной жизни, его проповѣдь оставалась слишкомъ теоретическою. Множество разъ, по разнымъ поводамъ, возвращался онъ къ призывамъ о необходимости единенія съ народными началами, о необходимости углубиться въ народную душу и искать въ ней руководства въ вопросахъ нашей общественности; но какъ это сдѣлать — оставалось, большей частью, неизвѣстно. „Народный духъ“, это былъ сфинксъ, по собственному признанію, какое онъ

однажды сдѣлать; сфинксъ не былъ настолько разъясненъ, чтобы можно было сдѣлать изъ него ясную для всѣхъ аксіому; противники школы не разъ съ полнымъ убѣжденіемъ могли сказать, что ихъ стремленія идутъ именно въ томъ же народномъ духѣ, который, однако, представляется имъ въ иномъ видѣ. Въ основѣ того или другого толкованія „народнаго духа“ лежали, во-первыхъ, тотъ или иной взглядъ историческій; далѣе, то или другое пониманіе современнаго состоянія народной жизни и мысли и, наконецъ, чисто личный инстинктъ. Всѣ три источника представляли матеріалъ далеко не выясненный, во многихъ случаяхъ спорный. Славянофильское пониманіе исторіи было слишкомъ идеалистическое и далеко не было доказано; возраженія, какія противъ него дѣлались, не были опровергнуты, а иной разъ высококомѣрно пренебрегались, что, конечно, не уменьшало силы возраженій. Изученіе современнаго народа едва начиналось и, между прочимъ, большая заслуга была оказана здѣсь именно людьми того направленія, за которыми славянофильская школа не хотѣла признать никакого права, что опять, разумѣется, не мѣшало держаться воззрѣніямъ, которыя были, во всякомъ случаѣ, плодомъ изученія и опыта. Наконецъ, личное чувство имѣетъ свое большое значеніе, какъ нравственная сила, но въ своемъ содержаніи опять подлежитъ безконечнымъ видоизмѣненіямъ и каждое имѣетъ за себя свое право. У славянофиловъ сложилось изъ этихъ источниковъ свое представленіе о „народномъ духѣ“; у другихъ складывалось другое. Какъ бы то ни было, но, требуя послѣдованія народному духу, Аксаковъ часто оставлялъ невыясненнымъ, въ чемъ же именно оно должно было состоять въ практическомъ выполненіи. Онъ говорилъ, напр., о церковной сторонѣ народной идеи—которую понималъ, конечно, въ томъ же смыслѣ, какъ нѣкогда Хомяковъ и Самаринъ,—но оставалось неизвѣстно, гдѣ же выходъ изъ тѣхъ трудностей этого вопроса, какія представлялъ онъ въ данную минуту. Онъ говорилъ о необходимости „совѣта“ со „всенароднымъ умомъ“, но опять оставалось неизвѣстно, какимъ образомъ это могло совершиться, и какъ быть, если оно не совершается. Казалось бы, что этому совѣту должно предшествовать извѣстное развитіе политическаго самосознанія въ массѣ русскаго общества, которое не могло бы обойтись безъ великаго разнообразія свободно высказанныхъ взглядовъ,—но самъ Аксаковъ въ этой свободѣ для другихъ относился не весьма дружелюбно и въ этомъ, какъ мы замѣтили, нерѣдко совпадалъ съ „бюрократіей“.

Третій томъ сочиненій Аксакова посвященъ польскому вопросу, западно-русскимъ дѣламъ и вопросу еврейскому. Мы не будемъ входить въ подробности этихъ предметовъ и уважемъ здѣсь только ту

черту, которая имѣетъ отношеніе къ вышесказанному. Когда польское возстаніе напомнило правительству и обществу о русскомъ западномъ краѣ, поднять былъ, какъ извѣстно, пресловутый вопросъ объ обрусѣніи, въ которомъ видѣлось средство прочнаго успокоенія края, такъ какъ оно должно было устранить опасности полонизма. Аксаковъ справедливо утверждалъ, что если хотятъ усилить русскій характеръ края, то этого нельзя достигнуть одними официальными мѣрами, военными и политическими, и что для этого было бы необходимо дѣятельное участіе силъ общественныхъ. Но что же оказывается? Тотъ громадный русскій народъ, который „умнѣе и даровитѣе простого народа всѣхъ странъ Европы“ (т. II, стр. 156, 157), этотъ народъ имѣетъ самое жалкое общество, которое не въ состояніи дать для подобнаго дѣла достаточнаго числа честныхъ и умныхъ людей.

„Станемъ поближе къ дѣлу,—говоритъ Аксаковъ.—Устраняя всякія предвзятія теоріи, посмотримъ, съ точки зрѣнія чисто-практической, чѣмъ именно будемъ мы бороться съ полонизмомъ и вообще съ вліяніемъ замиренныхъ поляковъ? Укажемъ на наши средства или „ресурсы“, не дѣлая строгаго различія между ресурсами административными и общественными. Напр., мы жалуемся на присутствіе польскихъ чиновниковъ въ западномъ краѣ. Эти польскіе чиновники, большею частью, мѣстные жители. Ихъ необходимо замѣнить русскими, и такъ какъ на вербовать ихъ изъ мѣстнаго туземнаго русскаго общества, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, невозможно—не изъ кого,—то приходится пригласить ихъ изъ нашихъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній. Если у насъ, внутри Россіи, желательно видѣть въ чиновникѣ толковость, способность и честность, то тѣмъ желательнѣе видѣть эти свойства въ чиновникѣ, отправляющемся на службу въ западный край, гдѣ ему предстоитъ дѣйствовать на глазахъ вражьяго лагеря, зорко слѣдящаго за всѣми его движеніями и готоваго воспользоваться малѣйшею его ошибкой, чтобы вызвать ненависть къ „Москвѣ“, „Московчинѣ“, „царскимъ слугамъ“, и пр. Ему, сверхъ того, предстоитъ имѣть дѣло съ туземнымъ русскимъ народомъ, преданнымъ государю и правительству, но забитымъ, дикимъ, робкимъ и напуганнымъ тою несчастною репутациею, которую стяжало себѣ низшее чиновничество въ Россіи вообще, а въ Бѣлоруссіи и Литвѣ въ особенности. Необходимо восстановить довѣріе къ власти и отнять у поляковъ всякій поводъ къ возбужденію вражды противъ русскаго управленія, и не только у поляковъ, но и у тѣхъ малоруссовъ, которые пишутъ въ галицкой газетѣ „Слово“, что у украинскаго народа два врага: „панъ ляхъ и русскій чиновникъ“. Такъ вотъ какихъ чиновниковъ потребно запад-

ному краю, и потребно число не малое, а очень и очень значительное!.. Не жмурьтесь и не отворачивайте головы, читатель, а имѣйте мужество глядѣть вещи прямо въ глаза, и скажите откровенно: не сжимается ли у васъ сердце при одной мысли объ этой потребности? Нужна не одна тысяча толковыхъ, образованныхъ, честныхъ чиновниковъ, способныхъ понимать свое трудное положеніе и отчасти политической характеръ своей гражданской задачи... Не одна тысяча! Да гдѣ ихъ взять?! Мы уже не говоримъ о толковыхъ и образованныхъ: только честныхъ людей для мѣсть низшей чиновничьей іерархіи,—ни болѣе ни менѣе, какъ только честныхъ людей, попробуйте набрать не три и не двѣ тысячи, но хоть полтысячи, хоть двѣ сотни, — и вы увидите, въ какой степени мы наобилуемъ честными чиновниками и честными людьми вообще! Солдатъ храбрыхъ и ловкихъ вы можете на вербовать, дрессировать въ Россіи, сколько угодно, но никакія усилія правительства, въ теченіе не одного вѣка, не смогли дрессировать честныхъ чиновниковъ и на сотую долю нужнаго количества! Какъ же будутъ приводиться въ исполненіе превосходно задуманные въ головѣ планы, когда для исполненія нѣтъ рукъ или руки негодны?" (стр. 239—240).

Къ сожалѣнію, явленіе указано было Аксаковымъ совершенно вѣрно. Онъ старается объяснить себѣ его причины и спрашиваетъ: „кто же въ этомъ виноватъ? Что это за общество—въ страхѣ, имѣющей 60 милліоновъ населенія—которая не смѣетъ надѣяться выставить даже нѣсколько сотенъ честныхъ чиновниковъ?.. Откуда такая страшная безнравственность въ области гражданскихъ отношеній? Кто виноватъ въ этой нашей старой хронической, закорючалой общественной язвѣ?“ Можно,—говоритъ онъ,—прискивать этой деморализаціи историческое объясненіе, свалывать вину на наше развитіе, на наше политическое устройство, но главная вина есть наша личная вина, гдѣ нечего ссылаться на учрежденія и на правительство, и Аксаковъ грозитъ, что страна, не умѣющая воспитывать своихъ дѣятелей, подкапываетъ свои самыя законныя и священныя права, „дѣлается недостойною своего избранія. Если она не очистится и не обновится, съ нею можетъ — не дай Богъ — случиться то же, что съ еврейскимъ народомъ, этимъ избраннымъ сосудомъ обѣтованія, отъ котораго Богъ отнялъ призваніе и передалъ его неизбраннымъ язычникамъ!“ (стр. 241).

Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые утверждали тогда, что слѣдуетъ не огорчать и смущать, а поддерживать нашъ патріотическій духъ,—что порицать теперь Россію есть дѣло „не патріотическое“. Онъ вспоминаетъ, при этомъ, знаменитыя слова Гоголя въ „Разѣздѣ“ и отвѣчаетъ, что шила въ мѣшкѣ не утаишь, что какъ бы мы ни

старались прикрыть пороки нашей общественной жизни, они сами дают о себѣ знать; что открытое признаніе ихъ съ желаніемъ исправленія будетъ только свидѣтельствовать о нашей внутренней силѣ, а прикрываніе ихъ будетъ патріотизмомъ слабодушнымъ и жеманнымъ. „Порицать Россію дѣло не патріотическое, а отлынивать отъ труда, уклоняться отъ дѣла, растлѣвать общественную нравственность ложью, кривдой, насиліемъ—дѣло патріотическое??“

Возвращаясь опять къ вопросу о томъ, какъ мы должны и чѣмъ мы можемъ дѣйствовать въ Польшѣ и западномъ краѣ, Аксаковъ говоритъ о недостаточности одного военного арсенала (столь у насъ богатаго) и о необходимости арсенала мирнаго оружія.

„Дѣло въ томъ, что мы никакъ не можемъ, никакъ не должны обходить нравственные, внутренніе, общественные наши вопросы,—и не только вопросы общественнаго и административнаго устройства, но вопросы именно нравственные. Мы обязаны убѣдиться именно въ той истинѣ, что настоящая сила, настоящее могущество, какъ бы ни великолѣпна была его внѣшность, проистекаетъ отъ внутренняго содержанія, отъ духа жива, внутри обитающаго. Этотъ-то духъ мы и должны блюсти въ чистотѣ и цѣлости,—и было бы опасно самообольщаться надеждою, что корыстолюбіе, кривда, ложь, отсутствіе надлежащей искренности въ словѣ, недостатокъ разумнаго простора для ея выраженія, лѣнь и робость ума, равнодушіе къ общественному благу, невѣріе въ дѣйствительность нравственныхъ орудій, дерзость на руку, т.-е. привычка прибѣгать къ помощи одной грубой силы принужденія, и проч., и проч., однимъ словомъ, всѣ эти свойства—такъ себѣ, ничего, пустяки, не могутъ ни ослабить наше могущество внѣшнее, ни омрачить наше величіе, ни поразить бездѣйствіемъ наши государственныя силы тамъ и тогда, когда именно приходится дѣйствовать! Печальное, опасное, роковое заблужденіе! Грязными руками ничего не очистишь,—въ грязной водѣ, какъ ни положи бѣлье, его не вымоешь. Внутренняя порча, нѣтъ-нѣтъ, да и скажется какъ-нибудь, въ самую критическую минуту... Наказаніе порока заключается именно въ его нравственно-логическихъ продуктахъ. Изъ сѣмянъ чертополоха не вырастетъ дубъ, а чертополохъ; болото не дастъ здороваго и крѣпкаго дерева“ (стр. 244—245). Авторъ взывалъ къ нравственной дѣятельности и ее именно желалъ видѣть возбужденной въ нашемъ обществѣ.

Эти прекрасныя слова способны были вызвать полное сочувствіе и внѣ того лагеря, къ которому принадлежалъ писатель, это была почва, на которой возможно было взаимное пониманіе. Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, самъ Аксаковъ и вся школа не хотѣли признать другой дѣятельности въ этомъ самомъ смыслѣ и создавали не-

нужный разладъ тамъ, гдѣ могли быть общія стремленія къ одной нравственной и общественной цѣли... Самый вопросъ: кто виноватъ? затрогивалъ существенныя стороны нашей исторической жизни и современной дѣйствительности и могъ приводить къ весьма различнымъ рѣшеніямъ. Аксаковъ не отрицалъ этого, но главную вину складывалъ на насъ самихъ; но личнаго геройства невозможно ждать отъ большинства и массы, и относительно послѣдней вліяніе историческихъ условій и даннаго внѣшняго положенія вещей бываетъ почти неодолимо. Самъ Аксаковъ называетъ нашъ общественный недугъ старымъ, и онъ дѣйствительно очень старъ: элементы общественной порчи, напр., простой недостатокъ честности исполнителей восходятъ очень далеко въ старину; сходныя жалобы мы слышимъ уже въ XVII столѣтіи. И тогда раздавались голоса объ этой порчѣ, и исправленіе точно также ожидалось исключительно отъ улучшенія личной нравственности; но прошли двѣ сотни лѣтъ и до царствованія Александра II-го дошли, напр., тѣ же старинныя жалобы на мздоимныхъ и неправедныхъ судей, жалобы, которымъ положенъ предѣлъ преобразованіемъ суда, и замѣтимъ, что только имъ и могъ быть положенъ этотъ предѣлъ.

Аксаковъ видѣлъ и самъ сложность упомянутаго вопроса. „Общество—бесильное образовать достаточное количество способныхъ гражданъ? Но общество, съ своей стороны, укажетъ вамъ на неправильность своего развитія, зависящую не отъ него, а отъ внѣшнихъ причинъ; причины же эти, въ свою очередь, указываются произведеніемъ общественной почвы, и т. д., и т. д.: поднимается цѣлый рядъ вопросовъ — не пустыхъ, а существенныхъ; но разрѣшенія ихъ ждать некогда—нужно дѣйствовать! А между тѣмъ, внутреннее сознаніе говоритъ вамъ, что безъ жизненной развязки этихъ узловъ—дѣйствованію нашему очень трудно увѣнчаться успѣхомъ!“ (стр. 246).

Послѣдствія, въ большой мѣрѣ, оправдывали это предвидѣніе. Западно-русское дѣло устанавливалось не совсѣмъ такъ, какъ желалъ бы этого Аксаковъ. и не такъ, какъ желалось бы этого людямъ другого взгляда на вещи. Средствами обрусѣнія приняты были мѣры только бюрократическія съ тѣми колебаніями, непослѣдовательностью, противорѣчіями, какія соединяются съ личными вкусами и пристрастіями мнѣняющихся руководителей. Общественное участіе отсутствовало, или если на него указывалось, то только въ смыслѣ племенной нетерпимости, которую питалъ и самъ Аксаковъ, настаивая на одной сторонѣ дѣла и забывая о другихъ... Основа края была, безъ сомнѣнія, русская, но эта русская жизнь, съ давнихъ вѣковъ, обособившаяся и развивавшаяся отдѣльно отъ русскаго востока, приобрѣла своеобразныя черты, которыя бюрократическимъ обрусите-

лямъ были непонятны, даже вазались не-русскими, потому что были не-московскія. Мѣстные элементы не нашли того простора, какого надо было бы ожидать послѣ освобожденія ихъ отъ прежняго подавляющаго вліянія колонизма. Въ послѣдніе годы стали слышаться жалобы, что результатомъ обрусѣнія въ Польшѣ и въ самомъ западномъ краѣ являлось усиленіе не столько русскаго, сколько нѣмецкаго элемента.

Остановимся еще на одной подробности разсужденій Аксакова. Говоря объ умѣ и даровитости русскаго народа и недостаткѣ умныхъ и способныхъ людей въ обществѣ, которое должно бы быть образованнымъ представительствомъ народа, Аксаковъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что нашъ общественный умъ удаляется отъ связи съ народомъ, отчуждается отъ народнаго материка. „Если бы можно было хоть на мигъ забыться, стать свѣжимъ человѣкомъ и перенестись въ любое село, то, всматриваясь въ русскихъ мужиковъ, трудно было бы понять, трудно было бы повѣрить, что возможны въ Россіи жалобы на безлюдье, что мы и въ самомъ дѣлѣ страдаемъ безлюдьемъ“ (стр. 158). Не отвергая представленія о даровитости русскаго народа, можно, однако, замѣтить, что сравненіе не совсѣмъ точно. Во-первыхъ, рядомъ съ проявленіями практическаго ума, въ русскомъ мужикѣ есть и значительная доля неразумія (можетъ быть, того же самаго, которое сказывается потомъ и въ обществѣ?), происходящаго или отъ недостатка школы, или отъ давней обязательной узости кругозора и вмѣстѣ отъ матеріальной скудости; масса всевозможныхъ суевѣрій опутываетъ его ко вреду его собственнаго быта; нравы грубѣютъ до крайней степени; хозяйство и промыселъ ведутся неумѣло, и новизна, хотя бы полезная, отвергается по обычному упрямству сельскаго люда, свойственному не однимъ русскимъ, но и не свидѣтельствующему о преимуществахъ ума. Съ другой стороны, сравненіе ума народнаго и общественнаго не точно и въ томъ отношеніи, что первый дѣйствуетъ на весьма ограниченномъ горизонтѣ. Въ предѣлахъ этого горизонта народный умъ можетъ крѣпко освоиться съ немногими положеніями, переходящими въ преданіе. Умъ общественный имѣетъ дѣло съ несравненно болѣе широкимъ объемомъ вопросовъ; для него открывается гораздо больше сторонъ государственной, соціальной, умственной жизни, гдѣ, всего чаще, совсѣмъ не можетъ помочь сельское преданіе. Готовыхъ рѣшеній нѣтъ, и если притомъ работа общественнаго ума ограничена разнаго рода препятствіями, то нѣтъ ничего мудренаго, что въ немъ идетъ разладъ, что онъ разбивается на отдѣльныя группы, впадаетъ въ колебаніе и разнорѣчіе и представляетъ ту картину, которая печалитъ Аксакова. Но, съ другой стороны, развѣ

не тотъ же общественный умъ создалъ тѣхъ нѣсколько гениальныхъ дарованій и ту массу второстепенныхъ талантливыхъ людей, которыхъ можете указать и наша политическая исторія, и исторія нашей науки, литературы и искусства? И сколько силъ общественнаго ума оставалось въ бездѣйствіи не по ихъ собственной волѣ; сколько произведеній этого ума осталось подъ спудомъ внѣ всякаго дѣйствія на общество? Аксаковъ могъ знать это и по своему, и ближайшихъ его друзей опыту.

Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Аксакова мы постоянно встрѣчаемся съ общими чертами, отличающими его школу: это, съ одной стороны—несомнѣнное стремленіе оживить общественное сознаніе народными интересами, связать дѣло общества съ дѣломъ народа и при этомъ нерѣдко смѣлое указаніе на общественные недостатки; и съ другой стороны, крайняя исключительность, которая помѣшала ему видѣть дѣйствительные процессы общественной жизни, — онъ проповѣдывалъ народное, признавалъ въ государствѣ и обществѣ только то, что считалъ происходящимъ отъ народнаго, но въ распредѣленіи явленій, въ объясненіи ихъ происхожденія, онъ дѣлалъ ошибки, которыя отразились и на его выводахъ. Онъ говорилъ прекрасныя слова, когда оставался на почвѣ самыхъ общихъ, нравственно-общественныхъ требованій, но слишкомъ часто былъ исключителенъ въ примѣненіяхъ. Понятно отсюда, почему результаты его проповѣди не отвѣчали ея страстности и почему даже его приверженцы считаютъ невозможнымъ чистое повтореніе его ученій.—А. В.—нъ.

ЗАМѢТКА.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

— Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte, herausgegeben von Dr. Max Koch. 1-en Bandes 1-es Heft (1886).

Появленіе новаго историко-литературнаго органа отвѣчаетъ дѣйствительной потребности, не разъ формулированной, хотя не въ надлежащей полнотѣ, и осуществлявшейся односторонне. Задача сравнительнаго изученія литературъ отвѣчала, по идеѣ, каедроу исторіи всеобщей литературы, введенной въ русскіе университеты уставомъ 1863 года и нынѣ замѣненной каедроу литературъ западныхъ. Сходныя задачи преслѣдовалъ Гоше въ своемъ „Archiv für Litteraturgeschichte“, остановившемся на первомъ годѣ, и, съ болѣе специальнымъ отгѣнкомъ, „Orient und Occident“, Бенфея. Въ послѣднемъ былъ бы совершенно у мѣста переводъ одной народной книги, составленной въ XVIII-мъ в. итальянскимъ іезуитомъ-миссіонеромъ, Веніамомъ Бески: удачное сопоставленіе сказокъ въ стилѣ Lalenbürger или нашихъ—о Лутонюшкѣ и т. п., но, въ сущности, сырой матеріалъ, съ указаніями нѣкоторыхъ параллелей (см. стр. 48 слѣд. „Die Abenteuer des Guru Ragamärtan“, von Hermann Oesterley. Наоборотъ, такія работы, какъ статьи Boukel'я („Beiträge zur Litteratur des Volksliedes“, стр. 73 слѣд.) и Marcus Landau („Das Heiratsversprechen“, стр. 13 слѣд.) мы ожидали бы встрѣтить на страницахъ любого изъ журналовъ, посвященныхъ изслѣдованію народной поэзіи (Folklore): первая представляетъ собраніе разноязычныхъ вариантовъ къ одной извѣстной народной пѣсни, не пытаясь ихъ разработать; вторая преслѣдуетъ исторію одного поэтическаго сюжета отъ Келлимаховой Кадипшы, сохранившейся въ пересказахъ Аристенета и Овидія (см. мою статью: „Беллетристика у древнихъ грековъ“, „Вѣстн. Европы“ 1876, декабрь, стр. 678—9) до причудливой, въ своей мистической поэзіи, легенды Gautier de Coincy: о юношѣ, обрученнѣ Богородицы.

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ сближеній, предлагаемыхъ Landau, и съ основанными на нихъ генеалогическими выводами, но, съ одной стороны, такая работа никогда не бываетъ „безъ остатка“, съ другой—пора выйти изъ періода начинаній, когда простой подборъ параллелей вмѣнялся въ заслугу. Журналы по „Folklore'у“ уже начинаютъ кое-гдѣ выходить на новый путь,—единственные, въ

своей ограниченной области, къ которымъ можно примѣнить названія журналовъ по сравнительной исторіи литературы.

Что это названіе и самый методъ подобаетъ распространить на всю область, обнимаемую понятіемъ литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова,—на это не разъ указывали, объ этомъ подробно говорили многіе. Съ точки зрѣнія, нами усвоенной, программа издателя (Max Koch, „Zug Einführung“, стр. 1 слѣд.) не представляетъ ничего новаго, но, появляясь въ заголовкѣ новаго журнала, который отвѣтитъ на ея обѣщанія, она заслуживаетъ вниманія.

Приложеніе сравнительнаго метода къ изученію европейскихъ литературъ требуется ихъ взаимной зависимостью и общими условіями генезиса,—говоритъ Max Koch (стр. 2—3). Ни одна изъ европейскихъ литературъ, слѣдовавшихъ за римской, не развилась изъ исключительно народныхъ основъ. Римско-византійское христіанство внесло въ поэзію новыхъ народовъ болѣе или менѣе плодотворные мотивы восточной литературы и культуры: Виргилій очутился христіанскимъ поэтомъ; нѣмецкіе иноки рассказывали заимствованными у него гекзаметрами языческія германскія саги; Троянскія Дѣянія и Александрія были популярны въ теченіе среднихъ вѣковъ; французскіе, нѣмецкіе, испанскіе и славянскіе поэты пересказывали въ новой поэтической формѣ сюжеты, когда-то выраженные въ Гомеровскихъ гекзаметрахъ или въ прозѣ Курція. Античные элементы, усвоенные уже средневѣковымъ развитіемъ, усиливаются въ пору Возрожденія. Средніе вѣка создали международную латинскую литературу; Возрожденіе указало общіе всѣмъ идеалы въ произведеніяхъ римскихъ и, позднѣе, греческихъ писателей, вызвало литературу къ значенію политической силы, наложило на нее одну печать, легко узнаваемую, на какомъ бы языкѣ та литература ни выражалась. Опѣнить эту новую цѣльность, созданную Возрожденіемъ, а въ ней услѣдить частныя связи зависимости и международныхъ вліяній, можно только съ точки зрѣнія сравнительной исторіи литературы. Петраркизмъ развивается на почвѣ англійской поэзіи; драма Лопесь де Вега и Шекспира слагается въ сознательной противоположности къ трагедіямъ Сенеки, считавшимся образцами, слѣдующимъ, Iodelle, задолго до Корнеля, задумалъ упорядочить французскую драму, какъ его товарищи по плеядѣ претворяли на античный ладъ всю французскую литературу. Гансъ Саксъ и Шекспиръ заимствуютъ сюжеты своихъ произведеній изъ новеллъ „Декамерона“, въ которыхъ Боккаччіо пересказалъ стародавніе сюжеты, иногда восточныя сказки. Вопросъ объ его источникахъ отрываетъ намъ болѣе широкіе кругозоры и вмѣстѣ новую область, подлежащую вѣденію сравнительной исторіи литературы (стр. 6—7). Большая часть средневѣковыхъ повѣстей и

„шванковъ“ проникли къ западно-европейскимъ народамъ съ востока въ пору крестовыхъ походовъ и позже. Сравнительное изученіе этихъ рассказовъ, встрѣчающихся въ сходной формѣ у разныхъ племенъ и въ разные времена, привело новѣйшихъ изслѣдователей къ убѣжденію, что ихъ сохраненіе невозможно объяснить путемъ устной передачи, а необходимо допустить и литературное перенесеніе. Отсюда задача: слѣдить за такимъ процессомъ отъ народа къ народу, отъ одной книги до другой, не отрицая и силы устной традиціи, почерпавшей изъ книгъ и часто возвращавшей имъ ихъ же содержаніе, переименованное на путяхъ пересказа. При этомъ недостаточно констатировать существованіе такой-то повѣсти на востокѣ и у насъ, ограничиваясь общимъ предположеніемъ о времени и направленіи перехода — въ пору ли переселенія народовъ, или въ эпоху крестовыхъ походовъ. Наука хочетъ знать, откуда именно заимствована такая-то повѣсть, кто перенесъ ее къ намъ, какъ она измѣнялась въ новой почвѣ, каковы были ея метаморфозы, начиная отъ буддистской легенды и индѣйской мистики до настоящаго времени, когда она измѣнилась до неузнаваемости, до идеализаціи въ произведеніи поэта или до площадной прибаутки. Гёдеке, Oesterley—задались когда-то задачей прослѣдить одинъ изъ путей, по которымъ совершался изъ Азіи въ Европу переходъ и превращеніе сказочныхъ сюжетовъ; они открыли его въ патристикѣ и литературѣ церковно-дидактической. Извѣстно по этому вопросу недавно явившаяся работа американскаго профессора Стане'а, на которую Кохъ не указываетъ, какъ вообще ограничивается—въ историческомъ очеркѣ возникновенія идеи сравнительной исторіи литературы—перечнемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ именъ, часто забывая другіе народные вклады. Такъ, я не встрѣтилъ имени Деннопа, но упомянута несостоявшаяся затѣя Гёдеке—составить „Словарь художественныхъ сюжетовъ“.

Такова область, въ которой вращается сравнительная исторія литературы. Ея задачи (стр. 10 и слѣд.): слѣдить за развитіемъ идей и формъ, за постоянными превращеніями однихъ и тѣхъ же или сходныхъ сюжетовъ въ литературахъ стараго и новаго времени, за вліяніемъ однихъ на другія. Сближеніе мотивовъ, распространенныхъ въ разныхъ литературахъ, представляется благодарной задачей, рѣшеніе которой обѣщаетъ доставить полезныя матеріалы для зданія новой науки сравнительной исторіи литературы (Каррьеръ). Обращая кропотливое вниманіе на всѣ, даже мелкія явленія, она не должна упускать изъ виду и идею общаго развитія; рядомъ съ филологическимъ критеріемъ необходимо допустить и эстетическій, ибо „между филологіей и эстетикой не слѣдуетъ быть разногласія, развѣ только одна изъ нихъ или обѣ идутъ ложной дорогой“. Усвоивъ себѣ этотъ

отзывъ Шерера, программа повторяетъ и слова А. В. Шлегеля о взаимной обусловленности въ искусствѣ формы и содержанія. Въ этомъ смыслѣ новый журналъ общаетъ обращать вниманіе и на исторію философскихъ ученій и образовательныхъ искусствъ. Насколько полезно знакомство съ этой областью для освѣщенія литературныхъ явленій, доказала недавно работа Delio: о нѣкоторыхъ старо-итальянскихъ картинахъ, какъ источникѣ Гётевскаго Фауста.

Въ самомъ концѣ программы говорится о сравнительномъ изученіи народной поэзіи, Folklore'a, для котораго въ другихъ странахъ существуютъ особыя общества и спеціальныя журналы, тогда какъ участіе Германіи въ этомъ дѣлѣ ослабѣло съ прекращеніемъ Mannhardt'овой „Zeitschrift für deutsche Mythologie“. Органъ Koch'a открываетъ у себя доступъ этимъ занятіямъ, но какъ-то мимоходомъ, не въ органической связи съ своими общими цѣлями. Нѣтъ спору, что наука Folklore'a можетъ быть обособлена; у нея есть свои спеціальныя задачи и много пока неосиленнаго и неупорядоченнаго матеріала. Народная поэзія, главный предметъ изслѣдованія фольклористовъ, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первой фазой всякаго поэтического и литературнаго развитія, подлежащаго разсмотрѣнію сравнительной исторіи литературы. Отдѣлить одну область отъ другой и практически не всегда возможно, въ виду нѣкоторыхъ вопросовъ, поднимающихся въ области поэтики и разрѣшенныхъ только на почвѣ народной поэзіи. „Сравнительную поэтику“ программа обошла въ перечнѣ своихъ задачъ; этотъ пропускъ выполняется въ извѣстной мѣрѣ статьей Мейера: „О припѣвѣ“ (Ueber den Refrain, стр. 34 слѣд.). Такъ какъ она, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ немногихъ, отвѣчающихъ цѣлямъ журнала по сравнительной исторіи литературы, то я и думаю на ней остановиться, тѣмъ болѣе, что моимъ ожиданіямъ она не отвѣчаетъ.

Припѣвъ, refrain, встрѣчается въ народной поэзіи разныхъ народовъ, то перемежая пѣсню, то возвращаясь въ концѣ каждой строфы, если пѣсня строфическая. Иногда это короткій стихъ, отрывокъ стиха, знаменательно возвращающій къ главному положенію, къ центральному настроенію развивающейся впередъ пѣсни. Таковъ refrain въ французской пѣсенкѣ изъ Берри, напечатанной и, быть можетъ, нѣсколько прикрашенной Жоржъ Сандомъ („Maitres Sonneurs“):

Trois fendeurs y avait
 Au printemps sur l'herbette,
 —J'entends le rossignolet!
 Trois fendeurs y avait
 Parlant à la fillette.

Каждый изъ нихъ дѣлаетъ въ одной изъ слѣдующихъ 3-хъ строфъ предложеніе дѣвушкѣ; она отвѣчаетъ каждому изъ нихъ порознь (три строфы), и дѣйствіе каждой строфы какъ-бы прерывается весенней пѣсней, несущейся изъ лѣса, пѣсней любви: *J'entends le rossignolet!* Съ этимъ психическимъ моментомъ припѣва я сопоставилъ особый родъ повтореній, я сказалъ бы — напоминаій, свойственныхъ старо-французскому эпосу. Въ пѣснѣ о Роландѣ описывается пораженіе французовъ при Ронсевѣ; Роландъ трубить, призывая на помощь Карла; Карлъ слышитъ это, говоритъ о томъ Ганслену, который отрицаетъ опасность. Слѣдующая строфа опять начинается съ того же: Роландъ трубить; дѣйствіе подвинулось немного далѣе, но въ началѣ третьей строфы опять слышны призывные звуки рога. Я попытался объяснить эту особенность въ связи съ повтореніемъ лирическаго припѣва, *refrain*. Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытятся за-разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣе. Встрѣтивъ образъ изнеможеннаго Роланда, трубащаго, надрывавшаго, на вѣсть своимъ, современный поэтъ схватилъ бы его, быть можетъ, цѣликомъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣсть присущее ему, либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводитъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплектѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ еще трубить!

Я не объясняю этихъ психическихъ мотивовъ древнѣйшимъ образомъ той формы припѣва, который я пытался охарактеризовать. Происхожденіе не объясняется, по моему мнѣнію, изъ хорическаго исполненія древней пѣсни; психическое мотивированіе явилось позднѣе.

Есть еще одинъ родъ припѣва, необъяснимаго изъ содержанія пѣсни и, повидимому, не стоящаго съ нимъ въ связи — ибо связь была забыта: припѣвъ могъ сохраниться изъ древней стадіи развитія пѣсни, какъ нѣчто данное, чего не выкинешь, а пѣсня подновлялась — въ разрѣзъ съ припѣвомъ. Сходное явленіе замѣчается въ итальянскихъ *stornelli*, дву- или трехстишіяхъ, съ запѣвомъ впереди, въ которомъ упоминается названіе какого-нибудь цвѣтка: *fior di limeno*, или даже безмысленное: *fior di carta*. Между упоминаніемъ цвѣтка и содержа-

ніемъ слѣдующихъ стиховъ чаще всего нѣтъ никакого соотношенія; оно забыто. Каково оно было—подсказываетъ малорусская пѣсня, въ которой цвѣтокъ поставленъ въ близкое, символическое отношеніе къ слѣдующему болѣе человѣческому содержанію. Рута — символъ дѣвственности, дѣвственной самозаключенности, далѣе: одиночества, разлуки, удаленія отъ любви. И вотъ малорусская невѣста поетъ на заручинахъ:

Зеленая рутонька, желтой цвѣтъ,
Не піду я за пелюба, піду въ свѣтъ.

Такъ еще и въ слѣдующемъ итальянскомъ *stornello*.

Fiore di canna!
Chi vo'la canna vada a la caneto,
Chi vo'la neve vada a la montagna,
Chi vo'la figlia accarezzi la mamma.

Параллель малорусской пѣсни поможетъ раскрыть внутреннюю связь между содержаніемъ итальянской и воззваніемъ „въ тростинѣ“ въ началѣ; первоначальное отношеніе могло быть слѣдующее: „Одна тростина въ тростниковой чащѣ, одна дѣвушка у матери; кто хочетъ достать тростину, пусть отправится въ чащу, кто снѣга — въ горы, а кто дочку—пусть приласкается къ мамѣ“.

Непонятные намъ припѣвы объясняются не иначе, не отдѣляясь, по существу, отъ поставленныхъ въ началѣ.

Рядомъ съ тѣми и другими есть еще третій родъ *refrain*, который Мейеръ зоветъ „безсмысленными“. Это несложныя, часто звуко-подражательныя выраженія веселья, разгула или какого-нибудь другого аффекта, прорывающагося въ пѣснѣ, въ родѣ франц.: *La hi tra la la la*, или *Oh! lon la, lanle*; нѣм. *Juchhei*; старо-франц. *goi* въ пѣснѣ о Роландѣ и т. п. Мейеръ придаетъ этимъ „безсмысленнымъ“ *refrain* особое значеніе, и мы увидимъ почему. Онъ даетъ намъ въ бѣглому очеркѣ не только исторію припѣва, но вмѣстѣ съ тѣмъ, на его основаніи, исторію развитія стиха и строфы. Для этого ему необходимо возойти къ такой порѣ человѣческаго развитія, когда человѣкъ еще не обладалъ членораздѣльными звуками; не было языка, не было и поэзіи, скажете вы; была поэзія междометій, къ ней-то и привязывается начало *refrain*. Пораженный чѣмъ-нибудь первобытный человѣкъ издавалъ восклицаніе; сильный аффектъ вызывалъ ихъ повтореніе или участіе; „когда, подѣ влияніемъ сильнаго возбужденія, вы издаете нѣсколько разъ одинъ и тотъ же звукъ, то подѣ конецъ, по чисто-физическимъ причинамъ, этотъ звукъ измѣнится, получитъ другой тембръ“ (стр. 38). Нѣсколько слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ—междометій—это ячейки будущихъ стиховъ; завершающій ихъ,

измѣненный звукъ— начало refrain. Наступитъ пора, когда человекъ выработаетъ способность членораздѣльной рѣчи, создастъ языкъ, и тогда тѣ первыя междометія одѣнутся плотью языка, станутъ стихами, а послѣднее еще останется нѣкоторое время тѣмъ, чѣмъ было, т. е. звукомъ аффекта, съ которымъ Мейеръ, не обинуясь, сближаетъ такъ-называемый „безсмысленный“ refrain современной народной пѣсни, какое-нибудь Juchhei; болѣе того: этотъ refrain, по его мнѣнью, единственный у насъ остатокъ „до-исторической поэзіи“ (стр. 44). Сближая такимъ образомъ, авторъ, любящій переносить на поэзію категоріи, установленныя для языка, открывающій поэзіи изолирующій и аффигуирующій періоды и т. д. (стр. 46), забываетъ приложить къ ней правило лингвистики: что чѣмъ буквальнѣе слово одного языка отвѣчаетъ слову другого, родственнаго, тѣмъ менѣе вѣроятія, что они тождественны, ибо въ долгомъ разобщеніи народовъ одно и то же слово должно было различно дифференцироваться по опредѣленнымъ звуковымъ законамъ. До-историческое (и, прибавимъ, до-поэтическое) междометіе и нѣмецкое Juchhei напоминаютъ другъ друга, но тождественны быть не могутъ.

Представленіе автора о древнемъ развитіи поэзіи колеблется: отсюда—шаткость и нѣкоторая фантастичность его построенія. Говоря о междометіяхъ, которыми выражалъ свои чувства первобытный человекъ, онъ разсматриваетъ по Brehm'у („Illustriertes Thierleben“, I, 27, 31, 72, 62) о нѣкоторыхъ породахъ обезьянъ, встрѣчающихъ особыми криками восходъ и заходъ солнца; у иныхъ есть даже заповѣвало, безъ котораго, говорятъ, не обходится пѣніе дикихъ народовъ (Naturvölker). Заповѣвало предполагаетъ хорическое пѣніе; обезьяны и Naturvölker — естественныя параллели къ до-историческому періоду, создавшему поэзію междометій; между тѣмъ авторъ (стр. 37) не допускаетъ въ этой поэзіи господства хорическаго принципа: поэзія могла быть и одноличная; любовь, одинъ изъ главныхъ ея источниковъ, не допускаетъ хора,—пѣлъ одинъ и для одной, какъ и теперь еще баварскій крестьянинъ, подъ окнами своей милой (beim Fenster). Это въ до-историческую-то пору? Правда, сближеніе скрашивается ссылкой на Дарвина и на звуки, испускаемые животными въ пору тоски. Какое же представленіе составилъ себѣ авторъ о любви или, лучше, объ устройствѣ половыхъ отношеній въ до-историческую пору?

Я остановился на работѣ Мейера, какъ на одной изъ руководящихъ статей новаго журнала, чтобы ея разборомъ охарактеризовать его задачи и ихъ—исполненіе. Нѣсколько общихъ замѣчаній можетъ еще вызвать развѣ статья Ландау, указанная выше, преслѣдующая исторію одного повѣствовательнаго сюжета въ теченіе вѣковъ. „Польза

такого рода частныхъ цивилическихъ обзорѣнъ, если они хорошо направлены, очевидна“, писалъ я по другому поводу. Сопоставленіе различныхъ пересказовъ одной и той же повѣствовательной тѣмы, различныхъ по времени и мѣсту, даетъ указаніе на ея внѣшнее развитіе и нерѣдко позволяетъ воззойти къ ея древнѣйшей формѣ. Но бываетъ и такъ, что форма сравнительно мало измѣнялась, а видоизмѣнялось по идеямъ времени, господствующимъ въ обществѣ, и личномъ міросозерцаніи, нравственное или учительное содержаніе той или другой повѣсти. Это — вопросъ внутренняго развитія; идея промысла, предопредѣленія, въ старой еврейской повѣсти, стоящей во главѣ легендарнаго цикла о „Пустынникѣ и Ангелѣ“ (сл. G. Paris, „L'ange et l'hermite“, étude sur une légende religieuse, въ его сборникѣ: „La poésie du moyen âge“, leçons et lectures, стр. 151 слѣд.), эта идея, очевидно, не та, какую вложилъ Вольтеръ въ извѣстный эпизодъ своего „Zadig'a“. Здѣсь художественная критика можетъ вступить въ права историко-сравнительной, ибо одно изъ лучшихъ средствъ выдѣлать личную струю въ творествѣ того или другого художника, поэта,—это знакомство съ матеріаломъ, надъ которымъ онъ трудился, съ другими обработками сюжета, который онъ сдѣлалъ своимъ. Только эти точки зрѣнія и могутъ объяснить и извинить появленіе эпизодовъ объ источникахъ не только Шекспира, но, навримѣръ, Шиллера и Гёте.

Къ этому я присоединилъ бы еще одну задачу, входящую въ районъ сравнительной исторіи литературы, задачу не легкую, но полезную въ методологическомъ отношеніи. Въ извѣстные періоды литературнаго развитія замѣчается предрасположеніе писателей, и, очевидно, публики, не только къ извѣстнымъ поэтическимъ родамъ (лирика или драма, пастораль или реальный романъ, и т. п.), но и къ извѣстнымъ сюжетамъ. Эти сюжеты либо творятся на-ново, иногда изъ обломковъ старыхъ, или они уже были, и были забыты, и снова выдвигаются въ литературу, отвѣчая на общественный спросъ. Эпоха Возрожденія вызвала жажду къ жизни, не знающей традиціонныхъ стѣсненій, духъ пытливости и исканія, не знающаго границъ, до счетовъ съ небомъ включительно. Создалась изъ старыхъ матеріаловъ легенда о „Фаустѣ“, и его типъ идеализуется въ драмѣ Марло. Многихъ онъ манилъ, другихъ запугивалъ; въ робкихъ умахъ идея реформаціи должна была явиться раньше извѣстнаго церковнаго поворота. Ломка стараго опасна; беззавѣтное стремленіе къ запретному источнику знанія грозитъ бѣдой; Фаустъ наказанъ; лучше вернуться на „спасенный“ путь, подъ сѣнь дѣдовскихъ и церковныхъ преданій. И вотъ, тотъ же XVI-й вѣкъ обнаружилъ особую любовь къ ветхозавѣтной легендѣ о „блудномъ сынѣ“, робкомъ

Фаустъ, возвращающемся въ объятія всепрощающаго отца. Эту легенду пересказываютъ и передѣлываютъ въ Германіи, Италиі, Англии, въ драмѣ и романѣ; укажу лишь на повѣсть Гримма.

Итакъ, популярность извѣстныхъ сюжетовъ въ извѣстную пору имѣетъ свой общественный *raison d'être*. Для сближенія, подобнаго приведенному, необходимы условія: хронологическая опредѣленность памятника, популярность котораго засвидѣтельствована, и хорошее знакомство съ идеями современнаго общественнаго развитія. Повтореніе такихъ сближеній, при указанныхъ условіяхъ, можетъ привести къ нѣкоторымъ наблюденіямъ, общимъ выводамъ, которые могутъ присоединиться въ тѣхъ случаяхъ, когда указанные условія не соблюдены. Чаще всего бываетъ, особливо въ народной поэзіи, что сюжетъ хронологически не опредѣленъ; къ какому времени отнести его, къ какой средѣ приурочить, какимъ идеальнымъ требованіямъ онъ отвѣчалъ? Это искомое приходится угадывать, и оно будетъ тѣмъ менѣе гадательно, чѣмъ болѣе опытовъ мы произведемъ на пути сближеній, когда оба момента сравненія находятся на-лицо. Это предполагаетъ хорошее знакомство не столько съ политической, сколько съ народной, общественной исторіей. Правда, мы вертимся здѣсь въ заколдованномъ кругѣ, ибо свѣденія по этой исторіи приходится почерпать не изъ историческихъ документовъ, а изъ литературныхъ фактовъ, которые мы еще ищемъ объяснить.

Въ концѣ перваго, разобраннаго нами, выпуска, помѣщено нѣсколько незначительныхъ рецензій, изъ которыхъ двѣ посвящены переводамъ на нѣмецкій языкъ сициліанскихъ пѣсень *Giovanni Meli* и одного средне-верхне-нѣмецкаго стихотворенія. Появленіе этихъ разборовъ на страницахъ журнала, посвященнаго вопросамъ сравнительной исторіи литературы, объясняется тѣмъ, что издатель присоединилъ къ понятію о ней еще и понятіе о „всемирной литературѣ на нѣмецкомъ языкѣ“, — желаніе, когда-то выраженное Гёте (стр. 8). Безспорно, нѣмцы — отличные переводчики, и потому понятію ихъ стремленіе обогатить свою литературу переводами всего лучшаго, что въ области поэзіи создали другія народности.

А. Веселовскій.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ГОЛОВАЦКАГО:

„Замѣтки и дополненія къ статьѣ г. Пыпина: Обзоръ малорусской этнографіи“, Я. Головацкаго („Р. Вѣсти.“, 1886, ноябрь, стр. 309—360).

Ветеранъ галицко-русской литературы, г. Головацкій, посвятилъ одной главѣ моего „Обзора малорусской этнографіи“ такія обширныя замѣтки и дополненія, что я считаю не лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Обстоятельство, вызвавшее отвѣтъ г. Головацкаго, состоитъ въ слѣдующемъ. Остановившись въ исторіи малорусской этнографіи на польско-русскихъ этнографическихъ работахъ 1830-хъ годовъ въ Галиціи (это было и время перваго галицко-русскаго литературнаго возрожденія), я былъ приведенъ въ нѣкоторое недоумѣніе тѣмъ разнорѣчіемъ объ этой эпохѣ, которое оказывалось между современными фактами и свидѣтельствами, и новѣйшими разсказами г. Головацкаго, напечатанными въ 1885 г. въ одномъ львовскомъ изданіи и въ „Кіевской Старинѣ“. Факты указывали, что въ 1830-хъ годахъ начинавшіе тогда дѣятели галицко-русскаго возрожденія были въ довольно мирныхъ отношеніяхъ съ польскимъ литературнымъ кругомъ (во Львовѣ), въ которомъ въ эту пору также обнаруживался интересъ къ галицко-русской народности и попытка къ ея изученію. По новѣйшимъ разсказамъ г. Головацкаго, является другая картина: страшная вражда двухъ лагерей, злоба и интрига со стороны поляковъ, и должное презрѣніе къ нимъ со стороны русскихъ. Это противорѣчіе въ показаніяхъ трудно было рѣшить за недостаточнымъ количествомъ свѣденій; недоумѣніе могло быть разъяснено только новыми подробностями о тогдашнихъ дѣятеляхъ, и, въ ожиданіи такихъ подробностей, мнѣ оставалось выставить свои недоумѣнія и вопросы.

На нихъ и предпринялъ теперь отвѣтить г. Головацкій. Начавши, на первой страницѣ, съ того, что мою статью онъ находитъ „замѣчательной“ и „полезной“, признавая самъ, что я нашелъ „многіе вопросы для себя неразъясненными“, что мои ошибки могли быть „невольными“ (стр. 309), г. Головацкій на послѣдней страницѣ пишетъ уже, что моя статья наполнена „клеветами и инсинуаціями“ (стр. 360); эти послѣднія слова повторяются и въ теченіе статьи. Въ чемъ же дѣло?

Мнѣ казалось (и такъ приходится думать до сихъ поръ), что известная доля упомянутого противорѣчія объясняется тѣмъ, что въ пятьдесятъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ г. Г-ій началъ свою литературно-патріотическую дѣятельность, взгляды его нѣсколько измѣнились, и послѣ столетовеній съ поляками у себя дома, а затѣмъ, можетъ быть, и въ другой обстановкѣ въ его новомъ отечествѣ, его новое настроеніе распространилось, въ нынѣшнихъ разсказахъ, и на прошедшее. Мы не нашли бы въ этомъ ничего удивительнаго: жизнь приноситъ свои опыты, подъ влияніемъ которыхъ прежніе взгляды могутъ измѣняться, и это измѣненіе можетъ приносить пользу человѣку; я думаю только, что историческій разсказъ требовалъ бы, чтобы новое настроеніе не было переносимо на старое время. Кроме того, въ предѣлахъ самой галицкой литературы г. Г-ій въ прежнее время былъ, повидимому, больше за развитіе народнаго языка, чѣмъ впоследствии... Сколько намъ кажется, это разнорѣчіе во взглядахъ г. Г-го было замѣчено и самой галицкой критикой.

Въ своей нынѣшней статьѣ, г. Г-ій собралъ нѣсколько полезныхъ разъясненій по галицко-русской этнографіи; но они были бы еще полезнѣе, еслибы сдѣланы были нѣсколько раньше. Безпристрастному читателю бросится въ глаза, что нѣкоторыя изъ моихъ недоумѣній, которыя г. Г-ій желаетъ изобразить „клеветами“, были очень давнія недоумѣнія; онъ самъ указываетъ теперь, что гораздо ранѣе впадали въ нихъ и такіе специалисты малорусской этнографіи, какъ гг. Антоновичъ и Драгомановъ, издатели „Историческихъ пѣсенъ малорускаго народа“, и Костомаровъ. Для объясненія одного изъ такихъ недоразумѣній г. Г-ій печатаетъ теперь свою частную переписку съ г. Антоновичемъ 1874—77 годовъ (стр. 337—352); понятно, что эта частная переписка не могла мнѣ быть известна.

Между тѣмъ, именно по этому поводу,—гдѣ у меня повторилось „невольное заблужденіе“ Антоновича, Драгоманова и Костомарова (стр. 351),—г. Г-ій выражается обо мнѣ, что я „неисчерпаемъ въ выдумкахъ“ (стр. 336).

Въ другомъ случаѣ оказывается, что разъясненіе моихъ недоумѣній опять заключается въ неизданной перепискѣ г. Г-го съ покойнымъ Бодянскимъ. „...Вѣроятно,—говоритъ г. Г-ій,—мои письма, объясненія въ пѣсняхъ и другія записки, должны находиться въ бумагахъ г. Бодянского. Еслибы удалось сообщить ихъ публикѣ, то г. П. нашелъ бы тамъ отвѣтъ и удовлетворительное объясненіе всѣхъ его сомнѣній“¹⁾, и пр. (стр. 356).

¹⁾ Укажемъ кстати г. Г-му, что значительная часть бумагъ Бодянского (послѣднихъ, какъ известно, по его смерти, на рынокъ) была куплена и сохранена

И такъ, еслибы, да вабы...

Предметомъ особенныхъ обличеній г. Г-го является одинъ изъ тогдашнихъ львовскихъ дѣятелей, Жегота Паули, издатель польскихъ и русскихъ пѣсень въ Галиціи, на котораго онъ жалуется, что тотъ „выманилъ“ у него русскія пѣсни для своего сборника; но новѣйшіе рассказы г. Г-го все-таки не объясняютъ, какъ могло произойти это выманиваніе, когда г. Г-ий исполненъ былъ къ Паули такимъ предубѣжденіемъ, если не презрѣніемъ, и почему потребовалось пятьдесятъ лѣтъ, чтобы дожидаться теперешнихъ объясненій.

Но, вооружаясь противъ „клеветы и инсинуацій“, г. Г-ий совершаетъ слѣдующее. Ему видимо желается представить меня союзникомъ полонизма и на это свалить все то, что кажется ему неприятнымъ въ моихъ вопросахъ. На стр. 310, онъ пишетъ: „Если поляки, по словамъ г. Пыпина, окружаютъ фантастическимъ блескомъ свое прошедшее въ бывшей Рѣчи Посполитой и воспаляютъ свой патріотизмъ до фанатизма и все это въ глазахъ г. Пыпина вполне естественно, позволительно, даже похвально, почему же не допускать у русскаго подобное же увлеченіе славой и пламенною любовью къ давно прошедшему русскому быту“, и т. д. Но именно „похвалы“ въ моихъ статьяхъ не имѣется; между тѣмъ это словечко, подброшенное мимоходомъ, должно служить полемическимъ видамъ г. Г-го. Извѣстное патологическое явленіе можно считать естественнымъ, какъ послѣдствіе болѣзненнаго состоянія, но кому придется въ голову считать его и похвальнымъ? — На страницѣ 319 говорится о томъ, какъ Вацлавъ Залѣсскій, въ началѣ 1830-хъ годовъ, старался привлечь русиновъ въ польскую литературу, что у меня и было представлено какъ образецъ патріотическаго заблужденія. Между тѣмъ г. Г-ий говоритъ объ этомъ въ слѣдующей двусмысленной фразѣ:... „Вотъ самая важная причина, замаскированная пустыми фразами, причина политическая, побудившая Залѣскаго смѣшать русскія пѣсни съ польскими, въ предположеніи, что (какъ увѣряетъ г. П., стр. 373) „русскимъ галичанамъ не нужно имѣть своей литературы, а слѣдуетъ пристать къ литературѣ польской“ (III). По этой причинѣ Залѣсскій перемѣшалъ русскія пѣсни съ польскими и напечаталъ ихъ польскою азбукой“¹⁾, и т. д. Кто прочтетъ эту фразу безъ справки съ моею статьею, тотъ долженъ подумать, что это именно я, въ со-

г. Титовымъ, и въ его владѣніи находятся также и письма г. Головацкаго. См. „Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова“. Вып. 1 и 2. Ростовъ, 1881—1884, № 1482.

¹⁾ Помѣщенные здѣсь восклицательные знаки принадлежатъ г. Г-му.

гласи съ Залѣскимъ, „увѣряю“, что русскимъ галичанамъ не надо имѣть своей литературы, а слѣдуетъ пристать къ литературѣ польской. Но въ моей статьѣ, на указанной страницѣ, говорится нѣчто совершенно иное: мысли Залѣскаго представлены какъ его мысли, а передъ тѣмъ мои слова объ этомъ были таковы: „Странно встрѣчаться съ такимъ пониманіемъ дѣла теперь, когда всѣмъ достаточно ясно, что ни въ малорусскомъ языкѣ и народности нѣтъ вовсе тождества съ польскими, ни въ исторіи нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба, ни въ литературѣ русинамъ никакъ нельзя „пристать“ къ литературѣ польской,—но, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Галиціи эта мысль могла не казаться несообразностью“ („В. Е.“, 1885, ноябрь, стр. 370). И дальше приведены примѣры, что иные изъ самихъ русскихъ галичанъ пробовали тогда употреблять польскую азбуку, какъ извѣстный потомъ галицко-русскій патриотъ Лозинскій.

На страницѣ 328, г. Г-ій говоритъ, что, наравнѣ съ Залѣскимъ, я ставлю Казимира Войццкаго и Паули и выдаю ихъ за „знаменитыхъ“ польско-русскихъ этнографовъ, и пишетъ рядъ опроверженій ошибокъ Войццкаго. Сравнявшись съ моей статьей, читатель найдетъ, что о „знаменитости“ Войццкаго нѣтъ ни слова и мой отзывъ о немъ весь заключается въ двухъ словахъ: „очень плодovitый, но недостаточно критическій собиратель“, а о польскихъ этнографахъ вообще замѣчено, что они „не владѣли еще настоящимъ критическимъ методомъ“, вслѣдствіе чего ихъ тогдашніе матеріалы, относительно ихъ подлинности или мѣстности и нарѣчій, „часто являются неудостовѣренными“ („В. Е.“, тамъ же, стр. 371).

Отзывы г. Г-го о Вацлавѣ Залѣскомъ, весьма впрочемъ сочувственные, въ сущности, совпадаютъ съ моими.

Въ другомъ мѣстѣ, въ качествѣ лишняго укора, г. Г-ій называетъ меня „самованнымъ критикомъ“ его, г. Г-го, писаній. Неужели же эти писанія изъяты отъ обыкновенной критики, дозволенной для каждаго, кто нѣсколько знакомъ съ предметомъ, и неужели для критики этихъ писаній нужно особое разрѣшеніе? Литература есть дѣятельность открытая, и критикѣ подлежатъ писатели и во сто разъ болѣе крупные, чѣмъ г. Г-ій. „Кажется теперь я разъяснилъ все“, замѣчаетъ г. Г-ій (стр. 358). Но осталось все-таки неразъясненнымъ одно обстоятельство, именно то, которое упомянуто у меня на стр. 376: какимъ образомъ могло случиться, что, „издавая впослѣдствіи свое цѣлое собраніе въ московскихъ „Теніяхъ“, г. Г-ій, въ числѣ разныхъ своихъ источниковъ, цитируетъ этого самаго Паули“?

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ г. Г-й съ остроуміемъ семинарскаго калибра заявляетъ, что онъ старше меня лѣтами. Противъ этого послѣдняго факта я не спорю, но думаю, что человѣку, столь продолжительно подвизавшемуся на учено-литературномъ поприщѣ, слѣдовало бы воздерживаться отъ фальшивыхъ приемовъ полемики, мало приличныхъ престарѣлому возрасту.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го января 1887.

Трудность уловить современное настроеніе русскаго общества, и вѣроятная причина перемѣны въ немъ.—Свобода печати и загробное свидѣтельство въ ея пользу.—Признаки времени въ дѣятельности земства и въ другихъ сферахъ.—
Отвѣтъ г. Модестову.—Post-scriptum.

Въ одномъ изъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургеневъ сравниваетъ русскій народъ съ сфинксомъ, еще не нашедшимъ своего Эдипа. Бываютъ минуты, когда нѣкоторое сходство съ сфинксомъ представляетъ и русское общество. Подобно Тургеневскому сфинксу, оно не ставитъ прямо и опредѣленно загадки, требующей разрѣшенія; оно молчитъ—и загадочнымъ представляется смыслъ его молчанія. Какъ опредѣлить, въ самомъ дѣлѣ, содержаніе думъ, преобладающихъ, въ настоящее время, среди русскаго общества? Какъ уловить движеніе мысли, работа которой можетъ быть болѣе или менѣе медленной, болѣе или менѣе энергичной, но не можетъ прекратиться совершенно? Слѣдуетъ ли признать, что русскій умъ поглотитъ всецѣло болгарскимъ вопросомъ, со всѣми его развѣтвленіями и усложненіями? Исчерпывается ли все наше общественное настроеніе однимъ презрѣніемъ къ Баттенбергу и болгарскимъ регентамъ, негодованіемъ противъ ихъ западно-европейскихъ союзниковъ, желаніемъ „разнести“ враговъ—и увѣренностью, что достиженіе послѣдней цѣли до крайности легко и просто? Если интересъ къ внутреннимъ дѣламъ угасъ не вполне, куда смотреть громадное большинство—назадъ или впередъ? Возлагаетъ ли оно свои надежды на возвращеніе къ прошедшему, или на продолженіе прерванной обновительной работы? Разбило ли оно свои прежніе идеалы, и что поставило на ихъ мѣсто? На всѣ эти вопросы менѣе чѣмъ когда-либо можно ожидать отвѣта отъ печати. Вслѣд-

ствіе разнообразныхъ причинъ, которыхъ мы отчасти коснулись въ одной изъ нашихъ прошлгоднихъ хроникъ, она не можетъ служить вѣрнымъ показателемъ общественнаго мнѣнія. Далекое не всегда выдвигаетъ она на первый планъ именно то, что занимаетъ его въ дѣйствительности; о многомъ она не говоритъ вовсе, многого не договариваетъ, многое затрогиваетъ только съ одной стороны... Земскія собранія—въ особенности губернскія, дѣятельность которыхъ болѣе доступна для наблюденія—рѣдко выходятъ изъ сферы частныхъ интересовъ, иногда весьма важныхъ, но съ занимающей насъ точки зрѣнія—мало характеристичныхъ. Отчетливо и ясно отголосокъ главныхъ теченій общественной мысли слышится здѣсь только въ моменты оживленія, о которыхъ не напоминаетъ даже издавѣка переживаемая нами эпоха. Отдѣльныя типичныя ноты, прорывающіяся сквозь однообразную пѣсню, силою и рядомъ противорѣчатъ одна другой и не допускаютъ общаго вывода. Отсюда широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ догадокъ, для предположеній, сталкивающихся между собою; отсюда возможность утверждать, что общество отрезвилось, успокоилось, убѣдилось въ тщетѣ несбыточныхъ мечтаній, повернуло на старую, испытанную дорогу—но отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и шаткость, бездоказательность такихъ увѣреній. Разногласію относительно фактовъ соотвѣтствуетъ разногласіе въ ихъ объясненіи; если извѣстное явленіе и признается несомнѣннымъ, то приписывается оно самымъ различнымъ причинамъ. На одномъ изъ подобныхъ споровъ, происходившемъ недавно въ засѣданіи ученаго общества, мы хотимъ остановить вниманіе нашихъ читателей, въ виду важности возбуждаемаго вопроса.

Лѣтъ 20—25 тому назадъ, въ самый разгаръ эпохи реформъ, основныя начала задуманныхъ или исполненныхъ преобразованій почти всегда принимались или отвергались всецѣло, безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ. Кто стоялъ, напримѣръ, за судебную реформу, тотъ защищалъ съ одинаковымъ жаромъ всѣ главныя, существенныя ея черты—и встрѣчалъ такой же систематическій отпоръ со стороны ея противниковъ. Теперь мы часто видимъ нѣчто иное: стремленіе, направленное противъ одного изъ краеугольныхъ камней реформы, находитъ иногда нѣкоторую поддержку и между ея приверженцами. Гдѣ источникъ этой перемѣны? Говорятъ, что отвѣтственность за нее упадетъ, до извѣстной степени, на ту партію или группу, отъ которой исходило или на которую опиралось движеніе впередъ. Продолжительность этого движенія и самый его характеръ поколебали прежнее представленіе о законѣ, о его устойчивости и его предѣлахъ. Непрерывныя, почти безостановочныя нововведенія приучили общественную мысль къ рѣзкимъ переходамъ, къ быстрой

смигнѣ уставовъ и учреждений. Поле дѣйствія закона, прежде узкое или, по крайней мѣрѣ, ясно ограниченное, стало безконечно широкимъ; утратилось понятіе объ областяхъ, которыхъ не должно касаться законодательство, объ исторической преемственности явленій, о медленности народнаго роста, о невозможности внезапныхъ превращеній. Сфера внимательства власти постоянно растетъ; регламентация не хочетъ знать никакихъ преградъ; правительственныя задачи усложняются все больше и больше требованіями новаго явленія „штатсъ-соціализма“. Въ борьбѣ государства съ личностью на сторонѣ перваго оказывается не только право силы, но и сила права—т.-е. формальнаго, писаннаго права. Результатомъ всего этого является равнодушіе въ общимъ основамъ правовѣрнаго строя, недовѣріе къ неприкосновенности важнѣйшихъ законодательныхъ опредѣленій. Что пользы, на примѣръ, въ независимости суда и судей, въ раздѣленіи властей административной и судебной, если непрерывно уменьшается самая сумма правъ, охраняемыхъ судомъ, самая сумма гражданской свободы? Стоитъ ли очень заботиться о гарантіяхъ, когда падаетъ цѣнность обезпечиваемыхъ ими благъ?

Съ этимъ взглядомъ, имѣющимъ, повидимому, не мало сторонниковъ, мы рѣшительно не согласны. Потрясти вѣру въ прочность закона можетъ только цѣлый рядъ скачковъ, то впередъ, то назадъ, то вбокъ,—скачковъ, не вытекающихъ одинъ изъ другого, не управляемыхъ одною руководящею мыслью. За такіе скачки никогда не высказывались у насъ приверженцы движенія. Наоборотъ, они всегда держались приобрѣтеннаго, завоеваннаго; они хотѣли только продолженія начатой работы, на той же самой почвѣ и съ того самаго пункта, на которомъ она остановилась. Въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта, въ дѣлѣ обновленія судебныхъ учреждений, въ дѣлѣ организаціи самоуправленія, они всегда были охранителями—охранителями всего того, что составляетъ суть новаго порядка. Попытки уничтожить, искоренить, стереть съ лица земли—исходили, во всѣхъ названныхъ нами сферахъ, изъ противоположнаго лагеря. Одно дѣло—стремиться къ довершенію постройки, пользуясь всѣми наличными ея частями и всѣмъ приготовленнымъ для нея матеріаломъ; другое дѣло—замышлять ея сломку, хотя бы съ цѣлью возвести на ея мѣстѣ зданіе иного стили и иного назначенія. Возьмемъ, для примѣра, судебныя уставы. За исключеніемъ немногихъ доктринеровъ, готовыхъ стоять за каждую ихъ букву, всѣ поклонники великаго законодательнаго памятника допускали (и допускаютъ) его усовершенствость, но понимали подъ этимъ именемъ не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній судебной реформы. Въ такомъ развитіи нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ чувствомъ уваженія къ закону; напротивъ

того, оно укрѣпляетъ это чувство, отдѣляя всѣ случайныя, частныя недостатки отъ самой идеи учрежденія. Если вопросъ о необходимости дополненій—или перемѣнъ, равносильныхъ дополненію—ставился весьма часто, то это зависѣло иногда отъ нерѣшительности первоначальнаго шага; желаніе поправокъ не было ненасытной жаждой новизны, а просто результатомъ убѣжденія, что безъ нихъ не перейти въ жизнь или не выдержать ея напора задушевная мысль законодателя.

Не обманомъ ли зрѣнія объясняется, далѣе, сожалѣніе объ утраченной сдержанности законодательства? Измѣнилось, думается намъ, не столько количество регламентаціи, сколько ея направленіе. Русло законодательнаго потока не было узкимъ и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить всю массу отчасти антиквированныхъ, отчасти дѣйствующихъ и нынѣ правилъ, которыми предписываются или воспрещаются мнѣнія, вѣрованія, настроенія, чувства. Мужу вмѣняется въ обязанность любить жену, дѣтямъ—уважать родителей, всѣмъ—быть благочестивыми, набожными, нравственными. Въ основаніи подобныхъ предписаній лежитъ, очевидно, убѣжденіе законодателя, что онъ можетъ и долженъ управлять душою подданныхъ—и если это убѣжденіе, по самой силѣ вещей, рѣдко выражалось въ конкретномъ, реальномъ воздѣйствіи на жизнь, то въ попыткахъ такого воздѣйствія не было—и даже теперь нѣтъ—недостатка. Есть ли, между тѣмъ, что-либо меньше поддающееся законодательной нормировкѣ, чѣмъ область сердечной и умственной жизни? Не ясно ли, что если прежнее законодательство не касалось кое-чего, теперь вовлеченного въ сферу властной регламентаціи, то это происходило вовсе не отъ сознательнаго ограниченія задачъ и цѣлей, а просто отъ узкости угла зрѣнія или отъ зачаточнаго состоянія, отъ безгласности интересовъ, теперь разросшихся въ ширину и глубину и выдвинувшихся наружу? Весь вопросъ сводится къ тому, могло ли законодательство остаться равнодушнымъ къ этимъ интересамъ, отклонить отъ себя даже посредничество между ними. Другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго, мы не считаемъ здѣсь возможнымъ. Возьмемъ, для примѣра, область фабричнаго законодательства. Недостаточность охраны, доставляемой рабочимъ, сознавалась весьма давно, но сознавалась какъ-то платонически, отвлеченно; высказывались предположенія и пожеланія, но дѣло впередъ не подвигалось—и даже впоследствии, когда оно было поставлено на очередь, между первымъ проектомъ реформы и первыми шагами къ ея осуществленію прошло болѣе двухъ десятилѣтій. Почему? Съ одной стороны—потому что въ пятидесятыхъ годахъ число фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ было у насъ несрав-

ненно меньше, чѣмъ въ восьмидесятыхъ, и сообразно съ этимъ легче было предоставить ихъ собственной ихъ судьбѣ; съ другой стороны — потому что самая мысль о необходимости преобразованія созрѣвала медленно и постепенно, подъ вліяніемъ указаній исторіи, опыта западно-европейскихъ государствъ и возрастающаго распространенія фабричной промышленности въ Россіи. Источникъ закона, іюня 1882 г., какъ и всѣхъ слѣдующихъ и имѣющихъ еще послѣдовать за нимъ, заключается, такимъ образомъ, не въ новой доктринѣ о предѣлахъ и нормахъ законодательной дѣятельности, а въ ростѣ новыхъ потребностей, игнорированіе которыхъ было бы вредно для народнаго благосостоянія и опасно для государственнаго порядка. То же самое можно связать о регламентаціи желѣзныхъ дорогъ, банковъ, акціонерныхъ обществъ, о поощреніи крестьянскихъ переселеній и извѣстнаго рода земельныхъ покупокъ, о развитіи обязательнаго страхованія и о многихъ другихъ характеристичныхъ чертахъ, свойственныхъ, съ нѣкоторыхъ поръ, русскому—и не одному только русскому—законодательству. Большой ошибкой было бы думать, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ такъ-называемому „государственному социализму“; это „страшное слово“ придумано на нашихъ глазахъ, для обозначенія стремленій, появившихся гораздо раньше и созданныхъ не теоріей, а жизнью. Если присмотрѣться поближе къ этимъ стремленіямъ, не трудно замѣтить, что они направлены вовсе не къ подавленію личности, не къ порабощенію ея государствомъ, а къ ея огражденію—къ огражденію слабыхъ отъ сильныхъ, массы отъ меньшинства. Борьба происходитъ здѣсь не между единицей и цѣлымъ, а между отдѣльными единицами, неравными между собою; государство вмѣшивается въ борьбу съ цѣлью уменьшить это неравенство, смягчить и сгладить его результаты. Отрицать или осуждать, во имя экономической свободы, самый принципъ вмѣшательства, значило бы повторять зады, давно опровергнутые опытомъ и знаніемъ. Безспорно, не всѣ формы и не всѣ случаи вмѣшательства могутъ быть подведены подъ одну общую мѣрку; оно идетъ иногда слишкомъ далеко или останавливается на полъ-дорогѣ, уклоняется отъ своего настоящаго назначенія, служитъ интересамъ сословія или кружка, въ ущербъ интересамъ цѣлаго народа—но значенію принципа не должно вредить неправильное его пониманіе или примѣненіе.

Съ расширеніемъ области законодательнаго вмѣшательства цѣльность гарантій, ограждающихъ личныя права и личную свободу, не только не уменьшается, но, напротивъ того, возрастаетъ. Чѣмъ больше число пунктовъ, на которыхъ инициатива частнаго лица соприкасается съ отрицательными или положительными требованіями закона, тѣмъ важнѣе безпристрастное охраненіе пограничной черты—тѣмъ

важнѣе, слѣдовательно, такое устройство суда, которымъ отражалась бы независимость его отъ администраціи. Пока одному единичному интересу противопоставляется другой, также единичный и не болѣе сильный, шансы обоихъ остаются равны, и отправленіе правосудія не встрѣчаетъ внѣшнихъ препятствій. Положеніе дѣла становится болѣе сложнымъ, какъ только на сцену выступаетъ интересъ государства. Соблюсти равновѣсіе здѣсь уже гораздо труднѣе—и необходимымъ его условіемъ является полная самостоятельность судей, зависящая, въ свою очередь, отъ несмѣняемости ихъ и отъ чисто-судебнаго свойства ихъ функцій. Неприкосновенность окончательнаго судебнаго рѣшенія, гласность процесса, свобода защиты, свобода слова вообще—все это получаетъ тѣмъ болѣе важную роль, чѣмъ дальше раздвигаются рамки экономической регламентаціи. Между новымъ законодательнымъ движеніемъ, насколько оно вызвано заботливостью о массѣ, и охлажденіемъ къ старымъ идеаламъ „либерализма“,—понимаемаго, конечно, не въ смыслѣ отжившаго либеральнаго доктринерства—нѣтъ, поэтому, и не можетъ быть никакой причинной связи. Существуетъ ли самый фактъ охлажденія, и если существуетъ, то въ чемъ заключается его настоящій источникъ—это другой вопросъ, къ которому мы когда-нибудь возвратимся; теперь мы хотѣли только устранить недоразумѣніе, бросающее, какъ намъ кажется, невѣрный свѣтъ на одну изъ самыхъ серьезныхъ сторонъ современной дѣйствительности.

Есть недоразумѣнія иного рода, вызываемыя злобнымъ игнорированіемъ движенія и жизни и выражающіяся въ цѣломъ рядѣ необузданнѣйшихъ парадоксовъ. Объ одномъ изъ нихъ, провозглашающемъ „чистую независимость“ современной русской печати, идетъ рѣчь выше, во Внутреннемъ Обзорѣніи; въ тѣсной съ нимъ связи находится другой, во всемъ ему подобный. „Русскіе подданные“,—говорятъ „Московскія Вѣдомости“,—„имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія; они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ русскихъ подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ верховной власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрно-подданнаго. Вотъ наша конституція“. Такую же точно „конституціей“ пользуется и русская печать, съ тою только разницею, что для нея „исполненіе долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится призваніемъ“. Кто берется дѣйствовать въ печати, тотъ „долженъ быть готовъ не только дать отпоръ злу, когда оно само

представится, но и выслѣживать его, гдѣ бы оно ни гнѣздилося и какую бы личину ни принимало. Его долгъ доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями, съ одной стороны, никакими вынужденіями—съ другой“.

Установимъ, прежде всего, точный смыслъ словъ, составляющихъ исходную точку приведенной нами тирады; это необходимо, когда имѣешь дѣло съ софизмомъ, никому, притомъ, ненужнымъ и ни съ чьей стороны не требуемымъ. Что разумѣется, въ данномъ случаѣ, подъ именемъ „политическихъ обязанностей“? Нравственный ли долгъ каждаго гражданина, за исполненіе котораго онъ отвѣчаетъ только передъ своей совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ, или сумма обязательствъ, ликвидируемыхъ при понудительномъ участіи государственной власти, подъ угрозой наказанія или иныхъ, реально-невыгодныхъ послѣдствій? Платить налоги, отправлять воинскую повинность, стоять за правду, противодѣйствовать злу—все это политическія обязанности; но нельзя же подводить ихъ подъ одинъ уровень, валить ихъ—*sit venia verbo*—въ одну кучу. „Московскія Вѣдомости“ говорятъ, очевидно, о нравственномъ долгѣ; иначе онъ не стали бы распространять понятіе о политической обязанности на дѣятельность печати, участвовать въ которой никто не вынуждается подъ опасеніемъ уголовной или полицейской кары. Итакъ, рѣчь идетъ о нравственномъ долгѣ гражданина, а не о тѣхъ требованіяхъ, которыя могутъ быть предъявлены къ нему въ видѣ окладного листа, повѣстки о призывѣ или иного официальнаго предписанія. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, основаніе противопоставлять русскаго подданнаго—гражданину западно-европейскаго государства? Различны только положительныя обязательства, на нихъ лежащія—но нравственный ихъ долгъ одинъ и тотъ же. Развѣ французъ, англичанинъ, пруссакъ—свободны отъ обязанности стоять за право верховной власти, заботиться о пользахъ государства? Развѣ эта обязанность существуетъ только для насъ, русскихъ? Если она существуетъ не для насъ однихъ, то почему же для насъ однихъ она можетъ и должна замѣнять „права“ и „гарантіи“? Скажемъ болѣе: исполненіе политической обязанности, коренящейся исключительно въ нравственномъ чувствѣ, немислимо безъ соотвѣтствующаго политическаго права. Какъ бы ни было развито сознаніе долга, оно остается мертвой буквой, если за нимъ не обезпечена возможность выраженія въ словѣ и дѣлѣ. Припомнимъ, на примѣръ, положеніе вещей, предшествовавшее созданію земскихъ учреждений. Между мѣстными жителями и тогда, конечно, встрѣчались такіе, которые считали себя обязанными

сослужить службу своимъ сосѣдямъ; но что они могли сдѣлать, пока никто не спрашивалъ и не выслушивалъ ихъ мнѣнія, пока они не допускались къ работѣ на общую пользу? Осуществимой такая работа стала для нихъ только тогда, когда они получили право участвовать въ завѣдываніи земскими дѣлами. То же самое мы видимъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ общественной дѣятельности. Чтобы „доискиваться правды“ путемъ печатнаго слова, мало одной „обязанности“ говорить; необходима еще возможность безпрепятственно исполнять эту обязанность. Кому много дано, только съ того можно многое и спрашивать. Безспорно, печать должна „раскрывать правду, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не давая себя сбить ни прельщеніями, ни вынужденіями“; но для всего этого она должна пользоваться извѣстною свободой. Далекое ли уйдемъ съ одной „обязанностью“ органъ печати, обрекаемый на молчаніе или прерывающій его только для того, чтобы сейчасъ же, и не по доброй волѣ, умолкнуть навсегда?.. За разсужденіями о политическихъ обязанностяхъ, съ избыткомъ замѣняющихъ политическія права, скрывается, въ сущности, или формула грубаго эгоизма: „мнѣ хорошо,—а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла“; или формула фанатической нетерпимости: „мечтать о правѣ можетъ только тотъ, кто считаетъ себя обязаннымъ во всемъ со мною (въ настоящемъ случаѣ, съ „Москов. Вѣдомостями“) соглашаться“.

Отъ крайняго извращенія понятій, проповѣдуемаго крайне-авторитарнымъ тономъ, утѣшительно перейти къ давно знакомымъ, но теперь болѣе чѣмъ когда-либо юнымъ и свѣжимъ словамъ умершаго писателя, дѣйствительно „искавшаго правды“, а не ушедшаго съ головою въ производство „выслѣживаній“ и „розысковъ“. Четвертый томъ полнаго собранія сочиненій И. С. Аксакова, вышедшій въ свѣтъ въ концѣ истекшаго года, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, его статьи о свободѣ слова. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ ихъ главной авторской заслугой покойнаго редактора „Руси“. На этой почвѣ онъ никогда не переставалъ быть самимъ собою, никогда не впадалъ въ противорѣчіе съ своими традиціонными идеалами. Случалось и здѣсь, что его полемическіе приемы не вполне совпадали съ его теоріей—но это были отступленія преходящія, полу-сознательныя, отчасти извиняемая горячностью борьбы. Въ продолженіе четверти вѣка онъ стоялъ въ передовомъ ряду защитниковъ свободнаго слова, вѣруя въ его силу и тогда, когда оно еще вовсе не было испытано на Руси, и тогда, когда оно „отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть“, и пошло въ число „рановременныхъ мѣръ“, преслѣдуемыхъ дружнымъ хоромъ извѣтовъ и навѣтовъ. Болѣе естати, чѣмъ въ настоящую минуту, не могла бы быть возобновлена въ памяти честная,

прямая рѣчь, составляющая такой поразительный контрастъ съ лице-мѣрными возгласами о „независимости“ современной русской печати. Тѣмъ, кто видитъ независимость въ самомъ фактѣ существованія закона, каково бы ни было его содержаніе, можно противопоставить слѣдующія слова Аксакова: „если законодатель относится къ свободѣ слова непріязненно (курсивъ въ подлинникѣ), его законы будутъ имѣть характеръ притязательнаго контроля, и не только не помогутъ общественному развитію, но нарушать миръ и правильность отправленій общественнаго организма и приведутъ общество и всю страну по крайней мѣрѣ къ упадку“. Форма, для Аксакова, не прикрываетъ собою существа дѣла; онъ очень хорошо знаетъ, что произволъ и законность—понятія несомѣстимы, хотя бы внѣшнимъ основаніемъ для перваго и служила буква закона. Полемизируя съ „Сѣверной Почтой“ (предшественницей „Правительственнаго Вѣстника“) о „дѣлесообразности системы предостереженій“, Аксаковъ цитируетъ объяснительную записку къ закону 6-го апрѣля 1865 г., заключающую въ себѣ любопытное признаніе самихъ составителей закона. Меньшинство коммисіи, подготовившей реформу, утверждало, что система предостереженій „противна понятію о законности“; большинство не только не отрицало этого положенія, но прямо признавало, что административныя кары по дѣламъ печати, если бы онѣ были возведены на степень общаго начала, были бы несогласны „съ понятіемъ о правильномъ законодательствѣ“. Исходя изъ этого признанія, Аксаковъ высказывается за пересмотръ закона 6-го апрѣля, съ дѣлью соглашенія его „съ общественными понятіями о правильномъ законодательствѣ“. На замѣчаніе „Сѣверной Почты“, что органы печати, подвергающіеся взысканіямъ, „сами въ томъ виноваты, потому что были достаточно и въ полной мѣрѣ предупреждены“,—Аксаковъ отвѣчаетъ вопросомъ: „Чѣмъ предупреждены? тѣмъ параграфомъ закона, который гласитъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ дѣлать предостереженія по личному усмотрѣнію? Но какъ же можно предусмотрѣть личное усмотрѣніе? Да и можетъ ли входить въ обязанности литературы соображаться съ личнымъ міросозерцаніемъ кого бы то ни было, особенно когда тѣ, отъ которыхъ зависитъ дать или не дать предостереженіе, все же въ нѣкоторомъ родѣ простые смертные, способные и сами измѣнять свои воззрѣнія, да и просто смѣняться?“... „Сѣверная Почта“ упомянула о „рискѣ предостереженія“; Аксаковъ подхватываетъ это выраженіе и восклицаетъ: „едва ли понятіе о рискѣ, какъ о чемъ-то неопредѣленномъ, неумовимомъ, гадательномъ, случайномъ, умѣстно въ отношеніяхъ лица подвластнаго къ власти“. „Что-нибудь одно“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:— „или вовсе не признавать никакой словесности, или же признать ее

такую, какою она есть, не искажая ея натуры; въ противномъ случаѣ, это будетъ уже не литература, какъ выраженіе мысли и чувствъ страны, а какаго-то ложь, нарядившаяся въ ея платье. Если вы хотите искренности въ словѣ, такъ должны допустить каждому право говорить своимъ голосомъ, какъ бы даже грубо или неблагозвученъ онъ ни былъ; гдѣ нельзя говорить своимъ голосомъ, тамъ не можетъ быть и искренней рѣчи, и вмѣсто нея будетъ раздаваться одна благонамѣренная фистула“. „Влагонамѣренная фистула!“ Не возбуждаетъ ли это слово цѣлый рядъ знакомыхъ представлений? Современная благонамѣренность, впрочемъ, говоритъ иногда и густымъ басомъ...

Забавчивая наши выписки изъ Аксакова, мы можемъ только пожелать, чтобы замогильный голосъ свидѣтели, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ „неблагонадежности“ или „неблагонамѣренности“, не остался гласомъ вопиющаго въ пустынь. Статьи Аксакова о свободѣ слова—настоящее противоядіе по отношенію къ тѣмъ отравленнымъ и отравляющимъ софизмамъ московской печати, которые выдаются теперь за послѣднее слово политической мудрости.

Мы говорили, въ началѣ хроники, о внутреннемъ противорѣчій стремленіи, проявляющихся въ земствѣ; пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Костромское губернское земское собраніе, въ послѣдней сессіи своей, рѣшило закрыть состоявшую въ вѣденіи земства женскую учительскую школу. Самъ по себѣ, этотъ фактъ наводитъ на мысль о сильномъ паденіи земскаго барометра—но ему могутъ быть противопоставлены другіе, ведущіе къ иному заключенію. Въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи было сдѣлано предложеніе, чрезвычайно опасное для начальной школы; было заявлено, что многіе изъ получившихъ льготное свидѣтельство четвертаго разряда забываютъ, во времени достиженія совершеннолѣтія, все пройденное ими въ школѣ, и что выдачу льготныхъ свидѣтельствъ слѣдовало бы приурочить, поэтому, не къ выпуску изъ школы, а къ повторительному экзамену, выдерживаемому въ продолженіе послѣдняго года до призыва къ отправленію воинской повинности. Принятіе этой мѣры неизбежно повлекло бы за собою значительное пониженіе числа учащихся въ народныхъ школахъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школа существуетъ уже давно, гдѣ она успѣла приобрести довѣріе населенія, расчетъ на льготу не играетъ большой роли между причинами, побуждающими къ посѣщенію школы; лучшимъ доказательствомъ этому служить быстрое увеличеніе, въ такихъ мѣстахъ, числа уча-

щихся дѣвочекъ ¹⁾. Совсѣмъ другое дѣло—первый періодъ существованія школы; здѣсь надежда на льготу имѣеть если не преобладающее, то, во всякомъ случаѣ, серьезное значеніе. Она служитъ тѣмъ-то въ родѣ лѣсовъ, за которыми воздвигается самое зданіе, тѣмъ-то въ родѣ подпорки, съ помощью которой ребенокъ начинаетъ ходить и въ которой онъ перестаетъ нуждаться, когда крѣпко станетъ на ноги. Рядомъ съ старыми школами вездѣ появляются новыя, для которыхъ потеря права на выдачу льготныхъ свидѣтельствъ и послужила бы весьма тяжелымъ ударомъ. Справедливо ли было бы, съ другой стороны, ставить полученіе льготы въ зависимость отъ повторительнаго экзамена, для приготовленія къ которому у насъ, въ огромномъ большинствѣ мѣстностей, сдѣлано еще такъ немного! Вечерніе и воскресные курсы, школьныя бібліотеки, читальни—все это существуетъ только въ зародышѣ или вовсе не существуетъ. Связывать выдачу льготныхъ свидѣтельствъ съ повторительнымъ экзаменомъ, значило бы до крайности уменьшить число лицъ, могущихъ воспользоваться льготой. А между тѣмъ, если бывшій ученикъ начальной школы, окончившій курсъ одиннадцати лѣтъ отъ роду (раньше, на основаніи новыхъ правилъ, никто въ выпускному экзамену допущенъ быть не можетъ), и не въ состояніи выдержать, девять лѣтъ спустя, повторительный экзаменъ, если онъ, вступивъ въ ряды войска, долженъ начать учиться съизнова, то это не доказываетъ еще бесполезности школьнаго ученія. Многое усваивается гораздо легче и быстрѣе, если на днѣ памяти лежитъ старый запасъ, требующій только осѣженія и обновленія. Еще важнѣе тѣ нравственныя начала, которыя выносятся ученикъ изъ хорошо поставленной народной школы—начала, которымъ можно измѣнить, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ житейскихъ условій, но которыхъ нельзя забыть, какъ забывается грамота или ариметика. Повторяемъ еще разъ: всякое ограниченіе правъ начальной школы было бы до крайности прискорбно,—но московское губернское собраніе и не вступило на путь, указанный нѣкоторыми его членами; оно не нашло нужнымъ ходатайствовать объ измѣненіи порядка выдачи льготныхъ свидѣтельствъ. Въ виду такого рѣшенія, московская попытка поколебать одинъ изъ устоевъ начальной школы можетъ быть сопрячислена къ тѣмъ „признакамъ времени“, о которыхъ мы говорили въ послѣдней изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ; она свидѣтельствуетъ о томъ, что въ средѣ земства существуютъ

¹⁾ Намъ лично извѣстенъ, наприимѣръ, такой фактъ: школу, учрежденную восемь лѣтъ тому назадъ—въ довольно глухой мѣстности, отъ которой ближайшая школа отстояла прежде не менѣе, какъ въ десяти верстахъ,—посѣщало сначала двѣ или три дѣвочки, а въ текущемъ учебномъ году число учащихся дѣвочекъ дошло до 85. Превысилъ даже число мальчиковъ.

теченія, враждебныя лучшимъ земскимъ традиціямъ—но существуетъ и сила противодѣйствія, достаточная, въ большинствѣ случаевъ, для охраненія сдѣланныхъ пріобрѣтеній.

Къ числу „признаковъ времени“ принадлежитъ также излюбленный, съ нѣкоторыхъ поръ, способъ веденія атаки противъ самоуправленія, во всѣхъ его видахъ и формахъ. Появляется, напримеръ, гдѣ-нибудь городской голова деспотическаго права, навязывающій думѣ готовныя рѣшенія, налагающій молчаніе на оппозицію, расположенный воскликнуть: „Дума—это я“. Вмѣсто того, чтобы разсудить, не было ли въ данномъ случаѣ какихъ-либо особыхъ причинъ, объясняющихъ ошибочность выбора, не способствовала ли имъ какая-либо погрѣшность въ избирательной системѣ, обвинители не по разуму тотчасъ же поднимаютъ крикъ противъ „безсословнаго, безконтрольнаго, безотвѣтственнаго“ городского самоуправления. Этого мало: съ мѣстнымъ московскимъ вопросомъ связывается общій, вовсе къ нему не прикосновенный, но дающій удобный предлогъ къ благонамѣреннымъ тирадамъ. „Въ безсословной, безформенной Россіи“,—говоритъ одинъ изъ представителей этого моднаго краснорѣчія,—„нѣтъ мѣста охранительнымъ началамъ, прогрессу, свободѣ, а есть мѣсто лишь началамъ отрицанія и разрушенія, да всякаго рода хищеніямъ: у Царя—власти, у народа—его достоинства... Самодержавная власть во всѣхъ городахъ и всякъ русской земли принадлежитъ Царю, и только царскими законами должны мы руководиться, а законы рыноскіе, алексѣевскіе и иныхъ новоявленныхъ законодателей и самодержцевъ, то-есть все это царство фразы и лжи должно быть неотлагательно устранено, какъ въ интересахъ населенія, такъ и государства“.—Было ли что-нибудь подобное этимъ рѣчамъ мыслимо въ другое время? Пришло ли бы кому-нибудь въ голову придавать купеческому самодурству чуть не политическій оттѣнокъ и соединять борьбу противъ отдѣльнаго лица—борьбу, едва ли чуждую частныхъ, личныхъ счетовъ¹⁾—съ выставкой патріотическихъ чувствъ и консервативныхъ взглядовъ? Хозяйничанье г. Алексѣева въ московской думѣ объясняется весьма просто предшествовавшимъ „безголовьемъ“ и преобладаніемъ купеческаго элемента. „Безголовье“ продолжалось такъ долго, и устраненіе его казалось настолько безнадежнымъ (припомнимъ дѣльный рядъ ни къ чему не приводившихъ выборовъ и эфемерное главенство г. Тарасова), что дума съ радостью бросилась въ объятія энергичнаго „новаго человѣка“—а освободиться отъ нихъ мѣшаетъ сословная жила, господствующая въ большинствѣ глас-

¹⁾ Безпристрастный противникъ набѣжалъ бы, мы въ этомъ не сомнѣваемся, составленіи—г. Алексѣева... съ Рыковимъ!

ныхъ. Причины московскаго безголовья воишь невѣстны; не менѣе извѣстенъ и основной недостатокъ Городоваго Положенія, отворяющій ворота и двери владычеству капитала. Зная неточниѣе болѣзни, можно было бы, повидимому, избѣжать ошибокъ въ выборѣ лекарства; большая самостоятельность городского самоуправленія (отнюдь не исключаящая ни отвѣтственности, ни контроля), болѣе правильное представительство всѣхъ составныхъ частей городского населенія — вотъ естественный выводъ изъ ненормальнаго положенія, представляемаго теперь московской думой. Наши эмпирики разсуждаютъ прямо наоборотъ: они рекомендуютъ сословное устройство думъ — называя его, вѣроятно, ради шутки, всеобщимъ; — и постановку во главѣ думы предсѣдателя, назначеннаго отъ воровны...

Не „признакомъ ли времени“ слѣдуетъ считать вторженіе политической и литературной критики въ такую сферу, гдѣ до сихъ поръ не было — да и не должно быть — мѣста ни для той, ни для другой? Если бы проповѣдь одного изъ пастырей церкви, провознесенная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и напечатанная недавно въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, касалась только отношеній графа Л. Н. Толстого къ вопросамъ вѣры, противъ нея нельзя было бы сказать ни слова; но она входитъ въ литературную оцѣнку его художественныхъ произведеній. „Принято въ печати“, — говоритъ проповѣдникъ, — „называть графа гениальнымъ художникомъ, гениальнымъ поэтомъ. Подумайте, откуда эти гиперболы? Кромѣ общепризнаннаго генія поэта Пушкина, кого изъ писателей величаютъ гениями? Почти никогда не величаютъ ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни, наконецъ, Достоевскаго, величайшаго, художественнѣйшаго мыслителя. А на другихъ поприщахъ у насъ на Руси и думать нечего заслужить высокое титуло генія. Гени на Руси рождаются развѣ только для романической литературы, да еще развѣ для театральнаго подмостковъ, гдѣ такъ перѣдки гениальные артисты и артистки. Это значитъ, что интеллигентная Русь только пока и способна понять что романъ или же театральную пьесу. И тѣмъ они легче, тѣмъ и лучше. Достоевскій тяжелъ. А графъ Левъ Толстой написалъ два легкихъ удачныхъ романа, и за это онъ — нашъ гениальный поэтъ, — тогда какъ съ такимъ же правомъ это великое титуло можно бы приписать нашимъ старымъ романистамъ: Загоскину, Лажечникову даже Вулгарину, Кукольнику, и т. д. Еще съ болѣе правымъ можно бы приписать новѣйшему романисту Марьевичу. За что же такое вниманіе, такое рабское поклоненіе одному графу Льву Толстому?“... Сравненіе гр. Л. Н. Толстого съ Булгаринимъ и Кукольникимъ, превознесеніе надъ нимъ Болеслава Марьевича, наименованіе „Войны и мира“ и „Анны Карениной“ легкими романами — все

это не требует и не допускаетъ разбора; не только для „интеллигентной Руси“, но и для не-интеллигентной, разъ что она хоть сколько-нибудь знакома съ произведеніями Толстого, защита его противъ такихъ нападеній представляется совершенно излишней. Мы замѣтимъ лишь одно: „геніальными“ или „великими“ писателями называютъ у насъ не однихъ только Пушкина и Льва Толстого. Никто не затруднится примѣнить это имя къ Грибоѣдову, Лермонтову и Гоголю, немногіе откажутъ въ немъ Тургеневу; къ Достоевскому оно приурочивалось много разъ, не вызывая ожесточеннаго протеста со стороны менѣе усердныхъ его поклонниковъ. Скупо, наоборотъ, раздавалось и раздается „высое титло“ нашимъ театральнымъ знаменитостямъ; изъ всѣхъ актеровъ и актрисъ геніальнымъ признавался развѣ одинъ Мочаловъ (само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду только серьезную критику, а не дешевые восторги мимолетныхъ театральнахъ рецензій). Гдѣ бы ни появлялось у насъ дарованіе, выходящее изъ ряду, ему была приносима дань, скорѣе слишкомъ щедрая, чѣмъ слишкомъ скудная; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, сколько у насъ насчитывалось „геніальныхъ“ полководцевъ. Давно ли произносилось это слово надъ могилой Скобелева? Давно ли, съ другой стороны, оплакивалась память „геніальнаго“ хирурга Пирогова, „геніальнаго“ естествоиспытателя Бера? Правда, никто не говоритъ у насъ о „геніальныхъ“ политическихъ людяхъ, о „геніальныхъ“ ораторахъ, свѣтскихъ или духовныхъ; но что же дѣлать, если ихъ нѣтъ на-лицо ни въ настоящемъ, ни въ ближайшемъ прошломъ? Что же дѣлать, если тѣ немногіе дѣятели, которымъ, можетъ быть, и удалось бы завоевать это имя, сходили со сцены въ цвѣтъ лѣтъ и силъ, ничего не успѣвъ довести до конца, не развернувъ вполне всѣхъ своихъ дарованій (Сперанскій, Николай Милютинъ)? Нѣтъ, „интеллигентная Русь“ готова преклониться передъ всякою геніальностью—и если въ поклоненіи ея и встрѣчаются ошибки, то онѣ никогда не бываютъ ни продолжительными, ни общими. На сторонѣ взгляда, признающаго Льва Толстого великимъ художникомъ и поэтомъ, имѣются оба эти условія, обѣ гарантіи правды—и не случайно присоединилась къ нему, въ послѣднее время, западно-европейская критика.

За приравненіемъ Льва Толстого, какъ писателя, къ Булгарину и Маркевичу, слѣдуетъ причисленіе его, какъ мыслителя, къ разряду тяжкихъ государственныхъ преступниковъ! Онъ подрываетъ, говорятъ намъ, основы не только религіи, но и государства; онъ измѣняетъ Россіи, какъ обществу, какъ народу, какъ государству, измѣняетъ русскому Царю... Проповѣдь, послѣ подобныхъ обвиненій,

заканчивается ссылкой на евангеліе; приводятся слова: „всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубають и бросаютъ въ огонь“...

Закончимъ нашу хронику отвѣтомъ на одно очень странное обвиненіе. Нашимъ читателямъ извѣстно, что, возражая противъ взглядовъ, высказываемыхъ въ печати, мы рѣдко называемъ газету, которой принадлежитъ то или другое мнѣніе. Дѣйствуемъ мы такимъ образомъ какъ потому, что и для насъ, и для читателей, интересно содержаніе, а не происхождение оспариваемаго взгляда, такъ и потому, что избѣгаемъ всего могущаго, безъ надобности, обострить полемику и сообщить ей личный характеръ. Исключеніе изъ общаго правила допускается нами лишь тогда, когда за газетой стоитъ опредѣленная политическая группа, противъ которой, въ сущности, и приходится бороться—или тогда, когда для уясненія предмета спора необходимо ясное обозначеніе обѣихъ сторонъ, между которыми споръ ведется. Системы, нами принятой, держимся, впрочемъ, не мы одни. Такъ на примѣръ, не дальше какъ въ № 314 газеты „Новости“, въ передовой статьѣ, посвященной новому отдѣлу проекта уголовного уложенія, приведено буквально мнѣніе, высказанное въ октябрьскомъ Внутреннемъ Обзорѣннмъ нашего журнала (о возможности установленія уголовной кары для подставныхъ акціонерровъ)—и затѣмъ слѣдуетъ критическій разборъ этого мнѣнія—но журналъ не названъ. Почтенная газета имѣла полнѣйшее право поступить такимъ образомъ; для нея важно было не войти въ споръ именно съ „Вѣстникомъ Европы“, а только подтвердить свой собственный взглядъ опроверженіемъ другого—противоположнаго. Тѣмъ больше было наше удивленіе, когда мы прочли въ той же газетѣ (№ 339) упрекъ, обращенный къ намъ г. Модестовымъ—упрекъ направленный именно противъ приема, общаго намъ съ „Новостями“ и другими органами печати. „Литературное приличіе“,—говоритъ г. Модестовъ,—„требуетъ указанія писателя или изданія, откуда дѣлается заимствование“. Да,—если „заимствуемое“ мнѣніе признается правильнымъ: дѣйствительно, умолчаніе источника было бы въ такомъ случаѣ равносильнымъ нарушенію литературной собственности; итъ,—если чужое мнѣніе приводится только для того, чтобы быть опровергнутымъ. Надѣемся, что отъ насъ не станутъ ожидать дальнѣйшаго разъясненія столь элементарныхъ истинъ.

Post-scriptum. — Не можемъ не занести въ нашу хронику новаго поразительнаго доказательства той безцеремонности и легкомыслія, съ какими ведется агитація, безпримѣрная въ лѣтописяхъ

нашей печати, противъ министерства финансовъ; это послужитъ вмѣстѣ иллюстраціею къ тому, что сказано нами выше по этому же дѣлу. Въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ появилась на-дняхъ передовая статья, изводившая на финансовое вѣдомство крайне тяжкое обвиненіе: рѣчь шла о „расхищеніи“ и объ убыткѣ въ полтора слишкомъ милліона рублей, понесенномъ казною вслѣдствіе возврата акциза за сахаръ, показанный вывезеннымъ за границу, но въ дѣйствительности будто бы оставшійся въ предѣлахъ имперіи!! И что же?! Въ „Правит. Вѣстникѣ“ (21-го декабря) объявляется, что такое обвиненіе сдѣлано при помощи непринятія въ расчетъ сахара, вывезеннаго въ Финляндію, а главнымъ образомъ—на основаніи арифметической ошибки, допущенной редакціею московской газеты: дѣйствіе сложенія двухъ цифръ: 2.800,000 и 1.268,000, дало у нея сумму въ 3.068,000 (вмѣсто 4.068,000) пудовъ!.. Комментаріи излишни...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. — Отъ Совѣта Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.

Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края, учрежденное въ 1874 году въ Астрахани въ память пребыванія въ ней Императора Петра Великаго и въ ознаменованіе 200-лѣтія дня его рожденія, съ 7-го сентября истекшаго года возобновило свою дѣятельность. Оно имѣетъ своею цѣлю собирать свѣденія, относящіяся къ дѣлу всесторонняго изученія Астраханскаго края (археологическія, историческія, этнографическія, топографическія, статистическія, естественно-историческія, медицинскія, торгово-промышленныя и пр.), и распространять ихъ въ видѣ сырыхъ матеріаловъ или въ обработанномъ видѣ. Лица, поступающія въ дѣйствительные члены Общества, вносятъ ежегодно въ кассу Общества не менѣе трехъ (3) руб.; ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ, не менѣе тридцати (30) рублей.

Извѣщая о вышеизложенномъ, Совѣтъ Петровскаго Общества обращается ко всѣмъ сочувствующимъ цѣли означеннаго Общества и интересующимся Астраханскимъ краемъ и покорнѣйше проситъ ихъ

не отказать въ своемъ содѣйствіи Петровскому Обществу—путемъ ли вступленія въ дѣйствительные члены Общества, или другимъ какимъ способомъ. Всякое доброе указаніе, всякій полезный совѣтъ, сообщеніе Обществу книгъ, брошюръ, статей, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, относящихся къ задачѣ Общества, пожертвованіе предметовъ для предполагаемаго музея, и пр.,—все будетъ принято Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края съ полнѣйшею благодарностью и признательностью.

II.—Отъ Редакціи.—Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1886 г., получено въ Редакціи на поддержаніе сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда:

1) Отъ О. С. изъ Москвы	25 р. — к.	
2) „ С. А. Безръ	10 „ — „	
3) „ М. Н. Бейманъ	1 „ 20 „	
4) „ Г. С. Свѣткова	1 „ 80 „	
5) По 1-ое декабря было доставлено	2,087 „ 14 „	
		<hr/> 2,125 р. 14 к.
6) На школу и памятникъ:		
а) Изъ Духовщины	2 р. — к.	
б) По 1-е декабря доставлено. 1,496 „ — „		
		<hr/> 1,498 „ 50 „
7) На памятникъ	321 „ — „	
		<hr/> 3,944 р. 64 к.
Всего въ 1-му января 1887 г.		

ПОПРАВКА.

На стр. 186, строч. 15 сл., напечатано—шои, вмѣсто: mot.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Материалы для истории Императорской Академии Наукъ. Томъ третій (1736—1738) Сиб. 1886. Полн. 8°, 893 стр.

Продолженіе изданія, о первыхъ томѣхъ котораго было наикъ прежде упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Материалы, по плану изданія, остаются сироты: документы печатаются въ хронологическомъ порядкѣ и въ видѣ книги помѣщаются именно въ издателю. Настоящій томъ обнимаетъ только два года. Въ этомъ раздѣлѣ изданіе должно чрезвычайно развиться; но современныя изъ его документальныя могутъ быть извлечены весьма любезными свидѣніи о судьбѣ перваго высшаго учебного учрежденія, которое долго оставалось в единственномъ. Внутренній бытъ академіи представляетъ оригинальные образчики правды прошлаго столѣтія и нерѣдкѣ шаговъ „просвѣщенія“ въ русскомъ обществѣ того времени; если общество отличалось первобытною узкостью, то и рѣчь „просвѣщенія“ бывала иногда довольно странна. Издаваемые документы относятся къ самымъ разнообразнымъ дѣламъ, каковыя должна была заниматься тогдашняя академія, и доставляютъ потому весьма курьезныя черты науки и правды того времени.

Исторія города Рима въ средніе вѣка. Ферд. Грегориуса. Перев. В. И. Савина. Т. V. Сиб. 1886, стр. 382.

Новый выпускъ перевода классическаго произведенія Грегориуса обнимаетъ собою XIII-й вѣкъ—кульминаціонный пунктъ исторіи среднихъ вѣковъ, справедливо названный авторомъ „высшайшею европейскою цивилизаціей“, свѣдѣній греко-римскую образованность эпохи паденія древняго міра, путемъ возвращенія къ древне-классической образованности. Преемникъ XIII вѣка—XIV и XV—были потому познаны расцвѣтомъ „высвѣщенія“—древняго міра и продолжатъ въ эпоху реформаціонной. Если припомнить, что въ XIII вѣкѣ исторія Рима продолжала быть исторіею міра, то настоящій томъ можно разсматривать вмѣстѣ, какъ картину всего историческаго міра, въ одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ его существованія, въ центрѣ которой стоитъ вослѣдствіи отчаянная борьба папства съ имперіею, въ лицѣ Иннокентія III и Фридриха II-го Гогенштауфена.

Чезъ джери и вистри. Скиталье молодого бѣглеца. С. Бористофера. Перев. В. И. Писаревой. Сиб. 1887. Стр. 483. Ц. 2 р.

Оригиналъ настоящаго перевода принадлежитъ перу вѣстнаго автора „Образовательнаго дѣтства“. Въ началѣ и концѣ посвящено нѣсколько страницъ для завязки и развязки повѣсти, и затѣмъ, похъ предлогомъ изложенія судьбы и приключеній вѣнши, бѣжавшаго изъ родительскаго дома въ Гамбургѣ, помѣщается весьма интересное и разнообразное описаніе природы и быта туземцевъ въ долині Нила и въ прилегающихъ къ ней степяхъ. Молодые читатели, каковыхъ вмѣстѣ въ виду авторъ, прочтутъ этотъ переводъ не только съ удовольствіемъ, но и съ большою пользою, какъ иллюстрацію къ той географической номенклатурѣ, съ которой они познакомились въ школѣ. Кстати, переводъ снабженъ настоящими иллюстраціями, удовлетворительно исполненными и напоминающими собою

нѣкоторыя подробности мѣстной природы и гни населенія.

Исторія одного вѣстнаго человека. Соч. Мари-Роберъ Гальтъ. Перев. съ франц. М. Гранстремъ. Ст. 90 рисунк. Сиб. 1887. Стр. 224.

Имя Мари-Роберъ Гальтъ пользуется заслуженною вѣстностью въ дѣтской французской литературѣ, а настоящій трудъ, по ириву, напоминаетъ собою предшущую книгу; только здѣсь цѣль автора служить ознакомить вѣншество съ дѣбрими и пустынями въ Африкѣ, а той азны, какая впереди ожидается каждая, съ ея опасностями и препятствіями. Авторъ въ примѣрѣ своего героя желаетъ возбудить и воспитать въ юныхъ читателяхъ энергическій характеръ и стремленія къ всепожидающему труду; но, конечно, въ настоящей исторіи герой обставленъ условіями французской жизни, а потому русскій вѣнша, сверхъ всего, получить возможность, при чтеніи таковыхъ книгъ, ознакомиться съ культурою и бытотвѣншетою рабочаго человека другой страны. Изданіе богато снабжено многочисленными и хорошо исполненными иллюстраціями.

Афгайн, герой западнцевъ. Изъ ром. Мюнте. Перев. съ нѣм. О. Шмидтъ-Мовантинской. Сиб. 1886. Стр. 238.

Еще книга для вѣншества, которую можно рекомендовать съ той же цѣлью, какая указывалась при предшущихъ. Она отличается только тѣмъ, что читатель знакомится въ ней не только съ бытотвѣншетою населенія на крайнемъ сѣверѣ, но и съ его историческимъ прошлымъ; промѣ того, здѣсь интересъ фабулы поставленъ на первомъ мѣстѣ, такъ какъ и въ оригиналѣ эта книга есть собственно передѣлка изъ романа, приуроченная къ условіямъ книги для вѣншескаго чтенія. Изданіе снабжено хромографіями.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки Нов. изд. для вѣншества. Сиб. 1886. Ст. 15 рисунковъ и хромографіями. Стр. 134, т. 4^а.

Сказки З. Тонкелуса. Перев. со шведск., съ 15 рис. Сиб. 1886. Стр. 158.

Оба изданія давно уже вѣстныя, особенно первое; оба они служатъ представителями двухъ весьма различныхъ родовъ фантазіи—восточной и скандинавской, и каждое представляетъ свою особенность для читателей того возраста, который вмѣстѣ въ виду составителя подобныахъ книгъ для чтенія. Во вѣншнемъ отношеніи оба „дѣнія вполне удовлетворительны, и оба снабжены иллюстраціями.

Иллюстрированный словарь практическихъ свѣдѣній, п. р. д-ра Л. Симонова. Вып. 7 и 8-й, съ 480 рисунк. Ц. 4 руб.

Два новыахъ выпуска этого изданія свѣдѣній, „необходимыхъ въ жизни всякому“, какъ справедливо разъяснено въ подробномъ его оглавленіи, заключаютъ съ себя слова на букву М (Магнетизмъ—Мило) и даютъ, сверхъ того, весьма удовлетворительно исполненный и богатый по составу альбомъ изъ 160 медальонныхъ рисунковъ различныхъ эпохъ и стилей. При издѣности изданія и многочисленности рисунковъ, поднесенна цѣна—10 руб.—за весь „Словарь“ должна быть названа весьма умѣренной, и нельзя не пожелать наилучшаго успѣха такому полезному предпріятію.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1887 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печниковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редацію журнала: Сиб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору, Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Редація отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редацію „Вѣстника Европы“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса проситъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранныя — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

Жалобы выносятся исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не возже какъ по излученіи слѣдующаго номера журнала.

Вилеты на полученіе журнала выносятся особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙСЯ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ.

«мне позвонил
специалист сф

иногда Гусевым

иногда сорокатыми сизов.

А. Мухомов

Въ мѣстѣ
и соборнаго
мѣста свѣтъ

с Мѣ

Вѣ

Въ мѣстѣ
1847.

Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой...

.....
Не вынесла душа поэта,
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убить...

Въ средѣ образованнаго круга входитъ, за послѣднее время, въ нравы вспоминать годовщины великихъ дѣятелей: вспоминаются столѣтніе и даже еще болѣе отдаленные юбилеи ихъ рожденія или ихъ смерти,—и законченная дѣятельность великаго ученаго, писателя, художника примиряетъ съ ихъ утратой,—остается на-лицо совершенное ими дѣло, и великій сознанный результатъ даетъ поводъ къ радостному торжеству, гдѣ господствуетъ мысль о благѣ, принесенномъ этою дѣятельностью, гдѣ шумно отдается почестъ великому имени, гдѣ возможна радость о томъ, что народъ имѣлъ такихъ гениальныхъ представителей національнаго духа, такихъ благотворныхъ дѣятелей въ высокой области ума и поэзіи. Едва ли когда-нибудь возможенъ будетъ такой юбилей для Пушкина,—юбилей безраздѣльно радостный, не омраченный воспоминаніемъ о его безвременномъ концѣ, не смущенный мыслью о великой дѣятельности, насильственно порванной на полъ-пути. Такія воспоминанія всегда будутъ оставлять горечь въ историческомъ сознаніи его значенія, будутъ бросать скорбную тѣнь на исторію его труда, его порывовъ, его несовершившихся надеждъ и незаконченныхъ стремленій. Эти воспоминанія еще сильны теперь: до нашего времени дожили люди, видавшіе и знавшіе Пушкина,—люди, которые были свидѣтелями его живой—не посмертной славы, которые и теперь еще могутъ рассказывать о немъ и объ его времени...

Но за личностью поэта стоитъ также и его дѣло,—и это дѣло, хотя не доведенное до своего полнаго развитія, успѣло сдѣлаться такимъ великимъ историческимъ фактомъ, что его уразумѣніе становится умиротворяющимъ чувствомъ великаго національнаго приобрѣтенія: послѣ Пушкина осталось наследіе, которое дѣлается достояніемъ cadaго, кому сколько-нибудь дорогá русская литература и доступны поэтическія созданія. Самъ Пушкинъ исполненъ былъ чувствомъ своего призванія; не съ самонадѣянною гордостью, а въ спокойномъ сознаніи силы говорилъ онъ въ стихотвореніи, писанномъ въ послѣдній годъ жизни, о своемъ трудѣ, какъ объ исто-

рическомъ памятникѣ, — „къ нему не заростетъ народная тропа“ ... Это чувствовали и ближайшіе современники; еще сильнѣе почувствовали это люди литературнаго періода, непосредственно слѣдовавшаго за эпохой Пушкина; и еще болѣе это стало сознаваться въ наше время, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій по смерти поэта, когда въ литературѣ смѣнился цѣлый рядъ явленій, которыхъ внутренній смыслъ состоялъ въ развитіи началъ, впервые крѣпко заложенныхъ и завѣщанныхъ Пушкинымъ. Мѣнялись поколѣнія; одно за другимъ слѣдовали событія, глубоко затрогивавшія не только общественную, но и народную жизнь; являлись новые вопросы и заботы; жизнь далеко отходила отъ старыхъ преданій; шла борьба вновь сложившихся партій и направлений, — но однажды произнесенное имя Пушкина произвело почти магическое дѣйствіе: московское празднество 1880 года вдругъ соединило всѣхъ въ одномъ интересѣ, забылась на минуту вражда, и это временное примиреніе разнородныхъ элементовъ общества и литературы было нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что исторія, наступившая для Пушкина, подтверждала собственный судъ его о своемъ дѣлѣ. Московское празднество было первымъ — если не всенароднымъ, то все-общественнымъ празднествомъ русской литературы, — и справедливо, потому что съ Пушкина впервые начинается самостоятельная русская литература и первые шаги самостоятельнаго общественнаго сознанія въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, какія произвела новѣйшая русская исторія.

Это историческое обращеніе къ Пушкину началось съ первыхъ же лѣтъ по его смерти. Для Бѣлинскаго, множество разъ говорившаго о немъ и, въ 1843—1846, написавшаго знаменитыя статьи о Пушкинѣ, остающіяся до сихъ поръ единственнымъ цѣльнымъ обзоромъ его поэтическаго творчества, Пушкинъ былъ уже лицо историческое. По вѣрному взгляду Бѣлинскаго, Пушкинъ стоялъ на грани, отдѣлявшей старый, подготовительный періодъ русской литературы отъ ея новаго періода: Пушкинъ закончилъ эпоху, когда литература усвоивала подъ европейскими вліяніями новыя поэтическія формы съ тѣмъ содержаніемъ, какое давала европейская образованность, и открывалъ новую эпоху самостоятельной дѣятельности, когда русская поэзія впервые становилась самобытнымъ выраженіемъ русской жизни, впервые овлађвала всѣмъ богатствомъ народнаго языка и рисовала оригинальныя картины народнаго быта. „Поэзія“ въ первый разъ у Пушкина устанавливалась въ русской литературѣ самостоятельною силой

со всѣмъ обяательнымъ дѣйствіемъ богатой фантазіи, глубокаго чувства и удивительнаго стиха. Все, что было до Пушкина, носило на себѣ печать заимствованія, искусственности; русская поэзія не схватывала чисто русской жизни, еще не умѣла справиться съ чисто-народною русскою рѣчью; со времени Пушкина поэзія вступаетъ въ эту жизнь какъ новая стихія, и возвратъ къ подражанію становится невозможнымъ... Если въ сороковыхъ годахъ, когда едва прошло нѣсколько лѣтъ со смерти Пушкина, внимательный критикъ уже наблюдалъ этотъ переломъ, то позднѣе громадное вліяніе Пушкина становилось еще болѣе ясно. Оно обнаруживалось не тѣмъ, чтобы позднѣйшіе писатели, поэты и романисты становились его подражателями, — такихъ подражателей можно видѣть развѣ только въ его ближайшихъ современникахъ, плеядѣ „меньшихъ поэтовъ“ Пушкинской школы; — напротивъ, высшимъ, наилучшимъ отраженіемъ этого вліянія была дѣятельность писателей, которая шла въ иномъ, новомъ направленіи, отрывала новые пути творчества, создавала непохожія на прежнее картины, выражала новыя чувства и настроенія, и носила отзвувъ Пушкина именно въ этомъ свободномъ движеніи впередъ, въ той внутренней силѣ, которая побуждала все глубже проникать въ жизнь народа и общества, въ томъ здоровомъ поэтическомъ складѣ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался отличительною чертою русской поэзіи и въ настоящее время бросается въ глаза иностраннымъ наблюдателямъ русской литературы. Этому поэтическому складу даютъ теперь названіе „реализма“, и Пушкинъ — послѣдній романтикъ — есть, безъ сомнѣнія, и первый сильный начинатель реализма въ нашей литературѣ. Итакъ, родственность позднѣйшей литературы съ Пушкинымъ не есть только повтореніе, не есть разработка данныхъ имъ тѣмъ или подражаніе его стилю, а именно живое преемство развитія, гдѣ послѣдующія явленія вытекаютъ изъ предыдущихъ, какъ здоровый ростъ историческаго начала. Дѣйствительно, эти послѣдующія явленія — Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Толстой и пр. — очень мало напоминаютъ поэтическій стиль Пушкина, но ихъ историческое родство съ нимъ не подлежитъ сомнѣнію. Таково было и ихъ собственное признаніе. Гоголь еще связанъ съ Пушкинымъ непосредственно: Пушкинъ былъ свидѣтелемъ его первыхъ произведеній и горячо ихъ привѣтствовалъ; Гоголь заимствовалъ даже изъ его указаній тѣмы своихъ произведеній; о Пушкинѣ напоминаетъ самый приемъ его художественнаго творчества — эта глубо-

кая обдуманность плана, безконечная забота о формѣ, высокой взглядъ на художественное созиданіе, какъ на своего рода священнодѣйствіе. Чѣмъ было имя Пушкина для Лермонтова, очень извѣстно изъ того стихотворенія, въ которомъ съ такой высокой поэзіей и молодою силой вырвалось скорбное чувство о потерѣ великаго поэта. Для Тургенева Пушкинъ былъ предметомъ настоящаго поклоненія. Некрасовъ, котораго поэтический характеръ былъ очень далекъ отъ олимпійской возвышенности и широты Пушкинской поэзіи, сохранилъ навсегда тотъ же культъ Пушкина, какой унаслѣдовалъ отъ тридцатыхъ годовъ и отъ Бѣлинскаго. Московское празднество 1880 года вызвало цѣлый рядъ подобныхъ признаній, которыя шли и отъ представителей нашей поэзіи, и отъ публицистовъ и историковъ: въ этихъ признаніяхъ сказалось и то непосредственное чувство, которое связывало представителей современной литературы съ ихъ великимъ предшественникомъ, и тотъ научный выводъ, какой давало историческое изученіе. Восторженное участіе, съ которымъ принято было по всей Россіи московское торжество 1880 года, указывало, что это пониманіе историческаго значенія Пушкина дѣлалось всеобщимъ достояніемъ.

Для Пушкина вполнѣ наступала „исторія“ и „потомство“. И нѣтъ въ нашей литературѣ другого писателя, которому было бы посвящено столько изученія, — хоти оговоримся теперь же, что до сихъ поръ это изученіе по разнымъ причинамъ остается далеко не довершеннымъ. Болѣе или менѣе полное объясненіе писателя должно быть дано въ двухъ направленіяхъ — въ его біографіи и въ подробномъ анализѣ его произведеній. Полнотѣ біографіи долго мѣшали старое неумѣнье и непривычка дорожить біографическими фактами историческаго дѣятеля и — вслѣдствіе того — недостатокъ общеизвѣстнаго матеріала; притомъ имя Пушкина при жизни и еще долго по его смерти, хотя уже становилось національной славой, было окружено страннымъ недоумѣніемъ и опасеніями: его личныя отношенія Александровскихъ временъ и, далѣе, его отношенія къ императору Николаю и къ шефу жандармовъ Бенкендорфу, какъ, наконецъ, его отношенія дружескія (напр., связи съ декабристами), литературныя и великосвѣтскія, были по тому времени неудобны для разсказа, — между тѣмъ во всемъ этомъ заключались именно характерныя черты его личности и общественнаго положенія. Подобнымъ образомъ долго затруднителенъ былъ подробный анализъ его сочиненій: доступныя для

критики чисто эстетической, онѣ опять долго были не совсѣмъ доступны для комментарія біографическаго, со стороны его субъективныхъ настроеній, его теоретическихъ и общественныхъ взглядовъ, историческихъ и политическихъ идей. Въ послѣднее время и въ томъ, и въ другомъ отношеніи сдѣлано уже довольно много любопытныхъ работъ: біографія и объясненіе произведеній Пушкина далеки отъ полноты, но во всякомъ случаѣ намѣчены многія существенныя черты жизни поэта и его творчества. Пушкинъ предстаетъ теперь яснѣе, чѣмъ это было прежде: для насъ раскрываются мотивы его личной жизни, какъ и стихи его художественныхъ созданій. Его личность и творчество становятся для насъ, „потомства“, привлекательны не по одному непосредственному впечатлѣнію его поэтическихъ созданій, но и по сознательному опредѣленію условій его дѣятельности. Съ этимъ вмѣстѣ Пушкинъ является передъ нами не только какъ поэтъ, но и какъ историческое явленіе.

Съ ходомъ этого изученія все больше раскрывается эта историческая его сторона. Геніальный поэтъ, онъ былъ вмѣстѣ и человѣкомъ своего времени,—иначе и не могло быть. Его развитіе шло въ извѣстной исторической обстановкѣ; время ставило ему свои задачи, положеніе общества оставляло на немъ свой отпечатокъ; какъ натура избранная, онъ шелъ впереди своего времени, предугадывалъ будущіе пути развитія, создавалъ идеалы,—но въ то же время былъ самъ тѣсно связанъ съ своимъ временемъ и его традиціями. Этими условіями опредѣляется содержаніе его поэзіи и его общественныхъ идей. Когда стала доступна анализу эта внутренняя жизнь поэта, то на первое время мнѣнія очень раздѣлились: образъ Пушкина раздвоился и затемнился разнорѣчіемъ впечатлѣній; примѣненіе его взглядовъ къ новѣйшимъ общественнымъ настроеніямъ выдвигало то одну, то другую сторону его содержанія; его идеи казались то либеральными, то консервативными; въ немъ видѣлся то приверженецъ преданій, то искатель общественной свободы, то невозмутимый жрецъ чистаго искусства, то родоначальникъ жизненнаго реализма, гдѣ искусство служить не одной отвлеченной красотѣ, но и насущной потребности общественнаго сознанія.. Многихъ смущало это разнорѣчіе: казалось грубою односторонностью, чуть не оскорбленіемъ памяти Пушкина, когда выдвигалась та или другая черта Пушкинской поэзіи и дѣлалось на ней удареніе,—и споръ, не разрѣшая вопроса, кончался взаимными уворами. Вѣрная по-

становка этого вопроса о личном характерѣ и общественномъ содержаніи поэзіи Пушкина дѣлалась еще Бѣлинскимъ, но въ подробностяхъ этотъ вопросъ начинаетъ выясняться только теперь, хотя все еще не полно.

Пушкинъ во многихъ сторонахъ своихъ общественныхъ взглядовъ былъ „старинный человекъ“, по выраженію критики 50-хъ годовъ, но, независимо отъ великаго таланта и принадлежащаго ему широкаго поэтическаго содержанія, человекъ съ благороднымъ, гуманнымъ складомъ характера и стремленіями къ общественному интересу, который прежде всего выражался для него въ свободѣ и достоинствѣ искусства и литературы. Это послѣднее далеко не было, однако, въ господствовавшихъ нравахъ, и защита достоинства литературы (независимо отъ нѣкоторыхъ юношескихъ увлеченій) ставила Пушкина въ разрѣзъ съ иными явленіями тогдашняго порядка вещей, не только оффиціальнаго, но и общественнаго. Пушкину приходилось бороться не съ одними цензурными препятствіями (въ разныхъ видахъ), но и съ общественной инерціей, представители которой обвиняли его въ либерализмъ, когда скорѣе это былъ человекъ спокойныхъ консервативныхъ убѣжденій; обвиняли въ „аеизмъ“ поэта, который былъ авторомъ стансовъ „Въ часы забавъ иль празднои скуки“; окружали подозрѣніями автора „Клеветникамъ Россіи“, „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“, „Героя“ и пр. Рано начавшаяся слава уже встрѣтилась съ враждой литературныхъ старовѣровъ, которая не была такъ поверхностна, какъ обыкновенно думаютъ: Пушкинскій романтизмъ былъ и въ общественномъ смыслѣ новизной, которая не меньше вопросовъ „слога“ возмущала приверженцевъ старины. Полемическія нападенія съ другой стороны подвергали насмѣшкамъ и осужденію условную романтическую форму, за которой не видѣли достаточно яснаго содержанія, — какъ нападенія Надеждина. Наконецъ, въ послѣдніе годы дѣятельности Пушкина сказалось замѣтное охлажденіе къ поэту, которое объясняла критика сороковыхъ годовъ: съ одной стороны, ждали отъ Пушкина новыхъ поэтическихъ и общественныхъ откровеній, съ другой — не знали произведеній, увидѣвшихъ свѣтъ послѣ его смерти. Словомъ, еще при жизни Пушкина общество, взятое въ цѣломъ, относилось къ нему самымъ различнымъ образомъ — отъ восторженнаго поклоненія до полнаго осужденія, до обвиненій въ безнравственности и „аеизмъ“, или до укоровъ въ недостаткѣ серьезности. Очевидно, онъ затрогивалъ сильнѣе, чѣмъ кто-либо

раньше, нравственные интересы общества; поэзія его увлекала и будила умы, и впервые становилась жизненной стихіей. — Съ конца тридцатыхъ годовъ въ литературѣ началось гораздо болѣе оживленное движеніе; извѣстныя увлеченія нѣмецкой фило-софіей имѣли то благотворное дѣйствіе, что обращали умы къ общимъ теоретическимъ началамъ, заставляли искать основныхъ принциповъ и въ жизни, и въ нравственности, и въ искусствѣ. Такъ какъ литература была единственнымъ проявленіемъ этой внутренней жизни общества и единственнымъ средствомъ дѣй-ствія, то въ кругу лучшихъ представителей того позволѣнія во-просы искусства стали краеугольнымъ камнемъ литературной жизни, и въ сороковыхъ годахъ, когда явились въ посмертномъ изданіи новыя, неизвѣстныя прежде произведенія Пушкина, его поэзія была впервые понята и истолкована съ широкой точки зрѣнія ея художественнаго и жизненнаго значенія. — Наступила потомъ другая эпоха: даже сонная масса общества была возбу-жена событіями; жизнь поставила рядъ неизбѣжныхъ требованій реформы, и правительственная инициатива была поддержана го-рячими сочувствіями, которымъ не рѣшались тогда прогнорѣ-чить люди стараго порядка. Крестьянская реформа встрѣчена была съ настоящимъ энтузіазмомъ; въ ней видѣлся широкій на-родный вопросъ, постановка котораго обѣщала (какъ думали) давно желанный поворотъ цѣлой русской жизни на просторъ сво-боднаго всесторонняго развитія и просвѣщенія. Дѣйствительно, передъ русскимъ обществомъ явились наглядно и частію въ исполненіи преобразованія, никогда невиданныя; горизонтъ общественныхъ понятій расширился, и мечты энтузіастовъ направились на реальное „служеніе народу“ въ той или другой формѣ... Жизнь, которая всегда болѣе сложна, чѣмъ умозаключенія о ней, показала потомъ, что то были мечты; но въ данную минуту онѣ владѣли умами, и не мудрено, что, въ увлеченіи теоретиче-скими и практическими „народными“ вопросами, интересы чистаго искусства и преданіе отступали на второй планъ, забывались, даже отвергались... Теперь хотятъ дѣлать изъ этого лишній упрекъ тому времени, но едва ли справедливо: въ охлажденіи къ Пушкину только отразилось охлажденіе къ слишкомъ неприглядному про-шлому и увлеченіе надеждами на лучшее будущее, — увлеченіе, внушенное лучшими движеніями общественнаго чувства. Все было поглощено настоящей минутой, которая должна была рѣшать будущую судьбу народа и общества: преданіе не давало отвѣта

на эти тревожные вопросы, — какъ, съ другой стороны, оно именно злоупотреблялось иногда противниками новаго движенія. Со временемъ это будетъ понято правдивѣе, чѣмъ понимается теперь, и упомянутый укоръ смѣнится историческимъ объясненіемъ. Каждое время имѣетъ свои идеалы и заботы и оставляетъ свою черту пониманія великихъ историческихъ лицъ, къ которымъ принадлежалъ Пушкинъ. Тѣ представленія, какія вызываетъ великая историческая личность въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не бываютъ произвольны; онѣ необходимы исторически и не безразличны для полной оцѣнки его значенія; самое пониманіе великаго дѣятеля развивается исторически. Это давно было объяснено Бѣлинскимъ, и не лишнее вспомнить слова, которыя служили введеніемъ къ его статьямъ о Пушкинѣ. Историческое развитіе пониманія Пушкина представлялось Бѣлинскому и естественнымъ, и необходимымъ для полноты его опредѣленія.

„Година безвременной смерти Пушкина, — говоритъ Бѣлинскій, въ началѣ 40-хъ годовъ, — съ теченіемъ дней отодвигается отъ настоящаго все далѣе и далѣе; нечувствительно привыкають смотрѣть на поэтическое поприще Пушкина не какъ на прерванное, но какъ на оконченное вполне. Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтический духъ, — но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своего апогея, и потому общало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданій, но уже не общало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, съ нимъ вмѣстѣ вышедшіе на поприще жизни и подъ его вліяніемъ образовавшіеся эстетически, уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣlostію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія смѣнлившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы. Съ другой стороны, новое поколѣніе, развившееся на почвѣ новой общественности, образовавшееся подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ поэзіи Гоголя и Лермонтова, высоко цѣня Пушкина, въ то же время судить о немъ безпристрастно и спокойно. Это значить, что общество движется, идетъ впередъ черезъ свой вѣчный процессъ обновленія поколѣній, и что для Пушкина настаетъ уже потомство. На Руси все растетъ не по годамъ, а по часамъ, и пять лѣтъ для нея — почти вѣкъ. Но новое мнѣніе о такомъ великомъ явленіи, какъ Пушкинъ, не могло образоваться вдругъ и явиться совсѣмъ готовое; какъ все живое,

оно должно было развиться изъ самой жизни общества; — каждый новый день, каждый новый фактъ въ жизни и въ литературѣ должны были измѣнять и образъ возрѣнія на Пушкина.

„По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, порожденныя совокупностью всѣхъ фактовъ его движущейся жизни, — всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ; это уже не поэтъ безусловно великій и для настоящаго, и для будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе историческое, — словомъ, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, которая болѣе или менѣе удовлетворится имъ, а другою, болѣею и значительнѣйшею стороною вполне удовлетворившій своему настоящему, которое онъ вполне выразилъ и которое для насъ — уже прошедшее. Правда, Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ творческихъ гениевъ, тѣхъ великихъ историческихъ натуръ, которыя, работая для настоящаго, приготавливаютъ будущее, и потому самому уже не могутъ принадлежать только одному прошедшему; но въ томъ-то и состоитъ задача здоровой критики, что она должна опредѣлять значеніе поэта и для его настоящаго, и для будущаго, его историческое и его безусловно художественное значеніе. Задача эта не можетъ быть рѣшена однажды навсегда, на основаніи чистаго разума: нѣтъ, рѣшеніе ея должно быть результатомъ историческаго движенія общества. Чѣмъ выше явленіе, тѣмъ оно жизненнѣе, а чѣмъ жизненнѣе явленіе, тѣмъ болѣе зависитъ его сознаніе отъ движенія и развитія самой жизни. Лучшее, что можно сказать въ похвалу Пушкину и въ доказательство его величія, — то, что, при самомъ появленіи его на поэтическую арену, онъ встрѣченъ былъ и безусловными похвалами необдуманнаго энтузіазма, и ожесточенною бранью людей, которые въ рожденіи его

поэтической славы увидѣли смерть старыхъ литературныхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними и свою нравственную смерть, — что запальчивые крики похвалъ и порицаній не умолкали ни на минуту ни въ продолженіе всей его жизни, ни послѣ самой его смерти, и что каждое новое произведеніе его было яблокомъ раздора и для публики, и для привилегированныхъ судей литературныхъ“...¹⁾).

Если имѣлъ свое значеніе „необдуманнѣйшій энтузіазмъ“, съ которымъ встрѣченъ былъ Пушкинъ въ самомъ началѣ, то имѣли значеніе и другія впечатлѣнія, которыя производила поэзія Пушкина потомъ, въ различныхъ настроеніяхъ общественной мысли. Разнообразіе мнѣній указываетъ на смѣну точекъ зрѣнія, возможныхъ въ обществѣ, и путемъ ихъ сличенія и анализа будетъ только полнѣе опредѣляться личность и дѣло поэта, все больше будетъ выясняться его чисто поэтическое достоинство и его черты какъ лица извѣстной исторической эпохи. Даже для безусловныхъ его почитателей только въ послѣднее время, съ раскрытіемъ его біографіи и его рукописей, начинаютъ яснѣе видѣться движенія его внутренней жизни и исторія его произведеній. Помѣривъ того, какъ умножаются историческія подробности его жизни и дѣятельности, мы должны ожидать новыхъ выводовъ, и всякая добросовѣстная работа укажетъ незамѣченную прежде сторону, разовьетъ рельефнѣе новую черту, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ этого столкновенія мнѣній будетъ возрастать все болѣе многостороннее пониманіе писателя, въ которомъ новѣйшая русская литература видитъ своего инициатора. Самое „преданіе“, о необходимости котораго начинаютъ теперь говорить, можетъ прочно установиться только теперь, когда является первая возможность полного изученія поэтическаго и историческаго наслѣдія Пушкина. Странно сказать, что „національный“ поэтъ при жизни и долго послѣ смерти окруженъ былъ крайнимъ недоумѣніемъ: гениальный, невиданный талантъ внушалъ невольное уваженіе къ лицу, которое въ глазахъ самихъ великихъ міра стояло на необычной высотѣ; но вліятельная толпа преслѣдовала поэта подозрѣніями, мелкими и крупными притѣвленіями, наконецъ интригой; по его кончинѣ труды его должны были пройти черезъ усиленную цензуру, прежде чѣмъ достаться обществу; почти черезъ двадцать лѣтъ по его смерти еще помнились старыя подозрѣнія, и друзьямъ литературы надо было шагъ за шагомъ защищать драгоцѣнное-

¹⁾ Соч. Бѣлин., VIII, изд. 2, стр. 93 и д

наслѣдіе... Его біографія долго была достояніемъ только устныхъ пересказовъ; ближайшіе друзья всего меньше сдѣлали для этой біографіи; первыя попытки ея являются опять только лѣтъ черезъ двадцать по смерти поэта, являются урывками, исполненныя темныхъ намековъ, умолчаній, вынужденныхъ нарушеній правды. Эти попытки біографіи, какъ наиболѣе цѣльное объясненіе творчества Пушкина, и первое правильное изданіе его сочиненій— были сдѣланы уже людьми слѣдующаго литературнаго поколѣнія, въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, и нашему времени предстояла еще работа надъ опредѣленіемъ личности и творчества поэта... Слишкомъ буквально справедливымъ является замѣчаніе Бѣлинскаго, что все болѣе полное пониманіе Пушкина должно было „развиться изъ самой жизни общества“, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что и „преданіе“ можетъ установиться только теперь. Сущность этого преданія есть міръ внутренняго содержанія поэта, и этотъ міръ раскрывается передъ нами только теперь, когда мы впервые узнаемъ съ нѣкоторой полнотой и біографію поэта, и интимную жизнь его чувства, и складъ его міросозерцанія...

Эти жалобы на слабое развитіе литературнаго и общественнаго преданія, въ сожалѣнію, справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, мы не умѣемъ цѣнить прошедшаго: мы не помнимъ вчерашняго дня; не цѣнимъ важныхъ, часто великихъ заслугъ, оказанныхъ талантомъ или ревностнымъ трудомъ въ области литературы, науки и искусства. Это нерѣдко дѣлаетъ и нашъ настоящій трудъ поверхностнымъ, отрывочнымъ, лишеннымъ опоры въ предшественникахъ, а затѣмъ и надежды на продолжателей. Эта отрывочность нашего труда и отсутствіе преданій имѣютъ, въ сожалѣнію, свое историческое объясненіе, но несомнѣнно, что они составляютъ и большое зло. Преданіе, о которомъ мы говоримъ, память о томъ, что сдѣлано было нашими предшественниками, можетъ и должна бы укрѣплять наше собственное дѣло, усилить его сознаниемъ историческаго преемства, обогатить опытомъ, найти для него прочную почву въ томъ, что было уже нѣкогда узнано и создано. Поэтому намъ кажется глубоко отраднымъ это ревностное обращеніе къ памяти Пушкина, которое можетъ свидѣтельствовать именно о возникшей потребности утвердить это преданіе, повести его отъ родоначальника нашей новѣйшей литературы. Пушкинъ вызываетъ въ послѣдніе годы столько воспоминаній и изслѣдованій, что нельзя не думать, что въ ихъ основѣ лежитъ прочно

установившійся интересъ—не временное любопытство, а сознательная мысль о томъ историческомъ значеніи, какое имѣетъ Пушкинская поэзія для цѣлаго развитія нашей новѣйшей литературы, какъ завершеніе прошедшаго и первый источникъ ея современнаго состоянія. Правда, работъ крупныхъ было мало; но, кромѣ изысканій П. В. Анненкова, и въ тѣхъ историческихъ работахъ, какія были вызваны московскимъ празднествомъ, собрано было не мало цѣнныхъ выводовъ о значеніи Пушкина въ развитіи литературныхъ идей, объ историческомъ смыслѣ его романтическихъ героевъ, объ отношеніи его къ западно-европейскимъ вліяніямъ, о свойствахъ того быта, который служилъ подкладкой его изображеній, и т. д. (рѣчи и статьи гг. Тихонравова, Ключевского, Стороженка, Острогорскаго, книга г. Стоюнина и пр.). Дальнѣйшая разработка вопроса объединить когда-нибудь эти разбросанныя изслѣдованія, и историческая роль Пушкина выяснится для насъ во всѣхъ разнообразныхъ сторонахъ его личности, его связей съ прошедшимъ, его вліяній на послѣдующій ходъ литературы. Надо надѣяться, что это будетъ, наконецъ, прочнымъ основаніемъ того преданія, о которомъ мы говорили: когда разъ установленъ будетъ историческій фактъ столь широкаго значенія, какъ исходный пунктъ, естественно будетъ искать дальнѣйшаго преемства, которое разными путями связываетъ его съ настоящимъ, и осмыслить явленія нашей литературы историческою нитью внутренней идеи...

Со времени критики Бѣлинскаго поставленъ былъ вопросъ о національномъ или народномъ значеніи Пушкинской поэзіи. Мнѣнія и тогда были раздѣлены. Что Пушкинъ націоналенъ въ общемъ смыслѣ слова, какъ великій поэтъ, созданный русскою жизнью, какъ человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ носившій въ личномъ характерѣ и идеяхъ чисто русскія особенности, какъ писатель, въ вѣрныхъ картинахъ изображавшій русскую жизнь и въ свое время единственный по глубочайшему постиженію русскаго языка,—въ этомъ у насъ давно были убѣждены, хотя Бѣлинскій недоумѣвалъ, можно ли приложить къ нему многозначительный эпитетъ „поэта національнаго“: для этого, по его мысли, требовалось, вѣроятно, болѣе обширное отраженіе русской національной жизни и ея идеаловъ. Поэтому „народнымъ“ Бѣлинскій считалъ его еще менѣе: нашъ „народъ“ еще такъ далекъ отъ литера-

туры (т.-е. такъ скуденъ образованіемъ, самою грамотностью) что не знаетъ—какъ во времена Бѣлинскаго, такъ и на много больше и теперь—даже величайшихъ представителей русской литературы. Послѣдующія толкованія „народности“ Пушкина все-таки не разъяснили вопроса до конца. Какъ ни былъ великъ поэтической геній Пушкина, русская жизнь столь сложна, что нисколько не удивительно, если она не могла быть обнята силами одного, хотя бы геніальнаго, дарованія, и наше общественное сознание, которое и до сихъ поръ не охватило этого сложнаго содержанія, еще менѣе владѣло имъ во времена Пушкина, — тѣмъ не менѣе Пушкинъ долженъ занять мѣсто во главѣ русскихъ національныхъ поэтовъ. Бѣлинскій говорилъ: „въ томъ, что называютъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно великій художническій тактъ, — онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣятельности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника“ (т. VIII, изд. 2, 387). Можно прибавить, что, не говоря о разнообразной массѣ явленій русской жизни, нашедшихъ выраженіе въ поэзіи Пушкина, самый его „художническій тактъ“ имѣлъ ту чисто-русскую складку, какую находятъ иностранная критика въ лучшихъ писателяхъ нашей новѣйшей литературы, завоевавшихъ теперь вниманіе западнаго міра, складку простоты, ясности и вмѣстѣ задушевной глубины. „Національность“ всегда трудно опредѣлима; но однимъ изъ признаковъ ея можно признать то, когда писатель находитъ себѣ горячій отзывъ въ умахъ и сердцахъ общества, и немногимъ писателямъ нашимъ достался такой отзывъ въ столь широкой мѣрѣ, какъ Пушкину. — Съ другой стороны, „національность“ писателя можетъ опредѣляться впечатлѣніемъ, какое производитъ онъ на чужого наблюдателя: въ этомъ отношеніи поучительны будутъ мнѣнія западной критики, если онѣ будутъ собраны вмѣстѣ. Одно изъ нихъ, особенно оригинальное, было приведено въ „В. Е.“ изъ известной книги Вогюэ ¹⁾: французскій критикъ почти не видитъ въ произведеніяхъ Пушкина „этническаго характера“, почти предпочитаетъ — отнявъ его у Россіи, усвоить человѣчеству, какъ и одинъ изъ нашихъ экстаическихъ поклонниковъ Пушкина видѣлъ въ немъ „все-человѣка“; — но то и другое есть опять односторонность, забывающая объ историческомъ Пушкинѣ, исключительно

¹⁾ Le Roman Russe; см. „Вѣсти. Евр.“, 1886, сентябрь, стр. 318—320.

русскомъ, связанномъ съ русскою историческою дѣйствительностью безчисленными нитями его личности и творчества, впервые водворившемъ у насъ чистую поэзію, какъ самобытную стихію нравственной жизни общества, наконецъ, о Пушкинѣ, въ поэзіи котораго одною изъ могущественнѣйшихъ и неотъемлемыхъ силъ былъ почти неподражаемо-изящный языкъ. Какъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Пушкинъ остается несомнѣнно и исключительно национальнымъ, такъ и самая воспріимчивость къ европейскому содержанию означаетъ не безличную „всечеловѣчность“, какая видѣлась Достоевскому, и не то отсутствіе специально-русскаго характера, какое предполагалъ Вогюэ, а только то историческое явленіе русской литературы, что на первыхъ порахъ своего развитія она естественно обращалась къ ранѣе собраннымъ богатствамъ европейской литературы, какъ къ запасу общечеловѣческаго знанія и поэтической фантазіи. Наша литература поэтическая уже вышла теперь (въ большой мѣрѣ благодаря именно Пушкину) изъ прежней тѣсной зависимости своего содержанія и формы отъ европейскихъ образцовъ и антецедентовъ (хотя обращеніе къ европейскимъ источникамъ остается до сихъ поръ неизбѣжно въ области науки) и примыкаетъ къ литературамъ европейскимъ уже не вслѣдствіе необходимости подражанія, а по естественному взаимодѣйствію; но Пушкинъ, открывавшій новую, самобытную дорогу, стоялъ именно на перепутьѣ, на переломѣ двухъ періодовъ. Черты обоихъ на немъ отразились, и слова Вогюэ указываютъ, съ какою силой воспринимались общечеловѣческіе поэтическіе мотивы у писателя, котораго онъ хочетъ присвоить „человѣчеству“ и который представляется намъ столь характерно и исключительно русскимъ.

Повторяемъ, что любопытно было бы собрать отзывы европейской критики, чтобы отдать себѣ отчетъ о впечатлѣніи, какое производила поэзія Пушкина въ чужой средѣ (разумѣемъ, конечно, европейскую критику болѣе или менѣе компетентную въ этомъ случаѣ), какъ любопытно было бы собрать и отзывы въ литературѣ нашихъ братьевъ славянъ; и, съ другой стороны, надо ожидать, что настоящій періодъ изученія Пушкина принесетъ цѣльный и достойный его памяти трудъ по его біографіи и исторіи его произведеній и — что до сихъ поръ едва затронуто — его языка. Пусть съ этими изученіями установится, наконецъ, то преданіе, которое должно свидѣтельствовать о ясномъ историческомъ сознаніи, должно дать нравственной жизни нашего общества благо-

творный опытъ и прочную основу дальнѣйшаго успѣха... Слава имени Пушкина будетъ сама расти вмѣстѣ съ ростомъ нашего общественнаго самосознанія и успѣховъ народной образованности, — понимаемой въ широкомъ смыслѣ этого слова; и значеніе „великаго явленія“, какое видѣлъ въ Пушкинѣ Бѣлинскій, все яснѣе будетъ раскрываться для нашего общества, какъ исходный пунктъ нашего новѣйшаго литературно-общественнаго развитія и залогъ его будущаго.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

СЪ

И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ

ВЪ 60-ХЪ ГОДАХЪ.

II *).

Два послѣдующіе года, 1865 и 1866, въ „Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева“, изданномъ Обществомъ литературнаго фонда, принадлежать къ числу самыхъ скудныхъ; за два года помѣщено всего три письма, и изъ нихъ одно можетъ быть названо скорѣе коротенькой дѣловой запиской къ И. И. Маслову. Между тѣмъ это было время, въ которое Тургеневъ готовилъ свой „Дымъ“, вышедшій въ 1867 г.; да и вообще въ исторіи нашей литературы это двухлѣтіе обнаружило особое оживленіе, благодаря тому, что въ эту же эпоху появились или начали появляться такіа произведенія, какъ „Преступленіе и наказаніе“, Ѳ. М. Достоевскаго, „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстого; ходили слухи о новыхъ драмахъ, изготовленныхъ А. Н. Островскимъ („Димитрій Самозванецъ“) и гр. Алексѣемъ Толстымъ („Смерть Іоанна Грознаго“). Въ нашей общественной жизни это двухлѣтіе осталось памятнымъ, какъ переломъ въ предшествующемъ царствованіи. Съ другой стороны, къ этому же двухлѣтію относится и реформа въ нашемъ законодательствѣ о печати.

---

*) См. выше: янв., 5 стр.

Мы сказали—Тургеневъ встрѣчалъ 1865 годъ съ нѣскольکو облегченной душою; больше всего его радовало то, что ему удалось хорошо, какъ онъ тогда думалъ, пристроить дочь; но радость его, впрочемъ, была кратковременна, какъ мы то увидимъ вскорѣ.

Вотъ что онъ писалъ изъ Бадена, въ самыхъ первыхъ числахъ января 1865 гола:

„Прежде всего, добрые друзья мои, примите мою искреннюю благодарность за ваши дружескія пожеланія моей дочери; я ихъ передалъ ей — и она проситъ меня, въ свою очередь, благодарить васъ; она очень къ вамъ обоимъ привязалась и очень рада, что вы принимаете въ ея судьбѣ участіе. Кажется, насколько можно предвидѣть, человѣкъ ей попался хорошій, добрый и дѣльный... Остальное въ рукахъ судьбы. (Я не помню, написалъ ли я вамъ его имя: его зовутъ Gaston Brugère.)

„Великое вамъ спасибо, добрый П. В., за распоряженіе насчетъ метрическаго свидѣтельства. Кажется, такъ лучше всего, тѣмъ болѣе, что я, съ одной стороны, самъ написалъ Маслову — а съ другой стороны, парижскій мой нотаріусъ, предвидя затрудненія, придумалъ шгуку, называемую „un acte de notoriété“, которая, можетъ быть, позволить намъ обойтись безо всякихъ бумагъ. Но, во всякомъ случаѣ, все сдѣлано какъ слѣдуетъ, а у Боткина (котораго, я надѣюсь, возвратная лихорадка пощадитъ хотя за то, что была открыта его братомъ) попросите отъ моего имени извиненія въ причиненныхъ ему... возможностяхъ безпокойствъ.

„Прошу васъ покорно держать въ умѣ вопросъ объ управляющемъ вопросъ для меня весьма важный, и какъ только эти несчастныя облигаціи попадутъ въ ваши руки, распорядитесь надлежащимъ образомъ.

„Вотъ мой жизненный маршрутъ: отъ нынѣшняго числа, сирѣчь отъ 18-го января нов. ст.,—до 5-го февраля новаго же стилия я въ Баденѣ; отъ 5-го до 22-го февраля я въ Парижѣ (свадьба имѣетъ быть 20-го); отъ 22-го февр. до конца марта я снова въ Баденѣ; а въ началѣ апрѣля по здѣшнему, въ концѣ марта (ок. 25-го) по нашему, я въ градѣ Петрополь. Что далѣе будетъ, извѣстно единому Богу. Въ вашей корреспонденціи соображайтесь съ выше-прописанными, неизмѣнными, цифрами.

„На-дняхъ я вамъ пошлю крохотный отрывочекъ подъ названіемъ: „Довольно“, назначенный въ новое мое изданіе, коего четвертый томъ уже приближается къ концу; всѣхъ будетъ пять.“

Засимъ послѣдовало вскорѣ новое письмо:

Баденъ-Баденъ, 17-го (29-го) января 1865 г.

„Берусь за перо не столько для того, чтобы писать къ вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, сколько для того, чтобы излить передъ вами свои чувства. Они не очень веселаго свойства; впрочемъ, веселыя чувства вообще берегутся про себя. Дѣло въ томъ, что 23-го (11-го) февраля совершается свадьба моей дочери; въ этотъ день я долженъ отдать—а за двѣ недѣли показать нотариусу ея приданое; сверхъ того, предстоятъ безконечные расходы, а выкупныя свидѣтельства все еще лежатъ чортъ знаетъ гдѣ, въ Тамбовѣ у дяди, но только не въ вашемъ ящикѣ, не смотря на то, что 28-го октября разрѣшена выдача! О, дорогое отечество! Какъ не вспомнить тебя! Съ другой стороны, о метрическомъ свидѣтельствѣ также ни слуху, ни духу; и хотя мой нотариусъ утѣшаетъ меня увѣреніемъ, что безъ него можно обойтись, я все-таки не покоенъ. Добрые друзья мои, Віардо, помогаютъ мнѣ денежной ссудой; но я боюсь, какъ бы она не была недостаточна. А потому, не можетъ ли В. П. Боткинъ... не пугайтесь, не пугайтесь, никакой не требуется жертвы... написать своему знакомому въ Парижъ, г-ну Д., дающему деньги въ займы за благоразумные проценты,—что еслибъ я вздумалъ обратиться къ нему за 8 или 10 тысячами франковъ—то мнѣ можно вѣрить, я не мазурикъ. Я самого этого Д. хорошо знаю, и Боткинъ мнѣ сказывалъ не разъ, что онъ съ удовольствіемъ дастъ мнѣ деньги въ займы,—но все-таки лучше, если Боткинъ напишетъ. Человѣкъ онъ капиталистскій, хотя и крестомъ, и пестомъ отчурается, — и встать, поставьте ему на видъ, что письмо это его ни къ чему не обязываетъ, что я вовсе не прошу его ручаться за меня и что если это его вообще беспокоитъ, то онъ можетъ вовсе не писать—что онъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ.

„Сегодня воскресенье; будущее воскресенье я уже въ Парижѣ. Пишите мнѣ туда—10, rue Basse, Passy.“

Парижъ, rue Basse, 10, Passy. 12-го февраля (31-го января) 1865.

„Милѣйшій П. В., сейчасъ я получилъ вашъ вексель и благодарю. Акціи, т.-е. облигаціи, поднялись съ тѣхъ поръ на бездѣлицу—2 фр. Но это, вмѣстѣ съ промѣномъ, я получу съ васъ въ Петербургѣ, если Богъ дастъ, въ видѣ двухъ-трехъ бутылокъ первѣющаго лафита. Контрактъ мы подписали третьяго дня—сегодня происходитъ первая публикація въ церкви, а въ будущую

субботу — т.-е. через 13 дней—совершается свадьба.хлопотъ было много—надо было, за отсутствіемъ бумагъ, прибѣгнуть къ „acte de notoriété“—ну да и вообще во Франціи дѣвушкѣ отдавать замужъ—это цѣлая баталія (чего только они въ контрактѣ не напишутъ, Боже правый!); но дѣло теперь улажено и я могу вздохнуть покойно. Благородный Д., вѣроятно, вслѣдствіе письма благороднаго Боткина, далъ мнѣ въ займы 10,000 франковъ за благородные 10⁰/₀; эта ссуда меня вытщила на берегъ. Это, однако, не должно мѣшать вамъ пустить въ ходъ всѣ дипломатическія пружины вашего ума, чтобы добыть отъ редакторовъ „Эпохи“ тѣ 500 или хотя 300 руб. сер., о которыхъ я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Я рассчитываю на эти деньги, чтобы купить дочери фортепіано.

„Записку вашу я сейчасъ же послалъ къ Щербану, котораго я, за великими хлопотами, не успѣлъ еще увидѣть со дня моего приѣзда въ Парижъ. Этотъ странный смертный, неизвѣстно къ чему стремящійся, но стремящійся сильно и настойчиво—въ послѣднее время былъ занятъ весьма неблагодарной работой, называющейся у французовъ тасканіемъ чорта за хвостъ. Пожираемый бѣдностью, онъ все еще стоитъ горой за интересъ Россіи въ „Nord“; черта похвальная въ нашъ небезкорыстный вѣкъ!

„Правда ли, что читаемая вамъ Островскимъ комедія: „Сонъ на Волгѣ“—отличная вещь? А о Толстомъ ничего не слыхать?“

„Еще вопросъ: до какого срока остаетесь вы въ Питерѣ и, побивувъ его, куда направите свой полетъ?“

„Я съ вами согласенъ: дѣйствительно плохо писателю долго не видать отечества; но въ такомъ случаѣ есть одно вѣрное средство не провираться—а именно: молчать. Редакторъ упомянутой вами газеты, которая не молчитъ, находится здѣсь, но я не встрѣчался съ нимъ.“

„P. S. 27-го февраля я въ Баденѣ. Сіе вѣрно.“

„Пожалуйста, подпишитесь отъ моего имени на „Русское Слово“, въ которомъ, какъ говорятъ, Писаревъ за меня сражается съ „Современником“, и пришлите мнѣ въ Баденъ какую-нибудь его статью объ этомъ интересномъ предметѣ. Деньги будутъ вамъ возвращены при возвращеніи.“

Парижъ, 7-го (19-го) февраля 1865.

„Любезнѣйшій П. В., я къ вамъ опять съ просьбой, но на этотъ разъ дѣло идетъ не обо мнѣ. По полученіи этого письма, сдѣлайте одолженіе, побѣжайте къ В. Я. Ф., живущему у Сняго моста, въ домѣ Крамера, узнайте отъ него адресъ Екате-

рины Яковлевны Шварцъ, сестры жены моего брата. Эту несчастную, полумертвую чахоточную дѣвушку братъ (или, вѣрнѣе, жена его) прогналъ изъ своего дома безо всякой причины на другой день послѣ того, какъ я въ Дрезденѣ вручилъ ему письмо отъ другой сестры его жены, съ просьбой о пособіи, и теперь это злополучное существо безъ всякаго призрѣнія и безъ паспорта гибнетъ въ Петербургѣ. Она желала бы, чтобы ее хоть въ госпиталь помѣстили; но вы, съ свойственной вамъ мягкостью, узнайте, въ чемъ дѣло, и вручите ей отъ моего имени сто руб. сер., которые я вамъ съ благодарностію возвращу. Я ей предлагалъ поселиться у меня въ деревнѣ (она уже и прежде тамъ жила). Вы и объ этомъ съ нею поговорите. Словомъ, пролейте нѣсколько капель елею на эту по-истинѣ достойную сожалѣнія рану. Большое вамъ будетъ за то спасибо. До свадьбы моей дочери осталось всего шесть дней. До сихъ поръ все обстоитъ благополучно. А „Эпоха“, вѣрно, сидитъ безъ денежекъ. Что дѣлать! Я здѣсь кое-какъ перебился.

„Отвѣчайте мнѣ уже въ Бадень — въ будущее воскресенье я тамъ.“

Бадень-Бадень, (28-го) 16-го фев. 1865.

„Вотъ я опять сюда вернулся, какъ я вамъ предсказывалъ, любезный П. В., послѣ благополучно совершившейся (въ прошлую субботу) свадьбы. Хлопотъ было пропасть, но я вознагражденъ вполне убѣжденіемъ, что дочь моя будетъ счастлива. Я никогда не видалъ болѣе сіяющаго лица, какъ ея — во время свадьбы, въ церкви. Зять мой — прекрасный, дѣльный, простой и добрый малый. Прилагаю его фотографію.

„Я все ожидалъ отъ васъ письма — съ денежками отъ „Эпохи“ — но, видно, у нея кошель слабо набитъ. А всякимъ деньгамъ былъ бы радъ, потому что расходамъ не было ни мѣры, ни числа, — это даже невѣроятно! А отъ дяди я получаю по прежнему извѣстія, что объ облигаціяхъ ни слуху, ни духу.

„Дней черезъ 5 я вышлю вамъ отрывокъ „Довольно“.“

Бадень-Бадень, (18-го) 6-го марта 1865.

„Вотъ вамъ, любезнѣйшій другъ, П. В., отрывокъ „Довольно“, по прочтеніи котораго мои читатели, вѣроятно, воскликнутъ: „дѣйствительно довольно!“ Лучшимъ доказательствомъ моей лѣни служить то, что и этотъ вздоръ я едва осилилъ. Между тѣмъ дѣло это чрезвычайно спѣшное, ибо послѣдній томъ подвигается печатаніемъ къ концу, и чего добраго выйдетъ задержка. И по-

тому, будьте отцомъ и благодѣтелемъ: прослѣдивши сіи прелестныя страницы, летите „стремлѣшь“, какъ говорилъ Языковъ ¹⁾, къ моему цензору, которому я обѣщаль заблаговременно прислать рукопись, и попросите его сказать тотчасъ же, что нѣтъ препятствій въ печатанію (мизантропическія выходки въ концѣ не могутъ быть, кажется, препятствіемъ), и немедленно, тоже „стремлѣшь“, либо дайте мнѣ знать, что „ничего, можно“, либо пришлите мнѣ обратно эти листы съ помарками. Но, во всякомъ случаѣ, прошу васъ дѣйствовать быстро, „à la Sherman“. Такъ же скажите собственное ваше, для меня, какъ вы знаете, всегда важное, мнѣніе.

„Спасибо за несчастную Екатерину Дмитриевну. По вашей милости, она умретъ, по крайней мѣрѣ, спокойно. За все это я рассчитуюсь съ вами, какъ только отъявлюсь въ Питеръ—сирѣчь, на пасхѣ. Посылаю вамъ вашу росписку и животомъ прошу—„Воеводу“ Островскаго и ваши статьи о Чаевѣ, имени мнѣ совершенно неизвѣстномъ. А разглагольствованія Писарева успѣю пробѣжать на мѣстѣ. Вся моя утроба стономъ-стонетъ при воспоминаніи о ста руб., взятыхъ у Корша, о Пушкинскихъ статьяхъ, и т. д. Но, ей Богу же, я это привезу въ Петербургъ и напечатаю. Позволю себя высѣчь, если не напечатаю!

„P. S. Батюшка, не теряйте минуты!“

Бадень-Бадень, 11-го (23-го) марта 1865.

„Любезный другъ, П. В., пять дней тому назадъ я послалъ вамъ письмо съ отрывкомъ подъ заглавіемъ „Довольно“—надѣюсь, что вы его получили и уже сдѣлали всѣ распоряженія, о которыхъ я просилъ васъ; въ случаѣ же, если бы мое письмо какъ-нибудь не дошло до васъ, извѣстите меня, пожалуйста, объ этомъ немедленно. Сверхъ того, я имѣю къ вамъ слѣдующія просьбы: а) зайдите къ Д. Е. Кожанчикову и скажите, что я только сегодня получилъ его письмо (кстати, сообщите ему мой адресъ, а то онъ посылаетъ ко мнѣ письма въ rue de Rivoli, 210, гдѣ я уже болѣе двухъ лѣтъ какъ не живу), что изданіе приближается къ концу—сегодня я отослалъ послѣднюю корректуру „Отцовъ и дѣтей“—остались, стало быть, „Призраки“ и „Довольно“, двѣ небольшія вещи; что раньше открытія навигаціи, черезъ мѣсяць, послѣдніе три тома придутъ въ Россію, хотя это мнѣ будетъ дорого стоить; что я обо всемъ этомъ уже писалъ, дней 10 тому назадъ, Салаеву въ Москву! Посылка будетъ сдѣ-

¹⁾ Въмсто „стремглавъ“.

лана на имя Кожанчикова, но пройдетъ чрезъ ваши руки, такъ какъ я не могу вручить Салаеву всѣ 4.000 экз. б) Напишите мнѣ, до какого числа апрѣля вы останетесь въ Петербургѣ; я хотѣлъ выѣхать отсюда въ самомъ началѣ апрѣля по новому стилю, но Гончаровъ такіе мнѣ ужасы пишетъ о вашемъ петербургскомъ тифѣ, что я отложилъ мою поѣздку на двѣ недѣли, и отъѣвлюсь къ вамъ не раньше 20-го апрѣля ст. ст. с) Не забудьте управляющаго, о которомъ я васъ просилъ: мнѣ онъ болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ; d) вышлите мнѣ драму Островскаго и вашу статью, если это только возможно.

„Вотъ, кажется, все. Здѣсь у насъ идетъ все заведеннымъ порядкомъ, тихо и мирно; скверно только то, что весна никакъ не хочетъ рѣшиться, говоря слогомъ Фета, „повѣять крыломъ“: сегодня выпалъ глубокой снѣгъ. Я принялся (вотъ чудо-то!) за работу и надѣюсь привезти вамъ небольшую вещь, которая, надѣюсь, удастся мнѣ больше, чѣмъ покойная „Собака“.

„Не забудьте также поблагодарить, отъ моего имени, Кожанчикова за его поздравленія насчетъ свадьбы моей дочери. Я получаю отъ нея письма, исполненные самаго искренняго удовольствія.“

Баденъ-Баденъ, (1-го апрѣля) 20-го марта 1865.

„Любезнѣйшій Павелъ Вас., сію минуту получилъ я ваше письмо и отвѣчаю немедленно: извѣстіе о болѣзни вашей жены меня очень огорчило; утѣшительно только то, что, по словамъ доктора, опасность миновала, а слабости и худобы вамъ нечего бояться: это скоро поправится. Воображаю, какіе вы провели тяжелые дни! Пожалуйста, поклонитесь отъ меня дружески бѣдной больной и скажите ей, что ей необходимо нужно, для окончательнаго исправленія здоровья, прожить недѣль шесть у насъ въ Баденѣ, подъ кровомъ г-жи Анстеть: но объ этомъ мы переговоримъ лично въ Петербургѣ.

„За присланную обратную рукопись, съ цензорскимъ одобреніемъ, великое спасибо; дѣйствительно, я, кажется, конецъ пересолилъ. Но дѣло въ томъ, что я задумалъ эту штуку въ тяжелое время, а окончилъ ее въ эпоху сравнительно пріятную: я и очутился въ положеніи человѣка, который жаловался на отсутствіе аппетита и потому ѣлъ страшно много, такъ какъ онъ не зналъ, когда остановиться. Все равно, передѣлывать теперь некогда, да и не для чего—пусть отправляется такъ, какъ есть.

„Довѣріе мое къ вамъ неограниченное, и потому я не претендую на отправку „Собаки“, хотя лучше бы ей было полежать

у васъ въ бюро. А записку о Дружининѣ я не только съ удовольствіемъ обѣщаю, но и всячески потщусь написать и вамъ доставить, т.-е. привезти. Да что это у васъ въ Петербургѣ дѣлается? Здѣсь уже толкуютъ о чумѣ. Конечно, это вздоръ, но что, къ сожалѣнію, есть блока, если даже слона нѣту—вамъ лучше всего знать.

„Посылаю вамъ брошюрку, которая дѣлаетъ теперь такой страшный шумъ: „Les propos de Labienus“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цензура допустить ее въ Россіи, такъ какъ въ ней ни противъ нашего правительства, ни противъ Россіи нѣтъ іоты; но, можетъ быть, къ вамъ она прибудетъ не раньше открытія навигаціи, и потому я желаю васъ попотчивать новою новинкой. Вещь, написанная удивительно! Съ нетерпѣніемъ жду вашей статьи, съ удовольствіемъ улицезрю милѣйшаго Кашперова. Я получилъ „Воеводу“ Островскаго, прочелъ, умилился (за исключеніемъ чепухи à la Wagner Bleue въ 5-мъ актѣ), и хочу написать ему мой восторгъ, вложивъ мое письмо въ то, которое я вамъ пошлю на дняхъ. Прочелъ также романъ Л. Н. Толстого и почувствовалъ... Этакъ нельзя, нельзя, нельзя¹⁾. Впрочемъ, мы еще потолкуемъ, а теперь, пока, благодарю васъ и обнимаю васъ обоихъ.“

Баденъ-Баденъ, (5-го мая) 23-го апрѣля 1865 г.

„Любезный другъ, П. В., посылаю вамъ цензурованную рукопись „Довольно“, такъ какъ она, можетъ быть, потребуется при полученіи книгъ. Передайте ее, пожалуйста, Кожанчикову и скажите ему, что экземпляры 3-го, 4-го и 5-го томовъ были отправлены въ понедѣльникъ изъ Карлсруэ черезъ Штетинъ въ Петербургъ на имя И. И. Цаншейта, для передачи ему, какъ онъ этого самъ желалъ. Книги эти, вѣроятно, прибудутъ въ Петербургъ раньше меня, а потому я и рѣшился выслать вышеупомянутую рукопись.

„Самъ я отсюда выѣзжаю непремѣнно и безотлагательно (13-го) 1-го мая и три дня спустя буду въ Петербургѣ звонить у вашей двери. Не сомнѣваюсь, что я васъ еще застаю. А потому до скорого свиданія.“

¹⁾ Въ объясненіе такого восклицанія и предшествующаго ему многоточія, можно только привести слова Тургенева, въ его письмѣ къ Я. П. Полонскому, три года спустя, 6-го марта 1865 года: „Романъ Толстого—вещь удивительная: на самомъ слабомъ въ немъ—именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психология. Исторія его—фокусъ, битые тонкими мелочами по глазамъ; психология—капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ.—Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ, и подобнаго Толстому мастера у насъ не нѣтъся“ (Перв. собр. пис. Тургенева, стр. 135—136, № 106).

Бадень-Бадень, (1-го января 1866 г.) 19-го декабря 1865 г.

„Начинаю бусурманскій новый годъ (съ коимъ васъ поздравляю) обращеніемъ къ вамъ, любезнѣйшій Павелъ Вас. Я получилъ ваше письмо вчера—и, разумѣется, прошу васъ немедленно выслать сюда брошюру Забѣлина о „Серебряной Вазѣ“. Я неоднократно говорилъ о ней Виардо, и мы помѣстимъ статейку въ „Gazette des Beaux Arts“. Очень было бы хорошо, еслибъ можно было кстати получить фотографію (съ двухъ сторонъ) этой вазы. Вѣроятно, въ Петербургѣ можно это найти. Отъ дяди я уже получилъ увѣдомленіе, что деньги вамъ высланы; слѣдовательно вы скоро ихъ получите, если не получили, и можете распоряжаться ими. А за исполненіе коммиссіи заранѣе замъ „много, много поклонъ“, какъ писали наши великіе князья татарскимъ ханамъ.

„Доставленные вами свѣденія о тоскѣ по „тонѣ“ прелестны: штука дѣйствительно нелегкая. Хороша тоже распря сотрудничествъ „Русскаго Слова“ съ редакторомъ, котораго я, помнится, видѣлъ только разъ, но который произвелъ на меня впечатлѣніе сугубаго... Въ качествѣ стараго литературщика, мнѣ, однако, жалко видѣть весь этотъ фейерверкъ вонючей грязи; мнѣ чудится, какъ-будто каждому изъ насъ попала на лицо капля и запятнала насъ. И вообще какое зрѣлище: Краевскій—мученикъ, Некрасовъ—реформаторъ, Потѣкинъ—геній! Что вы, о поздніе потомки, помыслите о нашихъ дѣлахъ?!

„Кстати, эта послѣдняя фраза напомнила мнѣ слѣдующій анекдотъ: французъ, съ которымъ я путешествовалъ по желѣзной дорогѣ во время оппозиціонныхъ выходокъ московскаго Дворянскаго Собранія, поговоривъ со мной, замѣтилъ: „eh bien, monsieur! cet Orlof-Dawidof est peut-être votre Mirabeau futur“. Припомните .... фізіономію будущаго Мирабо .....—и умилитесь душой. Получили вы книгу Э. Кинэ: „la Révolution“? Это большая, капитальная вещь. Прочтите непременно.

„Такъ какъ, по вашимъ словамъ, высылка книгъ за границу облегчена, то доставьте мнѣ, пожалуйста, сочиненія Слѣпцова, изданныя при конторѣ „Современника“. У этого юноши больше таланта, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ „молодыхъ“.

„А теперь главное: Салаевъ выслалъ мнѣ остальные деньги за мое изданіе, такъ что теперь наши счета съ нимъ кончены. Въ своемъ письмѣ онъ проситъ меня передать наше условіе Кожанчикову, какъ совершенно оконченное. Сколько я помню, условіе это находится у Кожанчикова; въ случаѣ же, если оно у васъ, то передайте его Кожанчикову, а я, съ своей стороны, на-

пишу Салаеву, что всѣ слѣдующія деньги съ него я получилъ. Приведите, пожалуйста, этотъ пунктъ въ ясность, такъ какъ я очень былъ доволенъ моими сношеніями съ Салаевымъ, и желалъ бы сдѣлать ему все удобное. Вы ничего мнѣ не пишете о Боткинѣ, но вѣдь онъ въ Петербургѣ?”

Бадень-Бадень, 17-го (29-го) января 1866.

„Добродѣтельный П. В. Съ недѣлю тому назадъ пришло ваше письмо, а нѣсколько дней спустя прибыла и ваша посылка, за которую прошу принять нижайшую благодарность. Статья Забѣлина чрезвычайно интересна, и мы съ Віардо хотимъ тиснуть ее въ „Gazette des Beaux Arts“, но рисунокъ вазы при этомъ неизбѣжно нуженъ. Нельзя ли достать какую-нибудь фотографію, гравюру или, лучше, приказать срисовать и прислать? Всѣ издержки съ удовольствіемъ я приму на свой счетъ.

„Сочиненія Слѣпцова не столько любопытны сами по себѣ, сколь поучительны, какъ фактъ. Сильно отдастъ отъ нихъ тѣмъ запахомъ прѣлыхъ портковъ, *fond de culottes*, который свойственъ нашей современной литературѣ. Что за бѣдность и пустота содержанія, а талантъ есть. Да что въ томъ толку!

„Я послалъ громоносное письмо своему дядюшкѣ, и полагаю, что теперь вы получите, наконецъ, эти несчастныя деньги и сдѣлаете изъ нихъ надлежащее употребленіе. Пропекаетъ онъ меня сильно, нечего сказать. Спасибо за выписку справки изъ выкупного учрежденія—она пригодится.

„Контрактъ мой находится у Кожанчикова—я самъ видѣлъ его, при обратномъ проѣздѣ сюда, въ рукахъ его приказчика и расписался на немъ. Впрочемъ я уже послалъ Салаеву желаемое удостовѣреніе.

„Что Иванъ Авсаковъ дѣйствительно женится на Тютчевой?

„Ни одна книга еще не оскорбляла французской публики такъ, какъ книга Кянэ: всѣ партіи скрежещутъ зубами. Онъ не могутъ простить ему его презрительное невѣріе въ будущность, силу и интеллигенцію латинскихъ расъ вообще и французскаго народа въ особенности. Замѣчательная книга, и ваше напоминовеніе имени Бѣлинскаго весьма вѣрно.

„Предостереженія сыплются, — а я еще не прочелъ ни одного цензурованного номера журнала. Благодарю! доставьте нѣчто въ этомъ родѣ! Это я все говорю, разумѣется, въ случаѣ полученія денегъ.

„Черезъ два дня у насъ кончается охота — и я намѣренъ серьезно приняться за работу, которая до сихъ поръ подвигается

урывками. Домъ мой будетъ готовъ и меблированъ въ сентябрь; не будутъ ли у меня гостить супруги Анненковы? То-то было бы отлично! А засимъ, вланияюсъ дружески вамъ обоимъ и прошу не забывать стараго пріятеля Ив. Тургенева.

„P. S. Графиня Ламбертъ все еще въ Петербургѣ? и гдѣ именно, т.-е. гдѣ ея квартира?“

Баденъ-Баденъ, 9-го (21-го) февраля 1866 г.

„Любезнѣйшій П. В., отвѣчаю безотлагательно на ваше письмо. Прежде всего, благодарю Корша за его великодушное намѣреніе высылать мнѣ „С. П. Вѣдомости“ даромъ—но, *entre-nous soit dit*, боюсь, какъ бы это намѣреніе такъ и не осталось намѣреніемъ, ибо пересылка вѣдъ денегъ стоитъ, а впрочемъ, посмотримъ. Такъ какъ на „Современникъ“ и „Русское Слово“ надежда плохая—то ужъ подпишитесь вы на „Русскій Вѣстникъ“; я было рассчитывалъ его здѣсь получить, но дѣло не выходитъ. Кстати—подпишитесь тоже на „Вѣстникъ Европы“. Остальныя за симъ деньги храните пока у себя; съ Катковымъ я расплачусь именно черезъ Маслова, но другими путями, а вы лучше спросите ка у Дудышкина, сколько именно я ему долженъ за забранныя Захаровы ссуды, и дайте мнѣ знать немедленно. Я бы могъ заплатить ему натурой—у меня есть переводъ небольшой (но отличной) повѣсти Сервантеса—„Ринконетъ и Кортазино“.—Что вы объ этомъ скажете?“

„Въ литературный фондъ внесется—по бѣдности—30 руб. сер.

„Безъ фотографіи вазы дѣло не пойдетъ, по крайней мѣрѣ, въ „Gazette des Beaux Arts“. Но я хочу присоветовать Виардо написать отъ себя Ст. Геденову, съ которымъ онъ коротко знакомъ. Можетъ быть, этотъ баринъ и разрѣшитъ. Вѣдъ онъ директоръ Эрмитажа? Напишите также объ этомъ словечко.

„Да что же адресъ гр. Ламбертъ? Сообщите, отецъ, если возможно. Она жила, въ прошломъ году, на углу Фурштадтской и Воскресенской, въ домѣ Кокоткина, но она собиралась покинуть Петербургъ.

„А преудивительно, однако, то обстоятельство что какіе у насъ тузы все въ оппозицію лѣзутъ:—Орловъ-Давыдовъ, Строгановъ! и какіе умницы, нечего сказать!

„Моя работа нѣсколько пріостановилась, вслѣдствіе прескверной штуки: у меня сдѣлалось воспаленіе мышцы въ большомъ пальцѣ лѣвой руки, отъ котораго я чуть съ ума не сошелъ. Пятнадцать дней сряду прикладывалъ холодныя примочки—и теперь еще почти шевельнуть рукой не могу.

„Эта штука можетъ, по словамъ доктора, продлиться еще нѣсколько недѣль. Хорошо еще, что это случилось не во время охоты и не съ правой рукой!

„Ну, а что подѣлываетъ Васенька (Боткинъ)? Поклонитесь ему. Да, кстати, сообщите вѣрно: какою успѣхъ имѣла „Африканка“ въ Петербургѣ? Собственно мнѣ—эта опера крайне противна, но вопросъ этотъ я вамъ ставлю по порученію.

„Если вышла вторая часть „Исторіи русской литературы“ Галахова, вышлите и ее.

„Я васъ обременяю комиссіями—но вы же меня избаловали. Не знаю, сказывалъ ли я вамъ, что я перевелъ сказки Перрѣ для книгопродавца М. О. Вольфа (купившаго рисунки Дорѣ). Переводъ этотъ отпечатанъ въ Лейпцигѣ и, вѣроятно, къ Святой явится въ Петербургъ. Если Вольфъ имѣлъ благое намѣреніе пожертвовать мнѣ одинъ экземпляръ, то попросите его, отъ моего имени, переслать этотъ экземпляръ не мнѣ, а дядѣ, Н. Н. Тургеневу, Орловской губ. въ г. Мценскъ. Домъ мой быстро подвигается, а ваша будущая комната—уже отдѣлывается; начиная съ октября, она—къ вашимъ услугамъ.“

Бадень-Бадень, 1-го марта (17-го февраля) 1866 г.

„Добрѣйшій Павелъ Вас., сообщите Коршу, что я вчера получилъ всѣ №№ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, начиная съ новаго года,—и искренно благодарю его за его любезность. Я уже многое прочелъ и остался очень доволенъ.

„Будьте такъ любезны и вмѣстѣ съ Галаховымъ (если онъ вышелъ) второй томъ—пришлите мнѣ „Димитрія Самозванца“ Чаева и о „Современномъ состояніи раскола.“

8-го марта (22-го февраля).

„Съ тѣхъ поръ я получилъ также первые три номера „Отечественныхъ Записокъ“—и благодарю. Предсказаніе ваше насчетъ „Русскаго Слова“ не замедлило сбыться, а за указъ 19-го февр. объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ—я кричу: ура!

„Не знаю, говорилъ ли я вамъ, что вотъ уже 6 недѣль слишкомъ, какъ я страдаю воспаленіемъ мышцъ въ лѣвой рукѣ: со-всѣмъ было плохо, теперь поправляюсь понемногу. Расходы по постройкѣ дома меня пробираютъ—но я не раскаяваюсь въ моей затѣѣ: вообще я во всей своей жизни раскаявался только въ одномъ,—а именно—въ просьбѣ у В. П. Боткина денегъ. Князь Трубецкой мнѣ сказывалъ, что Боткинъ ему говорилъ объ этомъ—и прибавлялъ: „А я ему не дамъ, не дамъ, не дамъ“—причемъ

даже подпрыгивалъ. Что онъ дѣлаетъ, этотъ почтенный мужъ? Со мною на дняхъ случилась странная вещь. Я рекомендовалъ г-жѣ Виардо для чтенія на русскомъ языкѣ (вмѣстѣ со мною) „Дѣтство“ Толстого, какъ произведеніе въ своемъ родѣ классическое. Сталъ я читать—и вдругъ убѣдился, что это пресловутое „Дѣтство“ — просто плохо, скучно, мелкотравчато, натянуто—и устарѣло до невѣроятности. Открытіе это меня огорчило—стало быть, и это миражъ? И когда же конецъ миражамъ?—Или, можетъ быть, я устарѣлъ и отупѣлъ ¹⁾?

„Поздравляю съ избраніемъ въ вице-президенты нашего комитета. Сообщите, кто да кто теперь тамъ члены—и въ первомъ засѣданіи передайте имъ всѣмъ отъ меня дружескій поклонъ.“

Бадень-Бадень, 12-го марта (28-го февраля), 1866 г.

„О, мой спаси-и-итель, мой покрови-и-итель!“—пою я какъ Рембо въ „Робертѣ-Дьяволѣ“, любезнѣйшій Павелъ Вас.—Отвѣчаю безотлагательно на ваше письмо, предпославъ впередъ благодарственное восклицаніе за доставленныя свѣденія, etc., etc.

„1) Чувствительное письмо Корша подѣйствовало на меня—и ваши слова всегда принимаются мною съ должнымъ уваженіемъ—а потому соглашаюсь на напечатаніе „Собаки“ въ фельетонѣ „С.-П.-бургскихъ Вѣдомостей“, съ однимъ условіемъ, чтобы вы продержали корректуру—и, въ случаѣ нужды, выкинули бы лишнее. Сегодня же начну переписываніе этого продукта и черезъ пять, шесть дней вышлю. А баронамъ московскимъ я напишу, что это, молъ, для вашей „Ревю“ слишкомъ легкой товаръ. Попрошу васъ также озаботиться полученіемъ денегъ (количествомъ по собственному вашему усмотрѣнію) за эту „Собаку“—ужъ коли печатать такіе пустяки, такъ, по крайней мѣрѣ, не даромъ. Отлично было бы, если бы вы могли удовлетворить Дудышкина, а повѣсть Сервантеса я все-таки потомъ вышлю. Словомъ, предоставляю все сіе въ полное ваше распоряженіе. 2) Благодарите Галахова, отъ моего имени, за его любезность; да кстати, если увидите враждебнаго мнѣ Пыпина и Спасовича, скажите имъ, что я съ истиннымъ наслажденіемъ прочелъ ихъ „Исторію литературы у славянскихъ народовъ“—и готовъ почти подъ каждое слово подписаться. 3) Успѣхъ—повсемѣстный—противной „Африканки“ есть вещь совершенно непостижимая: въ Парижѣ—въ теченіе десяти мѣсяцевъ—ее дали 100 разъ, что еще никогда

¹⁾ См. выше, стр. 468, выписка къ письму Тургенева изъ Бадена, 1-го апрѣля 1865 г.

ни съ какой оперой не случилось. Это объясняетъ мнѣ успѣхъ (въ свое время) Бернини, Марини и др. Вотъ и Гюго забираетъ громадныя деньги за свои „Misérables“. Чортъ знаетъ—ужь не мы ли глупы?

„Изъ нашей баденской провинціи мнѣ вамъ нечего сообщить — скажу только, что, по милости Аллаха, моей рукѣ лучше — и что мы на дняхъ необычайно торжественно отпраздновали возвращеніе нашего (дѣйствительно) любимаго грессъ-герцога изъ Швейцаріи. Погода у насъ стоитъ скверная — зато финансы въ удивительномъ порядкѣ. Какова у васъ погода въ Петербургѣ? А что же вы мнѣ ничего ни скажете о собственномъ вашемъ возрѣвнн на „Рогнѣду“ Сѣрова? Господи! какая чепуха — „Петербургскія Трущобы“ г-на Крестовскаго! Непонятна мнѣ также осталась „Натурщица“ г-на Ахшарумова. Къ чему это все? Вообще—первые №№ „Отеч. Зап.“ за нынѣшній годъ—гм! гм! Чтò-то дальше будетъ?“

Бадевъ-Бадевъ, 6-го апрѣля (25-го марта) 1866.

„Милый П. В.! Нечего и говорить, что я заранѣе одобряю всѣ ваши распоряженія насчетъ „Собаки“; а „Выборгскій Пустынникъ“ мнѣ самому коломъ сталъ въ горлѣ. О, поганое, тупое, самодовольное глумленіе и зубоскальство, когда ты переведешься на Руси? Я получилъ „Вѣстникъ Европы“¹⁾ и съ великимъ удовольствіемъ прочелъ статьи Костомарова, Богдановича, Мордовцева... Дѣльно, интересно, умно. Во 2-й части „Преступленія и Наказанія“ прорвалась та плотина, о которой вы говорили, много ерунды пролилось и опять сильно понесло тухлятиной и кислятиной больничнаго настроенія. Не понравилось мнѣ также и продолженіе „1805 года“ Толстого. Мелкота и какая-то вапризная изысканность отдѣльныхъ штриховъ — и потомъ эти вѣчныя повторенія той же внутренней возни: что, моль, я трусь или не трусь? и т. д. Странный историческій романъ²⁾! Благодарю заранѣе за присылку книгъ и ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, но въ особенности ожидаю я васъ самихъ и жену вашу. Что вы у меня остановитесь, объ этомъ, кажется, и упоминать нечего. Здѣсь васъ всѣ любятъ, начиная съ г-жи Віардо и кончая г-жею Анштетъ (моей хозяйкой).

¹⁾ Это была первая книга „Вѣстника Европы“, выходившаго, въ первые два года своего существованія (1866 и 1867 гг.) четыре раза въ годъ 9-го числа—въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ; первая книга вышла 9-го марта 1-66 г.

²⁾ Сравни выше, на стр. 468, выноска къ письму Тургенева, изъ Бадена 1-го апрѣля (20-го марта) 1865 г.

„А теперь опять просьба, о которой рѣчь уже заходила въ прошломъ году. Мнѣ необходимо нуженъ молодой человекъ, честный и дѣльный, который сперва бы помогаль моему одряхлѣвшему дядѣ, а потомъ бы замѣнилъ его. Ради Бога, поищите такового, попросите Н. Н. Тютчева, другихъ знакомыхъ, справиться. Я бы предоставилъ дядѣ управленіе и распоряженіе однимъ Спасскимъ; а остальные всѣ дѣла, состоящія въ отдахъ оставшихся за надѣломъ земель въ наймы, и т. д., поручилъ бы этому молодому человекѣ. Тутъ главное нужны дѣятельность и честность: на жалованье я скупиться не буду. Пожалуйста, любезнѣйшій другъ — обратите на эту просьбу ваше вниманіе. Въ случаѣ нужды, я, для личныхъ переговоровъ, пріѣхалъ бы на нѣсколько дней въ Петербургъ.“

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277, 18-го (6-го) апрѣля 1866.

„Вы легко можете себя представить, любезный П. В., чувства, возбужденныя во мнѣ извѣстіемъ о безобразномъ событіи въ Петербургѣ. Къ тому же здѣсь сперва распространился было слухъ, что Государь опасно раненъ. Къ счастью, я скоро узналъ дѣйствительное содержаніе телеграммы. Всѣ здѣсь находящіяся русскіе присутствовали при благодарственномъ молебствіи — и можно сказать, что, на этотъ разъ, не было разногласія: всѣ чувства слились въ одно. Нельзя не содрогнуться при мысли, что бы случилось съ Россіей, еслибы это злодѣйство удалось. Но теперь я обращаюсь къ вамъ съ настоятельной просьбой: вы должны мнѣ сказать все, что узнаете объ этомъ Петровѣ; вы понимаете, что тутъ дѣло не въ простомъ любопытствѣ: чрезвычайно важно знать, какое его пропешнее и что могло побудить его къ подобному преступленію; я полагаю, что журналы не скоро сообщать какія-нибудь положительныя данныя. Вы очень обяжете меня исполненіемъ моей просьбы.“

„Ни о чемъ другомъ писать нельзя: мысль слишкомъ исключительно поражена этимъ однимъ фактомъ. Я прочелъ мою статью въ № 85 „С.-П. Вѣдомостей“ и благодарю васъ за хлопоты. Ожидаю также для себя отисковъ. Засимъ прощайте, будьте здоровы.“

Баденъ-Баденъ, 12-го (24-го апрѣля) 1866.

„Искреннее спасибо вамъ, добрѣйшій Павелъ Васильевичъ, за ваше письмо. Въ подобныя минуты не забывать отсутствующихъ друзей — дѣло похвальное. Надѣюсь, что и впередъ вы будете

такъ добры и сообщите все, что вамъ покажется важнымъ и интереснымъ.

„Фотографическихъ карточекъ Коммисарова теперь навѣрное развелось множество: пришлите одну. Съ великимъ удовольствіемъ вычиталъ я въ журналѣ о состоявшемся адресѣ отъ нашего Общества ¹⁾). Нужно, конечно, не для насъ, а для многихъ недоброхотовъ, чтобы въ литературѣ высказалось отвращеніе къ безобразному поступку этого человѣка, котораго я нивѣкъ не могу признать за русскаго.

„Событіе, такъ глубоко потрясшее наше общество, здѣсь прошло почти незамѣченнымъ. Европѣ не до насъ; но взрывъ общаго энтузіазма удивитъ ее, какъ три года тому назадъ, при началѣ польскихъ смуть. Кстати, если у васъ есть мои деньги, передайте 10 руб., отъ неизвѣстнаго, г-жѣ Ковригиной (той дамѣ, о которой заявлено въ „С.-Петербур. Вѣд.“ и которая переломала себѣ руки, выскочивъ изъ окна, чтобы избавиться отъ славянскаго Донъ-Жуана). Также прошу убѣдительно не забыть моей просьбы объ управляющемъ.

„Что за охота была „Отечественнымъ Запискамъ“ переводить эту трегубую ерунду—„Les Travaillieurs de la mer“?

„Засимъ прощайте. У насъ погода чудесная—все зелено и цвѣтеть. Когда вы выѣзжаете?“

Бадень-Бадень, 26-го октября (7-го ноября) 1866.

„Милѣйшій П. В., какъ я радъ, что между нами возобновилось, наконецъ, то соприкосновеніе—та „Führung“, которая никакъ не хотѣла удался арміямъ Германскаго союза и Баварскаго! Итакъ, вы въ Петербургѣ, и теперь, я надѣюсь, наша переписка не превратится до самаго моего прибытія въ сей пресловутый градъ, т.-е. до конца января. Заранѣе радуюсь нашей весенней поѣздкѣ въ Европу—и надѣюсь видѣть васъ и жену вашу моими гостями подъ кровомъ уже совсѣмъ отстроенной моей виллы. Но объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать на родинѣ. Работа моя подвигается—и если не встрѣтятся какихъ-нибудь неожиданныхъ препятствій, я привезу ее съ собой готовой. Господь вѣдаетъ, что такое у меня выходитъ—я такъ давно не писалъ, что могу сказать à la Hugo—la „ragesse“ m' a refait une virginité—и я чувствую себя новичкомъ. А впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Это у меня все—сбоку припѣка. А вотъ что не сбоку, хотя тоже припѣка—это вопросъ по управ-

¹⁾ Общество литературнаго фонда.

ленію моимъ имѣніемъ. Я получилъ отъ г. Сердечнаго письмо, въ которомъ онъ снова увѣряетъ меня въ готовности помочь мнѣ, за что я ему искренно благодаренъ—но никакого отвѣта отъ брата своего еще не сообщаетъ. Пожалуйста, поддержите въ немъ доброе расположеніе ко мнѣ, а инсталляцію будущаго управляющаго я, конечно, сдѣлаю in propria persona—все равно, останется ли дядя въ Спасскомъ, или нѣтъ. Смерть Дудышкина меня очень огорчила: хорошій и честный былъ человекъ; я долго не хотѣлъ вѣрить ей именно потому, что нигдѣ не встрѣчалъ о ней ни слова; но, видно, наша литература, какъ республика во время террора—n'a besoin de personne. И хотъ бы было что-нибудь на мѣсто того, что она такъ презрительно, равнодушно теряетъ, а то вѣдь и осталась всего одна „Искра“ съ ея зубоскальствомъ изъ-подъ палки,—но довольно съ этомъ.

„Воображаю, какой у васъ теперь гвалтъ въ Петербургѣ! Посмотрѣлъ бы на это хотъ однимъ глазомъ. А впрочемъ, по зрѣломъ соображеніи, предпочитаю остаться здѣсь и стрѣлять фазановъ и дикихъ козъ. Засимъ обнимаю васъ и кланяюсь дружески вашей милой женѣ. Преданный вамъ—Ив. Тургеневъ.“

Въ концѣ 1866 г. Тургеневъ заканчивалъ свою новую повѣсть „Дымъ“, и для напечатанія ея рѣшился даже нарочно пріѣхать въ Россію. Въ послѣднихъ числахъ января 1867 г. Тургеневъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ и оставался самое короткое время, такъ какъ онъ спѣшилъ въ Москву, гдѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ долженъ былъ появиться „Дымъ“. Съ этого же времени начинается у Тургенева разладъ съ московскою редакціею; послѣ „Дыма“, онъ напечаталъ въ Москвѣ еще „Несчастную“, а затѣмъ можно сказать, что съ 1868 года и до самой своей смерти въ 1883 г. онъ печаталъ свои произведенія исключительно въ Петербургѣ.

П. Анненковъ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

VIII. — ДѢВУШКИ.

I. — Ангелочекъ.

Вѣрочка такъ и родилась ангелочкомъ. Когда ея мама, Софья Михайловна Братцева, по окончаніи урочныхъ шести недѣль, вышла въ гостиную, чтобы принимать поздравленія гостей, то Вѣрочка сидѣла у нея на колѣняхъ, и она всѣмъ ее показывала, говоря:

— Неправда ли, какой ангелочекъ!

Гости охотно соглашались, и съ тѣхъ поръ за Вѣрочкой утвердилось это прозвище навсегда.

Софья Михайловна безъ памяти любила своего ангелочка, и была очень довольна, что послѣ дочери у нея не было дѣтей. Приращеніе семейства заставило бы ее или раздѣлить свою нѣжность, или быть несправедливою къ другимъ дѣтямъ, такъ какъ она дала себѣ слово всю себя посвятить Вѣрочкѣ. Еще на рукахъ у мамы ангелочка одѣвали какъ еуеолку, а когда отняли ее отъ груди; то наняли для нея французенку-бонну. Отъ бонны она получила первыя основанія религіи и нравственности. Ужь пяти лѣтъ, вставая утромъ и ложась на ночь, она лепетала: —*Dieu tout puissant! rendez heureuse ma chère mère! veuillez qu'un faible enfant, comme moi, reste toujours digne de son affection, en pratiquant la vertu et la propreté!*

— Ишь вѣдь... et la propreté! — удивился однажды Ардалионъ Семенычъ Братцевъ, случайно подслушавъ эту странную молитву: — а обо мнѣ, ангелочекъ, молиться не нужно?

— Папа, — отвѣчала Вѣрочка: — *je sais que vous êtes l'auteur de mes jours, mais c'est surtout ma mère que je chérie!*

— Ну ладно! вотъ ужъ я тебя за непочтительность наслѣдства лишу!

Супруги Братцевы жили очень дружно. Оба были молоды, красивы, веселы, здоровы и пользовались хорошими средствами. У обоихъ живы были родители, которые въ изобиліи снабжали молодыхъ супруговъ деньгами. И старики, и молодые жили въ согласіи. Въ особенности Софья Михайловна старалась угодить свекру и свекрови, и называла ихъ не иначе какъ рара и пашап. Ардальонъ Семенычъ поступалъ нѣсколько вольнѣе, и называлъ тестя „скворушкой“ („скворушкѣ ваши!“ — кричалъ онъ, зайдѣвъ въ дверяхъ старика), а тещу—скворешницей, изъ которой улетѣли скворцы. Сначала это нѣсколько коробило Софью Михайловну, которая не разъ упрекала мужа за его шутки.

— Развѣ я называю твоего папá дятломъ? — выговаривала она; но вскорѣ сама какъ будто убѣдилась, что иначе отца ея и нельзя назвать, какъ скворушкой, и всякія пререканія на этотъ счетъ сами собой упали.

Доброму согласію супруговъ много содѣйствовало то, что у Ардальона Семеныча были такія сочныя губы, что, бывало, Софья Михайловна прильнетъ въ нимъ и оторваться не можетъ. Сверхъ того, у него были упругія ляжки, на которыхъ она любила присѣсть. Сама она была вся мягкая. Оба любили оставаться наединѣ, и она вовсе не была въ претензіи, когда онъ, взявъ ее на руки, носилъ по комнатамъ и потомъ бросалъ ее на диванъ.

— Ардашка... дерзкій! — выговаривала она, но такимъ тономъ, что Ардальонъ Семенычъ слышалъ въ ея словахъ не предостереженіе, а поощреніе.

Первые проблески какого-то недоразумѣнія появились съ рожденіемъ Вѣрочки. Софья Михайловна вдругъ почувствовала, что она чѣмъ-то *pénétrée*, что она сдѣлалась *une sainte*, и что у нея завелись *les sentimens d'une mère*. Словомъ сказать, съ языка ея посыпался весь лексиконъ пусторѣчія, который представляетъ въ услугамъ каждаго французскій языкъ. Она рѣже захаживала въ кабинетъ мужа, рѣже присаживалась къ нему на колѣни и цѣлые дни проводила въ совѣщаніяхъ съ охранительницами Вѣрочкиной юности. Какое сдѣлать Вѣрочкѣ платьице? какими обшить кружевами ея кофточка? какіе купить башмачки? Супружеская любовь блѣднѣла передъ *les sentimens d'une mère*. Даже встрѣчаясь съ мужемъ за завтракомъ и обѣдомъ, она рѣдко обращала къ нему рѣчь, и не переставая говорила съ гувернанткой (когда Вѣрочкѣ минуло шесть лѣтъ, то наняли въ домъ и англичанку, въ качествѣ гувернантки) и бонной. И все объ ангелочкѣ.

— Не правда ли, какая она милая? какъ отлично усваиваетъ себѣ языки? и какъ вкусно молится? Вѣрочка! вѣдь ты любишь Бога?

— Мы всё должны любить Бога, — отвѣчала Вѣрочка разсудительно.

— Да, потому что онъ добръ и можетъ намъ дать много, много всего. И ангеловъ его нужно любить, и святыхъ... вѣдь ты любишь?

— Oh! maman!

На первыхъ порахъ, у Ардальона Семеныча въ глазахъ темнѣло отъ этихъ разговоровъ. Онъ судорожно сучилъ ногами подъ столомъ, находилъ соусъ неудачнымъ, вино — отвратительнымъ, сердился, сыпалъ выговорами. Но, наконецъ, смирился. Сталъ рѣже и рѣже появляться къ обѣду и завтраку, предпочитая пропитываться въ ресторанахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, говорятъ только о томъ, о чемъ дѣйствительно говорить надлежитъ. Вѣрочку онъ не то чтобы возненавидѣлъ, а сдѣлался къ ней совершенно равнодушнымъ. Англичанку переносить съ трудомъ, французенку-бонну видѣть не могъ.

— Чортъ съ вами! — рѣшалъ онъ, и откровенно объявилъ женѣ, что ежели эти порядки будутъ продолжаться, то онъ со всѣмъ изъ дома убѣжитъ.

Софья Михайловна слегка задумалась, но *les sentimens d'une mère* превозмогли:

— Какъ вамъ угодно, — отвѣтила она холодно, впервые употребляя перемонное „вы“: — не могу же я, ради вашего каприза, оставить единственное сокровище, которое я получила отъ Бога! Скажите, пожалуйста, за что вы возненавидѣли вашу дочь?

— Не дочь я возненавидѣлъ, а ваши дурацкіе разговоры.

— Ничего въ нашихъ разговорахъ дурацкаго нѣтъ!

— Лошадь одурѣетъ, не то что человекъ: — вотъ какіе это разговоры!

— Нѣтъ, ты докажи!

Но Ардальонъ Семенычъ, вмѣсто доказательствъ, взялъ шляпу и, посвистывая, ушелъ изъ дома.

Натянутости явной еще не было, но охлажденіе уже существовало.

Ангелочекъ, между тѣмъ, росъ. Вѣрочка свободно говорила по-французски и по-англійски, но нѣсколько затруднялась съ русскимъ языкомъ. Къ ней, впрочемъ, ходила русская учительница (дешевенькая), которая познакомила ее съ краткой грамматикой, краткой священной исторіей и первыми правилами ариметики.

Но Софья Михайловна чувствовала, что чего-то недостаетъ, и, наконецъ, догадалась, что недостаетъ нѣмки.

— Какъ это я прежде не вздумала!—сѣтовала она на себя:— вѣдь со временемъ ангелочекъ, конечно, будетъ путешествовать. Въ гостинницахъ, правда, вездѣ говорятъ по-французски, но на желѣзныхъ дорогахъ, на улицѣ...

Тутъ же встали, къ великому своему огорченію, Софья Михайловна сдѣлала очень непріятныя открытія. Къ французскѣ-боннѣ ходилъ мужчина, котораго она рекомендовала Братцевой въ качествѣ брата. А такъ какъ Софья Михайловна была доброй родственницей, то желала, чтобы и живущіе у нея тоже имѣли хорошія родственныя чувства.

— Чтожъ вы не идете къ брату?—говорила она боннѣ:— сегодня воскресенье—идите!

Оказалось, однакожъ, что это совсѣмъ не братъ, а любовникъ, и—о ужасъ!—что не разъ, съ пособіемъ судомойки, онъ пронивалъ ночью въ комнату m-lle Thérèse, рядомъ съ комнатою ангелочка!

Кромѣ того, около того же времени, у Софьи Михайловны начали пропадать вещи. Сначала мелкія, а потомъ и покрупнѣе. Наконецъ, пропалъ довольно цѣнный фермуаръ. Воровкою оказалась англичанка...

— Вотъ это-то называется *éducation morale et religieuse!*—трунилъ надъ женой Ардалонъ Семенычъ.

Въ домъ взяли нѣмку, такъ какъ нѣмки (кромѣ гамбургскихъ) изстари пользуются репутаціей добродѣтельныхъ. Француженка и англичанка (тоже вновь приусловленныя) должны были приходить лишь въ опредѣленные дни и часы.

Нѣмка была молодая и веселая. Самъ Ардалонъ Семенычъ съ ея водвореніемъ повеселѣлъ. По-нѣмецки онъ зналъ только двѣ фразы: „leben sie wohl, essen sie Kohl“ и „Wie haben sie geworden gewesen“, и этими фразами неизмѣнно каждый день встрѣчалъ появленіе нѣмки въ столовой. Другой это скоро бы надоѣло, но фрейлейнъ Яковсонъ не только не скучала любезностями Братцева, но постоянно встрѣчала ихъ веселымъ хохотомъ.

— Вотъ твой разговоръ съ нѣмкой, такъ дѣйствительно дурскій!—говорила мужу Софья Михайловна, когда они оставались наединѣ.

— А ты докажи!—дразнилъ онъ ее.

Софья Михайловна, въ свою очередь, ничего доказать не могла, а только цѣлыми днями дулась. Можно было предвидѣть,

что нѣмцѣ недолго ужиться у нея, если бы Софья Михайловна не сообразила, что ежели откажетъ гувернантѣ, то, чего добраго, Ардальонъ Семенычъ и на сторонѣ ее устроить.

— Теперь она все-таки у меня на глазахъ, а тамъ... Вѣдь это такой безсовѣстный человѣкъ, что онъ и ангелочка не пожа- лѣетъ... все состояніе на нѣмокъ спустить!

Все это тѣмъ больше беспокоило ее, что не къ кому было обратиться за совѣтомъ. И скворецъ, и скворешница, и дятель, и жена его — все перемерло, такъ что Ардальонъ Семенычъ остался полнымъ властелиномъ и состоянія, и дѣйствій своихъ.

Наконецъ, Вѣрочка достигла двѣнадцати лѣтъ, и надо было серьезно подумать о воспитаніи ея. Кто знаетъ, что такое *les sentimens d'une mère*, тотъ пойметъ, какъ тревожилась Софья Михайловна, думая о будущемъ своего ангелочка. *Et ceci, et cela*. И науки, и подарокъ къ днямъ именинъ и рожденія — обо всемъ надо было подумать. Увы! ей даже помочь никто не хотѣлъ, потому что Ардальонъ Семенычъ продолжалъ выказывать „адское равнодушіе“ къ своему семейству. И пріятельницы у нея были какія-то безчувственные: у каждой свои ангелочки водились, такъ что начнетъ она говорить о Вѣрочкѣ, а ее перебиваютъ разсказами о Лидочкѣ, Сонечкѣ, Зиночкѣ и т. д. Но Провидѣніе само указало ей путь. Въ то время самымъ моднымъ учебнымъ заведеніемъ считался пансіонъ благородныхъ дѣвицъ *m-lle Тюрбо*. Всѣ науки проходились у нея въ лучшемъ видѣ, и въ такой полнотѣ, что изъ курса не исключались даже начатки философіи (*un tout petit peu, vous savez? — pour faire travailler l'imagination!*). Учителя были все отборные: Жасминовъ, Геліотроповъ, Гиацинтовъ, Резединъ, французъ *Essbouquet*, нѣмецъ Кейнгерухъ (довольно съ нѣмца и этого) и проч. Священникъ Карминовъ приходилъ на урокъ въ муаровой расѣ. Нравственностью завѣдывала сама *m-lle Тюрбо* и ея помощница, *m-lle Эперланъ*.

Заведеніе существовало уже съ давнихъ поръ и всегда славилось тѣмъ, что выходившія изъ него дѣвицы отличались доброю нравственностью, пріятными манерами и умѣли говорить *un peu de tout*. Онѣ знали, что былъ нѣвогда персидскій царь Киръ, втораго отецъ назывался Астіагомъ; что паденіе Западной римской имперіи произошло вслѣдствіе извѣженности нравовъ, что Петръ Пустынникъ ходилъ въ власяницѣ; что городъ Лионъ лежитъ на рѣкѣ Ронѣ и славится шелковыми и бархатными издѣліями, а городъ Казань лежитъ при озерѣ Бабанѣ и славится казанскимъ мыломъ. Юпитеръ былъ большой веломета,

а Юнона была за нимъ очень несчастна, и обратила Го въ корову. А Святославъ сражался съ Цимисхиємъ и сказалъ: „не посрамимъ земли русскія!“ Это онъ сказалъ, а совсѣмъ не генераль Прокофьевъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Словомъ сказать, все выходило такъ, что ни одна воспитанница m-lle Тюрбо не ударила въ грязь лицомъ и не уронила репутаціи заведенія.

Основателемъ пансіона былъ m-г Тюрбо, отецъ нынѣшней содержательницы. Онъ былъ вывезенъ изъ Франціи, въ качествѣ воспитателя, въ сына одного русскаго вельможи, и когда воспитаніе кончилось, то ему назначили хорошую пенсію. М-г Тюрбо уже намѣревался уѣхать обратно въ родной Карпантра, какъ отецъ его воспитанника сдѣлалъ ему неожиданное предложеніе.

— А что, Тюрбо,—сказалъ онъ ему:—если бы вы перешли въ православную вѣру?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Тюрбо.

— А я вамъ помогу устроиться въ Петербургѣ навсегда...

— Съ удо-воль-стви-емъ!—съ чувствомъ повторилъ Тюрбо, цѣлуя своего покровителя въ плечо.

И не дальше какъ черезъ мѣсяць, все семейство Тюрбо познало свѣтъ истинной вѣры, и самъ Тюрбо, при матеріальной помощи русскаго вельможи, стоялъ во главѣ пансіона для благородныхъ дѣвицъ, номинальной директрисой котораго значилась его жена.

Съ этихъ поръ заведеніе Тюрбо сдѣлалось разсадникомъ нравственности, религіи и хорошихъ манеръ. По смерти родителей, его приняла въ свое завѣдываніе дочь, m-lle Caroline Turbot, и, разумѣется, продолжала родительскія традиціи. Плата за воспитаніе была очень высока, но зато число воспитанницъ ограниченное, и въ заведеніе попадали только несомнѣнно родовитыя дѣвочки. Интерната не существовало, потому что m-lle Тюрбо дорожила вечерами и посвящала ихъ друзьямъ, которыхъ у нея было достаточно.

— Днемъ я принадлежу обязанностямъ, которыя налагаетъ на меня отечество, — говорила она, разумѣя подъ отечествомъ Россію: — но вечеръ принадлежитъ мнѣ и моимъ друзьямъ. А впрочемъ, чтожь! вѣдь и вечеромъ мы говоримъ все о нихъ, все о тѣхъ же милыхъ сердцу дѣтяхъ!

Когда Софья Михайловна привезла Вѣрочку въ пансіонъ, то m-lle Тюрбо сразу назвала ее ангелочкомъ.

— Ахъ, какой ангелочекъ! и какая вы счастливая мать! — воскликнула она, любуясь дѣвочкой, которая, дѣйствительно, была очень милويدна.

— Само Провидѣніе привело меня въ вамъ, m-lle Caroline! — отвѣчала Софья Михайловна комплиментомъ за комплиментъ, и вѣжливо пожала руку директрисѣ.

Вѣрочка начала ходить въ пансіонъ и училась прилежно. Все, что могли дать ей Жасминовъ, Гіацинтовъ и проч., она усвоила очень быстро. Сверхъ того, научилась танцовать качучу, а манерами рѣшительно превзошла всѣхъ своихъ товарокъ. Это было нѣчто до такой степени мягкое, плавное, но въ то же время неизятое и дѣтской непринужденности, что сама Софья Михайловна удивлялась.

— И откуда это у тебя, ангелочекъ, такія прелестныя манеры! — восхищалась она.

— Стараюсь, маман, подражать тѣмъ, кого я люблю, — скромно отвѣчала ангелочекъ.

— Ихъ вахмистръ манерамъ учить, — совсѣмъ некстати вмѣшивался Ардаліонъ Семеновичъ.

Но и съ ангелочкомъ случались приключенія, благодаря которымъ она становилась въ тупикъ. Однажды Essbouquet задалъ сочиненіе на тему: *que peut dire la couleur bleue?* Вѣрочка пришла домой въ большой тревогѣ.

— *Que peut dire la couleur bleue, маман?* — спросила она мать за обѣдомъ.

— Что такое... *la couleur bleue?* — удивилась Софья Михайловна.

— Намъ французъ на эту тему въ послѣ-завтраму сочиненіе задалъ, — объяснила Вѣрочка.

— Экъ выведь! — замѣтил Ардаліонъ Семеновичъ.

— Ахъ, да... понимаю! — догадалась, наконецъ, Софья Михайловна: — о чемъ бы, однакожъ, голубой цвѣтъ могъ говорить? Ну, небо, напримѣръ, *l'azur des cieux*... понимаешь? Голубое небо... Надъ нимъ ангелы... *les chérubins, les séraphins*... все, все голубое!.. Разумѣется, это надо распространить, дополнить — тутъ цѣлая картина! Что бы еще, напримѣръ?.. Ну, напримѣръ, невѣста... Голубое платье, голубыя ботинки, голубая шляпка... вся въ голубомъ! Чистая, невинная... разумѣется, и это надо распространить... Что бы еще?..

— Ну, напримѣръ, голубой жандармъ, — подсказалъ Ардаліонъ Семеновичъ.

— А что бы ты думалъ! жандармъ! вѣдь они охранители нашего спокойствія. И этимъ можно воспользоваться. Ангелочекъ почиваетъ, а добрый жандармъ бодрствуетъ и охраняетъ ея спокойствіе... Ахъ, спокойствіе!.. Это главное въ нашей жизни!

Если душа у насъ спокойна, то и мы сами спокойны. Ежели мы ничего дурного не сдѣляли, то и жандармы за насъ спокойны. Вотъ теперъ завелись эти... какъ ихъ... ну, все равно... Оттого мы и неспокойны... спимъ, а во снѣ все-таки тревожимся!

— О! чортъ побери!—простоналъ Ардаліонъ Семеновичъ.

Нѣмка неосторожно хихикнула; Софья Михайловна обвела ее молніеноснымъ взглядомъ, отодвинула сердито тарелку и весь остатокъ обѣда просидѣла надутая.

Въ другой разъ Вѣрочка вбѣжала въ квартиру, восторженно крича:

— Мамаша! я оступилась!

— Какъ, оступилась?—встревожилась Софья Михайловна:— садись, покажи ножку!

— Это, мамап, намъ мосье Жасминовъ сочиненіе на тему: „Она оступилась“ задалъ.

„Ah! c'est trop fort!“ подумала Софья Михайловна, и рѣшилась немедленно объясниться съ m-lle Тюрбо.

Она знала, что слово „оступиться“ употребляется въ смыслѣ довольно неподходящемъ для дѣтской невинности. „Она оступилась, но потомъ вышла замужъ“, или: „она оступилась, и за это родители не позволили ей показываться имъ на глаза“ — вотъ въ какомъ смыслѣ употребляется это слово въ „свѣтѣ“. Неужели ангелочекъ можетъ когда-нибудь оступиться? Неужели нужно наводить его на подобныя мысли, заставлятъ доискиваться ихъ значенія? Вотъ ужъ этого-то не ожидала она отъ m-lle Тюрбо! Она скорѣе склонна была думать, что старая дѣвственница сама не подозреваетъ значенія подобныхъ выраженій, и вдругъ — прошу покорно!

Въ это утро у m-lle Тюрбо ужъ перебивало не мало встревоженныхъ матерей, по этому же поводу, и потому она встрѣтила Софью Михайловну уже подготовленная.

— Ахъ, chère madame!—объяснила она:— что же въ этой темѣ дурного—рѣшительно не понимаю! Ну, прыгаль вотъ ангелочекъ по лѣстницѣ... ну, оступился... попортилъ ножку... разумѣется, не сломаль—о, сохрани Богъ! — а только попортилъ... Послѣ этого долженъ былъ нѣсколько дней пролежать въ постелѣ, маневрировать уроки... согласитесь, развѣ все это не можетъ случиться?

— Да, ежели въ этомъ смыслѣ... но я должна вамъ сказать, что очень часто это слово употребляется и въ другомъ смыслѣ... Во всякомъ случаѣ, знаете что? попросите мосье Жасминова—

отъ меня! — не задавать сочиненій на темы, которыя могутъ имѣть два смысла! У меня живетъ нѣмка, которая можетъ... о, вы не знаете, какъ я несчастлива въ своей семьѣ! Мужъ мой... охъ, еслибъ не ангелочекъ!..

— Не доканчивайте! Я понимаю васъ! Желаніе ваше будетъ выполнено! — горячо отвѣтила m-lle Тюрбо, пожимая посѣтительницѣ руки:—*Raivge ange délaissé!*

Наконецъ (ангелочку ужъ шель шестнадцатый годъ), Вѣрочка пожаловалась мамашѣ, что танцмейстеръ Тупату хватается ее за колѣнки. Извѣстіе это окончательно взорвало Софью Михайловну. Во-первыхъ, она въ первый разъ только сообразила, что у ангелочка есть колѣнки, и, во-вторыхъ — какая дерзость! Неужто какой-нибудь Тупату воображаетъ... *mais c'est odieux!* Когда она была молоденькая, и *Argalion*, въ первый разъ, схватилъ ее за колѣнки — о, она отлично помнитъ этотъ моментъ! Она никогда не забудетъ, какъ покойница мамап („скворешница!“ мелькнуло у нея въ головѣ) бранила ее за это!

— Твои колѣнки, какъ вообще все твое, — принадлежать будущему! — выговаривала старая скворешница: — и покуда ты не объявлена невѣстой, ты не должна расточать...

Она сообщила объ этомъ выговорѣ Ардашѣ, и онъ въ тотъ же вечеръ поспѣшилъ сдѣлать предложеніе. Ну, послѣ этого, конечно... о! это была цѣлая поэма!

Вслѣдствіе этого эпизода Софья Михайловна окончательно поссорилась съ m-lle Тюрбо и взяла ангелочка изъ пансіона. Курсъ еще не конченъ, но Вѣрочкѣ черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца шестнадцать лѣтъ — надо же когда-нибудь! Она ужъ достаточно знаетъ, и о томъ, что можетъ говорить голубой цвѣтъ, и о томъ, что можетъ случиться, если дѣвушка оступится, прыгая по лѣстницѣ. И вотъ, ее ужъ начинаютъ за колѣнки хватать — довольно съ нея! Къ тому же зимній сезонъ кончился, скоро предстояли сборы въ деревню; тамъ Вѣрочка будетъ гулять, купаться, ѣздить верхомъ и вообще наберется здоровья, а потомъ, въ октябрѣ, опять наступитъ зимній сезонъ. Они возвратятся въ Петербургъ и сдѣлаютъ для ангелочка первый балъ.

За обѣдомъ только и было разговору, что о будущихъ выѣздахъ и балахъ. Будутъ ли носить талію съ такими же глубокими вырѣзами сзади, какъ въ прошлый сезонъ? Будутъ ли сзади подъ юбку подкладывать подставки? Чѣмъ будутъ обшивать низъ платья?

— *Soignez vos épaules, mon ange,* — тревожно наставляла

дочь Софья Михайловна: — плечи — это въ бальномъ нарядѣ главное.

Увы! Ардалионъ Семеновичъ уже не только не возмущался этими разговорами, но внималъ имъ совершенно послушно. Въ послѣднее время онъ весь отдался во власть мадеры, сдѣлался необыкновенно тихъ, и только изрѣдка сквозь зубы цѣдилъ:

— Черти!

Все именно такъ и случилось, какъ предначертала Софья Михайловна. За лѣто Вѣрочка окрѣпла и нагуляла плечи, не слишкомъ наливныя, но и не скаредныя — какъ разъ въ мѣру. Въ декабрѣ, передъ Рождествомъ, Братцевы дали первый балъ. Разумѣется, Вѣрочка была на немъ царицей, и князь Сампантре смотрѣлъ на нее изъ угла и щелкалъ языкомъ.

— Мама! это былъ волшебный сонъ! — восторженно восклицалъ ангелочекъ, вставши на другой день очень поздно. — Ты дашь еще другой такой балъ?

— Объ этомъ надо еще подумать, ангелочекъ: — такіе балы обходятся слишкомъ дорого. Во всякомъ случаѣ, на слѣдующей недѣлѣ будетъ балъ у Щербиновскихъ, потомъ у Глазотовыхъ, потомъ въ „Собраніи“, а можетъ быть, и князь Сампантре дастъ балъ... для тебя... Кстати, представилъ его тебѣ вчера папаша?

— Да, представилъ... Ахъ, какой у него смѣшной носъ!

— Не въ носу дѣло, — резонно разсудила мать: — а въ томъ, что, кромѣ носа, у него... впрочемъ, это ты въ свое время узнаешь!

Сезонъ промчался незамѣтно. Визиты, театры, балы — ангелочекъ съ утра до вечера только и дѣлать, что раздѣвался и одѣвался. И всякій разъ, возвращаясь домой усталая, но вся пылающая отъ волненія, Вѣрочка видалась на шею къ матери и восклицала:

— Мама! мама! это... волшебный сонъ!

Наконецъ, уже передъ масляницей, князь Сампантре далъ ожидаемый балъ. Онъ открылъ его польскимъ въ парѣ съ Софьей Михайловной и первую кадрили танцовать съ Вѣрочкой, которая не спускала глазъ съ его носа, точно хотѣла выучить его наизусть.

Постомъ пошли рауты; но Братцевы выѣзжали не часто, потому что къ нимъ началъ ѣздить князь Сампантре. Наконецъ, на Святой, онъ пріѣхалъ утромъ, спросилъ Софью Михайловну и открылся ей. Вѣрочка въ это время сидѣла въ своемъ гнѣздышкѣ (*un gai nid de colibri*), какъ вдругъ папаша, вся взволнованная, вбѣжала къ ней.

— Пойдемъ! онъ сдѣлалъ предложеніе! — сказала она попотомъ, точно боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ и не разстроилъ счастья ея ангелочка.

Вѣрочка вспомнила про носъ, и слегка поморщилась. Но потомъ вспомнила, что у Сампантре есть кое-что и кромѣ носа — и встала.

— Идемъ же! — торопила ее мать.

Дѣло кончилось въ двухъ словахъ. Рѣшено было справить свадьбу въ имѣніи Сампантре въ будущемъ сентябрѣ, въ тотъ самый день, когда ангелочку минетъ семнадцать лѣтъ.

Дѣвическая жизнь ангелочка кончилась. Въ семнадцать лѣтъ она уже успѣла исчерпать все ея содержаніе и приготовиться быть доброю женою и доброю матерью.

Теперь она пишетъ себя на карточкахъ: „княгиня Вѣра Ардаліоновна Сампантре, рожденная Братцева“. Но тамап, по прежнему, называетъ ее „ангелочкомъ“.

II.—Христова невѣста ¹⁾.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Ольга Васильевна Ладогина, девятнадцати лѣтъ, вышла изъ института и прямо переселилась въ деревню къ отцу. Въ то время, когда болѣе счастливыя товарищи разѣзжались по Москвѣ, чтобы вступить въ свѣтъ, въ самомъ разгарѣ сезона, за Ольгой пріѣхала няня, переодѣла ее въ „собственное“ платье и увезла на постоянный дворъ, гдѣ она остановилась. На постояломъ дворѣ отобѣдали деревенской провизіей, подкормили лошадей и сѣли въ возовъ; дѣло было въ началѣ зимы. Отцовская усадьба стояла отъ Москвы слишкомъ въ ста верстахъ, такъ что на „своихъ“ онѣ пріѣхали только на третій день къ обѣду.

Василій Федорычъ Ладогинъ былъ больной старикъ. Болѣзнь была хроническая, неизлечимая, такъ что онъ рѣдко вставалъ съ кресла и съ трудомъ бродилъ по комнатамъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ и безъ того плохія радости, а тутъ еще навязался недугъ. Никто къ нему не ѣздилъ, кромѣ лекаря, который разъ въ недѣлю навѣзжалъ изъ города. Лекарь былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати - шести, но уже обремененный семействомъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, онъ былъ молчаливъ, смотрѣлъ угнетенно

¹⁾ Этими именемъ на народномъ языкѣ называются старія дѣвушки, которымъ не посчастливилось выйти замужъ.

и вообще представлял мало ресурсов. Всегда одинокий, больной и угрюмый, Василий Ѳеодорыч считал себя оброшеннымъ, и не видѣлъ иного выхода изъ этой оброшенности кромѣ смерти.

Дѣтей у него было двое: сынъ Павелъ, лѣтъ двадцати-двухъ, который служилъ въ полку на Кавказѣ, и дочь, которая оканчивала воспитаніе въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Сынъ не особенно радовалъ; онъ велъ разгульную жизнь, имѣлъ неоднократно „исторіи“, былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію и не выказывалъ ни малѣйшей привязанности къ семьѣ. Дочь была отличная и скромная дѣвушка, но отцу становилось жутко, когда онъ раздумывался о ней. Ей предстояло коротать жизнь въ деревнѣ, около него, и только смерть его могла избавить ее отъ этого сѣраго, безнадежнаго будущаго. Была у него, правда, родная сестра, старая дѣвица, которая скромно жила въ Петербургѣ въ небольшомъ кругу „хорошихъ людей“ и тревожилась всевозможными передовыми вопросами. Василий Ѳеодорыч думалъ поселить Ольгу вмѣстѣ съ нею, и Надежда Ѳеодоровна охотно соглашалась на это, но Ольга рѣшительно отказалась исполнить желаніе отца. Ей казалось, что ея мѣсто около больного старика, и деревенское заточеніе не только не пугало ея, но рисовалось въ ея воображеніи въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Большой домъ, обширныя комнаты, паркъ съ густыми аллеями; лѣтомъ—воздухъ пропитанъ ароматами, паркъ гремитъ пѣніемъ птицъ; зимой—деревья задумчиво помаваютъ обнаженными вершинами, деревня утопаетъ въ сугробахъ; во всѣ стороны далеко-далеко видно. И тотъ, и другой пейзажъ имѣетъ свою прелесть; первый представляетъ ликование, жизнь; второй—задумчивое, тихое умираніе.

Но, кромѣ наслажденій, представляемыхъ природой, ей предстоятъ въ деревнѣ и различныя обязанности. Она выберетъ нѣсколько деревенскихъ дѣвочекъ и будетъ учить ихъ; она будетъ посѣщать бѣдныхъ крестьянъ, помогать лечить. Конечно, она совсѣмъ не знаетъ медицины, но, съ помощью хорошаго лечебника и совѣтовъ уѣзднаго лекаря, этотъ недостатокъ легко устранить. Сверхъ того, передъ нею раскрывалась широкая область сельско-хозяйственной дѣятельности. Лѣтомъ—ходить въ поля смотрѣть, какъ пахутъ, жнутъ; зимою—сводить счета. Вообще, работы предстояло достаточно.

Состояніе у Ладогиныхъ было хорошее, такъ что они могли жить, ни въ чемъ не нуждаясь. Съ этой стороны, будущее дѣтей не пугало Василя Ѳеодорыча. Его пугало, что сынъ выйдетъ неудачный; а дочь останется одинокою. Онъ съ горечью думалъ

о тѣхъ счастливыхъ семьяхъ, гдѣ много родныхъ, и родственныя связи упрочились крѣпко. По крайней мѣрѣ, для молодыхъ людей есть вѣрный пріютъ, особливо ежели не существуетъ значительной разницы въ матеріальныхъ средствахъ. Горько являться въ качествѣ бѣдной родственницы; но, не имѣя нужды въ кускѣ, всегда можно надѣяться на радушный пріемъ. Вотъ, если бы Ольга вышла замужъ—это было бы отличнымъ исходомъ и для нея, и для брата. И братъ могъ бы пріютиться въ семьѣ сестры и сдѣлаться тамъ человѣкомъ. Но на замужество Ольги надежда была плохая, особливо съ тѣхъ поръ, какъ она отказалась поселиться у Надежды Ѳедоровны. Кто ее увидитъ въ деревенской глуши? Кому она здѣсь нужна, кромѣ безнадежно больного старика-отца?

Сверхъ того, старикъ не скрывалъ отъ себя, что Ольга была некрасива (ее и въ институтѣ звали дурнушкой), а это тоже имѣетъ вліяніе на судьбу дѣвушки. Лицо у нея было широкое, расплывчатое, корпусъ сутулый, приземистый. Не могла она нравиться. Развѣ тотъ бы ее полюбилъ, кто оцѣнилъ бы ея сердце и умъ. Но такіе цѣнители вообще представляютъ исключеніе, и ужъ, разумѣется, не въ деревнѣ можно было надѣяться встрѣтить ихъ.

Едва пріѣхала Ольга Васильевна въ деревню, какъ сразу же погрузилась въ безпробудную тишину. Старикъ-отецъ почти не покидалъ кресла и угрюмо молчалъ; въ комнатахъ было пусто и безмолвно. Стулъ часового маятника, скрипъ собственныхъ шаговъ—все съ такою гулкостью раздавалось въ комнатахъ, что, по временамъ, она даже пугалась. Пейзажъ, отрывавшійся передъ окнами, былъ необыкновенно унылъ. Деревья въ паркѣ грузно опустили отягченныя инеемъ вѣтви и едва шевелили ими; рѣчка застыла; изрѣдка вдали показывался проѣзжій, но и тотъ словно нырялъ въ сугробахъ, то показываясь на дорогѣ, то исчезая. Бѣлая церковь выступила впередъ своей колокольней, точно собираясь сойти съ пригорка и что-то возвѣстить. Вправо отъ нея, сквозь обнаженный фруктовый садъ, чернѣлъ сельскій поселокъ, но издали казалось, что и онъ словно замеръ. Прислуга, пользуясь нездоровьемъ барина, рѣдко показывалась въ домѣ, за исключеніемъ стараго камердинера, который постоянно дремалъ въ передней. Только на мельницѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ усадьбы, замѣчалось движеніе; но туда Ольга идти не рѣшалась: она еще боялась сразу вступать на арену хозяйственной дѣятельности.

Вечеромъ зажигались огни по всей анфіладѣ комнатъ, гдѣ

проводить свой день старый баринъ. Старикъ любилъ освѣщенныя комнаты; онѣ однѣ напоминали ему о жизни. Ольга садилась около него и читала; но старикъ даже отъ чтенія, во время долгой болѣзни, отвыкъ. Тогда она пересаживалась съ книгой къ столу и читала про себя, покуда отца не уведили спать. Книгъ въ домѣ оказалось много, и почти все въ нихъ было для нея ново. Это, до извѣстной степени, наполняло ту вынужденную праздность, на которую она была обречена. Она все чего-то ждала, все думала: вотъ пройдетъ мѣсяцъ, другой, и она войдетъ въ настоящую колею, устроится въ новомъ гнѣздѣ такъ, какъ мечтала о томъ, покидая Москву, будетъ ходить въ деревню, наберетъ ученицъ и проч. Тогда и деревенская тишь перестанетъ давить ее своимъ гнетущимъ однообразиемъ.

Въ ожиданіи минуты, когда настанетъ дѣятельность, она читала, бродила по комнатамъ и думала. Поэтическая сторона деревенской обстановки скоро исчерпалась; гудѣніе внезапно разыгравшейся мятели уже не производило впечатлѣнія; безконечная бѣлая равнина, съ крутящимися по мѣстамъ, словно дымъ, столбами снѣга, прискучила; тишина не успокаивала, а наполняла сердце тоской. Сердце безпокойно билось, голова наполнялась мечтаніями.

Она старалась гнать ихъ отъ себя, замѣнять болѣе реальною пищею — воспоминаніями прошлаго; но послѣднія были такъ мало-содержательны и притомъ носили таковой ребяческой характеръ, что останавливаться на нихъ подолгу не представлялось никакого резона. У нея существовалъ, впрочемъ, въ запасѣ одинъ ресурсъ — долгъ самоотверженія, относительно отца, и она охотно отдалась бы ему; но старикъ думалъ, что стѣсняетъ ее собою, и предпочиталъ услугу стараго камердинера.

— Ужели всѣ такъ живутъ?—повторяла она, вперяя взоръ въ безвечную даль.

Нѣтъ, есть другіе, которые живутъ по иному. Даже у нея подъ бокомъ шла жизнь, положимъ, своеобразная и грубая, но все-таки жизнь.

По временамъ раздавалось то въ той, то въ другой передней хлопанье дверьми—это означало, что кто-нибудь изъ прислуги пришелъ и опять уходитъ. Въ этотъ домъ приходили только на минуту и сейчасъ же спѣшили изъ него уйти, точно онъ былъ выморочный. Даже старуха-нянька — и та постоянно сидѣла въ людской. Тамъ было весело, оживленно; тамъ слышался человѣческій голосъ, человѣческій смѣхъ; тамъ о чемъ-то думалось, говорилось. Она одна ничего не слышала, кромѣ тиванья рас-

качивающагося маятника, скрипа собственныхъ шаговъ да какихъ-то таинственныхъ шопотовъ, которые, по временамъ, врываются въ общее безмолвіе съ такою ясностью, что ей становилось жутко. Хотя бы птицу или собаку ей кто-нибудь подарилъ — все было бы веселѣе. Нѣтъ, одна, всегда одна. Какую такую поэзію она себѣ воображала, когда сюда ѣхала?

Періодическій пріѣздъ лекаря нѣсколько оживлялъ ее. Несмотря на угнетенный видъ, молчаливость, все же это былъ человекъ. Самъ онъ, положимъ, вопросовъ не дѣлалъ, но на посторонніе вопросы отвѣчалъ. Къ тому же, наружность его была довольно симпатичная: блѣдное лицо, задумчивые большіе глаза, большой лобъ, густые черные волосы. Очень возможно, что печать угнетенности легла на него не спроста. Слухи носились, что онъ женился очень несчастливо, на вдовѣ, которая была гораздо старше его и которая содержала меблированныя комнаты, гдѣ онъ жилъ. Тамъ онъ съ нею и познакомился. Но насколько въ этой исторіи было правды — она не знала, и только видѣла, что въ жизни доктора было что-то загадочное. Случалось ей, по временамъ, и разговариваться съ нимъ, но разговоры были короткіе.

— Вы женаты? — однажды спросила она его во время обѣда.

— Женатъ, — отвѣтилъ онъ односложно.

— И семейство есть?

— Четверо дѣтей.

— Скажите, веселятся въ городѣ? бываютъ собранія, вечера?

— Не знаю; я очень мало имѣю знакомствъ, и куда не ѣзжу.

— Что такъ?

— Жизнь такъ сложилась. Скучная жизнь.

Она инстинктивно подумала: „какой молодой, и уже связалъ себя!“ — но тутъ же спохватилась: съ чего ей вздумалось жалѣть, что онъ „связанъ“, и краска разлилась по ея лицу.

— Да, нельзя сказать, чтобы весело было жить, — сказала она.

— Скучно, скучно, скучно! — три раза повторилъ онъ: — и, главное, бесполезно.

— Не слишкомъ ли рѣзко вы выразились?

— Нѣтъ; вы сами на себѣ это чувство испытываете, а ежели еще не испытываете, то скоро, повѣрьте мнѣ, оно наполнитъ все ваше существо. Зачѣмъ? почему? — вотъ единственные вопросы, которые представляются уму. Всю жизнь нести иго зависимости, съ утра до вечера ходить около крохъ, слышать разговоръ о крохахъ, сознавать себя подавленнымъ мыслью о крохахъ...

— Но вѣдь я о крохахъ не думаю, а мнѣ тоже скучно.

— Нѣтъ, и ваша жизнь переполнена крохами, только вы иначе ихъ называете. Что вы теперь дѣлаете? что предстоитъ вамъ въ будущемъ? Навѣрно, вы мечтаете о дѣятельности, о возможности быть полезною; но разберите сущность вашихъ мечтаній, и вы найдете, что тамъ ничего, кромѣ крохъ, нѣтъ.

— Я еще не приступила ни къ чему, а вы уже заранѣе пугаете меня.

— Извините. Я вообще и неумѣль, и необщителенъ. Такъ сказалося, просто.

Оба замолчали, чувствуя, что дальнѣйшее развитіе подобнаго разговора между людьми, которые едва знали другъ друга, можетъ представить нѣкоторыя неудобства. Но когда онъ, послѣ обѣда, собрался въ городъ, она опять подумала: „вотъ еслибъ онъ не былъ связанъ!“ — и опять покраснѣла.

Въ этотъ же вечеръ старикъ отецъ, точно чувствуя, что сердце Ольги тревожно, подозвалъ ее къ себѣ и, взявши за подбородокъ, долго всматривался ей въ глаза.

-- Бѣдная моя! — не то сказала, не то вздохнулъ онъ.

— Что такъ? — спросила она, чуть не плача.

— Бѣдная! — повторилъ онъ, безпомощно опуская голову на грудь, и махнулъ рукою, чтобы она ушла.

Всю ночь она волновалась. Что-то новое, хотя и неясное, проснулось въ ней. Разговоръ съ докторомъ былъ загадочный, сожалѣнія отца заключали въ себѣ еще менѣе ясности, а между тѣмъ они точно разбудили ее отъ сна. Въ самомъ дѣлѣ, что такое жизнь? что значать эти „крохи“, о которыхъ говорилъ докторъ?

Ей вспомнилась старая дѣвушка — тетка. Надежда Федоровна не жаловалась собственно на жизнь, а только на извѣстныя затрудненія, которыя тормозили ея дѣятельность. Но затрудненія не исключали представленія о жизни; напротивъ того, борьба съ ними оживляла и придавала бодрости. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствовало изъ писемъ тетки, которая всегда оговаривалась, что занята по горло, и оттого пишетъ рѣдко. Зачѣмъ она не послушалась отца, и не поселилась вмѣстѣ съ теткой? Быть можетъ, теперь у нея нашлось бы ужъ дѣло; быть можетъ, она, вмѣстѣ съ Надеждой Федоровной, волновалась бы настоящею, реальною дѣятельностью, а не тою вынужденною праздностью, которая наполняла все ея существо тоскою? И усиленная дѣятельность тетки не представляла ничего другого, кромѣ „крохъ“, какъ выразился недавно докторъ...

На другой день, утромъ, она спросила няньку:

Есть у насъ въ селѣ бѣдные?

— Какъ бѣднымъ не быть.

— И плохо они живутъ?

— Ужъ какое бѣдному человѣку житье! Колотятся.

— Что они, напримѣръ, ѣдятъ?

— Тюрю, щи пустыя. У кого корова есть, такъ молока для забѣлки кладутъ.

— И больные въ деревнѣ есть?

— И больныхъ довольно. Плотникъ Миронъ ужъ два года животомъ валяется. Взвалилъ себѣ въ ту пору на плечо бревно, и вдругъ у него въ нутрѣ оборвалось.

— Неужто и онъ тоже тюрей питается?

— А то чѣмъ же! Чѣмъ прочіе, тѣмъ и онъ. Хлѣбъ-то за даромъ не достается. Онъ и съ печки сойти не можетъ — каковой онъ добытчикъ?

— Докторъ у него не былъ?

— Про насъ, сударыня, докторовъ не припасено, — чуть не съ гнѣвомъ отвѣтила няня.

— Я, няня, пойду къ Мирону, — рѣшила Ольга.

— А зачѣмъ, позвольте узнать? „Богъ милости прислалъ“? Такъ это онъ и безъ васъ давно знаетъ.

— Нѣтъ, я спрошу, не нужно ли что.

— Полноте-ка! посмотрите, на дворѣ мгла какая! Пойдете въ своемъ разлетаичиѣ, простудитесь еще. Сидите-ка лучше дома — на что еще глядѣть собрались?

— Нѣтъ, я пойду.

И пошла.

Приходу ея въ избѣ удивились. Но она вопла довольно смѣло и спросила Мирона. Въ избѣ было душно и невыносимо смрадно. Ей указали на печку. Когда она взопла по приступкамъ на верхъ, передъ ней очутился человѣческой остова, изъ груди котораго вылетали стоны.

— Вы больны? — спросила она, не сознавая бесполезности своего вопроса.

Онъ широко раскрылъ глаза и безмолвствовалъ.

— Третій годъ пластомъ лежитъ, — отвѣтила за него жена: — сначала и день, и ночь крикомъ кричалъ, хоть изъ избы вонъ бѣги, а теперь потише сдѣлался.

— Можетъ быть, ему легче сдѣлалось?

— Не должно бы быть — съ чего? Нѣтъ, у него, стало быть, силы ужъ нѣтъ кричать.

— Чѣмъ же вы его кормите?

— Что сами ѣдимъ, то и ему даемъ. Да онъ и не ѣсть совсѣмъ.

— Хотите, я вамъ бульону для него пришлю? мяса?

— Съ убойны у него, пожалуй, съ души сопретъ. Вотъ супцу... Миронъ, а Миронъ! барышня съ усадьбы пришла, спрашиваетъ, супцу не хочешь ли?

— Не... нужно...

— Нѣтъ, я все-таки пришлю. Можетъ быть, и лучше ему будетъ. И съ докторомъ о немъ поговорю. Посмотреть, что-нибудь присовѣтуеть, скажетъ, какая у него болѣзнь.

Визитъ кончился. Когда она возвращалась домой, ей было нѣсколько стыдно. Съ чѣмъ она шла?.. съ „супцемъ“! Да и „супецъ“ ея былъ принятъ какъ-то сомнительно. Ни одного дѣльнаго вопроса она сдѣлать не сумѣла, никакой помощи предложить. Между тѣмъ сердце ея болѣло, потому что она увидѣла настоящее страданіе, настоящее горе, настоящую нужду, а не тоску по праздности. Тѣмъ не менѣе, она сейчасъ же распорядилась, чтобы Мирону послали миску съ бульономъ, вареной говядины и бѣлаго хлѣба.

— Это еще что за выдумки?—удивилась няня.

— Пожалуйста, няня! прошу!

— Стыдитесь, сударыня! у насъ у самихъ говядины въ обрѣзъ. Въ городъ за нею гоняемъ. А бѣлый хлѣбъ только для господъ бережемъ.

— Исполните приказаніе Ольги Васильевны!—раздался голосъ старика Ладогина, до котораго, черезъ двѣ комнаты, донесся этотъ разговоръ.

Приказаніе было исполнено. На другой день Ольга Васильевна повторила свою просьбу, но она уже видѣла, что ей придется напоминать объ одномъ и томъ же каждый день, и что добровольно никто о Миронѣ не подумаетъ. Когда пріѣхалъ докторъ, она пошла къ больному вмѣстѣ съ нимъ, но докторъ, осмотрѣвъ паціента, объявилъ, что онъ безнадеженъ, и такихъ средствъ, которыя могли бы возстановить здоровье Мирона, у него, доктора, въ распоряженіи не имѣется. Онъ назвалъ болѣзнь по имени, но Ольга не поняла. За всѣмъ тѣмъ она продолжала напоминать о „супцѣ“, но скоро убѣдилась, что распоряженія ея просто не исполняются. Тогда она умоляла.

Недѣли черезъ двѣ она обратилась къ нянѣ съ новымъ вопросомъ:

— Нѣтъ ли на селѣ дѣвочекъ, которыя пожелаали бы учиться? Немного: четыре, пять дѣвочекъ...

— Учить хотите?

— Да.

— Это чтобъ онѣ вездѣ слѣдовъ наслѣдили, нахаркали, всѣ комнаты овчинами пасмердили?

— Ахъ, няня, какъ это у васъ сердце такое черстное!

— Придутъ въ вашу комнату, насорятъ, нагадятъ, а я за ними подметаю!—продолжала ворчать нянька.

— Другіе подметутъ; наконецъ, я сама... Пожалуйста! Я знаю, палашѣ будетъ пріятно, что я хоть чѣмъ-нибудь занята.

На этотъ разъ нянька не противорѣчила, потому что побоялась вмѣшательства Василия Федоровича. Дня черезъ два пришли три дѣвочки, пугливо остановились въ дверяхъ классной комнаты, оглядѣли ее кругомъ и, наконецъ, уставились глазами въ Ольгу. Съ мороза носы у нихъ были влажны, и одна изъ пришедшихъ, точно исполняя предсказаніе няньки, тотчасъ же высморкалась на полъ.

— Подойдите, не бойтесь!—поощряла ихъ Ольга Васильевна.

Началось ежедневное ученье, и такъ какъ Ольга дѣйствительно сгорала желаніемъ принести пользу, то дѣло пошло довольно бойко.

Черезъ короткое время Ольга Васильевна, однакожъ, замѣтила, что матушка-попадья имѣетъ на нее какое-то неудовольствіе. Оказалось, что такъ какъ женской школы на селѣ не было, то матушка, за крохотное вознагражденіе, набирала ученицъ и учила ихъ у себя на дому. Затѣя „барышни“, разумѣется, представляла для нея очень опасную конкуренцію.

— Она семью своимъ трудомъ кормитъ,—говорила по этому случаю нянька:—а вы у нея хлѣбъ отнимаете.

Приходилось, по прежнему, безцѣльно бродить по комнатамъ, прислушиваться къ бою маятника и скучать, скучать безъ конца. Изрѣдка она каталась въ саняхъ, и это немного оживляло ее; но дорога была такъ изрыта ухабами, что непрерывное нырканье въ значительной степени отравляло прогулку. Впрочемъ, она настолько ужъ опустилась, что ее и не таянуло изъ дому. Все равно, вездѣ одно и то же, и вездѣ она одна.

Во время рождественскихъ праздниковъ пріѣзжалъ къ отцу одинъ изъ мировыхъ судей. Онъ говорилъ, что въ городѣ веселятся, что квартирующий тамъ батальонъ доставляетъ жителямъ различныя удовольствія, что по зимамъ нанимается залъ для собраній и бывають танцевальныя вечера. Потомъ зашелъ раз-

говоръ о какихъ-то пререканіяхъ земства съ исправникомъ, о томъ, что земскія недоимки совсѣмъ не взыскиваются, что даже жалованье членамъ управы и мировымъ судьямъ платить не изъ чего.

— Слухи ходятъ, что скоро и совсѣмъ земства похерятъ, — прибавилъ онъ: — да и хорошо сдѣлаютъ. Объ умывальникахъ для больницы да о паромѣ черезъ рѣчку Воплю и безъ земства есть кому думать. Вотъ кабы...

Но Василій Ѳедоровичъ не далъ ему докончить и, смѣясь, сказалъ:

— Успокойтесь; ваше жалованье при васъ останется. Даже вѣрнѣе будетъ уплываться, потому что недоимки настоящимъ образомъ станутъ взыскивать.

Въ заключеніе, судья приглашалъ Ольгу развлечься и предлагалъ познакомить ее съ своею женой. Дѣйствительно, она однажды собралась въ городъ, и жена судьи приняла ее очень дружелюбно. вмѣстѣ онѣ поѣхали въ собраніе, но тамъ было такъ людно и шумно, что у Ольги, почти въ самомъ началѣ вечера, разболѣлась голова. Притомъ же, почти все время она просидѣла одна, потому что, подъ предлогомъ незнакомства, ее ангажировали очень рѣдко, тогда какъ жена судьи была царицей бала и не пропускала ни одного танца. Она искала глазами доктора, но его въ залѣ не было. Взамѣнъ, ей указали на сухопарую, высокую даму, которая тоже сидѣла совсѣмъ одиноко, и сказали: „вотъ наша докторша!“

Черезъ нѣсколько времени, сухопарая дама подошла къ ней и очень нахально объявила:

— А мой докторъ отъ васъ безъ ума. Только и словъ, что Ольга Васильевна, да Ольга Васильевна.

— Я всего одинъ разъ съ нимъ говорила, — невпопадъ отвѣтила Ольга, краснѣя.

— Это зависитъ отъ того, какъ говорить! Иногда и одинъ разъ люди поговорятъ, да такъ сговорятся, что любо-дорого смотрѣть!

Ольга встала и пересѣла на другое мѣсто.

— Придетъ онъ теперь къ вамъ... дожидайтесь! — прошипѣла ей вслѣдъ докторша.

Послѣ этого эпизода, голова у нея разболѣлась сильнѣе, и ей сдѣлалось невыносимо свучно среди этой суматохи, называвшей себя весельемъ.

— Должно быть, и для того, чтобъ веселиться, надо привычку имѣть, — думалось ей, когда она возвращалась на постоянный дворъ, чтобы переодѣться и возвратиться домой.

— Ну, вотъ, слава Богу, и повеселились! — встрѣтила ее нянька.

Тѣмъ не менѣе, докторъ продолжалъ навѣщать старика: это была единственная практика во всемъ уѣздѣ, которая представляла какое-нибудь подспорье, такъ что даже сварливая докторша не рѣшилась настаивать на утратѣ такого паціента. Но Ольга уже не вступала съ докторомъ въ разговоръ, а онъ и подавно молчалъ. Обмѣниваясь короткими фразами, обѣдали они вдвоемъ въ урочное время, затѣмъ пожимали другъ другу руки, и онъ уѣзжалъ. День ото дня, перспектива одиночества и какой-то безвыходной тусклости все неизбѣжнѣе и неизбѣжнѣе обрисовывалась передъ ней.

Наконецъ, наступилъ мартъ, и грудь ея вздохнула свободнѣе. Стужа еще не превратилась, но въ серединѣ дня солнце уже грѣло и въ воздухѣ чуялся поворотъ къ веснѣ. Вотъ и грачи прилетѣли и наполнили сосѣднюю рощу шумнымъ карканьемъ; вотъ на дорожкѣ, ведущей въ паркъ, въ густомъ снѣжномъ слоѣ, ее покрывавшемъ, показались дырочки; на прудъ прибѣгали деревенскіе мальчики и проваливались въ рыхломъ снѣгу. Къ концу марта и въ комнатахъ стало веселѣе, свѣтлѣе. Лучи солнца играли на полу, отражались въ зеркалахъ; на стѣнахъ, неизвѣстно откуда, появлялись „зайчики“. Ольга съ удовольствіемъ слѣдила за игрою лучей, и чувствовала себя менѣе угнетенной. Наконецъ, пришелъ управляющій и объявилъ, что надо запастись провизіей, потому что скоро появятся на дорогахъ зажоры, и въ городъ нельзя будетъ проѣхать. Въ первыхъ числахъ апрѣля на рѣчкѣ тронулся ледъ, и все видимое пространство, и поля, и луга, покрылось водою.

Но въ то же время и погода измѣнилась. На небѣ съ утра до вечера ходили грузныя облака; начинавшееся тепло, какъ бы по мановенію волшебства, исчезло; почти ежедневно шелъ мокрый снѣгъ, о которомъ говорили: молодой снѣгъ за старымъ пришелъ. Но и эта переменна не огорчила Ольгу, а, напротивъ, заняла ее. Все-таки дѣло идетъ къ возрожденію; тѣмъ или другимъ процессомъ, а природа беретъ свое.

На послѣдней недѣлѣ поста Ольга говѣла. Она всегда горячо и страстно вѣровала, но на этотъ разъ сердце ея переполнилось. На исповѣди и на причастіи она не могла сдержать слезъ. Но облегчили ли ее эти слезы, или, напротивъ, наполнили ее сердце тоскою—этого она и сама не могла различить. Иногда ей казалось, что она утѣшена, но черезъ минуту слезы опять закипали

въ глазахъ, неудержимой струей течи по щекамъ, и она безсознательно повторяла слова отца: „бѣдная! бѣдная! бѣдная!“

Въ утреню Свѣтлаго праздника съ ней повторилось то же явленіе, но она, насколько могла, сдержала себя. Воротившись отъ ранней обѣдни домой, она похристосовалась съ отцомъ, который, по случаю праздника, надѣлъ бѣлый кашемировый халатъ, и весь въ бѣломъ былъ скорѣе похожъ на мертвеца, закутаннаго въ саванъ, нежели на живого человѣка. Потомъ перецѣловалась со всею прислугой, разговѣлась, выслушала славленіе сельскаго священника и, усталая, легла отдохнуть. Но сдавленные слезы сами собой полились; сердце заняло, въ груди шевельнулись рыданія. „Бѣдная! бѣдная! бѣдная!“—раздавалось у нея въ ухахъ, стучало въ головѣ, разливалось волной по всему тѣлу...

Въ маѣ Ольга Васильевна начала ходить въ поле, гдѣ шла пахота и начался посѣвъ ярового. Работа заинтересовала ее; она присматривалась, какъ управляющій распоряжался, ходить по пашнѣ, тыкала палькою въ вывороченные сохой комья земли, дѣлала работникамъ выговоры и проч.; ей хотѣлось и самой что-нибудь узнать, чему-нибудь научиться. На вопросы ея управляющій отвѣчалъ какъ могъ, но при этомъ лицо его выражало такое недоумѣніе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: ты-то какимъ образомъ сюда попала?

Зато въ паркѣ было весело; березы покрылись молодыми бѣднозелеными листьями и сѣмянными сережками; почки липы надувались и трескались; около клумбъ возился садовникъ съ рабочими; взрыхляли землю, сажали цвѣты. Нѣкоторыя птицы ужъ вывели птенчиковъ; гнѣзда самыхъ мелкихъ пернатыхъ, по большей части, были свиты въ дуплахъ деревь, и иногда такъ низко, что Ольга могла заглядывать въ нихъ. По вечерамъ весь воздухъ былъ напоенъ душистымъ паромъ распутившейся березовой листвы.

Въ іюнѣ въ Ладогинымъ явился съ визитомъ сосѣдъ, Николай Михайлычъ Семигоровъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Старикъ Ладогинъ въ былое время былъ очень близокъ съ покойнымъ отцомъ Семигорова, и принялъ сына очень радушно. Молодой человѣкъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, занималъ довольно видное мѣсто въ служебной іерархіи и только изрѣдка и на короткое время навѣщалъ деревню, отстоявшую въ четырехъ верстахъ отъ усадьбы Ладогина. Средства онъ имѣлъ хорошія, не торопился связывать себя узами, былъ настолько свѣдущъ и образованъ, чтобы вести солидную бесѣду на всѣ вкусы, и въ

обществѣ на него смотрѣли какъ на приличнаго и пріятнаго человѣка. Въ семействѣ Ладогиныхъ онъ велъ себя очень предупредительно. Съ перваго же раза повелъ съ Ольгой оживленный разговоръ, сообщилъ нѣсколько пикантныхъ подробностей изъ петербургской жизни, восхулся „вопросовъ“, и, разумѣется, по преимуществу, тѣхъ, которымъ была посвящена дѣятельность тетки—Надежды Федоровны. Но при этомъ объявилъ, что настоящее время для вопросовъ очень трудное, и что Надежда Федоровна хотя не опускаетъ рукъ, но очень страдаетъ.

— Всего больше угнетаетъ то, — сказалъ онъ, — что надо дѣйствовать какъ будто исподтишка. Казаться веселымъ, когда чувствуешь въ сердцѣ горечь, заискивать у такихъ личностей, съ которыми не хотѣлось бы даже встрѣчаться, доказывать то, что само по себѣ ясно какъ день, слѣдить, какъ бы не оборвалась внезапно тонкая нитка, на которой чуть держится дѣло преуспѣянія, отстаивать каждый отдѣльный случай, пугаться и затѣмъ просить, просить и просить... согласитесь, что это не легко!

И когда Ольга отвѣчала на его слова соболѣзнованіями—ничего другого и въ запасъ у нея не было—то онъ, поощренный ея вниманіемъ, продолжалъ:

— Вообще, мы, люди добрыхъ намѣреній, должны держать себя осторожно, чтобы не погубить дѣла преуспѣянія и свободы. Мы обязаны помнить, что каждый переполохъ прежде всего и больше всего отражается на насъ. Поэтому, самое лучшее—не дразнить и стараться показывать, что наши мысли совпадаютъ съ мыслями вліятельныхъ лицъ. Разумѣется, не затѣмъ, чтобы подчиниться этимъ лицамъ, а, напротивъ, чтобы они, незамѣтно для самихъ себя, подчинились нашимъ воззрѣніямъ. Вліятельное лицо всегда не прочь либеральничать къ счастью, это вошло уже въ привычку—лишь бы либеральная мысль являлась не въ черезъ-чуръ рѣзкой формѣ и смягчалась внѣшними признаками уступокъ и соглашеній. Ежели этотъ маневръ удастся, то дѣло преуспѣянія спасено. И что всего важнѣе: вліятельное лицо будетъ убѣждено, что инициатива этого спасенія идетъ всецѣло отъ него. А при такомъ убѣжденіи, и будущее его содѣйствіе можетъ считаться обезпеченнымъ.

— Да, но вѣдь это игра опасная,—замѣтила Ольга.

— Коли хотите, она не столько опасна, сколько не исполнѣна нравственна и въ высшей мѣрѣ надоедлива. Совѣстно лукавить и невыносимо скучно выслушивать пустяки, серьезно изрекаемые въ качествѣ истинъ. Требователенъ нынѣшній вліятельный человѣкъ и даже назойливъ. Ни одной уступки вы отъ него не до-

ждетесь иначе, какъ цѣною цѣлаго потока пустопорожныхъ рѣчей. Но что же дѣлать?

— Мнѣ кажется, я бы побоялась. Вѣдь, слушая постоянно однѣ и тѣ же, какъ вы ихъ называете, пустопорожнія рѣчи, можно и самому незамѣтно подчиниться имъ. Вотъ я, на примѣръ, прїѣзжая сюда, тоже мечтала о какой-то дѣятельности, чѣмъ-то въ родѣ свѣтлаго луча себя представляла, а въ концѣ концовъ подчинилась-таки. Я скажу одно слово, а мнѣ—двадцать въ отвѣтъ. Слова не особенно резонныя, но ихъ много, и притомъ они часто повторяются, все одни и тѣ же. Ну, и подчинилась, или, говоря другими словами, махнула рукой и живу сама по себѣ.

— И дурно сдѣлали. Вамъ и подчиняться не нужно, а слѣдуетъ только приказать.

— Да, прикажите! какъ вы прикажете, когда вамъ говорятъ: „теперь недосужно“, или: „вотъ ужó, какъ уберемса!“ и въ заключеніе: „ахъ, я и забыла!“ Вѣдь и „недосужно“, и „ужó“, и „забыла“—все это въ порядкѣ вещей, все возможно.

— Пожалуй, что и такъ. Въ нашемъ дѣлѣ, конечно, есть своего рода опасности, но нельзя же не рисковать. Если изъ десяти опасностей преодолѣть половину,—а на это все-таки можно рассчитывать,—то и тутъ ужъ есть выигрышъ.

Словомъ сказать, Ольга провела время прїятно, и во всякомъ случаѣ сознавала, что въ этой безпробудной тиши въ первый разъ раздалось живое человѣческое слово. Съ своей стороны, и онъ далъ понять, что знакомство съ Ольгой Васильевной представляетъ для него неожиданный и прїятный ресурсъ, и въ заключеніе даже общалъ „надоѣдать“.

— Я буду ѣздить къ вамъ часто,—говорилъ онъ, прощаясь:—если надоѣмъ, то скажите прямо. Но, надѣюсь, что до этого не дойдетъ.

— То-есть, вы поступите со мной, какъ съ тѣмъ вліятельнымъ лицомъ, о которомъ упоминали: будете подчинять меня себѣ, приводить на путь истинный!—пошутила Ольга.

— Пожалуй,—отвѣтилъ онъ весело:—только на этотъ разъ вполне добровольно и сознательно. А можетъ быть, и вы подчините меня себѣ.

Семигоровъ уѣхалъ, и Ольга почувствовала съ перваго же шага, что ей скучно безъ него. Теорія его казалась ей нѣсколько странною, но вѣдь она такъ мало жила между людьми, такъ мало знаетъ, что, можетъ быть, ошибается она, а не онъ. Во всякомъ случаѣ, разговоръ его заинтересовалъ ее, пробудилъ въ ней охоту къ серьезному мышленію. На этотъ разъ, однакожъ,

мысли ея находились въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ мѣшалось и положительное, и отрицательное, смѣнная, одно другое безъ всякой винословности. Въ этомъ хаосѣ она путалась до самой минуты, когда, ужь довольно поздно, ее позвали къ отцу.

Отецъ собирался спать. Онъ перекрестилъ дочь, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза, точно у него опять мелькнуло въ головѣ: бѣдная! Но на этотъ разъ воздержался, и сказалъ только:

— Ну, Христоръ съ тобой!

Семигоровъ сдержалъ слово, и посѣщалъ Ладогиныхъ ежели не каждый день, то очень часто. Молодые люди сблизились. Николай Михайлычъ разъяснилъ Ольгѣ значеніе реформъ послѣдняго времени, подробно разсказалъ исторію и современное положеніе высшаго женскаго образованія, и мало-по-малу дѣйствительно подчинилъ ее себѣ. По временамъ, они вступали на почву высшихъ общечеловѣческихъ интересовъ, спорили о различныхъ утопіяхъ, которыя излагалъ Семигоровъ, и, къ удивленію, Ольга на этой почвѣ опозналась гораздо быстрѣе, и даже почувствовала себя тверже своего учителя. Во всякомъ случаѣ, она почувствовала, что въ существо ея хлынула жизнь.

Она слушала, волновалась, мыслила, мечтала... Но въ эти одинокія мечтанія неизмѣнно проницалъ образъ Семигорова, какъ свѣтлый лучъ, который пробудилъ ее отъ сна, освѣтилъ ея душу невѣдомыми радостями. Наконецъ, сердце не выдержало — и увлеклось.

Она даже забыла о своей непривлекательной внѣшности, и безотчетно, бездумно пошла на-встрѣчу охватившему ее чувству.

Замѣтилъ ли Семигоровъ зарождающуюся страсть — она не отдавала себѣ въ этомъ отчета. Во всякомъ случаѣ, онъ относился къ ней сочувственно и дружески-тепло. Онъ крѣпко сжималъ ея руки при свиданіи и разставаніи и по временамъ даже съ нѣжнымъ участіемъ глядѣлъ ей въ глаза. Отчего было не предположить, что и въ его сердце запала искра того самаго чувства, которое переполняло ее?

Однажды, — это было передъ самымъ отъѣздомъ Семигорова въ Петербургъ, — они сидѣли въ парѣ, и особенно дружески разговаривались. Рѣчь шла о положеніи женщины въ русскомъ обществѣ. Сначала она приводила примѣры изъ крестьянской жизни, но, наконецъ, не выдержала и указала на свою собственную судьбу. Съ горечью, почти съ испугомъ жаловалась она на одиночество, вынужденную праздность, на неудавшуюся, погибшую жизнь. Какимъ образомъ эта жизнь такъ сложилась, что кругомъ ничего, кромѣ мрака, нѣтъ? неужели у судьбы есть жребіи, которые

она раздаетъ по произволу, съ завязанными глазами? И для чего эти жребіи? Для чего однихъ одарять, другихъ отнять? для чего нужна, какимъ цѣлямъ можетъ удовлетворять эта бессмысленная игра? Хоть бы въ будущемъ былъ просвѣтъ, — можно было терпѣть и ждать. А въ ея жизни царствуетъ полная безсрочность. Она такъ же томится, какъ и прикованный къ креслу больной отецъ, который, вставая утромъ, ждетъ, скоро ли придетъ ночь, а ложась спать, ворочается на постели, и ждетъ, скоро ли наступитъ утро. Такъ вѣдь у него ужъ и силъ для жизни нѣтъ, онъ естественнымъ процессомъ подчинился, тогда какъ она здорова, сильна, а ее преслѣдуетъ та же нравственная немочь, та же оброшенность.

— Вотъ нашъ докторъ говорить, — сказала она грустно: — что всѣ мы оволо крохъ ходимъ. Нѣтъ, не всѣ. У меня даже крохъ нѣтъ; я и крохѣ была бы рада.

— Бѣдная вы! — вымолвилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Да, бѣдная! — повторила она: — и отецъ много разъ говорилъ мнѣ: бѣдная! бѣдная! Но представьте себѣ, старуха нянька, однажды, услышала это и сказала: „какая же вы бѣдная! вы — барышня!“

— Бѣдная! бѣдная вы моя!

Жалость ли, или другое, болѣе теплое чувство овладѣло его сердцемъ, но съ нимъ совершилось внезапное превращеніе. Онъ почувствовалъ потребность любить и ласкать это бѣдное, оброшенное существо. Кровь не кипѣла въ его жилахъ, глаза не туманились страстью, но онъ чувствовалъ себя какъ бы умиротвореннымъ, достигшимъ завѣтной цѣли, и въ этотъ мигъ совершенно искренно желалъ, чтобъ этотъ сердечный миръ, это душевное равновѣсіе остались при немъ навсегда. Инстинктивно онъ обнялъ ее рукой за талію, инстинктивно привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ.

Изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Зачѣмъ ты плачешь? — шепталъ онъ, незамѣтно увлекаясь: — теперь ужъ ты не бѣдная! ты — моя!

— Я любима? — спросила она, все еще сомнѣваясь.

— Да, ты любима, ты — моя! — отвѣтилъ онъ горячо.

Цѣлый часъ они провели въ взаимныхъ признаніяхъ и въ задушевной бесѣдѣ о предстоящихъ радостяхъ жизни. Сомнѣнія, мало-по-малу, совсѣмъ оставили ее; но онъ, по мѣрѣ того, какъ разговоръ развивался, начиналъ чувствовать какую-то неловкость, въ которой, однакожъ, боялся признаться себѣ. Но все-таки онъ замѣтилъ эту неловкость, и, чтобы оправдать себя, приписалъ ее

недостатку страстности, которая лежала въ самой природѣ его. Но зато онъ честенъ и, конечно, не измѣнитъ однажды вызванному чувству любви, хоть бы это чувство и неожиданно подстергло его.

Наконецъ, онъ сталъ собираться домой.

— Завтра утромъ я прїѣду и перетолкую съ твоимъ отцомъ, — говорилъ онъ: — а вечеромъ — въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ возвращусь сюда, и мы будемъ неразлучны.

Она держала его за руку и не пускала отъ себя.

Пойдемъ къ отцу... теперь! — сказала она: — мнѣ хочется показать тебя ему!

— Ну, онъ и безъ того знаетъ...

— Нѣтъ, онъ не знаетъ... тебя, такого, какъ ты теперь... не знаетъ! Пойдемъ.

— Твой отецъ — человекъ старозавѣтный, — уклонился онъ: — а старозавѣтные люди и обычаевъ старозавѣтныхъ держатся. Нѣтъ, оставимъ до завтра. Прїѣду, сдѣлаю формальное предложеніе, а вечеромъ — въ Петербургъ.

Она должна была согласиться, и онъ уѣхалъ. Долго глядѣла она вслѣдъ пролеткѣ, которая увозила его, и всякій разъ, какъ онъ оборачивался, махала ему платкомъ. Наконецъ, облако пыли скрыло и экипажъ, и сѣдока. Тогда она пошла къ отцу, встала на колѣни у его ногъ и заплакала.

— Я счастлива, папа! — слышалось сквозь рыданья, тѣснившія ей грудь.

Отецъ взглянулъ на нее и понялъ. „Бѣдная!“ — шевельнулось у него въ головѣ, но онъ подавилъ жестокое слово и сказалъ:

— Ну, Христось съ тобой! желаю...

Вечеромъ ей стало невыносимо скучно въ ожиданіи завтрашняго дня. Она одиноко сидѣла въ той самой аллеѣ, гдѣ произошло признаніе, и вдругъ ей пришло на мысль пойти къ Семигорову. Она дошла до самой его усадьбы, но войти не рѣшилась, а только заглянула въ окно. Онъ нѣкоторое время ходилъ въ волненіи по комнатѣ, но потомъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Ей сдѣлалось совѣстно своей нескромности, и она убѣжала.

На другой день утромъ, только-что она встала, ей подали письмо.

„Простите меня, милая Ольга Васильевна, — писалъ Семигоровъ: — я не соразмѣрилъ силы охватившаго меня чувства съ тѣми послѣдствіями, которыя оно должно повлечь за собою. Обдумавъ

происшедшее вчера, я пришелъ къ убѣжденію, что у меня черезъ-чуръ холодная и черствая натура для тихихъ радостей семейной жизни. Въ ту минуту, когда вы получите это письмо, я уже буду на дорогѣ въ Петербургъ. Простите меня. Надѣясь, что вы и сами не пожалѣете обо мнѣ. Не правда ли? Скажите: да, не пожалѣю. Это меня облегчить.“

Она не проронила ни слова жалобы, но побѣлѣла какъ по-лотно. Затѣмъ, положила письмо въ конвертъ и спрятала его въ шкатулку, гдѣ лежали вещи, почему-либо напоминавшія ей сравнительно хорошія минуты жизни. Въ числѣ этихъ минутъ, та, о которой говорилось въ этомъ письмѣ, все-таки была лучшая.

Отецъ, повидимому, уже зналъ, что отъ Семигорова пришло письмо, и когда она пришла къ нему, то онъ угадалъ содержаніе письма и сердито, почти брезгливо крикнулъ:—Забудь!

Но она не забыла. Каждый день по нѣскольку разъ она открывала завѣтную шкатулку, перечитывала деревянное письмо, комментировала каждое слово, усиливаясь что-нибудь выжать. Можетъ быть, онъ чѣмъ-нибудь связанъ? можетъ быть, эта связь вдругъ порвется, и онъ вернется къ ней? вѣдь онъ ее любитъ... иначе зачѣмъ же было говорить? Словомъ сказать, она только этимъ письмомъ и жила.

Жизнь становилась все унылѣе и унылѣе. Наступила осень, вечера потемнѣли, полились дожди, паркъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнажался; потомъ пошелъ снѣгъ, настала зима. Прошлый годъ обѣщаль повториться въ мельчайшихъ подробностяхъ, за исключеніемъ той единственной свѣтлой минуты, которая напоила ея сердце радостью...

Въ полной и на этотъ разъ уже добровольно принятой бездѣятельности она бродила по комнатамъ, не находя для себя удовлетворенія даже въ чтеніи. Въ ухахъ ея раздавались слова: „нѣтъ, вы не бѣдная, вы—моя!“ Она чувствовала прикосновеніе его руки къ ея тали; поцѣлуй его горѣлъ на ея губахъ. И вдругъ, все пропало... куда? почему?

Отецъ нѣсколько разъ предлагалъ ей ѣхать въ Петербургъ къ теткѣ, но она настаивала въ своемъ упорствѣ. Теперь ужъ не представленіе о долгѣ приковывало ее къ деревнѣ, а какая-то тупая боязнь. Она боялась встрѣтить его, боялась за себя, за свое чувство. Навѣрное, ее ожидаетъ какое-нибудь жестокое разочарованіе, какая-нибудь новая жестокая игра. Она еще не

хотѣла прямо признать деревяннымъ письмо своего минутнаго жениха, но внутренній голосъ уже говорилъ ей объ этомъ.

Такъ прошло цѣлыхъ томительныхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, старикъ Ладогинъ умеръ, и Ольга почувствовала себя уже совсѣмъ одинокою.

Черезъ мѣсяць пріѣхалъ братъ и привезъ съ собой „особу“.

— Это моя пріятельница, Нина Аветовна Шамаидзе, — рекомендовалъ онъ ее сестрѣ:—прошу жаловать.

На другой день онъ спросилъ сестру, какъ она намѣрена располагать собой.

— Я поѣду сначала въ городъ,—отвѣтила она:—а потомъ, когда кончатся дѣла, уѣду къ тетѣ Надѣ въ Петербургъ. У насъ уже условлено.

— А гдѣ же вы изволите остановиться въ городѣ?

— У мирового судьи Зуброва. Онъ просилъ меня. Покойный отецъ оставилъ завѣщаніе и назначилъ Зуброва душеприказчикомъ.

— Вотъ какъ! и завѣщаніе есть? А по моему, вашему словію достаточно бы пользоваться тѣмъ, что вамъ по закону предоставлено. Въ недвижимомъ имѣніи—четырнадцатая, въ движимомъ—осьмая часть. Ну, да вѣдь шесть лѣтъ около старичья сидѣли—можетъ быть, что-нибудь и высидѣли.

Рано утромъ, на слѣдующій же день, Ольги уже не было въ отцовской усадьбѣ. Завѣщаніе было вскрыто, и въ немъ оказалось, что капиталъ покойнаго Ладогина былъ раздѣленъ поровну; а о недвижимомъ имѣніи не упоминалось, такъ какъ оно было родовое. Ольга въ самое короткое время покончила съ наслѣдствомъ: приняла свою долю завѣщаннаго капитала, а отъ четырнадцатой части въ недвижимомъ имѣніи отказалась. Въ распоряженіи ея оказалось около четырехъ тысячъ годового дохода.

Пріѣхала она къ тетѣ въ концѣ ноября, въ самый разгаръ сезона. Надежда Ѳедоровна хотя была значительно моложе брата, но все-таки ей шло ужъ за пятьдесятъ. Это была отличная дѣвушка, бодро несшая и бремя лѣтъ, и свое одиночество. Она наняла довольно просторную квартиру въ четвертомъ этажѣ, такъ что у нея и у Ольги было по двѣ комнаты и общая столовая. Ольга сразу почувствовала себя удобно. Не было бесполезной громады комнатъ, которая давила ее въ деревнѣ; не слышно было таинственныхъ шопотовъ, которые въ деревенскомъ домѣ ползли изъ всѣхъ щелей. Съ непривычьи, ей показалось даже тѣсно, но она рада была этому.

Надежда Федоровна тормозилась съ утра до вечера. Она была членомъ множества комитетовъ, комиссій, субкомиссій и проч., не пропускала ни одного засѣданія, ѣздила въ вліятельнымъ лицамъ, ходатайствовала, хлопотала. Усталая, возвращалась домой въ обѣду, а вечеромъ опять исчезала. Иногда и у нея, въ качествѣ предсѣдательницы какой-нибудь субкомиссій, собирались „хорошіе люди“, толковали, рѣшали вопросы, но, надо сказать правду, большинство этихъ рѣшеній формулировалось словами: нельзя ли какъ-нибудь найти путь въ такому-то лицу? напримѣръ, къ тому-то, черезъ того-то? нельзя ли воспользоваться прїѣздомъ такого-то и при посредствѣ такого-то предложить ему принять въ „нашемъ“ дѣлѣ участіе?

— Онъ богатъ, ему ничего не значитъ выбросить пять-десять тысячъ?

Словомъ сказать, Ольга поняла, что въ Россіи благія начинанія, во-первыхъ, живутъ подъ страхомъ и, во-вторыхъ, еле дышатъ, благодаря благонамѣренному вымогательству, безъ котораго никто бы и не подумалъ явиться въ качествѣ жертвователя. Сама Надежда Федоровна откровенно созналась въ этомъ.

— Ты не повѣришь, какъ намъ горько и тяжело, — сказала она.

— Да, я слышала, что вы постоянно боитесь.

— Ты это отъ Семигорова шесть лѣтъ тому назадъ слышала. Что тогдашніе страхи въ сравненіи съ нынѣшними! нѣтъ, ты теперь посмотри! Кстати: Семигоровъ навѣдывается объ тебѣ съ большимъ интересомъ. Часто онъ бывалъ у васъ?

— Да, бывалъ.

— Онъ умный. Но предупреждаю тебя: онъ не изъ „нашихъ“. Онъ карьеристъ, и сердце у него дряблѣе.

— Вы часто его видите?

— Не особенно. Обращаюсь къ нему при случаѣ, какъ и вообще ко всѣмъ, кто можетъ помочь. Ахъ, мой другъ, такъ намъ тяжело, такъ тяжело! Ты представь себѣ только это одно: захотятъ насъ простить — мы живы; не захотятъ — погубли. Одна эта мысль... ахъ!

Ольга, не безъ смущенія, выслушала аттестацію Семигорова, но когда осталась одна, то опять перечитала завѣтное письмо и опять напругла всѣ усилія, чтобы хоть что-нибудь изъ него выжать. Искру чувства, надежду... что-нибудь!

„Какое оно, однакожь, деревянное!“ — въ первый разъ мелькнуло въ ея головѣ.

Ольга скоро сдѣлалась своею въ томъ тѣсномъ кружкѣ, въ

которомъ вращалась Надежда Федоровна. Настоящей дѣятельности она, покамѣстъ, не имѣла, но прислушивалась къ совѣтамъ опытныхъ руководительницъ и помогала, стараясь, чтобы вліятельныя лица, по крайней мѣрѣ, привыкли видѣть ее. Она уже считала себя обреченною и не видѣла передъ собой иного будущаго, кромѣ того, которое осуществляла собой Надежда Федоровна.

Однажды, сидя въ своей комнатѣ, она услышала знакомый голосъ. Это былъ голосъ Семигорова, который пріѣхалъ навѣстить тетку. Ольга встала и твердымъ шагомъ пошла туда, гдѣ шелъ разговоръ. Очевидно, она рѣшила испытать себя и — „кончить“.

Семигоровъ значительно постарѣлъ за семь лѣтъ. Онъ потолстѣлъ и обрюзгъ; лицо было, по прежнему, блѣдное, но неприятно одутловатое и совсѣмъ деревянное. Говорилъ онъ, впрочемъ, такъ же плавно и резонно, какъ и тогда, когда она въ первый разъ увидѣла его.

Очевидно, внутри его существовало два теченія: одно старое, съ либеральной закваской, другое — новѣйшее, которое шло навстрѣчу карьерѣ. Первое побуждало его не забывать старыхъ друзей; второе подсказывало, что хотя не забывать и похвально, но сношенія слѣдуетъ поддерживать съ осторожностью. Онъ, разумѣется, прибавлялъ при этомъ, что осторожность необходима не столько ради карьеры, сколько для того, чтобы... „не погубить дѣла“.

— Ольга Васильевна! вы! — воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки: — а я хотѣлъ, переговоривши съ Надеждой Федоровной, и васъ, въ вашемъ гнѣздышѣ, навѣстить.

— Все равно, здѣсь поговоримъ, — отвѣчала она сдержанно.

— Такъ неужто-жь нельзя? — перебила ихъ привѣтствіе Надежда Федоровна.

— И нельзя, и поздно — дѣло рѣшеное. Не такое нынче время, чтобы глупости говорить.

— Что же „она“ такого сказала?

— По ея мнѣнію — ничего; по мнѣнію другихъ — много, слишкомъ много. Я говорилъ и повторяю: главное въ нашемъ дѣлѣ — осторожность.

Далѣе, онъ началъ развивать, почему необходима осторожность. И сама по себѣ она полезна; въ частности же, по отношенію къ вѣяніямъ времени, — составляла *conditio sine qua non*. Нельзя-съ. Онъ, конечно, понимаетъ, что молодыя увлеченія должны быть принимаемы въ соображеніе, но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ вида, что они приносятъ положительный

вредъ. Отъ копѣчной свѣчки Москва загорѣлась—такъ и тутъ. Одно неосторожное слово можетъ воспламенить сотни сердецъ, воспламенить бесплодно и несвоевременно. Допустимъ, что абсолютно это слово не заключаетъ въ себѣ вреда, но съ точки зрѣнія несвоевременности—вопросъ представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ.

— Нельзя-съ, — сказала онъ рѣшительно: — я и просилъ, и даже надѣдалъ, и получилъ въ отвѣтъ: „оставьте, мой другъ!“ Согласитесь сами...

— Нельзя ли?—приставала Надежда Федоровна.

Ольгѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то безнадежно скучно. Даже голова у нея заболѣла отъ этого переливанія изъ пустого въ порожнее. Тѣ самыя рѣчи, которыя, семь лѣтъ тому назадъ, увлекли ее, теперь показались ей плоскими, почти безсознательными.

— Я уйду, тетя!—сказала она.

— А меня такъ и не примете у себя? — спросилъ Семигоровъ.

— Мнѣ нужно идти. Въ другой разъ. Вспомните—зайдете.

Она разомъ рѣшила, что все „кончено“. Запла въ свою комнату, разорвала завѣтное письмо на клочки и бросила въ топившуюся печку; даже не взглянула, какъ оно запылало.

Прошелъ годъ, и ея дѣятельность была замѣчена; ей предложили предсѣдательское кресло въ обществѣ „азбуки-копѣйки“. Хлопотъ было по горло, но и страха не мало. Пробовала-было она не страшиться, но скоро поняла, что это невозможно. Общество издало отличнѣйшую азбуку съ иллюстраціями, но въ ней на букву Д нарисована была картинка, изображающая прядущую дѣвушку, а подъ картинкой было подписано: Дивчина. „Критика“ замѣтила это и обвинила азбуку въ крайнофильствѣ. На букву П былъ нарисованъ человекъ въ кунтушѣ, а подпись гласила: Панъ. И это замѣтила „критика“ и обвинила азбуку въ полонофильствѣ. Въ отдѣлѣ краткихъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній тоже замѣчены были промахи и пропуски, и все такіе, которые свидѣтельствовали о недостаточной теплотѣ чувствъ. Ольга Васильевна бѣгала, оправдывалась и ходатайствовала, не щадя живота.

— Вѣдь ваша же пресловутая литература васъ съ головой выдаетъ!—говорили ей.

Ахъ, эта литература!

Благодаря бѣготѣ, дѣло сошло съ рукъ благополучно; но затѣмъ предстояли еще и еще дѣла. Первое изданіе азбуки разошлось быстро, надо было готовиться къ другому—уже безъ про-

маховъ. „Дивчину“ замѣнили старухой и подписали: Домна; „Пана“ замѣнили мужичкомъ съ топоромъ за поясомъ и подписали: Потапъ-плотникъ. Но какъ попасть въ мысль и намѣренія „критики“? Пожалуй, будутъ сравнивать второе изданіе съ первымъ и скажутъ: а! догадались! думаете, что надѣли маску, такъ васъ подѣ ней и не узнаютъ!

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ ей Семигоровъ:—что общество ваше хотя и дозволенное, и цѣли его вполне одобрительны, но пальца ему въ ротъ все-таки не клади.

— Но почему же?

— А потому, что потому Существуютъ такіе тонкіе признаки. Составъ общества, его черезъ-чуръ кипучая дѣятельность— все это прямо бросается въ глаза. Ну, съ чего вы, напримѣръ, Ольга Васильевна Ладогина, вполне обезпеченная дѣвица, такъ выпятитесь по поводу какой-то жалкой азбуки?

— Какъ, съ чего?—во-первыхъ, я русская и вижу въ распространеніи грамотности одно изъ условій благосостоянія родной страны; а во-вторыхъ, это дѣло доставляетъ мнѣ удовольствіе; я взялась за него, мнѣ его довѣрили, и я не могу не хлопотать о немъ.

— Э, барышня! и безъ насъ съ вами все устроится!

— Такъ вы бы такъ прямо и говорили. А то приходите, увѣряете въ своемъ сочувствіи...

— Я-то сочувствую, да вотъ... Нельзя „прать противъ рожа“, Ольга Васильевна!

Но она продолжала „прать“, быть можетъ, потому, что не понимала, въ чемъ собственно заключается рожденъ, а Семигоровъ не могъ или не хотѣлъ объяснить ей современный смыслъ этого выраженія.

Прошелъ еще годъ. Надежда Ѳедоровна хлопотала объ открытіи „общества для вспоможенія чающимъ движенія воды“. Старанія ея увѣнчались успѣхомъ, но—увы! она изнемогла подъ бременемъ ходатайствъ и суеты. Пришла старость, нуженъ былъ покой, а она не хотѣла и слышать о немъ. Въ самомъ разгарѣ дѣятельности, когда въ головѣ ея созрѣвали все новые и новые планы (Семигоровъ, потихоньку, называлъ ихъ „подвѣхами“), она умерла, завѣщавши на смертномъ одрѣ племянницѣ свое „дѣло“.

Ольга Васильевна осталась совсѣмъ одинокою.

Теперь ей ужъ за тридцать. Она пошла по слѣдамъ тетки и всецѣло отдала себя, свой трудъ и матеріальныя средства тому скромному дѣлу, которое она вполне искренно называла оздоровляющимъ. Она состоитъ дѣятельнымъ членомъ всѣхъ обществъ, гдѣ рѣчь идетъ о помощи, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предсѣдательствуетъ. Устроиваетъ базары, лотереи, танцевальныя вечера. Все это требуетъ большихъ хлопотъ и преодоленія препятствій, но она не унываетъ. Напротивъ, привычка, въ значительной мѣрѣ, умалила ея страхи, а дѣятельная жизнь способствовала укрѣпленію ея силъ и здоровья. Дома ее можно застать очень рѣдко, — все больше въ комитетахъ, комиссіяхъ, субкомиссіяхъ и, разумѣется, въ канцеляріяхъ. Даже горничная ее совершенно отчетливо произноситъ названія этихъ учреждений, и на вопросъ посѣтителей отвѣчаетъ бойко и безошибочно.

По временамъ, она вспоминаетъ слова доктора, который лечилъ ее отца, о „брохахъ“, и говоритъ:

— Вотъ и у меня свои „брохи“ нашлись. И не одна, даже не нѣсколько, а цѣлая куча!

3. Сельская учительница.

Анна Петровна Губина была сельской учительницей. Составляла ли эта профессія ея призваніе, или просто такъ случилось, что дѣваться было больше некуда — она и сама не могла бы дать ясно сформулированнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Получила дипломъ учительницы, потомъ открылось мѣсто на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья, и она приняла его. Осенью, въ началу учебнаго семестра, она пріѣхала въ село; ей указали, гдѣ помѣщается школа, и она осталась. Къ счастью, при школѣ было помѣщеніе для учительницы: комната и при ней крохотная кухня; а то бываетъ и такъ, что учительница каждую недѣлю переходитъ изъ одной избы въ другую, такъ что квартира насадительницы знаній представляетъ для обывателей своеобразную натуральную повинность.

Школа помѣщалась въ просторномъ флигелѣ, который, при крѣпостномъ правѣ, занимать управляющій имѣніемъ, и который бывшій помѣщикъ пожертвовалъ міру подъ училище. Мѣста для учащихся было достаточно, но зданіе было старое, и крестьяне, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не ремонтировали его. Печи дымили, потолки протекали, изъ всѣхъ щелей дуло.

Ученье было самое первоначальное. Читать, писать, поверх-

ностныя свѣденія изъ грамматики, первыя четыре правила ариметики, краткая священная исторія—вотъ и все. Старались, чтобы въ годъ, много въ два, ребенокъ позналъ всю премудрость. За строгимъ соблюденіемъ программы, въ особенности въ смыслѣ ея нерасширенія, наблюдалъ мѣстный священникъ; попечителемъ школы состоялъ сельскій староста, а высшій надзоръ былъ предоставленъ помѣщику, который постоянно жилъ за границей, но изрѣдка навѣдывался и въ усадьбу. Въ школу ходили исключительно мальчики.

Дѣло у Анны Петровны налаживалось не споро. Учительницу не ждали такъ скоро, и помѣщеніе школы было въ безпорядкѣ. Прежде, нежели собрались ученики, въ школу приходили родители и съ любопытствомъ разсматривали новую учительницу.

— Вы робятъ на ускори обучайте; намъ вѣдь только бы читать да писать умѣли. Да цифири малость. Безъ чего нельзя, такъ нельзя, а лишняго для насъ не требуется. Намъ дѣти дома нужны. А ежели который стараться не станетъ, можно такого и поугатъ. Вонъ онъ въ углу—вѣнникъ—стоитъ. Сдѣлайте милость, постарайтесь.

Исподволь устроилась она, однакожъ, и въ школѣ, и у себя въ каморкѣ. Въмѣсто мебели ей поставили простой, некрашенный столъ и три табуретки; въ углу стояла кровать, перешедшая, вмѣстѣ съ домомъ, отъ управляющаго; въ стѣну вбито было нѣсколько гвоздей, на которые она могла вѣшать свой гардеробъ. При школѣ находился сторожъ, который топилъ печи и выметалъ съ вечера классную комнату. Насчетъ продовольствія она справилась, какъ жила ея предшественница, и получила отвѣтъ, что послѣдняя ходила обѣдать къ священнику за небольшую плату, а дома только чай держала. Священникъ и ее охотно согласился взять на хлѣба.

— Я не изъ корысти,—сказалъ онъ,—а жалѣючи васъ: кто же вамъ будетъ готовить? Здѣсь вы не только горячей пиши, и хлѣба съ трудомъ найдете. Мы за обѣдъ съ васъ пять рублей въ мѣсяцъ положимъ. Лишняго не подадимъ, а сыты будете. Станете ходить каждый день къ намъ и ознакомитесь; и вамъ, и намъ веселѣе будетъ. Ежели какія сомнѣнія встрѣтите, то за обѣдомъ общимъ совѣтомъ и разрѣшимъ. Вкупѣ да влюбъ—вотъ какъ помоему. Ежели вы съ любовью придете, то я, какъ пастыръ, и тѣмъ паче. Но не скрою отъ васъ: трудъ вамъ предстоитъ не легкій и не всегда безпрепятственный. Народъ здѣсь строптивый, непривѣтливый, притязательный. Каждый будетъ къ вамъ требованія предъявлять, а иной разъ и такія, отъ которыхъ

жутко придется. Людмила Михайловна, предшественница ваша, повздорила съ Васильемъ Дроздомъ, такъ насилу отсюда выбралась.

— Кто это Дроздъ?

— А здѣшній воротила, портерную держать, лавочку, весь міръ у него подъ пятой, и начальство привержено. Сынъ у него въ школь, такъ онъ подароеть Людмилѣ Михайловнѣ вздумать поднести, а она уперлась. Онъ, конечно, обидѣлся, доносы сталъ писать—ну, и пришлось бѣжать. Земство такъ и не оставило ея у себя; живетъ она теперь въ городѣ въ помощницахъ у одной помѣщицы, которая въ родѣ пансіона содержитъ.

— Однако, строго таки у васъ.

— И даже очень. Главное, въ церковь прилежно ходите. Я и, какъ пастырь, васъ увѣщаваю, и, какъ человѣкъ, предостерегаю. Какъ пастырь, говорю: только церковь можетъ утѣшить насъ въ жизненныхъ тревоженіяхъ; какъ человѣкъ, предвараю, что нѣтъ легче и опаснѣе обвиненія, какъ обвиненіе въ недостаткѣ религіозности. А впрочемъ, загадывать впередъ бесполезно. Пріѣхали—стало быть, дѣло кончено. Богъ да благословить васъ.

Священникъ былъ старозавѣтный, добрый; попадья у него была тоже добрая. Дѣти находились въ разбродѣ, такъ что старики жили совсѣмъ одни. Оба были люди дѣятельные, съ утра до вечера хлопотали и довольствовались одной работницей. Батюшка и до сихъ поръ полеводство держалъ, но больше уже по привычкѣ, безъ выгоды. Къ Аннѣ Петровнѣ они отнеслись сочувственно; она напоминала имъ о дѣтяхъ. Для нея это было хорошее предзнаменованіе; несмотря на предостереженіе батюшки, относительно трудности предстоящаго ей пути, она все-таки надѣялась найти въ его домѣ пріютъ и защиту.

Она рассчитала, что если будетъ тратить пять рублей на обѣдъ да пять рублей на чай и баранки, то у нея все-таки останется изъ жалованья пять рублей. Этого было, по ея скромнымъ требованіямъ, достаточно. Квартира была готовая, и она устроилась въ ней, какъ могла, хотя каждый день выгонялъ ее часа на два изъ дома угарь. Одежды она привезла съ собой довольно, такъ что и по этой статьѣ расходовъ не предстояло. Скуки она не боялась. Днемъ будетъ заниматься съ учениками, вечеромъ—готовиться къ будущему дню или проводить время въ семьѣ священника, который получалъ отъ сосѣдняго управляющаго газеты и охотно дѣлился съ нею. Ничего, какъ-нибудь проживеть.

Ученье началось. Набралось до сорока мальчиговъ, которые наполнили школу шумомъ и гамомъ. Нѣкоторые были ужъ на

возрастѣ и довольно нахально смотрѣли въ глаза учительницѣ. Вообще, ее испытывали, прерывали во время объясненій, кричали, подражали звѣрямъ. Она старалась дѣлать видъ, что не обращаетъ вниманія, но это ей стоило не малыхъ усилій. Подъ-конецъ, у нея до того разболѣлась голова, что она едва дождалась конца двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ шло ученіе.

— А я, признаться, постовала на васъ,—сказала она священнику за обѣдомъ:—что бы вамъ стоило на первый разъ придти поддержать меня.

— Я именно для того и не пришелъ,—отвѣтилъ батюшка,—чтобъ вы съ перваго же раза узнали настоящую суть дѣла. Еслибъ сегодня вы не узнали ея, все равно, пришлось бы узнавать завтра.

На другой день пришелъ попечитель-староста и освѣдомился, тихо ли сидятъ ученики. Она отвѣтила, что сносно и что въ будущемъ дѣло, конечно, наладится.

— То-то, вы ихъ не жалѣйте; для того и вѣникъ въ углу припасенъ. Выньте розгу и отстегайте!—посоветовалъ попечитель.

Не прошло, однакожь, и двухъ недѣль, какъ ей пришлось встрѣтиться съ „строптивѣйшимъ изъ строптивыхъ“, съ тѣмъ самымъ Васильемъ Дроздомъ, который вытѣснилъ ея предмѣстницу. Дроздъ безцеремонно вошелъ въ ея комнату, принесъ кулекъ, положилъ на столъ и сказалъ:

— У васъ нашъ мальчѣно учится, такъ вотъ вамъ. Тутъ чаю-полфунта, сахару, ветчины и гостинцу, кушайте на здоровье. А сверхъ того и деньгами два рубля.

Онъ досталъ изъ-за пазухи кошель, вынулъ двѣ рублевки и положилъ рядомъ съ кулекомъ.

— Зачѣмъ же это? вѣдь это не дозволено!—вспыхнула она.

— А вы займитесь съ мальцомъ-то, не задерживайте его.

— Я и безъ того займусь. Не надо, не надо! Уйдите, прошу васъ!

Дроздъ обидѣлся; даже губы у него побѣгли.

— Стало быть, вы и добротствомъ нашимъ гнушаетесь?—спросилъ онъ, осматривая ее съ ногъ до головы негодующимъ взоромъ.

— Не надо! — вригнула она, и вдругъ спохватилась. Вспомнилась ей Людмила Михайловна, вспомнилось и то, что еще въ Петербургѣ ей говорили, что всего пуще надо бояться ссоръ съ влиятельными лицами; что вотъ такая-то поссорилась съ старостой, и была вытѣснена; такая-то не угодила члену земской управы, и тоже теперь безъ мѣста.

— Послушайте,—сказала она, присмирѣвъ:—я и безъ того съ вашимъ сыномъ займусь... даю вамъ слово! Ежели хотите, пускай онъ ко мнѣ по вечерамъ ходитъ; я буду съ нимъ повторять.

— А приношенія нашего не желаете?

— Знаете, вы лучше вотъ что: печи у насъ въ школѣ дымать, потолки протекаютъ, такъ вы бы помогли.

— Это мѣръ должень. Расходъ тоже не маленькій. Печку-то перебрать что стоитъ? Нѣтъ, ужъ что тутъ. Счастливо оставаться.

Онъ надѣлъ тутъ же, въ комнатѣ, шапку, собралъ со стола приношеніе и вышелъ. Она нѣсколько секундъ колебалась, но потомъ не выдержала и догнала его на улицѣ.

— Пожалуйста, не сердитесь. Намъ вѣдь не велѣно. Присылайте вашего мальчика по вечерамъ—я займусь имъ особенно!

Дроздъ взглянулъ на нее съ усмѣшкой.

— Стало быть, про Людмилу Михайловну вспомнили?—сказалъ онъ нагло:—Ну, ладно, буду своего мальчика присылать по вечерамъ, ежели свободно. Слѣсивы вы не къ лицу. Впрочемъ, денегъ теперича я и самъ не дамъ, а это—вотъ вамъ!

Онъ скорыми шагами удалился, а Анна Петровна осталась на улицѣ съ кульбомъ въ рукахъ.

Разсказала она объ этомъ батюшкѣ, который посоветовалъ „оставить“.

— Возьмите,—сказалъ онъ:—исторію себѣ наживете. Съ сильнымъ не борись! и пословица такъ говоритъ. Еще скажутъ, что кобянитесь, а онъ и ни вѣсть чего наплететъ. Кушайте на здоровье! Не нами это заведено, не нами и кончится. Увидите, что ежели вы послѣдуете моему совѣту, то и прочіе міряне дружески къ вамъ будутъ.

Дѣйствительно, къ ней начали относиться ласковѣе. Послѣ Дрозда пришелъ староста, потомъ еще два-три мужичка изъ зажиточныхъ—всѣ съ кульбами.

По вечерамъ открылись занятія, собиралось до пяти-шести учениковъ. Цѣною непрощенныхъ кульковъ, напоминавшихъ о подкупѣ, Анна Петровна совсѣмъ лишилась свободнаго времени. Ни почитать, ни готовиться къ занятіямъ слѣдующаго дня—некогда. Къ довершенію, ученики оказались тупы, требовали усиленнаго труда. Зато доносовъ на нее не было, и Дроздъ, имѣвшій частыя сношенія съ городомъ, каждый мѣсяцъ исправно привозилъ ей изъ управы жалованье. Самъ староста, по окончаніи церковной службы, поздравлялъ ее съ праздникомъ и хвалилъ.

— Вонъ Людмила Михайловна рѣдко въ церковь ходила,—говорилъ онъ:—а вы Бога не забываете!

Въ продолженіе цѣлой зимы она прожила въ чадѣ непрерывной сутолоки, не имѣя возможности придти въ себя, дать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. О будущемъ она, вѣроятно, не думала: ея будущее составляли тѣ ежемѣсячныя пятнадцать рублей, которые не давали ей погибнуть съ голода. Но чтѣ такое съ нею дѣлается? Предвидѣла ли она, даже въ самыя скорбныя минуты своего тусклаго существованія, что ей придется влечь жизнь, которую нельзя было сравнить ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ хроническаго остоленія?

Она была сирота, даже не знала, кто были ея родители. Младенцемъ ее подвинули, и сострадательная хозяйка квартиры, у дверей которой она очутилась въ корзинкѣ, сначала помѣстила ее въ воспитательный домъ, потомъ въ пріютъ и, наконецъ, въ училище, гдѣ она и получила дипломъ на званіе сельской учительницы. Затѣмъ, сострадательная душа сочла свой долгъ выполненнымъ и отпустила ее на всѣ четыре стороны, снабдивъ нѣсколькими платьями и давши на дорогу небольшую сумму денегъ. Послѣ этого Губина очутилась въ селѣ. Надолго ли?—она даже не задавала себѣ этого вопроса. Она понимала только, что отнынѣ предоставлена самой себѣ, своимъ силамъ, и что, въ случаѣ какой-нибудь невзгоды, она должна будетъ вынести ее на собственныхъ плечахъ. Обратиться къ кому-нибудь за поддержкой она не имѣла основанія; товарки у нея были такія же горькія, какъ и она сама. Всѣ онѣ разсѣялись по лицу земли, всѣ находились въ тѣхъ же матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ, всѣ бились изъ-за куска хлѣба. Она была болѣе нежели одинока. И одинокій человѣкъ можетъ устроиться такъ, чтобы за него „заступились“, можетъ оградить себя отъ случайностей, а до нея рѣшительно никому дѣла не было. Даже никакому благотворительному учрежденію она не была подвѣдома, такъ что надъ всею ея судьбою исключительно господствовала случайность, да и та могла оказывать дѣйствіе только въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ.

Она никогда не думала о томъ, красива она или нѣтъ. Въ дѣйствительности, она не могла назваться красивою, но молодость и свѣжесть восполняли то, чего не давали черты лица. Самъ волостной писарь заглядывался на нее; но такъ какъ онъ былъ женатъ, то открыто объявлять о своемъ пламени не рѣшался, и отъ времени до времени присылалъ стихи, въ которыхъ довольно недвусмысленно излагалъ свои вожелнія. Дроздъ тоже, однажды, мимоходомъ намекнулъ:

— Ахъ, барышня, барышня! озолотилъ бы я васъ, кабы...

Женщина еще едва просыпалась въ ней. Она не понимала

ни стиховъ, ни намековъ, ни того, что за ними кроется злое женское горе. Ее поражали только глупость и безцеремонность, но она сознавала себя настолько беззащитною, что мысль о жалобѣ даже не приходила ей въ голову. Всѣ знали, что ее можно „раздавить“, и слѣдовательно, еслибъ она даже просила о защитѣ—хоть бы члена училищнаго совѣта, изрѣдка навѣщавшаго школу—ей бы отвѣтили: „съ какими вы все глупостями лѣзете—какое намъ дѣло!“ Оставалось терпѣть и крѣпко держаться за тотъ кусокъ, который послала ей судьба. Потому что, еслибъ ее даже выслушали и перевели на другое мѣсто, то и тамъ повторилось бы то же самое, пожалуй даже съ прибавкою какой-нибудь злой сплетни, которая, въ подобныхъ случаяхъ, непременно предшествуетъ перемѣщенію.

Настоящее горе ждало ее не тутъ, а подстерегало издалека.

Въ апрѣлѣ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ въ свою усадьбу мѣстный землевладѣлецъ, онъ же и главный попечитель школы, Андрей Степанычъ Аигинъ. Прибылъ онъ затѣмъ, чтобы продать лѣса и на вырученныя деньги прожить лѣто за границей. Операція предстояла несложная, но Аигинъ предположилъ пробыть въ деревнѣ до мая, съ тѣмъ, чтобы, встаети, учесть управителя, возобновить на всякій случай связи съ мѣстными властями и посмотреть на школу.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-семи, легкомысленный и безпечный. Учился онъ плохо, образованіе имѣлъ самое поверхностное, но за всѣмъ тѣмъ пользовался образовательнымъ цензомъ, и такъ какъ принадлежалъ въ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, то попечительство надъ школою, такъ сказать, по принципу, досталось ему. Независимо отъ матеріальныхъ пожертвованій, которыя состоятельный человѣкъ могъ дѣлать въ пользу школы, принципъ, въ особенности, настаивалъ на поддержкѣ крупнаго землевладѣнія и того значенія, которое оно должно имѣть въ уѣздѣ. Нужды нѣтъ, что крупный землевладѣлецъ могъ совершенно игнорировать свой уѣздъ; достаточно было его имени, его ежегодныхъ денежныхъ взносовъ, чтобы напомнить о немъ и о той роли, которая, по праву, ему принадлежала. У него есть на мѣстѣ довѣренное лицо, которое будетъ сообщать ему о мѣстныхъ дѣлахъ и нуждахъ; наконецъ, нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ ему вздумается: „не съѣздить ли заглянуть, чтд-то въ нашемъ захолустьѣ творится?“ И съѣздить.

Именно такимъ образомъ поступалъ Аигинъ. Въ продолженіе шести лѣтъ попечительства (онъ началъ независимую жизнь очень рано) Андрей Степанычъ посѣтилъ усадьбу всего второй разъ,

и на самое короткое время. Принимали его, какъ подобаеъ принимать вліятельное лицо, и очень лестно давали почувствовать, что отъ него зависить принять дѣятельное участіе во главѣ увѣздной сутолоки. Но, покуда, онъ еще уклонялся отъ чести, представляя себѣ принять рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, когда утѣхи молодости уступать мѣсто мечтамъ честолюбія.

Одного въ немъ нельзя было отрицать: онъ былъ красивъ, отлично одѣвался и умѣлъ быть любезнымъ. Только черезъ-чуръ развязныя манеры и привычка постоянно носить пенснэ, поминутно сбрасывая его и опять надѣвая, нѣсколько портили общее благопріятное впечатлѣніе.

Ангинъ на первыхъ же порахъ по приѣздѣ посѣтилъ школу („это мое дѣтище“, выражался онъ). Онъ явился въ сопровожденіи члена училищнаго совѣта, священника и старосты. Похваливъ порядки, онъ такъ пристально посмотрѣлъ на Анну Петровну, что та покраснѣла. Уходя, онъ сказалъ совсѣмъ безцеремонно, что ему очень пріятно, что въ его школѣ такая хорошенькая учительница. До сихъ поръ онъ рѣдко ѣздилъ въ деревню, потому что всѣ учительницы изображали собой какой-нибудь изъ смертныхъ грѣховъ, а теперь будетъ ѣздить чаще. И въ заключеніе прибавилъ, что Аннѣ Петровнѣ настоящее мѣсто не въ заолустьѣ, а въ столицѣ, и что онъ похлопочетъ о ней.

Въ тотъ же день у него былъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ привосновенные къ школѣ, а въ томъ числѣ и Анна Петровна.

Послѣ этого онъ зачастилъ въ школу. Просиживалъ въ продолженіе цѣлыхъ уроковъ и не спускалъ съ учительницы глазъ. При прощаніи, такъ крѣпко сжималъ ея руку, что сердце ея безпокойно билось и кровь невольно закипала. Вообще, онъ дѣйствовалъ не вкрадчивостью рѣчей, не раскрытіемъ новыхъ горизонтовъ, а силою своей красоты и молодости. Оба были молоды, въ обоихъ слышалось трепетаніе жизни. Онъ посѣтилъ ее даже въ ея каморкѣ, и похвалилъ, что она сумѣла устроиться въ такомъ жалкомъ помѣщеніи. Однажды онъ ей сказалъ:

— Отчего вы не посѣтите меня? боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь,—отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Но, въ такомъ случаѣ...

Онъ не договорилъ, но взялъ ее за руку и поцѣловалъ.

Цѣлое послѣ-обѣда, послѣ этого, она была какъ въ чадѣ, не знала, чтѣ съ нею дѣлается. И жутко, и сладко ей было въ одно и то же время, но ничего яснаго. Хаосъ переполнялъ все ея существо; она безпокойно ходила по комнатамъ, перебирала

платья, вещи, не знала, что дѣлать. Наконецъ, когда уже смерлось, отъ него пришелъ посланный и сказалъ, что Андрей Степанычъ просить ее на чашку чая.

Она подумала: „ахъ, какъ это все скоро!“ и затѣмъ почувствовала такую истому въ сердцѣ, что открыла окно, чтобъ освѣжить пылающую голову.

Черезъ полчаса она была уже у него.

Романъ ея былъ непродолжителенъ. Черезъ недѣлю Аигинъ собрался такъ же внезапно, какъ внезапно пріѣхалъ. Онъ не былъ особенно вѣженъ съ нею, ничего не обѣщалъ, не говорилъ о томъ, что они когда-нибудь встрѣтятся, и только однажды спросилъ, не нуждается ли она. Разумѣется, она отвѣтила отрицательно. Даже собравшись совсѣмъ, онъ не зашелъ къ ней проститься, а только, проѣзжая въ коляскѣ мимо школы, вышелъ изъ экипажа и очень тихо постучалъ указательнымъ пальцемъ въ окно.

— Увидимся!—крикнулъ онъ ей.

Она сдѣлала инстинктивное движеніе, чтобы выйти къ нему, но удержалась, и только слабо улыбнулась въ отвѣтъ.

Такимъ образомъ, побѣда обошлась ему очень легко. Онъ сдѣлалъ гнусность, повидимому даже не подозревая, что это гнусность: что она такое, чтобы стѣснять ради нея свою совѣсть? Онъ предлагалъ ей денегъ, она отказалась—это ужъ ея дѣло. Не онъ одинъ, всѣ такъ дѣлаютъ. А, впрочемъ, все-таки недурно, что обошлось безъ слезъ, безъ упрековъ. Это доказываетъ, что она умна.

На селѣ, однакожъ, ея вечернія похождения были уже всѣмъ извѣстны. При встрѣчахъ съ нею молодые парни двусмысленно перемитивались, пожилые люди шутили. Бабы заранѣе ее ненавидѣли, какъ будущую сельскую „сахарницу“, которая способна отуманить головы мужиковъ. Волостной писарь однажды прямо спросилъ: „въ какое время, барышня, вы можете меня принять?“ — а присутствовавшій при этой сценѣ Дроздъ прибавилъ: „чего спрашиваете? приходи, когда вздумается—и вся недолга!“

Самъ батюшка, несмотря на доброту, усумнился и однажды за обѣдомъ объявилъ, что долѣе содержать ее на хлѣбахъ не можетъ.

— Жаль мнѣ васъ,—сказалъ онъ,—душевно жаль, но мнѣ, какъ духовному лицу, не приличествуетъ...

Матушка тоже выразила сожалѣніе, и выронила двѣ-три слезинки.

Только школьный сторожъ выказалъ къ ней участіе. Когда

она, блѣдная и еле живая, воротилась отъ священника домой, онъ сказалъ:

— Ничего, потерпите; Богъ терпѣль, и намъ велѣль. И я съумѣю вамъ щи сготовить.

Къ довершенію всего, она почувствовала себя матерью, и вдругъ какая-то страшная бездна разверзлась передъ нею. Глаза затуманились, голова наполнилась гуломъ; ноги и руки дрожали, сердце беспорядочно билось; одна мысль отчетливо представлялась уму: „теперь я пропала“.

Къ счастью, начались каникулы, и она могла запереться въ своей комнатѣ. Но она очень хорошо понимала, что никакая изолированность не спасетъ ея. „Пропала“—въ этомъ словѣ заключалось все ея будущее. Признаки предстоящей гибели уже начали оказываться. Въ праздничные дни, молодые сельскіе парни гурьбою останавливались противъ ея оконъ и кричали:

— Съ приплодцемъ!

Конечно, у нея еще былъ выходъ: отдать себя подъ покровительство волостного писаря, Дрозда или другого вліятельнаго лица, но она съ ужасомъ останавливалась передъ этой перспективой и въ безвыходномъ отчаяніи металась по комнатѣ, ломала себѣ руки и билась о стѣну головой. Этимъ начинался ея день, и этимъ кончался. Ночью она видѣла страшные сны.

Лѣтомъ она надумала отправиться въ городъ къ Людмигѣ Михайловнѣ, съ которою, впрочемъ, была незнакома. Ночью прошла она двадцать верстъ, все время о чемъ-то думая, и въ то же время не сознавая, зачѣмъ собственно она идетъ. „Пропала!“ безостановочно звенѣло у нея въ ушахъ.

Людмила Михайловна приняла ее радушно, но тотчасъ же замѣтила, что она виновата.

— Это, голубушка, всего менѣе прощается,—сказала она, и хотя въ словахъ ея не слышалось жестокости, но Анна Петровна поняла, что помощи ей ждать неоткуда.

— Помогите!—простонала она.

Людмила Михайловна тронулась. Обѣщала переговорить съ содержательницей пансіона, которая въ настоящее время жила въ деревнѣ, нельзя ли устроить такъ, чтобъ „виноватая“ прожила у нея хоть безъ жалованья, въ качествѣ простой прислуги, тѣ критическіе мѣсяцы, по окончаніи которыхъ должна была обнаружиться ея „вина“.

— Раньше окончанія каникулъ она васъ не возьметъ: ей не разсчитать содержать васъ на хлѣбахъ, но послѣ, быть можетъ...

Во всякомъ случаѣ, а на-дняхъ увижусь съ нею и увѣдомлю васъ,—прибавила она.

Въ то же утро Анна Петровна встрѣтила на улицѣ знакомаго члена училищнаго совѣта, который нагло улыбнулся ей и сказалъ:

— О васъ доходятъ до совѣта недобрительные отзывы. Ежели вы сознаете ихъ справедливыми, то совѣтую принять мѣры.

Онъ не докончилъ, приподнял шляпу и удалился.

Дни шли за днями, а отъ Людмилы Михайловны никакихъ вѣстей не приходило. Или забыла, или ничего не могла. Изъ училищнаго совѣта тоже никакихъ слуховъ не было.

Наконецъ, наступилъ сентябрь, и опять начались классы. Анна Петровна едва держалась на ногахъ, но исправно посѣщала школу. Ученики, однакожъ, поняли, что она виновата и ничего имъ сдѣлать не смѣетъ. Начались безпорядки, шумъ, гвалтъ. Нѣкоторые мальчики вполне явственно говорили: „съ приплодцемъ!“; другіе увѣряли, что у нихъ въ будущей масляницѣ будетъ не одна, а разомъ двѣ учительницы. Положеніе день ото дня становилось невыносимѣе.

Въ ноябрѣ, когда наступили темныя, безлунныя ночи, сердце ея до того переполнилось гнетущей тоской, что она не могла уже сдержатъ себя. Она вышла, однажды, на улицу и пошла по направленію къ мельничной плотинкѣ. Рѣчка бурлила и гвѣнилась; шелъ сильный дождь; съвозъ осыпаннаго мукой стекла оконъ брезжилъ туселый свѣтъ; колесо стучало, но помольцы скрылись. Было пустынно, мрачно, безразсвѣтно. Она дошла до середины мостовъ, переброшенныхъ черезъ плотину, и бросилась головой впередъ на понырный мостъ.

Жизнь ея порвалась, почти не начавшись. Порвалась безмысленно, незаслуженно и жестоко.

Н. Щедринъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

V.—Наканунъ Семилѣтней войны *).

Франція и Россія.—Франція обближается съ Австріею.—Успілія Бестужева удержать Россію въ союзѣ съ Англіею.—Прібытіе въ Россію Дугласа и кавалера д'Эона.—Ненависть Елисаветы къ прусскому королю.—Исторія Зубарева.—Дипломатическія неудачи Бестужева.—Союзъ Англіи съ Пруссіею.—Союзъ Франціи съ Россіею.

Между Франціею и Россіею много лѣтъ существовало охлажденіе. Россія смотрѣла на Францію какъ на державу, которая во всякомъ предпріятіи готова была Россіи, какъ говорится, подставить ногу,—и въ самомъ дѣлѣ Франція всегда благопріятствовала тому, что было враждебно Россіи. Въ Швеціи, въ Турціи и въ Польшѣ наиболѣе высказывался дипломатическій антагонизмъ двухъ этихъ державъ. Французскіе послы вездѣ старались сойтись съ партіею, непріязненною почему-нибудь Россіи, и вездѣ, гдѣ только могли, возбуждали противъ нея правительственныя власти другихъ державъ. Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ оставались воспоминанія прежнихъ добрыхъ отношеній. Не говоря уже о томъ, что у Елисаветы осталось въ памяти ея дѣтство, когда ее готовили въ жены тогда еще малолѣтнему Людовику XV,—не могла у нея изгладиться изъ памяти болѣе дѣйствительная услуга, оказанная Франціею содѣйствіемъ при вступленіи ея на престолъ,

---

*) См. выше: январь, 61 стр.

хотя послѣдняя размолвка съ Де-ла Шетарди и стирала у нея съ сердца прежнее пріятное впечатлѣніе. И во Франціи, при всемъ политическомъ антагонизмѣ французской дипломатіи къ Россіи, просвѣчивала мысль о дружбѣ съ этою странкою. Послѣ того, какъ предположенія о бракѣ Елисаветы съ Людовикомъ совершенно испарились, родственникъ его, принцъ Конти, въ 1742 году сдѣлалъ попытку предложить руку Елисаветѣ, уже ставшей всероссійской императрицей. На его предложеніе отвѣчала Елисавета Петровна, что не намѣрена выходить замужъ. Тогда принцъ Конти сталъ доискиваться пути получить по смерти польскаго короля Августа польскую корону. Нѣкоторые польскіе паны являлись въ Тамплъ, во дворець, гдѣ жилъ тогда Конти, съ изъявленіемъ готовности содѣйствовать его кандидатурѣ въ свое время. Но такой выборъ въ короли, если бы онъ и наступилъ, то зависѣлъ бы не отъ однихъ этихъ пановъ, но также и отъ большого числа такихъ господъ, которые не думали тогда обращаться къ французскому претенденту и, можетъ быть, при избраніи не подали бы за него своего голоса. Притомъ такая кандидатура встрѣтила бы противодѣйствіе со стороны Австріи, Россіи и даже Пруссіи, союзной тогда съ Франціею. Не удавалось французамъ и въ Турціи, гдѣ французское посольство силилось поссорить Турцію съ Россіею, но успѣло единственно настолькоъ, что турецкій визирь подалъ ноту, заявляющую нерасположеніе Турціи къ занятію русскими Финляндіи. Эта нота не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. Послѣ неудачныхъ попытокъ вредить Россіи то здѣсь, то тамъ, французская политика начала склоняться къ мысли вступить въ союзъ съ Россіею, въ надеждѣ, что этотъ путь будетъ полезнѣе для Франціи.

Въ это время совершался въ Европѣ крутой переворотъ въ дипломатической сферѣ. Франція была съ нѣмецкою имперіею въ вѣковой враждѣ, и такое направленіе перешло и на Австрію, такъ какъ австрійскіе владѣтели преемственно были избираемы въ нѣмецкіе императоры. Недавно еще Франція вела противъ Маріи-Терезіи упорную войну, оспаривая наслѣдственность ея владѣній. Тогда Франція, будучи враждебна Австріи, находилась въ союзѣ съ прусскимъ королемъ. Миръ, окончившій войну за австрійское наслѣдство, лишилъ Австрію Силезіи и передалъ эту богатую область во власть Пруссіи. Австрія не казалась уже теперь опасною и сильною, какъ прежде. Напротивъ, возвышеніе Пруссіи стало внушать опасность, особенно когда воинственный и талантливый Фридрихъ II показывалъ цѣлому свѣту, что стремится къ территоріальнымъ захватамъ и не остановится ни передъ

какими путями. Поэтому Франція стала сближаться съ Австріей. Съ своей стороны императрица-королева Марія-Терезія желала отомстить прусскому королю за пораженія и возвратить своей державѣ утраченную Силезію, что повело бы къ возвращенію прежняго политическаго значенія австрійской короны. Австрія первая обратилась съ предложеніемъ союза противъ Пруссіи къ Франціи. Первое предложеніе было сдѣлано Кауницомъ, бывшимъ посланникомъ во Франціи, потомъ получившимъ должность австрійскаго канцлера. Предложеніе это было неудачно; оставалось послѣ того опасеніе, что если откроется война между Пруссіею и Австріею, Франція, какъ и въ предшествовавшую войну, явится снова союзницей Пруссіи. Австрія по прежнему стала готовиться къ союзу съ Англіею, но на этотъ разъ не сошлась съ нею, и Кауницъ поручилъ своему преемнику на постѣ посланника во Франціи — Штаренбергу обратиться къ фавориткѣ короля, маркизѣ Помпадуръ, и аббату Берни, руководившему тогда вѣдѣнію политикою. Сама императрица-королева Марія-Терезія обратилась съ собственноручнымъ письмомъ къ маркизѣ Помпадуръ. Дѣло пошло на ладъ.

Англія съ Франціею находились уже въ войнѣ за американскія владѣнія. Какъ только возникала вражда между Пруссіею и Австріею, то происходившая въ Америкѣ война Франціи съ Англіею должна была перенестись на почву Старого Свѣта. Въ этихъ видахъ Англія предложила субсидный союзъ съ Россіею: Россія, въ огражденіе интересовъ англійскаго короля, должна была выставить войска 55.000, Англія же — внести Россіи субсидную сумму въ 500.000 фунтовъ за диверсію російскаго войска и, сверхъ того, доставлять ежегодное содержаніе на это войско. Относительно размѣра послѣдней суммы происходили споры: Россія хотѣла 200.000 фунтовъ; Англія думала сократить эту сумму до пятидесяти тысячъ. Долго шли споры. Два англійскіе посланника перемѣнились послѣ того. Задержки главнымъ образомъ происходили, по извѣстіямъ англичанъ, отъ крайняго бездѣйствія русскихъ властей: императрица будто бы показывала болѣе и болѣе охлажденія къ государственнымъ занятіямъ; Бестужевъ никогда почти не видалъ государыни и передавалъ свои доклады черезъ Ивана Ивановича Шувалова, да и тогда эти доклады лежали у государыни цѣлые мѣсяцы забытыми. Такое отчужденіе великаго канцлера отъ государыни испортило и облѣбило его самого. Онъ пересталъ быть дѣятельнымъ, какимъ былъ прежде, и по утрамъ до двѣнадцати часовъ оставался въ постели. Англійскій посланникъ Чарльзъ Генбюри Виліамсъ изображалъ тогдашнее высшее общество

чрезвычайно подкупнымъ. Самъ Бестужевъ выпрашивалъ у англійскаго короля годичный пенсіонъ въ 2.500 фунтовъ и обязывался работать въ пользу Англии, представляя императрицѣ о выгодахъ для Россіи союзнаго договора съ Англіею. „Надобно дать ему, — писалъ Виліамсъ, — такъ какъ онъ чистосердечно служить въ пользу нашего короля“. Олсуфьевъ, другъ Воронцова, имѣвшій на него вліяніе, получалъ отъ Англии 500 червонцевъ наличною монетою и въ такомъ же размѣрѣ пенсіонъ. Англичане жаловались на то, будто бы изъ суммъ, которыя выданы были Англіею на содержаніе вспомогательнаго войска, употребили часть на постройку дворцовъ. Спорный вопросъ о размѣрѣ содержанія на войско рѣшили на половину суммы — во сто тысячъ фунтовъ. Бестужевъ подалъ государынѣ записку, въ которой доказывалъ, какъ выгодно будетъ во многихъ отношеніяхъ заключеніе оборонительнаго союза съ Великобританіею ¹⁾.

Но Бестужевъ, несмотря на то, что всегда славился своею проникательностію, не замѣтилъ, какъ попался въ просакъ. Онъ не спохватился, какъ противъ него составилась враждебная партія въ лицѣ канцлера Воронцова и Шуваловыхъ. Къ нимъ применилъ немалочисленный кружокъ сановниковъ. Тогда какъ Бестужевъ съ давнею непріязнью къ прусскому королю соединялъ давнюю же непріязнь къ Франціи, противники его, хотя въ равной степени, какъ и онъ, не любили прусскаго короля, но склонялись къ дружбѣ съ Франціею, особенно послѣ того, какъ Франція начала сближаться съ Австріею и становиться во враждебное положеніе къ прусскому королю. Тогда партія русскихъ любителей всего французскаго (а этимъ отличались Шуваловы и Воронцовъ) рада была съ распростертыми объятіями встрѣтить дружбу съ Франціею; къ этому настроивали императрицу. Въ это время Франція, испытавши столько неудачъ въ своихъ планахъ вредить Россіи, приняла рѣшительное намѣреніе подружиться съ нею. Король, въ соумышленіи съ принцемъ Конти, рѣшилъ отправить въ Россію тайнаго агента для узнанія политической почвы: выборъ палъ на шотландскаго эмигранта Мэвензи Дугласа — сторонника Стюартовъ, товарища послѣдняго претендента, и, въ качествѣ гонимаго англійскимъ правительствомъ, проживавшаго во Франціи. Этотъ господинъ въ 1755 году отправился въ путь подъ видомъ англійскаго туриста, подъ предлогомъ изученія въ разныхъ странахъ рудопроизводства, проѣхалъ черезъ австрійскія владѣнія и Польшу и прибылъ въ Петербургъ. Чтобы получить разныя

¹⁾ Архивъ Воронцова, т. IV. 69--85.

необходимыя свѣденія о Россіи, онъ, въ качествѣ англичанина, обратился къ англійскому посланнику Виліамсу, но тотъ сразу разгадалъ, какая птица прилетѣла въ нему, и Дугласъ поспѣшилъ поскорѣе убраться изъ Россіи, опасаясь быть засаженымъ въ Шлиссельбургскую крѣпость по подозрѣнію въ шпіонствѣ, какъ уже недавно случилось съ другимъ французскимъ проходимцемъ. Современные рассказы повѣствуютъ, что Дугласъ услѣлъ тогда черезъ посредство Воронцова ввести къ императрицѣ секретаря своего, кавалера д'Эона: женоподобное лицо послѣдняго дозволило будто бы одѣть его въ женское платье и помѣстить въ качествѣ фрейлины близъ императрицы. Устроивши свою продѣлку, Дугласъ возвратился во Францію съ тѣмъ, чтобы явиться снова въ Россію при лучшихъ условіяхъ. Онъ недолго былъ во Франціи и прибылъ снова въ Петербургъ 26-го апрѣля 1756 года, и въ этотъ разъ получилъ совсѣмъ иной, болѣе радушный приѣмъ. Этому онъ обязанъ былъ искусству д'Эона, который, отлично играя роль женщины, вошелъ въ довѣренность къ Елисаветѣ и, наконецъ, открылъ ей свой полъ. Елисавета простила эту продѣлку, и поручила связать королю Людовику XV, что рада находится съ нимъ въ дружескомъ союзѣ. Д'Эонъ тотчасъ воротился въ отечество и вскорѣ опять пріѣхалъ въ Петербургъ уже не простымъ туристомъ, а въ качествѣ секретаря при Дугласѣ, который теперь явился официальнымъ лицомъ, уполномоченнымъ отъ короля. Сказка о мужчинѣ, помѣщенномъ у Елисаветы въ видѣ дѣвицы, составляла долго предметъ романическихъ разсказовъ, а въ послѣднее время опровергнута историческими изслѣдованіями. На самомъ дѣлѣ кавалеръ д'Эонъ первый разъ явился въ Россію только во второе прибытіе туда Дугласа и былъ такимъ новичкомъ въ чужой землѣ, что не зналъ, какъ ему и повернуться. Дугласъ и д'Эонъ пріютились у своего соотечественника Мишеля, богатаго негоціанта, близкаго извѣстнаго Воронцову и уже два раза ѣздившаго, съ согласія послѣдняго, во Францію съ политическими ображеніями ¹⁾.

Императрица Елисавета давно уже ненавидѣла прусскаго короля. „Этотъ государь, — говорила она о немъ, — Бога не боится, въ Бога не вѣритъ, воцунствуетъ надъ святыми, въ церковь никогда не ходитъ и съ женою по закону не живетъ“. Когда русскіе гренадеры, служившіе въ Пруссіи, воротились въ отечество, они разсказывали слышанное ими отъ королевскихъ прислужниковъ въ Потсдамѣ, что Фридрихъ съ пренебреженіемъ

¹⁾ Vandal: „Louis XV et Elisabeth de la Russie“, стр. 261—271.

отзывался о русской государынѣ и порицалъ ее. Это огорчало Елисавету. Но были причины, затронувшія еще за болѣе живое мѣсто сердце государыни. По внѣшнимъ признакамъ могло всѣмъ казаться, что корона досталась Елисаветѣ легко. Стоило только вывести изъ Зимняго дворца брауншвейгскую чету, а самой взять на руки и увести съ собою младенца-императора—и все пойдетъ сповоино. И въ самомъ дѣлѣ, по наружности, все могло и должно было казаться, будто все обстоитъ благополучно и престоль дочери Петра Перваго стоитъ такъ же твердо и неизблемо, какъ престоль ея предковъ. На самомъ же дѣлѣ катастрофа, доставившая Елисаветѣ корону, отразилась тяжелымъ бременемъ на все правленіе Елисаветы. Императоръ, такъ легко сведенный съ престола, такъ заботливо заключенный и для всего міра невѣдомый, во всю жизнь Елисаветы стоялъ передъ нею привидѣніемъ до ея кончины. Это привидѣніе не давало ей надолго забыться въ своемъ величіи. То здѣсь, то тамъ появлялся страшный призракъ и появлялся въ разныхъ видахъ, при различной обстановкѣ. То внутренніе заговоры грозили Елисаветѣ Петровнѣ возвращеніемъ на свѣтъ низверженнаго императора, то изъ-за границы пугало ее опасеніе, что враждебные ей государи поднимутъ противъ нея знамя съ именемъ императора Іоанна, съ тѣмъ, чтобы въ самое роковое время отклонить отъ нея русскій народъ, такъ скоро и такъ поворно признавшій власть ея надъ собою. И такое привидѣніе сталъ выставлять Елисаветѣ Фридрихъ II-й, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ обязательно давалъ русской государынѣ совѣты припрятать подальше брауншвейгскую фамилію. Теперь времена были не тѣ. Елисавета не цѣнила союза съ Фридрихомъ, предпочла ему союзъ съ его соперницею Маріею-Терезіею. И онъ не простилъ этого Елисаветѣ; онъ сталъ относиться иначе въ ней и къ Россіи.

Попался въ то время въ тайной канцеляріи каковой-то проходивецъ, пробиравшійся въ Пруссію черезъ русскія раскольничьи слободы, заселившіяся въ Польшѣ. Это оказался тобольскій посадскій человѣкъ Иванъ Зубаревъ. Онъ былъ уже извѣстенъ русскому правительству плутовскими продѣлками и еще ранѣе заявлялъ, что будто нашелъ онъ золотыя рѣиски и серебряныя руды, но потомъ сознался, что лгалъ, въ надеждѣ обмануть правительство и выпросить себѣ привилегію на устройство заводовъ: Зубарева соблазняла эта привилегія тѣмъ, что влекла за собою право владѣть населеннымъ имѣніемъ. Въ 1754 году Зубарева отослали въ сыскной приказъ, но оттуда онъ успѣлъ бѣжать. Въ январѣ 1756 года этотъ Зубаревъ, вмѣстѣ съ другими лицами,

былъ задержанъ въ малороссійскомъ селѣ Милушкахъ по обвиненію въ кражѣ лошадей, свазалъ за собою государево „слово и дѣло“ и былъ доставленъ въ тайную канцелярію. Здѣсь онъ разсказалъ цѣлую повѣсть о своихъ приключеніяхъ въ Пруссіи и о свиданіи съ самимъ прусскимъ королемъ. Въ его повѣствованіи правда перепуталась съ ложью. Онъ разсказывалъ, что въ началѣ 1755 года находился извозчикомъ у русскихъ бѣглыхъ купцовъ для отвоза товаровъ въ прусскій городъ Королевецъ (Кенигсбергъ). Тамъ пригласили его въ трактиръ и стали вербовать въ прусское войско. Онъ разсказывалъ далѣе, какъ онъ былъ у фельдмаршала прусскаго Левальда (перекрещеннаго разсказчикомъ въ Ливонта), какъ потомъ съ прусскимъ офицеромъ поѣхалъ, подъ крѣпкимъ присмотромъ, въ Берлинъ, а оттуда въ Потсдамъ, въ королевскую резиденцію, и тамъ увидалъ двухъ генераловъ. Изъ нихъ одинъ назвался дядюшкой бывшаго императора Ивана Антоновича, а другой—генераломъ Манштейномъ, бывшимъ когда-то въ русской службѣ съ чиномъ полковника и находившимся адъютантомъ при фельдмаршалѣ Минихѣ. Самъ Зубаревъ передъ ними выдавалъ себя за бывшаго гвардейца, который хочетъ скрыть себя и представиться купцомъ. Манштейнъ ввелъ его къ королю, а король далъ порученіе ѣхать сперва въ раскольничьи слободы и расположить раскольниковъ признать государемъ Ивана Антоновича, когда тотъ будетъ освобожденъ. Въ благодарность раскольникамъ за сочувствіе, онъ долженъ былъ обѣщать имъ въ царствованіе Ивана Антоновича полную свободу вѣроисповѣданія, а до того времени сообщить имъ отъ короля прусскаго обѣщаніе выхлопотать у патріарха посвященіе раскольничьяго епископа. Затѣмъ поручалось Зубареву изъ раскольничьихъ слободъ съѣздить въ Холмогоры и подать вѣсть принцу Антону-Ульриху, что весною 1756 года явятся къ Архангельску прусскіе корабли подъ видомъ купеческихъ, чтобы освободить принца съ сыномъ, низверженнымъ императоромъ. Тутъ Зубареву показали капитана корабля, которому будетъ поручено взять Ивана Антоновича съ отцомъ. Зубаревъ прибавлялъ (вѣроятно, прилыгая), будто его пожаловали полковникомъ прусской службы и вручили тысячу червонныхъ и двѣ золотыя медали, которыя велѣли зашить въ сапогъ подъ подошву. Манштейнъ давалъ Зубареву совѣтъ—перешедши русскую границу, добыть себѣ фальшивый паспортъ, подъ видомъ крестьянина или кушца пробраться въ Холмогоры, тамъ подеупить какую-нибудь бабу портомойку или солдата, и такимъ путемъ увидѣться съ Антономъ-Ульрихомъ, вручить ему медали и связать, что при-

сланъ отъ прусскаго короля и отъ братьевъ Антона-Ульриха: пусть Антонъ-Ульрихъ съ сыномъ готовится въ уходъ изъ Россіи на корабль, который будетъ дожидаться его у города Архангельска, а самъ Зубаревъ, передавши все это Антону-Ульриху и осмотрѣвши мѣсто, гдѣ онъ содержится съ семействомъ, долженъ идти въ Архангельску, встрѣтить тамъ знакомое ему лицо — капитана съ командою, и съ нимъ уговориться, какъ увести Антона-Ульриха съ сыномъ. Если окажется, что караульные стерегутъ плѣнниковъ слабо, то подкупить ихъ деньгами, либо напоить пьяными, а если караулъ окажется строгимъ, то подкупить какихъ-нибудь бурлаковъ и, при ихъ содѣйствіи, провести капитана съ командой въ Холмогоры, разбить караулъ, освободить Антона-Ульриха съ сыномъ и доставить ихъ на корабль въ Пруссію. Снаряженный такимъ образомъ Зубаревъ сообщил обо всемъ въ Польшѣ монахамъ раскольниковъ монастыря — Лаврентьевскаго, а оттуда, отправившись въ Россію, съ намѣреніемъ слѣдовать въ Холмогоры, былъ задержанъ и препровожденъ въ тайную канцелярію.

Въ поясненіе этого сознанія Зубарева, нѣкто дворовый чело-вѣкъ помѣщика Загряжскаго, Василій Иларіоновъ, шатавшійся по раскольниковымъ скитамъ, основаннымъ въ Польшѣ бѣглыми русскими раскольниками, заявилъ, что видѣлъ лично этого Зубарева въ Лаврентьевскомъ монастырѣ и потомъ слышалъ, что онъ ѣздитъ извозчикомъ съ товарами въ прусскій городъ Королевецъ, въ одномъ обозѣ съ другими бѣглыми людьми, подъ именемъ Ивана Васильева, и, приѣхавши въ Королевецъ, спрашивалъ у прусскихъ солдатъ, гдѣ у нихъ ратуша, и когда ему ратушу показали, то, обратясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ: „прощайте, братцы! я буду просить, чтобы меня повезли въ прусскому королю: мнѣ до прусскаго короля нужда!“ Съ этими словами пошелъ онъ съ прусскими солдатами въ ратушу, и съ тѣхъ поръ никто изъ бывшихъ съ нимъ въ обозѣ его не видѣлъ ¹⁾).

Несмотря на ложь, впутанную въ правду, изъ этихъ извѣстій можно заключить, что Зубаревъ ѣздитъ дѣйствительно въ Пруссію, къ королю Фридриху II агентомъ отъ поселившихся въ Польшѣ раскольниковъ, которые уже не въ первый разъ обращались къ прусскому королю хлопотать, чтобы черезъ его посредство добыть себѣ отъ патріарха собственнаго раскольниковъ

¹⁾ Историческія бумаги, собранныя Арсеньевымъ, изданныя академикомъ Перкарскимъ, стр. 380—399.

епископа: самъ Зубаревъ въ своемъ показаніи говорить, что уже прежде прѣѣзжалъ къ королю отъ раскольниковъ какой-то поппъ, но пруссаки почему-то не повѣрили ему. Въ показаніи Зубарева, данномъ въ тайной канцеляріи и, конечно, вынужденномъ страхомъ, не совсѣмъ точно разсказаны приключенія его въ Пруссіи, какъ всегда бывало въ показаніяхъ, поцавшихся въ тайную канцелярію. Плуты, къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Зубаревъ, обыкновенно уже сознаваясь, все-таки до послѣдней возможности лгали, даже и тогда, когда ложь ихъ нимало не могла доставить имъ спасенія. Исторія этого Зубарева въ свое время имѣла немаловажное значеніе въ ряду причинъ, рѣшившихъ тогдашнюю политику Россіи по отношенію къ Пруссіи, а еще болѣе по отношенію къ судьбѣ несчастнаго Ивана Антоновича. Фридрихъ II ухватился за самое чувствительное мѣсто для своей соперницы—Елисаветы Петровны. Онъ увидалъ въ расколѣ слабую сторону Россіи и хотѣлъ явиться при случаѣ покровителемъ гонимыхъ Елисаветою раскольниковъ, соединивъ ихъ дѣло съ дѣломъ брауншвейгскаго принца. Вотъ почему, тотчасъ послѣ Зубаревской исторіи, послѣдовало секретное распоряженіе перемѣстить Ивана Антоновича изъ Холмогоръ въ шليسельбургскую темницу. И тогда же Елисавета Петровна, не колеблясь болѣе, дала обѣщаніе Дугласу послать во Францію своего уполномоченнаго посла, принять у себя французскаго посланника и ввести Россію въ союзъ Франціи съ Австріею противъ Фридриха II.

Бестужевъ былъ посрамленъ. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ притворяться, что раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые, безъ совѣта съ нимъ, нашли выгоднымъ для Россіи союзъ съ Франціею. Бестужевъ сознавалъ свое безсиліе передъ любимцемъ Елисаветы. „Наше несчастье, — говорилъ Бестужевъ англійскому послу, — состоитъ въ томъ, что онъ говорить по-французски и любить французскія моды. Ему страхъ какъ хочется имѣть при дворѣ француза-посланника. Власть его такъ велика, что намъ тутъ невозможно ничего подѣлать“¹⁾.

Между тѣмъ Англія, въ добромъ расположеніи которой Бестужевъ такъ увѣрялъ императрицу, вдругъ, неожиданно для Россіи, 19-го января 1757 года заключила союзный договоръ съ Пруссіею. Виламсъ старался передъ Бестужевымъ доказывать, что такой договоръ Англіи съ Пруссіею не долженъ нарушать дружескихъ отношеній между Англіею и Россіею; однако Бе-

¹⁾ La cour de la Russie il y a cent ans, 144.

стужевъ тутъ же сообщилъ ему, что императрица, услышавши о таковомъ договорѣ, очень раздражена и недовольна. Какъ бы въ отместку за то Англии, Елисавета, не отказываясь ратифицировать составленный уже прежде договоръ Англии съ Россіею, приписала оговорку, что общаемыя въ пособіе Англии русскія войска обязаны будутъ дѣйствовать только противъ прусскаго, а отнюдь не противъ какихъ-либо иныхъ непріятелей англійскаго короля. Въ договорѣ съ Франціею обѣимъ сторонамъ пришлось также употребить подобныя предостереженія другъ противъ друга. Французскій король былъ недоволенъ Дугласомъ за слишкомъ широкій смыслъ помощи, общаемый Франціею Россіи, и при ратификаціи договора писалъ къ Елисаветѣ, прося освободить его отъ обязательства оказывать Россіи содѣйствіе въ случаѣ войны ея съ Турціею. Елисавета согласилась, но выговорила для себя условіе никакъ не вмѣшиваться въ войну между Франціею и Англіею. 1-го мая 1757 года въ Версали заключенъ былъ окончательный оборонительный договоръ между Франціею, Австріею и Россіею, направленный прямо противъ прусскаго короля, а 22-го сентября того же года къ этому договору присоединилась и Швеція ¹⁾).

VI.—Эпоха Семилѣтней войны.

Вступленіе російскаго войска въ Пруссію.—Главнокомандующій Апраксинъ.—Неловкое положеніе Апраксина и Бестужева.—Покореніе Мемеля.—Жестокій характеръ войны съ обѣихъ сторонъ.—Гроссъ-Эгерсдорфская битва.—Побѣда русскихъ и отступленіе.—Арестованіе и смерть Апраксина.—Проектъ Бестужева.—Болѣзни императрицы.—Опала, постигла Бестужева.—Неудовольствія между императрицею и великою княгинею.—Ночное свиданіе между ними.—Главнокомандующій Ферморъ.—Курляндское дѣло.—Цорндорфская битва.—Главнокомандующій Салтыковъ.—Куннерсдорфская битва.—Пораженіе Фридриха.—Покушеніе русскихъ на Берлинъ.—Завоеваніе и оставленіе Берлина.—Неудачныя попытки къ миру.—Генераль Румяновъ.—Осада и взятіе приморскаго города Кольберга.

Лѣтомъ 1757 года русское войско было отправлено на войну противъ Пруссіи. Начальство надъ нимъ поручено было генераль-аншефу Степану Ѳедоровичу Апраксину. Этотъ человѣкъ въ военномъ дѣлѣ не ознаменовалъ себя ничѣмъ блестящимъ въ предшествовавшее время, кромѣ развѣ того, что, бывши еще не въ слишкомъ высокиихъ чинахъ, участвовалъ въ войнахъ Миниха противъ турокъ. Это былъ тщеславный, извѣженный, облѣбнившійся бояринъ, хотя не безъ природныхъ способностей. Англій-

¹⁾ Vandal, *ibid.* 278.

скій посоль Виліамсъ, знавшій его лично, сообщаетъ, что онъ былъ большой щеголь и, отправляясь въ походъ, послать своего адъютанта въ свой домъ привезти ему двѣнадцать полныхъ костюмовъ, точно такъ, какъ будто онъ собирался не воевать, а рисоваться передъ дамами. По приговору другого англичанина, Мичеля, Апраксинъ, несмотря на свои огромныя богатства, былъ очень расточителенъ и способенъ на подвухъ, что и подавало прусскому королю поводъ говорить, что стѣитъ послать ему значительную сумму денегъ, чтобъ побудить его замедлить свой маршъ подъ какими-нибудь предлогами ¹⁾. Его обозъ везли болѣе пятисотъ лошадей; а когда приходилось стоять, тутъ добывались и ставились великолѣпныя, обширныя палатки, гдѣ отправлялись шумныя пиршества съ музыкою и пальбою ²⁾. Подчиненные говорили о немъ, что онъ привыкъ болѣе пировать за сытными обѣдами, валяться въ пуховикахъ, чѣмъ довольствоваться походною пищею и непривѣтливымъ ночлегомъ подъ дождемъ. Положеніе, въ которомъ очутился Апраксинъ, будучи призванъ волею императрицы въ начальству надъ войскомъ, было критическое, и это сознавали какъ онъ, такъ и Бестужевъ. Императрица ненавидѣла прусскаго короля, но малый дворъ съ великимъ княземъ и великою княгинею во главѣ относился совсѣмъ иначе въ Пруссіи и Англіи. Великій князь постоянно восторгался прусскимъ королемъ и старался копировать его, а великая княгиня казалась болѣе расположенною къ Англіи, чѣмъ къ Франціи. Случись смерть императрицы,—а при ея частыхъ припадкахъ болѣзни этого можно было ожидать,—и вся политика Россіи измѣнилась бы. Въмѣсто союза противъ Пруссіи, образовался бы въ Европѣ союзъ за Пруссію, и Россія, управляемая новымъ государемъ, приняла бы въ такомъ союзѣ первенствующее значеніе. Нужно было Апраксину искусно лавировать—идти впередъ на войну, исполняя волю государыни, и въ то же время оглядываться —что дѣлается назади, въ Петербургѣ.

Русское войско, вступившее въ Пруссію, по однимъ извѣстіямъ, состояло изъ ста тысячъ ³⁾, по другимъ ⁴⁾,—число его доходило до ста-тридцати-четырехъ тысячъ. Русскіе вступили въ Пруссію 22-го іюля. Прусскій король лично былъ занятъ войною въ Саксоніи и Богеміи, а на русской границѣ оставилъ корпусъ подъ начальствомъ фельдмаршала Левальда. Количество войска,

¹⁾ La Cour de la Russie il y a cent ans. 156.

²⁾ Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, 102.

³⁾ Военная Исторія, кн. Голицына, стр. 141.

⁴⁾ Записки Болотова, т. I, стр. 481.

бывшаго подъ его начальствомъ, пруссаки простирають до двадцати-четырёхъ тысячъ; изъ русскихъ источниковъ одни полагають его въ 28.300 человекъ ¹⁾, другіе—въ 40.000 ²⁾. Какъ только русскіе вошли въ Пруссію, такъ стали сдаваться города отдѣльнымъ ихъ отрядамъ. Генераль Ферморъ покорилъ Мемель; хотя мемельскій гарнизонъ сдался на капитуляцію съ правомъ безпрепятственнаго выхода, но русскіе многихъ изъ прусскихъ солдатъ завербовали въ свою службу, употребляя и принужденія, что впрочемъ, было повсемѣстно въ обычаѣ въ тотъ вѣкъ ³⁾. Кромѣ солдатъ, русскіе забрали тогда многихъ мирныхъ обывателей, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и отправили ихъ въ Россію для заселенія пустыхъ мѣстъ.

Простой народъ, при вступленіи непріятеля во владѣнія прускаго короля, не остался равнодушнымъ и сталъ оказывать пособіе своимъ войскамъ. Русскій фельдмаршалъ издалъ манифестъ, въ которомъ убѣждалъ прусскихъ подданныхъ не оказывать непріязненныхъ дѣйствій, и съ своей стороны обѣщаль не дозволить своимъ подчиненнымъ дѣлать вредъ мирному населенію. Несмотря на этотъ манифестъ, поселяне стрѣляли по русскимъ солдатамъ изъ-за кустовъ и лѣсныхъ деревьевъ. Апраксинъ отправилъ нарочнаго въ прусскому главнокомандующему, просилъ запретить такіа нападенія и, въ противномъ случаѣ, угрожалъ наказывать поступающихъ съ русскими по-непріятельски. Но Левальдъ не издалъ такого запрещенія, и русскій фельдмаршалъ далъ своимъ войскамъ дозволеніе поступать какъ съ непріятелями съ тѣми селеніями, гдѣ обыватели начнутъ нападать на русскихъ. Какъ только провѣдали о такомъ дозволеніи иррегулярныя войска—казаки и калмыки,—тотчасъ безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ, стали обращаться съ поселянами самымъ варварскимъ образомъ. Они не только грабили крестьянскіе позитки, кололи для своего провормленія и угоняли для продажи своему войску крестьянскій скоть, но самихъ людей подвергали страшнымъ, безчеловѣчнымъ мукамъ: однихъ удавливали петлей, другихъ живьемъ потрошили, покидали у матерей малыхъ дѣтей и убивали,—сжигали до тла крестьянскія жилища, и тѣ поселяне, которые успѣвали спастись отъ ихъ звѣрства, лишившись своихъ домовъ, прятались въ лѣсахъ, а выходя изъ своихъ убѣжищъ, просили своихъ земляковъ давать имъ вмѣсто милостыни ружья,

¹⁾ Военная Исторія, кн. Голицына, стр. 141.

²⁾ Записки Болотова, т. I стр. 461

³⁾ Неггманн, т. V, стр. 142.

порохъ и свинецъ, чтобы мстить врагамъ. Регулярныя войска не одобряли такого способа веденія войны съ мирными жителями, но и они сами во время похода не держались дорогъ, а шли по полямъ, засѣянными хлѣбомъ, и это озлобляло жителей; они продолжали вести партизанскую войну, нападая на русскихъ отдѣльными партіями; а русскіе за это, поймавши въ такомъ дѣлѣ поселянъ, отрубивали имъ на рукахъ пальцы и потомъ пускали ¹⁾). Такъ показали себя, тотчасъ по вступленіи въ Пруссію, съ одной стороны, русскіе, съ другой—мирные обыватели прусскихъ владѣній, большею частію литовцы по происхожденію.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, кончавшихся то съ пользою, то со вредомъ для русскихъ, русскіе перешли рѣву Прегель и на Гроссъ-Эгерсдорфскомъ полѣ (близъ деревень Гроссъ- и Клейнъ-Эгерсдорфъ) встрѣтились съ прусскою арміею подъ командой Левальда. Здѣсь произошло первое генеральное сраженіе. Сначала пруссаки одолѣвали и приперли русскихъ къ лѣсу, но за этимъ лѣсомъ стояло остальное русское войско; изъ него отрядъ, подъ начальствомъ генерала Румянцова, пробрался чрезъ лѣсныя заросли на выручку стѣсненному пруссаками русскому отряду. Пруссаки попятились, и вскорѣ ихъ отступленіе превратилось въ настоящее бѣгство. Русскіе потеряли въ этой битвѣ до пяти тысячъ убитыми и ранеными, и въ числѣ ихъ генерала Василія Абрамовича Лопухина, котораго чрезвычайно любили всѣ подчиненные и разнесли о немъ такую громкую славу, что имя его до сихъ поръ осталось въ народной пѣснѣ, несмотря на множество послѣдующихъ войнъ и геройскихъ подвиговъ русскихъ полководцевъ. Смерть его очень напоминаетъ смерть древняго греческаго героя Эпаминонда. Раненый смертельно и схваченный въ плѣнъ, онъ былъ отбитъ своими уже полуживымъ и спокоейно испустилъ дыханіе, когда узналъ, что русскіе побѣждаютъ. Пруссаки въ Гроссъ-Эгерсдорфской битвѣ потеряли до трехъ тысячъ убитыми и ранеными ²⁾).

До 22-го августа войско стояло на полѣ побѣды и праздновало свое торжество надъ непріателемъ. Когда, наконецъ, въ вышеозначенный день на зарѣ забили генеральный маршъ, всѣ были увѣрены, что фельдмаршалъ движется для овладѣнія Кенигсбергомъ. Фельдмаршалъ хотя и двинулся, но чрезвычайно медленно, безпрестанно останавливался и напрасно мучилъ солдатъ невыносимою жарою, господствовавшею въ ту пору года. Русскіе

¹⁾ Записки Болотова, т. I, стр. 479, 491, 497.

²⁾ Военная Исторія, кн. Голицына, 145.

проходили въ сутки не болѣе какъ отъ четырехъ до пяти верстѣ. Дошедши до рѣчки Аалъ, фельдмаршалъ созвалъ на военный совѣтъ генераловъ и представилъ имъ, что за скудостію провіанта и фуража нельзя идти далѣе въ непріятельской странѣ—и остается вернуться назадъ въ Россію. Противъ этого сильно протестовалъ командиръ союзнаго саксонскаго войска Сибильскій; недовольны были офицеры и въ русскомъ войскѣ, но не смѣли противорѣчить волѣ начальника, предполагая, что онъ руководствуется высочайшимъ приказаніемъ. 13, 14 и 15-го сентября русскіе переправились обратно черезъ Нѣманъ. Возвратный путь ихъ по непріятельской землѣ ознаменованъ былъ разореніями. „Мы, — говоритъ очевидецъ, — поступали какъ сущіе варвары ¹⁾: жгли повсюду села, дворянскія усадьбы и деревни; по нашимъ слѣдамъ днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду видѣлись пожарныя зарева. И все это ради того, что два эскадрона непріятельской конницы слѣдовали за нами для примѣчанія нашихъ движеній, а нашъ фельдмаршалъ не могъ того разсудить, что намъ они ничего важнаго сдѣлать не могутъ, и вмѣсто того, чтобы послать часть войска и прогнать ихъ, онъ разсудилъ за лучшее опустошать огнемъ и мечемъ всѣ остающіяся позади насъ мѣста“.

Фельдмаршалъ получилъ отъ государыни строгій приказъ не возвращаться въ Россію, а продолжать воинственный походъ въ Пруссію. Въ такомъ же смыслѣ писали въ нему Бестужевъ и великая княгиня. Тѣмъ не менѣе, Апраксинъ снова доносилъ о невозможности немедленно продолжать походъ. Его потребовали въ отчету въ Петербургъ, но на половинѣ дороги, когда онъ доѣхалъ до Нарвы, ему послали приказаніе оставаться въ этомъ городѣ. Туда прислана была коммиссія для производства надъ нимъ слѣдствія. Черезъ нѣсколько времени его потребовали въ Петербургъ, но на дорогѣ опять остановили, пославши приказаніе жить въ селеніи Четыре-Руки—небольшомъ царскомъ лѣтнемъ домѣ. Тамъ онъ и умеръ отъ апоплексическаго удара.

Общее мнѣніе за границею о поступкахъ Апраксина было таково, что онъ совершилъ свое отступленіе въ соумышленіи съ канцлеромъ Бестужевымъ. Нѣкоторые обвиняли ихъ обоихъ прямо въ подкупѣ. Иностранные источники ²⁾ прямо говорятъ, что англійскій посланникъ Виліамсъ убѣждалъ Апраксина принять отъ Фридриха Второго сто тысячъ талеровъ. Было въ ходу и другое объясненіе его поступковъ. Бестужевъ и Апраксинъ знали, что

¹⁾ Записки Болотова, т. I, стр. 602.

²⁾ Raumer. „Friedrich II“, стр. 397, 399.—Herrmann, т. V, стр. 183.

великій князь слишкомъ расположенъ къ прусскому королю, и если государыня умретъ, а наслѣдникъ ея станетъ императоромъ, то немедленно объявить себя на сторонѣ прусскаго короля; о великой княгинѣ также можно было надѣяться, что и она не расположена враждебно къ Пруссіи и къ Англии. Между тѣмъ Елисавета Петровна безпрестанно хворала; ея припадки угрожали возможностью внезапной смерти. Поэтому Бестужевъ и Аправсинъ рассчитывали дѣйствовать такъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны, не оставаться предъ новымъ правительствомъ заклятыми врагами прусскаго короля, который тогда станетъ союзникомъ русскаго государя.

Такое толкованіе поступковъ Бестужева и Аправсина имѣло нѣсколько основанія, но не было въ точности вѣрно, потому что европейскіе политики не вполне знали, что дѣлается въ Россіи. Дѣло было вотъ въ чемъ. Молодая высокая чета—великій князь и великая княгиня жили между собою въ крайнемъ несогласіи. Екатерина старалась обратить въ дѣлу своего супруга,—но ей это рѣшительно не удавалось. Онъ грубо оскорблялъ жену и часто доводилъ ее до заявленія, что она покинетъ и его, и Россію. Что касается до Елисаветы, то она хотя вполне понимала характеръ своего преемника, но горячо любила его, и къ Екатеринѣ относилась также съ видимою любовію и желала, чтобы между этими супругами утвердилось согласіе. Вліяніе тетки не передѣлало племянника. Екатерина, въ своихъ запискахъ, представляетъ странное обычное времяпровожденіе великаго князя въ ту эпоху.

Понятно, что такой преемникъ Елисаветы на престолѣ не могъ подавать хорошихъ надеждъ. По свидѣтельству Екатерины, Елисавета и четверти часа не могла пробыть съ нимъ наединѣ и часто жаловалась, что считаетъ себя великимъ несчастіемъ, что Богъ послалъ ей такого преемника. Она даже подчасъ изъ презрѣнія къ нему давала ему различныя прозвища. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ подчасъ ни сердилась на него тетка, а все ему прощала, потому что никакъ не могла побороть въ себѣ любви къ нему, какъ къ сыну умершей, любимой сестры своей. Никого столько не безповоило такое положеніе дѣлъ въ Россіи, какъ Бестужева, человѣка съ такимъ же государственнымъ умомъ, какъ и съ безмѣрнымъ самолюбіемъ. Болѣзни императрицы съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе усиливались; послѣ каждаго припадка она дня два находилась въ такомъ истощеніи силъ, что не могла не только говорить, но и слышать говорящихъ въ ея присут-

ствіи. Обь одномъ изъ такихъ припадковъ, случившемся въ сентябрѣ, увѣдомили Апраксина—по однимъ извѣстіямъ, Бестужевъ ¹⁾, по другимъ—дочь Апраксина, Куракина, и Апраксинъ, опасаясь, что императрица можетъ внезапно умереть и война приметъ иной оборотъ, рѣшился отступить подь благовидными предлогами. Бестужевъ думалъ поправить ошибку Апраксина и упросилъ великую княгиню написать къ фельдмаршалу письмо, убѣждающее, сообразно волѣ императрицы, идти съ войскомъ впередъ, для уничтоженія неблаговидныхъ слуховъ, которые распускали о немъ его недоброжелатели. Австрійскій посоль Эстергази, думая, что все это дѣлается по желанію великаго князя, совѣтовалъ послѣдному просить у тетки прощенія и сознаться, что дѣйствовалъ по внушенію дурныхъ совѣтниковъ, разумѣя подь такими совѣтниками главнымъ образомъ Бестужева. Великій князь такъ и поступилъ. Елисавета приняла племянника очень ласково и, слушая его обвиненія, озлобилась на послѣдняго ²⁾.

Изъ опасенія, что съ внезапною кончиною императрицы престолъ достанется въ обладаніе Петру, Бестужевъ составилъ проектъ, по однимъ извѣстіямъ—объявить преемникомъ Елисаветы ея внука, трехлѣтняго великаго князя Павла Петровича, поручивъ на время его малолѣтства регентство его матери ³⁾; по другимъ извѣстіямъ,—оставя подобающій Петру Ѳедоровичу императорскій титулъ,—устранить его отъ дѣйствительной власти и предоставить публичное участіе въ правительствѣ великой княгини ⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бестужевъ зналъ, что Петръ Ѳедоровичъ не терпитъ его и, ставши императоромъ, непременно такъ или иначе постарается удалить его. Поэтому Бестужевъ въ своемъ проектѣ написалъ, чтобы при такомъ предполагаемомъ по кончинѣ Елисаветы образѣ правленія, всѣ сановники оставались на своихъ мѣстахъ и самъ онъ, Бестужевъ, былъ бы назначенъ подполковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и

¹⁾ Пезарскій. Военный Сборникъ 1858 г. Статья — „Походъ русскихъ въ Пруссію“, стр. 289 — 350 — защищаетъ Бестужева очень основательно: еслибъ канцлеръ сдѣлалъ это, угрожая наслѣднику престола, то Петръ III, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, награждалъ бы Бестужева; а Петръ въ теченіе полугода не подумалъ даже облегчить заточенія, въ которомъ онъ находился.

²⁾ Денеша Эстергази у Шефера: *Geschichte des Siebenjährigen Krieges*, т. II, стр. 545.

³⁾ Негтманн, V, 189.—Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 178.

⁴⁾ Записки Екатерины, русскій переводъ, стр. 227. — Вейдемейера. „Исторія Елисаветы“, т. II, стр. 17.

предсѣдателемъ трехъ коллегій: военной, адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ. Видно было, что ограждая самого себя, канцлеръ ясно предвидѣлъ будущее и хотѣлъ, въ наиболѣе легкомъ для великаго князя компромиссѣ, заранѣе учинить то, что дѣйствительно случилось въ Россіи по смерти Елисаветы, но не такъ удобно для великаго князя. Бестужевъ признавалъ тогда уже, что при томъ положеніи, въ какомъ стояли дѣла въ русской правительственной сферѣ, было единственное лицо, способное, по уму и по талантамъ, захвативъ въ свои руки власть, укрѣпить распатанную съ кончиною Петра Великаго Россію:—такимъ лицомъ была Екатерина. Проектъ свой канцлеръ предполагалъ при удобномъ случаѣ, выбравъ подходящее время, поднести Елисаветѣ Петровнѣ; но императрица безпрестанно болѣла, а канцлера къ себѣ не допускала, и не могъ онъ долго найти удобнаго времени и средства сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что тутъ была сторона щекотливая: Елисаветѣ Петровнѣ безпокойно было слышать о мѣрахъ въ случаѣ ея смерти, да и умирать ей вовсе не хотѣлось. Бестужевъ сообщалъ свой проектъ Екатеринѣ черезъ посредство лица, близкаго тогда къ ея особѣ, польскаго уполномоченнаго графа Понятовскаго (будущаго польскаго короля Станислава-Августа). Екатерина на словахъ поручила передать канцлеру благодарность, но объявила, что считаетъ этотъ проектъ пока трудно-исполнимымъ. Бестужевъ нѣсколько разъ переписывалъ свой проектъ: то сожигалъ, то снова составлялъ, пока, наконецъ, 26-го февраля 1758 года не стрясласъ надъ нимъ бѣда.

Елисавета, какъ мы уже говорили, никогда не любившая канцлера, безгранично довѣряла ему всѣ важныя государственныя дѣла, хотя она нѣсколько лѣтъ и въ глаза его не видѣла, и всѣ доклады отъ канцлера доставлялись ей черезъ Шуваловыхъ или черезъ вице-канцлера Воронцова. Но мало-по-малу всѣ стали замѣчать, что и заглазно императрица не терпѣла Бестужева, и слышать о немъ было ей противно. Въ сентябрѣ 1757 года французскій посланникъ Де-Лопиталь доносилъ своему правительству, что Бестужевъ едва-едва держится только потому, что императрица не найдетъ еще человѣка, который такъ, какъ онъ, былъ бы знакомъ съ политическими дѣлами ¹⁾).

25-го февраля 1758 года Бестужева потребовали во дворецъ, въ конференцію. Сначала онъ сталъ отговариваться болѣзнію,

¹⁾ Stuhr, „Forschungen über Hauptpunkte des Siebenjährigen Krieges“, стр. 308—304.

но тутъ послѣдовало вторичное повелѣніе государыни—безъ всякихъ отговорокъ прибыть немедленно. Бестужевъ поѣхалъ, но едва у крыльца дворцоваго подѣзда вышелъ изъ коляски, какъ ему была объявлена немилость государыни; у него отняли шпагу и препроводили въ собственный домъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться подѣ строгимъ карауломъ. Назначили слѣдственную комиссію изъ фельдмаршаловъ—князя Никиты Трубецкаго и Бутурлина и графа Александра Шувалова, начальника тайной канцеляріи; секретаремъ этой комиссіи былъ Волковъ, чело-вѣкъ долго покровительствуемый Бестужевымъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Разомъ съ Бестужевымъ арестовали Одагурова, бывшаго наставника великой княгини въ русскомъ языкѣ, Елагина, бывшаго адъютантомъ у графа Алексѣя Разумовскаго, большого пріятеля Понятовскому, и брилліантщика Бернарди, ловкаго италіянца, постоянно бѣгавшаго по знатымъ домамъ съ порученіями. На другой же день послѣ своего ареста, черезъ управлявшаго голштинскими дѣлами великаго князя, Штамбе, Бестужевъ далъ знать Екатеринѣ, чтобъ она ничего не опасалась—что все сожжено: онъ разумѣлъ проектъ свой. Дѣйствительно, въ пересмотрѣнныхъ его бумагахъ этотъ проектъ не былъ найденъ, хотя всѣ, и даже сама императрица, знали о томъ, что канцлеръ составлялъ его. Бестужевъ условился съ Штамбе впередъ вести переписку, а записки класть въ груду кирпичей, находившуюся возлѣ дома, гдѣ содержался арестованный Бестужевъ. Но вскорѣ переписка была открыта: схваченъ былъ музыкантъ, приходившій класть записку въ кирпичи.

Бестужеву въ комиссіи задавали такіе вопросы: зачѣмъ онъ искалъ предпочтительно милости у великой княгини, а не у великаго князя? Зачѣмъ скрывалъ отъ императрицы переписку, которую вела великая княгиня съ Апраксинымъ? Допрашивали, кромѣ того—что значить написанный имъ и открытый въ грудѣ кирпичей совѣтъ великой княгини „поступать смѣло и бодро съ твердостью и помнить, что подозрѣніями ничего доказать нельзя“. Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ особой милости у великой княгини не искалъ,—напротивъ, пока великая княгиня была предана прусскому королю, онъ вскрывалъ ея письма, но потомъ это оказалось излишнимъ, потому что великая княгиня возненавидѣла прусскаго вора; въ письмахъ ея къ Апраксину предосудительнаго ничего не было, и въ такомъ смыслѣ онъ писалъ къ великой княгини, что одними подозрѣніями ничего доказать нельзя. Проекта о престолонаслѣдіи никакъ не отыскали, и, не имѣя въ рукахъ этого документа, который могъ служить доказательствомъ

государственной измѣны, старались изыскать окольные пути къ его обвиненію; допрашивали, напримѣръ: какія тайны конференціи были у Бестужева со Штамбе и съ Понятовскимъ; были ли другія письма великой княгини къ Апраксину, кромѣ уже открытыхъ. О сношеніяхъ съ Понятовскимъ Бестужевъ объявилъ, что онъ думалъ черезъ него оградить себя отъ интригъ австрійскаго посланника Эстергази и французскаго — маркиза Де-Лопитала. „Я хотѣлъ, — говорилъ Бестужевъ, — найти въ Понятовскомъ хотя одного къ себѣ расположеннаго иностраннаго министра, который бы меня увѣдомлялъ о ихъ козняхъ“. Волковъ явился врагомъ Бестужева и обличителемъ: онъ высказывалъ въ коммиссіи разныя подробности, которыми пользовались враждебные Бестужеву слѣдователи, но, за неимѣніемъ въ рукахъ проекта, все-таки не могли Бестужева погубить окончательно. Продержали Бестужева подъ арестомъ 14 мѣсяцевъ; сидѣлъ онъ безвыходно въ своемъ домѣ, постоянно стѣсняемый караульными солдатами. Черезъ полтора мѣсяца по его заточеніи, пріѣзжалъ къ нему личный врагъ его князь Трубецкой, предсѣдатель учрежденной надъ Бестужевымъ коммиссіи, освѣдомляться — строго ли содержать арестанта, и далъ приказаніе не отлучаться изъ его покоевъ сержанту и часовымъ, не давать ему ножей, никого къ нему не допускать, кромѣ его служителя Рѣдкина. Жена его безпрестанно плакала, сынъ сердился, а старикъ Алексій Петровичъ только стоналъ и воображалъ, что вотъ скоро наступитъ его послѣдній часъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1759 года состоялся надъ нимъ приговоръ: его обвинили въ томъ, что онъ старался вооружить великаго князя и великую княгиню противъ императрицы, не исполнялъ письменныхъ высочайшихъ указовъ, а своими противодѣйственными происками мѣшалъ ихъ исполненію; зналъ, что Апраксинъ не хочетъ идти противъ непріятеля, — не доносилъ о томъ государынѣ, а вмѣсто донесенія хотѣлъ все исправить собою „при влетеніи въ непозволенную переписку такой персоны, которая не должна была принимать участія, и тѣмъ нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался“. Наконецъ, и въ томъ его обвинили, что, „будучи подъ арестомъ, открылъ письменно такія тайны, о которыхъ и говорить подъ смертною казнію запрещалось“¹⁾. За всѣ эти вины коммиссія приговорила его къ

¹⁾ Въ приговорѣ, вѣроятно сочиненномъ Волковымъ, глухо и неясно говорится: „между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы, которыми онъ явно показываетъ свое недоброжелательство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью, но о томъ и о

смертной казни, но Елисавета Петровна смягчила судьбу своего бывшего великаго канцлера и опредѣлила сослать его въ одну изъ деревень его въ Можайскомъ уѣздѣ, по имени Горетово, съ оставленіемъ ему въ собственность недвижимаго имущества, съ тѣмъ, однако, чтобы съ него взысканы были всѣ казенные долги. Тамъ въ уединеніи прожилъ этотъ государственный человѣкъ, читая библію и совершенствуя изобрѣтенныя имъ капли, которыя онъ разсылалъ сосѣдямъ противъ недуговъ. Впослѣдствіи Екатерина, помня, что онъ собственно за нее потерпѣлъ, освободила его съ большимъ почетомъ, отправивши къ нему курьера въ первый же день своего воцаренія. Признанныхъ его соучастниками — Штамбе выслали за границу, Бернарди сослали въ Казань на житье, Елагина — въ его казанскую деревню. Одагурова наказали почетною ссылкой, назначивъ товарищемъ губернатора въ Оренбургъ.

Во время продолжительнаго нахождения Бестужева за карауломъ, Екатерина оставалась въ самомъ ложномъ положеніи. Великій князь обращался съ нею холодно и даже презрительно. Императрица также сердилась на нее и не видалась съ нею. Наконецъ, Екатерина рѣшилась написать къ императрицѣ письмо по-русски, въ которомъ благодарила за милости, оказанныя ей съ ея пріѣзда въ Россію, но сожалѣла, что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное нерасположеніе императрицы, а потому просила положить конецъ ея несчастіямъ и отослать ее къ ея родственникамъ. Она просила продолжать попеченія объ остающихся ея дѣтяхъ, которыхъ и безъ того она не видитъ, несмотря на то, что живетъ съ ними подъ одною крышей: все равно для нихъ, если она будетъ жить отъ нихъ на разстояніи многихъ сотъ верстъ. Письмо это вручено было для передачи государынѣ Александру Шувалову, который потомъ словесно сообщилъ Екатеринѣ, что императрица назначитъ личное свиданіе съ великой княгиней.

Обѣщаніе свиданія было дано; но дни за днями проходили, а оно не исполнялось. Наконецъ, одна изъ служительницъ Екатерины, Шаргородская, посовѣтовала обратиться къ духовнику императрицы, а также и великой княгини. По порученію послѣдней, Шаргородская отправилась къ этому священнику, который приходилъ ей дядею. Духовникъ посовѣтовалъ Екатеринѣ сказать больною и позвать его для напутствія. Она такъ и посту-

другихъ его тайныхъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ замислахъ странно вобразать было бы влишне⁴. Мы не понимаемъ, о чемъ, собственно, здѣсь говорится.

пила. Духовникъ явился; великая княгиня рассказала ему о своемъ положеніи, жаловалась на любимцевъ императрицы Шуваловыхъ, которые возстановляютъ противъ нея государыню, сказала о письмѣ, посланномъ ею къ императрицѣ, и просила священника содѣйствовать къ полученію желаемого рѣшенія. Священникъ отправился отъ нея къ императрицѣ. Онъ сумѣлъ такъ заговорить въ сердцу Елисаветы Петровны, что та послала къ великой княгинѣ Александра Шувалова сказать, что въ слѣдующую же ночь хочетъ говорить съ нею. Въ эту назначенную ночь опять явился къ Екатеринѣ Шуваловъ и проводилъ ее къ императрицѣ. Входя въ покои государыни, они встрѣтили идущаго туда же великаго князя.

Вошли въ длинную комнату о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были: императрица, великій князь, Александръ Шуваловъ и великая княгиня. Екатерина подозрѣвала, что за занавѣсами спрятались Шуваловы—Иванъ и его двоюродный братъ Петръ. Впослѣдствіи Екатерина узнала, что въ своихъ догадкахъ ошиблась только въ половину: тамъ не было Петра, но былъ Иванъ Шуваловъ.

Великая княгиня, увидя императрицу, припала къ ея ногамъ и со слезами стала просить отпустить ее изъ Россіи.

— Какъ мнѣ отпустить тебя, — сказала Елисавета Петровна, и при этомъ слезы блеснули у нея на глазахъ:— у тебя вѣдь здѣсь есть дѣти!

— Дѣти мои у васъ на рукахъ — и имъ нигдѣ не можетъ быть лучше, — отвѣчала Екатерина: — я надѣюсь, что вы ихъ не оставите.

— Что же сказать обществу, по какой причинѣ я тебя удалила? — возразила императрица.

— Ваше императорское величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя, — отвѣчала Екатерина.

— Чѣмъ же ты будешь жить? — спросила Елисавета.

— Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, пока не имѣла чести быть здѣсь, — былъ отвѣтъ.

— Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дома и отправилась въ Парижъ, — говорила государыня.

— Король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ русскимъ интересамъ, — сказала Екатерина.

Императрица велѣла ей встать, подошла къ ней и говорила:

— Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я о тебѣ плакала, когда ты была

при смерти больна вскорѣ по прїѣздѣ твоемъ въ Россію; еслибъ я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя.

Екатерина, въ отвѣтъ на это, снова разсыпала благодарности и сожалѣнія о томъ, что навлекла на себя немилость государыни.

Въ то время, какъ императрица говорила съ великой княгиней, великій князь переговаривалъ съ Шуваловымъ. Государыня подошла къ нимъ и вмѣшалась въ ихъ бесѣду. Екатерина не могла ничего слышать до тѣхъ поръ, пока супругъ ея не возвысилъ голоса. Она услышала тавія его слова:

— Она зла и черезъ-чуръ много о себѣ думаетъ.

Екатерина подошла и произнесла:

— Если вы говорите обо мнѣ, то я очень рада сказать вамъ въ присутствіи ея величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и стала къ вамъ высокомерна, потому что ласковымъ обращеніемъ съ вами ничего не сдѣлаешь, а только пуце навлекла на себя вашу непріязнь.

Елисавета замѣтила племяннику, что слыхала отъ Екатерины о его дурныхъ совѣтчикахъ по голштинскимъ дѣламъ; а когда тотъ выразилъ свое негодованіе на жену, императрица прервала его и завела рѣчь о сношеніяхъ Штамбке съ Бестужевымъ и, подошедши ближе къ великой княгинѣ, сказала:

— Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во время императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣливалась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?

— Никогда мнѣ въ голову не приходило посылать свои приказанія, — возразила Екатерина

— Какъ ты можешь заператься въ перепискѣ съ нимъ! — сказала Елисавета: — твои письма вонъ тамъ на туалетѣ! — Она указала на туалетъ и прибавила: — Тебѣ запрещено было писать.

— Правда, — сказала Екатерина: — я писала безъ позволенія, и за это прошу простить меня; но такъ какъ мои письма здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете видѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему то, что здѣсь говорили о его поступкахъ.

— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ? — прервала ее Елисавета.

— Затѣмъ, — отвѣчала Екатерина, — что принимала въ немъ участіе. Въ этомъ письмѣ я просила его исполнять ваши приказанія. Изъ двухъ остальныхъ писемъ, въ одномъ — я поздравляю его съ рожденіемъ дочери, въ другомъ — съ новымъ годомъ.

Императрица замѣтила:—Бестужевъ говорить, что было много еще писемъ.

— Если Бестужевъ это говорить,—отвѣчала Екатерина:—то онъ лжетъ!

— Хорошо же,—сказала тогда Елисавета:—такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю его пытать.

Екатерина поняла эту угрозу въ смыслъ желанія напугать ее, и сказала:

— По самодержавной своей власти ваше величество можете дѣлать все, что найдете нужнымъ, а я все-таки утверждаю, что писала къ Апраксину только три письма.

Императрица ничего не сказала, стала прохаживаться по комнатахъ, обращаясь то къ великой княгинѣ, то къ племяннику, то къ Шувалову; въ чертахъ лица и въ голосѣ государыни Екатерина замѣтила болѣе озабоченности, нежели гнѣва.

Екатерина повернула опять на просьбу отпустить ее изъ Россіи,—она не будетъ, съ своей стороны, препятствовать великому князю взять себѣ иную жену. По замѣчанію Екатерины, великому князю этого очень хотѣлось, чтобы посадить на мѣсто ея Воронцову; но императрица не могла бы согласиться на это, да и не допустили бы до этого и Шуваловы, которые ни за что бы не пожелали очутиться со временемъ подъ властью Воронцовыхъ.

Въ заключеніе всего, государыня сказала Екатеринѣ вполголоса:

— У меня много еще о чемъ поговорить съ тобой, но теперь не могу, потому что не хочу, чтобы вы еще больше разсорились.—Идите къ себѣ: уже поздно—три часа! ¹⁾

Вышли великій князь и великая княгиня. Государыня позвала къ себѣ Шувалова.

Когда Екатерина пришла въ свои покои, къ ней вошелъ Шуваловъ и сказалъ, что государыня будетъ имѣть съ ней еще одинъ разговоръ наединѣ. Это ночное свиданіе Елисаветы съ Екатериною происходило 23-го апрѣля 1758 года ²⁾.

На другой день Екатеринына прислужница Шаргородская доставила ей свѣденія, полученныя отъ ея дяди, духовника императрицы. Государыня сказала священнику, что ея племянникъ не уменъ, а великая княгиня очень умная женщина и любитъ истину и справедливость ³⁾.

¹⁾ Записки Екатерины, русск. переводъ, 243—249.—La Cour de la Russie il y a cent ans, 176.—Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 187—200.

²⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общ. т. VII, стр. 74.

³⁾ Записки Екатерины, 250.

Екатерина дождалась обѣщаннаго второго свиданія, однако не считала нужнымъ показывать передъ другими, что оставила мысль объ отъѣздѣ изъ Россіи. 29-го мая, она опять написала императрицѣ письмо, въ которомъ изъявляла желаніе прежде своего отъѣзда „имѣть благополучіе увидѣть очи ея императорскаго величества и повергнуть себя къ ножкамъ государыни съ крайнѣйшею благодарностію“¹⁾). Великая княгиня въ то же время сносилась съ изгнаннымъ по дѣлу Бестужева въ казанскія деревни Елагинымъ, послала ему триста червонцевъ и утѣшала его надеждою на друзей, между прочимъ на Разумовскаго и на Понятовскаго, которыхъ въ письмахъ своихъ означала загадочными именами.

Новый главнокомандующій російскими военными силами, замѣнившій Апраксина, былъ генераль-аншефъ Ферморъ, человекъ очень скрытный; онъ говорилъ о своихъ планахъ одинъ разъ то, другой—иное, и двигался къ Бранденбургіи на соединеніе противъ пруссаковъ съ австрійскими и шведскими союзными силами, хотя, по замѣчанію современниковъ, плоха была надежда на прочность дружелюбія русскихъ съ австрійцами и шведами²⁾).

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, разрѣшался вопросъ о Курляндіи. Эта страна считалась по государственному праву леннымъ владѣніемъ Польши, но послѣ Анны Ивановны попала въ зависимость отъ Россіи, и судьба ея не могла уже рѣшаться безъ участія послѣдней державы. Герцогъ Биронъ не лишился ни своего права на герцогское достоинство, ни титула, но содержался въ ссылкѣ въ Ярославль: его не отрѣшали отъ власти надъ Курляндіей, но и не пускали править своимъ герцогствомъ. Курляндія отдана была во временное управленіе избранному отъ мѣстнаго дворянства комитету главныхъ совѣтниковъ, которые должны были слушаться російскаго резидента, а къ нему въ помощь, на случай, придавалось разставленное въ Курляндіи русское войско. Россія дѣйствовала тамъ неограниченно еще и потому, что Курляндія, съ того времени какъ герцогинею была Анна Ивановна, задолжала Россіи значительную сумму, по русскому счету 2.532,016 рублей³⁾. Такъ какъ русская государыня ни за что не думала возстановлять власть Бирона и отпускать его въ Курляндію, то Августъ III, король польскій и курфирстъ саксонскій, задумалъ отдать Курляндію своему сыну, принцу Карлу,

¹⁾ Сборникъ Историч. Общ. т. VII. 74,

²⁾ Stubr, „Forschungen“, т. II, стр. 153—157.

³⁾ Herrmann, т. V, стр. 151.

и съ этою цѣлью отправилъ его представиться русской императрицѣ. Прибывши въ Петербургъ весною 1758 года, принцъ Карлъ очень понравился Елисаветѣ Петровнѣ, хотя не приобрѣлъ такого же расположенія отъ великаго князя и его супруги, бывшихъ подъ вліяніемъ Понятовскаго — противника короля Августа. Елисавета Петровна обѣщала помогать вступленію на курляндское герцогство принца Карла русскими военными силами, если только избереть его въ герцоги курляндское дворянство; кромѣ того, она повелѣла своимъ уполномоченнымъ въ Польшѣ, Гроссу и Симолину, стараться, чтобы сеймъ Рѣчи Посполитой отнесся благосклонно къ таковому избранію. Но собравшійся въ Гродно польскій сеймъ былъ сорванъ, и русскіе уполномоченные, за невозможностію собрать сеймъ вновь, настояли, чтобы курляндскій вопросъ разрѣшенъ былъ безъ сейма въ сенатѣ. Шестнадцать сенаторскихъ голосовъ изъ двадцати рѣшили его въ пользу Карла, и Августъ III далъ сыну инвеституру на герцогство курляндское ¹⁾.

Принцъ Карлъ, оставивъ Петербургъ 31-го іюля 1758 года, посѣщилъ къ русской арміи, чтобъ находиться тамъ въ качествѣ союзника при главнокомандующемъ Ферморѣ. Въ августѣ 1758 года Ферморъ осадилъ крѣпость Кюстринъ, жестокимъ и упорнымъ бомбардированіемъ истребилъ весь прилежавшій къ крѣпости городъ, но комендантъ крѣпости на требованіе русскаго главнокомандующаго не сдавался, ожидая съ часу на часъ выручки. Фридрихъ II, находившійся тогда съ войскомъ въ Богеміи, услышавъ о критическомъ положеніи Кюстрина, посѣщилъ на выручку. Когда вѣсть дошла до Фермора, что король приближается, русскій главнокомандующій оставилъ осаду Кюстрина и выступилъ на-встрѣчу королю. Непріязненные войска сошлись 14 августа при деревнѣ Цорндорффъ, верстахъ въ шести или семи отъ Кюстрина. Произошло сраженіе чрезвычайно кровопролитное. Ферморъ устроилъ свое войско продолговатымъ четверугольникомъ, въ срединѣ котораго расположилъ обозъ и конницу. Такой способъ устроенія войска былъ вѣсти въ войнахъ Миниха противъ турокъ и татаръ, у которыхъ вся военная сила состояла въ конницѣ, но онъ не годился противъ дисциплинированной прусской пѣхоты. Ферморъ замѣтилъ слабость лѣваго крыла прусскаго войска и выпустилъ на него изъ четверугольника свою конницу, чтобы она врубилась въ прусскіе ряды. Но прежде чѣмъ конница эта достигла непріятельскаго войска, она подняла такую пыль, что русскіе ничего не видали, и стали палить въ собствен-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV, стр. 230—232.—Herrmann, т. V, стр. 153—154.

ную конницу. Пруссаки, замѣтивъ смятеніе въ русскомъ войскѣ, ударили всею силою на его правое крыло, прорвали четвероугольникъ и стали овладѣвать русскимъ обозомъ. Тутъ на бѣду русскіе солдаты, въ полурастрепанномъ своемъ обозѣ, напали на бочки съ виномъ и перепились. Все правое крыло русскаго войска было смято и уничтожено. Но на лѣвомъ крылѣ русскіе не были пьяны; тамъ защищались они съ отчаяннымъ мужествомъ и прогнали въ болото атаковавшую ихъ прусскую пѣхоту. Обѣ стороны дрались съ равнымъ ожесточеніемъ; растративши весь порохъ, работали пиками и штыками; доходило дѣло до рукопашной; по окончаніи битвы и уборки тѣлъ нашли одного русскаго солдата смертельно раненаго: онъ лежалъ на умиравшемъ отъ ранъ пруссагѣ и грызъ его зубами. Ночь прекратила битву. Войска такъ перемѣшались, что половина прусскихъ пушекъ очутилась у русскихъ, а половина русскихъ—у пруссаковъ, и на первыхъ порахъ трудно было рѣшить—какая сторона одолѣла; обѣ себѣ приписывали побѣду, пока наконецъ число погибшихъ въ бою не рѣшило вопроса въ пользу пруссаковъ. Русскіе потеряли болѣе двадцати тысячъ человѣкъ убитыми; взято было въ плѣнъ нѣскольکو русскихъ генераловъ, не мало штабъ- и оберъ-офицеровъ, болѣе ста пушекъ и тридцать знаменъ. Пруссаки потеряли двѣнадцать тысячъ человѣкъ и двадцать пушекъ. Бывшій въ битвѣ сынъ польскаго короля принцъ Карлъ прислалъ въ Петербургъ къ Воронцову донесеніе, въ которомъ выставялъ ошибки Фермора ¹⁾. Согласно съ нимъ и другіе отзывались объ этой битвѣ ²⁾.

Дальнѣйшія движенія Фермора съ войскомъ до конца 1758 года были безуспѣшны. Правительство было имъ недовольно, и въ началѣ 1759 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и смѣненъ, хотя и оставленъ при своемъ новомъ преемникѣ въ войскѣ, а въ мартѣ того же года назначенъ былъ другой главнокомандующій—генераль-аншефъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, начальствовавшій украинскою ландмилиціею, человѣкъ уже немолодой и до сихъ поръ нигдѣ не показавшій ничѣмъ своихъ военныхъ талантовъ. Онъ былъ, такъ сказать, въ загонѣ, потому что считался сторонникомъ брауншвейгской династіи въ прежнее время. Когда онъ прибылъ къ арміи въ Пруссію, то русскіе смѣялись надъ нимъ и прозвали его вурочкою: это былъ сѣденькій, низкорослый старичокъ, ходившій всегда въ бѣломъ ландмилиціонномъ мундирѣ безъ украшеній и чуждый всякой пышности

¹⁾ Архивъ Воронцова, т. IV, стр. 113—124.

²⁾ Записки Болотова, т. I, стр. 788—790.—Соловьевъ, т. XXIV, стр. 206—221.

и церемонности, что русскіе привыкли тогда видѣть у своихъ главнокомандующихъ ¹⁾. Въ іюль онъ соединился съ австрійскимъ отрядомъ Лаудона. Русскіе выгнали пруссаковъ изъ Польши и достигли Франкфурта-на-Одерѣ. Салтыковъ хотѣлъ соединиться съ австрійскою главною арміею подѣ начальствомъ Дауна, но прусскій король не допустилъ до соединенія союзныхъ войскъ и напалъ на русское войско, расположенное близъ Франкфурта-на-Одерѣ, при деревнѣ Кунерсдорфѣ.

Утромъ рано Фридрихъ II переправился черезъ Одеръ, думалъ окружить русское войско съ трехъ сторонъ и прижать его къ рѣкѣ, но по причинѣ лѣсовъ и буераковъ не могъ поспѣть ранѣе полудня. Замѣтивъ, что слабѣе другихъ сторонъ русскаго войска было его лѣвое крыло, онъ направилъ на него всѣ силы, а его артиллерія, уставленная на близлежащихъ высотахъ, метала туда же свои заряды. Пруссаки легко овладѣли русскими батареями; а русскіе, выстраиваясь маленькими рядами, отстрѣливались, пригибаясь къ землѣ, и все пятились назадъ, уступая мѣсто побѣдоносному непріятелю, такъ что деревня Кунерсдорфъ, бывшая сначала въ срединѣ русскаго войска, очутилась позади пруссаковъ. Въ 6 часовъ вечера пруссаки овладѣли уже всѣми русскими батареями; захватили 180 пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Побѣда прусскаго короля казалась несомнѣнною, и Фридрихъ отправилъ объ этомъ радостное извѣстіе въ Берлинъ и въ Силезію, а между тѣмъ думалъ окончательно доканать русскихъ. Напрасно прусскіе генералы предостерегали его, что войско изнемогаетъ отъ продолжительнаго боя при утомительномъ зноѣ. Король слушалъ только одного генерала Ведера, который старался говорить королю то, что послѣднему нравилось.

Битва возобновилась на этотъ разъ за русскую батарею, построенную на еврейскомъ кладбищѣ и покинутую. Пруссаки хотѣли овладѣть ею, но Лаудонъ съ австрійцами поспѣлъ ранѣе занять ее. Не удалось пруссакамъ взобраться на высоту, называемую Шницбергенъ, очень крутую, опоясанную оврагомъ, черезъ который пруссакамъ приходилось перелѣзать. Нѣсколько разъ они повторяли приступы, но были отгоняемы градомъ пуль и картечей. Пусскіе генералы были переранены, самъ король былъ на-волосъ отъ смерти, и только золотая „готовальня“, бывшая у него въ карманѣ, не допустила пули просадить ему грудь. Въ это время на ослабѣвшихъ уже пруссаковъ напалъ съ двухъ сторонъ Лаудонъ съ конницею. Это рѣшило побѣду надъ прус-

¹⁾ Записки Болотова, т. I, стр. 871.

савами. Все ихъ войско побѣжало въ лѣсъ и на мосты, гдѣ произошла давка и смятеніе. Пруссаки потеряли не только всѣ взятыя у русскихъ орудія, но покинули и собственныхъ шестьдесятъ-пять. Фридрихъ II чуть самъ не попался въ плѣнъ и былъ одоженъ своимъ спасеніемъ ротмистру Притвицу, который, съ отрядомъ гусаръ, вступилъ въ бой съ русскою погонею, задержалъ ее и тѣмъ далъ время Фридриху II ускользнуть отъ опасности. Фридрихъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ вѣрившій въ свое торжество и разсылавшій курьеровъ съ вѣстью о побѣдѣ надъ русскими, пришелъ въ такую скорбь, что желалъ себѣ смерти. „Изъ сорока-восьми тысячъ воиновъ у меня осталось не болѣе трехъ тысячъ“, — писалъ онъ тогда Финкенштейну, своему министру въ Берлинѣ; — „все бѣжить; нѣтъ у меня власти остановить войско; пусть въ Берлинѣ думаютъ о своей безопасности. Послѣдствія битвы будутъ еще ужаснѣе самой битвы. Все потеряно. Я не переживу гибели моего отечества!“¹⁾ Въ Россіи, напротивъ, извѣстіе о побѣдѣ принесло великую радость и торжество. Въ церкви Зимняго дворца отправлялся благодарственный молебень, звонили въ колокола, палили изъ орудій. Салтыковъ произведенъ былъ въ фельдмаршала, прочіе генералы повышены въ чинахъ и получили земли въ Лифляндіи; Марія-Терезія, съ своей стороны, прислала Салтыкову и другимъ русскимъ генераламъ подарки, состоявшіе въ дорогихъ вещахъ и червонцахъ. Русскимъ стоила эта побѣда 2.614 человекъ убитыми, 10.863 ранеными; непріятельскихъ тѣлъ похоронено на мѣстѣ битвы 7.627; взято въ плѣнъ 4.542, дезертировъ прусскихъ было 2.055; у Лаудона убито было 893 человекъ, ранено 1.398. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки.

Послѣ побѣды Салтыковъ нѣсколько времени не предпринималъ движеній ни впередъ, ни назадъ, ни въ сторону. Его недовѣріе къ Дауну простиралось до того, что онъ говорилъ французскому агенту, бывшему въ русскомъ войскѣ: „австрійцы за тѣмъ призвали русское войско, чтобъ его сгубить. Дауну хочется, чтобъ русскіе дрались, а онъ съ своимъ войскомъ дѣлалъ бы только диверсіи“²⁾. Недовѣріе между полководцами перешло на непріятныя отношенія и между ихъ правительствами: тогда изъ Петербурга посылались въ Вѣну жалобы на Кауница и на Дауна, а по Европѣ стало распространяться мнѣніе, что медлительность

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV стр. 264.—Herrmann, т. V. стр. 163—164. Записки Болотова, т. I стр. 911—923.—Schöffer. Geschichte des Siebenjährigen Krieges, т. I, 309—314.

²⁾ Stühr. „Forschungen“, т. II, стр. 258.

Салтыкова послѣ кунерсдорфской битвы есть плодъ тайныхъ предписаній петербургскаго правительства, которое будто бы поддадало подъ сильное вліяніе новопривышшаго англійскаго посланника Кейта и стало дѣйствовать не въ пользу своихъ союзниковъ австрійцевъ ¹⁾. На самомъ дѣлѣ, между австрійскою политикою и русскою ощутительно выказалось различіе принциповъ, съ которыми обѣ стороны смотрѣли на союзъ между собою. Австрійцы представляли русскому правительству, что русское войско въ Пруссіи должно дѣйствовать только какъ вспомогательная сила для Австріи, но императрица Елисавета Петровна отвѣчала, что это неувѣрно, и самъ Фридрихъ II давно объявилъ, что считаетъ Россію главнѣйшимъ изъ своихъ непріятелей ²⁾.

Въ 1760 году Салтыковъ отступилъ въ Польшу и расположилъ свое войско тамъ на квартирахъ. Продолжались переговоры съ австрійскими генералами о способахъ веденія войны, но изъ этого ровно ничего важнаго не выходило. Салтыковъ былъ боленъ: онъ подвергался припадкамъ ипохондріи и, кромѣ того, страдалъ часто лихорадкой. 12-го сентября онъ подалъ въ отставку и сдалъ команду генералу Фермору. Ферморъ и Даунъ продолжали спорить между собою на счетъ движенія военной силы. Наконецъ, 15-го сентября получено изъ Петербурга предписание послать отрядъ на Берлинъ, о чемъ уже прежде представлялъ Ферморъ. Въ то же время предпринята была вмѣстѣ со шведами осада прусскаго города въ Помераніи, Кольберга, но пошла неудачно. Русскіе, высадившись на берегъ, услышали, что на выручку Кольбергу идетъ прусское войско, на-скоро посадили на суда свои силы и отплыли ³⁾.

Предпріятіе Тотлебена и Чернышова, отправленныхъ на Берлинъ, было удачное: 22-го сентября Тотлебенъ сталъ передъ берлинскими воротами. Ферморъ съ главною арміею отошелъ къ Франкфурту-на-Одерѣ. Берлинъ, на лѣвой сторонѣ Шпре, огражденъ былъ стѣною, на правой—палисадомъ и охранялся гарнизономъ въ три баталіона. Комендантъ, генералъ, Роховъ находилъ невозможнымъ чинить отпоръ и готовъ былъ сдаться на великодушіе побѣдителей, но приглашенные на военный совѣтъ генералы Левальдъ, Зейдлицъ и принцъ виртембергскій уговорили его защищаться. Устроили у воротъ шанцы, забрали въ службу инвалидовъ и выздоравливающихъ солдатъ. Тотлебенъ приблизился

¹⁾ Ibidem, 274.

²⁾ Raumer, „Friedrich II und seine Zeit“, 462.

³⁾ Schöffer. Gesch. des Siebenjähr. Kriege, III, 27.

въ воротахъ Котбусскимъ и Гальскимъ и въ 2 часа пополудни открылъ огонь. Пруссаки дали отпоръ. Тотлебенъ увидаль, что Берлина скоро взять нельзя и отступилъ, оставивши у города козаковъ съ двумя орудіями, а самъ овладѣлъ замкомъ Кепеникомъ, но послѣ сильнаго сопротивленія. Въ это время въ Берлинъ вошло еще девять баталіоновъ пѣхоты. Услыхавши о такомъ усиленіи гарнизона въ Берлинѣ, дано было знать Фермору, съ тѣмъ, чтобъ просить подмоги. Ферморъ прислалъ отрядъ конницы и пѣхоты съ частію артиллеріи. 26-го октября Тотлебенъ и Чернышовъ снова явились подъ Берлиномъ, одинъ на лѣвой, другой на правой сторонѣ рѣки Шпре. Тотлебенъ началъ нападеніе съ юга; противъ него защищался генераль Зейдлицъ. Тутъ козаки узнали, что на подмогу Берлину изъ Потсдама идетъ прусскій генераль Гюльзенъ. Тотлебенъ выслалъ противъ него отрядъ, но Гюльзенъ пробился сквозь него и расположился у Гальскихъ воротъ. Тотлебенъ отступилъ въ Юстенгаузъ.

Въ виду усиленія прусскихъ силъ въ Берлинѣ, Чернышовъ былъ того мѣннія, что придется оставить покушеніе овладѣть Берлиномъ, какъ получилось извѣстіе, что въ содѣйствіе къ русскимъ подходитъ австрійскій фельдцейхмейстеръ Ласси съ осьмнадцатью тысячами войска. И такъ подъ Берлиномъ вдругъ очутилось сорокъ тысячъ непріятельскаго войска. По этой причинѣ въ ночь съ 8-го на 9-го октября н. с. (27—28-е сент. стар. ст.) въ Берлинѣ рѣшили сдать городъ и гарнизонъ перевести въ Шпандау.

Въ 4 часа утра комендантъ Роховъ вручилъ капитуляцію Тотлебену. Послѣдній принялъ ее, не сносясь съ Ласси и даже съ Чернышовымъ, на условіяхъ, чтобы гарнизонъ объявленъ былъ военнопленнымъ; всѣ воинскіе запасы и государственное имущество поступали въ распоряженіе побѣдителей, а частная собственность объявлялась неприкосновенною и всѣмъ обывателямъ Берлина предоставлялась личная безопасность.

Тотлебенъ вошелъ въ Берлинъ съ тремя полками, назначилъ комендантомъ Берлина бригадира Бахмана и тотчасъ вступилъ въ продолжительныя толки съ мѣстными властями о контрибуціи. Тотлебенъ запросилъ четыре милліона талеровъ, но къ вечеру сошлись на полтора милліонахъ талеровъ. Часть этой контрибуціи должна быть уплачена въ теченіе восьми дней, а другая—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Городъ, сверхъ того, далъ войску подарокъ, такъ-называемыя *donseuf-Gelden*. Квартиръ въ городѣ не положено; торговля должна была невозбранно идти своимъ порядкомъ. Русскіе взяли изъ королевской кассы 60.000 талеровъ—болѣе не было. Изъ цейхгауза взято 143 орудія, 18.000

штукъ огнестрѣльнаго оружія и достаточное количество боевого запаса. Въ Потсдамѣ разорена была королевская оружейная фабрика, взорвана пороховая мельница, разрушенъ литейный дворъ; вся запасная аммуниція брошена была въ рѣву Шпре, но королевскіе дворцы остались неразграбленными; только одну картину взялъ себѣ графъ Эстергази. Ферморъ далъ приказаніе истребить все королевское, но купцу Гацковскому удалось спасти лагергаузъ, золотыя и серебряныя мануфактуры, и вообще постараться, чтобы посѣщеніе непріятелей обошлось Берлину наименьшимъ вредомъ. Русскіе, въ числѣ плѣнныхъ съ гарнизономъ, взяли 2.152 человекъ и кадетовъ со служителями 265 человекъ. Найдено въ Берлинѣ плѣнныхъ австрійцевъ, нѣмцевъ и шведовъ 4.501 человекъ—всѣ они получили свободу ¹⁾.

Русскіе генералы мало показывали внимательности къ австрійскимъ, которые и не принимали участія въ капитуляціи. Тѣмъ не менѣе Ласси настоялъ у Чернышова, чтобы караулы у Потсдамскихъ и Бранденбургскихъ воротъ были поручены австрійцамъ. Имъ досталось изъ добычи только 12 орудій, да и то бывшихъ ихъ же собственныхъ, и одна четвертая часть *donseur-Gelden*, другая четверть досталась Чернышову, а половина—Тотлебену съ его отрядомъ.

Но Ласси взялъ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ; первый заплатилъ 60.000 талеровъ контрибуціи, частью наличною монетою, частью же векселями на Гамбургъ; другой — 15.000 талеровъ; Ласси взялъ, кромѣ того, 5.427 талеровъ *donseur-Gelden*. Ласси не обуздывалъ своихъ воиновъ, и только по ходатайству голландскаго посланника не дошло до полного разграбленія. Услыхавши, что король прусскій приближается съ войскомъ, русскіе 12-го октября н. с. (1-го октября стар. ст.) ушли въ Франкфурту-на-Одерѣ, а австрійцы—въ Торгау ²⁾.

Уже всѣмъ воюющимъ сторонамъ война стала тяжела и не-сносна. И Франція, и Австрія, и Россія тратили громады людей и большія суммы денегъ, а дѣло ихъ мало подвигалось. Не достигалась цѣль, съ какою война была предпринята—ослабить и унижить прусскаго короля. При всѣхъ неудачахъ онъ, казалось, чѣмъ былъ несчастливѣе, тѣмъ выше выросталъ въ глазахъ не только своихъ подданныхъ, но и тѣхъ націй, съ которыми воевалъ. Во Франціи сочувствіе французской публики склонялось къ Фридриху, внушавшему уваженіе своимъ необычайнымъ геройствомъ,

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1761 года.

²⁾ Schöffer. „Gesch. des Siebenjähr. Krieges“. III. 80—86.

и величайшій писатель Франціи — идолъ своего вѣка, Вольтеръ, въ своихъ произведеніяхъ восхвалялъ не французскаго короля и его полководца, а Фридриха II, врага Франціи и своего личного друга. Въ Россіи, какъ ни упорно держалась императрица Елисавета ненависти къ прусскому королю, но русскій молодой дворъ относился къ нему иначе: наследникъ престола Петръ Ѳедоровичъ благоговѣлъ передъ Фридрихомъ, а великая княгиня, если и не раздѣляла приверженности своего супруга къ прусскому королю, не была, однако, такъ непріязненно настроена, какъ императрица; по ея воззрѣніямъ, Россіи лучше всего было не мѣшаться въ прусскія дѣла. Господствующимъ побужденіемъ великой княгини было собственное властолюбіе; ея идеаломъ было достиженіе верховной власти, которую впоследствии она и приобрѣла, но Семилѣтняя война ни въ какомъ случаѣ не входила въ расчетъ ея цѣлей. Нельзя сказать, чтобы русскіе вообще желали этой войны, даже и тѣ, которые находились тогда въ войскѣ и бились противъ Пруссіи. Современники говорятъ, что всѣ желали мира и возвращенія въ свое отечество; когда разнесся слухъ о проѣздѣ черезъ Данцигъ какого-то курьера съ мирными предложеніями, слухъ этотъ произвелъ моментальную радость въ войскѣ. Россія вытягивала всѣ скудныя и безъ того экономическія силы своего народа на содержаніе войскъ. Хотя Елисавета Петровна, показывая упорную ненависть къ прусскому королю, говорила, что будетъ продолжать войну, еслибъ ей даже пришлось продать половину своего гардероба и своихъ брилліантовъ ¹⁾, но она не могла не чувствовать и не знать всей тяжести войны для подвластнаго ей народа. О финансовой тяжести для Россіи этой войны можно судить уже потому, что каждый годъ не досылалось по нѣскольку сотъ тысячъ рублей до суммы, необходимой на содержаніе войска. Война, происходившая въ срединѣ Европы, ни для кого изъ европейцевъ не могла быть пріятна: она задерживала торговлю и всякое мирное обращеніе людей между собою, а потому желаніе мира стало повсемѣстнымъ.

Первые шаги къ желанію примиренія сдѣланы были Франціею. Французская дипломатія стала входить съ правительствомъ австрійскимъ въ соглашеніе, какъ устроить миръ, откровенно сознаваясь, что для ея государства война дѣлается нестерпимою. Австрія, въ благодарность за пособіе, оказанное Франціею къ возвращенію Силезіи, уступала Франціи часть Фландріи, состоявшей до того

¹⁾ Денеша Кейта въ „La Cour de la Russie il y a cent ans“, 1-го января 1760 г. — Raumer, „Friedrich und seine Zeit“, 469.

въ австрійскомъ владѣнїи: это постановлялось секретною статьею, которую хотѣли скрыть отъ Россїи ¹⁾). Между тѣмъ съ Россїею у Франціи велись довольно странныя сношенїя: мимо собственнаго оффиціальнаго посланника Де-Лопиталю, Людовикъ XV, въ продолженіе цѣлаго года, велъ съ Елисаветою Петровною тайную дружескую переписку черезъ посредство секретаря своего посольства, кавалера д'Эона. Предметами этой переписки отнюдь не были политическіе вопросы, да и вообще она не заключала въ себѣ ничего важнаго. Половина всего написаннаго другъ къ другу высокими особами состоитъ изъ комплиментовъ и увѣренїй въ искренно-дружескомъ расположенїи. Императрица жаловалась на свою болѣзнь, и Людовикъ XV послалъ ей своего придворнаго врача Поассонье; но этотъ врачъ не сошелся съ бывшимъ уже при императрицѣ врачомъ, грекомъ Кондоиди, который не хотѣлъ съ французомъ совѣтоваться, потому что послѣдній былъ чиномъ ниже его. Елисавета Петровна просила своего вѣнчаннаго друга прислать къ ней для развлечения двухъ знаменитыхъ тогда во Франціи артистовъ театра Французской Комедїи—Лекэна и госпожу Клеронъ, но Людовикъ XV отказалъ въ этой просьбѣ, подъ предлогомъ невозможности лишать французскую публику ея любимцевъ. Елисавета Петровна просила французскаго короля быть вмѣстѣ съ нею воспрїемникомъ ребенка, котораго рожденїя ожидали тогда отъ великой княгини; и на это послѣдовалъ отказъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ этотъ ребенокъ будетъ воспитанъ въ греко-восточной религїи, то король-католикъ не въ состоянїи будетъ брать на себя обязанность крестнаго отца, который, по церковному праву, дѣлается наставникомъ своего крестника ²⁾). Такимъ образомъ, эта переписка была въ свое время какою-то игрою высокыхъ особъ въ интимность. Между тѣмъ, узнавши о секретныхъ переговорахъ Франціи съ Австріею, императрица высказала Де-Лопиталю свое неудовольствїе на то, что Франціе сносятся съ Австріею, устраняя Россїю.

Но во Франціи произошла перемена главнаго министра: вмѣсто Берни сдѣлался министромъ Шоазель, который продолжалъ въ принципѣ ту же мирожелательную политику, какъ и его предшественникъ, но былъ отважнѣе. Онъ находилъ, что роль Россїи въ вопросѣ о европейскомъ мирѣ очень важна, и поручилъ Де-Лопиталю, въ іюлѣ 1759, передать Воронцову, что Россїя заслужить благодарность всей Европы, если приметъ на себя по-

¹⁾ Vandal. 536.

²⁾ Vandal. 335.

средничество къ примиренію Австріи съ Пруссіею, а это не такъ трудно, потому что обѣ державы въ равной степени истощены войною. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала кунерсдорфская побѣда—и это событіе дало Россіи право, съ своей стороны, заговорить болѣе высокимъ голосомъ. 26-го октября того же года подана была отъ канцлера Воронцова записка, а 8-го декабря послѣдовала въ такомъ же смыслѣ другая: ихъ содержаніе было таково, что если Австрія приобрѣтетъ Силезію, а Франціи уступить часть Фландріи, то Россія, какъ союзная съ ними держава, за участіе въ войнѣ имѣетъ также право на вознагражденіе и желаетъ приобрѣсти Восточную Пруссію вдоль балтійскаго побережья отъ Мемеля до устья Вислы, въ видахъ размѣняться этою территоріею съ Польшею, отъ которой, зато, Россія желаетъ получить правобережную Украину, уступленную Польшѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи. Такое заявленіе не понравилось Франціи, которая явно желала, чтобы Россія, посылая свои военныя силы и истрачивая свои финансы, осталась, въ концѣ концовъ, съ пустыми руками, тогда какъ союзники ея будутъ получать выгоды ¹⁾. Версальскій дворъ не довѣрялъ Россіи; впрочемъ такое недовѣріе въ Европѣ было всеобщее. Уже не одинъ годъ привыкли въ Европѣ находить въ дѣйствіяхъ Россіи жадность къ территоріальнымъ захватамъ. Англія, также какъ и ея соперница Франція, неодобрительно отвелась къ желанію Россіи приобрѣсти Восточную Пруссію, хотя бы и временно, съ цѣлью промѣна ея на правобережную Украину. Когда Иванъ Ивановичъ Шуваловъ заговорилъ объ этомъ съ англійскимъ посланникомъ въ Россіи, Кейтомъ, англичанинъ отвѣчалъ, что съ такимъ требованіемъ нельзя мыслить о прекращеніи войны: король прусскій скорѣе погребетъ себя подъ развалинами своего государства, чѣмъ согласится на такое унижительное условіе; и всѣ другія государства до этого не допустятъ, потому что ясно увидятъ намѣреніе Россіи овладѣть всею торговлею Сѣвера. Данія и Швеція также не соглашались на проектъ Россіи; даже Австрія, нуждавшаяся въ союзѣ съ Россіею и потому не смѣвшая слишкомъ рѣзко отказывать ей, соглашалась очень уклончиво, чтобы о вознагражденіи Россіи было условлено съ Австріею секретно, въ общихъ выраженіяхъ и притомъ только тогда, когда Австрія получитъ уже то, чего желаетъ ²⁾.

Де-Лопиталь, слишкомъ старый и притомъ казавшійся расто-

¹⁾ Vandal. 362.

²⁾ Соловьевъ, т. XXIV, стр. 333—340.

чительнымъ, былъ уволенъ съ почетомъ, а посланникомъ въ Петербургъ назначенъ двадцати-семилѣтній баронъ Бретель, красивый, любезный, годный для дамскаго общества, хотя уже женатый и горячо любившій жену свою. Ему дали секретное порученіе склонить на сторону Франціи великую княгиню, которой стали приписывать важное вліяніе на политическія дѣла. Всѣ знали, что до сихъ поръ Екатерина была нерасположена къ Франціи, но приписывали это тому, что по французскимъ интригамъ въ Польшѣ былъ отозванъ изъ Петербурга Понятовскій, котораго великая княгиня желала видѣть при русскомъ дворѣ. Бретель тутъ-то и ошибся. Если великая княгиня благоволила къ Понятовскому, то императрица не терпѣла этого человѣка и написала о томъ къ Людовику XV, а король французскій, ей въ угоду, отправилъ въ Варшаву своему посольству приказаніе стараться, чтобы въ Петербургъ Понятовскаго не посылали ¹⁾.

Между тѣмъ у французскаго министра Шоазеля съ английскими дипломатами возникли переговоры, на которыхъ заявлена была мысль рѣшить вопросъ о мирѣ посредствомъ созванія вмѣсто одного конгресса, какъ хотѣли прежде англичане, двухъ конгрессовъ: одинъ бы занялся спорными вопросами, породившими войну между Англіею и Франціею, и всецѣло относился бы къ американскимъ владѣніямъ, второй—посвященъ былъ установленію мира между прусскимъ королемъ, съ одной стороны, и между Австріею, Россіею и Саксоніею—съ другой; тѣмъ временемъ предположили заключить всеобщее перемиріе. Такое предложеніе послано было Бретелю для представленія россійскому правительству. Предложеніе, поданное Бретелемъ въ январѣ 1761 года, разсматривалось въ конференціи Воронцовымъ и камергеромъ Шуваловымъ, котораго голосъ долженъ былъ считаться голосомъ самой государыни, уже не занимавшейся по болѣзни никакими дѣлами. Великій князь, котораго сильно обвиняли въ пристрастіи къ прусскому королю, не былъ допущенъ. Мысль о двухъ конгрессахъ была одобрена, но перемиріе допускалось Россіею только на короткое время. Императрицѣ-королевѣ предоставлялось получить Силезію, —увеличить владѣнія короля польскаго и курфирста саксонскаго, Швеціи отдать часть Помераніи, а Россія хотя имѣетъ право на Восточную Пруссію, уже завоеванную у такого государя, который первый объявилъ войну, но такъ какъ Россіи главная цѣль—ослабленіе и усмиреніе прусскаго короля, то Россія жертвуетъ своими правами, лишь бы улучшены были

¹⁾ Vandal, „Louis XV et Elisabeth de la Russie“. 380.

мирныя условія для ея союзниковъ, особенно для Франціи; поэтому государыня объявить англійскому правительству, что если она, ради всеобщаго мира, сдѣлаетъ уступку своихъ правъ, то надѣется, что взаимно и Англія окажетъ пожертвованіе въ своихъ претензіяхъ на французскія владѣнія. О такой своей умѣренности сообщила императрица французскому королю и просила секретно поддерживать на польскомъ сеймѣ запросы Россіи касательно исправленія украинскихъ границъ ¹⁾. Не было ничего неблагоразуміе со стороны Россіи такого неумѣстнаго великодушія: этимъ воспользовались въ Европѣ и растолковали такое великодушіе безсиліемъ Россіи.

Шоазель, одушевляемый патріотическою идеею сохраненія за Франціею ея заморскихъ владѣній, вполне одобрилъ русскій проектъ и писалъ Бретелю, что слѣдуетъ воспользоваться выгодами, которыя предоставляетъ петербургскій дворъ, оставляя Пруссію, и убѣдить вѣнскій дворъ, что земли, завоеванныя французами у прусскаго короля, должны остаться въ вознагражденіе Франціи. 13-го мая того же года Шоазель прислалъ Бретелю ноту иного содержанія: „теперь не время распространяться о видахъ Россіи на польскую Украину; можете ограничиться общими увѣреніями, что король, насколько возможно, покажетъ свое доброе расположеніе къ интересамъ Россіи“. Это произошло оттого, что, во-первыхъ, Людовигъ XV сталъ мало цѣнить силу Россіи, во-вторыхъ, не хотѣлъ огорчить поляковъ допущеніемъ русскихъ завладѣть Україною. Въ іюнѣ того же года самъ король написалъ Бретелю: „русскіе годятся быть союзниками только ради того, чтобы не приставали къ нашимъ врагамъ; они дѣлаются заносчивы, когда видятъ, что у нихъ чего-нибудь ищутъ. Если я стану одобрять намѣреніе русскихъ овладѣть Україною, я могу возбудить къ себѣ охлажденіе со стороны турокъ. Слишкомъ дорого придется мнѣ заплатить за союзъ съ государствомъ, гдѣ интрига день ото дня беретъ болѣе и болѣе верхъ, гдѣ остаются неисполняемыми повелѣнія высочайшей власти и гдѣ непрочность преемства лишаетъ довѣрія къ самымъ торжественнымъ обязательствамъ“. Слѣдуя инструкціи, присланной отъ короля, Бретель, въ разговорахъ съ Воронцовымъ, тщательно избѣгалъ всего, что касалось Польши и Украины, а когда Воронцовъ заговорилъ о дружественномъ союзѣ съ Франціею, который тотчасъ послѣ конференціи предлагала государыня въ частномъ письмѣ къ Людовику XV, то Бретель представился ничего не понимающимъ и

¹⁾ Vandal, 393.—Соловьевъ, т. XXIV, 371—374.

стать распространяться о союзѣ торговомъ. Тогда Россія, видя, что ея добрыя предложенія не цѣнятся, покинула обѣщанное свое посредничество въ примиреніи Франціи съ Англіею. Правда, посольскій въ Лондонѣ, князь Голицынъ, разъ заикнулся объ этомъ вопросѣ, но уже болѣе не повторялъ ничего о немъ, а первый тогдашній министръ англійскій Питтъ, врагъ Франціи, объявилъ французамъ категорически, что Англія иначе не приступитъ къ миру, какъ удержавши въ своемъ владѣніи всѣ свои завоеванія въ Америкѣ и въ Индустанѣ ¹⁾.

Положеніе Фридриха II-го не улучшалось. Истративши въ бояхъ столько войска, онъ не видалъ, чтобы враги его отъ равнаго истощенія уменьшили противъ него злобу, — напротивъ, желалъ мира онъ самъ, а императрица-королева оттягивала собраніе конгресса въ Аугсбургѣ, съ явнымъ намѣреніемъ продолжать войну, въ надеждѣ еще болѣе унижить своего соперника. Англія стала медлить въ присылкѣ ему субсидій по смерти англійскаго короля Георга II; французскія, австрійскія и русскія войска не выходили изъ Германіи. Россія съ такимъ упорствомъ, казалось, хотѣла вести войну, что не ладила съ Австріею по поводу перемирія, которое допускала Австрія, а Россія долго его не хотѣла и согласилась только на короткій срокъ до 1-го іюля. По минованіи этого срока, война открылась со всѣхъ сторонъ. Въ Вестфаліи, то-есть въ прирейнскихъ прусскихъ владѣніяхъ, явились французскія военныя силы подъ начальствомъ Субиза и Броглю (на счастье Фридриху Второму не ладившихъ между собою). На восточной сторонѣ изъ прусскихъ областей не выходили русскія и австрійскія войска. Уже Фридрихъ II пересталъ вести наступательную войну и ограничился оборонительною, избѣгалъ большихъ сраженій и расположилъ свои войска въ разныхъ сторонахъ своего государства, откуда ждалъ нападенія: противъ французовъ отправилъ онъ родственника своего, принца Фердинанда и наслѣднаго принца брауншвейтскаго; противъ Дауна, стоявшаго съ имперскими войсками въ Саксоніи, отрядилъ брата своего Генриха, а самъ съ наилучшими силами сталъ въ Силезіи и намѣревался отражать русскихъ ²⁾. Въ то же время узналъ Фридрихъ, что между русскими распространилось недовольство войною, и это подало ему поводъ попытаться—нельзя ли склонить Россію къ отдѣльному миру. Но его надежды скоро разсѣялись, когда онъ услышалъ, что Елисавета Петровна отзывается

¹⁾ Vandal. 394—401.

²⁾ Vandal. 403.—Записки Болотова, II, 98.

самымъ непріязненнымъ тономъ о прусскомъ королѣ и изъявляетъ охоту воевать противъ него до крайней возможности ¹⁾.

Главнокомандующій русскимъ войскомъ Бутурлинъ отрядилъ 27.000 человекъ, подъ командою генерала Румянцова, въ Померанію, для покоренія приморскаго укрѣпленнаго города Кольберга, а самъ съ четырьмя дивизіями (Фермора, кн. Голицына, кн. Долгорукова и Чернышова), расположился въ Познани. Современникъ свидѣтельствуетъ, что Бутурлинъ преданъ былъ „куликанью“ ²⁾ и забавлялъ себя разнымъ безобразіемъ, напримѣръ, пьяныхъ гренадеровъ производилъ въ офицерскіе чины, а потомъ снималъ съ нихъ чины. Наконецъ, онъ двинулся въ Силезію къ Бреславию, куда и Лаудонъ долженъ былъ съ своимъ отрядомъ спѣшить на соединеніе съ нимъ. Но прусскій король, выступивши изъ Бреслави, не допустилъ соединиться русскихъ съ имперцами. Бутурлинъ подступилъ къ Бреславию, промедлилъ нѣсколько дней въ бесполезныхъ приготовленіяхъ къ осадѣ, потомъ у Стригау соединился съ Лаудономъ и вмѣстѣ пошли къ Швейдницу, куда отступилъ прусскій король. Фридрихъ, расположившись подъ Швейдницею, въ короткое время такъ укрѣпилъ свой станъ батареями, что онъ имѣлъ видъ постоянной крѣпости. Полководцы собирались напасть на королевскій станъ, но провели двадцать дней въ бесполезныхъ спорахъ и толкахъ; наконецъ Бутурлинъ оставилъ при Лаудонѣ отрядъ Чернышова въ двадцать тысячъ, а самъ со своимъ войскомъ отошелъ въ Польшу. Прусскій король, простоявъ еще двѣ недѣли подъ Швейдницею, хотѣлъ принудить Лаудона вступить съ нимъ въ битву или удалиться въ Богемію, но Лаудонъ не рѣшался ни на то, ни на другое, и, наконецъ, прусскій король, въ виду наступающей для его войска скудости въ продовольствіи, двинулся къ Нейсу, гдѣ у него были запасные магазины. Тогда Лаудонъ въ совѣтѣ съ Чернышовымъ рѣшился сдѣлать нападеніе на Швейдницъ. Они выбрали для этого темную ночь: русскихъ было послано только четыре гренадерскихъ роты. На счастье русскимъ и австрійцамъ, комендантъ Швейдница давалъ по какому-то поводу балъ: русскіе и австрійцы ворвались въ Швейдницъ въ два часа по-полуночи; переходя по фапинамъ черезъ ровъ, многіе попадали въ глубину, а въ самомъ городѣ прусскій артиллеристъ зажегъ пороховой магазинъ, взорвалъ на воздухъ триста русскихъ солдатъ, но вмѣстѣ съ ними погубилъ немало и своихъ пруссаковъ. Лаудонъ запретилъ сво-

¹⁾ Raumer, „Friedrich II und seine Zeit“, 468.

²⁾ Болотовъ. Записки, II, 101.

имъ подчиненнымъ грабить, однако не въ силахъ былъ остано-
вить разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Русскіе вели себя тамъ умѣрен-
нѣе и воздержнѣе, чѣмъ австрійцы.

На сѣверѣ, въ Помераніи, воевалъ съ отдѣльнымъ корпусомъ генераль Румянцовъ. Уже два раза въ эту войну русскіе пыта-
лись поворить городъ Кольбергъ, но безуспѣшно. На этотъ разъ
русскій флотъ, состоявшій изъ сорока большихъ и малыхъ су-
довъ, въ соединеніи съ шведскимъ, дѣйствовалъ противъ Коль-
бергской крѣпости съ моря, а Румянцовъ—съ сухого пути. Подъ
самымъ Кольбергомъ расположились защищать городъ пруссаки,
подъ командой генерала принца виртембергскаго и укрѣпили
свой станъ окопами и батареями; мѣстоположеніе, избранное ими,
было выгодно: съ одной стороны, рѣчка, съ другой—болото, по-
зади—городъ, отсюда можно было доставать съѣстные и боевые
запасы. Начались драки и схватки съ переменною удачею то для
тѣхъ, то для другихъ. Въ одинъ день русскіе взяли въ плѣнъ
храбраго прусскаго генерала Вернера; зато, на другой день, въ
кровавой битвѣ они потеряли до трехъ тысячъ
убитыми и въ томъ числѣ генераль-маіора князя Долгорукаго.
Но ретраншементъ, ограждавшій станъ принца виртембергскаго,
не сдавался ни противъ какихъ рѣшительныхъ русскихъ присту-
повъ, и русскіе чувствовали, что съ наступленіемъ глубокой осени
станеть имъ еще труднѣе. Правда, Румянцову была прислана по-
мощь отъ Бутурлина, но и прусскій король, съ своей стороны,
прислалъ въ подмогу принцу виртембергскому генерала Платена,
и русскіе, при всѣхъ усиліяхъ, не могли помѣшать ему.

Наступилъ мѣсяцъ ноябрь; началась стужа. Въ войскѣ принца
виртембергскаго былъ такой недостатокъ топлива, что прусскіе
солдаты сламывали въ городъ деревянные дома для своего обогрѣ-
ванія. Недостатокъ фуража былъ такъ великъ, что у конницы
лошади получали только по полуфунту соломы въ сутки; го-
родъ былъ такъ стѣсненъ, что нельзя было провезти туда ни
одного воза съ продовольствіемъ. Зная такое положеніе непріате-
лей, Румянцовъ нѣсколько разъ посылалъ къ принцу виртемберг-
скому предложеніе сдаться; принцъ отвергалъ такія предложенія
и, наконецъ, отважился на смѣлое и, можно сказать, отчаянное
дѣло: позади города было обширное плесо, которое соединялось
съ моремъ узкимъ, но глубокимъ протокомъ; русскіе не пред-
приняли тамъ никакихъ предосторожностей, кромѣ того только,
что истребили суда, стоявшія близъ берега. Принцъ виртемберг-
скій приказалъ построить на вѣзлахъ мостъ, а мужикъ, знавшій
мѣстность, указалъ мѣста, гдѣ въ плесѣ вода была не такъ глу-

бока; сдѣлали на-скоро мостъ, провели черезъ него пѣхоту, а конница переправилась вплавъ. Этотъ подвигъ свершонъ былъ 14-го ноября въ темную ночь, и притомъ такъ тихо и удачно, что русскіе узнали о томъ, что ихъ непріятель ускользнулъ, когда уже прусское войско совершенно переправилось черезъ воду. Принцъ виртембергскій и Платенъ думали снабдить крѣпость продовольствіемъ, но его взять было неоткуда; между тѣмъ сдѣлался такой жестокой морозъ, что замерзло болѣе сотни пруссаковъ. Тогда Румянцовъ послалъ къ кольбергскому коменданту Гейдену убѣжденіе сдаться, но комендантъ отказалъ—и повелѣлъ облить водою крѣпостныя валы и стѣны, чтобъ они, обледенѣвъ, стали непреступны на случай штурма. И дѣйствительно, нѣсколько попытокъ приступа окончились неудачно. Между тѣмъ и русскимъ пришлось также чрезвычайно круто: солдаты помѣщались въ палаткахъ и землянкахъ подъ снѣгомъ, покрывшимъ землю уже болѣе, чѣмъ на цѣлый аршинъ. Обѣ стороны выжидали, чтобы ихъ противники склонились подъ неудобствами зимы и всякихъ лишеній; пруссаки надѣялись, что русскіе прежде изнемогутъ и отойдутъ; русскіе ожидали, что холодъ и голодъ таки принудятъ Кольбергъ сдаться. Промедлили еще до 6-го декабря. Русскіе взяли верхъ въ этомъ взаимномъ ожиданіи бѣды противникамъ. Кольбергъ сдался ¹⁾. Русскіе взяли въ покоренной крѣпости 2.903 человека военноплѣнныхъ и 146 орудій. Комендантъ хотѣлъ-было выговорить болѣе снисходительныя условія — выйти гарнизону съ оружіемъ и съ запасами, но Румянцовъ настоялъ, чтобы всѣ положили оружіе, а запасу дозволилъ взять столько, сколько каждый солдатъ можетъ помѣстить у себя въ сумѣ въ три дня. Офицерамъ дозволено ѣхать въ экипажахъ съ семьями въ опредѣленные мѣста въ сопровожденіи русскихъ оберъ-офицеровъ. Оставивши оружіе, прусскій гарнизонъ удалился въ Штеттинъ ²⁾. Но когда донесеніе Румянцова о побѣдѣ прибыло въ Петербургъ — уже императрица Елисавета Петровна лежала мертвою.

Н. Костомаровъ.

¹⁾ Записки Болотова, II, 122.

²⁾ „Петербургскія Вѣдомости“ 1761 г., декабря 25-го дня.

БОМАРШЕ

и

ЕГО СУДЬБА

ОПЫТЪ ХАРАКТЕРИСТИКИ

„Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ“, потуснѣли старыя легенды, и творчество ихъ изсякло. Онѣ боятся бѣлаго дня, царства трезвой прозы и назойливой гласности; героямъ не суждено уже видѣть свои подвиги въ поэтической оправѣ чудеснаго; и современники, и потомство творять надъ ними судъ, доискиваясь точныхъ фактовъ и документовъ; воображеніе уступаетъ мѣсто правдѣ. Но среди избранниковъ все еще есть баловни судьбы, съ которыми никакъ не хочетъ разстаться легенда, сложившаяся чуть не на нашихъ глазахъ. Бомарше—изъ числа ихъ. Когда онъ былъ молодъ, только-что настало господство энциклопедизма; суевѣрія и гнетущіе призраки прошлаго пугливо разлетались передъ натискомъ испытующей критики. Подъ старость онъ засталъ революціонную пору, когда недоувѣріе въ нему скорѣе располагало умалить, чѣмъ разукрасить его заслуги. Въ пылу борьбы тогда еще слагались легенды, но онъ уже не годился въ ихъ герои. И, несмотря на все это, на зло философскому скептицизму и смѣнлившей его суровости яacobинства, этотъ человѣкъ сумѣлъ заживо вызвать затѣйливую сѣть баснословныхъ связаній. Теперь ихъ часъ пробилъ, разоблаченія идутъ одно за другимъ,—но ихъ знаютъ одни лишь спеціалисты, а для массы все еще живъ и интересенъ прежній, сказочный, Бомарше.

Иначе и не могло быть. Эта вѣчно кипучая жизнь слишкомъ полна была тѣхъ привлекательныхъ чертъ, которыя сами прорастаютъ въ фантастическую поѣму. Все въ ней движется, трепещетъ, порою проносится ураганомъ; этотъ плебей борется съ французскимъ обществомъ и съ могучими державами, освобождаетъ народы, руководитъ судьбами Европы, изъ подмастерья превращается въ креза, изъ повелителя въ эмигранта; силою своего смѣха свергаетъ застарѣлыя злоупотребленія, сбрасываетъ съ дороги противниковъ, — и кончаетъ жизнь чуть не на чердакѣ. Настоящая сказка изъ „Тысячи и одной ночи“! Словно владѣя талисманомъ, быть вездѣ и нигдѣ, появляться и исчезать, подобно Монтекристо выходить невредимымъ изъ опасностей, никогда не унывать и смѣяться даже на порогѣ смерти, могъ только или гениальный искатель приключеній, или неудавшійся великій общественный дѣятель, растратившій силы не на томъ поприщѣ, куда влекло его призваніе. Бомарше самъ постарался закрѣпить навсегда заманчивое представленіе о немъ, какъ о борцѣ и страдальцѣ. Такимъ рисуетъ его себѣ всякій, увлекаясь горячими выходками его мемуаровъ или монологами Фигаро, его энергическимъ вмѣшательствомъ въ освобожденіе Америки. Поэзія и музыка помогли увѣковѣчить и разукрасить его репутацію. Гёте, Моцартъ и Россини постоянно освѣжаютъ въ нашей памяти и образъ Бомарше, и его лучшія созданія. Подъ граціозныя Моцартовскія мелодіи и сверкающіе веселостью и комизмомъ, по южному болтливые речитативы Россиніевскаго „Цирюльника“ личность того, въ чьей головѣ могло зародиться столько смѣлыхъ мыслей и забавныхъ импровизацій, озарилась самымъ симпатичнымъ свѣтомъ.

Съ такими любимыми преданіями не легко расставаться. Между тѣмъ и для легенды о Бомарше настала очередь. Наиболѣе расположенный къ нему изъ всѣхъ біографовъ, Ломени ¹⁾, первый долженъ былъ нанести ударъ его репутаціи. Не зародилась бы и сама работа этого даровитаго и усерднаго изслѣдователя, если бы наслѣдники Бомарше не дали ему доступа въ забытый съ прошлаго вѣка складъ всякаго ненужнаго хлама, оставшагося отъ хозяйства поэта, и еслибъ среди пыли и мусора не нашлось множества связокъ съ бумагами, приготовленными самимъ Бомарше для своего жизнеописанія. Изученіе ихъ освѣтило темныя, отрицательныя стороны его дѣятельности или навело на сомнѣнія и догадки; сатирикъ явился посмертнымъ самообвинителемъ, — и не

¹⁾ Beaumarchais et son temps, études sur la société en France au XVII siècle, par L. de Loménie, 1856; переиздано въ 1858 и 1873. Первый біографъ В. Гюдэнъ, скорѣе его панегиристъ.

мало нужно было усилій со стороны благодушнаго біографа, чтобы все объяснить, все примирить. Но зловѣщій пересмотръ былъ начать, и отовсюду, точно грозныя, уличающія тѣни, стали выдвигаться важныя подозрѣнія и улики; архивы секретныхъ канцелярій и государственной полиціи всевозможныхъ странъ давали ихъ въ изобиліи; Арнетъ и Жеффрау ¹⁾ нашли ихъ въ австрійскихъ архивахъ; авторъ послѣдняго обширнаго труда о Бомарше, Беттельгеймъ ²⁾,—въ подобныхъ же хранилищахъ Лондона, Парижа, Карлсруэ, Мадрида. Ореоль сталъ блѣднѣть; недовѣріе, его смѣнившее, готово перейти въ противоположную крайность. Сказочная пестрота этой эксцентрической жизни осложнилась новыми, рѣзкими противорѣчіями; великое переимѣнилось съ мелочнымъ, самоотверженіе съ эгоизмомъ, любовь къ свободѣ—съ искуснымъ выполненіемъ работы тайнаго агента. Тамъ, гдѣ такъ долго красовался эффектный образъ подвижника, осталась трудная психологическая загадка. Зналъ ли самъ Бомарше тайну ея, могъ ли бы онъ дать ключъ къ ней? Общечеловѣческая слабость выгораживать себя, бросая тѣнь на тѣхъ, кто насъ не понималъ, кто намъ помѣшалъ, была ему свойственна въ сильной степени,—но и онъ въ старости задавалъ себѣ этотъ назойливый вопросъ: „чѣмъ же онъ былъ въ самомъ дѣлѣ“ (qu'étais-je donc?). И неистощимая вѣра въ свою правоту помогла ему и тутъ, сводя счеты съ жизнью, дать себѣ похвальный отзывъ....

Приходится отвѣчать за него, искать разгадки въ его дѣйствіяхъ явныхъ и тщательно скрытыхъ, раскрывая тайну этого двойственнаго существованія. Что за бѣда, если отъ этого пострадаетъ легенда! Лишь бы донсѣяться правды...

Кто не знаетъ, какъ люди мысли и поэты любили приписывать себѣ именно такое дробленіе на два существа, разнородныя, вѣчно анализирующія другъ друга? Всматриваемся въ портреты, сберегшіе намъ черты Бомарше,—и точно два человѣка какъ будто отсюда глядятъ на насъ. Въ снимкѣ, приложенномъ къ первому полному изданію его „Мемуаровъ противъ Гэтцмана“, изображенъ придворный кавалеръ, нарядно одѣтый, завитой, съ кошелькомъ изъ лентъ, кокетливо скрывающимъ косичку; не вѣрится, чтобы эта холеная внѣшность, озаренная любезной улыб-

¹⁾ Ritter von Arneht, „Beaumarchais und Sonnenfels“, Wien 1868; свидѣнія, добытыя Арнегомъ, популяризованы Полемъ Гюо, „Beaumarchais en Allemagne“, 1869.—Любопытные матеріалы сообщены были Арнегомъ и Жеффрау въ книгѣ „Marie Antoinette“. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-Argenteau, 1874.

²⁾ Beaumarchais, eine Biographie v. Anton Bettelheim, Frankfurt, 1886.

вой и выдающая только смысленнымъ взоромъ бойкое себѣ-на-умѣ, принадлежала творцу „Фигаро“. Совсѣмъ иное лицо на превосходномъ портретѣ, который воспроизводится въ большинствѣ изданий Бомарше; небрежно наброшена одежда, рубашка выбилась, воротъ широко распахнутъ; смѣль и открытъ взоръ; длинные, вьющіеся волосы, ничѣмъ не сдержанные, отпрянули назадъ съ высокаго лба, какъ будто застали врасплохъ этого страстнаго человѣка, въ минуту, когда онъ готовъ былъ броситься въ какое-то отважное предпріятіе. Это онъ, настоящій Бомарше!—вырвется у васъ,—вы поймете, сколько несообразностей, и великихъ дѣлъ можетъ надѣлать такая голова, и невольнo захочется узнать фантастическую, блестящую, сумасбродную исторію этого человѣка.

I.

У философовъ прошлаго вѣка было въ большомъ ходу сравненіе міровданія съ чудеснымъ часовымъ механизмомъ, который приводится въ движеніе величайшимъ изъ механиковъ. Отъ этого одинъ только шагъ,—и жизнь общества представится многосложнымъ сдѣвлениемъ зубчатыхъ колесъ, осужденныхъ на неподвижность, если искусная рука мастера не прикоснется въ нимъ; тогда все вдругъ оживетъ, малѣйшее колесико двигается и работает. Стоить лишь найти ключъ, овладѣть главною пружиной, и часовщику останется только лукаво посмѣиваться и потирать руки отъ удовольствія, видя, какъ трудятся, выбиваясь изъ силъ, его послушныя орудія, воображающія, можетъ быть, что все это они дѣлаютъ по своей волѣ. Политику по профессіи, изощрившемуся въ умѣннѣ руководить людьми, легко напасть на такое сравненіе,—но какъ естественно оно будетъ въ умѣ того, кто дѣйствительно перешелъ къ руководству государственными судьбами отъ основательнаго изученія часового мастерства! Такъ это было съ Бомарше; съ дѣтства онъ посвященъ въ тайны высоко почитавшагося тогда ремесла; юношей онъ дѣлаетъ въ немъ настолько замѣчательное открытіе, что о немъ заговорила академія и дворъ; въ жизнь вступаетъ онъ прежде всего съ титуломъ королевскаго часовщика и долго не рѣшается потомъ лишить отца утѣхи продолжать мастерство, передававшееся у нихъ изъ рода въ родъ. Навсегда приобрѣли въ его жизни рѣшающее значеніе эти раннія впечатлѣнія; видя, съ какимъ совершенствомъ онъ, стоя за кулисами, умѣлъ приводить въ движеніе всѣхъ и все на свѣтѣ, вѣришь, что актеры житейской драмы, короли, министры, епи-

свопы, дамы, испанскіе клерикалы и американскіе республиканцы, были въ его глазахъ лишь колесами и пружинами того механизма, который онъ отлично умѣлъ заводить. Долгій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ избаловалъ его, и съ годами онъ слишкомъ увѣровалъ въ свое искусство; какъ ни скоплялись препятствія, онъ зналъ, что всегда найдетъ исходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, росло въ немъ пренебреженіе къ людямъ и ихъ ограниченности, — не идеализировать же, въ самомъ дѣлѣ, эти безотвѣтныя орудія воли хозяина! Въ этой самоувѣренности—вся трагедія его жизни. Когда стараго порядка не стало, Бомарше захотѣлъ удержаться на прежней высотѣ, но тайна была потеряна, завѣтный ключъ не подходилъ болѣе, все разладилось, вышло изъ повиновенія, и прежній властелинъ сталъ доучнымъ просителемъ.

Но жизнь въ такой же степени поддается сравненію съ театромъ маріонетокъ, съ армарочной сценой героическихъ „пародовъ“ и смѣшныхъ интермедій. Бомарше и тутъ на своемъ мѣстѣ, какъ превосходный режиссеръ, — не только потому, что артистически ставилъ на міровую сцену и свои бессмертныя комедіи, и политическіе спектакли съ пушечной пальбой и таинственными мелодрамы съ разбойничьими нападеніями, и т. д., и долго познать рукоплесканія партера, но и потому, что еще въ дѣтствѣ дѣлившій время между отцовской мастерской и уличными увеселеніями Парижа, онъ цѣлой стороной своего характера примыкаетъ къ вкусамъ и привычкамъ истинно-національнаго и независимаго *théâtre de la foire*. Говорили даже, будто, выгнанный разъ отцомъ за беспорядочность, онъ применилъ къ армарочнымъ комикамъ и довольно долго работалъ съ ними. Его лучшія пьесы не свободны отъ веселой суетни и сплетенія интригъ, которыя царили въ любимомъ имъ нѣкогда народномъ театрѣ; въ его „мемуарахъ“ инныя страницы точно выхвачены изъ остроумнаго фарса. Казалось, жизнь вѣчно повторяла передъ нимъ любимыя темы буффонады, съ ихъ обманутыми простаками и торжествующимъ арлекиномъ. Приходилось выбирать одну изъ этихъ двухъ ролей, и, смѣтливый, остроумный и честолюбивый, онъ выбралъ самую благодарную, ту, за которой послѣднее слово въ пьесѣ, и игралъ эту роль всю жизнь, какъ величайшій актеръ.

Онъ съ дѣтства привыкъ полагаться на свои силы. Да и было ли у него настоящее дѣтство? Школьная пора кончилась на тринадцатомъ году (род. въ 1732 г.), и все, чтд онъ впоследствии зналъ, конечно, приобрѣтено было не у скромнаго учителя деревенской школы подъ Парижемъ. Во время размолвки съ отцомъ и бѣгства изъ дому, онъ уже живетъ самостоятельно; когда онъ

возвращается подь родной кровью, старикъ Каронъ, въ характерѣ котораго уже крылись въ зародышѣ черты оригинальности сына, соглашается принять его лишь послѣ заключенія формальнаго договора относительно его образа жизни и участія въ работѣ, — и юный Пьеръ-Огюстъ торжественно подписываетъ клятвенное обѣщаніе слушаться и работать. Во все это время онъ кропаетъ стихи, бренчитъ на арфѣ, влюбляется, какъ взрослый, и строитъ воздушные замки. Едва вышель онъ изъ отрочества, уже онъ принужденъ энергически постоять за себя. Сдѣланное имъ усовершенствованіе часовой механики присвоено соперникомъ-мастеромъ, которому онъ неосторожно проговорился; взбѣшенный, онъ смѣло бросается въ схватку, зоветъ противника къ суду общественнаго мнѣнія, прибѣгаетъ къ журнальной гласности и побуждаетъ академію разсмотрѣть оба изобрѣтенія и отдать предпочтеніе ему. Этотъ первый дебютъ сдѣланъ имъ заразъ на нѣсколькихъ поприщахъ; въ битвѣ жизни онъ выказалъ себя храбрымъ бойцомъ, въ умнѣнѣ вести процессъ и находчиво отзывать на всѣ извивы его обнаружилъ тѣ свойства гениальнаго адвоката, которыя впоследствии такъ пышно развились у него, — наконецъ, онъ показалъ рѣдкое искусство — пользоваться малѣйшимъ поводомъ, чтобы продвинуться впередъ, обращая въ выгоду даже неудачи. На другого оставила бы удручающее впечатлѣніе эта преждевременная борьба съ несправедливостью, и онъ радъ былъ бы возможности опять мирно приняться за работу. Каронъ и тутъ пошелъ прямоюжею дорогой и взялъ счастье штурмомъ; о немъ говорили, имъ интересовались; онъ улучилъ минуту, когда сочувствіе было всего горячѣе, добылъ груду заказовъ при дворѣ, исполнилъ ихъ на славу, и вскорѣ, въ качествѣ королевскаго часовыхъ дѣлъ мастера, уже вращался въ той сферѣ, куда попасть мечталъ тогда всякій искатель фортуны, зная, что тутъ корень и начало служебной карьеры, всевозможныхъ подрядовъ, откуповъ и концессій. Съ этой минуты онъ уже тяготится низкимъ кругомъ прежней дѣятельности; онъ рвется неудержимо впередъ и вширь. Привычки и взгляды навсегда остались у него демократическими; они оба съ отцомъ рано начитались писаній новыхъ философовъ на этотъ счетъ. Придворный кругъ, сношенія съ знатію для него только промежуточная ступень. Но ненавистное, безправное мѣщанство тянетъ его внизъ; безъ дворянскаго диплома онъ не получитъ ни малѣйшей должности, если только честолюбіе манитъ его въ эту сторону; неудачу можно бы наверстать финансовою спекуляціей, но что же начнешь безъ денегъ!

Черезъ нѣсколько лѣтъ у него все добыто: и дворянство, и деньги,—прежде всего именно онѣ. Комбинація совсѣмъ было удалась и раньше этого, да некстати порвалась она. Интересный юноша до того плѣнилъ жену одного изъ своихъ заказчиковъ, что она сумѣла убѣдить мужа передать ему небольшое свое мѣсто въ придворномъ штатѣ, а едва умеръ мужъ, вышла за героя своего романа. Любилъ ли онъ ее хотя сколько-нибудь, или же искалъ только опоры въ погонѣ за удачей? Напечатанныя впервые Беттельгеймомъ, по рукописямъ Британскаго музея, четыре письма Карона изъ этого времени позволяютъ скорѣе рѣшить вопросъ во второмъ смыслѣ. Онъ вовсе не расположенъ былъ удовольствоваться любовнымъ воркованьемъ, и въ десять мѣсяцевъ, которые онъ провелъ съ первою женою, успѣлъ пустить въ ходъ разныя пружины, чтобы добыть денегъ. Мужъ его нѣжной подруги былъ прежде контролеромъ въ арміи и пользовался многими безгрѣшными доходами, дѣлясь съ товарищами. Смерть помѣшала правильному дѣлежу, и преемникъ стараго Франез захотѣлъ добыть изъ рувъ опытныхъ казнокрадовъ присвоенныя ими суммы. Дѣло это, нелегкое безъ всякихъ уличающихъ документовъ, было превосходно проведено. Каронъ обаялся выдумщикомъ необыкновеннымъ, изобрѣлъ никогда не существовавшаго аббата, и отъ имени его писалъ къ коллегамъ старика письма, заявляя, что ему все извѣстно; нѣкоторыя деликатныя подробности, узнаанныя отъ жены, были артистически пущены въ ходъ; вѣрно схваченъ и набожный тонъ, подобающій духовному лицу. Испугались застигнутые врасплохъ негодяи; Каронъ нарочно съѣздилъ къ одному изъ нихъ въ Версаль, какъ эмиссаръ отъ аббата, причемъ въ забавной импровизаціи передавалъ его рѣчи, описывалъ внѣшность, и съ торжествомъ привезъ домой цѣлыхъ девятьсотъ ливровъ. Дѣло спорилось; завелись деньги, кой-какое мѣсто, а старое мѣщанское имя Карона облагородилось прибавкой названія помѣстья, принадлежавшаго прежде Франез,—и молодой супругъ подписывался не безъ эффекта: Pierre-Auguste Caron de Beaumarchais.

Но счастье улыбалось ему недолго; жена его умерла внезапно. Начался процессъ изъ-за ея наслѣдства, не оставившій Бомарше ни малѣйшей частички ея состоянія. Предусмотрительный во многомъ, онъ не загадывалъ о возможности такой развязки; она поразила его не меньше, чѣмъ родныхъ жены, которые, изъ недовѣрія къ этому соблазнителю ея, впервые пустили въ ходъ намекъ на отравленіе, нѣсколько разъ выдвигавшійся потомъ. „Правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравилъ?“ спра-

шиваетъ въ Пушкинскоѣ пьесѣ Моцартъ у своего соперника, и Сальери отвѣчаетъ ему почти буквально тѣмъ, чѣмъ отозвался Вольтеръ на подобный же вопросъ: „онъ слишкомъ былъ смѣшонъ для ремесла такого“. Моцартъ видитъ другое оправданіе; „геній и злодѣйство—двѣ вещи несомѣстныя“... Но есть и совсѣмъ прозаическій аргументъ въ пользу Бомарше:—безполезность отравленія; ни смерть первой жены, ни мучительные роды второй, унесеніе ее черезъ два года послѣ брака, не только не поправили положенія Бомарше, но оба раза оставили его въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, съ долгами и процессами. Первая оплошность не послужила урокомъ и онъ не заручился завѣщаніемъ. Мнимая роль Синей Бороды слишкомъ тяжело давалась ему. Къ тому же по своему онъ былъ нѣженъ съ обѣими женщинами, со временемъ сталъ даже сантименталенъ; не было поводовъ ни къ измѣнѣ, ни къ мести.

Отброшенный опять къ исходной точкѣ, онъ снова вскатылъ свой сивифовъ камень. На этотъ разъ расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно и тонко. Онъ рѣшилъ подойти къ королю черезъ женщинъ, именно черезъ четырехъ дочерей Людовика XV, *mesdames de France*, старыхъ дѣвъ, уныло влачившихъ свой вѣкъ среди небольшого придворнаго штата, напоминавшаго отдѣльный дворикъ. Некрасивыя, мало развитыя, съ отбѣнкомъ ханжества, онѣ не подходили къ общему тону свѣтской жизни, показывались рѣдко, коротали время музыкой и набожнымъ чтеніемъ. Скука царяла у нихъ полнѣйшая, жить, хотя на время, ихъ жизнь представляло немалый подвигъ, но все же онѣ были дочерьми короля, у котораго порою пробуждалась къ нимъ не то нѣжность, не то состраданіе; онѣ могли при случаѣ вліять на него и добивались цѣли тѣмъ успѣшнѣе, что Людовикъ какъ будто старался, исполненіемъ ихъ просьбъ, вознаградить ихъ за жалкую роль и отдаленіе отъ двора. Проникнувъ въ этотъ сонный уголокъ, Бомарше оживилъ его своимъ смѣхомъ, рассказами и шутками, мастерской игрой на арфѣ; его полюбили всѣ четыре старыя дѣвы, а одна изъ нихъ, *madame Victoire*, совсѣмъ увлеклась имъ. Невинно воекетничая съ нимъ, онѣ эксплуатировали его, постоянно требуя новыхъ развлеченій, книгъ, нотъ, инструментовъ; приходилось добывать все это, часто не имѣя денегъ и завладевъ что-нибудь, чтобы исполнить капризъ своихъ покровительницъ.

Онъ зналъ, что, рано или поздно, эта нелегкая служба приведетъ его къ цѣли, и терпѣливо ждалъ. Новое дѣйствующее лицо, надолго вошедшее съ этой поры въ его жизнь, ускорило желанный мигъ. То былъ типическій предсавитель продвигавшейся

тогда въ первые ряды и минутами всесильной финансовой аристократіи, пока еще набравшейся изъ рядовъ разбогатѣвшихъ поставщиковъ въ казну и откупщиковъ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ эта сила едва начинала складываться, и Мольеру не пришлось ввести въ свою сатирическую картину типа алчнаго капиталиста-кулака. Будущій герой знаменательной въ этомъ отношеніи комедіи Лесажа, Тюркарэ, былъ еще тогда на заставѣ сторожемъ и понемногу богатѣлъ, собирая выдуманную имъ пошлину съ запоздавшихъ проѣзжихъ ¹⁾; тутъ учился онъ той хитрой науцѣ обогащенія, которая въ короткое время можетъ сдѣлать десятника миллионеромъ. Но этотъ лихоимецъ, работавшій долго по мелочамъ, сталъ, наконецъ, капиталистомъ, вошелъ въ стачку съ компаніей такихъ же денежныхъ тузовъ и вмѣстѣ съ ними держитъ Парижъ въ своихъ рукахъ: за нимъ ухаживаютъ красивыя дамы и знатные кавалеры; онъ соритъ деньгами и уже думаетъ, что все можетъ купить. Такова біографія не одного только Тюркарэ (котораго можно изучать какъ реальную личность, такъ какъ Лесажъ писалъ съ натуры),—такова же была баснословно удачная судьба новаго покровителя Бомарше, подрядчика на армію, Пари-Дювернэ. Когда-то половой въ деревенскомъ трактирѣ, онъ завладѣлъ впоследствии всѣмъ военнымъ хозяйствомъ Франціи, вліялъ на политическія интриги, запросто бесѣдовалъ съ самимъ Людовикомъ XIV. Осторожность спасла его отъ участи Тюркарэ; онъ устоялъ противъ всѣхъ соблазновъ, и нахальный лакей-наперсникъ, въ родѣ Лесажевскаго Фронтэна, не сумѣлъ бы систематически обобрать его и, столкнувъ съ дороги, стать на его мѣсто, приговаривая тономъ настоящаго хищника: „царство Тюркарэ кончилось, теперь начинается наше!“... Пари-Дювернэ спокійно вынесъ свои миллионы сквозь лихорадку спекуляцій и въ ту пору, когда его узналъ Бомарше, томился избыткомъ богатства, котораго не зналъ куда дѣвать; такъ, былиннаго героя притибала къ землѣ непомярно грузная его сила.

Подобно сотнямъ такихъ случайныхъ богачей, онъ любитъ играть роль мецената, жертвовалъ направо и налѣво, и массу денегъ затратилъ на устройство большого военнаго училища. Но

¹⁾ Такъ откровенно рассказываетъ онъ самъ въ комедіи свою раннюю біографію; угловатость и неумѣнье совсѣмъ подладиться подъ тонъ высшаго общества, сближающія его съ Мольеровскимъ Журдэномъ, необыкновенно жизненно проведены авторомъ. Вообще талантъ Лесажа и его значеніе въ развитіи реализма въ комедіи и романѣ до сихъ поръ недостаточно оцѣнены: ему не посвящено ни одного обстоятельнаго изслѣдованія.

что онъ ни начиналъ по части благотвореній и самохвальства, ему не удавалось приблизиться къ Людовику XV такъ, какъ бывало съ старымъ королемъ. Очевидное нежеланіе монарха осчастливить своимъ посѣщеніемъ военную школу раздражало его. Эта забота превратилась у Дювернэ въ манию, и онъ готовъ былъ оволотить того, кто снялъ бы ее съ его души. Бомарше, шутя, оказывалъ ему эту незабвенную услугу. Стоило попросить принцессу, и онѣ побывали въ училищѣ, расквалили его королю, — и, наконецъ, настала великій день. Дювернэ былъ въ восхищеніи, — зато отнынѣ судьба Бомарше надолго обезпечена. Смѣшленный старикъ, въ полномъ смыслѣ слова „сынъ своихъ дѣлъ“, разгадалъ въ своемъ молодомъ знакомомъ восходящую звѣзду, понялъ, сколько въ немъ таилось предприимчивости, и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ направлять его первые шаги въ финансовомъ мірѣ. Ему нужны были средства, — Дювернэ щедро ссужалъ ему большія суммы, дѣлалъ его своимъ пайщикомъ въ разныхъ операціяхъ, указывалъ на подходящія, выгодныя статьи (наприм., на большой лѣсъ подъ Парижемъ, который они вмѣстѣ сводили). Не довольствуясь деньгами, Бомарше все еще добивался уравненія своихъ правъ съ привилегированнымъ барствомъ, которое даже на Дювернэ смотрѣло свысока, какъ на выскочку, и только преклонялось передъ силой капитала. Новый покровитель помогъ ему приобрести за крупную сумму титулъ „королевскаго секретаря“, доставившій ему, наконецъ, дворянство. Еще разъ пожалъ Бомарше ту же пружину и очутился даже вице-президентомъ одного изъ бесполезныхъ и уродливыхъ учрежденій стараго порядка, отдѣльнаго суда по браконьерству и незаконной рыбной ловлѣ, важно засѣдалъ въ своемъ питомѣ нарядѣ, судилъ и рядилъ надъ своевольными аристократами, всего чаще нарушавшими законы объ охотѣ. Забавнѣ комедіи трудно было бы представить, и впоследствии онъ умѣлъ юмористически вспоминать о своемъ превращеніи изъ подмастерья въ главу знатнаго трибунала. Но въ то время это, взятое съ бою, сословное уравненіе его очень угѣшало. Теперь онъ повелѣвалъ десяткамъ чиновниковъ-дворянъ, кичившихся своимъ происхожденіемъ. Его много разъ корили мѣщанствомъ, умышленно причиняли ему оскорбленія; завистливые придворные просили, наприм., у него публично совѣтовъ относительно своихъ часовъ (одного изъ нихъ онъ проучилъ тѣмъ, что, взявъ посмотреть часы, уронилъ и разбилъ ихъ); подчиненные отказались было служить подъ начальствомъ плебея, но онъ зло осмѣялъ ихъ притязанія въ бумагахъ къ своему начальнику, раскрывъ совсѣмъ уже плебейское происхожденіе и даже

темное прошлое большинства просителей. Онъ совершенно трезво смотрѣлъ на дѣло, но твердо держался за свой ключокъ пергамента, и любилъ всегда бѣсить своихъ противниковъ заявленіемъ, что онъ за наличныя деньги купилъ себѣ дворянство на законномъ основаніи.

Эта быстрая смѣна неудачъ и успѣховъ, однако, годится развѣ въ біографію искуснаго дѣльца, а никакъ не писателя. Но Бомарше и не думалъ тогда вовсе посвящать себя литературѣ; его захватила борьба за существованіе; „въ немъ кипѣла кровь, не улегшаяся (по его словамъ) даже подъ старость“; голова была полна всевозможныхъ плановъ личнаго счастья, чудеснаго обогащенія, политическаго вліянія. Кругомъ много говорилось и писалось о защитѣ правъ средняго сословія, о поднятіи значенія личной энергіи и труда; онъ захотѣлъ принять тяжесть этой борьбы на свои плечи, доказать на дѣлѣ, чего можетъ достигнуть неглупый мѣщанинъ, если возьмется, умѣючи, за дѣло. Съ этой стороны его неутомимая дѣятельность возбуждаетъ симпатію; личный его порывъ становится однимъ изъ признаковъ времени. Та же борьба незамѣтно подготовила и его литературную дѣятельность; столкновенія, разочарованія развили въ немъ необыкновенное знаніе людей. Сгорая, задѣтый за живое, онъ сталъ писать. Не будь его погони за фортунной, въ немъ не пробудилось бы того страстнаго негодованія, которое воспламеняетъ Фигаро.

Но у медали была обратная сторона, мѣстами она очень неприглядна, и Бомарше всегда старался навести на нее лоскъ. Зачѣмъ очутился онъ въ 1764 году въ Испаніи? Самъ онъ выставлялъ благородный, героическій мотивъ; масса повѣрила, и до сихъ поръ все еще повторяетъ его разсказъ, а молодой Гёте не только увѣковѣчилъ его въ своемъ „Clavigo“, но, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ Лессинговской „Эмили Галотти“¹⁾, идеализировалъ образъ дѣйствій Бомарше и приписалъ высшее социальное значеніе его подвигу. И въ этой легендѣ была нѣкоторая, болѣе точная основа, — но не оттого только понесся въ Мадридъ молодой судья, что какой-то коварный гидальго, обѣщавъ жениться на его сестрѣ, осмѣлился отступить и искать разрыва, а еще болѣе оттого, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялась возможность поискать счастья въ старомодной, захолустной Испаніи, странѣ невѣжества и произвола. Защита чести сестры осложни-

¹⁾ Вліяніе Лессинговской пьесы на „Clavigo“ прослѣжено Дан. Якоби въ статьѣ „Zu Clavigo“, въ Goethe-Jahrbuch, V томъ, 1884, стр. 323 и слѣд. Мимоходомъ оно было указано еще Гервинусомъ.

лась и вскорѣ затмилась усиленною фабрикаціею проектовъ и подборомъ подходящихъ людей для ихъ выполненія. Сестра вовсе не была тогда распускающимся цвѣткомъ; Клавихо, который впоследствии приобрѣлъ извѣстность и въ науцѣ, и въ политикѣ, и уже считался недюжиннымъ журналистомъ, также не былъ тѣмъ безсовѣстнымъ развратникомъ, какимъ онъ выступаетъ въ разсказѣ его противника. Это былъ скорѣе нерѣшительный, слабый волею селадонъ, которому разправилась дѣвушка, сначала очень его заинтересовавшая; онъ пересталъ бывать у ея замужней сестры, и совершенно ступевался бы, если бы изъ далекаго Парижа, какъ бомба, не упалъ среди семейной драмы мститель. Смущенный женихъ опять обѣщалъ сдержатъ слово, снова появился въ семьѣ дѣвушки, но вынужденное согласіе стоило ему великихъ усилій; цѣпь стала для него слишкомъ тяжелою, и онъ беспомощно искалъ снова выхода. Възбѣшенный Бомарше рѣшилъ раздавить вѣроломнаго соблазнителя, поднялъ все на ноги, ударилъ въ набатъ, довелъ жалобу до короля и министровъ, лишилъ Клавихо мѣста и заставилъ надолго скрыться изъ Мадрида. Это была, во всякомъ случаѣ, смѣлая схватка, и десять лѣтъ спустя Бомарше еще могъ вызвать въ своей памяти ея бурныя подробности, когда, отвѣчая на пасквиль, поднявшій изъ его прошлаго и этотъ эпизодъ, онъ впервые, съ большимъ драматизмомъ и фантастическими прикрасами, повѣдалъ о немъ міру ¹⁾. Но изъ сближенія съ королемъ и министерствомъ нашъ рыцарь тотчасъ же рѣшилъ извлечь болѣе осязательную пользу,—да у него въ карманѣ съ самаго начала были вѣскія рекомендаціи изъ Парижа, которыми онъ предусмотрительно запасся. Зорко разглядѣлъ онъ составъ высшаго мадридскаго общества, понялъ бездарность членовъ кабинета, слабость Карла III, которымъ управлялъ камердинеръ-французъ, и рѣшилъ приступить къ дѣлу. Онъ составилъ проектъ большой французской компаніи для устройства заморской торговли съ колоніями, и главнымъ образомъ, съ Луизианою. Отважнѣйшія затѣи такъ и мелькаютъ въ этомъ проектѣ: монополія и контрабанда, національныя французскія выгоды и торговля неграми (стоимость ихъ онъ хладнокровно исчисляетъ), частный барышъ и организація подкупа вліятельныхъ испанскихъ чиновниковъ. Неожиданно явилась на поддержку проекта брошюра, гдѣ какой-то „испанскій гражданинъ“ высказывалъ „патріотическія соображенія“ относительно луизианскихъ

¹⁾ „Année 1764. Fragment de mon Voyage d'Espagne“ (входитъ въ составъ четвертаго Mémoire à consulter contre mr. Goetzmann, etc.); этотъ разсказъ послужилъ источникомъ для пьесы Гёте.

дѣлъ. Нужно ли говорить, что подъ плащомъ этого испанца, какъ раньше подъ сутаной парижскаго аббата, скрывался все тотъ же Бомарше!

Проектъ потергѣлъ неудачу въ „совѣтѣ по индѣйскимъ дѣламъ“, но на смѣну уже готово пять, десять другихъ, и по мѣстнымъ, и по колоніальнымъ вопросамъ, по доставкѣ припасовъ на Майорку, по подрядамъ на армію, по колонизаціи Сьерры Морены. Втайнѣ Бомарше надѣялся достигнуть еще большаго, — заручиться для французскаго правительства неограниченнымъ вліяніемъ на испанскую политику, стать необходимымъ лицомъ для герцога Шуазеля и потомъ продвинуться въ Парижѣ, или же, оставаясь въ Мадридѣ, направлять черезъ подручныхъ всѣ дѣла въ Испаніи. И какихъ подручныхъ! Въ найденномъ теперѣ тайномъ мемуарѣ, составленномъ для герцога, онъ спокойно говоритъ объ устройствѣ стачки, которая овладѣла бы ограниченными и вѣчно унылымъ королемъ; первое лицо въ ней — всесильный камердинеръ, второе — красавица маркиза Де-ла-Круа, какъ можно догадываться, очень близкая къ Бомарше; изъ этой искусной кокетки онъ готовъ былъ сдѣлать приманку для Карла, подѣлиться съ нимъ своею удачей въ любви...

Но все это вышло слишкомъ тонко и коварно; не попалось въ ловушку ни мадридское министерство, ни Шуазель; страна, которую Бомарше не переставалъ честить отсталюю и невѣжественною, порицая подкупность и безнравственность (что не мѣшало ему именно на этихъ порокахъ основывать часть своего успѣха), устояла противъ усиленнаго натиска, — правда, для того, чтобы отдать дѣло въ руки мѣстныхъ монополистовъ, которые, должно быть, еще ближе знали изнанку отношеній. Волшебныя видѣнія, носившіяся передъ мечтателемъ, опять разлетѣлись; пришлось покинуть Испанію. Но онъ никогда не позволялъ себѣ надолго падать духомъ. Какъ Фигаро („Сев. Цирюльникъ“, I актъ, сц. 3), онъ спѣшилъ разсмѣяться, боясь заплакать. Да и впечатлѣнія, вынесенныя изъ испанскаго житія, не все же были мрачнаго свойства. Бомарше все-таки одно время былъ героемъ дня; передъ нимъ открылись даже знатные салоны; онъ былъ частымъ посѣтителемъ русскаго посольства, гдѣ у Бутурлина шла всегда большая игра; посоль и его жена чуть не носили его на рукахъ, къ соблазну остальныхъ дипломатовъ¹⁾; молодая Бутурлина писала въ честь его французскіе стихи, — вмѣстѣ съ нимъ,

¹⁾ Письмо къ сестрѣ, 11 февр. 1766; Loménie, „Beaum. et son Temps“, 1873, I, 145—49.

княземъ Мещерскимъ, своимъ мужемъ и шведскимъ посломъ разыгрывала любимую тогда оперу Руссо: „Le devin du village“. Бутурлина поетъ Аннету, Бомарше—Любэна. Средній кругъ, куда открыла ему доступъ семья его сестры, и народная жизнь еще сильнѣе привлекали его. Въ письмахъ къ отцу онъ высказываетъ желаніе кореннымъ образомъ изучить испанскую народность, обычаи, развлечения, танцы, музыку; онъ записывалъ мотивы, запоминалъ текстъ народныхъ пѣсенъ; на модный тогда напѣвъ одной сегедильи онъ написалъ (и напечаталъ) французскіе стихи: „les serments des amants sont légers comme les vents“, и все издание было расхвачено. Одному изъ своихъ парижскихъ покровителей, герцогу Лавальеръ, онъ съ наслажденіемъ художника пересказалъ любопытнѣйшія сцены изъ мадридской жизни, рождественскій праздникъ, во время котораго монахи плясали въ церкви подъ звуки кастаньетъ, сцены въ театрѣ, фанданго. Это увлеченіе декоративной стороной быта, которую ему удалось скоро изучить, объясняетъ близкое уже зарожденіе трилогіи о Фигаро, носящей непосредственно испанскій колоритъ,—не тотъ, вынужденный цензурными соображеніями, условный оттѣнокъ, который принужденъ былъ наложить на своего „Жиль-Блаза“ Лесажъ, чтобъ скрыть намеки на французскія дѣла, но яркій и истинно-національный. Для Бомарше Испанія, страна „плаща и шпаги“, серенадъ и болеро, навсегда осталась привлекательною; онъ и „Севильскаго Цирюльвика“ задумалъ сначала въ формѣ комической оперы, куда собирался вставить всѣ пѣсни и пляски, такъ нравившіяся ему.

Но этотъ замыселъ пока еще въ неясныхъ чертахъ носился въ его умѣ; не сразу выступилъ Бомарше среди оживленной жизни Парижа во всеоружіи комическаго дарованія. Точно въ народномъ разсказѣ о Жанъ-весельчакѣ и Жанъ-плаксѣ, сначала показалось передъ публикой растроганное, заплаканное лицо, чтобъ потомъ вдругъ перейти къ гомерическому хохоту. Бомарше-комикъ началъ съ чувствительныхъ драмъ. То не было притворство; мадридскія впечатлѣнія и интрига съ остроумной маркизой смѣнились на время романическимъ увлеченіемъ, не дошедшимъ до брака, полнымъ сердечной тревоги и томныхъ чувствъ, выразившихся въ дошедшей до насъ связкѣ сантиментальныхъ писемъ. Въ этотъ промежутокъ времени, когда бездѣлица могла его легко разстроить, Бомарше былъ пораженъ новизной и правдой переворота, который произвелъ тогда въ драмѣ Дидро. И по убѣжденіямъ, и по складу характера реалистъ, онъ не могъ питать благоговѣнія къ старой трагедіи съ ея отборными героями; пле-

бей, которому патенты и льготы нужны бывали только какъ средство отстоять свою самостоятельность, подсмѣяться надъ старыми сословіями, онъ вдвойнѣ привѣтствовалъ вторженіе демократизма на сцену; обязательность стихотворной формы для него, не прошедшаго вовсе черезъ обычную школьную дрессировку того времени, была непонятна, и онъ рукоплескалъ попыткѣ писать пьесы прозой, придавая разговору житейскій характеръ, — а сила чувства, торжествующаго надъ предрассудками и самоуправствомъ, любимая тема Дидро, должна была въ эту минуту особенно увлекать его. Такъ зародились первыя его драмы: „Евгенія“ и „Два друга“; имъ несомнѣнно овладѣлъ искренній творческій порывъ; призваніе чувствительнаго драматурга онъ серьезно счелъ своимъ удѣломъ; на этотъ разъ никакой расчетъ не руководилъ имъ. Его пьесы слишкомъ были пронизаны недовольствомъ обыною моралью, слишкомъ омрачали умы тѣхъ, кто не расстался еще съ преданіями регентства и хотѣлъ лишь веселиться. Вообще это отклоненіе таланта Бомарше было неудачно (вторая пьеса, взятая изъ міра банкротствъ и расхищеній, пала постъ перваго представленія) и осталось въ его дѣятельности краткимъ эпизодомъ. Но оно не прошло безслѣдно; „Евгенія“ прямо посчастливилось за предѣлами Франціи, и трогательныя ея сцены, и обличеніе неравенства, и умно написанное введеніе („Опытъ о серьезной драмѣ“), узаконявшее отнынѣ подобныя мѣщанскія пьесы, — все это дѣйствовало на измѣненіе вкуса подчасъ сильнѣе, чѣмъ драмы Дидро. Взявъ для „Евгенія“ изъ „Хромого Бѣса“ одинъ вводный разговоръ, Бомарше свободно переработалъ его и превратилъ въ картину изъ современной парижской жизни, настолько правдивую, что цензура потребовала значительныхъ измѣненій. Герой пьесы, молодой аристократъ, племянникъ военнаго министра, обманулъ бѣдную дѣвушку пародією на бракъ, бросилъ потомъ свою жертву, но раскаялся, тронутый ея благородствомъ и нравственной высотой. Какъ можно было допустить подобный сюжетъ! И французскій баричъ превратился въ графа Кларендона, а дѣйствіе было перенесено въ Лондонъ. Это еще болѣе сблизило фавбулу съ чувствительнымъ изображеніемъ такихъ же столѣновеній невинности и самоуправства въ Ричардсоновскихъ романахъ, начинавшихъ тогда улаждать европейскую публику.

Не замѣчая декламаци и общихъ мѣстъ, непривычная и невзыскательная, она долго считала эту пьесу образцовою. Ее переводили и играли вездѣ. Въ кружкѣ Гаррива, передѣланная подѣ

названіемъ „The school for rakes“ (школа развратниковъ), ¹⁾ она совсѣмъ уже подошла къ оригиналамъ, съ которыхъ рисовалъ Ричардсонъ. Въ Германіи ее пять разъ перевели въ прошломъ столѣтіи, и даже въ началѣ XIX вѣка, вновь переработанная Вульпусомъ, она все еще правилась и встрѣчала сочувствіе Гёге. Для русской же сцены она сослужила важную службу. Спустя тринадцать лѣтъ послѣ официального учрежденія правильного театра, явилась она (18-го мая 1770) нанести рѣшительный ударъ недолгому торжеству Сумароковскаго классицизма. Разгнѣванный диктаторъ прямо приписывалъ починъ мятежа не переводчикамъ Лессинговыхъ произведеній, а именно Николаю Пушкинову, „состоявшему въ военномъ штатѣ Кирилла Григ. Разумовскаго“, осмѣлившемуся не только перевести „Евгенію“ и съ успѣхомъ поставить ее въ Москвѣ, но въ предисловіи расхвалить драму и автора ²⁾.

Какъ ни старался, однако, закупить общественное мнѣніе авторъ „Хорева“, прося разсудить, кто правъ: онъ или какой-то безвѣстный подъячій, оно рѣшительно склонилось на сторону догадливаго подъячаго, который съ гордостью могъ заявлять въ своемъ предисловіи „къ читателю“, что пьеса была дана 4 (!) раза сряду. На русскую среду, уже чутую къ вопросамъ о значеніи сословности и гнетѣ предрасудковъ, но пробавлявшуюся безобиднымъ философствованіемъ Сумароковскихъ монологовъ, осмѣвающимъ образомъ подѣйствовала обличительная картина, такъ легко подходившая къ образу жизни россійскихъ доморожденных Кларендоновъ. Въ сближеніи русской драмы съ дѣйствительностью всегда будетъ цѣниться починъ, сдѣланный переводомъ слабого и теперь забытаго первенца Бомарше.

¹⁾ Передѣлка сдѣлана была м-сье Гриффитсъ. См. *Bibliographie des oeuvres de Beaumarchais*, p. Henri Cordier, 1883, p. 5.

²⁾ „Евгенія“, ком. въ 5 д., сочиненія г. Бомарше. Пер. Н. Пушкинова, 1770; второе изданіе Новикова, 1788, въ типографіч. компаніи. Въ предисловіи, называющемъ успѣхъ пьесы столь великимъ, что рукописканія почти не умолкали, переводчикъ искренно радуется ему и скромно приписываетъ удачу не себѣ, а сочинителю и актерамъ. „Первый, по моему мнѣнію, ничего не проронилъ, что дѣлаетъ драму совершенной, а послѣдніе, руководствуемые славнымъ нашимъ актеромъ, г. Дмитревскимъ, въ то время въ Москвѣ бывшимъ, изображая естественно то, что требовалъ сочинитель, сами себя превзошли“ (исполняли пьесу дѣйствительно лучшія силы: Дмитревскій—Кларендонъ, Померанцевъ—Гартлей, Ожогинъ—Робертъ). „Примѣръ сей похвальный и полезный, чась отъ часу больше у насъ умножается. Дай Боже, чтобы оный совершенно утвердился къ чести и пользѣ общества, къ поправленію нашихъ сердецъ и нравовъ“.

Но полоса чувствительности скоро прошла у нашего автора, чтобы промелькнуть еще мимолетнѣе лишь на склонѣ его жизни, въ „Тарарѣ“. Неудача второй „серьезной драмы“ напомнила ему, что это не его удѣлъ, и заставила вернуться къ отложенному на время плану „Севильскаго Цирюльника“. Тутъ отрывался просторъ для юмора и капризовъ фантазіи; снова въ пестрыхъ арабескахъ оживали нѣжные профили, плутовскіе глазки, закутанная плащемъ фигура, пляски, серенады, — все, что такъ поразило его воображеніе даже среди мадридскихъ тревогъ. И отъ дразгъ обычной финансовой дѣятельности, въ которой онъ вернулся, годъ отъ году богатѣя, онъ умѣлъ переноситься въ дни молодости, и старался возсоздать свѣтлое, невозвратное ея настроеніе въ своей оперѣ, гдѣ и слова, и музыка принадлежали ему. За сложнымъ сюжетомъ онъ не гнался; содержаніе составилось по частямъ, и Бомарше взялъ ихъ отовсюду: изъ итальянской интермедіи, изъ оперетки Панара, „le comte de Belflor“, и комедіи Седэна, — какъ доказываютъ теперь, даже изъ „Жиль-Блаза“. Списокъ источниковъ, безъ того уже длинный, легко было бы еще обогатить, выставивъ, напр., Бомарше подражателемъ Мольеру („Школа женщинъ“). Агнеса съ такимъ же искусствомъ обманываетъ своего опекуна, какъ Розина — доктора Бартоло, а ея вздыхатель, подобно Альмавивѣ, вполне годится въ Линдоры. Но всѣ эти пьесы (и десятки другихъ, однородныхъ съ ними) основаны на одной изъ вѣковѣчныхъ, общечеловѣческихъ темъ, въ которыхъ охотно возвращались поэты всѣхъ странъ, — на торжествѣ молодости и страсти надъ старческимъ деспотизмомъ и подозрительностью. Около этой несложной завязки вращалась интрига „Севильскаго Цирюльника“ его первой редакціи, совершенно чуждой политическихъ и общественныхъ вопросовъ минуты и свободной отъ намековъ на личныя горести автора. Въ ту пору опера Бомарше была прямою родоначальницей веселыхъ созданій Паззіелло ¹⁾ и Россини, которые также остановились на внѣшней сторонѣ сюжета. Смѣшная претензія моднаго тогда пѣвца, не захотѣвшаго играть Фигаро, потому что это напомнило бы публикѣ страницу изъ его біографіи, начавшейся дѣйствительно въ цирюльнѣ, разстроила постановку

¹⁾ Объ оперѣ Паззіелло, которая держалась на итальянскихъ сценахъ до появленія пьесы Россини, теперь совсѣмъ забыли; ни Беттельгеймъ, ни „библіографія литературы о Бомарше“, Кордье, перечисляя разныя передѣлки его комедій, о ней не упоминаютъ. Для насъ особенно любопытно, что эта первая опера на либретто „Сев. Цирюльника“ была написана Паззіелло въ Петербургѣ во время житія его при дворѣ Екатерины. History of the opera from Monteverde to Donizetti, by Sutherland Edwards. 1862, v. II, p. 87.

пьесы на оперной сценѣ. Бомарше не безъ сожалѣнія отказался отъ примѣси музыкальнаго элемента, по его мнѣнію, необыкновенно благодарнаго, и принужденъ былъ придать своему произведенію форму комедіи, ту форму, въ которой ей суждено было достигнуть славы.

II.

Въ то время, какъ онъ былъ занятъ этимъ трудомъ, не вымышленная, а настоящая трагикомедія, съ сильными эффектами, которыхъ не придумать и досужему воображенію, втѣснилась въ его жизнь и прервала всякое творчество. Счастье снова отворотилось отъ него. Его неизмѣнный покровитель, Пари-Дювернэ, умеръ, въ послѣдній разъ позаботившись о его нуждахъ: онъ оставлялъ ему заимообразно на расширеніе дѣлъ 75.000 франковъ; кромѣ того, поручалъ своему наслѣднику выплатить Бомарше 23.000, недоданныя по прежнимъ операціямъ, и передать ему на память большой портретъ Дювернэ. Незначительность завѣщанной суммы, въ сравненіи съ громадностью оставшихся капиталовъ, казалось, не могла бы стать поводомъ въ оспариванію завѣщанія. Племянникъ Дювернэ, графъ Лаблашъ, сразу дѣлался однимъ изъ первыхъ богачей, а всѣмъ извѣстная близость старика къ Бомарше достаточно оправдывала эту посмертную ласку. Но именно эта близость постоянно разобщала двухъ соперниковъ, до того, что они не могли болѣе переносить другъ друга, — а теперь пришлось бы не только разъ выплатить деньги, но постоянно вѣдаться съ Бомарше, котораго Дювернэ призналъ своимъ пайщикомъ по своду шинонскаго лѣса. Это было выше силъ Лаблаша, и онъ отвѣчалъ встрѣчнымъ искомъ въ 50.000 франковъ и обвиненіемъ въ подлогѣ документа, въ виду того, что воля изложена завѣщателемъ не собственноручно, а почеркомъ Бомарше, и только скрѣплена Дювернэ. Внезапно начавшійся процессъ наступалъ, зловѣщій, на человѣка, беззаботно подбиравшаго испанскіе мотивы для своей комедіи *de sere et d'érée*; онъ зналъ характеръ противника, и ему передали похвалъбу Лаблаша, что онъ скорѣе затратитъ сотни тысячъ, чѣмъ выплатитъ хоть грошъ негодяю. Въ Бомарше проснулася изворотливость; бросивъ всѣ дѣла, онъ лично повелъ свою защиту, писалъ прошенія за прошеніями, попробовалъ заручиться рекомендаціею принцессъ. Вдругъ на него, еще не одолѣвшаго одной бѣды, обрушилася новая. Все затуманилось, смѣшалось передъ его глазами. Каза-

лось, мелкая любовная стычка, разгорѣвшаяся въ бурное столкновение, не могла бы пріобрѣсти никакой важности. Счастливый соперникъ давно ему знакомаго герцога де-Шона въ любви ничтожной оперной пѣвицы, онъ неосторожно взялъ ея сторону, когда ревнивецъ сталъ преслѣдовать ее, не скупясь на брань и побои. Но де-Шона было еще опаснѣе раздражать, чѣмъ Лаблаша; способный доходить до бѣшенства, невѣняемый и въ то же время безнаказанный по своимъ связямъ, онъ пугалъ всѣхъ безумными выходками. Бомарше едва не сдѣлался его жертвой.

Не легко разобратся въ противорѣчивыхъ показаніяхъ обѣихъ сторонъ и немногихъ свидѣтелей, — а Бомарше былъ мастерскимъ адвокатомъ своей чести и благородства. Но фактъ звѣрскаго самоуправства достаточно ясенъ. Де-Шонъ врывается къ вѣроломной красавицѣ, застаётъ ее еще въ постели, дѣлаетъ ей страшную сцену и выбѣгаетъ искать Бомарше, чтобъ его убить. Предупрежденный на улицѣ другомъ, поэтъ отказывается скрыться; служба зоветъ его въ судъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже возсѣдаетъ на президентскомъ креслѣ и допрашиваетъ тяжущихся. Тѣмъ временемъ герцогъ побывалъ уже на квартирѣ врага и, узнавъ, гдѣ онъ, влетѣлъ въ камеру суда, требуя, чтобъ Бомарше немедленно шелъ съ нимъ. Тотъ продолжаетъ засѣданіе цѣлыхъ два часа, не сдаваясь на угрозы; де-Шонъ принужденъ ждать, но постоянно прерываетъ засѣданіе. Какъ только оно кончилось, онъ сажаетъ Бомарше въ свою коляску и везетъ драться; оружія нѣтъ, — они заѣзжаютъ къ знакомому герцога за саблями; ихъ просятъ обождать, но имъ не терпится, и они ѣдутъ сводить счеты въ домъ Бомарше. Тутъ хозяинъ пытается успокоить врага, не безъ комизма предлагаетъ ему сначала пообѣдать съ нимъ, а потомъ взяться за оружіе. Но отъ промедленія бѣшенство Шона достигло крайняго предѣла; кровь прилила къ головѣ, и онъ, не владея собой, кидается на Бомарше, царапаетъ ему лицо, разрываетъ платье, толкаетъ и увѣчитъ его отца и слугъ, не унимается даже и тогда, когда шумъ привлекъ толпу передъ домомъ, а на мѣсто побоища явилась полиція, которая застала Шона яростно размахивающимъ шпагой и Бомарше — отбивающимся каминными щипцами.

Самоуправство было слишкомъ явно; головорѣзъ, который все время съ гордостью повторялъ, что онъ герцогъ и шэръ, что никто его тронуть не посмѣетъ, былъ кругомъ виноватъ. Но старый порядокъ еще процвѣталъ, и въ тюрьмѣ оказался не только Шонъ, но и Бомарше, вѣроятно, чтобъ не подать дурного примѣра. Судъ маршаловъ, вѣдавшій тогда дѣла чести между дво-

рянами, освободилъ-было его отъ кары, но министр, раздосадованный этимъ, безъ труда выхлопоталъ у короля *lettre de cachet* и бросилъ Бомарше въ *For l'Evêque* поразмыслить о своемъ ничтожествѣ. Это былъ первый тяжкій урокъ, который жизнь давала человѣку, слишкомъ привыкшему забывать общія невзгоды для борьбы изъ-за личныхъ выгодъ. Рѣзче, чѣмъ когда-либо, ему напомнили о его плебейскомъ происхожденіи, и Шонъ, въ дошедшихъ до насъ показаніяхъ на допросъ, съ пренебреженіемъ чистокровнаго барича оправдывался тѣмъ, что иначе съ плебеємъ нельзя было бы сосчитаться, что дуэль съ нимъ немислима, что противникъ, про котораго идутъ слухи объ отравленіи женъ и поддѣлѣ бумагъ, ничего иного и не заслуживаетъ. Но чего не додѣлалъ одинъ знатный врагъ, то сумѣлъ довершить еще болѣе вліятельный Лаблашъ; по его проискамъ, Бомарше задержали въ тюрьмѣ дольше назначеннаго срока, чтобы тѣмъ временемъ можно было направить процессъ во вредъ ему. Онъ вымолилъ себѣ хоть право выходить изъ тюрьмы съ провожатымъ, навѣщать судей, просить, напоминать; онъ не въ состояніи отказать, подобно Мольеровскому Альцесту, отъ унижительнаго вымаливанія справедливости и надѣяться лишь на свою правоту. Онъ и тутъ стоитъ на практической точкѣ зрѣнія; люди обходятъ своихъ судей (*on sollicite ses juges*), и онъ дѣлаетъ то же. Его не возмущаетъ мысль, что съ такими просьбами ему придется обратиться къ членамъ ненавистнаго всѣмъ „подставнаго“ парламента, собраннаго канцлеромъ Моу изъ всякаго сброда замѣнъ законнаго, но слишкомъ независимаго парламента, высланнаго поголовно въ изгнаніе. Онъ обходитъ вліятельныхъ креатуръ Моу, и, наконецъ, узнаетъ, что его дѣло передано для доклада совѣтнику Гэтцманну, на котораго молва указывала, какъ на замѣчательнаго законовѣда и самаго способнаго изъ парламентскихъ членовъ.

Дѣйствительно, Гэтцманнъ былъ далеко не зауряднымъ подъячимъ¹⁾; этотъ усидчивый и аккуратный эльзасецъ не мало поработалъ и для юридической литературы и обстоятельно велъ дѣла, выпадавшія ему на долю. Былъ ли онъ завоснѣлымъ и безстыднымъ взяточникомъ, мы тоже не знаемъ; враждебность къ Бомарше могла быть вызвана и желаніемъ угодить его сильному врагу, и недоувѣріемъ къ человѣку, о которомъ молва говорила какъ объ извергѣ. Но за него, и, повидимому, скрывая многое, брала взятки его жена, пустая и вѣтреная, мечтавшая

¹⁾ Paul Huot, „Goetzmann et sa famille“, въ *Revue d'Alsace*, 1868.

скорѣе обогатиться и безцеремонно хваставшая передъ знакомыми умѣньемъ „общипывать курицу“ (plumer la poule). До нея можно было доходить окольнымъ путемъ, черезъ одного книгопродавца, который принималъ и передавалъ деньги. Бомарше усиленно домогался свиданія съ Гэтцманномъ; но неумолимый привратникъ давалъ ему шесть разъ въ теченіе двухъ дней одинъ отвѣтъ: Гэтцманна нѣтъ дома, и неизвѣстно, когда онъ вернется. Пришлось купить аудіенцію; собрано сто луидоровъ, книгопродавецъ - передатчикъ Lejaу пущенъ въ ходъ, и въ два приема снесъ эти деньги; свиданіе, наконецъ, состоялось, полное усовѣщиваній съ одной стороны, хитрыхъ увертокъ съ другой. Но вторую аудіенцію нужно было опять покупать; Бомарше посылаетъ часы, осипанные брилліантами; ихъ берутъ, но требуютъ еще 15 луидоровъ „для секретаря“, обѣщая все вернуть, если свиданіе почему-нибудь не состоится. Все выплачено, но проситель опять видитъ лишь суроваго привратника съ тѣмъ же безнадежнымъ отвѣтомъ. Онъ догадывается, что противная сторона не въ примѣръ больше сорила деньгами, ждетъ худшаго, и на другой же день узнаетъ, что судъ, не признавъ прямо подлога, отвергъ его прошеніе, приговорилъ уплатить Лаблашу 56.000 франковъ и покрыть значительныя судебныя издержки; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ него потребовали крупную сумму за содержаніе въ тюрьмѣ, гдѣ, по его словамъ, „онъ былъ снабженъ всѣмъ, кромѣ самаго необходимаго“. Наличныхъ денегъ не нашлось; описали все имущество, наброшена была тѣнь на честность, опозорено доброе имя. На баловня судьбы обрушивались заразъ всѣ бѣды.

На кого ему было опереться? На короля? Но не онъ ли только-что бросилъ его, безвиннаго, въ тюрьму... Принцессы давно отвернулись отъ человѣка, который слишкомъ много заставлялъ о себѣ говорить и могъ вредить имъ своею близостью. Знать вся была противъ него; періодической печати почти не было; судебная гласность была немислима. Тутъ въ Бомарше сверкнуло отчаянное, героическое рѣшеніе; онъ сдѣлалъ своимъ судьей общественное мнѣніе, давно уже глухо волновавшееся, нуждаясь въ осязательномъ поводѣ, чтобъ свести счеты съ старымъ порядкомъ. Подобно Вольтеру въ дѣлахъ Каласа и Сирвена, Бомарше далъ этотъ поводъ, и знаменитые вскорѣ „Мемуары“ его противъ Гэтцманна и его сообщниковъ превратились изъ защитительнаго документа по частному процессу во всенародное дѣло.

Не даромъ остряки впоследствии находили, играя словами, что если Louis Quinze устроилъ парламентъ, то quinze louis уни-

чтожили его. Вокругъ злополучныхъ пятнадцати луидоровъ, будто бы назначенныхъ секретарю, прежде всего сосредоточился споръ. Получивъ обратно всю сумму взятокъ, кромѣ секретарской подачки, и узнавъ, что писецъ Гэтцманна никогда не получалъ этихъ денегъ, Бомарше догадался, что жена совѣтника пожелала удержать хоть часть суммы, побывавшей въ ея рукахъ, и эта алчность ея совсѣмъ уже взбѣсила его. Онъ сталъ осаждать ее письмами, давалъ ей проговариваться, вовлекая въ промахи, видѣлъ, какъ она запутываетъ стороннихъ лицъ, — и уже въ обществѣ открыто говорилъ о продажности четы Гэтцманновъ и всей парламентской шайки. Дѣло получало неприятную огласку. Корпорация сочла нужнымъ, для поддержанія своей сомнительной чести, потребовать слѣдствія; Бомарше самъ накликалъ на себя опасный процессъ. Противъ него былъ теперь весь судъ; Гэтцманнъ готовъ былъ обрушить на него всю свою юридическую мудрость. Неожиданно къ нему примкнули въ качествѣ добровольцевъ два усердныхъ свидѣтеля, искусныхъ въ ябедѣ: бездарный стихотворецъ Бакюларъ д'Арно, чьи идилліи зачѣмъ-то въ старину у насъ переводили, тотъ самый Бакюларъ, котораго одно время держалъ у себя Фридрихъ въ роли Тредьяковскаго, и бранчивый журналистъ, онъ же королевскій цензоръ, Марэнъ (Magin), случайный корреспондентъ Вольтера, который пользовался его услугами, чтобъ доставлять свои произведенія во Францію, но крѣпко не жаловалъ его. Оба эти сателлита оказались въ близкихъ отношеніяхъ или съ Гэтцманнами, или съ Ле-Жэ; оба авторитетно и безстыдно давали ложныя показанія, чернили Бомарше и пѣли гимны поруганной добродѣтели. Плотная и дружная коалиція стѣною пошла противъ автора „Фигаро“; онъ долженъ былъ являться въ судъ, выслушивать длинныя и завѣдомо фальшивыя показанія, быть вѣчно на-готовѣ и отводить удары, извлекая, на диво всѣмъ, изъ мелкаго дѣла о взяткахъ вѣчно новые и мѣткіе аргументы для обличенія враговъ. Но натискъ усиливался, Бомарше совсѣмъ затравили; не сегодня, завтра, его назовутъ не только поддѣльвателемъ документовъ, но и злымъ клеветникомъ.

Были минуты, когда онъ готовъ былъ предаться отчаянію, но онъ переломилъ себя; вѣрный своей привычкѣ, онъ подавилъ подступавшія слезы, и разразился громкимъ смѣхомъ. Эффектъ вышелъ поразительный. Въмѣсто трагическихъ, раздирательныхъ сценъ, которыхъ можно было ожидать отъ разореннаго и опозореннаго человѣка, началась почти безпримѣрная судебная комедія. Его спасла сила смѣха, то великое средство обновленія людей, которое философски узаконялъ еще Шефтсбери и превос-

ходно примѣнялъ Вольтеръ. „Мемуары“ по дѣлу Гэтцманна ¹⁾ столько же входятъ въ кругъ юридической литературы, сколько въ область художественной сатиры.

Бомарше случайно посвятилъ насъ въ тайны своего плана; опытъ показалъ ему, что во Франціи ничто такъ не помогаетъ успѣху и не завладѣваетъ вниманіемъ, какъ умѣнье избѣгать монотонности и постоянно разнообразить темы, складъ рѣчи и эффекты, завуалывая новизной и неожиданностью, то растрогивая, то смѣясь, то касаясь общихъ вопросовъ и выдвигая научный арсеналъ, то выводя на сцену живыхъ людей въ бойкомъ и забавномъ діалогѣ. Безпримѣрный успѣхъ мемуаровъ подтвердилъ его догадку. Бомарше умѣлъ какъ-то неуловимо печатать и распространять ихъ, не справляясь ни съ какими правилами, не представляя рукописи никому на одобреніе; онъ наводилъ ими Парижъ, раздавалъ черезъ агентовъ въ судѣ, на площадяхъ, на оперныхъ маскарадахъ, гдѣ ихъ расходилось въ вечеръ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, и достигъ того, что они очутились въ рукахъ всѣхъ и cadaго, отъ вельможъ до уличнаго гуляки, и парижская толпа живо откликнулась на призывъ; авторъ листовъ сразу сталъ необыкновенно популярнымъ. Ихъ читали вездѣ; въ кафѣ собирались для этого массы народа; всѣ хотали, передавая другъ другу только-что подхваченныя остроты ²⁾. Смѣялись даже судьи, когда Бомарше импровизировалъ передъ ними какую-нибудь сцену (будущую страницу мемуара) и тѣшилсѣ промахами и нескладными отвѣтами противниковъ. Дворъ не отставалъ; потѣшныя рѣчи жены Гэтцманна и колкости Бомарше показались такъ забавны, что изъ первыхъ двухъ мемуаровъ была ссерована непритязательная, но, говорятъ, удачная комедія, которую разыграли своими силами на придворной сценѣ, а провансальская поговорка „ques à со?“ (что это?), которою Бомарше преслѣдовалъ Марэна, показала такую остроумною, что Марія-Антуанетта назвала такъ придуманную ею куафюру. Бомарше, какъ тонкій наблюдатель, не могъ не видѣть всей странности этого сочув-

¹⁾ Этѣхъ мемуаровъ, выходявшихъ небольшими брошюрами, подъ названіемъ „Mémoire à consulter pour P. A. Caron de Beaumarchais etc.“, набралось четыре (по Ломени—пять, считая приложенія). Потомъ они были собраны въ одну книгу, полностью перепечатывавшуюся и во Франціи, и въ Голландіи. Противная сторона отвѣчала такими же брошюрами, такъ что составила цѣлая литература въ нѣсколько десятковъ книгъ.

²⁾ Бомарше, вообще, такъ славился остроуміемъ, что даже въ нашемъ столѣтіи былъ составленъ сборникъ анекдотовъ и остротъ: „Beaumarchaisiana ou recueil d'anecdotes, bons mots, sarcasmes, etc. de Caron de Beaumarchais“, par Cousin d'Avallon, 1832.

ствія; вліятельнѣйшіе люди въ странѣ предпочитали останавливаться на потѣшной сторонѣ явленія и не хотѣли сознать обязанности преобразовать судъ, гнѣздо всякихъ язвъ. „Что смѣетесь? Надъ собою смѣйтесь!“ — могъ бы имъ сказать авторъ мемуаровъ; но онъ доволенъ былъ уже тѣмъ, что за него былъ всеобщій смѣхъ, что съ каждымъ новымъ успѣхомъ обличителя все ниже падали шансы противной стороны; она была виновна уже тѣмъ, что давала себя осмѣять и постоянно оставалась въ долгу.

Противниковъ было много, но это придавало прелести борьбѣ. Бомарше на столбцахъ мемуаровъ, точно на фехтовальномъ плацу, завязывалъ съ каждымъ отдѣльный поединокъ. „Теперь ваша очередь, г. Марэнъ“, — говоритъ онъ, и направляетъ стрѣлы остроумія и гнѣва на него. „A vous, monsieur Dairolles“, — и той же пытѣѣ подвергается новый жесвидѣтель. Это безстрашіе приводило въ восторгъ Вольтера: „я никогда не видалъ ничего сильнѣе, смѣлѣе, комичнѣе, интереснѣе, сокрушительнѣе для противника, — писалъ онъ, — чѣмъ мемуары Бомарше. Онъ бьется заразъ съ 10 или 12 врагами и повергаетъ ихъ на землю съ такою же легкостью, какъ въ фарсѣ арлекинъ-дикарь колотить отрядъ полицейскихъ ¹⁾. Четъ Гэтцманновъ, разумѣется, отводится самое почетное мѣсто, и она почти не сходитъ со сцены, — особенно главная виновница несчастій Бомарше. Съ какимъ злорадствомъ играетъ онъ съ своей жертвой! То принимается говорить ей любезности о ея красотѣ и неувядающей молодости, и вѣтреная женщина, при невольномъ хохотѣ судей, даетъ взять себя подъ ручку и находить, что Бомарше вовсе не такой звѣрь, какимъ его изображаютъ. То ловитъ онъ ее, среди непринужденной болтовни, на опасномъ для нея промахѣ; она отрицаетъ, что когда-либо получала 15 червонцевъ, — „мыслимо ли, чтобъ женщинѣ въ ея положеніи предложили такую мелочь, когда наканунѣ она отказалась отъ ста лудуровъ? — Наканунѣ чего? — вставляетъ наивный вопросъ Бомарше. О какомъ днѣ говорите вы? — Боже мой, о томъ днѣ, когда...“ — она умолкаетъ, досадливо кусая губы и обмахиваясь вѣеромъ. То загонитъ онъ свою противницу въ такую непроходимую чащу, что съ отчаянія она прибѣгаетъ уже къ совсѣмъ нелѣпымъ отговоркамъ, объясняетъ противорѣчія въ показаніяхъ тѣмъ, что бываютъ такіе періоды, „un temps critique“, когда она невмѣняема и не помнить, что говорить и дѣлаетъ. Какъ живо представляется при этихъ словахъ сіяющее лицо Бомарше, который уже сдумѣетъ извлечь выгоду изъ пикантнаго

¹⁾ Письмо къ маркизу Флоріану, 1774 (Corresp. génér.).

признанія, а потомъ съ обычнымъ мастерствомъ передать всю эту картинку въ своемъ слѣдующемъ мемуарѣ!

Иногда нужны ему и серьезныя, даже специально-научныя средства борьбы. И въ этомъ не будетъ недостатка. По поводу плутней Гэтцманна, онъ излагаетъ исторію знаменитѣйшихъ продажныхъ судей древности и новаго времени. Нужны ссылки на законы, — друзья-юристы снабдили его на этотъ счетъ въ изобиліи. Противная партія затѣяла-было воспользоваться неизвѣстной еще во Франціи исторіею съ Клавихо, — Бомарше вводитъ и ее въ свой отвѣтъ, знакомитъ читателя съ этимъ драматическимъ столкновеніемъ и мастерски освѣщаетъ его. Если же хотятъ набросить на него тѣнь, повторяя басню объ отравленіи, онъ умѣетъ гдѣ-то выудить неблаговидную продѣлку Гэтцманна, который, чтобы прикрыть рожденіе незаконнаго сына, поддѣлалъ свидѣтельство о крещеніи. *A la guette, comte à la guette*, думается ему. Но общаго значенія настоящаго процесса онъ все время не теряетъ изъ виду, и, когда нужно указать, какія мѣры могли бы превратить искаженіе правосудія, онъ высказывается за введеніе суда присяжныхъ по англійскому образцу. Мастерскіе сатирическіе портреты получаютъ у него соціальныя фонъ; люди, съ которыми онъ борется, уже не личные только его враги, но враги народныя; за Марэномъ виднѣется вся клика ложныхъ патриотовъ, готовыхъ обозвать измѣнниками отечеству всякаго, кто имъ лично непріятенъ, возглашающихъ, что кромѣ нихъ настоящихъ французовъ болѣе нѣтъ; за Гэтцманномъ выступаетъ не только шайка клеветовъ Мопу, но и весь строй допотопной магистратуры, а въ Лаблашѣ, то-и-дѣло вставлявшемъ свое слово и теперь, олицетворялось старое барство. Горячность Бомарше не могла не увлекать читателя; то, что онъ говорилъ, было у всѣхъ на умѣ, но кромѣ него никто въ эту минуту не рѣшился высказать это открыто. Съ появленія мемуаровъ до триумфа „Свадьбы Фигаро“ Бомарше не разстанется болѣе съ этою ролью глашатая общественнаго мнѣнія, на которой основанъ весь его писательскій успѣхъ. Для тѣхъ, кто видитъ въ замѣчательныхъ людяхъ выразителей народной думы, — это одинъ изъ убѣдительнѣйшихъ примѣровъ.

Но не только въ общественномъ отношеніи прозрѣлъ и возмужалъ Бомарше во время своихъ несчастій. Его литературное дарованіе только теперъ проявилось въ полной силѣ. Передъ нами уже образцовый комикъ; стбитъ вынуть отдѣльные эпизоды, — и сцена изъ остроумнѣйшей комедіи готова. Въ минуты особеннаго сатирическаго воодушевленія онъ увлекаетъ смѣлостью тона, ко-

тору ю ставить подъ покровъ извѣстнаго стиха Буало. „Вы видите, что я говорю все на чистоту,—заявляетъ онъ Марэну,— что въ моемъ слогѣ нѣтъ ни умолчаній, ни словечекъ, ни дутыхъ фразъ, ни смѣшныхъ церемоній, ни пошлой экономности; какъ Буало, —

Je ne puis rien nommer. si ce n'est par son nom;
J'appelle un chat un chat...

а Марэна я называю торговцемъ мемуарами, литературой, цензурой, новостями, шпионствомъ, ростомъ, интригами, etc., etc., — цѣлыхъ четыре страницы etc. Но спорить съ такимъ противникомъ становится для Бомарше невыносимымъ. „Первое несчастье для человѣка, —объясняетъ онъ ему въ концѣ своего отвѣта,— конечно, то, когда краснѣешь за себя; но второе наступаетъ, когда за тебя краснѣютъ другіе. Впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ я говорю вамъ всѣ эти вещи, которыя вы не можете даже понять. Я удаляюсь; вѣдь я еще могу что-нибудь утратить. А вы... вы можете смѣло идти всюду“. Для заурядныхъ противниковъ у него на-готовѣ другой тонъ, насмѣшливый и небрежный. Одинъ свидѣтель, Бертранъ Д'Эроль, ссылаясь на безпамятство каждый разъ, когда могъ показать въ пользу Бомарше. „Какая прекрасная тема для конкурса хирургической академіи на 1774 годъ! Золотую медаль тому, кто объяснитъ, какимъ образомъ мозгъ бѣднаго Бертрана могъ внезапно расколотся на-двое, и вызвать въ его головѣ память, столь счастливую для однихъ фактовъ, столь несчастную для другихъ,—какъ кузенъ Бертранъ сталъ вдругъ парализованъ одною стороною ума, и притомъ необыкновенно курьезнымъ для любителей способомъ, — часть памяти, обвиняющая Марэна, парализована безвозвратно, тогда какъ часть оправдывающая здрава, невредима и сіяетъ такимъ хрустальнымъ блескомъ, что мельчайшія подробности отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ“. Когда же постоянная трата энергіи доводила его до изнеможенія, и онъ съ печальной ироніей говорилъ друзьямъ: „ну, чтожъ! еще нѣсколько новыхъ враговъ, еще нѣсколько мемуаровъ, и репутація моя станетъ бѣла, какъ снѣгъ!“ — его рѣчь охватываетъ неподдѣльный паеосъ, и съ устъ его возносится, въ отвѣтъ на „мемуары, газетныя статьи, циркуляры, ругательства и тысячу-одну диффамацию“ — „молитва къ Благому Существу“ (Etre bienfaisant), одинъ изъ классическихъ образцовъ французской прозы. Ему пригрезилось, что Богъ вѣщаетъ ему, что ему суждено испытать не мало несчастій, дабы не возгордиться благополучіемъ; „его будутъ раздирать на части тысячи враговъ, его лишатъ свободы, имущества, обвинять въ

грабежѣ и подлогѣ, въ клеветѣ и подкупѣ, опозорять всю его жизнь изъ-за сплетень“, и т. д. Онъ склоняется передъ высшей волей, вѣрить, что она не дастъ ему погибнуть и поможетъ все перенести,—и просить только, чтобъ грозящія ему несчастія приняли именно ту форму, о которой онъ самъ иной разъ думалъ. Пусть противникомъ его будетъ скупой наслѣдникъ богатаго имѣнія, способный оспаривать даръ, который внушенъ былъ дружбой и честностью, и пусть люди негодуютъ, вида, какъ этотъ человекъ, ослѣпленный ненавистью, начинаетъ позорный процессъ. Такъ постепенно въ мольбахъ своихъ Бомарше обрисовываетъ настоящее положеніе дѣла, прося себѣ и безчестнаго трибунала, и лицемѣрнаго судью, и т. д. Когда же эти главные просьбы будутъ услышаны, онъ смиренно умолитъ Божество, если уже необходимо, чтобъ стороннія лица вмѣшались, послать неуклюжаго и злого посредника, умышленно все портящаго. „Пусть онъ будетъ измѣнникомъ друзьямъ, неблагодарнымъ къ своимъ благодѣтелямъ, ненавистнымъ для авторовъ по своей цензурѣ, скучнымъ для читателей по своимъ писаніямъ, страшнымъ для должниковъ, разорителемъ бѣдныхъ книгопродавцевъ изъ-за своего обогащенія, продавцомъ запрещенныхъ книгъ, соглядатаемъ за людьми, допускающими его въ свое общество,—чтобъ въ глазахъ людей достаточно было быть имъ очерненнымъ, и это уже убѣждало бы въ честности человека, — стоило быть подъ его защитой, чтобъ всѣ тебя подозрѣвали. Боже, дай мнѣ Марэна!“

Врядъ ли серьезно убѣжденъ былъ Бомарше, что, послѣ столькихъ усилій, онъ восторжествуетъ; правда, его мольбы были услышаны, и судьба послала ему враговъ, дававшихъ нерѣдко противъ себя оружіе,—но они были слишкомъ сильны, а его обращеніе къ общественному мнѣнію устрашало и тревожило, вмѣсто того, чтобъ образумивать. Толпа теперь знала и любила Бомарше; когда президентъ суда осмѣлился разъ приказать выгнать его изъ палаты, какъ дерзкаго нарушителя спокойствія, и когда онъ заявилъ, что пришелъ по своему дѣлу, не сойдетъ съ мѣста и призываетъ націю въ свидѣтели, его обступила масса сторонниковъ. На спектаклѣ, гдѣ давали „Евгенію“, появленіе автора вызвало овацію; всѣмъ намекамъ пьесы, подходившимъ къ случаю, рукоплескали. Эта популярность становилась опасною, и Бомарше дорого пришлось за нее заплатить. Первый урокъ въ этомъ отношеніи еще можно было стерпѣть: передѣланнаго въ комедію „Севильскаго Цирюльника“, уже предназначеннаго къ представленію, запретили исключительно изъ-за общихъ соображеній благочинія, несмотря на то, что и въ этой второй ре-

дакціи пьеса все еще была довольно невинна и чужда злобѣ дня. Но худшее испытаніе было еще впереди.

Насталъ день приговора, и безстрашнымъ Бомарше овладѣло раздумье, когда раннимъ утромъ онъ одиноко и медленно подходилъ къ зданію суда: что ждало его сегодня, какое изъ безчисленныхъ наказаній, переполнявшихъ старый кодексъ, примѣнять къ нему безопадные враги? Шевельнулась даже мысль о смерти, — и не напрасно промелькнула она; о смерти все-таки вспомнили судьи, и въ числѣ двадцати-двухъ отвѣчали на вопросъ о карѣ: „все, кромѣ смертной казни“... Болѣе милостивое воззрѣніе взяло, однако, верхъ, и рѣшено было, во имя высшей справедливости, подвергнуть обѣ стороны, и г-жу Гэтцманнъ, и Бомарше, публичному порицанію (*blâme*), самая формула котораго, рѣзкая и безопадная (*la cour te blâme et te déclare infâme*), заключала уже въ себѣ улику въ безчестности и лишеніе правъ; приговоръ этотъ Бомарше долженъ былъ бы выслушать на колѣняхъ. Но никогда онъ не былъ ему объявленъ, — для этого у судей не хватило рѣшимости; боялись ли они, что обвиненный дѣйствительно исполнитъ угрозу, которую находимъ въ письмѣ къ принцу Конти, и либо ранить палача, либо лишить себя жизни, — или же волненіе толпы, усилившееся послѣ окончанія процесса, до того устрасило ихъ, что многіе, подвергшись оскорбленіямъ на улицѣ, показывались лишь въ сопровожденіи стражи (Морепà шутя совѣтовалъ имъ ходить въ палату въ домино), да и изъ суда срылись потайнымъ ходомъ, — только Бомарше былъ избавленъ отъ позора, хотя надолго положеніе его осталось нелегальнымъ, двусмысленнымъ, и каждую минуту онъ могъ опасаться ареста. Ему нашли убѣжище; каждый разъ, когда онъ отваживался покінуть его, народъ шумно чествовалъ героя, — но все же открытое изгнаніе было лучше этой вѣчной неувѣренности; будущность была испорчена, всякая дѣятельность стала отнынѣ немислимою.

III.

Развязка процесса съ Гэтцманномъ осталась, однако, важнымъ общественнымъ фактомъ. Парламентъ Мопу одержалъ здѣсь послѣднюю свою побѣду; во время дѣла слишкомъ ярко раскрылись порочность и ничтожество его членовъ; Гэтцманнъ былъ объявленъ *hors de cour* по недостатку уликъ, но не уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ, а вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ,

повинуясь общественному мнѣнію, Людовикъ XVI принужденъ былъ распустить весь парламентъ и призвать членовъ прежняго изъ ссылки. Личное дѣло сатирика сослужило такимъ образомъ всенародную службу, — какового удовлетворенія желать ему больше? Но червь честолюбія слишкомъ сильно подалъ заскучавшаго безъ дѣла энергическаго человѣка; онъ рожденъ былъ геніальнымъ авантюристомъ, а не суровымъ подвижникомъ; онъ неспособенъ былъ съ достоинствомъ нести свой крестъ. Если добрый геній вложилъ ему въ уста горячія и благородныя рѣчи, — въ дни самаго тяжкаго несчастья онъ все, казалось, забылъ и подпалъ лишь инстинкту самосохраненія. Чтò бы ни начать, лишь бы снять съ себя позоръ, снова вернуться въ жизнь, приняться за работу...

Черезъ нѣсколько времени въ Лондонѣ сталъ показываться всюду, гдѣ только собиралась французская колонія, только-что прибывшій съ континента дворянинъ, monsieur de Ronas. Онъ разузнаетъ, изъ каковаго притона выходятъ французскіе пасквили на Людовика XV, чрезвычайно размножившіяся въ Лондонѣ за послѣдніе мѣсяцы, и отважно проникаетъ на квартиру главнаго ихъ фабриканта, настоящаго бандита, Тевенд-де-Моранда ¹⁾, который кормился шантажемъ и только-что выпустилъ ругательную брошюру про г-жу Дю-Барри, придумавъ бойкое заглавіе: „Mémoires secrets d'une fille publique“. Ронасъ, въ которомъ не трудно узнать Карона, переставившаго только буквы своей фамиліи, прямо заговариваетъ о цѣнѣ, входитъ въ дѣловые переговоры, быстро разгадываетъ характеръ собесѣдника, который способенъ былъ съ такою же легкостью писать и за короля, и вызывался вскорѣ подглядывать за французскими эмигрантами; Морандъ былъ хорошо приготовленъ ко всему, и уже бесѣдовалъ о такихъ же вещахъ съ извѣстнымъ шевалье д'Эономъ. Его молчаніе, очевидно, хотятъ непременно купить, и онъ спокойно ведетъ торгъ; Бомарше его обошелъ, даже полюбился ему, и достигъ цѣли; за пожизненную пенсію и 32.000 наличными Морандъ обязался договоромъ ничего не печатать ни противъ короля, ни противъ фаворитки. Кто же далъ Ронасу это щекотливое порученіе? Самъ Людовикъ; втихомолку содѣйствовалъ его отъѣзду глава полиціи Сартинъ, съ нѣкотораго времени ему покровительствовавшій; эта рискованная поѣздка предпринята была,

¹⁾ Въ своемъ родѣ оригинальная личность этого пасквилянта наша недавно своего биографа: „Théveneau de Morande“, par Paul Robicquet, 1882. Морандъ въ особенности приобрѣлъ извѣстность опаснаго сметника своей книгой „le Gazetteur cuirassé“.

чтобь угодить отживавшей вѣкъ любовницѣ дряхлаго короля... Какимъ рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ все это послѣ недавнихъ торжествъ народнаго дѣятеля, въ которомъ толпа готова была видѣть одного изъ вождей оппозиціи! Но нужно было, во что бы то ни стало, выбиться изъ тьмы, и Бомарше самъ напросился на свою странную миссію; онъ не искалъ денегъ, напротивъ, тратилъ свои, — но его поманили, въ случаѣ успѣха, возвращеніемъ прежняго положенія въ свѣтъ и отмѣной приговора, и этого было довольно.

Но, бѣдный, странствующій Фигаро! какое злое разочарованіе ждетъ его, какимъ жалкимъ отливомъ смѣнилось опять пошедшее въ гору его счастье! Только-что онъ понесся за наградой въ Версаль, какъ по дорогѣ его поразила неожиданная вѣсть: король умеръ, нестати, преждевременно умеръ, не повидавшись съ нимъ, не сдержавъ слова. Опять все пропало; для новаго короля не только не имѣютъ никакого значенія хлопоты и угодливость ради Дю-Барри, но его цѣломудріе должно оскорбиться ими, какъ оно постоянно возмущалось присутствіемъ фаворитки. Теперь и книга Моранда не имѣетъ смысла, и борьба съ нимъ никому не нужна.

Странное дѣло, однако, — именно въ эту пору въ томъ же Лондонѣ какой-то новый бандитъ захотѣлъ по своему привѣтствовать вступленіе на престолъ Людовика XVI брошюрой, не въ примѣръ циничнѣе и опаснѣе той, которую только-что сбыли съ рукъ, и на этотъ разъ героиней пасевиля должна явиться сама Марія-Антуанетта. Такъ, по крайней мѣрѣ, донесъ Морандъ, не на шутку возмнившій себя французскимъ агентомъ, — или, вѣрнѣе, это утверждалъ самъ Бомарше, и, какъ человекъ уже опытный въ выслѣживаніи, предложилъ свои услуги. Холодность новаго короля въ нему тотчасъ же уступила мѣсто тревожному стремленію заручиться его помощью. Вѣдь брошюра (насколько Бомарше сообщалъ ея содержаніе) проникала въ тайники семейной жизни Людовика, разоблачала вѣтренныя, порою даже преступныя, интриги его жены, — мало того, обращаясь къ испанской линіи Бурбоновъ (она такъ и названа была „Avis à la branche espagnole“), призывала ее чуть не къ вмѣшательству; король былъ обрисованъ слабымъ и послушнымъ орудіемъ партіи, которую издали, черезъ дочь, руководить Марія-Терезія (въ свою очередь, выставленная подругой Кауница); съ Шуазелемъ во главѣ, эта партія все захватила въ свои руки и ведетъ Францію къ гибели; чтобъ спасти страну, слѣдуетъ отправить всѣхъ этихъ олигарховъ

въ изгнаніе, а королеву окружить бдительнымъ надзоромъ ¹⁾. Неизвѣстный авторъ мѣтко выбралъ самое больное мѣсто; король встревожился и какъ мужъ, и какъ правитель, и не хуже своего предшественника подпалъ настоятельнымъ убѣжденіямъ Бомарше, который не только получилъ деньги и паспортъ въ Англію и Голландію, но и добился собственноручнаго разрѣшенія Людовика, которое онъ вправилъ въ медальонъ и повѣсилъ на шею.

Снова отправился monsieur de Ronas въ путь, исбѣать зловреднаго памфлетиста. Но гдѣ найти его, какъ его имя, онъ не знаетъ, и готовъ объѣздить весь свѣтъ, лишь бы напасть на его слѣдъ; онъ не остановится передъ опасностями, будетъ рисковать жизнью, — и подобный подвигъ, конечно, зачтется ему. Большинство біографовъ сходится теперь въ томъ, что Бомарше стоило посмотрѣть въ зеркало, чтобъ увидать тамъ черты лица автора того памфлета, который для него было такъ же легко набросать, какъ и уничтожить. Беттельгеймъ ²⁾ возстаетъ противъ подобной мысли, указывая на тяжелый и неискusstный слогъ, совсѣмъ не напоминающій живую рѣчь Бомарше, — хотя нѣкоторыя мѣста, въ особенности желчныя характеристики Моупу и другихъ сильныхъ людей, все-таки, на нашъ взглядъ, могли бы принадлежать ему. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ такъ и останется открытымъ, тѣмъ болѣе, что фантастическая обстановка, которую захотѣлъ окружить его Бомарше, усиливаетъ его загадочность. Въ самомъ дѣлѣ, то, что разыгралось въ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ этой сыскной поѣздки, кажется иной разъ главой изъ самаго разнузданнаго roman d'aventures.

Въ Лондонѣ Бомарше нападаетъ на слѣдъ пасквилянта, какого-то Аткинсона, вступаетъ съ нимъ въ переговоры, покупаетъ четыре тысячи экземпляровъ, выходитъ по оксфордской дорогѣ до условленнаго мѣста; показывается экипажъ, наполненный книгами, и при немъ Аткинсонъ съ своими людьми. Бомарше сжигаетъ тутъ же экземпляры памфлета, кромѣ восьми, испорченныхъ и потому не привезенныхъ; онъ заставляетъ принести ему и рукопись, и выплачиваетъ, по условію, часть денегъ. Замѣтивъ, что авторъ брошюры скорѣе походитъ на итальянца или еврея, чѣмъ на англичанина, онъ вынуждаетъ его сознаться, что его настоящее имя — Анджелуччи. Это второе дѣйствующее лицо становится все интереснѣе. Неожиданно оно исчезаетъ;

¹⁾ Брошюра эта представляетъ величайшую рѣдкость; экземпляръ ея хранится въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Она ложно помѣчена Парижемъ и имя автора скрыто подъ буквами G. A.

²⁾ Beaumarchais, eine Biographie, стран. 313.

только-что они вторично свидѣлись въ Амстердамѣ, гдѣ переданы были недостававшія части рукописи и вручены остальные деньги, — какъ Анджелуччи упорхнулъ, конечно, для того, чтобъ гдѣ-нибудь переиздать памфлетъ и снова продать его. Бомарше летитъ за нимъ, не зная нѣмецкаго языка, черезъ Германію, надѣясь настигнуть его передъ Нюрнбергомъ, куда онъ, какъ слышно, направился. Уже онъ недалеко отъ цѣли, какъ съ нимъ случается необыкновенное происшествіе: это было передъ нейштадтской станціею; онъ вышелъ изъ экипажа, чтобъ пройти съ дѣломъ, и велѣлъ вучеру ѣхать впередъ; черезъ полчаса онъ съ трудомъ добрался до кареты, испуганный и пораненный. Рука была перевязана, на шеѣ былъ шрамъ, — онъ только-что выдержалъ схватку съ двумя разбойниками! Одинъ былъ верхомъ, другой зашелъ предательски съ тылу. Пистолетъ Бомарше оскѣся; кинжалъ разбойника, направленный въ грудь, ударился о медальонъ съ королевскимъ письмомъ; въ неравной борьбѣ смѣлость путешественника взяла верхъ; верховой ускакалъ, оставивъ на мѣстѣ шляпу и парикъ; съ пѣшимъ они поборолись; Бомарше увидаль его передъ собой на колѣняхъ, и уже хотѣлъ свернуть ему руки бушавомъ, но показались вдаль новые сообщники, и онъ выпустилъ негодяя. Тутъ встали слышались труба почтара, и вся шайка разсѣялась. Такъ кончилось это нападеніе; что оно связано было съ дѣломъ о памфлетѣ, Бомарше не сомнѣвался; онъ ясно слышалъ, какъ двое напавшихъ называли себя по именамъ, — одинъ былъ Атвинсонъ, другой Анджелуччи. Въ этомъ духѣ дѣлаетъ онъ свое показаніе нюрнбергскому бургомистру, и живо, въ лицахъ, рассказываетъ всю сцену хозяину гостинницы „Красный Пѣтухъ“ и его гостямъ. Но онъ не показалъ хирургамъ своихъ ранъ, заявилъ, что спѣшить въ Вѣну, и только просилъ полицію нарядить строгое слѣдствіе; подробныя примѣты разбойниковъ, сообщенныя имъ, описываютъ даже синюю безрукавку Анджелуччи. Доѣхавъ до Регенсбурга, онъ чувствуетъ, что отъ тряски ранамъ его хуже, и спускается по Дунаю на баржѣ. Мысль о поѣздѣ въ Вѣну пришла ему внезапно, говорить онъ: дерзость враговъ королевы, отваживающихся даже на разбой, показала ему всю силу опасности, и онъ счелъ необходимымъ лично повидать мать своей государыни и открыть ей все. Только-что онъ прибылъ въ Вѣну, онъ, черезъ секретаря Маріи-Терезіи, просить тайной аудіенціи, съ глазу-на-глазъ; ему не довѣряютъ, но онъ показываетъ полномочіе, выданное Людовикомъ XVI, и это открываетъ ему доступъ въ кабинетъ императрицы. Онъ идетъ прямо въ дѣлу и даетъ полную волю и своей импровизаціи, и

политическому прожектёрству. И настоящее, и будущность Франціи, и судьба Маріи-Антуанетты, и мрачное скопище памфлетистовъ и клеветниковъ, и задачи европейской дипломатіи, все тутъ есть, а на первомъ планѣ—онъ, герой дня, избавитель. Теперь уже выходитъ, что у него была отдѣльная стгичка съ Анджелуччи въ томъ же лѣсу, что онъ распоролъ его дорожный мѣшокъ, обыскалъ карманы и завладѣлъ настоящею рукописью пасквиля.

Императрица была видимо поражена и встревожена. Славясь умѣньемъ распознавать людей, она и тутъ выдвигала вопросы, провѣряла сомнѣнія; но Ронакъ на все отвѣчалъ, прочелъ ей весь памфлетъ, драматически передавалъ сцену нападенія, и она ему почти повѣрила. Изумило ее нѣсколько предложеніе незнакомца перепечатать въ Вѣнѣ, подъ его наблюденіемъ, ненавистную брошюру, съ выпускомъ всѣхъ выходовъ противъ французской королевы; это,—говорилъ Ронакъ (раскрывшій, однако, тутъ свой псевдонимъ),—совершенно успокоитъ короля насчетъ семейныхъ разоблаченій, которыми его напугали. Но, въ общемъ, впечатлѣніе было благопріятно,—и только осталось легкое подозрѣніе, не съ фантазеромъ ли имѣетъ она дѣло, и не произошла ли бблшая часть описываемыхъ событій въ его разгоряченной головѣ. „Пустите себѣ кровь“, сказала она въ заключеніе, милостиво разставаясь съ нимъ, но потомъ все-таки посовѣтовалась съ Кауницомъ; при имени Бомарше и онъ вспомнилъ о мемуарахъ по дѣлу Гэтцманна, „которыми въ Вѣнѣ всѣ наслаждались предшествующей зимой“, и тоже сначала заинтересовался имъ ¹⁾. Мастерски поставлена была на сцену интермедія, и Бомарше могъ считать себя у дѣли: онъ на дѣлѣ выказалъ самоотверженіе и преданность, и Марія-Терезія будетъ виновницей его фортуны; мало того: его, быть можетъ, ждетъ крупная роль въ дипломатическомъ мірѣ. Но онъ упустилъ изъ виду двѣ важныя помѣхи: возможность фактическаго опроверженія всей разбойничьей исторіи и опасность вмѣшательства въ дѣло такого великаго мастера по части интриги и луваства, какъ Кауницъ, стоившій въ этомъ отношеніи десяти Бомарше и черезъ своихъ агентовъ знавшій всегда все, чтб дѣлалось при европейскихъ дворахъ. Маріею-Терезіею можно было еще овладѣть, подѣйствовать на чувство матери, но ничто не въ состояніи было одолѣть холодной разсудочности хитрѣйшаго изъ дипломатовъ. А она должна была насторожиться, когда изъ Нюрнберга стали приходиться наивныя по

¹⁾ Correspond. secrète, p. 232; мемуары „ont fait les délices cet hiver ici à lire“, писалъ онъ потомъ Мерси.

формѣ, но дѣльныя и обстоятельныя донесенія слѣдователей, всѣ окрашенныя крайнимъ недовѣріемъ къ Ронаку; кучеръ показалъ, что видѣлъ, какъ Бомарше, выйдя изъ кареты, взялъ съ собою бритву и, вѣроятно, ею нарочно порѣзался; никто не замѣтилъ ни всадниковъ, ни пѣшихъ, не слышалъ криковъ, выстрѣловъ; о разбояхъ въ тѣхъ мѣстахъ давно не слыхали. Подобныя свѣденія тотчасъ навели Кауница на мысль о мистификаціи; вмѣстѣ съ надежнымъ помощникомъ, извѣстнымъ вѣнскимъ литераторомъ Зонненфельсомъ ¹⁾, онъ взялся за разслѣдованіе дѣла, а тѣмъ временемъ счелъ нужнымъ арестовать Бомарше на дому и овладѣть его бумагами. Фигаро-дипломатъ и агентъ-любитель очутился лицомъ къ лицу съ восемью гренадерами, двумя офицерами и секретаремъ Кауница, которые обыскали его и отняли все, и переписку, и медальонъ, и шкатулку, оставивъ его въ полной неизвѣстности относительно причины этой суровой мѣры. Онъ любилъ рассказывать, что, на грозное напоминаніе о бесполезности сопротивленія, онъ отвѣчалъ: „j'en fais quelque fois contre les voleurs, mais jamais contre les empreurs“; въ томъ же духѣ передалъ онъ эту сцену въ донесеніи Людовику XVI, поданномъ по возвращеніи во Францію ²⁾. Военный караулъ былъ оставленъ у него „цѣлыхъ тридцать-одинъ день, т.-е. 44 тысячи 640 минутъ“, которыя показались ему безконечными. Маріи-Терези не пріятна была вся эта рѣзко поведенная исторія ареста ³⁾, и она предпочла бы простую высылку. Но Кауницъ былъ задѣтъ за живое, возмущенъ дерзостью обмана, — потому что теперь онъ уже не вѣрилъ даже и въ миссію Бомарше, чуть не считая подлогомъ и королевскую записку; не могъ онъ допустить, чтобы человѣкъ, хвастающій, будто о его посылкѣ знаетъ только король да глава полиціи, могъ въ Вѣнѣ открыто говорить о ней столь-

¹⁾ Иосифъ Зонненфельсъ былъ однимъ изъ убѣжденныхъ и ревностныхъ представителей просвѣтительнаго направленія въ Австріи. Арнетъ (Beaum. und Sonnenfels, стр. 39—42) справедливо видитъ въ его судьбѣ много сходства съ исторіею Бомарше. Еврей родомъ, Зонненфельсъ былъ солдатомъ, мелкимъ чиновникомъ, потомъ любимымъ профессоромъ вѣнскаго университета, совѣтникомъ ниже-австрійскаго наместничества, до страсти любилъ драму и считался лучшимъ журналистомъ и театральнымъ критикомъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Мемуаръ этотъ, отъ 15 окт. 1774, напечатанъ впервые у Ломени, томъ I, стр. 396—403.

³⁾ „Marie-Antoinette. Correspond. secrète“, etc., II, 225: „je suis fâchée qu'on ait arrêté cet homme. J'avais cru qu'il fallait le traiter en miserable imposteur, le renvoyer en deux heures d'ici et même de mes pays, en lui marquant qu'on n'en est pas sa dupe, et que par charité on agissait ainsi, ne voulant le perdre comme il méritait“.

кимъ лицамъ, и въ то же время предлагать перепечатать зачѣмъ-то ругательный памфлетъ. Зоркій глазъ разглядѣлъ промахи и неправильности въ документахъ по дѣлу о памфлетѣ, сходство почерка Аткинсона съ рукою Бомарше, противорѣчіе между разсказомъ, будто послѣдній уговоръ съ авторомъ брошюры писанъ былъ въ нейштатскомъ лѣсу, послѣ схватки, на колѣнѣхъ, стало быть безпорядочно, — и связною, четкою рукописью этого документа, — и все сильнѣе вставало подозрѣніе, не самъ ли авторъ памфлета, освобожденный отъ своихъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ псевдонимовъ, сидитъ теперь подъ охраной гренадеровъ въ заѣзжемъ домѣ подъ забавной, подходящей къ случаю, вывѣской „Zu den drei Laufern“?

Зонненфельсъ во всякомъ другомъ случаѣ почувствовалъ бы живой интересъ, увидавъ вблизи одного изъ представителей той культурной среды, которая его такъ привлекала. Но и онъ приступилъ къ дѣлу осторожно, отказался отъ предложеннаго ему въ даръ экземпляра мемуаровъ противъ Гэтцманна, сказавъ, что, какъ любитель литературы, онъ предоставляетъ себѣ принять эту книгу послѣ, когда официальные сношенія ихъ кончатся. Пока шли допросы и писались протоколы, Бомарше послалъ умоляющее письмо Сартину, а Кауницъ и Марія-Терезія изложили дѣло, каждый по своему, австрійскому послу въ Парижѣ, графу Мерси д'Аржанто, которому поручали явиться передъ королевской семьей и министерствомъ выразителемъ изумленія и негодованія, вызваннаго интригой Бомарше, и потребовать разъясненій. Опытный дипломатъ ¹⁾ скоро понялъ, что въ Парижѣ ему не хотять всего сказать, что посылая тайнаго агента дѣйствительно имѣла мѣсто и что разоблаченіе ея неприятно. Всего болѣе извивался и притворялся Сартинъ, нѣсколько разъ мнѣявшійся въ лицѣ, пока ему сообщали о случившемся; онъ забывалъ, однако, осторожность, когда, проговорившись, допускалъ уже мысль, что Бомарше, чтобы выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, могъ рѣшиться на отчаяннѣйшее предпріятіе... Но, какъ бы то ни было, добыто было убѣжденіе, что арестантъ вовсе не такъ виновенъ, какъ казалось сначала; изъ Франціи официально попросили о его освобожденіи, и, наконецъ, узникъ былъ выпущенъ на волю. Ему даже предложили, въ угѣшеніе, подарокъ въ тысячу дукатовъ; по мнѣнію Кауница, онъ не стоилъ этого, но такъ лучше было для репутаціи императрицы. По желанію Бомарше, долго отка-

¹⁾ До Парижа онъ былъ посломъ въ Россіи; интересная дипломатическая переписка его отсюда только-что издана Русск. Историческимъ Обществомъ.

зывавшагося, подарокъ этотъ былъ замѣненъ драгоценнымъ перстнемъ.

Такъ счастливо кончилась безумная фанфаронада. Еще разъ, но только одинъ разъ навсегда, Бомарше согласился взять на себя подобное порученіе, и поѣхалъ опять въ Лондонъ, добывать у своего предшественника по такимъ дѣламъ, шевалье д'Эона, этого протeya, превращавшагося изъ драгунскаго капитана въ дѣвицу, всѣ оставшіяся у него компрометирующія бумаги и шифрованныя письма за его прежніе тайные походы (между прочимъ, въ Россію). Это порученіе несравненно проще и прозаичнѣе прежняго. Урокъ, вынесенный Бомарше, былъ слишкомъ тяжелъ и навсегда отбучилъ его отъ легкомысленной эксплуатаціи чужихъ тайнъ и отъ дипломатической игры. Отнынѣ лучшія стороны его характера берутъ верхъ; очутившись въ Парижѣ, среди оживленной литературной братьи, въ атмосферѣ театра, музыки, онъ снова веселъ, поетъ, сочиняетъ куплеты и берется за „Севильскаго Цирюльнича“, такъ долго оставленнаго въ сторонѣ ради химерической будущности политика. Онъ увидалъ на дѣлѣ, что его писательскіе успѣхи доставили ему гораздо болѣе извѣстности, чѣмъ тайныя шашни: въ Вѣнѣ и Кауницѣ, и Зонненфельсѣ уже видѣли въ немъ автора мемуаровъ; а когда проѣздомъ черезъ Аугсбургъ, на обратномъ пути во Францію, онъ зашелъ въ театръ, онъ изумленъ былъ, увидавъ на сценѣ переложеніе его мадридскаго столкновенія съ Клавихо, взятое изъ тѣхъ же мемуаровъ, и себя самого, подъ собственнымъ именемъ, выведеннаго на подмостки неизвѣстнымъ ему начинающимъ драматургомъ Гѣте ¹⁾. Съ усиленнымъ жаромъ принимается онъ хлопотать о пересмотрѣ своей пьесы, давно передѣланной въ комедію (сначала въ 4 актахъ) и задержанной во время процесса Гэтцманна, устраняетъ всѣ препятствія, и 23 февраля 1775 года, при громадномъ стеченіи народа, „Фигаро“ впервые вступаетъ на міровую сцену. Въ пьесѣ еще есть длинноты, успѣхъ неполный; нѣсколько новыхъ измѣненій, и она получаетъ тотъ блестящій, легкій видъ, который быстро завоевалъ ей все-

¹⁾ Подробный рассказъ Бомарше о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ этого спектакля, былъ впервые приведенъ Беттельгеймомъ въ 1880, въ журналѣ „Die Gegenwart“. Бомарше рѣшительно отрицалъ талантъ Гѣте и былъ раздраженъ вторженіемъ въ свою личную жизнь. Не еще до Гѣте Марсолъе скропалъ изъ мадридскаго эпизода пьесу „Beaumarchais à Madrid“, которая исполнена была въ присутствіи самого сатирика у принца Конти.— Благодаря большой популярности Бомарше въ Россіи въ прошломъ вѣкѣ, пьеса Гѣте была рано переведена, дана на московскомъ публичномъ театрѣ и напечатана вторымъ исправл. изд. въ Петербургѣ, 1780.

общую извѣстность ¹⁾). Передъ нами съ этихъ поръ какъ будто другой Бомарше; нѣтъ болѣе ни дѣльца, ни политическаго *comis-voyageur'a*; ихъ замѣнилъ остроумный, смѣло фронтдирующій Фигаро, наученный опытомъ, во все извѣрившійся, надо всѣмъ смѣющійся и отвѣчающій на вопросъ Альмавивы, кто внушилъ ему такую веселую философію: „привычка къ несчастіямъ“, *l'habitude du malheur!*

АЛЕКСѢЙ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

¹⁾ Черезъ семь лѣтъ послѣ перваго представленія въ Парижѣ, ее уже играли по-русски въ Москвѣ, именно во вторникъ. 24 мая 1782, и притомъ не на Петровскомъ театрѣ, а въ домѣ гр. А. С. Строгонова, близъ Андроньева монастыря, гдѣ бывали „вокалы“ (см. Москов. Вѣдом. 1782, № 42: „представлена будетъ большая комедія, никогда еще здѣсь не игранная, подъ названіемъ Сев. Ц.“). Переводъ сдѣланъ былъ бывшимъ придворнымъ актеромъ Михаиломъ Поповымъ. По отзыву „Драматическаго Словаря“, 1787, стр. 125—6, эта пьеса „имѣла успѣхъ какъ въ переводѣ, такъ и въ представленіи“, особенно въ Москвѣ, гдѣ „извѣстная пѣвица г-жа Соколовская имѣющаяся въ сей пьесѣ арією, г. Померанцевъ въ роли Бартоло, и г. Шуперинъ въ роли графа Альмавива, преобразаяся въ 4 разныя характера, принесли отлѣнное удовольствіе публикѣ, а себѣ немалую хвалу“. Въ прошломъ столѣтіи комедія была еще разъ переведена: „Сивильской Цирюльничъ, или бесполезная предосторожность, комедія господина Бомарше. переводъ съ франц. въ Ярославлѣ“. Калуга, 1794. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находимъ Эмилию, Малодина, Быстряка и т. д.; слогъ невозможный,—первый куплетъ: „прогонимъ грусть, гуляетъ пусть“, etc.—Послѣдній переводъ, сдѣланный г. М. Садовскимъ въ 1884 и игравшій съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ Москвѣ, исправенъ, но сильно сокращенъ для сцены. Обозначеніе на заглавномъ листѣ, что „комедія С. Ц. на русскомъ языкѣ представлена въ первый разъ на имп. Маломъ театрѣ 31 окт. 1883 г.“, основано, очевидно, на недоразумѣніи.

СЕЛЬСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И КАРТИНКИ.

I.

ВЪ ВАГОНѢ ЗА МОСКВОЮ.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!..
Только-что, простившись съ жизнью городскою,
Я одинъ остался, окружень тобою,
И ужъ грузъ душевный—страхи и тревоги—
Побросалъ за окна вдоль моей дороги.
Думы, мои думы также по-неволѣ
То плутають въ рощахъ, то гуляють въ полѣ;
А теперь умчались къ крайнимъ тѣмъ полянамъ,
Гдѣ садится солнце въ заревѣ румянномъ.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнью безлюдной
Ты цѣлишь, или губишь?—распознать мнѣ трудно.
Ласкою ли нѣжной прочь вѣрчину гонишь?
Къ сонному ль покою умъ и совѣсть клонишь?..
Грезы роємъ легкимъ вьются надо мною,
Словно опьяненъ я брагою хмѣльною.
Вотъ и сумракъ сходить; въ воздухѣ прохлада...
Ни о чемъ не мыслю, ничего не надо.

Іюль.

II.

РАКИТЫ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Нѣтъ; сердце, значить, не остыло;
 Не загрузѣлъ съ лѣтами вкусъ!
 На то, что прежде было мило,
 Я и теперь не наглажусь.
 Меня плѣняетъ особливо
 Своеобразный этотъ видъ
 Дороги грустно-молчаливой
 Съ ея аллеями ракитъ.
 Я ихъ разгадываю думу,
 Когда подъ тѣнью ихъ иду;
 И съ ними самъ, въ отвѣтъ ихъ шуму,
 Бесѣды долгія веду.
 Онѣ, вѣтвисты и могучи,
 Про старину мнѣ говорятъ,
 Про вихри, грозовыя тучи,
 Снѣга, мятель, морозъ трескучій,
 И дней счастливыхъ длинный рядъ.
 Но, вотъ, сухія двѣ ракиты
 Лежать въ изнеможеньи силъ...
 Не бурей злой онѣ убиты, —
 Злой человекъ ихъ погубилъ.
 Онѣ сломились, и вѣтвями,
 Какъ будто крѣпкими руками,
 Упавъ, о землю оперлись,
 И, распростившись съ небесами,
 Съ тѣхъ поръ печально смотрять внизъ.
 Но смерть ракиты вѣбовья
 Со свѣта выжить не могла:
 Пошли побѣги молодые
 Отъ расщепленнаго ствола.
 О, какъ предъ смертію безсильной
 Я за мои ракиты радъ!
 И мнится мнѣ: глядя умильно,
 И эти также говорятъ;
 Мнѣ говорить, являя обѣ
 Душо, прожженное внутри:
 „Наперекоръ жестокой злобѣ,
 „Мы все живемъ еще, смотри!“

Бѣдняги! На меня похожи.
 Имъ лучше медленно хирѣть,
 Лишь только бѣ свѣтъ имъ видѣтъ божій,
 Лишь бы попозже умереть.

Августъ.

III.

ПРОГУЛКА ПО БОЛЬНОЙ ДОРОГѢ.

Иду давно, и предъ глазами—
 Дороги тотъ же все просторъ;
 Все тотъ же, съ пестрыми цвѣтами,
 Зеленый стелется коверъ.

Здѣсь рѣдко люди проѣзжаютъ,
 Почти-что никому пройти;
 И только бабочки летаютъ
 Вдоль по широкому пути.

И тишина за то какая!
 Какъ будто съ тѣмъ проложена
 Была дорога, чтобъ нѣмая
 Здѣсь воцарилась тишина.

Шумятъ лишь ласково деревья,
 Да мнѣ доносить вѣтерокъ
 При стадѣ мальчижа со жневы
 Поющій пѣснк голосокъ.

Сравнить покой мнѣ этотъ не съ чѣмъ,
 Какъ съ тихой грезой въ сладкомъ снѣ;
 Лишь воронъ разъ ее при мнѣ
 Нарушилъ карканьемъ злобѣщимъ.

Августъ.

IV.

ОТДЫХЪ ПРИ ДОРОГѢ.

На муравѣ присѣвъ кудрявой,
 Я въ одиночествѣ счастливъ;
 И все люблюю: то направо—
 Сребристой гладью сжатыхъ нивъ,

То милымъ зрѣлицемъ налѣво,—
 Какъ нѣжной зеленью взопли
 Ростки озимаго посѣва
 На черномъ бархатѣ земли.

Смотрю, какъ тучки въ небѣ тають,
 Какъ тѣни ихъ, при блескѣ дня,
 Окрестность дымкой застилають,
 И будто меркнуть зелена;

Иль какъ несутся тѣни эти
 За горизонтъ поверхъ полей...
 Чтѣ проще можетъ быть на свѣтѣ,
 И чтѣ же можетъ быть милѣй?..

Августъ.

V.

БѢШЕНАЯ СОБАКА.

Я лѣтомъ посѣтилъ не мало деревень,
 Гдѣ слышать мнѣ пришлось, едва-ль не каждый день,
 О грозномъ бѣдствіи въ быту крестьянъ убогомъ
 Отъ бѣшеныхъ собакъ, бродящихъ по дорогамъ.
 Таковую видѣлъ я собаку самъ вблизи.
 На-встрѣчу мнѣ она, худая, вся въ грязи,
 Шла, пробираясь по кочкамъ поля топкимъ,
 Съ опущеннымъ хвостомъ, со взглядомъ злобно-робкимъ,
 Слѣдящимъ, какъ шпионъ разгаданный, за мной,
 И съ длинной до земли, тягучею слюной.
 Я, въ сторону свернувъ, ей уступилъ дорогу,
 И съ нею безъ бѣды разстался, слава Богу.

Межь тѣмъ она мой умъ—опасность чуть прошла—
 На любопытное сближенъе навела.
 Не стану разбирать, счастливо ли и встати-ль
 Мнѣ вспомнился одинъ нашъ публицистъ-писатель.
 А разъ онъ вспомнился, то ясно, почему—
 Едва лишь только мысль представится уму
 О псахъ, блюющихъ смерть изъ пастьей ядовитыхъ—
 И рядъ его статей я вспомню знаменитыхъ.

VI.

ТЕМЕНЬ.

Подъ безлуннымъ небомъ, тучами покрытомъ,
 По межамъ заросшимъ, колеямъ изрытымъ—
 Ёду, но не вижу: полемя иль оврагомъ,
 Съ бубенцами тройкой въ тарантасъ шагомъ.
 Черная дорога, воронье бони;
 Всѣ предметы черны, всѣ на черномъ фонѣ.
 Только видны пятна—да и тѣхъ немного—
 При дорогѣ самой иль копенъ, иль стога;
 Да порой, взобравшись на бугоръ открытый,
 Встрѣтишь очертанье сироты-равиты...
 Слышу: гдѣ-то ёдутъ; близоеъ звукъ рессорный;
 Ничего не вижу, кромѣ ночи черной.
 Съ вѣмъ-то на распутьи мы, не безъ испуга
 Съѣхавшись, разстались, не выдавъ другъ друга.
 Черной ночи царство, царство чернозема...
 Огонекъ бы видѣть! Быть скорѣй бы дома!

Августъ.

VII.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Прозрачныхъ дней прошла пора,
 И туча сѣрая нависла.
 Льетъ дождь осенній тихо, кисло,—
 Не лѣтній дождь, какъ изъ ведра;
 Ужъ третьи сутки льетъ исправно;
 Знать, зарядилъ онъ не шутя;

И ропщутъ всѣ на дождь, хотя—
 „Даждь дождь!“ молились всѣ недавно.
 Здѣсь—я хозяинъ. Какъ же быть,
 Чтобъ не порвать съ хозяйствомъ связи,
 Когда и по двору ходить
 Нельзя по этой страшной грязи?
 И я по комнатамъ хожу.
 Потомъ, у оконъ долго стою,
 Сперва въ одно, затѣмъ въ другое
 Съ тоской поворною гляжу;
 Но рѣдко что-нибудь увижу...
 Вотъ Марья скотница спѣшить,
 Мокрая храбро лапти въ жижу.
 А вотъ милѣй, пожалуй, видъ:
 Съ периль балкона моерыхъ галка
 Однимъ глазкомъ за мной слѣдитъ,
 Да улетѣла скоро... жалко!
 И нѣтъ живой души опять.
 Вдали—во мглѣ дустая гладь,
 А возлѣ—садъ подъ сѣрой тучей.
 Лишь къ вечеру судьба послать
 Мнѣ вздумала счастливый случай:
 Вдругъ вижу въ цвѣтникѣ телятъ!
 Я, какъ хозяинъ, рассердился,
 Велѣлъ согнать, и—очень радъ,
 Что чѣмъ-нибудь распорядился.
 Сворѣй бы этотъ день прошелъ!..
 А завтра чтò мнѣ дѣлать?.. Боже!
 Ужель и завтра—снова то же?..
 Межъ тѣмъ накрыли мнѣ на столъ.
 И, выпивъ води, у закуски
 Я, по-хозяйски и по-русски,
 Придумалъ такъ: велю Петру,
 Чтобъ завтра ѣхалъ по-утру,
 Лишь только я съ постели встану,
 Верхомъ въ село, къ отцу Ивану,
 Сказать, что такъ какъ на гумнѣ
 Мѣшаетъ дождь его занятьямъ,
 То я прошу его ко мнѣ:
 Служить молебень съ водосвятьемъ.

Сентябрь.

VIII.

ПО ПОВОДУ ДОЖДЯ И СНѢГА.

Сегодня снѣгъ примчали облака.
 Ужъ звѣздами онъ по вѣтру летаетъ.
 Усадьбу всю запорошивъ слегка,
 Онъ на травѣ застынувшей не таетъ,
 И хоть въ полудню близко, но пока
 Ночной морозъ еще не отпускаетъ;
 И, въ жесткіе комки преобразясь,
 Вчерашняя совсѣмъ исчезла грязь.

Я первый снѣгъ, любимый мной измлада,
 Встрѣчалъ всегда и нѣжно, и добро;
 Но думать вамъ, читатель мой, не надо,
 Что я теперь затѣмъ беру перо,
 Чтобъ воспѣвать и легкой снѣгъ, и сада
 Одѣтыя деревья въ серебро.
 Про снѣгъ довольно. И притомъ едва-ли
 Дни осени дождливой миновали.

Мнѣ хочется повѣдать вамъ мой страхъ,
 Что, можетъ быть, увлекъ я васъ обманомъ,
 Дня три тому задумавши въ стихахъ
 Упреки слать за мглу сырымъ туманамъ
 И рѣчь вести съ досадою о дождяхъ.
 Хозяевамъ уподобляясь рьянымъ,
 Я лишь вошелъ въ ихъ роль, когда дожди
 Имъ говорятъ, дразня ихъ: подожди!

Моя душа, напротивъ, наслаждалась
 Въ сообществѣ осенняго дождя.
 Я былъ совсѣмъ одинъ, и мнѣ писалось.
 Хоть слабое, а все-таки дитя
 На свѣтъ моею музой зарождалось;
 И хорошо мнѣ было! Не шута,
 Однѣ лишь эти радости не мнимы.
 Творить и наслаждаться—синонимы.

Дни ясные ль еще ко мнѣ придутъ
 И озарять весь видъ вдали и возлѣ;

Осенніе ль дожди опять польютъ;
 Поля и садъ посеребрить морозъ ли;
 Все будетъ миль мнѣ тихій мой приютъ.
 И помяну признательно я послѣ,
 Среди суетъ и праздной болтовни,
 Въ безмолвіи прожитые тамъ дни.

Сентябрь.

IX.

ЗИМА ИДЕТЬ.

Средь ночи бурной и ненастной,
 Когда гудѣлъ со всѣхъ сторонъ
 Осенній вѣтеръ, я напрасно
 На помощь звалъ безмолвный сонъ.

Притомъ же, близъ меня, нерѣдко
 Съ двора, гдѣ было такъ темно,
 Сухой постукивала вѣткой
 Сирень тревожная въ окно.

Мнѣ было жутко и печально...
 Однако, все же я заснулъ;
 И нынче радостно изъ спальной
 Въ окно веселое взглянулъ.

Кругомъ вездѣ—свѣтло и бѣло!
 А было грязно такъ вчера.
 Съ покровомъ чистымъ подоспѣла
 Зимы опрятная пора.

Весь сельскій бытъ, съ явленьемъ снѣга,
 Вдругъ измѣнился тамъ и тутъ...
 Въ сарай ужъ вдвинута телѣга,
 Зерно въ амбаръ въ саняхъ везуть.

Привѣтъ зимѣ у всѣхъ на лицахъ;
 Вчерашней скуки нѣтъ ни въ комъ;
 Всѣмъ веселѣе въ рукавицахъ
 И въ полушубкѣ съ кушакомъ.

Самъ одѣваюсь я поспѣшнѣй
 И на дорогу выхожу:

Скорѣй на видъ природы здѣшней
Въ одеждѣ зимней погляжу.

Зима идетъ, морозомъ вѣя...
И я, какъ всѣ, ей тоже радъ:
И воробьи еще рѣзвѣе
Въ кустахъ, чирикая, шуршатъ.

Гостепріимный запахъ дыма
Изъ трубъ доносится ко мнѣ;
Роняя снѣгъ, проходятъ мимо
Подъ солнцемъ тучки въ тишинѣ...

Какъ тихо тамъ, въ дубовой рощѣ!
Какъ въ чистомъ воздухѣ свѣжо!..
Что можетъ быть на свѣтѣ проще,
И какъ все это хорошо!

Октябрь.

X.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

На волесахъ ѣхалъ. Снѣгъ недавній стаялъ.
Я дорогъ подобныхъ никогда не чаялъ.
Земскія дороги... Ихъ ремонтъ не дорогъ.
Я съ утра до ночи одолѣлъ версты сорокъ.
Тщетно нѣшехода догоняла тройка,
Хоть и онъ по грязи двигался не бойко.
Пыль воображенья и картинность въ слогѣ
Передать безсилны земскія дороги.
А при самомъ вѣздѣ въ городъ нашъ уѣздный,
Чуть что не былъ грязной поглощенъ я бездной;
И когда, разбитый, я ввалился въ номеръ,
Очень былъ доволенъ, что еще не померъ.
Но желанье тутъ же овладѣло мною
Тотъ же путь проѣхать будущей весною.
Чтобъ пожить въ деревнѣ, вынести я способенъ
Даже пытку земскихъ рытвинъ и волдобинъ.

Октябрь.

Алексѣй Жемчужниковъ.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФІИ, ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЙ

VIII ¹⁾).

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СЕМЬЕЙ КАВЕЛИНА И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
(1866—1867.)

Послѣ потери сына и при своихъ собственныхъ невзгодахъ на общественномъ поприщѣ, — Кавелинъ все болѣе и болѣе привязывался къ дочери, которую любилъ безгранично. По мѣрѣ того какъ она росла и развивалась умственно, она становилась все ближе къ отцу, и, начиная съ 1865 г., ея жизнь совершенно слилась съ его жизнью, составила какъ бы часть ея, а потому, при воспоминаніи объ отцѣ за это время, мысль невольно останавливается и на его дочери.

Соня Кавелина, не уступавшая въ даровитости своему брату, росла, окруженная нѣжными заботами отца, въ самой образованной русской средѣ. Первые годы ея дѣтства (род. она 16 декабря 1851 года) совпадали съ лучшей порой общественной дѣятельности Кавелина, и самые замѣчательные ученые, литераторы, публицисты 50-хъ и 60-хъ годовъ окружали ее въ такой возрастъ, въ который дѣти находятъ, въ большинствѣ случаевъ, въ

---

¹⁾ См. выше: ноябрь, 1886 г., стр. 162.

обществѣ необразованныхъ нянюшекъ и мамушекъ. Первые сказки Соня слышала не отъ нянюшки, а отъ одного извѣстнаго русскаго публициста 60-хъ годовъ и отъ И. С. Тургенева, и съ наслажденіемъ вспоминала впоследствии, какъ они оба хорошо рассказывали сказки! Добролюбовъ и Некрасовъ играли съ ней. Ея богатые природныя дарованія были поставлены въ весьма исключительныя условія, которыя, рано развивъ ея мышленіе, облегчили ей послѣдующее усвоеніе знаній въ очень раннемъ дѣтствѣ. До 11-ти лѣтъ Соня училась дома и была первый разъ за границей, съ матерью, на 12-мъ году, а вернувшись оттуда, осенью 1863 г. поступила въ гимназію (на Васильевскомъ Островѣ), въ которой и окончила курсъ въ 1867 году, побывавъ съ матерью еще разъ за границей во время гимназическаго ученія (1864 г.).

Письма Кавелина къ своимъ родителямъ полны нѣжныхъ строкъ, посвященныхъ Сонѣ. Множество разныхъ ласкательныхъ прозвищъ расточаетъ онъ ей и не нарадуется на нее. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ онъ своей сестрѣ 20-го марта 1865 г.: „Большимъ утѣшеніемъ служить мнѣ дочь... умная и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушная юница. Учится отлично, сходитъ съ ума по Россіи и всемъ рускомъ, ненавидитъ чужіе края и въ особенности французовъ и говорить, что не иначе выйдетъ замужъ, какъ взявши съ жениха подписку, что онъ никогда не поѣдетъ за границу. Веселая съ утра до ночи, болтливая, привязчивая, съ ясною душой и русскимъ толкомъ. Такого русскаго, чисто русскаго типа, я не видывалъ“. 18-го сентября 1865 г. Кавелинъ писалъ моему отцу: „Не могу вамъ передать, что это за милый, милѣйшій ребенокъ! Учится очень хорошо. Шалитъ въ гимназіи весьма исправно, и домъ наполненъ рассказами о разныхъ проказахъ, впрочемъ невиннаго свойства. Соня—великое для меня утѣшеніе и отрада. Съ ней я отдыхаю. Неудачи послѣдней поѣздки за границу и болѣзнь матери окончательно озлобили ее противъ „за-границы“, какъ она называетъ чужіе края, такъ что она, при напоминаніи, стучитъ кулакомъ по столу и съ азартомъ говорить, что никогда ноги ея тамъ не будутъ больше, еслибъ даже мать хотѣла туда отправляться. Теперь ея мечта—будущимъ лѣтомъ ѣхать на Волгу и провести лѣто у васъ въ деревнѣ. Этотъ планъ предложенъ мной, и онъ, вѣроятно, даже весьма вѣроятно, исполнится. Отъ рассказовъ о деревнѣ, садѣ, лѣсѣ съ грибами и рѣчкѣ у нея текутъ слюнки. Держу пари, что вы и весь вашъ домъ будете отъ нея въ восторгѣ, потому что милѣй, честнѣй, правдивѣй и любящѣй—ребенка трудно себѣ представить. Она и потѣшать васъ будетъ своей нескончаемой умной дѣтскою болтовней“.

15-го мая 1866 года Кавелинъ писалъ своей сестрѣ: „...У тебя, Александра Львовича и племянника я прошу на нынѣшнее лѣто гостепріимства для Антонины и Сони... Соня спитъ и видитъ эту поѣздку и заранѣе восхищается пребываніемъ у васъ въ деревнѣ цѣлое лѣто. Не знаю, будешь ли ты ею довольна, но я души въ ней не чаю, не потому, что она дочь, а потому, что она дѣйствительно отличная, умная, развитая и талантливая дѣвочка. Ее здѣсь всѣ на рукахъ носятъ—такая она славная. Если у васъ есть инструментъ, то я бы просилъ тебя взять съ собой въ деревню: она играетъ, и нехорошо было бы ей оставлять музыку на цѣлое лѣто. Онѣ съ матерью играютъ à 4 mains, что, можетъ быть, и тебѣ не будетъ неприятно. Надѣюсь, что вы ее всѣ полюбите. Это чистая, прямая, откровенная и свѣтлая душа“...

9-го іюня 1866 года пріѣхала къ намъ въ Арышхазду Антонина Федоровна Кавелина съ Соней. Я впервые знакомился съ ними. Пробыли онѣ у насъ въ деревнѣ два съ половиной мѣсяца, въ теченіе которыхъ я имѣлъ возможность близко узнать Соню и подружиться съ ней. Ея характеристика, начертанная отцомъ въ вышеприведенныхъ письмахъ, была совершенно вѣрна дѣйствительности: Кавелинъ не вдавался въ преувеличенія достоинствъ своей дочери.

Соня, не будучи красавицей, отличалась необыкновенной милостью, симпатичностью и выразительностью. Небольшого роста, полная, краснощекая, съ живыми, блестящими карими глазами, она очень напоминала отца. Характеръ она имѣла чрезвычайно веселый, опредѣлявшійся ея чисто-сангвиническимъ темпераментомъ и ея возрастомъ. Въ 1866 г. ей шелъ 15-й годъ, и она была милымъ, шаловливымъ ребенкомъ. Цѣлые дни рѣзвилась она у насъ въ деревнѣ—прыгала, пѣла, болтала безъ умолку. Свѣтло было въ ея дѣтской душѣ и довѣрчиво смотрѣла она на міръ божій: все ее радовало и плѣняло; привѣтливо шла она всѣмъ и каждому на-встрѣчу съ ясной, доброй улыбкой—и все окружающее ей улыбалось въ отвѣтъ. Натура ея была вся „жизнерадостная“, какъ удачно переводится по-русски нѣмецкое выраженіе: „lebensfreudig“. Ничего не было въ ней напускного, фальшиваго, все было въ ней естественно, искренно. Она не кичилась, не щеголяла, не выставляла на показъ своихъ дѣйствительно замѣчательныхъ знаній, своего ума, который самъ сквозилъ у нея всюду—и въ дѣльныхъ разговорахъ, и въ шуткахъ, и въ шалостяхъ. Обширность и глубину ума, развитаго не по лѣтамъ (головой она напоминала хорошаго студента старшихъ курсовъ), она наслѣдовала отъ отца, но складъ ея ума былъ иной,

чѣмъ у Кавелина. У Сони не доставало гармоническаго сочетанія ума и сердца, которое составляло отличительное свойство духовной его природы. Этимъ я не хочу сказать, чтобы она совсѣмъ была лишена сердечности — напротивъ, элементъ чувства былъ развитъ въ ней широко; но умъ преобладалъ у нея надъ чувствомъ, и порывы сердца она всегда умѣла подчинять голосу разсудка. Умъ Сони былъ болѣе позитивенъ, болѣе точенъ, чѣмъ умъ Кавелина, и выражался у нея въ 1866 году, разумѣется, сообразно съ ея тогдашнимъ возрастомъ, общая въ будущемъ болѣе широкое развитіе. Знаній для 15-лѣтней дѣвочки Соңи имѣла множество и весьма разнообразныхъ. Она основательно была знакома съ языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ и предпочитала другимъ западно-европейскимъ литературамъ литературу нѣмецкую, увлекаясь Шиллеромъ. Исторія и естествознаніе были также ея любимыми предметами; она меня поражала своими свѣдѣніями по химіи. Мнѣ было 23 года; я имѣлъ уже кандидатскій дипломъ и готовился на магистра, а 15-лѣтняя гимназистка Соңя Кавелина являлась мнѣ совершеннымъ товарищемъ, превосходя меня во многомъ знаніями.

Въ то время, какъ Антонина Федоровна съ Соней гостили у насъ въ Арышхаздѣ, Кавелинъ проѣхалъ въ самарскую губернію, на Столыпинскія сѣрныя воды. Съ весны 1866 года онъ былъ нездоровъ, и врачи совѣтовали ему полечиться серьезно. 15-го мая этого года онъ писалъ своей сестрѣ. „...Я былъ не на шутку боленъ недѣль шесть. Вообрази себѣ, что у меня на лицевой кости, которая надъ щекой, подлѣ глаза, подъ вискомъ, сдѣлался костяной нарывъ, такъ что должны были дѣлать прорѣзъ въ щекѣ, pour relever la beauté de ma figure. Теперь остался шрамъ, и только недавно я снялъ повязку. Здоровье мое вообще не отлично. Въ концѣ іюня или въ іюль думаю ѣхать лечиться на воды въ Столыпинку, верстахъ въ 15-ти отъ моего имѣнія. Тамъ сѣрно-соленныя воды, именно какія мнѣ нужно... Я буду къ вамъ на возвратномъ пути съ леченья и проживу вмѣстѣ съ вами дней десять, а потомъ, захвативъ своихъ, отправлюсь обратно въ Петербургъ. Написалъ большую статью по русской исторіи. Будеть напечатана въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Скажи сыну“¹⁾.

¹⁾ Эта статья—„Мысли и замѣтки о русской исторіи“, въ которой Кавелинъ развилъ свои мысли о великорусскомъ племени, выраженные имъ въ разговорѣ у насъ въ деревнѣ въ 1863 г. и въ рефератѣ, который онъ читалъ въ Боннѣ, въ профессорскомъ клубѣ въ 1863—1864 гг.—См. настоящіе „Матеріалы“, гл. VI, Вѣсти. Евр. 1886 г., октябрь, стр. 745—746 и 750. Объ этой статьѣ Кавелина будетъ часто упоминаваться въ настоящей главѣ. Ей Кавелинъ придавалъ большое значеніе.

20-го іюля, Кавелинъ писалъ съ Столыпинскихъ водъ: „Любезный другъ и сестра Sophie! Отъ всей души благодарю тебя за ласки и гостепріимство, оказанныя моею семьёю. Я тронутъ твоимъ вниманіемъ и дружбой. Если Антонина скучаетъ, то повѣрь, что это не оттого, что она у васъ, а потому что вездѣ и всегда, дома и за границей, она скучаетъ, *ce qui tient grandement à l'état de sa santé*. Что касается до моей дорогой Сони, то я не могу тебѣ передать, какъ я доволенъ, что она вамъ понравилась, и именно потому, что вы ее полюбили, вы можете судить, какъ она мнѣ дорога. Письма ея дышатъ довольствомъ и счастьемъ. Все ее занимаетъ, все веселитъ, всѣмъ она довольна и всѣхъ любитъ; зато и ее всѣ любятъ, старые и малые, знакомые и посторонніе, горничныя и мужики, извозчики и лакеи. Только Соня—забубенная голова, разсѣянная до нельзя. Попроси ее написать мнѣ, въ какіе дни вы посылаете въ Казань за письмами. Когда я говорю—попроси, это значить: удостовѣрься лично, что она дѣйствительно написала мнѣ, потому что иначе она непременно забудетъ. А мнѣ это нужно непременно знать, чтобъ я могъ заблаговременно извѣстить васъ о времени моего пріѣзда телеграммой и попросить прислать лошадей. Дольше 30-ти дней я врядъ-ли здѣсь останусь; стало быть, 9-го уѣду къ себѣ въ деревню (въ 17-ти верстахъ отсюда) дня на три; дня три проведу въ Самарѣ; затѣмъ—прямо къ вамъ. Мнѣ бы и хотѣлось знать, какъ извѣстить васъ такимъ образомъ, чтобъ вы получили заблаговременно мое извѣщеніе.

„Воды и ванны дѣйствуютъ на меня очень хорошо; пуда два тяжести свалилось, и я какъ-то помолодѣлъ; только чувствую слабость, хотъ и меньше, чѣмъ съ начала леченья, а лечусь я всего 10 дней.

„Со мной лечится здѣсь князь Васильчиковъ, Вас. Илл., помѣщикъ балашевскаго уѣзда, съ которымъ мы очень сошлись, но ежеминутно споримъ обо всемъ на свѣтѣ. Онъ и два сосланныхъ въ Самару полява, Л-цкій и Т-цкій, составляемъ вмѣстѣ квадрумвиратъ и почти неразлучны. Общество наше очень образованное и пріятное. Кромѣ того, меня посѣщаютъ здѣсь мои мужики и разныя мѣстныя власти, какъ-то: волостной писарь сосѣдняго села и волостной старшина нашей волости, съ которыми я веду знакомство. Урожай у насъ плохъ (хотъ нѣсколько и лучше, чѣмъ у сосѣдей). Особенно предвидится большой недостатокъ гуменнаго корма, чтд крайне заботитъ моихъ крестьянъ, потому что у нихъ большое скотоводство. На 85 душъ у насъ однихъ лошадей 400, не считая овецъ и рогатаго скота“...

Пріѣхалъ въ намъ Кавелинъ изъ самарской степи 15-го августа и пробылъ у насъ дней 7—8. Впервые видѣлъ я его среди его семьи, и не могъ нарадоваться, глядя на дружескія отношенія между нимъ и Соней. Онъ утѣшался своею дочерью, и незамѣтно проходили дни за днями въ его одушевленныхъ бесѣдахъ. Самъ онъ былъ бодръ духомъ и съ надеждой и упованьемъ смотрѣлъ впередъ, походя на того Кавелина, какаго я узналъ впервые пять лѣтъ тому назадъ. Какъ и въ прежніе пріѣзды, онъ много разговаривалъ съ моимъ отцомъ—все на старыя темы: объ освобожденіи крестьянъ, о земствѣ, о положеніи дворянства, о значеніи провинціи въ современной русской жизни. Свои мысли о русской провинціи и объ отношеніи ея къ столицѣ, которыя развивалъ тогда въ разговорѣ съ моимъ отцомъ, онъ высказалъ въ небольшой газетной статьѣ подъ заглавіемъ: „Съ Волги“¹⁾.

„Нехорошо засиживаться въ Петербургъ,—писалъ онъ,—а еще того хуже жить въ немъ безвыѣздно. Какъ разъ, самъ того не замѣчая, сложишься въ мѣстный, петербургскій типъ, котораго отличительная черта—не имѣть никакого типа, и станешь смотреть на Россію съ точки зрѣнія мѣстныхъ, петербургскихъ кружковъ, преслѣдующихъ, подобно всѣмъ кружкамъ въ мірѣ, свои ближайшія практическія цѣли. Кто хочетъ знать, что дѣлается въ Россіи, тому необходимо почаще освѣжаться поѣздками внутрь страны, почаще вырываться изъ узко-очерченной журнальной и нежурнальной среды, плавающей поверхъ русской жизни, изъ заводованнаго круга разныхъ миражей, траурныхъ и радужныхъ, и окунаться въ глубь дѣйствительности, не поддающейся никакимъ односторонностямъ, живущей какъ-то помимо всякихъ взглядовъ и потому освѣжительной своею правдой.

„Мысль и жизнь, взглядъ и дѣйствительность—вѣчныя противоположности, а у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь! Гдѣ же правда и въ чемъ же она? Странное дѣло! У насъ теперь можно, до нѣкоторой степени, переносить дѣйствительную жизнь въ печать: заваленный путь къ роднику вскрытъ и нѣсколько расчищенъ; а родникъ все не бьетъ ключомъ, все струится подъ землей, въ какихъ-то темныхъ переходахъ, невидимо для глазъ. По прежнему жизнь остается нѣмой и безгласною, по старой ли привычкѣ, или почему-либо другому,—ужь я, право, не знаю. Но чувствуется, что она какъ-то не оживляетъ и не согрѣваетъ наши мысли, нашихъ взглядовъ, нашей печати. Рѣдко, рѣдко когда плеснетъ изъ нея живой струей въ измышленный, натянутый строй нашихъ

¹⁾ Напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“, 1866, № 254.

заученныхъ, рутинныхъ взглядовъ — и опять затянется обычной плѣсенью.

„Оттого съ наслажденіемъ садишься на желѣзную дорогу и катишь вонъ изъ Петербурга! Въ вагонахъ, на пароходахъ — сколько неожиданныхъ знакомствъ, встрѣчъ, разговоровъ! Такъ и обдаешь живительной правдой, если хоть немного привыкъ ее любить и искать. А для этого нужна нѣкоторая сноровка, какъ для всякаго дѣла. Благосклонный читатель! Если тебѣ столько же, какъ и мнѣ, пріѣлись ходячія мнѣнія, вытертыя какъ четвертакъ стараго чекана, если ты, подобно мнѣ, жаждешь живой правды и хочешь узнать русскую жизнь, какова она есть, послушай моего добраго совѣта: въ путешествіяхъ по Россіи держись на пистолетный выстрѣлъ вдали отъ писателей, журналистовъ, фельетонныхъ и иныхъ мыслителей; бѣги, какъ проказы, всякихъ недовольныхъ, — недовольныхъ земскими учрежденіями, мировыми посредниками, уставомъ о печати, — за то ли, что онъ слишкомъ строгъ, или, что онъ слишкомъ слабъ; чуждайся и аристократовъ, и демократовъ, вообще всѣхъ, исповѣдующихъ какой бы то ни было „измъ“; а благонадежно присосѣдйся къ какому-нибудь бушцу или купеческому приказчику, мужику, торгующему или неторгующему, вообще къ первому попавшемуся тебѣ нехитрому человѣку, который занимается, не мудрствуя лукаво, какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, тянетъ свою ямку и мало знакомъ съ высшими взглядами, — все равно, офицеръ это или помѣщикъ, чиновникъ или дьячокъ, солдатъ или мѣщанинъ. Вотъ твои источники. Спрашивай и слушай. Ты узнаешь то, чего не прочтешь ни въ какой книгѣ и ни въ какой газетѣ. А сдѣлать выводы — это ужъ твое дѣло.

„Я съ наслажденіемъ совершаю чуть ли не каждый годъ, лѣтомъ, одну и ту же прогулку изъ Петербурга по Волгѣ и обратно. Какихъ людей не пришлось мнѣ видѣть и чего только я не слышался! Со всѣхъ концовъ Россіи встрѣчаются люди на этомъ пути, и каждый рассказываетъ про свое. Въ вагонахъ и на пароходахъ люди и разговоры перемѣняются, какъ фигуры въ волшебномъ фонарѣ. Еслибъ все записывать, что слышалъ интереснаго и новаго, составились бы за нѣсколько лѣтъ томы преинтересныхъ замѣтокъ, очень оригинальныхъ, какихъ не прочтешь въ книгахъ и газетахъ.

„Вотъ хоть бы въ послѣдній разъ. Отправился я въ обычный путь въ самомъ мрачномъ настроеніи. Разныя газеты и господа натвердили мнѣ, что торговля у насъ годъ-отъ-году падаетъ, фабрики и заводы закрываются, народъ бѣднѣетъ, производство

уменьшается. Какъ же тутъ не придти въ мрачное настроеніе! У насъ идутъ, одни за другими, преобразованія, которыя освобождаютъ трудъ, обезпечиваютъ бытъ народныхъ массъ, упрочиваютъ личную и имущественную неприкосновенность; казалось бы, тутъ-то и надо начать развиваться народному труду и промышленности; а вамъ говорятъ, что они, вмѣсто того, падаютъ, вопреки всякому здравому смыслу! Какъ же это такъ? Мнѣ хотѣлось провѣрить на дѣлѣ справедливость того, что я слышалъ и читалъ объ упадкѣ нашей промышленности“.

Затѣмъ Кавелинъ передаетъ нѣкоторые факты, добытые имъ изъ разговоровъ съ разными пассажирами по пути изъ Петербурга. На нижегородской желѣзной дорогѣ онъ разговорился съ фабрикантомъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій и узналъ отъ него, что эта отрасль промышленности не только не въ упадкѣ, а, напротивъ, годъ-отъ-году принимаетъ ббльшіе размѣры. Чѣмъ дальше ѣхалъ Кавелинъ по Волгѣ, тѣмъ болѣе слышалъ успокоительныхъ разсказовъ: купцы ждали хорошей ярмарки, одинъ изъ нихъ говорилъ, что московскія мануфактурныя издѣлія становятся все лучше и вытѣсняють въ Персіи англійскія; пивоваръ, изучавшій въ Мюнхенѣ пивоваренное дѣло, хвалился, что заводъ, которымъ онъ управляетъ, даетъ доходу полтину на рубль. Вообще оказалось странное противорѣчіе между ихъ словами и тѣмъ, что писалось и говорилось въ Петербургѣ. Отчего же это различіе?—спрашиваетъ самъ себя Кавелинъ. Вѣроятно, оттого, что въ печать проникаетъ больше дурного, чѣмъ хорошаго, и что обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на выѣшнюю торговлю и промышленность, упуская изъ виду внутреннюю, причѣмъ о положеніи послѣдней заключаютъ по первой. Кромѣ того, одинъ заводчикъ объяснилъ Кавелину слѣдующее: послѣ освобожденія крестьянъ промышленность приняла совершенно другой оборотъ; пока существовало крѣпостное право, купцы не могли соперничать въ производствѣ съ помѣщиками—они должны были платить рабочимъ, а помѣщики пользовались даровымъ трудомъ. Теперь же все перемѣнилось; помѣщичьи фабрики закрываются, а купеческія процвѣтають, потому что купцы всюду сами, а помѣщиковъ обманываютъ ихъ управляющіе и приказчики.—Что касается до успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ, то, по мнѣнію Кавелина, они мыслимы только при тѣсной нравственной связи помѣщика съ крестьянами.

„Можетъ быть, все это и не такъ, какъ я думаю—заканчиваетъ Кавелинъ свою замѣтку.—Но что противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что говорится и пишется, существуетъ, объ

этомъ, кажется, никто не станетъ спорить. Пусть же знающіе люди покажутъ и разъяснятъ, отчего оно? Вопросъ очень важенъ и стоитъ того, чтобы о немъ подумать. Пока онъ не выяснится, мы все будемъ ходить въ потемкахъ“.

Къ этимъ темамъ въ разговорѣ съ моимъ отцомъ прибавились новыя — о злосчастномъ выстрѣлѣ Каракова, 4-го апрѣля 1866 г., и о современныхъ вѣдннхъ европейскихъ событіяхъ. Въ 1866 г. шла ожесточенная борьба между Пруссіей и Австріей. Рѣшалась одна изъ важнѣйшихъ европейскихъ историко-политическихъ дилеммъ: кому изъ континентальныхъ державъ первенствовать въ т. наз. „европейскомъ концертѣ“. Политическое равновѣсіе нарушалось. Безусловное господство въ Европѣ Франціи, приобретенное Наполеономъ III послѣ войнъ Крымской и Итальянской, колебалось. Завершалась заветная мечта итальянскихъ патріотовъ — объединеніе Апеннинскаго полуострова, а кѣнитсгречкая побѣда пруссаковъ надъ австрійцами являлась уже грозной прелюдіей Седана и Парижа. Начинались патріотическія движенія среди грековъ и славянъ, подчиненныхъ Турціи, являясь предвѣстниками новаго возбужденія въ европейской дипломатіи т.-наз. Восточнаго вопроса.

При чуткости Кавелина къ общественнымъ явленіямъ современности, всѣ эти важныя событія занимали его чрезвычайно. Онъ былъ до глубины души возмущенъ безумствомъ 4-го апрѣля и передавалъ любопытныя подробности о впечатлѣніи, которое произвелъ выстрѣлъ Каракова на всѣ классы петербургскаго населенія. О перестановкѣ политическихъ центровъ въ Европѣ говорилъ онъ также много, причемъ съ большой антипатіей относился ко всѣмъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ европейской политической распри — и къ Наполеону III, и къ Бисмарку, и къ Францу-Иосифу. Симпатіи его стояли на сторонѣ Италіи и славянъ Балканскаго полуострова. Восточный вопросъ онъ считалъ вопросомъ русскимъ по преимуществу, но не съ точки зрѣнія панславистскихъ теорій московскихъ славянофиловъ разныхъ отѣнковъ. Такой панславизмъ онъ признавалъ химерой, но сочувственно относился къ стремленію южныхъ славянъ сбросить съ себя турецкое ярмо и находилъ дѣятельную роль Россіи въ этомъ отношеніи безусловно необходимой и неизбежной. Онъ съ энтузіазмомъ указывалъ на Сѣверо-американскіе Штаты, какъ на естественнаго нашего союзника въ борьбѣ съ Англійей при рѣшеніи Восточнаго вопроса. Онъ проводилъ параллель между Россіей и Америкой, какъ между двумя новыми мірами, имѣющими много общаго, которые, при соединеніи другъ съ другомъ, наведутъ ужасъ на западно-европейскія правительства.

22-го августа Кавелинъ съ Антониной Федоровной и Соней покинули Казань. Простился я съ ними не надолго, заранее предвкушая то умственное и нравственное наслаждение, которое доставит мнѣ продолжительное пребываніе въ обществѣ Кавелина: зимой я рассчитывалъ съѣздить въ Петербургъ, для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ по моей магистерской диссертациі 1).

Веселое и ясное настроеніе духа, вынесенное Кавелинымъ изъ пребыванія въ Поволжьѣ, затуманилось, едва онъ очутился на берегахъ Невы. Свое грустное и досадливое душевное состояніе выражаетъ онъ въ слѣдующихъ письмахъ къ намъ:

С.-Петербургъ. 2-го (14-го) сентября 1866 г.

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Согласно съ нашимъ условіемъ, спѣшу извѣстить тебя, что мы въ Петербургѣ—жена съ дочерью съ 29-го августа, а я—съ 31-го. Жена уѣхала раньше, потому что Соня простудилась, или, лучше сказать, оставалась простуженною и въ Нижнемѣ, и въ Казани, такъ что проводила дурно ночи, страдала головой, грудью и проч. Надо было ей просидѣть нѣсколько дней дома, чтобъ оправиться, а этого можно было достигнуть только добравшись до зимней квартиры и закончивъ переезды съ мѣста на мѣсто. Остается у Сони боль въ спинномъ хребтѣ, которая меня тревожитъ. Хотѣлъ-было посоветоваться съ Боткинымъ, но его нѣтъ въ Петербургѣ, и онъ не возвратится раньше 15-го сентября.

„Пріѣхавъ въ Петербургъ, почувствовалъ себя снова въ сыромъ болотѣ и въ какой-то разлагающейся, гнилой средѣ... Процессы противъ литературы идутъ своимъ чередомъ. Окружной судъ освободилъ отъ суда Ж—го и П., но это рѣшеніе будетъ пересматриваться въ судѣ 2-ой инстанціи. Вообще каша страшная и непривлекательная: мировой судъ производитъ большое оябленіе въ тѣхъ слояхъ общества, которые не могутъ помириться съ мыслью о равенствѣ всѣхъ и cadaго передъ судомъ.

„Тысячу и тысячу разъ благодарю тебя, милый другъ и сестра, за гостепрѣимство, оказанное моему семейству въ теченіе лѣта“.

13-го (25-го) ноября 1866 г.

„Глубокоуважаемый и дорогой Александръ Львовичъ! Искреннѣйше благодарю васъ за ваше письмо, которое тѣмъ болѣе

1) Основная мысль моей диссертациі, напечатанной въ Казани въ 1872 г., подъ заглавіемъ: „Мера и Ростовское княжество“,—мысль объ образованіи великорусскаго племени и о его значеніи въ исторіи Россіи, — сложилась подъ большимъ влияніемъ разговоръ Кавелина объ этомъ вопросѣ.

цѣнню, что вы писали его по окончаніи нездоровья. Отъ души желаю, чтобъ недуги не посѣщали васъ болѣе. Въ вашемъ письмѣ много вопросовъ, которые уже частью разрѣшили... У насъ интригъ и личныхъ партій не оберешься. Кажется, всѣ вопросы сводятся къ личностямъ, которыя стараются перебить другъ другу дорогу и выводить своихъ. Только нерѣдко расчеты и интриги не удаются. Z. Z. одной рукой уже брался за портфель министерства финансовъ, но вдругъ оказалось, что это тщетная надежда. На мѣсто К. и А. прочили тоже совсѣмъ не тѣхъ людей, которые на нихъ попали, по пословицѣ: qui compte sans son hôte, compte deux fois. Что касается К., то удаление его, сколько я понимаю, не доказываетъ перемѣны направленія. К.—человѣкъ мало способный, и нѣкоторыя его дѣйствія не заслуживаютъ похвалы. Какъ велся вопросъ о приобрѣтеніи земель въ сѣверо-западномъ краѣ русскими,—вы знаете сами. Кромѣ того, обращенія въ православіе дѣлались не безъ принужденія, что какъ нельзя хуже. К.—посредственность, которой трудно было долго удержаться на такомъ важномъ и трудномъ постѣ. Вообще въ западномъ краѣ идетъ ералашъ. Что вы хотите! Нѣтъ способныхъ и честныхъ людей въ заготовленномъ за прежнее время арсеналѣ, а куда наполнится другой—пройдетъ много времени. Трудность нашего положенія въ польскомъ краѣ обусловлена еще тѣмъ, что мы, русскіе, равнодушны и недѣятельны, и потому одно только правительство дѣйствуетъ, тогда какъ поляки составляютъ элементъ дѣятельный, фанатическій, организованный, противящійся намъ всѣми точками. Возьмите одну разницу церквей—нашей и католической. Правительство сдѣлало все, что слѣдуетъ, даже больше, чѣмъ можно отъ него требовать, для руссификаціи западнаго края. Теперь бы дѣйствовать русской церкви и русскому обществу, а они вялы, бездѣятельны и потому безсильны противъ энергической польской пропаганды. Одинъ только великій дѣятель у насъ и есть,—это время, смѣна поколѣній. Я всего жду отъ медленнаго, едва замѣтнаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго и неудержимаго вліянія судебныхъ и земскихъ учреждений, которыя, вопреки мелкимъ препятствіямъ, будутъ для Россіи источникомъ обновленія ея гражданскаго и общественнаго быта. Еслибъ мы не спали 30 лѣтъ, то многое было бы у насъ теперь иначе. ...Да, много безобразія и мало утѣшительнаго на поверхности русскаго общества! Но что дѣлать! Это оттого, что въ насъ самихъ мало пока пути. Поумнѣемъ мы сами, и все будетъ лучше“.

Только разрѣшеніе Восточнаго вопроса въ будущемъ прими-

рало Кавелина съ настоящимъ, и въ этомъ разрѣшеніи онъ видѣлъ, какъ онъ выражался, „широкія перспективы“.

26-го сентября 1866 года онъ мнѣ писалъ:

...„Приближаются важныя и рѣшительныя времена въ судьбахъ Россіи, милый мой Дмитрій, и я не могу передать тебѣ, какъ ёкаетъ сердце въ груди, помышляя о томъ, что будетъ. Восточный вопросъ несетъ съ быстротой грозовой тучи, и не пройдетъ много времени—онъ разыграется. Въ этомъ вопросѣ —Гамлетово „быть или не быть“ для Россіи и славянскаго міра. Къ нашему счастью, Австрія ведетъ себя неимовѣрно глупо, — дразнить славянъ, которые могли бы составить ея силу, опирается на ненавистныхъ славянскому міру поляковъ и венгровъ и бросаетъ палки въ колеса Пруссіи, не умѣя разстаться съ мечтами о роли въ германскомъ мірѣ. Изъ этого выходитъ, что Пруссія, стѣсненная Франціей и Австріей, естественно отбрасывается къ намъ; славяне тоже пятятся къ намъ; Англія колеблется, и страшной коалиціи противъ насъ всей Европы, —которая дана обстоятельствами, —состояться не можетъ. Все это очень намъ на-руку, потому что мы теперь еще не въ состояніи дѣятельно вступить въ Восточный вопросъ, и должны играть выжидательную роль. Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что, рано или поздно, турецкій и славянскій вопросъ будутъ въ нашихъ рукахъ; но какъ и когда—вотъ страшный вопросъ и драматическій интересъ минуты, въ которую мы живемъ. Увидимъ ли мы искупленіе славянскаго міра изъ египетской неволи подъ турецкимъ и нѣмецкимъ владычествомъ и совершеніе судебъ Россіи, —или это увидятъ наши потомки? Правду сказать, мы видѣли столько искупленій, что и не вѣришь счастію увидать еще новое. А оно близится. Нужно быть слѣпымъ, чтобъ этого не видать“.

16-го декабря 1866 года я выѣхалъ изъ Казани и, не оставиваясь въ Москвѣ, проѣхалъ въ Петербургъ. Поѣздъ подъ Малой Вишерой соскочилъ съ рельсовъ, но къ счастію ничего опаснаго не произошло и мы лишь запоздали прибытіемъ въ Петербургъ: вмѣсто 20-го декабря утромъ, попали туда въ часъ ночи на 21-е декабря. Я желалъ какъ можно скорѣе повидать дядю и Соню, но долженъ былъ нѣсколько умѣрить свой порывъ. Я остановился у родственницы моего отца, и весь день проскучалъ въ ея обществѣ, чтобы не оскорбить старушки немедленнымъ исчезновеніемъ изъ-подъ ея гостепріимнаго крова. 22-го декабря, часовъ въ 10 утра, я поспѣшилъ къ Кавелину.

Путь мнѣ предстоялъ длинный. У—ва жила въ собственномъ домѣ на Николаевской улицѣ, близъ Семеновскаго рынка, а Кавелинъ—на Васильевскомъ Островѣ, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, по 13-й линіи, въ домѣ Лихониныхъ. Расстояніе отъ У—вой до Кавелина составляло добрыхъ пять верстъ, и переѣздъ мнѣ казался безконечнымъ. Но вотъ, наконецъ, переѣхавъ Николаевскій мостъ, я остановился у скромнаго деревяннаго дома и, мысленно радуясь предстоявшему мнѣ свиданію съ Кавелинымъ и его семьей, въ самомъ веселомъ расположеніи духа воѣхалъ на лѣстницу и сильно позвонилъ. Кавелинъ и Антонина Ѳедоровна были дома и приняли меня весьма радушно; Соня вскорѣ пришла изъ гимназіи—и нашимъ взаимнымъ спросамъ и разпросамъ не было конца, точно мы не видѣлись цѣлые годы!

Я пробылъ у Кавелина почти весь день и получилъ дозволеніе посѣщать его, когда угодно, несмотря на часы дня. Я, разумѣется, пользовался этимъ правомъ въ очень широкихъ размѣрахъ, посѣщая дядю почти всякій день: то обѣдалъ, то проводилъ вечеръ, то заходилъ на короткое время до обѣда, а иногда проводилъ у него цѣлый день.

Какъ уже было сказано выше, въ Петербургѣ Кавелину было не по себѣ, чему много способствовали его личныя обстоятельства. Кавелинъ стоялъ въ то время одиноко. Онъ разошелся со всѣми—и съ міромъ официальнымъ, и съ кружками учеными и литературными, сохранивъ изъ этихъ сферъ лишь кое-кого изъ самыхъ близкихъ ему людей, лично къ нему расположенныхъ. Молодая литература не раздѣляла его воззрѣній, несочувственно относясь къ тѣмъ мыслямъ, которыя онъ высказывалъ въ брошюрѣ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“ и въ другихъ публицистическихъ статьяхъ 60-хъ годовъ. Кавелинъ не могъ не сознавать своего положенія, видя, что лучшие годы онъ уже пережилъ и находится внѣ теченій современной ему общественной и умственной жизни. Онъ жилъ уединенно, усердно занимаясь въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ и дѣлами литературнаго фонда, въ которомъ состоялъ въ то время секретаремъ. Онъ изрѣдка посѣщалъ ограниченный кругъ своихъ знакомыхъ, изъ которыхъ почти каждый день вечеромъ кто-нибудь проводилъ у него нѣсколько часовъ (въ то время у Кавелина не было опредѣленныхъ дней). Посѣщала Кавелина молодежь, интересовавшаяся научными вопросами и обращающаяся къ нему за разными совѣтами, уваженіями и т. д. Въ числѣ этой молодежи находились нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей Кавелина въ петербургскомъ университетѣ, изъ которыхъ многіе теперь занимаютъ видное служебное

положеніе. Человѣкъ самый близкій въ то время къ Кавелину, Н. А. Милютинъ, былъ тяжело боленъ, и Кавелинъ часто навѣщалъ страдальца, мучаясь душевно при видѣ его безнадежнаго состоянія. Интересно письмо того времени Кавелина въ Евг. Фед. Боршу въ Москву, отъ 25-го ноября 1866 г.

„Слухи о Милютинѣ, о которыхъ ты пишешь, въ несчастію совершенно справедливы, какъ ты уже знаешь изъ газетъ. Милютинъ—живъ физически, но нравственно и умственно, для дѣла, Милютинъ умеръ. Для него и для семейства, и для друзей лучше было бы, еслибъ онъ и физически умеръ. У него сердце органически разстроено, и, какъ врачи мнѣ объясняли, оно не имѣетъ достаточно силы, чтобъ сжиматься и выгонять кровь въ артеріи. Этого не исправишь ничѣмъ и никогда. Отчего произошелъ ударъ,—отъ разрыва сосудовъ въ мозгу или отъ того, что въ одинъ изъ нихъ попалъ кусочекъ створоженной крови, образовавшейся вслѣдствіе органическаго разстройства сердца, — неизвѣстно.

„Теперь непосредственная опасность для жизни миновала. Идетъ чрезвычайно медленное выздоровленіе,—но какое это возстановленіе! Врачи согласны въ томъ, что онъ уже никогда болѣе не будетъ способенъ для дѣла; а Милютинъ безъ дѣла, пережившій себя и нравственно, и физически, это—вѣчный мученикъ. Притомъ, всякое новое душевное волненіе, — а такія ожидаютъ его немедленно послѣ того, какъ онъ станетъ что-нибудь понимать связно,—убьетъ его немедленно.

„Въ обстоятельствахъ его тяжелой болѣзни есть что-то по истинѣ трагическое. Доктора нашли въ немъ разстройство сердца уже въ то время, когда онъ сломалъ себѣ руку. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не хотѣлъ лечиться какъ слѣдуетъ. Съ минувшаго октября онъ все перехварывалъ. Въ предпрошлую среду я заѣхалъ къ нему часу въ 10-мъ вечера, и нашелъ его совсѣмъ расклевывшимся. Только минутами онъ оживлялся, а потомъ опять изнемогалъ. Въ пятницу я у него обѣдалъ и нашелъ его гораздо лучше. Но не было средствъ уговорить его отдохнуть. Однако онъ согласился на консультацію, которой настоятельно требовалъ Чертораевъ, его врачъ. Послѣдній былъ мраченъ, говорилъ намъ, когда мы были наединѣ, что у Милютина сильно разстроено сердце, что онъ малокровенъ и что онъ совсѣмъ терается насчетъ больнаго. Въ субботу было какое-то весьма важное засѣданіе, въ которомъ Милютинъ непременно долженъ былъ участвовать. Онъ поѣхалъ, какъ самъ говорилъ, полумертвый, и былъ такъ взволнованъ, что Государь это замѣтилъ и просилъ его успо-

воняться и отдохнуть. Надо полагать, что состоявшееся рѣшеніе было ему пріятно, потому что онъ въ эту субботу былъ очень веселъ и такъ бодръ, что даже собирался дѣлать визиты. Но ввечеру опять расклеился. Въ воскресенье была консультація въ 4 часа пополудни. Боткинъ удивлялся, какъ онъ еще на ногахъ, а не въ постели, — такъ онъ нашелъ его больнымъ. Но Милютинъ подтрунивалъ съ Заблоцкимъ, который у него обѣдалъ, надъ врачами, что у нихъ вѣчно модныя болѣзни, — то расстройство сердца, то спинной мозгъ etc. Послѣ обѣда, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи Заблоцкаго и жены, его хватилъ ударъ. Первое время думали, что Милютинъ его не переживетъ. Оттого мы учредили при немъ ночное дежурство, въ которомъ и я участвовалъ три ночи. Но непосредственная опасность теперь миновала, и нынѣшнюю ночь я уже въ нему не ѣздилъ. Наступило медленное оправленіе, на ходъ и результаты котораго я смотрю съ полною безнадежностью, чуть-чуть не съ отчаяніемъ. Врачи мало обнадеживаютъ. Два-три года искалѣченнаго существованія предстоятъ нашему другу. Вотъ что намъ отъ него остается. Не рассказываю тебѣ раздирающихъ душу подробностей о первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ этимъ страшнымъ событіемъ. Сколько потеряла въ немъ Россія и сколько — друзья Милютина, это ты знаешь. Я видѣлъ много слезъ на лицахъ, обыкновенно не плачущихъ. О себѣ лично и не говорю. Ты знаешь, что я его любилъ, — смѣшно сказать, — со всѣмъ увлеченіемъ молодой души и молодого сердца. Во мнѣ эта живая привязанность какъ-то убереглась отъ разрушающихъ лѣтъ изъ той эпохи моей жизни, когда все, и хорошее, и дурное, ощущалось гораздо живѣе. Милютинъ — параличный старикъ, не вполнѣ владѣющій языкомъ и головой, — съ этой мыслью я не могу примириться и освоиться. Его потеря для меня новая, тяжелая грань, отмежевавшая еще десятокъ лѣтъ жизни отъ наступившей старости. Невольно вспоминается съ особенной живостью другая утрата, десять лѣтъ тому назадъ, закончившая мою молодость; невольно сближаешь между собою оба лица и находишь между ними не одну родственную черту. Не оледенѣть подъ ударами судьбы, сохранить горячую вѣру, идти впередъ, оставаться вѣрнымъ своимъ обязанностямъ, несмотря ни на что, умѣть возбуждать большія привязанности и большія вражды, быть душою многихъ людей, невольно и съ радостью признающихъ надъ собою превосходство таланта, ума, обаянія честной натуры, — вотъ въ чемъ я безпрестанно нахожу сходство между Грановскимъ и Милютинымъ, при всемъ различіи ихъ путей, ихъ круга дѣйствія и общественнаго положенія.

Никакъ эта чистая душа не укладывалась въ рутинную колею; вѣчно она вспархивала надъ ежедневностью, гнетущею ее въ практическую грязь, что не мѣшало ему, однако, быть въ высшей степени практическимъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Для меня обаятельна была одна черта его характера, которой отмѣчены всегда бываютъ избранныя натуры: несмотря на всю практическую мудрость, Милютинъ бывалъ и наивенъ, и довѣрчивъ, какъ дитя, и не разъ попадалъ въ силки, которые ему разставлялись его многочисленными врагами; но любопытно, что эти ошибки всегда касались его личности и никогда не касались дѣла, къ которому былъ приставленъ.

„Однимъ замѣчательнымъ русскимъ дѣятелемъ стало меньше между нами. Какъ-то безотрадно раздаются эти слова въ нашей нравственной пустынѣ. Второго Милютина мы больше не найдемъ, какъ тщетно озираемся, не явится ли между нами второй Грановскій“...

Несмотря на такое изолированное положеніе Кавелина, имя его продолжало пользоваться авторитетомъ у образованныхъ людей его поколѣнія. Литераторы и ученые 40-хъ и 50-хъ годовъ, прїѣзжая въ Петербургъ, навѣщали Кавелина. Въ зиму 1866—1867 годовъ были у него: Ю. Ѡ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, А. И. Кошелевъ, И. С. Тургеневъ, Н. В. Калачовъ, прежній его пріятель еще по Москвѣ, Н. М. Сатинъ, и нѣкоторые другіе. Даже ученые, разошедшіеся съ Кавелинымъ,—и тѣ высоко ставили его ученые заслуги и относились къ нему съ уваженіемъ. Кромѣ посѣщенія знакомыхъ и бесѣдъ съ ними у себя, Кавелинъ почти не доставлялъ себѣ никакихъ развлеченій. Ни въ театры, ни въ концерты, ни въ какія общія собранія, ученые и литературныя, онъ не ѣздилъ. Онъ сходилъ съ петербургскими литераторами и учеными въ засѣданіяхъ литературнаго фонда, а съ своими политическими друзьями—на ежегодныхъ обѣдахъ въ память освобожденія крестьянъ 19-го февраля. Мнѣ привелось дважды видѣть Кавелина въ собраніи литературнаго фонда (27-го декабря 1866 г. и 2-го февраля 1867 г.), и грустное чувство испытывалъ я. Для меня было ясно, что сфера Кавелина—публичная и учено-литературная дѣятельность, отъ которой онъ стоялъ теперь вдали. Среди литераторовъ различныхъ поколѣній и ученыхъ разнообразныхъ специальностей—Кавелинъ выдѣлялся своею талантливостью, живостью, общительностью и какъ-бы вырасталъ умственно въ родной ему сферѣ. Его обыкновенно увлекательная бесѣда становилась здѣсь еще увлекательнѣе.

Посѣщая Кавелина весьма часто въ теченіе трехъ слѣдующихъ

мѣсяцевъ, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ порядкомъ его ежедневной жизни и съ учеными приемами его работы. Подробности о томъ и о другомъ весьма любопытны и важны въ біографическомъ отношеніи.

Читая въ печати легко, живо и увлекательно написанную прозу Кавелина, нельзя предположить, чтобы каждая печатная строка серьезной статьи давалась ему съ большимъ и весьма кропотливымъ трудомъ. Но на дѣлѣ было такъ, что я могу засвидѣтельствовать какъ признаніемъ самого Кавелина, такъ и моимъ личнымъ наблюденіемъ надъ его процессомъ писанія и, наконецъ, черновыми рукописями его статей, находящимися въ настоящее время у меня въ рукахъ. Кавелинъ говорилъ гораздо свободнѣе, чѣмъ писалъ, и ни одна мысль не выливалась у него на бумагу въ окончательной формѣ безъ цѣлаго ряда ея передѣлокъ; передѣлки эти нерѣдко бывали до того велики, что какая-нибудь пятая-шестая редакція письменнаго изложенія не имѣла ничего общаго съ первоначальной. „Я привыкъ думать съ перомъ въ рукахъ,—говорилъ онъ,—и по мѣрѣ писанія и передѣлокъ написаннаго, мысль у меня вырѣвается, но много мнѣ приходится измарать бумаги, прежде, чѣмъ я удовлетворюсь написаннымъ“. Кавелинъ быстро схватывалъ общій характеръ, какъ отдѣльныхъ явленій и мыслей, такъ и взаимныя ихъ отношенія, но не отличался памятью на фактическія подробности, числа и собственныя имена, вслѣдствіе чего ему стоило большого труда справиться съ матеріальной, такъ-сказать, частью писанной имъ статьи. Множество предварительныхъ выписокъ, набросковъ, конспектовъ дѣлалъ онъ прежде, чѣмъ принимался писать историческую или юридическую статью. Въ 60-хъ годахъ, когда Соня съ успѣхомъ начала учиться въ гимназіи, Кавелинъ прибѣгалъ къ ней за этими внѣшними справками. Такъ онъ поступалъ при писаніи „Мыслей и замѣтокъ о русской исторіи“. Забывалъ онъ, напримѣръ, въ которомъ году началъ княжить Иванъ Даниловичъ Калита или Дмитрій Донской, или въ какомъ году пала окончательно вѣчевая самобытность Новгорода—сейчасъ на помощь призывался живой, ходячій справочный словарь—Соня. Я помню, какъ разъ при мнѣ была она призвана въ кабинетъ къ отцу, въ которомъ сидѣлъ Н. В. Калачовъ и еще кто-то, за числовой справкой. Не знаю по какому поводу, но рѣчь зашла о количествѣ квадратныхъ миль, занимаемыхъ Россійской имперіей вообще и европейской Россіей въ частности. Ни Кавелинъ, ни Калачовъ этого не помнили съ точностью, и меня командировали за Соней. Не ожидая встрѣтить у отца

мало-знакомыхъ людей, Соня очень сконфузилась, но, подумавъ немного, отвѣчала на предложенный вопросъ.

На своихъ вечерахъ и во время послѣобѣденныхъ прогулокъ, въ которыхъ очень часто ему сопутствовали я и Соня, Кавелинъ касался, по обыкновенію, весьма разнообразныхъ вопросовъ и изъ современной русской дѣйствительности, и изъ области научной. Остановлюсь на важнѣйшихъ мысляхъ Кавелина по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ, разумеется, не допуская никакой критики, въ настоящемъ случаѣ неумѣстной, а воспроизвода ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ занесены въ мою памятную книжку 1866—1867 гг.

Изъ современныхъ политическихъ и общественныхъ русскихъ событій всего болѣе волновало Кавелина закрытіе петербургскаго губернскаго земскаго собранія. Закрыто оно было 17-го января 1867 года вслѣдствіе того, что въ собраніи обсуждались вопросы, не подлежащіе вѣденію земскихъ учреждений. Кавелинъ, придававшій столь большое и серьезное значеніе земству въ послѣдующей русской общественной жизни, не одобрялъ ни земства съ одной стороны, ни закрытія земскаго собранія съ другой. Со стороны земства онъ видѣлъ ошибку, дававшую оружіе противъ земства въ руки реакціонной партіи, а въ фактъ закрытія земскаго собранія находилъ неустойчивость и непрочность постановки на практикѣ земскихъ учреждений.

Сильно интересовали Кавелина и русскія дѣла въ Средней Азій. Онъ не одобрялъ нашего стремительнаго „Drang nach Osten“, не раздѣлялъ мнѣнія о призваніи Россіи „цивилизовать Азію“ и иронически отзывался о той „шири и удали“ русскаго человѣка, съ которыми генераль Черняевъ распорядился съ мѣстными ханами и эмирами. „Онъ смѣнялъ ихъ и вновь допускалъ „въ должности“ точно такъ же быстро, какъ императоръ Николай Павловичъ полковыхъ командировъ“, — говаривалъ Кавелинъ.

Нѣкоторыя мѣропріятія правительства относительно упроченія русскаго элемента въ западномъ краѣ послѣ польскаго мятежа находили въ Кавелинѣ также порицателя, что видно изъ приведеннаго выше письма его къ моему отцу отъ 16-го ноября 1866 года. Кавелинъ возставалъ противъ насильственнаго введенія православія въ западномъ краѣ посредствомъ „миссіонеровъ-чиновниковъ“, упрекая за это тогдашняго виленскаго генералъ-губернатора К. П. ф.-Кауфмана, и высказывался за свободу совѣсти и вѣротерпимость, проводя строгое различіе между политической борьбой съ польскимъ шляхетствомъ и духовенствомъ и преслѣдованіемъ религіозныхъ вѣрованій поляковъ. Онъ не раз-

дѣляя воззрѣнія, отождествляющаго римско-католическое исповѣданіе поляковъ съ ихъ анти-русскими революціонными замыслами, и доказывалъ, что убѣжденный римскій католикъ-полякъ можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждъ всякихъ революціонныхъ замысловъ. Такое соединеніе для него являлось особенно возможнымъ среди поляковъ и литовцевъ изъ крестьянскаго населенія.

Когда возникали разсужденія по излюбленному вопросу Кавелина о молодости и свѣжести великорусскаго племени и онъ развивалъ тѣ же мысли, которыя высказывалъ мнѣ въ 1863 году ¹⁾, —неволью заходила рѣчь о степеніи религіозности русскаго простолюдина, о православіи его, которое признается славянофилами самымъ основнымъ выраженіемъ самобытности славянской вообще и русской въ частности. Кавелинъ въ этомъ отношеніи мыслить діаметрально-противоположно съ славянофилами, и вопросъ о православіи русскаго народа былъ всегда самымъ главнымъ спорнымъ пунктомъ между ними и Кавелининымъ. Исходя изъ убѣжденія, что русскій народъ прежде всего утилитаристъ, Кавелинъ не только не допускалъ возможности должнаго пониманія имъ абстрактнаго православнаго ученія, но не замѣчалъ въ темной, непросвѣщенной русской народной массѣ исполнѣ сознательнаго отношенія къ христіанству. Въ этомъ онъ винилъ, съ одной стороны, наше приходское духовенство, формально относящееся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, а съ другой стороны—вообще низкій умственный уровень нашихъ народныхъ массъ.— „Двоевѣріе XIV—XV вв., мертвый буквализмъ XVI и XVII вв.—вотъ въ какихъ религіозныхъ понятіяхъ живетъ доселѣ наша народная масса“,—говорилъ онъ. „Пониманіе этой массой религіи всего лучше подмѣчено Бѣлинскимъ въ его извѣстномъ письмѣ къ Гоголю“. По убѣжденію Кавелина, предстояла серьезная потребность реформы въ жизни русскаго духовенства, съ цѣлю болѣе правильнаго внушенія русскому простолюдину основъ христіанскаго ученія...

Сравнивая настоящее съ минувшимъ, Кавелинъ чаще всего останавливался на двухъ историческихъ личностяхъ, параллель между которыми онъ, съ своей точки зрѣнія, проводилъ еще въ 40-хъ годахъ въ статьѣ: „О юридическомъ бытѣ древней Россіи“,—на Иванѣ Грозномъ и на Петрѣ Великомъ. То, что говорилъ Кавелинъ о томъ и о другомъ въ 1867 г., составляло дальнѣйшее развитіе его взглядовъ, изложенныхъ въ статьѣ: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“, появившейся въ 1866

¹⁾ См. VI-ю главу „Матеріаловъ“, „Вѣсти. Евр.“, 1866, октябрь, стр. 745—746.

году, а потому я позволю себѣ привести на память читателей изъ этой статьи двѣ небольшія выписки, касающіяся грознаго царя и перваго русскаго императора.

„Разработка исторіи Ивана Грознаго, собственно говоря, едва только еще начинается. До сихъ поръ даже не опредѣлено критически достоинство тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣденія объ этой эпохѣ; а безъ такой предварительной работы нельзя приниматься за подобный трудъ. Страсти и происки, разыгравшіеся впоследствии, начинались уже при Грозномъ и встрѣтились съ нимъ лицомъ къ лицу. Оттого такъ разнорѣчивы сказанія и отзывы о немъ. Чтобъ узнать правду, нужно отличать голосъ враждебныхъ ему элементовъ отъ голоса великорусскаго народа; въ свидѣтельствахъ иностранцевъ, — ихъ хроническое непониманіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ — отъ народныхъ сказаній и сужденій, внушенныхъ ихъ личными расчетами или записанныхъ со словъ той или другой изъ тогдашнихъ партій. Какъ бы мы ни смотрѣли на Ивана Грознаго, царствованіе его, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской исторіи; а мы, даже до сихъ поръ, все больше обращаемъ вниманіе на психологическій характеръ его жестокостей, какъ будто въ нихъ вся сущность дѣла. Не то же ли это самое, что судить о послѣдней американской войнѣ по однимъ ея ужасамъ, о царствованіи Петра — по розыскамъ и казнямъ, о нашемъ призваніи въ Польшу и Западномъ краѣ — по судьбѣ враждебнаго намъ элемента? Смотрѣть такъ на исторію — значитъ, заранѣе отказаться отъ пониманія величайшихъ историческихъ эпохъ событій. Ни въ чемъ наше умственное несовершенство не высказывается такъ осязательно, какъ въ томъ, что мы не только не понимаемъ, но почти не знаемъ царствованія Ивана IV, и даже мало имъ интересуемся, воображая, что, и не изучивъ его, можно понимать русскую исторію; а между тѣмъ эпоха Грознаго, по своему значенію во внутреннемъ развитіи Великороссіи, есть преддверіе къ эпохѣ Петра и имѣетъ съ ней глубочайшую связь“¹⁾).

12-го января 1867 года въ Петербургѣ была поставлена въ первый разъ драма графа А. К. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго“. Какъ самая драма, такъ и ея постановка — образцовая по воспроизведенію на сценѣ московскаго быта конца XVI в., — возбуждали много толковъ въ Петербургѣ. По поводу этихъ толковъ Кавелинъ выражалъ приведенныя мысли объ Иванѣ Гроз-

¹⁾ См. „Вѣсти. Европа“, 1866, кн. II, стр. 375—376.

номъ, а о самой драмѣ графа Толстого говорилъ, что она ему несимпатична по политической подкладкѣ, которую онъ въ ней видѣлъ. Кавелинъ принималъ ее за памфлетъ и полагалъ, что вся драма написана для историческаго оправданія тѣхъ политическихъ замысловъ московскаго боярства XVI в., которые онъ признавалъ эгоистически-олигархическими и анти-государственными, и продолженіе которыхъ видѣлъ въ 60-хъ годахъ въ замыслахъ т.-наз. „партіи крупныхъ землевладѣльцевъ“, мечтавшей о политическомъ представительствѣ и выражавшей свои воззрѣнія въ газетѣ „Вѣсть“.

О Петрѣ Великомъ Кавелинъ высказывалъ слѣдующее: „Петръ Великій съ головы до ногъ—великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ неразборчивость въ средствахъ для достиженія практическихъ цѣлей: безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры,— и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу великорусса? Но въ какихъ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Несмотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобы въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человекъ! Разъ почувавши свое дѣло, свое призваніе,—а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ,—Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труденіе въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ усталости и только передъ смертью догадался, „коль слабое твореніе есть человекъ“. Невозможнаго для него не было; все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ; а хотѣлъ онъ, ни больше, ни меньше, какъ пересоздать Московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ европейскою общественностью, нравами и формами,—и рассчитывалъ выполненіе этого плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ насладиться плодами своего „насажденія“. Съ этой стороны, Петръ Великій есть полнѣйшій представитель своей эпохи и ея преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой ве-

лось дѣло, страстность, если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы“¹⁾).

16 марта 1867 г., не выдавшись со мной до того времени съ недѣлю, Кавелинъ очень мнѣ обрадовался. Разговоръ зашелъ у насъ о его статьѣ „Мысли и замѣтки по русской исторіи“.

„Сдѣлайте мнѣ дружбу, хорошенько проштудируйте эту мою статью, говорилъ Кавелинъ.—Я ею очень дорожу. Она представляетъ *gesamte* моихъ историческихъ и политическихъ вѣрованій и убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ это моя лебединая гнѣзня въ области русской исторіи. Я выполнилъ свою задачу. Теперь миновало время постановки общихъ вопросовъ въ русской исторіи, исканія и разъясненія ея основъ и началъ, чѣмъ заняты были мы въ 40-хъ годахъ. Теперь надо разрабатывать частности, для того, чтобы изъ нихъ, путемъ правильной индукціи, сдѣлать новый рядъ обобщеній, выводовъ. Новый синтезъ необходимъ не только въ русской исторіи, но и въ переживаемой нами дѣйствительности, въ современной намъ жизни, въ отвлеченномъ мышленіи—ездѣ. Посмотрите, какая теперь у насъ огульная во всемъ безпринципность! Что это доказываетъ? Это доказываетъ, что тѣ общія начала, которыя были выставлены нами, нашимъ поколѣніемъ, изветпали. Стали извѣстны новые факты, новыя явленія, которыхъ мы или вовсе не знали, или на которыя не обращали должнаго вниманія, упускали изъ виду. Дѣло вашего поколѣнія — ихъ разъяснить, какъ наше дѣло было проводить общія идеи. Но время принциповъ возвратится, потому что безъ принциповъ нельзя мыслить, нельзя жить. Оно возвратится тогда, когда будутъ сдѣланы новыя обобщенія; а для этого прежде всего нужно изучать частности, собирать и анализировать факты, факты и факты. Наши теоріи 40-хъ годовъ исходили изъ общихъ началъ, взятыхъ извнѣ, изъ идеалистической нѣмецкой философіи или изъ фактовъ западно-европейской политической и общественной жизни. Поэтому онѣ были оторваны отъ почвы, были слишкомъ апіористичны для русской жизни: центръ ихъ тяжести, ихъ стативъ находился въ Европѣ... Вы должны изучать факты родной жизни, въ ея прошломъ и настоящемъ, посредствомъ западно-европейской науки, но безъ предвзятыхъ общихъ идей и воззрѣній—и тогда ваши выводы будутъ правильны и плодотворны“

Это-то исканіе основъ для новаго синтеза и привело Кавелина къ изученію явленій психической жизни человѣка и въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 390.

особенности процессовъ мышления. Такими изученіями онъ былъ сильно занятъ въ зиму 1866—1867 года ¹⁾.

Кавелинъ любилъ возвращаться въ темѣ о необходимости болѣе тщательнаго фактическаго изученія русской исторіи. Особенно полно развилъ онъ въ разговорѣ со мной 22-го марта мысль о вредѣ предвзятыхъ идей при разработкѣ русской древности и старины.

„Нужно быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіяхъ прежняго нашего быта и не приписывать ему того, чего у него не было, — говорилъ Кавелинъ. — Теперь, напримѣръ, господствуетъ мода на изображеніе древняго русскаго „народоправства“, какъ выражается Костомаровъ, мода на доказательства необыкновенно широкаго участія народа въ государственномъ правленіи въ до-московскій періодъ. А въ дѣйствительности развѣ было такъ? Далеко нѣтъ! Государственное самоуправленіе въ удѣльно-вѣчевое время не выражалось въ правильно-организованныхъ учрежденіяхъ; оно было только въ зародышѣ. Исключеніе составляетъ, пожалуй, Новгородъ. Въ немъ еще дѣйствительно было что-то похожее на учрежденія, но возьмите великорусское племя. Какое самоуправленіе оно выработало? Никакого. Оно ничего не выработало, кромѣ „единовластія“, что и является яснымъ доказательствомъ того, что даже потребности въ политическомъ самоуправленіи не было. Были нѣкоторые зачатки мѣстнаго, общиннаго, мірскаго, а не политическаго самоуправления. Но это то же, что самоуправленіе у крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи. И они имѣли нѣкоторую долю самоуправления, напримѣръ, дѣлежъ и передѣлъ земли, сборъ повинностей, выборъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и т. п. Посмотрите, какова была дальнѣйшая судьба этого самоуправления даже въ Новгородѣ. Единовластіе изъ Велико-россіи распространилось на другія русскія земли и укрѣпилось тамъ, а затѣмъ продолжало усиливаться. Одна только эта личная власть князя имѣла развитіе; все остальное падало передъ нею, мертвѣло“.

„Надо мѣрять все соотвѣтствующею мѣрою; нельзя измѣрять величину комнаты верстами и разстояніе между двумя горо-

¹⁾ Кавелинъ, между прочимъ, доказывалъ неприложимость метода изслѣдованія, принятаго въ естествознаніи, къ наукамъ социальнымъ и высказывался несочувственно о книгѣ Боля: „Введеніе въ исторію цивилизаціи въ Англіи“, пользовавшейся въ то время большимъ авторитетомъ среди молодежи. Кавелинъ считалъ книгу Боля болѣе остроумной, чѣмъ научной, болѣе парадоксальной, чѣмъ философской. Онъ нападалъ на Боля за отрицаніе имъ свободной воли въ человѣкѣ и за преувеличеніе вліянія на человѣка природныхъ условій.

дами—аршинами и вершками. А въ изслѣдованіяхъ по русской исторіи, въ особенности древней, вы встрѣтите зачастую именно такой абсурдъ. Переносятся въ какіе нибудь XII—XIV вв. воззрѣнія, да и то еще произвольныя и недостаточно продуманныя, второй половины XIX в.! Да развѣ это историческая точка зрѣнія? И сколько шумихи и праздныхъ словъ было высказано изъ-за подобныхъ несоизмѣримыхъ положеній и изъ-за логическихъ анахронизмовъ! Возьмите, напримѣръ, славяно-русскую миеологию, которая меня прежде увлекала весьма сильно. Я надѣялся подъ туманными образами повѣрій, обрядовъ найти большія вещи, и ровно ничего не нашель! А сколько громкихъ фразъ было выболтано въ порывѣ увлеченія по разнымъ вопросамъ нашей миеологіи! Теперь та же шумиха поднялась изъ-за „вѣчевого уклада“. Забываютъ малость, что вѣчевой порядокъ умеръ, а единовластіе, монархизмъ восторжествовалъ — слѣдовательно монархизмъ на Руси былъ элементъ, носившій въ себѣ жизнь, потому что въ мірѣ природы организмы болѣе слабые и менѣе сложные поглощаются организмами болѣе сильными и болѣе сложными. И какія бури вынесъ великорусскій монархизмъ, и ничто его не сломило! И боярщина при Иванѣ Грозномъ, и поляки, и свои, домашніе „воры“ въ смутное время, и Разинъ съ понизовой вольницей въ концѣ XVII в., а затѣмъ въ 12-мъ году Наполеонъ съ „дванадцатью языки“. Петръ Великій и его реформа являются апогеемъ великорусскаго царизма. Назначеніе великорусскаго племени заключалось въ томъ, чтобы ассимилировать, объединить разрозненные племена Руси — и оно исполнило свою задачу: оно поглотило отдѣльныя части. Школа народническо-вѣчевая—не историческая школа!“ — такъ заключилъ свои разсужденія Кавелинъ.

О народномъ представительствѣ въ древней Руси, о вѣчѣ и о земскихъ соборахъ много говорилъ также Кавелинъ по поводу только-что вышедшей въ 1866 году книги Б. Н. Чичерина „О народномъ представительствѣ“. Кавелинъ былъ недоволенъ этой книгой. Онъ возставалъ противъ исключительнаго, доктринерскаго западничества г. Чичерина и ставилъ ему въ вину непониманіе особенностей русскаго общественнаго и государственнаго строя. „Не понимая русской сельской общины, Чичеринъ не понимаетъ и нашихъ земскихъ соборовъ, смѣшивая ихъ съ западно-европейскимъ представительствомъ, — говорилъ Кавелинъ, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ земскій соборъ не имѣлъ съ нимъ ничего общаго“. Кавелинъ собирался написать рецензію на книгу г. Чичерина, да такъ и не собрался.

Затѣмъ, какъ-то разъ зашла у меня съ Кавелинымъ рѣчь о приближающемся двадцати-пятилѣтїи его учено-литературной дѣятельности. Въ то время я не зналъ, а самъ Кавелинъ, вѣрно, забылъ, что его „Теорїя владѣнія“ (передѣлка кандидатской диссертациі) была напечатана въ 1841 году, и что, такимъ образомъ, двадцати-пятилѣтіе падало на 1866 годъ; я считалъ его отъ 1844 года, изданїя магистерской диссертациі Кавелина по исторїи русскаго судоустройства и судопроизводства, и полагалъ, что четверть вѣка учено-литературной дѣятельности Кавелина исполнится въ 1869 году. Я заявилъ Кавелину о необходимости почтить его юбилейнымъ празднествомъ, и, съ большимъ увлеченїемъ охарактеризовавъ его значенїе въ научномъ развитїи русской исторїи и въ исторїи русскаго права, обѣщался прїѣхать къ этому празднованїю въ Петербургъ.

Глаза Кавелина заблестали, но только на одно мгновенїе, и онъ грустно опустилъ голову...

— Эхъ! — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ онъ: — если мнѣ удастся исполнить къ тому времени то, что я назначилъ себѣ сдѣлать, то я позволю отпраздновать мой юбилей; а то не за что... Да, впрочемъ, кто праздновать будетъ?—сказалъ онъ печально, подумавъ немного:—два-три человѣка!.. Я мечталъ составить курсъ гражданскаго права, учебникъ энциклопедїи юридическихъ и политико-общественныхъ наукъ для среднихъ учебныхъ заведенїй, а главное, я озабоченъ разработкой вопросовъ по психологїи и этикѣ. Въ новой постановкѣ ихъ лежитъ ключъ къ уразумѣнїю всего, всей нашей культуры, потому что общество человѣческое слагается изъ индивидуумовъ, и доволѣ личность, ея сущность и ея отношенїя къ обществу, не будутъ выяснены и опредѣлены въ точности, до тѣхъ поръ немислимы у насъ ни разумное отношенїе къ дѣйствительности, ни необходимыя основы для новаго синтеза... Вотъ если я успѣю докончить эту работу черезъ три года—тогда будетъ за что меня почтить празднованїемъ...

Кавелинъ продолжалъ излагать свои мысли вслухъ.

— Эхъ, еслибы да кабы!.. Еслибы состоянїе у меня было обеспеченное, я бы засѣлъ въ деревню, и много что въ полгода написалъ бы по этой части что-нибудь капитальное... Но теперь я не могу, мнѣ некогда... Мнѣ надо виномъ, табаккомъ да солью заниматься...

— Дорогой дядюшка,—говорилъ я ему въ душевномъ волненїи:—зачѣмъ вы оставили русскую исторїю? это ваша почва, ваше призванїе!

— Нѣтъ—возражалъ мнѣ Кавелинъ:—ты глубоко ошибаешься! Все, что мнѣ можно было сдѣлать въ области русской исторіи — я сдѣлалъ. Я вышелъ изъ философской школы; у меня нѣтъ фактической подготовки,... и всѣ мы, работники сороковыхъ годовъ, таковы. Мы искали и въ наукѣ, и въ жизни принциповъ, общихъ началъ. Кто изъ моихъ сверстниковъ сталъ на фактическую почву, тотъ завязъ въ фактахъ, не можетъ въ нихъ ориентироваться должнымъ образомъ... Иные пишутъ томы, а толку мало... Да если бы я написалъ въ десять разъ больше нѣкоторыхъ многотомныхъ сочиненій, — то, съ моей точки зрѣнія, не могъ бы радоваться этому и не былъ бы удовлетворенъ своей работой... Да-съ, мой милѣйшій племянникъ!—заклучилъ Кавелинъ свой монологъ:—моя пѣсня спѣта. Вамъ, вашему поколѣнію, подобаеъ расти, намъ же маляться.

Кавелинъ вообще неохотно о себѣ распространялся, и я долженъ былъ вызывать его на подобные разговоры.

— Я гордъ тѣмъ,—говорилъ онъ мнѣ, напимѣрь, однажды,—что прежде другихъ и правильнѣе многихъ взглянулъ на настоящія, насущныя потребности русскаго народа. Моя заслуга передъ родиной заключается въ томъ, что я если не прямо (чего нельзя было сдѣлать по нашимъ цензурнымъ и общественнымъ условіямъ), то, по крайней мѣрѣ, усердно и честно выводилъ русскую общественную мысль на самостоятельную дорогу, освобождая ее отъ хлама разныхъ предвзятыхъ воззрѣній и доктринъ. Всѣ измы для меня ненавистны. Обскурантизмъ и либерализмъ, патриотизмъ и нигилизмъ, консерватизмъ и радикализмъ, конституціонализмъ, аристократизмъ и демократизмъ и прочіе „измы“—все это хламъ, шелуха, ярлыки, не имѣющіе смысла. Настоящій смыслъ русской общественности и русскаго пониманія кроется въ дѣйствительномъ, реальномъ изученіи самихъ себя, своихъ насущныхъ нуждъ и потребностей; пора перестать намъ подгонять нашу мысль подъ чужую мѣрку, отливать ее въ чуждую намъ форму. Общинное землевладѣніе и самоуправленіе, крестьянство, освобожденное отъ помѣщиковъ и чиновниковъ, и земскія учрежденія вмѣстѣ съ мировой юстиціей—вотъ три основные элемента нашей общественности, три основные фазиса нашего развитія. На нихъ, на ихъ дальнѣйшій ростъ, на ихъ взаимныя отношенія слѣдуетъ обратить все наше вниманіе, и при ихъ должномъ, нормальномъ развитіи мы воспитаемъ наше собственное, національное воззрѣніе. Я и обратилъ на нихъ своевременно вниманіе, и старался втолковывать всѣмъ и каждому, на

разные лады, и значеніе общины, и крестьянскаго освобожденія, и земства съ мировымъ судомъ.

Въ другой разъ Кавелинъ разговорился со мной о своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Онъ признался мнѣ, что имѣеть свойство быстро, страстно очаровываться людьми, воспринимая сразу все лучшее, что можетъ дать человѣкъ, и затѣмъ точно также быстро охлаждаться къ нимъ, къ тому же самому человѣку, къ которому прежде онъ безпредѣльно былъ преданъ всей душой. Это свойство, по признанію Кавелина, было у него общее съ Бѣлинскимъ. Въ VI-й главѣ печатаемыхъ „Матеріаловъ“ было уже указано на то, какъ Кавелинъ разрывалъ даже многолѣтнія свои отношенія къ людямъ, въ которыхъ лишь подозрѣвалъ неуважительное отношеніе къ своимъ воззрѣніямъ ¹⁾.

Почти всѣ близкіе Кавелину люди испытывали на себѣ въ болѣе или мѣнѣе степени такое отношеніе къ нимъ съ его стороны.

— Я выбросилъ NN, или ZZ, изъ своего сердца! — вотъ фраза, которую часто приходилось слышать отъ Кавелина при весьма естественномъ вопросѣ о томъ или другомъ близкомъ ему человѣкѣ, котораго или давно, бывало, не видишь у него, или не слышишь ничего о немъ отъ Кавелина. Этимъ свойствомъ его характера быстро очаровываться людьми и столь же быстро въ нихъ разочаровываться объясняются, съ одной стороны, разрывъ его съ людьми вполнѣ достойными, которые, несмотря на охлажденіе и даже нерасположеніе къ нимъ Кавелина, продолжали относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ и любовью, а съ другой стороны, случавшееся иногда сближеніе его съ людьми, совершенно ему чуждыми по воззрѣніямъ и умственнымъ и нравственнымъ интересамъ.

Невольно припоминаются при этомъ слова В. Д. Спасовича въ его рѣчи о Кавелинѣ, произнесенной въ петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 11-го мая 1885 года. „Кавелинъ, — говоритъ г. Спасовичъ, — меньше привязывался по натурѣ своей къ людямъ, нежели къ идеямъ. Я помню, какъ не разъ приходилось Кавелину, не озираясь и, повидимому, не особенно печалась, разставаться съ людьми, съ которыми онъ жилъ десяти лѣтъ, когда ихъ пути расходились съ его собственнымъ подъ прямымъ угломъ на общественной аренѣ. Но зато, — прибавляетъ г. Спасовичъ, — какой же онъ былъ вѣрный товарищъ и заступникъ всякаго, въ комъ онъ не извѣрился, кого считалъ принад-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1886, октябрь, стр. 754—756.

лежащимъ въ одному лагерю, въ комъ замѣчалъ одушевленіе идеями добра!“¹⁾ Къ словамъ В. Д. Спасовича возможно сдѣлать лишь слѣдующее добавленіе: Кавелинъ именно только по видимому не особенно печалился разрывомъ своихъ долготѣннихъ отношеній. Онъ очень хорошо сознавалъ свое свойство неустойчиво, такъ свазать, относиться къ людямъ, и весьма часто мучился имъ. Это свойство создавало ему массу неправильныхъ отношеній въ жизни и давало оружіе противъ него его недругамъ и противникамъ.

Я говорилъ выше, что даже ученые, разошедшіеся съ Кавелинымъ, высоко ставили его ученія заслуги и относились къ нему съ уваженіемъ. Довзательствомъ этому могутъ служить отношенія Кавелина въ 1866—67 гг. къ тремъ извѣстнымъ русскимъ историкамъ: Н. И. Костомарову, С. М. Соловьеву и М. П. Погодину.

Послѣ петербургской университетской исторіи Кавелинъ былъ не въ ладахъ съ Костомаровымъ. Какъ по свойству своего ума, такъ и по характеру, Кавелинъ былъ совершенно противоположенъ Костомарову, а потому и расходился съ нимъ и въ воззрѣніяхъ на основные вопросы русской исторіи, и въ приемахъ историческаго изслѣдованія. Кавелинъ былъ прежде всего историкъ-философъ и критикъ, Костомаровъ—историкъ-художникъ и поэтъ; Кавелинъ выдвигалъ на первый планъ въ русской исторической жизни племя великорусское, Костомаровъ—малорусское. Тѣмъ не менѣе, Кавелинъ не только воздавалъ должное художественно-историческому таланту Костомарова, но приходилъ отъ него положительно въ восторгъ. Онъ увлекался „Богданомъ Хмельницкимъ“ и многими эпизодами изъ „Смутнаго времени Московскаго государства“, которое въ 1866 году только-что стало помѣщаться въ „Вѣстникъ Европы“. Особенно нравились Кавелину описанія вѣзда перваго Лжедмитрія въ Москву и аудіенціи у Сигизмунда плѣннаго московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ также вызвали при своемъ появленіи (въ 1869 г.) похвалу со стороны Кавелина, но уже не за художественность изложенія, а за мастерскую характеристику поляковъ.

— Никто не нанесъ полякамъ такого сильнаго пораженія въ области литературы, какъ Костомаровъ своею книгою о раздѣлахъ Польши,—говорилъ Кавелинъ:—никто такъ мѣтко не ха-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1885, іюнь, стр. 807—808.

рактировалъ поляковъ, какъ онъ въ предисловіи въ этой книгѣ, и никто такъ рельефно и доказательно не представилъ всей политической и исторической близорукости и безтактности поляковъ!..

Но, восхищаясь Костомаровымъ, какъ историкомъ-художникомъ и полонофобомъ, Кавелинъ обвинялъ его въ историческихъ пристрастіяхъ и въ неустойчивости историческихъ возрѣній. Онъ нападалъ на Костомарова за преувеличеніе имъ роли народной массы въ исторіи, за предвзятое отношеніе къ историческимъ источникамъ вообще и къ произведеніямъ народной поэзіи въ частности, за излишнее восхваленіе начала вѣчевого (о чемъ было уже упомянуто выше подробнѣе), за непониманіе историческаго призванія великорусскаго племени, значенія московскаго единодержавія и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

— Никогда не забуду, — рассказывалъ Кавелинъ, — какъ мы шли вмѣстѣ съ Костомаровымъ съ его публичной лекціи о Выговскомъ. Это было въ началѣ 1861 года. У насъ возникъ споръ о Выговскомъ, причѣмъ я не соглашался съ выводами Костомарова. И что же ты думаешь? Онъ не только не возражалъ мнѣ по существу, но прямо призывалъ многія изъ моихъ замѣчаній совершенно вѣрными. И это послѣ долгихъ лѣтъ изученія малорусской исторіи, которой я никогда не занимался, и по поводу моихъ мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову на его же лекціи и на основаніи имъ же сообщенныхъ фактовъ! Я рѣшительно понять не могу такого отношенія къ дѣлу, такого отсутствія твердыхъ историческихъ убѣжденій!..

Костомаровъ ни слова не говорилъ мнѣ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Кавелину, зная мое близкое родство съ нимъ, но часто спрашивалъ о немъ и выражалъ сожалѣніе, что Кавелинъ оставилъ занятія русской исторіей. Его историческія возрѣнія Костомаровъ цѣнилъ, и когда я вель съ Николаемъ Ивановичемъ долгія бесѣды по поводу моей магистерской диссертации, онъ меня спрашивалъ неоднократно:

— А говорили вы объ этомъ съ Кавелинымъ? — Что онъ вамъ совѣтуетъ? — Онъ какого мнѣнія?

Костомаровъ, враждебно относившійся къ полякамъ, очень интересовался возрѣніями Кавелина на польскія дѣла. Въ 1867 г. уже заходила рѣчь объ открытіи въ Варшавѣ русскаго университета.

— Кавелинъ, — вотъ кто болѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ ученыхъ можетъ достойно занять кафедру русской исторіи въ Варшавѣ, — говорилъ мнѣ Костомаровъ. — Имя его популярно и у

поляковъ, и никто лучше его не разъяснить ляхамъ ихъ должныя отношенія къ Россіи, никто лучше его не заставить ихъ понять русской исторіи, потому что Кавелинъ умѣетъ стоять въ своихъ воззрѣніяхъ на объективной почвѣ, не раздражая противника.

— А вы, Николай Ивановичъ,—говорилъ я Костомарову,—вы лучше Кавелина знакомы съ историческими отношеніями Польши къ Россіи; вотъ вамъ бы идти профессоромъ русской исторіи въ Варшаву.

— Нѣтъ, я для этого не гожусь,—отвѣчалъ онъ.—Я не могу объективно относиться къ полякамъ...

Кавелину, какъ я слышалъ впоследствии, дѣйствительно была предложена профессура русской исторіи въ Варшавѣ, но онъ ея не принялъ.

Не менѣе любопытны отзывы о Кавелинѣ двухъ московскихъ ученыхъ: Соловьева и Погодина.

Съ Соловьевымъ Кавелинъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ и привѣтствовалъ его первыя ученыя произведенія сочувственными рецензіями. Мнѣ неизвѣстно въ точности, когда и вслѣдствіе чего разошелся Кавелинъ съ Соловьевымъ, но знаю очень хорошо, что въ 1866—1867 гг. они были далеки другъ другу.

Въ январѣ 1867 года академикъ Певарскій ѣздилъ въ Москву и, вернувшись оттуда, передавалъ мнѣ свой разговоръ съ Соловьевымъ о Кавелинѣ. Соловьевъ, припоминая прошлое, заявлялъ Певарскому, что онъ своей ученой карьерой обязанъ Кавелину. То же самое говорилъ и мнѣ впоследствии (въ 1872 г.) Сергій Михайловичъ. Я познакомился съ Соловьевымъ въ Москвѣ, въ 1867 г., и онъ отзывался мнѣ съ большой похвалой о „Мысляхъ и замѣткахъ по русской исторіи“ Кавелина и также, какъ и Костомаровъ, выражалъ сожалѣніе, что Кавелинъ оставилъ занятія русской исторіей, въ области которой онъ всегда работалъ столь плодотворно. Выраженіе Соловьева, что „онъ своей ученой карьерой обязанъ Кавелину“—не было простою любезностью со стороны этого достойнаго представителя русской исторической науки второй половины XIX в.,—а дѣйствительнымъ фактомъ. Вотъ какъ мнѣ передавалъ это обстоятельство самъ С. М. Соловьевъ.

Въ 1845 году онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацию „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ и представилъ ее для разсмотрѣнія въ историко-филологической факультетъ московскаго университета. Погодинъ тогда уже не былъ

профессоромъ, и отзывъ о диссертациі Соловьева долженъ былъ представить Грановскій, профессоръ всеобщей исторіи. Грановскій отказался, какъ не-специалистъ по русской исторіи, и разборъ диссертациі Соловьева поручили Кавелину, хотя и профессору юридическаго факультета, но заявившему себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ монографій по исторіи русскаго права, предмету столь близкому въ русской исторіи. Отзывъ Кавелина былъ напечатанъ въ февральской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1846 г. и доставилъ Соловьеву кафедру русской исторіи въ московскомъ университетѣ. Кавелинъ заканчивалъ рецензію на книгу Соловьева слѣдующими словами:

„Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему, для него и для насъ, чтобы продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало“¹⁾.

Живо представляется мнѣ весь разговоръ мой о Кавелинѣ съ Погодинымъ.

Разговоръ происходилъ 18-го апрѣля 1867 года, въ классической резиденціи этого патріарха русской исторіографіи XIX в., въ его домѣ, въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ. Въ то время Москва готовилась къ приему „братъевъ славянъ“ на этнографическую выставку, отрывшуюся въ концѣ апрѣля. Хоромы Михаила Петровича Погодина представляли собой истое „древлехранилище“ и русскій историческій музей. Все въ нихъ было оригинально и самобытно, начиная съ самого хозяина. Я засталъ въ семъ древлехранилищѣ неофициальное засѣданіе Общества любителей російской словесности, котораго Погодинъ состоялъ въ то время предсѣдателемъ. Въ засѣданіи, кромѣ Погодина, участвовали Н. В. Калачовъ, П. К. Щербальскій и М. П. Полуденскій и совѣщались о приемѣ славянскихъ гостей. Погодинъ издавна сердился на Кавелина еще за рецензію 1846 года на его труды: „Историко-критическіе отрывки“ и „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“. Въ этихъ рецензіяхъ, Кавелинъ противопоставляетъ критически-философскимъ требованіямъ новаго историко-юридическаго направленія въ русской исторической наукѣ, во главѣ котораго стоялъ онъ самъ, историческія разсужденія Погодина, лишеныя общей мысли и правильнаго анализа фактовъ.

¹⁾ Сочиненія Кавелина, т. II, стр. 88.

Разговорившись со мной о Кавелинѣ, Погодинъ съ увлеченіемъ рассказалъ мнѣ о его экзаменѣ у него, Погодина, при переводѣ съ 1-го на 2-й курсъ юридическаго факультета московскаго университета. На мой вопросъ Погодину, читалъ ли онъ „Мысли и замѣтки о русской исторіи“?—онъ разразился цѣлымъ монологомъ: очевидно, я попалъ ему въ самое больное мѣсто.

— Читалъ. Статья хорошая, — отвѣчалъ Погодинъ. — Мѣстами Кавелинъ говоритъ дѣло, мѣстами — не дѣло. Если сопоставить en regard его прежнія статьи съ этой, то какое получится противорѣчіе! Какъ небо отъ земли!.. Вѣдь онъ говоритъ теперь то, на что самъ нападалъ прежде.

Въ этомъ Погодинъ былъ совершенно правъ. Кавелинъ, въ „Мысляхъ и замѣткахъ о русской исторіи“, во многихъ отношеніяхъ близко подошелъ въ историческимъ воззрѣніямъ славянофиловъ, съ которыми жарко полемизировалъ въ 40-хъ годахъ. Но въ дальнѣйшихъ нападкахъ на Кавелина и западниковъ 40-хъ годовъ, говорившихъ тогда одно, а въ 60-хъ годахъ утверждавшихъ совершенно другое (эти нападки я привожу ниже), Погодинъ являлся уже совершенно неправымъ. Онъ, наряду съ другими порицателями многихъ мыслителей за ихъ непослѣдовательность и за отреченіе отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, — повидимому, полагалъ, что воззрѣнія человѣка должны представлять собою какую-то ледяную глыбу, безъ всякаго измѣненія. Такіе порицатели совершенно не хотятъ принимать въ расчетъ десяти лѣтъ, отдѣляющіе у мыслящаго человѣка одинъ кругъ его воззрѣній отъ другого, — тотъ періодъ времени, въ который произошло множество переменъ и около него, и въ немъ самомъ...

Погодинъ горячился, волновался и сталъ расточать различныя „бранныя“ изреченія по адресу западниковъ 40-хъ годовъ, обрушивая весь свой гнѣвъ на лучшихъ сторонниковъ этого направленія: Кавелина, Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, Евг. Фед. Корша.

— Пресловутое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, — возглашалъ онъ, — было первой искрой разгорѣвшагося впоследствии ложнаго западническаго направленія.

Затѣмъ Михаилъ Петровичъ продекламировалъ наизусть, съ большимъ жаромъ, извѣстные стихи Языкова „Къ не-нашимъ“, т. е. къ западникамъ. Какъ теперь вижу Погодина, стоящаго передо мной въ позѣ трагическаго актера и возглашающаго нараспѣвъ:

...„Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство. Вы полны

Не той высокой и прекрасной
 Любовью къ родинѣ; не тотъ
 Огонь чистѣйшій, пламень ясный
 Васъ поднимаетъ. Въ васъ живетъ
 Любовь не къ истинѣ и благу.
 Народный гласъ—онъ Божій гласъ.
 Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.
 Онъ страненъ, дакъ, онъ чуждъ для васъ“¹⁾.

— Они (т.-е. западники), — почти кричалъ Погодинъ, — должны принести торжественное покаяніе въ своихъ грѣхахъ, — тогда я съ ними могу примириться... Это я говорилъ Герцену, съ которымъ встрѣтился въ прошломъ году въ Монтрѣ. Я вотъ выпишу ихъ прежнія воззрѣнія и теперешнія: такъ они у меня не отвертятся!..

Напутствуемый искренними благопожеланіями со стороны Кавелина и Сони и съ глубокою грустью въ сердцѣ при разлукѣ съ ними, — я оставилъ Петербургъ 30-го марта 1867 года. Около мѣсяца прожилъ я въ Москвѣ и 26-го апрѣля былъ уже у себя дома, въ Казани.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Кавелинъ писалъ моему отцу, 26-го марта 1867 года.

„Не знаю, дорогой и почтеннѣйшій другъ Александръ Львовичъ, какими словами замолить у васъ и у сестры себѣ прощеніе за почти безконечное молчаніе на многія и многія ваши письма, которыхъ цѣну понимаю вполне? Надѣюсь, что вы не припишете это молчаніе, которое меня самого тяготило, какъ камень, — равнодушію и разсѣянности. Вся бѣда въ томъ, что мы, русскіе, не умѣемъ распоряжаться временемъ, какъ нѣмцы и англичане; а потомъ — петербургская жизнь устроена такъ нелѣпо; вихремъ вертитъ всѣхъ, даже такихъ несвѣтскихъ людей, какъ я. Недѣли, мѣсяцы проходятъ въ какомъ-то водоворотѣ; прошли они, — спрашиваешь себя, какъ въ чадѣ: что же ты порядочнаго сдѣлалъ въ такой большой промежутокъ времени? И оказывается — ничего, ровно ничего²⁾!..

...„Сколько мы ни дѣлаемъ глупостей по слѣпотѣ и незнанію Россіи, а дѣло все-таки идетъ и идетъ не назадъ, а видимо впе-

¹⁾ Стихотвореніе Языкова „Къ не-нашимъ“ напечатано въ приложеніи къ весьма интересной статьѣ М. И. Жихарева о Чаадаевѣ. См. „Вѣстн. Евр.“, 1871, сентябрь, стр. 43—44.

²⁾ Далѣе Кавелинъ пишетъ подробно, на нѣсколькихъ страницахъ, обо мнѣ и о моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

редъ. Восточный вопросъ выдвигается неудержимо впередъ и долженъ скоро разыгратъся, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ будущимъ. На этотъ разъ, обстоятельства, кажется, не застанутъ насъ въ расплохъ, какъ въ Крымскую кампанію. Повидимому, существуетъ союзъ между нами и Пруссіей, а съ другой стороны, между нами и Сѣверной Америкой. Продажа ничтожныхъ американскихъ владѣній Штатамъ ведена была такъ искусно и тайно, что никто этого не подозрѣвалъ: мы отдали за 7 милліоновъ долларовъ клочокъ земли, намъ вовсе ненужный, котораго устройство стоило бы намъ огромныхъ суммъ и который американцы могли бы взять даромъ, если бы захотѣли. Эта операція была отличнымъ дѣломъ. Американцы окружили теперь со всѣхъ сторонъ англійскія владѣнія, и для нихъ этотъ ничтожный клочокъ—дороже золота. Мы же приобрѣли ихъ дружбу и, кажется, тѣсный союзъ: у насъ съ ними общіе враги, а дѣлать намъ нечего. Помощь американскаго флота во время войны—чего она одна стоитъ! Англичане роютъ подъ собою землю отъ злости, да дѣлать нечего. Съ такими союзниками, какъ Пруссія и Американскіе Штаты, за восточный вопросъ приниматься можно. Я убѣжденъ, что Николаевская дорога продается съ этою же цѣлью, т.-е. для войны, и потому иностранцамъ, а не своимъ, золото нужно.

„Что касается до внутренней политики, то она представляетъ много грустныхъ явленій; но не забывайте одного: никогда и нигдѣ въ мірѣ перевороты не совершались гладко какъ по маслу, а вездѣ съ неизбежными колебаніями. Силенъ былъ Петръ,—а и онъ дѣлалъ шаги то впередъ, то назадъ. Измѣнившіеся нравы и обстановка жизни довершаютъ начатое въ нынѣшнее (Александра II) царствованіе, несмотря на всѣ каверзы и пакости. Притомъ, надобно замѣтить и то: дѣлаютъ все это въ частностяхъ, стараются изъ-за угла вставлять шпильки въ новые порядки; но я не вижу пока, чтобы удалось круто поворотить машину назадъ. Всѣ попытки ихъ въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ оставались безуспѣшными и не видно, чтобы шансы склонялись въ пользу этого направленія...

...„Скажу вамъ, что много хитрости, затаенности, лукавства я вижу, но глупости и злонамѣренности — не вижу. Готовится что-то большое, всемірное, а что именно,—это покажетъ время, и, я думаю, не очень отдаленное.

„Когда это письмо дойдетъ до васъ, многое измѣнится, потому что стеклышки въ калейдоскопѣ событій нашего времени поворачиваются необыкновенно живо и быстро. Прочтите №№ „Москвы“ 56 и 57 о православіи въ Балтійскихъ губерніяхъ и №№ 61,

62, 63 и 64—въ отвѣтъ „Вѣсти“. Всѣ 6 статей—передовыя. Если не читали,—эти статьи васъ заинтересуютъ. Онѣ произвели огромное впечатлѣніе въ Петербургѣ, на который ничто не производитъ впечатлѣнія,—такая это мерзкая гнилушка, полу-нѣмецкая, собственно говоря, чортъ знаетъ какая. А національное чувство, между тѣмъ, вѣршнеть не по днямъ, а по часамъ, вездѣ, всюду, проникая глубоко внизъ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ слоевъ. Свѣтъ проливается и тамъ, гдѣ былъ глубокій мракъ. До смерти жаль, что прожилъ лучшую часть жизни въ то время, когда и разсвѣта не было, и мракъ сплошной казался нормальнымъ порядкомъ вещей.

„Крѣпко обнимаю васъ, дорогой и почтенный другъ! Извините меня передъ сестрой, что не пишу ей: просто некогда, отваливши 4 листа. Сейчасъ прійдетъ Дмитрій простаться, а ему нужно еще приготовить два письма въ Москву...

...„Милютинъ поправляется, но плохо. Онъ—отпѣтый человѣкъ, роль его кончена. Невыносимо тяжело это выговорить о человѣкѣ, который именно теперь вполне созрѣлъ для государственной и политической дѣятельности. Съ его яснымъ, орлинымъ взглядомъ, съ его горячею любовью и вѣрою въ Россію, ему предстояло бы многое еще сдѣлать. Царь о немъ горюетъ и недавно снова посѣтилъ его.

„Будьте здоровы и не держите на меня гнѣвъ за то, что не пишу вамъ по долгу. Весь вашъ—К. Кавелинъ“.

Отъ того же 26-го марта онъ писалъ Евг. Фед. Коршу въ Москву:

...„Благодарю тебя за третій томъ Лотце. Собираюсь писать по его поводу статью, и все не соберусь: до такой степени время расхищается въ Петербургѣ совсѣмъ непроизводительно. А все-таки напишу—непремѣнно. Эта статья у меня на совѣсти и передъ собой, и передъ молодостью, у которой голова свинчена совсѣмъ...

...„Восточный вопросъ подкатывается видимо къ развязкѣ. Продажа американскихъ владѣній за 7¹/₂ милліоновъ долларовъ—штука очень неглупая и озадачила очень всѣхъ своею неожиданностію. Теперь, кажется, мы идемъ къ разрѣшенію Восточнаго вопроса обдуманнѣе, чѣмъ въ 1853 году, обезпечивъ себя полновѣсными союзами. Что-то будетъ! Хотѣлось бы окончить жизнь на берегахъ Босфора, устрояя тамошніе табачные и соляные авцизы, чѣмъ я теперь занимаюсь въ Петербургѣ.

„А пишете вы въ газетахъ неглупо, и въ особенности не то чтобы очень церемонно. Видимо свѣтаетъ, и ночныя совы должны

разлетѣться по душамъ. Хорошее время, хоть и тяжелое подъ-
часъ до нельзя...

...„Шлю сердечный поклонъ новому поколѣнію, а также Кет-
черу, Забѣлину, Станкевичамъ. Въ концѣ мая увижусь съ тобою
на нѣсколько часовъ, проѣздомъ на Столыпинскія воды, которыя
принесли мнѣ въ прошломъ году великую пользу“.

Весной 1867 г. Соня Кавелина должна была кончить курсъ
въ гимназіи и вслѣдъ затѣмъ ѣхать съ матерью за границу. О
ходѣ занятій Сони Кавелинъ писалъ мнѣ 13-го мая слѣдующее:

...„Соня держитъ экзамены блистательно—изъ 6-ти предме-
товъ получила по 12-ти, въ томъ числѣ изъ 4-хъ—съ крестами,
т.-е. выше 12-ти. Синеродъ сошелъ отличнѣйшимъ манеромъ.
Теперь осталось 4 экзамена. Послѣдній—24-го, и затѣмъ онѣ
ѣдутъ за границу. Чья золотая медаль—неизвѣстно. На нее двѣ
соперницы: Булатова и Соня. Послѣдняя, во всякомъ случаѣ, ста-
нетъ не ниже второй сверху! Вотъ каковы мы! Она расцвѣ-
таетъ, въ полномъ смыслѣ. Ботвинъ совсѣмъ ее вылечилъ, и преж-
ніе припадки болѣзни, которая насъ такъ тревожила относительно
состоянія ея сердца—совсѣмъ исчезли. На будущую зиму планъ
у насъ прежній. Занятія, часа два въ недѣлю, въ гимназіи, пре-
подаваніемъ въ низшихъ классахъ; серьезное изученіе древней
исторіи (т.-е. собственно исторіи цивилизаціи), съ обширнымъ
нагляднымъ изученіемъ въ памятникахъ искусства, на что въ Пе-
тербургѣ много средствъ. Кромѣ того, занятія музыкой, преиму-
щественно пѣніемъ, подъ руководствомъ одной отличной музы-
кантши и пѣвицы и великолѣпной барыни по образованію и сердцу,
вдобавокъ весьма достаточной и даже богатой, гдѣ Соня найдетъ
образованное общество. Въ этомъ домѣ будетъ ея *entrée dans le*
monde. Лучше ничего нельзя для нея выдумать, и я въ восхи-
щеніи отъ этой перспективы. Развить ее во всѣ стороны, развить
все, что въ ней можетъ быть развито,—это мой идеаль. А раз-
вивать есть что. Недавно я, на старости лѣтъ, тронуть былъ до
глубины души однимъ случаемъ, который выказалъ ея глубокую
честность. Учитель исторіи предложилъ ей прорепетировать съ
нею всеобщую исторію передъ экзаменомъ. Она на-отрѣзъ отка-
залась, говоря, что не хочетъ имѣть преимуществъ передъ това-
рищами, которыя не могутъ пользоваться тѣмъ же, и никакія
настоянія не помогли: она осталась при своемъ. Двѣ соперницы
на золотую медаль ведутъ себя, во взаимныхъ отношеніяхъ, без-
удовризенно, такъ что душа радуется, глядя на нихъ“.

Въ томъ же письмѣ Кавелинъ говоритъ, 15 мая:

„...Долго пишется это письмо. Прошли и праздники въ честь

славянь, въ которыхъ мнѣ не удалось участвовать, но о которыхъ много слышалъ. Восторгъ былъ неописанный! Вчера или третьяго дня они представлялись государю, который ихъ обворожилъ своею благосклонностью и вниманіемъ. Событіе очень большое и принесетъ свой плодъ впереди. Славяне очень довольны и тронуты. Судя по рѣчамъ и нѣкоторымъ ихъ отзывамъ, которые до меня доходили, они относятся къ дѣлу болѣе мыслящимъ образомъ, чѣмъ большинство нашей публики, которое распустилось въ восторгѣ, какъ ребенокъ малый. Когда мы вылечимся отъ маломыслія и безсмыслія! „Дымъ“, „Дымъ“, — вотъ что невольно повторяешь себѣ, вмѣстѣ съ Тургеневымъ. На любовь и изъявленіе всякаго рода горячихъ чувствъ мы мастера. Но чувства эти проходятъ, какъ паръ, потому что мысль ихъ не закрѣпляетъ“.

Въ концѣ мая Кавелинъ поѣхалъ снова лечиться на Столыпинскія сѣрныя воды, но полного курса леченія взять не успѣлъ, вслѣдствіе одного случая съ Соней, который его очень напугалъ. Въ то время, какъ Кавелинъ былъ на водахъ, она оступилась, вытянула жилу на ногѣ, и ее уложили въ постель. Поѣздка за границу была отложена. Кавелинъ поторопился въ Петербургъ и на два дня заѣхалъ къ намъ въ деревню. Но тревога его была напрасна. Соня очень скоро поправилась и уѣхала съ матерью, прежде чѣмъ Кавелинъ попалъ въ Петербургъ.

27-го іюля онъ писалъ моему отцу:

... „Я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ рассчитывалъ, 24-го іюля и нашелъ нѣсколько писемъ отъ Сони, которыя, какъ всегда, доставили мнѣ много утѣшенія. Она не на шутку работаетъ, читаетъ и готовится къ преподаванію въ гимназіи. Здорова совсѣмъ. Такая толковая барышня, что сердце у меня прыгаетъ отъ радости.“

... „Я имѣю къ вамъ великую просьбу. Митя, въ бытность свою въ Петербургѣ, назвалъ мнѣ сочиненіе о классическихъ древностяхъ или археологіи съ политапажами, — на англійскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, или въ русскомъ переводѣ. Память у меня негодная, и я совершенно забылъ имя автора и вообще полное заглавіе книги. А теперь мнѣ бы нужно было это свѣденіе — и безотлагательно, потому что ее нужно будетъ купить заблаговременно для Сони, которая съ осени начнетъ правильно, систематически заниматься исторіей, и изъ писемъ ея я вижу, что чтеніе руководства, которое она съ собою взяла, идетъ очень ладно. Вчера заходилъ въ книжную лавку и нашелъ превосходныя пособія для древней исторіи (съ которой она начнетъ), но не рѣшаюсь остановиться на нихъ, не собравъ полныхъ свѣденій, кото-

рое лучше. Сдѣлайте милость и дружбу, попросите Митю прислать мнѣ немедля заглавіе книгъ, которыя ему извѣстны по классической археологіи, какъ лучшія, и въ которыхъ есть поли-типажи, или къ которымъ есть атласъ. За цѣной я не постою, лишь бы было хорошо...

...„Новостей—никакихъ. Въ Остзейскихъ провинціяхъ рѣшено, говорятъ, дать надѣлы земли крестьянамъ казеннымъ, да введена переписка официальная по управленію на русскомъ языкѣ, вмѣсто нѣмецкаго. Нѣмцы, говорятъ, очень этимъ недовольны. Надѣлы крестьянамъ земли пахнутъ въ будущемъ Положеніемъ 19-го февраля, которое имъ страшно какъ не понутру.

„P. S. Восточная война, повидимому, на носу“.

Д. КОРСАКОВЪ.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

VII *).

Передъ обѣдомъ, около платформы желѣзной дороги, подъ яркимъ солнцемъ, дождалась публика, пришедшая пѣшкомъ отъ ипподрома, гдѣ только-что кончились полковыя, офицерскія скачки. Погода установилась въ полудню. Наканунѣ цѣлый день шелъ дождь, и все полотно скачекъ было въ грязи и даже въ большихъ лужахъ. Оттуда, отъ павильоновъ съ тотализаторами, все еще тянулась публика: дамы, много штатскихъ, военные разныхъ мундировъ, въ томъ числѣ и тѣ, что участвовали въ скачкахъ. Нѣкоторыхъ такъ облѣпили брызги и комки грязи, что на нихъ и жалко, и смѣшно было глядѣть. Въ особенности пострадалъ одинъ, только-что произведенный гусарикъ, еще безусый и бѣлокурый, какъ бываютъ бѣлокуры мальчишки, лѣтомъ, въ деревняхъ. Его красный мундиръ былъ весь испачканъ, да и лицу досталось не меньше. Но онъ улыбался весело, по-дѣтски, и поглядывалъ на всѣхъ молодцовато, пробираясь по доскамъ.

Дожидались тутъ и экипажи, но много дамъ еще не спѣшили садиться. Подъ навѣсомъ платформы и около нея, у выхода за загородъ, на самомъ полотнѣ дороги образовались пестрыя группы. Оживленныхъ разговоровъ не слышно было. Всѣ держались чопорно, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ паръ и двоекъ юркихъ молодыхъ людей, очень модно одѣтыхъ въ яркіе свѣтлые цвѣта съ длинными носками своихъ лодкообразныхъ лабо-

---

*) См. выше: янв., стр. 159.

вухъ башмаковъ. Въ сторонѣ, у перилъ, держались двѣ танцовщицы, и при каждой по офицеру и по штатскому. Изъ всѣхъ молодыхъ женщинъ эти танцовщицы были самыя нарядныя, съ непомерно длинными таліями и высокими шляпами. Смѣяться онѣ стѣснялись и говорили съ своими кавалерами тихо.

До прихода поѣзда—онѣ должны были забрать пассажировъ въ Новый Петергофъ и Ораніенбаумъ—оставалось пять минутъ.

Сосѣ Дрозенъ потеряла свой брѣгъ. Мальчикъ грумъ напугалъ по незнацію языка; онѣ держалъ лошадей—и когда начался разѣздъ, брѣга не оказалось. За нимъ побѣжалъ Теняшевъ. Дамамъ—съ ними была и Ожигова—пришлось дожидаться. Онѣ тоже потянулись къ платформѣ. Если Теняшевъ долго прощещетъ экипажа, онѣ могутъ доѣхать по желѣзной до станціи, а тамъ взять коляску.

Зинѣ всѣ эти дни нездоровилось. Лукашинъ уѣхалъ, не дождавшись ея; она избѣгала разговора не только съ нимъ, но и съ Сосѣ. Той она сказала только, чтобы ей дали время все обдумать, — доктору, что письма къ отцу или къ матери она не приготовила. Она увѣряла его, что у нея въ головѣ стоитъ что-то въ родѣ гвоздя, и она не можетъ связать двухъ мыслей.

Сосѣ не приставала къ ней. Она боялась болѣзни Зины и знала, что если та расклеится, то неизвѣстно, когда опять будетъ „на что-нибудь похожа“:—безъ Зины, бодрой, безупречно представительной, подтянутой и безмятежной, Софьѣ Германовнѣ и жизнь была не въ жизнь.

Однако, въ день скачекъ, Зина съ утра уже приготовилась, и туалетъ ея, только-что полученный изъ Франкфурта,—Сосѣ заказывала себѣ и кузинѣ половину туалетовъ тамъ, увѣряла даже, что во Франкфуртѣ лучше шьютъ, чѣмъ въ Парижѣ,—блисталъ на ней всеми цвѣтами радуги.

Къ половинѣ скачекъ Зина утомилась и ей стало очень скучно. Когда поскакали офицеры того полка, гдѣ служилъ Рынинъ, она его узнала сейчасъ же по его длинной, сухой фигурѣ и большому козырьку фуражки. Она злобно разсмѣялась, глядя, какъ всѣ они попадали въ лужи и перескакивали черезъ нихъ среди брызгъ и комковъ липкой грязи. Сосѣ хохотала отъ чистаго сердца. Ожигова раза два крикнула:

— Бѣдныя лягушки!

По доскамъ, къ платформѣ Зина шла позади Сосѣ,—Ожигова осталась на пути съ какимъ-то знакомымъ—утомленной, почти разбитой поступью. Ей было совсѣмъ не по себѣ, и она почти навѣрно знала, что на другой день сляжетъ. И весь этотъ иш-

подромъ, павильоны, далеко не наполненные публикой, отсутствіе мужчинъ, хотя сколько-нибудь для нея занимательныхъ, много „Богъ знаетъ“ какихъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ въ „ужасныхъ“ мордовскихъ и малороссійскихъ рубашкахъ, безъ перчатокъ, съ размашистыми жестами и окликами гимназистовъ, долгоногихъ юношей въ блузахъ—давали ей ощущеніе не большихъ столичныхъ скачекъ съ миллионными пари, а чего-то совершенно провинціального. Она даже не захотѣла играть и на настоящихъ скачкахъ, бывшихъ уже раза два передъ тѣмъ, когда увидала, что въ каскѣ сидятъ артельщики въ родѣ тѣхъ разносчиковъ, у которыхъ Сосѣ покупала клубнику и вишни. А сегодняшнія состязанія—эти офицеры, въ фуражкахъ на затылкѣ, въ несвѣжихъ мундирахъ, многіе съ некрасивыми посадками—были для нея просто ученьемъ военныхъ, которыхъ пригнали въ полковой манежъ.

Когда нѣсколько дамъ вскрикнуло, —одинъ офицеръ упалъ въ лужу вмѣстѣ съ лошадыю и сломалъ себѣ на носу *ripse-pez*, но оправился тотчасъ же и пошелъ бодро, хоть и весь въ грязи, — она даже оглянулась въ ихъ сторону и сдвинула брови, чуть не сказала имъ:

— Чего вы нервничаете?

Такъ ли она себя чувствовала два года назадъ, осенью, когда сидѣла на верку кареты, запряженной „four in hand“? И правилъ принцъ... А потомъ, въ ложѣ, *lunch* съ шампанскимъ и возвращеніе, когда они пересѣли въ ландо: принцъ и четыре дамы. И что тогда было!.. Какихъ дурачествъ они ни выдѣлывали!?! Все ему тогда позволила бы каждая изъ нихъ; она—менѣе другихъ, зато она командовала имъ какъ собачкой всю недѣлю, пока онъ жилъ тамъ, всю недѣлю осеннихъ скачекъ.

Горькое чувство желчи во рту заставило Зину подавить съ трудомъ гримасу, идя за Сосѣ. Принцъ... наследникъ трона. И каково!.. И вотъ этотъ длинный, армейскаго вида, офицеръ Рынинъ, который и ѣздить-то не умѣетъ такъ, какъ она или Сосѣ—особенно рысью,—и онъ смѣетъ здѣсь задавать тонъ, позволять себѣ „вамуфлеты“, дѣлать ей замѣчанія, направлять ее, точно какую дѣвчонку!

Еще досаднѣе было ей и то, что послѣ разговора съ Рынинымъ, на царской дачѣ, она поглядѣла иначе на княгиню Трубчевскую. Въ ней что-то такое покачнулось. Что ей, въ сущности, за дѣло, что княгиня пріѣхала сюда хлопотать объ отдачѣ своего мужа подъ опеку? А хоть бы и такъ?! Онъ безпутный виверъ. Всѣ мужчины—или развратники, или моты, игроки, пьяницы.

Даже принцъ оказался не лучше другихъ, когда она съ нимъ провела ту, знаменитую недѣлю. Наконецъ, спроси она сама княгиню, какое у нея въ Россіи дѣло? та бы сказала. Однако, вотъ, скрывала же отъ нея, отъ своей чтицы. Стало быть, или не хотѣла передъ ней показать себя въ подозрительномъ свѣтѣ, или считаетъ ее... такъ... *une batarde prétentieuse*...

Она и не бывала съ того дня у княгини, — написала ей, что нездорова. И дѣйствительно, ей нездоровилось. Сегодня могла бы пойти утромъ пораньше, но не захотѣла, просто не захотѣла.

Теперь она чувствуетъ, что у нея уже нѣтъ той опоры, въ лицѣ княгини, какая была еще недѣлю назадъ. Она не пойдетъ къ ней за окончательнымъ рѣшеніемъ: ѣхать ей въ Москву или только написать, и кому написать, и какъ написать. А Сосѳ непременно и очень скоро поведетъ рѣчь объ этомъ. Она уже подговаривалась вчера, сказала вскользь, что ей надо еще разъ въ Москву... Совсѣмъ не надо: не настолько она нѣжная дочь, а просто „*roug forcer la main*“ ей же, Зинѣ Ногайцевой.

Обѣ кухни вопли на платформу.

Первый, кто раскланялся съ ними, былъ Рынинъ.

Онъ стоялъ у перилъ, выпрямился. Свою фуражку отсадилъ онъ сильно на затылокъ, такъ что изъ-подъ удлиненаго козырька показался его лобъ, менѣе загорѣлый, чѣмъ лицо съ бронзовымъ отливомъ и все такое же угреватое.

На обѣихъ щекахъ, на правой, около носа, на лѣвой, ниже рта, сидѣло по большому пятну запекшейся грязи и мелкія брызги на подбородкѣ и съ лѣвой стороны красной шеи. Одно пятнышко усѣлось на нижнемъ вѣкѣ и довольно смѣшно дѣлало его глазъ точно съ подтекомъ.

Вся его грудь, одинъ рукавъ и рейтузы тоже были въ брызгахъ. Рынинъ поклонился дамамъ весело, и нисколько его не стѣсняло то, что онъ въ такомъ видѣ. Кругомъ на него указывали глазами, но безъ насмѣшливыхъ улыбокъ. Грязи досталось всѣмъ скакавшимъ, и это даже подходило къ настроенію публики и характеру дня.

Зина поклонилась ему на ходу. Руки не подала. Сосѳ засмѣялась и сказала:

— *Vous voilà joliment fagoté!*

А ей захотѣлось что-нибудь необыкновенно злое и презирающее сказать этому „важнюшѣ“, въ которомъ ничего нѣтъ: ни талантовъ, ни красоты, ни манеръ, ни хорошей даже посадки

верхомъ, ни умѣнья носить мундиръ. Вонъ какія у него складки на бокахъ и слишкомъ длинная талія, а фалдочки такъ коротки, что смѣшно!..

— Вы довольны?—сказалъ онъ ей первый, когда она поравнялась съ нимъ.

— Чѣмъ?

— Да вотъ тѣмъ, что насъ и меня въ томъ числѣ такъ отдѣляла грязь, по обязанностямъ службы?

Сосѣ не слыхала этихъ словъ Рынина; она опять засуетилась, выглядывала, нѣтъ ли гдѣ Теняшева и не видать ли ихъ брѣка.

— Вы рисуетесь,—сказала Зина, и ее ужасно, въ ту же минуту, кольнуло въ високъ.

— Не знаю, кто изъ насъ,—отвѣтилъ онъ безъ ироніи, тономъ старшаго, который желаетъ тихонько урезонить и немножко проучить строптивую дѣвочку.

Вся, какая была въ ней кровь, бросилась въ лицо. Она такъ его возненавидѣла въ эту минуту, что даже ее стало душить, а потомъ кровь быстро отхлынула, и ей надо было взяться за перила, иначе она бы закачалась.

— Какой туалетъ!—продолжалъ онъ тихо, съ усмѣшкой въ глазахъ:—всѣ въ восхищеніи... А знаете что, Зинаида Мартыновна,—онъ въ первый разъ называлъ ее такъ:—вѣдь, посмотрите, вотъ тамъ стоятъ дамы съ военными... онѣ всего больше подходятъ къ вамъ...

Она обернула голову. Ее продолжало душить... Что такое онъ ей говорилъ? За чѣмъ онъ это говорилъ? Навѣрно, еще какая нибудь новая и предательская дерзость.

Указалъ онъ ей на двухъ танцовщицъ; одна, болѣе стройная, съ правильнымъ нѣмецкимъ лицомъ, дѣйствительно, по турнюрѣ и разряженности, только и подходила къ Ногайцевой и ея кузинѣ. Около нея стоялъ высокій блондинъ съ бородкой деревенскаго парня, уже съ брюшкомъ, въ такомъ же точно короткомъ мундирѣ, какъ и Рынинъ; но онъ былъ поменьше забрызганъ. Рядомъ съ нимъ переминался худенькій штатскій, въ обтянутомъ фиштакшкво-зеленоватомъ сьютѣ, съ огромными руками, въ яркихъ перчаткахъ, совсѣмъ вышедшими изъ рукавовъ пиджака. Этотъ заморышъ похожъ былъ на собачонку, около крупнаго бѣлокураго парня съ брюшкомъ. Вся группа смотрѣла очень по-петербургски, и было что-то въ штатскомъ и въ дѣвицѣ забавное и празднично-франтоватое и дурного тона балетной „gomme“.

Все это схватила и поняла Зина мгновенно, и недостало у

нея ни присутствія духа, ни физической бодрости, чтобы предупредить то, что ей сейчас скажетъ ненавистный офицеръ.

Онъ все улыбался:

— Танцовщица... и эта, и та... Сестры... какъ, бишь, ихъ фамилія? Да это все равно.

— Такъ вы находите, что я на нихъ похожа? — спросила Зина, и больше не могла уже ничего прибавить.

Слово „танцовщица“ прозвучало у него особенно. Конечно, онъ знаетъ, что она незаконная дочь балетной корифейки... и онъ нарочно указалъ ей на этихъ двухъ— „ses deux filles“, со злобой и презрѣніемъ выговорила она про себя.

Куда же дѣвались всѣ ея герартіи, ея отвѣты, которыми она могла, тамъ, за границей, парировать кому угодно... даже тому принцу; а ужъ онъ ли не дерзокъ на слова, особенно послѣ десерта и ликеровъ?!

Голова не повинуется ей... холодный потъ выступилъ на вискахъ... но она слышитъ его тихій, деревяннаго звука, голосъ:

— Право, Зинаида Мартыновна, не стойте у насъ такъ... точно на майскій парадъ...

И глаза его говорили такъ ясно то, что она уже видѣла въ нихъ и прежде:

„Какъ ты ни рядись, какого стилия ни держись, и все же ты похожа на танцовщицу и на иностранку-наѣздницу, а не на барышню родовитаго семейства, настоящаго высокопоставленнаго общества, и всѣ кругомъ, навѣрное, этакъ и смотрятъ на тебя“.

Въ головѣ у нея дѣлалось все туманнѣе... Что же это такое? Неужели она упадетъ въ обморокъ? Видитъ она передъ собою Сосѣ; красный, розовый, абрикосовый цвѣта пестрѣютъ передъ ней. И она такъ же одѣта, точно попугай.

Сначала вертѣлись цвѣта платья, а потомъ пошли круги, круги и сѣрою рябью все заволокло, въ родѣ частаго дождя... Это—приступъ невралгіи.

— Проведите меня,—успѣла она сказать.

Рынинъ взялъ ее подъ-руку, крѣпко, крѣпко прижалъ ее къ своей и ведетъ. Она уже съ трудомъ различаетъ лица, туалеты, мужчинъ, женщинъ; голова закружилась; мучительно тошно...

Вся она обомлѣла: вдругъ тутъ, при всѣхъ, въ такомъ туалетѣ, и тошнота... усилится?

Она сдѣлала надъ собою послѣднее усиліе.

Рынинъ проталкивался въ толгѣ. Сзади раздался звоновъ; всѣ побижали къ поѣзду, чуть не сбили ихъ съ ногъ.

— Тише!—гнѣвно крикнулъ онъ:—не видите—дамѣ дурно?!

Раздался испуганный возгласъ Сосѣ: — *Zizi, qu'as-tu?*

Это было послѣднее слово, дошедшее до нея; больше она уже ничего не помнила. Сосѣ ужасно засуетилась... Большую усадили на скамейку; но никто изъ толпы не подбѣжалъ, только мужчины посторонились.

Экипажа все не было. Рынинъ распорядился живо: послалъ двухъ жандармовъ, у кого-то нашелъ даже флакончикъ съ „солями“. Черезъ пять минутъ, когда побѣздъ ушелъ, среди ужасной толкотни, брѣвъ Софьи Германовны былъ приведенъ; Теняшевъ прибѣжалъ за ними.

Рынинъ посадилъ обѣихъ дамъ. Зина пришла въ себя, но была такъ слаба, что ее повели подъ обѣ руки.

И опять вѣдетъ ее этотъ офицеръ и держитъ ее такъ крѣпко, и она въ толпѣ, больная; можетъ быть, ее тошнило? Она спросила бы объ этомъ Сосѣ, но ничего не могла выговорить.

Рынинъ вызвался сѣсть править. Теняшевъ не допустилъ его; Сосѣ посадила Зину рядомъ; сзади помѣстился грумъ.

Всѣ благодарили Рынина. Должна была и Зина сказать ему съ усиленіемъ:

— *Merci, monsieur!*

Но ея вѣки не поднялись на него. Лицо ея было совсѣмъ мертвое, когда экипажъ тронулся тихо. Онъ глядѣлъ ему вслѣдъ, и фигура Зины, съ головой почти на плечѣ у Сосѣ, не вызвала въ немъ жалости. Урокъ былъ ею полученъ и лучше, чѣмъ онъ самъ могъ мечтать. И все-таки что-то тянуло его къ этой дѣвушкѣ. Не въ послѣдній разъ видѣлись они, даже еслибъ она и уѣхала сейчасъ. Ему сдавалось, что она не станетъ заживаться ни въ Петербургѣ, ни вообще въ Россіи.

Рынинъ прослѣдилъ глазами за экипажемъ и, когда онъ исчезъ изъ виду, немного стряхнулъ съ себя застывшую грязь, сдѣлалъ подъ возырекъ двумъ генераламъ и запагалъ къ полотну ипподрома, гдѣ еще продолжалось офицерское угощеніе, подъ палаткой.

VIII.

Въ темной, душной спальнѣ Зинаиды Мартыновны, выходящей на югъ, въ полдень, при спущенныхъ стоорахъ, происходилъ разговоръ не громкій, но съ нервнымъ настроеніемъ. Вся комната куталась въ свѣтлую тафту, покрытую складками расшитой высеи. Кровать, съ балдахиномъ, тоже вся утопала въ шитьѣ и складкахъ тюля.

Зина сидѣла, а не лежала, на кровати въ бѣломъ пеньюарѣ-кофтѣ, съ распущенными волосами. Около изголовья стоялъ столикъ изъ поливной глины, въ арабскомъ вкусѣ; на немъ—остатки ея завтрака. Послѣ чашки бульона, съѣла она два сандвича и выпила большую рюмку портвейна. Ея обычнаго виски докторъ ей не позволилъ.

У ногъ, на табуретѣ изъ двухъ подушекъ, положенныхъ крестомъ одна на другую, сидѣла Софья Германовна, одѣтая уже къ выѣзду,—она собиралась въ городъ,—въ такой же высокой шляпѣ, покрытой букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, какая была на Зинѣ въ то утро, когда она ходила къ княгинѣ Трубчевской.

Съ обморока на скачкахъ прошло четыре дня. Всѣ эти дни Зину держали въ постели и у нея былъ одинъ припадокъ столбняка, очень серьезный. Изъ Петербурга приглашенъ былъ даже профессоръ академіи. Но теперь она себя чувствовала довольно хорошо, только въ головѣ еще осталась тупая боль и въ рукахъ нервная дрожь.

Софья Германовна держала листокъ депеши. Она только-что прочла его. Обыкновенно между собою онѣ говорили по-английски въ гостиной, зато въ интимныхъ объясненіяхъ и спорахъ часто употребляли русскій языкъ, чтобы такъ ихъ никто не понималъ, за границей, изъ иностранной прислуги. Ту же привычку удержали онѣ и въ Россіи, забывая, что здѣсь-то ихъ и можетъ всякій понять, кто вошелъ бы неожиданно въ комнату.

— Надо ѣхать,—выговорила Сосѣ серьезно и голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе.

— И поѣзжай, если только этотъ идиотъ Лукашинъ не пугаетъ тебя.

— Я знаю папа: онъ не позволилъ бы выписывать меня, если бы не чувствовалъ себя очень нехорошо.

Депеша была получена утромъ, изъ Москвы, отъ Лукашина. Старикъ Кунъ заболѣлъ серьезно, хотя и не опасно. Сосѣ была не такъ чтобы очень нѣжная дочь, но любила, по-своему, старика и не простила бы себѣ, если бы не пріѣхала въ время, не застала бы его въ живыхъ.

Этотъ внезапный отъѣздъ нисколько не смущалъ Зины; онъ не былъ для нея даже большой неожиданностью. Софья Германовна и безъ того собиралась въ Москву и тащила ее за собою. И пускай ее ѣдетъ!

— Какъ же я тебя оставлю?—спросила Сосѣ.

— Какой вздоръ! Я буду себѣ лежать.

— Никого нѣтъ въ домѣ!

— И не нужно. Есть Милли. Есть докторъ... два цѣлыхъ...

Ей хотѣлось даже остаться одной, совсѣмъ одной—принять рѣшеніе и выполнить его. Но она видѣла, что Сосѣ не оставить ея, все-таки, въ покоѣ. Что-нибудь да она начнетъ, все на ту же чувствительную тему.

— И поѣзжай,—повторила Зина. — Сегодня вечеромъ возьми express.

— Да, но, Zizi, my darling... ты, теперь, разумѣтся, не можешь... надо же какъ-нибудь, prendre un parti quant à Moscou,—разсудила она докончить не по-русски.

— Что еще?—протянула Зина, тономъ больной, къ которой приступаютъ съ ложкой мистуры.

— Что же мнѣ тамъ сказать? Онъ ждетъ тебя... и мать твоя... Tranche la question une fois pour toutes!.. Я не хочу—Сосѣ начала впадать въ тронутыя ноты:—да, я не хочу, чтобы про тебя сказали: „она безъ сердца, она—дурная дочь, она неблагодарная“... Это не для свѣта... ты дѣлаешь это для себя... и чтобы всѣ знали...

— Tu gadotes...,—остановила ее и Зина.—И для себя, и чтобы всѣ знали?..

— Ну да!—какъ маленькая крикнула Сосѣ и топнула ножкой.

— Оставь меня... Безъ сценъ, пожалуйста...

Софья Германовна испугалась, вскочила, поцѣловала Зину въ лобъ и попросила у нея прощенія.

— Сядь, ты меня утомляешь!

Голосъ Зины сдѣлался нервнѣе. Она прислонилась затылкомъ къ высоко-поднятой подушкѣ и сдвинула брови: этого всего больше боялась Сосѣ.

— Вѣдь я для тебя... Zizi... my darling.

— Съ чего ты,—начала Зина все такъ же нервно,—съ чего ты такъ берешь это къ сердцу? Это смѣшно! Оттого, что ты влюблена? И разводишься!.. И хочешь выйти замужъ... Avec des émotions d'une jeune personne!..

И она засмѣялась раздраженнымъ и злобнымъ смѣхомъ.

Сосѣ обидѣлась.

— Tu n'as pas de cœur!—вырвалась у нея въ первый разъ такая фраза.

— Хорошо, пусть будетъ такъ,—отвѣтила Зина глухо.—Сердце! сердце! Я никогда и никому не рассказывала, что у меня есть сердце... Но я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла. Я могла бы тоже приставать къ тебѣ въ твоихъ... coups de tête!

— *Coups de tête?*—задорно и почти съ негодованіемъ переспросила Сосѳ.

— *Oui, ma chère, des coups de tête,*—повторила Зина, какъ старшая сестра или мать.—Больше ничего!.. Тебѣ такъ нравится, ты должна быть увлечена... *toujours fumante comme une locomotive!* Ты желаешь опять любить, желаешь держать при себѣ un *gaillard*... имѣть отъ него дѣтей? Все это совсѣмъ не умно. Но я къ тебѣ не пристаю!

— Ты не любишь меня, тебѣ все равно...

— Хорошо; вотъ я и хочу тебѣ доказать, что не люблю тебя... И буду жить, какъ мнѣ надо, думать о моемъ здоровьѣ, не позволять возить себя *comme une valise*.

Глаза Зины раскрылись широко, она выпрямилась и протянула длинной и красивой рукой по воздуху сильнымъ, выразительнымъ жестомъ.

Сосѳ слышала что-то совершенно новое. Она впервые подумала, что вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Зина состоитъ „при ней“, пріѣхала для нея сюда, въ Россію, гдѣ ей все противно, собиралась переселиться съ ней въ Англію, гдѣ климатъ совсѣмъ не по ея здоровью...

А она сейчасъ бросила ей такой упрекъ!

— *Quelle misérable je fais!*..—выбранила она себя, и на глазахъ у нея блеснули слезы.

— Прости!

Зина жестомъ не позволила ей подняться.

— Ахъ, полно! Ты точно пятилѣтняя!.. Хочешь быть со мною въ дружбѣ, оставь мнѣ мою свободу... Я нездорова...

— Прости, прости!..

Сосѳ готова была разрыдаться.

— Сценъ не нужно, Софї! Поѣзжай въ Москву.

— Какъ же ты?

— И останусь преспокойно, мнѣ надо быть одной... Больше ничего не надо...

Но Софью Германовну—она уже перескочила въ другому ряду чувствъ—начало мучить то, какъ она оставитъ Зизи, съ горничной-иностранкой, Егоромъ-дворецкимъ и грумомъ. А кому же ее поручить? Ожиговой? Та все разбѣзжаетъ по островамъ, она за больными не умѣетъ ходить, любить только покойниковъ. „*Elle a le mauvais œil*“,—подумала Сосѳ:—„еще нальчикъ смерть“.

Какъ бы тамъ ни сердилась Зизи, а все-таки она ей вы-

скажетъ свои волненія. И ѣхать нужно въ Москву: жаль отца, ужасно жаль...

— Ты одна!.. Никого...—заговорила Сосѳ. — Твоя княгиня сама... иле патраше, да ей и все равно... Какую она тебѣ записку прислала? а?..

— Записку, какъ записку—нѣхотя отвѣтила Зина.

— Ей скучно... безъ тебя... ты чтица... а что ты больна—ей до этого дѣла нѣтъ.

Брови Зинаиды Мартыновны опять сдвинулись. То, что сейчасъ сказала Сосѳ—правда. Она теперь только, не дальше, какъ вчера, когда получена была записка княгини, въ отвѣтъ на почти отчаянное письмо Софьи Германовны о ея припадаехъ,—почувствовала, какъ мало она значила для этой старой грѣшницы... Право, не больше, чѣмъ бы всякая чтица. Развѣ только вотъ то, что она ничего ей не стоила, а княгиня—скупа.

Да и можно ли было ждать отъ нея сердца? Искала развѣ она сердца у своей руководительницы? И сама она ни крошечки ея не любила.

Записка княгини—безукоризненна по формѣ, но холодна, зато не фальшива, не стойтъ въ ней всѣмъ надѣвшимъ фразъ.

Все-таки княгиня отошла отъ нея еще дальше... Ей представился снова тотъ фактъ, что она здѣсь хлопочетъ объ опекѣ мужа, стало быть, интригуетъ, просить, конечно, лжетъ и, во всякомъ случаѣ, доносить... При ея-то состояніи!..

„C'est d'une avarice sordide“, — сказала про себя Зина и сдѣлала гримасу.

Ей стало вдругъ жалко сангвиническую Сосѳ.

— А Теняшевъ?—сказала она.—Довольно и его.

— Suis-je-bête?—вскрикнула Сосѳ и вскочила уже въ послѣдній разъ съ табурета. — Его здѣсь еще продержатъ... А я черезъ недѣлю буду назадъ!..

Она хлопнула въ ладони, поцѣловала Зину въ голову и уже ни однимъ словомъ не заикалась больше о Москвѣ, отцѣ Зины, свиданіи съ матерью... Она даже не подумала, что ей удастся какъ-нибудь вытянуть Зизи туда, когда та поправится. Въ эту минуту она вся стояла уже на сторонѣ своей кузины, ея припадковъ, готова была бы сама везти ее не въ Москву, а за границу—куда пошлютъ доктора: во Франценсбадъ, Крейцнахъ, Пирмонтъ, на море, въ Остенде, въ Біарицъ—хоть на островъ Мадеру!

— Я гадкая!—крикнула она, и еще разъ приложила къ

волосамъ Зины.—Тебѣ Россія—ядъ, здѣсь сыро, гадко, туманъ... а все я, я!..

Быстро опустилась она на колѣни у кровати, схватила руку Зины, начала ее цѣловать, расплакалась, надавала себѣ еще бранныхъ прозвищъ на трехъ языкахъ, а когда опять поднялась на ноги, то сейчасъ же отерла слезы и стала дѣловымъ тономъ увѣрять Зину, что она лишней секунды не останется въ Москвѣ и сейчасъ поѣдетъ въ городъ къ адвокату и къ доктору, который прѣзжалъ на консультацію, и оставитъ ему свой московскій адресъ на всякій случай, а потомъ заѣдетъ къ Теняшеву. Онъ можетъ даже и переселиться въ Петергофъ; не все ли ему равно!

— Ужь ты лучше жени его на мнѣ,—сказала Зина.

Эта шутка окончательно разсѣяла волненіе Сосѣ, и она предалась лихорадѣ отъѣзда, что для нея было всегда лишнимъ средствомъ дать ходъ своему темпераменту.

Черезъ четверть часа ея голоса уже не было слышно въ домѣ.

Зина лежала въ полной тишинѣ. Все обошлось лучше, чѣмъ она ожидала. Главное—ее оставить въ покоѣ. Обморокъ у платформы подоспѣлъ кстати. Но онъ же печалилъ ее и смущалъ. Бывали съ ней припадки въ родѣ столбняка, но всегда послѣ сильныхъ мигреней, въ постели или, по крайней мѣрѣ, въ комнатахъ. А такъ, внезапно... и „глупо“ еще ни разу не случилось.

Лежала она съ закрытыми глазами. Ни заснуть, ни забыться она не могла. Не зла она на Сосѣ за то, что та привезла ее въ Россію—мало ли она глупостей выдѣлывала, эта неисправимая Сосѣ!—но въ Россіи, въ этомъ климатѣ, ей оставаться нельзя... Да и не климатъ тутъ одинъ виной: — вся жизнь, люди, тонъ, разговоры, что-то ужасно прѣсное...

Для кого здѣсь одѣваться, кому себя показывать, еѣмъ, хоть на недѣлю, заинтересоваться? Теряешь всякій вкусъ къ жизни...

Да, ея нездоровье подошло чрезвычайно кстати. Она еще не можетъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо, и еще менѣе писать. Кто же будетъ требовать отъ нея письма, въ отвѣтъ на то, что лежать у нея въ бюварѣ, на письменномъ бюро, рядомъ, въ ея будуарѣ-кабинетѣ, куда дверь была полуотворена?

А вдругъ Сосѣ заживется въ Москвѣ? Стариву-дядѣ станетъ хуже?.. Что она будетъ здѣсь дѣлать, съ Теняшевымъ „roug tout potage“? Онъ въ Петергофѣ совсѣмъ не забавень, вретъ все то же, старья, давно ей извѣстныя вещи, и смотреть въ публикѣ такимъ „voou“. Правда, онъ ей преданъ, но что-жъ изъ этого? Веселѣе оттого не станетъ.

Разводъ Сосѣ, ея будущая свадьба, переѣзды изъ Германіи въ Россію, изъ Россіи—неизвѣстно куда,—все совершенно выбываетъ ея изъ колеи. Не вѣрять она и въ то, чтобы Сосѣ поселилась, выйдя замужъ, въ Англіи навсегда, купила бы котеджъ... Не можетъ она высидѣть на одномъ мѣстѣ больше двухъ сезононь. И что, если начнется скитаніе по Европѣ... жизнь то тамъ, то здѣсь... всегда „sur le qui vive“?.. Хорошо той съ новымъ мужемъ, пока она въ него влюблена, или съ дѣтьми— у нея навѣрное будутъ и отъ второго,—а что же во всемъ этомъ она, Зина Ногайцева?

Зачѣмъ же ей обманывать себя, лгать и выдумывать, сочинять себѣ и другимъ такія чувства, которыхъ нѣтъ? Сосѣ ей предана, но она также предана: и своимъ привычкамъ, и туалетамъ, и спорту, и слабости въ мужчинамъ, и фамильнымъ привязанностямъ, и тысячѣ всякихъ ріен, всего того, что для нея „d'une extrême importance“. Также точно и она сама знаетъ размѣры своего чувства къ Сосѣ. Да еслибъ она и желала по доброй волѣ приносить себя въ жертву,—а она этого всѣмъ не желаетъ,—то на что она нужна кузинѣ? Та безъ нея и разведется, и выйдетъ замужъ, и будетъ тормозить себя и своего мужа, развѣзжати, рядиться, имѣть дѣтей, толстѣть, скакать верхомъ и говорить всѣмъ и каждому, что она воспитана въ англійскихъ нравахъ, чего никогда не бывало, какъ ей и доложилъ офицеръ Рынинъ.

Къ Рынину Зина пришла мысль уже не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ лежитъ послѣ своего обморока.

Когда, третьяго дня, въ головѣ у нея прояснилось и она могла все припомнить и сообразить, она заново затрепетала отъ обиды... Онъ умышленно оскорбилъ ее, и она вела себя... хуже, чѣмъ всякая кордебалетная русская корифейка, чѣмъ та смазливая дѣвчонка съ глупыми глазами, что стояла около толстаго гвардейца, къ которой приравнялъ ее Рынинъ! Ничего подобнаго такому сраму она не испытывала никогда, ни съ кѣмъ! И какъ же это все кончилось?.. Его полнымъ торжествомъ. Онъ же повелъ ее, у него же она попросила помощи, онъ же ее посадилъ на лавку, можетъ—оттиралъ, онъ же отыскивалъ экипажъ, усаживалъ и вызывался править лошадьми.

Сосѣ, не понимающая того, что между ними происходитъ, какъ только она раскрыла глаза вчера, сейчасъ же приближала ей объявить, что изъ Краснаго Села Рынинъ прислалъ депешу— „très respectueuse“,—съ просьбой дать отвѣтъ, „réponse payée“, о здоровьѣ „mademoiselle Zina“... И когда она сказала, чтобы

отвѣтили: „Merci, elle va bien“, Сосѡ стала ее укорять и говорила, что такъ нельзя, очень сухо, и, навѣрное, отвѣтила какими-нибудь глупостями... въ чувствительномъ родѣ.

Пожалуй, и сегодня онъ еще пришлетъ депешу или самъ пожелуетъ. Сосѡ ничего не понимаетъ, да и не могла ни о чемъ догадаться... А ей, Зинѣ, не слѣдуетъ даже имени выговаривать этого... этого...

Она затруднялась, какимъ бы презрительнымъ словомъ выразиться и на какомъ языкѣ.

„Roublard!“ — вспомнила она слово княгини и сначала очень обрадовалась. Да, roublard, интриганъ, пролазь; „на даровщинку“, — такъ выражается Теняшевъ, — желаетъ выйти въ люди и все забрать въ руки. И что онъ въ ней присталъ? Неужели воображаетъ, что она для него — „un coup de filet à faire“? Онъ, съ его лицомъ, манерами, фигурой?... Онъ, позволяющій себѣ невозможное обращеніе?.. Или, не пожелалъ ли онъ показать ей, своимъ тономъ, что онъ не только не разчитываетъ на нее, на ея приданое, на всю ея эффектную и разодѣтую фигуру, а считаетъ себя неизмѣримо выше по всему и забавляется только спибаньемъ съ нея слѣси?..

Большей безцеремонности нельзя было и выказать. Не только онъ ее приравнялъ въ первой попавшейся танцовщицѣ, но прямо ей показалъ, что знаетъ, какого она происхожденія; нѣсколько разъ далъ ей почувствовать, что, какъ бы она ни радилась, какого бы высшаго стилиа ни держалась, все-таки она похожа... на какою-то заграничную мамзель, а не на русскую дѣвицу или даму изъ настоящаго общества высокопоставленныхъ и безупречно рожденныхъ людей.

И кто могъ ему разболтать о ея матери, о ея недавнемъ незаконномъ положеніи? Да кто же, какъ не Теняшевъ, другъ и наперсникъ!.. Неужели ей никогда не приходило въ голову, что такой человекъ выдастъ отца родного, только бы ему что-нибудь врать? Вѣдь онъ про себя, про свою жену, про свой разводъ, про такія исторіи, о которыхъ другой бы молчалъ до гробовой доски, рассказывалъ всѣмъ, въ первый же день знакомства. Навѣрное, все уже выложилъ и Рынину.

А она не догадалась даже запретить ему формально ротъ развѣвать о ней съ офицеромъ, еслибъ тотъ и началъ его спрашивать...

Почему же она этого не сдѣлала? Почему?..

Все по тому же чувству, которое не позволяло ей и княгинѣ Трубчевской говорить о своихъ родителяхъ прежде, чѣмъ не пона-

добилось спросить совѣта, въ послѣдней крайности. А Теняшева, хоть онъ и пріятель больше четырехъ лѣтъ, она ставила ниже себя, ниже Сосѣ, хотя и позволяла, и до сихъ поръ позволяетъ ему, при всѣхъ, вести себя чуть не какъ съ легкой особой...

Во всемъ виновата сама... сама...

Слезы досады и презрѣнія къ себѣ выступили на глазахъ ея. Она разгорѣлась въ лицѣ и сидѣла, прислонившись всей спиной къ подушкамъ, въ полутемной своей спальнѣ.

Раздался шумъ экипажа, влетѣла Сосѣ; а за ней мужскіе шаги остановились у двери.

— Я привезла Грегуара!..

Она въ минуты сердечнаго возбужденія звала такъ Теняшева.

— Зиночка!—донесся его голосъ изъ будуара:—этѣль пермѣ?

— А! это онъ?—глухо выговорила Зина.

— Да, и согласенъ переѣхать въ Петергофъ...

— Даже къ вамъ на дачу, — шопотомъ пустилъ въ дверь Теняшевъ.

Сосѣ видѣла, что Зина дурачиться не желаетъ.

— Чтѣ съ тобой?—испуганно спросила она.

— Позови мнѣ... его. И оставь насъ. У тебя много дѣла...

— Прекрасно!—Сосѣ поцѣловала Зину и убѣжала въ другую дверь, а Теняшеву крикнула:

— Идите!

Онъ вступилъ въ спальню, со сложенными на груди руками, шутовской походкой, свѣсивъ голову набокъ.

— Милая вы моя больнушка... Бѣленькая лежить...

— Тсс!..—остановила его Зина и, выпрямившись, выговорила: — Не лгите! вы болтали обо мнѣ тому... офицеру... Рынину?

— Чтѣ болтали?

— Не лгите!—гнѣвно крикнула она. — Вы болтали... обо мнѣ?.. Видѣть васъ не хочу, не надо мнѣ васъ, вашихъ услугъ... Но если вы пикнете еще хоть слово... мы—враги на вѣкъ. Ступайте!..

И повернулась къ нему спиной.

Теняшевъ пожалъ плечами, вышелъ на ципочкахъ и сказалъ Сосѣ—она уже начала распорядиться укладкой своихъ туалетовъ:

— Нервы! Прогнала!

Его заставили записывать то, чтѣ Софья Германовна беретъ съ собой.

И выходка съ Теняшевымъ черезъ двѣ минуты показалась самой Зинѣ нелѣпной, самаго дурного тона. Она ничего не поправляла и ни отъ чего не спасала.

„Вонъ, вонъ отсюда!“ — вдругъ вырвалось у нея съ глухимъ стономъ, и она обѣими руками схватила себя за виски.

Всѣ живутъ полной жизнью, начиная съ Сосѳ: вѣдь она укладывается, шумитъ, картавитъ, строитъ планы, пишетъ каждый день своему жениху, поскочетъ къ больному отцу, точно на праздникъ... Теняшевъ — и тотъ очень доволенъ собой, своимъ шутствомъ, даже своей карьерой, хотя и жалуется, что его шлютъ къ чорту на кулички. И тотъ долгій, прыщавый *goublard*... Онъ бѣденъ, бьется, злится, снѣдаемъ честолюбіемъ, и все-таки живетъ, стоитъ прочно на своей дорогѣ, считаетъ себя умнѣе ея, родовитѣе, тоньше, самодовольно перебираетъ теперь, у себя тамъ, въ лагерѣ, всѣ ходы, какіе онъ взялъ у нея въ два-три разговора.

Ее наполняло одно желаніе, — чтобы поскорѣ подошелъ вечеръ, чтобы уѣхала Сосѳ, убрался Теняшевъ, и тогда она запрется... Даже доктора не будетъ пускать. Она сама лучше всякаго специалиста знаетъ, что ей надо. Прележать еще три дня, а потомъ, не дожидаясь Сосѳ, собраться и оставить позади себя и эту Москву, и офицера, и княгиню, и Сосѳ... всѣхъ! Положить конецъ лѣта и всю осень на уходъ за своимъ тѣломъ. Оно распаталось, оно можетъ и не такой еще сюрпризъ приготовить ей...

Вернуться въ себя, стать снова собой — безмятежной, сіяющей, увѣренной въ себя, на полной волѣ, безъ тревогъ, щевотливыхъ вопросовъ, уступокъ чему бы то ни было, кромѣ того, чего требуетъ высшій строй жизни...

IX.

Вѣтеръ — съ сѣверо-запада — бушевалъ по всей великолѣпной „дигѣ“, высланной квадратными матовыми кирпичиками, изъ терракоты. Море, сизо-зеленое, разбурлилось къ сумеркамъ. Прибой пѣнистыхъ валовъ доходилъ до перилъ наружной обшивки набережной и заливалъ выступы, идущіе въ море недвижными, окаменѣлыми китами. Пестрые фасады отелей и нарядныхъ виллъ тянутся вправо, до „эстакады“, своими фламандскими украшеніями, столбиками, верандами и вышками. Огни только-что показались въ дальнихъ фонаряхъ набережной, въ ресторанахъ нижнихъ этажей, внутри тяжеловатой, раскинутой во всѣ стороны, громады кургауза съ его овальной надставкой крыши, индійскими башенками, главами и столбами.

На дигу высыпало самое блестящее населеніе Остенде, тотчасъ послѣ обѣда, и заходило по ней во всѣхъ направленіяхъ.

Ни одного экипажа не проѣзжало наискосокъ, по узкой полосѣ мостовой, оставленной для ѣзды. Шаговъ тысячи гуляющихъ не было слышно за вѣтромъ и прибоемъ. Платья, шляпки, шарфы, зонтики, все это взбивалось и затрудняло ходъ цѣлымъ рядамъ разряженныхъ женщинъ и дѣвочекъ. Со многихъ срывало шляпки. Раздавался раскатыстый смѣхъ. Яркіе цвѣта туалетовъ умѣрялись двойственнымъ свѣтомъ сумерекъ. Но всего больше было бѣлыхъ платьевъ—сгѣте, въ обтяжку, съ огромными турнюрами, почти физжами, и синихъ съ красными полосками. Мужчины, ближе въ кургаузу, въ этой толпѣ разрядившихся женщинъ и дѣтей—смотрѣли особенно: въ бѣлыхъ—сгѣте—фланелевыхъ панталонахъ, короткихъ пиджакахъ, бѣлыхъ же картузахъ, англійскаго морского покроя, съ большими, прямыми козырьками, обшитыми фланелью, и околышемъ изъ яркихъ трехцвѣтныхъ лентъ, или въ соломенныхъ шляпахъ съ прямыми бортами и съ такими же широкими лентами радужныхъ цвѣтовъ, въ холщевыхъ или желтыхъ кожанныхъ башмакахъ.

Во всей этой сновавшей, то скоро, то медленно, толпѣ, былъ какъ бы особый уговоръ держаться, одѣваться, пить, ѣсть, купаться, посѣщать вечеромъ концерты—точно на представленіи, на выводѣ, на показѣ, хотя, на первый взглядъ, все казалось непринужденнымъ.

Изъ главной улицы, снизу, изъ Rue de Flandre, поднимались все новые ряды и группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, въ туалетахъ попроще, болѣе степеннаго вида посѣтители дешевыхъ ресторановъ и табльд'отовъ, внутри города, квартиранты недорогихъ отелей и меблированныхъ комнатъ... Ихъ, какъ бы само собою, относил направо, въ тихому концу набережной. Многіе садились сейчасъ же на скамейки у самаго края пѣшеходнаго полотна диги или у перилъ. Какъ только вѣтеръ дѣлался полегче и прибой слабѣе гудѣлъ, волны человѣческихъ голосовъ поднимались.

У монументальной лѣстницы кургауза не прерывалась вереница поднимающихся между двумя будочками и жирандолями. Три дежурныхъ контролера, въ однихъ фракахъ и кепи, кое у кого спрашивали входныя карты. Снаружи, подъ навѣсомъ, публика сидѣла только въ глубинѣ, у самыхъ оконъ залы и направо, за полотномъ опущенныхъ сторъ, въ ресторанѣ, доканчивая самый поздній обѣдъ, по-англійски...

За кургаузомъ, набережная, огибающая поворотъ берега, спускается въ новому ряду отелей и ресторановъ, а дальше, на воз-

вышеніи, темной глыбой, глядитъ въ море королевская вилла, темно-сѣрая, тяжелая, лишенная стройности и величія.

Внизу, на пескѣ, длинныя ряды полосатыхъ будоць выстроились тѣсно, одна къ другой,—близко къ баракамъ, гдѣ продають билеты и хранять костюмы, дожидаясь скорого отлива. Въ полутемнотѣ, въ пескѣ, дѣти еще мастерили крѣпости, проводили ваванки, таскали песокъ въ раскрашенныхъ ведеркахъ; дѣвочки-подростки играли вмѣстѣ съ малолѣтками. Почти всѣ были босикомъ...

Вѣтеръ, не унимавшійся и къ часу отлива, скоро загналъ гуляющихъ въ кургаузъ; тамъ уже начался концертъ. Главная зала, гдѣ помѣстится нѣсколько тысячъ человѣкъ, обдавала уже жаромъ газовыхъ люстръ и дыханія толпы, занявшей всѣ стулья и диваны, такъ что по двумъ ходамъ кругомъ едва можно было протискаться. Музыканты сидѣли на обширной эстрадѣ, подъ колпакомъ. Наверху, на галереѣ, виднѣлось нѣсколько человѣкъ и дѣти играли съ одной стороны. Дѣтей,—особенно дѣвочекъ,—внизу были цѣлыя вереницы: разряженныхъ, съ распущенными волосами, въ перьяхъ, бантахъ, атласѣ, съ голыми икрами, даже при порядочномъ ростѣ.

Оркестръ игралъ увертюру. Ближе къ эстрадѣ, за столиками пили кофе; большія семейства, — изъ матерей и взрослыхъ дѣвицъ,—облѣпляли кругомъ столики, ничего себѣ не спрашивали, и такъ сидѣли до конца концерта, красныя, затанутыя, разодѣтыя и формально улыбающіяся. Два теченія публики было: и въ глубинѣ—позади оркестра, слѣва, изъ корридора—отъ задняго входа, изъ читальни и кафѣ, и направо изъ билліардныхъ, гдѣ уже шла азартная партія.

Танцевальный залъ еще стоялъ темнымъ. Сотни дѣвицъ и дѣвочекъ ждали только минуты, когда растворять двери, чтобы устремиться туда и занять всѣ скамейки и стулья. На хоры танцевального зала уже забрались зрители.

Въ читальню, съ улицы, черезъ наружную галерею, вошла Зинаида Мартыновна, одна, въ шляпѣ въ видѣ салатника, въ бѣломъ платьѣ—сгѣше и въ короткой шелковой кофточкѣ съ высокимъ воротникомъ, растягнутой по модѣ, съ плюшевымъ платкомъ на рукѣ. Она двигалась медленно, нѣхота, глядѣла по бокамъ, похудѣла въ лицѣ, но съ болѣе сильнымъ блескомъ въ глазахъ; она даже немного гнулась, чего прежде у нея не было. На всѣхъ столахъ, въ первой комнатѣ, и у маленькихъ столиковъ, писали дамы.

„Чего онѣ пишутъ?“ раздраженно подумала она: „весь день пишутъ; кому?“

И утромъ она, въ десятомъ часу, заставляла все такую же усиленную корреспонденцію. Сама она терпѣть не могла писать и писала только своей кузинѣ, да и то разъ въ недѣлю.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ она на морѣ, и шестая, какъ вырвалась изъ Петербурга. Она не дождалась возврата Сосѣ изъ Москвы. Ту задержала болѣзнь отца. Ей стало нестерпимо. Она заставила Теняшева выправить ей паспортъ и уѣхала одна, съ горничной. Доктора, даже и специалистъ изъ академіи, похвалили ее за такое рѣшеніе и послали оба въ Франценсбадъ. Тамъ жили ея заграничныя знакомыя англичанки. Она не рисковала остаться одной.

Все это она скрутила въ одну недѣлю. Главное ея опасеніе было: не столкнуться съ Рынинымъ. Онъ пріѣзжалъ наканунѣ ея отъѣзда. Ему сказали, что Софья Германовна въ Москвѣ, а Зинаида Мартыновна не принимаетъ. Его встрѣтилъ Егоръ-дворецкій и такъ, по приказанію барышни, и доложилъ:

— Не изволятъ принимать!

Дорогой ее особенно тѣшило приближеніе къ границѣ. Никакихъ приставаній отъ Сосѣ она не получила на письмѣ. Та сама ее гнала за границу послѣ депеши доктора изъ Петергофа. Объ отцѣ Зины Сосѣ писала кратко, что она его еще не успѣла видѣть, но слышала отъ Лувашина, что въ его состояніи опять произошла перемѣна въ „худшему“. На мать не было даже и намека.

На границѣ Зина точно стряхнула съ себя свои припадки, слабости, обмороки, мигрень, всякую напряженность, разбиранье щекотливыхъ „cas de conscience“. Она, на прощальномъ свиданіи съ княгиней Трубчевской, и не подумала просить у той окончательнаго совѣта, и сама, въ началѣ разговора, сказала ей:

— Я въ Москвѣ не буду. Мое здоровье разстроилось. Я ѣду за границу.

Княгиня одобрила ее, но Зина еще разъ убѣдилась, — уже въ ея гостинной, — что къ этому одобренію княгини относится равнодушно...

Прежнее обаяніе на нее окончательно поколеблосъ.

Отъ границы до Франценсбада она ѣхала и все мечтала о томъ, какъ будетъ готовиться въ осеннему сезону, подбереть себѣ общество и, наведя справки, поѣдетъ туда, гдѣ, „стоитъ“ быть: въ Трувилъ, Булонь, Сквенингенъ или Остенде...

Но во Франценсбадѣ ванны разслабили ее сразу, — она про-

студилась — погода стояла мокрая и холодная, — должна была прервать леченіе. Англичанки уѣхали до нея, и она не докончила курса леченія, хотѣла даже бѣжать почти тайно отъ своего доктора, который раздражалъ ее смѣшнымъ французскимъ языкомъ и шуточками насчетъ того, что ей надо позаботиться о выходѣ замужь.

Плоскія прогулки Франценсбада, сѣренькая публика больныхъ женщинъ, въ дешевыхъ ватерпруфахъ, полное отсутствіе изящныхъ мужчинъ, плохонькій театрикъ и, въ послѣдніе десять дней, тягучее одиночество! Она перестала ходить на музыку, избѣгала усиленно всѣхъ дамъ, казавшихся ей русскими — и дошла таки до того — она, Зина Ногайцева, — что по вечерамъ брала съ собой свою нѣмку-горничную и уходила съ ней гулять въ поля.

Начало ее тянуть къ морю. Она списалась съ двумя дамами; онѣ звали ее въ Остенде. Тамъ она еще не бывала; но знала, что эти морскія купанья „très bien fréquentés“. Сосѣ рѣшительно засѣла въ Россіи. Отецъ поправился, разводъ опять затянулся, такъ что ей надо было остаться тамъ и на осень.

По дорогѣ въ Остенде, Зина остановилась на нѣсколько дней во Франкфуртѣ — заказать себѣ нѣсколько туалетовъ для „plage“; въ Парижѣ она одна не хотѣла ѣхать.

Особенно подробно обдумала она три туалета: бѣлое, красное съ цвѣтами и полосатое. Они должны были прибыть слѣдомъ за нею.

И опять знакомыя обманули ее: пріѣхали въ Остенде слишкомъ рано — въ половинѣ русскаго августа, такъ что черезъ недѣлю она осталась одна. Правда, онѣ ее познакомили съ двумя-тремя семействами и съ цѣлымъ десяткомъ молодыхъ людей, но въ семействахъ все дѣвушки лѣтъ по шестнадцати и моложе, — безцвѣтныя, глупенькія или болтливыя, на англійскій ладъ.. Молодые люди — очень модные по части бапмаковъ, панталонъ, вартузовъ, стоячихъ воротничковъ, тоже — такіе ужъ міопы, что у себя дома она каждого изъ нихъ отсылала бы въ под-росткамъ играть, отдѣльно, въ „lawn-tennis“.

Прибыли ея франкфуртскія платья; — въ первый же день она — съ ужасомъ! — увидала, что рѣшительно у всѣхъ — бѣлые костюмы — сгѣте и полосатые — красные съ синимъ; а красное къ ней не шло, на этой пестрой *digue*. Бѣлый цвѣтъ она возненавидѣла, и все-таки надо было надѣвать всего чаще костюмъ „сгѣте“, потому что онъ шелъ къ ней больше и въ немъ было теплѣе. Море почти пугало ее въ этотъ разъ; два дня она „лихорадила“ — выраженіе ея петербургскаго врача — и взяла нѣсколько теплыхъ ваннъ, въ заведеніи около кургауза.

Обдуманнй ею купальнй костюмъ тоже не удался: цвѣтъ не шелъ къ ней въ водѣ, да и не было кругомъ галлерей, которой стоило бы показать себя. Она очень похудѣла къ тому же, плечи опали, выдались влючицы; ноги и руки казались ей уродливо-длинными. Только большая шляпа шла къ ней. Прежде она плавала смѣло, никогда не обращалась къ купальщику или къ купальщицѣ, а тутъ ее начало тревожить особое чувство — въ родѣ бѣшенія сердца, и она брала купальщицу, одну изъ тѣхъ отвратительныхъ бабъ, въ ваточныхъ капотахъ и чепцахъ, отъ которыхъ пахло водкой.

Въ самый бойкй часъ купанья — отъ одиннадцати до полудня — шумъ, погоня за кабинами, лошади, грязные костюмы, валяющіеся по ступенькамъ будочекъ, крики прислуги, возня дѣтей — стояли у нея въ ушахъ стеномъ, и она хлопотала только о томъ, чтобы поскорѣе выкупаться. Сначала она ходила со своими англичанками, но за ними повадились и молодые люди, и ей стало просто противно глядѣть на ихъ долгиа, худыя фигуры съ глупыми лицами, большими ушами, полуголыя и плоскогрудыя.

Она перемѣнила часы купаній, водила съ собой горничную, — шла совсѣмъ въ другое мѣсто, къ эставадѣ, и тамъ купалась, среди какихъ-то нѣмцевъ и самаго мѣщанскаго вида бельгійцевъ.

Уѣхала и половина ея знакомыхъ. Она очутилась почти совсѣмъ одна и подумала-было взять себѣ на-скоро компаньонку; но ее испугала скука разговора съ такой особой, да и дороговизна начинала ее сердить. Расчетливость, съ тѣхъ поръ, какъ у нея двѣсти тысячъ, скорѣе усилилась въ ней. Въ Hôtel Continental съ нея брали двадцать франковъ за одну комнату, да за горничную она платила пять. Съ пятаго сентября объявили, что ея комната будетъ ходить за тридцать. У Сосѳ она не знала никакихъ расходовъ на свое житье, кромѣ траты на туалетъ. Теперь за все надо платить. День обходился ей въ семьдесятъ франковъ. Курсъ все падалъ.

Зинаида Мартыновна прошла читальней и должна была остановиться у лѣстницы, ведущей на хоры, — такъ сильна была тутъ толкотня. Концертъ былъ уже на исходѣ, и въ танцевальную залу началось обратное движеніе. Въ разраженной толпѣ она, съ самаго приѣзда на море, испытывала все возрастающее неприятное чувство. Никогда еще ей не казалось такъ яро то, что она — какъ сотни, какъ тысячи... Ея туалеты — на всѣхъ, выставлены въ магазинахъ, вонъ тамъ, въ Rue de Flandre; — точно такого

покроя костюмъ стоитъ всего сто франковъ, и каждая буржуазка изъ Брюсселя купить его... При Сосб, у себя, въ исключительномъ обществѣ, Зинаидѣ Мартыновнѣ казалось, что она на какомъ-то возвышеніи, принадлежитъ, на самомъ дѣлѣ, въ сливкамъ самаго рѣдкаго вкуса... А здѣсь она затеряна, почти затерта, не взирая на свою походку, ростъ, манеру держать голову, свою красоту, наконецъ...

Смотрятъ на нее мужчины, изъ настоящихъ виверовъ, парижане, но какіе взгляды бросаютъ на нее и когда?

Тавіе, какъ разнымъ авантюристкамъ, и то—когда она одна, а въ обществѣ дѣвицъ-англичанокъ она имѣетъ видъ молодой дамы или старшей сестры, старше ихъ на десять лѣтъ,—почти старой дѣвы.

Веселиться она не только не могла, но даже сочла бы для себя оскорбительнымъ... Вѣдь въ этой публикѣ кого-кого только нѣтъ! Танцевальныя вечера въ кургаузѣ — это просто танцклассы, гдѣ толкуются двѣсти паръ и безпрестанно барышни съ барышнями, какъ въ нѣмецкихъ Kränzchen. На болѣе тонныя вечера въ казино она не можетъ ѣздить одна, а со своими „бакъ-фишами“ ей скучно: придется выносить ихъ кавалеровъ, уродливо танцующихъ вальсъ и допотопную „редву“.

Съ трудомъ пробралась она черезъ хвостъ входившихъ въ танцевальную залу; сквозной вѣтеръ безповоилъ ее; она просто не знала, какъ ей добраться все до того же надоѣвшаго ей семейства — оно сидитъ около самой эстрады и дослушиваетъ, съ раскрытыми ртами и потными лицами, вариациі на пистонѣ.

Она хотѣла бы повернуть въ биллиардныя... Но тамъ—завѣдомыя вовотки. Она ихъ всѣхъ признала — и очень дорогихъ, и попроче — и съ тѣхъ поръ начала бояться, чтобы вечеромъ, на дигѣ, когда ей случалось дойти одной до своего отеля — кто-нибудь не пошелъ за ней, не принялъ ее за одну изъ нихъ.

Но ей было, именно сегодня, такъ тошно въ толпѣ, что она не стала искать знакомыхъ, а взяла лѣвѣе и, черезъ ресторанъ, вышла на наружную террасу. Вѣтеръ уже не пугалъ ея: она хотѣла остаться одна, куда-нибудь хоть провалиться. На плечи накинула она платокъ, сбѣжала съ террасы, пересѣла дигу и по каменнымъ ступенямъ одного изъ сходовъ къ морю спустилась на влажный песокъ, убитый морскимъ прибоемъ.

Отливъ оставилъ широкую полосу вдоль всей набережной. Мѣсяцъ только-что выплылъ, и гладкая поверхность песчаного полотна слегка лоснилась отъ луннаго мерцанія.

Ногамъ ея сдѣлалось мягко; она шагала скоро и далеко

упла въ морю, поднялась на одинъ изъ выступовъ, успѣвшихъ обсохнуть, стала лицомъ въ кургаузу и долго глядѣла на него.

Зданіе, все прозрачное, съ матовымъ свѣтомъ своихъ стеклянныхъ рамъ, глядѣло издали огромнымъ воздушнымъ шаромъ, спущеннымъ на землю. Линія фонарей по дигѣ, освѣщенные нижніе этажи, электрическое солнце на одномъ изъ балконовъ, тѣни гуляющихъ по набережной, имѣли въ себѣ что-то величавое, въ своей ночной нарядности. Такую обстановку вѣдь и нужно для нея, для величавой Зины Ногайцевой...

А вотъ она одиноко ходитъ по морскому песку, затерянная, чужая, подавленная, жалкая сама себѣ, безъ вкуса въ чему бы то ни было; въ головѣ у нея — никакихъ прежнихъ красивыхъ перспективъ жизни; на душѣ — тупая боль; тѣло ея не чувствуетъ бодрости, даже отъ дыханія моря, отхлынувшего въ ночи, но все еще гулкого и перекатистаго.

Слѣва отъ нея мелькнулъ маякъ и бросилъ полосу свѣта. Зина едва не разрыдалась.

X.

Послѣ десяти часовъ потянулась публика внизъ, по Rue de Flandre. Танцевальный вечеръ подходилъ къ концу. Мѣстная мода и потребность посидѣть еще на виду у всѣхъ гнали каждый вечеръ въ самую бойкую кофейню, Norreney, на перекресткѣ съ большимъ открытымъ окномъ-балкономъ.

Уже съ проходной комнаты, гдѣ кондитерская, тѣснота въ одиннадцати часамъ дѣлалась чрезвычайная. Тутъ, стоя, ѣли пирожки тѣ, кто замѣнялъ сладкой ѣдой настоящій ужинъ. Слѣдующія двѣ комнаты — первая съ гротомъ въ глубинѣ и вторая — двумя ступеньками повыше, съ балкономъ — усыпаны были, около всѣхъ столиковъ, вернувшимися изъ кургауза. Гарсоны бѣгали безъ усталости и разносили на подносахъ напитки, больше съ соломинками, въ высокихъ бокалахъ.

Передъ балкономъ, на улицѣ, шло движеніе, точно въ корридорѣ; подъ открытымъ небомъ — только одно пѣшее. Въ этотъ часъ развѣ отельный омнибусъ проѣдетъ съ желѣзной дороги. Уличные мальчишки, городскія женщины, въ своихъ темныхъ плащахъ съ капишонами и черныхъ чепцахъ, останавливались передъ блестящей кофейной. Тутъ же, на самомъ перекресткѣ, итальянская семья — мужъ, жена и мальчикъ съ дѣвочкой — размѣстились съ механическимъ піанино на колесахъ. Отецъ и мать попеременно вертѣли за ручку. Дѣвочка, короткая, совсѣмъ

четыреугольная, въ римскомъ костюмѣ, съ фартукомъ и цвѣтной тряпкой, наложенной на голову, шныряла, покачиваясь на кривыхъ ногахъ, между проходящими, и совала всѣмъ продолговатую жестянку съ подвижной крышкою. Монеты исчезали внутрь, а она все потряхивала жестянкой, и звукъ ея сливался съ деревянныиъ ритмомъ пiанино, которое выдѣлывало вальсъ „P. bassio“.

Съ самаго открытiя сезона „Norreney“ такъ еще не торговалъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Потянуло туда и Зинаиду Мартыновну. Внизу, на морскомъ песку, она озябла, хотя и куталась въ свой плюшевый платокъ. Ее на этотъ разъ не остановилъ даже вопросъ:

„Какъ же это я, одна, пойду въ кафѣ, гдѣ масса мужчинъ, и однѣ являются только подозрительныя женщины?“

Ей сдѣлалось какъ-то „все равно“, и даже захотѣлось начать, въ самомъ дѣлѣ, пользоваться полнѣйшей свободой. И для кого будетъ она подтягивать себя и соблюдать приличiя, здѣсь? Не для тѣхъ же „бѣлобрысыхъ“ мальчугановъ-англичанъ, на которыхъ она смотритъ сверху внизъ? Да и въ такой тѣснотѣ, какая бываетъ у Норреney, можно ли узнать сразу, одна она сидитъ или съ обществомъ?.. Помѣститься къ столу, гдѣ дамы попорядочнѣе...

Въ кондитерскую она вошла своей обычной, немного колеблющейся, походкой, сладостей ѣсть не захотѣла, остановила гарсона съ выстриженной подъ гребенку бѣлокурой головой, заказала себѣ „шерри-кobbлеръ“ и потребовала провести себя въ дальнюю комнату, къ балкону.

Тамъ нашлось еще два мѣста, въ самомъ углу — омоло маленькаго столика. Туда пробраться можно было съ трудомъ; за столами побольше сидѣло два общества: одно почти исключительно изъ дамъ и дѣвицъ, пришедшихъ съ танцевъ, а другое — компанiя нѣмецкихъ банкирскихъ сыновей, съ большими носами, франтоватыхъ на особый ладъ, и съ ними молодая, красивая, въ крашенныхъ волосахъ, нѣмка съ накинутаю на плечи пардессю изъ шали, въ тяжеломъ шелковомъ платьѣ и высокой шляпѣ, которая казалась составленной изъ однихъ цвѣтовъ. Она держала себя скорѣе чопорно; но въ ней сидѣло, на опытный взглядъ, что-то разительно отзывающееся гамбургской Юнгферштиге. По тому, какъ относился въ ней самый шумный изъ нѣмцевъ, можно было легко догадаться, что эта чета справляетъ свой медовый мѣсяцъ.

Зина все это поняла, но не испугалась таковаго сосѣдства. Столъ нѣмцевъ оказался ближайшимъ отъ ея столика. Ей при-

шло съ сидѣть одной; другой стулъ около круглаго столика оставался пустымъ; но она могла почти укрыться за зеленью, чего она, однако, не пожелала дѣлать. Она осмотрѣла и всю комнату, вглубь, нашла, что всѣ женщины были порядочнаго вѣку, по крайней мѣрѣ, не подозрительнаго вида и тона. Только одна, болѣе шумная, группа, за дальнимъ столомъ, выдѣлялась и оставалась на себѣ ея взглядъ.

Крупныхъ формъ брюнетка, лѣтъ за тридцать, вся въ черномъ, съ широкимъ напудреннымъ лицомъ и крашеными губами, но еще довольно свѣжая, и съ ней человекъ четыре мужчинъ. Зинѣ показалось, что они—русскіе... Нѣсколько фразъ, долетѣвшихъ отсюда—французскихъ фразъ—отзывались произношеніемъ, какого она достаточно слышала въ Петербургѣ. Двое были красны и сильно жестивулировали; вѣроятно, пообѣдали слишкомъ хорошо.

Въ дверяхъ стоялъ очень высокаго роста мужчина. На немъ мягкая, темная шляпа, сплюснутая въ тулѣ, желтоватый, въ мелкую клетку, англійскій костюмъ и свѣтлый галстукъ. Лицо длинное, съ русой бородкой.

Машинально Зина подалась назадъ, за косякъ, въ темноту растений, обставившихъ весь уголъ веранды; но сейчасъ же овладѣла собою и застыла въ напряженной, жесткой позѣ.

Въ эту минуту ей подали ея шерри-кобблеръ. Она взяла одну изъ соломоновъ въ ротъ и стала тянуть холодную темную жидкость и глазъ не опускала.

Это онъ, Рыннъ!.. Вошелъ, сталъ въ дверяхъ, бокомъ, чтобы не мѣшать проходящимъ, и оглядѣлъ, какъ будто разсѣянно, всю комнату. Поворачивалъ голову и въ ея сторону. У нея захватило дыханіе. Вотъ онъ сейчасъ подойдетъ къ ней!.. Нѣтъ, обернулъ голову, но что-то едва уловимое мелькнуло у него въ лицѣ, что она схватила,—сдѣлалъ два шага позади гарсона. Та женщина въ черномъ—теперь Зина видитъ, что эта француженка—изъ такихъ, которыхъ называютъ „la vielle garde“—его узнала, для него встала во весь ростъ, дѣлаетъ ему знаки и головой, и даже рукой, по-парижски. Онъ тоже ей кланяется, — не такъ, какъ кланяются, когда въ первый разъ видятъ; вѣрно, они уже встрѣчались сегодня же, гдѣ-нибудь тамъ, въ бильярдныхъ кургауза.

Зина все тянула изъ соломенки, а взглядъ ея шелъ черезъ головы сидѣвшихъ передъ ней. Волненіе ея не унималось, и это всего больше сердило ее. Онъ ее узналъ, и не пожелалъ даже сразу поклониться; но онъ подойдетъ. И находитъ онъ ее здѣсь, одну, за столикомъ, съ соломенной во рту, въ двухъ шагахъ отъ кѣски-буртисанки. Точно она сама кого-то ждетъ... Какой ужасъ!

Вмѣстѣ съ французенкой поднялся и одинъ изъ ея кавалеровъ съ петербургскими бакенбардами и большими глазами навывкатъ, налитыми виномъ. Онъ тоже поклонился Рынину шумно и кривнулъ съ дурнымъ акцентомъ:

— Ici, ici!..

Вошедшій мужчина былъ дѣйствительно Парменій Нивитичъ. Онъ второй день уже жилъ въ Остенде, зная, что Зина здѣсь, и не искалъ ея усиленно, но сказалъ себѣ, что въ теченіе двухъ сутокъ онъ долженъ ее встрѣтить на улицѣ, во время купанья, въ кургаузѣ. Самъ онъ не мечталъ о такой встрѣчѣ, — въ этой толпѣ, за столикомъ, съ соломенкой, совершенно одна.

Рынинъ пошелъ сначала на зовъ русской компаніи и мимическое приглашеніе французенки. Мужчины были инженеры, пріѣхавшіе съ какого-то конгресса. Одного изъ нихъ онъ зналъ еще съ восточной войны. Съ нимъ столкнулся онъ въ бильярдной, гдѣ возобновили знакомство и съ Діаной, извѣстной всему Петербургу. Діана больше пяти лѣтъ выставляла себя въ ложѣ Михайловскаго театра. Въ бильярдной она успѣла ему сообщить, дѣловымъ пріятельскимъ тономъ, — Рынинъ у нея на дому никогда не бывалъ, — что она повончила съ Петербургомъ, потому что ея послѣдній покровитель — румынскій финансистъ — „а été exécuté“ на биржѣ, и Петербургъ вообще сталъ никуда негоднымъ, „infecté“; въ маѣ продала она всю свою движимость: экипажи, мебель, ковры, все — черезъ своего „homme d'affaires“. Спросила она его, между прочимъ, не былъ ли онъ на этомъ аукціонѣ, и пригласила къ себѣ въ Парижъ, гдѣ она взяла „un petit pied à terre“, до переѣзда въ Ниццу, если не будетъ тамъ холеры.

Рынинъ сейчасъ же ей замѣтилъ, — безцеремонно, дерзко, переходя самъ на ты, — хотя она держалась тона дамы:

— Tu as filé?!

И доказалъ ей, что она потому не осталась сама продавать свои вещи, что зарвалась въ долги. Діана хотѣла-было сказать ему рѣзкость, однако воздержалась. Она его считала если не богатымъ, то съ большими связями въ обществѣ. Она удовольствовалась тѣмъ, что при инженерахъ сосчитала, сколько она прожила въ Петербургѣ, въ пять лѣтъ:

— Deux cents mille roubles, — выговорила она безъ хвастовства.

Подгулявшій инженеръ закричалъ даже:

— Мое почтенье!

Рынинъ повѣрилъ ей — чѣмъ она осталась довольна и сказала ему:

— A'la bonne heure!..

Зина подняла голову. Неужели она его боится? Онъ сталъ въ ней спиной, заговорилъ съ французенкой, не такъ громко, какъ эти шумные русскіе, но громче, чѣмъ иностранцы, даже и въ этотъ часъ, въ модномъ кафѣ. Она не могла слышать, что онъ говорилъ; тонъ у него былъ увѣренный, отрывистый, барскій. Да и вся его фигура, въ штатскомъ, очень выиграла; пропала излишняя сухость и жесткость посадки, талья выше, плечи не такъ торчатъ, лицо бѣлѣе и чище, борода красить его, волосы изъ-подъ шляпы онъ выпустилъ; они слегка курчавятся...

Болѣе мужчиной казался онъ ей, чѣмъ всѣ мужчины, какіе были тутъ, и болѣе „въ стилѣ“, чѣмъ всѣ они; нельзя его принять ни за кого, кромѣ „знатнаго иностранца“, какъ шутъ Теняшевъ говаривалъ, описывая ей разныя торжества.

Волненіе ея не проходило. Рынинъ поговорилъ съ Діаной, кинулъ нѣсколько словъ двоимъ изъ группы русскихъ. Къ нимъ онъ не присѣлъ, а повернулся.

Она было закрыла глаза, и тотчасъ съ усиліемъ раскрыла ихъ, да такъ и сидѣла, надъ своимъ наполовину допитымъ бокаломъ, полнымъ мелкихъ кусочковъ льду. Она глядѣла на него, не моргала, не дѣлала никакого жеста головой. Рынинъ обернулся къ ней лицомъ, подался на два шага впередъ, поклонился ей, приподнял даже шляпу, но слегка, съ улыбочкой, въ родъ той, какая была у него на платформѣ петербургской дороги. Что-то и еще новое распознала она въ этой усмѣшкѣ. Онъ пробирался къ ней, безъ всякой поспѣшности, радости или удивленія, точно это гдѣ-нибудь на балѣ или въ Павловскѣ, на музыкѣ.

Вотъ онъ ужъ около нея, въ узкомъ проходѣ, поглядѣлъ на нѣмгу, усмѣхнулся и опять ей кивнулъ... Этотъ кивокъ заставилъ ее повраснѣть: до такой степени она сочла его безцеремоннымъ.

— Зинаида Мартыновна, — раздался его голосъ настолько громко, что русская группа могла слышать:— Вотъ судьба!..

Рынинъ сѣлъ около нея, даже не спросилъ позволенія, спиной въ нѣмецкому столу, еще разъ приподнял шляпу и протянулъ руку.

Зина держала свою соломенку въ зубахъ и чувствовала, что ея поза дѣлается или глупой, или запросто пріятельской, что было еще недопустимѣе, еще ужаснѣе.

Она выпустила изо рта соломенку и сказала тихо, боясь, что голосъ у нея дрогнетъ.

— Здравствуйте, Рынинъ.

Какъ у нея вышло это „Рынингъ“, безъ прибавки „monsieur“, она сама не могла понять.

Это ей показало, что она уже не вполне владѣетъ собой. Вдругъ какъ опять повторится сцена на платформѣ?!..

Онъ вынулъ серебряный портсигаръ, спички, небрежно сказалъ:

— Вы позволите?

Послѣ того сейчасъ же закурилъ и крикнулъ гарсону:

— Un américain!

Наклонившись къ ней, онъ вслѣдъ затѣмъ спросилъ:

— А вы что же не держитесь вашей британской привычки: трогъ на ночь изъ коньяку?

Она не взвидѣлась, какъ онъ уже облокотился на столъ, нагнувъ къ ней свое лицо близко-близко и заговорилъ съ ней совершенно по новому, еще возмутительнѣе, чѣмъ въ Петергофѣ. Она прекрасно поняла, что такъ говорятъ только съ такими дамами, какъ вонъ та нѣмка или французенка.

— Вы не знаете Діанку?—спросилъ онъ.—Ту?.. Толстую?.. Она отслужила свой срокъ. И какіе наши соотечественники—шелопай. Двѣсти тысячъ такая тварь проѣла, въ пять зимъ, русскихъ рублей. Двѣсти тысячъ!—какъ разъ ваше приданое. Вѣдь такъ кажется?

Что ей было дѣлать? Разговоръ завелъ онъ нарочно по-русски, и тираду о Діанѣ выговорилъ тише, такъ, что, кромѣ нея, не могъ никто слышать; но что же ей отвѣчать, какъ вести себя? Сейчасъ встать, крикнуть ему, что онъ—нахаль, что онъ пьянъ?!..

Она бы это, быть можетъ, сдѣлала, еслибъ они были тутъ единственные русскіе: свой языкъ облегчалъ ей такое поведеніе. Но тѣ, подкутившіе русскіе съ „Діанкой“?.. Вѣдь и она, навѣрно, пойметъ энергичные русскіе возгласы.

Ударило въ ноги, отъ колѣнъ до щиколовъ, и вдругъ показалось ей, что обѣ ноги отнялись, да и языкъ также. Это возможно. Еще Лукашинъ, — положимъ, онъ идиотъ, — сказалъ ей разъ:

— Смотрите, милая барышня, не будете беречь себя, сразу такая анестезія сдѣлается, — она и ученое слово помнила, — что ни ногъ, ни языка, и такъ недѣли провалаетесь... За примѣрами не бѣгать!

— Что съ вами, Зинаида Мартыновна?.. Не нравится мой тонъ?..—сказалъ онъ это уже нѣсколько по другому.

Я не знаю, — еле сдумѣла она спросить: — что вамъ отъ меня угодно?..

Больше она ничего не смогла выговорить. Вся ея внутренняя работа надъ собой пошла на то, чтобы остаться крѣпкой физически, уйти самой, безъ его помощи, не упасть, не ослабѣть, не получить сильнаго головокруженія. Она съ радостью взяла бы и выпила залпомъ стаканъ грогу, вотъ тотъ самый „apéritif“, который Рынинъ заказалъ; отъ ея холоднаго напитка только жгло въ груди и было немного тошно.

— Вотъ пріѣхалъ узнать про ваше здоровье, — отвѣтилъ Рынинъ опять по другому, откинулъ свою голову и весь станъ назадъ, даже немного отодвинулъ свой стулъ и положилъ папиросу на край столика.

— Вашимъ лицомъ, общимъ видомъ, я недоволенъ, Зинаида Мартыновна, — продолжалъ онъ уже совсѣмъ просто, тономъ добраго знакомаго, не очень молодого, — не ухаживателя, а петербуржца, изъ ихъ пріятелей, котораго Сосѵ послала за границу узнать, какъ идетъ леченіе Зины на морскомъ берегу.

Эта переиѣна тона и обращенія вызвала въ ней странное чувство, для нея самой странное: какъ-будто она этому обрадовалась, что вотъ хоть не выйдетъ скандала, не должна она будетъ повести себя съ нимъ какъ съ нахаломъ... И сознаніе его силы, выдержки, свободы, съ какою онъ перешелъ къ такому тону, не обѣсило ея, не обижало; она не желала тягаться съ нимъ, была довольна уже и тѣмъ, что „все это“ можетъ обойтись прилично.

— Вамъ здѣсь одной, я думаю, очень неудобно?

Эта фраза была имъ сказана почти съ участіемъ и опять безъ сладости, не въ тонѣ ухаживателя.

Она ему отвѣтила жестомъ головы, что онъ не ошибается.

— Да и сурово; вѣтры такіе, что даже меня вчера чуть съ ногъ не спибло. Вамъ бы, по близости, въ Бланкенберге, частьзды отсюда. Тамъ хорошо, я былъ...

„Искать меня?“ вдругъ всталъ у нея въ головѣ, самъ собою, этотъ вопросъ, и ей это не было непріятно. Затѣмъ онъ вдругъ очутился здѣсь? Навѣрно, узналъ онъ отъ Тенишева и поѣхалъ „на авось“. Вѣдь онъ не могъ же не знать, какъ онъ ей не нравился тамъ, въ Петергофѣ, и все-таки поѣхалъ.

Будь это шесть недѣль передъ тѣмъ, она бы, кромѣ презрѣнія, ничего не ощутила къ этому „*coureur de dotes*“. Вотъ, сейчасъ, онъ самъ еще дерзилъ ей насчетъ двухъ-сотъ тысячъ приданаго, а она его все-таки не считаетъ теперь искателемъ невѣсты, un roubleard...

— Кто васъ пустилъ? — спросила вдругъ она и не ласково, и не рѣзко.

— Вы хотите спросить: какъ я отъ манёвровъ отдѣлался?— просто отвѣтилъ онъ.— Они только-что отошли... Вотъ видите, уѣхалъ... въ двадцати-восьмидневный отпускъ...

Глаза его подсказали ей: „сердиться тутъ нечего!“

На улицѣ механическое пианино итальянца опять забарабанило своими клавишами вальсъ „Il bacio“.

— Какая старина!—выговорила она съ гримаской.

— Чтожъ такое?—возразилъ онъ почти кротко:—мнѣ это напоминаетъ дѣтство... Въ Гейдельбергѣ... мы, мальчики, все ходили вечеромъ по Anlage и распѣвали, перевирали итальянскія слова... Было модно, теперь старомодно... И все вотъ это... весь этотъ „rschutt“—и онъ обвелъ глазами публику кафѣ—тоже будетъ старомоднымъ, не лучше „Il bacio“... Будто въ этомъ вся цѣна жизни... Знаида Мартыновна?

Замѣчаніе было не ново и не особенно остроумно, но подходило къ ея недавнему настроенію. Вотъ и она—какъ обдумывала свои туалеты „roug la plage“,—пріѣхала и увидала, что они на всѣхъ, и даже вотъ та нѣмка одѣта по-своему, хоть грубо, да оригинальнѣе ея...

Этотъ высокій, сильный, характерный русскій мужчина былъ уже ей гораздо ближе, чѣмъ вся здѣшняя людная толпа.

„А заболѣю? Упаду гдѣ-нибудь на набережной или натенусь на оскорбленіе?... Вѣдь къ нему же надо будетъ обратиться. Да онъ и самъ первый вызовется“.

Истома, поплывшая по всѣмъ ея членамъ, вызвала въ ней, впервые, потребность женщины, только наружно здоровой и ни въ комъ не нуждающейся, опереться о крѣпкую, властную руку...

Она смягчилась и почти ласково взглянула на него.

XI.

На Воробьевыхъ горахъ, у ресторана, стояли двѣ коляски и нѣсколько дрожекъ. По террасѣ, за столами, размѣстились посетители; въ этотъ до-обѣденный часъ ихъ всего больше привлекаетъ видъ на Москву.

Немного свѣжеватый іюньскій день, съ пушистыми облачками, рѣдко посыпанными по блѣдному еще небу, позволялъ, однакожъ, налюбоваться вдоволь на картину... Она только съ этой высоты выступаетъ во всей полнотѣ...

На шпикѣ храма Спаса золото горѣло въ лучахъ, не задержанныхъ облачками. Нѣжная дымка поднималась надъ скаучен-

ной вдали массой стѣнъ, колоколенъ, церковей, фасадовъ, темнѣющихъ купъ въ садахъ и цѣлыхъ роцѣ. На первомъ планѣ, внизу, Новодѣвичій монастырь рѣзко поднималъ въ воздухѣ свою темнокрасную ограду съ бойницами и зубцами. Справа, Нескучный садъ спускался зелеными террасами и вдали дворецъ надъ болѣе блѣдной площадкой пологого цвѣтника. Въ зелени стояла и Мамонова дача. Извивы рѣки омывали луговину подъ монастыремъ. По ней ѣхала пролетка къ перевозу, противъ трактира, стоящаго у самаго берега, наискосокъ купальни.

На террасѣ, въ одномъ углу, сидѣло человекъ пять нѣмцевъ; одинъ былъ мѣстный, московскій; остальные—заѣзжіе, иностранцы. Онъ имъ только-что все показывалъ и объяснялъ на картѣ. Теперь они, весело, точно отработали срочную работу, разсѣлись вокругъ стола, ѣли и чокались пивомъ.

Русская барыня, въ осеннемъ бурнусѣ, задумчиво смотрѣла вдали, съ приподнятыми бровями. Нѣмецкій разговоръ, перемѣшанный со смѣхомъ, слышался и въ лѣвомъ углу, гдѣ двѣ молодыхъ особы, нарядныя на особый ладъ, уже переглядывались съ компаніей мужчинъ.

По крутому, обвалившемуся спуску, съ первой площадки, подъ террасой ресторана, поднимался высокаго роста военный и велъ даму подъ руку, тоже рослую.

Военный былъ Рынинъ. Онъ носилъ адъютантскую форму, съ штабъ-офицерскими эполетами на скрутокѣ. Въ тѣлѣ онъ немного раздался и держалъ свой станъ не такъ жестко, какъ годъ назадъ; борода, подстриженная на щекахъ, придавала его уже загорѣлому лицу больше тонкости и вообще очень мѣняла его.

Рынинъ велъ въ гору жену свою, Зинаиду Мартыновну. Она измѣнилась гораздо сильнѣе его: пополнѣла въ груди и талѣ, лицо точно отекло немного, было все такое же блѣдное, немного изжелта; глаза смотрѣли менѣе выразительно и строго; ротъ держала она полуоткрытымъ, почти болѣзненно. Сѣрое шерстяное платье, отдѣланное шерстяными кружевами, такая же шляпка, не особенно высокая, и короткая пелеринка, стянутая въ плечахъ, составляли ея туалетъ. Она держала зонтикъ на правомъ плечѣ, почти не защищала себя отъ солнца. Мужъ придерживалъ ее крѣпко рукой своей; онъ чувствовалъ, что поднимается она тяжело и сгибаетъ на ходу колѣни.

— Qu' as-tu?—спросилъ онъ ее и остановился на половинѣ подъема.

— Rien,—отвѣтила она небрежно, скучающимъ тономъ.

Болѣзни или слабости отъ того, что она беременна, Рынинъ не боялся; онъ зналъ, что въ ея положеніи до сихъ поръ ничего еще нѣтъ радостнаго для него, какъ для будущаго отца; дѣтей Рынинъ сильно желалъ, и непремѣнно мальчика: онъ былъ послѣдній въ своей вѣтви рода Рыниныхъ.

Передъ тѣмъ, и внизу, и на крутизнѣ, пониже и наверху, въ ресторанѣ, гдѣ они немножко закусили, онъ заставлялъ ее любоваться Москвой. Зина глядѣла на все равнодушно и сказала разъ:

— Oui, c'est assez bien!

Съ тѣхъ поръ, какъ они въ Россіи, Зина при постороннихъ, въ публикѣ, на прогулкахъ употребляла исключительно французскій языкъ. Мужъ это выносилъ, но почти принуждалъ ее вести разговоръ по-русски, когда они оставались вдвоемъ дома или въ мужскомъ обществѣ.

Наверху Зинаида Мартыновна съ усиліемъ отдышалась.

— Развѣ такъ тяжело?—спросилъ Рынинъ и поглядѣлъ на нее со снисходительной усмѣшкой старшаго.

Отъ такой именно усмѣшки ее всю поводило.

Въ ресторанъ они не вошли, остановились на подъѣздѣ.

Рынинъ крикнулъ кучеру наемной щегольской коляски:

— Подавай!..

Подсаживая жену, онъ сказалъ ей въ шутовомъ тонѣ:

— Madame n'est pas patriote!

Она ничего не замѣтила на это, сѣла глубоко въ уголь и протянула ноги, въ усталой позѣ. Ноги мужъ покрылъ ей одѣяломъ; ей было зябко, и она находила, что воздухъ осенній.

Лошади взяли съ мѣста чуть не вскачь. Зинаида Мартыновна пугливо подалась впередъ и схватилась руками за край коляски.

— Осторожнѣе, братецъ!—окрикнулъ кучера Рынинъ.

Она опять опустилаcя, и ей стало тутъ же досадно на себя: съ какой стати дѣлается она такой трусихой.

„Comme c'est russe!“—презрительно добавила она про себя.

Прежней дѣвичьей неустрашимости и выдержки у нея уже не было, съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ и переѣхала на житье въ Россію.

Мужъ и жена сидѣли рядомъ—по своимъ угламъ—и между ними не замѣчалось ничего, что бы сврашивало имъ эту поѣздку. Онъ повезъ ее на Воробьевы горы, какъ возилъ ее уже и въ другія мѣста: въ Кусково, въ Останкино, въ Ильинское, въ Царицыно; заставлялъ ходить по соборамъ и оружейной палатѣ... Въ

Кремль, въ первый осмотръ, Зина находила кое-что „drôle“, но, во второй, начала сильно тяготиться. А Рыникъ точно за-ново изучалъ святыню и старину Москвы и ея окрестностей, находилъ ее красивѣе всѣхъ городовъ Европы, впадалъ даже въ особенный и для нея новый тонъ, когда говорилъ съ ней объ исторіи Москвы.

Глаза Зины разбѣянно глядѣли по сторонамъ... Она уже знала, гдѣ стояла и Мамонова дача. Тамъ, годъ назадъ, сидѣлъ отецъ ея... Мужъ предложилъ ей осмотрѣть и это заведеніе, послѣ прогулки по Нескучному съ его дворцомъ. Она отказалась.

Вторую недѣлю, какъ они въ Москвѣ... Она видѣлась уже и съ отцомъ, и съ матерью. Мужъ почти настаивалъ на томъ, чтобы она сдѣлала все, „какъ прилично дочери“. Не было, собственно, никакой надобности непременно останавливаться въ Москвѣ, или онъ могъ одинъ поѣхать по дѣлу о покупкѣ родового имѣнія своего, Ширяева, у купца, который теперь попался въ чемъ-то и продаетъ на скорую руку...

Но мужъ—не Сосѣ... Онъ рѣшилъ, что такъ „слѣдуетъ поступить“—и повезъ ее къ родителямъ; почтительно отнесся и къ Мартыну Лукичу, поѣхалъ и къ Людмилѣ Мироновнѣ, послѣ чего онъ отправилъ къ ней Зину, сказавши ей при этомъ:

— Не мнѣ же ѣхать одному безъ тебя? Это было бы—съ твоей стороны—постыднымъ малодушіемъ.

•Таковымъ слогомъ, и всегда по-русски, объяснялся онъ съ женой съ глазу-на-глазь.

Никогда и нигдѣ, даже съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, не чувствовала себя Зина до таковой степени женой, замуженной барыней, подполковницей, подъ опекой и руководствомъ мужа... На нее здѣсь напала небывалая вялость, какое-то безволие, скрытое, вогнанное внутрь раздраженіе и недовольство всѣмъ. Во-первыхъ, всѣмъ русскимъ:—долгой перспективой житья въ русскихъ городахъ, а можетъ быть, и въ деревнѣ, и—этой Москвой: разбѣздами по окрестностямъ, осматриваніемъ старины; а еще больше—сознаніемъ того, что она—дочь Мартына Ногайцева, безпутнаго и полусумасшедшаго, котораго теперь выпускаютъ, хоть онъ и живетъ еще у доктора-психіатра, въ Сокольникахъ. Туда они и ѣхали. Еще сильнѣе давило ее и то, что ея мать—„Богъ знаетъ кто“, состарѣвшаяся, разбитая, смѣшная, въ ея глазахъ, отставная танцовщица. Въ „такомъ видѣ“ и она ея не представляла себѣ. И вотъ, десять дней тому назадъ, она все это на себѣ испытала: и квартиру, и видъ этой женщины, и ея языкъ, и все, все!.. Сейчасъ бы уѣхала она изъ этой Москвы,

и уже, разумѣется, не въ деревню, — о ней она думала съ дрожью, — а за границу. Но вѣдь это не то, что изъ Петербурга прошлымъ лѣтомъ, ровно годъ назадъ. У нея мужъ. Онъ не пуститъ. Паспорта не дастъ. Да и туда ѣхать нѣтъ у нея особой охоты. Сосѣдъ — въ Америкѣ... Богъ знаетъ, когда вернется; развѣ, вотъ, если старику Куну сдѣлается опять очень худо... Европа для нея, Зинаиды Маргиновны Рыниной — уже не та. Гдѣ она жила бы и съ бѣмъ?

„Поздно локти кусать!“

Это она выговорила, мысленно, по-русски, и съ самаго приѣзда въ Москву, Зина, каждый день, перебирала то: какъ она вышла замужъ, и почему мужъ ея — Рынинъ, тотъ самый „прыщавый офицеръ“, который былъ ей такъ противенъ, даже физически.

Вотъ онъ сидитъ рядомъ, смотреть вдаль, тихо улыбается, доволенъ погодой, Москвой, своей осанкой и все такимъ же длиннымъ козырькомъ, который онъ носитъ изъ желанія придать себѣ особенный „genre“...

Его теперь не сдвинешь: онъ идетъ по своей доскѣ твердо, оставилъ строевую службу, какъ только женился, перечислился по армейской кавалеріи, состоитъ въ такомъ вѣдомствѣ, гдѣ его непременно оцѣнятъ и дадутъ ему ходъ.

Здѣсь онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ визитовъ и еще больше преисполнился серьезности. Ѣдетъ выкупать родовое имѣніе, мечтаетъ объ этомъ, говоритъ, закрывая глаза, о „могилѣ родителей“, надѣется на какія-то новыя права, къ столѣтію дворянской грамоты, — быть можетъ, на княжество! Онъ уже не разъ заводилъ рѣчь о томъ, что Рынины были князьями, да утратили титулъ, а средствъ не было произвести всѣ геральдическія справки. Ему уже видится карточка, гдѣ будетъ стоять славянской вязью: „князь Парменій Никитичъ Рынинъ-Ширяевскій“, по имени села.

И она сама, Зина, дала ему средства; это рѣшенное дѣло, и теперь ей нельзя уже попятиться... Нечего и думать!.. А ей-то какая отъ того благодать предстоитъ, что имѣніе будетъ принадлежать ему и перейдетъ въ его родъ, если они останутся бездѣтны? Сорокъ тысячъ! Одна пятая ея капитала...

Это случилось такъ же незамѣтно и быстро, какъ и ея выходъ замужъ.

„Все“ пошло съ того „идіотскаго“ вечера въ кондитерской Норрепеу, въ Остенде. Онъ очутился въ ея друзьяхъ, точно покровителемъ и менторомъ, сталъ ей толковать все на ту тему, что вотъ она, при всѣхъ своихъ „стиляхъ“ и „тонахъ“, не

имѣть подъ ногами никакой „почвы“. Слово „почва“ соваль онъ всюду и достигъ того, что и она начала какъ будто чувствовать отсутствіе подъ собой почвы. Сразу, почти съ того самаго вечера, она подчинилась ему, какъ сильному мужчинѣ, и начало ее влечь къ нему, не любовнымъ влеченіемъ, даже не тѣмъ, что на языкѣ ея кавалеровъ называлось „un sacrifice“. Что-то другое: внѣшній авторитетъ и усталость довольно уже долгой дѣвической жизни, боязнь состарѣться, — такъ она себѣ это теперь объясняетъ...

Вернулась Сосѳ изъ Россіи. Онъ уѣхалъ передъ тѣмъ, почти ея женихомъ. Стало ей у Сосѳ ужасно шумно и безтолково житься, въ приготовленіяхъ къ новой свадьбѣ... Цѣлые дни Сосѳ, когда получила разводъ, запырала съ своимъ женихомъ, или поскачетъ съ нимъ: то туда, то сюда, въ Парижъ, Франкфуртъ, Швейцарію, Вѣну, Берлинъ... Съ ними Зина не ѣздила; ей и даже смотрѣть на нихъ было тошно. И этотъ „gastaquouère“, новый нареченный Сосѳ, казался ей такимъ „вомишкой“, франтомъ-вонтористомъ, ничтожнымъ „разночинцемъ“; такъ его опредѣлили и Рынинъ, проведя съ нимъ одинъ вечеръ, передъ своимъ отъѣздомъ. — Фигура дерзкаго офицера все росла въ ея сильно заскучавшей головѣ... Она начала получать отъ него письма. Писалъ онъ умно, зло, занимательно; сначала она отвѣчала рѣдко, — потомъ втянулась. Свадьба Сосѳ толкнула ее дальше. Молодые уѣхали, „разумѣется“, въ Италію; — ее оставили опять съ англичанками, съ тѣми, которыя пріѣлись ей достаточно и во Франкфуртѣ. Княгиня Трубчевская переселилась въ Ментонъ, да еслибъ жила и все въ томъ же курортѣ, она сама не могла бы уже играть при ней роль добровольной чтицы.

Къ веснѣ ей вдругъ захотѣлось въ Россію. Она сама заговорила объ отцѣ, о свиданіи съ матерью... Сосѳ прослезилась... Тутъ случился опять Лукашинъ со старикомъ Куномъ, на обратномъ пути въ Москву, послѣ заграничной поѣздки. Сосѳ начала ее благословлять, точно хотѣла окончательно отдѣлаться отъ нея, и ускорила свой отъѣздъ съ мужемъ въ Америку, на цѣлый годъ, можетъ, и больше. Правда, она предложила ей ѣхать съ ними, и даже на ея счетъ. Но Америка совсѣмъ ея не прельщала. Опять съ ними... Они цѣлый день цѣлуются, точно нѣмцы на швейцарскихъ дорогахъ. Сосѳ — кажется, беременная, слезливо-сладкая, противная!..

Она и поѣхала въ Россію. Въ Петербургѣ утомилась, заболѣла слегка, и въ двѣ недѣли Рынинъ уже былъ ея формальнымъ женихомъ. — Въ маѣ они обвѣнчались.

Коляска, на рѣзвыхъ рысяхъ, катилась по шоссе, мимо Нескучнаго.

— Не правда ли, прелестный садъ?—окликнулъ ее мужъ:— Зина! ты слышишь?

— Неп?—откликнулась она парижскимъ звукомъ.

— Прелестный садъ!

Она только пожала плечами... Ей уже надоѣло все ему поддакивать. Садъ какъ садъ, и когда они тамъ были, то нашли толпы купцовъ съ купчихами подъ-ручку, и ей было почти противно отъ ихъ туалетовъ, свѣжихъ румяныхъ щекъ и московскаго говора...

Потянулись зданія больницъ, училищъ, приютовъ; мостовая стала трясучею, пыль была въ носъ отъ встрѣчныхъ обозовъ и дрожекъ. И цѣлый почти часъ катилась коляска, все съ тѣмъ же трескомъ, поперекъ всего города, переѣхала мостъ черезъ Москву-рѣку и стала подниматься, потомъ спускаться,—дѣлала это не одинъ разъ. И Кремль былъ уже позади, Сухарева, Шереметевская больница... Опять они на шоссе... На немъ еще больше пыли и ѣзды... Свистки желѣзныхъ дорогъ чередуются съ грохотомъ желѣзно-конныхъ вагоновъ, ползущихъ туда же, въ Сокольниамъ, куда они ѣхали на дачу того психіатра, у котораго квартировалъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ.

ХП.

Коляска поднялась съ шоссе въ улицу, гдѣ одинъ только разносчикъ покачивалъ на шляпѣ лотокъ и выкрикивалъ гѣвуче:

— Садова-а клубника!

Дача доктора-психіатра стояла на дворѣ, передъ палисадникомъ; справа и слѣва было по флигельбу. Одинъ изъ нихъ и занималъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ. Онъ оставался у доктора больше какъ постоялецъ, и часто ночевалъ въ городѣ, гдѣ придется, чаще всего въ „Славянскомъ Базарѣ“.

Дворъ и строенія держались въ чистотѣ.

На крыльцо флигеля вышелъ лакей въ черномъ сюртугѣ и бѣломъ галстухѣ, молодой малый, съ веселымъ, бритымъ лицомъ. Онъ и высадилъ ихъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ его Рынинъ.

— Господинъ Лукашинъ.

Зина уже знала, что Лукашинъ здѣсь ее ждетъ; она ему по-

слала депешу, не сказавъ объ этомъ мужу, изъ гостинницы „Дрезденъ“, гдѣ они стояли.

Тѣсная передняя вела прямо въ большую комнату, въ три окна, выходившія на улицу. Она была полна, въ эту минуту, свѣта, отраженнаго бѣлыми, лоснящимися обоями, золотыми багетами и мебелью въ бѣлыхъ же чехлахъ.

Они застали Ногайцева въ дверяхъ спальни, полуодѣтаго; онъ поправлялъ широкія подтяжки съ шелковымъ шитьемъ и былъ въ панталонахъ и чистой крахмальной рубашкѣ; видимо, одѣвался для выѣзда.

Лукашинъ сидѣлъ у окна, весь въ своей чичунчѣ и съ папирсой. Съ прошлаго лѣта онъ только слегка потолстѣлъ въ лицѣ. Мартына Лукича никто бы не принялъ сразу за недавняго пациента лечебницы для душевно-больныхъ; красное, салитое, въ пятнахъ и подтекахъ лицо, рѣдкая, съ просѣдью, широкая борода, вздернутый жирный носъ, подслѣповатые, слезливые глаза и лысина съ курчавыми вихрами на вискахъ, все отзывалось чѣмъ-то обычнымъ, бытовымъ и чисто-московскимъ, по чертамъ и окраскѣ: наружность и выраженіе лица—прямо изъ любого клуба или загороднаго ресторана; также и его широкая, ожирѣлая осанка, круглая спина, средній ростъ и по-дворянски разставленные ноги въ сѣрыхъ панталонахъ, скроенныхъ, по модѣ шестидесятыхъ годовъ, очень широко.

Въ обѣихъ комнатахъ запахъ стоялъ тѣхъ же годовъ: смѣсь папирсы „maigland doux“ съ мускусомъ.

— А-а! — зычно и хрипло крикнулъ Ногайцевъ, увидавъ Зину. Она вошла первая.—И супругъ грядетъ? Его-то мнѣ и нужно! Полковникъ!—онъ его называлъ „полковникъ“, зная, что онъ только подполковникъ:—вы свободны?

— Какъ, куда?—отъ дверей отвѣтилъ Рынинъ.

— Да куда повезу! Вы мнѣ обѣщали нынче со мной въ разныя злчныя мѣста... Couleur locale, mon cher, а то вы очень ужъ торжественны... Здравствуй, Зина.

Ногайцевъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она нагнулась немножко, но ни къ рукѣ, ни къ плечу его не приложилась. Ей стало сейчасъ же жутко отъ того, что Мартынъ Лукичъ, нисколько не конфузясь, продолжалъ поправлять на правомъ плечѣ одну подтяжку и дѣлалъ гримасу отъ напряженія, морщилъ правую щеку. Она подала руку Лукашину и тутъ же присѣла къ окну, въ такой позѣ, точно она пріѣхала очень утомленной.

— Къ вашимъ услугамъ,—чуть слышно выговорилъ Лукашинъ.

Его хорошія чувства къ Зинѣ значительно усилились; онъ даже писалъ на-дняхъ пріятелю своему Иву Блэзо, — что съ нимъ бывало рѣдко, — о пріѣздѣ Зины, о томъ, что она родителей не стыдится и даже матери, и вообще гораздо лучше своего „супруга и повелителя“.

Рынинъ, не ускоряя шага, безъ сгибанія колѣнъ, подошелъ къ своему тестю и пожалъ его руку съ легкимъ, военнымъ поклономъ. Они были съ нимъ на „вы“; такъ установилъ Рынинъ, но Мартынъ Лукичъ переходилъ, когда ему вздумается, и на ты.

— Зина, — окликнулъ ее отецъ, — mon enfant, ты тоже съ нами?

— Куда? — спросила она по-русски, что строго соблюдала при Лувашинѣ, хотя и знала, что онъ понимаетъ языкъ и можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться на немъ.

— Да во всякія мѣста... увеселительныя... Довольно вамъ точно монашкамъ... по соборамъ все да по ризницамъ. Mon gendre!.. Vous perségez, mon bon, и безъ этого! Въ государственные люди мѣтить! — указалъ онъ на Рынина доктору и сдѣлалъ смѣшную мину: выпятилъ впередъ обѣ губы съ закрытыми глазами.

Лувашинъ едва удержался отъ того, чтобы не прыснуть. Рынинъ чуть замѣтно покраснѣлъ.

Ногайцевъ послѣ того повернулся на каблукѣ и пошелъ въ спальню, откуда крикнулъ:

— Сейчасъ! Будьте какъ дома... Левонтій! — еще громче позвалъ онъ лакея и растворилъ изъ спальни дверь въ заднюю комнату.

Рынинъ сѣлъ на диванъ, вытянулъ свои длинныя ноги на коверъ, перевелъ духъ и полѣзъ въ карманъ рейтузъ за папиросницей и огнемъ.

Всѣ трое сидѣли они въ позакъ не то пациентовъ, не то ожидающихся очереди у адвоката или въ присутственномъ мѣстѣ. Первый прервалъ молчаніе Рынинъ и спросилъ Лувашина:

— А какъ здоровье Германа Францовича Куна?

— Попрыгиваетъ... сегодня гулялъ, прошелъ всю Алексѣевскую просѣку... одинъ... И никого не захотѣлъ взять съ собой! Даже и жуликовъ не боится.

— Кого? — спросила Зина.

— Это то, что въ Петербургѣ мазурики, — объяснилъ ей Рынинъ и прибавилъ: — воры.

— Днемъ? — удивилась Зина: — здѣсь?

— И еще какъ! — вскрикнулъ Лувашинъ.

— Naïve enfant!—донесся голос Ногайцева; онъ слышалъ весь разговоръ.—Naïve enfant! Чѣмъ же мы отличаемся отъ Европы?.. Въ этомъ наша гордость... Братушекъ освобождаемъ, а на просѣкахъ у насъ денной грабежъ! N'est-ce pas, mon gendre?

Рынинъ даже не улыбнулся. Онъ въ обхожденіи своемъ съ Ногайцевымъ былъ таковъ, точно будто на Мартына Лукича онъ смотритъ какъ на умалишеннаго, въ полномъ разстройствѣ.

Докторъ подумалъ: „Папа-то, право, поумнѣлъ. Хоть бы и не паралитику въ пору“.

Лукашинъ зналъ, что Мартыну Лукичу не миновать прогрессивнаго паралича.

— Вотъ я и готовъ!

Мартынъ Лукичъ стоялъ опять въ дверяхъ. Онъ надѣлъ короткую, черную визитку и жилетъ изъ клѣтчатаго пикё. По тому, какъ онъ повязалъ галстухъ, Ногайцевъ смотрѣлъ франтоватымъ москвичемъ шестидесятихъ годовъ. Все на немъ сидѣло хорошо и было новое и чистое. Зина помнила, какимъ отрепаннымъ привѣзжалъ онъ когда-то за границу. Особенно ярко держался у нея въ памяти гороховый маффарланъ съ развѣвавшимися рукавами, весь закапанный и выцвѣтшій. Другіе, хотя и во временномъ сумасшествіи, дѣлаются обыкновенно еще неряшливѣе, а ея отецъ исправился. Хотя это не много мирило ее съ нимъ.

— И ты съ нами?—обратился къ ней Ногайцевъ.

— Куда?—все также суховато-утомленно спросила Зина.

— Да что вы глухіе что-ли оба?.. Или это такъ у васъ въ гранъ-мондѣ что-ли дѣлается? Чтобы три раза объ одномъ и томъ же переспрашивать! Куда?—уже сердитѣе выговорилъ онъ: —Къ африканкамъ!—Ногайцевъ выкрикнулъ это слово и прищелкнулъ пальцами.

— Къ фараонову племени, небось, Мартынъ Лукичъ?—понялъ Лукашинъ и разсмѣялся.

— Именно! Лукашинъ, я васъ, душа моя, не приглашаю: вы состоите при той муміи, при моемъ бо-фрерѣ—a la mode de Bretagne,—прибавилъ онъ.

Обернувшись къ зятю,—тотъ уже курилъ папиросу-пушку,—Ногайцевъ продолжалъ, все еще стоя въ дверяхъ спальни:

— Послѣ французскаго погрома, когда Наполеона спанали въ полонъ и въ Парижѣ краснаго пѣтуха пустили господа коммунары, умнѣйшій малый изъ хроникеровъ... не помню, гдѣ писалъ, кажется въ „Figaro“,—объяснялъ мнѣ: „Мы,—говорить,—monsieur le comte“—это онъ меня такъ величалъ... а я ничего, не брыкался...

— Ахъ, папа!—выговорила Зина и отвернулась къ огню.

— Что?.. что?.. Милитриса Кирбитьевна!.. Правды нельзя говорить? Разумѣется, я ему не препятствовалъ величать меня графомъ... По крайней мѣрѣ, дистанцію соблюдать...

— Такъ чтожь вамъ онъ объяснял?—почтительно перебилъ Рынинъ.

— А вотъ что: „мы, — говорить, — теперь Европу можемъ держать еще однимъ: Офенбаховщиной, la cascade!.. пивантнымъ кошонствомъ“. Такъ точно и наша порфиросная вдова, первопрестольная столица, тѣмъ же привлекаетъ даже и Европу... Трактиры, цыгане... Вотъ чѣмъ... Такъ вѣдь, докторъ?

— Это вѣрно, Мартынъ Лукичъ!..

Лукашинъ расхохотался. Ему это очень понравилось.

Рынинъ улыбнулся сквозь дымъ. — Зина только перемѣнила позу, и положила ногу на ногу.

— Вы здѣсь вторую недѣлю, — продолжалъ Ногайцевъ и заходилъ по комнатѣ, — а ни въ Ярѣ, ни въ Мавританіи, ни въ Грузинахъ не были... Какъ же это?.. Только въ этомъ и *soleur locale*. Изъ Лондона фифивусы ѣздятъ, настоящіе туристы, не вамъ чета... изъ Парижа... а ужъ на что французики скупы на подъемъ, и сейчасъ въ африканкамъ!.. А то такъ и къ себѣ въ номеръ, всѣмъ соборомъ...

— Какъ же это соборомъ... Мартынъ Лукичъ?.. Цыганки?—остановилъ его Рынинъ слегка укоризненно и даже покачалъ головой.

— Не такъ сказать?.. Слово... не то? Лукашинъ! Мой зятюшка въ благочестіи упражняется... Премьеръ-министръ! Чтобы, знаете, все въ благопотребныхъ выраженіяхъ... Какъ, бишь, это въ писаніи говорится: „звѣзда отъ звѣзды“?..

Зина встала. Она испугалась: вотъ сейчасъ что-нибудь выйдетъ между отцомъ и мужемъ. Ей не было обидно за мужа; не было жалко и отца; только она сама не хотѣла быть свидѣтельницей глупой или пошлой сцены.

— Ну что, ну что?—окликнулъ ее Ногайцевъ. — Полно, матушка, строить такія фізіономіи! Видали мы самыхъ знаменитыхъ кривляевъ, и самое Плессившу выгачивали до седьмого взмаха... И Фаваршу тоже! Точно ты на большомъ выходѣ, герцогиня Герольштейнская. Право! Мужъ твой понимаетъ, небось, шутку. Докторъ! Они нынче и въ эскадронахъ, подъ духовую музыку, вонъ вакую муштру получаютъ, точно дипломатическіе агенты... Да все это наплевать!.. *Pardon, madame!*.. А вотъ что важно: ѣдемъ мы хоть сейчасъ... Коляска у меня съ утра заказана. Ты

опять скажешь: куда? Это слово у меня въ ухахъ завязло. Ландо у меня, и на каучукахъ. Повезу я васъ...

— У насъ коляска,—остановилъ его Рынинъ.

— Экая важность! Отпустите ее; она у васъ двухмѣстная, а я хочу, чтобъ въ одномъ экипажѣ, какъ нѣмцы: нахъ Кузминки!..

— И прямо къ африканкамъ?—спросилъ Лукашинъ.

— Вотъ увидятъ... На цѣлый день и вечеръ...

— Прекрасно, Мартынъ Лукичъ,—снисходительно заговорилъ Рынинъ,—но Зина утомлена... она ходила по Воробьевымъ...

— Еще бы вы!.. Какъ еще вы ее на Ивана Великаго не воздымали? Всѣ сто четыре ступеньки... Ничего этого отъ васъ не потребуютъ.

— Я не могу...—выговорила Зина и встала у выходной двери, пригласивъ взглядомъ Лукашина.

Тотъ сейчасъ же поднялся.

— Пуркуа?—спросилъ Ногайцевъ,—вапѣры, небось?.. Такъ если ты... здѣсь можно сказать... если ты — онъ нагнулся къ уху Лукашина и прокричалъ:—въ интересномъ положеніи, тѣмъ лучше!.. Это тебѣ дастъ... du perf... Ты вяла. Я тебя не узнаю. Et tu auras un enfant musical!..

Всталъ и Рынинъ; и онъ началъ беспокоиться, какъ бы между отцомъ и дочерью не вышло чего „неподходящаго“.

— Я ѣду... мнѣ нужно быть...—Зина затруднялась выговорить: „у шапап“ или „у матери“.

Лукашинъ пришелъ ей на подмогу.

— Зинаида Мартыновна, — выговорилъ онъ взадъ Ногайцеву,—хотѣли къ Людмилѣ Мионовнѣ.

Тотъ опять на каблукѣ повернулся быстро и крикнуть:

— Что такое приспичило? Ты, Зина, пожалуйста, не напускай на себя того, чего въ тебѣ нѣтъ, матушка! Терпѣть я не могу лицемѣрія и двоедушія!.. До двадцати-пяти лѣтъ дожидая и знать не знала, есть ли у тебя мать. Въ кон-то вѣки тебя дождались сюда, и вдругъ ты въ сентименты!.. Tout ça, ma chère, c'est de la frime!.. Да я не знаю только, въ чему? Людмила Мионовна, твоя родительница,—произнесъ онъ съ особой интонаціей:—это точно!.. Но чтобы она тебѣ доставляла большое... этакое... удовольствіе... я сомнѣваюсь... Да не строй ты, Бога ради, такой мины, вѣдь не испугаюсь! На медвѣдя одинъ на одинъ хаживалъ въ лукояновскомъ уѣздѣ, съ мордвой некрепеной... Ну, будеть! Такъ ѣдемъ?!..

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за подбородокъ.

Зина подалась назадъ и чуть-чуть не отстранила его руку.

— Je ne puis être de votre partie, — выговорила она твердо и глуховато.

— Une fois, deux fois, trois fois?

— Non.

— Ну, такъ чертѣнки съ вами!.. Mon gendre!.. Мы вдвоемъ тогда...

— Но какъ же Зина? — замѣтилъ Рынинъ.

— Докторъ поѣдетъ со мною, — сказала Зина... — Мы заѣдемъ къ дядѣ.

И она, не дожидаясь, что скажутъ отецъ и мужъ, направилась къ двери и пригласила Лукашина слѣдовать за собой движеніемъ головы.

— Au revoir! — винула она мужу, и прибавила: — до свиданья, рара.

Въ дверяхъ она спросила мужа, по-русски:

— Ждать тебя къ обѣду?

— Не ждать! Ни подъ какимъ видомъ! — закричалъ Мартынъ Лукичъ и замахалъ руками. — Дочь неповорная... безпутнаго отца! — докончилъ онъ и взялъ зятя за талию: — Пускай ее... Съ ней никакой браги не сваришь!

— Я отоѣдаю у дяди, — сказала Зина изъ передней.

Ногайцевъ побѣжалъ зачѣмъ-то въ спальню.

Мужъ вышелъ къ ней и сказалъ ей шопотомъ:

— Ты могла бы поѣхать...

— Jamais de la vie! — брезгливо отвѣтила она.

— Ужъ вы попридержите наше чадушко-то, — сказалъ Рынину Лукашинъ, тоже въ передней: — что-то онъ разошелся, какъ бы его не прорвало!..

— Такъ лучше послать бы за тѣмъ докторомъ...

Рынинъ указалъ жестомъ головы на домъ психіатра.

— Удерживать его силой тотъ не станетъ.

Лукашинъ поспѣшно выбѣжалъ на крыльцо и вскочилъ въ коляску вслѣдъ за Зиной.

— Благодарю! — сказала она ему. Лицо ея слегка подергивало.

Онъ это замѣтилъ.

— Да вы не волнуйтесь, барыня! — Приятельскій тонъ Лукашина она въ Россіи выносила спокойно. — Супругъ вашъ — человекъ основательный; съ нимъ лучше, чѣмъ со специалистомъ. А вотъ что-съ... Сейчасъ вамъ къ мамашѣ ѣхать — не слѣдуетъ... Не угодно ли лучше заѣхать, въ самомъ дѣлѣ, къ дядюшкѣ — вы вѣдь это для отводу сказали — тамъ придете въ себя,

и обрадуете его, назовитесь обѣдать... Тѣ два путника раньше ночи не отыщутся.

Зина молчала и громко дышала ноздрями. Никогда еще ея отецъ не вызывалъ въ ней такой смѣси раздраженія и обиды за необходимость выносить его личность и подобные разговоры.

ХІІІ.

На „Козіхѣ“, въ переулочкѣ, около перекрестка, въ деревянномъ о пяти окнахъ домѣ мѣщанина Чурилова, квартировала отставная „артистка императорскихъ театровъ“, Людмила Миropовна Распивина. Она занимала комнаты нижняго этажа, почти вросшія въ землю. Ходъ къ ней былъ со двора, въ особую дверь, куда надо было спускаться прямо съ немощеной земли.

Когда Зина съ Лукашинымъ подъѣхали къ воротамъ — они всегда стояли запертыми, — изъ калитки шмыгнула кухарка, рябая, прикрытая платкомъ, въ затрапезномъ сарафанѣ.

Она узнала Зину, ахнула и кинулась назадъ сказать своей барынѣ, кто пріѣхалъ; успѣла только крикнуть:

— Ахъ ты, Господи!..

Зина ее смутно узнала, и появленіе этой кухарки еще брезгливѣе настроило ее. Дорогой она молчала, отъ самаго Ширяева поля, куда они заѣхали къ старику Куну, на двѣ минуты, сказать ему, что она сегодня у него будетъ обѣдать, если къ обѣду не очень утомится.

Лукашинъ не тревожилъ ея никакими вопросами. Онъ ѣхалъ и на Ширяево поле, и обратно, на Козиху, въ состояніи своего неизмѣннаго благодушія и заботы о томъ только, чтобы ничего не вышло „такого“. Этимъ словомъ означалось у него все тяжелое, всякая горечь и неудача для другихъ. Для себя онъ давнымъ-давно ничего не желалъ; — въ послѣднее время еще болѣе успокоился: старикъ Кунъ, по возвращеніи изъ-за границы, сказалъ ему, разъ утромъ, за трубкой любимаго заграничнаго табаку „Bird's eye“, — что въ завѣщаніи своемъ не забылъ его: „все равно, какъ еслибъ онъ состоялъ на настоящей службѣ“.

Зину ему дѣлалось все жальче и жальче, здѣсь, въ Москвѣ. Сегодня, за сцену у Ногайцева, онъ внутренно похваливалъ ее: „горделивость, чистоплотность есть“, — повторялъ онъ про себя, сидя около нея въ коляскѣ, и даже выразилъ свое одобреніе вслухъ, когда они были уже на Тверской, въ одномъ возгласѣ:

— Хвалю, Зинаида Мартыновна!

Зина поглядѣла на него бокомъ и мысленно назвала: „bébête“.

Лукашинъ на этомъ не остановился, и сталъ мысленно разговаривать съ Блэзо, указывая на поведеніе Зины: „Что, братъ, Ива Альфонсъчъ, это тоже своего рода программа, въ родѣ твоей: послѣ такого пріятнаго визита къ милашкѣ папенькѣ — да сейчасъ къ маменькѣ, гдѣ тоже надо будетъ всю себя переиначить,—а?“

И Блэзо, въ его воображеніи, признавалъ себя побѣжденнымъ, соглашался на его доводы и отвѣчалъ, безъ словъ, киваніемъ головы.

Кухарка, ея видъ, дворъ, запахи, застоявшіеся на немъ, и квартира, и домъ, и ходъ къ Людмилѣ Мироновнѣ,—какъ все это дѣйствовало на Зину—Лукашинъ испыталъ на себѣ, когда въ первый разъ былъ съ ней... Онъ, до ея пріѣзда, познакомился съ ея матерью—и черезъ него были, раза два, пересланы за границу письма къ Зинѣ. Ему и Расшивину было жаль не меньше, чѣмъ Зину. Онъ ее понималъ такъ: была она „какъ и быть слѣдуетъ отставной танцовщицѣ“—Лукашинъ произносилъ это слово съ удареніемъ на „и“. Еслибъ отъ него зависѣло, онъ бы перевезъ ее, на время пребыванія Зины въ Москвѣ, въ другую квартиру, въ гостинницѣ, что-ли, нанялъ бы цѣлое помѣщеніе; онъ ей даже и намекалъ, но та—все повторяла:

— Дочка не побрезгуетъ и этими комнатами... у меня чистенько.

Чистенько — дѣйствительно у нея было, насколько возможно у разслабленной, почти парализованной на ноги женщины; но ходъ ужасный для такой особы, какъ Зинаида Мартыновна.

На дворѣ, только-что Зина съ Лукашинымъ сдѣлали нѣсколько шаговъ, къ нимъ подбѣжали двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка—и бросились къ Лукашину. Онъ уже успѣлъ завести съ ними дружбу, хотя хорошенько не зналъ чьи это дѣти: хозяйна или ностояльцевъ изъ флигеля...

— Пойдите въ сад! — начала звать его дѣвочка, бойкая, не испугавшаяся нарядной барыни.

Мальчикъ былъ потише.

— Сейчасъ, сейчасъ приду!.. — отвѣтилъ Лукашинъ:—подождите меня на дворѣ.

Онъ уже расцѣлъ, про себя, что надо будетъ улучшить минуту, оставить Зинаиду Мартыновну одну съ матерью.

Зина внутренно негодовала на отца: какъ онъ не отдѣляется ея матери приличную квартиру; но, до сихъ поръ, она ему не

дѣлала вслухъ этого упрека; она боялась, что Мартынъ Лукичъ скажетъ ей:

„Ты, матушка, капиталистка. Раскошелся сама!“

На это ей уже намекалъ мужъ; но прибавилъ:

— Тебѣ бы все-таки надо что-нибудь сдѣлать, Зина. Это не Богъ знаетъ что будетъ стоить.

Она была увѣрена, что у отца есть еще довольно большія деньги; а мужъ говоритъ такъ только за тѣмъ, чтобы подавить ее своею порядочностью и показать: какъ онъ умѣетъ выполнять во всемъ долгъ сыновній. Ему легко такъ рисоваться этими добродѣтелями: у него ни отца, ни матери, и „прахъ“ ихъ онъ ѣдетъ выкупать на ее же деньги.

Сегодня она надумала, однакожь, поговорить съ матерью о перемѣнѣ помѣщенія.

— Двѣ ступеньки, — сказалъ Лукашинъ, когда они подошли къ двери.

Онъ хотѣлъ даже поддержать ее подъ лѣвый локоть; но Зина сказала ему:

— Благодарствуйте!

Надо было имъ пройти темными сѣнями, въ родѣ чулана, гдѣ стоялъ всегда такой запахъ, что даже Лукашинъ предложилъ бы Зинѣ спирту понюхать — будь съ нимъ стьяночка. Она уже это знала, быстро прошла сѣнями и толкнула дверь, обитую не то рогожей, не то парусиной.

— Пожалуйте, матушка!.. — раздался голосъ кухарки, той, что выбѣгала за калитку.

И вслѣдъ за ее словами залаяла собачонка, сирымъ и слабымъ старымъ лаемъ большой болонки, наполовину слѣпой, съ бѣльмомъ, злой и дикой.

— Амишка!.. Цыцъ! — крикнула на нее кухарка и бросилась въ Зинѣ, хотѣла снять съ нея пальто.

Лукашинъ отвелъ ее рукой и отворилъ изъ крошечной передней дверь въ проходную комнату, гдѣ было душно и пахло керосиномъ и геранью. Зина шляпкой едва не касалась потолка. Духота сейчасъ схватила ее за горло.

Во второй, довольно большой, угловой комнатѣ, въ четыре окна — это была и спальня, и гостиная Людмилы Мионовны — они нашли ее не одну: у нея сидѣли двѣ гостьи, ее подруги, также изъ отставныхъ танцовщицъ; обѣ были въ шляпкахъ, полныя, съ широкими лицами и выцвѣтшими волосами. Онѣ сидѣли у столика и допивали кофе.

Людмила Мионовна, ближе къ окну, помѣщалась въ креслѣ,

съ высокой спинкой; ноги ея, покрытыя пледомъ, стояли на скамейкѣ. Ей казалось на видѣ лѣтъ не больше сорока—худое, совсѣмъ желтое лицо съ правильными чертами, совершенно такими, какъ у дочери: тотъ же овалъ, та же сохранившаяся краснота поздней, тотъ же подбородокъ и даже такія же городки еще не сѣдыхъ волосъ на лбу.

Разительное сходство съ матерью, въ первое же посѣщеніе, кольнуло Зину, и она должна была сознаться, что Рынинъ не даромъ извилъ ее когда-то, намекая на ея кордебалетный типъ.

Голову Расшивиной, еще красивую и по очертаніямъ черепа, покрывала наволка изъ чернаго тюля съ кружевцами; — на худомъ, почти костлявомъ станѣ, довольно еще стройномъ, лежали правильныя складки капота изъ свѣтлаго кретона. Вся она очень опратно держалась. — И въ комнатѣ не было ни пыли, ни тряпокъ, ничего лишняго. Мебель—еще недавно нарядная, репсовая, перенесенная изъ квартиры съ просторными комнатами. По двумъ стѣнамъ множество фотографическихъ карточекъ, въ двухъ простѣнкахъ—два большихъ портрета, также фотографическихъ: одинъ мужской—рѣзкій брюнетъ въ военномъ сюртугѣ, съ густыми эпюлетами; другой—сама Людмила Мионовна декольтѣ, въ балетномъ платьѣ, въ цвѣтахъ и въ тюникахъ, и съ вуалемъ на головѣ, лѣтъ уже за тридцать.

За печкой стояла кровать, отдѣленная ширмами съ малиновой тафтой, краснаго дерева.

Зина окинула тревожнымъ, сухимъ взглядомъ обѣихъ подругъ и подумала: не выдалъ ли ее Лукашинъ, не послалъ ли матери денешу о ихъ посѣщеніи? Потомъ выбрала себя: зачѣмъ она сама такъ неосторожно разлетѣлась, не дала матери знать о томъ, въ которомъ часу она будетъ у нея? Вѣдь она могла, все черезъ того же Лукашина, передать матери, что желаетъ найти ее одну... а не при какихъ-то „drôlesses“—такъ она мысленно выразилась.

Когда кухарка вбѣжала, увидавъ Зину у калитки, и крикнула Людмиль Мионовнѣ: „барышня идутъ!“—Расшивина заволновалась, но вдругъ ей стало пріятно, что вотъ ея подруги увидятъ, какова у нея дочка; онѣ давно знали, что она ждетъ въ Москву дочь съ зятемъ. — Передъ самымъ входомъ Зины въ спальню матери, Людмила Мионовна выхваляла Рынина, восхищалась красотой дочери; а про своего Ногайцева раза два сказала:—Отъ Мартышки нашего, сами знаете, чего же ждать путнаго!—Вотъ онъ теперь выздоровѣлъ, говорятъ, и опять закуритъ... и опять хоть въ богадѣльню кандидатомъ.

— Зинушка!—встрѣтила она дочь, и хотѣла-было привстать.

Лукашинъ подбѣжалъ къ креслу и удержалъ ее.

— Сидите, — сказалъ онъ ей: — это не въ правилѣ.

Обѣ отставныя танцовщицы встали церемонно и поклонились на особый ладъ.

Зина подошла къ матери быстро, взяла ее за руку, но не поцѣловала ни въ щеку, ни въ темя, что было бы ей всего удобнѣе.

— Кофейку не угодно ли? — спросила Распивина.

Она все еще не рѣшалась говорить Зинѣ „ты“, особенно при постороннихъ.

— Благодарствуйте, — отвѣтила Зина тѣмъ же звукомъ, какъ она говорила Лукашину или, бывало, дворецкому-Егору.

— Садитесь, милые гости, — театрално-сладкимъ тономъ сказала Распивина, и ея худыя, прозрачныя руки, съ очень длинными пальцами, пришли въ нервное движеніе.

Лукашинъ пододвинулъ Зинѣ кресло; а самъ сѣлъ въ сторонѣ, позади кресла Распивиною.

— Мои товарки, — Распивина указала лѣвой рукой на обѣихъ женщинъ.

Тѣ сѣли послѣ новаго поклона нѣсколько попроче. Онѣ тутъ только стали стѣсняться, и каждая поторопилась доннѣ кофей и отставить чашку.

— Блѣдненькая какая!.. — выговорила Распивина томно и вскинула на дочь своими усталыми, красивыми глазами — и тотчасъ же повернула голову назадъ, въ сторону доктора.

Голосъ она также, вмѣстѣ со всею наружностью, передала Зинѣ, въ чемъ та уже сознавалась себѣ самой... Тонъ отставной корифейки былъ московскій, театралный, только нервнѣе и слаще того, какъ говорятъ обыкновенно устарѣлыя танцовщицы ея лѣтъ, особенно между собой.

Тонъ этотъ, по опредѣленію Зины, могъ быть „во сто разъ“ хуже, вульгарнѣе. Такъ могла говорить и всякая барыня средней руки; такъ говорили даже разныя „кнѣжны“ съ татарскими фамиліями, какихъ она встрѣчала за границей, на водахъ.

Лукашинъ кивнулъ головой и громко сказалъ, почти крикнулъ:

— Въ деревнѣ поправится!

— Да, вѣдь вы въ деревню... Ахъ, вотъ и я бы, да мнѣ съ своего кресла не двинуться...

На глазахъ показались слезы. Зина уже знала, что ея „штанъ“, отъ болѣзни или отъ чего другого, слезлива... Слезъ ея при „товаркахъ“ она боялась пуще всего.

— Надолго къ маменькѣ?—спросила вдругъ одна изъ танцовщицъ, гораздо смѣлѣе, чѣмъ можно бы ожидать, высокимъ, молодымъ дѣвичьимъ голосомъ.

Это „къ маменькѣ“ заставило Зину податься назадъ и сдѣлать чуть примѣтный жестъ головой вбокъ.

— Да вотъ какъ муженецъ... — отвѣтила за нее мать и протянула къ ней кисть правой руки.

И этотъ жестъ отразился болѣзненно на Зинѣ. Она даже полузакрѣла глаза...

Обѣ гости переглянулись; онѣ поняли сами, что нужно оставить мать съ дочерью однѣхъ.

Все прошедшее Расшивиной имъ прекрасно было извѣстно. Онѣ даже вмѣстѣ выпли изъ шлолы и въ одной компаніи тогдашней молодежи отыскали каждая своего „душенскаго“. На ихъ глазахъ прошла вся „служба Милочки“, какъ они звали Расшивину, да и теперь еще зовутъ иногда... Помнили онѣ, когда родилась Зина, и какъ изъ-за нея же вышелъ окончательный разрывъ Милочки съ ея „чадушкой“; онъ уже тогда проигрался и прокутился почти „въ дрызгъ“, и Милочка требовала, чтобы онъ обезпечилъ чѣмъ-нибудь дочь, грозила ему, что она его броситъ.—Помнили онѣ и то, что эту Зину—ей еще года не было — „Маргышка“ (такъ онѣ звали ея отца, даже и въ глаза) укралъ дочь у матери, увезъ ее къ двоюродной сестрѣ, а та—съ собой за границу; какъ Милочка убивалась, какъ „чудесный“ адъютантъ Нетопырцевъ — состоялъ при дивизионномъ генералѣ, потомъ перешелъ въ полицію и давно страдалъ по Милочкѣ—утѣшилъ ее, и все забылъ, и устроилъ... И жила она, какъ въ раю, цѣлыхъ девять лѣтъ, не транжирила, даже капиталецъ скопила, дѣти были тоже, только не жили; — Нетопырцева ударъ постигъ. Милочка заболѣла, потеряла „элевацію“, въ Крымъ ее возили, на службѣ состояла уже только въ корифеяхъ. Однако, и тогда еще сошлась съ хорошимъ человѣкомъ изъ комиссаріатскихъ, почти въ чинѣ полковника.—Этотъ былъ живучѣе, да подъ судъ угодили; кажется, и Милочкиныхъ денегъ перепало, когда его судили. Пришлось адвокатовъ нанимать... Кое-что у нея, однако, осталось... Здоровье-то совсѣмъ ушло: ноги отнялись и въ сердцѣ наши ожирѣнье... Вотъ тогда она и начала тосковать по дочери, и Маргышку ей стало жаль — онъ сумасшедшимъ былъ, да оправился; однако, когда получилъ наслѣдство — сказывали: миліонъ! — ничего ей не далъ, только хвалился, что можетъ ее озолотить; но Милочка свое достоинство

соблюла и сказала ему, что она его жалѣть и мирится съ нимъ изъ-за дочери.

Все это знали и помнили товарищи Людмилы Мионовны: — „Васинька“ (такъ ее еще въ школѣ прозвали) Укруйбина и Мареуша Копчикова 3-я, теперь такъ же, какъ и Милочка, на пенсіи и при самыхъ малыхъ сбереженіяхъ; обѣ живутъ похуже ея, и у каждой дѣти—у одной даже пятеро, а поддержки еще ни отъ одного.

— Идти хотите, голубки?—обратилась къ нимъ Людмила Мионовна, и удерживать ихъ не стала, перецѣловалась съ каждой по три раза и прибавила:—Дѣточекъ пришлите ко мнѣ... теперь вѣдь у нихъ вакаціи...

Обѣ танцовщицы опять церемонно поклонились Зинѣ, и одна—Мареуша Копчикова 3-я, та, что заговорила съ ней, уходя—сказала ей:

— Въ маменьку вы вылитая личикомъ.

„C'est un comble“,—подумала Зина. Она, стоя, поклонилась имъ, не разжимая рта. Лукашинъ сказалъ имъ вслѣдъ:

— Мое почтеніе.

Онъ тотчасъ же подошелъ къ креслу Распивиной и, глядя въ то же время и на Зину, выговорилъ:

— Ребятки меня, чай, заждались на дворѣ... Нечего дѣлать, надо ихъ утѣшить. Вы, Зинаида Мартыновна, спускайте за мной... Я въ садикѣ буду... Въ чехарду мы играемъ!..

И поспѣшно вышелъ.

Зина не была довольна его ненужной деликатностью. Этотъ Лукашинъ никогда не будетъ умнѣе. Не можетъ понять, что его присутствіе все-таки же облегчаетъ для нея тяжесть разговора съ глазу-на-глазъ. Смутилась и сама Людмила Мионовна. Она не ожидала такого скорого ухода Лукашина и не знала, какъ ей привлечь къ себѣ дочь. — Въ ней былъ уже наплывъ нервной нѣжности. Поглядѣла она на свой портретъ въ балетномъ платьѣ и сейчасъ же потомъ на Зину, и точно она себя увидѣла, какая она была двадцать-пять лѣтъ назадъ, когда жила съ этимъ безпутнымъ Ногайцевымъ. Много онъ ей горя далъ, и обиды, и болѣзни, послѣ того, какъ дочь укралъ и увезъ: — теперь она объ этомъ не хотѣла помнить. Вотъ вѣдь какая барыня: красавица, богатая, мужъ гвардеецъ, далеко пойдетъ — это сейчасъ видно.

Людмилу Мионовну до слезъ трогало и собственное достоинство: вотъ она живетъ въ такой квартирнѣ, и ни у отца Зины, ни у нея самой—копѣйки не просила, и не попросить, и

не надо ей. Если бы даже они сами предложили за границу что-ли везти, къ докторамъ, къ тамошнимъ,—она не согласна... Привыкла она къ своей Козихѣ и есть у нея все...

Глаза ея уже полны были слезъ и кисти рукъ вздрагивали отъ усиливавшейся нервности.

— Вамъ здѣсь... неудобно жить, — начала прямо Зина, и сама нашла сейчасъ же, что тонъ ея слишкомъ рѣзкій, что не слѣдовало такъ, безъ всякаго перехода, обращаться къ вопросу о перемѣнѣ квартиры.

— Почему вы такъ находите?—спросила Расшивина, и вся выпрямилась.

Руки ея упали на пледъ: она хотѣла ими привлечь Зину.

— Мы съ мужемъ... думали предложить вамъ... другую квартиру... Здѣсь такъ низко... и этотъ ходъ...

— Да вѣдь я никуда не хожу, а мои знакомыя не взыщутъ,—выговорила нѣсколько обидчиво Людмила Мироновна.

— Все равно, — настаивала Зина и присѣла поближе къ креслу матери.—Вы должны понять...

— Я понимаю,—другимъ голосомъ, съ внезапными слезами, заговорила Людмила Мироновна:—я понимаю... Это все Мартынъ Лукичъ...

— При чемъ тутъ Мартынъ Лукичъ? — перебила ее Зина, почти гнѣвно: она сочла себя въ правѣ быть возмущенной непонятливостью и безтактностью этой женщины.

— Ну да, ну да, — уже истерически продолжала Людмила Мироновна.—Я знаю... ему стыдно... онъ брезгуетъ... ходъ нехорошъ... дурно пахнетъ... А вы бы у папеньки своего спросили — какую онъ обо мнѣ заботу имѣлъ... вотъ хотя бы два года, не больше, когда онъ наслѣдство такое получилъ?.. Но я ничего не прошу, я у него копѣйки не взяла... и не возьму...

Она съ трудомъ уже выговаривала. Руки ея затряслись.

— Да вы должны понять,—говорила Зина, и тонъ ея, помимо ея воли, дѣлался все суровѣе и повелительнѣе,—вы должны понять: тутъ отецъ ни-при-чемъ... Мы... будемъ помогать... для васъ же...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я отсюда никуда не хочу!—почти вскрикнула Людмила Мироновна: — это все папеньки вашего затѣи... изъ фанфаронства одного. Ни у мужа вашего, ни у васъ... Зинаида Мартыновна... я не желаю одолжаться... Благодареніе Богу — не нищая!.. Отслужила свой срокъ... и пенсія есть... и были хорошіе люди... не Мартыну Лукичу чета... тѣ, сколько могли, обезпечили...

Въ эту минуту взглядъ Зины, стоявшей у кресла, упалъ на большой фотографическій портретъ военнаго. Она тутъ только поняла, кто былъ этотъ мужчина для ея матери... На него та и намекала. Такой намекъ показался ей еще возмутительнѣе по своей неделикатности и даже цинизму.

— Мнѣ не нужно этого знать! — неловко выразилась она по-русски, и лицо ея стало такъ сурово, что Людмила Мионовна отодвинулась отъ нея въ уголъ кресла, заахала и застыла.

— Ничего, ничего мнѣ не надо! Грѣхъ, грѣхъ такъ!

Она не докончила; слезы полились изъ глазъ, голова упала на грудь, ноги вытанулись, во всѣхъ членахъ произошло почти мгновенное одеревенѣніе.

Зина увидала это. Она не перепугалась; — скорѣе, озлилась. Съ ней бывали такіе же припадки. И какъ ни внезапно былъ ея испугъ, она успѣла еще разъ вознегодовать на мать за то, что та ей передала такіе нервы и всѣ эти „sales infirmités“, которыя съ замужествомъ вовсе не проходятъ.

— Доктора! — крикнула она, заглянувъ въ первую комнату.

Она не растерялась, но ею овладѣло стремительное чувство: бѣжать отсюда и никогда не возвращаться. Что изъ того, что эта отставная танцовщица — ея родная мать? Она чужда ей, смѣшна, безтактна, возмущаетъ ее!..

Кухарка кинулась за Лукашинымъ. Зинѣ тяжело было вернуться къ матери. Она боялась всего въ этой квартирѣ... Вдругъ какъ та умерла скоростижно?

Лукашинъ прибѣжалъ весь красный. Онъ тоже подумалъ: не ударъ ли нервный, но совсѣмъ отъ другого — отъ радости, что ласкаетъ дочь.

— Идите!.. Идите! Обморокъ! — кинула ему Зина и почти побѣжала вонъ.

— Вы... ѣдете? — съ изумленіемъ успѣлъ спросить Лукашинъ.

— Я не могу, не удерживайте меня... мнѣ самой нехорошо!.. Идите...

Онъ бросился къ Людмилѣ Мионовнѣ. — Зина скорыми шагами дошла до калитки, крикнула кучера, вскочила въ коляску и сказала ему порывисто:

— Домой, на Тверскую!

Только въ коляскѣ ея стало душить, въ глазахъ завертѣлись круги, и опять то же ощущеніе, что вотъ, вотъ у нея отнимутся ноги.

Страхъ напалъ на нее уже сильнѣе; она стала хвататься за

болѣни, за крыло коляски, откидывалась назадъ, закрывала глаза... Коляску качало по мостовой переулковъ; чуть она откроетъ глаза — и все кружится. На Тверскомъ бульварѣ она крикнула:

— Скорѣй! Скорѣй!

Показалось ей, и такъ тревожно ясно, что она можетъ умереть тутъ, въ коляскѣ, или упасть въ таковой же столбнякъ, какъ и та „женщина“, которую она оставила сейчасъ... Матерью она не назвала въ умѣ Людмилу Мионовну.

Опять страхъ за себя смѣнился, безъ всякаго перехода, злобой на ту женщину, за то, что она должна была пріѣхать въ Москву, видѣть отца, пройти черезъ самыя унижительныя для себя ощущенія въ домишкѣ на Козихѣ... Но всего этого было мало; она видитъ теперь, до какой степени она — вылитая мать по лицу, фигурѣ, голосу... Отъ нея унаслѣдовала она свою кажущуюся только рослую и бодрую осанку; но, въ сущности, неизлечимыя и тайныя болѣзни, всѣ эти мигрени, обмороки, мертвенную слабость, столбняки. Немоощь сдѣлала ее, точно какимъ-то обманомъ, женой Рынина, и всегда она будетъ у него въ рукахъ, и все потому же!..

Нестерпимо горько ей стало. Обморока она уже менѣе боялась и не чувствовала никакой боли въ головѣ; смѣсь злобы и отвращенія отъ всего этого города возбудила ее такъ, что она вдругъ выпрямилась, покраснѣла, блеснула глазами и выговорила мысленно:

„Demain, nous partons!“

Если Парменій Нивятичъ начнетъ упираться, она уйдетъ одна; только тогда уже не въ деревню — Боже! что готовить ей эта „деревня“?! — куда-нибудь, назадъ, въ Петербургъ, поселится лучше на дачѣ и будетъ ждать возвращенія мужа.

Ни на единое мгновеніе не вернулась она мыслию къ тому, что теперь дѣлается въ домишкѣ мѣщанина Чурилова.

Она сама, не дожидаясь помощи швейцара, высочила у подъѣзда гостиницы „Дрезденъ“.

XIV.

Парменій Никитичъ ѣхалъ со своимъ тестемъ въ открытой, четырехмѣстной коляскѣ, и ему было не совѣмъ по себѣ... Онъ начиналъ-было, въ два пріема, отговариваться отъ сопровожденія Мартына Лукича къ „африканкамъ“. — Тотъ просто на него прикрикнулъ, да такъ, что Рынинъ, для соблюденія достоинства, считъ нужнымъ обратить все въ шутку.

Ногайцевъ его положительно стѣснялъ, не столько своею вздорностью, безпутными, шутовскими, хотя и барскими, выходками, сколько тѣмъ, что онъ не могъ попасть съ нимъ въ тонъ. Его серьезности Мартынъ Лукичъ не признавалъ и прохаживался надъ нимъ то-и-дѣло въ видѣ дурачливыхъ прибаутокъ, для таковаго „психопата“ весьма и весьма ядовитыхъ. Рынинъ, уже во второй свой визитъ къ „бо-перу“ (такъ Ногайцевъ называлъ себя съ русскимъ произношеніемъ), увидалъ, что Ногайцевъ очень хорошо раскусилъ то, чѣмъ хочетъ быть и казаться мужъ его дочери... И эти его стремленія, и всю его выправку Мартынъ Лукичъ ни въ грошъ не ставилъ. Циническія его выходки не были только привычкой; въ нихъ Рынину ясно было безцеремонное зубоскальство.

„Вотъ, молъ, ты мнишь себя будущимъ премьеръ-министромъ, и на меня смотришь какъ на полоумнаго безобразника. А я тверже тебя стою на ногахъ... У меня есть даровыя денежки, и я ихъ опять проѣмъ и пропью, и все-таки останусь Мартыномъ Ногайцевымъ, котораго вся Москва знаетъ. Ты же только пыжишься... Амбиціи на радужную, аммуниціи на грошъ!.. А со мной почитателенъ потому единственно, что Зина—моя наслѣдница. Авось меня хватить сразу параличъ, и въ Купеческомъ банкѣ, на текущемъ, останется нѣкоторая сумма“.

Парменій Никитичъ, хотя и смутно, распознавалъ въ глубинѣ души своей расчетъ порядочнаго человѣка и на этотъ искомый иесть. Разумѣется, онъ не станетъ стороной узнавать, сколько у тестя есть еще денегъ; но увеличеніе капитала Зины возьметъ въ соображеніе, какъ усиленіе своего „базиса“. Двѣсти тысячъ не Богъ знаетъ что, да еще съ привычками Зинаиды Мартыновны! Имѣніе, которое онъ не можетъ не выкупить въ свой родъ, врядъ ли будетъ давать больше пяти процентовъ, если поддерживать усадьбу; а не поддерживать нельзя...

Надо, слѣдовательно, терпѣть тестя, конечно, съ соблюденіемъ возможнаго авторитета. Да и то сказать: чего же и ждать отъ недавняго пансіонера Мамоновой дачи?

По дорогѣ, Ногайцевъ почти безъ умолку болталъ, все больше о женщинахъ. Прежняя тройная форма безпутства — игра, кутежъ и женщины — сошла на двойную, безъ картъ. Сидѣтъ за столомъ даже и въ азартную игру, даже и въ рулетку, слѣдить за нумерами или картами внимательно и держать расчетъ въ головѣ Мартынъ Лукичъ уже не могъ. Пробовалъ, и ему сейчасъ начинало звѣваться. Онъ даже не вѣрилъ, что когда-то деревню цѣлую проигралъ. Отрѣзало!

Но женщины и разливанное море въ ночныхъ заведеніяхъ остались во всей своей силѣ и получили даже новый отбѣнокъ оппозиціи—чему-то и кому-то...

Парменій Нивитичъ хорошенъко не зналъ еще этого;—психіатра, у котораго Ногайцевъ квартировалъ, онъ не видалъ у тестя. Ъхалъ онъ съ Мартыномъ Лукичемъ, впередъ чувствуя, что ему нужна будетъ вся его выдержка. Въ которомъ часу упадетъ онъ домой, предвидѣть нельзя. Въ первый разъ придется ему, быть можетъ, провести часть ночи не съ женой. Зина утомлена, скучаетъ, пожалуй, посердится. — Вѣдь это для нея же... Мартынъ Ногайцевъ—ея отецъ. Ну, если онъ начнетъ скандалить—можно будетъ его и свернуть...

Рынинъ, обдумывая все это, не слушалъ, что болталъ Мартынъ Лукичъ.

— Но глаза у Палаши!..—вдругъ прервалъ его мысли взглядъ тестя.—И Паша тоже глазаста!.. Но все не то!.. Вы ихъ знаете, mon gendre?

— Кого?—спросилъ Рынинъ.

— Да вы гдѣ же были?.. Обдумывали планъ воссоединенія Эракіи съ Македоніей?.. Гдѣ это васъ учили, дружожь, вѣжливости? Человѣкъ моихъ лѣтъ, да еще тесть вашъ, полчаса вамъ рассказываетъ цѣлую исторію, а вы его и не думаете слушать.

Переходъ къ этому окрику, данному въ самомъ безцеремонномъ тонѣ, заставилъ Рынина рѣзко обернуться.

— Извините... да и трескъ экипажа...

— Никакого треска нѣтъ, — возразилъ Ногайцевъ такъ же безцеремонно: — коляска на каучукахъ... да и ѣдемъ мы по асфальту.

Они дѣйствительно ѣхали по верхнему концу Тверской и были уже около Тверскихъ воротъ, по пути въ Грузины, къ Тишанской площади...

— Такъ вы изволили говорить?..

— Я изволил не говорить, — перебилъ его Ногайцевъ, — а рассказывать вамъ про двухъ душкановъ — сестеръ Свѣшниковыхъ... Пашу и Палашу... Вы способны не имѣть о нихъ понятія... по состоянію вашей серьезности?..

— Я не знаю ихъ, — сдерживая внезапно овладѣвшую имъ злость на полоумнаго старикашку, отвѣтилъ Рынинъ и улыбнулся...

— Вотъ узнаете сейчасъ... Трактиръ „Македонію“ знаете?

— Нѣтъ.

— А еще святыню Москвы изучаете!

— Какое же отношеніе?!

— Да полноте вамъ высокѣмъ слогомъ!.. Что вы „моментъ“, что-ли, съ ученымъ кантомъ... баллистику и гидравлику проходили? Просто, по армейской кавалеріи состоите, изъ вольноопредѣляющихся были; такъ зачѣмъ же, душа моя, напускать на себя такую важность? Ыдемъ къ душканамъ... такимъ, о какихъ вы и не вѣдаете!.. И строгостью... по части... сокровища... васъ превзойдутъ... Еще Палаша... ну... та, кажется споткнулась... годковъ пять тому назадъ... а Паша... если только эта бестія... Митъбатеноръ... Нынче и въ таборахъ съ своими хамами амурь пошла. Но ручки вы у нея будете цѣловать... и на волънахъ стоять...

— Я?—изумился Рынинъ.

— Непремѣнно...—растянулъ Ногайцевъ...—и въ трезвомъ, и въ пьяномъ видѣ...

— Въ пьяномъ? Это я же?

— C'est moi qui vous le dis!.. Нельзя, дружокъ, все такъ... точно вы, съ позволенія связать, аршинъ проглотили... Съ нѣмцами собираетесь воевать, а ихъ копируете...

Рынину оставалось одно: снисходительно улыбаться.

— Вотъ и Живодерка!.. Вы должны съ женой вашей изучить и это урочище Москвы... Что... слово удивило? И мы умѣемъ. Такъ трактиръ „Македонія“ вамъ неизвѣстенъ... Это—путь земли фараонской... Каждый день, чѣмъ свѣтъ, всѣ хоры здѣсь выручку дѣляютъ... Мы еще попадемъ... съ ними же и вернемся... на линейкѣ... знаете, тѣ же, что плакальщицъ на кладбище возятъ, съ оранжевой обивкой?..

— Въ которомъ же это часу, смѣю спросить?

Рынинъ перешелъ къ насмѣшливому тону.

— Въ которомъ? Обыкновенно утромъ, часу въ шестомъ или когда священнодѣйствіе отойдетъ... Вотъ вы и наслушаетесь разговоровъ. Если, напримѣръ, вы какой черномазенькой увлечетесь и отвалите кушъ всему хору, это она сейчасъ—на счетъ... „Полковникъ, молъ, съ кѣмъ—и онъ ему досказалъ на ухо—съ тобой, что-ли?.. Стало, и пай мнѣ не тотъ“...

— Куда прикажете?—спросилъ Ногайцева вчеръ.

— Куда?. Не знаешь?

— Не могу знать...

— Въ Тишанскій переулочъ.

— Да ихъ, ваше сіятельство, не одинъ.

— Погоди... во второй... домъ Свѣшниковъ...

— Барышника?

— C'est ça!.. У калитки, гдѣ лавочка...

Ногайцевъ нагнулся къ Рынину и добавилъ:

— Это папенька душевановъ, макинзонъ и скотоврачъ. И маменька есть. Родителей больше прибираютъ при посѣщеніи хорошихъ господъ... Сюда—направо!—крикнулъ Ногайцевъ извозчику.

Они остановились у калитки между двумя двухъ-этажными домами—бревенчатымъ и кирпичнымъ—на штукатурныхъ фундаментахъ.

— Полковникъ! Пропу! — пригласилъ Рынина комическимъ жестомъ Ногайцевъ.—Идите прямо, въ галдарейкъ—я за вами!

Рынинъ вышелъ первымъ изъ коляски и растворилъ калитку.

Между домами, въ глубинѣ двора, грязнаго, полнаго навоза, былъ родъ навѣса надъ конюшнями. Слѣва амбаръ, еще сарайчикъ и что-то похожее на кузницу. По двору валялся соръ, солома, обглодки ѣды. Прямо—лѣстница во второй этажъ, какія бываютъ на постоянныхъ дворахъ съ деревянной же галдарейкой. Внизу, между лѣстницей и стѣной перваго этажа, двѣ женщины съ засученными рукавами и съ приподнятыми подолами стирали бѣлье въ корытѣ. Запахъ мыла и щелоча смѣшивался съ остальными испареніями двора.

— Вамъ кого? — окликнула Рынина бородатый работникъ, выглянувшій изъ сарайчика. Онъ похожъ былъ на кузнеца или батрака у барышника.

Рынинъ затруднился, какъ отвѣтить.

— Павла Аверьянова что-ли?—спросилъ тотъ же бородачъ.

— Идите, идите, полковникъ!—крикнулъ свади Ногайцевъ, уже проникнувшій въ калитку.

— Спрашиваетъ, кого намъ?

— А зачѣмъ ему это знать? Ты, любезный, дѣлай свое дѣло.

— Павла Аверьянова вамъ? — продолжалъ любопытствовать работникъ.

— Не Павла Аверьяныча, — деликатно-шутовски отвѣтилъ ему Ногайцевъ: — Прасковью Павловну и Пелагею Павловну.

— Таеъ бы и сказали...

Работникъ махнулъ рукой и скрылся въ сарайчикѣ.

— Montons, mon gendre!—пригласилъ Ногайцевъ.

И слова „mon gendre“ задѣвали Рынина. Онъ чувствовалъ, что тещъ проноситъ ихъ тоже съ зубоскальствомъ, подражая интонаціи парижскаго комика Жоффруа, изъ водевиля „Le charreau de paille d'Italie“, а вовсе не зачѣмъ, чтобы усладить свое отцовское самолюбіе. Онъ самымъ звукомъ какъ бы желалъ сказать: „не больно-то я въ восхищеніи, что Зина стала подполковницей Рыниной“.

Одинъ за другимъ—Ногайцевъ впереди—поднимались они по скользкой, грязной лѣстницѣ съ рѣдкими досчатыми перилами. На галдарейку, довольно широкую, но съ выбитыми стеклами, выходило нѣсколько дверей. И тутъ двѣ женщины, тоже съ засученными рукавами, гладили бѣлье. Бѣгали ребятишки, игралъ съ щенкомъ мальчикъ въ форменномъ старомъ сюртукѣ, безъ галстука, взъерошенный, цыганскаго типа.

Мартынъ Лукичъ шель, какъ человекъ бывалый, знакомый съ мѣстностью. Онъ кивнулъ головой мальчику и спросилъ его на ходу:

— Сестрички дома?

— Дома, пожалуйте,—небрежно отвѣтилъ тотъ.

Вторая дверь отъ лѣстницы вела въ квартиру домохозяевъ. Рынинъ немного нагнулся, входя, вслѣдъ за тестемъ, въ темную переднюю, гдѣ его охватилъ уже другой запахъ; пахло обѣдомъ: щами, жаренымъ картофелемъ и гусемъ.

— Дома?—крикнулъ Ногайцевъ, и въ шляпѣ, не снимая съ себя мафларана—онъ не измѣнялъ этому повороту—вошелъ въ комнату, въ родѣ столовой, узкую, заставленную шкафомъ и четырехъ-угольнымъ столомъ.

— Ахъ, это вы! — раздалось два женскихъ голоса, и въ дверь направо скрылся кто-то въ бѣломъ. То была младшая сестра; у стола осталась старшая; въ дверь, въ лѣвомъ углу отъ входа, куталась въ платокъ пожилая женщина въ красной шелковой „головеѣ“.

Средину стола занимало недоѣденное блюдо—гусь. На цвѣтной скатерти валялся кусокъ хлѣба; салфетокъ не было; стояли графинъ съ квасомъ и солонка.

— Мартынъ Лукичъ!—встрѣтила Ногайцева старшая сестра Свѣшниковна, уже причесанная, въ кретоновомъ модномъ капотѣ.

При видѣ высокаго военнаго, въ густыхъ эполетахъ—Рынинъ хотѣлъ сдѣлать два-три серьезныхъ визита — Пелагея Павловна немного смутилась; но тотчасъ же пригласила гостей сѣсть, даже указала имъ на гуся и прибавила:

— Чѣмъ богаты!

Ей пошелъ уже двадцать - восьмой годъ. Днемъ казалась больше, безъ бѣлилъ и румянъ. Станъ былъ суховатъ, лицо также, но съ прекрасными глазами и правильнымъ носомъ.

— Папа шмыгнула? — спросилъ Ногайцевъ. — Вотъ я ее! Полковникъ! Займитесь съ Палашей... Я сейчасъ.

Онъ взялся за ручку двери въ комнату Паши. Оттуда раздался визгъ. Но это не остановило Мартына Лукича.

— Вотъ какой онъ у насъ—нашъ крестный!

— Вашъ крестный? — переспросилъ Рынинъ и присѣлъ къ столу.

— Онъ у насъ двухъ крестилъ въ хорѣ, мы его крестнымъ всѣ зовемъ.

Рынинъ давно не бывалъ съ цыганями. Тонъ Целагеи Павловны —очень приличный и немного даже манерный—не удивлялъ его. Сидѣла она передъ нимъ въ позѣ свѣтской дамы, улыбалась сдержанно; низкій тембръ ея голоса чрезвычайно шелъ къ ея степенной, нѣсколько увядшей красотѣ.

— Вы прїѣзжій? — спросила его Палаша послѣ маленькой паузы.

Ему не захотѣлось сразу говорить ей, что „крестный“—его тесть; все равно, пускай уже самъ Ногайцевъ его отрекомендуетъ.

Въ комнатѣ Паши продолжались возня, взвизгиванія и раскаты хриплаго голоса Ногайцева.

— Полковникъ!

Изъ двери высунулось красное лицо Мартына Лукича.

— Пожалуйте! Душманъ пеньюаръ надѣлъ... И такіе у насъ контуры и божественное растрепе!..

— Какъ же можно?— хотѣла-было его остановить старшая сестра.

— Не вмѣшиваться! Что за мать казначея!.. Надъ бѣлицами надзирать... Mon gendre!.. Entrez!

Надо было войти. За Рынинымъ встала и старшая сестра.

Онъ былъ удивленъ контрастомъ столовой и особенно лѣстницы, галдарейки и двора съ спальней Прасковьи Павловны. Вся комната была обита темно-голубымъ атласомъ; кровать съ балдахинномъ; на ней подушки и одѣяло не были еще прибраны,—обѣ сестры обѣдали какъ встануть,—мебель съ позолотой, два зеркала, мраморный умывальникъ, шифоньерка съ инкрустациями. Пахло духами, пудрой и неприбранной комнатой.

— Что вы, что вы?..—стыдила Прасковья Павловна Ногайцева и указывала рукой на Рынина.

Ногайцевъ держалъ ее за талью и указывалъ свободной рукой на ея личико входившему зятю.

— Каковъ душманъ! а? Видали лучше? А? Etudiez cela, mon cher! Янтарный персикъ. Брови, волосы, ротъ...

— Да полно вамъ!—продолжала отбиваться Паша.

Рынинъ невольно засмотрѣлся на нее: онъ давно не видалъ такой прелестной наружности. Паша была немножко меньше ростомъ старшей сестры, стройна, съ волнистой линіей спины.

Рѣсницы ея черно-синихъ глазъ выдали бархатный отливъ на зрачки; волосы, безъ рѣзкой цыганской черноты, пушистыя, нѣжныя щеки и чудесные зубы, даже для цыганки, дѣлали изъ нея породистую женщину, только-что вошедшую въ обладаніе своей красотой.

Пеньюаръ изъ нѣжнаго цвѣта тафты, съ кружевомъ, оставялъ до половины обнаженными смугловатыя руки и падалъ на коверъ цѣлой кучкой складокъ и оборокъ...

— Рекомендую, — указавъ ей Ногайцевъ на Рынина. — Мой зять... мужъ моей дочери, Зины. Она вѣдь красавицей считается. А ты, душванъ, сегодня же поважи этому...

— Пустите, крестный! — просилась Паша.

— Пуцу, пуцу!.. Только съ уговоромъ: мы съ вами.

— Куда? — спросила Паша, мѣняя сейчасъ же тонъ.

— Въ Паркъ! У насъ ландо; васъ обѣихъ на почетное мѣсто.

— Рано...

Паша сдѣлала гримасу.

— Обѣдать.

— Мы уже кушали...

— Еще покушаете!.. Извольте одѣваться. Палаша! — крикнулъ Ногайцевъ въ столовую: — вѣдь ты набольшій. Нечего тутъ... Уберите вы мнѣ этого гуся... Не могу запаха выносить!.. Живо одѣваться!.. А чаваламъ сказать, чтобы тотчасъ же послѣ обѣда... къ Натрускину, въ „Мавританію“. Наверху, въ большой комнатѣ.

Обѣ сестры рѣшительно возстали противъ обѣда и послѣдшаго туалета. Онѣ такъ не привыкли. Да и куаферъ не пришелъ, и Пашиной юбки съ прошивками не принесла прачка, и еще приведены были какіе-то доводы. Мартынъ Лукичъ сначала слушать не хотѣлъ, а потомъ, когда Палаша заговорила съ нимъ построже, немного притихъ — онъ былъ еще совсѣмъ трезвый — и согласился ѣхать съ Рынинымъ вдвоемъ въ Паркъ, тамъ обѣдать; но чтобъ къ девятому часу были всѣ „чавалы“ на-лицо. Раньше, чѣмъ они обыкновенно являються.

Сестры общали, что все будетъ исполнено. Въ Грузинахъ Мартынъ Лукичъ опять былъ въ почетѣ; всѣ знали, что онъ доканчивалъ новое наслѣдство. — Онъ не сразу удалился отъ сестеръ Свѣшниковыхъ; водилъ Рынина и въ будуаръ Палашы, отдѣланный гораздо проще, кретономъ, потомъ и къ „шапан la maquignonne“, какъ онъ называлъ ихъ мать, выдавъ ей Рынина за сербскаго министра, началъ съ ней переговариваться подцыгански, отчего та все закрывала себѣ глаза ладонью, и подъ конецъ стала толкать его къ двери.

По дорогѣ въ Паркъ, Парменій Никитичъ вступилъ съ тестемъ въ болѣе игривый разговоръ. Онъ былъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ Грузинахъ все обошлось довольно еще прилично. Обѣдать ему хотѣлось. Воздухъ за городомъ обдавалъ его пріятной свѣжестью. Они незамѣтно доѣхали до „Мавританіи“, гдѣ онъ никогда не бывалъ.

Дальше пошло совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Къ обѣду, заказанному наверху, въ большой комнатѣ, Мартынъ Лукичъ пригласилъ неизвѣстно откуда явившихся гостей: троихъ мужчинъ, незнакомыхъ съ Рынинымъ, — ему даже показалось — подозрительнаго вида, — должно быть, изъ того времени, когда Ногайцевъ жилъ, какъ онъ самъ выражался, „арыжнымъ дворяниномъ“, передъ своимъ сумасшествіемъ. Одного изъ нихъ онъ назвалъ по фамиліи, другихъ даже и не представилъ, и прибавилъ:

— Потолкуйте, кто кого закидаетъ вышними взглядами... Это, братъ, — указалъ онъ на гостя, — человекъ съ перомъ.

„Человекъ съ перомъ“ смотрѣлъ, на оцѣнку Рынина, странно: не то вупецъ изъ Ножевой, не то приващикъ изъ нѣмцевъ, не то судебный приставъ. Красное лицо съ лоскомъ на щекахъ, свѣтлорусая борода, улыбка сидѣльца и очень пестро одѣтъ; волосы острижены подъ гребенку, лѣтъ за сорокъ.

Всѣ они, — и Ногайцевъ съ ними, — заговорили своимъ особеннымъ языкомъ, съ московскими остротами и анекдотами. Сразу принять участіе въ ихъ разговорѣ и попасть въ тонъ было не легко, но Рынинъ старался. Онъ не отставалъ ни отъ чего, въ ѣдѣ и напѣткахъ. Между закуской, гдѣ было выпито много всякихъ смѣсей изъ водокъ, горькихъ и сладкихъ, и обѣдомъ, уже явилось шампанское, прямо въ стаканахъ, и тарелки съ кусочками тонко наръзаннаго чернаго хлѣба, поджареннаго въ маслѣ и посыпаннаго солью. Всѣ стали это грызть и пить шампанское, какъ квасъ. Ногайцевъ видимо желалъ напоить зятя. Рынинъ не отказывался ни отъ чего; въ немъ заговорило тщеславіе бывалаго участника кутежей, славившагося тѣмъ, что его нельзя перепить.

Обѣдъ прошелъ въ томъ, что Мартынъ Лукичъ пилъ и дѣлался, съ каждымъ блюдомъ, безцеремоннѣе со своимъ зятемъ. Онъ уже не иначе его называлъ, какъ „македонскій принцъ“, или „недоваренный моментъ“, или „перевернутый прусскій майоръ“, и два раза пригласилъ его изложить имъ всѣмъ программу будущаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ — своего министерства. Всѣ хотали. — Рынинъ, блѣдный отъ выпитыхъ водокъ и винъ, сдержанно усмѣхался и продолжалъ испытывать свою выдержку.

Мартынъ Лукичъ, дойдя до извѣстнаго градуса опьянѣнія, больше уже не хмѣлѣлъ. Болтовня его принимала все больше и больше задорный характеръ, гдѣ зять служилъ ему только мишенью: и изъ-за него онъ притягивалъ къ отвѣту и все, что, по его мнѣнью, „Петрушкина комедія“. Рынинъ тутъ только распозналъ, какъ его полоумный тестъ презираетъ всякое „модничанье“ и „ерыганство“, насчетъ высшей политики, тотъ именно строй идей, домогательствъ и плановъ, какому онъ—Парменій Никитичъ—начиналъ теперь служить сознательно и преднамѣренно.

— И либералишки, блудословы, — хрипѣлъ Ногайцевъ за десертномъ, — и вотъ эти спасители отечества, — онъ тыкалъ пальцемъ туда, гдѣ сидѣлъ Рынинъ, — трехпрогонные!.. Только тотъ, настоящій-то трехпрогонный, — „человѣкъ съ перомъ“ захохоталъ, понявъ сейчасъ намекъ, — былъ ужъ какъ есть залпечныхъ дѣлъ мастеръ; а эти, нынѣшнѣе-то, все въ Биконсфильды лѣзутъ да въ Висмарки! На все у нихъ свое воззрѣнѣе. Вотъ и Москву они намъ особенную сочиняютъ... Полковникъ уже побывалъ у своихъ наибольшихъ... какъ же... ѣздилъ представляться... Съ регалиями, и Такову второй степени надѣлъ, и черногорскаго... какъ, бишь?.. Ну, да шутъ съ ними!.. А потомъ со Страстнаго, тѣмъ же аллюромъ, и на Спиридоновку... Сочинили Москву—совсѣмъ не ту, не нашу... Вотъ Москва!—завричалъ онъ и всталъ. — Мы вамъ, полковникъ, покажемъ... что такое настоящая Москва. Идти явились?..—вдругъ спросилъ онъ у главнаго лакея.

— Музыканты?

— Да.

— Внизу-съ...

— Пригласи сюда!

Пришелъ цѣлый оркестръ, человѣкъ около пятнадцати музыкантовъ евреевъ. Ногайцевъ приказывалъ что играть, потомъ выхватилъ у перваго скрипача смычокъ и сталъ самъ дирижировать. Оркестръ смѣнилъ хоръ казацкихъ трубачей. Рынинъ начиналъ уже сомѣваться въ томъ, сохранить ли онъ свою выдержку; въ головѣ его сильно затуманилось; презрительная злобность противъ тестя переходила въ болѣе животненные проявленія его натуры; ему захотѣлось самому чего-нибудь буйнаго, безстыднаго... такого, гдѣ бы можно было, гдѣ бы стоило выказать свою силу, дерзость...

Ногайцевъ заставилъ дирижера казацкаго хора изъ нѣмцевъ взять корнетъ-à-пистонъ и играть марсельезу; кто-то аккомпанировалъ на фортепяно. Всѣ начали пѣть; за ними и Рынинъ.

— Га, га!.. — загоготалъ Ногайцевъ:—вотъ это чудесно!..

Нѣмецъ въ казацкой формѣ дуетъ марсельезу!.. И на Бисмарка, каналья, поди, молится?!.. И полковникъ... Зины-кривляви супружники—тоже... А самъ въ Бисмарки мѣтитъ... Вотъ она, Москва-то... настоящая... Орда!.. И вы — ордынцы... потому и на Европу гнѣваетесь... Азиаты... а туда же спасать человѣчество!..

Рынинъ, уже съ сильнымъ туманомъ въ головѣ, выдѣлывалъ горломъ:

„Aux armes, citoyens!
„Formez vos bataillons!“

Мартынъ Лукичъ приказалъ прямо отъ марсельезы перейти къ „камаринской“, и „человѣкъ съ перомъ“ началъ выдѣлывать съ нимъ трепака, съ присядевой, оба безъ скуртуковъ.

Во время пляски появились цыгане. Рынинъ помнилъ, что комнату, полную теперь вина, табачнаго дыма, грохота, оглашала команда Ногайцева:

— Чавалы!.. Въ кругъ!.. Душканы — въ центръ!.. Сюда!.. Починъ дѣлай съ Ивупки!..

Сестры Свѣшниковы сѣли по срединѣ. Паша была въ дорожной навидѣѣ, съ цвѣткомъ въ волосахъ—соблазнительно хороша и очень изящна. Палаша—въ черномъ, тоже съ цвѣткомъ; смотрѣла она свѣтской дамой. Рынинъ очутился между ними, послѣ того какъ прогѣли двѣ хоровыя пѣсни. Помнилъ онъ, что прикладывался къ персиковой щекѣ Паши, что къ ней приставалъ одинъ изъ гостей, совсѣмъ уже „готовый“, что ему захотѣлось оттолкнуть его и даже взять за шиворотъ, да Паша съ кроткой улыбкой сказала:

— Оставьте его, полковникъ, развѣ стѣдить?..

Онъ удивлялся выдержкѣ обѣихъ сестеръ: какъ онѣ отдѣлываются отъ слонявыхъ приставаній, поцѣлуевъ, щипковъ; — и такъ каждый день — шампанскаго не пьютъ, сидятъ среди всей этой оргіи, причесаны какъ на балу, чистоплотныя, улыбаются, любятъ деликатныя разговоры..

Помнилъ онъ, что къ Пелагеѣ Павловнѣ присѣлъ другой гость и сталъ ее гладить по рукѣ, но не дѣвъ цѣловаться, и тотъ обратился къ нему съ цѣлой рѣчью, гдѣ доказывалъ, что лучше не можетъ быть жены, какъ цыганка, вотъ такая, какъ Пелагея Павловна, или сестра ея, Паша, что онъ къ ней сватается и мечтаетъ о томъ, какъ вотъ такая жена, въ батистовомъ капотѣ, выйдетъ въ столовую и изъ собственныхъ рукъ поднесетъ ему чашку кофе.

— Да вы только сообразите, — слушалъ Рынинъ, — изучите

этихъ вотъ дѣвицъ... и какое же сравненіе... съ нашими ба-
рышнями, хотя бы самыми... тонными!

— Des gommeuses, кривляки! — злобно выговорилъ Рынинъ,
и подумалъ о своей женѣ.

— Именно... У нихъ — одна гистерія и фанаберія, а въ
этихъ все для услажденія хорошаго мужа.

Рынинъ внутренно согласился съ этимъ, неизвѣстно какого
сорта, человѣкомъ, очень пестро одѣтымъ. Онъ даже съ азар-
томъ выпилъ стаканъ, поданный ему татаринномъ, и опять при-
коснулся горячими губами къ щекѣ Паши и ближе къ ней при-
могнулся, взявъ ее за руку и поцѣловалъ... Черезъ двѣ минуты
хоръ подхватывалъ:

„За любовь мою, въ награду,
„Ты мнѣ сердце подари,
„Я помчуся съ нимъ въ Гренаду
„На крылахъ моей любви!

У Паши хорошаго голоса не было; она только подтяги-
вала. Рынинъ увидалъ себя почти на колѣняхъ и гладилъ ее
по плечу — наживку она сняла — гдѣ въ кружевные прошивки
глядѣла ея круглая, атласистая, твердая и смугловатая рука
только-что расцвѣтшей красавицы.

— Га... га!..—раздалось опять гоготаніе Ногайцева.—Панъ
пулзовникъ!.. Что я тебѣ, братецъ, пророчилъ? Руки лизать?!..
На колѣняхъ стоять? Спасибо, душканъ!..

Рынинъ быстро сѣлъ рядомъ съ Пашей.

— Нечего оправляться, — гоготалъ Ногайцевъ: — передъ такими
душканами слѣдуетъ на колѣнки... — Ползовникъ! Я вотъ что вамъ
скажу: вѣдь цыганскій хоръ — это ни дать, ни взять, какъ у
насъ въ мондѣ... женщины милыя бываютъ, хотя и не всѣ; а
мужья... чавалы... хамы, вонъ тѣ, что свади-то подтягиваютъ себѣ
въ галстухъ... Ха, ха!..

„Человѣкъ съ перомъ“ захопалъ и закричалъ:—Браво!

Мартынь Лукичъ дѣлался все остроумнѣе. Рынинъ замѣчалъ
это съ досадой. Самъ онъ ничего что-то не умѣлъ выдать
изъ себя, ни злого, ни игриваго... Хмѣль дѣлалъ его тяжелымъ.
Ногайцевъ могъ теперь и не такъ еще задѣвать его — и онъ не
въ состояніи будетъ отвѣтить ему такъ же находчиво. Разсе-
дится, сказать дерзость — будетъ глупо: это онъ отлично со-
знавалъ.

Туманъ въ головѣ все густѣлъ. Пѣніе, чадъ, плающія щеки
Паши, взвизгиваніе старыхъ цыганокъ начали обволакивать его

точно пеленой. Онъ все чаще смѣялся, что-то такое шепталъ Папѣ, въ чемъ-то ее уговаривалъ...

Помнилъ онъ то, что Палаша, справа, сказала ему на ухо:

— Вы, полковникъ, пошли бы отдохнуть... вонъ тамъ... наши дѣвочки чай пьютъ... Освѣжаются!..

За эту идею онъ ухватился и засѣлъ въ углу боковой комнаты, на диванѣ, съ молодыми цыганками, которыя поплосше. Тутъ же былъ и одинъ изъ пріятелей Ногайцева, съ калмыцкими глазками, безъ скюртука. Онъ ихъ всѣхъ зналъ поименно, заставилъ пѣть въ четыре голоса, не цыганскія — простыя, слободскія пѣсни, какія поются у Калужской заставы фабричными работницами. Это пѣніе, вмѣстѣ съ крѣпкимъ чаемъ, подѣйствовало на Рынина освѣжающе; онъ выпилъ стакановъ пять, полулежа на диванчикѣ.

Когда въ головѣ у него значительно прояснилось, онъ вдругъ сообразилъ, что очень поздно, и схватился за часы.

Шелъ четвертый часъ. Начинало брезжить. Это его заставило встать. Въ большой комнатѣ хоръ смоль; старыя цыганки угощались остатками пира; мужчины нѣкоторые сошли внизъ, другіе стояли на лѣстницѣ. Разговоры велись вполголоса.

Рынина эта тишина озадачила. Неужели Ногайцевъ уѣхалъ? Вдругъ какъ ему придется платить за теста! Отъ Мартина Лукича можно было всего ожидать.

Онъ тревожно оглядѣлъ комнату.

За пьянино, у стѣны, на диванѣ, въ растяжку, лежалъ Ногайцевъ; его голова покоилась на колѣняхъ у Паши. Она сидѣла все съ той же улыбкой и перебирала машинально пальцами по его лысинѣ. Раздавался храпъ.

„Этакое животное!“ — выбранился про себя Рынинъ, и его сейчасъ же потянуло вонъ. Какъ онъ могъ такъ долго оставаться съ этимъ старымъ безпутникомъ, участвовать въ кутежѣ, цѣловать руки у цыганки?.. И на глазахъ прислуги, военного хора трубачей и всѣхъ этихъ пріятелей Мартина Лукича!..

— Извозчика! — приказалъ онъ лакею.

Оставить Ногайцева онъ ни на минуту не задумался. Тутъ были его пріятели. Пускай и везутъ его. Еще подниметь, пожалуй, драку, при расчетѣ. И что онъ долженъ былъ истратить?.. Трудно было и приблизительно опредѣлить... Нѣсколько сотенныхъ, непремѣнно.

Лакей доложилъ ему, что извозчиковъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? — крикнулъ сердито Рынинъ. — Достать!

— Невозможно!

— Да какъ же всё отсюда выберутся?

— Да которые господа засидѣлись, у тѣхъ свои извозчики. Тѣ господа—лакей указалъ на гостей Ногайцева...—ужь не знаю, какъ вернутся... развѣ съ цыганами, на линейкахъ. Коляска одна—Мартына Лукича.

На дворѣ совсѣмъ уже стало свѣтать. Бѣгство было невозможно. Рынину приходилось ждать пробужденія теста.

Оно произошло не больше, какъ минутъ черезъ десять. Мартынь Лукичъ протеръ глаза, поднялся, поцѣловалъ Пашу, что-то такое пробормоталъ и увидалъ передъ собою длинную фигуру зятя.

— Mon gendre! Détalons! Пора и душванамъ спать... Вы, тамъ?! — крикнулъ онъ въ уголь, гдѣ цыганки затянули опять какую-то фабричную пѣсню:—молчать! Что за гадость! Мастеровщина кабацкая!..

Тѣ сразу замолкли.

— Счетъ!

Счетъ былъ уже на столѣ. Лакей подалъ его. Рынинъ видѣлъ, какъ Мартынь Лукичъ досталъ изъ кармана большого формата бумажникъ и, вынувъ изъ него пачку сторублевыхъ, положилъ на тарелку и свомандовалъ:

— Маршъ!..

Лакей побѣжалъ внизъ. Ногайцевъ, пошатываясь, обнялъ еще разъ Пашу, — глаза у нея уже посомовѣли — отъ сидѣнья, не отъ вина—подвелъ ее къ зятю, подмигнувъ ему и щелкнувъ языкомъ:

— Хорошо персикъ?.. Чтожъ ты зѣвалъ, панъ-пулловникъ?.. Не прогнѣвайся... провожать ты будешь не душвана, а меня... Облизнись!..

Лакей принесъ сдачу изъ нѣсколькихъ бумажекъ и счетъ.

— Возьми!—сказалъ ему Ногайцевъ.

Рынинъ взглянулъ на счетъ. Цифра въ шестьсотъ с лишнемъ рублей—тутъ была и плата за три хора — кольнула его. Онъ ничего, однако, не сказалъ, взялъ даже подъ руку теста и свелъ его внизъ. На нихъ накинули пальто, пока они спускались оба съ лѣстницы.

На дворѣ стояла дѣйствительно одна всего коляска и нѣсколько дрогъ для цыганъ съ ярко-цвѣтной обивкой сидѣнья. Ночной воздухъ заставилъ ихъ обоимъ встряхнуться. Усаживали ихъ лакеи. Рынину казалось, что онъ былъ уже совсѣмъ

трезвъ. Тестъ сейчасъ же задремалъ и во снѣ что-то началъ бормотать. Голова его все тыкалась въ правое плечо зятя. Рынину захотѣлось каждый разъ отпихнуть его. Досада на себя дѣлалась все острѣе. Пошелъ уже пятый часъ. Послѣ таковой ночи, гдѣ безпутный тестъ позволилъ себѣ, въ теченіе чуть не десяти часовъ сряду, такъ выпучивать его, онъ рискуетъ еще испытать сцену дома, особенно, если Зинѣ нездоровилось и она его начала ждать, не могла долго заснуть.

Въ Парѣ Ногайцевъ продолжалъ спать и такъ крѣпко, что шляпа раза два слетала съ головы, и Рынинъ принужденъ былъ поднимать ее у себя подъ ногами. Только-что они выѣхали на шоссе, Мартынъ Лукичъ проснулся вдругъ, даже выпрямился, поправилъ на головѣ шляпу и спросилъ:

— Яръ проѣхали?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ кучеръ.

— Возьми лѣвѣе... вонъ тамъ двѣ дачи... у второй, на шоссе, остановись.

— Куда это?—строго выговорилъ Рынинъ.— Вы съ ума сошли!

— Сходилъ, полковникъ, сходилъ, но теперь не безповойтесь,—отвѣтилъ Мартынъ Лукичъ и самодовольно расхохотался.— Я заверну... къ кумѣ... Видите, топ сег, въ угловомъ окнѣ, во второмъ этажѣ, есть что-ли лампадка?

— Ничего я не вижу,—выговорилъ Рынинъ и нахлобучилъ фуражку.

— Ну, такъ я слѣзу... Стой!..

Кучеръ сдержалъ лошадей.

— Какъ же я доѣду?—спросилъ Рынинъ.

— Не бойтесь... Не повину васъ... Минутку подождите... Я справлюсь—можно ли...

Онъ не договорилъ и слѣзъ на шоссе, отворилъ калитку и исчезъ. Ждалъ Рынинъ не долго. Ногайцевъ отъ калитки крикнулъ ему:

— Довези этого барина до „Дрездена“, а за мной завтра въ девять часовъ.

— Сегодня!—поправилъ его Рынинъ.— Прощайте!

Въ отвѣтъ послышался смѣхъ Ногайцева, очень веселый и довольный. Ему, конечно, было пріятнѣе, чѣмъ его зятю.

Всѣ итоги сегодняшней поѣздки въ Грузины и Парѣ еще разъ пронеслись въ головѣ Рынина. За свой видъ онъ не боялся; но все-таки вернется домой въ пять часовъ, если не въ половинѣ шестого.

Когда онъ дозвонился и швейцаръ впустилъ его, онъ узналъ, что съ Зинаидой Мартыновной случилась припадокъ ночью; докторъ былъ два раза. Пришлось лечь въ особомъ номерѣ; горничная къ женѣ его не пустила: та только-что успокоилась и заснула на разсвѣтъ...

Черезъ два дня Рынины выѣхали въ имѣнiе.

II. БОВОРИКИНЪ.

ОСНОВНЫЯ ГИПОТЕЗЫ ФИЗИКИ

I.

Методъ современной физики, выработанный вѣками, можно характеризовать тѣмъ, что въ немъ преобладающую роль играютъ три дѣйствія: наблюдение, предположеніе и провѣрка. Могущественнѣйшими рычагами, двигающими науку, являются при этомъ опытъ и гипотеза. Опытъ есть вопросъ, который мы ставимъ природѣ, заставляя ее отвѣчать намъ, заставляя ее открывать не только тѣ явленія, которыя и безъ того происходятъ и непосредственно могутъ быть наблюдаемы, но и такія явленія, которыя могутъ происходить при опредѣленномъ, особомъ степеніи обстоятельствъ, рѣдко или даже никогда не встрѣчающихся въ природѣ. Изъ опыта дѣлается выводъ, заключеніе о причинѣ явленія; въ большинствѣ случаевъ заключеніе непосредственное, точное невозможно, и о причинѣ явленія дѣлается гипотеза. Гипотезы затѣмъ провѣряются на явленіяхъ, которыя могутъ быть открываемы.

Во всѣхъ отдѣлахъ современной физики чувствуется, болѣе или менѣе, обширное и глубокое вліяніе нѣсколькихъ основныхъ аксіомъ и фактовъ. Ученый, упускающій изъ виду одну изъ нихъ, рискуетъ впасть въ ошибку.

Первая изъ этихъ аксіомъ заключается въ томъ, что изъ данныхъ причинъ можетъ вытекать только опредѣленное слѣдствіе; подъ данными причинами подразумѣвается, при этомъ, вся обстановка, все то, что можетъ играть роль при обнаруженіи

явленія, что имѣеть на него вліяніе. Эту истину можно также короче характеризовать какъ независимость явленій отъ времени и мѣста. Если, напр., при приближеніи желѣза къ магнитной стрѣлкѣ, послѣдняя отклоняется, то при неизмѣнности всѣхъ обстоятельствъ, всей окружающей обстановки, стрѣлка вездѣ и всегда будетъ одинаково отклоняться при приближеніи желѣза.

Вторая аксіома гласить, что данное явленіе можетъ быть слѣдствіемъ весьма многихъ, различныхъ причинъ. Эта истина есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и конечная причина возникновенія науки вообще; все наше стремленіе къ истинѣ и есть не что иное, какъ стремленіе сдѣлать правильный выборъ между различными возможными причинами рассматриваемыхъ явленій. Если небесный сводъ вращается вокругъ насъ, то свѣтила несомнѣнно должны восходить и заходить; но если свѣтила восходятъ и заходятъ, то это можетъ быть слѣдствіемъ или вращенія небеснаго свода, или вращенія земли. Если магнитная стрѣлка отклоняется, то нельзя заключить прямо, что вблизи находится желѣзо; она можетъ отклониться еще и по многимъ другимъ причинамъ.

При изученіи явленій не слѣдуетъ, далѣе, упускать изъ виду того основнаго факта, что мы безпредѣльно ограничены въ пространствѣ и во времени. Рассматривая окружающія насъ явленія, мы приблизительно находимся въ томъ же положеніи, какъ лицо, которое желало бы изслѣдовать кривую линію, имѣя передъ собою лишь весьма малую часть ея дуги.

Не менѣе важное значеніе имѣеть фактъ, что мы непосредственно наблюдаемъ вовсе не самыя явленія, а только результаты воспринятія ихъ нашими органами чувствъ. Что, наприм., значить: видѣть предметъ? Отъ предмета исходятъ свѣтовые лучи, которые, войдя въ глазъ, даютъ изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ, дѣйствуя, при этомъ, на глазные нервы; послѣдніе передаютъ дѣйствіе лучей къ мозгу, вслѣдствіе чего появляется въ сознаніи нѣкоторое ощущеніе. Затѣмъ уже мы дѣлаемъ выводъ, хотя и бессознательный, о томъ, что такому-то ощущенію долженъ соответствовать такой-то, внѣ насъ находящійся, реальный предметъ. Но вѣдь это безконечно быстрое и бессознательное умозаключеніе можетъ быть ошибочное; намъ тогда кажется одно, а въ дѣйствительности можетъ имѣть мѣсто совсѣмъ другое, чѣмъ и объясняются такъ-называемые обманы зрѣнія.

Наконецъ, къ основнымъ фактамъ и аксіомамъ слѣдуетъ причислить, что наша способность понять природу имѣеть предѣлы, и всякая попытка перешагнуть эти предѣлы должна остаться безплодною. Такихъ предѣловъ, главныхъ, два: 1) мы не спо-

способны понять сущности материи и силы, и 2) мы не можем понять сущности психических явлений, хотя бы простѣйшую ихъ форму—самосознаніе. Разъяснимъ это подробнѣе.

Одна изъ задачъ физики заключается въ томъ, чтобы объяснить явленія. Но что значитъ „объяснить“? Объяснить—значитъ свести явленіе къ такимъ элементарнымъ, составнымъ явленіямъ, которыя мы а ргіогі считаемъ для насъ понятными. Но такихъ а ргіогі понятныхъ для насъ явленій существуетъ только одно, именно — движеніе. Поэтому, объяснить явленіе, значитъ свести его сущность къ опредѣленнаго рода движеніямъ. Гюйгенсъ говоритъ: „всѣ причины явленій природы должны пониматься какъ механическія дѣйствія, если только мы не желаемъ отказать понимать чего-либо въ физикѣ“. Если Кантъ говоритъ, что „во всякомъ отдѣлѣ естествознанія лишь столько заключается дѣйствительной науки, сколько въ ней есть математики“, то правильнѣе было бы сказать „...сколько въ ней есть механики“. Стремясь къ этой цѣли, т.-е. къ объясненію явленій, сводя ихъ къ опредѣленнымъ движеніямъ, мы, конечно, не перестали надѣяться, что мы къ ней когда-нибудь приблизимся; но для психическихъ явленій нѣтъ надежды найти такого рода объясненіе. Образование организованной ячейки можно еще надѣяться когда-нибудь понять—въ томъ смыслѣ понять, какъ только-что было изложено; но появленіе въ этой ячейкѣ самосознанія, чувства — никогда! Передачу нервами впечатлѣнія до мозга—мы можемъ надѣяться понять со временемъ, свести эту передачу къ какому-либо движенію внутри нервовъ — но полученіе нами ощущенія мы не поймемъ. Тутъ есть вѣчные предѣлы, за которыми находится тотъ невѣдомый міръ, о которомъ сказалъ Дюбуа-Реймонъ: „ignotavimus“, — мы никогда не будемъ знать!..

Какъ уже было сказано, современный методъ физики заключается въ непрерывномъ примѣненіи трехъ главныхъ дѣйствій: наблюденія, предположенія и провѣрки. При наблюденіи разумъ новаго ничего не производитъ, онъ только отмѣчаетъ. Выработывая затѣмъ, на основаніи опыта, какія-либо предположенія или гипотезы, мы пользуемся, между прочимъ, индуктивнымъ способомъ мышленія, т.-е. такою умственной работою, которая состоитъ въ заключеніи отъ частнаго случая къ болѣе общему. Это своего рода обобщеніе. Дѣлая подобныя обобщенія, мы можемъ, однако, впадать въ большія ошибки. Укажемъ на примѣръ.

Лавуазье замѣтилъ, что кислородъ находится во всѣхъ изслѣдованныхъ имъ кислотахъ, и сдѣлалъ заключеніе, что кислородъ

непремѣнно долженъ заключаться во всякой кислотѣ; и однако онъ въ хлористо-водородной кислотѣ не заключается, и вообще дальнѣйшее изслѣдованіе доказало, что присутствіе не кислорода, а водорода представляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ кислоты.

Приведемъ еще другой случай ошибочнаго обобщенія.

Всѣмъ извѣстно, что когда лучъ свѣта преломляется, проходя, напр., черезъ стеклянную призму, то получается спектръ, въ которомъ цвѣта расположены въ опредѣленномъ порядкѣ, показывающемъ, что наименѣе преломляются красные лучи, нѣсколько болѣе—оранжевые, затѣмъ слѣдуютъ желтые, зеленые, голубые, синіе и, наконецъ, фіолетовые. Изъ какова бы тѣла ни состояла призма, всегда цвѣта въ спектрѣ расположены въ этомъ порядкѣ, неизмѣнность котораго считалась бы закономъ. Однако же, въ 1870 г., датчанинъ Христіансенъ открылъ, что фуксинъ даетъ спектръ, въ которомъ цвѣта расположены въ совершенно другомъ порядкѣ. Послѣ этого Квинке и другіе открыли большое число тѣлъ, въ которыхъ спектръ представляется въ совершенно иномъ видѣ, именно какъ бы имѣющимъ складки, перегибы, и т. д.

Провѣрка гипотезы производится способомъ дедуктивнымъ; изъ гипотезы дѣлается выводъ, объясняющій наблюденіе; при этомъ, однако, должны не только оказаться необходимыми слѣдствіями гипотезы тѣ явленія, которыя уже были наблюдаемы, но должны быть предсказываемы правильно и новыя явленія. Результатъ провѣрки гипотезы можетъ быть одинъ изъ трехъ: гипотеза можетъ оказаться или 1) несомнѣнно невѣрною, или 2) несомнѣнно вѣрною, или 3) болѣе или менѣе вѣроятною.

Для вывода гипотезы изъ опытовъ, опредѣленнаго метода, опредѣленныхъ правилъ, конечно, не существуетъ и не можетъ существовать. Это дѣло генія. Мысль мгновенно озаряетъ изслѣдователя; стоитъ только припомнить извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Архимедъ открылъ законъ потери вѣса тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость, или замѣчательныя слова Кеплера, сказавшаго: „мой добрый геній подсказалъ мнѣ эту мысль“.

Безъ гипотезъ прогрессъ въ наукѣ невозможенъ. Клодъ Бернаръ говоритъ: „Предвзятая мысль или гипотеза есть необходимая точка исхода всякаго опытнаго изслѣдованія. Безъ нея немислимо открыть что-либо новаго—безъ нея остается лишь безплодное собраніе фактовъ“.

Безчисленное множество гипотезъ возникаетъ непрерывно. Иногда чуть-ли не презрительно произносятся слова: „это только гипотеза!“ Эти слова выражаютъ мысль, которая столь же не-

правильна, какъ было бы неправильно сказать: „это только сѣмя!“ Изъ сѣмени можетъ вырасти дерево. Изъ гипотезы можетъ возникнуть новое, твердо установленное, ученіе. Между сѣменами огромное большинство бесплодно, какъ и большинство гипотезъ. Но это еще не причина, чтобы осудить гипотезы вообще. И въ математикѣ, въ такъ-называемой чистой математикѣ, прогрессъ безъ гипотезъ невозможенъ. Отыскивающій новую математическую истину непременно долженъ выходить изъ гипотезы о существованіи той или другой теоремы, той или другой связи между величинами. Клодъ Бернаръ говоритъ: „Математикъ и натуралистъ пользуются однимъ и тѣмъ же методомъ, когда они ищутъ новыя истины. Индукціей доходятъ до постановки гипотезъ, которыя провѣряютъ“. Разница только въ результатахъ провѣрки. Въ математикѣ можетъ явиться только одинъ изъ двухъ результатовъ: или гипотеза абсолютно вѣрна, или она абсолютно невѣрна; вѣроятности въ математикѣ не существуетъ.

Не всё, однако, гипотезы въ физикѣ имѣютъ одинаковое право на существованіе. Есть гипотезы плохія, есть хорошія. Хорошая гипотеза должна обладать слѣдующими пятью свойствами: она должна быть возможна; согласна съ опытомъ; обнимать, по возможности, большее число явленій; наконецъ, она должна быть проста и провѣрима.

И такъ, во-первыхъ, гипотеза должна быть возможна. Это легко сказать, но очень трудно внести въ сущность этого необходимаго свойства. Что возможно? Строго говоря, невозможно только то, невозможность чего математически доказана. Невозможна квадратура круга, т.-е. невозможно построить, циркулемъ и линейкой, квадрата, площадь котораго равнялась бы площади круга. Абсолютно невозможно, такимъ же путемъ, уголь (не прямой) раздѣлить на три равныя части. Невозможно *regretium mobile*... Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ строгія доказательства. Другого опредѣленія слова „возможно“ мы не имѣемъ. Иногда для его опредѣленія призываютъ на помощь такъ-называемый „здравый смыслъ“; но это мало ясный аргументъ. Развѣ не противорѣчитъ здравому смыслу, что камни падаютъ съ неба? что два отдаленныхъ другъ отъ друга города соединены желѣзною проволокою, и что когда одно лицо въ одномъ городѣ надавливаетъ небольшой рычагъ, то другое лицо, въ другомъ городѣ, по этой проволоцѣ получаетъ точное, полное извѣстіе о какомъ-либо событіи? И то, и другое какъ будто противорѣчитъ здравому смыслу, и, однако, то и другое возможно!

Можно сказать, что то невозможно, что абсолютно нелѣпно.

Но и здѣсь понятіе „нелѣпо“ всегда останется относительнымъ. Какъ разъ въ настоящее время, въ русской литературѣ происходитъ споръ о „возможности“ медулическихъ явленій... Но оставимъ этотъ скользкій и темный путь, освѣтить который мы не въ состояніи.

Гипотеза, во-вторыхъ, должна быть согласна съ опытомъ; она не должна противорѣчить вновь открытымъ фактамъ. Если кабая-нибудь гипотеза допускаетъ, что свѣтъ можетъ распространяться только по прямой линіи, а мы знаемъ случаи, когда свѣтъ распространяется не по прямой линіи, то такая гипотеза, очевидно, не можетъ быть вѣрна.

Въ-третьихъ, гипотеза должна многое обнимать. Нельзя допустить, чтобы для каждаго отдѣльнаго изъ ряда сходныхъ явленій была придумана новая гипотеза; правильная гипотеза должна обнимать возможно большую группу явленій. Поэтому важный шагъ впередъ дѣлается въ физикѣ каждый разъ, когда двѣ гипотезы, относившіяся до двухъ различныхъ группъ явленій, сливаются въ одну. Такой важный шагъ былъ сдѣланъ въ началѣ столѣтія, когда группы электрическихъ и магнитныхъ явленій, изъ которыхъ каждая объяснялась на основаніи особой гипотезы, были сведены къ одной общей основной гипотезѣ; такой же важный шагъ въ настоящее время дѣлается въ наукѣ, когда гипотезы о свѣтѣ и электричествѣ начинаютъ сливаться въ одну, когда возникаетъ электро-оптика, сводящая всѣ электрическія, магнитныя и свѣтovyя явленія къ одному основному началу и объясняющая всѣ эти явленія одною гипотезою.

Въ-четвертыхъ, гипотеза должна быть проста. Въ сознаніи человѣка глубоко коренится убѣжденіе, что основныя причины явленій въ природѣ весьма просты. Вотъ почему сложныя предположенія неудовлетворительны. Бургавъ, ученый прошлаго столѣтія, сказалъ: „простота есть признакъ истинны“. Альфонсъ, король Кастиліи, изучая систему Птолемея, пораженный сложностію представленія о движеніяхъ свѣтилъ, воскликнулъ: „еслибы Богъ посовѣтовался со мною, я бы устроилъ дѣло проще!“ И оно дѣйствительно устроено проще, какъ доказалъ впоследствии Коперникъ. Сложность окружающихъ насъ явленій не противорѣчитъ убѣжденію, что основная причина проста, ибо даже изъ весьма простыхъ основныхъ причинъ быстро развиваются сложныя явленія. Укажемъ, какъ на примѣръ, на явленіе взаимнаго притяженія тѣлъ. Согласно закону притяженія тѣлъ, открытому Ньютономъ, причина чрезвычайно проста, и однако, если мы имѣемъ два свободно двигающихся тѣла, взаимно при-

тягивающихся, по закону Ньютона, то изслѣдованіе ихъ движенія представить уже довольно сложную и запутанную задачу; но если мы возьмемъ три тѣла, изъ которыхъ каждое дѣйствуетъ на два остальныхъ, то задача изслѣдованія ихъ движенія представится уже столь трудною, что до сего дня ни одинъ изъ величайшихъ математиковъ ее вполне разрѣшить не могъ. Какъ же разрѣшить задачу, когда движеніе еще болѣе сложное, когда взаимно притягиваются четыре, пять и болѣе тѣлъ? При всей простотѣ основной причины явленія, оно все-таки представляется чрезвычайно сложнымъ.

Пятое и послѣднее свойство, которымъ должна обладать хорошая гипотеза, заключается въ томъ, что она должна быть провѣрима, т. е. должна существовать возможность, такъ или иначе, убѣдиться въ степени ея достовѣрности. Всякое непровѣримое предположеніе должно оставаться въ наукѣ навсегда бесплоднымъ. Къ непровѣримымъ принадлежитъ всякая гипотеза, относящаяся къ вопросу, стоящему за тѣми предѣлами, о которыхъ говорено раньше. Допустимъ гипотезу, относящуюся до вопроса о томъ, есть ли жители на звѣздахъ? Подобная гипотеза, конечно, безцѣльна; она непровѣрима, а потому и бесплодна.

II.

Раздѣленіе и свойства гипотезъ.

Всѣ гипотезы можно раздѣлить на четыре разряда: — на гипотезы: 1) о характерѣ или о законѣ; 2) о связи; 3) о причинѣ и 4) о цѣли.

Гипотезы о характерѣ или о законѣ какого-либо явленія встрѣчаются весьма часто, и всѣ научныя изслѣдованія переполнены такими гипотезами. Такъ, напр., Лавуазье высказалъ гипотезу, что воздухъ есть тѣло сложное, представляя собою смѣсь нѣсколькихъ веществъ. Это была гипотеза о характерѣ воздуха. Гершель замѣтилъ однажды свѣтлую точку на небесномъ сводѣ и сдѣлалъ гипотезу, что это комета. Но его гипотеза оказалась невѣрною; тогда онъ составилъ другую гипотезу, что это планета; послѣдняя гипотеза оказалась вѣрною, и тогда была открыта планета Уранъ. Кеплеръ сдѣлалъ гипотезу, что планеты движутся по эллипсамъ и провѣрилъ гипотезу различными путями. Все это гипотезы о характерѣ или о законѣ.

Гипотезы о связи дѣлаются тогда, когда мы замѣчаемъ два явленія, изъ которыхъ ни одно не представляется, по на-

шему мнѣнію, прямымъ слѣдствіемъ другого, но когда каждое изъ нихъ можетъ вытекать изъ такихъ основныхъ причинъ, которыя находятся въ тѣсной связи между собою, вслѣдствіе чего самыя явленія могутъ имѣть между собою связь. Въ видѣ примѣра приведемъ два явленія: сѣверное сіяніе и пятна на солнцѣ. Изъ наблюдений былъ сдѣланъ выводъ, что въ тѣ времена, когда наибольшее число пятенъ замѣчается на солнцѣ, появляется и наибольшее число сѣверныхъ сіяній. Ясно, что между сѣвернымъ сіяніемъ и солнечными пятнами существуетъ связь. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не можетъ вытекать заключеніе, что одно явленіе есть прямое слѣдствіе другого.

Третьяго рода гипотезы—о причинѣ—наиболѣе многочисленныя въ физикѣ. Леверрье замѣтилъ неправильности въ движеніи нѣкоторыхъ планетъ и сдѣлалъ гипотезу, что причина этого явленія заключается въ присутствіи особой, еще неизвѣстной, планеты. Гипотеза была вѣрна, и впоследствии удалось открыть эту планету, получившую названіе Нептуна.

При леченіи больного, всякій врачъ прежде всего дѣлаетъ гипотезу о причинѣ болѣзни (діагнозъ). Въ физикѣ гипотезы о причинѣ явленія не менѣе на первомъ планѣ. Такъ, напр., гипотеза о свѣтѣ, предполагающая, что свѣтъ есть колебательное движеніе эфирныхъ частицъ, есть гипотеза о причинѣ.

Наконецъ, существуютъ гипотезы о цѣли; но такого рода гипотезы могутъ играть роль исключительно только въ біологическихъ наукахъ; въ физикѣ онѣ являются на очередь только тогда, когда мы станемъ на высшую точку и будемъ разсматривать не отдѣльныя явленія, но весь міръ цѣликомъ. Тогда умѣстна гипотеза о цѣли. Укажемъ на слова Лапласа, который сказалъ, что „распредѣленіе планетъ таково, чтобы сохранить ихъ движенія на вѣки“. Тутъ замѣтна мысль о цѣли.

Скажемъ нѣсколько словъ о разрѣшеніи гипотезъ. Подъ словомъ: разрѣшеніе—подразумѣваемъ какъ полное рѣшеніе вопроса о томъ, вѣрна ли гипотеза, или нѣтъ, такъ и всякое измѣненіе степени ея достовѣрности. Прежде всего разсмотримъ, какимъ образомъ гипотеза можетъ окончательно разрѣшиться, т.-е. какимъ образомъ можетъ быть получено рѣшеніе въ пользу того, что она несомнѣнно вѣрна или что она вполне невѣрна? Такое рѣшеніе можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ. Первый путь—это путь дедуктивный: непосредственный выводъ того, что предполагалось гипотетически, изъ того, что уже извѣстно и окончательно установлено въ наукѣ. Такъ, напр., законъ Архимеда, что тѣла, погруженныя въ жидкость, теряютъ столько въ своемъ вѣсѣ,

сколько вѣсить количество вытѣсненной ими жидкости, представлялся сначала гипотезою, которую можно было провѣрить болѣе или менѣе точными опытами, но она перестала быть гипотезою, когда удалось вывести необходимость этого закона изъ общихъ законовъ механики (гидростатики). Законы Кеплера о движеніи планетъ точно также перестали быть гипотетическими, когда необходимость ихъ была выведена Ньютономъ на основаніи законовъ всеобщаго тяготѣнія тѣлъ.—Гипотеза можетъ быть, во-вторыхъ, разрѣшена и чисто опытнымъ путемъ при дальнѣйшемъ развитіи науки, когда вырабатываются новые способы доказательства или новые методы изслѣдованія, которые раньше не были извѣстны. Неразрѣшимое вначалѣ и требующее предположеній и догадокъ можетъ впоследствии быть разрѣшено простою опытною провѣркою явленій. Возьмемъ примѣръ изъ медицины. Давно существовала гипотеза о томъ, что многія болѣзни происходятъ отъ дѣйствія низшихъ организмовъ. Въ настоящее время, при помощи усовершенствованнаго микроскопа и въ высокой степени развитомъ методѣ изслѣдованія, правильность этой гипотезы вполне обнаружена. Весьма многія гипотезы окончательно разрѣшены помощію спектральнаго анализа; такова гипотеза о существованіи дѣйствительныхъ туманныхъ пятенъ, т.-е. такихъ, которыя не состоятъ изъ скопищъ звѣздъ, представляющихъ въ видѣ пятенъ, но дѣйствительно состоятъ изъ туманообразнаго вещества. При помощи спектральнаго анализа гипотеза эта разрѣшена, причемъ неоспоримо доказано дѣйствительное существованіе такого рода пятенъ.

Движеніе свѣтилъ, прежде считавшееся гипотезою, нынѣ также доказано при помощи спектральнаго анализа; опредѣлена и скорость этого движенія, такъ что гипотеза о собственномъ движеніи т.-наз. неподвижныхъ звѣздъ разрѣшена.

Гипотеза о вращеніи солнца точно также разрѣшена утвердительно при помощи спектральнаго анализа. Съ другой стороны, при помощи опытовъ была доказана абсолютная неправильность многихъ гипотезъ, въ томъ числѣ гипотезы о существованіи того, что называлось „horror vacui“, т.-е. предположенія, что природа боится пустоты. Когда оказалось возможнымъ произвести пустоту, тогда было доказано, что гипотеза эта абсолютно невѣрна.

Кромѣ, сравнительно, весьма рѣдкихъ случаевъ окончательнаго разрѣшенія гипотезъ, существуетъ и медленное, постепенное измѣненіе степени вѣроятности или достовѣрности гипотезъ. Въ особенности медленно увеличивается достовѣрность гипотезъ о законѣ. Причина тому слѣдующая. Допуская существованіе какого-

либо закона и желая провѣрить его путемъ опытовъ, мы должны помнить, что всѣ наши опыты и измѣренія не могутъ быть абсолютно точными, что мы непрерывно дѣлаемъ ошибки, т. наз. погрѣшности наблюдений, а потому абсолютная провѣрка закона опытами и наблюдениями никогда не возможна. Укажемъ на примѣръ. По закону Ньютона сила взаимнаго притяженія небесныхъ свѣтилъ убываетъ пропорціонально квадрату ихъ разстоянiя. При наблюдении движенiй свѣтилъ, выводы изъ этой гипотезы оказываются вѣрными, т. е. вѣрными, опять, въ предѣлахъ ошибокъ наблюдений. Законъ провѣренъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ абсолютно вѣренъ. Допустимъ, что сила притяженiя свѣтилъ состоитъ изъ двухъ частей; одна ея часть убываетъ по закону Ньютона; вторая же часть, какъ бы добавочная сила, можетъ быть, зависящая отъ относительныхъ скоростей (или даже ускоренiй) свѣтилъ, такъ мала, что ея влiянiе на окончательное движенiе также весьма малое,—мы, при наблюдении, не въ состоянiи открыть. Есть даже причина, по которой можно предположить, что такая весьма малая, добавочная часть силы тяготѣнiя дѣйствительно существуетъ.

Что касается гипотезъ о причинѣ, то ихъ достовѣрность увеличивается по мѣрѣ того, какъ большее и большее число фактовъ оказываются согласными съ выводами изъ гипотезы. Къ такимъ гипотезамъ, достовѣрность которыхъ непрерывно увеличивается, принадлежитъ гипотеза свѣта—о колебанiи эѳира. Достовѣрность гипотезы увеличивается по мѣрѣ того, какъ изъ нея продолжаетъ выводиться безчисленное множество слѣдствiй и всѣ они на опытахъ оказываются вѣрными; но абсолютная достовѣрность все-таки не можетъ быть достигнута.

III.

Упрощенiе гипотезъ и мнимыя гипотезы.

Въ исторiи физики не мало можно найти примѣровъ того, что сложныя представленiя, сложныя предположенiя, при дальнѣйшемъ развитiи науки, оказывалось возможнымъ замѣнить болѣе простыми. Это не было разрѣшенiемъ гипотезы; это не было доказательствомъ ея вѣрности или невѣрности, это не было даже увеличенiемъ или уменьшенiемъ степени ея достовѣрности. Это именно и было только упрощенiе.

Укажемъ на примѣръ.

Извѣстно, что когда бѣлый лучъ свѣта проходитъ черезъ стеклянную призму, то онъ разлагается на составныя части; получается продолговатая полоса, на которой можно ясно видѣть всѣ эти составныя части. Продолговатая полоса содержитъ въ себѣ лучи красные, оранжевые, желтые, голубые, синіе и фіолетовые.

Уже давно было замѣчено, что наиболѣе сильное тепловое дѣйствіе производятъ лучи красные, отчасти желтые и, кромѣ того, еще невидимые, такъ-называемые ультра-красные лучи. Далѣе было открыто, что наиболѣе сильное химическое дѣйствіе производятъ, напр., на фотографическую бумагу, лучи синіе, фіолетовые и, далѣе, невидимые, такъ-называемые ультра-фіолетовые лучи. Тогда полагали, что всѣ лучи слѣдуетъ раздѣлять на три разряда: на лучи тепловые, свѣтовые и химическіе. Но при дальнѣйшемъ развитіи науки такого рода гипотезу оказалось возможнымъ упростить; оказалось, что предположеніе о существованіи трехъ родовъ лучей невѣрно, что существуютъ только одного рода лучи, отличающіеся между собою физиологическимъ характеромъ производимаго ими впечатлѣнія (цвѣтомъ), и что всѣ лучи, безъ исключенія, способны производить и дѣйствіе тепловое, и дѣйствіе химическое, и что произведеніе ими того или другого дѣйствія зависитъ только отъ того, будутъ ли лучи поглощаться тѣломъ, на которое они падаютъ, или нѣтъ. Если фіолетовые лучи производятъ наиболѣе сильное химическое дѣйствіе, то только потому, что въ данномъ случаѣ тѣло, черезъ которое они проходятъ, имѣетъ специальную способность поглощать фіолетовые лучи и не поглощаетъ остальныхъ.

Теперь открыто, что существуютъ вещества, которыя поглощаютъ красные лучи и даже ультра-красные, подвергаясь при этомъ ихъ химическому дѣйствію. Вслѣдствіе этого раздѣленіе лучей на три разряда оказалось возможнымъ отбросить.

Переходимъ къ тому, что можно назвать мнимою гипотезою. Существуютъ въ наукѣ положенія, существуютъ часто повторяемыя фразы, которыя звучатъ какъ гипотезы; при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что это не гипотезы, что это не болѣе какъ краткія выраженія наблюдаемыхъ фактовъ. Въ нихъ гипотетическаго ничего нѣтъ, и эти фразы сами по себѣ столь же достовѣрны, какъ достовѣрны и самые факты, о которыхъ онѣ говорятъ.

Пояснимъ это примѣромъ.

Всѣмъ извѣстно, что два тѣла, взятая отдѣльно въ природѣ, стремятся сблизиться между собою.

Сила, съ которою происходитъ это стремленіе, зависитъ, во-первыхъ, отъ массы этихъ тѣлъ; чѣмъ больше масса тѣлъ, съ тѣмъ болѣею силою они стремятся сблизиться; во-вторыхъ, отъ разстоянія между тѣлами.

Ньютонъ открылъ законъ, по которому опредѣляется зависимость величины этой силы отъ разстоянія между тѣлами. Онъ показалъ, что если разстояніе между тѣлами удваивается, то сила, съ которою они стремятся сблизиться, уменьшается въ дважды два, т. е. въ четыре раза; если разстояніе увеличится въ три раза, то сила уменьшается въ трижды три, т. е. девять разъ, и т. д.

Это, конечно, гипотеза, которая можетъ быть провѣрена, и при повѣркѣ она оказывается вѣрною, ибо движеніе свѣтилъ происходитъ именно такъ, какъ еслибы стремленіе ихъ другъ къ другу происходило по закону Ньютона.

Конечно, провѣрка не можетъ быть абсолютною; она возможна только въ предѣлахъ погрѣшностей наблюденій. Мы можемъ сказать, что законъ этотъ вѣренъ, хотя, можетъ быть, онъ и не вполне вѣренъ.

Объ этомъ уже было сказано въ предыдущей главѣ.

Является, однако, вопросъ: отчего же два тѣла стремятся одно къ другому?

Для объясненія стремленія тѣлъ другъ къ другу въ разные времена придумывались различныя гипотезы. Спрашивается: могутъ ли быть причислены къ этимъ гипотезамъ извѣстные слова: „тѣла взаимно притягиваются“? Нѣтъ! Ибо гипотеза должна объяснить явленіе; а предположеніе, что тѣла притягиваются, въ сущности ничего не объясняетъ. Эти слова являются только перефразировкою простого указанія на несомнѣнный фактъ, что тѣла приближаются другъ къ другу.

Слова: „тѣла притягиваются“ — означаетъ лишь, что они движутся такъ, какъ если бы они притягивались.

Взаимное приближеніе тѣлъ можно объяснить двояко: или тѣмъ, что на каждое тѣло дѣйствуетъ сила, которая ее тянетъ, или тѣмъ, что съ противоположной стороны (можно сказать: „сзади“) на него производится какое-то давленіе.

Уважемъ на одну изъ попытокъ объяснить стремленіе тѣлъ другъ къ другу.

Мы допускаемъ, что всемірное пространство наполнено весьма тонкимъ веществомъ, называемымъ эфиромъ. Допустимъ, далѣе, что частицы этого эфира находятся въ непрерывномъ быстромъ движеніи и что, вслѣдствіе этого движенія, онѣ непрерывно ударяются о разсматриваемое тѣло. Въ такомъ случаѣ, тѣло, вслѣд-

ствіе совокупности такихъ ударовъ, дѣйствующихъ на него со всѣхъ сторонъ, будетъ со всѣхъ сторонъ одинаковое претерпѣвать давленіе. Но допустимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что самое присутствіе тѣла вліяетъ на движеніе частицъ въ окружающемъ пространствѣ, дѣлая его менѣе интенсивнымъ; допустимъ, что, вслѣдствіе присутствія тѣла А, на сторону тѣла Б, обращенную къ А, давленіе эфирныхъ частицъ будетъ уменьшено. Въ такомъ случаѣ получить перевѣсъ давленіе эфирныхъ частицъ съ другой стороны тѣла Б, и тѣло Б будетъ двигаться, вслѣдствіе этого, по направленію къ тѣлу А.

Вотъ это и всякое ему подобное представленіе о причинѣ стремленій тѣлъ другъ къ другу можетъ быть названо гипотезой. Если же только говорить, что тѣла „притягиваются“, то въ этихъ словахъ звучитъ какъ будто мысль, что тѣла имѣютъ самостоятельную волю, что одно изъ нихъ способно дѣйствовать на другое, находящееся отъ него на разстояніи. Въ настоящее время ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое. Всякій понимаетъ, что приближеніе тѣлъ другъ къ другу должно имѣть какую-нибудь, пока еще неизвѣстную, внѣшнюю причину, которая, однако, словомъ „притяженіе“ не объясняется. Слово это только выражаетъ фактъ, а потому всѣ вопросы о томъ, дѣйствительно ли тѣла взаимно притягиваются, или нѣтъ —должны падать сами собою.

Приведемъ еще другой примѣръ мнимой гипотезы.

Если проволоку свернуть въ видѣ цилиндрической спирали и если черезъ такую проволоку пропустить электрическій токъ, то получится то, что извѣстно подъ названіемъ „соленоидъ“. Изслѣдованіе его свойствъ приводитъ къ тому заключенію, что соленоидъ имѣетъ всѣ свойства обыкновеннаго стального магнита. Если соленоидъ установить удобоподвижно, такъ, чтобъ онъ могъ свободно вращаться около вертикальной своей оси, то онъ самъ устанавливается въ томъ же положеніи, которое принимаетъ удобоподвижная магнитная стрѣлка, т.-е. онъ однимъ концомъ показываетъ на сѣверъ, а другимъ —на югъ.

Если къ такому удобоподвижному соленоиду приблизить другой, то между ними окажется взаимодѣйствіе; а именно, одноименные полюсы ихъ взаимно отталкиваются, разноименные же взаимно притягиваются; если къ соленоиду приблизить настоящій магнитъ, то между соленоидомъ и магнитомъ обнаружится совершенно такое же взаимодѣйствіе, какъ и между двумя магнитами. Результатъ этихъ наблюденій сводится къ тому, что соленоидъ имѣетъ всѣ свойства магнита.

На этомъ обстоятельствѣ была построена Амперомъ гипотеза. Онъ говорилъ, что если соленоидъ имѣеть всѣ свойства магнита, то и, наоборотъ, магнитъ имѣеть всѣ свойства соленоида. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли допустить, что всякій магнитъ есть соленоидъ, т. е., что внутри всякаго магнита имѣются круговыя электрическія токи, расположенныя одинъ за другимъ такъ, что рядъ такихъ токовъ составитъ нѣчто подобное соленоиду. Въ настоящее время почти никто уже не принимаетъ гипотезу Ампера въ дословномъ ея смыслѣ. Никто уже слова: „магнитъ есть соленоидъ“ не понимаетъ въ букввальномъ смыслѣ. Эта гипотеза принадлежитъ къ числу гипотезъ мнимыхъ; она лишь выражаетъ вѣратцѣ тотъ фактъ, что магнитъ имѣеть абсолютно всѣ тѣ свойства, какия имѣеть соленоидъ, но объясненія этихъ свойствъ въ этихъ словахъ искать нельзя, а потому они не могутъ считаться выраженіемъ гипотезы.

IV.

О РЕАЛЬНОСТИ ПРЕДМЕТОВЪ И О КОНЕЧНОСТИ ПРОСТРАНСТВА.

Изъ всѣхъ гипотезъ, которыя придется разсмотрѣть, выдѣлимъ двѣ, не входящія, строго говоря, въ рамку этой статьи; однако, разборъ ихъ послужитъ для достиженія полноты картины занимающаго насъ вопроса,—это гипотезы о реальности предметовъ и о конечности пространства.

Въ первой главѣ мы напомнили, что нами наблюдаются, строго говоря, не самыя явленія, а только дѣйствія ихъ на наши органы чувствъ. На основаніи этого дѣйствія мы дѣлаемъ безвѣчно-быстрое и безсознательное умозаключеніе о томъ, что такому-то дѣйствию на опредѣленный органъ чувствъ долженъ соответствовать внѣ насъ находящійся опредѣленный предметъ.

Это умозаключеніе, конечно, можетъ быть ошибочное, и на этомъ основаны между прочимъ и такъ-называемыя обманы зрѣнія.

Теперь спрашивается: если мы только посредствомъ умозаключенія узнаемъ о существованіи внѣ насъ предметовъ и если умозаключеніе вообще можетъ быть ошибочное, то не слѣдуетъ ли опасаться, что и это умозаключеніе также ошибочное, что мы ошибаемся, дѣлая выводъ о существованіи внѣ насъ какиехъ-либо предметовъ? Въ основаніи всѣхъ отдѣловъ естествознанія, однако, лежитъ глубокое убѣжденіе, что предметы изслѣдованія реальны, что они дѣйствительно существуютъ. Аналогичное убѣжденіе

должно существовать во всякой наукѣ, которая прежде всего не можетъ не допустить существованія того, что она изслѣдуетъ. Безъ этого убѣжденія наука падетъ сама собою. Науки о призракахъ не можетъ быть. Существуетъ особое философское направленіе, извѣстное подъ названіемъ идеализма; оно разсматриваетъ матеріальный міръ какъ функцію психической работы. Такой идеализмъ уничтожаетъ возможность существованія естествознанія какъ науки, низводя ее до отдѣльной главы психологій, какъ единственной науки, имѣющей право на существованіе. Но такъ какъ всякая наука должна быть наукою о существующемъ, а не о мнимомъ или кажущемся, то естествознаніе должно цѣлкомъ основываться на положеніи—на гипотезѣ, если угодно—о реальности предметовъ, о дѣйствительномъ существованіи въ мірѣ, внѣ сферы нашихъ чисто психическихъ отправленій, вещества или матеріи.

Второй вопросъ, который мы позволимъ себѣ затронуть, выдѣляя его изъ всѣхъ остальныхъ, относится къ свойствамъ того пространства, въ которомъ мы живемъ, въ которомъ движутся свѣтила.

Вопросъ идетъ о конечности или безконечности этого пространства. Весьма многихъ занималъ этотъ вопросъ, который, очевидно, ведетъ къ неразрѣшимой дилеммѣ: или мы допустимъ, что пространство гдѣ-нибудь имѣетъ предѣлы, что немислимо; или мы допустимъ, что пространство абсолютно безпредѣльно, что оно тянется во всѣ стороны, не ограничиваясь предѣлами. Но и это одинаково непостижимо, трудно допустимо и невѣроятно. Считаемо лишнимъ указать на попытку выйти изъ этой дилеммы.

Попытка эта не есть гипотеза, которую можно ясно и высказать, и понять; это ни болѣе, ни менѣе, какъ остроумное указаніе на возможность существованія нѣкоторой аналогіи, которую, вѣроятно, не всякій даже въ состояніи усвоить, а мы бы не рѣшились даже указать на эту попытку, если бы она не заслуживала названія остроумной, если бы за границею не существовала о ней цѣлая литература и если бы ея основаніе не было положено у насъ, въ Россіи.

Корень той идеи, которую мы разовьемъ сейчасъ, можно найти въ безсмертныхъ работахъ великаго математика и мыслителя Лобачевскаго, бывшаго профессора казанскаго университета.

Конечность и безконечность пространства одинаково непостижимы. Вопросъ въ томъ, не можетъ ли быть еще нѣчто третье? и дѣйствительно, пользуясь аналогіей, можно указать на возможность чего-то третьяго. Вообразимъ окружность круга; сколько

бы мы ни двигались по этой окружности, мы нигдѣ не найдемъ ея конца, нигдѣ не натолкнемся на ея предѣлы; однако, никто не скажетъ, что окружность бесконечно велика. Кривизна окружности влечетъ за собою то, что у нея нѣтъ опредѣленныхъ границъ; она, однако, не можетъ считаться бесконечно большою, хотя она и безпредѣльна. То же самое, что окружность представляетъ въ одномъ измѣреніи, представляетъ поверхность шара въ двухъ измѣреніяхъ. Дѣйствительно, идя по поверхности шара, мы нигдѣ не натолкнемся на ея предѣлы, и тѣмъ не менѣе мы не можемъ сказать, что шаровая поверхность бесконечно велика. Она обладаетъ этою особенностью, опять-таки благодаря ея кривизнѣ. Вотъ идея, которая приводитъ насъ къ аналогическому взгляду на пространство. Не будетъ ли пространство въ трехъ измѣреніяхъ имѣть то же свойство, которое поверхность шара имѣетъ въ двухъ измѣреніяхъ, а окружность круга—въ одномъ, т.-е. не обладаетъ ли пространство такую внутреннюю кривизною, что, идя непрерывно по прямой линіи въ одномъ направленіи, мы возвращаемся опять къ прежнему мѣсту? Допуская возможность такой внутренней структуры пространства, мы замѣтно дѣлаемъ шагъ къ тому, чтобы выйти изъ указанной выше дилеммы. Допущеніе подобнаго рода аналогіи дѣлаетъ болѣе или менѣе возможнымъ объяснить, что пространство не имѣетъ нигдѣ предѣловъ, но все-таки не бесконечно велико: оно всегда и вездѣ оказывается замкнутымъ въ самомъ себѣ. Конечно, мы не утверждаемъ, чтобы допущеніе такого взгляда могло быть названо объясненіемъ; это только — выражаясь образно—обращеніе лицомъ въ ту сторону, гдѣ можетъ быть, далеко за горизонтомъ, скрыта истина.

V.

Принципъ инерціи вещества.

Фундаментъ того зданія, которое называется современною физикою, составляютъ три гипотезы, давно заслуживающія названія несомнѣнныхъ истинъ, потому что изъ всѣхъ прочихъ гипотезъ онѣ обладаютъ наибольшею степенью вѣроятности, сливающейся, можно сказать, съ достовѣрностью. Эти три гипотезы, которыя мы будемъ называть принципами, суть: принципъ инерціи, принципъ сохраненія вещества и принципъ сохраненія энергіи.

Первая изъ этихъ трехъ частей фундамента физики—прин-

цпг инерціи — выражается слѣдующимъ образомъ: „всякое тѣло, вполне предоставленное самому себѣ и находящееся въ покое, сохраняетъ это состояніе покоя вѣчно, и всякое тѣло, вполне предоставленное самому себѣ и находящееся въ движеніи, сохраняетъ это движеніе съ равномерною скоростью и въ прямолинейномъ направленіи“. Всякое измѣненіе состоянія тѣла, т.-е., напрімѣръ, переходъ его отъ покоя къ движенію, или измѣненіе скорости, или измѣненіе направленія движенія, должно происходить отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ. Такія причины называются силами. Въ вѣрности этого принципа мы непосредственно убѣдиться не можемъ по той простой причинѣ, что тѣла, предоставленныхъ самимъ себѣ, т.-е. не находящихся подъ какими-либо внѣшними вліяніями — мы не имѣемъ. Такого тѣла мы въ природѣ наблюдать не можемъ. Однако, мы замѣчаемъ, что въ движеніи тѣла происходятъ измѣненія, — замѣчаемъ, что всякое такое измѣненіе есть послѣдствіе внѣшнихъ причинъ, и что чѣмъ больше встрѣчается такихъ причинъ, тѣмъ быстрѣе мѣняется характеръ (скорость, направленіе) движенія. Тѣло, которое получило толчокъ, тѣмъ дольше будетъ двигаться, чѣмъ меньше оно встрѣтитъ сопротивленій. Изъ этого мы дѣлаемъ заключеніе, что если бы не было препятствій, то тѣло двигалось бы вѣчно. Въ этомъ заключеніи не проглядываетъ, какъ нѣкоторые думаютъ, индукціонный способъ разсужденія, т.-е. переходъ отъ частныхъ къ общему. Мы здѣсь пользуемся особаго рода умозаключеніемъ для объясненія наблюдаемаго факта: мы устанавливаемъ гипотезу. Истинная сущность принципа инерціи заключается въ трехъ положеніяхъ. Если внимательно вникнуть въ сущность наблюденныхъ фактовъ, то оказывается, что первое изъ этихъ положеній заключается въ томъ, что въ матеріи нѣтъ психическаго элемента. Движеніе тѣла не можетъ быть разсмотрѣно какъ проявленіе воли или желанія матеріи. Всѣ выраженія въ родѣ: „тѣло стремится“, „тѣло притягивается“ — суть не что иное какъ метафоры, служащія для краткаго выраженія фактовъ, и которыя слѣдуетъ остерегаться принимать въ буквальный смыслъ слова.

Второе положеніе заключается въ томъ, что матерія не обладаетъ способностью возбуждать психическихъ явленій, и третье положеніе, — что матерія не способна измѣнять характера своего движенія.

Спрашивается: какими путями можно провѣрить справедливость принципа инертности вещества?

Справедливость этого принципа провѣряется на всѣхъ движеніяхъ, которыя мы только въ состояніи наблюдать.

Всегда мы видимъ, что измѣненіе скорости пропорціонально дѣйствующимъ причинамъ.

Прибавимъ, напримѣръ, къ магниту, дѣйствующему на какое-либо тѣло, еще такой же магнитъ, и мы увидимъ, что скорость движенія тѣла удвоилась. Изъ этого мы заключаемъ, что если нѣтъ внѣшней причины, то нѣтъ и измѣненія скорости. Вся механика, теоретическая и практическая, цѣликомъ основана на этомъ принципѣ, и вездѣ и всегда мы замѣчаемъ полное согласіе между выводами изъ этого принципа и наблюдаемыми явлениями.

Это обстоятельство служитъ вполне точнымъ доказательствомъ полной справедливости самаго принципа.

Принципъ инерціи есть основной принципъ, выражающій наиболѣе существенное и характерное свойство матеріи вообще. Это подтверждается и тѣмъ, что движеніе безпредѣльно удаленныхъ отъ насъ тѣлъ подчиняется этому же принципу, которое служитъ основаніемъ механики. Давно замѣчено, напримѣръ, что звѣзда Сиріусъ имѣетъ нѣкоторыя особенности въ своихъ движеніяхъ. Эти движенія объясняются допущеніемъ, что Сиріусъ имѣетъ спутника; и вотъ оказывается, что движенія Сиріуса, зависящія отъ этого спутника, который по массѣ, вѣроятно, больше, чѣмъ самъ Сиріусъ, вполне согласны съ тѣми законами механики, которые выводятся изъ принципа инерціи.

Существуетъ, однако, исключеніе, повидимому несогласное съ принципомъ инерціи. Это исключеніе представляетъ собою всякое живое существо. Но, однако, отдѣльныя части животнаго и человѣка абсолютно инертны, а послѣ его смерти и вся его масса дѣлается инертною. На этомъ основаніи мы не можемъ не допустить, что въ живомъ тѣлѣ существуетъ нѣчто, чего въ мертвомъ тѣлѣ нѣтъ. Назовемъ это нѣчто хотя бы психическимъ началомъ; оно выражается внѣшнимъ образомъ проявленіями воли.

Всякое стремленіе объяснить это проявленіе механическимъ путемъ навсегда окажется бесплоднымъ. Весьма возможно, весьма даже вѣроятно, что всякое проявленіе воли сопровождается совершенно опредѣленными движеніями частицъ внутри мозга или нервовъ. Но этими движеніями частицъ нельзя, конечно, объяснить психическаго начала проявленія самой воли.

Приведемъ прекрасное сравненіе Роберта Майера. Онъ говоритъ: Всякая передача денешни требуетъ электрическаго тока, т.-е. растворенія цинка въ кислотѣ, содержащейся въ гальванической батарее. Это раствореніе цинка сопровождается передачу де-

пени; но оно не можетъ служить исходною точкою для объясненія или вывода содержания депеши.

Точно также движенія частицъ въ мозгу и въ нервахъ, могутъ быть, сопровождають проявленія воли, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для ихъ объясненія. Итакъ, одна изъ трехъ частей фундамента физики—принципъ инертности матеріи, неспособности ея, безъ внѣшнихъ побуждающихъ причинъ, измѣнять свое первоначальное состояніе. Уже Аристотель сказалъ: „Никто не можетъ сказать, отчего предметъ, приведенный въ движеніе, останавливается, и отчего онъ останавливается въ одномъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Поэтому тѣло должно или оставаться въ покоѣ, или двигаться безпредѣльно, пока нѣчто болѣе сильное этому движенію не воспрепятствуетъ“.

Впрочемъ, онъ въ то же самое время объяснялъ движеніе тѣла, пущеннаго хотя бы рукою, давленіемъ воздуха, находящагося позади этого тѣла.

Первый ученый, высказавшій ясно принципъ инерціи матеріи, былъ Галилей.

VI.

СОХРАНЕНІЕ ВѢЩЕСТВА И ЭНЕРГІИ.

Переходимъ во второму изъ трехъ основныхъ принциповъ физики—къ принципу сохраненія вещества, относительно котораго можемъ ограничиться нѣсколькими словами. Сущность его заключается въ томъ, что при всѣхъ измѣненіяхъ въ природѣ—вещество не уничтожается и вновь не создается. Всѣ химическія реакціи и измѣненія объясняются перестановками частицъ, но при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ полное количество вещества остается безъ измѣненія.

Этотъ принципъ подтверждается всѣми химическими явленіями; онъ можетъ считаться вполне достовѣрнымъ; на немъ мы долге останавливаться не будемъ.

Третій изъ фундаментальныхъ принциповъ—есть принципъ сохраненія энергіи.

Если мы будемъ слѣдить за измѣненіями, происходящими съ нѣсколькими опредѣленными, отдѣльно взятыми тѣлами, то оказывается, что не только полное количество матеріи, заключающееся въ нихъ, остается безъ измѣненія, но и весь запасъ энергіи, заключающійся въ разсматриваемой группѣ тѣлъ, не находящихся въ связи съ остальными тѣлами, остается постояннымъ.

Что выражается этимъ принципомъ? Что такое энергія?

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что называется работою: если преодолѣваются какія-либо сопротивленія, то мы говоримъ, что производится работа. Такъ, напримѣръ, когда приподнимается тяжесть, преодолевается стремленіе тѣла къ землѣ, то производится опредѣленная работа.

Способность производить работу и называется энергіей, и чѣмъ болшую работу опредѣленная группа тѣлъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, способна произвести, тѣмъ больше—говоримъ мы—въ этой группѣ тѣлъ заключается запаса энергіи.

Энергія встрѣчается разныхъ родовъ или въ различныхъ „формахъ“. Формы энергіи раздѣляются на двѣ большія группы: энергія бываетъ явная и скрытая. Простѣйшій примѣръ явной энергіи представляетъ намъ всякое движущееся тѣло. Ясно, что движущееся тѣло, ударяя о что-либо, можетъ преодолѣть сопротивленіе, а слѣдовательно произвести работу; слѣд. въ движущемся дѣлѣ есть запасъ способности произвести работу, т.-е. запасъ энергіи.

Энергія движущагося тѣла зависитъ прежде всего отъ его массы: чѣмъ больше масса, тѣмъ болший въ тѣлѣ запасъ энергіи; но, кромѣ того, энергія зависитъ еще отъ скорости движенія тѣла. Спрашивается: какова эта зависимость? Опытъ показываетъ, что если мы бросимъ вертикально вверхъ какое-нибудь тѣло, то оно поднимется до опредѣленной высоты. При этомъ оказывается, что если мы первоначальную скорость увеличимъ въ два раза, то тѣло поднимется въ четыре раза выше, причемъ будетъ произведена въ четыре раза болшая работа. Итакъ, если первоначальная скорость будетъ въ два раза болшая, то работа—въ четыре раза болшая; если первоначальная скорость была въ три раза болшая, то тѣло поднимется въ девять разъ выше, и слѣдовательно запасъ энергіи будетъ въ девять разъ больше, и т. д. Изъ этого ясно, что запасъ энергіи, заключающійся въ движущемся тѣлѣ, пропорціоналенъ квадрату скорости его движенія.

Каждый разъ, когда движущееся тѣло производитъ работу, поднимаясь наверхъ или ударяя въ другое тѣло, скорость его уменьшается, а слѣдовательно, уменьшается и запасъ его энергіи. Мы можемъ уже теперь высказать законъ, который гласитъ, что каждый разъ, когда тѣло производитъ какую-либо работу, запасъ энергіи или способности его производить дальнѣйшую работу уменьшается. Когда тѣло, поднимаясь кверху, производитъ работу, то скорость движенія его уменьшается, пока запасъ его энергіи не будетъ исчерпанъ.

Болѣ внимательное разсмотрѣніе показываетъ, что исчезновеніе энергіи видимаго движенія всегда только кажущееся; въ дѣйствительности же эта энергія только переходитъ въ другую форму. Такъ, напримѣръ, если два неупругія тѣла сталкиваются, то оба они останавливаются, и ихъ движеніе исчезаетъ, а слѣдовательно какъ будто исчезаетъ и весь запасъ ихъ энергіи. Но всѣмъ, конечно, извѣстно, что при этомъ ударѣ выдѣляется нѣкоторое количество теплоты, что вмѣсто исчезнувшей энергіи видимаго движенія является новая форма энергіи, а именно—теплота.

Мы считаемъ теплоту за движеніе частицъ; чѣмъ быстрѣе движутся частицы тѣла, тѣмъ болѣе въ немъ запасъ теплоты; поэтому переходъ движенія въ теплоту мы можемъ понимать какъ переходъ видимаго движенія цѣлой массы въ невидимое движеніе мельчайшихъ частицъ тѣла. Что теплота есть форма энергіи, т.-е., что теплота тѣла можетъ служить источникомъ работы, объ этомъ свидѣтельствуетъ нагрѣтый паръ, заключенный въ котлѣ паровой машины. Тщательные опыты показали, что если паръ, расширяясь въ цилиндрѣ, производитъ работу, то, въ этотъ моментъ, онъ охлаждается, т.-е. часть его теплоты исчезаетъ. Слѣдовательно и здѣсь подтверждается положеніе, что когда тѣло, заключающее въ себѣ запасъ энергіи, производитъ работу, то „эквивалентное“, т.-е. пропорціональное, этой работѣ количество энергіи должно исчезнуть.

Кромѣ той теплоты, которая опредѣляетъ температуру тѣлъ, существуетъ еще лучистая теплота, т.-е. та, которая лучеобразно испускается тѣлами. Эта теплота также есть видъ энергіи и она также представляетъ собою особаго рода движеніе, но движеніе уже не матеріальныхъ частицъ какаго-либо тѣла, а движеніе частицъ того эѳира, существованіе котораго, какъ уже было сказано, мы не можемъ не допустить и о которомъ придется говорить болѣе подробно впослѣдствіи.

Кромѣ двухъ формъ энергіи, энергіи движущагося тѣла и энергіи теплоты, существуетъ еще одна болѣе загадочная форма явной энергіи; это—энергія электрическаго тока.

Послѣднія главы будутъ посвящены попыткамъ объяснить явленія электрическаго тока; теперь мы ограничимся краткимъ указаніемъ на то, что мы не знаемъ, въ чемъ заключается сущность этого явленія, но — для насъ ясно и внѣ всякаго сомнѣнія, что электрическій токъ представляетъ собою особую форму энергіи, что другія формы энергіи могутъ переходить въ энергію электрическаго тока, и что электрическій токъ непрерывно перехо-

дять, какъ всѣмъ извѣстно, въ теплоту, слѣдовательно въ болѣе знакомую намъ форму энергіи. Что электрической токъ есть форма энергіи, явствуетъ изъ того, что онъ способенъ производить работу, причемъ оказывается также, что чѣмъ болѣе работу производить токъ, тѣмъ меньше въ проводникахъ этого тока выделяется теплоты, т.-е. что и въ рассматриваемомъ случаѣ части этой неизвѣстной намъ формы энергіи расходуются на работу, и только остальныя части превращаются въ теплоту.

Итакъ, существуютъ три формы явной энергіи: движеніе, теплота и электрической токъ.

Всѣ эти три формы выражаютъ способность производить работу; каждый разъ, когда производится такая работа, запасъ этой энергіи уменьшается.

Мы можемъ указать еще на одинъ случай кажущагося исчезновенія энергіи, въ дѣйствительности же являющійся превращеніемъ ея въ другую форму, еще незнакомую намъ, въ новую разновидность энергіи.

Представимъ себѣ, что нѣкоторое тѣло, пущенное вверхъ съ какою-либо первоначальною скоростью, приподнимается и, наконецъ, останавливается. Допустимъ, что тѣло пущено вверхъ рядомъ съ какою-либо башнею и что, въ тотъ моментъ, когда оно останавливается, съ крыши башни подъ него подставляется доска, на которой тѣло и остается въ покоѣ. Въ такомъ случаѣ тѣло представится какъ бы утратившимъ свою энергію, такъ какъ оно оказывается лежащимъ на крышѣ въ неподвижномъ состояніи. Но въ дѣйствительности энергія движенія тѣла не исчезла абсолютно.

Тѣло, находящееся наверху, обладаетъ особою формою энергіи, называемою скрытой энергіей приподнятаго тѣла.

Что приподнятое тѣло обладаетъ энергіею, которой тѣло, находящееся внизу, не имѣетъ, явствуетъ изъ того, что тѣло, которое находится наверху, можетъ опуститься внизъ и при этомъ произвести нѣкоторую работу. Представимъ себѣ, что мы къ такому тѣлу привяжемъ веревку, которая проходитъ вокругъ какаго-либо вала; тогда тѣло, падая внизъ, будетъ увлекать за собою веревку, вслѣдствіе чего валъ будетъ вращаться и этимъ приводить въ движеніе какую-либо машину. Слѣдовательно, тѣло, опускаясь внизъ, будетъ производить извѣстную работу, и вотъ эта способность поднятаго тѣла производить работу, является слѣдствіемъ присущаго ему особаго вида энергіи, которая и называется скрытою энергіею приподнятаго тѣла.

Такого рода энергія, независимая отъ движенія, но являющаяся въ связи съ положеніемъ тѣла, называется по-нѣмецки

„Energie der Lage“ и может быть по-русски названа также „энергіей положенія“.

Этотъ энергію положенія обладаетъ каждая пара взаимно притягивающихся тѣлъ, хотя бы и находящихся въ покоѣ. Взаимно притягиваясь, они могутъ, приближаясь другъ къ другу, производить нѣкоторую работу. То же самое можетъ происходить, когда два тѣла взаимно отталкиваются. Два магнита, отдаленные другъ отъ друга, хотя бы и находящіеся въ покоѣ, тѣмъ не менѣе обладаютъ запасомъ энергіи; приближаясь другъ къ другу, они въ состояніи произвести работу, слѣд. они заключаютъ въ себѣ запасъ энергіи. И въ этомъ случаѣ каждый разъ, когда притягивающіяся тѣла производятъ работу, ихъ запасъ энергіи уменьшается.

Такъ, напримѣръ, приподнятое тѣло можетъ работать только опускаясь; но чѣмъ болѣе оно опустится, тѣмъ меньше въ немъ останется запаса скрытой энергіи. То же самое относится и къ энергіи притягивающихся тѣлъ.

Послѣдній примѣръ скрытой энергіи, который мы еще рассмотримъ, представляютъ два такихъ тѣла, находящихся въ совершенномъ покоѣ, которыя способны химически соединиться между собою, съ выдѣленіемъ при этомъ теплоты. Какъ примѣръ, укажемъ на кусокъ угля и стеклянку, наполненную кислородомъ. Оба эти тѣла находятся въ покоѣ, но совокупность ихъ обладаетъ запасомъ скрытой энергіи, такъ-называемой энергіей химической, потому что уголь способенъ соединиться съ кислородомъ, т.е. горѣть, причѣмъ онъ будетъ выдѣлять теплоту. Въ результатъ при этомъ можетъ оказаться работа, потому что выдѣляющаяся при горѣніи теплота можетъ привести въ движеніе, напр., паровую машину. И въ этомъ случаѣ подтверждается, что когда производится работа, то запасъ энергіи уменьшается; по мѣрѣ того какъ уголь сгораетъ, запасъ энергіи въ немъ исчезаетъ, и когда весь уголь сгоритъ, то, конечно, весь запасъ химической энергіи въ немъ будетъ исчерпанъ.

Принципъ сохраненія энергіи заключается въ томъ, что при всѣхъ превращеніяхъ и измѣненіяхъ, которыя замѣчаются въ мірѣ, мы имѣемъ дѣло только съ переходомъ одного вида энергіи въ другой. Полный запасъ, все количество энергіи, заключающейся въ опредѣленной, отдѣльно взятой группѣ тѣлъ, остается при этомъ безъ измѣненія.

Можно далѣе сказать, что сущность всѣхъ физическихъ явленій и заключается въ этихъ видоизмѣненіяхъ и превращеніяхъ энергіи. Строго доказать справедливость этого принципа нельзя.

Мы не въ состояніи прослѣдить достаточно точными измѣреніями всѣ измѣненія энергіи, которая то проявляется, то исчезаетъ. Но всѣ явленія происходятъ вполне согласно съ этимъ основнымъ принципомъ; во всѣхъ явленіяхъ, безъ исключенія, въ звуковыхъ, тепловыхъ, электрическихъ и т. д., вездѣ принципъ сохраненія энергіи оказывается соблюденнымъ. Не всегда легко, хотя бы мысленно, прослѣдить за послѣдовательными превращеніями энергіи, и для этого требуется довольно большой навыкъ. Укажемъ на два примѣра. Положимъ, что мы бросаемъ камень; онъ поднимается, затѣмъ падаетъ и, наконецъ, остается гдѣ-нибудь на землѣ въ покоѣ. Что тутъ произошло, какія превращенія энергіи имѣли мѣсто? Въ нашихъ мышцахъ имѣется запасъ энергіи, которая поддерживается горѣніемъ органическихъ веществъ, т.-е. соединеніемъ ихъ съ кислородомъ воздуха, что происходитъ съ выдѣленіемъ теплоты. Въ тотъ моментъ, когда мы бросаемъ камень, и слѣд. производимъ работу, определенное количество этого запаса теплоты въ мышцахъ исчезаетъ и взамѣнъ ея проявляется явная энергія движущагося тѣла. Тѣло движется вверхъ, движеніе его замедляется, причѣмъ уменьшается и его энергія; наконецъ оно останавливается. Въ этотъ моментъ явная энергія движенія вся превратилась въ скрытую энергію приподнятаго груза.

Затѣмъ тѣло начинаетъ падать обратно внизъ; при этомъ скрытая энергія вновь превращается въ явную; въ моментъ удара камня о землю, явная энергія его движенія превращается въ энергію тепловую. При полученіи электрическаго тока мы имѣемъ сначала скрытую химическую энергію внутри гальванической батареи, въ которой таковою обладаютъ цинкъ и кислота, способные химически соединиться между собою.

При раствореніи цинка, т.-е. соединеніи его съ кислотою, энергія химическая не превращается прямо въ теплоту, но сперва переходитъ въ неразгаданную пока форму энергіи электрическаго тока и затѣмъ немедленно въ теплоту. Слѣдовательно результатъ тотъ же самый, какъ еслибы цинкъ просто былъ растворенъ въ кислотѣ, но только вмѣсто того, чтобы вся теплота выдѣлялась внутри батареи, энергія сперва принимаетъ другую, переходную, форму и затѣмъ, распредѣлившись по всему проводнику, — переходитъ въ энергію тепловую.

VII.

СОХРАНЕНІЕ ЭНЕРГІИ.

Принципъ сохраненія энергіи, въ особенности та сторона его, которая учитъ о существованіи двухъ родовъ энергіи—явной и скрытой, привелъ къ рѣшенію стариннаго вопроса о несоотвѣтствіи между причиною и слѣдствіемъ. Въ большинствѣ явленій, повидимому, подтверждается старинное положеніе: „causa aequat effectum“, т.-е. причина соотвѣтствуетъ дѣйствию или слѣдствію. Существуетъ, однако, и большое число кажущихся исключеній. Въ 1738 году парижская академія предложила на соисканіе преміи тему „О природѣ и распространеніи огня“. Главная задача, повидимому, заключалась въ томъ, что требовалось разъяснить очевидное при дѣйствіи огня несоотвѣтствіе между причиною и слѣдствіемъ. Одна ничтожная искра, какъ причина, имѣетъ слѣдствіемъ громадный пожаръ и уничтоженіе цѣлаго города. Всѣ работы, представленныя на соисканіе преміи, исходили изъ того представленія, что теплота есть особое вещество. Примѣровъ такого кажущагося несоотвѣтствія между причиною и слѣдствіемъ много. Извѣстно, что въ настоящее время цѣлыя скалы разрываются на части дѣйствіемъ взрыва, который производится ничтожнымъ надавленіемъ на пуговку (для замыканія электрическаго тока). Представимъ себѣ, далѣе, громоздкій механизмъ, остановленный вслѣдствіе ничтожнаго препятствія, дѣйствующаго на одну его точку. Стоитъ только удалить эту задерживающую причину, и весь механизмъ приходитъ въ движеніе.

Громадная глыба снѣга отъ ничтожнаго сотрясенія воздуха приходитъ въ движеніе, начинаетъ падать и производитъ ужасныя опустошенія.

Во всѣхъ случаяхъ такого кажущагося несоотвѣтствія причины со слѣдствіемъ, то, что считается за причину явленія, не есть въ дѣйствительности причина. Истинная причина всѣхъ упомянутыхъ явленій заключается въ существованіи громаднаго запаса скрытой энергіи, которая способна перейти въ явную, т.-е. въ теплоту или въ движеніе. Этому переходу скрытой энергіи въ явную что-то мѣшаетъ; мы отнимаемъ мѣшающую причину, и переходъ скрытой энергіи въ явную осуществляется; онъ начинается немедленно по устраненіи мѣшающей причины; а разъ онъ начался, то уже будетъ продолжаться дальше самъ собою.

Приведемъ для разъясненія таковой примѣръ. На верху зда-

ня имѣется резервуаръ воды, такъ-называемый бакъ, отъ котораго проведена труба внизъ во всѣ квартиры дома. Мы открываемъ кранъ и забываемъ его закрыть, отъ чего происходитъ затопленіе всѣхъ нижнихъ этажей дома.

На вопросъ: отчего произошелъ этотъ несчастный случай?— отвѣтимъ: потому что кранъ остался открытымъ. Однако истинная причина этого случая кроется не въ открытомъ кранѣ, а въ томъ, что на верху дома имѣлся большой запасъ воды (запасъ скрытой энергіи приподнятаго груза), которая способна опускаться по трубѣ и произвести затопленіе дома; что же касается крана, то онъ былъ только то „нѣчто“, что мѣшало опусканію воды.

Такого рода дѣйствіе, которое дѣлаетъ возможнымъ переходъ запаса скрытой энергіи въ явную, мы можемъ назвать—дѣйствіемъ освобождающимъ. Искра производитъ пожаръ, но причина пожара, конечно, заключается въ существованіи массы горючаго матеріала и того кислорода воздуха, съ которымъ матеріаль этотъ можетъ соединиться.

Искра играетъ лишь роль освободителя; то же самое можно сказать во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ. На самое освобожденіе, т.-е. на то, чтобы начать процессъ перехода скрытой энергіи въ явную, строго говоря, требуется работа, равная нулю. На нажатіе пуговки требуется весьма ничтожное усиліе, но это усиліе не производитъ взрыва, а служитъ лишь для освобожденія громаднаго запаса скрытой энергіи мины.

Спрашивается: какъ относится міръ животныхъ къ принципу сохраненія энергіи?

Не разъ было высказано, даже выдающимися учеными, что явленія животнаго міра противорѣчатъ этому основному принципу. Но такое мнѣніе является ошибочнымъ. При всѣхъ измѣненіяхъ, превращеніяхъ и т. д., которыя происходятъ въ животномъ организмѣ, замѣчается вполне строгое соблюденіе принципа сохраненія энергіи. Психическія отправленія служатъ только для того, чтобы распоряжаться запасомъ скрытой энергіи, находящейся въ тѣлѣ животнаго или человѣка. Я хочу—и поднимаю грузъ; но на эту работу я долженъ потратить совершенно опредѣленное количество энергіи, которую долженъ извлечь изъ запаса, находящагося въ моемъ тѣлѣ.

Такимъ образомъ вполне выясняется истинная роль, которую играетъ воля, когда человѣкъ или животное производятъ какое-нибудь дѣйствіе. Воля именно и производитъ тѣ освобожденія, о которыхъ только-что было сказано.

Въ тѣлѣ человѣка или животнаго всегда находится запасъ скрытой энергіи въ той или другой формѣ, напримѣръ, въ видѣ химической энергіи, т.-е. въ тѣлѣ есть органическія вещества, которыя способны соединиться съ кислородомъ воздуха, есть возможность получить, когда это соединеніе происходитъ, теплоту, а изъ нея и другія формы энергіи.

Воля какъ бы отодвигаетъ мѣшающую причину, вслѣдствіе чего происходитъ то, что мы назвали „освобожденіемъ“. Это чисто психическій актъ, на который вовсе не затрачивается энергія. Такое разъясненіе роли, которую играетъ воля, показываетъ, какимъ образомъ принципъ сохраненія энергіи оказывается соблюденнымъ въ царствѣ организмовъ, надѣленныхъ жизнью, сознаниемъ и волею, но никто не станетъ смѣшивать этого разъясненія съ совершенно бесплодною попыткою объяснить сущность жизни, сознанія и воли.

Разсмотримъ нѣсколько ближе такъ-называемую эквивалентность между работою и теплотою.

Обыкновеннымъ результатомъ производимой работы является во многихъ случаяхъ теплота. Спрашивается: какая должна быть произведена работа, чтобы результатомъ ея явилось опредѣленное количество теплоты? Всѣмъ, конечно, извѣстно, что всякаго рода величины могутъ быть измѣрены и что для всякаго измѣренія необходимо имѣть опредѣленную единицу. За единицу количества теплоты берется то количество ея, которое способно нагрѣть одинъ килограммъ воды на 1° Ц. Эта единица количества теплоты называется калоріей. За единицу работы мы принимаемъ ту работу, которая производится, когда тѣло, вѣсъ котораго одинъ килограммъ, поднимается на высоту одного метра. Эта единица работы называется килограммо-метромъ. Вопросъ является, слѣд., въ такой формѣ: одна калорія теплоты, превращаясь въ работу, сколько можетъ произвести работы? или, формулируя точнѣе: одна калорія сколько даетъ килограммо-метровъ работы? или—наоборотъ: сколько нужно затратить килограммо-метровъ работы, чтобы результатомъ получилась одна калорія теплоты?

Вопросъ этотъ можно формулировать еще нѣсколько иначе. Представимъ себѣ, что нѣкоторое тѣло падаетъ съ высоты на землю, напр., одинъ килогр. воды падаетъ съ высоты 400 метр. Чтобы поднять это количество воды на ту же высоту, надо произвести работу въ 400 килограммо-метровъ. Когда вода падаетъ внизъ, эта работа превращается въ теплоту; спрашивается: съ какой высоты долженъ падать одинъ килограммъ воды, для того, чтобы,

въ моментъ удара о землю, онъ нагрѣлся какъ разъ на 1° Ц.? Число килограммо-метровъ работы, которая въ результатѣ можетъ дать одну калорію, называется механическимъ эквивалентомъ теплоты. Весьма точныя измѣренія показали, что это число равно 424, т.-е., что если вода упадетъ на землю съ высоты 424 метровъ, то въ моментъ удара она нагрѣется на 1° Ц. Какимъ образомъ могло быть найдено это число? Для того, чтобы опредѣлить его, необходимо было рассмотретьъ разные случаи превращенія работы въ теплоту, измѣрить количество произведенной работы и количество теплоты, которая при этомъ получалась; такъ какъ существуютъ весьма различные случаи перехода работы въ теплоту (ударъ, треніе, сжатіе и т. д.), то и въ весьма значительномъ числѣ различныхъ случаевъ могли быть произведены таковыя измѣренія. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ случаяхъ всегда оказывалось, что въ результатѣ опредѣленной произведенной работы всегда получается одно и то же опредѣленное количество теплоты, а именно, одна калорія теплоты на каждые 424 килограммо-метра работы. Принципы сохраненія энергіи были установлены работами Р. Мейера, Гельмгольца и Джуля въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, но слѣды указаній на постоянство, т.-е. неуничтожаемость матеріи и силы, можно найти гораздо раньше. Эпикуръ, за 300 лѣтъ до Р. Хр., сказалъ, что полное количество всего движенія въ мірѣ должно оставаться неизмѣннымъ. Лукрецій (род. въ 99 г. до Р. Хр.), говоритъ, что „вещество не увеличивается и не уничтожается, и что движеніе, заключающееся въ веществѣ, сохраняется, ибо нѣтъ мѣста, куда бы могли уйти частицы или откуда новыя силы могли бы ворваться и измѣнить состояніе тѣлъ“.

Декартъ (1644 г.) писалъ, что „послѣдняя причина всякаго движенія—Богъ; такъ какъ Богъ вѣчно остается неизмѣннымъ, то и количество движенія въ мірѣ должно оставаться постояннымъ“.

Лейбницъ высказалъ такую мысль: „міръ—система тѣлъ, не находящихся въ связи съ тѣлами, лежащими внѣ міра; поѣтому въ нихъ сохраняется всегда одна и та же сила“. При ударѣ тѣлъ движеніе передается ихъ частицамъ.

О. Хвольсонъ.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

Соч. Уильяма Коллинза.

IV *).

Мистриссъ Прести не очень преувеличила, когда описала свою избалованную внучку какъ „ребенка, который не привыкъ ждать чего-нибудь со дня рожденія“. Гувернанткамъ вообще не легко было бы произвести хорошее впечатлѣніе на Китти и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться необходимымъ для наставницы авторитетомъ. Избалованныя дѣти (хотя бы моралисты и утверждали противное) бывають большею частью общительныя и ласковыя дѣти, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они приходятъ въ столкновение съ злосчастными лицами, которымъ поручено накачивать ихъ званіемъ. Мистеръ и мистриссъ Линлей (съ прискорбіемъ сознавая, что слишкомъ любили свою единственную дочь, чтобы ее дисциплинировать) съ тревогой ждали того момента, когда миссъ Уэстерфильдъ водворится въ классной комнатѣ. Но, въ ихъ удивленію и радости, оказалось, что никакихъ поводовъ въ тревогѣ не существуетъ. Не дѣлая никакихъ попытокъ, чтобы утвердить свой авторитетъ, новая гувернантка успѣла тамъ, гдѣ болѣе зрѣлыя и опытыя женщины потерпѣли бы полное фіаско. Тайна торжества Сидни надъ неблагопріятными обстоятельствами заключалась въ самой Сидни.

Все въ повседневной рутинѣ въ Моунтъ-Морвенѣ было

---

*) См. выше: янв., 248 стр.

источникомъ наслажденія и удивленія для несчастнаго существа, которое, въ продолженіе шести-лѣтняго пребыванія въ школѣ тетки, испытало только одни оскорбленія, жестокости и лишенія. Куда бы она только ни оглянулась въ своей новой сферѣ дѣйствія, вездѣ она видѣла добрыя лица и слышала ласковыя слова. За обѣдомъ, подаваемыя купанья представляли такой образецъ кулинарнаго искусства, о какомъ она никогда и не слыхивала. Когда она гуляла со своей ученицей, то онѣ могли ходить куда имъ вздумается и сколько вздумается, лишь бы только не опаздывать къ обѣду. Дышать чудеснымъ воздухомъ, глядѣть на красивые виды, было такъ весело и пріятно, по собственному сознанію Сидни, что она сіяла удовольствіемъ. Она бѣгала на перегонки съ Китти, и никто ее за это не бранилъ. Когда она отдыхала, выбившись изъ силъ, то ничей безжалостный голосъ не кричалъ: „будеть лѣнтяйничать, иди заниматься“.—Она собирала полевые цвѣты, какихъ до сихъ поръ никогда не видывала, и никто не считалъ этого преступленіемъ. Китти говорила ей названія цвѣтовъ и лѣтнихъ насѣкомыхъ и такъ радовалась и гордилась, что и ей тоже приходится чему-нибудь учить свою гувернантку, что принималась пѣть и, уставши, приставала къ Сидни:—„пойте теперь вы“.—Увы, бѣдная Сидни не пѣла съ тѣхъ самыхъ счастливыхъ дней дѣтства, когда отецъ рассказывалъ ей волшебныя сказки и училъ ее пѣть пѣсни. Она всѣ ихъ давно позабыла.—„Я не могу пѣть Китти, не могу“.—Ученица, услыхавъ это печальное признаніе, снова превратилась въ гувернантку.

— Повторяйте за мной слова, Сидъ, и голосъ.

Онѣ такъ громко смѣялись во время этого урока пѣнія, что эхо передразнивало ихъ и тоже смѣялось. Заглянувъ въ классную комнату, мистриссъ Линлей увидѣла, что и ученіе не было позабыто. Уроки шли своимъ чередомъ, безъ всякой помѣхи или затрудненій. Китти была неспособна разочаровать своего друга или товарища игръ, который облегчалъ ученіе улыбкой или поцѣлуемъ. Равновѣсіе авторитета отлично регулировалось въ жизни этихъ двухъ простыхъ существъ. Въ классной комнатѣ гувернантка учила ребенка, внѣ классной комнаты—ребенокъ училъ гувернантку. Раздѣленіе труда—вотъ принципъ, который торжествовалъ въ Моунтъ-Морвенѣ, хотя никто этого не подозрѣвалъ. Но по мѣрѣ того какъ проходили недѣли, одно замѣчательное обстоятельство проявилось съ такою очевидностью, что его всѣ замѣтили въ домѣ. Жалкая Сидни Уэстерфильдъ, которую всѣ жалѣли, мало-по-малу превратилась въ хорошенькую дѣвушку, которую всѣ восхищались.—То была не простая перемена, а

настоящее превращеніе. Китти стащила ручное зеркало изъ будуара матери и настояла, чтобы гувернантка въ него поглядѣлась.

— Папа говоритъ, что вы потолстѣли какъ куропатка, а мамаша, — что вы свѣжи какъ роса, — шлетничала Китти: — а дядя Рандаль качаетъ головой и говоритъ имъ, что онъ предвидѣлъ это съ самаго начала. Я слышала, какъ они объ этомъ разговаривали, когда играла въ куклы, а теперь хочу знать, какъ вы сами себя найдете.

— Намъ, я думаю, пора, моя милая, заняться уроками.

— Подождите, Сидъ, мнѣ еще нужно вамъ нѣчто сказать.

— Что такое?

— Про папа. Онъ вѣдь теперь всегда ходитъ съ нами гулять.

— Да.

— Онъ не ходилъ со мной гулять, пока васъ не было. Я думала объ этомъ, и увѣрена, что папа васъ любитъ. Что вы ищете?

— Ваши учебники, милочка.

— Да... но я еще не кончила. Папа много говоритъ про васъ, а вы никогда про него не говорите. Развѣ вы его не любите?

— О! Китти!

— Значить, вы его любите?

— Какъ же я могу его не любить! Я всѣмъ своимъ счастьемъ обязана вашему папѣ.

— Вы его любите больше, нежели маму?

— Я была бы неблагодарная, если бы кого-нибудь любила больше вашей мамы.

Китти подумала немного, затѣмъ покачала головой.

— Я этого не понимаю. Что вы хотите сказать?

Сидни вытерла грифельную доску своей ученицы и, написавъ на ней задачу, положила доску передъ ученицей, не говоря ни слова.

Китти подозрительно отнеслась къ молчанію своей учительницы.

— Можетъ быть, вамъ не нравится, что я васъ объ этомъ спрашиваю, или вы хотите меня помучить?

Сидни вздохнула и отвѣтила:

— Я сама мучусь.

V.

Осенью гости съѣхались въ замокъ Моунтъ-Морвенъ, и м-ръ и м-съ Линлей пригласили всѣхъ сосѣдей на большой обѣдъ. Съ обычною внимательностью, м-съ Линлей не забыла Сидни, разсылая пригласительные билеты.—За обѣденнымъ столомъ у насъ сегодня рѣшительно нѣтъ мѣста,—замѣтила она мужу:—Не лучше ли пригласить миссъ Уэстерфильдъ на вечеръ вмѣстѣ съ Китти?

— Пожалуй,—отвѣчалъ Линлей, нерѣшительно.

— Ты какъ будто не совсѣмъ этимъ доволенъ, Гербертъ?

— Я думаю...

— Что ты думаешь?

— Есть ли платье у миссъ Уэстерфильдъ, которое было бы прилично для вечера?

Жена Линлея поглядѣла на него, какъ бы не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Подумать, что мужчинѣ пришло это въ голову!—вскричала она.—Гербертъ, ты меня удивляешь!

Линлей смущенно разсмѣялся.

— Не знаю самъ, какъ это мнѣ пришло въ голову... можетъ быть, потому, что она каждый день ходитъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Платье очень миленькое, но (можетъ быть, я ошибаюсь) нѣсколько потасканное.

— Честное слово, ты внимательнѣе къ миссъ Уэстерфильдъ, чѣмъ ко мнѣ! Что бы я ни надѣла, ты никогда не замѣчаешь моего костюма.

— Извини, Катя, я знаю, что ты всегда хорошо одѣта.

Эта маленькая лестъ вернула ему прежнее мѣсто въ уваженіи жены.

— Теперь я скажу тебѣ о томъ, что я сдѣлала. Моя портниха шьетъ платье миссъ Уэстерфильдъ. Я его подарю ей отъ твоего имени.

— Ты шутишь?

— Нисколько. Завтра—день рожденія Сидни, и вотъ мой подарокъ.

Она раскрыла футляръ и вынула изъ него гладкій золотой браслетъ.—Это Китти придумала,—сказала она, показавъ внутри браслета миниатюрный портретъ ребенка. Гербертъ прочиталъ надпись: „Сидни Уэстерфильдъ въ знакъ дружбы отъ Катерины Линлей.“

Онъ молча подаль обратно браслетъ женѣ. Онъ казался серьезнѣе обыкновеннаго и поцѣловалъ ея руку.

Этотъ день остался памятнымъ для Сидни.

Впервые въ жизни она увидѣла на себѣ, глядясь въ зеркалѣ, хорошенькое платьѣ и золотой браслетъ на рукѣ. Если принять во вниманіе, какъ мужчинамъ (съ одной стороны) и модисткамъ (съ другой) выгодно тщеславіе женщинъ, то нельзя причислить его къ числу пороковъ, а надо признать добродѣтелью. Каждая женщина, если захочетъ быть правдивой, сознается, что чувство удовлетвореннаго тщеславія было ея первымъ и будетъ послѣднимъ удовольствіемъ. Сидни заперла дверь и стала глядѣться въ зеркало, въ профиль, en face, въ спину (черезъ плечо), причемъ глаза ея сверкали, а щеки горѣли отъ гордости и удивленія. Она кланялась невидимымъ гостямъ въ своемъ новомъ платьѣ и граціозно пожимала воображаемыя руки, выставляя на показъ браслетъ. Но вдругъ, все еще стоя передъ зеркаломъ, она стала серьезна и задумчива. Ея мысли остановились на добромъ и миломъ м-рѣ Линлейѣ.

Она съ тревогой спрашивала себя, что онъ подумаетъ о ней, и въ эту самую минуту Китти—тоже въ новомъ платьѣ и такая же радостная и довольная, какъ и ея гувернантеа—обоими кулаками застучала въ дверь, провозгласивъ возвѣщая о томъ, что пора идти въ гостиную. Волненіе Сидни отъ мысли встрѣтиться съ гостями въ гостиной только придавало ей новую прелесть. Застѣнчиво слѣдуя за своей воспитанницей, вмѣсто того, чтобы вести ее за собой, она была такъ мила, что дамы, собравшіяся въ гостиной, прекратили разговоры и уставились на нее. Немногія искренно восхищались хорошенькой гувернанткой Китти; большинство нашло неразумнымъ со стороны м-съ Линлей пригласить въ домъ такую молоденькую и хорошенькую дѣвушку. Когда джентльмены пришли изъ столовой, Сидни настолько оправилась отъ смущенія, что могла наблюдать за тѣмъ, что происходило, и снова подумала о томъ, какъ понравится ея платьѣ мистеру Линлею.

Мистеръ Линлей, безъ сомнѣнія, слѣдилъ за ней... издали. Онъ взглянулъ на нее съ любопытствомъ и восхищеніемъ, отчего Сидни (которая чувствовала къ нему благодарную и безгрѣшную привязанность) задрожала отъ удовольствія; онъ даже выступилъ впередъ, какъ бы собираясь подойти къ ней, но передумалъ и смѣшался съ гостями. Она видѣла его разговаривающимъ съ ними то въ одной комнатѣ, то въ другой. Единственнымъ лицомъ, на которое онъ не обращалъ ровно никакого

вниманія и даже не глядѣль — была бѣдная дѣвушка, которой его одобреніе было дороже жизни. Она никогда еще не чувствовала себя такой несчастной въ жизни. Ни даже тогда, когда была въ школѣ у тетки!

Одна изъ дамъ, мистриссъ Макъ-Эдвинъ, которой она особенно понравилась, дотронулась до ея руки. — Что съ вами, моя мн-лочка? Вы поблѣднѣли. Не душно ли вамъ здѣсь? — пойдите въ другую комнату.

Сидни искренно поблагодарила даму за ея участіе. Она извинилась тѣмъ, что у нея голова болитъ, и попросила позволенія уйти къ себѣ наверхъ.

Подходя къ дверямъ, она столкнулась лицомъ къ лицу съ м-ромъ Линкеемъ. Онъ только-что отдалъ нѣсколько приказаній одному изъ слугъ и возвращался въ гостиную. Она остановилась, дрожа и вся похолодѣвъ. Но въ самой глубинѣ своего несчастія почерпнула мужество съ нимъ заговорить.

— Вы какъ будто избѣгаете меня, м-ръ Линлей, — начала она, обращаясь къ нему съ церемонной почтительностью. — Я надѣюсь... — она колебалась съ минуту и съ отчаяніемъ взглянула на него... — я надѣюсь, что ничѣмъ васъ не разсердила?

До сихъ поръ онъ всегда говорилъ съ нею съ улыбкой. И она никогда еще не видѣла его такимъ серьезнымъ и невнимательнымъ. Глаза его, оббѣгая вокругъ комнаты, остановились на м-съ Линлей, блестящей, красивой и весело смѣявшейся. Почему онъ глядѣль на жену съ явнымъ смущеніемъ на лицѣ? Сидни жалобно повторила свой невинный вопросъ:

— Я надѣюсь, что ничѣмъ васъ не разсердила?

Онъ все еще какъ-будто не хотѣль глядѣть на нее — и это тогда, когда она была особенно авантюжна! — но отвѣчалъ, наконецъ:

— Милое дитя мое, вы не можете ничѣмъ разсердить меня: вы меня не поняли, и перетолковали мое поведеніе. Пожалуйста, не думайте, что я перемѣнился къ вамъ или когда-нибудь перемѣнюсь.

Онъ съ удареніемъ произнесъ послѣднія слова и протянулъ ей руку для вѣщаго усвоенія.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ отошелъ отъ нея. Сомнѣнія въ этомъ не было: онъ поспѣшно отошелъ, какъ бы желая отвязаться отъ нея. Она замѣтила, что губы его были стиснуты, а брови наморщены: у него былъ видъ челоуѣа, принуждающаго себя къ чему-то для него тяжелому и несносному.

Сидни вышла изъ комнаты въ отчаяніи.

Онъ самымъ положительнымъ и добродушнымъ образомъ отрицалъ, что переѣхался въ ней. Развѣ этого не достаточно? Конечно, недостаточно. Факты говорятъ совсѣмъ противное: онъ былъ не тотъ человѣкъ; тревога, раскаяніе, печаль, угрызеніе совѣсти — что-то въ немъ происходило новое. Судя по веселости м-съ Линлей, онъ не бралъ жены въ повѣренныя.

Что все это означало? О! какой это бесполезный, безнадежный вопросъ! Но она снова и снова задавала его себѣ: что бы это означало?

Въ смятеніи она мѣшкала пройти въ свою комнату и остановилась въ концѣ коридора.

По правую руку, широкая дубовая лѣстница вела въ спальныя комнаты, расположенныя во второмъ этажѣ дома. По лѣвую руку, въ открытую дверь видны были каменные ступеньки, которыя вели съ террасы въ садъ. Луна ярко освѣщала цвѣтники и лужайки, и соблазнила ее выйти полюбоваться ими. Ее ожидали мученія безсонной ночи, если она уйдетъ къ себѣ въ комнату. Свѣжій ночной воздухъ врывался въ дверь; озаренный луною садъ какъ бы манилъ ее къ себѣ. Любопытныхъ слугъ не было видно кругомъ. Ничей нескромный глазъ не могъ ее видѣть сверху. Сидни взяла съ вѣшалки шляпу и пальто и вышла въ садъ.

VI.

Обѣдъ кончился; сосѣди разѣхались, а дамы, гостившія въ Моунтъ-Морвенѣ, разошлись спать.

Идя въ свою комнату, мистриссъ Прести постучалась въ дверь дочери. — Мнѣ надо поговорить съ тобой, Катя. Ты уже легла?

— Нѣтъ, мама. Войдите.

Въ нарядномъ бѣломъ съ голубымъ пеньюарѣ, миссисъ Линлей сидѣла въ мягкихъ креслахъ и размышляла о протекшемъ вечерѣ. — Это самый удачный изъ всѣхъ нашихъ вечеровъ, — сказала она матери. — Замѣтили вы, какъ была мила миссъ Уэстерфильдъ въ своемъ новомъ платьѣ?

— Я пришла поговорить съ тобой объ этой дѣвушкѣ. Я была лучшего о ней мнѣнія, когда она только-что сюда пріѣхала. Теперь мое мнѣніе измѣнилось къ худшему.

Мистриссъ Линлей показала на открытую дверь, которая вела въ другую спальню. — Говорите тише, или вы разбудите Китти, — предостерегла она. — Что такое сдѣлала миссъ Уэстерфильдъ, чтобы упасть въ вашемъ мнѣніи?

Осторожная мистриссъ Прести просила позволенія пока умо- лять объ этомъ.

— Я говорю теперь о той переменѣ, какая произошла въ твоей гувернантѣ, когда она уходила изъ гостиной, и которую ты тоже могла замѣтить. Она о чемъ-то поговорила съ Гербер- томъ и стала послѣ того мрачна, какъ туча.

Мистриссъ Линлей откинулась на подушку кресла и расхо- талась.

— Мрачна, какъ туча? Бѣдная крошка Сидни, какое смѣш- ное выраженіе! Прошу прощенья, мама, не сердитесь.

— Напротивъ, душа моя, я приятно удивлена. Твой бѣдный отецъ—человѣкъ, замѣчательно умно судившій о многихъ вещахъ —былъ невысокаго мнѣнія о твоёмъ умѣ. Онъ, повидимому, оши- бался; по крайней мѣрѣ, ты унаслѣдовала отъ него юморъ. Какъ бы то ни было, я не за этимъ пришла. Я пришла съ хорошею вѣстью: когда мы пожелаемъ избавиться отъ миссъ Уэстер- фильдъ...

Негодование мистриссъ Линлей выразилось во взглядѣ, заставив- шемъ замолчать ея мать. Но мистриссъ Прести не легко было сму- тить, и на ея лицѣ появилось выраженіе повиннаго удивленія, ко- торое на сценѣ вызвало бы громъ рукоплесканій.—Что я такого сказала тебѣ неприятнаго?—спросила она.—Право же, моя душа, ты съ мужемъ—самые необыкновенные люди.

— Неужели вы хотите этимъ сказать, мама, что говорили Герберту то, что мнѣ сейчасъ сообщили?

— Разумѣется. Я упомянула объ этомъ Герберту вечеромъ. Онъ былъ очень со мной грубъ. Онъ сказалъ: „скажите миссисъ Макъ-Эдвинъ, чтобы она не совала своего носа, куда не спра- шиваютъ, и сами покажите ей въ томъ примѣръ“.

Мистриссъ Линлей, въ свою очередь, съ удивленіемъ взглянула на мать, но безъ всякаго желанія произвести эффектъ.—Какимъ образомъ сюда припуталась мистриссъ Макъ-Эдвинъ?

— Если ты только дашь мнѣ договорить, Катя, то я съ удо- вольствіемъ объяснюсь. Ты видѣла, конечно, что мистриссъ Макъ- Эдвинъ разговаривала со мной вечеромъ. Миссъ Уэстерфильдъ совсѣмъ вскружила голову этой доброй женщинѣ—слабую голову, по признанію всѣхъ ея друзей.—„Первый долгъ гувернантки (ска- зала мнѣ эта глупая женщина),—это заслужить расположеніе своей воспитанницы. Моя гувернантка совсѣмъ не сумѣла заставить дѣтей полюбить себя. У нея гадкій характеръ; я должна была отказать ей. Поглядите теперь на эту кроткую дѣвушку съ ва- шей внучкой. Признаюсь вамъ, что я готова плакать, видя, какъ

онѣ понимаютъ и любятъ другъ друга“.—Я передаю чепуху нашей милой пріятельницы *verbatim* (какъ мы обыкновенно выражались, когда были въ парламентѣ, во времена м-ра Нормана) ради того, что слѣдуетъ дальше. Если бы, по счастливому случаю, миссъ Уэстерфильдъ оказалась безъ мѣста, то домъ мистриссъ Макъ-Эдвинъ открытъ для нея—во всякое время и на какихъ угодно условіяхъ. Я обѣщала переговорить съ тобой, и исполняю обѣщаніе. Хорошенько подумай объ этомъ; я настоятельно приглашаю тебя подумать объ этомъ.

Добродушная мистриссъ Линлей отказалась исполнить это требованіе.

— Я, разумѣется, не буду думать о томъ, чего не можетъ быть. Покойной ночи, мамаша.

— Покойной ночи, Катя. Твой нравъ не улучшается съ годами. Быть можетъ, у тебя разстроились нервы отъ утомительнаго вечера. Постарайся заснуть прежде, нежели Гербертъ придетъ изъ курительной комнаты и разбудитъ тебя.

Мистриссъ Линлей не захотѣла пропустить этого замѣчанія безъ протеста.

— Гербертъ слишкомъ внимателенъ, чтобы будить меня, когда пріятели задержатъ его. Для этихъ случаевъ, какъ вы можете сами убѣдиться, у него есть постель въ уборной.

Мистриссъ Прести заглянула въ уборную.

— Очень покойная постель, — пробормотала она, но достаточно громко, чтобы дочь могла услышать.—Желала бы я только знать, спитъ ли Гербертъ на ней?

По дорогѣ къ себѣ, ей пришлось проходить мимо дверей комнаты Сидни. Она вдругъ остановилась. Дверь была не притворена. Обстоятельство само по себѣ довольно подозрительное.

Молоды или стары леди, все равно, у нихъ не въ обычаѣ оставлять двери своей спальни раскрытыми. Строгое сознаніе долга заставило м-съ Прести прислушаться. Она не услышала дыханія спящаго человѣка. Строгое сознаніе долга заставило миссъ Прести войти въ комнату и даже побудило ее подойти на цыпочкахъ къ постели. Постель была пуста; и одѣяло, и простыни—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ прибрали съ утра!

Старая леди вышла въ корридоръ въ такомъ волненіи, что даже похорошѣла. Она казалась почти молодой, когда мысленно перебирала списокъ пороковъ и преступленій, въ которыхъ можетъ провиниться гувернантка, которая, уйдя спать въ одиннадцать часовъ, еще не лежала въ кровати въ полночь. По зрѣломъ размышленіи, она подумала, что, быть можетъ, миссъ Уэстер-

фильдъ приготовляетъ тѣ упражненія, которыя задастъ на другой день своей ученицѣ. Мистриссъ Прести сошла въ классную комнату, находившуюся въ первомъ этажѣ.

Нѣтъ. Здѣсь также никого не было.

Гдѣ же была миссъ Уэстерфильдъ?

Можно ли представить себѣ, что она настолько дерзка, что присоединилась къ курящимъ мужчинамъ? Даже подумать объ этомъ нелѣпо.

Тѣмъ не менѣе, минуту спустя, мистриссъ Прести стояла у дверей курительной комнаты и прислушивалась. Мужскіе голоса громко раздавались; они говорили о политикѣ. Она поглядѣла въ замочную скважину; вурильщики были одни. Если бы домъ не былъ полонъ гостей, м-съ Прести подняла бы тревогу. Но теперь опасеніе скандала, который могъ невыгодно отозваться на всей семьѣ, принудило ее дѣйствовать съ осмотрительностью. Въ тишинѣ собственной спальни, она набрела на мудрое и смѣлое рѣшеніе. Отворивъ свою дверь на нѣсколько дюймовъ, она поставила стулъ передъ отверстіемъ въ такой позиціи, чтобы видѣть двери комнаты Сидни. Гдѣ бы ни была гувернантка, она должна же вернуться въ свою комнату прежде, нежели слуги поднимутся на разсвѣтѣ. Ночная лампа ярко горѣла въ корридорѣ, и почтенная особа, одушевленная сознаниемъ долга, разумѣется, не можетъ подпасть соблазну Морфея. Прежде, нежели, въ видахъ окончателной предосторожности, затушить свѣчу, м-съ Прести подправила свой цвѣтъ лица и съ рѣшимостью повернулась спиной къ ночному чепцу. „Бываютъ случаи, когда женщина должна сохранить свое достоинство“, подумала она, усаживаясь на кресло.

Одному человѣку въ курительной комнатѣ, казалось, очень надоѣлъ разговоръ о политикѣ. Этотъ человѣкъ былъ хозяинъ дома.

Рандаль замѣтилъ утомленный взглядъ у брата и рѣшилъ вручить его. Случай представился немедленно. Его попросили, какъ человѣка умѣренныхъ воззрѣній, рѣшить споръ двухъ гостей, членовъ парламента, которые отчаянно спорили. Въ краткихъ словахъ они выразили предметъ своего спора такъ: „которая изъ нашихъ политическихъ партій заслуживаетъ довѣрія англійскаго народа?“—И съ своей стороны Рандаль въ короткихъ словахъ отвѣчалъ: „Та, которая понизитъ налоги“. Эти слова подѣйствовали точно душъ холодной воды. Въ качествѣ членовъ парламента, оба политика спорщика были, натурально, безусловно равно-

душни въ народу или въ налогамъ; они встрѣтили новую идею, высказанную имъ, безпомощнымъ молчаніемъ. Пріятели, слушавшіе споръ, засмѣялись. Старѣйшій изъ присутствующихъ поглядѣлъ на часы. Черезъ пять минутъ свѣчи были погашены и комната опустѣла.

Линлей ушелъ послѣднимъ, отуманенный табакомъ и шумомъ. Онъ былъ не въ своей тарелкѣ весь вечеръ, и теперь чувствовалъ себя хуже, чѣмъ когда-либо. Промедливъ въ корридорѣ, нервнительный и раздраженный (вакъ и Сидни передъ тѣмъ), онъ остановился у открытыхъ дверей и залюбовался мирной красотой сада.

Сонный слуга, назначенный дежурить въ курительной комнатѣ, спросилъ: можетъ ли онъ запереть дверь?

Линлей отвѣчалъ:—Ступайте спать, я самъ запру двери.—И, соблазненный свѣжестью воздуха, онъ рѣшился пойти въ садъ. Онъ вынулъ ключъ изъ замка, притворилъ дверь, выйдя изъ нея, положилъ ключъ въ карманъ и сошелъ внизъ.

VII.

Медленными шагами шелъ Линлей по лугу; умъ его былъ поглощенъ мыслями, которыя до того никогда еще не тревожили его веселаго нрава — мыслями, въ которыхъ играли большую роль угрызенія совѣсти.

Когда онъ дошелъ до конца луга, то передъ нимъ открылись двѣ дорожки. Одна вела въ хорошенькій паркъ, разбитый на французскій образецъ; другая извивалась по густо заросшему плодовому саду. Линлею все равно было, куда бы ни идти, и онъ свернулъ въ плодовой садъ, потому что тотъ былъ ближе.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ пунетовъ, куда лунный свѣтъ проникалъ сквозь густую зелень, дорожка большею частью шла въ тѣни. Онъ не замѣтилъ, далеко ли прошелъ, когда услышалъ шелестъ листьевъ немного впереди себя. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ залитую луннымъ сіяніемъ боковую дорожку и свернулъ на нее. Минуту спустя, онъ былъ пораженъ появленіемъ фигуры, въ полосѣ луннаго свѣта съ противоположнаго конца дорожки, быстро шедшей ему на-встрѣчу. Онъ былъ такъ близко отъ нея, что могъ разглядѣть, что то была женщина. Можетъ быть, одна изъ служанокъ спѣшила домой съ любовнаго свиданія? Въ своемъ черномъ фракѣ, онъ, вѣроятно, былъ совсѣмъ незамѣтенъ въ тѣни, гдѣ стоялъ. Не лучше ли ему окликнуть женщину, нежели дожи-

даться, пока она къ нему подойдет? онъ ее меньше напугаетъ такимъ образомъ. Онъ рѣшилъ окликнуть.

— Кто это гуляетъ такъ поздно?—спросилъ онъ.

Крикъ испуга былъ ему отвѣтомъ. Фигура остановилась—было на секунду, затѣмъ повернула назадъ, какъ бы собираясь спастись бѣгствомъ.

— Не пугайтесь, — сказалъ онъ.— Неужели вы не узнаете моего голоса?

Фигура опять остановилась. Онъ вышелъ на свѣтъ и узналъ... Сидни Уэстерфильдъ.

— Вы!—воскликнулъ онъ.

Она дрожала; слова замирали у нея на губахъ, и она, заикаясь, произнесла:

— Садъ былъ такъ спокоенъ и прекрасенъ... я думала, что ничего худого не будетъ... пожалуйста, позвольте мнѣ пройти въ домъ... я боюсь, что запрутъ двери...

Она хотѣла пройти мимо него.

— Мое бѣдное дитя, — сказалъ онъ:—чего же вы такъ испугались? Меня также, какъ и васъ, соблазнила чудная ночь. Обопричьтесь на мою руку. Здѣсь душно между деревьями. Но на открытомъ мѣстѣ будетъ прохладнѣе.

Она взяла его подъ-руку, и онъ чувствовалъ какъ билось ее сердце. Нѣсколько садовыхъ стульевъ было разставлено тамъ и сямъ; онъ предложилъ ей отдохнуть.

— Я боюсь, что запрутъ подъѣздъ, — отвѣчала она.— Пожалуйста, пустите меня домой!

Онъ тотчасъ же согласился на ее желаніе.—Позвольте мнѣ проводить васъ, — заявилъ онъ.— Въ домъ всѣ уже спятъ. Нѣтъ! нѣтъ! не бойтесь! У меня въ карманѣ ключъ отъ дверей. Когда я ее отопру, вы пройдете къ себѣ.

Она съ благодарностью взглянула на него.—Вы больше на меня не сердитесь, мистеръ Линлей? Вы теперь опять прежній?

Они поднялись по ступенькамъ, которыя вели къ подъѣзду. Линлей вынулъ ключъ изъ кармана. Онъ свободно вошелъ въ замкъ и повернулся въ немъ. Но дверь, когда онъ ее толкнулъ, не отворилась. Онъ налегъ на нее плечомъ; дверь не поддавалась его усиліямъ.

„Должно быть, кто-нибудь изъ слугъ, улегшійся позже другихъ и не подозрѣвавшій о томъ, что мистеръ Линлей вышелъ въ садъ, заложилъ двери засовомъ съ внутренней стороны!“ — догадался мистеръ Линлей.

Ничего больше не оставалось, какъ повернуться обстоятельствомъ. Линлей свелъ Сидни со ступеневъ, сказавъ:

— Намъ не попасть въ домъ; двери заперты.

Сидни выслушала въ молчаливомъ смущеніи; его же, казалось, это забавляло. Онъ относился къ ихъ обоюдной неудачѣ какъ къ шуткѣ.

— Въ нашемъ положеніи нѣтъ ничего ужаснаго, — успокоивалъ онъ ее. — Черный подъѣздъ отпирается между шестью и семью часами; погода превосходная, а въ лѣтней бесѣдѣ въ французскомъ саду есть кушетка, на которую вы можете лечь спать. Я увѣренъ, что вы устали. Позвольте мнѣ васъ проводить въ бесѣдку.

Она колебалась и взглянула на домъ.

— Неужели нельзя достучаться? — спросила она.

— Совершенно невозможно. Кромѣ того...

Онъ чуть-было не напомнилъ ей, какія невыгодныя для нихъ заключенія могутъ быть выведены изъ того, что они вдвоемъ возвращаются изъ сада въ такой поздній часъ. Но ея невинность заставила его промолчать объ этомъ. Онъ только сказалъ:

— Вы забываете, что всѣ въ домѣ крѣпко спать; и у парадныхъ дверей нѣтъ молотка или колокольчика, который бы сообщался съ людскими. Пойдемте въ бесѣдку. Черезъ часъ или два мы увидимъ восходъ солнца.

Она молча взяла его подъ руку. Они дошли до французскаго сада, не обмѣнявшись больше ни словомъ.

Бесѣдка была, въ pendant къ саду, во французскомъ вкусѣ прошлаго столѣтія, копіей съ классическаго образца. То было грубое подражаніе изъ дерева мраморному храму Весты въ Римѣ. Отворивъ дверь, Линлей пропустилъ дѣвушку впередъ и остановился на порогѣ. Дѣвушка, воспитанная заботливою матерью, поняла бы и оцѣнила его деликатность. Выросшая въ пренебреженіи со стороны матери и хуже чѣмъ въ пренебреженіи со стороны тетки, Сидни, въ безстрашномъ невѣденіи всѣхъ приличій, задала вопросъ, который бы жестоко уронилъ бѣдную дѣвушку въ глазахъ незнакомаго съ ея прошлымъ человека.

— Неужели вы оставите меня здѣсь одну? — спросила она. — Почему вы не хотите войти?

Линлей вспомнилъ про свой визитъ въ школу и про отвратительную директрису. Онъ извинилъ Сидни и пожалѣлъ ее. Она пригласила его войти. Увѣренный въ самомъ себѣ, онъ послѣдовалъ ея приглашенію.

Въ знавъ своего уваженія къ нему, она предложила ему

сѣсть на кушетку—это была единственная покойная мебель въ этомъ запущенномъ мѣстѣ. Онъ настоялъ, чтобы она оставила ее для себя, и, поискавъ кругомъ, нашелъ для себя деревянный стулъ. Небольшая круглая комната была скудно освѣщена извнѣ... Они сидѣли очень близко другъ отъ друга... и молчали. Вдругъ Сидни расхохоталась.

— О чемъ вы смѣетесь?—спросилъ онъ добродушно.

— Мнѣ такъ странно, мистеръ Линлей, что мы съ вами очутились здѣсь!

И въ ту минуту, какъ она это сказала, веселость ея исчезла, и она грустно глядѣла сквозь раскрытую дверь въ тихую ночь.

— Что бы я сдѣлала, если бы мнѣ пришлось пробыть ночь не дома и одной?

Глаза ея застѣнчиво устремились на него. Въ нихъ была мысль, которую она не смѣла выразить. Она прибавила только: —Я бы желала знать, какъ мнѣ отплатить за вашу доброту?

Голосъ ея сказалъ ему, что она борется съ сильнымъ волненіемъ. Въ одномъ отношеніи всѣ мужчины одинаковы: они терпѣть не могутъ видѣть женщину въ слезахъ. Линлей отнесся къ ней какъ къ ребенку; онъ улыбнулся и погладилъ ее по плечу.

— Глупости! — весело сказалъ онъ. — Нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы съ добротой относиться къ моей милой гувернанточкѣ.

Она взяла эту успокоивающую руку и, подъ вліяніемъ безгрѣшнаго, но непреодолимаго чувства, съ благодарностью поцѣловала ее. Онъ отнялъ руку, —точно ея мягкія губы обожгли его.

— О!—закричала она:—я опять провинилась!

— Нѣтъ, моя душа, нѣтъ, нѣтъ.

Въ его манерахъ было смущеніе—неизбѣжный результатъ его боязни самого себя, если онъ не сумѣетъ сдержать себя въ извѣстныхъ границахъ, — боязнь совершенно непонятная для Сидни. Онъ отодвинулъ немного свой стулъ. Это обидѣло и оскорбило ее. Она перетолковала его движеніе въ такомъ смыслѣ, что онъ хочетъ напомнить ей о томъ общественномъ разстояніи, которое между ними существуетъ. О! какой стыдъ! какой стыдъ! Никакая другая гувернантка не позволила бы себѣ такой вольности съ своимъ хозяиномъ. Истерическія рыданія побѣдили послѣднія усилія ея сдержать себя; она вскочила съ мѣста и выбѣжала изъ бесѣды.

Встревоженный и разстроенный, онъ послѣдовалъ за нею.

Она остановилась въ саду и, прислонившись къ пьедесталу

статуи, плакала навзрыдъ — зрѣлице, которое могло тронуть сердце менѣе чувствительнаго человѣка, нежели Линлей.

— Сидни!—сказалъ онъ:—милая Сидни!

Она хотѣла отвѣтить, но голосъ измѣнилъ ей. Она протянула руку, чтобы удержаться за пьедесталъ; если бы онъ не подхватилъ ее, она бы упала. Голова ея упала къ нему на грудь. Онъ взглянулъ въ измученное, заплаканное личико, озаренное кроткимъ сіяніемъ луны. Долгое время онъ честно сдерживалъ себя... но онъ былъ мужчина: одна безумная минута... одинъ страстный порывъ и онъ поцѣловалъ ее.

Впервые въ ея дѣвической жизни, губы мужчины коснулись ея губъ. Все, что было страннаго и непонятнаго, все, что невинно волновало и удивляло въ томъ чувствѣ, которое притягивало Сидни къ ея первому другу, перестало быть тайной. Любовь приподняла свое покрывало, природа обнаружила свою тайну въ одномъ блаженномъ поцѣлуѣ. Она охватила руками его шею съ крикомъ восторга и отвѣчала на поцѣлуи.

— Сидни!—прошепталъ онъ:—я васъ люблю.

Она выслушала въ безмолвномъ восхищеніи. Ея поцѣлуи были отвѣтомъ ему.

Въ этотъ критическій моментъ ихъ жизни, ихъ спасло одно обстоятельство, одно ничтожное обстоятельство, ежедневно повторяющееся въ обыденной жизни. Застежка въ браслетѣ, надѣтомъ на рукѣ Сидни, растянулась, и браслетъ упалъ на траву, къ ея ногамъ. Мужчина этого и не замѣтилъ, но женщина увидѣла, какъ падалъ браслетъ... увидѣла и вспомнила, что это — подарокъ мистриссъ Линлей.

Похолодѣвъ и поблѣднѣвъ, съ отвращеніемъ къ себѣ самой, выразившемся въ этомъ движеніи, какъ оно ни было просто, она молча оттолкнула его.

Онъ удивился. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ сказалъ ей:

— Вамъ дурно?

— Мнѣ стыдно самой себя, — отвѣтила она, — а не дурно.

И указала на браслетъ, лежавшій на травѣ.

— Поднимите его; я не смѣю до него дотронуться. И взгляните на обратную сторону.

Онъ вспомнилъ надпись: — „Сидни Уэстерфильдъ въ знакъ дружбы отъ Катерины Линлей“.

Голова его склонилась на грудь: онъ ее понялъ, наконецъ.

— Вы меня презираете, — сказалъ онъ, — и я этого заслуживаю.

— Нѣтъ, я презираю самое себя. Я жила съ низкими людьми — и сама такая же низкая, какъ и они.

Она отошла на нѣсколько шаговъ, съ тяжелымъ вздохомъ: — Китти!—говорила она себѣ самой. — Бѣдная Китти!

Онъ послѣдовалъ за нею.

— Почему вы вспомнили о ребенкѣ, и какъ разъ въ эту минуту?

Она отвѣчала, не останавливаясь и не оглядываясь; недоверіе къ самой себѣ внушало ей ужасъ въ Лиллею съ той минуты, какъ браслетъ упалъ на траву.

— Я могу однимъ только заглядить свое поведеніе. Мы не должны больше видѣться. Я должна разстаться съ Китти... я должна уѣхать... Помогите мнѣ поворотиться своей тяжелой долѣ... я должна уѣхать.

Онъ не показавъ ей примѣра поборности судьбѣ; онъ испугался представляемой ему необходимости. — Куда вы отправитесь, если оставите насъ?

— Подальше отъ Англии. Чѣмъ дальше отъ васъ, тѣмъ лучше для насъ обоихъ. Помогите мнѣ своимъ участіемъ; отправьте меня въ Новый Свѣтъ, на западъ, вмѣстѣ съ другими эмигрантами. Дайте мнѣ представить себѣ такое будущее, которое бы не было однимъ стыдомъ и отчаяніемъ. Дайте мнѣ сдѣлать невинное и доброе дѣло... я могу разыскать слѣды моего бѣднаго брата. О! отпустите меня, отпустите меня!

Ея рѣшимость пристыдила его. Онъ помимо воли одушевился.

— Не смѣю удерживать васъ. Но прошу только немного подождать, пока мы успокоимся, и тогда уже мы поговоримъ о вашемъ будущемъ.

Онъ указавъ на бесѣду.

— Ступайте, моя бѣдная дѣвочка. Успокойтесь и отдохните, пока я обдумаю, какъ намъ быть.

Онъ оставилъ ее и сталъ прохаживаться по аллеямъ сада. Вдали отъ ея волнующаго присутствія умъ его прояснился. Онъ противился соблазну разнѣжиться при мысли о ней и заставилъ себя думать о томъ, какъ устроить наилучшимъ образомъ будущее.

Луна скрылась. Туманное и беззвѣздное небо въ величественномъ мракѣ раскидывалось надъ землей. Лиллей устало поглядѣлъ на востокъ. Темнота давила его; онъ видѣлъ въ ней тѣнь собственнаго сознанія виновности. Блѣдныя сумерки разсвѣта, пѣніе птицъ, когда день мягко вступилъ въ свои права, приободрили и успокоили его. Съ первымъ лучомъ восходящаго солнца онъ пришелъ въ бесѣду.

— Я вамъ не помѣшаю? — спросилъ онъ, дожидаясь у дверей.

— Нѣтъ.

— Пожалуйста, выйдите, чтобы переговорить со мной.

Она появилась въ дверяхъ и ожидала, что онъ ей скажетъ.

— Я долженъ попросить васъ пожертвовать своими чувствами. Когда я вчера вечеромъ удалялся отъ васъ въ гостиной... когда мое странное поведеніе заставило васъ опасаться: не оскорбили ли вы меня чѣмъ-нибудь... я старался не забыть, чѣмъ обязанъ своей доброй женѣ. Теперь я опять о ней думалъ. Мы должны спасти ее отъ такого жестокаго открытія, которое трудно перенести, когда гости требуютъ ея вниманія. Черезъ недѣлю они разьѣдутся. Согласны ли вы до тѣхъ поръ спасти приличія? Согласны ли вы жить съ нами, какъ будто бы ничего не случилось?

— Хорошо, м-ръ Линлей. Я прошу только одной милости у васъ. Худшій мой врагъ, мое собственное, скверное, испорченное сердце. О! неужели вы не понимаете меня? мнѣ стыдно на васъ глядѣть.

Ему стоило только заглянуть въ собственное сердце, чтобы понять то, чего она не договариваетъ.

— Довольно, — грустно отвѣтилъ онъ: — мы будемъ держаться такъ далеко другъ отъ друга, какъ только можно.

Она вздрогнула при этомъ открытомъ признаніи виновной любви, соединившей ихъ, несмотря на весь ужасъ, какой она имъ внушала, и искала убѣжища въ бесѣдкѣ. Ни одного слова больше не было сказано между ними, пока въ типинѣ утра не послышалось, какъ отпирались двери дома, и не взвился дымъ надъ кухонной трубой. Тогда онъ опять пришелъ и сказалъ ей:

— Вы можете вернуться въ домъ. Идите черезъ парадный подъездъ, и вы не встрѣтите никого изъ слугъ въ этотъ ранній часъ. Если же они и увидятъ васъ, что вы въ пальто, они подумаютъ, что вы ходили гулять ранѣе обыкновеннаго. Когда вы пройдете мимо боковой двери, то отложите засовъ, и мнѣ можно будетъ войти въ домъ.

Она молча наклонила голову. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, когда она поспѣшно проходила по лугу, сознавая, что любитъ ее, сознавая, что чувство его сильнѣе, нежели онъ смѣетъ въ томъ признаться самому себѣ. Когда она скрылась изъ глазъ, онъ вошелъ въ бесѣдку, гдѣ она передъ тѣмъ дождалась. При всемъ сознаніи своего долга относительно жены, онъ все еще живо помнилъ роковой поцѣлуй. „Какой я негодай!“ — сказалъ онъ самому себѣ, стоя въ бесѣдкѣ и глядя на кушетку, съ которой она только-что сошла.

VIII.

Умная старая лэди, обладающая неоцѣненнымъ преимуществомъ житейскаго опыта, должна, тѣмъ не менѣе, подчиняться законамъ природы. Время и сонъ дружными усиліями одолѣли рѣшимость м-съ Прести не поддаваться Морфею. Сидни благополучно поднялась по лѣстницѣ. Сидни благополучно пробралась въ свою комнату.

Полчаса спустя, Линлей растворилъ дверь въ свою уборную. Жена его все еще спала. Его теща проснулась двумя часами позже; поглядѣла на часы и увидѣла, что пропустила удобный случай. Другія старыя женщины при такихъ обстоятельствахъ могли бы упасть духомъ. Но эта старая женщина только укрѣпилась въ своихъ подозрѣніяхъ. Когда прозвонилъ колоколъ, призывая къ завтраку, Сидни встрѣтила м-съ Прести въ корридорѣ, гдѣ она дождалась ее, чтобы поздороваться.

— Желала бы я знать, что вы дѣлали прошлую ночью, въ то время, какъ должны были лежать въ постели?—начала старая лэди съ предательскою ласковостью въ манерѣ.—О! я не ошибаюсь: ваша дверь была отперта, моя милая, и я заглянула въ вашу комнату.

— Почему вы заглянули въ мою комнату, м-съ Прести?

— Мой юный другъ, потому что я естественно безпокоилась о васъ. Вы были въ домѣ или внѣ дома?

— Я гуляла въ саду,—отвѣчала Сидни.

Любовались луной?

— Да; любовалась луной.

— Одиѣ, разумѣется?

Сидни увернулась:—Почему вы въ этомъ сомнѣваетесь?

Мистриссъ Прести не стала тратить больше времени на разспросы. Она съ удовольствіемъ вспомнила о мудрыхъ словахъ, сказанныхъ ею дочери въ самый день пріѣзда Сидни въ Моунтъ-Морвенъ.—Добрыя качества этого несчастнаго молодого созданія, —говорила она,—не могли безусловно восторжествовать надъ страшными соблазнами и заразительными примѣрами, окружавшими ее. Сто разъ должна была она прибѣгать во лжи; она должна была лгать изъ непреодолимаго страха. Болѣе чѣмъ когда довольная собственною мудростью, м-съ Прести взяла Сидни подъ руку и съ материнской фамилиарностью повела ее къ завтраку. Линлей встрѣтилъ ихъ внизу лѣстницы. Его теща украдкой взглянула на Сидни и затѣмъ дружески пожала руку зятю.—

Мой милый Гербертъ, какъ вы блѣдны! Все это отъ этого ужаснаго табаку! Можно подумать, что вы всю ночь были на ногахъ.

Мистриссъ Линлей, по обыкновенію, пришла въ классную комнату поутру.

Необходимое вниманіе къ гостямъ не оставляло ей времени для наблюдений за завтракомъ. Единственное обстоятельство, поразившее ее, была шумная веселость ея мужа. Слишкомъ честный, чтобы искусно притворяться и обманывать, Линлей переигралъ роль человѣка, довольнаго своей судьбой. — „Какъ онъ любить общество!“ — подумала она. — „Гербертъ до конца дней своихъ останется молодымъ человѣкомъ“.

Въ наилучшемъ расположеніи духа, вся еще оживленная отъ успѣшныхъ усилій занимать своихъ друзей, мистриссъ Линлей весело отворила дверь въ классную.

— Какъ идутъ уроки?—начала она и умолкла, вздрогнувъ: — Китти!—вскричала она:—ты плачешь?

Дѣвочка подбѣжала къ матери съ глазами, полными слезъ.

— Поглядите на Сидни! Она дуется; она плачетъ; не хочеть со мной разговаривать... Псплите за докторомъ.

— Ахъ, какая несносная дѣвочка!—Мнѣ не нужно доктора. Я совсѣмъ не больна.

— Слышите, мама! — закричала Китти. — Она нивогда до сегодня меня не бранила.

Другими словами, въ классной наступилъ переворотъ; терпѣливая Сидни была раздражительна; кроткая Сидни говорила съ сердцемъ съ своей маленькой пріятельницей, которую любила. Мистриссъ Линлей подвинула стулъ къ стулу гувернантки и взяла ее за руку. Странно измѣнившаяся дѣвушка вырвала руку и заплакала навзрыдъ. Удивленная и испуганная, Китти послѣдовала ея примѣру. Мистриссъ Линлей посадила къ себѣ дочь на колѣни и дала успокоиться волненію Сидни. Лицо ея не было разгорячено; рука была не лихорадочная, когда она сейчасъ дотрогивалась до нея. По всей вѣроятности, вся бѣда произошла отъ расстройтва нервовъ, и слезы должны облегчить.

— Я боюсь, душа моя,—сказала мистриссъ Линлей,—что вы плохо провели ночь?

— Плохо? хуже, нежели плохо!

Сидни замолчала; взглянула на свою добрую хозяйку и друга съ ужасомъ и сдѣлала неловкое усиліе объяснить то, чтѣ сказала.

Какъ благоразумная и сдержанная женщина, мистриссъ Линлей сказала, что ей нуженъ только покой и отдыхъ.

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату, — предложила она. — Мы придвинемъ диванъ къ балкону, и вы скоро уснете на чистомъ, тепломъ воздухѣ. Убери книги, Китти; сегодня праздникъ. Я возьму тебя съ собой въ гостиную къ гостямъ.

Ни гувернантка, ни воспитанница не заслуживали такой симпатіи. Все еще сконфуженная Сидни продолжала банально извиняться и попросила позволенія выйти погулять въ паркѣ. Услышавъ это, Китти объявила, что куда пойдетъ гувернантка, туда пойдетъ и она.

Мистриссъ Линлей погладила прекрасные каштановые волосы дочери и шутливо сказала: — Однако я вѣдь могу и приревновать.

Къ ея удивленію, Сидни такъ поглядѣла на нее, какъ будто бы эти слова относились къ ней. — Ты не должна любить гувернантку больше матери, — продолжала мистриссъ Линлей.

Она поцѣловала ребенка и, вставая, чтобы уходить, увидѣла, что Сидни отошла на другой конецъ комнаты. Она стояла у фортепiano, съ тетрадюю нотъ въ рукѣ. Тетрадь она держала на-выворотъ, но такъ, чтобы она прикрывала ея лицо. Какъ ни неспособна была мистриссъ Линлей подозрѣвать кого-нибудь (въ особенности особу, въ которой принимала участіе), но она вышла изъ комнаты съ смутнымъ опасеніемъ, что что-то неладно, и ей слѣдуетъ посоветоваться съ мужемъ.

Услышавъ, что дверь затворилась, Сидни оглядѣлась. Она была опять одна съ Китти. Китти убирала книги, не выражая ни малѣйшаго удовольствія отъ прекращенія занятій.

Сидни ласково обняла дѣвочку.

— Очень ли ты будешь огорчена, — спросила она, — если я должна буду оставить тебя и уѣхать?

Китти поблѣднѣла отъ ужаса при этихъ словахъ. — Ну! ну! успокойся, я пошутила, — поспѣшила замѣтить Сидни, испуганная дѣйствіемъ своихъ словъ. — Пойдемъ вмѣстѣ со мной, гулять въ паркѣ.

Лицо Китти мгновенно прояснѣло. Она предложила пойти на лугъ кормить коровъ. Сидни охотно согласилась. Всякое развлеченіе было для нея желательно, лишь бы оно отвлекало отъ нея вниманіе ребенка.

Онѣ гуляли около часа въ паркѣ, и уже возвращались домой, когда Китти закричала: — Вотъ и папа! — и побѣжала ему на-встрѣчу. Первымъ движеніемъ Сидни было спрятаться за дерево, чтобы не быть замѣченной. Но Линлей послалъ Китти нарвать цвѣтовъ для букета, а самъ подошелъ къ Сидни.

— Я васъ вездѣ искалъ, — сказалъ онъ: — Моя жена...

Сидни перебила его восклицаніемъ:—Она все знаетъ?

— Ничего такого не случилось, чтобы вамъ тревожиться. Жена моя слишкомъ добрая и слишкомъ честная женщина, чтобы легко подозрѣвать другихъ. Она замѣтила въ васъ перемену, которой не понимаетъ... и спросила меня: замѣтилъ ли я тоже эту перемену;—вотъ и все. Но мать ея хитра, какъ бѣсъ. Вы должны пристально наблюдать за собой и сдерживаться.

Онъ говорилъ такъ серьезно, что испугалъ ее:—Вы сердитесь на меня?—спросила она.

— Сержусь? Какой мужчина могъ бы на васъ сердиться!

— Было бы, можетъ быть, лучше для насъ обоихъ, если-бы вы могли на меня сердиться. Я старалась сдерживать себя и буду еще стараться. Но если бы вы знали, какъ я страдаю, когда мистриссъ Линлей ласкова со мной!

Онъ пытался пріободрить ее, указывая на опасность, угрожающую имъ, пока въ домъ гости.—Черезъ нѣсколько дней, Сидни, намъ не нужно будетъ никого обманывать. До тѣхъ поръ помните—мистриссъ Прести насъ подозрѣваетъ.

Китти подбѣжала къ нимъ съ руками, полными маргаритокъ.

— Вотъ вамъ букетъ, папа. Нѣтъ, не благодарите меня, а скажите лучше, что вы мнѣ подарите?

Отецъ былъ, видимо, чѣмъ-то озабоченъ; онъ разсѣянно взглянулъ на нее. Самолюбіе ребенка было задѣто: она обратилась къ гувернантѣ.

— Повѣрите ли, что папа позабылъ, что въ будущій вторникъ мое рожденіе!

— Хорошо, Китти; я согласенъ заплатить штрафъ за свою забывчивость. Что ты хочешь, чтобы я тебѣ подарилъ?

— Подари мнѣ коляску для куклы.

— Вотъ какъ! въ мое время довольствовались куклой!

Всѣ трое оглянулись. Новое лицо присоединилось къ ихъ бесѣдѣ. Нельзя было не узнать голоса мистриссъ Прести, и она сама появилась изъ-за деревьевъ. Слышала ли она то, что Линлей говорилъ съ гувернанткой, пока Китти собирала маргаритки?

— Какая трогательная семейная сцена!—замѣтила хитрая старуха. — Папа — точно святой отецъ на картинкѣ, съ цѣпками въ рукахъ. Избалованная дочка вѣчно что-нибудь просить у папы и всегда получаетъ. А гувернантка такъ мила и хороша собой, что я бы непременно въ нее влюбилась, если бы имѣла счастье быть женщиной. Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, Гербертъ—мнѣ кажется, звонить колоколь; идемъ полдничать?—вы, вѣроятно, замѣтили, говорю я, какой любопытный контрастъ пред-

ставляютъ Катя и миссъ Уэстерфильдъ? Таковой прелестный, но все же полный контрастъ! Желала бы я знать, завидуютъ ли онѣ красотоѣ другъ друга? Сожалѣеть ли моя дочь, что она — не миссъ Уэстерфильдъ? А вы, моя милая, не желаете ли иногда быть мистриссъ Линлей?

— Такъ какъ вы заговорили объ этомъ, то позвольте мнѣ задать третій вопросъ,—перебилъ ее Линлей:—Понимаете ли вы сами, мистриссъ Прести, когда говорите нелѣпости?

Онъ разсердился и выразилъ это такимъ слабымъ отвѣтомъ. Сидни почувствовала скрытое намѣреніе оскорбить ее, и это лучше всего заставило ее овладѣть собой. Она презрѣла иронию мистриссъ Прести съ хладнокровіемъ, которому могла бы позавидовать сама мистриссъ Прести:—Какая женщина,—сказала она,—не пожелала бы быть таковой красавицей, какъ мистриссъ Линлей, и такой доброй?!

— Благодарю васъ, моя милая, за комплиментъ моей дочери, и искренній, безъ сомнѣнія. Онъ звучитъ особенно мило и приятно послѣ сердитой вспышки моего зятя. Мой бѣдный Гербертъ, когда вы поймете, что я не хочу никого обидѣть? Я просто женщина съ юморомъ, и иногда слишкомъ увлекаюсь юмористической стороною дѣла. Увѣряю васъ, миссъ Уэстерфильдъ: я не знаю, что значитъ огорченіе. Всѣ мои несчастія—семейныя потери и все такое—соскользнули съ меня, какъ съ гуся вода. Бѣдный м-ръ Ифманъ объяснялъ это качество моимъ хорошимъ аппетитомъ, или нѣтъ,—онъ говорилъ, что у меня прекрасное пищевареніе. Мой второй мужъ ни за что не хотѣлъ допустить такого объясненія. Его возвышенныя понятія о женщинахъ не позволяли даже намековъ на желудокъ... Но вотъ опять звонятъ. Я пойду впередъ и скажу, что вы идете за мной. Многіе цѣнятъ аккуратность въ людяхъ. Я сама, по правдѣ сказать, терпѣть не могу простывшихъ кушаній. Au revoir. Помните, миссъ Уэстерфильдъ, какъ я попросила васъ сказать мнѣ „au revoir“, чтобы имѣть образецъ вашего французскаго произношенія? Мнѣ не нравится ваше французское произношеніе. О! нѣтъ, мнѣ не нравится ваше французское произношеніе!

Китти выпучила глаза на свою болтливую бабушку въ невинномъ восхищеніи. Она дернула отца за скуртку и объявила:

— О! папа, какія бабушка употребляетъ интересныя слова!

IX.

Въ понедѣльникъ вечеромъ послѣдніе гости уѣхали изъ Моунтъ-Морвена. Мистриссъ Линлей упала въ кресло (среди, какъ выразился Рандаль, „небеснаго спокойствія“ опустѣвшей гостиной) и созналась въ томъ, что усилія занимать гостей совсѣмъ истомили ее.—Нелѣпо жаловаться на усталость въ мои годы,—сказала она съ слабой улыбкой:—но я въ самомъ дѣлѣ такъ устала, что должна пойти и лечь въ постель, точно маленький ребенокъ.

Мистриссъ Прести, злобно наблюдавшая за гувернанткой, которая сидѣла молча и поодаль отъ всѣхъ, въ углу—торопливо подошла къ дочери, очевидно съ своей спеціальною цѣлью. Линлей догадывался, въ чемъ она заключалась.

— Пожалуйста, Катя, удѣли мнѣ полчаса времени,—сказала м-съ Прести:—мнѣ надо съ тобой переговорить.

— О! мамаша, пощадите; отложимъ разговоръ до завтра.

М-съ Прести неохотно согласилась на это предложеніе и только съ однимъ условіемъ.

— Рѣшено, что ты меняпустишь къ себѣ въ спальню, прежде чѣмъ кого-либо другого?

М-съ Линлей готова была согласиться на это, какъ и на всякое другое условіе, лишь бы ея сегодня не беспокоили. Она перешла черезъ комнату и взяла мужа подъ-руку.

— Я такъ устала, что не взберусь на лѣстницу, если ты мнѣ не поможешь.

Когда они поднимались по лѣстницѣ, Линлей убѣдился, что у жены его были свои резоны, чтобы уйти изъ гостиной.

— Я такъ устала, что дѣйствительно лягу,—объясняла она:—но я хочу сначала переговорить съ тобой насчетъ миссъ Уэстерфильдъ. (Нѣтъ, нѣтъ, не стоитъ останавливаться!) Знаешь ли, мнѣ кажется, я догадываюсь, отчего наша миленькая гувернантка такъ перемѣнилась. Я тебя удивляю?

— Нѣтъ.

— Я сама дивлюсь своей недогадливости,—продолжала м-съ Линлей,—что я раньше этого не сообразила. Мы должны быть болѣе чѣмъ когда-либо ласковы съ этой бѣдной дѣвушкой; ты не догадываешься, отчего? Другъ мой, какъ ты недогадлив! Неужели мнѣ надо тебѣ напоминать о томъ, что въ числѣ нашихъ гостей было два холостыхъ джентльмена. Одинъ изъ нихъ старъ и въ счетъ не идетъ. Но другой—я говорю, конечно, о

Сень-Джорджъ — молодъ, красивъ и привлекателенъ. Мнѣ жалко Сидни Уэстерфильдъ. Для меня ясно, что она безнадежно влюблена въ человѣка, который разоренъ, и если женится, то только на большомъ приданомъ. Я поговорю съ Сидни завтра утромъ; я надѣюсь, что она мнѣ доверится. Слава Богу, вотъ мы ужъ и дошли до спальни. Больше я не въ силахъ разговаривать; у меня ноги подкашиваются. Повойной ночи, милый; у тебя тоже утомленный видъ. Хорошо имѣть друзей, я это знаю, но какое тоже счастье, когда отъ нихъ избавишься!

Она поцѣловала его и отпустила.

Оставшись одинъ и представивъ себѣ, какъ горька покажется правда женѣ его послѣ ея невинной догадки, Линлей совсѣмъ упалъ духомъ. Онъ прислонился къ рѣзнымъ периламъ, окружавшимъ площадку лѣстницы, и поглядѣлъ внизъ, въ каменные сѣни. Если бы ветхія перила обрушились подъ его тяжестью (подумаешь онъ), то онъ былъ бы разомъ выведенъ изъ своего затруднительнаго положенія.

Во-время вспомнивъ про Сидни, онъ опомнился. Ради нея онъ обязанъ предупредить ее о предстоящемъ завтра свиданіи мистриссъ Прести съ его женой.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ встрѣтилъ брата въ корридорѣ перваго этажа.

— Какъ разъ тотъ человѣкъ, котораго мнѣ нужно, — сказалъ Рандаль. — Скажи мнѣ, Гербертъ, какая муха укусила эту странную старуху?

— Ты говоришь о м-съ Прести?

— Да. Она сейчасъ сообщила мнѣ, что наша знакомая м-съ Макъ-Эдвинъ влюбилась въ миссъ Уэстерфильдъ и охотно бы перебила у насъ нашу хорошенькую гувернантку.

— Мистриссъ Прести говорила это въ присутствіи миссъ Уэстерфильдъ?

— Нѣтъ. Скоро послѣ того, какъ вы съ Катей ушли изъ гостиной, миссъ Уэстерфильдъ тоже ушла. Не знаю, можетъ быть, мнѣ такъ показалось, но я заключилъ изъ словъ м-съ Прести, что она была бы рада отдѣлаться отъ бѣдной дѣвушки.

— Я поговорю съ ней объ этомъ, Рандаль. Она въ гостиной?

— Да.

— Говорила она тебѣ еще что-нибудь?

— Я не далъ ей ничего сказать. Я не люблю м-съ Прести. Ты какъ будто чѣмъ-то разстроены, Гербертъ? Ничего не случилось?

— Если что и случилось, то ты завтра объ этомъ узнаешь!
И они разстались.

Разсѣвшись со всѣмъ комфортомъ въ гостиной, м-съ Прести раскрыла свою любимую газету. Ея единственнымъ собесѣдникомъ былъ черный пудель Линлея, улегшійся у ея ногъ. Когда дверь растворилась, собака встала и пошла на-встрѣчу хозяину, чтобы приласкаться къ нему, но прежде взглянула ему въ лицо. Если бы вниманіе мистриссъ Прести было привлечено въ эту сторону, то она могла увидѣть предостереженіе для себя лично относительно расположенія духа Линлея въ томъ фактѣ, что собака внезапно и тихо отошла отъ него. Но такъ какъ м-съ Прести была погружена въ чтеніе или притворялась, что въ него погружена, она и не увидѣла, какое лицо у Линлея. Подождавъ немного, чтобы она обратила на него вниманіе, онъ вынулъ газету изъ ея рукъ.

— Что это значить?—спросила м-съ Прести.

— Это значить, сударыня, что мнѣ нужно съ вами поговорить.

— Очевидно, о чемъ-то такомъ, чего нельзя сказать вѣжливо? Какъ вамъ угодно, я привыкла къ вашей грубости.

Линлей благоразумно пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы поселились въ Моунтъ-Морвенѣ,— продолжалъ онъ,—я думаю, что вы нашли, что въ общей сложности со мной легко жить. Но въ то же самое время, когда я нахожу нужнымъ заявить, что я хозяинъ въ моемъ домѣ, то я и докажу, что я хозяинъ.

Мистриссъ Прести спокойно сложила руки на колѣняхъ и сказала:

— Хозяинъ надъ чѣмъ?

— Надъ вашими подозрѣніями насчетъ миссъ Уэстерфильдъ. Вы, конечно, вольны думать о ней и обо мнѣ что вамъ угодно. Но я запрещаю вамъ высказывать свои подозрѣнія— намеками ли то будетъ, какъ моему брату, или оффиціальными сообщеніями— моей женѣ. Не воображайте, что я боюсь правды. Мистриссъ Линлей узнаетъ больше, нежели вы думаете, и узнаетъ завтра же, но не отъ васъ, а отъ меня.

Мистриссъ Прести съ состраданіемъ покачала головой:

— Мой добрый сэръ, конечно, вы меня знаете слишкомъ хорошо, чтобы думать, что вы такъ легко отъ меня отдѣляетесь. Я должна вамъ напомнить, что мать вашей жены „хитра, какъ бѣсъ“.

Линлей узналъ собственныя слова.—Значить, вы подслушивали подъ деревьями!—сказалъ онъ.

— Да; я подслушивала и жалѣю, что не все слышала. Но вернемся къ нашему предмету. Я не довѣряю интересовъ своей дочери — интересовъ, которымъ грозитъ такая серьезная опасность—въ ваши руки. Онѣ недостаточны чисты для этого, м-ръ Линлей. Мнѣ предстоитъ святая обязанность, и я ее завтра выполняю.

— Нѣтъ, м-съ Прести, вы ее завтра не выполните.

— Кто мнѣ помѣшаетъ?

— Я вамъ помѣшаю.

— Извините, какимъ образомъ?

— Не считаю нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Мои слуги получаютъ отъ меня приказанія, и я самъ буду наблюдать за тѣмъ, чтобы приказанія эти были исполнены.

— Благодарю васъ. Я начинаю понимать; вы выгоните меня изъ дому. Прекрасно. Увидимъ, что скажетъ на это моя дочь.

— Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, мистрисъ Прести, что если вашей дочери придется выбирать между вами и мной, то она выберетъ мужа. Я даю вамъ ночь на размышленіе. Больше мнѣ нечего вамъ сказать.

Въ числѣ достоинствъ мистрисъ Прести была способность быстро соображать и рѣшаться подъ давленіемъ обстоятельствъ. Не успѣлъ Линлей выйти за дверь, какъ она позвала его обратно.

— Мнѣ совѣстно беспокоить васъ,—сказала м-съ Прести,—но я вовсе не желаю испортить себѣ ночной сонъ думами о васъ. Мое положеніе вполне для меня ясно и вовсе не требуетъ, чтобы я терала время на обсужденіе. Когда человѣкъ до такой степени забудетъ всякое уваженіе къ слабому полу, что начинаетъ грозить женщинѣ, женщинѣ остается только покориться. Вы знаете, что я должна была говорить завтра съ дочерью. Я уступаю грубой силѣ, сэръ. Скажите своей женѣ, что я не приду завтра. Довольны вы?

— Вполнѣ,—отвѣтилъ Линлей и вышелъ изъ комнаты.

Теща поглядѣла ему вслѣдъ съ улыбкой безграничнаго презрѣнія.

— Какой дуракъ!

Только два слова, но какъ много тайнаго смысла было въ нихъ скрыто!

X.

Китти, дожидавшаяся Сидни, которая должна была, по обыкновению, придти попроситься къ ней въ спальню, была удивлена появленіемъ бабушки, входившей на ципочкахъ изъ коридора, съ небольшимъ пакетомъ въ рукахъ.

— Говори шопотомъ! — сказала м-съ Прести, указывая на открытую дверь въ комнату м-съ Линлей: — Вотъ тебѣ подарокъ ко дню рожденія. Ты не должна смотрѣть на него до завтра.

Она положила пакетикъ подъ подушку и, вмѣсто того, чтобы попроситься, взяла стулъ и сѣла.

— Могу я показать мой подарокъ, — спросила Китти, — когда пойду завтра къ мама здороваться?

Подарокъ, скрывавшійся подъ бумажной оберточной, была книжка съ картинками цѣной въ шесть пенни. Бабушка Китти не одобряла, чтобы бросали деньги на дорогіе подарки дѣтямъ.

— Конечно, покажи; а главное, хорошенько береги его, — отвѣчала важно м-съ Прести. — Но скажи мнѣ, мое дитя: вѣдь тебѣ приятно было бы увидѣть всѣ свои подарки, какъ и мой, рано поутру?

Все еще находясь подъ вліяніемъ обиды, нанесенной ей затемъ, м-съ Прести имѣла свои намѣренія, поселяя эту мысль въ умъ ребенка. Главною ея цѣлью было возбудить домашнія пренія для частнаго свиданія между мужемъ и женой въ ранніе часы утра. Если подарки, которые обыкновенно дарились послѣ дѣтскаго обѣда, будутъ подарены на этотъ разъ послѣ завтрака, то это отдалитъ интимную бесѣду м-ра Линлея съ мистриссъ Линлей. Въ этотъ промежутокъ м-съ Прести найдетъ случай подорвать довѣріе жены къ мужу, возбудивъ въ ея умѣ подозрѣнія противъ него.

Невинная маленькая Китти немедленно вошла въ общничество съ бабушкой. — Я попрошу маму отдать мнѣ всѣ подарки за завтракомъ, — объявила она.

— А добрая мама навѣрное согласится, — отвѣтила м-съ Прести. — Мы пораньше позавтракаемъ завтра, мое милое дитя; покойной ночи.

Китти уже засыпала, когда ея гувернантка вошла въ комнату, позднеѣ обыкновеннаго. — Я думала, что вы меня позавтракали, — сказала Китти, зѣвая и протягивая свои полныя, маленькія ручки.

У Сидни сердце сжалось при мысли о разлугѣ, которая пред-

стояла на завтра; ея отчаяніе выразилось въ слѣдующихъ словахъ:—Я бы желала, чтобы вы меня позабыли.

Дитя было слишкомъ сонно, чтобы хорошенько разслышать ея слова.

— Что вы сказали?—спросила она.

Сидни тихонько приподняла ее съ подушки и нѣсколько разъ поцѣловала. Китти съ удивленіемъ раскрыла сонные глаза.—Какія у васъ холодныя руки!—сказала она—и какъ долго вы меня цѣлуете! Я хочу пошутить, Сидни. Вы пришли ко мнѣ пожелать покойной ночи или же попрощаться?

Сидни опустила ее на подушку, поцѣловала въ послѣдній разъ и убѣжала изъ комнаты.

Въ корридорѣ она услышала голосъ Линлея, раздававшійся въ нижнемъ этажѣ. Онъ спрашивалъ у слугъ, гдѣ находится миссъ Уэстерфильдъ: въ домѣ или въ саду? Ея первымъ движеніемъ было подойти къ лѣстницѣ и отвѣтить на его вопросъ. Но воспоминаніе о м-съ Линлей удержало ее. Она вернулась въ спальню.

Всѣ подарки, полученные ею со времени ея пріѣзда въ Монтъ-Морвенъ, разложены были такъ, чтобы броситься въ глаза каждому, кто войдетъ въ комнату, послѣ того, какъ она оставитъ домъ. На диванѣ лежало хорошенькое новое платье; рядомъ—разныя другіе подарки. Браслетъ положенъ былъ на пьедесталъ статуи, стоявшей рядомъ, и подъ нимъ—кучокъ бумаги, на которомъ она написала нѣсколько прощальныхъ словъ мистриссъ Линлей, съ выраженіемъ своего раскаянія и сожалѣнія. На туалетѣ стояли три фотографическихъ портрета, среди щетокъ и гребней. Она сѣла и поглядѣла сначала на портреты мистриссъ Линлей и Китти.

Имѣла ли она право взять ихъ съ собой?

Она колебалась; нѣсколько слезинокъ упали на фотографіи. „Онѣ теперь испорчены,—подумала она,—и ни для кого не годны, кромѣ меня“.

Она положила ихъ и взяла третью фотографію—портретъ Герберта Линлея.

Не было ли теперь преступленіемъ даже глядѣть на него? Она рѣшилась разорвать фотографію. И разорвала бы, если бы она случайно попалась ей не обратной, а лицевой стороной. Она захотѣла въ послѣдній разъ взглянуть на него и вдругъ... прижала къ губамъ портретъ, въ порывѣ безнадежной любви.—Что за бѣда?—говорила она самой себѣ.—Не все ли равно, если фотографія будетъ со мной, когда я буду умирать голодною смертью на улицѣ или въ рабочемъ домѣ?—Глаза ея не отрывались отъ фотографіи.

„Приди ко мнѣ на грудь, мой единственный другъ, и убей меня!“ И, говоря эти дикія слова, она яростно засунула карточку за корсажъ платья и бросилась на полъ. Въ этомъ безумномъ порывѣ была какая-то насмѣшливая пародія надъ невиннымъ отчаяніемъ ея дѣтства, когда мать бросила ее на произволь жесткой тети.

Эта ночь прошла въ тайныхъ мученіяхъ еще для другого лица въ Моунтъ-Морвенѣ.

Раскаживая по скучнымъ длиннымъ корридорамъ нижняго этажа дома, Линлей считалъ часы, безжалостно сокращавшіе время, отдѣлявшее его отъ пытки признанія женѣ.

Простить ли ихъ благородная женщина, которую они оскорбили, во вниманіе къ ихъ раскаянію? Вотъ вопросъ, терзавшій Линлея и на который онъ не въ силахъ былъ отвѣтить.

XI.

Они всѣ собрались, по обыкновенію, къ завтраку.

Подстрекаемая словами м-съ Прести, Китти поторопила раздачу подарковъ. Она прибѣжала поутру въ спальню матери и попросила ее отдать ей подарки за завтракомъ.

Подарки сложены были въ амбразурѣ одного изъ оконъ и по очереди предъявлялись Китти. Мистриссъ Линлей подарила ей куклу изумительной красоты. Костюмъ этой восковой красавицы былъ по послѣдней французской модной картинкѣ. Голова двигалась направо и налѣво и наклонялась впередъ; глаза закрывались и открывались; она произносила два слова, болѣе цѣнные въ устахъ куклы, чѣмъ тысяча словъ въ устахъ живого существа. Китти приняла куклу въ свои объятія и поцѣловала ее въ безумномъ восторгѣ. Усердно прижимая куклу къ груди, она нажала на пружинку, и кукла прокричала:

— Мама!—а затѣмъ:—Папа!

Китти сѣла на полъ; ноги подкосились у нея:—Мнѣ кажется, я падаю въ обморокъ,—серьезно объявила она.

Среди всеобщаго хохота, Сидни молча подала новую игрушку (хорошенькое подражаніе ювелирнымъ футлярамъ) Китти и отошла прежде, нежели ребенокъ успѣлъ взглянуть на нее. Мистриссъ Прести была единственнымъ лицомъ, замѣтившимъ ея блѣдность и дрожащія руки.

Ожерелье куклы, браслеты и часы съ цѣпочкой приковали вниманіе Китти къ футляру. Когда она собралась поблагодарить

дорогую Сидъ, отецъ вызвалъ новый взрывъ радости, подаривъ ей коляску, достойную куклы. Дядя слѣдовалъ съ зонтикомъ въ рукахъ, предназначеннымъ для того, чтобы охранить цвѣтъ лица куклы отъ загара, когда она будетъ гулять. Затѣмъ наступила пауза. Гдѣ былъ щедрый подарокъ бабушки? Никто этого не помнилъ; м-съ Прести сама нашла драгоценную шестипенсовую книжку съ картинками, заброшенную куда-то въ сторону.

— Мнѣ очень хочется припрятать мою книжку до тѣхъ поръ, пока ты будешь въ состояніи ее оцѣнить, — сказала она Китти. Въ тотъ моментъ, какъ теща Линлея подала книжку, Линлей успѣлъ шепнуть Сидни:

— Приходите въ фруктовый садъ черезъ полчаса.

Она отступила отъ него, удивленная его словами. Когда мистриссъ Прести вернулась, Линлей и гувернантка отошли далеко другъ отъ друга.

Придя въ себя, Китти снова вскочила на ноги.

— Теперь, — объявила балованная дѣвочка всей компаніи, — я буду играть.

Куклу посадили въ коляску, и она поѣхала по комнатѣ, причемъ мистриссъ Линлей раздвигала стулья у нея на пути, а Рандаль держалъ надъ ней раскрытый зонтикъ, чтобы защищать ее отъ солнца.

Снова шестипенсовая книжка съ картинками была заброшена. Мистриссъ Прести подняла ее съ полу, рѣшивъ на этотъ разъ припрятать до тѣхъ поръ, пока ея внучка не станетъ разсудительнѣе. Она поставила книжку въ бібліотеку, между „Донъ-Жуаномъ“ Байрона и „Жизнью Святыхъ“ Бутлера. Съ того мѣста, гдѣ она стояла, она увидѣла, какъ Линлей снова подошелъ къ Сидни. — Ваши собственные интересы замѣшаны въ томъ, что я долженъ вамъ сказать, — шепнулъ онъ ей.

Мистриссъ Прести не могла услышать того, что онъ сказалъ, но видѣла, что между ними какой-то разговоръ. Она осторожно взглянула на мистриссъ Линлей.

У Китти тѣмъ временемъ прошла охота катать куклу; теперь ей захотѣлось раздвѣвать и одѣвать куклу. — Подите сюда! — сказала она Сидни: — мнѣ хочется, чтобы вы такъ же веселились въ день моего рожденія, какъ и я сама.

Рандаль положилъ зонтикъ на столъ, стоявшій возлѣ дверей. Мистриссъ Прести дала ему знакъ подойти къ ней.

— Я прошу у васъ милости, — сказала она.

Оглянувшись сначала на Линлея, мистриссъ Прести взяла газету и сдѣлала видъ, что совѣтуется съ Рандаемъ насчетъ

какого-то объявленія. — Вашъ братъ глядитъ въ нашу сторону, — лепнула она: — онъ не долженъ подозрѣвать, что между нами есть секреты.

Рандаль ненавидѣлъ всякаго хитрости.

— Что вамъ нужно отъ меня? — рѣзко спросилъ онъ.

Отвѣтъ только усилилъ его смущеніе.

— Обратите вниманіе на миссъ Уэстерфильдъ и вашего брата. Взгляните на нихъ въ настоящую минуту.

Рандаль повиновался: — Что такого въ нихъ замѣчательнаго? — спросилъ онъ.

— Вы не видите?

— Я вижу, что они разговариваютъ.

— Но вѣдь конфиденціально, — такъ, чтобы мистриссъ Линлей не могла ихъ слышать. Взгляните опять.

Рандаль устремилъ глаза на мистриссъ Прести съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ достаточно ясно выразилось его къ ней отвращеніе. Но прежде, нежели онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, его непосѣда-племянница уже придумала новую игру. Солнце свѣтитъ, цвѣты распустились въ полномъ блескѣ, а кукла еще не гуляла въ саду. Китти побѣждала впередъ и, въ своей заботѣ выхватить коляску безъ помѣхи, забыла про дядю и зонтиекъ. Мистриссъ Линлей послѣдовала за дочерью. Линлей переглянулся съ Сидни, и они тоже вышли. Оставшись одна съ Рандалемъ, мистриссъ Прести дала волю гнѣву и уже нисколько не сдерживаясь:

— Моя дочь, несчастная женщина! — разразилась она, театральнымъ жестомъ указывая на дверь, въ которую вышли Линлей и Сидни Уэстерфильдъ. — И Катерина обезана этимъ низкою женщиной, которую вашъ братъ подобралъ въ Лондонѣ! Понимаете вы меня теперь?

— Менѣе чѣмъ когда-либо, — отвѣчалъ Рандаль: — мнѣ кажется, вы сошли съ ума.

Мистриссъ Прести овладѣла собой.

— Я не сержусь, милый Рандаль, за то, что вы мнѣ сейчасъ сказали. Я заслужила это своею неосторожностью: мнѣ слѣдовало дать вамъ доказательства и предоставить вывести собственные заключенія. Присядьте, пожалуйста, на минуту. Я не задержу васъ.

Рандаль не ожидалъ такой сдержанности; онъ сѣлъ на ближайшій около мистриссъ Прести стулъ. Оба сидѣли спиной къ дверямъ библіотеки, выходящимъ въ гостиную.

— Я не буду надоѣдать вамъ тѣмъ, что думаю, а сообщу

только о томъ, что видѣла и слышала. Если вы мнѣ не повѣрите, то я попрошу васъ обратиться за подтвержденіемъ къ самимъ виновнымъ.

Она только-что выговорила это, какъ мистриссъ Линлей вернулась черезъ библіотеку за зонтикомъ.

Рандаль просилъ мистриссъ Прести выразаться яснѣе.—Вы говорите про виновныхъ? Неужели вы разумѣете при этомъ брата?

Мистриссъ Линлей прошла въ столу и взяла зонтикъ. Услышавъ слова Рандалья, она остановилась, дивясь такому странному намеку на ея мужа. Тѣмъ временемъ мистриссъ Прести отвѣтила на его вопросъ:

— Да, я разумѣю вашего брата и его любовницу—Сидни Уэстерфильдъ.

Мистриссъ Линлей положила зонтикъ обратно на столъ и подошла къ нимъ.

Она не взглянула на мать. Ея лицо, блѣдное и застывшее, обращено было къ Рандалью. Для него и только для него она говорила:

— Что означаютъ ужасныя слова моей матери? — спросила она.

Мистриссъ Прести внутренно торжествовала: случай въ концѣ концовъ ей благоприятствовалъ.—Развѣ ты не видишь,—сказала она дочери,—что я здѣсь затѣмъ, чтобы отвѣтить на твой вопросъ?

Мистриссъ Линлей продолжала глядѣть и говорить только съ Рандалемъ.

— Я не могу требовать объясненія отъ матери. Что бы я ни чувствовала, я должна помнить, что она—моя мать. Я васъ спрашиваю, вы слышали ее: что она хочетъ сказать?

Сознаніе о своемъ важномъ значеніи не позволяло мистриссъ Прести допустить, чтобы ее такимъ образомъ игнорировали.

— Ты можешь быть дерзка, сколько тебѣ угодно, Катерина, ты меня не задѣнешь. Твоя мать обязана раскрыть тебѣ глаза. У тебя есть соперница, а эта соперница—твоя гувернантка. Поступай теперь какъ знаешь; мнѣ больше нечего сказать.

И, поднявъ высоко голову, съ видомъ оскорбленной добродѣтели, мистриссъ Прести вышла изъ комнаты.

Рандаль заговорилъ съ невѣсткой, но та отказалась его слушать.

— Не трудитесь оправдываться,—несправедливо упрекнула она его:—вы слушали мою мать безпрекословно; значить, вы тоже замѣшаны въ этихъ низкихъ сплетняхъ.

Рандалъ пытался успокоить ее, но тщетно. Она упала въ кресло, и только одно чувство проснулось въ ней: увидѣть мужа, скорѣй, скорѣй! Его не было въ саду, когда она уходила оттуда за зонтикомъ; и Сидни тоже не было. Дивясь, куда дѣвались отецъ и гувернантка, Китти просила няньку пойти поискать ихъ.

Мистриссъ Линлей, послѣ нѣкотораго колебанія, послала за нянькой.

— Нашли вы м-ра Линлея?—съ усиленіемъ проговорила она.

— Да, сударыня.

— Гдѣ вы его нашли?

— Въ фруктовомъ саду.

— Что онъ вамъ сказалъ?

— Я ушла, сударыня, прежде нежели онъ меня увидѣлъ.

— Почему?

— Миссъ Уэстерфильдъ была въ саду вмѣстѣ съ баринкомъ.

Я боялась помѣшать...

Дѣвушка умолкла и сконфузилась. Мистриссъ Линлей хотѣла сказать ей, чтобъ она продолжала, но языкъ ея не слушался. Она нетерпѣливо сдѣлала ей знакъ. И она поняла.

— Я боялась помѣшать... можетъ быть, мнѣ только повязалось... но, вѣдается, что миссъ Уэстерфильдъ плакала.

Отвѣтивъ это, дѣвушка, очевидно, желала бы поскорѣе убраться. Зонтикъ привлекъ ея вниманіе.—Миссъ Китти спрашивала его,—сказала она,—и удивлялась, почему вы не возвращаетесь съ нимъ; могу я его взять?

— Возьмите.

Голосъ барыни совсѣмъ измѣнился.

Служанка взглянула на нее съ опасеніемъ.—Вамъ дурно, сударыня?

— Нисколько.

Служанка ушла.

Мистриссъ Линлей случайно усѣлась на креслѣ у окна, выходившаго на дорогу, которая вела къ парадному подъѣзду. Къ нему только-что подъѣхала коляска съ посѣтителеми, приѣхавшими осмотрѣть ту часть замка Моунтъ-Морвенъ, которая была открыта для постороннихъ. Мистриссъ Линлей наблюдала, какъ они выходили изъ коляски, болтали, смѣялись, осматривались по сторонамъ. Все еще инстинктивно спасаясь отъ первыхъ сомнѣній въ Гербертѣ, запавшихъ ей въ душу, она старалась отвлечься отъ нихъ наблюденіемъ постороннихъ вещей. Одинъ за другимъ туристы исчезли подъ портикомъ подъѣзда. Пустая коляска отъѣхала отъ подъѣзда, и кучеръ направился въ дере-

венскій трактиръ кормить лошадей. Изъ окна она видѣла теперь только пустыню; тишина, страшная, удручающая тишина царила вокругъ.

Мысли, отъ которыхъ она старалась уйти, опять нахлынули на нее; рассказъ служанки новымъ бременемъ налегъ на душу. Она стала припоминать различныя обстоятельства. Помимо воли взвѣшивала она ихъ значеніе. Ея мужъ и Сидни Уэстерфильдъ гуляютъ вмѣстѣ въ фруктовомъ саду... и Сидни плачетъ. Ужъ не провѣдала ли она объ ужасномъ подозрѣніи мистриссъ Прести? Нѣтъ, эта слабая надежда могла утѣшить другую женщину, но не жену Герберта Линлея.

Она схватила газету и стала ее читать. Упрямо, отчаянно читала она, не понимая ни слова изъ того, что читала. Строчки начинали сливаться и прыгать у нея въ глазахъ, когда внезапно отворилась дверь и заставила ее вздрогнуть. Она оглянулась.

Ея мужъ вошелъ въ комнату.

ХІІ.

Линлей сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... и остановился.

Жена, поспѣшившая-было ему на-встрѣчу, тоже остановилась. Было ли то недоувѣріе, или безразсудный страхъ, только она не рѣшилась сама подойти къ нему.

— Мнѣ надо тебѣ сообщить кое-что, Катя, и я боюсь, что разстрою себя.

Его голосъ дрожалъ; глаза остановились-было на ея лицѣ, но тотчасъ же отвернулись. Онъ замолчалъ.

Онъ сказалъ всего лишь нѣсколько банальныхъ словъ. Но этого было достаточно. Она прочтала правду въ его глазахъ. Она услышала ее въ его голосѣ, и задрожала съ головы до ногъ. Линлей бросился къ ней, боясь, что она упадетъ. Она немедленно сдержала себя и дала ему знакъ не подходить. — Не трогайте меня! — сказала она: — вы пришли отъ миссъ Уэстерфильдъ.

Этотъ упрекъ задѣлъ его.

— Сознаюсь, что пришелъ отъ миссъ Уэстерфильдъ. Она черезъ меня обращается къ вамъ съ просьбою.

— Я отказываю заранѣе.

— Выслушайте сперва.

— Нѣтъ!

— Выслушайте... въ вашихъ собственныхъ интересахъ. Она

просить позволенія оставить нашъ домъ и никогда болѣе въ него не возвращаться. Пока она еще невинна...

Жена глядѣла на него съ невыразимымъ презрѣнiемъ. Онъ перенесъ этотъ взглядъ, но не молча.

— Человѣкъ не лжетъ, Катя, когда сознается въ томъ, въ чемъ я сознаюсь. Миссъ Уэстерфильдъ предлагаетъ единственное искупленiе, какое въ ея власти, пока она все еще невинна, такъ какъ обидѣла тебя только въ мысляхъ.

— Это все?

— Скажи сама, если думаешь, что тебя можетъ удовлетворить другое.

— Я бы желала сначала узнать, что значитъ эта жертва. Ставить ли миссъ Уэстерфильдъ при этомъ какiя-нибудь условiя?

— Она положительно запретила мнѣ ставить какiя бы то ни было условiя.

— И собирается уѣхать куда глаза глядятъ, безъ помощи и безъ друзей?

— Да.

Даже и подъ тяжелымъ ударомъ, сразившимъ ее, сказалась благородная натура этой женщины.

— Дайте мнѣ подумать о томъ, что вы сказали. Я до сихъ поръ вела счастливую жизнь; я не привыкла такъ страдать, какъ страдаю теперь.

Оба замолчали. Голосъ Китти послышался на лѣстницѣ, ведущей въ картинную галерею. Дѣвочка спорила съ нянькой. Ни отецъ, ни мать не услышали ея.

— Миссъ Уэстерфильдъ провинилась передо мной только мысленно, — начала мистриссъ Линлей. — Можете ли вы подтвердить это честнымъ словомъ?

— Честное слово.

Жена его, повидимому, удовлетворилась этимъ. — Моя гувернантка могла бы обмануть меня, и не обманула. Я должна помнить это. Она оставитъ нашъ домъ, но не безъ помощи и не безъ друзей.

Мужъ вышелъ изъ сдержанной роли, которую принялъ на себя.

— Есть ли въ свѣтѣ другая женщина, какъ ты! — вскричалъ онъ.

— Много другихъ женщинъ, — отвѣчала она твердо. — Только вульгарныя бабы, чувствуя себя оскорбленными, находятъ облегченiе въ взрывахъ ревности и ожесточенной брани. Вы всегда жили между порядочными женщинами. Вы бы должны были знать,

что жена, которая очутилась въ моемъ положеніи, но уважаетъ себя, ведетъ себя сдержанно. Я стараюсь не забывать того, чѣмъ обязана другимъ, также какъ и они обязаны мнѣ.

Она подошла къ письменному столу и взяла перо.

Болѣзненно чувствуя всю унижительность своего положенія, Линлей воздержался отъ громкаго заявленія своего восхищенія ея великодушіемъ. Пока онъ не заслужитъ прощенія, онъ не имѣетъ права высказывать свое мнѣніе объ ея поступкахъ. Она перетолковала его молчаніе. Она поняла его такъ, что онъ оцѣнилъ ея великодушіе только по отношенію къ миссъ Уэстерфильдъ, но нисколько не тронуть имъ самъ по себѣ. И бросила перо съ первой вспышкой гнѣва, какая у нея вырвалась.

— Вы говорили отъ имени гувернантки, — сказала она. — Но я еще не слышала, что вы скажете отъ самого себя, сэръ. Вы, что ли, соблазнили ее? Вы знали, какую благодарность она чувствовала къ вамъ... и совратили ея чувство съ пути истиннаго, и влюбили ее въ себя? Жестокій, жестокий, жестокий! Оправдывайтесь, если можете.

Онъ не отвѣчалъ.

— Неужели вы считаете недостойнымъ себя оправдываться? — страстно вскричала она. — Ваше молчаніе — оскорбленіе!

— Мое молчаніе выражаетъ сознаніе моей вины. Она можетъ принять ваше прощеніе, а я не могу даже на него надѣяться.

Что-то въ тонѣ его голоса напомнило ей о прошлыхъ дняхъ, дняхъ безграничной любви и довѣрія, когда для него не существовало въ мірѣ другой женщины, кромѣ нея. Дорогія воспоминанія счастливой супружеской жизни наполнили ея сердце нѣжностью и потушили въ слезахъ гнѣвный блескъ глазъ. Въ ней не было больше ни гнѣва, ни гордости, когда она съ нимъ говорила.

— О, другъ мой, неужели она лишила меня твоей любви?!

Суди сама, Катя, люблю ли я тебя, или нѣтъ, если я устоялъ передъ соблазномъ и во всемъ тебѣ признался?

Она подошла ближе къ нему. — Могу я тебѣ вѣрить?

— Испытай меня.

Она тотчасъ же поймала его на словѣ.

— Когда миссъ Уэстерфильдъ оставитъ насъ, общай мнѣ не видѣться больше съ ней.

— Общаю.

— И даже не писать ей.

— Общаю.

.. Она вернулась къ письменному столу. — Мнѣ теперь легче, — сказала она: — и я могу быть сострадательной.

Написавъ нѣсколько словъ, она встала и подала ему записку. Онъ съ удивленіемъ прочиталъ адресъ: — Ты пишешь къ м-сь Макъ-Эдвинъ? — спросилъ онъ.

— Да; она принимаетъ участіе въ миссъ Уэстерфильдъ; развѣ ты этого не зналъ?

— Припоминаю теперь, — сказалъ онъ, — и прочиталъ слѣдующія строки:

„Рекомендую вамъ миссъ Уэстерфильдъ какъ учительницу для дѣтей младшаго возраста, доказавшую вполне свои способности, усердіе и хорошій характеръ въ то время, какъ была гувернанткой моей дочери. Она оставила мѣсто въ моемъ домѣ вслѣдствіе обстоятельствъ, дѣлающихъ честь ея чувству чести и благодарности“.

— Кажется, я сказала все, что могла, послѣ того, что случилось?

Онъ только взглянулъ на нее; молчаніе его въ настоящую минуту было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Когда она взяла отъ него обратно записку, въ глазахъ ея онъ прочиталъ прощеніе.

Послѣднее и худшее испытаніе было еще впереди; она съ рѣшимостью приступила къ нему.

— Скажите миссъ Уэстерфильдъ, что я желаю ее видѣть.

Когда Гербертъ выходилъ изъ комнаты, жена позвала его.

— Если встрѣтишь мама, — сказала она, — попроси ее прийти ко мнѣ.

Мистриссъ Прести знала характеръ своей дочери; мистриссъ Прести дожидалась, что ее позовутъ, и дождалась.

Нѣжно и почтительно обратилась мистриссъ Линлей къ своей матери.

— Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, я подумала, что вы говорите наобумъ и зря. Теперь я знаю, что въ вашихъ словахъ была доля правды. Если вы были рѣзки, то потому, что огорчились за меня. Я прошу вашего прощенія; я была неправа.

Разъ какъ-то, когда она сначала разсердила, а затѣмъ удивила его, Рандаль Линлей сказалъ мистриссъ Прести: — Однако вы не безсердечная женщина!

Ея отвѣтъ дочери показалъ, что онъ былъ правъ.

— Ни слова больше, мое дитя, — отвѣчала она: — я тоже была неправа.

Не успѣла она произнести это, какъ Гербертъ вернулся. За нимъ слѣдовала Сидни Уэстерфильдъ.

Гувернантка остановилась посреди комнаты. Голова ея была опущена, и она быстро и неровно дышала. Мистриссъ Линлей подошла къ тому мѣсту, на которомъ стояла дѣвушка. Въ ея красотѣ было что-то божественное, когда она поглядѣла на убитую дѣвушку и взяла ее за руку.

Сидни упала на колѣни. Молча прижала она великодушную руку къ губамъ. Молча мистриссъ Линлей подняла ее, взяла рекомендательное письмо со стола и подала ей.

Линлей поглядѣлъ на жену, поглядѣлъ на гувернантку. Ни та, ни другая не говорили ни слова. Онъ не могъ этого вывести и сказалъ Сидни:

— Поблагодарите же м-съ Линлей.

— Я не могу говорить,—отвѣчала она слабымъ голосомъ.

Онъ обратился къ женѣ.

— Скажи ей одно доброе слово на прощанье!—молилъ онъ.

Она сдѣлала усиліе, тщетное усиліе, чтобы исполнить его желаніе. Жестъ отчаянія отвѣтилъ за нее, какъ отвѣчала Сидни:

— „я не могу говорить“!

Вѣрные христіанской добродѣтели, которая требуетъ раскаянія и прощенія, эти три лица стояли передъ разлукой, побѣдивъ свое брѣнное тѣло и восторжествовавъ надъ нимъ.

Жалѣя женщинъ, Линлей рѣшился взять на себя всю тягость прощанья.

— Могу ли я сказать, Катя, что ты желаешь ей счастья на прощанье?

Мистриссъ Линлей пожала ему руку.

Онъ подошелъ къ Сидни и передалъ порученіе жены. Теперь ему слѣдовало прибавить что-нибудь отъ себя; но онъ могъ сказать только—и мы знаемъ съ какой горестью—банальное слово „прощайте!“ и прибавить не менѣе банальное: „желаю вамъ всего хорошаго!“

Въ послѣднюю минуту дѣвочка вѣждала, ища мать.

При видѣ ея, шопотъ ужаса вырвался у присутствующихъ. Это невинное сердце! Они всѣ надѣялись, что мужа разставаны пройдутъ мимо нея!

Она увидѣла, что Сидни—въ шляпѣ и пальто.

— Вы уже одѣты для прогулки?—сказала она.

Сидни отвернула лицо, чтобы скрыть слезы; но слишкомъ поздно: Китти увидѣла, что она плачетъ.

— О! моя милочка! неужели вы отъ насъ уѣзжаете?

Она поглядѣла на отца и на мать.

— Она уѣзжаетъ?

Они не смѣли ей отвѣтить. И изо всей силы она охватила ручонками свою подругу и учительницу, говоря:—Моя милочка, не оставляйте меня!

Безмолвное отчаяніе на лицѣ Сидни поразило Линлея ужасомъ. Онъ передалъ Китти на руки матери. Жалобный крикъ ребенка:— Не пускайте ее! не пускайте ее!—провожая гувернантку, раздиралъ ей сердце.

Сердце Линлея тоже мучительно ныло. Онъ глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ виду.

— Уѣхала!—пробормоталъ онъ:—уѣхала навсегда!

Мистрисъ Прести услышала его и отвѣтила ему:

— Она вернется!

А. Э.

ИСТОРИЯ ТЕКСТА СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

— Сочинения А. С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова (съ приложеніемъ трехъ портретовъ Пушкина). Спб. 1887. Семь томовъ, больш. 8°.

Въ нашей литературѣ нѣтъ писателя, котораго самый текстъ представлялъ бы столь сложную и запутанную исторію, какъ текстъ Пушкина. Весьма нерѣдко бываетъ, что сочиненія писателя въ ихъ полныхъ, особливо посмертныхъ, изданіяхъ являются съ вариантами, дополненіями, даже съ новыми, раньше неизвѣстными, произведеніями, которыя, по тому или другому случаю, не вышли въ свѣтъ при жизни автора; но сочиненія Пушкина имѣли, въ этомъ отношеніи, особенно сложную судьбу. Не одно изъ его произведеній еще при жизни его извѣстно было въ разныхъ чтеніяхъ; посмертное изданіе (1838—41 г.), выходящее подъ редакціей его друзей и поклонниковъ и въ послѣднихъ томахъ давшее цѣлый рядъ неизданныхъ раньше произведеній его, отличалось большими неточностями; изданіе г. Анненкова (1855—57 г.), который послѣ того впервые получилъ доступъ къ рукописямъ поэта и сопроводилъ текстъ Пушкина извѣстными „Матеріалами“ для его біографіи, во многихъ случаяхъ было настоящимъ отвергтіемъ, какъ относительно правильнаго чтенія многихъ произведеній Пушкина и новыхъ текстовъ, такъ и относительно правильнаго пониманія ихъ смысла и біографическаго происхожденія... Но чтобы сообщить свои, вновь добытые, результаты, издателю

пришлось вести трудную, часто непосильную борьбу съ обстоятельствами того времени, а изданіямъ позднѣйшимъ надо было вновь дополнять и исправлять то, чего въ немъ не доставало. Дѣло усложнялось самимъ характеромъ произведеній Пушкина, особливо раннихъ: многое изъ нихъ никогда, и до сихъ поръ, не могло явиться въ нашей печати; до заграничныхъ изданій 60-хъ годовъ, многое ходило только въ рукописномъ обращеніи, подвергаясь обычнымъ его случайностямъ; въ число мелкихъ стихотвореній Пушкина, особливо эпиграммъ, упорно вмѣшивались пьесы, совсѣмъ ему не принадлежавшія. Только послѣ 1880 года стали, хотя не вдругъ, общественнымъ достояніемъ самыя рукописи Пушкина, которыми пользовались первые издатели и г. Анненковъ и которыя съ тѣхъ поръ лежали подъ спудомъ; но и здѣсь отрывались новыя недоумѣнія: лица, занявшіяся этими рукописями и печатавшія ихъ содержаніе, не разъ читали одинъ и тотъ же текстъ различно, относили его къ разному времени, и т. п., и все-таки не исчерпали матеріала рукописей. Рукописи Пушкина состоятъ, главнымъ образомъ, изъ черновыхъ тетрадей, писанныхъ для себя, часто небрежно, съ помарками и поправками, такъ что ихъ чтеніе требовало особенной внимательности; зато оно вознаграждалось любопытными результатами — черновыя давали возможность наблюдать самый процессъ творчества Пушкина, потому что здѣсь находились иногда пьесы въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ обработкахъ, отъ перваго наброска до окончательнаго установленнаго текста. Первое подробное изученіе рукописей сдѣлано было г. Анненковымъ; въ послѣдніе годы ими пользовался г. Бартенева, затѣмъ цѣльное описаніе ихъ дано было г. В. Якушкинымъ, наконецъ онѣ доставили матеріалъ для изданія Литературнаго Фонда.

Такимъ образомъ, текстъ и цѣлость произведеній Пушкина и ихъ чтеніе востанавливались въ томъ родѣ, какъ это дѣлается съ текстами древнихъ классиковъ. Самъ поэтъ не успѣлъ дать полнаго и окончательнаго изданія своихъ произведеній; многихъ онѣ совсѣмъ не видѣлъ въ печати, и, въ сожалѣнію, въ первомъ посмертномъ изданіи онѣ, независимо даже и отъ цензурныхъ искаженій, часто являлись въ весьма неисправномъ видѣ, какъ, впрочемъ, и весь текстъ этого изданія. Бѣлинскій, приступая къ своимъ статьямъ о Пушкинѣ, очень жаловался на эту неисправность изданія 1838—1841 года (въ 11-ти томахъ). „Всѣмъ извѣстно, — говорилъ онъ, — что восемь томовъ сочиненій Пушкина изданы, послѣ смерти его, весьма небрежно во всѣхъ отношеніяхъ — и типографскомъ (плохая

бумага, некрасивый шрифтъ, опечатки, а индѣ и искаженный смыслъ стиховъ), и редакціонномъ (пѣснмъ расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по родамъ, изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ изданіи — это его неполнота: пропущены пѣсн, помѣщенные самимъ авторомъ въ четырехъ-томномъ собраніи его сочиненій, не говоря уже о пѣсахъ, помѣщенныхъ въ „Современникѣ“ и при жизни, и послѣ смерти Пушкина. Послѣдніе три тома сдѣланы компанією издателей-книгопродавцевъ ¹⁾, которые, что могли сдѣлать, какъ издатели, сдѣлали хорошо, т.-е. издали эти три тома красиво и опрятно, но такъ же неполно, какъ были изданы (не ими, впрочемъ) первые восемь томовъ. Справедливый ропотъ публики, которая, заплатя за одиннадцать томовъ сочиненій Пушкина шестьдесятъ-пять рублей асс. (сумму, довольно значительную и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имѣла въ рукахъ полнаго собранія сочиненій Пушкина, — этотъ ропотъ, соединенный съ столь же дурнымъ расходомъ трехъ послѣднихъ, какъ и восьми первыхъ томовъ, и справедливое негодованіе нѣкоторыхъ журналистовъ на такое оскорбленіе тѣни великаго поэта, — все это побудило издателей трехъ остальныхъ томовъ сочиненій Пушкина обѣщать отдѣльное дополненіе къ нимъ, въ которомъ публика могла бы найти рѣшительно все, что написано Пушкинымъ и что не вошло въ одиннадцать томовъ полнаго собранія его сочиненій. А пропущено такъ много, что изъ дополненія вышелъ бы цѣлый томъ... О немъ много толковали, и мы даже видѣли опыты приготовленія къ этому дѣлу... Но время шло, а возделѣнное дополненіе не являлось, и мы, право, не знаемъ, явится ли оно когда-нибудь ²⁾.

Этого дополненія не явилось.

Новое изданіе Пушкина сдѣлано было только гдѣтъ черезъ пятнадцать. Мы еще помнимъ впечатлѣніе, произведенное изданіемъ г. Анненкова въ тогдашнемъ литературномъ кругу: среди той гнетущей атмосферы, которая тяготѣла надъ литературой съ конца сороковыхъ годовъ (когда умеръ и Бѣлинскій), и до половины пятидесятыхъ, новое изданіе Пушкина было свѣтлымъ лучомъ и было привѣтствовано съ большою радостью всѣми друзьями и любителями литературы, тѣмъ болѣе, что извѣстно было, какихъ трудовъ стоило издателю какъ самое дѣло — устройство этого

¹⁾ Это были Глазуновъ и Занкингъ.

²⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, изд. 2, стр. 92—93.

предприятия, организация издания, собираніе множества разсѣянныхъ по старымъ книгамъ сочиненій Пушкина, изученіе рукописей, опредѣленіе чтенія — такъ и проведеніе издания черезъ Сциллу и Харибду тогдашнихъ цензурныхъ требованій, что также исполнено было большими затрудненіями и опасностями. То и другое было своего рода подвигомъ: въ отношеніи историко-литературномъ, трудъ г. Анненкова былъ еще рѣдкимъ тогда образцомъ правильнаго изданія классическаго писателя, изданія, обставленнаго необходимымъ матеріаломъ для правильнаго опредѣленія текста и для объясненія отдѣльныхъ произведеній и, наконецъ, обогащеннаго старательно собранымъ матеріаломъ для біографіи; самая біографія въ тогдашнихъ практическихъ условіяхъ литературы была совершенно немислима. Тогда очень понимали, чего стоило достигъ введенія въ литературу сочиненій Пушкина въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано было г. Анненковымъ; это былъ цѣлый рядъ усилій защитить заподозрѣнное право литературы, при весьма мудреныхъ обстоятельствахъ — имени Пушкина было довольно, чтобы возбудить вновь то недовѣріе, какимъ оно окружено было при жизни Пушкина въ извѣстныхъ сферахъ; тѣ же условія, тѣ же дѣятели того времени были еще на-лицо... Надо припомнить положеніе литературы наканунѣ событій крымской войны, чтобы понять то особенное сочувствіе, съ которымъ встрѣчено было изданіе г. Анненкова тридцать лѣтъ тому назадъ. „Нетерпѣливое ожиданіе, — говорилъ одинъ журналъ того времени, — настоящая потребность русской публики, наконецъ, удовлетворяется... Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли, ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей московскаго университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики — какія торжества для русской науки и литературы!“ Изданіе г. Анненкова, по отзыву тогдашней критики, было „лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбѣжны, достоинства его огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю“ ¹⁾.

Въ трудѣ г. Анненкова въ первый разъ данъ былъ единственно правильный пріемъ изданія, — который и въ дальнѣйшихъ изданіяхъ не всегда былъ примѣненъ, отчасти по непониманію

¹⁾ „Современникъ“, 1855, № 2, стр. 27—30.

дѣла, отчасти отъ одной невозможности, и который теперь введенъ снова въ изданіи Литературнаго Фонда. „Первою заботой новаго изданія, — говорилъ г. Анненковъ въ предисловіи (во 2-му тому), — должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествовающаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варианты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разные эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркіе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія“.

Кромѣ исправленія текста, надо было и дополнить его тѣми произведеніями, которыя пропущены были въ посмертномъ изданіи Пушкина, а для того пересмотрѣть множество журналовъ и альманаховъ, въ которыхъ помѣщались стихотворенія и статьи Пушкина, воспользоваться новѣйшими указаніями объ этихъ пропускахъ, наконецъ ввести въ изданіе все то, что возможно было извлечь изъ рукописей, которыми имѣлъ возможность пользоваться г. Анненковъ. Ко всему этому г. Анненковъ присоединялъ объясненія и свѣденія о томъ, по какому поводу и въ какихъ обстоятельствахъ было написано то или другое произведеніе.

Другимъ нововведеніемъ г. Анненкова было распредѣленіе произведеній Пушкина. Въ старомъ изданіи приняты были осужденныя еще Бѣлинскимъ рубрики по родамъ, „изобрѣтеннымъ Богъ знаетъ чьимъ досужествомъ“ (это было досужество авторовъ старыхъ „пѣтичекъ“): вмѣсто того, г. Анненковъ положилъ въ основу хронологическій порядокъ, принявъ лишь немногіе отдѣлы, необходимые по самому существу дѣла, а именно, въ отдѣлѣ стихотвореній — произведенія лирическія, эпическія и драматическія; въ прозѣ — одинъ отдѣлъ составляютъ записки Пушкина (въ томъ числѣ: мысли и замѣчанія; критическія замѣтки; анекдоты; путешествіе въ Арзрумъ), другой — романы и повѣсти (и здѣсь же „Сцены изъ

рыцарскихъ временъ"); третій—журнальныя статьи, вошедшія и не вошедшія въ посмертное изданіе; четвертый — исторія Пугачевскаго бунта. Наконецъ, разные небольшіе отрывки и замѣтки собраны въ „Матеріалахъ для біографіи“.

Издатель предполагалъ, что въ будущемъ надъ Пушкинымъ предстоить еще работа дальнѣйшихъ объясненій, но, по крайней мѣрѣ, думалъ, что „арена для бібліографической, филологической и исторической критики открыта“. Впослѣдствіи объясненіе Пушкина дѣйствительно обогатилось новыми важными дополненіями, въ которыхъ ббольшая доля принадлежала опять біографическимъ изысканіямъ г. Анненкова.

Выше мы упомянули о практическихъ трудностяхъ, съ какими приходилось бороться г. Анненкову при исполненіи своего предпріятія. Чтобы оцѣнить ихъ должнымъ образомъ, надо припомнить собственный рассказъ издателя, рассказъ, который, притомъ, сталъ возможенъ только черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ самаго дѣла ¹⁾.

Авторъ рассказываетъ, въ какихъ условіяхъ онъ приступалъ къ своему изданію, какимъ крайнимъ предубѣжденіемъ и, можно сказать, недоброжелательствомъ встрѣчено было его предпріятіе въ тогдашнемъ цензурномъ вѣдомствѣ, и излагаетъ содержаніе той записки, которую ему, въ видѣ особеннаго исключенія, разрѣшено было представить въ это вѣдомство въ оправданіе различныхъ заподозрѣнныхъ и назначенныхъ въ запрещенію мѣстъ въ сочиненіяхъ Пушкина. Прежде всего самое изданіе сдѣлалось возможнымъ только по участію высочайшей воли. „При самомъ возникновеніи мысли объ изданіи сочиненій поэта, воспослѣдовало, какъ всѣмъ тогда было извѣстно, высочайшее повелѣніе, предоставлявшее покойной Натальѣ Николаевнѣ Ланской (вдовѣ Пушкина), матери и попечительницѣ дѣтей Пушкина, право на повтореніе въ новомъ предполагавшемся изданіи всѣхъ произведеній поэта, безъ исключенія, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838—1841, которое тоже обязано было своимъ осуществленіемъ единственно прямому вѣшательству и указанію верховной власти. Такимъ образомъ, главный матеріалъ всего предпріятія былъ на-готовѣ и притомъ уже извѣтнй отъ всякаго рода браковки. Безъ охранный грамоты, данной ему вновь упомянутымъ распоряженіемъ, которое сдерживало въ границахъ

¹⁾ См. статью г. Анненкова: „Любопытная тѣжба“, „Вѣстникъ Европы“, 1881, январь. Довольно забавно, что въ каталогѣ г. Межова прибавлено къ заглавію этой статьи объясненіе: „О тѣжбѣ, возникшей по поводу изданія сочиненій Пушкина“. Pischkinnala, № 1408.

приличія и разума ревность литературной полиціи — неизвестно, что стало бы съ доброй частью литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики“. Но оказалось, что, несмотря даже на „охранную грамоту“, цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обоедншія, въ старомъ изданіи, весь русскій читающій миръ, и, напр., на патриотическую пьесу „Герой“, — „доказывая тѣмъ еще разъ (замѣчаетъ г. Анненковъ), что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ вида, въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ“... Тѣ пьесы Пушкина, которыя печатались въ журналахъ, начиная съ 1814 года, но были забыты въ посмертномъ изданіи, были уже совершенно лишены упомянутой охраны, также какъ всѣ тѣ новыя отрывки и матеріалы, которые были извлечены вновь изъ рукописей; ихъ въ особенности и приходилось отстаивать издателю. Въ томъ же беззащитномъ положеніи находились „Матеріалы для біографіи“ поэта и примѣчанія, собранныя издателемъ для объясненія Пушкинскаго текста; „но тутъ (говоритъ г. Анненковъ) составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ, и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ... Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и бібліографическаго труда, гдѣ, видимо, отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отворотить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній“.

Просмотръ новаго изданія Пушкина порученъ былъ цензору (А. Фрейгангу), который, по словамъ г. Анненкова, „пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и, по своему усмотрѣнію, опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямыя доказательства своей законности“¹⁾... Въ настоящемъ случаѣ, цензоръ дошелъ въ своихъ запрещеніяхъ до „немновѣрныхъ рѣшеній“, и хотя эти рѣшенія, въ случаѣ принятія ихъ комитетомъ, становились безапелляціонными, издатель попытался защищать Пушкина. Дѣло было нелегко. Предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ тогда попечитель петербург-

¹⁾ Къ этому лицу относятся цензурныя воспоминанія въ одномъ изъ стихотвореній Некрасова.

скаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, и онъ утвердилъ всѣ поправки, сдѣланныя цензоромъ, такъ что дѣло должно было считаться рѣшеннымъ. Издатель успѣлъ, однако, исходатайствовать дозволеніе представить, съ своей стороны, записку въ оправданіе тѣхъ мѣстъ въ изданіи, которыя были исключены цензоромъ. Дозволеніе было рѣдкимъ примѣромъ снисходительности и получено было лишь благодаря тому, что за это дозволеніе высказались столь вліятельныя лица, какъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ, — по словамъ г. Анненкова, — получившій литературное образованіе, и начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Дуббельтъ, который не находилъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи „записки“, ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ. Ихъ мнѣніе одержало верхъ, хотя Мусинъ-Пушкинъ, по слухамъ, выражалъ мнѣніе, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся, а когда потомъ нѣсколько пунктовъ защиты были приняты въ уваженіе высшею цензурною инстанціей, т.-е. (по тогдашнему) министромъ народнаго просвѣщенія, то Мусинъ-Пушкинъ, выходя изъ засѣданія, сказалъ съ негодованіемъ: „Еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину“.

По собственному разсказу г. Анненкова, объяснительная записка, составлявшаяся въ подобныхъ условіяхъ, должна была отличаться такимъ тономъ, приемами рѣчи и доводовъ, которые отвѣчали бы этой обстановкѣ, придерживаться уровня понятій людей, для которыхъ она предназначалась. „Составитель записки ищетъ аргументовъ для защиты своихъ положеній и требованій не во внутренней правдѣ, которая въ нихъ заключалась или могла заключаться, а въ той счастливой случайности, что они не противорѣчатъ ни одной изъ господствующихъ идей въ обществѣ. Вся „записка“, такимъ образомъ, получила характеръ и отгѣнокъ адвокатской рѣчи, произнесенной въ защиту безпомощнаго кліента, нуждающагося въ снисхожденіи своихъ судей, и странное впечатлѣніе производитъ теперь вся ея аргументація, когда вспомнишь, что кліентомъ тутъ былъ не кто иной, какъ Пушкинъ“.

Приведенныя г. Анненковымъ выдержки изъ объяснительной записки, поданной имъ въ 1854 году, и гдѣ поставлены ея гегатд мѣста, назначенныя въ исключенію, и объясненія издателя, вполне подтверждаютъ это замѣчаніе. Любопытно, между прочимъ, что въ числѣ исключеній, предположенныхъ цензоромъ, находи-

лись и такія, которыя г. Анненковъ называетъ „почти анти-правительственными“, какъ, напримѣръ, запрещеніе замѣтокъ къ стихотворенію „Герой“, подѣ которымъ разумѣлся самъ императоръ Николай. Къ счастью, объясненія издателя, благодаря внимательству министра народнаго просвѣщенія, были, во многихъ случаяхъ, найдены уважительными, но въ другихъ запрещеніе сохранило силу. — Нерѣдко, подѣ впечатлѣніемъ страха, издатель самъ не помѣщалъ нѣкоторыхъ подробностей произведеній Пушкина, чтобы излишнимъ рискомъ не ухулинить дѣла.

Таковы были обстоятельства, въ которыхъ изготовлялось изданіе г. Анненкова. Онъ предвидѣлъ, что въ его трудѣ окажутся недостатки и недочеты, которые потребуютъ дальнѣйшихъ дополненій; но арена для критики дѣйствительно была открыта, и дополненія явились — еще лѣтъ черезъ двадцать-пять — съ тѣхъ поръ, какъ рукописи Пушкина стали общимъ достояніемъ...

Послѣ изданія г. Анненкова, когда оно окончательно истощилось, право печатанія сочиненій Пушкина приобрѣтено было книгопродавцемъ Исаковымъ, который издалъ ихъ два раза подѣ редакціей Геннади (1859—1860, 1870) и въ третій разъ, подѣ редакціей г. Ефремова (1880—1881). Затѣмъ, право на сочиненія Пушкина перешло къ московскому книгопродавцу Анскому, который повторилъ въ значительно дополненномъ видѣ изданіе г. Ефремова (1882). Въ изданіяхъ съ редакціей Геннади появляются уже нѣкоторыя дополненія изъ печатныхъ шпесъ, пропущенныхъ г. Анненковымъ, но, въ цѣломъ, это — самыя дурныя изданія Пушкина по крайней небрежности редакціи и печатанія. Книгопродавецъ, владѣвшій правомъ издавать Пушкина, смотрѣлъ на дѣло съ чисто рыночной точки зрѣнія; онъ зналъ, что Пушкинъ нуженъ, что онъ „пойдетъ“, и не задумывался о редакціи. Приглашенный имъ редакторъ былъ прилежный библиографъ, но совершенно неспособный ко взятому на себя труду; притомъ книгопродавецъ не позаботился даже выговорить себѣ право пользоваться бумагами Пушкина. Наконецъ, изданія Геннади искажены были до безобразія опечатками. Впечатлѣніе, какое производили эти изданія, выражено было тогда въ эниграмматическомъ двустишіи, приравнивавшемъ редактора къ „адову исчадію“ — Дантесу... Надо было радоваться, когда, при третьемъ Исаковскомъ изданіи, редакція перешла къ г. Ефремову. Первая редакціи г. Ефремова отличалась несравненно большею точностью и обиліемъ библиографическихъ изысканій, а вторая добавила, кромѣ того, цѣлый новый томъ изъ писемъ Пушкина, никогда до тѣхъ поръ не собранныхъ, и соединеніе которыхъ въ одно цѣлое было

прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненіямъ Пушкина и большимъ облегченіемъ біографическихъ разысканій.

До 1880 года, рукописи Пушкина все еще оставались недоступными. Книгопродавецъ Исаковъ, какъ мы сказали, приобрѣтая право изданія, не подумалъ о необходимости новаго пересмотра рукописей, такъ что текстъ Пушкина послѣ г. Анненнова могъ быть дополняемъ изъ однихъ печатныхъ источниковъ. Послѣ Пушкинскаго праздника въ Москвѣ, наследники Пушкина пожертвовали эти рукописи Московскому Румянцовскому Музею; но случилось такъ, что, на первое время, доступъ къ нимъ сдѣлался монополіей г. Бартенева, который и воспользовался ею для „Р. Архива“ и отдѣльнаго изданія нѣкоторыхъ бумагъ Пушкина, но, какъ послѣ оказалось, читалъ и печаталъ эти бумаги весьма неумѣло и небрежно. Вскорѣ, однако, монополія кончилась, и рукописи Пушкина стали доступны для всѣхъ, кто желалъ бы изучать ихъ, и въ послѣднее время онѣ были подробно осмотрѣны г. В. Якушкинымъ ¹⁾. Изданіе г. Ефремова 1882 года могло воспользоваться матеріаломъ рукописей Пушкина только въ очень небольшой степени.

Свое изложеніе содержанія рукописей Пушкина г. Якушкинъ начинаетъ разсказомъ о ихъ судьбѣ со смерти поэта. Когда Пушкинъ доживалъ свои послѣдніе часы, императоръ Николай поручилъ Жуковскому запечатать и разобрать потомъ остающіяся отъ него рукописи. Жуковскій исполнилъ порученіе. Черезъ три четверти часа по кончинѣ Пушкина, онъ запечаталъ своей печатью кабинетъ покойнаго; но это показалось, однако, недостаточнымъ, и рукописи Пушкина были еще разсмотрѣны и перемѣнены чинами жандармскаго вѣдомства. Но ни опекуны, съ Жуковскимъ во главѣ, ни жандармы не исполнили дѣла какъ слѣдуетъ: рукописи были перенумерованы весьма небрежно и несходно. Очень часто нумерація опекуновъ (черныя цифры наверху листовъ) не совпадаетъ съ нумераціей жандармовъ (красныя цифры по срединѣ листовъ) оттого, что та и другая пропускали иногда, по листу и больше; иногда листы пропущены были обѣими нумераціями, и такъ и остались безъ помѣты. Счетъ листовъ былъ, повидимому, порученъ опекунами какому-то полуграмотному писцу; по крайней мѣрѣ, на ярлыкахъ тетрадей сдѣлана слѣдующая нескладная надпись: „Рукописная книга подлиннаго оригинала А. С. Пушкина, выпеднаго при жизни его сочиненій“; пригото-

¹⁾ „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ“, рядъ статей въ „Р. Старинѣ“, 1884, т. 41—44, февраль—декабрь.

лены мѣста для подписи „опекуна“, но опекутъ нигдѣ не подписался. Чины жандармскіе были въ этомъ отношеніи нѣсколько аккуратнѣе; на многихъ тетрадахъ счетъ листовъ скрѣпленъ подписью Дуббельта, хотя, какъ выше сказано, самый счетъ былъ невѣренъ. Далѣе, жандармскіе чины, сами составляя тетради изъ несшитыхъ листовъ, вкладывали просто листы одинъ въ другой и сшивали ихъ, не обращая вниманія на путаницу страницъ, такъ что теперь, въ подобныхъ тетрадахъ, послѣ 1-го листа приходится перевернуть всю тетрадь и читать продолженіе текста на послѣднемъ, напримѣръ, 61-мъ листѣ, затѣмъ читать листъ 2-й и 60-й, а 3-й и 59-й, и т. д.

Рукописи должны были составить важный матеріалъ для изданія; онѣ богаты были неизданными произведеніями и доставляли много дополненій. Извѣстно, что Пушкинъ подолгу, иногда по нѣскольку лѣтъ, не печаталъ пьесъ, уже вполне отдѣланныхъ; далѣе, въ печати приходилось ему дѣлать пропуски и перемѣны по цензурнымъ требованіямъ, и сохранившіяся рукописи давали возможность восстановить первоначальный текстъ при перемѣнѣ цензурныхъ взглядовъ; наконецъ, въ рукописяхъ осталось много плановъ, набросковъ, не вполне отдѣланныхъ пьесъ, которые для посмертныхъ издателей должны были имѣть большую важность, потому что въ этомъ незаконченномъ было много любопытнаго біографическаго и прекраснаго въ художественномъ отношеніи.

Изъ всѣхъ изданій Пушкина только первое посмертное и Анненковское—пользовались рукописями Пушкина; но если изданіе г. Анненкова свидѣтельствуетъ о томъ, какъ неудовлетворительно было первое изданіе, то изъ ближайшаго изученія рукописей г. Якушкинъ вынесъ заключеніе, что и г. Анненковъ отчасти далеко не исчерпалъ всего матеріала, доставляемаго рукописями, даже помимо цензурныхъ затрудненій того времени, а отчасти неправильно иногда имъ пользовался. По словамъ г. Якушкина, самими своими „Материалами“ для біографіи поэта г. Анненковъ показалъ на дѣлѣ, какое важное значеніе имѣютъ тетради Пушкина для его біографіи и для оцѣнки его творчества; между тѣмъ онъ „почему-то пренебрегъ значительною, большею частью бывшаго у него въ рукахъ матеріала“. Припоминая отвѣтъ, данный однажды г. Анненковымъ на подобныя упреки въ неполнотѣ,— что требованія эстетической критики не должны давать мѣста въ собраніи сочиненій Пушкина многимъ его произведеніямъ, которыя „являлись паразитами на свѣтломъ фонѣ его поэзіи“, а инныя могутъ только быть терпимы, г. Якушкинъ замѣчаетъ, что пропущено было, однако, много таковаго матеріала, который можетъ

выдержать такую угодную критику и помѣщенію котораго не помѣшала бы эстетическая теорія... Въ теченіе своей работы по изученію рукописей г. Якушкинъ дѣйствительно указалъ не мало исправленій и дополненій къ тексту изданія г. Анненкова и позднѣйшихъ...

Когда, послѣ Пушкинскаго празднества 1880 года, старшій сынъ поэта, А. А. Пушкинъ, пожертвовалъ рукописи въ Московскій Румянцовскій Музей, то на первое время право пользованія ими, въ сожалѣнію, предоставлено было исключительно одному издателю „Русскаго Архива“. Г. Бартенева давно, еще съ пятидесятихъ годовъ, занимался Пушкинымъ, и „казалось,—говорить г. Якушкинъ,— что рукописи Пушкина попали въ надлежащія руки, въ руки специалиста, который, безъ сомнѣнія, постарается исполнить свое собственное требованіе (по поводу трудовъ г. Анненкова) „точнѣйшаго разсмотрѣнія“ тетрадей Пушкина. Это ожиданіе было жестоко обмануто“.

Г. Бартенева, владея своей монополіей, не предпринялъ настоящей критической работы, не собралъ исправленій и дополненій Пушкинскаго текста, а просто сдѣлалъ въ „Р. Архивѣ“ изъ рукописей рядъ отрывочныхъ выписокъ, и потомъ, съ нѣкоторыми другими матеріалами, издалъ ихъ отдѣльной книжкой ¹⁾. Г. Якушкинъ, сличивъ въ послѣдствіи изданіе г. Бартенева съ подлинными бумагами, пришелъ въ самому невыгодному заключенію объ этомъ изданіи. „Нѣкоторыя странности текста въ этихъ отрывкахъ, сравненіе ихъ съ печатной редакціей и нѣкоторыя другія соображенія заставляли относиться къ изданію г. Бартенева въ высшей степени подозрительно... Подозрѣнія не были несправедливы; г. Бартенева далеко превзошелъ редакторовъ посмертнаго изданія и г. Анненкова въ ошибкахъ; его небрежность въ воспроизведеніи Пушкинскаго текста оставляетъ за собою почти все возможное, достигаетъ почти необъяснимыхъ размѣровъ“.

Далѣе, рукописи Пушкина въ полномъ ихъ составѣ были въ рукахъ издателей „Альбома Пушкинской выставки“ ²⁾; но въ этомъ изданіи опять не было сдѣлано никакихъ исправленій Пушкинскаго текста; „Альбомъ“ заимствовалъ отсюда только нѣсколько снимковъ съ рисунковъ и рукописей Пушкина. Замѣтимъ, впрочемъ, что изслѣдованіе рукописей и не входило въ его планъ.

¹⁾ „А. С. Пушкинъ. I^а. Москва. 1881.

²⁾ Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе Общества любителей россійской словесности, подъ редакціей дѣйствительнаго члена, Льва Поливанова. М. 1882. 4°.

По словамъ г. Якушкина, монополія г. Бартенева прекратилась, благодаря стараніямъ покойнаго А. Е. Викторова, бывшаго хранителемъ рукописей Московскаго Румянцовскаго Музея; съ осени 1882 года, съ согласія жертвователя, рукописи Пушкина открыты были для всеобщаго пользованія. Съ того же времени г. Якушкинъ занялся ихъ изученіемъ—сначала изъ личной любознательности; но когда потомъ оказалось, что рукописи не привлекли никого изъ специалистовъ исторіи литературы, онъ рѣшилъ развить свои изученія и напечатать ихъ результатъ. Трудъ г. Якушкина, довольно сложный, какъ увидимъ, составляетъ его большую заслугу для изученія Пушкина.

Цѣлью этого труда было, по словамъ г. Якушкина, „указать на то печальное положеніе, въ которомъ находится посмертный Пушкинскій текстъ, исправить, по возможности, его неполноты и ошибки; затѣмъ, описаніе дастъ не мало и дополненій, не бывшихъ въ печати, между которыми есть нѣкоторыя вещи, имѣющія вполнѣ самостоятельное художественное значеніе; наконецъ, въ описаніи читатель найдетъ довольно указаній и замѣтокъ, важныхъ для біографіи Пушкина, для характеристики и поэта, и его поэзіи“.

Число Пушкинскихъ рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ № 2364—2395, по счету Музея, доходитъ до 32 переплетенныхъ и непереплетенныхъ книгъ, альбомовъ и тетрадей; но здѣсь же находится нѣсколько книгъ, составляющихъ оригиналъ посмертнаго Пушкинскаго изданія (писарской рукой, съ поправками Жуковскаго) или представляющихъ собраніе историческихъ матеріаловъ (рукой писца), такъ что собственно Пушкинскихъ рукописей, подлежащихъ изученію, остается 24 или 25. Объемъ этихъ книгъ, альбомовъ и тетрадей различенъ, отъ 32 до 219 листовъ, въ листъ и въ четверку. Нумерація рукописей, какъ выше было замѣчено, не отличается точностью и притомъ опекунская разнится съ жандармской: тамъ, гдѣ, по официальному счету, было, напр., 51, на дѣлѣ—45 листовъ; или гдѣ по официальному счету 65, тамъ на дѣлѣ 69 листовъ—больше или меньше, такъ какъ официальная нумерація (опекунская и жандармская) или считала листы пустые, или, напротивъ, пропускала листы, писанные безъ номера, и т. п.; кое-гдѣ листы, входившіе въ нумерацію, оказались вырванными. Всего, въ 25 собственно Пушкинскихъ рукописяхъ мы насчитали, по описанію г. Якушкина, 2,293 листа или 4,586 страницъ.

Таковъ матеріалъ, который подлежалъ изученію для опредѣленія подлиннаго Пушкинскаго текста и который былъ въ распо-

ряженіи редакторовъ посмертнаго изданія и г. Анненкова, а потомъ г. Бартенева. Должно сказать, что изученіе этого матеріала нелегко. Въ огромномъ большинствѣ, тетради Пушкина состоятъ именно изъ черновыхъ рукописей, набросковъ, писанныхъ поэтомъ для себя, поэтому небрежно, часто весьма неразборчиво, обильно перечеркнутыхъ, недоконченныхъ, перемѣшанныхъ; содержаніе — почти всегда отрывочно, нерѣдко неясно и загадочно; представляющіеся варианты стихотвореній требовали бы очень подробной разработки, и копотливый трудъ иногда мало вознаграждается.

Г. Якушкинъ, прослѣдившій эти рукописи страница за страницей, во всѣхъ подробностяхъ, какъ случается обыкновенно въ спеціальной работѣ, былъ очень строгъ въ своимъ предшественникамъ. Эта строгость понятна въ отношеніи упомянутого монополюскаго пользованія; издатель „Р. Архива“ не былъ уже ни сколько стѣсненъ тѣми препятствіями, какія таготѣли надъ его предшественниками, самъ еще раньше оцѣнивалъ всю возможность изученія Пушкинскихъ бумагъ, наконецъ — имѣлъ въ виду именно и только разработку этихъ рукописей, и отъ него справедливо можно было требовать внимательнаго отношенія къ дѣлу; монополія обязывала къ тому еще больше. Но намъ важутся не вполне спокойными замѣчанія г. Якушкина относительно изданія г. Анненкова. Во-первыхъ, какъ мы видѣли выше, его работа была обставлена такими мудреными условіями, которыя могли внушать редактору изданія 1855—57 года опасенія, весьма неблагоприятныя для самаго хода работы. Величайшая осторожность, какую надо было соблюдать, чтобы не компрометтировать дѣла, не могла не отразиться на пользованіи рукописями. Съ другой стороны, эстетическія ссылки, которыя приводилъ издатель въ защиту обвиненій въ неполнотѣ его извлеченій изъ Пушкинскихъ рукописей, были, безъ сомнѣнія, искренни. Издатель былъ вполне проникнутъ взглядомъ на Пушкина, какъ на высокаго художника, взглядомъ, какой развивала критика сороковыхъ годовъ; художество — была основная, почти единственная, точка зрѣнія, съ которой смотрѣли на Пушкина и съ которой хотѣли представить его обществу въ изданіи его сочиненій. Пушкинъ историческій — стоялъ на второмъ планѣ; извѣстныя стороны его біографіи, его юношескія поэтическія увлеченія, неумѣренные гражданскіе порывы — разсматривались какъ дань молодости, которая можетъ не идти въ счетъ въ оцѣнкѣ его зрѣлаго творчества и не должна мѣшать эстетическому наслажденію его произведеніями. Позднѣйшія біографическія изслѣдованія г. Анненкова развиваютъ именно этотъ взглядъ; вполне ли онъ точенъ — другой вопросъ, но въ искрен-

ности его нѣтъ сомнѣнiя, и весьма вѣроятно, что онъ участвовалъ въ отношенiи издателя въ рукописяхъ: издатель извлекъ изъ нихъ много новаго и важнаго, но, довольствуясь находками биографическими, довольствуясь наблюденiемъ процесса Пушкинскаго творчества, съ своей точки зрѣнiя могъ не гнаться за всѣми подробностями того, что представлялось сырымъ матеріаломъ и подготовительной работой; достаточно было результатовъ этой работы—законченныхъ и самимъ Пушкинымъ признанныхъ его творенiй. Наконецъ,—и этого обстоятельства также нельзя упустить изъ виду,—въ то время, когда г. Анненковъ предпринималъ свою работу, у насъ еще не выработалась манера того детальнаго, кропотливаго библиографическаго разысканiя, требованiя котораго къ нему предъявляются: тогда лишь только складывались приемы новой историко-литературной работы; первые образчики ея (между прочимъ, и по обстоятельствамъ времени) были часто мелочны, и трудъ г. Анненкова выдѣлялся своими достоинствами. Правда, провѣрка его работы, по самымъ источникамъ, была невозможна; но для начала сдѣлано было все-таки не мало, и самъ издатель предвидѣлъ и считалъ необходимымъ дальнѣйшiй трудъ. Масса мелкихъ подробностей, представляемыхъ рукописями, такъ велика, что исчерпать ихъ отказался и г. Якушкинъ въ своей специальной работѣ.

Такова была судьба Пушкинскихъ рукописей по отношенiю къ изданiю его сочиненiй. Ихъ необходимость для изданiя очевидна; онъ остались литературнымъ наслѣдiемъ великаго поэта, который не успѣлъ самъ довести до конца своего дѣла, не успѣлъ даже самъ пустить въ свѣтъ и то, что было уже имъ закончено или почти закончено; здѣсь остались и разбѣянные отрывки его плановъ, интимныхъ мыслей, биографическихъ замѣтокъ, предварительныхъ работъ надъ своими произведенiями. Отнынѣ, когда рукописи стали общимъ достоянiемъ, онѣ должны стать необходимымъ пособiемъ при изданiи его сочиненiй.

Въ первый разъ послѣ труда г. Анненкова, новая работа надъ сочиненiями Пушкина и установленiемъ ихъ текста, на основанiи рукописей, предпринята была въ изданiи Литературнаго Фонда.

Предисловіе даетъ объ этомъ изданiи слѣдующiя свѣденiя.

Предпринимая это изданiе, комитетъ Литературнаго Фонда имѣлъ цѣлью представить, во-первыхъ, по возможности, полный и тщательно провѣренный текстъ Пушкина и, во-вторыхъ, дать

книгу, которая могла бы служить пособіемъ для занимающихся изученіемъ какъ самого Пушкина, такъ и Пушкинской эпохи вообще. Съ этою цѣлью редакціею изданія были пересмотрѣны, исправлены и дополнены, по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ Музеѣ, и въ Петербургѣ, въ Импер. Публичной Библиотекѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти; произведенія Пушкина, требовавшія объясненій, снабжены примѣчаніями біографическими, бібліографическими и историко-литературными, гдѣ, между прочимъ, указаны заимствованія изъ писателей русскихъ и иностранныхъ и подражанія имъ, сообщены свѣденія о лицахъ и фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ данному произведенію или послужившихъ для него поводомъ, и отмѣчены критическіе и полемическіе отзывы, явившіеся въ печати при жизни Пушкина.

Подробная программа этого изданія была рассмотрѣна отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, и, подъ наблюденіемъ комиссіи изъ нѣсколькихъ бывшихъ и настоящихъ членовъ комитета Литературнаго Фонда, общая редакція изданія поручена была П. О. Морозову.

Сочиненія Пушкина распределены въ новомъ изданіи по слѣдующимъ отдѣламъ:

I: Мелкія стихотворенія (томы 1-й и 2-й).

II: Поэмы, сказки, пѣсни западныхъ славянъ и драматическія произведенія въ стихахъ (томы 2-й и 3-й).

III: Романы, повѣсти и драматическія произведенія въ прозѣ; путешествіе въ Арзерумъ (томъ 4-й).

IV: Журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки и черновыя критическія статьи (томъ 5-й).

V: Исторія Пугачевского бунта и историческіе матеріалы (томъ 6-й).

VI: Письма (томъ 7-й).

Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ принятъ хронологическій порядокъ сочиненій; при каждомъ отдѣльномъ произведеніи, гдѣ это было возможно, отмѣчено время написанія, причемъ хронологическія данныя проверены по рукописямъ; за произведеніями законченными помѣщены, подъ соответствующими годами, черновые отрывки и наброски. Имѣя въ виду, что между произведеніями Пушкина есть вещи, которыхъ онъ самъ, по ихъ содержанію, не могъ предназначать къ печати и которыхъ, притомъ, не сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ, редакція сочла возможнымъ, не включая ихъ въ текстъ, отнести въ дополнительныя

библиографическія примѣчанія, гдѣ помѣщены и нѣкоторыя поправки къ тексту.

Что касается вариантовъ, то, для возможно правильнаго возстановленія текста, изъ нихъ приводятся въ выноскахъ лишь такія, которые или допускались самимъ авторомъ въ разныхъ, при его жизни напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное, каковы, напр., варианты въ посланіи Жуковскому 1818 г., или въ „Памятникѣ“; каковы также мѣста, измѣненные или отброшенные при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописяхъ, и т. п.

Въ виду крайней затруднительности, а во многихъ случаяхъ и невозможности возстановить подлинное Пушкинское правописаніе, соблюдается въ изданіи общепринятое теперь правописаніе, тѣмъ болѣе, что самъ Пушкинъ никогда не держался послѣдовательно какой-нибудь опредѣленной и заслуживающей вниманія орфографической системы.

Въ приложеніи къ изданію, въ 7-мъ томѣ, помѣщены: полный хронологическій и библиографическій списокъ произведеній Пушкина, съ указаніемъ, гдѣ каждое изъ нихъ было въ первый разъ напечатано; алфавитный указатель лицъ и нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. Стихотворенія (при 3-мъ томѣ) указаны и по заглавіямъ, и по первымъ стихамъ; письма (въ 7-мъ томѣ) въ указателѣ собраны по фамиліямъ лицъ, къ которымъ они адресованы.

Въ общемъ счетѣ, въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній, болѣе или менѣе значительныя поправки или дополненія внесены въ 56 стихотвореній, и 7 стихотвореній напечатаны здѣсь въ первый разъ; напротивъ, изъ числа стихотвореній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ 1880 и 1882 г., не вошли въ настоящее изданіе 6 стихотвореній, которыя приписывались Пушкину безъ основанія. Пропуски въ текстѣ стихотвореній, а также неразобранныя или недописанныя мѣста въ черновыхъ наброскахъ означены точками; слова, поставленныя взамѣнъ неразобранныхъ или прочитанныхъ по догадкѣ, заключены въ прямыя скобки.

Во второмъ отдѣлѣ приведены черновые варианты къ „Кавказскому Плъннику“; исправлена и дополнена „Приписка“ къ этой поэмѣ; дополнена „Программа комедіи“; въ первый разъ напечатана программа „Вадима“; исправлена сказка „Царь Никита“; дополнены „Отрывки изъ поэмы“; возстановленъ первоначальный текстъ „Бориса Годунова“ и сказки о погѣ и его работникѣ; сдѣланы исправленія въ текстѣ „Русалки“ и „Каменнаго Гостя“; приведены черновыя строфы изъ „Домика въ Коломнѣ“, „Родословной моего героя“ и „Евгенія Онѣгина“.

Въ третьемъ отдѣлѣ, кромѣ повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ („Повѣсти Бѣлкина“, „Капитанская дочка“, „Кирджали“, „Путешествіе въ Арзрумъ“), всѣ остальные произведенія, печатавшіяся до сихъ поръ съ пропусками и въ искаженномъ видѣ, значительно исправлены и дополнены по рукописямъ.

О четвертомъ отдѣлѣ предисловіе замѣчаетъ: „Составляющія его произведенія — кромѣ напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ — были искажены прежними издателями часто до неузнаваемости, такъ что въ настоящемъ изданіи многія изъ нихъ только впервые являются въ подлинномъ видѣ“.

Исторія Пугачевского бунта, какъ напечатанная самимъ Пушкинымъ, помѣщена безъ всякихъ измѣненій, но дополнена примѣчаніями, въ то время не попавшими въ печать.

Отдѣлъ писемъ, сравнительно съ изданіемъ 1882 года, дополненъ семейною перепискою Пушкина и нѣсколькими письмами, вновь явившимися въ печати или извлеченными изъ рукописей. Стихотворенія, включенныя Пушкинымъ въ свои письма и связанныя съ ихъ содержаніемъ, напечатаны въ текстѣ писемъ и уже не помѣщаются въ отдѣлѣ стихотвореній, чтобы не дѣлать повтореній. На томъ же основаніи, стихотвореніе „Клеопатра“ и романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ перенесены изъ отдѣла стихотвореній — первое въ отрывокъ изъ „Египетскихъ Ночей“, а второй — въ „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“.

Наконецъ, въ изданію приложены три портрета Пушкина: первый — копія съ гравюры Гейтмана по оригиналу Брюлова (или Чирикова), приложенной въ изданію „Кавказскаго Пльнника“ 1822 г.; второй — копія съ карандашнаго портрета, рисованнаго Жюлемъ Вернѣ въ 1820 г., являющаяся въ настоящемъ изданіи въ первый разъ; и третій — копія съ гравюры Утѣина по оригиналу Кипренскаго, помѣщенной въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1828 г. Портреты воспроизведены — два первые въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, третій — въ фототипіи г. Штейна.

Таковъ планъ и исполненіе изданія, приготовленнаго Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Мы не знаемъ въ настоящую минуту, какъ составлены другія изданія Пушкина, которыхъ цѣлая масса является теперь, когда право изданія его сочиненій стало общей собственностью; но, по сравненію со всѣми прежними изданіями, изданіе Литературнаго Фонда представляетъ достоинства вновь внимательно провѣрен-

наго и обильно дополненаго и объясненаго текста и, такимъ образомъ, удовлетворяеть основной, первоначальной потребности — правильного чтенія великаго поэта. Новое изданіе воспользовалось тѣмъ опытомъ, какой давала исторія Пушкинскаго текста, и обратилось въ источникамъ — въ собственнымъ рукописамъ Пушкина. Матеріалъ ихъ, какъ мы видѣли, остался далеко не исчерпанъ прежними издателями; новѣйшее изданіе бумагъ Пушкина сдѣлано было слишкомъ невнимательно, чтобы на немъ можно было опереться; первое подробное описаніе Пушкинскихъ рукописей сдѣлано было г. Якушкинымъ, но, устранивъ много прежнихъ ошибокъ и недосмотровъ, сообщивъ много важныхъ указаній, оно также не извлекало всего, что представляли рукописи Пушкина для исправленія его текста, — предоставляя это будущему изданію. Редакція изданія Литературнаго Фонда произвела новое изученіе рукописей, причемъ и г. Якушкинъ оказалъ ей цѣнное содѣйствіе, — и въ результатъ текстъ Пушкина получилъ новыя исправленія и также дополненія, еще никогда не бывшія въ печати. При этомъ оказались довольно многочисленныя пополненія и относительно того, что было отмѣчено г. Якушкинымъ; внесены многіе любопытные эпизоды, до сихъ поръ неизвѣстные.

Въ оглавленіи 1-го и 2-го тома отмѣчены звѣздочкою тѣ пьесы (въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній), гдѣ сдѣланы болѣе или менѣе значительныя исправленія и дополненія (числомъ 56), и тѣ пьесы, которыя являются въ настоящемъ изданіи въ первый разъ изъ рукописей Румянцовскаго Музея и Публичной Библіотеки. Любители Пушкинской поэзіи съ интересомъ прочтутъ эти новыя пьесы: „Мнѣ васъ не жаль“ (I, стр. 230), „Составленъ онъ изъ подлой спѣси“ (стр. 263), „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“ (стр. 264), „Посланіе графу О**“ (стр. 334), „Мнѣ жаль великія жены“ (стр. 336), „Въ рощахъ карійскихъ“ (II, стр. 28), „Еще одной высовой, важной пѣсни“ (стр. 85), въ особенности первую и послѣднюю; любопытно также и „посланіе графу О**“.

Не останавливаясь на множествѣ тѣхъ, выше перечисленныхъ, отличій, какія имѣеть новый текстъ сравнительно съ прежними изданіями, приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ поправокъ, какія текстъ настоящаго изданія представляетъ сравнительно съ послѣдними изысканіями въ Пушкинскихъ рукописяхъ (напр., даже у г. Якушкина). Въ стихотвореніяхъ это — болѣею частію — отдѣльныя подробности, которыя, однако, должны были найти мѣсто, какъ поправки прежняго неправильнаго чтенія, и иногда любопытны, какъ черты поэтическаго стиля, а иногда отрываютъ

цѣлыя новыя созданія Пушкинской поэзіи. Напримѣръ: въ стихотвореніи „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ (I, стр. 22—23):

Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...

(Въ прежнихъ текстахъ: шелковый.)

„Посланіе къ Юдину“ — (лицейскому товарищу; т. I, стр. 97—102)—печаталось прежде въ отрывкахъ подъ именемъ „Посланія къ Юшкову“; теперь оно возстановлено въ цѣломъ составѣ и съ болѣе точнымъ чтеніемъ.

Въ „Элегіи“ (I, 142—143, гдѣ надо отмѣтить опечатку въ оглавленіи, такъ какъ принадлежащая сюда звѣздочка отнесена въ слѣдующей пьесѣ):

Кому нѣвѣдомъ страшный пгвнъ...

(Въ чтеніи г. Якушкина: страстнй.)

Въ „Черновыхъ наброскахъ“ (I, 196—197) цѣлый рядъ стиховъ прочитанъ въ рукописяхъ вновь и, безъ сомнѣнія, болѣе правильно, нежели читалось прежде.

Въ другихъ „Черновыхъ наброскахъ“ (I, 264 и др.), въ пьесѣ: „Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный“:

Любви счастливой, безмятежной...

(Въ прежнемъ чтеніи было: безнадежной, что противорѣчитъ смыслу текста.)

Въ наброскѣ: „Графу О...“ (I, 334) внесены многія слова, совсѣмъ неразобранныя въ прежнемъ чтеніи. Новое чтеніе внесено въ набросокъ: „Лишь розы увядаютъ“ (I, 377).

Въ стихотвореніи: „Увы, языкъ любви болтливой“ (II, 36) послѣдніе два стиха прочтены опять полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ было прочитано прежде.

Въ образчикъ того, какіе прекрасные отрывки сбереглись, — какъ фрагменты изящной статуи, — въ рукописяхъ, и опять въ примѣръ того, что вносить новаго въ этомъ отношеніи настоящее изданіе, приводимъ чтеніе одного любопытнаго наброска 1829 г. въ изданіи Литературнаго Фонда, отмѣтивъ разрядкой то, что осталось неразобраннымъ въ чтеніи г. Якушкина:

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Февъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоёмъ
Повѣшу я — пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ... ¹⁾.

...Еще единый гимнъ —

Внемлите мнѣ, пенаты — вамъ пою

¹⁾ Повѣшу я — да стонеть

Когда столби его колеблетъ буре.

Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
 Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
 Иль, божества всевышнія, всему,
 По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
 И слѣдуютъ торжественно за вами
 Великій Зевсъ съ супругой волоокой
 И мудрая богиня, дѣва силы,
 Аѳинская Паллада, — вамъ хвала.
 Примите гимнъ, таинственныя силы!
 Хоть долго былъ изгнанаемъ удаленъ
 Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліаній,
 Но васъ любить не преставаеъ, о боги,
 И въ долгіе часы пустынной жизни
 Томительно просилась отдохнуть
 Близъ вашего святого пелелища
 Моя душа, — тамъ миръ (и тишина)...
 Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
 Въ свидѣтели, съ какииъ святыиъ воиенъеиъ мь
 Оставилъ я людское стадо наше,
 Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
 Бесѣди одинъ съ самимиъ собою.
 Часы неизьяснимыхъ наслажденій!
 Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
 Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
 Они любить, лелѣять научаютъ
 Не смертныя, таинственныя чувства,
 И насъ они наукѣ первой учатъ —
 Чтить самого себя. О нѣтъ, но вѣкъ
 Не преставаеъ молитъ благоговѣино
 Васъ, божества домашнія... ¹⁾.

Это, хотя недоконченное, стихотвореніе можетъ быть безспорно поставлено на ряду съ лучшими признаніями Пушкинской поэзіи...

Укажемъ еще рядъ исправленій текста — опять не только въ сравненіи съ прежними изданіями, но и со сдѣланными въ новѣйшее время извлеченіями изъ Пушкинскихъ бумагъ: напр., въ стихотвореніи „Мѣдовъ“ (II, 125), въ черновыхъ наброскахъ пьесы: „Вновь я посѣтилъ“ (II, 184), въ „Программѣ комедій“ (II, 311), въ дополненіяхъ къ „Родословной моего героя“ (III, 553, 557), и т. д.

Еще болѣе значительны исправленія и дополненія въ Пушкинскоиъ прозѣ. Выше упомянуто, въ какиихъ произведеніяхъ Пушкина сдѣланы въ настоящемъ изданіи эти поправки; для всѣхъ любителей русской литературы будетъ удовольствіемъ уви-

¹⁾ Ср. „Русская Старина“, 1884, ноябрь, стр. 351—352.

дѣтъ текстъ Пушкина освобожденнымъ отъ ошибокъ и пропусковъ, которые искажали его слишкомъ часто по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, — и встрѣтить неизвѣстные доселѣ эпизоды и подробности. Укажемъ, напр., тѣ обширныя добавленія, съ какими является въ настоящемъ изданіи знаменитая „Исторія села Горюхина“ или нѣкоторыя изъ повѣстей, поправки къ повѣсти „Дубровский“, къ „Египетскимъ Ночамъ“, къ „Запискамъ Нащокина“, къ повѣствовательнымъ отрывкамъ, и проч. (т. 4-й).

Подобнымъ образомъ, обширныя исправленія сдѣланы въ 5-мъ томѣ, заключающемъ критическія, библиографическія, полемическія статьи, историческія замѣтки, дневникъ. О шестомъ и седьмомъ томѣ мы выше упоминали.

Словомъ, относительно текста, изданіе Литературнаго Фонда представляетъ наиболѣе полную и внимательную работу, какая была до сихъ поръ сдѣлана въ этомъ отношеніи; оно воспользовалось всѣми предыдущими изслѣдованіями и сообщеніями и, главное, воспользовалось, съ возможной полнотой, матеріаломъ Пушкинскихъ бумагъ. Что касается плана, т. е. распредѣленія самыхъ сочиненій, на нашъ взглядъ онъ наиболѣе цѣлесообразенъ, отличая главнѣйшія группы произведеній Пушкина и въ каждой группѣ проводя строгій хронологическій порядокъ. Тотъ же порядокъ принятъ и въ размѣщеніи писемъ Пушкина: въ изданіи 1882 года, гдѣ онѣ въ первый разъ были собраны, письма расположены по лицамъ, къ которымъ были адресованы, и порядокъ лицъ опредѣлялся наиболѣе раннимъ письмомъ — очевидно, расположеніе слишкомъ случайное; въ изданіи Литературнаго Фонда письма размѣщены только по времени написанія, въ параллель къ біографіи и писательской дѣятельности Пушкина, а по именамъ корреспондентовъ письма собраны только въ указателѣ.

Другая работа редакціи заключалась въ составленіи объяснительныхъ примѣчаній. Выше мы упоминали, какіе предметы имѣлись въ виду въ этихъ примѣчаніяхъ; эти предположенія выполнены вообще съ большою внимательностью. Читатель находитъ здѣсь произведенія Пушкина обставленными необходимѣйшимъ историческимъ матеріаломъ, который указываетъ время ихъ происхожденія и, гдѣ возможно, обстоятельства личныя и литературныя, съ какими связана пьеса, исторію ея написанія, источники, главнѣйшіе варианты, впечатлѣніе, произведенное ею въ современной литературѣ, и т. п. Въ изданіи того объема, какой былъ предположенъ, были бы неумѣстны комментаріи болѣе обширныя; но въ примѣчаніяхъ указаны всѣ главнѣй-

шіе біографическіе и историко-литературныя труды, которые служатъ для объясненія даннаго произведенія. Въ заключеніе всего, въ 7-мъ томѣ, данъ обстоятельный хронологическій и бібліографическій списокъ произведеній Пушкина, который можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто желать бы заняться детальнымъ изученіемъ Пушкина. Это — полная хронологія писательской дѣятельности Пушкина: произведенія его приведены въ порядкѣ годовъ и нерѣдко мѣсяцевъ и чиселъ, когда онѣ написаны или начаты и кончены, причемъ указано, въ какомъ изданіи онѣ въ первый разъ появились при жизни или по смерти Пушкина, а также отмѣчено, если онѣ находятся въ бумагахъ Пушкина; звѣздочкой отличены здѣсь тѣ немногія произведенія, которыя не вошли, по неудобству ихъ, въ настоящее изданіе. Этотъ трудъ — первый въ своемъ родѣ — исполненъ съ большою точностью.

Такимъ образомъ, въ изданіи Литературнаго Фонда можно привѣтствовать наиболее полный и исправный текстъ Пушкина, обставленный необходимыми историческими объясненіями и множествомъ бібліографическихъ справокъ и свѣденій.

Когда возникла мысль о настоящемъ изданіи, высказывалось желаніе, чтобы произведенія Пушкина были, наконецъ, изданы еще болѣе пирокимъ образомъ — съ подробнымъ комментариемъ его произведеній со стороны ихъ значенія эстетическаго, историко-литературнаго и со стороны ихъ языка. Такое изданіе, безъ сомнѣнія, необходимо; оно было бы достойнымъ памятникомъ великаго писателя и должно было бы по возможности объединить тотъ громадный историко-литературный матеріалъ, который накопился теперь, черезъ полвѣка, истекшихъ по его смерти, какъ необходимо было бы жизнеописаніе, гдѣ была бы собрана и связана въ органическое цѣлое та масса разбросанныхъ біографическихъ свѣденій, документовъ и воспоминаній, какая уже имѣется въ литературѣ. Жизнь и дѣятельность этого родоначальника нашей новѣйшей литературы сложились такимъ исключительнымъ образомъ, что его произведенія требуютъ этого особеннаго комментарія, а также воспроизведенія, сколько возможно, его посмертнаго наслѣдія. Изданіе Литературнаго Фонда до сихъ поръ наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ этой потребности и трудъ г. Морозова, которому принадлежитъ редакція этого изданія, составить его большую и памятную заслугу для исторіи русской литературы.

А. Пыпинъ.

ДВѢ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ РОСПИСИ.

I.—Исполненіе государственной росписи за 1885 годъ.

Въ январьской книгѣ журнала было уже указано на общіе результаты исполненія государственной росписи за 1885 годъ ¹⁾. Годъ этотъ, точно также, какъ и предшествовавшія пять лѣтъ, ознаменовался дефицитомъ и притомъ весьма значительнымъ. Самая роспись 1885 года была, какъ извѣстно, сведена съ недоборомъ въ доходахъ сравнительно съ расходами: обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ ожидалось 780.032,821 р.; обыкновенные расходы были исчислены въ суммѣ 787.793,162 р.,—почти на 8 мил. рублей болѣе. Въ дѣйствительномъ исполненіи разница слишкомъ впятеро превысила эту цифру: доходовъ поступило всего лишь 762.282,842 р.,—менѣе предполагавшагося почти на 18 мил. рублей,—расходовъ произведено 806.614,346 р., т.-е. 19 мил. болѣе смѣтныхъ исчислений. Такимъ образомъ, недоборъ въ доходахъ сравнительно съ расходами составилъ слишкомъ 44 м. р., а за вычетомъ, по принятому въ государственномъ бюджетномъ счетоводствѣ порядку, изъ этой суммы свободныхъ остатковъ отъ окончательно заключенныхъ смѣтъ 1881 года въ размѣрѣ 3.127,537 рублей ²⁾, дефицитъ по обыкновенному бюджету 1885 года равняется 41.203,966 рублямъ.

---

¹⁾ См. „Внутр. Обзор“, янв., 376 стр.

²⁾ Намъ приходилось уже говорить объ этихъ остаткахъ отъ заключенныхъ смѣтъ, получающихся отъ того, что часть суммъ, зачисленныхъ расходомъ по отчету исполненія росписи извѣстнаго года (по такъ-называемымъ кредиторскимъ спискамъ, или на строительныя надобности) оказывается, но не ранѣе, какъ на четвертый годъ, ненужною. Этотъ остатокъ принято причислять къ доходу того года, въ который кредитъ на сумму закрывается. Остатки эти весьма неравномѣрны: за 1877—1881 г. включительно они составили: 35.404,946 рублей,—4.956,823 р., 11.664,978 р.,

Дефицитъ этотъ значительно превысилъ даже общій итогъ дефицитовъ трехъ предшествовавшихъ лѣтъ ¹⁾ и явился результатомъ, какъ неудовлетворительнаго поступления доходовъ по многимъ, притомъ главнымъ, источникамъ государственныхъ средствъ, такъ и увеличенія расходовъ сравнительно съ расходами предшествовавшихъ лѣтъ.

Наиболѣе значительное уменьшеніе оказалось по доходу питейному, который въ 1882 и 1883 годахъ доставилъ казнѣ по 253 мил. рублей; въ 1884-мъ же году понизился до 244 м. р., а въ 1885-мъ— до 231 мил. р., несмотря на то, что со второй половины года акцизъ съ вина былъ возвышенъ съ 8 до 9 коп. съ ведра безводнаго спирта, и что, несомнѣнно, съ части выпущеннаго въ продажу въ теченіе года вина, акцизъ поступилъ уже въ этомъ увеличенномъ размѣрѣ. Уменьшеніе питейнаго дохода объясняется прежде всего неудовлетворительнымъ общимъ экономическимъ состояніемъ. Два года сряду,— 1884-й и особенно 1885-й,—ознаменовались почти повсемѣстнымъ въ имперіи неурожаемъ хлѣбовъ и травъ, что, въ свою очередь, вызвало неудовлетворительныя послѣдствія для промышленности и торговли, закрытіе многихъ фабрикъ и заводовъ въ промышленномъ районѣ, торговыя банкротства и уменьшеніе отпуска нашихъ произведеній за границу. Вліяніе указанныхъ причинъ продолжалось и въ первой половинѣ 1886 года и не преминуло прежде всего отразиться на питейномъ доходѣ—этомъ наиболѣе у насъ чуткомъ барометрѣ народныхъ средствъ: въ 1885 году, по 1-е августа дохода этого поступило 126 мил. рублей; въ 1886 году, въ теченіе тѣхъ же семи мѣсяцевъ поступленіе его не превысило 122½ мил. рублей, несмотря на то, что акцизъ въ 1885 году былъ 8 рублей, а въ 1886 году— 9 рублей съ ведра безводнаго спирта. При обзорѣ государственной росписи на 1886 годъ, находя увеличеніе акциза съ питей не вполне соответствующимъ государственнымъ и народнымъ выгодамъ, мы ожидали тѣмъ не менѣе, что оно уже въ 1886 году доставитъ казнѣ десятковъ-другой мил. рублей лишняго дохода. Въ этомъ, какъ теперь слѣдуетъ думать, мы нѣсколько ошиблись, хотя во второй половинѣ 1886 года поступленіе питейнаго дохода улучшилось, такъ что по свѣденіямъ, доходящихъ пока до 1 ноября, этого дохода за десять мѣсяцевъ 1886 получено на 4½ мил. рублей болѣе, нежели за тотъ же періодъ предшествовашаго года,—но до десяти милліоновъ

4.622,197 р. и 3.127,537 р. Такимъ образомъ, къ доходамъ 1881 года причисленъ остатокъ 1877 года, болѣе 35 мил. рублей, тогда какъ остатокъ 1881 года, причисленный къ доходамъ 1885 года, немногимъ превысилъ 3 мил. рублей.

¹⁾ Дефициты трехъ предшествовавшихъ лѣтъ: за 1882 годъ 2.488,531 р., за 1883 годъ 13.027,97 р.; за 1884 годъ 18.752,717 рублей.

все еще далеко. Во всякомъ случаѣ мы не ошиблись, не разъ указывая, что финансовая система, стремящаяся достигнуть равновѣсія въ нашемъ государственномъ бюджетѣ путемъ постоянного возвышенія существующихъ налоговъ, притомъ налоговъ, упадающихъ, главнымъ образомъ, на народную массу, не приводитъ и не можетъ привести къ предполагаемой цѣли.

Упомянутыя выше экономическія невзгоды оказали также вліяніе и на поступленіе другого изъ главнѣйшихъ источниковъ государственныхъ средствъ: податей, поземельнаго и дѣснаго налога. По росписи, докода этого было исчислено 110 мил. р.; поступило 101 мил. р. съ небольшимъ, т.-е. менѣе почти на 9 м. р. и менѣе противъ поступления 1884 года слишкомъ на 3 м. р.; вслѣдствіе этого недоимка по этой статьѣ, за исключеніемъ изъ счетовъ нѣкоторой части ея по разнымъ случаямъ, — съ 32 м. р., оставшихся къ 1 января 1885 года, возросла къ 1 января 1886 года до 40 мил. рублей. По выкупнымъ платежамъ за земли въ 1885 году недоимка также увеличилась на 3 мил. рублей.

То, что мы сказали выше объ увеличеніи косвенныхъ налоговъ, наглядно иллюстрируется данными по таможенному сбору, относительно котораго мы находимъ въ отчетѣ государственнаго контроля не лишеныя значенія сопоставленія. Въ теченіе шести лѣтъ, съ 1880 по 1885 г. включительно, состоялся, какъ извѣстно, цѣлый рядъ постановленій, которыми увеличивался размѣръ существовавшихъ таможенныхъ пошлинъ и облагались пошлинами товары, прежде ввозившіеся беспошлинно. По расчетамъ, имѣвшимся въ виду при обсужденіи этихъ постановленій, они должны были увеличить таможенный доходъ на сумму до 30 мил. рублей. Между тѣмъ дохода этого въ 1885 году получено 95.026,774 рублей, на 2 м. р. менѣе, нежели въ 1883 и 1884 годахъ, и всего лишь на 1.800,000 р., а не на 30 мил. р., болѣе, нежели въ 1879 году. Такимъ образомъ, мѣры, имѣвшія, если и не исключительно, цѣлью возвышеніе цифры таможенныхъ сборовъ, не достигли предполагавшагося результата. Отвергнутымъ остается вопросъ: удѣляли ли, по крайней мѣрѣ, эти 30 м. р. въ мошнѣ потребителей? Не вѣроятнѣе ли предположеніе, что если не всѣ эти милліоны, то значительная доля ихъ потребителями все-таки истрачена, или какъ премія за нерадѣніе и косность отечественныхъ промышленниковъ, или какъ премія за энергію и предприимчивость отечественныхъ и заграничныхъ контрабандистовъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе развивавшихъ свои операціи?

Несмотря, однако, на уменьшеніе доходовъ по этимъ тремъ главнымъ источникамъ нашихъ государственныхъ средствъ, а равно и

по нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ, общая сумма поступлений по обыкновенному государственному бюджету оказывается въ 1885 году нѣсколько выше поступлений 1884 года и всѣхъ предшествующихъ лѣтъ; въ 1884 году обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ получено 704.527,760 р.; въ 1885 году ихъ, за исключеніемъ доходовъ по выкупной операціи, впервые занесенныхъ въ роспись этого года (51.921,033 р.), получено 710.361,810 р., болѣе на 5.834,050 р. Къ сожалѣнію это приращеніе доходовъ не имѣетъ никакого благоприятнаго въ экономическомъ смыслѣ значенія для бюджета и носитъ случайный характеръ. Возвышеніе, напримѣръ, дохода отъ налоговъ за право торговли и промысловъ (на 4¹/₂ м. р.) объясняется установленіемъ съ 1885 года дополнительныхъ сборовъ, процентнаго и раскладочнаго, съ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, но и здѣсь поступленіе оказалось на нѣсколько сотъ тысячъ рублей ниже предполагавшагося по смѣтѣ. Увеличились на 8 мил. рублей, сравнительно съ 1884 годомъ, такъ-называемые въ росписи доходы разнаго рода, но увеличились оттого, что (независимо отъ перечисленныхъ по этой рубрикѣ въ собственность государственнаго казначейства 5 мил. рублей, составлявшихъ кассовую наличность суммъ выкупной операціи) на 4 м. р. обмѣнено металлическихъ цѣнностей на кредитныя рубли. Утѣшительнымъ на первый взглядъ можетъ показаться поступленіе, въ размѣрѣ 37 мил. рублей, суммъ на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, превывшее смѣтное исчисленіе на 12 мил. р., а поступленіе 1884 года—на 14 мил. рублей. Но если принять во вниманіе, что казною по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ уплачено въ 1885 году 40 мил. рублей, то въ сущности и по этой рубрикѣ оказывается недоборъ; притомъ изъ этихъ 37 мил. р. болѣе 15 мил. р. поступило по счетамъ за прежніе годы.

Не останавливаясь на другихъ, менѣе крупныхъ доходныхъ статьяхъ росписи, мы коснемся лишь сахарнаго дохода, имѣющаго значеніе потому, что „сахарный вопросъ“ не разъ въ послѣднее время обращалъ на себя общественное вниманіе. Доходъ отъ акциза съ сахара до 1882 года занималъ скромное мѣсто въ нашемъ бюджетѣ и доставилъ казнѣ, напримѣръ, въ 1881 году всего до 3.700,000 р., но въ 1882 году, вслѣдствіе измѣненія системы взиманія акциза, онъ разомъ поднялся до 8 мил., а затѣмъ, въ 1884 году, до 12¹/₂ мил. и въ 1885 году—почти до 14 мил. р. Въ росписи на 1886 и въ смѣтѣ на 1887 годы онъ исчисленъ уже въ 17 съ чѣмъ-то мил. р.; результатъ, повидимому, блестящій; но особенность нашихъ бюджетовъ—та, что въ нихъ нерѣдко можно отыскать пункты, парализующіе подобныя результаты. Рядомъ съ указаніемъ цифры поступленія сахарнаго акциза въ 1885 году мы находимъ въ отчетѣ государствен-

наго контроля свѣденіе, что изъ этой суммы должно быть исключено 2.870,217 р. возвращеннаго акциза за сахаръ, вывезенный въ 1885 году за границу, и что дѣйствительный доходъ такимъ образомъ составить всего лишь 10.992,375 р., т.-е. менѣе противъ 1884 года на 1.403,390 рублей. Но и этого недостаточно. За вывезенный сахаръ не только возвращался акцизъ, но еще уплачивалась отправителямъ премія сперва въ размѣрѣ 1 р. съ пуда, потомъ 80 коп., и этой преміи выдано въ теченіе 1885 года свыше 4 мил. р.; за исключеніемъ ихъ изъ суммы сахарнаго дохода въ 1885 г., онъ опредѣлится въ цифрѣ менѣе 7 мил. рублей, т.-е. въ цифрѣ, въ какой поступилъ этотъ доходъ въ 1877 году, напримѣръ. Правда, премія выдавалась подъ условіемъ возврата, но способъ возврата установленъ очень оригинальный: возмѣститъ сумму выданныхъ премій обязаны не тѣ сахарные заводчики и торговцы, которымъ она была выдана, а сахарное производство вообще; другими словами, если возмѣщенію суждено осуществиться, то оно составитъ новый дополнительный налогъ, который, очевидно, упадетъ на потребителей. Такой способъ возмѣщенія уже входилъ, какъ составная часть, въ проектъ такъ называвшейся нормировки сахарнаго производства. Проектъ, какъ извѣстно, потерпѣлъ полную неудачу, но для возврата въ казну милліоновъ выданной преміи иной способъ, кромѣ дополнительнаго на сахаръ акциза, не можетъ быть отысканъ. Если установленіе его осуществится, то вырученная этимъ путемъ сумма должна будетъ считаться доходомъ не 1885-го, а того года, когда поступитъ; самый дополнительный налогъ этотъ будетъ имѣть значеніе, а можетъ быть и послѣдствія, одинаковыя съ тѣми, какія оказывались и по другимъ нашимъ косвеннымъ налогамъ при ихъ увеличеніи. Во всякомъ случаѣ указанные 7 мил. рублей возвращеннаго акциза и уплаченной преміи должны быть исключены, какъ изъ сахарнаго дохода, такъ и вообще изъ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за 1885 годъ.

Переходимъ къ расходамъ. Разбирая отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за 1884 годъ ¹⁾, мы указывали на быстрое изъ года въ годъ возвышеніе цифръ нашихъ бюджетовъ, особенно расходныхъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1871 по 1881 годъ вѣлочительно, обыкновенные государственные расходы возросли съ 500 милліоновъ рублей до 733 милліоновъ, т.-е. на 233 милліона рублей, или, среднимъ числомъ, возрастали по 23 мил. руб. въ годъ; особенно значительно было ихъ увеличеніе въ теченіе 1879, 1880 и 1881 годовъ, за три года вмѣстѣ на 133 м. р.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1886 года январь, стр. 358 и слѣд.

Но, затѣмъ, въ 1882 году, сумма государственныхъ расходовъ, благодаря преимущественно случайному сокращенію расходовъ по военному вѣдомству, вдругъ понизилась до 709 мил. рублей. Поэтому съ 1882 года начался какъ бы новый періодъ нашихъ бюджетовъ, сохранившій, однако, прежній характеръ изъ года въ годъ возрастающихъ расходовъ: въ 1883 и 1884 годахъ увеличеніе расходовъ было незначительно,—всего на 19 мил. рублей за два года; но уже въ 1885 году обыкновенные государственные расходы возросли противъ 1884 года на 21½ м. р., и нужно ожидать такого же увеличенія и въ дальнѣйшемъ: по росписи на 1886 годъ обыкновенныхъ расходовъ исчислено болѣе предшествующаго года на 28 мил. р., по росписи 1887 года—на 16½ мил. р. болѣе противъ 1886 года. Увеличеніе расходовъ въ будущемъ тѣмъ вѣроятнѣе, что и въ 1885 году оно распредѣляется по многимъ вѣдомствамъ и носить по большей части характеръ естественнаго постепеннаго возрастанія государственныхъ потребностей. Наибольшее увеличеніе расходовъ—на 9 мил. р.—оказалось по министерству финансовъ; изъ нихъ 3 мил. съ небольшимъ составляютъ расходъ, какъ нужно думать, случайный и исключительный—возвратъ акциза и выдачу преміи за вывезенный за границу сахаръ ¹⁾,—но остальные суммы пошли на надобности, подобныя которымъ несомнѣнно должны возникать ежегодно: на содержаніе податныхъ инспекторовъ, на пособия желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи чистаго дохода, на содержаніе мѣстнаго акцизнаго управленія и пограничной стражи, на пенсіи и пособия и т. п. Увеличеніе на 7 мил. р. расходовъ по военному вѣдомству объясняется чрезвычайными потребностями по случаю бывшихъ въ отчетномъ году политическихъ осложненій, но также и увеличеніемъ расходовъ по вещевоу довольствію войскъ и по постройкѣ казармъ; притомъ и „политическія осложненія“ давно должны быть отнесены къ разряду явленій повседневныхъ, постоянно и неуловно возникающихъ то по одному, то по другому поводу. Увеличеніе на 4 мил. р. расходовъ по морскому министерству, вслѣдствіе усиленныхъ издержекъ на судостроеніе,—на 1 мил. р. слишкомъ по министерству путей сообщенія, по случаю открытія движенія на вильно-ровенскомъ желѣзно-дорожномъ участкѣ и приобрѣтенія въ казну муромской дороги,—на 1 м. р. по министерству государственныхъ имуществъ, отъ увеличенія издержекъ по содержанію лѣснаго управленія, и т. п.,—могутъ быть вполнѣ отнесены къ явленіямъ, вызываемымъ естественнымъ ростомъ государственнаго организма. Не только нормальнымъ, но и желатель-

¹⁾ На это, какъ показано выше, назначено въ 1885 году гораздо больше, но остальная сумма отнесена на кредиты 1886 года.

нымъ должно быть признано увеличеніе на 873 т. р. расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія, вызванное усиленіемъ средствъ университетовъ, открытіемъ харьковскаго технологическаго института и расширеніемъ въ числѣ и въ объемѣ прочихъ учебныхъ заведеній.

Изъ случаевъ уменьшенія расходовъ слѣдуетъ упомянуть о сокращеніи ихъ на 1.698,379 р. по системѣ государственнаго кредита отъ сокращенія издержекъ на погашеніе безсрочныхъ займовъ—явленіе совершенно необычайное для этой отрасли государственныхъ расходовъ, по которой цифры обыкновенно росли и росли съ поразительной быстротой: простираясь въ 1876 году до 109 м. р., расходы по системѣ государственнаго кредита дошли въ 1884 году до 210 м. р., т.-е. почти удвоились. Къ сожалѣнію, уменьшеніе въ 1885 году расходовъ на платежи по займамъ—временное и случайное: въ 1886 году они несомнѣнно снова возросли и еще болѣе должны возрасти въ текущемъ году, какъ это видно изъ государственной росписи на 1887 годъ.

Одною изъ причинъ большихъ дефицитовъ въ нашихъ бюджетахъ считается отпускъ въ теченіе года значительныхъ сверхсметныхъ кредитовъ, уменьшеніе суммы которыхъ постоянно составляетъ заботу высшихъ государственныхъ учреждений. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ менѣе, въ теченіе года, окажется отступленій отъ сметныхъ предположеній, тѣмъ государственное хозяйство будетъ идти правильнѣе; но надѣяться совершенно избѣгнуть сверхсметныхъ ассигнованій въ такомъ обширномъ и притомъ находящемся въ періодѣ развитія политическомъ организмѣ, какъ Россія, было бы совершенно напрасно: не говоря о такъ-называемыхъ политическихъ осложненіяхъ, постоянно вырабатываются проекты преобразованій тѣхъ или другихъ учреждений, осуществленіе которыхъ откладывать непременно до начала будущаго бюджетнаго періода было бы плохой экономіей. Потому, на нашъ взглядъ, для государственнаго казначейства выгоднѣе разрѣшеніе среди года сверхсметнаго кредита, если въ немъ оказалась дѣйствительная и настоятельная надобность, нежели допущеніе очень широкихъ сметныхъ назначеній съ единственною цѣлью избѣжать ходатайствъ о дополнительныхъ ассигнованіяхъ. Разумѣется, всему долженъ быть предѣлъ. Желаніе во что бы то ни было избѣгать сверхсметныхъ кредитовъ, сдѣлавшееся на нѣкоторое время какъ бы общимъ лозунгомъ при обсужденія нашихъ государственныхъ бюджетовъ, явилось прямымъ слѣдствіемъ слишкомъ крупныхъ суммъ, разрѣшенныхъ на эти кредиты въ 1880 и 1881 годахъ. Въ 1880 году сумма отпущенныхъ сверхсметныхъ кредитовъ дошла до 56 м. р.; въ 1881 году она составила 45^{1/2} м. р.

Вызванная этимъ, общая забота всѣхъ вѣдомствъ о пониженіи размѣра сверхсрѣднихъ кредитовъ содѣйствовала тому, что цифра ихъ, понижаясь годъ отъ году, въ 1884 году не превысила 18 м. р., но въ 1885 году она снова повысилась до 34^{1/2} м. р., что составляетъ 4^{1/2}% срѣднаго бюджета. Сумму эту мы готовы не считать чрезмѣрною, особенно если принять во вниманіе, что изъ 34 м. р. около 15 израсходованы по обстоятельствамъ совершенно исключительнымъ: болѣе 7 м. руб.—по военному и морскому министерству, вслѣдствіе бывшихъ политическихъ осложненій; болѣе 3 м. р. на выдачу премій и возвращеніе акциза за вывезенный за границу сахаръ и свыше 4 м. р. уплаты по долгамъ выкупной операціи. Такииъ образомъ, на текущіе дополнительные расходы, содержаніе вновь открытыхъ правительственныхъ учреждений и увеличеніе средствъ существующихъ учреждений, новыя постройки, пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода и т. п., издержано не болѣе 20 м. р., что всего на 5 мил. р. превышаетъ такіе же расходы бережливаго 1884 года.

Сверхъ обыкновеннаго бюджета въ нашихъ росписяхъ существуетъ еще, какъ извѣстно, бюджетъ чрезвычайный, съ особыми видами и доходовъ, и расходовъ. Чрезвычайныхъ поступленій было исчислено на 1885 годъ 84.760,642 руб., а именно 3.125,000 руб. военного вознагражденія съ хивинскаго хана (150,000 руб.) и отъ Турціи; 9.478,000 руб. изъ суммъ выкупной операціи; 50 м. р. отъ выпуска непрерывно-доходныхъ рентъ и 22.167,642 р.—отъ реализаціи консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ 7-го выпуска. Въ дѣйствительности поступило этихъ суммъ 62.234,694 р., менѣе на 22^{1/2} м. р., вслѣдствіе того, что отъ реализаціи консолидированныхъ облигацій получено только 19,266 р., потому, какъ сказано въ объяснительной въ отчету государственнаго контроля запискѣ, что почти вся сумма отъ реализаціи означенныхъ облигацій показана поступленіемъ по отчету 1884 года. Къ сожалѣнію, записка не объясняетъ, какимъ образомъ суммы, полученныя и рассчитанныя въ доходъ въ 1884 году, простирающіяся до 20 слишкомъ милліоновъ рублей, могли въ то же время ожидаться къ поступленію въ слѣдующемъ году и фигурировать въ росписи этого года. Взаимныя непоступившихъ суммъ, поступили нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ до 9 мил. рубл. отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ—въ возвратъ ссудъ, выданныхъ имъ въ счетъ дополнительныхъ облигаціонныхъ капиталовъ. Общая сумма чрезвычайныхъ поступленій 1885 года выразилась въ цифрѣ 71.618,480 рублей.

Чрезвычайныхъ расходовъ было внесено въ роспись на 1885 годъ 77 мил. р.: 27 мил. р.—на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, и

50 м. р.—на уплату государственному банку для погашенія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время восточной войны. Въ дѣйствительности израсходовано на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 56.523,822 р., и на уплату государственному банку непрерывно-доходными рентами—50 м. р., всего 106¹/₂ м. р., болѣе предполагавшагося по росписи на 29¹/₂ м. р. и болѣе поступившихъ суммъ почти на 35 м. р.

Такимъ образомъ, общія сумма выполненныхъ и подлежащихъ исполненію по росписи 1885 года обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ (913.138,169 р.) превышаетъ общую сумму поступившихъ въ счетъ той же росписи обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ (837.028,860 р.) на 76.109,308 р.

Обзоръ нагъ исполненія государственной росписи за 1885 годъ мы окончимъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, скорбною страницей о долговыхъ отношеніяхъ къ казнѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Выше мы говорили, что отъ желѣзныхъ дорогъ въ 1885 году поступило на 12 мил. руб. болѣе, нежели ожидалось по росписи; тѣмъ не менѣе, къ 1-му января 1886 года оказалось противъ предшествующаго года новое увеличеніе долга желѣзныхъ дорогъ казнѣ на громадную сумму. Казною произведены въ 1885 году по желѣзнымъ дорогамъ слѣдующіе расходы: 1) выдано обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи реализованныхъ ими самими акцій и облигацій 14.191,507 р.; 2) уплачено за счетъ обществъ по гарантіи облигацій, реализованныхъ консолидированными займами 40.427,328 р., и 3) употреблено на капитальныя затраты по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ 7.467,684 р.; всего израсходовано 62.086,469 р. Въ возмѣщеніе этихъ расходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ 1885 году поступило: 1) въ возвратъ приплатъ по гарантіи 1.076,888 р.; 2) въ уплату процентовъ и погашенія по ссудамъ 11.069,079 р., и 3) на платежи по консолидированнымъ облигаціямъ 30.155,786 р.; всего 42.301,753 р., менѣе израсходовано казною на 19.784,716 р. Къ этому вновь сдѣланному желѣзными дорогами долгу слѣдуетъ присоединить десятки милліоновъ процентовъ по прежнимъ долгамъ, такъ что движеніе за 1885 г. долговыхъ обязательствъ желѣзныхъ дорогъ въ казнѣ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: за обществами желѣзныхъ дорогъ и учрежденіями городскими и земскими, принявшими на себя гарантію нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ капиталовъ, числилось долга къ 1 января 1885 года 914.635,166 р. ¹⁾; въ 1885 году вновь причислено 99.140,755 р.; поступило въ уплату 40.590,540 р., и затѣмъ осталось

¹⁾ Въ отчетѣ по исполненію государственной росписи за 1884 годъ долгъ къ 1 января 1885 года былъ показанъ въ 913 мил. рублей, теперь этотъ счетъ нѣсколько измѣненъ.

долга къ 1 января 1886 года 973.176,381 р. Такимъ образомъ, долгъ желѣзно-дорожныхъ обществъ казнѣ возросъ въ теченіе 1885 года на 58¹/₂ мил. рублей.

Но и это еще не все: существуютъ еще расчеты казны съ желѣзно-дорожными обществами по изготовленію желѣзно-дорожныхъ принадлежностей и по расходамъ на изысканія; по нимъ невозмѣщенныхъ казнѣ суммъ къ 1885 году считалось 108 мил. рублей, да въ 1885 году вновь израсходовано свыше 9 мил. рублей; поступило же въ уплату отъ дорогъ немногимъ болѣе полумилліона рублей, такъ что въ 1886 году невозмѣщенные расходы составили болѣе 116¹/₂ мил. рублей. Впрочемъ, разобравшись въ этомъ долгѣ, повидимому, не совсѣмъ легко: часть его, какъ кажется, вошла уже въ составъ общаго долга въ 973 мил. рублей; другая часть, относящаяся къ желѣзнымъ дорогамъ, перешедшимъ въ вѣденіе казны, должна быть списана со счетовъ, но половина во всякомъ случаѣ остается, и съ нею долгъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ перешагнулъ за милліардъ.

Мы привели всѣ эти подробности съ цѣлью поставить нѣсколько вопросовъ. Какое значеніе имѣетъ этотъ милліардный долгъ? Очевидно, онъ не только безнадеженъ, но постоянно и впредь будетъ расти и расти не однимъ начисленіемъ процентовъ на прежде выданныя суммы, но и новыми выдачами какъ въ уплату по обязательствамъ, лежащимъ на желѣзныхъ дорогахъ и гарантированнымъ казною, такъ и непосредственными пособіями желѣзно-дорожнымъ обществамъ.

Въ обзорѣ отчета объ исполненіи государственной росписи за 1884 годъ ¹⁾, мы опредѣлили среднюю цифру ежегоднаго увеличенія долга желѣзно-дорожныхъ обществъ казнѣ въ 70 мил. рублей; 1885 годъ былъ удачнѣе: изъ слѣданныхъ на желѣзныя дороги расходовъ и причитавшихся съ нихъ проценты—всего въ суммѣ 99 мил. рублей,—оно уплатило 40 мил. рублей, такъ что долгъ возросъ всего на 59 мил. рублей (не считая 9 мил. расхода на желѣзно-дорожныя принадлежности и изысканія); но это былъ годъ исключительный; въ общемъ сумма въ 70 мил. рублей все-таки должна считаться наименьшею среднею цифрой ежегоднаго приращенія желѣзно-дорожнаго долга, а при этомъ условіи ближе чѣмъ чрезъ 15 лѣтъ этотъ долгъ дойдетъ до 2 милліардовъ, чрезъ 25 лѣтъ—до 3, и т. д. Такая перспектива является не только не утѣшительной, но даже нѣсколько странной. Подумаешь, сколько учреждений—совершенно серьезныхъ—совершенно серьезно считаютъ, сличаютъ, повѣряютъ и вносятъ въ реестры фантастическія суммы этого милліарднаго

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1886 январь.

долга. То-то, должно быть, посяиваются про себя желѣзнодорожные тузы, глядя на усердныя, но безплодныя усилія чиновниковъ разныхъ ранговъ и вѣдомствъ, стремящихся овладѣть призрачнымъ миллиардомъ, корни котораго кроются въ туманѣ прошлаго и надъ которымъ совершенно бессильно будущее. Быть можетъ, лежащія на желѣзныхъ дорогахъ долги, въ случаѣ перехода дорогъ въ вѣденіе правительства, дадутъ возможность казнѣ отдѣлаться отъ мѣстныхъ безцеремонныхъ притязаній акціонеровъ, но и такой переходъ не избавитъ казну отъ тратъ на желѣзныя дороги, такъ какъ сами онѣ не въ состояніи выполнять лежащихъ на нихъ обязательствъ, — развѣ только уменьшить нѣсколько эти траты.

II.—Государственная роспись на 1887 годъ.

Отъ отчета по исполненію государственной росписи за 1885 годъ переходимъ къ всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 годъ и снова встрѣчаемся съ дефицитомъ въ размѣрѣ, каковаго послѣ 1881 года въ нашихъ росписяхъ не оказывалось. Обыкновенные государственные доходы, — а при опредѣленіи баланса и имѣеть, какъ это мы не разъ говорили, преимущественное значеніе бюджетъ обыкновенный — исчислены въ суммѣ 793.118,046 рублей; обыкновенные расходы — въ 829.676,680 рублей, слѣдовательно съ недоборомъ въ доходахъ на 36.558,634 рублей. Что касается бюджета экстраординарнаго, то, въ смыслѣ опредѣленія достаточности находящихся въ распоряженіи казны средствъ для удовлетворенія ея потребностей, онъ не имѣеть значенія. Доходные источники этого бюджета — или случайныя поступления, въ родѣ военнаго вознагражденія, или займы, или, наконецъ, какіе-то таинственные остатки, то числящіеся у заграничныхъ банкировъ, то — какъ въ разсматриваемой росписи — составляющіе „свободную наличность государственнаго казначейства“. Экстраординарные расходы — это или уплата по обязательствамъ, какъ, на примѣръ, въ прежнихъ бюджетахъ уплата по 50 мил. руб. въ годъ государственному банку, или крупныя затраты на капитальныя сооруженія, каковы желѣзныя дороги, порты, крѣпости и т. п., совершаемыя не на счетъ текущихъ доходовъ, а на позайствованныя суммы, или, въ третьихъ, пополненіе дефицита обыкновеннаго бюджета. Дефицита въ экстраординарномъ бюджетѣ быть не можетъ, по крайней мѣрѣ по росписи, такъ какъ равновѣсіе было бы достигнуто или предположеніемъ о займѣ большей суммъ, или указаніемъ большаго запаснаго остатка „свободныхъ“ ресурсовъ государственнаго казначейства. Бюджетъ доходовъ и расходовъ оборотныхъ, значащихся — и тѣ, и другіе — по

росписи на 1887 годъ въ равной суммѣ по 3.250,798 руб.,—составляетъ, какъ мы разъяснили уже ¹⁾, дубликатъ суммъ, уже находящихся въ оборотахъ обыкновеннаго бюджета, и имѣетъ значеніе взаимныхъ счетовъ разныхъ вѣдомствъ. Поэтому мы главнымъ образомъ и займемся бюджетомъ обыкновеннымъ, но прежде скажемъ нѣсколько словъ вообще о дефицитахъ въ нашихъ государственныхъ росписяхъ ²⁾. До 1871 года они были явленіемъ зауряднымъ, но въ десятилѣтіе, съ 1871 по 1881 годъ, только одна роспись 1878 года была сведена съ дефицитомъ (въ 21 мил. руб.), хотя при исполненіи росписей вмѣсто ожидавшагося избытка доходовъ надъ расходами иногда оказывался недоборъ. Въ обществѣ установилось даже мнѣніе, что дефицитъ въ росписяхъ и не будетъ допущенъ; что учрежденія, составляющія смѣты и роспись, готовы даже допустить въ нихъ нѣкоторыя натяжки, лишь бы избѣжать дефицита въ выводимомъ балансѣ. Этимъ и объясняется то чуть не лицебаніе, съ которымъ, и въ обществѣ, и въ печати, была встрѣчена роспись на 1881 годъ, подписанная незадолго передъ тѣмъ назначеннымъ новымъ министромъ финансовъ и сведенная съ недоборомъ въ обыкновенныхъ доходахъ сравнительно съ расходами въ суммѣ 50 мил. рублей. Дефицитъ въ росписи являлся неожиданностію и по общему убѣжденію служилъ ручательствомъ въ прямомъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу новаго министра финансовъ и его рѣшимости, не маскируя затруднительнаго положенія, стать съ нимъ лицомъ къ лицу, хотя болѣе знакомыя съ дѣломъ лица и объясняли, что министръ финансовъ тутъ ни-при-чемъ и что въ дѣйствительности предстоящій дефицитъ 1881 года далеко превзойдетъ выведенные въ росписи 50 мил. рублей,—что впоследствии и оправдалось: обыкновенные расходы въ 1881 году превысили доходы на 110 мил. руб. Упомянутые толки и мнѣнія порождались отчасти подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, которое производилось слухами о значительномъ дефицитѣ, оказавшемся по исполненію росписи 1880 года (въ 43¹/₂ мил. руб.), отчасти по незнакомству съ порядкомъ составленія росписи.

Наши государственный росписи вовсе не составляютъ органически, во всѣхъ частяхъ, соображеннаго цѣлаго; онѣ являются лишь сведеніемъ въ одно многихъ отдѣльно составленныхъ и отдѣльно разсмотрѣнныхъ Государственнымъ Совѣтомъ доходныхъ и расходныхъ смѣтъ разныхъ вѣдомствъ. При этомъ стремленіе установить соотвѣтствіе между доходами и расходами выражается лишь тѣмъ, что изрѣдка какая-нибудь статья,—обыкновенно, крупный, но неизбѣжный расходъ на строительное предпріятіе или на преобразование учреж-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1886 февраль, стр. 875.

²⁾ Мы говоримъ здѣсь о дефицитахъ въ исчисленіи росписей, а не о дефицитахъ, оказавшихся при ихъ исполненіи.

денія,—остается неутвержденной впредь до сведенія баланса между предполагаемыми доходами и расходами. При разсмотрѣннн смѣтѣ и росписи, министерство финансовъ имѣеть не болѣе значенія, нежели другія высшія государственныя учрежденія, какъ, напримѣръ, государственный контроль. Поэтому никакіе результаты росписи не могутъ быть поставлены ни въ вину, ни въ заслугу министру финансовъ. Все, что отъ него требуется по отношенію къ сведенію росписи, это—въ случаѣ недобора въ доходахъ—указать, изъ какихъ источниковъ могутъ быть покрыты излишки предстоящихъ расходовъ; но и такимъ указаніямъ не придается, повидимому, особеннаго значенія, чему доказательствомъ можетъ служить приведенный выше случай отнесенія въ число экстраординарныхъ поступленій крупной суммы (22 мил. руб.) отъ реализаціи консолидированныхъ облигацій 7-го выпуска, уже зачтенной поступленіемъ въ 1884 году.

Приведенныя объясненія мы считали необходимыми для того, чтобы отстранить отъ государственнаго дѣятеля, только-что покинувшего постъ министра финансовъ, нареванія въ томъ, что онъ, такъ сказать, завѣщалъ своему преемнику роспись съ такимъ крупнымъ дефицитомъ. Роспись эта завѣщана не имъ, а общимъ экономическимъ положеніемъ нашимъ. Рождается вопросъ: въ виду хроническихъ дефицитовъ при исполненіи росписей, въ виду постоянного увеличенія государственныхъ расходовъ и не только косности, но попыткаго движенія въ цифрахъ главныхъ доходныхъ статей, не слѣдовало ли давно уже озаботиться изысканіемъ средствъ для покрытія недоборовъ бюджета? Отвѣтъ на это мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1887 годъ: по мнѣнію бывшаго министра финансовъ, „послѣднее установленіе новыхъ крупныхъ налоговъ или возвышеніе прежнихъ не только представляется несвоевременнымъ, вслѣдствіе продолжающагося кризиса, но можетъ оказаться даже излишнимъ, потому что, при наступленіи болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторомъ ослабленіи сельско-хозяйственнаго кризиса, наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ“. Если вопросъ идетъ только объ увеличеніи прежнихъ налоговъ и о созданіи новыхъ, съ характеромъ налоговъ нынѣ существующихъ, т.-е. налоговъ, упадающихъ на предметы потребления и отчасти на дѣятельность лицъ, то мы готовы стоять за выжидательный методъ естественнаго излеченія нашихъ финансовыхъ невзгодъ. Другое дѣло, если на очередь будетъ поставленъ вопросъ о введеніи не косвеннаго, а прямого пропорціональнаго налога, другими словами, налога подоходнаго.

Общая цифра обыкновенныхъ доходовъ по росписи на 1887 годъ немногимъ разнится отъ цифры росписей двухъ предшествовавшихъ

лѣтъ: она болѣе суммы доходовъ росписи 1885 года на $16\frac{1}{2}$ мил. р. и болѣе росписи 1886 года на 5 мил. р. съ небольшимъ, но составъ многихъ доходныхъ статей нѣсколько измѣнился противъ прежнихъ смѣтъ. Одна изъ прежнихъ крупнѣйшихъ статей бюджета—подати, поземельный и лѣсной налоги, по которой поступало болѣе 100 мил. р.—исчислена по росписи 1887 года лишь въ суммѣ 40 мил. р., вслѣдствіе исключенія изъ росписи 19 мил. р. подушной подати съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, чѣмъ завершается общая отмѣна этой подати, и 32.818,000 р. оброчной подати съ тѣхъ же крестьянъ, за преобразованиемъ ея въ выкупные платежи. Въ соответствии съ этимъ выкупные платежи съ государственныхъ крестьянъ, занесенные въ роспись 1886 года въ суммѣ 4 мил. р., по росписи 1887 года исчислены въ размѣрѣ 53 мил. рублей. Такъ что въ совокупности по двумъ приведеннымъ статьямъ поступленіе 1887 года уменьшено сравнительно съ 1886 годомъ на $2\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Питейный доходъ исчисленъ въ размѣрѣ $236\frac{1}{2}$ м. р., менѣе противъ росписи 1886 года на 14 м. р., по соображенію съ поступленіемъ этого дохода въ первой половинѣ 1886 года. Такое исчисленіе едва ли можетъ быть признано правильнымъ: для исчисления дохода въ 1887 году слѣдовало принимать въ соображеніе вторую половину 1886 года, а не первую, въ которую плохое поступленіе доходовъ, упадающихъ преимущественно на сельскіе и вообще низшіе классы населенія, было прямымъ слѣдствіемъ неурожая двухъ предшествовавшихъ лѣтъ. Какъ мы показали выше, 1-го ноября 1886 г. по питейному доходу не только пополнился недоборъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, но оказался уже перевѣсъ въ $4\frac{1}{2}$ м. р. Къ концу года этотъ перевѣсъ долженъ быть несомнѣнно еще значительнѣе.

Съ превышеніемъ въ 15 мил. руб. противъ росписи 1886 года исчисленъ на 1887 годъ таможенный доходъ; правильность этого исчисленія очень вѣроятно, хотя, къ сожалѣнію, увеличеніе дохода—если ожиданіе росписи оправдается—будетъ только кажущееся. Какъ извѣстно, таможенная пошлина взимается у насъ золотой валютой, которая въ росписи и въ отчетѣ объ ея исполненіи перелажается въ кредитные рубли, причѣмъ золотой рубль до сихъ поръ считался въ полтора рубля кредитныхъ; въ 1887 году предположено считать въ 1 р. 67 к. кредитныхъ, что болѣе соответствуетъ теперешнему вексельному курсу. Указанная разница въ курсѣ, между 1 р. 50 к. и 1 р. 67 к., по соображенію министерства финансовъ, увеличитъ, разумѣется номинально, таможенный доходъ на 12 мил. р. (кредитныхъ). На дѣйствительное увеличеніе остается, такимъ образомъ, лишь 3 мил. р., которые, вѣроятно, и поступятъ, если только 1887 годъ не окажется особенно неблагоприятнымъ въ экономическомъ отношеніи.

Обыкновенные государственные расходы исчислены по росписи 1887 года въ большей противъ росписи 1886 г. цифрѣ въ 17 мил. рублей, вслѣдствіе приращенія расходовъ по 8 вѣдомствамъ на 23 мил. руб. и уменьшенія по 5 вѣдомствамъ на 6 мил. рублей.

Уменьшеніе расходовъ, главнымъ образомъ, на 5 слишкомъ мил. рублей, относится къ смѣтѣ министерства финансовъ, изъ которой исключено 3.500,000 для возврата адциза и 3.600,000 для выдачи премій за вывозимый за границу сахаръ. Наибольшее увеличеніе расходовъ значится по платежамъ по государственному долгу, которые по росписи на 1886 годъ исчислялись въ суммѣ 259¹/₂ мил. рублей, а въ роспись 1887 г. внесены въ размѣрѣ 278¹/₂ мил. рублей, т.-е. болѣе на 19 мил. рублей, изъ коихъ 11¹/₂ мил. рублей составляютъ слѣдствіе исчисленія всѣхъ предстоящихъ въ будущемъ году платежей въ металлической валютѣ по измѣненному курсу 1 р. 67 коп. кредитныхъ за металлическій рубль, вмѣсто прежняго исчисленія по 1 р. 50 к. Такимъ образомъ, случайно эти 11¹/₂ мил. р. лишняго расхода какъ разъ совпадаютъ съ тѣми 12 мил. р., на которые показано увеличеніе, вслѣдствіе той же курсовой разницы, таможеннаго дохода. Это совпаденіе даетъ полную возможность наглядно прослѣдить результатъ упадка курса нашей денежной единицы.

115 мил. р. кредитныхъ таможеннаго дохода, при курсѣ 1 р. 67 к. кредитныхъ за металлическій рубль, соответствуютъ 69 мил. р. метал. Таможенная пошлина взимается въ металлической валютѣ, т.-е. за извѣстное количество товаровъ всегда поступить одно и то же количество золотыхъ рублей, какой бы курсъ нашего кредитнаго рубля ни былъ; поэтому казна получить эти 69 мил. р. и при курсѣ 1 р. 50 к. кред. за рубль метал., и при курсѣ 1 р. 67 к. Точно также по обязательствамъ, по которымъ слѣдуетъ уплачивать по счету на металлическую валюту, казна также будетъ платить неизмѣнно эти 69 мил. р. мет., независимо отъ ихъ курса на кредитную валюту. Такимъ образомъ, пока курсъ не играетъ никакой роли. Разница лишь въ томъ, что при курсѣ въ 1 р. 50 к. за метал. рубль въ таможенный доходъ съ одной стороны и съ другой—въ расходъ по уплатѣ долговыхъ обязательствъ будетъ внесено по 103¹/₂ мил. руб. кредитныхъ; при курсѣ въ 1 р. 67 к., обѣ эти суммы выразятся въ цифрѣ 115 мил. р. кред. Такимъ образомъ, ни казна, ни кредиторы, получившіе уплату, ничего не выигрываютъ и не проигрываютъ. Но затѣмъ, когда товары будутъ пущены на рынокъ, гдѣ счетъ идетъ на кредитные рубли, на нихъ наложится добавочной цѣны въ возмѣщеніе таможенной пошлины не 103¹/₂ мил. р., какъ было при прежнемъ курсѣ, а 115 мил. р., т.-е. 11¹/₂ мил. р. лишнихъ, которые и придется уплатить потребителю: чиновнику, рабочему, литератору. А такъ какъ весь этотъ людъ получаетъ свой заработокъ въ кре-

дитныхъ рубляхъ, и заработокъ этотъ не мѣняется сообразно курсу, то для нихъ уплата лишнихъ 11½ мил. р. составитъ несомнѣнный и весьма чувствительный убытокъ. Разумѣется, то, что они теряютъ, кто-нибудь выигрываетъ; въ данномъ случаѣ выигрываютъ, такъ сказать, металлическіе кредиторы, преимущественно заграничные, получающіе возможность при низкомъ курсѣ кред. рубля, или—что то же—при высокомъ курсѣ рубля металлическаго, купить на указанные 69 мил. р. металлическихъ болѣе русскихъ товаровъ или услугъ русскаго люда. Для нихъ курсъ съ его паденіемъ и повышеніемъ играетъ роль насоса и помогаетъ постепенно переливать къ себѣ наши цѣнности. Да, дѣйствительно, нашъ неразмѣнный кредитный рубль, постоянно мѣняющійся въ цѣнѣ, большое благо—для иностранцевъ.

Не останавливаясь на другихъ, болѣе мелкихъ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ роспись 1887 года по разнымъ доходнымъ и расходнымъ статьямъ, какъ въ составѣ ихъ, такъ и въ исчисляемыхъ по нимъ суммамъ, обратимся къ общимъ цифрамъ росписи. Увеличеніе расходовъ противъ росписи предшествовавшаго года на 17 мил. р., которые притомъ всецѣло, даже съ избыткомъ, поглощаются увеличеніемъ расходовъ на платежи по государственнымъ долгамъ, и на 23 мил. р. противъ дѣйствительныхъ расходовъ 1885 года—не представляетъ ничего ни неожиданнаго, ни тревожнаго. Если не особенно тревожно, то не совсѣмъ понятно, что въ средствахъ государства, вовсе не находящагося въ крайнемъ финансовомъ положеніи, не находится источниковъ для покрытія этого излишка.

Изъ приведенныхъ выше словъ бывшаго министра финансовъ можно бы заключить, что финансовое управленіе какъ бы мирилось съ дефицитами въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ и не искало средствъ для ихъ устраненія. Но это не совсѣмъ такъ: средства эти изыскивались какъ въ увеличеніи размѣра существующихъ налоговъ, напр., питейнаго или таможеннаго, такъ и въ установленіи новыхъ, напр., пятипроцентнаго сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, усиленнаго на 1887 годъ обложеніемъ этимъ сборомъ акцій желѣзно-дорожныхъ обществъ. Дѣло лишь въ томъ, что предлагавшіяся средства не приводили и не могли привести къ желаемой цѣли.

Съ именемъ лица, поставленнаго нынѣ во главѣ финансоваго управленія, общая молва связываетъ проекты увеличенія государственныхъ доходовъ посредствомъ казенной монопольной продажи хлѣбнаго вина и табака. Изъ всеподданнѣйшаго доклада бывшаго министра финансовъ оказывается, однако, что проекты указанныхъ монополій, а равно и проектъ обращенія въ казенное управленіе желѣзныхъ дорогъ уже разрабатывались въ министерствѣ финансовъ. Но Н. Х. Бунге высказывается противъ нихъ. Отъ про-

даже хлѣбнаго вина казною онъ не ожидаетъ никакой выгоды. Питейная торговля несомнѣнно выгодна, но, какъ справедливо замѣчаетъ бывший министръ финансовъ,—та доля прибыли, которая извлекается нынѣ въ раздробительной продажѣ посредствомъ злоупотребленій (подливанія воды въ вино, ростовщичество, обмановъ и пр.), въ казну, конечно, не поступитъ и можетъ сдѣлаться только достояніемъ тѣхъ агентовъ правительства, которые не оправдаютъ его довѣрія.

Лучшаго мнѣнія Н. Х. Бунге о возможныхъ результатахъ табачной монополіи, но, по его словамъ, „при высокомъ акцизѣ съ хлѣбнаго вина у насъ нельзя извлечь изъ табачной монополіи не только такого дохода, какъ во Франціи (около 120 мил. рублей кредитныхъ), но и несравненно меньшаго“. Правду сказать, мы не видимъ той тѣсной зависимости, въ которую ставится этими словами успѣхъ табачной торговли отъ размѣра акциза на вино, но вообще мало вѣримъ въ выгоды казенныхъ торговыхъ операцій, какой бы отрасли онѣ ни касались. Разумѣется, что казенная продажа могла бы совершаться не непосредственно изъ казенныхъ лавочекъ, какъ во Франціи, а при посредствѣ обычныхъ торговцевъ, такимъ порядкомъ, какимъ производится нынѣ составляющая монополію воспитательнаго дома торговля игральными картами; но и при этомъ сложная процедура заготовленія разнообразныхъ сортовъ табака и другихъ курительныхъ матеріаловъ была бы не по силамъ казенному управленію. Невыгоднымъ считаетъ бывший министръ финансовъ немедленное приобрѣтеніе казною желѣзныхъ дорогъ, и съ этимъ также нельзя не согласиться. Въ чемъ же, наконецъ, выходъ? чѣмъ можетъ быть достигнуто равновѣсіе въ нашихъ бюджетахъ? Мы не разъ давали отвѣтъ на этотъ вопросъ: по нашему мнѣнію—въ установленіи, взамѣнъ многихъ косвенныхъ налоговъ, налога подоходнаго, обладающаго достаточною эластичностью, для того, чтобы въ данное время доходъ могъ сообразоваться съ потребностію, и упадающаго равномерно на всѣхъ сообразно платежной способности. Но при этомъ должна быть принята не та система, которая проявляется отчасти въ нашихъ попыткахъ введенія подоходнаго налога въ видѣ обложенія пяти-процентнымъ сборомъ денежныхъ капиталовъ или дополнительнымъ трехъ-процентнымъ налогомъ—болѣе значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, т.-е. не система обложенія источниковъ дохода, а обложеніе дохода лица во всей совокупности. Найти средство опредѣлить сумму дохода того или другого лица и составляетъ задачу,—но эта задача вовсе не неразрѣшимая.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля, 1887 г.

Перемена въ управленіи министерствомъ финансовъ. — Тенденціозное осужденіе и объективная критика прежней системы. — Отчетъ г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1884 годъ. — Результаты льготъ, данныхъ раскольникамъ закономъ 3-го мая. — Положеніе православія внѣ предѣловъ Россіи. — Измѣненія въ уставѣ уголовного судопроизводства. — Еще о проектѣ уголовного уложенія. — Газетные слухи.

Не много было у насъ такъ же переизмѣнъ въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія, которыя произвели бы впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ замѣна Н. К. Бунге—И. А. Вышнеградскимъ. О ней говорилось въ обществѣ и въ печати, задолго до ея осуществленія—и все-таки она вызвала массу толковъ, споровъ и предположеній. Противники бывшаго министра финансовъ не сложили оружія, не прекратили примычной ихъ агитаціи, не измѣнили даже ея приемы; ретроспективная имъ критика отличается тѣмъ же ожесточеніемъ, тѣмъ же пристрастіемъ, какъ и кампанія, игравшая дѣльную падею лица и системы. Пориданія ближайшему прошлому слышатся, впрочемъ, и съ другихъ сторонъ, заглушая собой немногіе голоса, напоминающіе о его заслугахъ.

Посмотримъ, прежде всего, какъ „кинется исторія“ на страницахъ нѣвѣстныхъ газетъ. Статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, посвященныя общей оцѣнкѣ истекшаго финансоваго періода, представляютъ собою послѣднее слово озабоченія, не отступавшаго ни передъ какими средствами. Назначеніе Н. К. Бунге объясняется тѣмъ, что „нуженъ былъ человекъ науки, второній не иначе какъ съ полнымъ отрицаніемъ относился бы къ обозначившимся въ Россіи послѣ войны благопріятнымъ фактамъ“. Другими словами, нуженъ былъ (кому?) министръ финансовъ, недовольный растущимъ благосостояніемъ страны, готовый противодействовать ему, въ угоду „доктринѣ“! Оставимъ въ сторонѣ толкованіе, чудовищность котораго слишкомъ

очевидна; остановимся только на фактѣ, служащемъ исходной точкой обвиненія. Этотъ фактъ—увеличеніе государственныхъ доходовъ, продолжавшееся, будто бы, вплоть до вступленія Н. Х. Бунге въ министерство финансовъ и вслѣдъ за тѣмъ уступившее мѣсто противоположному явленію. Въ дѣйствительности поворотъ въ худшему наступилъ уже въ 1880-мъ и окончательно обрисовался въ 1881-мъ году, т.-е. въ такое время, когда еще не произошло переменъ въ финансовомъ управленіи или же могли еще обнаружиться ея результаты. Увеличеніе питейнаго дохода, начавшееся, по закону реакціи, вслѣдъ за окончаніемъ уронившей его войны, продолжалось только два года (1878-ой и 1879-ый); въ 1880 г. общая цифра питейнаго сбора сразу упала почти на шесть миллионъ. Таможенный доходъ опустился въ 1881 г., слишкомъ на десять миллионъ рублей; доходы табачный и сахарный достигли въ томъ же году своей минимальной цифры, послѣ чего началось быстрое ихъ повышеніе. Этихъ немногихъ данныхъ вполне достаточно, чтобы доказать отсутствіе совпаденія, подчеркнутаго московской газетой... Началу „историческаго“ обзорѣнія соответствуетъ вполне и продолженіе: 1882-ой годъ характеризуется, напримеръ, какъ годъ „прюстановки преобразовательной дѣятельности финансоваго вѣдомства“, благодаря чему, по ироническому замѣчанію обзорѣвателей, дефицитъ этого года и не превысилъ 10 миллионъ рублей. На самомъ дѣлѣ 1882-ой годъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ финансовыми нововведеніями. Кроме измѣненія таможеннаго тарифа—единственной мѣры, упоминаемой „Московскими Вѣдомостями“—онъ ознаменованъ рѣшеніемъ вопроса о постепенной замѣнѣ подушной подати, измѣненіемъ и дополненіемъ устава о гербовомъ сборѣ, изданіемъ новаго устава о табачномъ сборѣ, установленіемъ налога на имущества, переходящаго безмядными способами; прибавимъ къ этому учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и законъ 1 іюня, какъ первый шагъ на пути регламентаціи фабричной работы. Въ насивѣ 1883 года обзорѣватели тщательно замаскируютъ правила о нарушеніяхъ питейнаго устава, имѣющія весьма второстепенное значеніе, и столь же тщательно умалчиваютъ о томъ, что составляетъ существенно-важный активъ этого года—о законахъ, положившихъ начало болѣе правильному устройству городскихъ и частныхъ банковъ. Въ обзорѣнии 1885 года пропущена такая бездѣлица—пропущенъ законъ объ обложеніи процентныхъ бумагъ, возбудившій, въ свое время, сильнѣйшую оппозицію московскихъ реакціонныхъ финансистовъ... Въ вину финансоваго вѣдомства ставится и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, и сокращеніе оборотовъ внѣшней торговли, и расширеніе промышленности въ царствѣ польскомъ (въ ущербъ фабрикамъ центральной Россіи), какъ будто бы все это не

имѣло своихъ особыхъ причинъ, до крайности сложныхъ и разнообразныхъ; ему ставится въ вину паденіе курса до 235 сантимовъ, какъ будто бы оно ни мало не обуславливалось ходомъ вѣдшей политики, болгарскими и другими complicациями... Въ виду всего этого мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настоящимъ объектомъ атаки является не дѣятельность министерства, а личность бывшего министра. Система болѣе не существуетъ; выставять ее въ искусственно-черномъ свѣтѣ не было бы надобности, если бы вмѣстѣ съ нею совершенно сошелъ со сцены ея представитель. Этого не случилось; Н. Х. Бунге пересталъ быть министромъ финансовъ, но занялъ одно изъ высшихъ мѣстъ государственной іерархіи. *Inde igitur* всѣ орудія, когда-либо дѣйствовавшія противъ него, соединяются въ одну баттарею; пальба производится уже не отдѣльными выстрѣлами, а залпами. Одинъ оскорбительный намекъ слѣдуетъ за другимъ; указывается, напримѣръ, на „преждевременное разглашеніе“ предположеній, клонившихся къ измѣненію таможенного тарифа, на „оставанье интересовъ иностранныхъ предпринимателей“, на „безпримѣрную щедрость къ иностраннымъ банкирамъ“, на „проведеніе домогательствъ“ полу-иностранной компаніи, намѣревавшейся монополизировать нашу хлѣбную торговлю, на „странную случайность, способствовавшую установленію столь близкихъ отношеній между финансовымъ вѣдомствомъ и сахарозаводчиками, что всѣ требованія и затѣи послѣднихъ исполнялись безпрекословно“. Букетомъ фейерверка служить обвиненіе въ противодѣйствіи или неохотномъ подчиненіи Высочайшей волѣ, приурочиваемое къ вопросамъ о закавказскомъ транзитѣ, объ элеваторахъ, о нормировкѣ сахарнаго производства, о дворянскомъ земельномъ банкѣ. Сопоставимъ съ этимъ обвиненіе въ „истинно-революціонной нетерпимости ко всему существующему“, взводимое на систему Н. Х. Бунге петербургскимъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“—и мы получимъ полную картину одного изъ самыхъ печальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ характеристичныхъ явленій современной дѣйствительности.

Отъ измышленій вражды, потерявшей всякое чувство мѣры, перейдемъ къ упрекамъ, болѣе объективнымъ, чуждымъ личнаго характера и заслуживающимъ серьезнаго разбора. Они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ, заимствуемымъ нами не изъ одной какой-либо газетной статьи, а изъ разныхъ источниковъ: 1) министерство Н. Х. Бунге не только не выдвинуло принципиальныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ экономическое развитіе страны, но скорѣе затемнило и усложнило истинныя причины экономическаго кризиса и финансовыхъ затрудненій; 2) вмѣсто коренныхъ преобразованій, оно ограничилось установленіемъ множе-

ства разнообразныхъ, drobныхъ, мелкихъ и частныхъ налоговъ, торопливо сочиненныхъ и „съ легкимъ сердцемъ“ пущенныхъ въ дѣло; 3) въ связи съ этимъ понадобилось чрезмѣрное увеличеніе числа агентствъ финансоваго вѣдомства; 4) какъ кабинетный мыслитель, Н. Х. Бунге придавалъ слишкомъ большое значеніе теоретической разработкѣ своихъ проектовъ и недостаточно считался съ экономическими и другими противорѣчіями, которыми столь богата русская жизнь; 5) въ ближайшіе сотрудники свои онъ не всегда выбиралъ такихъ людей, которые могли бы быть названы выдающимися дѣятелями по ввѣренной имъ отрасли управленія... Разсмотримъ каждый изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

Главнымъ принципіальнымъ вопросомъ, находившимся на очереди въ моментъ призыва Н. Х. Бунге въ управленію министерствомъ финансовъ, было уничтоженіе стариннаго различія между податными и неподатными сословіями, внесеніе въ нашу финансовую систему начала равенства передъ закономъ (понимаемаго, конечно, не въ смыслѣ строго-математической пропорціональности обложенія). Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на сцену еще въ началѣ прошлаго царствованія, приближенъ къ зрѣлости земскимъ опросомъ 1871 года, опять отгѣсненъ назадъ—и, наконецъ, поставленъ ребромъ въ эпоху „новыхъ вѣяній“. Инициатива въ его разрѣшеніи не была, слѣдовательно, заслугой Н. Х. Бунге—но бывший министръ перешелъ, наконецъ, отъ проектовъ и предположеній къ дѣйствительному исполненію. „Преобразование прямыхъ податей“,—читаемъ мы въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Н. Х. Бунге,—„вмѣстѣ съ отгѣнной подушной подати и съ обращеніемъ оброчной подати въ выкупные платежи, въ настоящее время можно считать законченнымъ. Платежи крестьянъ, какъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ, приведены въ возможное соотвѣтствіе и ограничены сорокачетыре-лѣтнимъ срокомъ. Этимъ устраняется и финансовый поводъ къ словенной розни въ будущемъ“. Въ этихъ словахъ много справедливаго; въ одномъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, Н. Х. Бунге оставляетъ наши финансы не такими, какими онъ ихъ принялъ—не такими именно съ точки зрѣнія „принципіальной“. Этого мало: бывшему министру финансовъ принадлежитъ честь постановки другого принципіальнаго вопроса—честь указанія пути, котораго должно держаться, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, наше финансовое законодательство. Этотъ путь—установленіе подоходнаго налога, т.-е. именно того способа обложенія, на которомъ настаиваютъ теперь лучшіе изъ числа противниковъ Н. Х. Бунге. „Если министерство финансовъ“,—сказано въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ была представлена роспись на 1884 годъ,—„не рѣшилось сразу проектировать общій

подходный налогъ, то это потому, что та же цѣль въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податнаго управленія“. Въ свое время мы возражали противъ излишней медленности, излишней осмотрительности министерства финансовъ ¹⁾; разбирая всеподданнѣйшіе доклады по росписямъ на 1885 и 1886 г., мы сожалѣли о томъ, что въ нихъ не упоминается болѣе о доходномъ налогѣ ²⁾—но вопросъ неразрѣшенный остается все-таки вопросомъ поставленнымъ, и остается имъ благодаря бывшему министру финансовъ. Только въ будущемъ, не слишкомъ еще близкомъ, можно будетъ опредѣлить и взвѣсить силу противодѣйствія, встрѣченнаго у насъ самою мыслью о доходномъ налогѣ. Она идетъ въ разрѣзъ съ преданіями, имѣющими за собою вѣковую давность, съ интересами, только-что потерявшими свое привилегированное положеніе. Удивляться слѣдуетъ не тому, что въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ русскому министру финансовъ не удалось призвать къ жизни общій доходный налогъ, а скорѣе тому, что ему удалось сдѣлать нѣсколько шаговъ, ведущихъ къ этой цѣли.

Мы соприкасаемся здѣсь съ вторымъ упрекомъ, обращеннымъ къ Н. Х. Бунге. Изъ числа „дробныхъ, мелкихъ частныхъ“ налоговъ, установленныхъ въ 1881—86 г. ³⁾, нѣкоторые имѣютъ свой *raison d'être* именно въ качествѣ переходныхъ мѣръ, подготовляющихъ введеніе общаго доходнаго налога. Сюда относятся налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборъ съ промышленныхъ предпріятій, а отчасти и налогъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами. Министерству финансовъ предстояла такая дилемма: или привлечь къ обложенію часть ускользавшихъ отъ него доходовъ и имущества, или оставить все по старому, впредь до коренной реформы, осуществленіе которой встрѣтитъ не легко и не скоро преодолимыя преграды. Осуждать ли его за то, что оно предпочло первый выходъ второму? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Говорять о неудобствахъ, сопряженныхъ съ принятыми у насъ суррогатами доходнаго налога. Допустимъ, что эти неудобства дѣйстви-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 2 „В. Евр.“ за 1884 г.

²⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 2 „В. Евр.“ за 1885 и въ № 2 за 1886 г.

³⁾ Необходимо замѣтить, что критика финансоваго управленія ставитъ иногда на его счетъ такіа мѣры, въ которыхъ оно отнюдь не повинно. Такъ, наприимѣръ, въ одной газетной статьѣ въ числу мелкихъ налоговъ, установленныхъ при Н. Х. Бунге, отнесены налоги съ страховыхъ полицій и на ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ и тотъ, и другой, установлены вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней войны, при С. А. Грейгѣ.

только существуют (хотя по отношенію къ налогу на процентныя бумаги мы ихъ рѣшительно не видимъ); во всякомъ случаѣ они не такъ велики, чтобы перевѣшивать собою выгоду почина, логическимъ результатомъ котораго является установленіе общаго подоходнаго налога. Способствовать скорѣйшему достиженію этого результата должны самые недостатки частнаго обложенія. Чѣмъ больше отдѣльныхъ видовъ дохода привлечено къ платежу налога, тѣмъ живѣе должна чувствоваться потребность въ единствѣ, какъ съ точки зрѣнія справедливости, нарушаемой произвольнымъ освобожденіемъ однихъ и обремененіемъ другихъ, такъ и съ точки зрѣнія практической пользы, требующей возможно большаго утилизованія вновь созданныхъ учреждений. Конечно, если бы намъ было доказано, что министерство финансовъ имѣло полную возможность установить сразу, на правильныхъ основаніяхъ, общій подоходный налогъ, а предпочло удовольствоваться палліативами и полу-мѣрами, мы присоединились бы къ мнѣнію, противъ котораго теперь возражаемъ; но мы убѣждены, что такой возможности не существовало. Припомнимъ, откуда шла оппозиція противъ налога на наслѣдства, сколько неудовольствія вызывалъ раскладочный сборъ, кто и какъ ратовалъ противъ налога на процентныя бумаги,—и мы поймемъ, что попытка разсѣчь Гордиевъ узелъ, сдѣланная раньше попытки развязать его, была бы совершенно неосуществима. Теперь дорога открыта, главныя препятствія устранены; дѣло, начатое бывшимъ министромъ, сравнительно легко можетъ быть окончено его преемникомъ. Это не значитъ еще, однако, чтобы подоходнымъ налогомъ сразу могли быть замѣнены всѣ остальные—или хотя бы всѣ косвенные налоги. Безусловное единство налога остается, пока мѣстъ, мечтой, нигдѣ еще не перешедшей въ дѣйствительность—и несправедливо было бы требовать, чтобы первый примѣръ такого перехода былъ поданъ Россіей. На этомъ не настаиваютъ даже столь убѣжденные защитники подоходнаго налога, какъ, напримѣръ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о немъ, г. Свирщевскій ¹⁾. Нужно сначала ввести въ дѣйствіе подоходный налогъ, приучить къ нему плательщиковъ, испытать лучшіе способы его взиманія, привести въ ясность самый предметъ обложенія—а затѣмъ уже распространять область налога, хотя бы до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Не споримъ, гениальный финансистъ сумѣлъ бы, быть можетъ, обойтись безъ всякихъ переходныхъ мѣръ, прямо доставить торжество единому подоходному налогу—но гениальность ни для кого не обязательна, ея критерій неприложимъ къ громадному большинству государственныхъ людей.

¹⁾ См. ниже, „Литерат. Обзорніе“.

Въ тѣсной связи съ установленіемъ „дробныхъ, частныхъ“ налоговъ стоитъ—по словамъ критиковъ, которымъ мы возражаемъ—чрезмѣрное увеличеніе числа агентовъ финансоваго управленія. Перечень новыхъ должностей, приводимый въ доказательство этого тезиса, обнимаетъ собою и фабричныхъ инспекторовъ, и служащихъ въ дворянскомъ и крестьянскомъ земельныхъ банкахъ. Очевидно, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ ничего общаго съ измѣненіями въ податной системѣ. Учрежденіе фабричной инспекціи и обоеихъ названныхъ нами банковъ—мѣры совершенно иной категоріи, совершенно иного порядка. Можно возставать противъ нихъ, можно находить ту или другую изъ нихъ излишней, непрактичной, даже вредной—но нельзя удивляться тому, что новыя отрасли дѣятельности потребовали и новыхъ должностныхъ лицъ, нельзя смѣшивать чисто фискальныя функціи министерства финансовъ съ обязанностями, возлагаемыми на него государственнымъ вмѣшательствомъ въ экономическую жизнь, правительственной охраной той или другой общественной группы. Единственною новою должностью, созданною вслѣдствіе фискальныхъ преобразованій, остается, затѣмъ, должность податного инспектора (податныя присутствія увеличили собою число смѣшанныхъ коллегій, которыхъ безъ того такъ много въ нашемъ уѣздномъ и губернскомъ управленіи, но не потребовали новыхъ штатовъ, никого не прибавили къ существующей арміи чиновниковъ). Эту должность признаютъ ненужной, приурочивая ее единственно къ одному, „микроскопическому“ сбору (процентному и раскладочному). На самомъ дѣлѣ это не такъ; податные инспектора завѣдываютъ уже теперь всѣми торговыми сборами, а также прямыми податями и нѣкоторыми пошлинами. По удостовѣренію всеподданнѣйшаго доклада, всѣ расходы по податной инспекціи, въ первый годъ послѣ ея учрежденія, окупились слишкомъ въ два раза однимъ лишь болѣе правильнымъ поступленіемъ торговыхъ сборовъ. Еще важнѣе то, что учрежденіе податной инспекціи служитъ необходимой предпосылкой къ установленію общаго подоходнаго налога, устраняя собою одинъ изъ главныхъ аргументовъ противъ его введенія. Мы видѣли уже, что въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена была государственная роспись на 1884 годъ, отсрочка въ установленіи подоходнаго налога мотивировалась именно отсутствіемъ уѣзднаго податного управленія. Теперь управленіе это существуетъ, и ничто не мѣшаетъ возложить на него новую, существенно-важную задачу, послѣ чего немислимо уже будетъ говорить о его бесполезности. Если главная цѣль учрежденія податныхъ инспекторовъ останется недостигнутою, виновать въ этомъ будетъ не Н. К. Бунге, несомнѣнно имѣвшій ее въ виду при созданіи податной инспекціи. Скажемъ болѣе:

если, въ ближайшемъ будущемъ, и не будетъ введенъ общій подоходный налогъ, податные инспектора все-таки могутъ сослужить большую службу, изучая податную способность народа, раскрывая случаи крайняго ея напряженія и оказывая массѣ, въ средѣ уѣзднаго управленія, ту защиту, въ которой она скоро, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо будетъ нуждаться. Само собою разумѣется, что для этого необходима неприкосновенность преданій, завѣщанныхъ новому министру финансовъ его предшественникомъ.

Отличительной чертой „кабинетнаго мыслителя“, внезапно перенесеннаго изъ области науки въ область государственнаго управленія и сохраняющаго здѣсь не только прежніе взгляды, но и прежніе приемы, бываетъ, обыкновенно, нѣкоторая „прямолинейность“, мало расположенная считаться съ мѣстными и временными условіями. Въ образѣ дѣйствій Н. Х. Бунге мы такой прямолинейности не видимъ; его скорѣе можно упрекнуть въ уступчивости, въ недостаткѣ настойчивости и въ нерѣшительности. Не въ этомъ ли, напримѣръ, слѣдуетъ искать разгадку полу-исполненія, а затѣмъ и неисполненія указа 1 января 1881 г.? Не этимъ ли объясняется остановка на полъ-дорогѣ въ дѣлѣ введенія подоходнаго налога, въ дѣлѣ установленія правительственнаго контроля надъ частными банками? Какъ бы то ни было, доктринерство не было слабой стороною бывшаго министра. Онъ не пренебрегалъ, конечно, указаніями теоріи, науки, но осуждать его за это было бы болѣе чѣмъ странно. Не думаемъ также, чтобы его можно было упрекнуть въ неумѣньи выбирать сотрудниковъ. Не касаясь личныхъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ было бы теперь и преждевременно, и неудобно, напомнимъ только сказанное нами недавно ¹⁾ о выборѣ агентовъ фабричной инспекціи—выборѣ, замѣчательно свободномъ отъ канцелярской рутинны. Едва ли развилась бы столь широко, столь успѣшно и дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка, если бы управленіе имъ было организовано на основаніи заурядныхъ бюрократическихъ традицій... Мы далеки, конечно, отъ мысли отставивать всѣ назначенія, сдѣланныя Н. Х. Бунге; мы утверждаемъ лишь, что здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, дѣятельность бывшаго министра финансовъ стоитъ не ниже, а гораздо выше средняго уровня.

Мы пишемъ не панегирикъ Н. Х. Бунге; мы стараемся только показать его систему въ истинномъ свѣтѣ, ничего не скрывая и ничего не искажая. Какъ прежде, такъ и теперь, мы считаемъ неправою его таможенную политику, сдѣлавшую столько уступокъ протекціонизму и все-таки не достигшую оживленія русской промышлен-

¹⁾ См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстн. Евр.“ за 1886 г.

ности; мы считаемъ совершенно неудачной питейную реформу 1885 года, во многомъ, правда, не упавшую на отвѣтственность Н. Х. Бунге, но имъ, во всякомъ случаѣ, подготовленную и отъ него получившую свои главныя черты; мы признаемъ ошибочность мѣръ, проектированныхъ имъ по предмету сахарной нормировки и слиянія общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ земельнымъ банкомъ. Всѣ эти частныя погрѣшности выкупаются, въ нашихъ глазахъ, общимъ направленіемъ, котораго держался Н. Х. Бунге. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати, привлеченіе достаточныхъ классовъ къ участию въ податномъ бремени, учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, регламентація, въ интересахъ рабочихъ, фабричной работы—все это составляетъ одно цѣлое, проникнутое одною мыслью, однимъ духомъ. Таковой совокупности мѣръ, внушенныхъ заботливостью о народномъ благѣ, напрасно было бы искать въ дѣятельности другого русскаго министра финансовъ. Не даромъ же Н. Х. Бунге приобрѣлъ столько враговъ, непримиримыхъ и ожесточенныхъ; они ненавидѣли въ немъ не министра, безсильнаго возстановить бюджетное равновѣсіе и положить конецъ экономическому кризису, а государственнаго человѣка, неспособнаго жертвовать интересами массы въ пользу интересовъ привилегированнаго меньшинства. Въ высшей степени поучительнымъ останется отношеніе Н. Х. Бунге къ тенденціознымъ его противникамъ; подобно двумъ другимъ выдающимся дѣятелямъ послѣдняго времени (гр. Д. А. Милютину и вн. А. М. Горчакову), онъ не имѣлъ другого отвѣта на ложь, на оскорбленія, на клевету, кромѣ молчанія или спокойнаго возстановленія истины.

Говорить о преиміи Н. Х. Бунге теперь не время; мы можемъ только сослаться на то, что было сказано нами по поводу его назначенія членомъ Государственнаго Совѣта ¹⁾—и ожидать первыхъ его шаговъ на поприщѣ финансоваго управленія. Разборъ финансовой программы, затронутой—съ критической точки зрѣнія—въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго министра финансовъ, мы также отлагаемъ до другого раза; ходъ событій не замедлитъ показать, существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ.

Около года тому назадъ мы посвятили почти цѣлое обзорніе одному отчету синодальнаго оберъ-прокурора по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1883 г. Отчетъ за слѣдующій, 1884-ый годъ отличается тѣми же характеристическими чертами—оживленностью

¹⁾ См. Общественную Хроникку въ № 5 „Вѣстн. Евр.“ за 1886 г.

изложенія, иногда доходящею до страстности, богатствомъ и разнообразіемъ матеріала, яркимъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни. Сравнительно мало новыхъ данныхъ мы находимъ въ тѣхъ частяхъ отчета, которыя посвящены борьбѣ съ магометанствомъ и язычествомъ, распространенію православія между католиками и протестантами — но именно эти тѣмы были предметомъ подробной разработки въ предыдущемъ отчетѣ, а существенной перемѣны въ положеніе дѣлъ годовой періодъ времени внести, конечно, не могъ. Не лишены интереса, однако, нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся западныхъ губерній и царства польскаго. И тамъ, и здѣсь, разладъ продолжаетъ обнаруживаться, мѣстами, между официальнымъ исповѣданіемъ населенія и его настоящимъ религіознымъ настроеніемъ. Въ литовской епархіи между присоединившимися къ православію (въ шестидесятыхъ годахъ) „не мало есть упорствующихъ въ желаніи возвратиться къ латинству“; въ губерніяхъ сувалкской и сѣдлецкой нѣкоторые изъ вновь обращенныхъ „прямо выдають себя за католиковъ, открыто посѣщаютъ костелы, празднуютъ латинскіе праздники“ и ведутъ пропаганду, объ успѣхѣхъ которой свидѣтельствуемъ „масса незаконныхъ сожителствъ, прикрываемыхъ названіемъ краковскихъ браковъ“ (въ сѣдлецкой губерніи такихъ браковъ насчитывается до 2.365). Общій характеръ отношеній католиковъ къ православнымъ не вездѣ одинъ и тотъ же. Въ литовской епархіи „все болѣе и болѣе замѣчается отчужденность и холодность католиковъ къ православнымъ“. Въ минской епархіи, наоборотъ, многіе изъ католическаго населенія приглашаютъ къ себѣ православное духовенство для освященія домовъ и полей, обращаются къ нему съ просьбою о совершеніи молебствій и посѣщаютъ православныя храмы, особенно при проѣздѣ преосвященнаго, „видимо усиливаясь положить на себя крестное знаменіе по православному“. Духовенство этой епархіи „убѣждено, что только путемъ мира и правды приобрѣтается прочное и полное торжество православной церкви“¹⁾. Въ холмско-варшавской епархіи православное духовенство, несмотря на мирное настроеніе свое, „не можетъ избѣгнуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ непріязненныхъ отношеній съ римско-католиче-

¹⁾ Нельзя не пожалѣть, что это высокое убѣжденіе раздѣляется не всѣми, отъ кого зависитъ регулированіе отношеній между православными и иновѣрцами. Вотъ что было напечатано, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“: „г. варшавскимъ генералъ-губернаторомъ сдѣлано распоряженіе о прекращеніи богослуженія въ тереспольскомъ католическомъ костелѣ, для пресѣненія вреднаго вліянія этого костела на окрестное православное населеніе. Кроме того, приняты мѣры къ устраниенію возможности для упорствующихъ бывшихъ униатовъ исполнять духовныя треби въ брестъ-литовскомъ костелѣ“.

скимъ духовенствомъ“, которое, „по присущей ему враждѣ и ненависти ко всему русскому и православному“, вслѣдствіе старается „унизить значеніе православнаго духовенства и подорвать довѣріе еще не окрѣпшихъ въ вѣрѣ сыновъ православной церкви“. Не слѣдуетъ ли заключить изъ всего вышеизложеннаго, что „крѣпость въ вѣрѣ“ должна быть приобретаема прежде перехода изъ одного исповѣданія въ другое? Энергическая приверженность въ латинству, выказываемая многими изъ числа обращенныхъ, не была бы мыслимой, если бы обращенію предшествовало сознательное и твердое убѣжденіе въ истинѣ православія. Не случайно, по всей вѣроятности, обостреніе отношеній между православными и католиками наблюдается именно тамъ, гдѣ существуетъ броженіе въ средѣ присоединившихся (епархіи литовская, холмско-варшавская). Католическому духовенству это броженіе даетъ поводъ утверждать, что обращеніе въ православіе совершается безъ достаточной обдуманности и нравственной свободы; для православнаго духовенства оно служитъ камнемъ преткновенія, побуждая его прибѣгать къ оружію обводоострому—къ содѣйствію свѣтской власти. Открыто и безпрепятственно возвратясь къ своей прежней вѣрѣ, приверженцы латинства—изъ среды новообращенныхъ—повредили бы православію гораздо меньше, чѣмъ оставаясь номинально въ его средѣ. Внутренній врагъ всегда опаснѣе вѣдшнанаго; сознаніе безвыходнаго положенія—неистощимый источникъ ожесточенія и злобы.

Отдѣлъ отчета, относящійся къ церковно-приходскимъ школамъ, заключаетъ въ себѣ мало замѣчательнаго; общія разсужденія о значеніи этихъ школъ представляются, по необходимости, повтореніемъ сказаннаго въ предыдущемъ отчетѣ, а фактическихъ данныхъ о развитіи школьнаго дѣла еще не много, потому что примѣненіе новаго закона началось только въ концѣ отчетнаго года. Число вновь открытыхъ, по 1-е января 1885 г., церковно-приходскихъ школъ доходило до 1.167, съ 333.771 учащимися (среднимъ числомъ — по 29 учащихся; это не особенно много); сверхъ того, духовенство, какъ сказано въ отчетѣ, успѣло открыть 840 школъ грамотности, съ 15.074 учащимися. Мы не совсѣмъ понимаемъ это выраженіе. Школы грамотности учреждаются обыкновенно самими крестьянами и только принимаются въ завѣдываніе духовенства; другого значенія слово: открыть—здѣсь, по всей вѣроятности, и не имѣетъ.

Самую важную и любопытную часть отчета составляетъ глава о расколѣ и единовѣрїи. 1884-й годъ былъ первымъ, въ продолженіе котораго дѣйствовалъ законъ 3-го мая 1883 г.; свѣденій о примѣненіи этого закона и о его результатахъ въ печати не встрѣчается почти вовсе, такъ что отчетъ имѣетъ здѣсь интересъ новизны, уси-

ливаемый громаднымъ значеніемъ предмета. Уже въ отчетѣ за 1883 годъ попадались указанія на то, что льготы, дарованныя раскольникамъ, уменьшили, во многихъ мѣстахъ, давнишнюю ихъ неприязнь къ православной церкви и православному духовенству, смягчили упорство и замкнутость раскола. Это явленіе подтверждается и отчетомъ за 1884-й годъ, но подтверждается съ нѣкоторыми колебаніями, иногда близкими къ противорѣчію. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ отчета мы читаемъ слѣдующее: „въ нѣкоторыхъ—впрочемъ немногихъ, преимущественно внутреннихъ—епархіяхъ современное настроеніе раскола представляетъ не мало утѣшительнаго для православной церкви; расколъ замѣтно измѣняетъ свой вѣковой характеръ, слабѣетъ въ своемъ фанатизмѣ“. Епархій, въ которыхъ примѣнимъ этотъ отзывъ, перечисляется одиннадцать, въ томъ числѣ поволжскихъ и приволжскихъ — только четыре (костромская, владимірская, пензенская, вятская), западныхъ—также четыре. Въ другомъ мѣстѣ отчета „ослабленіе въ расколѣ фанатизма, упорства и замкнутости“ выставляется уже общей чертой многихъ внутреннихъ и почти всѣхъ поволжскихъ и приволжскихъ епархій; поименно названы, при этомъ, епархія нижегородская, вазанская, симбирская, самарская, саратовская, вятская, пермская, уфимская. Въ той или иной степени и формѣ сближеніе раскола съ православіемъ замѣчается, по словамъ отчета, и въ отдаленныхъ краяхъ имперіи (напр., въ оренбургской губерніи, въ Забайкальѣ). Основательно ли, затѣмъ, ограничивать перемѣну къ лучшему только немногими, преимущественно внутренними епархіями? Не слѣдуетъ ли признать, наоборотъ, что эта перемѣна составляетъ скорѣе правило, чѣмъ исключеніе?.. Къ тому же выводу можно придти и другимъ путемъ, если обратить вниманіе на епархія, въ которыхъ расколъ, по удостовѣренію отчета, отличается наибольшимъ упорствомъ. Это—епархія сѣверныя (новгородская, псковская, олопецкая, архангельская, вологодская), прибалтійскія, московская, черниговская, харьковская, донская, кавказская и большинство сибирскихъ. Масса раскольничьаго населенія обитаетъ, очевидно, не въ этихъ епархіяхъ, и положеніе, занимаемое въ нихъ расколомъ, не можетъ служить исходной точкой для общихъ заключеній. Между тѣмъ на официальную оцѣнку реформы данныя второго рода вліяютъ, по видимому, съ особенною силой. „Между условіями, содѣйствовавшими къ поддержанію въ средѣ раскола упорства и благопріятствовавшими его распространенію“,—читаемъ мы въ отчетѣ,—„можно считать дарованіе раскольникамъ льготы, по закону 3-го мая 1883 г. Законъ этотъ, справедливый съ точки зрѣнія государственной, по заявленіямъ многихъ преосвященныхъ, привелъ на практикѣ къ послѣд-

ствіямъ, какихъ, конечно, никакъ не могло ожидать и предвидѣть правительство. Расколуучители и вожаки раскола стали указывать простецамъ на этотъ законъ, какъ на доказательство, что правительство начинаетъ сознавать правоту раскола и что нужно ожидать въ скоромъ времени полного признанія раскола наравнѣ съ господствующею церковью... Московскіе раскольники идутъ (въ отношеніи къ смѣлости) впереди всѣхъ другихъ. Высочайше дарованныя права и льготы развязали имъ руки, какъ будто именно для провозглашенія и приложенія къ жизни самыхъ нечестивыхъ и возмутительныхъ ученій... Можно сказать со всею справедливостью, что теперь не раскольникамъ чинятся притѣсненія, а, напротивъ, они открыто и смѣло притѣсняютъ православныхъ, особенно тѣхъ, которые обращаются изъ раскола. При всемъ томъ, однако же, старообрядцы продолжаютъ жаловаться на мнимое стѣсненіе „своего положенія, почти что на гоненія, ими претерпѣваемыя“. Усиленіе раскола приурочивается иногда не только къ закону 3-го мая, но и къ другой, болѣе ранней мѣрѣ, первой въ ряду тѣхъ, которыми улучшено положеніе раскольниковъ: къ закону 19-го апрѣля 1874 г., установившему для лицъ, издавна состоящихъ въ расколѣ, особня метрическія книги, съ цѣлью облегчить доказательство правъ по происхожденію и имуществу.

Итакъ, существуетъ мнѣніе, безусловно враждебное всякимъ льготамъ по отношенію къ раскольникамъ и расколу. Разбираемымъ нами отчетомъ оно не усваивается вполне, но и не отклоняется положительно и прямо; многія мѣста отчета могутъ быть истолкованы въ смыслѣ сочувствія прежнимъ, отмѣненнымъ порядкамъ. Если законъ 3-го мая повлекъ за собою вредные результаты, которыхъ „правительство не могло ни ожидать, ни предвидѣть“, то отсюда только одинъ шагъ до мысли объ отиѣнѣ или ограниченіи самаго закона. Если „снисходительное или равнодушное отношеніе гражданскихъ и судебныхъ властей къ сектаторамъ и пропагандистамъ раскола“ является одною изъ причинъ распространенія и обостренія раскола, то отсюда логически вытекаетъ необходимость возобновленія преслѣдованій, цѣлесообразность карательныхъ и полицейскихъ мѣръ въ борьбѣ съ расколомъ. Правда, законъ 3-го мая называется въ одномъ мѣстѣ отчета „справедливымъ съ государственной точки зрѣнія“—но вслѣдъ за тѣмъ дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ будто изданіе закона 3-го мая было ошибкой, которую теперь слѣдуетъ сначала констатировать, потомъ—исправить. Посмотримъ, прежде всего, было ли что-нибудь „неожиданное“, „непредвидѣнное“ въ результатахъ новаго закона. Каждый разъ, когда выдвигался на первый планъ вопросъ о болѣе снисходительномъ отношеніи къ расколу—а это случалось

весьма часто, потому что реформа, начатая въ 1874 и продолженная, но не оконченная въ 1883 г., стояла на очереди уже съ первой половины шестидесятихъ годовъ,—защитники status quo ссылались на то, что льготы, данныя раскольникамъ, будутъ истолкованы въ смыслъ признанія раскола, въ смыслъ равноправности его съ православіемъ. Этому аргументу придавалось особое значеніе; онъ считался чуть не главнымъ доказательствомъ опасности, сопряженной съ преобразованиемъ. Если онъ не остановилъ законодателя, не помѣшалъ реформѣ, то какое же значеніе можетъ онъ имѣть въ настоящее время? Слухи и толки, идущіе въ разрѣзъ съ настоящимъ характеромъ закона, были предусмотрѣны заранѣе. Скажемъ болѣе—они были неизбежны, потому что желаемое всегда кажется возможнымъ, вѣроятнымъ, потому что человѣку свойственна склонность вѣрить въ наступленіе того, что онъ считаетъ необходимымъ и справедливымъ. Отъ неправильныхъ толкованій не огражденъ ни одинъ законъ, но они не должны быть разсматриваемы ни какъ препятствіе къ его изданію, ни какъ поводъ къ его отмінію. Единственное и вѣдѣствѣ съ тѣмъ вполнѣ достаточное противъ нихъ средство—это опытъ указанія дѣйствительности. Встрѣчаясь на каждомъ шагу съ стѣсненіями и преградами, убѣждаясь фактически въ живучести ограниченій, издавна тяготящихся надъ расколомъ, самые легковѣрные „простецы“ изъ среды раскольниковъ не могутъ не понять, что увѣренія расколуучителей о признаніи раскола лишены всякой реальной основы. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, что раскольники лишены способности видѣть очевидное, разумѣть безспорное; нельзя же утверждать, что для нихъ недоступна и непостижима разница между терпимостью—терпимостью, притомъ, до крайности условною и далеко не полною—и настоящею религіозною свободой. Не только раскольникамъ, побывавшимъ въ одной изъ столицъ или въ одной изъ западныхъ губерній, но и раскольникамъ приволжскимъ случалось видѣть въ городахъ и селахъ лютеранскія и католическія церкви, магометанскія мечети, существующія открыто, съ крестами, жуполами или минаретами, съ духовенствомъ, носящимъ костюмъ своего званія. Заключать ли отсюда кто-нибудь изъ нихъ, что лютеранство, католицизмъ, мусульманство стоятъ въ глазахъ правительства на одномъ уровнѣ съ православіемъ, равноправны съ нимъ передъ лицомъ закона? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; ничего подобнаго не приходило и не приходитъ въ голову ни раскольникамъ, ни самимъ православнымъ. Гдѣ же причина опасаться недоразумѣній по отношенію къ расколу, и теперь, несмотря на изданіе закона 3-го мая, поставленному въ положеніе, гораздо менѣе благопріятное, чѣмъ иновѣрные исповѣданія, христіанскія и даже не-христіанскія? Гдѣ причина

думать, что постройка какой-нибудь часовни, не имѣющей даже внѣшняго вида молитвеннаго зданія,—постройка, на которую нужно было испросить, быть можетъ не безъ труда, предварительное разрѣшеніе начальства—возбудить въ средѣ раскольниковъ такіа горделивыя надежды, которыя никогда не соединялись съ торжественнымъ безпрепятственнымъ открытіемъ роскошнаго иновѣрнаго храма? Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что въ равноправность свою съ православными масса раскольниковъ не повѣрила бы даже и при преобразованіи гораздо болѣе широкое, чѣмъ законъ 3-го мая. Иллюзіи, кое-гдѣ возбужденныя этимъ закономъ, не могли быть ни сильно распространены, ни продолжительны, и для разсѣянія ихъ, если онѣ не угасли еще сами собою, нѣтъ надобности ни въ движеніи назадъ, ни въ мѣрахъ строгости.

Раскольники, говорятъ намъ, „открыто и смѣло притѣсняютъ православныхъ“. Мы желали бы знать, въ чемъ именно состоятъ и гдѣ проявляются эти притѣсненія. О насильственныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ по отношенію къ православнымъ, о явномъ неуваженіи къ церкви или священникамъ, о преслѣдованіи вновь обращенныхъ изъ раскола приходится слышать до крайности рѣдко, хотя каждый поступокъ этого рода можетъ служить поводомъ къ возбужденію судебного дѣла, не только по усмотрѣнію полицейской или обвинительной власти, но и по жалобѣ обиженнаго или потерпѣвшаго. Весьма можетъ быть, что переходъ изъ раскола въ православіе сопряженъ иногда съ нѣкоторыми матеріальными невыгодами, съ потерей, на примѣръ, той поддержки, которую оказываютъ другъ другу послѣдователи одного и того же толка; но въ этомъ нѣтъ ничего новаго; законъ 3-го мая здѣсь рѣшительно ни-при-чемъ. Напротивъ того, чѣмъ меньше озлобленіе раскольниковъ противъ православныхъ,—а уменьшеніе его, во многихъ мѣстахъ, признается, какъ мы видѣли, и отчетомъ,—тѣмъ легче обращеніе къ православію, тѣмъ спокойнѣе и удобнѣе положеніе новообращенныхъ. Гонимое ученіе всегда ревнивѣе къ твердости своихъ приверженцевъ, всегда безпощаднѣе къ тому, что оно называетъ измѣной; терпимость, оказываемая ученію, дѣлаетъ и его болѣе терпимымъ. По словамъ отчета, раскольникамъ не чинять теперъ больше никакихъ притѣсненій. Согласиться съ этимъ можно въ такомъ только случаѣ, если со времени изданія новаго закона исполнялись всѣ просьбы раскольниковъ объ исправленіи, возобновленіи, открытіи молитвенныхъ зданій. Законъ 3-го мая не далъ раскольникамъ; въ этомъ отношеніи, никакихъ строго опредѣленныхъ, неотъемлемыхъ правъ; онъ поставилъ ихъ въ полную зависимость отъ административнаго „усмотрѣнія“. Отказъ въ удовлетвореніи такой насущной потребности, какъ обладаніе мѣстомъ для

молитвенныхъ собраний, при дѣйстви закона 3-го мая всегда возможно -- а пока онъ возможно, до тѣхъ поръ нельзя утверждать, что „раскольникамъ не чинится болѣе никакихъ притѣсненій“. Не говоримъ уже о высылкѣ раскольническихъ „поповъ“, о закрытіи раскольническихъ школъ, о неотмѣненномъ до сихъ поръ запрещеніи печатать старопечатныя книги гдѣ-либо, кромѣ московской синодальной и единовѣрческой типографій. Можно быть того или другого мнѣнія о необходимости стѣснительныхъ постановленій по отношенію къ расколу, но нельзя отрицать существованіе такихъ постановленій — а между стѣсненіями и притѣсненіями мы большой разницы не видимъ.

Особенность отчета, насколько онъ касается раскола, заключается въ томъ, что рядомъ съ доводами въ пользу строгости идутъ доводы противоположнаго свойства, рядомъ съ сожалѣніями о бездѣйствіи администраціи и суда ¹⁾ — восхваленія системы, довольствующейся однимъ духовнымъ оружіемъ. „По мѣрѣ того, какъ выясняется значеніе раскола“, — читаемъ мы въ отчетѣ, — „противъ раскола принимаются и болѣе вѣрныя мѣры. Мѣры эти разнообразны, но повсюду имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ терпимости, христіанской любви и снисхожденія къ заблуждающимся. Исходить изъ одного общаго начала — дѣйствованія на расколъ чрезъ раскрытіе и уясненіе неправоты его и непогрѣшимой истинности православной церкви“. Разъ что это такъ — для возвращенія къ прошедшему, очевидно, нѣтъ и не должно быть мѣста; жалобамъ на „снисходительность гражданской власти“ долженъ быть положенъ конецъ, потому что она вполне согласна съ „духомъ терпимости и христіанской любви“, возводимымъ на степень руководящаго начала въ борьбѣ съ расколомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если миссіонерская дѣятельность, направленная къ воссоединенію раскольниковъ съ православною церковью, не имѣла до сихъ поръ особенно замѣтныхъ результатовъ, то это объясняется именно тѣмъ, что параллельно съ нею шли мѣры другого рода, озлоблявшія раскольниковъ и удалявшія ихъ отъ церкви. Теперь шансы успѣха мирной проповѣди, братскаго поученія значительно возросли — и возрастутъ еще больше, когда лучше будутъ обезпечены гражданскія права раскольниковъ, да и самый способъ обращенія къ нимъ освободится отъ придатковъ, завѣщанныхъ недавнимъ прошлымъ. Бесѣды о вопросахъ вѣры, организуемыя теперь почти повсемѣстно, не должны напоминать даже

¹⁾ Отъ сожалѣній объ утраченномъ недалеко я до попытокъ возвращенія къ нему: одинъ изъ преосвященныхъ ходатайствовалъ о недопущеніи раскольниковъ къ гражданскимъ должностямъ въ особенности тамъ, гдѣ раскольническое населеніе численностью преобладаетъ надъ православнымъ.

издалека прежнихъ „вразумленій“, имѣвшихъ наполовину полицейскій характеръ; онѣ не должны представлять собою ничего похожаго на принужденіе или понужденіе. Таково, безъ сомнѣнія, намѣреніе устройствей бесѣдъ—но на практикѣ оно осуществляется, повидимому, не всегда и не вездѣ. Вотъ, наприѣръ, что намъ случилось недавно прочесть въ гуслицкой корреспонденціи „Новаго Времени“: на диспутѣ, происходившемъ въ деревнѣ Бѣлиной между миссіонеромъ Шашинымъ и мѣстными старообрядцами, послѣдніе напали на перваго за то, что онъ далъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ въ чрезмѣрно строгой полицейской формѣ. Извѣщеніе, посланное сельскому старостѣ, заканчивалось такъ: „настоятельно предписываю вамъ исполнить все это (т.-е. приготовить помѣщеніе для диспута и оповѣстить мѣстныхъ начетчиковъ) въ точности; за неисполненіе же сего вы подвергаетесь отвѣтственности“. Разбирая эту бумагу, редація которой ничѣмъ не отличается отъ слога предписаній о взысканіи податей, начетчики доказывали, что проповѣдники христіанства должны чуждаться всякихъ полицейскихъ замашекъ и въ своемъ миссіонерскомъ званіи придерживаться простоты благовѣстителей первыхъ вѣковъ христіанства. И дѣйствительно, чего могутъ ожидать раскольники отъ миссіонера, дающаго предписанія сельскому начальству? Не естественно ли предположить, что онъ облеченъ властью, легко могущею отозваться и на его собесѣдникахъ?.. Приступу къ дѣлу соответствуетъ, болѣе или менѣе, и самое его веденіе; по словамъ корреспондента, „poleмическіе приемы миссіонера, его диспутантскія манеры и жестикюляція, явно натянутая изворотливость въ книжныхъ доказательствахъ, заставляютъ сомнѣваться, чтобы онъ принесъ пользу на миссіонерскомъ поприщѣ“; умѣренность, мягкость тона—одно изъ необходимыхъ условій нравственнаго вліянія на расколъ. Общимъ правиломъ она сдѣлается только тогда, когда въ официальныхъ документахъ не будетъ болѣе идти рѣчь о мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ.

Еще большею рѣзкостью выраженной отличается та часть отчета, которая посвящена „сектантамъ разныхъ видовъ“. Здѣсь говорится о людяхъ, „безумно и фанатически преданныхъ узкому и невѣжественному сектантству“, о „непризванныхъ учителяхъ, въ жалкомъ ослѣпленіи своемъ сочувствующихъ невѣжеству, лицемерію и фанатизму“. О шалопутахъ мы читаемъ, что „въ хитрости они со временемъ, надо полагать, не уступятъ іезуитамъ“; о миссіонерахъ штундизма—что они „не гнушаются подкупомъ, обманомъ и клеветою“. Въ разсказѣ о глумленіи штундистовъ надъ бывшимъ ихъ единовѣрцемъ, пострадавшимъ отъ пожара, насъ поражаетъ слѣдующее мѣсто:

„у него (вновь обращеннаго штундиста) неизвѣстно отъ какой причины (быть можетъ отъ поджога) загорѣлся токъ“. Если причина пожара „неизвѣстна“, то на чемъ же основана догадка о поджогѣ—догадка, значеніе и цѣль которой не требуютъ объясненія? Не приходится ли признать, что за недостаткомъ несомнѣнно доказанныхъ фактовъ обвинительный матеріалъ противъ штундистовъ черпается изъ предположеній, едва ли совмѣстныхъ съ важностью и серьезностью вопроса?.. Во многихъ мѣстахъ, по словамъ отчета, православное населеніе „жаждетъ найти въ начальствѣ опору и защиту противъ штундизма, какъ противъ язвы, и, не находя благовременной потребной опоры, пробуетъ иногда прибѣгать къ первобытному средству самоличной защиты и расправы съ смутьянами, какъ это было, напримѣръ, въ городѣ Вознесенскѣ“. Итакъ, вмѣшательство власти необходимо, какъ единственный способъ предупредить самоуправство. Мы готовы признать, что изъ этихъ двухъ волъ первое меньше, чѣмъ второе, но никакъ не можемъ допустить неизбѣжность одного изъ нихъ... Само собою разумѣется, что если „смута“ принимаетъ характеръ уголовный, если она угрожаетъ жизни, здоровью, имуществу православнаго населенія,—она должна быть подавлена мѣрами полиціи и суда; но такая ли смута составляетъ предметъ жалобъ, упомянутыхъ въ отчетѣ? такими ли „смутьянами“, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, озаываются штундисты?.. Вождедвія административной расправы съ сектантами не всегда, къ сожалѣнію, остаются тщетными. Мы узнаемъ изъ отчета, что начальникомъ могилевской губерніи сдѣлано представленіе о высылкѣ вожаковъ штундизма; молоканамъ двухъ деревень терской области предложено, подъ опасеніемъ принудительнаго выселенія, переселиться въ молоканскія селенія; баптистъ Павловъ „выпровоженъ“ (выраженіе отчета) полиціею изъ Петербурга. Были, какъ видно изъ отчета, и случаи возбужденія, по инициативѣ духовной власти, судебныхъ преслѣдованій за совращеніе въ сектантство. Къ чему приводять, сплошь и рядомъ, подобныя преслѣдованія, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ первой половинѣ истекшаго года новгородскій окружной судъ приговорилъ двухъ лицъ (Тиханова и Вегадина) къ заключенію въ тюрьмѣ, за попытку пропагандированія такъ-называемаго „пашковскаго“ ученія. Говоря объ этомъ процессѣ ¹⁾, мы замѣтили, что вѣроятнымъ его результатомъ будетъ скорѣе распространеніе, чѣмъ искорененіе тѣхъ мнѣній, за которыя пострадали Тихановъ и Вегадинъ. И дѣйствительно, вотъ что мы прочли на дняхъ въ газет-

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

ной корреспонденціи изъ Новгорода: „нынѣ явился другой пропагандистъ секты Пашкова. Выждавъ скопище лицъ, пришедшихъ его послушать, онъ приступаетъ къ вѣроученіямъ, тѣмъ самымъ, какія распространялъ Тихановъ. Нѣкоторымъ присутствующимъ онъ выдаетъ книжки религіознаго свойства“. Весьма можетъ быть, что если бы Тихановъ и Вегздинъ были оставлены безъ преслѣдованія, проповѣдь пашковскаго ученія въ Новгородѣ прекратилась бы сама собою.

Всѣ данныя, заимствованныя нами до сихъ поръ изъ разбираемаго отчета, говорятъ въ пользу безусловной вѣротерпимости, въ пользу расширенія и обезпеченія истинной религіозной свободы, немнимою безъ права переходить изъ одного исповѣданія въ другое. Еще болѣе сильнымъ аргументомъ въ пользу этой свободы служить та часть отчета, въ которой идетъ рѣчь о положеніи православія внѣ предѣловъ Россіи. „Большимъ опасностямъ“,—читаемъ мы здѣсь,— „православная церковь подвержена въ Австро-Венгріи, гдѣ всѣ преданія государства связаны не только съ прозелитизмомъ, но и съ господствомъ римско-католической церкви надъ всѣми другими вѣроисповѣданіями. Хотя, по законамъ государства, всѣ вѣроисповѣданія равноправны, однако, въ дѣйствительности, эта равноправность постоянно нарушается, и всего чаще относительно православной церкви. Православная церковь на самомъ дѣлѣ является только какъ бы терпимою. Правда, открытыхъ нападеній нѣтъ; зато тайныя, подъ видомъ какой-либо благовидной формы помощи и благодѣанія, встрѣчаются нерѣдко. Какое-либо внѣшнее, преимущественно матеріальное благодѣтельство православыныхъ служитъ средствомъ для усвоенія возбужденныхъ умовъ оскорбленныхъ православныхъ или приманкою для податливыхъ на лукавыя искушенія и обѣщанія. При этомъ православные могутъ, и то не всегда, защищаться отъ нападеній, но въ случаѣ своей нравственной побѣды не имѣютъ свободы пользоваться ею и не могутъ даже принимать желающихъ присоединиться къ православной церкви иновѣрцевъ. Удивительнѣе всего то, что при данной свободѣ вѣроисповѣданій возможны переходы въ любую, не запрещенную законами государства, вѣру, но желающихъ перейти въ православіе ставятся неимовѣрныя препоны. А между тѣмъ латинская пропаганда пользуется широкою свободою нападать и выгодно пользоваться завоеваніями“. Итакъ, положеніе православной церкви въ Австро-Венгріи признается стѣсненнымъ, ненормальнымъ, хотя законъ провозглашаетъ ея равноправность съ другими вѣроисповѣданіями и не запрещаетъ ей прозелитизма между членами господствующей въ Австро-Венгріи римско-католической церкви. Достаточнымъ поводомъ къ жалобамъ считается фактическая наличность

„неимовѣрныхъ“ (но все-таки преодолимыхъ) „препонъ“ къ переходу въ православіе; къ категоріи „тайныхъ нападеній“ на православную церковь причисляются даже оказываемыя ей матеріальныя пособія. Что же сказать, въ такомъ случаѣ, о положеніи вѣроисповѣданій, безусловно лишенныхъ не только права принимать въ свою среду членовъ господствующей церкви, но и многихъ другихъ правъ, составляющихъ необходимую принадлежность религиозной свободы—напримѣръ, права родителей, при смѣшанныхъ бракахъ, воспитывать дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ вѣрѣ отца или въ вѣрѣ матери? Не ясно ли, что все желательное для православной церкви въ Австро-Венгріи столь же желательно для послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій у насъ въ Россіи? Если бы ограниченіе всѣхъ исповѣданій въ пользу одного, господствующаго, было основнымъ началомъ политики и справедливости, общимъ для всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, то положеніе православной церкви въ Австро-Венгріи представлялось бы совершенно естественнымъ или даже подлежащимъ измѣненію въ смыслѣ еще болѣе неблагопріятномъ для православія. Находя его тяжелымъ и ненормальнымъ, отчетъ становится этимъ самымъ на сторону религиозной свободы.

Въ той же части отчета мы встрѣчаемъ характеристику положенія православной церкви въ Греціи, Сербіи и Румыніи, проникнутую отрицательнымъ отношеніемъ къ политическому устройству этихъ государствъ. Правительства греческое, румынское и сербское стремятся, по словамъ отчета, „сдѣлать церковь послушнымъ орудіемъ для своихъ собственныхъ цѣлей“ и отчасти достигаютъ этого, „заручаясь предварительно легальнымъ согласіемъ такъ-называемыхъ представителей народной воли, почти всегда подобранныхъ партією руководителей народной воли“. Это мѣсто отчета для насъ не совсѣмъ понятно; если и допустить, что избраніе представителей или „такъ-называемыхъ представителей“ народной воли является результатомъ искусственнаго „подбора“, то на чемъ же основано предположеніе, что подборъ производится одною партією, и притомъ именно „партією руководителей народной воли“? Еще менѣе понятно сожалѣніе о готовности румынскаго правительства заключить формальное соглашеніе съ Ватиканомъ относительно положенія римско-католической церкви въ Румыніи; вѣдь такое соглашеніе заключено же, весьма недавно, между нашимъ правительствомъ и папой—почему же Румыніи не послѣдовать примѣру Россіи?.. Предметомъ осужденія служатъ, далѣе, стѣсненія, налагаемыя нѣкоторыми конституціонными государствами на сношенія мѣстныхъ православныхъ церквей съ другими православными автокефальными церквами, въ томъ числѣ и съ російскою. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя стѣсненія

нежелательны и нецѣлесообразны, но едва ли они существуютъ въ однихъ только конституціонныхъ государствахъ. Здѣсь, какъ и въ дѣлѣ религиозной свободы, чрезвычайно важно было полное торжество принципа взаимности,—взаимности, конечно, не запрещеній, а разрѣшеній.

Намъ остается еще упомянуть о мотивахъ, по которымъ отклонено св. синодомъ, въ 1884 г., извѣстное ходатайство московскаго губернскаго земства объ избраніи приходскихъ священниковъ самими прихожанами. Высшая церковная власть отнеслась съ осужденіемъ къ самому факту предъявленія этого ходатайства; она увидѣла въ немъ „вторженіе сторонняго вѣдомства въ сферу церковнаго управленія“, измѣненіе котораго возможно „не иначе какъ на основаніи вѣковыхъ опытовъ и съ особенно необходимою въ дѣлахъ вѣры осторожностью“. „Вторженіемъ“ въ сферу управленія ходатайство не можетъ быть уже потому, что оно ничего не измѣняетъ въ существующемъ порядкѣ и выражаетъ собою лишь желаніе, исполненіе или неисполненіе котораго зависитъ не отъ самихъ просителей; въ данномъ случаѣ, притомъ, предметомъ ходатайства было не какое-либо нововведеніе въ устройствѣ церковнаго управленія (тѣмъ менѣе — нововведеніе въ „дѣлахъ вѣры“), а возстановленіе обычая, нѣкогда существовавшаго въ нашей церкви и совмѣстнаго съ полнѣйшею неприкосновенностью правъ церковной іерархіи. По существу ходатайства св. синодъ нашель, что предоставленіе приходамъ выбирать своихъ священниковъ было вызвано недостаткомъ образованныхъ или даже просто грамотныхъ людей, извѣстныхъ епископамъ,—недостаткомъ, давно уже несуществующимъ, благодаря распространенію и усовершенствованію духовно-учебныхъ заведеній. Возстановленіе права церковныхъ выборовъ было бы поэтому „поворотомъ къ прежнимъ временамъ невѣжества, изъ котораго наше отечество вышло рядомъ многовѣковыхъ усилій“. Но развѣ нельзя было бы принять за правило, что избраніе прихода можетъ пасть только на лицо, получившее богословское образованіе? Смыслъ московскаго ходатайства едва ли заключался въ томъ, чтобы выборъ, сдѣланный прихожанами, былъ безусловно обязательенъ для епископа; повѣрку и утвержденіе избранія можно было бы обставить такими условіями, которыя устранили бы возможность или, по крайней мѣрѣ, вѣроятность злоупотребленія выборнымъ правомъ.

Въ старыхъ процессуальныхъ порядкахъ, дѣйствовавшихъ до судебной реформы, игралъ большую роль обрядъ „заявленія неудовольствія“, т.-е. предварительное выраженіе намѣренія принести жалобу

на рѣшеніе гражданскаго или уголовнаго суда. Отмѣненный судебными уставами для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ и для всѣхъ уголовныхъ процессовъ, производящихся въ общихъ судебных мѣстахъ, этотъ обрядъ былъ оставленъ въ силѣ для уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ. Предполагалось, что въ камерѣ мирового судьи или на мировомъ сѣздѣ подсудимый всегда будетъ находиться на-лицо, и что заявленіе удовольствія или неудовольствія не представитъ для него никакихъ затрудненій. На самомъ дѣлѣ оказалось не то; мировымъ учрежденіямъ—въ особенности сѣздамъ—часто приходится постановлять рѣшенія въ отсутствіи подсудимаго. Отсюда, сплошь и рядомъ, пропускъ короткаго (суточного) срока на заявленіе неудовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потеря права на обжалованіе рѣшенія. Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ въ уголовный кассационный департаментъ прав. сената поступило болѣе полутора ста жалобъ на отказъ въ принятіи просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній, за пропускомъ срока на заявленіе неудовольствія—а сколько случаевъ того же рода осталось безвѣстными, вслѣдствіе безпомощности подсудимыхъ или убѣжденія въ неоправимости постигшей ихъ бѣды! Въ пользу удержанія порядка, сопряженнаго съ такими серьезными неудобствами, нельзя было привести никакихъ основательныхъ соображеній; онъ держался въ силу инерціи, въ силу привычки, пока, наконецъ, по инициативѣ оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента, не возникъ вопросъ о его отмѣнѣ. Само собою разумѣется, что она не встрѣтила препятствій ни со стороны министерства юстиціи, ни со стороны Государственнаго Совѣта. Принесеніе жалобъ на уголовные приговоры мировыхъ учреждений подчинено теперь общему порядку, установленному судебными уставами для обжалованія всѣхъ другихъ рѣшеній; никакого предварительнаго объявленія о намѣреніи принести жалобу не требуется—но отъ подсудимаго зависитъ заявить, вслѣдъ за постановленіемъ приговора или до истеченія срока на его обжалованіе, что онъ подчиняется приговору. Если такое же заявленіе будетъ сдѣлано и другою стороною, то приговоръ немедленно входитъ въ законную силу и подлежитъ исполненію. Противъ такого измѣненія судебныхъ уставовъ ничего не могутъ сказать даже самыя усердные ихъ приверженцы; частныя поправки, вызванныя указаціями опыта и не противныя общему духу закона, всегда желательны и необходимы. Менѣе существенно, но также полезно другое измѣненіе, проектируемое, какъ мы слышали, въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Когда лицо прокурорскаго надзора говоритъ передъ судомъ не въ качествѣ стороны, а въ качествѣ блюстителя закона, заключенію его—на мировыхъ сѣздахъ,

въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ сената — предшествуютъ объясненія сторонъ; обратный порядокъ дѣйствуетъ только въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ. Это предполагается отмѣнить — и совершенно основательно. Потому что для полноты заключенія оберъ-прокуроръ долженъ имѣть въ виду не только письменные, но и словесные доводы сторонъ. Право послѣднаго слова, впрочемъ, оставляется, на общемъ основаніи, за подсудимымъ или его повѣреннымъ.

Говоря, въ предыдущихъ обзорѣніяхъ, о той части проекта уголовного уложенія, которая относится къ имущественнымъ посягательствамъ, мы познакомили читателей съ главными нововведеніями, предложенными редакціонною комиссіею въ опредѣленіи преступленій; намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о системѣ наказаній. Нѣкоторые органы нашей печати, не потрудившись даже прочитать внимательно новую часть проекта ¹⁾, забили тревогу, обвиняя комиссію чуть не въ потворствѣ преступникамъ, чуть не въ посягательствахъ на „основы“. Исходя изъ того, что въ проектѣ нѣтъ особой главы о святотатствѣ, ревнители не по разуму подняли вопль объ уравненіи этого преступленія съ обыкновенной кражей. Ничего подобнаго комиссія не имѣла въ виду. Правда, святотатству посвящена только одна статья проекта — но этого вполне достаточно, чтобы рѣзко выдѣлить его изъ среды другихъ видовъ похищенія. За кражу вообще, безъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, проектъ назначаетъ тюремное заключеніе; за кражу (или обманное похищеніе) предмета религіознаго почитанія или предмета, употребленіемъ при богослуженіи освященнаго, онъ грозить исправительнымъ домомъ, устраняя возможность перехода въ другому, болѣе снисходительному наказанію, если кража совершена изъ христіанскихъ церкви, часовни, ризницы, молитвеннаго дома или иного церковнаго хранилища. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наказаніе за святотатство превышаетъ кару за всѣ остальные виды похищенія, не сопровождавшагося квалифицированнымъ насиліемъ противъ личности; менѣе строго наказывается даже похищеніе посредствомъ простаго насилія или наказуемой

¹⁾ Ни о какомъ учрежденіи, кажется, не сообщается въ печати столько невѣрныхъ, иногда недѣльныхъ свѣденій, какъ о комиссіяхъ по составленію гражданского и уголовного уложеній. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отпечатанія главы объ имущественныхъ посягательствахъ и послѣ ея гласнаго обсужденія появляется, наприѣръ, о ней телеграмма, смѣшивающая ее съ проектомъ въ цѣломъ его объемѣ и возвѣщающая совершенное окончаніе трудовъ комиссіи!

угрозы. Неужели этого мало? неужели шесть лѣтъ исправительнаго дома—недостаточный максимумъ наказанія за святотатство? Неужели необходимо карать его непременно каторжной работой, въ которой проектъ, по весьма уважительнымъ причинамъ, прибѣгаетъ по возможности рѣдко?

Предметомъ удивленныхъ и негодующихъ восклицаній служить, дайте, невключеніе взлома въ число обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе за похищеніе. Авторамъ восклицаній, очевидно, неизвѣстна объяснительная записка редакціонной комиссіи, доказывающая съ полною убѣдительною условностью, шаткостью понятія о взломѣ, необходимость замѣнить его чѣмъ-либо другимъ, болѣе подходящимъ къ требованіямъ русской жизни. До уложенія 1845 г. наши уголовные законы вовсе не знали взлома, какъ обстоятельства, увеличивающаго вину; онъ былъ перенесенъ къ намъ изъ чужихъ законодательствъ — и заимствованіе, на этотъ разъ, не оказалось удачнымъ. Взломъ можетъ быть до крайности легкимъ, до крайности ничтожнымъ; онъ не свидѣтельствуетъ, самъ по себѣ, объ особенномъ напряженіи преступной воли, не угрожаетъ особенною опасностью ни обществу, ни частнымъ лицамъ. По справедливому замѣчанію комиссіи, „при нашихъ деревянныхъ постройкахъ и соломенныхъ крышахъ квалифікація кражи по одному лишь обстоятельству взлома часто представляется осуществленіемъ законодательнаго формализма. Когда за кражу квалифіцированную наказывается воръ, забравшійся на спускающуюся до земли соломенную крышу и разобравшій ее руками, или даже провалившійся черезъ нее въ влѣтъ, а воръ, записшійся лѣстницею и сообщниками, для того, чтобы влѣзть въ открытое окно второго этажа, наказывается лишь за простую кражу, то здѣсь нельзя не видѣть полного несоотвѣтствія закона со степенью вины и даже съ опасностью дѣянія для общегитія“. Исходя изъ этихъ соображеній, комиссія совершенно правильно исключила взломъ изъ числа обстоятельствъ, особенно увеличивающихъ наказаніе за кражу (на мѣру наказанія онъ, конечно, можетъ вліять по усмотрѣнію суда). Квалифіцированной кражей, наказуемой исправительнымъ домомъ, признается, зато, не только кража вооруженная, но и кража изъ обитаемаго помѣщенія ¹⁾ или изъ огороженнаго при такомъ помѣщеніи двора, если она совершена ночью, и виновный находился на мѣстѣ преступления безъ вѣдома хозяина. Каторжной работой (на срокъ не свыше восьми лѣтъ) наказывается, наконецъ,

¹⁾ На одинъ уровень съ обитаемымъ помѣщеніемъ проектъ ставитъ и такое, въ которомъ, завѣдомо для виновнаго, въ моментъ похищенія находились люди.

такое похищеніе, признаки котораго соотвѣтствуютъ, по терминологіи дѣйствующаго уложенія, разбою.

Въ излишней слабости, такимъ образомъ, редакціонную комиссію упрекнуть нельзя. Намъ кажется, наоборотъ, что она погрѣшила въ противоположномъ направленіи, допустивъ только одно обстоятельство, особенно уменьшающее наказаніе за похищеніе — добровольное пополненіе причиненнаго ущерба. Дѣйствующее законодательство ставитъ на ряду съ этимъ обстоятельствомъ еще два — крайнюю малоцѣнность похищеннаго и совершеніе преступленія подъ вліяніемъ нужды и неимѣнія никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ. Редакціонная комиссія не считаетъ нужнымъ выдѣлять оба послѣдніе случая изъ общаго понятія о кражѣ, находя, что соотвѣтствіе между виной и наказаніемъ можетъ быть достигнуто здѣсь и безъ расширенія предѣловъ, предоставленныхъ усмотрѣнію суда. Таеъ ли это? Наказаніе за простую кражу, устанавливаемое проектомъ — тюрьма на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ. Это значить, что при признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія наказаніе можетъ быть понижено до минимальнаго срока тюремнаго заключенія, т.-е. до двухъ недѣль тюрьмы — но не можетъ быть замѣнено арестомъ (за исключеніемъ случая добровольнаго возмѣщенія ущерба). Конечно, двухнедѣльное тюремное заключеніе — наказаніе, само по себѣ, не тяжкое; но оно усложняется, на основаніи проекта, лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, т.-е. имѣеть, до извѣстной степени, обезчещивающій характеръ, отъ котораго свободенъ самый продолжительный арестъ. Почему же не предоставить суду болѣе широкую возможность переходить отъ тюрьмы къ аресту? Неужели тотъ, кто укралъ, подъ гнетомъ голода, нѣсколько булокъ, болѣе виновенъ, чѣмъ тотъ, кто укралъ нѣсколько тысячъ рублей, но возвратилъ ихъ, сознавая неизбѣжность изобличенія его въ преступленіи? Уложенія германское и венгерское назначаютъ минимальнымъ срокомъ наказанія за простую кражу одинъ день тюрьмы, не обуславливая даже этого минимума наличностью особенно уменьшающихъ вину обстоятельствъ; германскимъ уложеніемъ, притомъ, ограниченіе правъ при кражѣ не требуется, а только допускается... Необходимость большаго простора въ опредѣленіи наказанія за кражу чувствуется нашими судами уже давно, чувствуется тѣмъ сильнѣе, что волостные суды и теперь имѣютъ возможность налагать за кражу самыя легкія взысканія, въ родѣ денежнаго штрафа или кратковременнаго ареста. Намъ извѣстенъ слѣдующій, весьма характеристичный случай. Мировому судѣ предстояло произнести приговоръ надъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, сознавшимся въ мелкой кражѣ. Наименьшимъ

наказаніемъ, которое онъ могъ назначить (за отсутствіемъ въ данной мѣстности исправительнаго пріюта), было заключеніе въ тюрьмѣ на полтора мѣсяца; между тѣмъ, по обстоятельствамъ дѣла, такое наказаніе оказывалось рѣшительно несоразмѣрнымъ съ виною подсудимаго. Конечно, судья могъ оправдать подсудимаго — но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, чтобы не дать мальчику поводъ думать, что воровать можно безнаказанно. Результатомъ долгихъ и тяжкихъ колебаній явилось присужденіе мальчика къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ день, т. е. приговоръ справедливый, но незаконный, за который судья, въ свою очередь, былъ преданъ суду — и осужденъ, какъ за превышеніе власти, не имѣвшее важныхъ послѣдствій. Не слѣдуетъ ли позаботиться о томъ, чтобы новое уложеніе устранило, по возможности, всякій поводъ къ подобнымъ конфликтамъ между долгомъ нравственнымъ и долгомъ формальнымъ?

Безукоризненною, съ точки зрѣнія системы наказаній, кажется намъ глава проекта о самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ. Редакціонная коммиссія не увлеклась модными вѣяніями, требующими возвышенія наказаній за лѣсныя порубки, и осталась вѣрной взглядамъ, выработаннымъ по этому предмету русскою жизнью. Къ сожалѣнію, проектъ коммиссіи не представляетъ никакого ручательства въ томъ, что параллельно съ нимъ и независимо отъ него не будетъ составленъ — а можетъ быть и введенъ въ дѣйствіе законъ о лѣсныхъ порубкахъ, проникнутый совершенно инымъ духомъ. Мы приходимъ къ этому заключенію потому, что въ объяснительной запискѣ къ главѣ о преступленіяхъ противъ личности редакціонная коммиссія провозгласила безусловную ненаказуемость нарушенія договора личнаго найма, „какія бы имущественныя невыгоды оно ни влекло за собою для другой договаривающейся стороны“ — а вслѣдъ затѣмъ законъ 12-го іюня 1886 г. возвелъ самовольный уходъ рабочаго или его неявку (при наличности договорнаго листа) на степенъ уголовного преступленія.

Если вѣрить петербургскому корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей“, вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія быстро приближается къ разрѣшенію. „Разнообразіе мнѣній“, которое еще прошедшею весною „заставляло сомнѣваться въ возможности успѣха реформы“, уступило мѣсто „сочувственному и единогласному одобренію“ ея основаній. Періоду „абсолютной тайны“, которою было окружено до сихъ поръ движеніе проекта, корреспондентъ московской газеты предсказываетъ быстрый конецъ. Хорошо было бы, если бы это предсказаніе исполнилось, и таинственный проектъ получалъ бы, свое-

временно, широкую гласность. Свободное обсужденіе его представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что „свѣдущіе люди“, при участіи которыхъ устанавливалась окончательная редакція проекта, принадлежали всѣ къ одному лагерю, къ одной группѣ. „Теперь“, — читаемъ мы въ той же корреспонденціи, — „не заботились о томъ, чтобы въ составѣ совѣщанія были представители самыхъ разнообразныхъ мнѣній; напротивъ, имѣлось въ виду воспользоваться трудами лицъ, несомнѣнно преданныхъ основной мысли преобразования и полезныхъ при разработкѣ его подробностей“. Пускай же хоть теперь, до вступленія дѣла въ послѣдній, рѣшительный фазисъ, будетъ соблюдено старое правило: „Audiatur et altera pars“ — или, лучше сказать, „alterae partes“, потому что въ данномъ случаѣ имѣется на лицо гораздо болѣе двухъ различныхъ мнѣній.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О СЛІЯНІИ ВЛАСТЕЙ.

Возраженія, встрѣченныя моимъ мнѣніемъ о сліяніи властей, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: тенденціозныя, исходящія изъ рядовъ той группы, противъ которой я въ особенности боролся, — и объективныя, вызванныя не разногласіемъ въ принципѣ, а разномысліемъ чисто-практическаго свойства. Возраженія перваго рода были сдѣланы мнѣ преимущественно въ печати, возраженія втораго рода — преимущественно въ средѣ здѣшняго юридическаго общества. Я коснусь вкратцѣ тѣхъ и другихъ, насколько они представляются типичными.

Главнымъ принципиальнымъ противникомъ моимъ явился г. Головинъ („Русскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 12) — и это неудивительно, потому что сліяніе властей составляло одну изъ основныхъ темъ его книги о мѣстномъ управленіи и мѣстномъ представительствѣ, вышедшей въ свѣтъ еще въ 1884 г.¹⁾ Наши исходныя точки, наши стремленія прямо противоположны. Онъ полагаетъ, что задуманная реформа нужна прежде всего для крестьянъ; я убѣжденъ, что она нужна совсѣмъ не для нихъ. Онъ вѣритъ въ совмѣстимость сословности и справедливости; я нахожу, что противорѣчіе между ними неустранимо. Не повторяя еще разъ основаній моего мнѣнія, я отвѣчу только на тѣ замѣчанія г. Головина, которыя проистекаютъ изъ недоразумѣній или приписываютъ мнѣ то, чего я никогда не говорилъ и не думалъ.

По словамъ г. Головина, французскимъ полицейскимъ комиссарамъ, т.-е. лицамъ, схожимъ съ нашими участковыми приставами, предоставляется судить мелкіе проступки, а многія изъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нашимъ окружнымъ судамъ, разсматриваются въ судахъ исправительной полиціи. Последнее безспорно, но что же отсюда слѣдуетъ? Неужели г. Головину не извѣстно, что судъ исправительной полиціи (*tribunal de police correctionnelle*) — учрежденіе полицейское только по имени, а на самомъ дѣлѣ чисто судебное, и по составу, и по способу назначенія судей, и по формамъ производства? Что касается до полицейскихъ комиссаровъ, то мы желали бы знать, какой законъ предоставляетъ имъ судебную власть — и по какимъ дѣламъ? Они изслѣдуютъ и констатируютъ мелкія нарушенія, но не разсматриваютъ ихъ, не постановляютъ по нимъ рѣшеній.

¹⁾ См. Литературное Обзоріе въ № 2 „Вѣстн. Евр.“ за 1884 г.

Мой противникъ утверждаетъ, что я произвольно раздѣлилъ сторонниковъ соединенія властей на два лагеря, съ двумя несомнѣнными программами — раздѣлилъ ихъ въ силу стариннаго правила: *divide et impera*. Отсылаю г. Головина къ журналу Кахановской комиссіи, подъ № 5; онъ найдетъ тамъ обѣ программы, мною разобранныя. Одна изъ нихъ (стр. 23 — 27) принадлежитъ главнымъ руководителямъ меньшинства комиссіи, другая (стр. 36—38) — одному изъ сенаторовъ-ревизоровъ 1880—81 г.

Въ сторонникахъ всеобщей волости, какъ она задумана „либеральной“ печатью и проектирована (будто бы при „сочувствіи“ либераловъ) „кахановцами первой формациі“, г. Головинъ видитъ людей, желавшихъ создать „обильную пахитю для незнающихъ, куда дѣвать семинаристовъ, и для господъ, не успѣвшихъ приобрести аттестаты зрѣлости“. На самомъ дѣлѣ, „либеральная“ печать и „кахановцы первой формациі“ никогда не были согласны между собою по вопросу о всеобщей волости, и о сочувствіи между ними не могло быть и рѣчи. „Либералы“ стояли за всеобщую волость самоуправляющуюся и самооблагающуюся, съ волостнымъ старшиной, ея же избираемымъ, а „совѣщаніе“, выработавшее первоначальный проектъ Кахановской комиссіи, предполагало создать всеобщую волость въ видѣ административной единицы, не имѣющей ни волостного суда, ни права самообложенія, и управляемой „волостелемъ“, по выбору земскаго собранія. „Обильной пахитью“ для недоучекъ всеобщая волость, въ глазахъ „либераловъ“, не могла сдѣлаться уже потому, что въ волостные старшины всегда предполагалось допускать всякое грамотное лицо, и, слѣдовательно, управленіе всеобщую волостью, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, осталось бы въ рукахъ крестьянъ ¹⁾.

Говоря о дешевизнѣ управленія, гарантируемой всеобщую волостью, я упустилъ изъ виду, по мнѣнію г. Головина, что „волостной парламентъ“, подъ руководствомъ „ничего не платящихъ интеллигентовъ“, „вздумаетъ, пожалуй, широко воспользоваться правомъ самообложенія“. Въ докладѣ, посвященномъ слиянію властей, мнѣ незачѣмъ было касаться этого вопроса, такъ какъ и въ докладѣ моемъ о всеобщей волости, и въ журнальныхъ статьяхъ, было достаточно выяснено: 1) что живущіе въ волости „интеллигенты“ должны быть привлечены къ платежу волостныхъ сборовъ, и 2) что

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 7 „Вѣстн. Евр.“ за 1881 и въ № 11 за 1883 г. То же условіе избираемости было предложено и въ докладѣ о всеобщей волости, представленномъ мною, въ концѣ 1884 г., въ административномъ отдѣленіи петербургскаго Юридическаго Общества.

право самообложенія можетъ и должно быть обставлено извѣстными гарантіями, заключено въ извѣстные предѣлы ¹⁾).

Если вѣрять г. Головину, я олицетворяю въ судьѣ всѣ добрыя, въ администраторѣ—всѣ злыя начала государственнаго строя. Само собою разумѣется, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Административная власть, въ моихъ глазахъ, столь же необходима, какъ и судебная; хорошій администраторъ столь же возможенъ, какъ и хорошій судья; я не присоединяюсь только къ „охотникамъ смѣшивать два эти ремесла“, правильное отправление которыхъ обуславливается именно ихъ раздѣльностью. „Усмотрѣніе“, граничащее съ произволомъ, въ административной дѣятельности неизбежно; въ судебной сферѣ оно должно быть до крайности ограничено — и вотъ почему судьѣ не слѣдуетъ быть, въ то же самое время, администраторомъ. Я опасаясь не администраторовъ-Армановъ,—я опасаясь администраторовъ-судей, которые стали бы переносить въ рѣшеніе судебныхъ дѣлъ нормальныя на своемъ мѣстѣ, но здѣсь крайне вредныя административныя приемы. Я опасаясь еще больше всевластія, оборотной стороной котораго всегда является безправіе.

Мой противникъ обвиняетъ меня въ поголовномъ недовѣрїи къ дворянамъ, между тѣмъ какъ именно дворяне являются въ земствѣ носителями „либеральныхъ“ начинаній. Я никогда не говорилъ ни слова противъ дворянъ, какъ противъ отдѣльныхъ лицъ, какъ противъ земскихъ дѣятелей; мое недовѣріе касается только дворянства, какъ сословія, какъ бытового союза (это выраженіе, удивляющее г. Головина, пущено въ ходъ не мною, а г. Пазухинимъ). „Вѣстникъ Европы“ объяснялъ много разъ, что если дворяне были и продолжаютъ быть полевыми, болѣею частью, членами земскихъ собраний, то именно потому, что они являются тамъ представителями населенія, а не сословія. Указывалось и на то, что опасаться, въ случаѣ соединенія властей и торжества сословнаго начала, слѣдуетъ не грубой эксплуатаціи массы, а болѣе тонкаго „регулированія народнаго труда“, въ видахъ экономическаго преобладанія меньшинства надъ большинствомъ ²⁾. Все это вполне ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ толкованій.

Большинство моихъ оппонентовъ въ юридическомъ обществѣ исходило изъ основаній, не имѣющихъ ничего общаго съ взглядами г. Головина. Вполнѣ признавая неудобства системы, соединяющей въ однѣхъ рукахъ двѣ разнородныя власти, они высказывались за такое распространеніе круга дѣйствій мирового судьи, которое вѣрило

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе въ ММ 7 и 11 „Вѣстн. Евр.“ за 1881 г.

²⁾ См., напр., Внутр. Обзор. въ № 3 „Вѣстн. Евр.“ за 1885 и въ № 2 за 1886 г.

бы ему контроль надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, не дѣлая его начальникомъ надъ крестьянами. Они находили, что новыя функціи мирового судьи будутъ имѣть преимущественно судебное свойство, вслѣдствіе чего онъ не только не внесетъ административныхъ замашекъ въ отправленіе суда, но, наоборотъ, сообщитъ своей административной дѣятельности характеръ почти судебный. Въ основаніи этого мнѣнія лежатъ, какъ мнѣ кажется, двѣ крупныя ошибки. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что, вмѣстѣ съ контролемъ надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, къ мировымъ судьямъ непременно должны перейти функціи чисто-административныя (напр., разборъ жалобъ на приговоры сельскихъ сходоу по семейнымъ раздѣламъ, утвержденіе приговоровъ о выселѣхъ, административнымъ порядкомъ, неблагонадежныхъ лицъ); вромѣ того, характеръ дѣятельности мировыхъ судей долженъ измѣниться уже въ силу предоставленія имъ дисциплинарной власти надъ должностными лицами волостного и сельскаго управленія. Вторую ошибку я вижу въ ожиданіи побѣды того изъ двухъ началъ, которое, по всему складу нашей жизни и вслѣдствіе особенностей переживаемой нами минуты, всего меньше обрѣтается въ авантажѣ. Нужно обладать большою долей оптимизма, чтобы вѣрить въ торжество—у насъ, въ настоящее время,—судебнаго элемента надъ административнымъ.

Когда мысль, высказанная публично, извращается, перетолковывается веривъ и врось принципиальными ея противниками, съ этимъ легко примириться; отъ врага, неразборчиваго въ выборѣ средствъ, нельзя и ожидать добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Совершенно иначе дѣйствуетъ искаженіе истины, когда оно идетъ, повидимому, не отъ враговъ. Конечно, серьезное разногласіе, а слѣдовательно и серьезный споръ, возможны и не между врагами; обязательно, въ такомъ случаѣ, лишь одно—уваженіе къ мнѣніямъ случайнаго противника. Первый признакъ этого уваженія—точная передача предмета спора, не только безъ всякихъ уклоненій отъ правды (это разумѣется само собою, о чемъ или о комъ бы ни шла рѣчь), но и безъ догадокъ, заподозрѣвающихъ чужія намѣренія и цѣли. Всѣ эти элементарныя требованія нарушены „Недѣлей“, въ передовой статьѣ (№ 3), посвященной ею вопросу о слияніи властей. Основная мысль статьи—внутреннее тождество взглядовъ, высказанныхъ по этому предмету „либералами“ и „консерваторами“, т.-е. „Вѣстникомъ Европы“ и „Русскимъ Вѣстникомъ“. Выражается это тождество, по словамъ „Недѣли“, и въ опредѣленіи болѣзни, которою страдаетъ народъ („народу плохо живется потому, что въ нашемъ

административномъ механизмѣ существуютъ нѣкоторыя ненормальности“), и въ выборѣ леварства („чтобы народу жилось хорошо, не требуется ничего другого, какъ только измѣнить кое-что въ административной машинѣ“). „Причиной всѣхъ причин“,—продолжаетъ „Недѣля“,—оба „ратоборца“ признають „отсутствие въ деревнѣ властной руки“; они „согласны между собою, что народъ нужно опекають“; они желаютъ одного и того же—„забрать народъ въ руки“ опекуновъ. Разницу между либералами и консерваторами „Недѣля“ сводить исключительно къ тому, что консерваторы хотятъ господства дворянъ, а либералы—господства буржуазіи. „Чтобы болѣе заинтересовать и привлечь деревенскую безсословную буржуазію къ волостному кормилу власти, либералы“—говоритъ „Недѣля“—„желаютъ назначить солидные оклады для должностей по управленію всесословною волостью, причемъ опредѣлили даже размѣры этихъ окладовъ: по четыре тысячи рублей въ годъ на волость“.

Начну съ послѣдняго увѣренія, потому что въ немъ обрисовался всего яснѣе способъ обращенія съ фактами, усвоенный себѣ, въ данномъ случаѣ „Недѣлей“. „Допустимъ“,—сказано въ моемъ докладѣ (стр. 847),—„что средняя стоимость управленія мелкой земскою единицей достигла бы, согласно съ тенденціознѣйшимъ изъ всѣхъ расчетовъ, до четырехъ тысячъ рублей“. Этотъ „тенденціознѣйшій“, т.-е. ни съ чѣмъ несообразный расчетъ, сдѣланный меньшинствомъ Кахановской комиссіи съ цѣлью доказать финансовую неосуществимость мелкой земскою единицы (и обнимающей собою, притомъ, всю стоимость управленія волостью, а не одинъ окладъ должностныхъ лицъ)—этотъ „тенденціознѣйшій“ расчетъ приписывается „Недѣлей“... либеральной партіи, какъ предложеніе, отъ нея исходящее или ею поддерживаемое! Этого мало: „Недѣля“ совершенно упускаетъ изъ виду оговорку, въ которой цифра „тенденціознѣйшаго расчета“ была прямо названа мною „до крайности преувеличенною“. „Участковому начальнику“—сказано въ этой оговоркѣ—„назначается 1.500 рублей, между тѣмъ какъ за сумму вдвое меньшую служить теперь нѣкоторые члены уѣздныхъ земскихъ управъ; на жалованье письмоводителю, съ квартирными деньгами—750 рублей, которыхъ не получаетъ, вѣроятно, ни одинъ письмоводитель мирового судьи; на наемъ помѣщенія, отопленіе и освѣщеніе его—500 рублей, между тѣмъ какъ въ большинствѣ сельскихъ школъ эти издержки не превышаютъ 75 рублей“. Какъ назвать, въ виду всего этого, выходку „Недѣли“, выставяющей 4.000 рублей желаннымъ для либераловъ окладомъ жалованья всесословныхъ волостныхъ властей?

Въ статьѣ, написанной на специальную тему, незначѣмъ было перечислять всего того, что нужно народу, кромѣ хорошо организован-

наго мѣстнаго управленія. Но если бы и было позволительно приурочивать всю программу „либераловъ“ къ мнѣнію одного изъ нихъ по частному вопросу, то и въ такомъ случаѣ „Недѣля“ легко могла бы замѣтить, что объ излеченіи народныхъ недуговъ одними поправками въ „административной машинѣ“ вовсе не было и рѣчи. Въ концѣ статьи о сліяніи властей сдѣлано слѣдующее пригѣчаніе: „Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только о преобразованіи мѣстнаго управленія, а не о другихъ реформахъ, безъ которыхъ оно не можетъ вполне достигнуть своей цѣли“.

Нужно ли доказывать, что въ статьѣ о сліяніи властей, какъ и вообще въ „Вѣстникѣ Европы“, не было и нѣтъ ничего похожего на прямую или косвенную защиту „властной руки“ или „опеки надъ народомъ“, все равно, кто бы ни были опекуны? Противъ „властной руки“, во всѣхъ ея видахъ, нашъ журналъ не переставалъ бороться съ тѣхъ поръ, какъ была пущена въ оборотъ первая, Аксаковская ея формула; опеку надъ народомъ онъ всегда находилъ излишней и вредной. Не цитируя длиннаго ряда обзорѣній, настойчиво возвращавшихся къ этой темѣ, достаточно указать хотя бы на ту статью, съ которою такъ безцеремонно распоряжается „Недѣля“. Неужели отрицать необходимость такъ-называемой „сильной власти“ (стр. 858), возставать, во имя превосходства „самостоятельности“ надъ „опекой“, противъ возвращенія къ мировымъ посредникамъ (стр. 840), значить стремиться къ отдачѣ народа въ руки тѣхъ или другихъ „опекуновъ“?.

Кампанію противъ „либераловъ“ „Недѣля“ ведетъ уже давно, и ведетъ не всегда безуспѣшно; но все же она воздерживалась, до сихъ поръ, отъ явнаго извращенія мнѣній, высказываемыхъ „либералами“, отъ приписыванья имъ стремленій, прямо противоположныхъ дѣйствительной ихъ программѣ. И теперь не хотѣлось бы вѣрить, что она вступила безповоротно на скользкій путь, удаляющій ее отъ ея лучшихъ литературныхъ традицій. Пускай она попробуетъ освободиться отъ мысли, что она одна любитъ и понимаетъ народъ, одна обладаетъ истиной; тогда, можетъ быть, прекратятся обманы зрѣнія, заставляющіе ее видѣть то, чего нѣтъ, и не видѣть того, что есть на самомъ дѣлѣ.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля (19 января) 1887 г.

Воинственные слухи и толки.—Важность разоблаченій князя Бисмарка.—Ошибочныя толкованія его послѣднихъ рѣчей.—Засѣданія германскаго парламента и пренія о военномъ законѣ.—Неустойчивость министерствъ во Франціи и Англіи, и причина такого явленія.

Тревожные слухи о войнѣ все чаще повторяются въ послѣднее время въ европейской печати; проникательные газетные политики уже ясно предвидятъ наступленіе кровавыхъ событій, хотя и не могутъ еще рѣшить положительно, кто съ кѣмъ будетъ воевать. Недавно еще преобладало мнѣніе, что опасность существуетъ только на востокѣ; теперь ожидается гроза съ запада. Многіе указывали на Болгарію, какъ на предметъ возможныхъ столкновеній; нѣмецкія и англійскія газеты усердно нападали на Россію, какъ на главную будто бы нарушительницу общаго мира. Теперь болгарскій кризисъ отошелъ на задній планъ, и дѣло идетъ уже не о мѣстной борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ и не о счетахъ Австріи или Англіи съ Россією, а объ европейской катастрофѣ, несравненно болѣе ужасной—о колоссальной рѣзнѣ между двумя великими народами, готовыми бороться на жизнь и смерть для полнаго удовлетворенія взаимныхъ патріотическихъ чувствъ. Любопытнѣе всего, что мысль о новой франко-германской войнѣ возникла съ особенною силою послѣ того, какъ князь Бисмаркъ категорически опровергнулъ всякія предположенія о воинственныхъ намѣреніяхъ Германіи. Такъ какъ французы, въ свою очередь, озабочены только сохраненіемъ мира и вооружаются лишь въ интересахъ обороны,—что не разъ было формально заявлено министрами республики, въ томъ числѣ и генераломъ Буланжѣ,—то, казалось бы, опасеніе войны должно исчезнуть само собою. Между тѣмъ, на дѣлѣ, выходитъ наоборотъ. Если оба противника не жаждутъ воевать и думаютъ только о самозащитѣ, то война весьма вѣроятна и даже неизбежна: таково странное правило, выработанное новѣйшею политическою арифметикою. Нѣтъ сомнѣнія, что и на этотъ разъ возбужденная въ Европѣ тревога окажется напрасною, подобно тому, какъ ранѣе оказывались ложными общіе толки о разрывѣ Англіи или Германіи съ Россією.

Нельзя отрицать, что значительная доля отвѣтственности за

частое возбужденіе военной паники въ Европѣ падаетъ на ежедневную политическую печать, которая слишкомъ довѣрчиво относится къ догадкамъ и слухамъ, фабрикуемымъ невѣстно кѣмъ и имѣющимъ нерѣдко весьма сомнительную биржевую подкладку. Но было бы крайне несправедливо обвинять европейскую прессу за ея чрезмѣрную впечатлительность по отношенію къ вопросамъ войны и мира. Общее международное положеніе даетъ достаточно матеріала для того нервнаго безпокойства, которое періодически овладѣваетъ печатью и публикою въ главнѣйшихъ государствахъ материка. Внѣшняя политика повсюду движется еще по таинственнымъ путямъ, недоступнымъ контролю общественнаго мнѣнія; дипломатія не сообщаетъ своихъ плановъ парламентамъ и не дѣлится своими свѣдѣніями съ публикою, какъ это бываетъ въ другихъ областяхъ государственной дѣятельности. Все, что предпринимается въ сферѣ внутреннихъ задачъ законодательства и управленія, становится общимъ достояніемъ и дѣлается предметомъ публичнаго обсужденія и критики, задолго до превращенія проекта въ законъ или въ обязательный фактъ; а самые жизненные интересы народовъ—интересы безопасности и мира—остаются всецѣло въ рукахъ кабинетовъ и замыкаются въ тѣсныя рамки канцелярскихъ тайнъ. Рѣшенія и дѣйствія правительствъ по вопросамъ внѣшней политики становятся извѣстными только тогда, когда они воплотились въ событія; никто не знаетъ въ точности, въ чемъ соглашались и о чемъ спорятъ великія державы, каковы истинныя отношенія между ними, существуютъ ли союзы и какіе именно, стремится ли къ войнѣ князь Бисмаркъ или маркизъ Солсбери. Эта неопредѣленность настоящаго и неизвѣстность ближайшаго будущаго даютъ широкій просторъ опасеніямъ и догадкамъ, которыя находятъ себѣ благодарную почву въ существующей системѣ международной вражды и всеобщихъ вооруженій. Не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, общество по-неволѣ ловить случайныя намеки и слухи, прислушивается одинаково къ самымъ противорѣчивымъ увазаніямъ, переходитъ отъ одного предположенія къ другому и постоянно колеблется между страхомъ войны и надеждою на миръ. Печать отражаетъ въ себѣ эти разнообразныя общественныя настроенія и отчасти поддерживаетъ ихъ частую сѣбну, выдвигая все новыя комбинаціи для объясненія совершающихся фактовъ. Отъ времени до времени произносятся министерскія рѣчи, печатаются дипломатическіе документы или официальные сообщенія, въ которыхъ съ великою осторожностью приподнимается какой-нибудь уголокъ завѣсы, скрывающей политику кабинетовъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ. И эти обрывки истины жадно принимаются печатью, какъ лучи свѣта среди окружающей тьмы,—хотя въ дѣй-

ствительности они даютъ лишь туманный полусвѣтъ, скорѣе возбуждающій, чѣмъ удовлетворяющій любопытство.

Полная откровенность считается вообще невозможною въ политикѣ, и во многихъ случаяхъ она дѣйствительно была бы неумѣста; но публичное объясненіе политическихъ цѣлей и способовъ дѣйствія можетъ дать сильнѣйшую опору дипломату—и это доказывается наглядно блестящими успѣхами князя Бисмарка, который не разъ удивлялъ Европу необычайнымъ прямотушемъ своихъ рѣчей и заявленій. Рѣчи германскаго канцлера всегда представляли исключительную цѣнность для европейской печати,—не только потому, что авторъ ихъ есть одинъ изъ великихъ творцовъ современной исторіи, и не потому также, что рѣчи его талантливы и остроумны, а, главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ всегда можно было найти разоблаченія прошлыхъ или настоящихъ событій, откровенное признаніе руководящихъ принциповъ прусской политики и подлинный фактическій матеріалъ, далеко выходящій за предѣлы обычныхъ дипломатическихъ свѣденій. Рѣчи князя Бисмарка, если онѣ касаются иностранныхъ дѣлъ, всегда освѣщаютъ болѣе или менѣе ярко эту темную для публики область; онѣ даютъ много новаго и вѣскаго даже для иностранныхъ державъ, раскрывая существенный смыслъ отношеній въ нимъ Германіи и опредѣляя въ точности ту роль, которую она должна играть въ текущихъ международныхъ вопросахъ. Откровенность канцлера нерѣдко доходитъ до рѣзкости: онъ не стѣсняется въ нѣмецкомъ парламентѣ обсуждать и осуждать дѣйствія чужихъ министровъ и кабинетовъ, хотя бы это невыгодно отражалось на чувствахъ заинтересованной націи. Всѣмъ памятно еще, какъ азвительно „отдѣлалъ“ онъ лорда Гренвилля за то, что послѣдній сослался на совѣтъ германскаго канцлера не покидать Египта; князь Бисмаркъ прямо обвинилъ англійскаго министра въ неправдѣ, и при этомъ представилъ въ смѣшномъ видѣ обращеніе Гренвилля въ Берлинъ за совѣтомъ, какъ поступить Англійи съ Египтомъ. Такъ и теперь князь Бисмаркъ говорилъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи въ такомъ же свободномъ тонѣ, въ какомъ говорится объ этомъ въ газетахъ и въ частныхъ кружкахъ; онъ упомянулъ даже о дѣятельности генерала Буланжэ и объ его возможныхъ планахъ, хотя едва ли имѣлъ въ тому officialный поводъ или фактическое основаніе. Приписывать иностранному министру то, чего онъ никогда не высказывалъ и что даже опровергалось имъ публично,—позволительно еще въ печати, которая во многомъ руководствуется предположеніями и слухами, имѣющими часто характеръ сплетенъ; но повтореніе подобныхъ отзывовъ звучитъ какъ-то оригинально въ устахъ государственнаго человѣка, разъясняющаго политику великой имперіи предъ лицомъ

всей Европы. Очевидно, старыя дипломатическія традиціи совершенно отброшены княземъ Бисмаркомъ; онъ высказывается даже болѣе открыто и безцеремонно, чѣмъ простыя парламентскіе дѣятели, не занимающіе никакихъ отвѣтственныхъ постовъ. Въ нѣкоторыхъ изъиществахъ его краснорѣчія сказывается, быть можетъ, естественное вліаніе преклоннаго возраста, въ связи съ долготѣною привычкою къ господству и къ исключительному авторитету въ европейскихъ политическихъ дѣлахъ. Но эта особенность послѣднихъ рѣчей князя Бисмарка только усиливаетъ ихъ интересъ въ глазахъ публики, столь рѣдко получающей какія-либо откровенія отъ руководителей международной дипломатіи. Понятно поэтому, что недавнее выступленіе германскаго канцлера въ имперскомъ парламентѣ было какъ бы манною небесною для многочисленныхъ органовъ европейской печати; оно должно было доставить общественному мнѣнію возможность ориентироваться среди разнорѣчивыхъ толковъ, вызванныхъ событіями послѣдняго времени. Отъ канцлера ожидалось объясненіе мотивовъ, побудившихъ германское правительство внести законъ о новомъ усиленіи арміи. Почему и противъ кого потребовалось усилить германскую армію? Не опасается ли Германія вѣроятности союза между Россією и Францією, вооруженія которыхъ приводятся въ объяснительной запискѣ къ законопроекту? Эти и подобныя вопросы, на которые предстояло отвѣчать князю Бисмарку, затрогивали самыя основы современнаго политическаго равновѣсія. Общія ожиданія были вполне оправданы дѣйствительнымъ содержаніемъ рѣчей знаменитаго канцлера.

Нужно замѣтить, что рѣчи князя Бисмарка во время трехдневныхъ преній въ парламентѣ далеко не имѣли того зловѣщаго характера, какой придавался имъ въ краткихъ отчетахъ нашихъ газетъ. Полемика съ вождями оппозиціи блистала юморомъ, иногда довольно добродушнымъ; въ заявленіяхъ о внѣшней политикѣ не было замѣтно прежней самоувѣренности и надменности,—напротивъ, чувствовалось сознаніе опасностей, окружающихъ Германію и могущихъ быть устраненными только при помощи упорной мирной работы. Прочная дружба съ Россією, поколебленная одностороннимъ австро-германскимъ союзомъ, признается опять краеугольнымъ камнемъ нѣмецкой политики,—но уже не въ прежнемъ ограничительномъ смыслѣ, выгодномъ лишь для Австро-Венгріи, а въ смыслѣ реального обмѣна услугъ, который одинъ только можетъ служить основой тѣсной политической дружбы между двумя равносильными государствами. Князь Бисмаркъ рѣшительно отказывается отъ дальнѣйшаго содѣйствія наступательному движенію Австріи на востокъ, такъ какъ эта двусмысленная система не встрѣчаетъ уже прежней пассивной довѣрчивости со

стороны Россіи и дѣлаетъ неизбѣжнымъ сближеніе послѣдней съ Франціею. Слабая внутри и извнѣ, прикованная къ политикѣ Берлина всѣмъ своимъ шаткимъ существованіемъ, имперія Габсбурговъ не можетъ считаться серьезною опорой для Германіи даже въ военномъ отношеніи; она была полезною союзницею, пока удавалось держать Россію въ кругѣ интересовъ тройственнаго союза, но съ распаденіемъ этой комбинаціи пришлось убѣдиться, что русская дружба имѣетъ для Германіи цѣнность ничтѣмъ незамѣнимую. Все зданіе имперіи было бы предоставлено на произволъ случайностей, если бы допущена была возможность франко-русскаго соглашенія, направленнаго противъ нѣмцевъ съ двухъ различныхъ сторонъ—съ запада и востока. Нельзя себѣ представить такого министерства во Франціи, которое не поддерживало бы мысли о фактическомъ союзѣ съ Россіею; всѣ французы, безъ различія партій, думаютъ объ этомъ одинаково, и въ этомъ случаѣ внутренняя неустойчивость смѣняющихся министерствъ не отражалась бы чувствительно на внѣшней политикѣ республики. Князь Бисмаркъ рѣшился покончить съ этою неприятною перспективою; онъ отрекся отъ всякой солидарности съ Австріею въ дѣлахъ Балканскаго полуострова и призналъ полную свободу дѣйствій Россіи въ восточномъ вопросѣ. А такъ какъ австрійцы сами по себѣ не могутъ разчитывать на успѣхъ въ открытой борьбѣ съ Россіею, то имъ остается лишь подчиниться обстоятельствамъ и довольствоваться своими приобрѣтеніями въ сѣверо-западной части полуострова, предоставивъ остальныя балканскія земли русскому вліанію. Не только въ Болгаріи, но и въ Константинополѣ, Германія, по словамъ князя Бисмарка, не имѣетъ никакихъ самостоятельныхъ интересовъ; нѣмецкая дипломатія не будетъ поэтому препятствовать Россіи даже въ случаѣ водворенія русскаго владычества на Босфорѣ. Этотъ неожиданный шагъ въ сторону Россіи долженъ былъ больше всего поразить вѣнскихъ политическихъ дѣятелей, которые еще недавно опирались на берлинскій кабинетъ, какъ на каменную стѣну; теперь эта опора внезапно измѣнила свое положеніе, и объ этой перемѣнѣ фронта узнали въ Вѣнѣ, повидимому, только изъ парламентской рѣчи германскаго канцлера. Что австрийское правительство со всѣмъ иначе представляло себѣ поддержку Германіи, какъ союзной державы,—это видно изъ самоувѣренныхъ заявленій графа Кальноки въ засѣданіи венгерской делегаціи, 18-го (6-го) ноября. Тяжелое чувство разочарованія высказывается теперь въ австрийской печати, и всѣ усилія официозныхъ публицистовъ изгладить это впечатлѣніе остаются напрасными. Такъ же точно поняли князя Бисмарка и во Франціи, и въ Англии; повсюду считается несомнѣннымъ, что Россія получила *carte blanche* относительно Болгаріи и вообще балканскихъ

дѣлъ. Крутой поворотъ германской политики связывается многими съ распаденіемъ англійскаго консервативнаго министерства, которое служило главнѣйшимъ и необходимымъ элементомъ во всѣхъ анти-русскихъ начинаніяхъ на востокѣ. Когда выяснилось, что нельзя уже спокойно, за спиною Англии, разрабатывать австро-нѣмецкіе интересы, то нужно было или взять на себя самостоятельную охрану этихъ интересовъ, враждебныхъ Россіи, или отказаться отъ нихъ совершенно. Князь Бисмаркъ выбралъ послѣднее, имѣя въ виду болѣе существенныя заботы, порождаемыя возрастающимъ могуществомъ Франціи.

Засѣданія германскаго рейхстага, отъ 11-го до 14-го января (н. ст.), были поучительны и въ другихъ отношеніяхъ, независимо отъ политическихъ рѣчей канцлера. Парламентская жизнь въ Германіи далеко не находится въ такомъ упадкѣ, какъ можно было бы думать, судя по хроническому антагонизму между правительствомъ и рейхстагомъ. Князь Бисмаркъ все-таки ходатайствуетъ предъ депутатами о принятіи своихъ проектовъ и, получая постоянно категорическій отказъ, ни на минуту не сомнѣвается въ правѣ палаты отвергать предложенія правительства; онъ надѣется только на распространіе своихъ идей въ народѣ и на постепенное образованіе новаго, болѣе податливаго большинства. Ни одинъ государственный человѣкъ не испытывалъ столько неудачъ въ парламентѣ, и никто не терпѣлъ отъ парламентаризма въ такой мѣрѣ, какъ германскій канцлеръ,—и однако, за всю свою многолѣтнюю дѣятельность, онъ ни разу не доходилъ до мысли о сокращеніи или отменѣ правъ народнаго представительства. Это одно показываетъ, насколько вѣрнѣе укоренились конституціонныя нравы и взгляды въ населеніи Германіи. Князь Бисмаркъ не только долженъ считаться съ народнымъ представительствомъ, какъ съ великою общественною силою,—онъ смотритъ на нее какъ на силу полезную и необходимую, при существующихъ условіяхъ германской жизни. Онъ ставитъ общіе интересы выше своихъ личныхъ удобствъ; онъ сознаетъ, что не всегда парламентъ будетъ имѣть дѣло съ гениальными министрами, и что было-бы пагубно для страны оставлять будущихъ правительственныхъ дѣятелей безъ бдительнаго парламентскаго контроля. Уже послѣ неблагопріятнаго для него рѣшенія рейхстага и послѣ распущенія послѣдняго императорскимъ посланіемъ, князь Бисмаркъ высказалъ слѣдующее въ прусской палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 24-го (12) января: „Я считаю вообще невозможнымъ, чтобы бюрократъ или генералъ, или кто бы то ни было, не подготовленный къ этой задачѣ, завѣдывалъ дѣлами правительства. Я считаю безусловно необходимымъ, чтобы государственная власть утѣрялась свободою

печати и неизбѣжною обязательностью согласія парламента для всякаго дѣйствія правительства. Это значить, что законодательная власть должна быть раздѣлена, и что представители народа и свободной печати должны имѣть возможность, безъ всякаго страха и безъ вниманія къ волѣ короля и его правительства, указывать на ошибочный путь, которому они слѣдуютъ. Но, за предѣлами этой черты, существуетъ стремленіе, котораго нельзя примирить съ прусскою конституціею. Исполнительная власть принадлежитъ только королю, и я высказываю это политическое исповѣданіе вѣры для того, чтобы опровергнуть взглядъ, будто въ Пруссіи возможно абсолютное правленіе“.

Князь Бисмаркъ говорилъ шесть разъ во время трехдневныхъ преній о военномъ законѣ. Предводители большинства въ имперскомъ сеймѣ согласились принять проектъ правительства безъ измѣненій, съ одною только поправкою, что дѣйствіе закона ограничивается трехлѣтнимъ срокомъ, а не семилѣтнимъ, какъ требовало правительство. Около этого вопроса о срокѣ вертѣлись горячіе и предварительные споры; изъ-за этого второстепеннаго вопроса князь Бисмаркъ рѣшился прибѣгнуть къ крайней конституціонной мѣрѣ — къ распущенію палаты и къ назначенію новыхъ выборовъ, хотя полномочія рейхстага и безъ того кончались въ настоящемъ году. Съ одной стороны, канцлеръ утверждалъ, ссылаясь на военные авторитеты, что для успѣшнаго примѣненія закона необходимо, по меньшей мѣрѣ, семилѣтній срокъ, который и раньше принимался парламентомъ, относительно значительной части военнаго бюджета. Въ то же время, въ отвѣтъ на замѣчаніе оппозиціи, что дѣйствіе закона можетъ быть продолжено будущею палатою на дальнѣйшіе три года, и что выѣшніе депутаты не должны лишать своихъ преемниковъ права вновь обсудить требованіе правительства, — князь Бисмаркъ заявлялъ, что онъ въ принципѣ отрицаетъ право палаты измѣнять чисто-военные законопроекты, и что опредѣленіе численнаго состава арміи зависитъ отъ короля, въ силу конституціи. Такимъ образомъ, мелкій сравнительно вопросъ получилъ въ глазахъ правительства важное принципиальное значеніе. Дѣло шло о прерогативахъ военной власти, о неприкосновенныхъ правахъ милитаризма, нарушаемыхъ простыми „штатскими“ въ рейхстагѣ; попытка взглянуть на военный законъ какъ и на всякій другой казалась крайне обидною для высшихъ военныхъ авторитетовъ и для вліятельныхъ придворныхъ сферъ. Имперскій канцлеръ хотѣлъ, по возможности, ограничить вмѣшательство парламента въ военныя дѣла, и болѣе продолжительные сроки дѣйствія военныхъ законовъ должны были служить

именно къ тому, чтобы публичное обсужденіе ихъ повторялось возможно рѣже.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ борьба съ оппозиціею касается старыхъ внутреннихъ споровъ и не имѣетъ прямого отношенія къ вопросамъ внѣшней политики, вопреки распространеннымъ толкованіямъ заграничныхъ газетъ. Для военнаго могущества Германіи совершенно безразлично, будутъ ли военные законы вотироваться каждыя три года или каждыя семь лѣтъ, или даже ежегодно,—ибо нѣмецкіе депутаты никогда не откажутъ правительству въ средствахъ на необходимое усиленіе военныхъ силъ страны. И теперь бюджетъ морского министерства обсуждается ежегодно, и однако это не мѣшаетъ быстрому возрастанію германскаго флота, причемъ никакихъ серьезныхъ разногласій между палатою и правительствомъ не происходитъ по этому поводу. Когда предводитель партіи прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ, сослался на практику морского министерства, то князь Бисмаркъ съострилъ, что, „должно быть, рейхстагъ болѣе компетентенъ на морѣ, чѣмъ на сушѣ“. Не трудно замѣтить, что и конституціонный споръ, поднятый канцлеромъ, поставленъ имъ на весьма сомнительную почву.

Если бы имперскій сеймъ не имѣлъ права измѣнять военные законопроекты, то ихъ и не вносили бы на его разсмотрѣніе; уже самый тотъ фактъ, что законъ нуждается въ утвержденіи парламента, доказываетъ наглядно, что теорія князя Бисмарка ошибочна въ принципѣ. Какъ бы то ни было, настойчивое желаніе правительства добиться военнаго „семилѣтія“ проистекаетъ изъ мотивовъ внутренняго, а не международнаго характера. Политическія опасенія, вызванныя образомъ дѣйствій канцлера въ вопросѣ о новомъ военномъ законѣ, могли возникнуть только по недоразумѣнію.

Наиболѣе обстоятельная рѣчь произнесена была княземъ Бисмаркомъ въ засѣданіи 11-го января, послѣ рѣчей графа Мольтке и Шенка фонъ-Штауфенберга. Графъ Мольтке, по обыкновенію, высказался кратко и сурово. „Всѣ спрашиваютъ себя, — замѣтилъ онъ, между прочимъ:—будемъ-ли мы имѣть войну. Я думаю, что ни одинъ правитель государства не возьметъ на себя огромной отвѣтственности—добровольно бросить зажженный факелъ въ горючій матеріалъ, нагроможденный, въ большей или меньшей мѣрѣ, во всѣхъ государствахъ. Сильное правительство есть гарантія мира; но народныя страсти, честолюбіе предводителей партій, ложно направленное общественное мнѣніе,—все это элементы, могущіе оказаться болѣе сильными, чѣмъ воля правительствъ; мы вѣдь дожили до того, что даже биржевые интересы возбуждаютъ войну. Если среди этого политическаго напряженія существуетъ государство, способное дѣйствовать

въ пользу мира, то это именно Германія, которая не заинтересована прямо въ вопросахъ, раздѣляющихъ прочія державы,—Германія, доказавшая съ самаго основанія имперіи, что она не намѣрена нападать на кого-либо изъ сосѣдей, пока они сами не вынудятъ ее къ нападенію. Но для исполненія этой трудной и неблагодарной посреднической роли Германія должна быть сильна и готова къ войнѣ. Если мы тогда, противъ воли, будемъ вовлечены въ войну, то у насъ будутъ и средства, чтобы вести ее. Если предложеніе правительства будетъ отклонено, то мы, какъ я думаю, будемъ имѣть войну навѣрное“. Другими словами, отказъ рейхстага въ потребованномъ усиленіи арміи можетъ побудить сосѣдей воспользоваться сравнительною недостаточностью военныхъ силъ Германіи. Нечего и говорить, что этотъ выводъ о возможности нападенія на неподготовленныхъ нѣмцевъ есть только игра словъ въ устахъ знаменитаго стратега. О мирной политической миссіи германской имперіи говорилъ и князь Бисмаркъ.

„Мы не имѣемъ воинственныхъ стремленій,—объяснялъ онъ папѣ:—мы принадлежимъ къ тѣмъ государствамъ, которыя князь Меттернихъ нѣкогда назвалъ „насыщенными“. Взгляните на миролюбивую дѣятельность императорской пошлщины. Въ послѣднія шестнадцать лѣтъ, послѣ франкфуртскаго мира, нашу первую потребностью было сохранять миръ какъ можно долѣе и пользоваться имъ для упроченія мира... Мы признали своей задачей примирить съ собою тѣ государства, съ которыми мы воевали. Съ Австріею это намъ удалось исполнить. Это намѣреніе, эта потребность господствовали уже во время мирныхъ переговоровъ въ Никольсбургѣ въ 1866 году, и съ того времени насъ не оставляло стараніе вновь приобрести расположеніе Австріи, которое мы имѣли прежде только повидимому, и которымъ мы теперь обладаемъ въ дѣйствительности. Мы находимся съ Австріею въ такихъ близкихъ и полныхъ довѣрія отношеніяхъ, какихъ не было никогда ни въ прежнемъ германскомъ союзѣ, ни во времена священной римской имперіи, не смотря на всѣ письменные договоры. Но примиреніе съ Австріею было не единственною цѣлью которую поставила себѣ наша мирная политика. Мы вспомнили, что дружба трехъ великихъ государствъ восточной Европы, хотя и имѣла непріятныя послѣдствія для общественнаго мнѣнія другихъ странъ, сохранила намъ миръ въ теченіе тридцати лѣтъ. Благополучіе, наука, техника и хозяйственное развитіе достигли за это время высокой степени; источники всѣхъ этихъ успѣховъ принадлежатъ той эпохѣ, когда священный союзъ, имѣющій столь дурную славу, обезпечилъ намъ блага мира... Припоминая это дѣйствіе прежней дружбы трехъ восточныхъ государствъ, мы считали своею задачею

не только примиреніе съ прежними противниками, но и возобновленіе тѣсной дружбы между нынѣшними тремя имперіями. Этимъ не затрогивались наши собственныя отношенія къ Россіи; наша дружба съ Россією не подвергалась никакому перерыву во время нашихъ войнъ и остается теперь выше всякаго сомнѣнія... Какой интересъ имѣли бы мы искать ссоры съ Россією? Простая драчливость всего менѣе могла бы побудить насъ къ этому. Что нападеніе послѣдуетъ съ русской стороны—я также не вѣрю; не думаю также, чтобы Россія искала союза противъ насъ, или чтобы она пожелала воспользоваться затрудненіями, какія могутъ возникнуть для насъ съ другой стороны, чтобы напасть на насъ... Мы не будемъ имѣть разлада съ Россією, если мы не станемъ искать его въ Болгаріи. Замѣчательно, что именно газеты той партіи, которая возстаетъ противъ предложенія правительства, недавно еще дѣлали все возможное, чтобы заставить насъ воевать съ Россією. Я вынесъ тогда такое впечатлѣніе, что намъ предлагаютъ поспѣшить въ Болгарію, чтобы тамъ, гдѣ-нибудь въ Турціи, найти для ссоры поводъ, котораго мы здѣсь не находимъ. Я заслуживалъ бы, чтобы меня предали суду за государственную измѣну, если бы я хоть на одну минуту вздумалъ пуститься въ подобныя глупости. Я былъ глубоко огорченъ, когда видѣлъ этотъ удивительный пагубъ, съ какимъ нѣмецкая пресса стремилась втянуть насъ въ войну съ Россією. Читая эти патетическія декламаци, я невольно вспомнилъ сцену изъ „Гамлета“, гдѣ актеръ проливаетъ слезы о судьбѣ Гекубы, и Гамлетъ восклицаетъ, употребляя выраженіе, не пріобрѣвшее еще права гражданства въ парламентахъ: „негодяй“, или чтѣ-то въ этомъ родѣ,—„что ему Гекуба?“ Таки подумалъ и я: чтѣ значать эти декламаци? Чтѣ намъ Болгарія? Для насъ совершенно безразлично, кто управляетъ въ Болгаріи и чтѣ вообще сдѣлается съ Болгарією. Повторяю: весь болгарскій вопросъ не есть для насъ вопросъ войны; никому не удастся посорить насъ съ Россією изъ-за этого вопроса. Дружба Россіи важнѣе для насъ, чѣмъ дружба Болгаріи и всѣхъ ея друзей, оказавшихся въ нашей странѣ“.

Чрезвычайно любопытны объясненія князя Бисмарка по поводу отношеній съ Францією; между прочимъ, оказывается, что онъ былъ склоненъ ничего не отрѣзывать отъ французской территоріи, и что присоединеніе двухъ провинцій было рѣшено, главнымъ образомъ, военными авторитетами. „Между нами и Францією,—говорилъ далѣе канцлеръ:—дѣло мира затрудняется тѣмъ, что между обѣими странами ведется долгій историческій процессъ относительно проведенія границы. Ни одно поколѣніе въ Германіи не обходилось безъ войны изъ-за этого спора о границѣ. Миръ, заключенный вновь съ французскимъ государствомъ, имѣетъ ли окончательное значеніе, или

нѣтъ? Я не могу рѣшить это, я могу выразить только свое предположеніе. что споръ еще не законченъ. Мы, съ своей стороны, дѣлали все, чтобы побудить французовъ къ забвенію прошлаго. Франція имѣла нашу поддержку въ каждомъ изъ ея желаній, кромѣ только тѣхъ, которыя относились къ полученію болѣе или менѣе значительнаго пространства около Рейна. Ни въ Эльзасѣ, ни въ другомъ мѣстѣ мы не можемъ согласиться на такую уступку. Но во всемъ другомъ мы добросовѣстно старались сдѣлать угодное Франціи, насколько это возможно. Мы не имѣемъ ни желанія, ни намѣренія вести войну съ Франціею. Я всегда отвергалъ мысль—затѣвать войну только потому, что она неизбежна въ будущемъ. Въ 1867 году я былъ противъ того, чтобы принимать люксембургскій вопросъ за поводъ къ войнѣ. Для меня не имѣло тогда значенія то обстоятельство, что позднѣе намъ все-таки придется воевать съ Франціею. Я не могу такъ напередъ заглядывать въ карты будущаго; мы не можемъ же знать, не произойдетъ ли война впоследствии, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ это и случилось относительно Франціи. Въ 1870 году война велась при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это было бы въ 1867 году; а если бы умеръ императоръ Наполеонъ, то, можетъ быть, вовсе не произошло бы войны. Я говорю это къ тому, чтобы объяснить мое убѣжденіе и увѣрить другихъ за границею, что мы никогда не нападёмъ на Францію. Если французы желаютъ соблюдать миръ съ нами до тѣхъ поръ, пока мы не нападёмъ на нихъ, то миръ былъ бы навсегда обезпеченъ. Чтѣ можемъ мы имѣть отъ новой войны съ Франціею? Я долженъ вамъ сказать откровенно, что и тогда я расположенъ былъ ничего не брать“. Упомянувъ, затѣмъ, о возможности воинственныхъ порывовъ во Франціи, князь Бисмаркъ предостерегаетъ палату отъ ложнаго патріотизма, заключающагося въ самоувѣренномъ пренебреженіи къ силамъ и достоинствамъ противника. „Вы—продолжалъ онъ—слишкомъ мало цѣните могущество Франціи. Франція—великая, могущественная страна, столь же могущественная, какъ наша; это воинственный, храбрый народъ, который всегда имѣлъ искусныхъ полководцевъ; если наши побѣдили ихъ, то это — дѣло случая... Въ томъ, что мы разъ побѣдили Францію, не заключается еще гарантія, что мы одолѣемъ ее вторично, и мы должны создавать эти гарантіи, если онѣ необходимы, по мнѣнію нашихъ военныхъ авторитетовъ“. Будущая война представляется канцлеру въ ужасающей картинѣ беспощаднаго обоюднаго истребленія. „Война 1870 г. окажется дѣтскою игрою въ сравненіи съ войною 1890 года (?). Обѣ стороны будутъ пытаться довести противника до безкровія—saigner à blanc. Я не могу поэтому представить себѣ, чтобы вообще кто-нибудь чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы

взять на себя отвѣтственность за возможность пораженія“. Ораторъ подробно описываетъ ужасы непріятельскаго нашествія, какъ будто только для того, чтобы подѣйствовать на воображеніе слушателей и заставить ихъ безпрекословно соглашаться на всѣ предупредительныя мѣры, предлагаемыя военнымъ вѣдомствомъ.

Предводитель католической партіи центра, Виндгорстъ, отвѣчалъ на рѣчь канцлера съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. При обсужденіи проекта въ парламентской комиссіи онъ выразилъ готовность дать правительству „сколько угодно людей и денегъ“. Теперь, — замѣтилъ Виндгорстъ, — „если бы судить только по объясненіямъ князя Бисмарка, не слѣдовало бы давать ни гроша, ибо мы въ глубочайшемъ мирѣ съ Россією; съ Австрією — также. Франція знаетъ по опыту, что она не можетъ воевать съ нами безъ союзниковъ. Для чего же требуется усиленіе германской арміи?“ Между прочимъ, оппозицію удивило признаніе канцлера, что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Востока; многіе нѣмцы были до сихъ поръ другого мнѣнія.

По поводу недоумѣній Виндгорста, князь Бисмаркъ старался точнѣе разъяснить сущность австро-германскихъ связей и значеніе ихъ для Россіи. „Наши отношенія съ Австрією основаны на обоюдномъ сознаніи, что полное существованіе каждой изъ двухъ державъ необходимо для другой въ интересахъ европейскаго равновѣсія; но они вовсе не основаны на предположеніи, — какъ это было ошибочно высказано въ венгерскомъ парламентѣ, — что каждая изъ обѣихъ націй предоставляетъ въ распоряженіе другой свое могущество и свою политику. Это совершенно невозможно. Существуютъ спеціально австрійскіе интересы, за которые мы не можемъ вступаться. Австрія имѣетъ интересъ въ сохраненіи Германіи, какъ великой и сильной державы. Германія имѣетъ тотъ же интересъ относительно Австріи. Но мы никогда не требовали отъ Австріи, чтобы она принимала участіе въ нашихъ счетахъ съ Францією; мы не обращались къ Австріи, когда были у насъ затрудненія съ Англією по колониальнымъ вопросамъ или съ Испанією — по поводу Каролинскихъ острововъ. То же самое примѣняется къ интересамъ, которые имѣетъ Австрія въ Константинополѣ. Повторяю: мы не имѣемъ тамъ никакихъ; быть можетъ, когда Виндгорстъ будетъ моимъ преемникомъ, онъ самъ убѣдится въ этомъ. Не думайте, что, начавши разъ такого рода политику, можно остановиться на любой станціи. Это не всегда возможно. Если мы разъ возбудимъ взаимное недоувѣріе, то дальше дѣло идетъ уже неудержимо впередъ, — ибо ни одна изъ сторонъ не захочетъ уронить себя. Политику двухъ великихъ державъ можно сравнить съ положеніемъ двухъ путешественниковъ въ глухомъ лѣсу, когда оба не довѣряютъ другъ другу. Стоитъ одному положить руку въ кар-

манъ, чтобы другой уже взялся за револьверъ; когда одинъ изъ нихъ слышитъ стукъ у другого, онъ уже стрѣляетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, когда одна сторона не можетъ вліять на рѣшеніе другой, необходимо избѣгать уже перваго охлажденія, перваго недовѣрія“.

Эта точка зрѣнія объяснена еще болѣе въ одной изъ дальнѣйшихъ рѣчей канцлера, въ засѣданіи 13-го января. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты требовали, чтобы Германія преградила Россіи дорогу къ Константинополю. „Если бы мы, — говоритъ князь Бисмаркъ, — не граничили съ Россіею, то всякій считалъ бы такое требованіе недѣльнымъ; но вѣдь вопросъ становится еще труднѣе отъ того, что мы имѣемъ открытую границу съ Россіею на пространствѣ 200 миль. Англія можетъ бороться съ Россіею, не опасаясь нашествія; но для насъ дѣло совсѣмъ другое. Какъ можно брать на свою отвѣтственность нарушеніе мира между двумя сосѣдними государствами, между которыми уже и безъ того искусственно возбуждались и поддерживались нѣкоторыя неудовольствія? Поэтому-то и въ 1867 году мы были уступчивы въ люксембургскомъ вопросѣ. Война между Франціею и Германіею не кончается однимъ походомъ; побѣжденные въ первомъ столкновеніи будутъ ждать случая къ возобновенію борьбы, собравшись достаточно съ силами. Я тогда сказалъ въ совѣтѣ короля: „дѣло идетъ не объ одной войнѣ, а о цѣломъ рядѣ войнъ, — быть можетъ, о цѣломъ полустолѣтій боевыхъ усилій“. Вызвать подобное же состояніе напряженія и непримиримой ненависти еще въ другомъ направленіи — это было бы мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы мы подверглись злостному нападенію со стороны Россіи. Тогда мы защищались бы до послѣдней капли крови. Но изъ-за Болгаріи, изъ-за Гекубы, мы не станемъ спорить съ Россіею. Мы не пойдемъ на войну съ сосѣднею страню, ибо мы не имѣемъ въ этомъ никакого интереса. Россія не думаетъ о завоеваніи какой-либо нѣмецкой земли; мы не желаемъ русскихъ земель, — мы могли бы завладѣть только польскими провинціями, но ихъ и такъ у насъ больше, чѣмъ нужно“.

Результатъ преній извѣстенъ: въ засѣданіи 14-го января, предложеніе оппозиціи принято большинствомъ 186 голосовъ противъ 154. Тотчасъ послѣ голосованія, когда палата собиралась перейти ко второму пункту законопроекта, князь Бисмаркъ прочиталъ приготовленное заранѣе императорское посланіе, которымъ имперскій сеймъ распускается.

Новые выборы назначены на 21-ое февраля, и избирательная борьба началась. Съ обѣихъ сторонъ господствуетъ обычное въ подобныхъ случаяхъ возбужденіе; газеты наполнены „горячими“ манифестами и рѣчами кандидатовъ; каждая партія съ увѣренностью предска-

ваетъ себѣ успѣхъ. Правительственные органы сильно играютъ на чувствительныхъ струнахъ патріотизма, выставляя дѣятелей оппозиціи противниками военнаго могущества имперіи. Избирателей пугаютъ перспективою внѣшнихъ опасностей, грозящихъ будто бы странѣ, вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія рейхстага необходимымъ военнымъ мѣропріятіямъ; боязнь войны поддерживается въ публикѣ запрещеніемъ вывоза лошадей изъ Германіи, статьями министерской „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ о мобилизаціи „Краснаго креста“ и тому подобными сомнительными способами. Даже авторитетъ римскаго папы привлекается на этотъ разъ къ участію въ избирательномъ движеніи: отъ имени святѣйшаго престола дѣлается внушеніе милліонамъ нѣмецкихъ католиковъ, чтобы они не подавали голосовъ за-одно съ радикалами и социалистами, съ которыми соединилась противъ правительства партія центра въ парламентѣ. Въ составѣ консервативныхъ группъ особенно жалкую роль играютъ немногочисленные остатки вліятельной нѣкогда партіи національ-либераловъ. Эти бывшіе либералы являются самыми усердными сподвижниками официальнаго консерватизма; но они чувствуютъ на себѣ неудобство союза съ такими элементами, которые выставляютъ Штекера противъ Бирхова. Средній образованный классъ нѣмецкаго общества не обнаруживалъ до сихъ поръ охоты принимать программу князя Бисмарка во внутреннихъ дѣлахъ; и едва ли это преобладающее народное мнѣніе могло существенно измѣниться за послѣдніе годы. Правительство разсчитываетъ, повидимому, на новую группировку партій въ имперскомъ сеймѣ; при разрозненномъ составѣ большинства открывается возможность тѣхъ искусственныхъ парламентскихъ комбинацій, которыя столь часто и успѣшно устраивались въ былое время княземъ Бисмаркомъ. Въ сущности, и прежняя палата была довольно скромна и уступчива; съ нею могло бы ладить всякое министерство, если бы къ ея желаніямъ и протестамъ относились хоть съ нѣкоторымъ уваженіемъ, безъ рѣзкихъ приемовъ и угрозъ. Нынѣшняя нѣмецкая оппозиція далеко не можетъ быть названа непримиримою или даже слишкомъ требовательною; она, вѣроятно, доставитъ когда-нибудь правительству желанное большинство въ парламентѣ, съ устраненіемъ существующихъ ненормальныхъ особенностей въ политической жизни Германіи.

Французскіе политическіе дѣятели не разъ поднимали вопросъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ употребить для достиженія большей устойчивости министерствъ и для избѣжанія частыхъ кабинетныхъ кризисовъ. Вредъ этихъ постоянныхъ перемѣнъ въ составѣ правительства понятенъ каждому во Франціи; всѣ толкуютъ о необходи-

мости единенія между республиканскими партіями, различными болѣе по названіямъ, чѣмъ по существу. Патріоты озабочены тѣмъ обстоятельствомъ, что внѣшніе союзы невозможны при шаткомъ положеніи министерствъ; не успѣлъ еще Фрейсинэ подготовить сближеніе съ извѣстными державами, какъ вдругъ все это рушится, благодаря случайному голосованію палаты, неблагоприятному для какого-либо изъ министерскихъ проектовъ. Иностранные кабинеты теряютъ довѣріе къ правительству и не рѣшаются вступать съ нимъ въ близкія отношенія; всякій новый кабинетъ долженъ начинать работу съ самаго начала, чтобы, въ свою очередь, уступить мѣсто другому, столь же непрочному. Въ послѣднее время этимъ вопросомъ серьезно занялись наиболѣе видные представители умѣренныхъ республиканскихъ группъ—Ферри, Фрейсинэ, Леонъ Сэй, при ближайшемъ участіи самого президента Гриви. Многіе французскіе публицисты полагаютъ, что устойчивость министерствъ можетъ быть декретирована парламентомъ, или что она можетъ быть создана патріотическими призывами къ единодушію. Легко признать важность принципа, выставляемаго сторонниками прочной власти; но затрудненіе является при первой же попыткѣ перейти отъ словъ къ дѣлу. Какое именно министерство должно быть облечено этою привилегіею устойчивости. — министерство ли Гобля, или Фрейсинэ, или Ферри, или Леона Сэя, или Флокэ? Еслибы даже удалось придумать идеальную министерскую комбинацію, способную удовлетворить всѣхъ и каждого, то оставалась бы еще другая, болѣе фантастическая, задача—измѣнить французскій темпераментъ, требующій перемѣнъ. Подвижность фундамента дѣлаетъ и все зданіе колеблющимся и шаткимъ. Народный характеръ проявляется и въ политикѣ; никакія искусственныя мѣры не дадутъ прочности тому, что не имѣетъ въ себѣ внутреннихъ элементовъ крѣпкаго и обязательнаго для другихъ существованія.

Что означало бы стойкое владычество того или другого министерства во Франціи? Одно изъ двухъ: или власть поддерживалась бы насильно, противъ воли общественнаго мнѣнія, — тогда она подвергала бы страну опасности революціоннаго взрыва, и неустойчивость усилилась бы еще болѣе, при общемъ возбужденіи умовъ. Такое правительство не можетъ долго держаться, какъ это показали еще недавно энергическія попытки маршала Макъ-Магона и герцога Брольи; также точно прежніе режимы напрасно тратили усилія на борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ и дѣлались жертвами своей готовности сохранять непопулярныхъ министровъ во главѣ управленія. Монархія Карла X пала потому, что король не хотѣлъ удалить Полиньяка и думалъ защищать прочность власти путемъ вражды и недовѣрія между правительствомъ и народомъ; король Луи-Филиппъ

паль изъ-за того, что слишкомъ заботился объ устойчивости кабинета Гизо и его принциповъ, вопреки настроенію общества и печати. Возможенъ другой случай: власть очутилась бы въ рукахъ людей, превосходство которыхъ было бы несомнѣнно въ глазахъ всей страны, и которые поэтому не имѣли бы надобности прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для сохраненія министерскихъ портфелей,— тогда французы не только повиновались бы авторитету правителей, но охотно признавали бы ихъ своими вождями, независимо отъ ихъ офиціального положенія, какъ это было, напримѣръ, относительно Гамбетты. Гамбетта господствовалъ надъ Франціею въ силу естественныхъ преимуществъ великаго таланта и великой нравственной силы; онъ имѣлъ власть и во время своего добровольнаго уединенія въ Санъ-Себастьянѣ, и въ тревожные годы президентства маршала Макъ-Магона, и при смѣнявшихся кабинетахъ президентства Греви, и послѣ своего временнаго удаленія отъ дѣлъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, въ одинокомъ сельскомъ домигѣ. Онъ недолго былъ главою министерства, въ началѣ 1882 года; но онъ былъ столь же силенъ послѣ паденія кабинета, какъ и до того,—ибо власть его зависѣла не отъ занимаемаго имъ офиціального поста. Пока жилъ Гамбетта, французы мало беспокоились о непрочности положенія министровъ; они знали, что за спиною этихъ переменчивыхъ дѣятелей существуетъ человекъ, способный въ нужную минуту отстоять интересы Франціи и возратить подобающую ей роль въ ряду передовыхъ государствъ Европы. Этого человека не стало, и нація лишилась авторитетнаго предводителя, признаваемаго одинаково всѣми партіями. Устойчивость достигается сама собою во Франціи, когда появляется гениальный дѣятель, не имѣющій равносильныхъ соперниковъ; французы подчиняются только могуществу ума и характера, а не случайнымъ посредственностямъ, стоящимъ въ данную минуту у власти, благодаря тѣмъ или другимъ парламентскимъ комбинаціямъ, — и это исканіе властной руки политическаго гонія нельзя считать большимъ недостаткомъ. Гамбетта не оставилъ достойнаго преемника, и пока такой преемникъ не явится, шатаніе правительства будетъ продолжаться неизбѣжно. Почему стали бы французы дорожить прочностью Ферри, когда есть Фрейсине, и почему они должны держаться Фрейсине, когда рядомъ существуютъ и Флобэ, и Клемансб, и Гоблэ, и Буланжэ, и многие другіе, не менѣе талантливые кандидаты? Всякія жалобы на неустойчивость министровъ кажутся намъ праздными рѣчами при такомъ положеніи дѣлъ.

Неустойчивость обнаружилась и въ Англіи въ послѣдніе годы,— и по той же самой причинѣ, что и во Франціи. Нѣтъ прежнихъ

общепринятыхъ вождей, которымъ добровольно подчинялись могущественныя политическія партіи: Гладстонъ старъ и не имѣетъ около себя дѣятелей, способныхъ занять его мѣсто; энергическій Биконсфильдъ-Дизраэли сошелъ со сцены, оставивъ послѣ себя замѣстителей недостаточно авторитетныхъ и даровитыхъ. Новыя общественныя теченія выдвигаютъ новыя требованія и порождаютъ новыя политическія группы. Консерваторы не могутъ удовлетвориться лордомъ Солсбери, ловкимъ парламентскимъ бойцомъ, но едва ли дальновиднымъ государственнымъ челоѡкомъ; они возлагаютъ свои надежды на смѣлаго лорда Черчилля, проявляющаго независимый умъ и рѣдкую силу воли, — качества, необходимыя для настоящаго руководителя партіи. Выходъ Черчилля изъ министерства значительно подорвалъ положеніе лорда Солсбери и еще болѣе содѣйствовалъ популярности молодого соперника нынѣшняго премьера. Лордъ Солсбери вынужденъ былъ преобразовать кабинетъ при помощи умѣренныхъ либераловъ, отдѣлившись отъ Гладстона изъ-за вопроса объ ирландскомъ парламентѣ. Печальною жертвою кризиса сдѣлался прежній „лидеръ“ консерваторовъ въ палатѣ общинъ, сэръ Стаффордъ Норскотъ, вытѣсненный оттуда лордомъ Черчиллемъ и переведенный въ палату лордовъ подъ именемъ графа Иддеслия. Сэръ Норскотъ былъ выдвинутъ Биконсфильдомъ, въ качествѣ скромнаго и честнаго исполнителя, внушающаго довѣріе даже противникамъ; онъ замѣнялъ Дизраэли въ палатѣ общинъ съ 1876 года, послѣ перехода консервативнаго вождя въ палату лордовъ. Сэръ Норскотъ не былъ уже нуженъ преемнику Биконсфильда, лорду Солсбери, и послѣдній обошелся съ нимъ довольно грубо при недавнемъ преобразованіи кабинета: онъ отнялъ у него должность министра иностранныхъ дѣлъ, не предупредивъ его объ этомъ намѣреніи, — въ виду необходимости привлечь къ себѣ „свѣжія силы“. Больной графъ Иддеслей не выдержалъ удара и умеръ въ передней лорда Солсбери, къ которому явился съ прощальнымъ визитомъ. Много ли выиграло консервативное правительство отъ привлеченія такой „свѣжей силы“, какъ бывший сотрудникъ Гладстона, Гошенъ, — это выяснится вѣроятно въ скоромъ времени. Неудача Гошена на выборахъ въ Ливерпуль является плохимъ предзнаменованіемъ для премьера. Прочность министерства возстановится лишь тогда, когда во главѣ его станутъ государственные люди, равные, по значенію, Гладстону или Биконсфильду.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1887.

- „Радищевъ и Пушкинъ“, В. Якушкина (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1886, кн. 2-я, стр. 1—68).
- „Демонъ Пушкина, на основаніи новаго пересмотра рукописей Пушкина“ Л. Поливанова („Р. Вѣстникъ“, 1886, августъ).

Мы снова обращаемся къ Пушкину. Главный поводъ къ этому даетъ прекрасная, исполненная интереса работа г. Якушкина въ одномъ изъ послѣднихъ вышедшихъ томовъ московскихъ „Чтеній“. Эта статья, какъ и статья г. Поливанова, представляетъ, повидимому, новый открывающійся фазисъ изученій Пушкина, который приводится подувѣковымъ обновленіемъ его памяти и, главное, возможностью изученія его рукописей.

Г. Якушкинъ—великій поклонникъ Пушкина, изъ новаго поколѣнія. Молодой ученый по другой специальности, онъ для любимаго поэта обращается къ историко-литературнымъ изученіямъ и дѣлаетъ упомянутое выше подробное описаніе рукописей Пушкина, которое въ первый разъ даетъ понятіе объ ихъ цѣльномъ составѣ для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности разсматривать ихъ непосредственно. Рядомъ съ этимъ детальнымъ изслѣдованіемъ рукописей Пушкина, онъ приходитъ къ новому взгляду на поэта, не совсѣмъ совпадающему съ наиболѣе распространенными мнѣніями, и защищаетъ этотъ взглядъ съ большимъ жаромъ и—знаніемъ дѣла. Такъ какъ статья г. Якушкина помѣщена въ изданіи, рѣдко выходящемъ изъ круга специальныхъ читателей, считаемъ полезнымъ дать о ней болѣе подробный отчетъ,—она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Г. Якушкинъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи собственно только на отношеніи Пушкина къ Радищеву. Литературная судьба и характеръ этого писателя XVIII-го вѣка извѣстны, и отношеніе къ нему, сочувственное или несочувственное, способно характеризовать

взгляды критика. Пушкинъ обращался не разъ къ этой темѣ, и изъ статей его („Мысли на дорогѣ“ и „Александръ Радищевъ“) обыкновенно выводимо было заключеніе, что Пушкинъ относился къ Радищеву весьма недружелюбно и „строго осуждалъ“ его. Это казалось несомнѣннымъ, и осужденіе Радищева вошло важной чертой въ опредѣленіе идей Пушкина въ Николаевскую эпоху.— Упомянувъ вообще о неблагопріятныхъ отзывахъ, какіе Радищевъ навлекалъ на себя не однажды въ литературѣ, г. Якушкинъ говоритъ:

„Совершенно особое мѣсто въ литературѣ, осуждающей Радищева, занимаютъ статьи о немъ Пушкина. Благодаря и имени автора, и своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, статьи эти, хотя сравнительно очень недавно напечатанныя въ своемъ настоящемъ видѣ ¹⁾, давно уже пользуются вполне заслуженною извѣстностью. Онѣ, хотя и въ искаженномъ своемъ видѣ (въ прежнихъ изданіяхъ Пушкина), первыя открыли рядъ статей о Радищевѣ, когда во второй половинѣ 50-хъ годовъ цензурныя условія измѣнились къ лучшему.

„Въ отзывахъ, враждебныхъ Радищеву, очень часто встрѣчаются ссылки на авторитетъ Пушкина, постоянно получающаго при этомъ похвалы за свою умѣренность и благоразуміе; эти статьи считаются какъ бы вѣнцомъ той перемѣны, которую признаютъ въ Пушкинѣ Николаевского времени. Съ другой стороны, писатели, сочувственно относящіеся къ Радищеву и его дѣятельности, рѣзко осуждаютъ Пушкина за его статьи о Радищевѣ, съ которыми они не могутъ не считаться.

„Такая оцѣнка статей Пушкина совершенно несправедлива; онѣ далеко не заслуживаютъ ни рѣзкихъ упрековъ, ни такихъ похвалъ, подчасъ просто оскорбительныхъ для памяти поэта. Статьи эти недостаточго изучены и разобраны, не сопоставлены съ отношеніемъ Пушкина къ Радищеву, какъ оно выразилось помимо этихъ статей, наконецъ, не выяснено, какъ относятся эти статьи вообще ко взглядамъ и убѣжденіямъ Пушкина.

„А между тѣмъ очень важно разъяснить истинное значеніе и характеръ этихъ статей. Съ одной стороны, отъ правильнаго ихъ пониманія зависитъ рѣшеніе вопроса, какъ считать авторитетный голосъ Пушкина—за или противъ Радищева; съ другой,—для оцѣнки убѣждений и взглядовъ Пушкина въ Николаевскую эпоху, для его характеристики эти статьи имѣютъ особую важность“.

Въ противность общепринятому мнѣнію авторъ думаетъ, что статьи Пушкина вовсе не такъ враждебны Радищеву и не заслуживаютъ ни обидно-похвальныхъ, ни укоризненныхъ отзывовъ. „Конечно,

¹⁾ Ср. въ изданіи Литературнаго Фонда, т. V, стр. 214—252 и 349—359.

ихъ нельзя не хвалить, но только не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлають“.

Поставивъ общій вопросъ объ осужденіяхъ, какимъ подвергалась книга Радищева, авторъ приходитъ къ заключенію, что не только нельзя поддерживать ни одного изъ обвиненій указа 1790 года— осудившаго книгу на истребленіе, а автора въ сибирскую ссылку,— но нельзя признать и тѣхъ позднѣйшихъ осужденій, которые винили Радищева въ излишнемъ свободомыслии, въ подчиненіи европейской философіи, въ незнаніи и непониманіи нуждъ Россіи. „Радищевъ, „оторванный отъ почвы“, „чуждый народному духу“ и т. д., совращенный „ложнымъ“ просвѣщеніемъ Запада, не любящій и не понимающій Россіи, написалъ-де книгу, которая, по своему содержанію, не имѣла ни малѣйшей практической цѣны для Россіи, представляетъ вредное примѣненіе плохо понятыхъ, неподходящихъ и ложныхъ началъ къ русской жизни. Такъ ли это? При ближайшей оцѣнкѣ книги Радищева оказывается, къ неудовольствію нашихъ народниковъ и охранителей, что Радищевъ зналъ Россію, любилъ ее, видѣлъ бѣдственныя стороны русскаго общественнаго строя, страдалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, указывалъ средства ихъ излеченія и притомъ средства, вполнѣ возможныя, подходившія для дѣла“.

Г. Якушкинъ убѣжденъ, что подобное, безпристрастное и историческое вѣрное понятіе о Радищевѣ имѣлъ и Пушкинъ. Къ Радищеву относятся двѣ статьи Пушкина, писанныя одна въ 1833—34, а другая—въ 1836 г.: одна осталась въ неоконченномъ видѣ, другая была самимъ Пушкинымъ представляема въ цензуру, но не была дозволена. Безсвязные отрывки одной нашли мѣсто въ посмертномъ изданіи, и только впоследствии пропуски ея были пополнены Аванасьевымъ (въ „Библиогр. Запискахъ“, 1859), и сполна явилась она въ изданіи г. Ефремова, 1880 г.; другая была впервые напечатана только въ 7-мъ, дополнительномъ томѣ изданія г. Анненкова, вышедшемъ уже въ сравнительно благоприятныхъ цензурныхъ условіяхъ, въ 1857 г. Г. Якушкинъ замѣчаетъ то, по его мнѣнію „характерное“, обстоятельство, что „статьи Пушкина о Радищевѣ, столь восхваляемыя нашими „благонамѣренными“ писателями за ихъ „благонамѣренное“ направленіе, долго находились подъ цензурнымъ запретомъ: одна въ теченіе 21-года, другая, собственно говоря, 46 лѣтъ“. — Замѣтимъ, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ дѣло объясняется просто тѣмъ, что цензура 1830-хъ и 40-хъ годовъ вообще не разрѣшила бы говорить о Радищевѣ, — одобрительно или неодобрительно, все равно.

Пересматривая, затѣмъ, новѣйшіе отзывы о статьяхъ Пушкина, авторъ находитъ, что ни въ одномъ изъ этихъ отзывовъ,—сочувственныхъ или несочувственныхъ,—содержаніе этихъ статей не нашло

внимательной критики. Биографъ Радищева, сынъ его, П. А. Радищевъ, находилъ въ этихъ статьяхъ „ложный свѣтъ и странный, трудно объяснимый взглядъ“; лондонскій издатель „Путешествій изъ Петербурга въ Москву“ замѣчалъ, что для чести Пушкина лучше было бы не печатать его статьи о Радищевѣ, но допускаетъ, что Пушкинъ перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ; г. Анненковъ, въ противоположность этимъ двумъ писателямъ, называетъ статью дѣльной и строгой, и замѣчаетъ: „статья принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и проникательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина незадолго до его кончины“, и въ другомъ мѣстѣ находитъ, что въ обѣихъ статьяхъ Пушкина о Радищевѣ проводится цѣльная консервативно-аристократическая теорія, которую Пушкинъ выработалъ въ 30-хъ годахъ. Г. Галаховъ въ первомъ изданіи своей „Исторіи русской словесности“ посвятилъ Радищеву полторы строки, но когда указанъ былъ этотъ вопіющій пробѣлъ, то во второмъ изданіи о Радищевѣ было написано три страницы, гдѣ, признавъ за Радищевымъ заслугу его мыслей объ освобожденіи крестьянъ, авторъ тѣмъ не менѣе объявлялъ Радищева писателемъ несерьезнымъ, нахватавшимся чужихъ идей и много о себѣ возмечтавшимъ, и въ заключеніе соглашался съ отзывомъ Пушкина, „несмотря на его строгость“. Г. Сухомлиновъ, въ недавней статьѣ о Радищевѣ, повторяетъ отзывъ г. Галахова; точно также и г. Порфирьевъ въ послѣднемъ выпускѣ своей „Исторіи литературы“, называя отзывъ Пушкина „самымъ строгимъ“, принимаетъ этотъ отзывъ и подтверждаетъ его словами г. Анненкова, какъ „критикой новаго времени“. Объясненія предмета г. Якушкинъ не находитъ и въ недавнемъ трудѣ г. Незеленова, который, приведя различные отзывы Пушкина о Радищевѣ, представляющіе значительныя противорѣчія, все-таки оставляетъ эти противорѣчія неразрѣшенными.

Нашъ авторъ находитъ всѣ упомянутые отзывы совершенно неосновательными: они не вникнули въ значеніе различныхъ отзывовъ Пушкина о Радищевѣ и слишкомъ поспѣшно приписали этимъ статьямъ Пушкина тотъ смыслъ консервативнаго благоразумія, который будто бы отличалъ поэта въ Николаевскую эпоху. Вся постановка этого эпизода кажется г. Якушкину совершенно невѣрной; болѣе правильный взглядъ на предметъ авторъ находитъ только въ книгѣ о Пушкинѣ г. Стоюнина.

Приступая самъ къ объясненію вопроса, авторъ собираетъ разсѣянные упоминанія о Радищевѣ въ сочиненіяхъ Пушкина, начиная отъ раннихъ стихотвореній и писемъ до извѣстныхъ теперь вариантовъ къ стихотворенію „Памятникъ“ (1836), и приходитъ къ

заключенію, „что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ Радищева, високо цѣнилъ его, признавая за его сочиненіями важное значеніе, подпадалъ ихъ вліянію“. Если надо считать доказаннымъ сочувственное отношеніе Пушкина къ Радищеву въ Александровскую эпоху, то это,—замѣчаетъ иронически нашъ авторъ,—можетъ не смущать критиковъ, одобряющихъ строгій приговоръ Пушкина о Радищевѣ: имъ извѣстно, что въ юности Пушкинъ заблуждался, но въ Николаевское время, по ихъ мнѣнію, совершенно измѣнилъ свои взгляды, преисполнился благородіемъ и напалъ на Радищева, съ которымъ прежде поклонялся „вольности“. „Но что же,—спрашиваетъ г. Якушкинъ,—можетъ означать тотъ стихъ въ вариантахъ къ „Памятнику“, гдѣ Пушкинъ, какъ свою историческую заслугу, выставляетъ то, что онъ „вслѣдъ Радищеву возславилъ свободу“? Гдѣ же здѣсь „благонамѣренность“ Пушкина; какимъ образомъ, осуждая Радищева въ своихъ статьяхъ за его свободолюбіе, Пушкинъ въ этомъ знаменитомъ стихотвореніи, въ своей почти лебединой пѣснѣ, свои права на безсмертіе и на благодарность народа ставитъ въ томъ, что славилъ свободу по слѣдамъ того же самаго Радищева?... Такимъ образомъ, гг. критикамъ трудно, во всякомъ случаѣ, по вопросу о Радищевѣ говорить о благородномъ отношеніи Николаевского Пушкина къ автору „Путешествія“; они, понимая статьи Пушкина о Радищевѣ такъ, какъ они ихъ понимаютъ, должны возводить на Пушкина тяжкое обвиненіе въ вѣроломномъ двуличіи: онъ, по мнѣнію критиковъ, въ своихъ статьяхъ, приготовляемыхъ для печати, осуждаетъ взгляды Радищева, въ своихъ задушевныхъ стихахъ хвалится своимъ единомысліемъ съ нимъ. Это было бы благородіе особаго рода, причемъ, конечно, ужъ не можетъ быть и рѣчи о сопричисленіи Пушкина къ сонму враговъ Радищева; тутъ ужъ нѣтъ новыхъ авторитетныхъ обвиненій противъ Радищева, а самъ Пушкинъ подпадаетъ тяжкому обвиненію въ лицемеріи и двоедушіи. Развѣ иначе можно объяснить противорѣчивыя возрѣнія на Радищева въ статьяхъ и въ стихахъ? Да, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое несогласное противорѣчіе? Въ смыслѣ стиховъ нельзя сомнѣваться; но вѣрно ли понять смыслъ статей?“

Авторъ именно убѣжденъ, что смыслъ статей до сихъ поръ не былъ правильно понятъ. Г. Якушкинъ припоминаетъ изъ книги Морлеа о Дидро, что англійскій писатель съ удивленіемъ говоритъ о презрительномъ для него обыкновеніи французскихъ писателей прошлаго вѣка прибѣгать къ иносказательнымъ выраженіямъ для замаскированія своихъ нецензурныхъ мыслей. „Мы, русскіе,—говоритъ г. Якушкинъ,—не можемъ раздѣлять благороднаго удивленія англичанина: для насъ совершенно понятно употребленіе иносказаній въ

литературномъ языкѣ. Иносказательный языкъ, „эзопскій“, какъ его называютъ сатирикъ, давно уже составляетъ особенность нашей литературы. Вотъ этотъ-то иносказательный языкъ и надо дешифровать, чтобы понять истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ. И затѣмъ авторъ подробно разбираетъ обѣ статьи Пушкина по ихъ содержанию и способу выраженія, и приходитъ къ полной увѣренности, что въ обѣихъ статьяхъ гораздо меньше возраженій и осужденій Радищева, чѣмъ скрытаго полу-высказаннаго сочувствія; что, говоря о такомъ опасномъ предметѣ, какова была книга Радищева, писатель 30-хъ годовъ долженъ былъ употребить всѣ предосторожности, долженъ былъ снять съ себя, въ глазахъ цензурныхъ судей, всякое подозрѣніе въ сочувствіи къ заблужденіямъ Радищева; и если только цѣною отреченія отъ этихъ заблужденій онъ могъ приобрести право что-нибудь сказать о Радищевѣ, то понятно, какъ мы должны смотрѣть на статьи, писанныя въ подобныхъ условіяхъ. Пушкинъ, какъ извѣстно, даже не получилъ этого права говорить о Радищевѣ. Авторъ приводитъ рядъ выраженій Пушкина, которыя должны пониматься, именно, какъ вынужденныя. Напр., Пушкинъ прочелъ книгу случайно, отъ дорожной скуки; книга оказалась скучная—г. Якушкинъ справедливо замѣчаетъ, что Соболевскій (у котораго Пушкинъ будто бы взялъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“) на самомъ дѣлѣ и у себя дома, безъ сомнѣнія, держалъ эту книгу, тайно запертавъ ее, и Пушкинъ не взялъ бы ее въ дилижансъ; книга „скучная“, потерявшая свою „заманчивость“, разумѣется, не можетъ быть опасна. Далѣе, въ книгѣ есть „дерзость выраженія“, но эта дерзость была неподлежаващій спору фактъ, бывшій причиною ея осужденія, и т. п. Во всемъ этомъ г. Якушкинъ видитъ только неизбѣжные эпитеты, обязательныя фразы, ширмы, за которыми Пушкинъ пряталъ свою настоящую мысль, но которыя не говорятъ ничего существеннаго о самомъ содержаніи книги. Но только принявъ все это въ расчетъ, и можно, по мнѣнію автора, угадать настоящую мысль Пушкина. Къ этой „скучной“ книгѣ Пушкинъ возвращается, однако, нѣсколько разъ; два раза пишетъ о ней цѣлыя статьи, разнымъ образомъ подступая къ этой темѣ; дѣлаетъ изъ книги обширныя выписки и, когда приводитъ ея настоящія существенныя мысли, то далеко не прилагаетъ къ нимъ тѣхъ укорищенныхъ эпитетовъ, какіе дѣлалъ раньше неопредѣленно и огуломъ,—напротивъ. Собственно говоря, Пушкинъ только три раза возражаетъ Радищеву: во-первыхъ, о Ломоносовѣ (здѣсь дѣло идетъ не объ общественныхъ убѣжденіяхъ Радищева, а объ литературныхъ), потомъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость), наконецъ, объ этикетѣ (Пушкинъ считаетъ придворный этикетъ нужнымъ); но и здѣсь многія мысли

Пушкина не совсѣмъ подходятъ къ тому, что восхваляютъ въ немъ новѣйшіе критики, одобряющіе „строгое“ отношеніе Пушкина къ писателю XVIII-го вѣка. Въ другихъ случаяхъ Пушкинъ высказывается за и противъ Радищева, а иногда прямо соглашается съ нимъ.

„Главное содержаніе книги Радищева,—говоритъ г. Якушкинъ,—крестьянскій вопросъ; этотъ же вопросъ занимаетъ главное мѣсто въ статьѣ: „Мысли на дорогѣ“. Въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ Пушкинъ, съ нѣкоторыми оговорками, принимаетъ вездѣ мнѣнія „преступной книги“, раздѣляетъ ея „дерзкія мечтанія“, оправдываетъ ея „мрачныя картины“. Такъ, въ главѣ IV (Черная Грязь, стр. 208), Пушкинъ, сдѣлавъ выписку изъ „Путешествія“, передающую „изрядный опытъ самовластия дворянскаго надъ крестьянами“, по поводу ея замѣчаетъ: „Радищевъ горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей относительно насильныхъ браковъ крестьянъ“ и затѣмъ самъ приводитъ теперь столь извѣстный примѣръ подобнаго брака „по, страсти“. Въ слѣдующей главѣ, выписывая изъ Радищева описаніе рекрутскаго набора и сопряженныхъ съ нимъ злоупотребленій, Пушкинъ, оправдывая наборы необходимостью военной защиты для государства, говоритъ о необходимости помѣщикамъ своею просвѣщенною властью заботливо смягчить неизбежное зло и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ нападки Радищева на торговлю рекрутами. Въ другомъ мѣстѣ (VIII, Мѣдное. 216), заимствуя изъ „Путешествія“ рассказъ о продажѣ людей съ публичнаго торга, Пушкинъ обрываетъ выписку, прибавляя отъ себя: „слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ и искреннихъ мечтаніяхъ..., съ которыми на сей разъ соглашаюсь по-неволѣ“.

Такимъ образомъ, Пушкинъ вообще относился сочувственно къ идеямъ Радищева, но старался прикрыть это сочувствіе часто повторяемыми порицаніями. Первая статья его объ этомъ предметѣ („Мысли на дорогѣ“), написанная въ 1833—34 году, осталась недописанной, и Пушкинъ, кажется, не сдѣлавъ и попытки провести ее черезъ цензуру. Черезъ нѣсколько лѣтъ, приготовляясь къ изданію „Современника“, Пушкинъ написалъ вторую статью—очевидно, что тема очень занимала его. Здѣсь довольно подробно рассказана біографія Радищева, для которой онъ собираетъ матеріалы, находившіяся тогда только въ рѣдкомъ рукописномъ обращеніи (выписки изъ записокъ Храповицкаго, изъ записокъ княгини Дашковой); онъ воспользовался и такими матеріалами—можетъ быть, рукописными, можетъ быть, взятыми изъ устныхъ преданій—которые, помимо статей Пушкина, остаются до сихъ поръ неизвѣстны. Пріемъ изложенія

остается тотъ же. Статья представляетъ опять не мало общихъ осужденій: книга Радищева есть „сатирическое воззваніе къ возмущенію“; это—книга посредственная, написанная варварскимъ слогомъ, наполненная преувеличенными и пошлыми сѣтованіями; Радищевъ есть „истинный представитель полупросвѣщенія“; напечатаніе книги казалось Пушкину „преступленіемъ ничѣмъ не извиняемымъ“, —но все-таки въ Радищевѣ, по словамъ Пушкина, видѣтъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное самоотверженіе, рыцарская совѣстливость; среди заблужденій его признается отвращеніе отъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды, благоразумныя мысли, которыхъ не было нужды облекать въ бранчивыя и напыщенные выраженія. Такимъ образомъ, здѣсь Радищевъ упрекается уже только за форму выраженія, а не за самыя дерзкія мечтанія. Вообще, осужденія Радищева въ статьяхъ Пушкина были только частью его настоящимъ мнѣніемъ, но гораздо больше—вынужденною уступкой. Задумевныя стремленія Пушкина, чуть не съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія, заключались въ томъ, чтобы примирить правительство съ идеей просвѣщенія и разсѣять опасный предразсудокъ о вредѣ этого просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ и свои замѣчанія о неумѣренномъ тонѣ книги Радищева. „Радищевъ,—говоритъ Пушкинъ,—какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было бы представить правительству и умнымъ номѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой бессмысленной управы; а съ другой, чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой и преступной?“

Если бы статьи Пушкина были напечатаны,—замѣчаетъ нашъ авторъ,—онѣ составили бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени; это была первая попытка создать русскую публицистику въ Николаевскую эпоху. Попытка не удалась, и не по винѣ Пушкина...

Было бы долго останавливаться на всѣхъ подробностяхъ любопытной статьи г. Якушкина. Для подкрѣпленія своихъ выводовъ по этому частному вопросу, онъ останавливается далѣе на другомъ, не менѣе спорномъ вопросѣ—на отношеніяхъ Пушкина къ его дружескому кругу 20-хъ годовъ и къ ихъ идеямъ, отношеніямъ, которыя

всего чаще истолковываются какъ увлеченіе легкомысленной молодости, совершенно покинутое и отвергнутое въ эпоху зрѣлой мысли. Г. Якушкинъ отрицаетъ и это очень распространенное положеніе: рядомъ свидѣтельствъ самого Пушкина и его сочиненій авторъ утверждаетъ, что Пушкинъ всегда оставался вѣренъ основнымъ идеямъ своей молодой поры, лишь видоизмѣнивъ ихъ выраженіе по обстоятельствамъ времени и сдѣлавшись оппортунистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Такія соображенія уже были высказываемы; но г. Якушкинъ дѣлаетъ новый подборъ фактовъ и даетъ своему взгляду столь категорическую форму, что вопросъ, кажется, долженъ наконецъ выйти изъ области спорныхъ предположеній въ прочному выводу.— Относительно статей о Радищевѣ, г. Якушкинъ въ первый разъ поставилъ дѣло ясно и въ сущности вѣрно. Замѣтимъ только одно: едва ли не былъ правъ тотъ критикъ, который находилъ, что Пушкинъ „перехитрилъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же статьи Пушкина производили почти на всѣхъ новѣйшихъ критиковъ впечатлѣніе враждебныхъ Радищеву, почти совершенно отрицающихъ его историческую заслугу и вообще такихъ, гдѣ вынужденной уступкой являлись не порицанія, а похвалы. Послѣдній объектъ литературнаго произведенія есть все-таки читатель: мы видѣли, какое впечатлѣніе оставляли статьи Пушкина въ читателяхъ, не совсѣмъ неопытныхъ, какъ г. Анненковъ и послѣдующіе историки литературы, повторявшіе его сужденія. Необходимо было, разумѣется, разъяснить отсутствіе солидарности Пушкина съ г. Галаховымъ, Сухомлиновымъ, Порфирьевымъ и пр., но надо и согласиться, что статьи Пушкина, при всей ихъ важности по своему времени, все-таки по упомянутымъ обстоятельствамъ были неясны, а съ другой стороны, по существу, оставляли въ вопросѣ много темнаго—напр., его сторону историко-психологическую... Во всякомъ случаѣ, однако, статья г. Якушкина составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ разъясненіе нашего великаго поэта.

Не лишена интереса и другая статья, названная выше, въ главѣи—о Пушкинскомъ „Демонѣ“. Воспользовавшись тѣмъ матеріаломъ, какой доставляютъ теперь рукописи Пушкина для объясненія многихъ подробностей его творчества, г. Поливановъ указываетъ связь „Демона“ съ другими произведеніями Пушкина и объясняетъ настоящее значеніе стихотворенія, которое прежде давало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Мы думаемъ только, что было бы приличіе говорить другимъ тономъ о Бѣлинскомъ, который теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, все-таки остался лучшимъ объяснителемъ художественной стороны Пушкина,—тѣмъ больше, что, имѣя въ распоряженіи много новыхъ біографическихъ данныхъ и рукописи Пушкина,

которыхъ Вѣдлинскій не видалъ и не могъ видѣть, не мудрено было отмѣтить нѣкоторыя новыя подробности въ исторіи этого произведенія. Въ своемъ общемъ взглядѣ на развитіе идей Пушкина, г. Поливановъ держится той же теоріи объ юношескихъ заблужденіяхъ и позднѣйшемъ „благоразуміи“ нашего поэта, и статья г. Якушеина можетъ и на этотъ разъ послужить полезнымъ коррективомъ. — А. Н.

— А. Свирщевскій, Подоходный налогъ, Москва, 1886 г.

Исслѣдованіе г. Свирщевского появилось въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Введеніе подоходнаго налога стоитъ у насъ на очереди и составляетъ только вопросъ времени; необходимо бороться противъ предрасудковъ, ему враждебныхъ, разъяснять теоретическія его основы и условія осуществленія его на практикѣ. Всѣ эти задачи исполнены г. Свирщевскимъ съ большою полнотою и несомнѣннымъ талантомъ. Общія разсужденія о налогоспособности и о свободномъ доходѣ составляютъ твердый фундаментъ, на которомъ строится все остальное: освобожденіе отъ налога небольшихъ доходовъ, достаточныхъ только для покрытія первыхъ жизненныхъ потребностей, неодинаковое обложеніе доходовъ фундированныхъ (прочныхъ, постоянныхъ) и нефундированныхъ (временныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ), уменьшеніе налога для лицъ, обремененныхъ семействомъ, необходимость прогрессивнаго возрастанія налога. Последняя глава посвящена обстоятельному разбору различныхъ способовъ вычисленія подоходнаго налога, подлежащаго взысканію съ важдаго отдѣльнаго плательщика. Пожалѣть можно только объ одномъ: авторъ не даетъ полнаго обзора цифръ, выражающихъ собою роль подоходнаго налога въ современныхъ западно-европейскихъ бюджетахъ. Общій выводъ исслѣдованія формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: „истинный и рационально устроенный подоходный налогъ долженъ падать, по прогрессивной скалѣ, на реальный, свободный доходъ всѣхъ жителей государства, опредѣляемый на основаніи собственныхъ декларативныхъ показаній плательщиковъ; при этомъ овладѣть налогомъ долженъ понижаться для лицъ, получающихъ временные нефундированные доходы и вообще находящихся въ условіяхъ, которыя уменьшаютъ ихъ налогоспособность“. Съ этой формулой мы можемъ только согласиться, ничего къ ней не прибавляя и ничего изъ нея не исключая; замѣтимъ лишь, во избѣжаніе недоразумѣній, что авторъ допускаетъ повѣрку собственныхъ показаній плательщика, допускаетъ ее какъ со стороны мѣстныхъ выборныхъ комиссій, такъ и со стороны правительственныхъ агентовъ. О немедленной

замѣнѣ подоходнымъ налогомъ всѣхъ остальныхъ, или хотя бы только всѣхъ косвенныхъ налоговъ, г. Свирщевскій не мечтаетъ; но онъ видитъ въ немъ, и вполне справедливо, „могучій элементъ прогресса въ податной системѣ“, незамѣнимое подспорье „въ отиѣнѣ налоговъ вредныхъ, въ пониженіи налоговъ тяжелыхъ, въ реформѣ налоговъ несовершенныхъ“. Предубѣжденія, противоудѣствующія введенію и развитію подоходнаго налога, исчезаютъ, въ послѣднее время, съ замѣчательною быстротою. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, — говоритъ г. Свирщевскій, — подоходный налогъ составлялъ явленіе исключительное, считался ненавистной, инквизиціонной формою обложенія, годной развѣ для защиты отечества въ минуту опасности, но вредной для благосостоянія страны, для ея репутаціи и авторитета за границей. Теперь онъ существуетъ почти во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, кромѣ Франціи и Россіи, и находитъ ревностныхъ защитниковъ между экономистами всѣхъ народовъ. У насъ къ нему проложена дорога налогомъ на процентныя бумаги и дополнительнымъ обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий; остается только продолжать движеніе, приступъ къ которому составляетъ главную заслугу бывшаго министра финансовъ.

— К. Лодыженскій, Исторія русскаго таможеннаго тарифа. С. Петербургъ, 1886 г.

Сочиненіе г. Лодыженскаго имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ изслѣдованіе г. Свирщевскаго. Послѣднее написано *ad probandum*, первое—только *ad pagandum*; г. Свирщевскій—горячій сторонникъ изучаемаго имъ налога, г. Лодыженскій систематически сохраняетъ нейтралитетъ между свободой торговли и протекціонизмомъ. Стремленіе къ строгой, объективности дѣлаетъ книгу г. Лодыженскаго нѣсколько безцвѣтной, обращаетъ ее, мѣстами, въ складъ фактовъ, связанныхъ между собою чисто внѣшнею связью; но самыя факты такъ важны и, въ совокупности своей, такъ мало извѣстны, что въ пользу труда, предпринятаго г. Лодыженскимъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Остается только желать, чтобы онъ довелъ исторію нашей таможенной политики до настоящаго времени; теперь предѣльной ея точкой является у него тарифъ 1868 г., но подробное изложеніе обрывается еще раньше, на тарифѣ 1857 г. Любопытно прослѣдить, какъ давно уже идетъ, у насъ въ Россіи, агитація противъ крайностей протекціонизма. Возникнувъ въ самомъ началѣ столѣтія, подъ вліяніемъ идей Адама Смита, она принимаетъ очень скоро практической характеръ, заимствуетъ свое оружіе не изъ однихъ только отвлеченныхъ разсужденій, а изъ данныхъ современной

дѣйствительности. Въ письмѣ, написанномъ около 1812 г.—т.е. во время безусловнаго господства запретительной системы,—всѣ жители Россіи дѣлятся на три категоріи. Самая обширная, составляющая около 99% населенія—это люди, которые принуждены платить двойныя и тройныя цѣны за предметы хотя и не первой необходимости, но путемъ долгой привычки вошедшіе во всеобщую нужду. Вторая категорія, очень малочисленная, состоитъ изъ такихъ людей, которые, будучи въ сношеніяхъ съ контрабандистами, добываютъ запрещенные товары за дешевую цѣну. Третью категорію, наконецъ, образуютъ спекулянты-монополисты, назначающіе произвольныя цѣны на товары и наживающіеся на счетъ потребителей, отданныхъ имъ въ жертву. Болѣе точное опредѣленіе потребительскихъ жертвъ сдѣлано, въ 1813 г., самимъ министромъ финансовъ (гр. Гурьевымъ). По его расчету, за одни сукна потребители переплачивали ежегодно, вслѣдствіе запрещенія привоза, лишніе двадцать-четыре милліона рублей! Въ такой же пропорціи происходила переплата и за шерстяныя и бумажныя матеріи... Въ концѣ десятилѣтія, къ которому относятся эти отзывы, запретительная система была оставлена, но переходъ къ сравнительно невысокимъ пошлинамъ совершился слишкомъ рѣзко и быстро, вслѣдствіе чего опять произошла реакція, и тарифъ 1819 г. уступилъ мѣсто тарифу 1822 г., надолго прикрѣпившему въ Россіи строгій протекціонизмъ. Представителемъ этого направленія сдѣлался графъ Канкринъ, около двадцати лѣтъ стоявшій во главѣ министерства финансовъ. Какъ ни соответствовали упорный консерватизмъ и общему характеру эпохи, и личнымъ свойствамъ вліятельнаго министра, безусловно-неподвижнымъ таможенное законодательство, между 1822 и 1843 г., все-таки не было; запретительныя статьи тарифа 1822 г. были, въ это время, болѣею частью отменены, многія пошлины—понижены. Неизмѣннымъ оставалось только безусловное покровительство русскому производству, посредствомъ сохраненія высокихъ пошлинъ на иностранные товары. Когда настала пора обновленія таможенной политики, величина суммы, ежегодно переходившей изъ рукъ народа въ карманы покровительствуемыхъ фабрикантовъ, опредѣлена была въ 1 руб. 65 коп. съ души, или въ 10 рублей съ семейства! Неудивительно, что первые удары ультра-протекціонизму были нанесены еще въ царствованіе Императора Николая (тарифъ 1850 г.), и что эпоха реформъ была, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпохой дальнѣйшаго приближенія къ свободѣ торговли (тарифъ 1857 г.).—К. К.

ЗАМѢТКА.

ВАРИАНТЫ И НОВЫЕ СТИХИ ВЪ ТЕКСТѢ „ГРАФА НУЛИНА“, А. С. ПУШКИНА ¹⁾.

Въ послѣднемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина (въ восьмомъ, 1882 г.), г. Ефремовымъ сдѣланы значительныя поправки и дополненія въ текстѣ „Графа Нулина“ по передѣланной рукописи, сохранившейся у князя П. П. Вяземскаго. Перебѣлена ли эта рукопись самимъ Пушкинымъ и насколько она болѣе перебѣлена той, которую владѣемъ мы,—не имѣвъ случая видѣть ее, мы не можемъ судить. Несмотря, однако, на вышеупомянутыя поправки и дополненія г. Ефремова въ нашей рукописи, мы находимъ еще множество вариантовъ и болѣе 40 стиховъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ. По странной случайности, „Графъ Нулинъ“ подвергался, очевидно, наибольшимъ исправленіямъ, — отчасти, быть можетъ, по собственной волѣ автора, отчасти — по совѣтамъ друзей. Затѣмъ, текстъ искаженъ еще редакторскими или даже корректорскими поправками при перепечатаніи; онѣ отразились въ особенности на измѣненіи пунктуаци, которая у Пушкина болѣе характерна и вѣрна, а также и на раздѣленіи нѣкоторыхъ строкъ стиховъ. Трудно и неудобно возстановить первое въ журнальной замѣткѣ, какъ невозможно привести здѣсь всѣ варианты отдѣльныхъ словъ, часто болѣе мѣткихъ, въ качествѣ эпитетовъ. Мы, впрочемъ, постараемся указать, мимоходомъ, и на нѣкоторые изъ нихъ. Въ своемъ изданіи г. Ефремовъ отдѣляетъ незначительныя по объему рѣчи дѣйствующихъ лицъ повѣсти заголовками, именами ихъ. Этого нѣтъ ни въ рукописи, ни въ прежнихъ изданіяхъ, и, по нашему мнѣнію, оно вредитъ плавности хода и архитектурному строю и характеру стиховъ.

Предлагая здѣсь вышеупомянутыя варианты и новые стихи „Графа Нулина“, мы считаемъ долгомъ описать и наружный видъ самой рукописи. Мы нѣсколько даже настаиваемъ на значеніи этого описанія,

¹⁾ Настоящее сообщеніе обѣщано было авторомъ еще въ 1882 г., когда онъ доставилъ въ редакцію новые стихи Пушкина изъ „Вориса Годунова“, при слѣдующемъ письмѣ: „Какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно,—три-четверти библиотеки В. А. Жуковскаго приобрѣтены г. Сибиряковымъ для дара будущему сибирскому университету; остальная четверть этой библиотеки досталась мнѣ отъ сына покойнаго поэта, П. В. Жуковскаго. Въ моемъ собраніи есть рукописи, а между ними и рукописи А. С. Пушкина“, и т. д. Такова же происхожденіе и нинѣ доставленныхъ вариантовъ и новыхъ стиховъ въ текстѣ „Графа Нулина“, А. С. Пушкина.—Ред.

во-первыхъ, потому, что все касающееся Пушкина крайне интересно, и по рукописямъ его можно слѣдить за характеромъ самого автора, а, во-вторыхъ, потому, что желали бы доказать, что предлагаемое открыто не въ какомъ-нибудь спискѣ, сдѣланномъ чужою рукою, причемъ возможно приписываніе автору того, что или вовсе ему не принадлежитъ, или есть только слѣдствіе описокъ, хотя бы и неумышленныхъ. Наша рукопись „Нулина“—небольшая тетрадь въ 8-ю долю листа той же грубой бумаги, на какой писался „Евгеній Онѣгинъ“. Считая, быть можетъ, „нянею“, она вся исписана четкимъ, красивымъ почеркомъ пера Пушкина, безъ всякихъ перерывовъ и съ весьма немногими поправками, сдѣланными карандашомъ. На переднемъ оборотномъ листѣ заглавіе и виньетка выдавлены, видимо, ногтями ¹⁾, а затѣмъ уже обведены карандашомъ.

На самомъ верху листка словъ: „Графъ Нулинъ“—или вовсе не было, или же они стерлись, а пониже выдавлено печатными буквами:

Н О В Ы Й Т А Р К-

В И Н И Й

1 8 2 5

Михайловское.

Слѣдующій листокъ занятъ рисункомъ, сдѣланнымъ карандашомъ и изображающимъ всадника, во всю прыть несущагося на бѣлой лошади, въ сопровожденіи одной такой же собаки. Всадникъ—не мужъ ли Натальи Павловны? Затѣмъ слѣдуетъ непрерывная, какъ уже сказано, рукопись Нулина. Двѣнадцать строкъ слегка перечеркнуты карандашомъ; стихи:

Такъ иногда лукавый воть,
Усатый баловень служанки —

¹⁾ У насъ имѣется собственноручный рисунокъ Пушкина ногтей обокъ пальцевъ. Ногти эти очень длинны и красивы, и какъ будто оправдываютъ стихи:

Быть можно дѣльнымъ человекомъ

И думать о красѣ ногтей...

На правой рукѣ они гораздо короче, чѣмъ на лѣвой. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки нарисованъ его знаменитый перстень съ восточной надписью. Перстень этотъ достался потомъ В. А. Жуковскому, а сыномъ его подаренъ И. С. Тургеневу. Приведемъ здѣсь тѣ строки Пушкина, которыя написаны имъ на томъ же листкѣ, гдѣ нарисованы пальцы, въ числѣ другихъ, еще не разобранныхъ нами и во всякомъ случаѣ къ „Нулину“ не относящихся. Вотъ мысль ихъ:

„Большая часть творимаго добра

„Заключена въ молчаніи объ немъ“.

Затѣмъ, нѣсколько ниже, слѣдующій вариантъ:

„Въ молчаніи должно добро творить“.

только указаны: авторъ, повидимому, еще колебался, отнести ли ихъ къ „Нулину“, или къ „Оиѣгину“¹⁾. Повѣсть оканчивалась стихами:

Смѣялся Лидинъ²⁾, ихъ сосѣдь:
Помѣщенье двадцати-трехъ лѣтъ.

Затѣмъ слѣдуетъ помѣтка:

1825 дек.

13.

Четыре заключительные стиха повѣсти приписаны карандашомъ, очевидно, гораздо позже. Послѣ нихъ—какое-то сложеніе съ подре- деннымъ итогомъ: 380 — приблизительное число стиховъ „Нулина“. На оборотной сторонѣ послѣдняго листка написанъ карандашомъ же вариантъ стиховъ о горничной Парагѣ, указанныхъ Бенкендор- фомъ³⁾.

Приводимъ важнѣйшіе изъ вариантовъ, а также и новые стихи, обозначенные курсивомъ:

Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки *Falvala*⁴⁾,
(*Той, что мадамою была*
При маленькомъ Наполеонѣ).

Любовь Элизы и Армана
Или *Нешастья* двухъ семей —
(*Романъ классическій, старинной*
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Отрада дѣвушки невинной
*Покорной тетушки моей*⁵⁾.
И вмигъ ей душу разбудилъ.
Вдругъ коловольчикъ *прозвонилъ*⁶⁾

И говорить: *Monsieur, courage!*

¹⁾ См. т. III, стр. 188 въ восьмомъ изданіи (1882 г.) сочиненій Пушкина

²⁾ Вѣринъ.

³⁾ См. примѣчаніе во II т., стр. 414, изд. 1882 г.

⁴⁾ Латинскими же буквами у Пушкина написано:

1) *Все d'Arlicourt и Lamartine*

2) Съ романомъ новымъ W. Scott'a, что и понятно при описаніи личности графа Нулина.

⁵⁾ Въ скобкахъ, но не зачеркнуто въ рукописи.

⁶⁾ Въ связи съ этимъ:

Но мимо, мимо звонъ несется (а не звукъ).

*Ужъ ободраясь вина стаканомъ
Французъ кряхтитъ за чемоданомъ,
Ужъ изъ передней двое служъ
Несутъ отъиженный сундукъ
Пока весь домъ шумя хлопочеть.*

*Теперь въ Петрополь ѣдетъ онъ
Съ запасомъ фраговъ, панталонъ ¹⁾
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ.*

*Онъ славу прежнюю въ народѣ,
Ей Богу! поддержаль одинъ.
Проходить вечеръ незамѣтно ²⁾.*

...МНЕЛИТЬ ОНЪ:

Goddam! неужто и влюбленъ?

*Ему не спится — бѣсъ не дремлетъ,
И графа неизвѣстный жаръ
Сильный часъ отъ часу объемлетъ.
Онъ весь кипитъ, какъ самоваръ,
Пока не отворила крапа
Хозяйка нѣжною рукой —
Иль какъ отверстіе вулкана,
Или какъ море предъ грозой,
Или... сравненій подъ рукой
У насъ довольно, но сравненій
Боится мой смиренный геній,
Живѣй безъ нихъ разсказъ простой.*

*Въ потемкахъ пылкій нашъ герой
Теперь воображаетъ живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
Немножко круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
(Деревня лучше всѣхъ румянъ).
Графъ помнить кончягъ ножки нѣжной
И говорить: О, точно такъ!
Она мнѣ ручкою небрежной
Пожала руку... я дуракъ,
Я долженъ былъ остаться съ нею.
Ахъ! разумью, разумью:*

¹⁾ Что ужьстѣе для разнообразія речей.

²⁾ Вмѣсто „непримѣтно“.

*Насъ ожидаютъ — и теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчасъ на себя накинувъ
Свой пестрый шалевой халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиніи новый
Отправился на все готовый. —*

Графъ мѣстной памяти органъ ¹⁾

*Имѣлъ по Галлевой примѣть,
Она въ темнотѣ, какъ и при свѣтѣ,
Нашелъ бы дверь, окно, диванъ.
Она чуть дыханье переводить,
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
(Или боязню) — полъ подъ нимъ
Скрипитъ — украдкой она подходитъ
Къ безмолвной спальнѣ. „Здѣсь она ²⁾
Ждетъ нетерпѣлиемъ полна ³⁾
И умолитъ ее не трудно“ — ⁴⁾.
Глядитъ — однако-жъ это чудно!
Дверь заперта — но графъ слегка
Жметъ ручку мѣдную замка,
Дверь тихо, тихо уступаетъ —
Взошелъ — въ тазу свѣча горитъ,
Хозяйка мирно почиваетъ
Иль притворяется, что спитъ.
Надъясь твердо на прощенье
Графъ падаетъ къ ея ногамъ...
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Себя представить пробужденъ
Натали Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.*

*Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа. Нашъ герой
Ей сыплеть чувства выписныя,
И дерзновенною рукой,
(Совѣсть смутить ее сначала),
Уже коснулся отъяла —
Но что же дѣлаетъ она?
Смятенъ, ужаса полна
Она, коль вприть хронографу ⁵⁾,
Даетъ доверчивому графу,
...пощечину, да, да!
Я правду чисту повестьую —*

¹⁾ „Мѣстной памяти“ — подчеркнуто Пушкинымъ.

²⁾ }
³⁾ } Подчеркнуто у Пушкина.
⁴⁾ }

⁵⁾ Слѣдующіе пять стиховъ читаются въ рукописи съ трудомъ, такъ какъ страница эта сильно пострадала отъ сырости, вѣроятно.

Пощечину; да вѣдь какую!
Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда.
Любовью, бѣшенствомъ пылая,
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Но шпигъ...

*Къ хозяйкѣ какъ ему вѣстись
Не покрасѣе? Что скажетъ ей?
Не лучше-ль—мыслить—въ путь пуститься?
Да неготово колесо —
Какая мука это все!
За чьи грѣхи я погибваю?
Но вотъ его позвали къ чаю.*

Сообщилъ А. Ф. О нягинъ.

Парижъ. 14 (26) января 1887.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го февраля 1887.

Пушкинская годовщина.—Смерть С. Я. Надсона.—Ничто о клеветѣ и клеветни-
кахъ.—Московскій дворянскій „пансіонъ-пріютъ“ и ходатайство бессарабскаго дво-
рянства.—Признаки времени.—Перлы консервативной критики.

Когда эти строки появятся въ печати, чествованіе памяти Пуш-
кина будетъ уже окончено; глубокое впечатлѣніе, имъ вызванное,
заставитъ забыть прискорбную интермедію, ему предшествовавшую.
Мы не хотимъ возвращаться къ ней, да она и не заслуживаетъ вто-
ричнаго пересмотра. И во времена глубокаго варварства, великіе дни
народной жизни всегда оставались подъ охраною такъ-называемаго
„Божьяго мира“—*treuga Dei*, когда всякая вражда должна была
умолкать... Ничто, впрочемъ, не въ состояніи было бы измѣнить вы-
сокую торжественность и святость приближающихся минутъ. Въ
памяти русскаго общества послѣдніе дни истекшаго мѣсяца займутъ
мѣсто рядомъ съ незабвенными іюньскими днями 1880-го года,—не
потому, конечно, чтобы они воспроизвели всю полноту тогдашнихъ
ощущеній, а потому, что они возобновили ореолъ великаго имени,
увеличили связь между Пушкинымъ и его народомъ. Семь лѣтъ
тому назадъ все способствовало обаянію Пушкинскихъ празднествъ:
общая обстановка эпохи „новыхъ вѣяній“, рѣдкое единодушіе ли-
тературныхъ партій, — настоящій „Божій миръ“, — напряженность
движенія, вознесшаго славу Пушкина, послѣ мимолетной реакціи,

на небывалую прежде высоту, обиліе крупныхъ дарованій, принесшихъ тогда свой вкладъ въ поминовеніе поэта. Теперь многое перемѣнилось; нѣтъ больше Тургенева, нѣтъ Достоевскаго, нѣтъ Островскаго; нѣтъ увлеченія, сопряженнаго съ новизною, нѣтъ перемирія или хотя бы затишья въ литературной борьбѣ. Со всѣхъ сторонъ слышатся мрачныя ноты; радостныя ожиданія уступили мѣсто равнодушію или тревогѣ—одна поэзія Пушкина сохранила всю свою чистоту, всю могучую силу; ея царственная власть надъ умами еще разъ обнаружилась въ полномъ своемъ блескѣ. Въ глубину—этой власти больше ужъ некуда расти, она достигла здѣсь крайняго возможнаго предѣла; но за то наступаетъ ея ростъ въ ширину, въ даль, начинается ея побѣдоносное шествіе въ такую область, которой она до сихъ поръ едва касалась. Переставъ быть частною собственностью, творенія Пушкина становятся, въ буквальный смыслъ слова, собственностью русскаго народа. Теперь можно не только мечтать, но и серьезно думать о томъ времени, когда они будутъ въ рукахъ всякаго русскаго грамотнаго человѣка. Многое, безспорно, останется въ нихъ понятнымъ и интереснымъ далеко не для всѣхъ, но многое доступно каждому; не даромъ же цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина давно уже вошелъ въ обиходъ правильно организованнаго народнаго обученія. Дѣло, начатое начальной школой, будетъ приведено къ концу, въ будущемъ, быть можетъ, не слишкомъ уже отдаленномъ, народными читальницами и народной книжной торговлей.

Черезъ четыре года исполнится полвѣка со времени смерти Лермонтова, черезъ семь лѣтъ—со времени смерти Кольцова, черезъ одиннадцать лѣтъ—со времени смерти Бѣлинскаго, черезъ пятнадцать лѣтъ—со времени смерти Гоголя. Вопросъ о приуроченіи литературныхъ празднествъ къ годовщинѣ смерти писателя сохраняется, поэтому, свое значеніе и по минованіи Пушкинскихъ дней, поставившихъ его на очередь въ нашей печати. По какому бы поводу ни чествовалась память великаго человѣка, давно отошедшаго въ вѣчность—по поводу ли дня его рожденія, или дня его смерти, или по поводу открытія ему памятника, — господствующія черты чествованія всегда остаются однѣ и тѣ же. Благодарному воспоминанію о бессмертныхъ заслугахъ незачѣмъ одѣваться то въ пурпуръ, то въ трауръ; когда бы оно ни было вызвано наружу, оно всегда одинаково относится къ тому, кого ужъ нѣтъ. Франція чествовала недавно столѣтнюю годовщину смерти Вольтера, Германія чествовала двумя десятилѣтіями раньше столѣтнюю годовщину рожденія Шиллера; различались ли эти два чествованія одно отъ другаго, было ли первое преимущественно днемъ скорби, въ противоположность послѣднему, какъ дню ликованія и радости? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; мысль о потерѣ въ обоихъ случаяхъ одинаково отступала

на второй планъ передъ мыслью о непреходящемъ наслѣдствѣ, оставленномъ великими покойниками. Иное дѣло, когда впечатлѣніе утраты еще свѣжо; день смерти человѣка, еще недавно бывшаго съ нами, является днемъ печали, не оставляющей мѣста для другого настроенія, и никому, конечно, не приходило до сихъ поръ въ голову отмѣчать 22-ое августа чѣмъ-либо инымъ, кромѣ панихиды по Тургеневѣ. Для Пушкина этотъ періодъ прошелъ давно и невозвратно, и мы не видимъ причинъ, по которой чувство сожалѣнія о преждевременной смерти поэта должно было бы быть болѣе глубокимъ 29-го января 1887-го, чѣмъ оно было 6-го іюня 1880-го, или будетъ 26-го мая 1899-го года, когда исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина.

Незадолго до 29-го января пришло извѣстіе о смерти С. Я. Надсона, самаго симпатичнаго и даровитаго изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ. Оно не было неожиданнымъ; жестокая болѣзнь давно уже двигалась въ неизбѣжному исходу; но все же трудно свыкнуться съ мыслью о такомъ раннемъ концѣ, о неисполненіи надеждъ, которыя, по удачному выраженію одного изъ друзей поэта ¹⁾, „становились уже вѣрой“. Короткая жизнь Надсона—ему только-что минуло 24 года—была бѣдна счастьемъ. Онъ испыталъ много потерь и особенно тяжело чувствовалъ, повидимому, одну изъ нихъ; всѣ изданія его стихотвореній посвящены памяти Н. М. Д—ой („не я пишу,—рукой моею, какъ встарь, владѣешь ты, любя“...). Рано начавъ писать, онъ былъ радушно встрѣченъ сначала небольшимъ кружкомъ, потомъ массою читателей; популярный уже въ то время, когда стихотворенія его печатались лишь въ журналахъ, онъ сдѣлался общимъ любимцемъ, какъ только они вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой. Параллельно съ успѣхомъ, или еще быстрѣе, шло, однако, безостановочное паденіе физическихъ силъ. Оставляя, въ 1884 г., военную службу, онъ хотѣлъ, какъ мы слышали, сдѣлаться учителемъ въ сельской начальной школѣ, но здоровье измѣняло ему уже тогда, и ему скоро оказалась не по силамъ даже болѣе легкая литературная работа въ редакціи „Недѣли“. Съ осени 1884 г. онъ больше не можетъ жить въ Петербургѣ и напрасно ищетъ облегченія то на берегахъ Средиземнаго моря, то на югѣ Россіи. Мысль о смерти преслѣдуетъ его задолго до конца; его страшитъ не новая могила, въ которому онъ иногда рвался въ минуты унынія и безнадежности — ему жаль разстаться съ недосказаннымъ словомъ, съ только-что начатымъ дѣломъ:

„Не за себя скорблю подъ жизненной грозой;
 Не я одинъ погибъ, не находя исхода;
 Скорблю, что я не могъ всей страстью, всей душой
 Служить тебѣ, печаль родимаго народа!..“

¹⁾ См. стихотвореніе г. Круглова: „Памяти С. Я. Надсона“, въ № 20 „Новостей“.

И въ дни, когда моя родная сторона
 Полна умиа, смятенья и испуга,—
 Чтобъ въ пѣснѣ вылиться, душа моя должна
 Красть рѣдкіе часы у жаднаго недуга.
 И больно мнѣ, что жизнь безцѣльно догоритъ,
 Что посреди бойцовъ—я не боецъ суровый,
 А только стонущій, усталый навалидь,
 Смотрящій съ завистью на ихъ вѣнецъ терновый“..

Еще съ болѣею силой то же чувство выражено въ слѣдующихъ строкахъ:

„Нѣтъ, муза, не зови!.. Не увлекай мечтами,
 Не обращай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
 Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
 Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей..
 А жить такъ хочется!.. Страна моя родная,
 Когда-бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..
 Какъ я-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
 На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!..
 Какъ пѣлъ бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
 Громилъ твоихъ враговъ!.. Твой пѣсь сторожевой,—
 Я-бъ жилъ одной тобою, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
 Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!
 Но—поздно!.. Смерть не ждетъ... Какъ туча грозовая,
 Какъ вихрь несетса смерть“..

Поэзія милостива въ своимъ избранникамъ. Затрудняя для нихъ послѣдній шагъ сожалѣніемъ о „недовѣршенныхъ мечтахъ“¹⁾, она вознаграждаетъ ихъ интенсивною способностью наслаждаться, наслаждаться даже тѣмъ, что постепенно меркнетъ передъ ихъ глазами. Въ природѣ, этой общей великой утѣшительницѣ, находилъ успокоеніе и нашъ поэтъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ такія пѣсы, какъ „Отрывокъ“, „Страничка прошлаго“, „Я приглядѣлся къ ней“ (это послѣднее стихотвореніе было приведено недавно въ нашемъ журналѣ, въ статьѣ, посвященной, между прочимъ, послѣднимъ стихотвореніямъ Надсона). Другой опорой для умирающаго служила дружба, преданная дружба нѣсколькихъ лицъ, окружавшихъ его до самой смерти. Здѣсь, зато, былъ источникъ и самыхъ горькихъ минутъ, пережитыхъ больнымъ поэтомъ. Клевета, неотступно шедшая по его пятамъ, заподозрившая его болѣзнь, вынудившая ему въ лицо упрекъ въ притворствѣ, въ выманиванѣ состраданья, не остановилась и передъ его друзьями. Послѣднихъ ея навѣтовъ Надсонъ, къ счастью, уже не видѣлъ; они появились въ печати за три дня передъ его

¹⁾ Намъ пришли на память прекрасныя слова, вложенныя А. Н. Майковимъ въ уста умирающаго Лукана („Три смерти“): „Передо мной, какъ исполнены, недовѣршенныя мечты, какъ мраморъ, ждуть еще единой для жизни творческой черты.. Простите-жъ, чудныя мечтанья! Осуществить я васъ не могъ. О, умираю я какъ богъ, средь начатого міровданья!“

вончиной; но довольно, слишкомъ довольно было и того, что ему пришлось прочесть въ концѣ прошлаго года. Невозможно вспомнить безъ негодованія и омерзения о томъ „нагломъ, дикомъ и безчеловѣчномъ кокоу“¹⁾, который, по выраженію г. Слабичевского, сопровождалъ Надсона до самаго гроба. Умирать — и слышать увѣренія, что это не смерть, а хитро-разсчитанная комедія; умирать — и чувствовать надъ собой и близкими людьми бремя неопровергнутыхъ и трудно опровергаемыхъ обвиненій¹⁾ — ужаснѣе этого трудно себѣ что-либо представить. Теперь, надъ свѣжей могилой, слишкомъ краснорѣчиво отвѣтившей клеветникамъ, они, безъ сомнѣнія, умолятъ; быть можетъ, появится даже сочувственный отзывъ объ угасшемъ дарованіи — но имъ не удастся заставить забыть одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи русской періодической печати...

Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose! Этого золотого правила держатся неуклонно всѣ клеветники, всѣхъ временъ и народовъ; имъ воспользовался и г. Ціонъ, отвѣчая на-дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ на одну изъ прошлогоднихъ хроникъ „Вѣстника Европы“, помѣщенную въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Оставляемъ безъ вниманія всѣ высказанныя имъ „соображенія“ относительно „тлетворнаго“ значенія тяжеловѣсности и унынія, наводимаго журналомъ на читателей, которые какимъ-то чудомъ принимаютъ тѣ качества за основательность его и умѣренность; не возражаемъ также и на то, что, по словамъ г-на Ціона, редакторъ „Вѣстника Европы“ „вотъ уже тридцать или сорокъ (!) лѣтъ, какъ на службѣ и въ печати дѣлаетъ оппозицію (?) правительству. Его оптовая торговля отпѣтными либеральными дѣяніями и фальшивыми революціонными (?) гимнами имѣла всегда главною цѣлью подрывать (!) уваженіе къ главнымъ основамъ государственнаго строя. Я же (т.-е. господинъ Ціонъ) всю мою жизнь какъ на службѣ, такъ и внѣ службы (не во время ли изданія г-мъ Ціономъ бульварной газеты „Gaulois“?), не менѣе послѣдовательно защищалъ эти же самыя основы“. — Имя г-на Ціона и заслуженная имъ „слава“ вполне освобождаютъ насъ отъ всякаго отвѣта на всѣ вышеприведенныя „комплименты“; и цѣль этихъ „комплиментовъ“, и средства, избранныя къ достиженію цѣли — вполне достойны г-на Ціона.

Какъ и три года тому назадъ, сессія дворянскаго собранія въ Москвѣ была открыта, въ половинѣ минувшаго мѣсяца, съ большою торжественностью — и прошла малозамѣченной, не оставивъ по себѣ никакихъ крупныхъ результатовъ. Здѣсь есть, очевидно, какое-то

¹⁾ За нѣсколько дней до смерти С. Я. Надсона, по словамъ г. Слабичевского, умолялъ своихъ друзей защитить его и очистить его имя судомъ чести.

противорѣчіе, коренящееся не въ случайномъ составѣ собранія и не въ личныхъ свойствахъ его руководителей, а въ самомъ положеніи вещей. Дворянство, какъ сословіе, расположено замыкаться въ тѣсномъ кругѣ своихъ особыхъ дѣлъ и интересовъ, не имѣющихъ большого значенія даже для самихъ дворянъ. Опекѣ, выморочныя имѣнія, дворянскіе сборы, немногочисленныя специально-дворянскія благотворительныя учрежденія—вотъ та узкая колея, по которой идетъ, большею частью, дворянское собраніе, прежде чѣмъ закончится своею Haupt-und Staatsaction: дворянскими выборами. Оказывается, вдобавокъ, что не всѣ колеса немногосложной машины дѣйствуютъ съ надлежащею правильностью и желаннымъ успѣхомъ. Не въ привлекательномъ свѣтѣ, напримѣръ, является положеніе дворянскаго „пансіона-пріюта“ въ Москвѣ. Пренія, предметомъ которыхъ онъ служилъ уже въ 1884 г., не привели, повидимому, ни къ чему. Самъ попечитель пріюта призналъ, на этотъ разъ, что тамъ „не все обстоитъ благополучно“; онъ протестовалъ только противъ „коренныхъ ломотъ“ въ устройствѣ заведенія. Гораздо радикальнѣе отнеслись къ вопросу нѣкоторые другіе члены собранія. Одинъ изъ нихъ пришелъ къ заключенію, что „результаты, достигнутыя пріютомъ, далеко не утѣшительны, и что цѣль, какую имѣло дворянство при его учрежденіи, не оправдывается“. Мы узнаемъ изъ рѣчи того же оратора, что вмѣсто восьмидесяти воспитанниковъ, положенныхъ по штату, ихъ насчитывается въ пріютѣ не болѣе шестидесяти, и что въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ изъ числа ста-тринадцати воспитанниковъ, перебивавшихъ въ пріютѣ, окончило курсъ только двадцать-три, а тридцать-шесть были взяты изъ пріюта для перемѣщенія въ другія учебныя заведенія. Тѣмъ началамъ, которыя „должны лежать въ основаніи воспитательной дѣятельности дворянства“, пріютъ „соотвѣтствуетъ только по формѣ“. Другой ораторъ назвалъ пансіонъ-пріютъ „богачельней для дворянскихъ дѣтей“; третій высказался противъ устройства дворянской классической гимназіи, на томъ основаніи, что дворянство не можетъ до сихъ поръ правильно поставить и существующее уже у него воспитательное заведеніе. Опредѣленіе дальнѣйшей судьбы пансіона-пріюта предоставлено особой комиссіи, но неудача одного опыта не помѣшаетъ, повидимому, предпринять другой; комиссіею дворянскаго собранія предположено устроить новое закрытое учебно-воспитательное заведеніе для дѣвицъ дворянскаго происхожденія, подъ названіемъ дворянскаго института имени Императрицы Екатерины Второй.

Если сессія московскаго дворянства не была, да и не могла быть особенно плодотворной, то она прошла, по крайней мѣрѣ, безъ всякой вспышки узко-сословныхъ тенденцій, слишкомъ часто отражающихся въ постановленіяхъ дворянскихъ собраній. Нѣсколько времени тому назадъ харьковское дворянство рѣшило возбудить хода-

тайство объ освобожденіи дворянъ отъ налога на наслѣдства; въ истекшемъ мѣсяцѣ этому примѣру послѣдовало бессарабское дворянство. Такіе факты, повторяющіеся изъ года въ годъ, до крайности характеристичны. Необходимымъ условіемъ полезной общественной дѣятельности служить готовность безропотно исполнять все требуемое государствомъ, въ видахъ народнаго блага. Сословіе, способное играть первую роль въ государственной жизни, не выпрашиваетъ для себя финансовыхъ льготъ, не старается сбросить на другихъ свою долю податнаго бремени; оно понимаетъ, что единственнымъ возможнымъ оправданіемъ специальныхъ правъ могутъ служить специальныя обязанности, отнюдь не освобождающія отъ общихъ. Не знаменателенъ ли тотъ фактъ, что въ земскихъ собраніяхъ, въ которыхъ участвуютъ и дворяне, преобладаетъ, вообще говоря, теченіе, благоприятное уравниенію податной тяготы (припомнимъ переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя и въ особенности результатъ земскаго опроса 1871 г., когда шла рѣчь о замѣнѣ подушной подати другими налогами, упاداющими на всѣ сословія)—а въ дворянскихъ собраніяхъ столь легко торжествуетъ теченіе противоположнаго свойства? Значеніе этого факта усидивается тѣмъ, что громадное большинство въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ почти вездѣ принадлежитъ дворянамъ. Въ отдѣльности взятыя, перенесенныя во всесословную сферу, наши дворяне безъ труда отрѣшаются отъ узкихъ взглядовъ, отъ своекорыстныхъ стремленій; заключенные въ корпоративную рамеку, они становятся, сплошь и рядомъ, односторонними и пристрастными приверженцами самыхъ несправедливыхъ привилегій.

Намъ случалось говорить не разъ объ условіяхъ, при которыхъ должно совершаться развитіе церковно-приходскихъ школъ. Главное изъ этихъ условій—отсутствіе всякой борьбы между церковно-приходской школой и земской или министерской. Настоящее призваніе первой — не вытѣснять или замѣнять послѣднюю, а становиться рядомъ съ нею. Начальныхъ школъ у насъ такъ мало, потребность въ нихъ такъ велика, что одной категоріи ихъ отнюдь не слѣдуетъ распространяться въ ущербъ другой. Зачѣмъ строить на развалинахъ, когда такъ много свободныхъ мѣстъ, зачѣмъ направлять плугъ на вспаханную ниву, когда со всѣхъ сторонъ лежатъ огромныя пространства невоздѣланной земли?... Къ сожалѣнію, на практикѣ народженіе новой школы напоминаетъ иногда французскую поговорку: „ôte-toi de là que je m'y mette“. Вотъ, на примѣръ, какую исторію намъ случилось прочесть на-дняхъ въ „Саратовскомъ Листѣ“. Въ селѣ Балушахъ, балашовскаго уѣзда, саратовской губерніи, съ 1873 г. существовала школа, получавшая содержаніе отчасти отъ

земства, отчасти отъ мѣстныхъ крестьянъ; преподавала въ ней, въ продолженіе пяти лѣтъ, учительница, устроившая руководѣльный классъ для дѣвочекъ и вообще пользовавшаяся хорошей репутаціей. Учащихся въ школѣ, въ продолженіе текущаго учебнаго года, было еще болѣе, чѣмъ прежде. Внезапно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, является приговоръ сельскаго схода о закрытіи училища. Пріѣзжаетъ инспекторъ, созываетъ сходъ, проситъ назначить школѣ прежнее пособіе, хотъ до конца учебнаго года, чтобы дать возможность четырнадцати мальчикамъ выдержать экзаменъ и получить льготныя свидѣтельства; все напрасно: сходъ остается при прежнемъ рѣшеніи. А между тѣмъ, село Баклуши не принадлежитъ къ числу бѣдныхъ; оно обладаетъ пятью питейными лавочками, ренсковымъ погребомъ, двумя трактирами... Причину страннаго рѣшенія, по словамъ корреспондента саратовской газеты, слѣдуетъ искать въ образѣ дѣйствій мѣстнаго священника. Онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ законоучителемъ въ земской школѣ, получая отъ земства и общества сто рублей въ годъ. Съ 1-го января 1886 г. это вознагражденіе было уменьшено на половину. Тогда священникъ отказался отъ законоучительства и задумалъ открыть у себя „школу грамотности“ (т.-е. церковно-приходскую школу). Онъ объявилъ прихожанамъ въ храмѣ, чтобы они приводили своихъ дѣтей къ нему, что онъ будетъ учить ихъ по старому, а не тѣмъ „пустякамъ“, которыми занимаютъ ихъ въ земской школѣ; Божьяго,—сказалъ онъ,—школьныя дѣти ничего не знаютъ (корреспондентъ не безъ основанія спрашиваетъ: чему же училъ ихъ, въ такомъ случаѣ, самъ многолѣтній ихъ законоучитель?). Съ этого времени священникъ продолжалъ говорить противъ земскаго училища и въ церкви, и въ домахъ прихожанъ, и подѣйствовалъ въ особенности на „общественныхъ воротилъ“, для которыхъ „лучше пропить, чѣмъ на училище платить“. На помощь ему явился волостной писарь, что-то имѣвшій противъ учительницы—и сельскій сходъ постановилъ желанное рѣшеніе. Оставляя достовѣрность сообщенныхъ фактовъ на отвѣтственности корреспондента „Саратовскаго Листка“, мы замѣтимъ только, что ничего подобнаго не могло бы случиться, если бы дѣятельность духовенства по открытію церковно-приходскихъ школъ была направлена исключительно на тѣ мѣстности, которыя не обладаютъ правильно организованными начальными училищами (ни казенными, ни земскими, ни частными).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ агитація извѣстныхъ органовъ печати противъ высшихъ женскихъ курсовъ могла считаться признакомъ тревожнымъ. Извѣстнаго рода газетамъ нужно было добиться желанныхъ ограниченій или запрещеній—и для достиженія этой цѣли онѣ не отступали ни передъ какими средствами, усугубляя свои усилія по мѣрѣ того, какъ возрастали шансы успѣха. Теперь,

наоборотъ, возобновленіе агитаціи свидѣтельствуегь, повидимому, о пониженіи — по данному вопросу — реакціонныхъ фондовъ. Между строками, повторяющими старыя клеветы, можно прочесть нѣкоторое безпокойство, нѣкоторыя опасенія за окончательный исходъ кампаніи. Можно догадаться, что результаты разслѣдованія, произведеннаго по отношенію къ таеъ-называемымъ Бестужевскимъ курсамъ, оказались для нихъ благопріятными, что предвзятая мысль не подтвердилась при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Отсюда новыя заподозриванья, новыя запугиванья, отсюда приглашеніе заглянуть за кулисы, т.-е. во внутренній міръ курсистокъ. Желательно было бы знать, какимъ путемъ долженъ произойти самый процессъ заглядыванья? Достаточно ли для этого выслушать—по примѣру приглашающихъ—разказы двухъ курсистокъ, и притомъ именно тѣхъ, показанія которыхъ вошли уже, однажды, въ составъ обвинительнаго акта противъ курсовъ? Нужно ли произвести негласное дознаніе, допросить дворниковъ всѣхъ домовъ и околоточныхъ всѣхъ участковъ, въ которыхъ живутъ курсистки? Нужна ли поголовная исповѣдь курсистокъ—и если нужна, то гдѣ и какъ набрать исповѣдниковъ, чѣмъ обезпечить искренность исповѣдуемыхъ?... „Внутренній міръ“ человѣка — не ящикъ, который можно взломать или открыть подобранымъ ключомъ. Онъ раскрывается лишь самъ собою, медленно, постепенно, при бережномъ прикосновеніи любящей руки. Официальному изслѣдованію подлежатъ только внѣшнія его проявленія, только дѣйствія, а не мысли и чувства. Какъ ведется преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ, какъ оно воспринимается слушательницами, какіе приносятъ плоды (въ видѣ отвѣтовъ, самостоятельныхъ работъ, педагогической или научной дѣятельности) — вотъ что можетъ быть приведено въ совершенную ясность, вотъ гдѣ слѣдуетъ искать единственный надежный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне достаточный матеріалъ для рѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ курсовъ. „Чтеніе въ сердцахъ“ было бы здѣсь крайне опасно не только потому, что оно всегда сопряжено съ ошибками и недоразумѣніями, но и вслѣдствіе неизбежной случайности его результатовъ. Допустимъ, что въ сердцахъ той или другой курсистки была бы усмотрѣна, даже безъ обмана зрѣнія, недостаточная прочность какой-либо „основы“. Оставалось бы еще опредѣлить происхожденіе этой непрочности; оставалось бы узнать, принесена ли она на курсы уже готовою, или приобрѣтена во время и благодаря бытности на курсахъ. Такая задача совершенно неосуществима. Большинство слушательницъ поступаетъ на курсы въ такомъ возрастѣ, когда образъ мыслей, въ главныхъ чертахъ, уже обрисовался и сложился; нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать а priori, что именно курсы привили къ нимъ — или, наоборотъ, поколебали—тотъ или другой взглядъ, то или дру-

гое чувство. Что сказали бы мы о наблюдателѣ, который, задавшись мыслью опредѣлить нравственное вліяніе университета, сталъ бы строить свои сужденія на міросозерцаніи нѣсколькихъ студентовъ, наудачу выхваченныхъ изъ массы? А между тѣмъ, таковъ путь, услужливо рекомендуемый тенденціозными противниками высшихъ женскихъ курсовъ. Подмѣнивъ общій вопросъ о значеніи учрежденія частнымъ вопросомъ о благонадежности нѣсколькихъ лицъ, къ нему прикосновенныхъ, подставивъ на мѣсто широкаго изслѣдованія узкій полицейскій розыскъ, можно придти къ какимъ угодно результатамъ — только не къ истинѣ.

Въ реакціонныхъ журналахъ и газетахъ давно уже отсутствуетъ почти совершенно критическій отдѣлъ. Литературные взгляды этого лагеря приходится искать преимущественно въ театальной хроникѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, т.-е. въ такомъ источникѣ, изъ котораго можно почерпнуть лишь весьма немногое. Сужденія объ игрѣ актеровъ, о разныхъ сторонахъ сценической техники оставляютъ мало мѣста для оцѣнки драматическихъ произведеній, образующихъ, притомъ, только небольшой и сравнительно неважный уголокъ нашей текущей литературы. Тѣмъ не менѣе, намъ случилось найти и здѣсь нѣсколько перловъ, заставляющихъ жалѣть объ обычномъ молчаніи консервативной критики.

Перль № 1-й: рѣчь идетъ о постановкѣ въ московскомъ „народномъ“ театрѣ „народной пѣсни въ лицахъ“, г. Чаева: „Грозный царь Иванъ Васильевичъ“. Хроникеръ находитъ, что этой пьесѣ не мѣсто на сценѣ народнаго театра. „И знаете, почему?“ — спрашиваетъ онъ. „Потому, что съ фигурой Грознаго нужно обращаться очень осторожно, вывода ее на сцену передъ народомъ. Образъ каждаго русскаго царя долженъ, появляясь на сценѣ, являться образомъ свѣтлымъ, быть яркимъ выразителемъ и носителемъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ. Это — простая справедливость; съ одной стороны, справедливость историческаго синтеза по отношенію къ русскимъ государямъ той эпохи, въ предѣлахъ которой, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, разрѣшено выводить на театрѣ вѣнчанныхъ русскихъ особъ. Съ другой стороны — справедливость по отношенію къ народному чувству, для котораго царь является носителемъ и осуществителемъ нравственнаго и государственнаго идеала русскаго народа. Народная гордость и народная любовь требуютъ, чтобы русскій царь, въ своемъ сценическомъ воплощеніи, являлся передъ народомъ не иначе, какъ въ свѣтломъ ореолѣ мудрости и справедливости“. Осторожность, доходящая до извращенія или сокрытія исторической истины, бываетъ иногда, къ несчастью, руководящимъ началомъ театальной цензуры; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ее можно было

власть во главу угла театральной или иной критики. Никакая любовь, никакая гордость не может пострадать отъ изображенія давно-прошедшаго бѣлымъ, когда оно было бѣло, чернымъ—когда оно было черно. Народная душа, какъ бы она ни была навивна — не листъ бумаги, на которомъ можно писать что угодно и какъ угодно. У народа есть свое опредѣленное представленіе о Грозномъ, заимствованное изъ пѣсень, разсказовъ, преданій. Увидѣвъ на сценѣ нѣчто похожее на это представленіе, онъ не будетъ ни удивленъ, ни возмущенъ, ни тѣмъ менѣе поколебленъ въ своихъ вѣзрѣніяхъ; увидѣвъ нѣчто другое, прямо противоположное, онъ подумаетъ, пожалуй, что его морочатъ, что отъ него скрываютъ правду — а развѣ таково должно быть впечатлѣніе, выносимое изъ народнаго театра? Не удивительно ли, дальше, то понятіе о справедливости, въ силу котораго обязательное молчаніе объ одномъ должно вести за собой добровольное молчаніе о другомъ? Во что обратилась бы наша литература, если бы она именно такъ понимала и практиковала справедливость, если бы изъ невозможности сказать правду о недавнемъ она выводила необходимость безмолвія и по отношенію ко всему предшествовавшему? У насъ не было бы, въ такомъ случаѣ, даже „Исторіи Государства Россійскаго“, и Карамзинъ былъ бы осужденъ на подражаніе Голикову. Во что обратилась бы наша сатира, если бы она сказала сама себѣ: я не могу задѣвать всѣхъ и все — ergo, я должна совершенно сложить оружіе? При такомъ самоотреченіи у насъ не были бы, до сихъ поръ, осмѣяны даже Скотинины и Простаковы... Новоявленная въ Москвѣ теорія лицемѣрія, доведенная до своего логическаго конца, угрожаетъ, очевидно, не одному народному театру. Народъ посѣщаетъ не только специально устроенный для него театръ; его привлекаетъ, все больше и больше, и императорская сцена — слѣдовательно, съ нея должны сойти такіа произведенія, какъ „Смерть Іоанна Грознаго“, гр. А. К. Толстого, какъ „Василиса Мелентьева“, или „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, Островскаго. Однажды вступивъ на такую дорогу, остановиться довольно трудно; можно, пожалуй, усмотрѣть и въ „Воеводѣ“ дерзкую хулу на управленіе царя Алексѣя...

Перль № 2-й: разбирается „Самородокъ“, комедія гг. Салова и Ге. Въ этой комедіи выведенъ на сцену „кулакъ“ Обертышевъ, стремящійся (говоримъ словами критика) „пожрать“ дворянское имѣніе и съ этою цѣлью „забирающій въ свои лапы“ сначала отпа-Курганова, потомъ—сына. Когда наступаетъ катастрофа (самоубійство жены Обертышева, влюбленной въ молодого барина), хроникеръ спрашиваетъ себя: кто больше виноватъ — Обертышевъ или Кургановъ, и отвѣчаетъ такъ: „я откровенно сознаюсь, что не вижу за Обертышевымъ никакой (!) вины. Онъ не сдѣлалъ на нашихъ глазахъ ничего беззаконнаго. Очень можетъ быть,

что необыкновенно выгодною покупкой имѣнія онъ нанесъ большой убытокъ Кургановымъ, но это не есть преступное дѣяніе. Обертышевъ не совершилъ ни подлога, ни утайки документовъ; онъ не сдѣлалъ ничего, чего Кургановы не могли бы предотвратить; онъ ихъ ни въ чемъ не обманулъ. Они, эти Кургановы, сами виноваты въ томъ, что заключали контракты и условія, не разумѣя точнаго ихъ разума, силы и пространства“. Другими словами—на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! И это не „адвокатская“ защита, а критика, претендующая на охрану добрыхъ правовъ! Виновать, слѣдовательно—виновать,—замѣтьте, передъ совѣстью; о судебно-уголовной отвѣтственности здѣсь нѣтъ и рѣчи, — виновать только тотъ, кто прямо нарушилъ положительный законъ, кто совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное уложеніемъ или уставомъ о наказаніяхъ! Какими бы ухищреніями и подвохами ни было приобрѣтено имѣніе, вины за приобрѣтателемъ никакой нѣтъ, если только онъ дѣйствовалъ на законномъ основаніи! Вѣдь это не что иное, какъ возведеніе въ теорію—практики Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ! Впрочемъ — „столпы“ всегда пользовались расположеніемъ и сочувствіемъ нашихъ „консервативовъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи.—На поддержаніе сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, и на памятникъ получено:

1) Къ 1-му января 1887 г.	3.944 р. 64 к.
2) % за 1886 г. съ текущаго счета	118 „ 34 „
Всего къ 1-му февраля 1887 г.	4,062 р. 98 к.

ПОПРАВКИ.

Въ январьской книгѣ журнала слѣдуетъ исправить:

Стран.	строч.	Напечатано:	Вмѣсто:
222	1 ст.	печенѣ.	пеленѣ.
336	9 ст.	la crême	la crème
397	9 ст.	„байдуличеть“	„байджистъ“
399 (passim)	14 ст.	Федоровича	Федьковича
404	18 „	Русинская, буковинская	Румынско-буковинская

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1887.

Книга первая. — Январь.

	стр.
Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ.—I.—П. В. АННЕНКОВА	5
Мелочи жизни.—VII.—Портной Гришка.—Н. ПЕДРИНА	80
Императрица Елисавета Петровна.—I-IV.—Изъ посмертныхъ бумагъ Н. И. КО- СТОМАРОВА	61
Недда.—Разсказъ Д. Верга.—Съ итальянскаго.—В. КРЕСТОВСКІЙ (Псевдо- нимъ)	105
Политическія теории Авбата Манли.—Изъ исторіи публицистики XVIII-го вѣка.—В. И. ГЕРБЕ	124
Изъ новеллъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая.—I-VI.—П. Д. БОБО- РЫКИНА	159
Два грѣховодника.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	223
Содержаніе и форма въ новейшей русской поэзи.—Сборники стихотвореній А. Н. Апухтина, С. А. Андреевскаго, С. Надсона и С. Г. Фруга.—Б. К. АР- СЕНЬЕВА	226
Злой геній.—Семейная исторія, У. Коллинза.—Прологъ и часть первая.— I-III.—А. Э.	248
Бодиватва.—Стих. Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО	300
Тенденціозная этнографія.—А. Н. ПЫПИНА	303
Лермонтовъ на смерть А. С. Пушкина.—По подлиннымъ документамъ. П. А. ВИ- СКОВАТАГО	329
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Итоги минувшаго года.—Смѣшанный харак- теръ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ.—Виды на будущее.—Вопросъ о „значеніи“ и „независимости“ нашей печати.—Фабричный бытъ въ от- четахъ фабричной инспекціи.—Проектируемыя постановленія о шантажѣ и о наказуемой несостоятельности.—По поводу отчета государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1885 года	348
Иностранное Овозрѣніе.—Общая характеристика минувшаго года.—Усиленіе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи.—Ми- нистерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣлъ.— Оппозиція въ Германіи военному законопроекту.—Правительственное со- общеніе по вѣшной политикѣ, 3-го (15) декабря.—Болгарскія дѣла	378
Буковина и русины.—Письма съ дороги.—А. Кн.	388
Литературное Овозрѣніе.—„Histoire de l'art Byzantin, par N. Kondakoff.—Древ- ности Минусинскаго музея. Сост. Д. Клеменць.—А. В.	405
Новые томы сочиненій И. С. Аксакова.—А. В.—нѣ	413
Замѣтка.—Новый журналъ сравнительной исторіи литературы.— АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО	431
По поводу статьи Г-на Головацкаго.—А. Н. ПЫПИНА	440
Изъ Общественной Хроники.—Трудность уловить современное настроеніе рус- скаго общества, и вѣроятная причина переменъ въ немъ.—Свобода пе- чати, и заградное свидѣтельство въ ея пользу.—Признаки времени въ дѣятельности земства и въ другихъ сферахъ.—Отвѣтъ г. Модестову.— Post-scriptum	444
Извѣщенія.—I. Отъ Совѣта Петровскаго Общества изсѣдователей Астрахан- скаго края.—II. Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Ка- велана	459
Библиографическій Листокъ.—Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. III.— Исторія города Рима, Грегоровіуса, т. V.—Черезъ дебри и пустыни, Во- риссофера.—Исторія одного маленькаго человека, М. Гальтъ.—Афраія, изъ ром. Милге.—Тысяча и одна ночь.—Сказки З. Топелюса.—Иллю- стрированный словарь, д-ра Л. Семенова	

Книга вторая. — Февраль.

СТР.

Последнее письмо А. С. Пушкина къ А. О. Ишминой, 27-го января 1837 г.—
Снимокъ.
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.—† 29-го января 1837. . . . . I.—XVI

Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ, въ 60-хъ годахъ.—II.—П. В. АННЕНКОВА.	461
Мелочи жизни.—VIII. Дѣвушки.—1. Ангелочекъ.—2. Христова невеста.— 3. Сельская учительница.—Н. ЩЕДРИНА.	478
ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.—V-VI.—Изъ посмертныхъ бумагъ Н. И. КОСТОМАРОВА.	522
Бомарше и его судья.—Опытъ характеристики.—I-III.—АЛЕКСѢЯ Н. ВЕСЕ- ЛОВСКАГО.	562
Смѣльскія впечатлѣнія и картинки.—I-X. Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	599
К. Д. Кавелинъ.—Материалы для биографіи, изъ семейной переписки и воспо- минаній.—VIII. Мое знакомство съ семьей Кавелина и пребываніе въ Петербурѣ.—Д. А. КОРСАКОВА.	608
Изъ новыхъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—VII-XIV.—П. Д. БОБОРЫКИНА	646
Основныя гипотезы физики.—I-VII.—О. Д. ХВОЛЬСОНА.	713
Злой гнѣй.—Семейная исторія. У. Коллинза.—IV-XII.—А. Э.	741
Исторія текста сочиненій Пушкина.—По поводу изданія сочиненій А. С. Пушкина Литературнымъ Фондомъ.—А. Н. ПЫПИНА.	780
Хроника.—Два государственныя росписи.—I. Исполненіе государственной росписи за 1835 г.—II. Государственная роспись на 1837 годъ.—Θ. С.	803
Внутреннее Овозрѣніе.—Перебѣна въ управленіи министерствомъ финансовъ.— Тенденціозное осужденіе и объективная критика прежней системы.— Отчетъ г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1834 г.—Результаты льготъ, данныхъ раскольникамъ закономъ 3-го мая.—Положеніе православія въ предѣлахъ Россіи.—Измѣненія въ уставѣ уголовного судопроиз- водства.—Еще о проектѣ уголовного уложенія.—Газетные слухи.	820
Еще къ вопросу о слияніи властей.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	847
Иностранное Овозрѣніе.—Воинственныя слухи и толки.—Важность разоблаченій князя Бисмарка.—Ошибочныя толкованія его послѣднихъ рѣчей.—Засѣ- данія германскаго парламента и пренія о военномъ законѣ.—Неустой- чивость министерствъ во Франціи и Англии, и причина такого явленія.	853
Литературное Овозрѣніе.—Радищевъ и Пушкинъ, В. Якушкинъ.—„Демонъ“ Пуш- кина, Л. Поливанова.—Подходный налогъ, А. Смирненскаго.—Исторія русскаго таможеннаго тарифа, К. Ладженскаго.—К. К.	870
Замѣтка.—Варианты и новые стихи въ текстѣ „Графа Нулина“, А. С. Пушкина.—Сообщ. А. Θ. ОНЪГИНЪ.	882
Изъ Овщественной Хроникѣ.—Пушкинская годовщина.—Смерть С. Я. Надсона.— Нѣчто о клеветѣ.—Московский дворянскій „пансіонъ-пріютъ“, и ходатай- ство бессарабскаго дворянства.—Признаки времени.—Перлы консерва- тивной критики.	887
Извѣщенія.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Кавелина.	898
Библиографическій Листокъ.—Очерки и рассказы, В. Короленко.—Сочиненія Г. П. Данилевскаго, 5-ое изд.—Самозванцы и низовая вольница, Д. Мор- довцева.—Большіе города, А. А. Исаева.—Ученіе объ уголовныхъ дока- зательствахъ, книга I, Л. Е. Владимірова.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Очерки в сказки Владимира Короленко. Москва, 1887, стр. 402. Ц. 1 р. 50 коп.

Эта книга — крупное, ценное приобретение для нашей литературы. Со времени первых дебатов г. Короленко прошло не больше полутора года, но в течение этого времени он успел занять одно из первых мест между нашими молодыми беллетристами. Его очерки и рассказы требуют подробного разбора, который ни не замедлим представить.

Сочинения Г. П. Данилевскаго (1847—1887 г.). Издание второе, дополненное, в шести томахъ, съ портретомъ автора. Сиб. 1887. Ц. 8 рублей.

В настоящем изданіи два первые тома содержатъ въ себѣ историческіе романы и повѣсти изъ трехъ вѣковъ, XVII, XVIII и начала XIX вѣка, а слѣдующіе три тома заняты бытовыми романами, которые было бы правильнѣе назвать современными, такъ какъ они относятся къ тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ: къ 50-мъ, 60-мъ и 70-мъ годамъ; каждое изъ этихъ десятилѣтія такъ мало походитъ одно на другое, что они могутъ быть названы своего рода „вѣками“. Въ предисловіи авторъ самъ сравниваетъ послѣднее столѣтіе съ нашими послѣдними десятилѣтіями, и находитъ, что современные идеалисты были также „блуждающими голубями въ стаѣ черныхъ воронъ, какъ и знаменитые ихъ предки—Новиковъ и Радищевъ; побѣда осталась не за ними, хотя брошенные ими сѣмена не заглохли. Однимъ праведникомъ, по словословію, спасается цѣлый городъ; идеалистами списались не разъ цѣлыя гибнущія народы. Просвѣщеніе, во словамъ Вильяма, подобно заветному слову испуганнаго. Обществу отрадно вѣрить, что, благодаря неподвижной міру труженникамъ мысли, борющимся за возвышеніе идеала челоѣчества, царство зла не безконечно, и что болѣе и болѣе близится торжество вѣчной правды и добра“. Наши читатели не разъ встрѣчались на страницахъ журнала труды автора, а потому здѣсь воздержимся отъ ихъ оцѣнки; второе изданіе, во всякомъ случаѣ, говорить въ пользу того, что эти труды не принадлежатъ къ тому роду литературы, который называется „genre epiqueux“, и который считается единственно худымъ. Въ новомъ изданіи впервые появляются отрывки изъ изданія „Украинская старина“, романъ „Сожженная Москва“, „Воспоминаніе о Гоголѣ“, „Побѣда въ Ясскую Полюю“ и ии. др.

Самозванцы и понизовая воляница. Историческія монографіи Д. Мордовцева. Изданіе второе. Два тома. Сиб. 1886. 8°. 326 и 270 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Первое изданіе этой книги вышло двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1-67, а отдѣльныя статьи, собранныя въ книгу, появлялись въ журналахъ еще ранѣе: это были первая работы автора. Онъ былъ замѣченъ въ свое время, потому что приобщилъ не мало новаго историческаго матеріала, изъясненнаго г. Мордовцевымъ частію изъ старыхъ рѣдкихъ изданій, а главнымъ образомъ изъ архивныхъ документовъ саратовскаго края, собранныхъ какъ самимъ авторомъ, такъ и Н. П.

Костомаровымъ, и изъ вникшихъ рукописныхъ источниковъ. Свидѣнія этого послѣдняго рода не исчерпаны у насъ и доселѣ, и книга г. Мордовцева сохраняетъ свой историческій интересъ. Но въ-которые отдѣлы этой книги, напр., рассказы о черныгорскомъ самозванцѣ прошлаго вѣка, Степанѣ Маломъ, и о Пугачевѣ, могли бы потребовать поправокъ и дополненій: о Степанѣ Маломъ выѣзаетъ вѣвня свидѣнія (они лишь вкратцѣ упомянуты авторомъ, 1, стр. 66), а о Пугачевѣ явилась цѣлая литература, и довольно безразлично теперь поправалять или допознать Щебальскаго (т. I, стр. 117), когда существовать подробное исследование г. Дубровина. Между прочимъ, послѣдній, въ обзорѣ прежней литературы о Пугачевѣ, отнесся къ показаніямъ г. Мордовцева съ недобрѣемъ; намъ кажется, что подобнаго отзыва не слѣдовало оставлять безъ вниманія. Если авторъ считать замѣчанія критика несомнѣтельными, онъ могъ оставить свой текстъ неизмѣненнымъ, но долженъ былъ объяснить своему читателю недоумѣніе, возбужденное отзывомъ г. Дубровина.

Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. А. А. Исаевъ. Ярославль, 1887. Стр. 74, цѣна 40 коп.

Небольшая брошюра г. Исаева — воспроизведеніе публичной лекціи, прочитанной имъ весной минувшаго года, въ Москвѣ и Ярославлѣ. Она заключаетъ въ себѣ интересный сводъ фактовъ, иллюстрирующихъ наиболее характерныя черты быта современныхъ большихъ городовъ. Обѣ стороны медали освѣщены одинаково полно. Напрасно только авторъ отождествляетъ съ большими городами вивую университетскую жизнь и широкое развитіе печати. Прирѣкъ Германіи удостовѣряетъ, что и то, и другое, вѣроятно въ городахъ средняго размѣра. Правда, что роль послѣднихъ, въ этомъ отношеніи, скорѣе уменьшается, чѣмъ растетъ, но все же она еще далеко не окончена, да едва ли когда-либо и окончится. Ошибается авторъ и тогда, когда похмѣкаетъ слабыя стороны, болѣзненные нервы современной періодической печати, въ число которыхъ ставитъ большого города.

Ученые объ уголовныхъ доказательствахъ. Особенная часть. Книга первая. Личный судейскій осмотръ и заключенія экспертовъ. Л. Е. Владимірова. Харьковъ, 1886. Стр. 136.

О первыхъ частяхъ этого почтеннаго труда мы говорили, въ свое время, въ Литературномъ Обзорѣи нашего журнала. Во вникъ вышедшей части особенно интересно мнѣніе автора о значеніи экспертизъ и экспертовъ. Экспертиза, въ его глазахъ — не доказательство, въ тѣсномъ смыслѣ слова; эксперты должны быть рассматриваемы какъ судьи факта, входящаго въ область ихъ компетентности, какъ научные судьи, приговоры которыхъ является рѣшеніемъ даннаго спеціальнаго вопроса. Правильность такого взгляда, уже не въ первый разъ высказываемаго авторомъ, не можетъ быть названа спорной, но мотивы, приводимые въ его защиту, весьма интересны и заслуживаютъ тщательнаго изученія со стороны нашихъ процессуалистовъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . . .	17 „ — „	10 „	5 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Номеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Сиб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Редакція отвѣчаетъ извѣстиямъ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали водническую сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при пережѣтѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ за границей.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на получение журнала выслаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

